

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

НОВАЯ ИСТОРИЯ ВЬЕТНАМА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1980

Ответственный редактор
доктор исторических наук
С. А. МХИТАРЯН

Работа охватывает период с середины XVII в. до 1918 г. Рассматривается социально-экономическое и политическое положение страны, основные тенденции развития сельского хозяйства, ремесел, городской жизни. Дается развернутая картина крестьянских движений в доколониальный период. Анализируются процесс захвата Вьетнама французскими колонизаторами и его положение в колониальной империи Франции. Особое внимание уделено национально-освободительной борьбе вьетнамского народа. Охарактеризованы различные области вьетнамской культуры.

Н $\frac{10605-086}{013(02)-80}$ 75-80. 0506000000

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980.

OCR – Aspar, 2011. Нумерация сносок соответствует оригинальному изданию.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

Раздел I. Феодалный Вьетнам в середине XVII — середине XVIII в.

Глава 1. Феодалный Вьетнам в середине XVII — первой четверти XVIII в.

Глава 2. Кризис вьетнамского феодального общества и крестьянские восстания (1730—1770)

Раздел II. Вьетнам в эпоху Тэйшонов

Глава 1. Крестьянское восстание Тэйшонов и образование государства Тэйшонов

Глава 2. Государство Тэйшонов

Глава 3. Падение государства Тэйшонов

Раздел III. Вьетнам в первой половине XIX в.

Глава 1. Социально-политическое развитие

Глава 2. Экономическое положение

Глава 3. Внешняя политика

Раздел IV. Вьетнам в период борьбы с французской агрессией (1858—1898)

Глава 1. Захват Францией Южного Вьетнама и освободительная борьба вьетнамского народа

Глава 2. Захват Францией Северного и Центрального Вьетнама и освободительная борьба вьетнамского народа

Глава 3. Движение «кан-вьонг» (1885—1896)

Раздел V. Вьетнам в эпоху империализма и «пробуждения Азии» (1898—1918)

Глава 1. Образование Индокитайского союза. Реформы П. Думера и А. Сарро

Глава 2. Социально-экономическое развитие Вьетнама с конца XIX в. до начала первой мировой войны

Глава 3. Зарождение буржуазно-революционного движения. Начало политической деятельности Фан Бой Тяу и Фан Тю Чиня (1900—1908)

Глава 4. Национально-освободительное движение в 1908—1913 гг. и создание общества «Вьетнам куанг фук хой»

Глава 5. Вьетнам в период первой мировой войны (1914—1918)

Раздел VI. Культура Вьетнама

Глава 1. Наука и идеология

Глава 2. Просвещение

Глава 3. Литература

Глава 4. Театр

Глава 5. Зодчество и изобразительное искусство

Указатель имен

Указатель географических названий

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемый вниманию читателей коллективный труд советских историков-вьетнамистов «Новая история Вьетнама» представляет собой первую в советской исторической науке попытку дать в обобщенном виде научное изложение исторического развития вьетнамского народа с середины XVII в. до первой мировой войны и Октябрьской социалистической революции в России.

Как известно, основным содержанием новой истории человечества является утверждение капитализма в результате буржуазных революций. В связи с этим хронологические рамки новой истории историками-марксистами условно определяются с английской революции XVII в. и до октября 1917 г., т. е. до победы Великой Октябрьской социалистической революции, положившей конец существованию в России капитализма и

открывшей перед человечеством новую эпоху — эпоху социализма и коммунизма. По словам В. И. Ленина, «уничтожение капитализма и его следов, введение основ коммунистического порядка составляет содержание начавшейся теперь новой эпохи всемирной истории»¹.

Во Вьетнаме, как и во многих других странах Азии, из-за ряда причин капиталистические отношения начали развиваться гораздо позднее, чем в европейских странах, а именно в XIX и особенно в начале XX в. По мере развития капитализма разница в Уровне развития между передовыми странами Европы и Азии становилась все более заметной, оказывая растущее влияние на страны Азии, в том числе и на Вьетнам. Несмотря на то что процесс становления капиталистических отношений во Вьетнаме протекал крайне медленно, тем не менее естественное развитие этой страны неуклонно вело к созданию и утверждению капиталистического уклада.

Перерастание с конца XIX в. французского промышленного капитализма в империализм повлекло за собой глубокие социальные изменения и в колониях Франции, в том числе и во Вьетнаме, где переход к империалистическим методам эксплуатации привел к серьезным изменениям в феодальном обществе. Эти изменения нашли свое выражение прежде всего в становлении капиталистических отношений, в зарождении и развитии национально-освободительного движения и в формировании его руководящих сил: пролетариата и буржуазии.

Центральными событиями новой истории Вьетнама были: пробуждение национального самосознания народа под влиянием идей революции 1905—1907 гг. в России, зарождение и развитие национально-освободительного движения в период «пробуждения Азии», Синьхайская революция и первая мировая война 1914—1918 гг., создание первых буржуазно-революционных организаций, ставивших своей целью борьбу против империализма и феодализма, за установление буржуазно-демократической республики.

Основными движущими силами антиколониального движения во Вьетнаме в рассматриваемый исторический период были: крестьянство, зарождающаяся и развивающаяся буржуазия и пролетариат, патриотически настроенные солдаты колониальной армии. Руководителем национально-освободительного движения выступала прогрессивная часть феодальной интеллигенции — шифу,— постепенно переходившая на позиции буржуазного национализма.

Методологическую и теоретическую основу «Новой истории Вьетнама» составили труды классиков марксизма-ленинизма. В классических произведениях К. Маркса и Ф. Энгельса вскрыта сущность колониальных захватов и колониальной эксплуатации, показаны причины возникновения освободительного движения в колониях в эпоху промышленного капитализма. Труды К. Маркса и Ф. Энгельса «Святое семейство», «Манифест Коммунистической партии», «Нищета философии», «Капитал», «Положение рабочего класса в Англии» и многие другие помогли авторам данной книги разобраться в вопросах зарождения и развития пролетариата и буржуазии, в причинах возникновения рабочего и национально-освободительного движения.

В. И. Ленин, теоретически развивший марксизм в эпоху империализма и пролетарских революций, изложил учение об империализме и дал четкую теорию национально-освободительных революций как неотъемлемой составной части всемирной борьбы международного рабочего класса за социализм. В. И. Ленин показал, что развитие национально-освободительного движения в эпоху империализма было обусловлено постоянным расширением сферы колониального грабежа, усилением колониальной эксплуатации народов колониальных и зависимых стран.

В. И. Ленин пророчески предсказал историческую неизбежность крушения колониальной системы империализма, а также национального освобождения угнетенных

---

¹ В. И. Ленин. О борьбе внутри итальянской социалистической партии.— 41, с. 425 (Произведения В. И. Ленина даются по Полному собранию сочи-й.)

народов. Союзником русской революции В. И. Ленин считал пролетариат Европы и США, а в Азии — народы колоний и полуколоний. «Вслед за русским движением 1905 года,— писал В. И. Ленин,— демократическая революция охватила всю Азию — Турцию, Персию, Китай. Растет брожение в английской Индии... Мировой капитализм и русское движение 1905 года окончательно разбудили Азию»².

Учение В. И. Ленина содержит подлинно научный анализ движущих сил национально-освободительных революций. «Большинство народов Востока, — говорил В. И. Ленин, — являются типичными представителями трудовой массы — не рабочими, прошедшими школу капиталистических фабрик и заводов, а типичными представителями трудящейся, эксплуатируемой массы крестьян, которые страдают от средневекового гнета»³. В то же время В. И. Ленину принадлежит идея о прогрессивной роли национальной буржуазии в антиимпериалистической борьбе в странах Востока. В ленинской теории национально-освободительной революции большое значение придается роли рабочего класса колониальных стран. Рабочий класс и его передовой коммунистический авангард играют исключительную роль в деле освобождения народов колоний и полуколоний как от местных, так и от иностранных эксплуататоров. В ленинском учении не только придается большое значение созданию единого революционного фронта пролетариата Запада и национально-освободительного движения народов Востока, но и содержится призыв к сплочению трудящихся колоний и полуколоний в борьбе за свое освобождение. Учение В. И. Ленина о национально-освободительных революциях составило необходимую теоретическую базу для написания V раздела — «Вьетнам в эпоху империализма и „пробуждения Азии“».

«Новая история Вьетнама» в значительной части написана на основе ранее не публиковавшихся документов и материалов. В работе широко использованы вьетнамские хроники, а также вьетнамские, и французские архивы. Так, в разделах I, II и III данного труда впервые в отечественном вьетнамоведении широко привлечены хроники «Вьет шы тхонг зям кьонг мук» и «Дайнам тхык люк», переведенные с древнекитайского языка на современный вьетнамский язык. Хроника «Вьет шы тхонг зям кьонг мук» охватывает период вьетнамской истории с 2879 г. до н. э. по 1789 г. В ней последовательно излагаются сведения об экономике, социальной структуре и о политических событиях во вьетнамском государстве, цитируются различные императорские законодательные акты, содержатся материалы о крестьянских восстаниях и т.д. В хронике «Дайнам тхык люк», охватывающей период истории Вьетнама с 1558 по 1887 г., собран большой фактический материал о династии Нгуенов. Заметное место в ней отводится крестьянскому восстанию Тэйшонов. Важный материал содержится в детальной хронике Нго Као Ланга, посвященной XVII—XVIII вв.

Другим важным источником для написания «Новой истории Вьетнама» послужили документы и материалы архивов СРВ и Франции, а именно Центральный архив Индокитая (бывший архив Французского генерал-губернатора). Основные материалы фондов этого архива, освещающие империалистическую колониальную политику, были вывезены во Францию. Сохранились фонд верховного резидента Тонкина, включающий политические отчеты резидента о положении в Тонкине с 1889 по 1900 г., а также доклады верховного резидента Тонкина генерал-губернатору Индокитая о политическом положении Тонкина с 1904 по 1914 г. В политических отчетах приводится много фактов мужественного сопротивления вьетнамских патриотов французскому вторжению, дана достаточно полная картина социально-экономического положения страны во время русско-японской войны 1904 г., содержатся материалы о движениях «Донг зу», «Донг кинь нгия тхук» и о первых революционно-националистических организациях Вьетнама — «Вьетнам зуи тан» и «Вьетнам фук хой».

² В. И. Ленин. Пробуждение Азии.—Т. 23, с. 145—146.

³ В.И. Ленин. Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г.— Т. 39, с. 329.

Для написания «Новой истории Вьетнама» были также использованы материалы колониальной полиции Индокитая под названием «Антифранцузские выступления в аннамитских странах в 1905—1918 гг.» (в двух томах)⁴.

Многочисленные досье фонда верховного резидента Тонкина рассказывают о карательных операциях французских колонизаторов против крестьянских выступлений, в том числе против выступления под руководством Де Тхама, а также против забастовочного движения рабочих.

Фонды архива Музея революции в Ханое характеризуют революционную борьбу трудящихся против колониального порабощения. Особенно подробно были использованы документы фонда № 1 (1858—1929 гг.), и в частности досье с материалами о крестьянском движении в провинциях Чунгки (Центрального Вьетнама) в 1908 г., о выдающихся вьетнамских патриотах Фан Бой Тяу и Фан Тю Чине.

Для раздела V истории Вьетнама в эпоху империализма и «пробуждения Азии» были широко использованы документы и материалы французского национального архива в Париже⁵. Фактически эти материалы представляют собой документы бывшего министерства колоний Франции. В указанном архиве хранится вся переписка между министерством колоний Франции и французскими генерал-губернаторами Индокитая, а также многочисленные годовые политические, экономические и финансовые отчеты генерал-губернатора Индокитая министру колоний с конца XIX в. и до первой мировой войны, распоряжения и указания министра колоний, информационные материалы об Индокитае, многочисленные досье, относящиеся к внутреннему положению в стране и ее внешним сношениям.

Важное место в работе заняли материалы, хранящиеся в архиве генерал-губернатора Индокитая, который был вывезен из Вьетнама и ныне находится в г. Экс-ан-Прованс (Франция)⁶. В этом архиве хранятся фактически все материалы, относящиеся к Индокитаю (Вьетнам, Лаос и Камбоджа) с момента установления колониального господства и до поражения колонизаторов в этих странах. Из фондов этого архива были использованы досье № 8739, 8741, 8555, 23755, 2765, 21174, 36247, в которых рассказывается о революционном движении во Вьетнаме.

Документы и материалы перечисленных архивов явились ценными первоисточниками и были введены в научный оборот во вьетнамоведческой литературе благодаря содействию государственных организаций СРВ и Франции.

Написанию «Новой истории Вьетнама» во многом способствовало появление в советской и зарубежной марксистской литературе и прежде всего в литературе СРВ, коллективных и индивидуальных монографических исследований, содержащих богатый фактологический материал. Нельзя забывать и того, что новый этап в освещении истории Вьетнама начался с победой Августовской революции 1945 г., создавшей благоприятные условия для развития марксистской историографии. С этого времени в стране уделяется все большее внимание изучению истории своего народа. Еще в годы первой войны Соппротивления в освобожденных районах Северного Вьетнама был опубликован «Макет истории современной вьетнамской революции»⁷, автором которого был известный вьетнамский революционер и ученый Чан Хюи Лиэу. Упомянутый труд явился первой попыткой объективно изложить историю революционной борьбы народа с начала колониального захвата Вьетнама (1858 г.) и до победы Августовской революции.

В ноябре 1958 г. был создан Государственный комитет наук, который обратил особое внимание наряду с другими науками на изучение истории. В состав комитета на первых порах входили как технические, так и гуманитарные институты, в том числе ин-

⁴ L'agitation antifrançaise dans les pays annamites de 1905 a 1918. T. I— II. Confidentiel. Gouvernement general de l'Indochine. Surete generate.

⁵ Les Archives Nationales de la France. Section d'Outre-mer a Paris.

⁶ Archives Nationales depot des archives d'outre-mer Aix-en-Provence.

⁷ Tran Hui Lieu. Ban du thao su cach mang can dal Viet-Nam (1885—1945). Ban su dia, 1951.

ститут истории. В 1958 г. в ДРВ начал издаваться ежемесячный журнал «Изучение литературы, истории и географии» («Ван шы диа»), который в марте 1959 г. был переименован в «Исторические исследования» («Нгиен кыу лить шы»), став органом института истории. На страницах этого журнала печатались и продолжают печататься научные статьи по различным проблемам и периодам вьетнамской истории.

Вьетнамские коллеги проделали большую работу по изучению истории восстания Тэйшонов (1771—1802). Среди изданных на эту тему работ наиболее значительной является монография Ван Тана «Тэйшонская революция» («Кать манг Тэйшон»), вышедшая в свет в 1958 г. В ней дан марксистский анализ возникновения, хода и поражения восстания Тэйшонов. Высоко оценивая это восстание, Ван Тан подчеркивает, что в результате его было покончено с раздробленностью страны и произошло ее объединение. Книга Нгуен Лыонг Битя и Фам Нгок Фунга «Военный гений Нгуена люэ» («Тим хиеу тхиен тай куан шы вуа Нгуен Хюэ»), изданная в ланое в 1966 г., является продолжением изучения эпохи Тэйшонов. В книге содержится богатый материал по политической, экономической и государственной истории страны. Ее авторы использовали опыт своих предшественников, особенно широко вьетнамские и китайские хроники. Работа Нгуен Лыонг Битя и Фам Нгок Фунга обогатила марксистскую литературу по истории восстания Тэйшонов.

В изучении истории захвата Вьетнама Францией (1858—1898) важное место занимает трехтомный труд Чан Ван Зяу⁸, в котором исследуются захват Южного (Намки), Центрального (Чунг-ки) и Северного (Бакки) Вьетнама, а также патриотическое движение «кан-выонг».

В исследованиях ученых СРВ истории своей страны с середины XIX до начала XX в. важное место занимает изучение развития капиталистических отношений, становления и развития антиимпериалистических сил (буржуазии и пролетариата), национального пробуждения. Значительную ценность в деле изучения проблем социально-экономического положения страны представляют такие работы, как «Методы эксплуатации Вьетнама французским капиталом» Нгуен Кхак Дама, «Краткая история развития ремесленного производства во Вьетнаме» Фан За Бена, «Вьетнамская буржуазия в период французского колониального господства» Нгуен Конг Биня и др. В упомянутых исследованиях показаны конкретные формы и методы эксплуатации народных масс французскими монополиями, что выгодно отличает их от трудов французских буржуазных экономистов.

По истории освободительной борьбы во Вьетнаме наиболее ценными являются труды тех вьетнамских авторов, которые непосредственно участвовали в революционном движении. В связи с этим указанные работы могут в известной степени рассматриваться как первоисточники. К таким работам мы относим «Самокритику» Фан Бой Тяу, «Историю 80-летней борьбы против французских колонизаторов» Чан Хюи Лиеу, «Историческую роль Фан Бой Тяу в революционной борьбе вьетнамского народа против французских колонизаторов» Тон Куанг Фиета, «Рабочий класс Вьетнама» Чан Ван Зяу, «Историю вьетнамской революции» Дао Зуи Аня и др.

В 1955—1957 гг. вьетнамский институт истории издал многотомные сборники документов под названием «Современная вьетнамская революция»⁹, содержащие ценный материал по новой и новейшей истории страны.

Исследование различных периодов и проблем позволило нашим вьетнамским коллегам опубликовать обобщающие работы по истории своей страны. Так, в 1960—1963 гг. Ханойский университет издал трехтомный коллективный труд под названием «История вьетнамского феодализма»¹⁰. В 1960—1961 гг. тот же университет выпустил

⁸ Tran Van Glau. Ghong xam laag (1858—1893). Ha-noi, 1956—1957.

⁹ Tai lieu tham khao lich su each mwg can dai Viet-Nam. T. I—XII. Ha-noi, 1955—1957.

¹⁰ Lich su che do phong kign Viet-Nam. T. I—III. Ha-noi, 1960. 1962, 1963.

трехтомный труд, озаглавленный «Новая история Вьетнама»¹¹. В 1971 г. во Вьетнаме была опубликована «История Вьетнама» (том 1 — с древнейших времен до начала XIX в.)¹².

Эти произведения внесли много нового в изучение истории Вьетнама, с марксистских позиций разоблачая колониалистские концепции буржуазных историков.

До 1950 г. отечественное вьетнамоведение делало только первые шаги. Наши ученые располагали крайне ограниченными источниками и материалами по истории этой страны, в силу чего приходилось в основном пользоваться трудами зарубежных, преимущественно французских, авторов, в которых исторические факты нередко фальсифицировались, излагались колониалистские концепции. Однако и в этот период в нашей стране появились первые работы, в которых имеются разделы по новой истории Вьетнама¹³.

Изучение Вьетнама в Советском Союзе практически началось, после установления дипломатических отношений между нашими странами в 1950 г., когда были созданы благоприятные условия для научных контактов и возрос интерес советской общественности к Вьетнаму. Центром вьетнамоведения в Советском Союзе стал Институт востоковедения Академии наук СССР.

За четверть века в нашей стране был опубликован ряд работ по новой истории Вьетнама, среди которых важное место заняло изучение социально-экономического строя вьетнамского феодального государства в XVIII—XIX вв., его политической, административной и военной систем¹⁴.

Исследовано крупнейшее крестьянское восстание Тэйшонов в XVIII в., продемонстрировавшее кризис феодального строя Вьетнама¹⁵. Была изучена также проблема вьетнамо-китайских отношений в XVII—XIX вв.¹⁶; начато изучение истории вьетнамской сельской общины в X—XX вв.¹⁷; значительное внимание уделено изучению проблем национально-освободительного движения¹⁸.

После установления дипломатических отношений между Вьетнамом и СССР советские ученые-вьетнамисты получили широкую возможность непосредственно в стране ознакомиться с источниками, оригинальной литературой и архивными материалами, установить контакты с вьетнамскими учеными-историками и участниками революционного движения, что способствовало более углубленному изучению различных периодов истории этой страны.

Были исследованы проблемы развития капиталистических отношений во Вьетнаме, формирования национального пролетариата и буржуазии, пробуждения национального

¹¹ Lich su can dai Viet-Nam. T. I—III. Ha-noi, 1960—1961.

¹² Lich su Viet-Nam. t. I. Ha-noi. 1971.

¹³ См.: В. Я. Васильева. Индокитай. М., 1947; А. А. Губер. Вьетнам.— Новая история стран Зарубежного Востока. Т. II. М., 1952.

¹⁴ См.: М. А. Чешков. Очерки истории феодального Вьетнама. М., 1967; Д. В. Деопик. Вьетнам в новое время (1660—1858 гг.); А. А. Губер. Вьетнам в новое время (1858—1917 гг.). — История стран Азии и Африки в новое время. М., 1971.

¹⁵ См.: И. А. Огнетов. Восстание Тэйшонов во Вьетнаме (1771 — 1802) М., 1960.

¹⁶ См.: Г. Ф. Мурашева. Вьетнамо-китайские отношения XVII—XIX вв. М., 1973.

¹⁷ А. И. Мухлинов. Вьетнамская сельская община (X в. — первая половина XIX в.).— «Востоочноазиатский этнографический сборник». М., 1961; он же. Вьетнамская сельская община (вторая половина XIX — первая половина XX в.). — Социальная организация народов Азии и Африки. М., 1975.

¹⁸ И. Я. Подкопаев. Очерки борьбы вьетнамского народа за независимость и единство своей страны. М., 1957; С. А. Мхитарян. Борьба вьетнамского народа за национальную независимость, демократию и мир. М., 1957; А. П. Шилтова и В. Ф. Мордвинов. Национально-освободительное движение во Вьетнаме. М., 1958, и др.

самосознания вьетнамского народа, зарождения и развития национально-освободительной борьбы и основные идеологические течения в национально-освободительном движении¹⁹.

В своих трудах советские ученые исследуют богатую историю и самобытную, с многовековыми традициями вьетнамскую культуру, ее взаимодействие и контакты с мировой культурой. В исследованиях советских вьетнамистов разоблачаются измышления буржуазных фальсификаторов, искажающих подлинную историю этой страны.

Труды советских ученых пронизаны чувством глубокого интернационализма, стремлением исследовать процессы исторического, социально-экономического и культурного развития вьетнамского народа с научных и партийных позиций.

Иными по своей методологии и освещению истории Вьетнама являются работы большинства буржуазных, и в первую очередь французских и американских, авторов. Большая часть этих работ имеет преимущественно мемуарный характер. Это воспоминания военнослужащих, принимавших непосредственное участие в колониальном захвате, должностных лиц колониальной администрации, путешественников и миссионеров. Среди них заслуживают упоминания книги Ш. Госслена, Ж. Альберти, А. Томази, П. Думера, И. Л. Ланессана, Ж. Галамбера, П. Паскье, А. Варенна и др.

Труды указанных авторов, как правило, характеризуются крайним субъективизмом в оценке исторических фактов, резкой, непримиримой враждебностью к антиколониальным выступлениям местного населения. Они описывают антиколониальные выступления народных масс тенденциозно, с позиций апологетов колониализма, а их участников — как бунтарей, посмеявшихся подняться против «незыблемости» политического строя колонизаторов. В указанных работах восхваляется «цивилизаторская» миссия империализма в колониях, замалчивается варварская эксплуатация людских и природных ресурсов покоренной страны.

Среди буржуазных историков и экономистов были и такие, как Ж. Масперо, А. Мэйбон, Е. Шасиньо, Е. Тестон, П. Першерон, А. Дюмаре, П. Бернар, Ш. Робэкэн, П. Гуру, Ж. Анри и др., труды которых отличаются объективностью и достоверностью изложенных фактов, широтой охваченного материала и его систематизацией. Однако в этих книгах почти не рассматривались проблемы политической истории или национально-освободительного движения.

Научным центром колониального Вьетнама, так же как Лаоса и Камбоджи, была Французская школа по изучению Дальнего Востока (Л'Эколь франсэз д'Экстрем ориент), основанная в начале XX в., в стенах которой работала большая часть французских буржуазных ученых. Особенно известны имена таких крупнейших ученых, как Ж. Масперо, А. Масперо, Кордые, П. Гуру, Ж. Анри и др. Эти исследователи в своей работе уделяли основное внимание древней и средневековой истории, вопросам археологии, этнографии, географии, литературы и языка.

Проблемы национально-освободительного движения не нашли правдивого освещения и во вьетнамских работах, изданных в период колониального господства. Так, Чан Чонг Ким²⁰, Хоанг Као Кхай и другие вьетнамские авторы излагают историю Вьетнама с позиций французской буржуазной исторической школы. Это главным образом описание правления императорских династий.

Новая история Вьетнама делится на следующие пять периодов: 1) середина XVII — середина XVIII в.; 2) 1771—1802 гг.; 3) 1802—1858 гг.; 4) 1858—1898 гг.; 5) конец XIX в.— 1918 г. Эти пять периодов хронологически совпадают с пятью разделами данной книги.

В разделе I «Феодальный Вьетнам в середине XVII — середине XVIII в.» — рассматривается социально-экономическое развитие Вьетнама, показываются основные

¹⁹ М. А. Чешков. Особенности формирования вьетнамской буржуазии. М., 1968. С. А. Мхитарян. Рабочий класс и национально-освободительное движение во Вьетнаме (1885—1930). М., 1967; Вьетнам. — Зарождение идеологии национально-освободительного движения (XIX — начало XX в.). М., 1973.

²⁰ Tran Trong Kim. Viet-Nam su luoc. Saigon, 1953.

тенденции развития в сельском хозяйстве, аграрных отношениях, ремесле, городской жизни и культуре. Важное место уделяется показу особенностей социально-экономического развития Северного и Южного Вьетнама, где правили феодальные дома Чиней и Нгуенов при номинальном правлении династии Ле. В разделе говорится и о междоусобных войнах между Севером (Дангнгоай) и Югом (Дангчаунг), внутри- и внешнеполитической истории Вьетнама и крестьянских восстаниях в конце XVII—XVIII в.

Раздел II —1771 —1802 гг. — посвящен истории самого крупного крестьянского движения во Вьетнаме — восстания Тэйшонов. В разделе исследуются проблемы развития социально-экономических отношений в этот период, отмечается, что тяжелое положение крестьян приводило к возникновению крупных крестьянских восстаний, самым значительным из которых было антифеодальное восстание Тэйшонов, свидетельствующее о кризисе вьетнамского Феодального общества. В разделе показаны ход восстания Тэйшонов, создание государства Тэйшонов, исследованы социально-экономические реформы в тэйшонском государстве и его внешняя политика. Раздел завершается рассмотрением междоусобной борьбы, приведшей к падению государства Тэйшонов.

Раздел III посвящен периоду 1802—1858 гг., когда после подавления восстания Тэйшонов к власти пришла династия Нгуенов. В нем исследуются: дальнейший процесс социально-экономического развития страны, формы феодального землевладения, становление товарно-денежных отношений в стране, хозяйственных связей между различными частями страны, развитие горнорудных промыслов, ремесла, торговли, городов и т. д. В области внутренней политики Вьетнама уделяется особое внимание процессу образования централизованного государства с элементами абсолютной монархии — становления во Вьетнаме династии Нгуенов.

В разделе исследуются причины и анализируются развитие антифеодальных крестьянских движений, классовый состав повстанческих отрядов, роль выходцев из различных прослоек феодального класса в руководстве движением, причины их участия в нем и т. д. Большое внимание в разделе уделяется развитию общественно-политической мысли Вьетнама — социально-экономическим причинам реформаторских течений, участию в них прогрессивных слоев феодального чиновничества и интеллигенции. В разделе раскрываются отношения Вьетнама с Францией и Китаем в XIX в., а также с сопредельными странами Индокитая — Сиамом и Камбоджей.

Раздел IV начинается с истории вооруженного захвата Вьетнама французскими колонизаторами и охватывает период с 1858 по 1898 г. В главах этого раздела рассматриваются общие причины колониальной экспансии во Вьетнаме и ее этапы — захват сначала Южного, затем Центрального и Северного Вьетнама. Большое внимание уделяется в связи с этим вьетнамо-китайским и франко-китайским отношениям.

В разделе дается характеристика массового народного сопротивления, анализируется классовый состав этого движения, показаны особенности патриотической борьбы на разных этапах ее развития. Специальное внимание в разделе уделено исследованию патриотического движения «кан-выонг» и освободительной борьбы вьетнамского народа в 80—90-е годы. Особенно подчеркивается связь этого движения с освободительной борьбой патриотов Камбоджи. В разделе значительное место уделено развитию общественной мысли во Вьетнаме в этот период.

Раздел V посвящен Вьетнаму в эпоху империализма и «пробуждения Азии» (1898—1918). Этот период истории имеет важное значение для понимания последующего исторического развития Вьетнама.

Раздел открывается главой о социально-экономическом развитии Вьетнама с конца XIX в. до начала первой мировой войны. Здесь рассматривается переход Франции к новому этапу в развитии колониальной эксплуатации Вьетнама — к внедрению во Вьетнаме французского торгового и промышленного капитала, исследуются общие вопросы

развития капитализма во Вьетнаме в своеобразных условиях полуфеодальной и колониальной страны. В главе анализируется вопрос о зарождении и развитии вьетнамской национальной буржуазии и появлении первых отрядов вьетнамского промышленного пролетариата.

Большое внимание уделяется анализу французской системы колониального управления, специфике французского административного аппарата, его связи с местными административными службами его роли в практическом осуществлении французской колониальной политики во Вьетнаме.

В специальной главе раздела рассматривается развитие национально-освободительного движения во Вьетнаме до первой мировой войны, обращено особое внимание на влияние русской революции 1905—1907 гг. на национально-освободительную борьбу во Вьетнаме. Подробно характеризуется деятельность Фан Бой Тяу — идеолога антифранцузской вооруженной борьбы и первой политической организации Вьетнама — «Вьетнам зуй тан», раскрывается социальное содержание движения за социальные реформы и показана деятельность «Донг кинь нгиа тхук». Здесь разбираются взгляды и деятельность Фан Тю Чиня — лидера антифеодального реформаторского крыла национально-освободительного движения. В главе отмечается различие во взглядах и методах борьбы между Фан Бой Тяу и Фан Тю Чинем. В заключение подчеркивается влияние освободительных и просветительных идей «Вьетнам зуй тан» и «Донг кинь нгиа тхук» на широкие народные массы, пробудившиеся к вооруженной борьбе с угнетателями.

В разделе анализируются вооруженные выступления во Вьетнаме против колониально-феодального режима в 1908—1913 гг. Большое значение для понимания развития Вьетнама имеет заключительная глава раздела, посвященная освободительному движению во Вьетнаме в годы первой мировой войны. В ней подчеркивается усиление эксплуатации природных и людских ресурсов Индокитая в годы первой мировой войны: систематическое выкачивание стратегического сырья, сельскохозяйственных продуктов и товаров первой необходимости для нужд метрополии. 100 тыс. человек из Индокитая, главным образом вьетнамцев, было мобилизовано во французскую армию, использовалось для работы на военных заводах и строительстве военных объектов. Резкое сокращение экспорта французских товаров в Индокитай, рост экономических трудностей и противоречий между вьетнамским капиталистическим предпринимательством и французским империализмом содействовали созданию благоприятных условий для развития вьетнамской национальной промышленности, развития капитализма, накоплению капитала и ускорению процесса формирования пролетариата и буржуазии.

Это послужило основой дальнейшего подъема национально-освободительного движения, создания «Вьетнам куанг фук хой», программа и установки которого подробно анализируются в работе.

Особое внимание уделяется зарождению и развитию рабочего движения во Вьетнаме, подчеркивается экономический характер выступлений пролетариата, отсутствие политических требований. В то же время отмечается, что выступления рабочих показали, что во вьетнамском национально-освободительном движении появилась новая активная сила в лице наиболее передового в политическом отношении класса вьетнамского общества; подчеркивается, что в ходе развития национально-освободительного движения во Вьетнаме в 1900—1917 гг. создались необходимые предпосылки для появления нового, еще более мощного революционного движения против империализма и феодализма, развернувшегося уже после победы в России Великой Октябрьской социалистической революции.

Раздел VI «Новой истории Вьетнама» посвящен культуре Вьетнама. В разделе имеются главы о науке, идеологии, просвещении, литературе, театре, архитектуре, изобразительном искусстве.

Читатель встретит на страницах книги короткие биографические сведения о руководителях освободительного и буржуазно-демократического движения — Фан Динь Фунге, Фан Бой Тяу Фан Тю Чине, Де Тхаме — и их соратниках. В работе также рассматриваются участие народных меньшинств Вьетнама в национально-освободительном движении и деятельность тайных религиозных обществ. Главное внимание авторов данной работы обращено на изучение внутренних процессов развития вьетнамского феодального, а позднее колониального и полуфеодального общества.

Авторы отдают себе отчет в том, что данной работой невозможно исчерпать сложную и богатую событиями историю этой страны, тем более что некоторые важные проблемы новой истории Вьетнама (формирование вьетнамской нации, сельская община и др.) до сих пор остаются еще недостаточно исследованными.

Авторский коллектив:

Введение — С. А. Мхитарян.

Раздел I:

Глава 1 — Д. В. Деопик.

Глава 2 — Д. В. Деопик (раздел «Крестьянские восстания» — И. А. Огнетов).

Раздел II:

Глава 1 — И. А. Огнетов.

Глава 2 — И. А. Огнетов.

Глава 3 — И. А. Огнетов.

Раздел III:

Глава 1 — Социальное устройство вьетнамского общества — Д. В. Деопик; Государственное устройство — Г. Ф. Мурашева; Феодальное чиновничество, Внутриполитическое положение страны — А. Л. Рябинин; Крестьянские движения — И. Д. Бакшт.

Глава 2 — Аграрные отношения. Общие черты — И. Д. Бакшт; Основные категории земель и государственная аграрная политика — А. Л. Рябинин; Горнорудные промыслы, Ремесло, Торговля — С. А. Мхитарян (раздел «Внутренняя торговля» — совместно с В. М. Мазыриным.); Город — В. М. Мазырин.

Глава 3 — Г. Ф. Мурашева.

Раздел IV:

Глава 1 — Ю. П. Дементьев.

Глава 2 — И. Д. Бакшт.

Глава 3 — И. Д. Бакшт.

Раздел V:

Глава 1 — Ю. П. Дементьев, О. В. Новакова.

Глава 2 — С. А. Мхитарян.

Глава 3 — С. А. Мхитарян.

Глава 4 — С. А. Мхитарян.

Глава 5 — С. А. Мхитарян.

Раздел VI:

Глава 1 — П. В. Познер.

Глава 2 — П. В. Познер.

Глава 3 — Н. И. Никулин.

Глава 4 — В. И. Мещеряков.

Глава 5 — Г. В. Шмелева.

Научно-техническая подготовка рукописи осуществлена Г. В. Шмелевой. Указатель имен и географических названий составлен И. Д. Бакшт и Г. В. Шмелевой.

Коллектив авторов и ответственный редактор выражают свою искреннюю благодарность сотрудникам Отдела Кореи, Монголии и Вьетнама Института востоковедения АН СССР, а также коллегам из других учреждений, принявшим участие в

обсуждении настоящей работы и содействовавшим своими советами и замечаниями ее улучшению.

Авторский коллектив выражает надежду на то, что предлагаемая читателю «Новая история Вьетнама» будет способствовать лучшему взаимопониманию, укреплению дружбы между народами Советского Союза и Социалистической Республики Вьетнам.

Раздел I

ФЕОДАЛЬНЫЙ ВЬЕТНАМ

В СЕРЕДИНЕ XVII — СЕРЕДИНЕ XVIII в.

Глава 1

ФЕОДАЛЬНЫЙ ВЬЕТНАМ

В СЕРЕДИНЕ XVII — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.

Социально-экономическое положение страны в середине XVII в.

В середине XVII в. Дайвьет, как тогда называлось вьетнамское государство, был одним из наиболее развитых и сильных государств Юго-Восточной Азии. Пройдя длительный путь развития, вьетнамское общество вплотную подошло к позднефеодальным отношениям, своеобразие которых определялось предшествующим развитием страны. Основанный, как и везде в развитых районах Юго-Восточной Азии, в отличие от ханьских (китайских) государств, на сохранении юридически свободной крестьянской общины и государственной собственности на землю, развитой феодализм во Вьетнаме прошел в своей эволюции две стадии²¹.

Для первой из них (XI—XV вв.) было характерно преобладание общинных держаний государственных крестьян и условного феодально-чиновничьего владения; при этом существовали крупные наследственные феодальные землевладельцы, представленные родственниками монарха и частью титулованной знати, к ним было близко землевладение буддийских монастырей. Для XI—XIV вв. этот тип аграрных отношений был объективно обусловленным, а на его основе сложилось сильное централизованное государство Дайвьет, к которому полностью применимы слова К. Маркса о том, что «государство здесь — верховный собственник земли»²². Пройдя через социально-экономический и политический кризис второй половины XIV в., вьетнамское феодальное общество вступило в свой золотой век, которым были вторая четверть — конец XV в.

Но в процветающем и могущественном феодальном Дайвьете XV в. шли уже новые социально-экономические процессы, вследствие которых с начала XVI в. положение начинает меняться, развитой феодализм вступает во вторую стадию (XVI—XVIII вв.). Основным в ней было изменение структуры вьетской деревни, начало длительного, шедшего веками процесса расслоения фундамента вьетского развитого феодального общества — общины-са.

Вьетнам начала XVI — середины XVII в. был аграрным государством, в котором основную массу населения составляли крестьяне-вьеты; различные меньшинства, хотя и занимали большую часть территории, были малочисленны. Городское население, кроме недавно включенных в состав Дайвьета тьямских городов юга, было практически чисто

²¹ Д. В. Деопик. Вьетнам в период развитых феодальных отношений.— История стран Азии и Африки в средние века. М., 1968, с. 195, 396.

²² К. Маркс. Капитал. Т. III.—Т. 25. Ч. II, с. 354. Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса даются по 2-му изданию Сочинений.

вьетским. Территория страны на севере и западе в принципе совпадала с современными границами, на юге доходила до современной провинции Биенхоа.

Основным занятием вьетов уже в течение тысячелетий было поливное рисоводство, в некоторых районах сопровождавшееся богарным рисоводством и разведением иных злаков. Обрабатываемые земли насчитывали на конец XVIII в. около 1 млн. мау²³. Для большинства населения, как писал Ф. Энгельс,— «первое условие земледелия здесь — это искусственное орошение, а оно является делом либо общины, либо провинций, либо центрального правительства»²⁴.

Значительную роль в интенсификации сельского хозяйства играло широкое ирригационное строительство: именно в XVII—XVIII вв. были сооружены основные ирригационные системы феодального Вьетнама²⁵. Практически была зарегулирована вся дельта Красной реки и область к югу от нее (кроме основных русел, но и они обвалованы на всех опасных участках). К XVII в. вьетские крестьяне создали сложную систему хозяйствования, в которой обилие сортов риса для различных условий дополнялось массой сложных приемов его возделывания, орошения, сбора и хранения. Развиваясь в отличие от других рисоводческих стран Юго-Восточной Азии в условиях малоземелья, сельское хозяйство было более интенсивным, использовались более разнообразные орудия и приемы, больше было «вспомогательных» культур. Это, в частности, привело к тому, что вьеты могли расселяться среди тьямов и кхмеров, занимая земли, оставшиеся до этого пустыми. Технология возделывания риса шагнула вперед как за счет роста числа сортов, так и за счет более широкого применения высокопроизводительных орудий, а также благодаря сочетанию поливных и богарных сортов риса. Возможно, еще большее значение имело в развитии сельскохозяйственной экономики (в развитии, которое подготовило условия для ведения хозяйства силами одной семьи, без определяющей роли общинной организации) то заметное расширение доли нерисовых посадок, которое отмечается с XV в. Во все большем количестве наряду с суходольным рисом разводятся гоя, овощи, бахчевые и садовые культуры, список которых возрос за это время примерно вдвое²⁶. Если учесть, что овощи и фрукты занимают второе после риса место в пищевом рационе вьетов, то это увеличение числа упоминаемых в источниках полезных растений говорит об интенсификации сельского хозяйства.

Одним из важнейших видов деревенского хозяйства было рыболовство и рыбоводство. Речная и прудовая рыба была третьим основным компонентом питания, ее употребляли и непосредственно, и в составе соуса нюк-мам. Морское рыболовство было развито слабо.

Животноводство было представлено разведением буйволов (реже — быков) как рабочего скота; буйволы в долинах были дороги²⁷, основным источником мяса была свинья. Масло использовалось растительное наряду с животным жиром. В больших количествах разводили кур и уток.

Социальную структуру вьетского общества отличало преобладание лично-свободного крестьянского населения; личная зависимость никогда не охватывала более трети крестьян, да и то в редких случаях и на небольшой отрезок времени. Основную по численности массу эксплуататоров составляли до XVII в. чиновники-куаны, низшие и средние категории которых были условными землевладельцами, получавшими право на сбор ренты-налога с одной или нескольких общин. Верхушка класса феодалов, куда входили многочисленные родственники монарха, титулованная знать и высшие куаны, имела еще и наследственные земли. Сравнительно многочисленны были буддийские

²³ 1 мау = 3600 кв. м, или 0,36 га.

²⁴ Энгельс — Марксу, 6 июня 1853 г.—Т. 28, с. 221.

²⁵ М. А. Чешков. Очерки истории феодального Вьетнама. М., 1967, с. 54.

²⁶ Phan Huy Chu. Lich trieu hien chuong loai chi. T. 1, q. II—V, с. 39 — 141. Hanoi; Kham dinh Viet su thong giam cuong muc (далее: Cuong muc. Ha-noi, 1957—1960, t. XIX, q. LXIII, с. 18.

²⁷ Народы Юго-Восточной Азии. М., 1906, с. 97.

монахи, гораздо меньше было конфуцианских ученых (многие из них занимались преподаванием). В принципе любой свободный был объектом налогообложения, но принадлежность к высшим родам, нахождение на государственной службе или наличие соответствующего образования, позволяющего выполнять религиозные или близкие к ним функции, освобождали от уплаты налогов.

Внутри свободного населения существовало деление на «больших» (богатых) и «малых» (бедных), пропагандировалась несмешиваемость этих групп. Такому противопоставлению в немалой степени способствовало рассмотрение крестьянства во многих ситуациях как единого целого, невзирая на деление на свободных и зависимых. Исключение составляли потомственные холопы (но-ти, жя-но) и близкие к ним группы, чье отличие от остальных зависимых прослеживается постоянно.

Основной формой социальной организации крестьян была малая сельская община-са. К середине XVII в. наряду с такими чертами, как регулярные переделы, наличие собственной деревенской администрации с определенными судебными правами, религиозной деревенской организации и пр., в общине появляются новые формы отношений и связанные с ними новые группы деревенского-населения²⁸. Постепенно теряет свой всеобщий характер применение основного социально-хозяйственного принципа — периодического разделения земли по едокам (т. е. по числу членов семьи). В общине появляются люди, имевшие право на большее, чем число едоков, количество земли; эти земли они правдами и неправдами передавали по наследству²⁹. Постепенно возникал слой мелких помещиков, чьи хозяйства были наиболее крепкими, в них все шире применялся труд зависимых крестьян. Такие хозяйства были сравнительно мелкими (1 — 2 га) и росли за счет захватов у общинников земли, воды и пр.³⁰. Источники указывают, что «деревенские бедняки дошли до того, что им негде шило воткнуть»³¹. Вьетнамская община была в отличие от южноиндийской сравнительно небольшой (100 — 300 мужчин-земледельцев, плативших налоги). В небольших общинах Вьетнама полноправные общинники были основной массой производителей, в то время как в Индии полноправные общинники были основной массой владельцев, а обработка земли лежала по преимуществу на более низких кастах, представители которых не были владельцами земли. В отличие от крупных общин Индии во Вьетнаме в общине не могло быть столь большого числа общинных ремесленников и слуг и сложиться в несколько отдельных групп зависимых они не смогли. То, что общинные ремесленники выполняли лишь простейшие работы, сделало зависимость от города в этой сфере относительно большой, хотя детальное сопоставление еще не проводилось. В социальном отношении свободные юридически крестьяне (общее понятие «зан» — «народ») образовывали ряд категорий со своими названиями, различными в разное время.

Все свободное население, вплоть до императора, было приписано к той или иной общине; частным случаем общины были в юридическом отношении города и ремесленные поселения — фьонги. Полноправные общинники платили налоги с 18 до 60 (порой 50) лет в соответствии с количеством и качеством земли, полученной при последнем переделе по числу едоков. Налоги, установленные в общегосударственном порядке, составляли от $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{3}$ урожая; дополнительные поборы, носившие не всегда законный, но регулярный характер, часто бывали вдвое больше основных³² и порой доводили объем изъятого продукта до $\frac{1}{2}$ урожая³³. Превышение этого уровня обычно влекло за собой различные формы крестьянского протеста.

²⁸ Phan Huy Le. *Che do ruong dat va kinh te nong nghiep thoi Le*. Ha-noi, 1959.

²⁹ Phan Huy Chu. *Lich trieu...* t. III, с. 71.

³⁰ Cuong muc. Т. XVI, q. XXXIII, с. 6.

³¹ Ngo Cao Lang. *Lich trieu tap ky*. Т. II. Ha-noi. 1957, с. 155.

³² Cuong muc. Т. XVI. q. XXXVI, с. 122.

³³ По расчетам М. А. Чешкова («Очерки...», с. 91), в Дангнгоае (Северном Вьетнаме), натуральный налог в начале XVIII в. составлял 40% урожая.

При рассмотрении системы налогообложения необходимо учитывать одну важную особенность обложения рисоводческого хозяйства, особенно в дельте Красной реки, где регулярный подъем воды вследствие приливов и отливов создавал в одни годы очень благоприятные условия для сельского хозяйства, а в другие — столь же неблагоприятные. Особенность эта заключалась в следующем: норма обложения, по-видимому, исходила из урожая благоприятного года — в этом случае господствующий класс потреблял по своей обычной норме (она, естественно, не росла в урожайные годы), а разница отправлялась на государственные рисовые склады, сеть которых покрывала страну. В средний по урожайности год налоги собирались уже в меньшем количестве, что оформлялось как накопление недоимки; налоги также могли быть частично отменены, но потребление оставалось на обычном уровне; при следующем урожайном годе недоимки покрывались, хотя в целом их гораздо чаще прощали, что происходило довольно регулярно; рис из государственных амбаров в таком случае не уходил, но и не накапливался. При небольшом урожае налоги отменялись в большей, чем в предыдущем случае, степени, резервный рис начинали расходовать на государственные нужды. И, наконец, в голодные годы налоги не собирались вообще и рис со складов раздавали и на государственные нужды, и населению (или продавали по обычным ценам «сытых» годов).

При неурожаях объем выдаваемого риса соотнобразывали со степенью нехватки, мерилom которой были рыночные цены на рис, которые государство постоянно стремилось поддерживать на определенном уровне, не давая им повышаться (для этого на рынок по сравнительно низким ценам выбрасывался казенный рис). Это, как и регулярное прощение недоимок при нескольких неурожайных годах подряд, не было проявлением заботы о крестьянстве, а было, во-первых, следствием того, что «недоимки» высчитывались по сравнению с нормой урожайных годов, и, во-вторых, следствием того, что источником существования основной массы феодалов-чиновников (куанов) и всего феодального государства в целом было распределение налогового риса и денег — отсюда и их заинтересованность в сохранении значительного числа крестьян, способных платить налоги³⁴. А факторы, сокращающие этот слой, особенно в густонаселенных областях Северного Вьетнама, имелись, поскольку высокая степень зависимости рисового хозяйства от погодных условий, слабое пока распространение прочих культур и сходство природных условий в основной житнице (дельта и область к югу от нее) делали крестьянское хозяйство в целом весьма уязвимым. Неурожай мог сразу поразить основные производящие области порой целиком, и без гибкого маневрирования налогами и запасами оставшиеся полностью или частично без зерна крестьяне могли продержаться в среднем не более года. При повторном неурожаяе и отсутствии льгот или помощи начинались массовые голодовки и бегство в отдаленные районы, что лишало возможности посеять и собрать в пострадавших местах рис в следующие, более благоприятные годы. Одновременно становилось невозможным осуществлять в таких районах «конг виек» (государственную трудовую повинность крестьян) и проводить набор в армию, в основном состоявшую из крестьян.

Своеобразие экономической ситуации соответствовало своеобразие демографической ситуации и форм эксплуатации. Бегство крестьян было регулярным явлением. Бежали в основном на юг, поскольку в остальных направлениях не было возможностей для привычного для вьетов вида хозяйства и типа жизни³⁵. Социальные последствия описанной экономической ситуации были сложными: постоянно выделявшиеся из числа общинников богачи и бедняки вступали между собою вне и внутри общин в отношения господства и подчинения. Это во многом определяло и место еще свободных общинников в феодальном обществе, где они образовывали часть эксплуатируемого населения. Со своей стороны, общинный тип хозяйства влиял на

³⁴ В XVIII в. основная масса крестьян дельты Красной реки содержала условных служилых владельцев — куанов и солдат (Phan Huy Chu. Lich trieu... t. II, с. 70).

³⁵ Э. Добби. Юго-Восточная Азия. М., 1952, с. 266, рис. 105.

организацию зависимых крестьян, поскольку ведение продуктивного хозяйства до XVIII в. было возможно в основном в форме общинно-деревенской организации зависимых. Основная часть такого зависимого населения образовывала общины неполноправных, юридически несвободных лиц, не плативших (до определенного времени) государственных налогов (фактически ренту-налог), не служивших в армии и не отбывавших «конг виек». Они были лично зависимы от феодала и подвергались жестокой эксплуатации. В еще большей зависимости находились холопы (зя-но и др.), чье положение порой приближалось к рабскому. Имелись и категории государственных крепостных; в основном они раздавались крупным феодалам. Право на использование труда зависимых было лимитировано, им обладали лишь титулованные феодалы и высшие сановники.

Ослабление общины в XVII—XVIII вв. было закономерным следствием роста производительных сил, создавшего объективные возможности ведения крестьянином самостоятельного хозяйства и ослаблявшего заинтересованность наиболее зажиточных слоев общинников в общинной взаимопомощи. Постепенное прекращение переделов, расслоение крестьянства и переход части богатых крестьян в ряды чиновников и мелких феодальных землевладельцев (облегченный экзаменационной системой, военными награждениями и т. п.) — все это убыстряло разорение беднейшей части общинников. Ему способствовало и полное запустение значительных районов в годы войн, когда население массами переходило в новые места, где становилось феодально-зависимыми или военными поселенцами. Росла по мере роста числа поместий двойная эксплуатация общинников со стороны старого, феодально-бюрократического аппарата и усиливающихся владельцев мелких поместий.

Во вьетнамской деревне, в основном по-прежнему состоявшей из свободных общинников, росло число малоземельных и безземельных крестьян, часто становившихся арендаторами³⁶ и батраками. Этому способствовали помимо общего ослабления общинной организации формирование поместного землевладения (где в основном эксплуатировался труд должников и наемных работников³⁷), частые войны и грабежи, незаинтересованность военно-феодальной прослойки XVI—XVII вв. в сохранении громоздких государственных институтов, сложившихся до начала распада общины (XV в.) и тормозивших ее распад. Превращение общины в орудие господства помещиков над деревней повлекло за собой ослабление государственной организации, базировавшейся на эксплуатации общины, и соответственно ослабление прослойки феодальной гражданской бюрократии. Изменение соотношения сил в пользу мелкопоместных землевладельцев приводило к тому, что условно «бенефициарное» чиновничье держание земли все больше уступало место феодальному частному землевладению, но первое еще оставалось преобладающим, хотя характер его менялся из-за растущего закрепления служебных земель как наследственных. Укрепление положения местных мелких феодалов создавало объективные предпосылки для частичной ликвидации громоздкого феодально-бюрократического централизованного аппарата, созданного для контроля на местах за уплатой общинами ренты в форме налога. К. Маркс указывал, что когда непосредственным производителям противостоит непосредственно государство, то тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от земельной ренты³⁸. Постепенно рента-налог превращалась в налог, поскольку ренту во все большем объеме присваивали новые владельцы земли.

Города Дайвьета являлись торгово-ремесленными и административными центрами земледельческих областей. Внешнеторговые функции городов были выражены слабо, так как сама эта торговля была относительно слаба; большинство необходимых полезных ископаемых и других видов сырья имелось в самом Дай-вьете, северная часть которого

³⁶ Dai nam thuc luc (далее — DNTL). Ha-noi. Т. 1, с. 126.

³⁷ М. А. Чешков. Очерки..., с. 117-118.

³⁸ К. Маркс. Капитал. Т. III — Т. 25. Ч. II, с. 354.

исключительно богата рудами, разрабатываемыми с древности. Внешняя торговля велась в нескольких прибрежных городах и в столице и находилась под государственным контролем. Несмотря на приморский характер страны, здесь, как и в Камбодже, города-порты были развиты слабо. Во внутренней торговле роль государства также была весьма велика. Торгово-ремесленное население исторически объединялось в цехо-гильдии (фыонги) или объединения налогоплательщиков (хо), имевшие в своем составе и ремесленников и купцов. Часть фыонгов располагалась в пригородах, часть образовывала небольшие самостоятельные городки, находившиеся в густонаселенных аграрных областях вблизи рек — основных транспортных путей того времени.

Отмеченное Ф. Энгельсом родство марки и цеха³⁹ здесь было очевидным. Ряд исследователей считают, что торгово-ремесленное население уже к XVIII в. обладало своим сословным статусом⁴⁰. Денежные накопления купцов и промышленников были незначительны, тем более что большое число наиболее прибыльных отраслей хозяйственной деятельности являлось монополией государства и организовывали производство и отчасти сбыт в таких случаях специальные куаны («экономические» чиновники) с хозяйственными функциями.

Практически все города складывались постепенно, редко переносились и были тысячами нитей связаны со своей периферией. Средневековый Вьетнам, в общем, не знал городов, имевших какую-то одну социальную или экономическую функцию (за исключением горняцких городков и пограничных крепостей на севере). Все города сочетали выполнение административных и экономических функций, редко являясь военными центрами. Имевшаяся у многих из них ремесленная специализация почти никогда не определяла лицо города полностью. Исключение составляли городки-фыонги, если они не были одновременно административными центрами; в XVIII в. их уже было много, только в Данг-нгоае — 70. Обычный средний город включал в себя административные службы, чиновничьи кварталы, торгово-ремесленные кварталы — фыонги, дома людей, занятых в «сфере обслуживания», и порой некоторое количество крестьянских дворов, а также школу, храмы, казармы небольшого гарнизона. Власть в таком городе находилась в руках главы соответствующего административного подразделения, делами фыонгов ведали их выборные главы, подчиненные соответствующему чиновнику; фыонгов в среднем городе бывало несколько. Сильных укреплений и правильной планировки города обычно не имели.

Речная сеть и дороги по дамбам образовывали густую транспортную сеть в долинах, тем не менее о формировании единого рынка говорить еще не приходится; наличие ярмарок⁴¹ не меняло положения, как и растущая торговля северных и южных районов⁴². Не только цены, но даже меры и веса в разных областях были различными, хотя большинство фыонгов уже работало на массовый спрос. Ремесло Дайвьета производило почти все необходимое населению⁴³; внешняя торговля велась в основном предметами роскоши, дорогими тканями и предметами не первой необходимости. Играло свою роль и малое количество экспортных товаров. Все это обусловило слабое по масштабам Юго-Восточной Азии развитие внешней торговли, хотя с XVI в. она и начала расти. Исключение составляла торговля с горными племенами, зависевшими от регулярного подвоза из вьетских земель ряда необходимых продуктов и ремесленных изделий. Торговцы имели свои сословные организации (хо), но они были бесправны и

³⁹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг.—Т. 20, с. 284.

⁴⁰ М. А. Чешков. Очерки..., с. 130.

⁴¹ Le Quy Don. Rien van tieu luc. Ha-noi, 1964. с. 414.

⁴² Le Quy Don. Phu bien tap luc. Ha-noi. 1962, с. 242, 256. 376.

⁴³ М. А. Чешков. Очерки... с. 59.

подчинены государству. Значительные средства скапливались у ростовщиков, тесно связанных с торговцами⁴⁴.

Феодальное землевладение сложилось на основе двух старых разновидностей (условное чиновничье землевладение и наследственная собственность крупных феодалов). Своего земледельческого хозяйства вьетнамские феодалы не вели, поместий и усадеб в европейском смысле слова во Вьетнаме не было, регулярной барщины на поле — тоже.

Получение земли для феодальных владений было делом сложным, хотя кадры феодально-зависимых перенаселенная северовьетнамская деревня поставляла регулярно, при каждой серии неурожаев (для части из них юг представлял потенциальное место постоянного жительства). Крупное наследственное землевладение формировалось в XVI—XVII вв. не столько за счет захвата крестьянских земель, который тормозился отсутствием права на отчуждение общинных земель, сколько за счет освоения новых земель при помощи внеэкономического принуждения (и свободных крестьян и зависимых). В общегосударственных масштабах формирование крупных владений выражалось, во-первых, в уходе части феодалов на юг, в современный Центральный Вьетнам, где они, ведя войны руками вьетнамских крестьян, захватывали земли тьямских феодалов. Во-вторых, постоянно шло освоение новых полей в приморских и предгорных областях Северного Вьетнама. Во втором случае внеэкономическое принуждение реализовалось при строительстве каналов и дамб силами общинников, отбывавших «конг виек», или силами зависимых людей того или иного феодала. На освоенных таким образом землях хозяйство велось руками зависимых крестьян, право на получение которых из числа обезземеленных бродяг периодически давалось крупным феодалам. Таким образом, государство, используя экономический и социальный потенциал крупных феодалов, организовывало их силами, как и в Камбодже в более ранний период, освоение новых земель и возвращение к земледельческому труду (но уже на основе личной зависимости) разоренных и обезземеленных крестьян, покинувших деревню. Необходимо учитывать, что централизованное вьетнамское феодальное государство выработало своеобразные способы не давать крупному землевладению стать основной формой феодального неслужилого землевладения. Во-первых, титулованная знать побуждалась к постоянной службе в центральном аппарате (в противном случае титул от поколения к поколению снижался⁴⁵ и соответственно урезались права на наследственные земли), что не давало сформироваться провинциальной неслужилой земельной аристократии. Во-вторых, государство периодически устанавливало максимальные нормы наследуемых владений, отбирая остальное в казну или облагая налогом на общих основаниях; крестьяне при этом получали статус свободных. В-третьих, в условиях отсутствия наследования титулов и земель смена династий или просто крупный политический переворот регулярно сопровождалась отнятием титулов и земель. В результате статус зависимого крестьянства также был неустойчивым, он был ближе к положению свободных, чем в европейских странах.

Это обусловило сравнительную слабость и зависимость от центральной власти вьетнамских крупных феодалов; лишь в периоды ослабления власти монарха из-за экономических или внешнеполитических потрясений они могли играть самостоятельную роль, и то лишь в качестве придворных клик. Нужно помнить, что крупными феодалами были в основном родственники монарха, титулованная придворная знать и высшие сановники; при этом в значительной части они сочетали все три качества. Тем более зависела от монарха основная масса феодалов, представленная чиновниками-куанами. И гражданские чиновники, традиционно более многочисленная и престижная группа, и военные не были сословием в европейском смысле этого слова, поскольку в принципе система экзаменов и учета военных заслуг позволяла отдельным представителям богатых

⁴⁴ Expose statistique du Tunkin, de la Cochinchine, du Cambodge, du Tsiampa, du Laos, du Lac Pho par M.M. sur la relation de M. de la Bissachere. Londres, 1811, c. 166.

⁴⁵ Cuong muc. T. XVI. q. XXXV, c. 115.

крестьян попадать в класс феодалов и, наоборот, за определенные преступления или за отказ от государственной службы куан мог попасть в простолюдины. С точки же зрения экономической класс феодалов был выражен не менее четко, чем везде, социальная преемственность внутри его была очевидна, наличествовали все обычные привилегии, позволявшие без особых усилий остаться в рядах куанов. Но в то же время неслужильный и неученый потомок мелкого куана становился простолюдином; социальная и психологическая ситуация была такова, что это не рассматривалось как конфликт, ибо не сложилось понятия «наследственного» для всех потомков благородства. Семья потомственных куанов в своей са могла иметь и часто имела родственные семьи потомственных земледельцев и т. п. Поэтому взаимодействие классов-антагонистов, класса феодалов и класса крестьян, принимало несколько иную форму, чем в европейских странах и многих странах Азии, грань между низшими группами феодалов и богатыми свободными крестьянами ощущалась слабее. Переходы из крестьянских верхов в феодальные низы были достаточно часты, но ни о каком «демократизме» здесь не было и речи в условиях централизованной азиатской деспотии, где юридически все свободные были одинаково бесправны перед лицом монарха. Что касается зависимых, то они юридически вообще не были личностями в той мере, в которой ими были свободные. Реальная картина эксплуатации крестьян и ремесленников со стороны феодалов была во вьетнамском обществе, где над общинной организацией крестьянства стояла чиновная организация феодалов, завуалирована в результате многовекового социального и культурного камуфляжа и выступала как некая тройственная система: монарх, его подданные из числа свободных и зависимые, выключенные из большей части социальных связей (их личность подчинена непосредственно монарху или его подданному).

Власть монарха (вуа) была всеобъемлющей, она носила священный характер и не была ограничена ни законами (даже законом о престолонаследии), ни морально-религиозными нормами (как в Индии или в Китае). В положении монархов много общего во Вьетнаме, Камбодже, в яванских государствах в раннем и развитом средневековье. Правда, в конкретных условиях Дайвьета XVII—XVIII вв. реальная власть принадлежала наследственным тюа из дома Чинь — на севере и дома Нгуен — на юге⁴⁶.

Объективной основой «сверхправ» монарха было отмеченное К. Марксом безразличие общины к большинству проявлений активности центральной власти; авторитет власти усиливался важной ролью государства в экономической жизни страны (в первую очередь в сфере ирригации⁴⁷), его повышенной военной ролью в исторических условиях Вьетнама, отсутствием конкурирующей религиозной организации церковного или кастового типа. Всеобщая власть монарха не терпела возле себя облеченных правами крупных феодалов. Единственным источником права на близость к власти было родство с монархом или его личное расположение; второе, а в большинстве случаев и первое (применительно к многочисленным родственникам жен, не давших наследников) утрачивалось со смертью монарха, тем более при смене династий. В силу этих, а также ряда других, менее важных причин высшая прослойка феодалов Дайвьета представляла аморфную массу «приближенных» и «министров» с многочисленными, быстро меняющимися титулами, правами и обязанностями. Будучи по функции высшими правителями страны, по экономическому положению крупными землевладельцами, эта многочисленная (при многоженстве монархов) группа не была оформлена почти никакими безусловно наследственными правами (после пяти поколений неслужащих родственников монарха прапраправнук становился простолюдином; если же такие лица служили, то земли они имели уже в зависимости от рангов и титулов, полученных в этой связи). Лишь в периоды ослабления центральной власти экономический и людской потенциал этой прослойки давал ей определенные политические возможности, но

⁴⁶ Тюа сочетал функции канцлера и главнокомандующего; кроме верховной военной (и все более — и гражданской) власти он имел огромные земельные владения.

⁴⁷ Энгельс — Марксу, 6 июня 1893 г.—Т. 28, с. 221.

использовались они не для подрыва центральной власти, как таковой, а исключительно для помещения на трон «своего человека» и сохранения на время его жизни своих привилегий и имущества.

За монархом и его родственниками шли согласно вьетнамской социальной практике представители свободного населения страны — народ (зан) в широком смысле слова. Считалось, что все зан обязаны службой правителю, но служба могла быть различной; за этим различием и стояла классовая структура общества. Одни платили налоги, служили солдатами в армии, выполняли «конг виек» — это была служба крестьян, основной вид службы. Другие служили чиновниками, за это их (каждого лично, особым документом) освобождали на период службы от основной, крестьянской формы «служения» и предоставляли им, также в принципе временно, источник существования в виде права на получение государственных налогов с определенной территории; таким образом, на них переадресовывалось «служение» одной или нескольких деревень. Для крупных чиновников из семей потомственных куанов существовало право наследования части привилегий родителей, но расценивалось это скорее как дань «наследственным талантам» рода, дальнейшие успехи членов которого представлялись более вероятными, чем у члена семьи мелкого чиновника. То же было и с титулами: если потомки не подтверждали своими доблестями заслуг предка, т. е. плохо служили феодальному государству, титул уменьшали от поколения к поколению, а затем отбирали совсем. Третьим видом «служения» было духовное служение государству со стороны буддийских монахов и неслужащих конфуцианских ученых, их освобождали от крестьянской службы.

В XVI—XVII вв. в силу указанных выше причин верховная собственность государства на всю землю становилась все более фиктивной, резко ослабевала связанная с нею традиционная система внутривластной и экономической организации вьетнамского общества. Мелкие феодальные землевладельцы, которые поставляли в эти века основную часть профессиональных воинов для междоусобных войн, осознали свою силу и заставили правящую верхушку учитывать их интересы. Новая прослойка противостояла феодальной бюрократии, в основном относившейся к среднему слою феодалов. Комплектование командного состава в XVII в. по новому, упрощенному принципу закрепило за частью мелких помещиков положение особой военной прослойки, все более оставляя за феодальной бюрократией только гражданские функции. Большую же часть крупных феодалов составляли наряду с родственниками монархов Ле родственники фактических правителей страны — Чиней и Нгуенов. Так новой группе мелких феодалов — профессиональным воинам стала соответствовать новая группа крупных феодалов — военная знать из двух крупных родов, присвоивших верховную военную власть. Обе эти группы не были предусмотрены традиционной социальной структурой и приводили к ее ослаблению; в то же время они легче приспосабливались к новым социально-экономическим условиям, тем более что сами возникли как их следствие.

Дайвьет отличала строгая централизация власти. При монархе имелись своеобразный совещательный орган из высших сановников с весьма неопределенными функциями, шесть бо (министерств) и много специализированных центральных учреждений, очень сложно соотносившихся между собой и с монархом. Военную организацию отличала двойственность: военное бо занималось снабжением армии и мобилизационными мероприятиями, в то время как организационные функции в армии лежали на командующих и их штате, резко увеличивавшемся в военное время. Кадры армии были постоянными и временными, часты были переводы в гражданские ведомства и наоборот. Статус военного чиновника был выше, чем, например, в Китае, но военная каста не сложилась в отличие от таких стран, как Япония. С XVI в. профессиональные воины и офицеры все более выделялись в обществе, образуя прослойку военно-служилых феодалов.

Громоздкий бюрократический феодальный аппарат сложился в эпоху практического отсутствия мелких помещиков, до начала внутриобщинной феодальной

эксплуатации крестьян-общинников. По мере распространения частнопровых норм эксплуатации, когда конкретному землевладельцу-помещику противостояли один или группа крестьян, власть на местах, представленная формально выборным деревенским начальством, стала переходить к мелким феодалам. Постоянный контроль над общиной со стороны разветвленного феодально-бюрократического аппарата становился все менее необходимым, как и соответствующее большое число гражданских куанов и их помощников на низших и средних постах. Указанные выше социальные процессы, связанные с разложением общины и обусловившие упадок централизованной власти в XVI — начале XVII в., привели к обострению внутривластной борьбы, к усилению роли военных и армейского аппарата (более простого, чем гражданский), ставшего основой власти феодальных домов Маков, Чиней и Нгуенов. В XVI — начале XVII в. гражданский аппарат был отчасти разрушен, отчасти уступил свои функции военным властям: гражданская администрация потерявшая реальную власть династии Ле становилась все более декоративной. Эпоха «реставрации Ле» (середина XVI — начало XVII в.) характеризовалась резким упрощением и в меньшей степени сокращением в объеме механизма управления как в сфере комплектования, так и в сфере функционирования; особенно это чувствовалось у Нгуенов на юге, где не было традиций разветвленного гражданского управления. Когда в XVI в. власть над армией перешла к феодальным родам, их главы заняли положение наследственных главнокомандующих и вскоре захватили всю полноту власти; все вопросы решались в военных ведомствах, а не в бо, причем не по прежним сложным правилам, а в рабочем порядке. Но по мере завершения социально-экономической переориентации общества и затухания внутренних смут становилось очевидным, что наиболее эффективным для вьетнамских условий XVII—XVIII вв. является гражданское правление, тем более что за время военного правления отмерли многие его архаические черты. Новый, более простой и эффективный гражданский аппарат стал складываться на основе военного в аппарате тьюа; аппарат вуа становился все более декоративным. Восстановлению позиций гражданских властей способствовали помимо объективной необходимости такого типа правления и довольно еще сильные позиции гражданских куанов в обществе. В XVIII в. создание гражданской администрации нового образца проходило на фоне попыток, с одной стороны, приостановить процесс укрепления гражданских ведомств, с другой — восстановить гражданский аппарат в отживших формах XV в.

Культурное развитие средневекового Вьетнама было сложным и характеризовалось на протяжении веков борьбой двух тенденций, одна из которых обуславливала развитие Вьетнама по общим для стран Юго-Восточной Азии закономерностям, другая была связана регулярными контактами с китайской культурой. До XIII в. северные элементы в культуре (если не считать давно заимствованных и ставших элементом национальной культуры письменности и официального языка) ощущались слабо, Дайвьет был типично буддийской страной. С XIII—XIV в. в культуре феодальных верхов стали усиливаться неоконфуцианские тенденции. В официальной религиозной жизни главными были празднества у алтарей неба и земли — культ, идущий из глубины веков и оформившийся как придворный со времен династии Ли. С XV в. спецификой этого культа стала его связь с войной и воинами.

В конце XVII в. конфуцианство находилось в упадке; его чжу-сианская форма, принятая в XV в., не получила массового распространения в условиях ослабления центральной власти в XVI—XVII вв. и падения роли экзаменационных конкурсов на чин. Оно практически уходило в сферу феодальной «науки», все меньше влияя на мораль и философию общества. Зато укреплялись позиции буддизма.

Чини и Нгуены строили и восстанавливали храмы, совершали паломничества, писали буддийские сочинения. Подъем вьетнамского буддизма — тхиена (дхьяна, чань) — начался еще с конца XVI в., течение «Тао-донг» («Общее действие»), основывавшееся на учении Бодхидхармы, вело под руководством вьетнамского монаха Тхюи-нгюета

широкую пропаганду. Эволюция вьетнамского общества на втором этапе развитого феодализма, особенно в XVII—XVIII вв., привела к дальнейшему усилению влияния буддизма, шедшему параллельно со все более интенсивным развитием собственно вьетнамской «высокой» культуры, многое черпавшей из народной среды в эти века и прочно опиравшейся на национальную письменность и язык, по крайней мере с XIII в. Особую роль в процессе усиления национального элемента сыграла вьетская городская культура, связанная с нечиновным населением города; зримые результаты этого видны в XVIII в. Одновременно начиналось слияние городской культуры с деревенскими традициями и фольклором, формирование общевьетнамской культуры, связанное с развитием контактов город—деревня и с тем, что специфика вьетнамской жизни приводила к формированию образованной прослойки в значительной степени в деревенской среде⁴⁸.

Новым тенденциям в экономике и обществе соответствовало изменение политической ситуации в XVI — середине XVII в. Одновременно с ослаблением феодально-бюрократического государства ослабевали его правители — императоры династии Ле (1428—1789).

Номинально в стране продолжала править эта династия, но фактически Дайвьет с начала XVII в. оказался разделен на северное княжество, где правили тюа из рода Чинь, и южное, где правили тюа из рода Нгуен. В современной вьетнамской историографии за ними закрепились соответственно названия Дангнгоай и Дангчаунг. Столицами были Тханглонг (совр. Ханой) и Фусуан (совр. Хюэ). С 1627 по 1672 г. княжества Чиней и Нгуенов вели длительные войны. Одновременно с междоусобной войной Чини завершали освоение северо-западного Бакки (совр. Северный Вьетнам), а Нгуены вытесняли кхмерских королей из Намки (совр. Южный Вьетнам).

Примечательной чертой в политическом развитии Дайвьета в XVI—XVII вв. было то, что европейцы даже спорадически не играли в его жизни никакой роли в отличие от государств Индонезии и Малаккского полуострова, от Пегу, Аютии и Камбоджи. Ни миссионеры, ни военные авантюристы, ни «официальные» армии европейских держав не влияли на его историю. Лишь в войнах Чиней и Нгуенов в середине XVII в. участвовали без заметных результатов флоты португальцев и голландцев. Ограниченной была и торговля с европейцами.

Дангнгоай (Северный Вьетнам) во второй половине XVII — начале XVIII в.

Укрепление феодального строя в Дангнгоае (вторая половина XVII в.). Временем стабилизации после войн 1627—1672 гг. были для Дайвьета 1672—1725 годы. На этот период в Дангнгоае приходится вторая половина правления тюа Така (1657—1682), правление Кана (1682—1709) и Кьонга (1709—1729) из династии Чинь. На фоне экономической и политической стабильности шли важные изменения в экономической и социальной структуре, изменения, повлекшие за собой в дальнейшем самый сильный кризис в истории вьетнамского феодального общества.

Крестьянство в Дангнгоае в XVII в. находилось под двойным гнетом — помещиков и феодальной бюрократии,— который был на севере особенно силен. Здесь во многом сохранился громоздкий и многочисленный чиновничий аппарат, созданный еще в XV в., в период расцвета феодальной бюрократии. Хотя частно-поместное землевладение, непрерывно развиваясь, долгое время не было официально признано, число помещичьих земель быстро росло. Общинники были задавлены мелочной регламентацией и бесконечными поборами. Практически невозможен для крестьян был уход на новые

⁴⁸ Д. В. Деопик. Пути формирования высшего сословия во Вьетнаме (XVI—XVIII вв.).— «Народы Азии и Африки». 1974, № 4, с. 133—138.

земли, и это вело к произвольному увеличению поборов со стороны помещиков и куанов; на землях последних возникала порой даже отработочная рента⁴⁹.

Основными задачами, стоявшими перед феодальным правительством, были в это время усиление чиновничьего контроля над крестьянами, укрепление власти феодалов, расшатанной длительной междоусобицей. Решению этой задачи и была посвящена вся деятельность Чинь Така (1657—1682), правителя Дангнгоая до 1682 г. Чинь Так был осторожным, миролюбивым политиком, главное внимание уделявшим административному управлению и решению экономических проблем. Он почти прекратил войны с Нгуенами, стремился не ссориться с Цинами, против горных феодалов выступал только в случаях открытого неповиновения. Единственный враг, с которым он активно и успешно боролся,— это Маки, но противодействие Цинов не позволило ему добиться решающей победы⁵⁰. Основное внимание в эти десятилетия уделялось восстановлению и укреплению гражданской администрации после века упрощенной военной системы правления времен реставрации (как во вьетнамской феодальной историографии называли период после возвращения власти к Ле в середине XVI в.) и войн Чиней и Нгуенов. При Чине Таке этот процесс только начался, его завершение относится к концу 20-х годов XVIII в. Главные усилия были направлены на расширение контроля за низовыми звеньями аппарата, на борьбу с «избыточной эксплуатацией», обогащавшей не феодальное государство, а отдельных, притом низших и средних, феодалов-чиновников. Чем дальше, тем; чаще приходилось обращаться и к коренному вопросу — аграрному. При попытках его решения правительство стремилось ограничить участие в эксплуатации средних титулованных аристократов, не принимавших непосредственного участия в управлении⁵¹; последнее вело к размыванию этих архаических групп феодалов. Одновременно предпринимались и исторически бесперспективные попытки приостановить расслоение среднего общинного крестьянства.

Психологический климат эпохи определялся попытками восстановления порядков доброго старого времени Ле (в том числе в формах управления), каковым считался XV век. Вдохновителем этой политики был постоянный помощник Чинь Така, его премьер-министр (те-тыонг) Фам Конг Чы, хотя временами брала верх другая группа в правительстве (Чан Данг Туен и др.) — сторонники продолжения традиций реставрации в методах государственного управления и продолжения войн с Нгуенами (возможно, для решения проблемы нехватки земли в Дангнгоае). Внутриэкономическая политика обоих правительств Чинь Така была схожей, причем гибкостью она не отличалась, хотя и была тщательно продуманной. Особых успехов она не принесла, конец правления Така отмечен голодовками. Таковы общие особенности этого времени.

Номинальные монархи Ле, посаженные под охрану специальных войск, подчиненных Чиням, от власти были отстранены; в то же время стремление Чиней избежать появления взрослых императоров говорит об определенных возможностях Ле. Все годы своего правления Чинь Так настороженно следил за семьей Ле, императоры умирали в 18 и менее лет, начиная «править» порой в 9 лет (такой странной смертью умер в 1671 г. и виа Ле Зя Тонг⁵²). Обычно умершие в таком возрасте виа детей не имели, и это облегчало Чиням произвольный выбор наследника, как правило, из числа связанных по женской линии с родом Чинь.

В 1663—1666 гг., а отчасти и позднее шла важная кампания усиления контроля за правильностью и быстротой судебных решений (без принципиальных изменений в судопроизводстве). Суд был в XVII в. той сферой, где феодалы-чиновники, стремившиеся обзавестись поместьями, могли особенно быстро накопить необходимые средства за счет ограбления свободных крестьян. Расцвет лихоимства вел к обеднению основной массы

⁴⁹ Phan Huy Chu. Lich trieu... t. II, с. 41, 42. 49.

⁵⁰ Г. Ф. Мурашева. Вьетнамо-китайские отношения. XVII—XIX вв. М., 1973, с. 45.

⁵¹ Cuong muc. T. XVI, q. XXXIII, с. 29.

⁵² Там же, с. 28.

налогоплательщиков и к росту числа необлагаемых земель мелких и средних феодалов (а до 1723 г. такие земли практически не облагались налогами). Используя традиционные методы «приведения в порядок» и веря в эффект такого простого упорядочения, Чинь Так и Фам Конг Чы долго и деятельно боролись с лихоимством судей. В 1663 г. было запрещено основным группам населения откупаться от наказаний, что тоже снизило потенциальные доходы судей. Примечательно, что в своих мероприятиях правительство подчеркивало коллективную ответственность общины; в условиях быстрого распада этого института подобный подход демонстрировал ориентацию на прошлое, типичную для ранних десятилетий периода относительной стабилизации.

До 1666 г. в условиях сравнительного экономического благополучия правительство, занимаясь укреплением гражданской администрации, готовило поход на Маков, происшедший в 1666 г. Экономическое положение позволило частично снизить, а частично отменить после наводнения и голода 1663 г. два основных налога (подушный и поземельный). Хороший урожай 1664 г. и последовавшие за ним два обычных урожая укрепили экономику княжества.

Восстановление добрых традиций шло и в идеологической сфере, где попытки укрепления конфуцианских норм общественной жизни предпринимались наряду с борьбой против буддизма и деревенских суеверий. Продолжалась без решающего успеха и борьба с христианством и с влиянием китайских обычаев.

Внешнюю политику этих десятилетий отличало настороженное отношение к своему северному соседу; Ле и Чини не торопились признавать маньчжурскую власть. Когда нетерпеливые Цины сами признали Ле в 1646 г. и послали послов и подарки (1662 г.), вьетнамцы сообщили лишь (и то с годичным опозданием) о смерти Ле Хюен Тонга, посвятив этому особое посольство. Посольству было поручено сообщить и о признании Цинов. Это было сделано лишь в 1663 г.⁵³, т. е. год спустя после падения династии Южная Мин (1644—1662) на юге Китая, которую Дайвьет до конца считал представителем империи. И если в 1646 г. Цины без просьбы Дайвьета дали вуа титул Аньнань го-вана, то Ле и Чини признали Цинов только семнадцать лет спустя.

Основным направлением внутривластной деятельности, как уже говорилось, было восстановление в полном объеме гражданских процедур управления, столь эффективных до XVI в. Но в отличие от XV в. этот процесс не усиливал династию Ле, так как параллельно Чини официально утверждали себя рядом с Ле в сфере управления и церемониала. Именно 1664 год считался во вьетнамской феодальной историографии годом полной утраты Ле практической власти⁵⁴. Одновременно шло слияние через брачные союзы Ле с Чинями на уровне каждого поколения. Все восстановление оказалось связанным с Чинями; в то же время они укрепили свое положение главы военной власти через сложный постоянно действующий военный аппарат, полностью им подчиненный.

И лишь после окончательного отстранения Ле от возможного использования плодов стабилизации Чини начали практические работы по восстановлению гражданского аппарата. Было восстановлено шесть бо (министерств), но в отличие от прошлого главным было военное бо. Кроме того, были введены два важнейших поста в государстве: премьер-министр (те-тыонг)⁵⁵ и «улучшающий и украшающий» (бон-тунг), обычно занимавшийся внешней политикой и связанными с нею делами. Оба не входили в иерархию, существовавшую при Ле, и были полностью подчинены тюа. Вместе с министрами и главным придворным историографом они образовывали верхушку гражданской администрации. Военная власть, по-прежнему принадлежавшая роду Чинь и лично преданным тюа полководцам, помимо своей традиционной, гибкой и во многом непостоянной структуры (наличие временных должностей, Которые чиновник получал на

⁵³ Там же, с. 4.

⁵⁴ Cuong muc. Т. XVI, қ. XXXIII, с. 10.

⁵⁵ Также имел титул тхам-тунг.

один поход, и т. п.) оформилась в постоянную организацию в виде «Пяти дворцов»⁵⁶. Гражданская и военные организации не пересекались ни на организационном, ни на кадровом уровнях даже на высших ступенях иерархии, даже в рамках руководителей военного бо и армейского начальства. Роды гражданских и роды военных вельмож также не смешивались. До первой четверти XVIII в. особую часть военной знати образовывали старшие члены семьи Чинь, имевшие собственные войска. В немалой степени противопоставлению армии и гражданской администрации способствовал кадровый состав армии, состоявшей; в мирное время из уроженцев провинций Тханьхоа и Нгеан; статус солдат этих войск был равен статусу мелких чиновников.

В сфере экономики эти годы отмечены стремлением восстановить число налогоплательщиков путем возвращения в родные места бежавших мелких преступников — им обещалось прощение. В своей основной массе это были крестьяне, в возвращении которых было заинтересовано феодальное государство.

Мероприятия Фам Конг Чы, в первую очередь его социальная: программа, встречали сильное сопротивление. Осенью 1665 г. им была разгромлена группа Чан Данг Туена, сняты три из шести министров и два тхиланга (заместителя министра). В связи с этим конфликтом проявилась замечательная особенность «восстановительной» политики — традиции (возвращение к которым было провозглашено) не торопились восстанавливать в одной из важнейших сфер, а именно: кадры в значительной степени набирала не по конкурсу, что было традиционно, а руками чиновников с последующим утверждением сверху.

Во второй половине 60-х годов был предпринят долгожданный, поход на Маков: были достигнуты значительные успехи, но окончательно разбить Маков не удалось (1666 г.). В 1667 г. была проведена массовая мобилизация в четырех чанах⁵⁷, создана большая армия военного времени, во главе ее встали сам тюа и все крупные полководцы. Дорогостоящий поход увенчался успехом. Каобанг наконец был захвачен. Единственное, что омрачило радость победителей,— Мак Кинь Ву, главе Маков, удалось бежать к Цинам, и те, помня приверженность Чиней Южным Минам, его приютили.

Большая война 1667 г. была проведена в условиях стихийного бедствия. Страна, ослабленная угоном на войну массы трудоспособного населения и военными расходами 1666—1667 гг., тяжело, переживала великую засуху 1668 г. И когда в следующем году в Тханглонг прибыли цинские послы с требованием вернуть Макам-Каобанг, Чини оказались в трудном положении, тем более что на длительные переговоры оказывала влияние и надвигающаяся: летняя великая засуха 1669 г. Война с победоносными Цинами, только что сокрушившими Южных Минов, представлялась нежелательной, и пришлось вернуть Каобанг Макам. Дипломатическое поражение, утрату лавров военной победы, голод в стране — все это оппозиция предъявила как обвинение Фам Конг Чы, и Чинь Так согласился на его снятие. Чы заменил его враг — Чан Данг Туен. Новому правительству пришлось иметь дело с социальными последствиями голодовок: в долинной провинции Шоннам начались крестьянские восстания (напомним, что голодовки предшествующих лет не сопровождалась отменой налогов). Правительственные войска смогли подавить несколько «банд грабителей»⁵⁸, но положение оставалось напряженным. Одновременно участились выступления горных феодалов севера, где контроль Тханг-лонга не был достаточно сильным. Полное подчинение было в эти десятилетия еще трудноосуществимо, и правительство прибегло к различным маневрам: горских князей либо принудительно удерживали в столице, либо подавляли войсками, посланными из центра.

Отличаясь от Фам Конг Чы во внешней и отчасти во внутренней политике, группа Чан Данг Туена в экономической сфере продолжала его линию, а точнее, линию тюа Така,

⁵⁶ Cuong muc. T. XVI. q. XXXIII, c. 13—14.

⁵⁷ Так назывались земельные провинции дельты Красной реки, основная часть Дангнгоая.

⁵⁸ Cuong muc. T. XVI, q. XXXIII, c. 25.

неизменную при всех правительствах. Именно Чан Данг Туен осуществил в 1669 г. пресловутое «постоянное обложение», прокламировавшееся еще Фам Конг Чы в 1664 г. После тщательной переписи налоги и повинности (кроме провинций Тханьхоа и Нгеан⁵⁹) были зафиксированы навсегда⁶⁰. Временно уменьшились возможности злоупотреблений, но, чем дальше, тем больше такая система создавала трудности именно для бедняков. Архаическая по внешнему облику, эта реформа имела и прогрессивные последствия, так как провозглашала отказ государства от вмешательства в дела деревни (вмешательства, направлявшегося в конкретных условиях XV—XVII вв. на поддержку общины). Но экономическое положение оставалось напряженным: 1670 год оказался четвертым подряд неурожайным годом. Все внимание правительства тюа в 1669—1671 гг. было тем не менее сосредоточено на подготовке к новой войне с Нгуенами. Имелось много противников похода (сторонники Фам Конг Чы), и разногласия при дворе в начале 1672 г. приняли очень острый характер. Но в 1671 г., когда были завершены внешнеполитические приготовления к походу на Нгуенов, удалось урегулировать отношения с Цинами, поход был решен. Выждав один урожайный год, тюа собрал огромную армию и лично повел ее в 1672 г. на юг.

Хотя армия насчитывала около 100 тыс. человек, неудачные штурмы построенной Нгуенами Донгхойской стены сильно уменьшили ее размеры; она смогла отойти в порядке, но потери, людские и в ресурсах, были огромны. Сторонники войн на юге оказались полностью скомпрометированными в глазах Чинь Така; большую часть из них сняли с постов. К власти вернулся Фам Конг Чы, известный своей враждебностью к военачальникам и привилегированным войскам. Особенно недисциплинированы были так называемые «силачи», профессиональные солдаты из Тханьхоа и Нгеана, деморализованные постоянным участием в междоусобной войне.

Чинь Так не собирался больше воевать с Нгуенами, и это отражало настроение феодалов Дангнгоая в целом. Все более обостряющиеся внутренние аграрные проблемы перенаселенного севера все сильнее приковывали к себе с каждым десятилетием внимание Чиней. Отныне основным стержнем политики Чинь Така становится решение экономических проблем, а во вторую очередь — установление контроля в горах, для чего требовалось разбить Маков и подчинить горских феодалов. Во внешней политике он предпочитал постепенное давление на северные лаосские княжества с целью выхода в дальнейшем в бассейн Меконга. Вся эта политика связана с именем Фам Конг Чы и Нгуен Моу Тая, третьего и последнего премьера при Чинь Таке.

Борясь с последствиями голодовок и разорения, правительство вынуждено было, тем более что имелся повод (смерть императора Ле и воцарение нового), объявить амнистию, всегда рассматривавшуюся политиками того времени как средство возратить к полезному труду крестьян, осужденных за мелкие преступления, как правило связанные с голодовками. Бродяг сселяли в новые общины, давали им все права, скот и инвентарь⁶¹. Были приняты и более эффективные и перспективные меры — изъятие части земель в 1672 г. у феодалов из категории наследственных, а не служебных владельцев, «заслуженных подданных»⁶². Тем самым еще раз уменьшился объем землевладения архаической формы.

Отстранение от власти инициаторов активной военной политики вызвало недовольство, особенно у «знатных солдат» из Тханьхоа и Нгеана. Один из членов кабинета Ву Зюи Ти, бывший министр общественных работ Ле Хиеу, возглавил восстание солдат в столице. Мятеж был кратким, но упорным (он начался в момент задержки жалования солдатам); один из высших сановников государства был убит; тюа пришлось лично отстаивать самого Фам Конг Чы. После выдачи жалования солдаты успокоились,

⁵⁹ Где набиралась основная часть армии.

⁶⁰ Cuong muc. T. XVI, q. XXXIII. с. 26.

⁶¹ Phan Huy Chu. Lich trieu... t. II, с. 37.

⁶² Cuong muc. T. XVI, q. XXXIII, с. 29.

главарей казнили. С этого времени тья начали постепенно менять военную организацию, что нашло свое выражение в военной реформе тья Кыонга, отменившего предпочтительный набор войск в Тханьхоа и Нгеане. За подавлением мятежа Ле Хиеу последовала массовая чистка, в столице и чанах было уволено 1239 чиновников. Нестабильной была и политическая ситуация, в 1675 г. пятнадцати лет от роду умер вуа Ле Зя Тонг, «правивший» всего четыре года. Началось третье подряд «детское правление», что говорит об относительной слабости Чиней, по-прежнему всеми средствами стремившихся не допустить даже до фиктивной власти взрослого представителя рода Ле.

Вернувшись к власти, Фам Конг Чы продолжал начатую работу по укреплению гражданской администрации в недавно восстановленных шести бо. Одновременно началось планомерное отстранение от власти военных чиновников. Смерть Фам Конг Чы в 1676 г. не изменила политической ситуации. Вскоре к власти пришел премьер Нгуен Моу Тай. Новое правительство отличалось вниманием к национальным традициям, стремлением к укреплению традиционных культов. Оно вернулось и к постоянной проблеме Чинь Така — судебным злоупотреблениям: был усилен контроль из столицы за всеми решениями провинциальных судов по важным делам, даже если не было жалоб. Венцом судебных реформ Чинь Така было установление предельного срока процесса, причем очень короткого — не более одного года. После введения этого ограничения и реализации предшествующих решений указанная проблема была, видимо, на значительный срок решена.

Внешняя политика Нгуен Моу Тая шла в русле политики Фам Конг Чы, и ему удалось добиться успеха на одном из важных ее направлений. В 1677 г. вьетнамская дипломатия доказала причастность Маков к антицинскому мятежу У Саньгуя близ границ Дайвьета; одновременно войска Чинь Така выбили Мак Кинь Ву и его отряды из Каобанга. Цины приняли Мак Кинь Ву, но заступаться за него на этот раз не стали; это было фактически концом Маков.

Но основные усилия предпринимались в сфере экономики. Нехватка земель ощущалась все сильнее, и в поисках новых земель, с которых можно было бы собирать налоги, Нгуен Моу Тай не только продолжал мероприятия Чан Данг Туена, но и пошел дальше в том же направлении. Кратко позиции Фам Конг Чы и его оппонентов можно свести к следующему: первый не хотел вообще трогать земли феодалов, вторые, правившие позднее, забрали часть земли у неслуживших, переводя ее в казенные земли. Нгуен Моу Тай в 1677 г. начал отбирать землю уже у потомков «заслуженных подданных», получивших ее от Чиней в начале XVII в. (до этого брали у получивших от Ле в XV в.). Но одних этих мер было недостаточно. Впервые за годы правления Чинь Така были сделаны уступки, не носящие временного характера: крестьян стали освобождать по старости от налога не в 60, а в 50 лет⁶³; это было следствием непрерывных мелких выступлений и регулярного бегства крестьян. Государство снова было вынуждено отменить налоги и принять меры к убыстрению перевозок риса частными торговцами в голодающие районы: были отменены внутренние таможи и сборы на причалах рек. Тем самым были сокращены доходы служивших феодалов в целом, чтобы несколько ослабить налоговый гнет в отношении свободного крестьянства. Известно, что феодальные государства идут на такие меры лишь в критической ситуации. А сложилась именно такая ситуация (голод в Тханьхоа в 1679 г., в дельте в 1681 г., массовое бегство крестьян).

Периодические голодовки в 60-х и 70-х годах еще не были крупным кризисом. И если для экономии сокращались непроизводительные расходы на религиозные нужды и т. п., то лишь изредка отменялись или сокращались налоги (на один год). Но никогда не раздавали рис или деньги, никогда не прощали недоимок. Основной мерой были частные амнистии (последняя — в 1680 г.), когда прощали мелкие преступления.

⁶³ Там же, с. 40.

Для экономики важным было и проведенное еще Фам Конг Чы в 1664 г. нужное для торговли и городов мероприятие — унификация мер и весов на объективной основе — размер зерна риса. Отмена 13 внутренних таможен также способствовала развитию торговли; в 1679 г. Чинь Так, кроме того, временно отменил сборы и на сохранившихся внутренних таможах. Все это способствовало развитию внутреннего рынка. Но в целом экономическая политика, вдохновляемая архаическими идеями эры Хонгдык (XV в.), сочетала в себе прогрессивные и консервативные меры. Постоянное обложение, когда раз и навсегда устанавливалась норма налогов с общины, относится ко второй группе мер. Уменьшая возможность злоупотреблений в данный момент, оно во многом способствовало подрыву государственной экономики в будущем. Как уравнилительная мера, постоянное обложение ударило по богачам в общине, но, призванное заменить внутриобщинный механизм перераспределения земель в деревне, оно оказывалось невыгодным и беднякам в периоды общего ухудшения экономического положения. Тем не менее общины еще оставались основной опорой во многих сферах государственной экономики; руками общинников в 1664 и последующих годах проводился регулярный (а не когда надо) ремонт дамб, и руководили им старосты общин или государственные чиновники.

Конец правления Чинь Така ознаменовался новым политическим кризисом 1682 г., видимо отчасти связанным с экономикой. Были сняты премьер Нгуен Моу Тай и его сторонники. В 1682 г. власть после смерти Чинь Така перешла к неавторитетному, известному своей неуравновешенностью Чинь Кану (1682—1709). Он придерживался в целом линии Чинь Така, но был человеком средних способностей и весьма непоследовательным. Его отношения с практическими проводниками политики отца были плохими. Скоро он стал менять методы, а отчасти и цели правительственной деятельности. При этом, энергично занимаясь делами двора в начале своего правления, Чинь Кан опирался на иные, чем прежде, элементы — евнухов и кадровое младшее офицерство⁶⁴ (в какой-то мере на «силачей» из Тханьхоа и Нгеана). Практической же работой по управлению делами Дангнгоая он занимался мало и непоследовательно; в то же время его характер не допускал рядом твердых принципиальных советников⁶⁵.

Для политики Чинь Кана и ставшего в 1693 г. премьером Нгуен Куан Нью (1693—1696) было характерно стремление избегать войн с горскими феодалами и пограничных конфликтов с маньчжурскими войсками; началось постепенное продвижение в более перспективном направлении — на запад, к перевалам, ведущим в долину Меконга, и длительная борьба за влияние в горном лаосском княжестве Сиенкуанг (Чаннинь)⁶⁶. Внутреннее положение постепенно становилось менее устойчивым. 1694 год ознаменовался чисткой тхи-лангов; в дальнейшем были еще две крупные чистки, а затем ожесточенная борьба за власть на фоне голодовок 1702—1704 гг. Политическое спокойствие принесли с собой в 1704 г. лишь «друзья» наследника — Чинь Кыонга.

Первые 11 лет правления Чинь Кана были временем умеренной политической нестабильности при дворе при прочных экономических и внутри- и внешнеполитических позициях государства. Это отмечено и феодальными историками для периода вплоть до 1698 г., хотя с 1694 г. зачастили стихийные бедствия и впервые помимо отмены налогов пришлось прибегнуть к раздачам риса в голодных районах. Дело восстановления во всей полноте государственного гражданского аппарата (нужное для укрепления власти феодалов, но проводившееся в архаических формах) пошло медленнее. Чинь Кан задержал администрацию немотивированными снятиями и назначениями; постоянная опора на евнухов и младших офицеров раздражала остальных чиновников, как и «выдвижение по

⁶⁴ Там же, с. 46—48.

⁶⁵ Лишь в конце правления, когда власть перешла к сторонникам его наследника Кыонга — Нгуен Куи Дыку и Дает Динь Тыонгу (1703—1709), можно говорить о последовательной государственной политике.

⁶⁶ M. L. Manich. *History of Laos*. Bangkok, 1967, с. 159—164.

рекомендации»⁶⁷, без экзаменов (аналогичную политику вели в это время и Нгуены). Чинь Кан беспокоился в основном об укреплении своей личной власти и об утеснении Ле. Он присвоил себе титул из одного иероглифа (привилегия Ле); заботясь о преемственности, очень рано назначил себе наследника. Внешнеполитическое положение начало также осложняться с 1688 г., когда участились пограничные конфликты с цинскими властями.

В экономике в 80-е годы еще чувствовался «импульс Така», много занимавшегося выяснением причин бегства крестьян, способов сохранения числа налогоплательщиков и ведшего соответствующую политику. Но уже в 1684 г. возникли трудности в сельском хозяйстве, возможно связанные с ослаблением государственного аппарата при Чинь Кане,— наводнения сопровождались крупными разрушениями дамб, что обычно происходило при плохом уходе за ними.

«Благополучное пятилетие» (1682—1687) сменилось засухой 1687 г. и трехлетней войной в горах севера с нунгами и их покровителями — маньчжурскими губернаторами пограничных провинций. Эти длительные и не очень удачные войны, дополненные новым прорывом дамб, видимо, и повлекли за собой кризис в верхах в начале 90-х годов.

Засухе 1687 г., предвестнику вспышки аграрной неустойчивости рубежа XVII—XVIII вв., соответствовала вспышка социальной неустойчивости. Засуха привела к неурожаю и резкому росту цен на рис (рынок к этому времени обслуживал уже значительную часть населения и четко реагировал на экономическую ситуацию). Именно из-за связи голодовок и «преступлений» одной из наиболее частых и «дешевых» уступок правительства по-прежнему были амнистии, рассчитанные на голодных крестьян, совершивших мелкие преступления. Вооруженная борьба никогда не попадала под амнистию, в чем сказался классовый характер юридической практики феодального Дайвьета. Несмотря на голодовки, Чинь Кан и его окружение не шли на отмену налогов, ограничиваясь усилением контроля за функционированием ирригационных систем; это было типичной для стран Азии формой вмешательства государства в экономическую жизнь, поскольку контролировался расход воды и ее распределение. Но голодовки вынудили вернуться к детальному изучению положения в деревне, как это делалось при Чинь Таке, и тогда был подтвержден указ о «постоянном обложении» на основе старой переписи Фам Конг Чы. Признавая появление в деревне новых полей, освоенных после 1667 г., правительство Чинь Кана подтвердило их необлагаемость; в этом сказалось стремление укрепить положение деревни в целом; однако есть все основания предполагать, что новые земли осваивались по преимуществу зажиточными слоями деревни.

Но при всем этом основные усилия были по-прежнему направлены в сферы, связанные с тратами, а не с доходами; попытки решения «нунгской проблемы» отнимали в 1688—1692 гг. значительные силы и средства. Ключом к ней оставались несдавшиеся сторонники Маков, чью ударную силу составляли дружины нунгских князей. В 1680-х годах известный горский правящий род Ву выступил против Дайвьета под буддийскими лозунгами (как это делали и многие повстанцы вьетнамского севера). Войска Чиней вынуждены были снова прочесать Каобанг, нунги были разбиты, и цинские губернаторы выдали Ву как союзника Маков⁶⁸. Это было полным отказом от политики династии Мин, причем Цины сделали это не из расположения к Дайвьету, а из-за неприязни к Макам.

Улучшение отношений с Цинами позволило разбить пиратов на побережье у дайвьето-цинской границы. Но на уровне местной администрации Цинов, нашедшей общий язык с остатками сторонников Маков, продолжались конфликты, хотя двор Цинов решительно, вплоть до казней отдельных чиновников, поддерживал Ле и Чиней. Опираясь на эту поддержку, наведя порядок в приморье, признав естественно сложившуюся в результате решений нунгских феодалов границу и ликвидировав в горах экономические и социальные последствия восстания Ву Конг Тоана (были собраны разбежавшиеся

⁶⁷ Cuong muc. T. XVI, q. XXXIV, c. 48.

⁶⁸ Там же, с. 53.

крестьяне), правительство Чинь Кана нанесло последний удар по Макам. Их войска были разбиты, последний представитель «династии» Мак, Кинь Тю, был доставлен в Тханг-лонг и казнен.

Успешное военное решение на севере было обусловлено внутривластным спокойствием. Хотя в 1690 г. прорыв дамб в Шоннаме привел к неурожаю в этом чане, положение было выправлено отменой и дифференцированным сокращением налогов, без раздач денег и риса. Во внутренней политике также отмечен лишь один, упоминавшийся выше кризис 1691 г. Спокойствие позволило правительству Нгуен Ван Тхыка вернуться к административной реорганизации в стиле Чинь Така: были проведены по полной старой норме экзамены высшего уровня, усовершенствована работа академии Хан-лам, установлены правила аттестации низших чиновников.

Но пассивное следование линии Чинь Така при общем ухудшении экономического положения и серии войн, потребовавших заметных затрат, не могло обеспечить решение все обостряющихся аграрных проблем. Начались первые заметные аграрные трудности, борьбу с которыми Чинь Кан поручил Нгуен Куан Нью. Последний обратился к двум основным внутренним проблемам: сельскохозяйственная экономика и продолжение воссоздания гражданского управления. Внешнеполитические вопросы Нгуен Куан Нью не интересовали, а вот аграрные проблемы не ждали, 1694 год принес градобитие и голод в половине дельты, следующий год — наводнение и голод в Тханьхоа, а летом еще и засуху. В Шонтэе тоже, по-видимому, было голодно и беспокойно, так как туда на подавление «разбойников» был брошен знаменитый полководец Ле Тхи Лиен. Нгуен Куан Нью энергично боролся с кризисными явлениями, вначале — обычными методами, а когда выяснилось, что их недостаточно, — экстренными. От выборочной отмены налогов в 1694 г. и их сокращения в 1695 г. он быстро шел к раздаче денег (а не риса) в голодных районах, что для той эпохи было новшеством.

Реконструкцию гражданского аппарата Нгуен Куан Нью продолжал достаточно эффективно. Все шире разворачивалось экзаменационное дело; для пропаганды государственной идеологии были отпечатаны только что завершенные (их писали 33 года) «Последовательные записи государственной истории». Эту важную для конфуцианского воспитания книгу «распространяли по стране»⁶⁹. Из других мероприятий по укреплению идеологического единства и единообразия можно выделить два направления: во-первых, меры против распространения христианства, которые принимались с начала 60-х годов, и, во-вторых, меры против распространения китайского влияния.

В 1696 г. место премьера занял беспринципный карьерист Ле Хи, «хитрый и подозрительный»⁷⁰; он в основном интересовался укреплением своей власти, и его единственной инициативой было продолжение борьбы за Чаннинь на западе и за влияние на горные племена на севере. Объединившись с древним феодальным горским родом Кам, Чинь посадили на трон Чанниня своего ставленника Чиеу Фука. С этого времени войны из-за влияния на Чаннинь стали регулярными, влияние Дайвьета там медленно, но неуклонно росло.

Ле Хи не удалось добиться успеха в своей «северной» политике, хотя столкновения сменились переговорами (в 1697, 1698 гг.), но нунгские феодалы, которым покровительствовали Цины, границ не признавали и делили свои земли по желанию. В столице усиливалась оппозиция, группировавшаяся вокруг частных школ, которыми руководили многие бывшие крупные сановники; в таких школах насчитывалось до сотни учеников. Но прежде чем оппозиция выступила, Ле Хи умер (в 1702 г.), оставив дела в довольно запутанном положении. С 1702 г. начался семилетний период неурожаев, сам этот год ознаменовался наводнением и разрушением дамб в Тханьхоа, что повлекло за собой голод; неурожай был и в Нгеане. Одним из последствий было бегство «знатных солдат», набравшихся в этих провинциях; это повлияло на численность армии.

⁶⁹ Там же, с. 68.

⁷⁰ Там же с. 71.

В целом же, несмотря на отдельные внешнеполитические неудачи и медленное ухудшение положения в деревне, период с 1660 по 1702 г. был временем социально-экономической стабильности и постепенного укрепления феодального аппарата управления.

Обострение социальных противоречий в начале XVIII в. и попытки их смягчения. В 1702 г. после смерти Ле Хи Чинь Кан отдал власть его старому противнику — к власти снова пришел Нгуен Куан Ньо. Но теперь укрепление центральной власти происходило уже параллельно с оттеснением Чинь Кана от власти.

Были возвращены на свои места беглые крестьяне, солдаты, причем поручено это было организовать местной гражданской администрации (а не военным инспекторам). Гражданским чиновникам периферии также было предписано «тайно» информировать двор об имеющихся трудностях⁷¹. В 1702—1703 гг. шла напряженная борьба за определение путей дальнейшего политического развития страны. Серия смертей наследников престола привела к мало желательной первоначально для Чинь Кана кандидатуре молодого, но уже вполне самостоятельного Чинь Кыонга. После долгого колебания и придворной борьбы Чинь Кан согласился с требованием группы «улучшающего и украшающего» Нгуен Куи Дыка (будущего премьера при Чинь Кыонге) и крупного полководца из семьи Чинь, племянника Чинь Кана — Данг Динь Тьонга. 18-летний Чинь Кыонг стал наследником. Тогда же был принят ряд решительных мер, чего требовала обстановка: в Тханьхоа голод был уже второй год (там пришлось отменить налоги), риса не хватало уже в столице (снова стали раздавать голодающим деньги). Ограничивая власть военных, правительство устранило военных правителей окраинных провинций от непосредственного управления ими, обязав их жить в столице. Эта система была широко распространена в Юго-Восточной Азии (Камбоджа, Ява, Лаос)⁷² и обычна для централизованных государств, где фактически правили кадровые гражданские чиновники. Решение о выборе наследника вызвало заговор против Чинь Кыонга, но группа его сторонников уже овладела положением, и заговор был подавлен.

После ликвидации заговора Чинь Кан, сохраняя титул тюа, практически сошел с политической арены, многие сторонники Кыонга заняли руководящие посты. В 1705 г. был смещен при жизни император Ле Хи Тон, «править» стал Ле Зу Тон; вряд ли это тоже было случайностью. Решив проблему власти, «новые люди» стали проводить экстренные меры в аграрной сфере. Если общая для всей страны отмена налогов в связи с воцарением нового императора была сравнительно скромной (20% летнего урожая), то для пострадавших районов выборочно были прощены недоимки с 1703 г., была объявлена амнистия для беглых, сокращены налоги и повинности, раздавалось продовольствие и имущество. Основные усилия были направлены на помощь беднейшим свободным общинникам (прощение недоимок, возвращение беглых), а не деревне вообще; в этом сказались новизна мероприятий.

В государстве постепенно усилились позиции Нгуен Куи Дыка. Его линией было продолжение политики Чинь Така, и ее держались до 1713 г. Упорядочение административного аппарата начало, давать свои плоды, гражданская администрация, подчиненная тюа, уже ведала основными (но еще не всеми) аспектами управления. Заботой правительства все более становится не реформирование чиновничьей машины, а контроль за ее функционированием, поощрения и наказания. Одна из важнейших мер этих лет — установление пенсий для офицеров и воинов — была проведена в характерной для раннего периода фактического, а затем и формального правления Чинь Кыонга (1707—1713) традиционной манере, с оглядкой на XV в. Семьям офицеров давались поля в общине (15 или 20 мау, что довольно много) на основе постоянных прав, похожих на диен лок предшествующих веков и ранги что освобождало эти семьи от налогов и повинностей;

⁷¹ Там же, с. 75.

⁷² Д. В. Деопик. Внутриполитическая история позднего Маджпахита и ее связь с изменением структуры феодалов. Малайско-индонезийские исследования. М., 1977, с. 25—41.

отчасти это подрывало систему «постоянного обложения». Семьи солдат получали по 5 мау, а сыновья погибшего освобождались от повинностей⁷³. Так складывались кадры будущих помещиков, но пока они не платили даже легких налогов (семьи офицеров долго, семьи солдат — одно поколение). В пенсионном законодательстве сказалась та преимущественная забота о солдатах (еще ярче проявлявшаяся у Нгуенов), которая постоянно отличала режим тюа в Дайвьете. Это крупное мероприятие было проведено на фоне продолжающегося серьезного аграрного кризиса, пережить который режим Чиней во многом смог благодаря прочности политических позиций «группы Кыонга». Когда засуха и голод с 1703 г. повлекли за собой массовое бегство и народ, несмотря на амнистии (т. е. прощение вины — побега), не возвращался, прибегли к новым методам: в 1707 г. беглецы в случае возвращения освобождались от налогов и повинностей не только, как в 1705 г., за данный год, но на пять лет вперед; те, кто уже вернулся и наладил хозяйство, но продолжал бедствовать — на три года вперед. Временной, но эффективной мерой был срочный разбор судебных дел в провинциях. Это были уже не судебные реформы, а скорее превентивные антиповстанческие меры.

В том же 1707 г. прошла срочная чистка кадров в провинциях, в первую очередь уездных начальников, как «наиболее тесно связанных с народом»⁷⁴. Это было бесспорно уже делом «группы Кыонга», который всегда радел о качестве гражданской администрации. В следующем, 1708 г., еще при жизни Чинь Кана, «его» премьер Нгуен Куан Нью был заменен «премьером Кыонга» Нгуен Куй Дыком. Это небывалое смещение, тем более, что старый премьер не умер, а ушел в отставку, говорит о фактическом переходе власти к Чинь Кыонгу; ему было уже 23 года.

В начале 1709 г. умер Чинь Кан, по-видимому уже отстраненный от дел. Его сменил Чинь Кыонг, фактически правивший с 1707 г., молодой энергичный деятель, чье четвертьвековое правление (он умер в 1729 г.) ознаменовалось последней серьезной попыткой Чиней найти разрешение аграрного кризиса в рамках режима тюа. Чинь Кыонг умер в расцвете сил, в 43 года, и все годы правления деятельно занимался важнейшими проблемами экономики и политики. Умный, спокойный, работоспособный, без излишних амбиций, он был правителем, который так нужен был феодалам Дангнгоая в те времена; даже враждебные Чиням летописцы Нгуенов нашли для него (единственного из Чиней) слова похвалы.

Важнейшая особенность политики Чинь Кыонга — напряженная преобразовательная деятельность в экономической и социальной областях при почти полном отказе от внешнеполитической, военной и культурной активности. Экономя на всем, Чинь Кыонг укреплял феодальное государство, во-первых, временно ослабив аграрные противоречия рядом объективно прогрессивных реформ, во-вторых, закончив восстановление в несколько усовершенствованном виде наиболее эффективной в условиях тогдашнего Вьетнама формы господства класса феодалов — феодально-бюрократической деспотии, управляемой иерархией гражданских чиновников. На практике это выглядело сначала как завершение реформ Чинь Така (до 1714—1715 гг.), когда Чинь Кыонг пытался реализовать аграрную программу Чинь Така, затем как комплекс самостоятельных преобразований, в ходе которых восстановление гражданской системы феодально-бюрократического правления велось с учетом изменившейся социальной структуры общества, с учетом меньшей необходимости для класса феодалов в обширной прослойке чиновников-куанов и возросшей роли военных феодалов (во все большей степени — помещиков). Чинь Кыонг отказался от многих ненужных, социально не мотивированных элементов феодально-бюрократической машины и стремился свести ее функции к минимально необходимым. При этом учитывалось, что значительные экономические и усиливающиеся политические позиции в управлении на местах все более занимали помещики. В экономике Чинь Кыонг шел в том же направлении, что и Зя Лонг в

⁷³ Cuong muc. T. XVI, q. XXXV, c. 81.

⁷⁴ Там же, с. 82.

начале XIX в., но он не имел ни социальной базы, ни времени для государственного оформления новой феодально-поместной вьетнамской монархии с ее тенденцией к абсолютистской форме правления.

Уделяя основное внимание реформам, Чинь Кьонг стремился не расшатать при этом административный и хозяйственный механизм. В условиях частых голодовок, когда ощущался надвигающийся социальный кризис, он нашел и осуществил меры, на четверть века отсрочившие социальный взрыв. Объективной основой этого было то, что феодализм во Вьетнаме еще не исчерпал своих возможностей, а кризис середины — второй половины XVIII в. был не кризисом феодализма вообще, а кризисом развитого феодализма и переходом к позднему феодализму.

Правление Чинь Кьонга четко делится на две части, каждой из которых соответствовали своя социально-политическая программа и проводивший ее политический деятель. На первом этапе молодой еще Чинь Кьонг энергично и последовательно завершил преобразование государственного аппарата вместе с Нгуен Куй Дыком, на втором — вместе с «новым человеком» Нгуен Конг Хангом решительно изменил аграрную политику для достижения тех же целей социальной феодальной стабильности в несколько иных социальных и государственных формах. С концом правления Чинь Кьонга завершился «период покоя», наступивший после окончания войн Нгуенов и Чиней. Он длился около 70 лет и был временем стабилизации феодальных отношений в Дангнгоае и Данг-чаунге в формах, более новых и устойчивых в Дангчаунге и менее в Дангнгоае, где кризис разразился раньше, в середине XVIII в.

В 1708—1711 гг. страна жила сравнительно благополучно, первый этап правления начался, таким образом, спокойно и в экономической сфере; это освобождало руки Чинь Кьонгу и Нгуен Куи Дыку. Тем не менее свой приход к власти Чинь Кьонг отметил большими льготами для крестьян и горожан, чем те, которые за четыре года до этого сопровождали проведенное по его же инициативе возведение на престол нового императора династии Ле.

В 1710 г. Чинь Кьонг официально провозгласил свою централизаторскую тьюацентристскую программу, направленную в традициях Чинь Така против «вельмож»⁷⁵, за восстановление норм золотого века — эры Хонгдык. В экономической сфере он в эти годы, с одной стороны, боролся с «текущими» бедствиями экстренными мерами из арсенала Чинь Кана и Нгуен Куан Ньо, с другой — вел постоянную работу по улучшению положения в сельском хозяйстве; именно она в конечном счете позволила Данг-нгоаю пережить второе (после 1702—1707 гг.) ухудшение экономического положения в 1724—1729 гг. Именно в эти годы были реализованы в полном объеме экономические идеи предшествующего периода и проведены «архаические» реформы 1711 г., ориентированные на восстановление старых порядков в деревне.

Тогда же был усилен контроль столичного гражданского чиновничества за провинциальным, на этот раз в очень важной сфере ремонта и возведения дамб, которые были запущены при Чинь Кане и были причиной стольких бед. Как при Чинь Таке, так и при Чинь Кьонге дамбы прорывало редко, так как за ними следили. Засухи бывали и при Чинь Кьонге, с этим трудно было что-то сделать, но неурожая из-за прорыва дамб, т. е. по нераспорядительности властей, не было. Столичное чиновничество использовалось и для укрепления постоянными кадрами провинциальных учреждений.

Ключевой в этот период «следования традициям» была аграрная реформа 1711 г., представлявшая собой попытку восстановления социально-экономической системы, основанной на общине, но без учета того обстоятельства, что сохранившиеся общины ослабли и были поставлены под жесткий контроль государства, с одной стороны, и разъедены помещиком — с другой; заклад земель общинником стал обычным явлением. Реформа имела целью усилить слой казенных налогоплательщиков за счет деревенских

⁷⁵ Там же, с. 85.

мелких помещиков, т. е. за счет исторически перспективной группы класса феодалов. Это была программа восстановления общинного землевладения, но не под контролем деревенской крестьянской верхушки (как в XI—XIV вв.) и не под контролем местной администрации (как в XVII — начале XVIII в.), а под непосредственным контролем центральной власти. Система предполагалась искусственная, труднореализуемая и вряд ли жизнеспособная, так как государство не располагало средствами контроля; в конце XVII в. до половины налогов собирали «частные лица», т. е. условные владельцы (получатели жалованья — нгу-лока и пр.), закрепившие землю и общинников за собой⁷⁶. Чинь Кьонг явно переоценил способность общин к самовозрождению, а именно на этом строилась его программа.

Как выглядело это важнейшее мероприятие? Во-первых, было предписано произвести распределение земель в общинах специальными ревизорами (а не чиновниками хюенов). Во-вторых, распределение производилось по едокам, причем лишь частично учитывалось право привилегированных жителей общин на диен лок, т. е. на дополнительные земли, полученные за те или иные заслуги. В-третьих, недавно возделанные поля, не облагавшиеся в рамках «постоянного обложения» Фам Конг Чы, теперь включались в раздел по едокам, т. е. по числу всех членов семьи, а не по числу налогоплательщиков (хотя в принципе «постоянное обложение» еще не отменялось). В-четвертых, запрещалась купля-продажа общинных и наносных, т. е. не вновь созданных чьим-то трудом, земель⁷⁷. Таков был комплекс мер, откровенно направленных против неслуживших, а отчасти и служивших мелких и средних феодалов-помещиков, которые в отличие от крупных феодалов прошлого захватывали земли внутри общин. Подобное грубое вмешательство в естественно сложившиеся аграрные отношения повлекло за собой, судя по всему, сопротивление помещиков, неопределенность правовых отношений в деревне вообще, аграрные неурядицы и повышенную чувствительность крестьянства к стихийным бедствиям. Голодовки происходили с 1712 по 1714 г., а затем, в 1715 г., началась чума. Примечательно, что после изменения аграрной политики в 1716 г. голодовки прекращаются. Возможно, субъективно направленные на улучшение положения средних и беднейших крестьян, мероприятия настолько грубо разрушали сложившиеся структуры, что не смогли быть реализованы и вызвали сумятицу на местах. Нельзя не учитывать и естественное сопротивление сильных уже в деревне помещиков; о том, что сокрушить их не удалось (да и не заинтересовано было в этом политически феодальное правительство), свидетельствуют весь ход дальнейших событий и признание через десять с небольшим лет помещичьего землевладения.

Проблема возвращения беглых в деревню «на исходных основаниях» была одной из главных в борьбе за восстановление и увеличение числа тяглых. В том же, 1711 г. в рамках борьбы за увеличение числа свободных налогоплательщиков и повышение их налогового потенциала (основная цель) было запрещено «людям влиятельным и сильным» создавать на диен лок общины зависимых крестьян из беглых⁷⁸. Тем самым не допускалась «законная» утрата беглыми их статуса налогоплательщика — свободного крестьянина. Примечательно, что беглые, осевшие на ничьих, заброшенных землях и тем самым не бывшие ни от кого в зависимости, не возвращались государством обратно, а получали на месте статус тяглых; это показывает, что Чини, как и Нгуены, поощряли свободную крестьянскую колонизацию, но земель у них было мало. Последнее решение знаменовало собой еще один шаг в сторону от принципов «постоянного обложения». Закон о запрещении создавать зависимые общины был направлен против крупных землевладельцев и, естественно, был полумерой (он не имел обратной силы).

Закон 1711 г. был попыткой уменьшить земельное богатство эксплуататоров за счет исторически перспективного слоя помещиков (хотя уже имелся противоположный

⁷⁶ Cuong muc. T. XIX, q. XLIV, c. 49.

⁷⁷ Cuong muc. T. XVI, q. XXXV, c. 86.

⁷⁸ Там же.

опыт ущемления именно архаических групп куанов во времена реставрации, «заслуженных подданных» — феодальных рантье в конце XVII в.). Подобная направленность и обусловила крах реформы 1711 г.

Мерам по укреплению традиционных аграрных отношений и основанного на них государственного гражданского аппарата соответствовали меры по укреплению идеологического единства класса феодалов. Одной из таких мер была новая вспышка борьбы с христианством в 1712 г. — принудительное татуирование и штрафы.

В эти годы, как уже говорилось, преобразовательная деятельность шла на фоне «большого голода» и недовольства. В 1713 г. началось крестьянское восстание в Анкуанге (пров. Куангнинь). Восстание было подавлено в 1714 г. специально направленными войсками⁷⁹. Неэффективность реформы 1711 г. заставляла все более отходить от первоначальной программы в сторону признания существующих реальностей. Проведенные в этой связи экстренные меры также были шире и глубже, чем у предшественников Чинь Кьонга. Он отказался от половины сборов на внутренних торговых путях, чтобы облегчить перевозки риса частными торговцами, временно прекратил строительство, сокращал расходы на религиозные празднества. Была объявлена очередная амнистия. Видимо, эти меры наряду с общим укреплением государственной власти позволили избежать крестьянских восстаний в 1711—1712 гг. Но неурожай 1713 г. привел к продолжению голода, «цена на рис поднялась высоко»⁸⁰, многие уже умирали от голода. На второй год голода Чинь Кьонг начал раздачу риса. Тогда же, не дожидаясь истощения государственных запасов, были мобилизованы рисовые запасы чиновников и богачей — за рис давали титулы и должности. Деньги же в основном давало государство, в первую очередь их получали столица и поставщик армейских кадров — чан Тханьхоа. В центральных четырех чанах ограничили выборочным прощением налогов (чего не было в 1712 г.). Новым трудностям, таким образом, были противопоставлены новые, более эффективные меры.

Но грандиозное осеннее наводнение смыло много деревень и их ирригационные сооружения. В этой острой ситуации Чинь Кьонг пошел на обложение (единовременно) зависимых крестьян (!), принадлежавших титулованной знати, чиновникам двора и дворцовым ведомствам⁸¹. Тем самым начался переход к обложению (сильно облегченному) феодальных титулованных и служилых землевладельцев, поскольку облагавшиеся крестьяне принадлежали последним. Сделано это было лишь в отношении тех землевладельцев, для которых в 1713 г. уже существовали оформлявшие их владение юридические нормы; лишь десять лет спустя правительство Чинь Кьонга обложило мелких и средних помещиков, до того юридически не признававшихся. Меры 1713 г. дали немалые дополнительные деньги — 206 тыс. куанов с совершеннолетних мужчин-зависимых. Основную группу таких зависимых (107 тыс.) составляли те, кто платил ренту-налог служащим или отставным чиновникам, или титулованной знати; вторая по численности группа (64 тыс.) — дворцовые крепостные крестьяне; третья (35 тыс.) — прислуга титулованной знати и гражданских и военных чиновников. Хотя принятые меры позволили смягчить последствия неурожая 1714 г., летняя засуха этого года все же дала себя знать: «в Шонтэ банды разбойников», а это чисто вьетнамский центральный чан, вблизи столицы. В 1715 г. в чанах Шонтэк и Киньбак «воры и грабители, враги поднялись во многих местах», но широкого распространения восстания не получили. Чума в Нгеане в 1715 г., завершая «цикл бедствий», также не имела социально-политических последствий. На пять лет Дангнгоай вступил в полосу экономической стабильности. Именно в эти годы начался второй этап аграрных мероприятий Чинь Кьонга, ознаменовавшийся отказом от старой политики и учетом реального положения в деревне.

⁷⁹ Ngien cuu lich su (далее — NCLS). 1965, № 75, с. 29.

⁸⁰ Cuong muc. Т. XVI, q. XXXV, с. 85.

⁸¹ Ngo Cao Lang. Lich trieu tap ky. Т. I, с. 210—211.

Трудные годы не были временем внутри- и внешнеполитической активности. Наиболее важными событиями можно считать подавление последнего выступления сторонников Маков в Каобанге и борьбу с морскими пиратами в 1714 г.

Даже в голодные годы продолжались мероприятия по превращению гражданского аппарата в дисциплинированный и централизованный механизм, во многом отличный от старой, феодальной бюрократии. Был введен испытательный срок для правителей провинций, а вскоре — проверка одного определенного вида деятельности сразу по всем ведомствам, что усиливало централизацию. Проблема централизации упиралась в провинциальное управление (после упорядочения центральных ведомств), и этому вопросу при Кыонге уделялось много внимания. В функции высших правителей десяти чанов (четыре центральных чана — Шоннам, Шонтэй, Хайзыонг, Киньбак; Тханьхоа, Нгеан и четыре пограничных чана) входило получение налогов и стимулирование сельского хозяйства, организация общественных работ по строительству и защите дамб, перевозкам. Они же были судьями, организаторами борьбы с разбойниками. На них возлагалось и наблюдение за внутривластным положением; они обязывались сдерживать «сильных и могущественных»⁸², особенно в отношении солдат (чтобы тех не доводили до бегства). Занимались они и военными делами. Второй фигурой в провинции был «местный военный правитель из управления командующего», т. е. тюа; его функции — военно-экономические: борьба с разбойниками, расследование дел злоумышленников (гражданский губернатор в основном разбирал гражданские иски), ремонт дорог и дамб, укрепление пограничных застав и набор солдат. Как видим, функции его частично переплетаются с функциями гражданского правителя, но в основном он самостоятелен.

В 1716 г. Чинь Кыонг и Нгуен Куи Дык, возможно не без советов уже вошедшего в высший круг Нгуен Конг Ханга, начали отход от архаических мер предшествующего полувека: была торжественно провозглашена отмена «постоянного обложения» Фам Конг Чы, как разорительного для налогоплательщиков. Действительно, в условиях роста поместного землевладения внутри общин «постоянное обложение» не учитывало роста полей богатых жителей (а средства для распашки новых полей, естественно, имелись только у них) и роста числа едоков и соответственно уменьшения площади поля на душу населения у малоземельных и било прежде всего по беднякам. Так начался второй этап аграрной политики Чинь Кыонга, сделавшего первый шаг к признанию нового состава деревенского населения, нового распределения земли в деревне. Хотя все были обложены пропорционально количеству земли, объем оставшегося у богача риса был больше, так как у него было больше земли при обычном, разумеется, размере семьи. Естественно, что у богача была также масса возможностей уклониться от уплаты налогов.

В 1719 г. правительство сделало еще один шаг к изменению системы эксплуатации в деревне применительно к ее сложившейся в XVIII в. структуре: проверкой были установлены реальные размеры земельных владений жителей деревень, выявлены богачи и бедняки (т. е. документально подтвержден крах реформы 1711 г. и «постоянного обложения»). Налоги были установлены в соответствии с реальным богатством, при этом социальная природа «богатых» не указана⁸³. Но хотя «богатым» достались теперь более тяжелые налоги, чем в 1716 г., зато они были юридически признаны в отличие от 1711 г.; это был важный шаг к завершающей реформе 1723 г. Естественно, что повышенное обложение, если бы оно относилось только к богатым крестьянам, устроило бы феодалов, но тут обложению подверглась растущая массовая часть класса — мелкие феодалы деревни. Неясно, насколько последовательно проводился в жизнь указ 1719 г.; отменен он был уже через четыре года именно в части, ущемлявшей интересы мелких феодалов, — их обложение стало более легким. Но для этого им нужно было иметь статус для своих земель, добиться рассмотрения их как земель, к общине и государственной службе не имеющих отношения; начавшийся в XV в. процесс формирования мелкого феодала,

⁸² Dai Nam hoi dien su le. q. XIII, c. 78 — Cuong muc. T. XVI, c. 93.

⁸³ Cuong muc. T. XVI. q. XXXV, c. 99.

владельца диен лок внутри общины завершался его выходом из ее обветшалых рамок. Переход к учету государством количества земли на душу населения означал его отказ от использования общинного механизма как основного орудия фиска, отныне государство становилось в прямые отношения с налогоплательщиками. Впервые указывалось: «В настоящее время в стране не учитываются поля общинные или личные (!), проведем общую проверку и обмер»⁸⁴. Это — прямое указание на наличие юридически различных земель в деревне, оно позволяет рассматривать обложение помещиков, чьи земли («личные») уже прямо названы в тексте указа, как меру временную, а весь указ — как непосредственную подготовку к различному обложению общинных и «личных» земель.

В 1718 г. была осуществлена важнейшая реформа, без которой невозможно было завершение создания зависящей только от Чиней гражданской администрации, существующей параллельно с декоративной администрацией Ле. Было образовано в рамках администрации тюа (дворца, как тогда говорили) шесть хюенов (вместо прежних трех), взявших на себя соответственно функции шести бо, чья деятельность тем самым превратилась в фикцию. Одновременно было организовано шесть специальных налоговых ведомств, собиравших поземельный и подушный налоги с определенных территорий и доставлявших средства для функционирования аппарата. Им, а не министерству финансов (как прежде) принадлежала «главная власть в отношении имущества, налогов, солдат, зан диней (совершеннолетних общинников. — *Авт.*) в провинциях»⁸⁵. Весь этот государственный механизм, будучи новым, лучше отражал ситуацию XVIII в., чем бо династии Ле, и уже потому был более эффективным. Но одновременно резко возросли число чиновников и потребность в налогах, хотя при рачительном Чинь Кьонге последствия этого еще не были болезненными. Укрепление гражданского аппарата сопровождалось чисткой и борьбой за повышение эффективности среди периферийных военных правителей из «управления командующего»; основным направлением было повышение быстроты передачи информации и выполнения приказов. Эту же цель преследовало и упорядочение процедуры подачи докладов о преступлениях; дела о «бандах разбойников» и о «мятежниках» рассматривались немедленно; феодальное государство стояло на страже интересов своего класса.

Экономическая политика Чинь Кьонга также имела ряд новых черт в 1715—1729 гг. В его правление феодальное государство в поисках источников эксплуатации все чаще обращается к неземледельческим видам деятельности. В Дангнгоае такой высокодоходной отраслью была горнодобывающая промышленность, в отношении которой тюа все время колебались между желанием получить от нее побольше доходов и опасением волнений среди многочисленных шахтеров, в значительной части выходцев из Южного Китая. Государство передавало шахты то вьетнамским «экономическим» чиновникам, использовавшим как шахтеров по преимуществу нунгов, то китайским промышленникам, использовавшим китайских рабочих. В 1717 г. Чинь Кьонг ограничил число шахтеров на одну шахту: оно колебалось от 300 до 100 человек (на практике доходя до 1 тыс.). Шахты располагались в северных пограничных чанах, на них добывались свинец (одна шахта), медь (три), серебро (две), золото (две). Тут же находились плавильные заводы и разные подсобные производства; помимо этого имелось много мелких шахт. Они были важным источником сырья для средневековой вьетнамской промышленности, часть продукции шла на экспорт. Подъем горнодобывающей промышленности, видимо, относится к началу XVIII в., но и задолго до этого отсюда экспортировали медь.

Дипломатическая деятельность во второй половине правления Чинь Кьонга оставалась пассивной. Вьетнамские дипломаты при Кьонге вели себя с подчеркнутым достоинством, споры об этикете нередко выигрывались вьетнамцами⁸⁶, хотя без крупных ссор с империей Цин.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же, с. 97.

⁸⁶ Г. Ф. Мурашева. Вьетнамо-китайские отношения..., с. 56.

1720—1725 годы стали временем «собственных» реформ Чинь Кьонга, во многом задуманных и реализованных вместе с Нгуен Конг Хангом. Наиболее активная деятельность пришлась на 1720—1723 гг. и продолжалась до 1725 г. Последующий период осложнился голодом, когда предпринимаемые энергичные усилия были направлены на ликвидацию его последствий, а не на новые реформы.

Перемены, начавшиеся в 1720 г., носили программный характер, что было подчеркнуто введением новой эры с многозначительным девизом — «охранения гармонии»; очевидно, этот год был ключевым для Кьонга, причем при введении новой эры он исходил из политики Чиней, а не из каких-то событий, связанных с Ле, от имени которых вводилась эра⁸⁷.

Внутренняя стабильность и успешная борьба с экономическими трудностями снискали Чинь Кьонгу популярность, особенно после урожая 1722 г. Его ближайшим сподвижником в эти годы становится наряду с Нгуен Конг Хангом полководец и вельможа Чинь Куан.

Одной из проблем этих лет был рост числа судебных дел, связанных с широким перераспределением имущества в ходе предшествовавших мероприятий. Были приняты меры по ускорению процедуры, т.е. лично разбирал срочные жалобы. Возможно, с реформой 1723 г. связано поручение куану каждого хюена отобрать пять верных и преданных людей, которые могли бы руководить молодежью, направляемой для поимки «врагов»; феодализирующаяся деревенская верхушка становилась самостоятельной военной силой.

Положение в верхах начало осложняться после большой аграрной реформы 1723 г., о которой будет сказано ниже. В 1724 г. были сняты с постов министр юстиции и заместитель министра внутренних дел. В следующем году Нгуен Конг Ханг был назначен советником — заместителем наследника Зянга; это решение, имевшее целью, видимо, ограничить самостоятельность наследника, повлекло за собой конфликт премьер-министра и наследника, которого Нгуен Конг Ханг считал неспособным править. В том же году по инициативе последнего было «позволено населению на местах подавать доклады, в которых написаны слова похвалы или критики»⁸⁸. Увеличив объем информации с мест, это начинание не могло не создать неуверенность у части провинциальных чиновников и было явно направлено против какой-то группы врагов Нгуен Конг Ханга.

С 1726 г. все большее место во внутренней политике занимает борьба с голодом и его последствиями. В 1726 г. в Нгеане вводятся специальные «инспектора обороны», чтобы противостоять «бандам грабителей» (вспомним указ 1723 г. о создании феодальной милиции); возможно, что это связано с вытеснением жителей Нгеана и Тханьхоа с привилегированных позиций в армии и соответствующим недовольством.

Осенью 1726 г. в Тханглонге разразился правительственный кризис. Один из «вторых премьеров», Нгуен Конг Ко, уже некоторое время открыто выступавший против Нгуен Конг Ханга, обвинил другого «второго премьера», Ле Ань Туана, союзника Нгуен Конг Ханга, и четвертое лицо в государстве, «князя служения» Данг Динь Зяна, в злоупотреблениях. Т.е. поддержал его, но позиции Нгуен Конг Ханга, на которого Нгуен Конг Ко не посмел посягнуть, оставались сильными. Возможно, этот конфликт как-то связан с другой политической проблемой тех лет — заменой в.уа Ле. Наследник трона — в.уа, числившийся таковым уже 10 лет, был по инициативе Чинь Кьонга заменен другим — Зуи Фьонгом, внуком Кьонга. Насильственная замена Чинь Кьонгом наследников не вызвала протестов, «подданные полностью одобрили его»⁸⁹: популярности у Кьонга было достаточно. В начале 1729 г. свежеепеченный наследник был сделан императором Ле Зуи Фьонгом; его предшественника, Ле Зу Тона, Чинь Кьонг сместил. Смещение было

⁸⁷ Cuong muc. T. XVI, q. XXXV, c. 102.

⁸⁸ Cuong muc. T. XVI, q. XXXVI, c. 134.

⁸⁹ Cuong muc. T. XVI, q. XXXVI, c. 140.

явно либеральным шагом по сравнению с системой «молодых императоров», практиковавшейся Чинь Таким и Чинь Каким.

В последние годы жизни не старый еще Чинь Кьонг много внимания уделял буддизму, ездил по стране, посещая буддийские святыни, пропагандируя буддизм и одновременно изучая обстановку. Во время одной из таких поездок он неожиданно умер, 43 лет. Вместе с ним ушла от власти группа феодальных лидеров, стремившихся путем реформ разрешить сложные проблемы кризисного XVIII века.

20-е годы XVIII в. были временем принципиальных решений в важных областях экономики и общественной жизни. С запозданием, непоследовательно, но феодальный класс осознал необходимость перехода к новым формам эксплуатации, основанным на эксплуатации отдельного крестьянина отдельным феодалом, и необходимость соответствующих изменений во многих областях жизни.

Основные преобразования «пятилетия реформ» (1721—1725). Наиболее важными были аграрные преобразования; они составляют наряду с военной реформой и прошедшей ранее, в 1716 г., административную основу внутривластической программы той реалистически мыслящей части феодальных лидеров, которую представляли Чинь Кьонг, Нгуен Конг Ханг и Чинь Куан. Было сделано все, по-видимому, что могло сделать феодальное правительство, не находящееся под угрозой свержения крестьянами. Но этого оказалось недостаточно, чтобы избежать социального взрыва, без которого феодалы не могли пойти на признание тех действительно крупных изменений в экономике и общественном устройстве, которые имели место. Лишь победоносное крестьянское восстание Тэйшонов полвека спустя смело те архаические традиции и устои, от которых не мог отказаться даже наиболее трезво мыслящий из чиньских правителей — Чинь Кьонг. Кризис в результате затянулся, и нужные кардинальные решения оказалось возможным принять лишь в рамках движения Тэйшонов, ставившего своей первоначальной целью ликвидацию экономического неравенства вообще, в ходе войн с Тэйшонами и сразу после них. В феодальном обществе победившие крестьяне стихийно восстанавливали феодальные отношения, но при этом, как показали последствия восстания Тэйшонов, сложившаяся после подавления восстания феодальная структура уже была лишена многих архаических черт, которые после их ликвидации на раннем этапе восстания не возрождались именно потому, что были архаическими и существовали только по инерции. Таким реликтовым элементом, хотя и обладавшим огромным инерционным потенциалом, была для Вьетнама XVIII в. феодальная бюрократия старого типа, чье участие наряду с усиливавшимися помещиками в феодальной эксплуатации сделало последнюю двойной и невыносимой для крестьянства. Никакие паллиативы, самые остроумные, не могли снять этого противоречия, господствующий же класс не мог решиться на коренные преобразования.

Разными мерами (от отмены 20% налогов в 1720 г. до крайних мер типа раздач риса) Чиинь Кьонгу удавалось поддерживать сельское хозяйство на определенном уровне, и он все более уверенно шел к обложению легкими налогами помещиков в общинах. В 1720 г. Чиинь Кьонг уже признал факт существования неслужилых феодальных землевладельцев, а по мере приближения к 1723 г. аграрные мероприятия становились все решительнее. В 1722 г. была официально оформлена оплата чиновников землей (добытой ими ранее разнообразными путями), свободной от обложения; чиновники стали на путь создания поместных владений (аналогично человек, имеющий землю, поступая на службу, юридически оформлял свое владение как свободное от обложения).

Земли чиновников, превышающие ранговую норму (следовательно, приобретенные не по служебным каналам), облагались налогом, но не изымались. Облагались налогом также земли чиновника, если он не служил, и его наследников (при этом надо учесть возможность покупки должностей в эти годы), но их не отнимали и не подвергали переделу. Фактически была заложена основа значительной части преобразований 1723 г. Примечательно, что если чиновник имел «частных полей» меньше ранговой нормы, то

землю ему не давали, а давали денежное жалованье, «от двора»; таким образом, в условиях нехватки земель происходил переход на денежное жалованье, что способствовало расширению внутреннего рынка. В целом большинство чиновников уже жило на доходы от своих земель, за службу освобождаемых от налогов. Но общего правила еще не существовало.

Параллельно шло укрепление государственными мерами экономического положения среднего крестьянства; будучи социально не вполне логичным (если учесть одновременное конституирование помещиков), оно было обусловлено всем строем традиционного вьетнамского государства. Велась раздача земель и статуса свободных для ранее зависимых в рамках упомянутой выше отмены привилегий для отдельных групп феодалов, восстанавливалось хозяйство на заброшенных землях. Появилась возможность дать солдатам в четырех чанах, впервые набранным по военной реформе Чинь Кыонга, привилегированные солдатские наделы полностью или частично. Были пересмотрены и сами нормы наделов, довольно высокие (до 7 мау при низшей чиновничьей норме в 15 мау; цо Фан Хюи Тю — 5 мау, но он писал более полувека спустя). В 1723 г. комплекс аграрных мероприятий Чинь Кыонга шел к концу. Завершилась (во всех деталях к 1725 г.) полная перепись дворов (не общин), были подравнены, с целью уравнивания суммы налогов, границы провинций. В 1725 г. было принято решение о прекращении в дальнейшем переписей (бывших важным орудием вмешательства государства в аграрную экономику); должны были только вычеркиваться умершие и добавляться достигшие совершеннолетия. Эта опередившая эпоху реформа была отменена сразу после смерти Чинь Кыонга. Кыонг прямо указывал в 1723 г., что независимо от установлений древности надо действовать, исходя из конкретной ситуации, а она такова, что «разнообразные внеерестровые и по присылаемым указам налоги в 2 раза тяжелее налогов дворца; это привело к тому, что население с каждым днем все более притесняется, с каждым днем все больше людей скрывающихся»⁹⁰. Налоги были унифицированы, удалось «устроить и упорядочить большую часть дел»⁹¹.

Аграрный закон 1723 г. признал частное феодальное землевладение, как таковое, без связи со службой⁹². Его феодальный характер выразился в легком обложении — в 4 раза меньшем, чем с деревенских земель; тем самым рента была отделена от налога, который теперь платили неслужилые мелкие феодалы. При этом, если владелец служил, то он вообще не платил налогов.

Подушный налог по реформе был установлен ниже средней нормы прежних налогов — 1 куан 2 тиена; молодые, старики и «студенты» платили половину; чиновники, титулованные, монахи: и родственники двух первых групп не платили вовсе.

Государственная трудовая повинность была названа «почтовым налогом»; он был установлен в 1 куан 2 тиена и выплачивался два раза в год. На эти деньги чиновники нанимали рабочих для выполнения работ, ранее реализовавшихся в рамках государственной барщины. Это позволяет говорить о большом количестве свободных рабочих рук (беднейшие крестьяне и горожане) и больших товарных массах на рынке.

В эти же годы законодательно были установлены для чиновников нормы «обрабатываемых» земель, на которых они вели хозяйство руками батраков или арендаторов; некоторые низшие группы чиновников получали только такие земли⁹³, не имея земель для сбора ренты-налога.

Все большую роль играло обложение неземледельческих отраслей хозяйства: горной промышленности, внутренней и внешней торговли, а также обложение горожан. Этой стороне правительственной деятельности отводилось при Чинь Кыонге важное место. В годы реформ решался вопрос о росте дохода феодального государства (как и в

⁹⁰ Там же, с. 122.

⁹¹ Там же.

⁹² Там же, с. 123.

⁹³ Phan Huy Chu. Lich trieu... t. II, с. 75.

Японии в XVIII в.) за счет ремесел, промыслов, торговли на внутреннем рынке и на экспорт. Аналогичные меры были приняты в отношении корицы и меди. В основе роста доходов лежал естественный рост частной добычи меди и заготовок корицы (и соответственно торговли ими). Государство перешло от монополии и запрета частной торговли к регулярному обложению частных торговцев; это было шагом вперед в деле отмены феодальных ограничений в торговле и промышленности. В 1715 г. Чинь Кьонг отменил запрет на частную торговлю медью, солью и корицей, торговля быстро стала расти, в том числе экспортная (однако через два года правительство хватилось, и свободный экспорт был запрещен). Тогда же, ссылаясь на выгодность разрешения торговли преимущественно для торговцев, ввели обложение торговли. Отныне торговцы медью и обдирщики и продавцы корицы должны были «покупать патент» на торговлю у специального «экономического» чиновника. При торговле на экспорт разрешение давалось в канцелярии тьюа⁹⁴. «Экономические» чиновники, связанные с внешней торговлей, активно участвовали и сами в торговых операциях, скупая и продавая сырье и изделия⁹⁵.

В 1721 г. феодальное правительство обратилось к древнему объекту обложения — соли. По указу производилось двойное обложение: для общин солеваров и для семей торговцев солью. Общины освобождались от всех налогов, но сдавали казне 20% добытой соли, а остальное продавали купцам. Купцы из «соляных семей» платили государству (как при торговле медью и корицей) за «патент»; кроме того, государственные 20% добычи они были обязаны закупать в первую очередь (форма принудительных закупок, известная на Яве и раньше). Система обложения показывает, что для общин солеваров их производство было уже основным занятием.

Еще одним важным источником неземледельческих доходов стало обложение всех категорий людей, живущих в городах, единообразным денежным налогом, пропорциональным, по-видимому, доходам, но не менее 10 донгов. Возник совершенно новый вид подушного налога, поскольку при обложении фиксировалось фактическое местожительство (ибо номинально большая часть постоянных жителей городов оставалась приписанной к своим общинам).

В торговле политика Чинь Кьонга была менее активной, чем в промышленности. На внешних и внутренних таможах купцы, по установлению 1723 г., платили одинаково $\frac{1}{40}$ стоимости товара. Таможен такого рода было 10 или 12, они тормозили развитие внутренней торговли. Вместе с тем в 1724 г. были проведены большие работы по расчистке речных путей для связи с Тханьхоа и Нгеаном, что способствовало развитию торговли, хотя строительство велось не только для этого. В условиях снабжения голодных районов рисом через рынок эти пути для помощи в борьбе с голодом рассматривались правительством именно как пути для торговцев.

В эти же годы обратились к еще одной важной сфере эксплуатации, способной к расширению и компенсации замедления темпов роста доходов от сельского хозяйства, — к «местным продуктам». Укрепление власти вьетнамского государства в горах влекло за собой наряду с ростом внешней торговли рост доли продукции гор в бюджете (при замедленном росте аграрных доходов). При Чинь Кьонге в горах вводятся подушный и поземельный налоги, но уплата во многом велась «местными продуктами». Это золото, серебро, медь, свинец, цинк, олово, железо, древесный и каменный уголь, сурик, сода, селитра, железное и красное дерево, сахарный тростник, рыба, рыбный соус, шелк, вино, мед, масло, лак, бумага, украшения и т. д. В стране, как известно, имелось практически все, нужное для ремесел и торговли; мало, где на столь ограниченной территории было столько металлов и экспортных товаров. Видно также, что без «местных товаров» нельзя представить себе экономику Вьетнама и что их обложение — важная часть бюджета. А к этому нужно еще добавить благовония, слоновую кость, рог носорога и т. п.

⁹⁴ Cuong muc. Т. XVI, q. XXXV, с. 105—106.

⁹⁵ М. А. Чешков. Очерки..., с. 74.

В социальных и административных преобразованиях можно проследить три линии внутренних преобразований, предназначенных для оформления меняющейся социальной структуры.

Официальное прокламирование возвращения к эре Хонгдык не было — и это понимали феодальные политические деятели уже в следующем веке — истинным «восстановлением традиций», так как «военная власть принадлежала двору тюа Чинь»⁹⁶. Были введены новшества и в гражданской администрации: на наиболее важные должности назначали в рабочем порядке.

Важным направлением административной деятельности было увеличение сходства военной и гражданской организаций; в 1722 г. была признана возможность законного перехода из одной в другую. Этой же цели служил «пушечный конкурс» — двухэтапный столичный военный экзамен, введенный в 1724 г. и уподобивший комплектование военных комплектованию гражданских чиновников. Допускались к его сдаче, как и в Дангчаунге, все, но дети куанов получали звание на ступень выше. Параллельно шла замена военных чиновников гражданскими, в частности на должностях правителей в горных зинях, где раньше всегда сидели военные. Значительное преобразование феодального общества Данг-нгоая, предпринятое во второй половине правления Кыонга, было бы неполным без преодоления традиций реставрации там, где они были сильнее всего, — в военной сфере, в которой сформировался режим тюа и формировалась его социальная база. Новая социальная прослойка, для которой в обществе XI—XV вв. не было особой социальной ниши, а именно феодалы-воины, конституировалась именно в рамках режима тюа, поскольку он обладал всей полнотой власти над военным аппаратом и армией. Теперь было необходимо восстановить единовластие, но уже не на основе военной власти тюа, а на основе его всеобщей власти (прежде принадлежавшей вуа). Социальная необходимость такой меры состояла в избыточности двух отдельных групп класса феодалов — гражданских и военных. Тем более была избыточна гражданская администрация Ле, полностью дублированная Чинями. Весь опыт правления указывал на то, что всеобщая власть может опираться в условиях Вьетнама только на гражданскую администрацию. Это диктовало и курс Чиней на протяжении нескольких десятилетий — единовластие с опорой на гражданскую администрацию с заменой Ле как ее главы Чинями.

Целями военных реформ 1721—1725 гг. были ликвидация личных и привилегированных войск, а также ограничение самовластия военных командующих в провинциях и переход к армии, набранной по мобилизации и с ответственными командирами во главе. При этом феодалы — профессиональные воины постепенно включались в гражданскую администрацию в значительной своей части.

Комплектование военных кадров, хотя и с большим трудом и с опозданием по сравнению с гражданской службой, было также пропущено через систему экзаменов (с 1721 г.). Для детей знати был создан «дом военного обучения», где готовили офицеров. Все остальные раз в три года проходили военный конкурс. В том же 1721 г. был проведен первый этап военной реформы Чинь Кыонга: полупрофессиональная армия стала заменяться общенациональной армией, набираемой на основе воинской повинности свободных крестьян всей страны. Отныне мобилизовали поровну во всех вьетнамских районах (один солдат на пять полноправных совершеннолетних мужчин)⁹⁷.

Не менее важной акцией была мера по размыванию все укреплявшейся в предшествующие два века особой военной прослойки: отныне военные могли принимать участие в гражданском провинциальном конкурсе, т. е. получать гражданские посты. Напомним, что в эти годы на верхних уровнях военный аппарат был все еще вдвое больше гражданского. Внизу военные чиновники также преобладали, хотя имелись многовековые традиции гражданского правления и параллельная гражданская администрация Ле. По

⁹⁶ Cuong muc. T. XIX, q. LXIII, c. 19.

⁹⁷ Cuong muc. T. XVI, q. XXXV, c. 112.

структуре государственного аппарата вьетнамское общество тем самым сильно отличалось от традиционного китайского. Чиновников обоих видов было очень много. Уже при династии Нгуенов в XIX в., когда эта избыточность была устранена, удивлялись большому числу чиновников в XVII—XVIII вв.⁹⁸

1722 год ознаменовался вторым, завершающим этапом военной реформы: Чинь Куану и другим ведущим представителям рода Чинь было предложено по инициативе Нгуен Конг Ханга распустить их личные войска; все остальные привилегии сохранялись. Чинь Куан, единомышленник Чинь Кыонга и Нгуен Конг Ханга, согласился первым, за ним — остальные⁹⁹.

Реорганизации армии способствовала и новая система ее проверки, введенная в 1726 г. по инициативе Нгуен Конг Ханга. Проводился парад-проверка, которому предшествовало боевое обучение новобранцев этого года из четырех чанов (войска из этих районов быстро занимали важное место в армии, они сыграли заметную роль и в перевороте 1740 г.). Ежегодно призываемый контингент равнялся приблизительно 10 тыс. человек.

Дангчаунг (Южный Вьетнам) во второй половине XVII — начале XVIII в.

Особенности социальной структуры. В это время в Южном Вьетнаме сложился ряд особенностей вьетнамского позднефеодального общества, которые распространились на всю страну в XIX в. После слома в ходе Тэйшонского восстания многих традиционных элементов общественного устройства в Дангнгоае эти общевьетнамские тенденции быстро пробили себе дорогу в масштабе всей страны.

Большая часть населения состояла здесь из недавних переселенцев, слабо связанных общинными и иерархическими традициями, поэтому эта часть вьетнамского общества быстрее воспринимала то новое, что возникало в Дайвьете. Этому немало способствовало и обилие в южной части Дангчаунга свободных земель, облегчавшее создание мелкого поместного феодального землевладения, вначале по преимуществу служилого, на вновь осваиваемых землях. Во многом изменению организации господствующего класса помогло и то, что он, особенно военная прослойка, формировался из различных слоев общества, в определенной степени из феодализирующейся верхушки богатого крестьянства (поскольку титулованные носители феодально-бюрократических традиций золотого XV века в большинстве остались на севере). Важным фактором внутреннего развития Дангчаунга были также торговые города с многовековыми морскими связями, ставшие центрами международной торговли еще в более ранний период. В южной части Дангчаунга значительную роль играли мелкопоместные феодалы и купечество торговых и ремесленных центров — городов Фанранг, Сайгон и др. На юге Дангчаунга имелась и еще одна группа населения, практически отсутствовавшая в Дангнгоае, а именно военные поселенцы, находившиеся в более благоприятных условиях, чем остальное крестьянство¹⁰⁰. Они несли военную службу во вновь присоединенных областях юга, платили меньше налогов, имели большую внутреннюю самостоятельность, в мирное время часто сохраняли военную организацию и оружие. Получив свою землю от Нгуенов, причем в большем количестве, чем другие жители Дангчаунга, они были наиболее надежной опорой тюа. В целом феодальному государству здесь за счет постоянного расширения территории и ее заселения вьетами удавалось снизить остроту классовых противоречий.

Общинная организация как на севере Дангчаунга, так и особенно на юге была более слабой, чем на севере страны, а выход из общины был облегчен. Указанные факторы особенно сильно действовали в южной части Дангчаунга, центром которой

⁹⁸ Cuong muc. T. XVI, q. XXXVI, c. 117.

⁹⁹ Там же, с. 118.

¹⁰⁰ DNTL. T. I, c. 226.

постепенно становился крупный ремесленный и торговый район Зядинь с расположенным там Сайгоном. В «старых владениях» Нгуенов, в узких долинах Центрального Вьетнама, экономическое положение крестьян было близко к их положению на севере, у Чиней, но даже здесь арендная плата была заметно ниже, чем в Дангнгоае¹⁰¹. Замедление в описанных условиях темпов прироста объема прибавочного продукта от эксплуатации вьетнамского крестьянства происходило во второй половине XVII и в XVIII в. не потому, что у них отнимали все большую долю прибавочного продукта и они в силу этого все менее были заинтересованы в производстве, а потому, что при более или менее стандартной норме этой доли (несколько возросшей в XVIII в., но это для данного рассуждения несущественно) дальнейшее увеличение общего объема сельскохозяйственного производства при данном типе производственных отношений, характерном для развитого феодализма во Вьетнаме, было невозможно; в обществе усиливались поздне-феодалные тенденции.

В это время в Дангчаунге сложилась и определенная теория общества, во многом отличная от той, связанной с нормами XV в, и проникнутой конфуцианскими идеями доктрины, которая господствовала в Дангнгоае. Она была четко сформулирована политическим деятелем эпохи тюа Хиена Во Фи Тхыа: «...войско и таланты являются великой политикой страны. Склады полные — много имущества, много имущества — сильная армия... Крестьяне предоставляют рис для прокорма солдат, а солдаты предоставляют силы для защиты крестьян — таков древний порядок»¹⁰². Эта формулировка получила личное одобрение Хиена. Сам Хиен в предсмертном наставлении наследнику дал интересную характеристику вьетнамской феодальной деспотии, применимую ко всему Дайвьету: «Все держится на мне и на чиновниках-исполнителях»; роль вельмож — «помогать наследнику делать государственные дела»¹⁰³ — и все.

Дангчаунг XVII в. был более сословен по сравнению с Дангнгоае, как всякое военное по преимуществу общество (а таковым являлось построенное на военной власти тюа и в значительной степени на кадрах воинов-профессионалов общество Дангчаунга). Его особенностью было еще и то, что Нгуены с самого начала правили у себя всем в отличие от Чиней, постепенно отбиравших власть у Ле, где существование прослойки феодальной бюрократии и помещиков создало критическую экономическую и социальную ситуацию в силу изложенных выше причин (двойная эксплуатация и др.). Армия и у Нгуенов была основой, но она не противопоставлялась гражданской администрации, два из трех ти были прямо ориентированы на снабжение армии.

Внутри- и внешнеполитическая история Дангчаунга. К. середине XVII в. Дангчаунг уже имел сложившуюся административную систему, увенчанную тюа. Они официально признавали верховную власть Ле, не считали Дангчаунг самостоятельным государством; в то же время Нгуены отрицали право Чиней представлять Ле и называли их узурпаторами. Вся власть сосредоточивалась в резиденции тюа. Государственный аппарат был много проще, чем двойной аппарат Ле—Чинь, да Дангчаунг и сам был меньше. Меньше в нем было и отживших феодально-бюрократических традиций; имелось всего три ти (департамента): общего управления и юстиции (примечательно, что они образовывали одно ведомство); налогов и интендантство провинциальных гарнизонов; обрядов, и праздников и интендантство столичного гарнизона¹⁰⁴.

Отметим две примечательные черты: во-первых, снабжение войск передано на местах тем, кто собирает налоги на местах, а в центре — тем, кто расходует деньги в центре. Специально военного ведомства в отличие от Дангнгоая нет, но два из трех ти занимаются снабжением армии. Во-вторых, армия, как в Дангнгоае, не включена в

¹⁰¹ Le Quy Don. Phu bien... с. 380.

¹⁰² DNTL. Т. I, с. 112.

¹⁰³ DNTL. Т. I, с. 130. Примечательно принижение роли «вельмож» — вьетнамского аналога конфуцианского «благородного мужа».

¹⁰⁴ DNTL. Т. I, с. 47.

систему ведомств и непосредственно подчинена тьюа. Единство интендантской и фискальной организаций было следствием социальных особенностей Дангчаунга.

Гражданскую администрацию отличала гибкость. В провинциях число учреждений и чиновников зависело от важности провинции (этот принцип порой реализовался и Чинями). «Совет министров» состоял из четырех высших сановников — «четырёх колонн». Гражданская часть служилого сословия набиралась по конкурсам двух видов: тинь-до и хоа-ван, затем добавили еще специфический для Нгуенов тинь-фаунг. Сдавшие тинь-до (основной предмет) назначались по преимуществу уездными начальниками и их заместителями, чиновниками по обрядам на местах (эта группа чиновников была распространена и в системе образования в Дангчаунге). Сдавшие хоа-ван (китайская литература), считавшийся менее важным, в основном шли в аппарат трех центральных ти.

50—60-е годы XVII в. были временем долгого правления Нгуен Фук Така (тьюа Хиена). Внутренние потребности класса феодалов в условиях растущего малоземелья на севере Дангчаунга и связанных с этим социальных опасностей требовали, как и в Дангнгоае, укрепления феодального государства; путем решения аграрных проблем было в Дангчаунге и продвижение на юг. Несмотря на ряд войн, при Хиене продолжала укрепляться внутренняя структура феодального общества. Для середины XVII — первой четверти XVIII в. в основном характерно внутреннее спокойствие, как и в Дангнгоае, хотя местные конфликты крестьян и феодалов были достаточно регулярными. Особенно распространены были в 60-х годах конфликты между помещиками и соседствующими с ними крестьянами-общинниками, «посягавшими» на частные земли.

Лишь начало 70-х годов было отмечено последней войной с Чинями. В 1669 г. Чинь Так потребовал налоги у Хиена, но тот отказался. Тем самым повод был найден, Чини стали готовиться к походу на Дангчаунг, и в 1672 г., после сбора весеннего урожая, началось общее наступление 100-тысячной армии Чиней. После неудачи штурма их командование начало общий отход.

Так безрезультатно окончилась последняя из длинной вереницы феодальных войн домов Чинсй и Нгуенов за власть над Дай-вьетом. Последняя война не нанесла особого ущерба Дангчаунгу, кроме районов боевых действий — провинции Ботинь и соседних земель. Уже через год Хиен мог послать значительные силы для вмешательства в борьбу Камбоджи и Сиама. Это было крупное по масштабам (второе после 1658 г.) участие в войне на нижнем Меконге¹⁰⁵. Войска пошли на помощь Анг Нону, одному из двух претендентов на престол, но вскоре были вытеснены из столицы и центральных районов страны. При молодом, энергичном короле Чей Четте IV войска Нгуенов не рисковали вторгаться глубоко в Камбоджу, но они пригнали Анг Нона и помогли ему закрепиться в районе Сайгона. Там он объявил себя независимым под суверенитетом Дангчаунга, что было первым серьезным успехом южной политики Нгуенов, хотя война не увенчалась территориальными приращениями.

Два года спустя, в 1679 г., Дангчаунг столкнулся со сложной внутри-, а отчасти и внешнеполитической проблемой: как быть с прибывшими к его берегам китайскими войсками и гражданским населением — сторонниками свергнутой маньчжурами династии Южная Мин. Отныне понятие «Китай» отождествлялось с династией Цин, которую Ле и Чини не торопились признавать. А для Нгуенов контакты с Цинами (обиженными на Ле и Чиней) могли оказаться плодотворными. Вместе с тем куда было девать тысячи китайцев, которым нечего было есть и нечего терять. Опасные для Нгуенов, они могли стать и полезными. И тут вспомнили о недавно приобретенном вассале — Анг Ноне — и быстро убедили его разрешить нескольким тысячам китайцев поселиться на землях в дельте Меконга, права на которые у него оспаривались Чей Четтой IV (последнего вьетнамцы считали «главным королем» Камбоджи). Вопрос согласовали с Анг Ноном, «чтобы Камбоджа не отделилась»¹⁰⁶, и китайцы поселились в районе современных Сайгона и Биенхоа.

¹⁰⁵ Н. Ruissier. Histoire sommaire du royaume de Cambodge. Hanoi, 1929 с. 59—60.

¹⁰⁶ DNTL. T. I, с. 125.

Они распахали поля, построили деревни. Быстро стала развиваться торговля этого района с Китаем, Индонезией, Японией; во главе двух групп китайцев, западной и восточной, стали их командиры.

Внутри страны последние годы правления Хиена были спокойными, переход власти к наследнику прошел без конфликта. Хиен указал в своем предсмертном обращении к сановникам, что «дело наше еще не завершено», его завещание было программным положением, сжатой формулировкой внешне- и внутривосточных задач Нгуенов на рубеже веков. Их не устраивала просто победа над наступающими Чинями; они хотели усилить Дангчаунг и затем подчинить весь Дайвьет.

С приходом к власти в 1687 г. нового тюа, Нгиа, пришли и новые лидеры, тем более что у Нгиа были некоторые принципиально новые идеи, отличные от идей Хиена. В первый же год правления он перенес столицу из Кимлаунга в Фусуан (совр. Хюэ); город был хорошо защищен горами и болотами, забучими приморскими песками.

Экономическое положение в первые годы было устойчивым, по поводу воцарения нового тюа отменили половину налогов (Чини в своей более бедной части страны ограничивались 20%); снизили налоги с крестьян на недавно приобретенных землях на юге. Это должно было и успокоить местное население, и форсировать заселение этих земель вьетнамскими крестьянами. Появились эти земли в результате следующих событий. В 1688 г. борьба внутри восточной группы южнокитайских беженцев привела к восстанию. В результате нового вмешательства Нгуенов земли по левому берегу дельты Меконга присоединяются к Дангчаунгу, что было первым приобретением Нгуенов на юге. Зависимое южнотямское княжество Пандуранга, юридически еще не присоединенное к Дангчаунгу, было теперь окружено со всех сторон. Левобережье было окончательно включено в состав владений Нгуенов в 1691 г. (административное устройство эти земли получили в 1698 г. при Куок-тюа). В том же, 1691 г. умер в расцвете сил, после четырех лет правления, тюа Нгиа.

Власть перешла к его талантливому сыну Нгуен Фук Тю, вошедшему в историю как Куок-тюа («Князь государства», 1691 — 1725). Но в 1691 г. ему было только 17 лет, и практически власть перешла к группе сановников. Ими были предприняты крупные государственные начинания, продолженные Куок-тюа.

Политическое положение в начале 90-х годов было не очень устойчивым. В Куангнгае в 1695 г. вспыхнуло восстание торговцев под руководством Линя, охватившее также и торгово-ремесленные слои г. Куиньон. В эти же годы разразился конфликт с Пандурангой, король которой Бачан объявил страну независимой, перестал подносить дань и вскоре, в 1693 г., начал военные действия. Причины обострения не вполне ясны, время было выбрано явно неудачно для Пандуранги, так как Дангчаунг не вел в это время других войн. Победа осталась за Нгуен Фук Тю, Бачан попал в плен и был отвезен в Фусуан¹⁰⁷. После нескольких лет неопределенности судьба Пандуранги была решена, и она была присоединена к Дайвьету как провинция Тхуантхан (совр. Биньтхуан и Фанжанг) в 1697 г. Но реальный контроль там усиливался медленно, тьямы восставали в 1703 и 1746 гг.

К концу XVII в. Дангчаунг вырос за счет тьямских земель, приобретенных в 1653 и 1693—1697 гг., вдвое и стал непосредственным соседом Камбоджи. Практически одновременно с Пандурангой вьетнамское административное управление было введено и на левобережье Меконга. Сюда в 1698 г. был назначен кинь-люок (наместник) и созданы две провинции; появились гарнизоны и чиновники. В конце XVII в. здесь жило около 200 тыс. человек; при этом учет их велся по семьям, а не по деревням. Это были вьетнамцы, кхмеры и китайцы. После утверждения администрации сюда, как и в Пандурангу, стало перемещаться избыточное население, в первую очередь та его часть, которая уже оторвалась от земли (бродяги и пр.), из провинций от Куангбиня до Биньтхуана

¹⁰⁷ Phan Huy Chu. Hoang Viet du dia chi, q. I, c. 136—140.

(включительно). Их селили здесь как крестьян, они основывали деревни, платили поземельный и подушный налоги в соответствии со списками людей и полей. Крестьянство Зядиня (район дельты Меконга) было сравнительно многоземельным, традиционные общинные связи оказались в нем ослабленными в новых общинах, куда собирались люди из разных мест. Обитатели двух китайских поселений облагались налогом и заносились в списки, как и вьетнамцы.

Война с Тьямпой и организация управления новыми землями не привлекали всех сил феодального государства. Одновременно проводилась крупная реорганизация экзаменационной системы, увенчавшая процесс ее перехода на более практические основы. Установка на практические знания (а не на классическую литературу) превращала экзаменационную систему из воспитательной по преимуществу в обычную, где усваивались не столько моральные нормы, сколько практические знания. Это же замедляло пропаганду в Дангчаунге конфуцианства.

Период преимущественного интереса к югу закончился в 1698 г., на ряд лет проблемой для Куок-тюа стали отношения с Дангнгоаем и империей Цин. Куок-тюа первым из Нгуенов попытался формально разделить Дайвьет на два независимых друг от друга государства. Попытка эта успехом не увенчалась, но отношение Нгуенов к Ле с этого времени стало прохладнее, и лозунг «освободим Ле» стал, как показали дальнейшие события, чисто теоретическим. В 1702 г. Куок-тюа послал собственное посольство к Цинам и хотел получить инвеституру. Не получив международного признания своей независимости, Нгуен Фук Тю провозгласил себя Куок-тюа в отличие от титула «тюа», принятого его предшественниками; была отлита собственная печать сюзерена. Для последнего имелась и некоторая внешнеполитическая необходимость: надо было оформить свой, пусть временный и частичный сюзеренитет над Камбоджей. Но после краткого поворота «на север» южные интересы снова возобладали. Здесь в 1710 г. Куок-тюа ожидало «приобретение» — китайские поселения в Южной Камбодже, в области Пеам.

Когда в конце XVII в. в странах Южных морей появились китайские беженцы, часть из них с разрешения кхмерских властей высадилась в кхмерской провинции Пеам; руководил ими некий Мак Кыу. Его и его спутников обязали изгнать пиратов с излюбленного ими участка побережья; в случае успеха этот участок мог стать местом их поселения как подданных кхмерского короля. К 1710 г. Мак Кыу, успешно справившийся с пиратами, получил звание губернатора Пеама (совр. Хатиен), а затем и соседних Кампота, Кампонг-Сома и о-ва Фукуок¹⁰⁸. Центром была крепость Пеам, получившая название Хатиен («Волшебная река», по-китайски Хэцзянь). Беглецы стекались к Мак Кыу, ехали сюда и вьетнамцы, хотя эта область тогда с Дайвьетом не граничила. Город Хатиен стал получать дополнительные прибыли от растущей торговли, что первоначально было выгодно Камбодже, тем более что новые подданные служили в армии и во флоте во время войн Камбоджи с Сиамом. Где-то между 1710 и 1715 гг. Мак Кыу признал сюзеренитет Куок-тюа и вышел из-под подчинения кхмерскому королю, хотя тот тоже оставался его сюзереном. Тогда кхмерский король отнял у него большинство владений, ограниченных теперь только Пеамом, Фукуоком, Ратьзя и Камау. Этот район и получил название «Торжище Хатиен». В нем быстро развивалась торговля, возникла даже своеобразная литературная школа, питавшаяся буддийскими идеями из Дангчаунга и конфуцианскими из Фуцзяни¹⁰⁹.

Внутриполитическое положение в Зядине и других землях, вошедших в состав Дангчаунга в 1698 г., было достаточно сложным. Обилие земель не означало отсутствия феодальной эксплуатации, крестьяне часто убегали в Камбоджу. Бежали они оттого, что вельможи Чанбиена (южная часть Дангчаунга) заставляли их работать на себя, отчего

¹⁰⁸ А. Dauphin-Meunier. Histoire du Cambodge. P., 1961, с. 83—84.

¹⁰⁹ Д. В. Деопик. Хэ-цзянь (Ха-тиен). Сингапур XVIII века. — Государство и общество в Китае. М., 1976, с. 207—209.

крестьяне «страдали»¹¹⁰; закабаление в определенной форме имело место и здесь. Тюа стремились расширить на этих землях землевладение свободных крестьян-налогоплательщиков, поэтому части ранее закабаленных чиновники возвращали свободу, и они создавали новые общины и фьонги в Зя-дине. Описанные выше беглые относились к категории солдат, вообще широко представленной на юге Дангчаунга. Когда беглеца возвращали из Камбоджи, его не только не наказывали, но освобождали на три года от двух налогов (основных), чтобы он мог наладить хозяйство.

Признаки напряженности в аграрных отношениях в 1711 — 1713 гг. ощущались во всем Дангчаунге как отражение общего для Дайвьета неблагополучия в этой области. Схожими были и те частные меры, которые принимало правительство Нгуенов для борьбы с надвигающимся кризисом; делались попытки ограничить злоупотребления и произвол куанов (ограничить размер эксплуатации в сфере, непосредственно не приносящей выгод феодальному государству). Феодальная эксплуатация со стороны куанов достигла такого размаха, что смертные приговоры зарвавшимся чиновникам стали выносить «в рабочем порядке», властью местного губернатора. Такие редчайшие в феодальном государстве экстренные меры говорят о серьезности положения к 1713 г. Но многоземелье оказало свою стабилизирующую роль, аграрные трудности были сравнительно быстро преодолены, и правительство Нгуенов снова возвратилось к внешнеполитическим проблемам — отношениям с Камбоджей. При помощи Куок-тюа власть в Ловеке, тогдашней столице Камбоджи, захватил Анг Ем, чьи права на престол были сомнительными по сравнению с правами другого претендента — Преах Срей Тхоема; Сиам в 1717 г. ввел свои войска, чтобы поддержать последнего. Мак Кыу выступил на стороне Анг Ема, выполняя свой долг вассала Камбоджи и Дайвьета, за что тайский флот сжег г. Хатиен; Мак Кыу скрылся. Появившийся флот Куок-тюа одержал частичную победу над тайским флотом, а угроза голода заставила отступить другие корабли. Правда, сиамская сухопутная армия заняла Удонг; на трон был посажен Преах Срей Тхоема, и тайские войска ушли.

Последние годы правления Куок-тюа были временем внутри- и внешнеполитической пассивности. Основные усилия, как в это время и в Дангнгоае, направлялись в сферу социально-экономическую и политико-административную, имея целью укрепление феодального государства. Это ощущение необходимости укрепления власти, ярко выраженное в деятельности наиболее дальновидных феодальных лидеров, было реакцией на надвигающийся кризис.

Экономическое развитие феодального общества. Хотя в целом экономическое положение Дангчаунга было лучше, но свои трудности были и здесь. Менее страдавшее от малоземелья, менее подверженное засухам, сельское хозяйство Центрального Вьетнама несло потери от ураганов и землетрясений, нередких в этой части страны, и связанных с ними разрушений ирригационных систем. Но в отличие от Чиней более богатые благодаря резервам юга Дангчаунга Нгуены больше внимания и средств уделяли строительству ирригационных сооружений. Что касается системы налогообложения, то в старой части страны («старые владения») она в принципе была такой же, как и в Дангнгоае; в южных областях обложение было легче и проще. Тюа Хиен регулярно расширял ирригационное строительство, в основном строились дамбы, препятствующие разливам рек.

Ремонт и расширение сети дамб оказывали благоприятное воздействие на экономику. Когда 1665 год принес хороший урожай, то, хотя в 1667 г. на страну напала саранча, голода за собой это не повлекло: система резервных складов при хороших урожаях себя оправдала. Используя непрерывно шедшее стихийное освоение земель, правительство провело в 1668 г. «проверку земель», изыскивая поля, до сих пор не облагавшиеся налогом; они были обмерены, и с них собрали налоги. Такие новые поля, создаваемые ушедшими из деревень на новые земли беглыми бедняками, были

¹¹⁰ DNTL. T. I, с. 173.

важнейшим экономическим резервом, а работа по их обнаружению и обложению составляла важную часть экономической деятельности феодального правительства Дангчаунга. В следующем году произвели «проверку и отбор» в двух провинциях, что также увеличило сумму собираемых налогов. В эти же годы Хиен поручил одному из сановников, Хо Куанг Даю, организовать обмер реально обрабатываемых полей в деревнях по всем хюенам, установить по трехступенчатой шкале продуктивность каждого поля, выделить поля осеннего урожая и пустующие земли; все это делалось для дифференцированного взимания налогов. Общинные земли должны были, как и прежде, распределяться между свободными крестьянами, платившими налоги. Что же касается распашки нови, вырубки леса и подъема целинных земель с последующим созданием там обрабатываемых полей, то их разрешалось превращать в частные земли для постоянной (т. е. вечной) обработки при условии внесения особого налога¹¹¹. Этот важнейший законодательный акт, узаконивший поместное землевладение, был принят в Дангчаунге за полвека до появления аналогичного закона в Дангнгоае. Он во многом ослабил социальный кризис (как и закон 1723 г. в Дангнгоае), поскольку земли помещиков были отделены от крестьянских, помещики что-то вносили в казну, как и в Европе, а не просто через участие в работе государственного аппарата уклонялись от уплаты налогов (ранее факт службы освобождал от уплаты налогов без учета того, сколько земли имеет данный чиновник).

О том, что этот закон был принят для ослабления имеющихся в деревне противоречий и прекращения борьбы помещиков и крестьян, прямо сказано в тексте указа: «...разрешается превращать их (новь и т. д. — *Авт.*) в частные земли... крестьяне общин не могут посягать на них. С этого времени народ перестанет посягать и, довольный своей участью, будет добывать свое пропитание». Далее говорилось, что «в будущем, когда распаханых (т. е. частных) земель будет становиться все больше, следует создать отдел (ти) „Нонг лай“ для проверки налогообложения (частных земель)»¹¹². Таким образом, на вновь обрабатываемых землях предполагалось в основном помещичье, а не общинное землевладение, и правительство Нгуенов рассматривало этот процесс в отличие от Чиней в XVII в. как естественный.

Особой формой феодальной эксплуатации было создание на пустующих или недавно нанесенных рекой и только начавших обрабатываться землях (тем самым не принадлежавших обычно общине) военных поселений (дон-диен) и поселений зависимых крестьян (диен-чанг). Куаны, управляющие дон-диенами и диен-чан-гами, распоряжались такими землями; доходы от них образовывали нгу-лок — фиксированную ренту-налог, шедшую в качестве жалованья или пенсии государственным чиновникам высших рангов и полководцам (имелась еще и ежегодная денежная пенсия), с остальных земель такой общины налог «вносили отдельно», т. е. непосредственно государству.

«Проверки» были вначале достаточно частыми, но с 1701 по 1725 г. они были проведены всего два раза, причем в 1713 г. практика «проверок» подверглась сильной критике. Преемники Куок-тюа также их почти не проводили; очевиден отказ с начала XVIII в. от использования этого мощного рычага вмешательства в дела деревни. При Куок-тюа «проверки» проводились специализированные, в отдельных областях, особенно южных, где беглых, создавших свои хозяйства, было больше всего; отдельно переписывали полноправных — динь и бедных — нунг¹¹³. Переселенцев на юге по-прежнему стремились объединить в платежеспособные общины. В 1698 г. население Зядиня насчитывало уже 40 тыс. семей. Здесь собирали бродяг, пришедших с севера, из Ботиня, и общины прямо «учреждались» властями вместе с границами их земель; куаны обязывались способствовать освоению целинных земель. Немедленно устанавливался порядок налогообложения и составлялись реестровые списки.

¹¹¹ DNTL. Т. I, с. 112.

¹¹² Там же.

¹¹³ DNTL. Т. I, с. 150.

В 1703 г. было произведено обложение поземельным налогом всех обрабатываемых полей, тем самым были включены в обложение вновь обработанные земли, так как исходили из наличия реально обрабатываемых участков. Помимо этого было введено полное налогообложение в недавно присоединенных землях, где с 1687 г. взимали половинный налог (это полное обложение все равно было легче, чем в «старых владениях»). Все это постоянно увеличивало объем рисовых поступлений государства. В 1725 г. при воцарении нового тюа, Нгуен Фук Тю, была отменена половина денежного налога и 20% поземельного. Примечательно, что в Дангнгоае более охотно освобождали от денежного налога, а в Дангчаунге — от рисового, как менее важного, по-видимому, для доходов государства. Экономическая политика Нгуен Фук Тю продолжала политику Куок-тюа. Неполная отмена налогов свидетельствовала наряду с датой 1724 г. как конца «эры спокойствия»¹¹⁴ о каких-то экономических трудностях.

Нгуен Фук Тю продолжал практиковать раздачу больших нгу-лок, но размер его дарений был меньше, чем раньше. Примечательно, что нгу-лок в это время исчисляется в цифрах людей, а не деревень. Источники позволяют считать, что не все население данной деревни было обязано нгу-лок его получателю.

Как и в Дангнгоае, все большую роль в экономике играла неземледельческая сфера. Некоторые зажиточные торговцы субсидировали организацию крупных горнорудных предприятий. Так, промышленник Зянг Хюен купил у казны гору и право на разработку ее недр (золота)¹¹⁵. В ремесленных кварталах вокруг г. Фу-суана на некоторых ремесленных предприятиях было занято до 15 ткачей. Большое значение имела торговля, вначале по преимуществу внешняя, затем, по мере освоения юга, и внутренняя. Сложнее выглядело и денежное обращение, более совершенное и эффективное, чем ранее (как и система учета). Большое внимание уделялось торговле и транспортным путям, организации внешней торговли, системе мер и весов и пр. Число средних городов было высоким, столица не занимала такого доминирующего положения, как в Дангнгоае.

Государство энергично вмешивалось в экономическую жизнь в неземледельческой сфере. Так, в 1672 г. был специально установлен порядок проезда по водным и сухопутным путям, их разделили на участки, согласно которым велись планирование и учет перевозок. В денежной системе широко функционировали не только высшие и низшие, но и средние номиналы, небольшие серебряные монеты. Деньги сильно «уважались» (например, дарили не украшения, одежду и т. п., а 20 лангов серебра). Денежные отношения уже в XVII в. глубоко проникли и в сельское хозяйство, цены на рис всегда рассматривались, как и в Дангнгоае, как характеристика социально-экономического положения.

Финансы были менее централизованными, часть казенных денег хранилась не в центре, а на местах; время от времени крупные чиновники ездили их проверять. Имелись склады для риса, собранного «куанами дон-диенов и диен-чангов»; с этих складов рис выдавался родственникам тюа, знати и тем сановникам, кто имел право на жалованье в форме нгу-лок. Жалованье военным и гражданским куанам выплачивалось связками медных донгов и серебром в средних номиналах.

Внимание к торговле и общий реалистический курс политики в период стабилизации в конце XVII — начале XVIII в. имели своим следствием меры по оздоровлению финансовой системы. В 1724 г. в обращении остались только медные монеты, охотно принимавшиеся населением. В то же время прочность экономики и государственной власти позволила ввести принудительный (т. е. не по весу) курс для медной монеты.

В развитии городов и торговли Зядиня заметную роль сыграл приезд сюда в 1679 г. беженцев от маньчжуров. Среди них было много торговцев; при участии их опыта и капиталов здешняя торговля быстро расширилась. В Зядинь приходили в последней

¹¹⁴ DNTL. T. I, с. 188.

¹¹⁵ Le Quy Don. Phu bien... с. 248.

четверти XVII в. суда японцев, китайцев, малайцев, яванцев. В северной части Дангчаунга специально для нужд торговли тюа заставляли солдат и диней строить каналы (два в 1681 г.), чтобы «приезжающим торговцам было удобно»¹¹⁶. Крупным торговым центром Дангчаунга был Хойан¹¹⁷.

Хойан унаследовал торговые связи тямских портов, приобретенные ими благодаря выгодному географическому положению. Сюда приходили суда из Китая, Японии, Индонезии, Сиам и Европы. На экспорт шли ткани местного производства, шелковая пряжа, благовонное дерево и корица¹¹⁸. Китайские купцы выступали в качестве посредников и во внутренней торговле: они скупали в Хойане медную посуду, привозимую европейскими купцами, а затем продавали ее в глубинных районах страны.

Сложились прочные торговые связи и между отдельными районами Южного Вьетнама; рис из Зядиня везли на продажу в Тхуанхоа, а ремесленные изделия из Тхуанхоа продавались в дельте Меконга.

Ввоз и вывоз товаров из страны облагались высокой пошлиной. Нгуены в XVIII в. активно и целенаправленно развивали и финансировали заморскую торговлю, частично используя при этом опыт китайских купцов Хатиена. Китайские купцы в Зядине в 1699 г. были объявлены подданными Нгуенов и поставлены под государственный контроль.

В то же время в экономике еще широко использовался «конг виек» — государственная барщина диней, чьими руками строились укрепленные города (1678, 1687 гг.), каналы (1681 г.) и др.

Важной частью государственной экономики был государственный транспортный флот, который ежегодно, перевозил часть собранного в виде налога риса в столицу, где его и распределяли. Этим занималось специальное ведомство с высоким чиновником во главе. Имелись специальные правила содержания и эксплуатации этого флота; каждое судно делало два рейса в год.

Как показано в гл. I, период с 1660-х годов по 20-е годы XVIII в. был для Дайвьета временем стабилизации, под покровом которой медленно нарастал экономический кризис, связанный с ослаблением общинного и усилением поместного землевладения. До поры до времени эти процессы не вели к социальному кризису, и указанные полвека можно считать временем относительного равновесия, сменившего бурные полвека междоусобных войн и предшествовавшего полувеку обострения социального кризиса, разразившегося в последней трети XVIII в., когда проходила крестьянская война Тэйшонов.

¹¹⁶ DNTL. T. I, с. 127

¹¹⁷ Le Quy Don. Phu bien... с. 287.

¹¹⁸ М. А. Чешков. Ремесло и торговля Куан-нама к 70-м годам XVIII в. — Из истории стран Юго-Восточной Азии. М., 1968, с. 101.

Глава 2 КРИЗИС ВЬЕТНАМСКОГО ФЕОДАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА И КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОССТАНИЯ (1730—1770)

Обострение классовой борьбы в Дангнгоае

Положение в Дангнгоае. Для истории Дангнгоая этих десятилетий характерны обострение экономического кризиса и превращение его в социальный, начало массовой вооруженной борьбы крестьян. Постепенное обострение ситуации нарастало в течение всего правления Чинь Зянга (1729—1740), и кризис положил конец его правлению.

Некоторое время после прихода к власти Зянга все шло под руководством Нгуен Конг Ханга по заведенному Чинь Кыонгом порядку (хотя отношения Нгуен Конг Ханга с новым тюа ухудшались). Но для сложной социально-экономической ситуации ни Чинь Зянг, ни назначенный им в 1723 г. бессловесный премьер явно не годились: феодальной верхушке нужен был продолжатель политики Кыонга. До 1731 г. все шло относительно гладко, хотя уже тогда траты Чинь Зянга на свои увеселения подрывали бюджет. Когда же после кризиса 1731—1732 гг. он полностью взял власть, траты стали увеличиваться, налоги и повинности с крестьян, только уменьшавшиеся при Чинь Кыонге, поползли вверх.

Рубежом во внутренней политике Чинь Зянга было его открытое выступление против политики Чинь Кыонга. В 1731 г. был низложен и удушен император Ле Зуи Фьонг. Оказавшие сопротивление этому сановники из окружения Чинь Кыонга были посажены в тюрьму. В 1732 г. был принужден покончить с собой премьер-реформатор Нгуен Конг Ханг. Вся группа феодальных лидеров, боровшихся с надвигающимся кризисом при Чинь Кыонге, была отстранена от власти, оказавшейся в руках евнухов и временщиков. Как следствие этого снова выросли шансы Ле, поскольку на смену осторожному их оттеснению при Чинь Кыонге пришел открытый разбой при Чинь Зянге. Теперь Ле стали ориентиром для социально активной части феодалов, в среде которых росло ощущение приближения социального кризиса. Изменения были тем более необходимы, что социальное развитие продолжалось, не находя отражения в политической организации общества. В 1732 г. помещики получили мощный дополнительный рычаг для воздействия на жизнь страны: главу общины отныне выбирали члены общины, а не назначали власти¹¹⁹. Как это хорошо известно, выбирали или помещиков, или их кандидатов; таким образом, в рамках «восстановления традиций» оформлялись совершенно новые отношения. Восстанавливавшийся гражданский аппарат основывался теперь на ином типе феодальной эксплуатации, переход к которому совершился ранее в исторически более «удобных» формах упрощенного военного правления. С 1732 г. необходимость в большом количестве чиновников и их помощников на уездном уровне падает, поскольку интересы феодалов защищают «выборные» деревенские старосты и т. д. Но никаких заметных сокращений чиновников при Чинь Зянге не проводилось, и социальный кризис обострялся, тем более что Зянг все глубже увязал в конфликте со своей основной политической базой — воссозданной Чинь Таким и Чинь Кыонгом феодальной бюрократией. Традиционная опора Чиней — профессиональная армия — была ослаблена как политическая сила военной и другими реформами Чинь Кыонга, превратившими ее в армию государства, а не только в орудие власти рода Чинь.

Род Ле начал предпринимать попытки вернуть власть и до конца XVIII в. продолжал их; борьба двух групп феодалов заметно ослабила их, особенно в идеологическом отношении. Дело в том, что убийство Ле Зуи Фьонга подорвало

¹¹⁹ Le Thanh Khoi. Le Viet Nam. Histoire et civilisation. P., 1955, с. 259.

концепцию легитимности власти Чиней как защитников Ле. Чини утратили моральное (а в условиях Дангнгоая XVIII в. тем самым и политическое) право считать сторонников Ле бунтарями. А повстанцы, зная это, отныне объявляли себя сторонниками Ле. Это было в числе прочего следствием убийства вуа, сделавшего очевидной борьбу Ле и Чиней, до этого тщательно скрывавшуюся.

Немедленно после убийства вуа возник заговор трех принцев Ле, не пожелавших разделить судьбу Ле Зуи Фьонга. Им удалось бежать в Тханьхоа, где после военной реформы Чинь Кыонга было много людей, недовольных Чинями. Один из принцев, Ле Зуи Мат, собрал вооруженный отряд; Ле начали открытую вооруженную борьбу за власть, и отряды сторонников Ле на десятилетия стали внутривластной реальностью Дангнгоая. Горные владения Ле Зуи Мата превратили Ле в постоянную военно-политическую угрозу, что изменило и их положение в столице, заметно улучшившееся. И хотя социальные идеалы Ле Зуи Мата удержали его от объединения с крестьянскими отрядами в последующий период, сам факт отвлечения значительных военных сил Чиней создал объективно ситуацию союза с восставшими крестьянами, шедшими в бой часто под теми же лозунгами восстановления Ле, что и Ле Зуи Мат. У него было много высокопоставленных сторонников, ушедших с ним из столицы и пользовавшихся значительным авторитетом (Фам Конг Тхе и др.).

Стремясь задержать развитие политического кризиса, естественно связанного с ухудшением (после прекращения политики аграрного лавирования Чинь Кыонга) аграрного положения, высшие сановники предложили в 1736 г. временную отмену поземельного налога с земель свободных крестьян и уменьшение налога с частных земель. Это было продолжением политики Чинь Кыонга, не боявшегося временно ослабить эксплуатацию (от понижения налога на частных землях выигрывало сидевшее на них зависимое крестьянство). Но Чинь Зянг не пожелал воспользоваться этим клапаном, феодальное государство все сильнее давило на крестьян, и, когда к затяжному кризису добавились наводнения, страну охватил голод. К 1737 г. по всему Северному Вьетнаму «воры и грабители жалили, как пчелы»¹²⁰, так что местные власти «не успевали оповещать по государственной почте»¹²¹ Тханглонг о сложившейся ситуации. В 1739 г. начались крестьянские восстания в Шоннаме, в густонаселенных чисто вьетнамских районах, где ранее было сравнительно спокойно. В отличие от времени популярного Чинь Кыонга социальное недовольство имело теперь и политический лозунг «Да здравствуют Ле, долой Чиней!». Восстания становились массовыми, крестьяне осаждали и захватывали укрепления. Ширилось недовольство и в городах, население которых, в том числе и зажиточное, все более тяготилось своим бесправием. Купцы с оглядкой на Дангчаунг требовали расширения возможностей внешней торговли — важного источника первоначального накопления. Усиливалось недовольство в армии, где соперничали старые войска и недавно набранные в четырех чанах.

С 1739 г. вся страна, в долинах и в горах, была охвачена небольшими восстаниями¹²², связь между провинциями ослабевала, государственный аппарат местами вообще разваливался. Но и в этом критическом году Чинь Зянг ничего не предпринял, хотя уже в среде самого рода Чинь выдвигались проекты крупных реформ (при этом, правда, весьма архаического характера, навеянные идеями 1711 г.). Но необходимость преобразований не осознавалась тьюа. В эти годы Чинь Зянг окончательно передал всю власть евнухам и проводилось только укрепление феодальной армии. Было построено несколько военных лагерей, учрежден целый ряд пунктов по вербовке рекрутов. В 1739 г. вышел указ об увеличении численности деревенского ополчения. Ополчение пяти-шести хюенов объединялось в один отряд, которым командовал чиновник, назначенный из хюена. Однако это мероприятие не дало результата, поскольку вооруженные и в какой-то

¹²⁰ Cuong muc. Т. XVII, q. XXXVIII, с. 33.

¹²¹ Там же.

¹²² Там же, с. 36.

мере обученные военному делу крестьяне переходили, как правило, на сторону восставших. По той же самой причине пришлось отказаться и от организации пунктов по вербовке рекрутов. Как указывается в источниках, «завербовавшиеся в рекруты, а это, как правило, были горожане, потом «призывают друг друга примкнуть к бандитам»¹²³.

Стало ясно, что организация сопротивления ширившимся крестьянским восстаниям требует нового лидера, и в 1740 г. военный переворот, проведенный войсками, набранными в провинции, покончил с Чинь Зянгом и его политикой. Переворот возглавили столичные чиновники, значительная часть которых непосредственно участвовала в его подготовке и проведении. Чинь Зянг и многие его приближенные — евнухи были убиты. Совет высших военачальников и вельмож посадил на трон тюа Чинь Зоаня (1740—1767), энергичного политика, полностью соответствующего тем трудным задачам, которые поставил ход событий перед феодалами Дангнгоая. Сторонник реформ и маневров, Чинь Зоань получил власть в момент, когда крестьянские восстания были реальностью дня, когда тяжелое экономическое положение дополнялось неустойчивостью власти, потрясаемой солдатскими бунтами, произвольными казнями и голодом. Если в 1730 г. в Северном Вьетнаме насчитывалось 527 общин, почти полностью покинутых жителями, то в 1741 г. это число возросло до 3691. (К концу XVIII в. из 11 767 общин, расположенных в дельте Красной реки, а также в Тханьхоа и Нгеане, 1488 сел было оставлено жителями.) Особенно тяжелым был 1741 год. Резко подскочили цены на рис¹²⁴, «не хватало и сотни донгов, чтобы уплатить за чашку риса. Народ питался овощами и травами; ели также мышей и змей. Трупы умерших от голода валялись повсюду — в живых оставался один из десяти. И населенной слыла та деревня, в которой было пять семей или даже только три».

Правительство Чинь Зоаня отдавало себе отчет в том, что в стране складывается угрожающее положение; чтобы в какой-то мере снизить степень недовольства крестьян, в 1741 г. «двор приказал брать рис со складов и раздавать его бродягам в чанах, в столице такие раздачи бывали раз в десять дней».

Первоначально вся деятельность нового тюа была направлена на улучшение экономического положения и ослабление недовольства крестьян, но времени у него для этого было мало — до 1743 г. Крестьянское недовольство уже настолько усилилось, что маневрировать было поздно. В связи с уходом крестьян из деревень Чинь Зоань решил прибегнуть к административным мерам, чтобы обеспечить обработку необходимого минимума земель. В 1741 г. в чанах были созданы специальные ведомства, отвечающие за обработку пахотных земель, проведение ирригационных работ и т. п.

Стратегические цели группировки Чинь Зоаня были изложены в так называемых «15 пунктах» по «исправлению ошибок», допущенных предыдущим правителем, т. е. Зянгом. Этот документ — своего рода программный манифест — был составлен целой группой придворных; у Чиней не только имелись определенные объективные возможности для укрепления феодального строя, но и были деятели, которые видели путь к достижению этой цели.

«15 пунктов» содержали целый комплекс мероприятий, которые, по мнению Чинь Зоаня, могли бы снять напряжение в стране и представляли собой тот самый «порядок», который мог бы привлечь на сторону центральной власти массы крестьян.

«1. Восстановить деятельность двух высших советов — военного и гражданского, с тем чтобы власть правителя была более действенной.

2. Один раз в три года проверять деятельность куанов (чиновников), чтобы знать, кто из них отвечает своему назначению, а кто — плох (т. е. провести чистку. — *Авт.*).

3. Найти тех людей, за кем не числится никакой вины, но вынужденных ранее уйти в отставку, с тем чтобы возвысить людей способных, но отодвинутых на задний план (т. е. восстановить кадры, выдвинувшиеся при Чинь Кыонге. — *Авт.*).

¹²³ Lich su che do phong kien Viet-Nam. Т. III. Ha-noi. 1965, с. 215.

¹²⁴ Cuong muc. Т. XVIII, q. XXXIX. с. 14, 15,

4. Строже относиться к просьбам о должностях, титулах или о сохранении привилегий, с тем чтобы таким образом сделать чистым и честным путь продвижения в куаны (т. е. сократить число куанов. — *Авт.*).

5. Увеличить земельные наделы, чтобы у солдат было достаточно пропитания.

6. Расширить действие указа об освобождении от подушного и поземельного налогов, с тем чтобы облегчить тяготы и трудности населения (т. е. вернуться к политике маневрирования. — *Авт.*).

7. Прекратить все общественные повинности на строительстве, с тем чтобы высвободить силы народа.

8. Ликвидировать все инспекторские пункты, построенные незаконно, чтобы тем самым продемонстрировать милосердие властей.

9. Запретить принудительное авансирование при покупке населением товаров.

10. Отменить закон о поощрениях и наказаниях для офицеров и генералов, несущих службу, о пользовании пожалованиями тех военнослужащих, которые уже умерли.

11. Определить порядок подачи жалоб на начальствующих куанов, злоупотребляющих своим должностным положением, превышающих свои полномочия или слишком жестоких при исполнении обязанностей.

12. Возложить на куанов в чанах ответственность за строительство и поддержание в надлежащем состоянии ирригационных сооружений, чтобы создать благоприятные условия для земледелия.

13. Все сокровища и имущество передать в ведение ведомства двора, чтобы обеспечить наиболее полное их использование внутри страны.

14. Судебные тяжбы по жалобам отменить как несущественные.

15. Отменить земельный налог в Тханьхоа и Нгеане»¹²⁵.

Следует отметить, что некоторые из провозглашенных мероприятий, полностью продолжающих политику Чинь Кыонга, были сразу же проведены в жизнь. Так, было частично прекращено строительство храмов Кюиньлам, Холиен, Тычан, Тэйфыонг, а земля, предназначенная для храмов, была возвращена крестьянам; в 1740 г. был отменен налог для ряда областей, в которых свирепствовал голод. Эти половинчатые меры позволили придворным хронистам утверждать, что «после обнародования „15 пунктов" в столице и за ее пределами — в чанах — все были несказанно рады»¹²⁶. Перспективным был и перевод практически всех чиновников на компенсацию земельными участками, объявленный в 1741 г.¹²⁷.

Но вскоре все силы пришлось бросить на отчаянную борьбу с вооруженными крестьянами, и лишь много лет спустя, после военной победы над собственным народом, Чинь Зоань смог вернуться к политике маневрирования. Но и она дала феодалам лишь передышку, после которой архаическая феодальная верхушка Дангнгоая была полностью сметена восстанием Тэйшонов. Спокойствие, которое дал Чинь Зоань, было достигнуто массовыми казнями, экономические же проблемы уже требовали для своего решения резких изменений, которые реализовались лишь в ходе восстания Тэйшонов и борьбы с ним феодалов Дангчаунга.

Правление Чинь Зоаня, приведенного к власти войсками, характеризовалось преобладанием военных (в противовес временам Кыонга), и он сам это подчеркивал: в год прихода к власти он построил храм Войны с регулярными празднествами в честь знаменитых полководцев прошлого. Основные усилия правительство предпринимало в эти годы в военной сфере.

Отказавшись от создания «ополчения» в общегосударственном масштабе, Чинь Зоань решает укрепить и увеличить ряды местных армейских формирований,

¹²⁵ NCLS. 1965, № 76, с. 31.

¹²⁶ Там же, с. 31.

¹²⁷ Le Quy Don. Kien van... с. 159.

расквартированных в чанах, а также гарнизона столицы. Для этого, в частности, он приказал вернуться к той системе расширенного набора рекрутов, которая была введена Чинь Кыонгом в 1721 г.; из трех внесенных в списки налогоплательщиков один обязан был служить в армии (брали из всех чанов).

Учитывая, что наиболее крупные крестьянские восстания были в районе дельты Красной реки и по морскому побережью, тюа особое внимание уделял укреплению флотских экипажей. В спешном порядке были построены новые морские и речные боевые суда, на каждом из них было по десять хорошо вооруженных солдат.

Вместо «единого» ополчения хюенов было создано новое ополчение, представлявшее собой полурегулярные формирования, довольно мобильные и не связанные с какой-то определенной местностью. В хюенах были введены специальные должности военных чиновников, ответственных за оборону от повстанцев — «травяных разбойников», поимку дезертиров и т. д.

Мероприятия по увеличению численности местных формирований и армии принесли определенные результаты. В 1742 г., например, в армию было набрано 11465 человек (в пяти чанах, расположенных на равнине); было образовано 20 ве (в каждом по 400 солдат). В свою очередь, ве подразделялись на две группы. Одна группа несла службу, другая вела хозяйственные работы (возделывала поля и т. п.). Указанные подразделения размещались в чанах и подчинялись лично тюа или офицеру, имевшему специальные полномочия. Что касается гражданского аппарата, то Чинь Зоань в первые годы правления, до начала массовых восстаний, стремился к его усилению; когда же начались войны и, естественно, возросла роль военных, он тем не менее не пошел на восстановление норм реставрации, рассматривая ситуацию 40-х — начала 50-х годов как временную.

***

30-е годы были заметной вехой в области идеологии и культуры. Чинь Зянг очень много строил, только в одном 1730 году было собрано 6 тыс. человек из трех хюенов, они днем и ночью восстанавливали буддийские пагоды Кюиньлам и Шунгтием. Позднее в Кюиньламе была воздвигнута большая статуя Будды; по приказу Чинь Зянга чиновники периодически руководили отправлением религиозного культа, не будучи, следовательно, ортодоксальными конфуцианцами даже в Дангнгоае. Параллельно Чинь Зянг стремился к укреплению культурной независимости Вьетнама, по его приказу в традиционных центрах книгопечатания — в Хайзыонге, Лиеучанге и Хонглюке — были выгравированы и отпечатаны все классические книги буддизма¹²⁸; это было весьма дорогостоящее мероприятие. Одновременно был запрещен самостоятельный вывоз книг из Китая.

В сфере социальной первый этап начала общего кризиса (1729—1743) был отмечен в Дангнгоае дальнейшим укреплением экономических и социальных позиций поместных феодалов, имевших с 1732 г. власть над деревней. Но этому исторически обусловленному социально-экономическому усилению не соответствовало приобретение адекватных политических позиций (они были приобретены лишь после того, как ход борьбы с Тэйшонами показал, что наиболее надежной массовой военно-политической опорой феодального строя являются помещики). При дворе Чинь Зянга в 1740 г. возникла даже идея возврата к полному обложению частных земель, что, возможно, и сделало этот год последним годом его жизни. Вместе с тем в рамках непоследовательной политики этого тюа социальному конституированию помещиков не только не мешали, но даже в ходе продажи должностей способствовали (пусть на архаической основе).

Положение крестьян в 30-е годы заметно ухудшилось. Впервые за несколько десятилетий стали расти налоги и повинности. Механизма экономического маневрирования (прощение несобранных налогов) Чинь Зянг не использовал, доходы от продажи должностей шли на непродуманные нужды. В этих условиях не такие уж

¹²⁸ Tran Van Giep. Les deux sources du bouddhisme annamite. Cahiers de l'Ecole Francais d'Extreme-Orient. Hanoi, 1960, I. 33, c. 119.

частые по сравнению с началом века засухи и наводнения привели в 1739 г. к широкому повстанческому движению по всей стране. Созданный при Чинь Кьонге механизм эксплуатации в неземледельческой области, помогавший при неурожаях, во многом был разрушен Чинь Зянгом. Так, в 1732 г. он отменил соляной налог (восстановлен в 1746 г. Чинь Зоанем), так как росли цены на соль и народ «жаловался». Зато потом он повысил основные налоги, и тут народ от жалоб перешел к вооруженной борьбе. Ошибочность социальной и экономической политики этих лет привела вместе с ростом политической нестабильности к падению доходов от второго важного источника неземледельческих доходов — горной промышленности.

При Чинь Зоане стало широко использоваться такое рискованное средство, как продажа должностей. Можно было купить любое чиновничье звание ниже 4-го класса за 600 куанов каждый класс. Эта практика безусловно расстраивала государственный механизм в конкретных условиях 30-х годов.

При Чинь Зоане в начале 40-х годов в экономике, как и в государственной деятельности, вернулись к практике Чинь Кьонга: отменяли налоги, проводили только необходимые экономические мероприятия, но времени для возвращения к прежней системе не было, восстания уже начались. Тем не менее кое-что было сделано. Уже в 1741 г. было осуществлено чрезвычайное мероприятие, в определенной степени ослабившее рост разрухи: производителей заставили продать государству весь рис сверх необходимого для пропитания их семей¹²⁹. Это было подтверждением государственной собственности на всю землю в соответствии с реальностью времени. Тогда же было приказано при торговых сделках принимать любую монету, старую и новую. Это позволило мобилизовать средства без дополнительных вложений, объем денежной массы был увеличен без затрат со стороны государства. Возможность для таких принудительных мер у государства еще была: введенное в эти же годы военное положение при наличии сильной армии позволяло осуществлять подобные мероприятия. Тогда же (в 1741 г.) было принудительно введено серебряное обращение для всех товаров средней и высокой стоимости. Качество серебра гарантировалось знаками на нем, порча металла сурово преследовалась.

Крестьянские восстания в Дангнгоае в середине и третьей четверти XVIII в.

Рассмотренные выше процессы в экономическом развитии, усиление феодальной двойной эксплуатации вызвали активизацию выступлений вьетнамских крестьян против феодалов-куанов и помещиков. Как отмечал Ф. Энгельс, «крестьян, хотя и озлобленных страшным гнетом, все же трудно было поднять на восстание. Их разобщенность чрезвычайно затрудняла достижение какого-либо общего соглашения. Действовала долгая, переходившая от поколения к поколению привычка к подчинению»¹³⁰. Это определение можно полностью отнести к крестьянским восстаниям во Вьетнаме в середине XVIII в. Вместе с тем по мере роста их количества мы наблюдаем появление тенденции к преодолению этой привычки. Выступления становятся продолжительнее по времени, привлекают под свои знамена крестьян не только одного уезда, но даже и нескольких чанов. К середине XVIII в. север Вьетнама представлял собой арену многочисленных и довольно значительных выступлений крестьян, что свидетельствовало о дальнейшем углублении кризиса феодального режима Чиней. Современные вьетнамские историки считают, что выступлениями, положившими «начало ожесточенной и широкой по масштабу борьбе крестьян в середине XVIII в.»¹³¹, были восстания под руководством Нгуен Зьонг Хынга и Ле Зуи Мата¹³².

¹²⁹ Cuong muc. Т. XVIII. q. XXXIX, с. 7.

¹³⁰ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. — Т. 7, с. 357.

¹³¹ Lich su che do phong kien Viet Nam. Т. III, с. 24.

¹³² Восстание под руководством Ле Зуи Мата представляет собой комплекс военных, политических и социальных проблем. Мы рассмотрим его наряду с другими крупнейшими крестьянскими восстаниями первой половины XVIII в. отдельно.

Нетрудно проследить важную особенность в развитии крестьянского движения в Северном Вьетнаме в середине XVIII в.: начавшись на окраинах государства, оно распределялось по направлению к центральным областям, включая и дельту Красной реки. Зону крестьянских восстаний к началу 40-х годов XVIII в. образовывали такие важные в экономическом отношении чаны, как Хайзыонг, Шонтэй, Нгеан, Намдинь, Тханьхоа, т. е. те районы, которые издавна были опорой власти Чиней.

Наиболее серьезными как по масштабам, так и по продолжительности в это время были восстания под руководством Ву Динь Зунга и Нгуен Тюена, Нгуен Кы и Ву Чак Оаня.

Ву Динь Зунг был одним из выдающихся крестьянских вождей в чане Тоннам. Руководимый им отряд действовал в 1740 г. в плодородной и населенной долине в устье Красной реки. Своеобразием тактики восставших было то, что в отличие от подавляющего большинства других крестьянских выступлений XVIII в. крестьяне не строили постоянного укрепленного лагеря. Изобиловавшая речными протоками и заболоченными низинами местность позволяла им быстро передвигаться с места на место, то скрываясь от правительственных войск, то нападая на них. «Отряды врагов были храбрыми,— отмечает хроника „Кыонг мук“,— и не боялись смерти. При встрече с правительственными войсками они с мечами наголо бросались на них, сея смерть. И много раз наши генералы были побиты»¹³³.

Восстание под руководством Нгуен Тюена, Нгуен Кы и Ву Чак Оаня. В 1739 г. в чане Хайзыонг вспыхнуло крестьянское восстание, наиболее ожесточенное из тех кратковременных выступлений народа, которым характеризуются 40-е годы XVIII в. в Северном Вьетнаме. Чан Хайзыонг был одним из районов страны, где голод, продолжавшийся в течение ряда лет, достиг угрожающей остроты. Именно этот район начиная с 40-х годов XVIII в. на многие годы стал ареной борьбы крестьян Вьетнама против феодального гнета.

Руководитель восстания Нгуен Тюен родился в чане Хайзыонг. Получив образование, он некоторое время служил в столице в должности мелкого чиновника. Это был умный человек, один из первых представителей феодальной бюрократии, понявших необходимость борьбы против притеснений аристократии, помещиков, общинной верхушки.

Нгуен Тюен бросил государственную службу, вернулся в чан Хайзыонг и призвал крестьян своей родной деревни к восстанию¹³⁴. В течение продолжительного периода Нгуен Тюен громил гарнизоны провинциальных войск и феодального ополчения в целом ряде районов провинции Хайзыонг. Важным элементом, способствующим военному успеху восставших крестьян, было то, что почти одновременно с восстанием Нгуен Тюена в одном из хюенов того же чана поднялся народ под руководством Ву Чак Оаня.

Восстание началось в общине Мочать. Крестьянин-бедняк Ву Чак Оань объявил себя вождем и призвал к выступлению население соседних общин. Обращение Ву Чак Оаня встретило горячий отклик. Даже придворные хронографы вынуждены были признать размеры движения, охватившего чан Хайзыонг. «В огромном количестве мест и даже в самых малых из них были сотни и тысячи людей», которые «окружали и уничтожали укрепленные поселения, и нельзя было им противостоять»,— отмечается в хронике «Кыонг мук»¹³⁵.

Несомненно, положительной стороной в тактике руководителей обоих восстаний было то, что они понимали необходимость совместных действий и часто выступали объединенными силами. Поэтому принято считать это движение единым целым, которое возглавляли Нгуен Тюен, Нгуен Кы и Ву Чак Оань.

¹³³ Cuong muc. Т. XVII, q. XXXVIII. с. 57.

¹³⁴ Официальные хроники называют восстание под руководством Нгуен Тюена также «восстанием Нинься» — по названию деревни, где оно началось.

¹³⁵ Cuong muc. Т. XVII, q. XXXVIII. с. 40.

Отличительной чертой восстания было то, что его руководители с самого начала отказались от тактики действий в районе опорных баз, а предпринимали активные наступательные операции не только в соседних общинах и хюенах, а даже и в других чанах.

В начале 1740 г. они вторглись в хюен Зядинь (чан Кинь-бак). Это был серьезный шаг, показывающий, что Нгуен Тюен посягал на наиболее жизненно важные центры феодального государства в Северном Вьетнаме. Высланный навстречу восставшим сильный отряд правительственной армии был наголову разбит, а его командир, один из способнейших военачальников Чиней, Нгуен Чонг, был убит в бою.

Развивая военный успех, одержанный в Зядине, Нгуен Тюен двинулся в пределы чана Шоннам. В середине 1740 г. его воины форсировали Красную реку, создав прямую угрозу Тханглонгу. Чинь Зоань и высшие сановники были в полной растерянности. Наместник столицы Чинь Дак бросил имеющиеся в его распоряжении подразделения на охрану городских ворот, а также приказал вывести все население на берег Красной реки, чтобы тем самым создать у восставших впечатление, что в его распоряжении имеется значительное количество войск. Чиньским генералам, призвавшим на помощь отряды правительственной армии, расквартированные в Киньбаке, Шонтэе и Футхо, удалось не допустить атаки восставших на столицу. Убедившись в бесперспективности каких-либо военных акций перед лицом превосходящих сил феодальной армии Чиней, Нгуен Тюен решил отступить в Хайзыонг. Так окончилась первая и единственная в середине XVIII в. попытка восставших крестьян нанести удар по средоточию феодального режима — столице государства Тханглонгу.

Несмотря на неоднократные попытки правителя Шоннама подавить восстание в Хайзыонге в районе его опорных баз, вооруженные отряды под руководством Нгуен Тюена, Нгуен Кы и Ву Чак Оаня продолжали активно действовать еще в течение нескольких месяцев, не только ведя оборонительные бои, но и совершая набеги на соседние чаны. Количество восставших составляло в это время несколько десятков тысяч. Они распространили свою власть на всю северо-восточную часть северовьетнамской равнины.

Обеспокоенные возрастающей активностью восставших крестьян под руководством Ву Динь Зунга, Нгуен Тюена, Нгуен Кы и Ву Чак Оаня, феодальные власти были вынуждены лихорадочно искать способ подавления этих выступлений, не допустить, чтобы их влияние распространилось на другие чаны страны.

Чинь Зоань принял решение первоначально покончить с восстанием Ву Динь Зунга, чтобы затем обрушиться всеми силами на восставших крестьян, руководимых Нгуен Тюеном. Направляясь во главе армии в устье Красной реки, тюа строжайше запретил мародерство. Малейшее притеснение местного населения жестоко каралось. Одновременно он обратился к восставшим с призывом капитулировать, сопровождая его обещаниями амнистии, возмещения убытков и т. д.¹³⁶

В декабре 1740 г. правительственная армия вторглась в район, который в течение нескольких месяцев находился под контролем восставших. Введя в бой кавалеристов, при поддержке артиллерии Чинь Зоань овладел временным укреплением, воздвигнутым Ву Динь Зунгом. Отряды восставших были рассеяны. Восстание было подавлено.

После разгрома восстания Ву Динь Зунга Чинь Зоань решил сосредоточить силы на восстановлении порядка в чане Хайзыонг, где действовали отряды восставших под руководством Нгуен Тюена. В начале 1741 г. он направил в этот район карательную экспедицию под командованием Данг Динь Люана.

Чтобы усыпить бдительность правительственного военачальника, Нгуен Тюен направил к нему гонца с посланием, в котором превозносил военные заслуги Люана и заявлял о готовности прекратить сопротивление и сложить оружие. Этот маневр возымел действие и притупил бдительность не только командиров карательного отряда, но и его

¹³⁶ Lich su che do phong kien Viet Nam. T. III, c. 217.

солдат, чем и воспользовались восставшие. Той же ночью они напали на бивак правительственных войск, разгромили его, а самого Данг Динь Люана и его приближенных захватили в плен.

Однако этот несомненный тактический успех не мог улучшить положения восставших, фактически запертых в пределах нескольких хюенов и не получавших поддержки от других выступлений крестьян, продолжавшихся в это время в различных районах Северного Вьетнама. В марте 1741 г. многочисленные подразделения армии Чиней нанесли одновременный удар по укрепленным пунктам Фаошон и Нинься, являвшимся, по существу, последним прибежищем Нгуен Тюена и его сподвижников. В жестоком бою Нгуен Тюен был убит; некоторым командирам удалось скрыться, и они еще в течение определенного времени продолжали беспокоить местные власти, организуя небольшие группы «травяных пиратов» и нападая на военные посты, дома феодалов, склады риса. К последним дням осени 1741 г. и эти мелкие выступления бывших участников восстания Нгуен Тюена были подавлены.

Период с конца 1739 по 1751 г. был временем наивысшего подъема крестьянского движения в Северном Вьетнаме. Помимо мелких, чисто местных выступлений в этот период вспыхивают и набирают силу наиболее крупные крестьянские восстания до-тэйшонского периода, которые нанесли серьезный удар по позициям и основе власти Чиней.

Восстание под руководством Нгуен Зань Фыонга (1740—1751) было самым крупным крестьянским выступлением в чане Шонтэй. Будучи выходцем из конфуцианских ученых, Нгуен Зань Фыонг в 1740 г. примкнул к восставшим крестьянам в одном из хюенов чана Шонтэй. После того как руководитель восставших крестьян Те был схвачен правительственными войсками и убит, Фыонг не только сохранил отряд от разгрома, но и увеличил его численность, укрепил боеспособность. Для этого он приказал отступить в горы Тамдао, где восставшие построили укрепленный лагерь.

Теперь Нгуен Зань Фыонг сосредоточил усилия на охране территории, находящейся под его контролем. Она была довольно обширной и включала северо-восточную часть чана Шонтэй, а также некоторые хюены чана Тхайнгуен. По существу, это было отдельное владение, независимое от центральной власти. В ходе восстания среди участников, главным образом в руководящей верхушке, происходили изменения, характерные для всех крестьянских движений периода феодализма. Нгуен Зань Фыонг объявил себя великим победоносным императором, построил дворец и ввел должности придворных и дворцовый церемониал по образцу и в качестве антипода императорскому дворцу Ле и Чиней¹³⁷.

Восставшие строили оборонительные укрепления, вместе с местным населением возделывали землю, чтобы снабжать себя продовольствием и создавать запасы на случай обострения военных действий. Известно также, что они собирали налог с шахт и торговцев в чане Туенкуанг, а также взимали поборы с лесо-продуктов, вывозимых из предгорных районов (лак и др.). В итоге в центральном лагере восставших скопилось много ценностей, в том числе золота, серебра и др.¹³⁸. Хроника «Кыонг мук», не скрывая эмоций и далеко не беспристрастно, отмечает, что «более десяти лет волей случая они были самым главным врагом правящей династии»¹³⁹.

В 1748 г. Чинь Зоань приказал местным воинским формированиям подавить восстание Нгуен Зань Фыонга. В течение трех лет генералы чиньской армии безуспешно пытались овладеть опорными базами в горах Нгокбой. Нгуен Зань Фыонг успешно отражал карательные экспедиции то силой оружия, то подкупая командиров правительственных войск, действовавших в Шонтэе и Тхай-нгуене.

¹³⁷ Lich su che do phong kien Viet Nam. Т. III, с. 124.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Cuong muc. Т. XVII. q. XXXVIII.

В 1751 г. Чинь Зоань сам возглавил широкое наступление на укрепленные посты и базы Нгуен Зань Фыонга. Фыонг, уже привыкший к довольно легким победам над предыдущими карательными экспедициями, не придавал большого значения этому действительно хорошо подготовленному натиску со стороны правительственных войск. Один за другим пали укрепленные посты, оборонявшие центральные базы восставших. Затем начался полный драматизма штурм последнего пристанища Нгуен Зань Фыонга на вершине неприступной скалы. Ценой больших жертв армии Чиней, «многочисленной, как муравьи», удалось сломить сопротивление обороняющихся. Нгуен Зань Фыонг успел скрыться. Он бежал в общину Тиньлюен (пров. Виньфук), где и был схвачен правительственными войсками. В начале 1751 г. Нгуен Зань Фыонга казнили вместе с руководителем другого крупного крестьянского восстания — Нгуен Хыу Кэу,— также потерпевшего поражение в 1751 г.

Восстание Нгуен Хыу Кэу (1741—1751). Современные вьетнамские исследователи считают Нгуен Хыу Кэу самым выдающимся руководителем крестьянского движения в Северном Вьетнаме в середине XVIII в. Нгуен Хыу Кэу родился в деревне Лондонг, в чане Хайзыонг. В раннем детстве он лишился отца. Матери, едва сводившей концы с концами, ценой больших лишений удалось дать сыну образование. Нгуен Хыу Кэу обладал известными знаниями в области военного искусства и был мужественным человеком¹⁴⁰.

Кэу примкнул к крестьянскому движению в чане Хайзыонг во время «восстания Нинься». Вскоре он стал одним из ближайших соратников его руководителя — Нгуен Кы. Кэу сразу же воспринял основной лозунг «восстания Нинься» — нинь зан (т. е. «приносить народу спокойствие»). После поражения «восстания Нинься» Нгуен Хыу Кэу собрал разрозненные отряды крестьян, провел их реорганизацию и выдвинул новый лозунг. Не ограничиваясь призывом «приносить народу спокойствие», Кэу выдвинул задачу «защищать народ» (бао зан) и твердо следовал ей, по крайней мере на начальных этапах движения. Осуществляя набеги на различные общины хюенов провинции Хайзыонг, а также захватывая торговые корабли в устье Красной реки, Нгуен Хыу Кэу делил, как правило, добычу среди крестьян-бедняков.

Наличие сформулированной цели восстания и ее практическое осуществление не только отличали его от других крестьянских выступлений того периода, но и обеспечивали поддержку Нгуен Хыу Кэу со стороны деревенского населения нескольких центральных чанов государства Чиней. На протяжении десятилетия, как отмечает хроника «Кыонг мук», было много таких случаев, когда Нгуен Хыу Кэу фактически в одиночестве вырывался из окружения и вновь призывал крестьян к действиям, и народ снова поддерживал его, «под его знамена вновь собиралось более 10 тыс. человек, и опять у него было продовольствие и оружие»¹⁴¹.

Основным районом восстания под руководством Нгуен Хыу Кэу был чан Хайзыонг. В 1740—1744 гг. здесь периодически повторялись неурожаи, население голодало. Именно поэтому Кэу удалось уже к началу 1742 г. собрать довольно значительный отряд, построить определенное количество небольших военных судов и превратить приморский пункт Дошон в свою опорную базу. К этому же периоду относится первый военный успех Кэу — его победа на р. Катба над высланной Чинями для подавления восстания эскадрой тяжелых кораблей. Это событие значительно подняло авторитет восставших, поскольку до него в течение нескольких месяцев они вели бои с армией Чинь Зоаня и несколько раз вынуждены были отступать.

Чиням не удалось овладеть районом Дошона. В течение двух лет (с конца 1742 до середины 1744 г.) восставшие укрепляли свои силы. Именно в этот период сыграл большое практическое значение лозунг «защищать народ»: к середине 1744 г. в

¹⁴⁰ NCLS. 1965, № 75, с. 23—24.

¹⁴¹ Cuong muc. T. XVIII, q. XL, с. 47—48.

укрепленном лагере Дошон насчитывалось уже до 50 тыс. обученных и вооруженных бойцов, разделенных на отряды, которые возглавляли 18 генералов¹⁴².

Восставшим приходилось проводить реорганизацию своих отрядов, обучение новичков, стекавшихся в их укрепленный лагерь, в условиях непрерывных военных действий. Объединенные войсковые подразделения из чанов Хайзыонг, Киньбак, Иенкуанг и Шоннам не переставая атаковали Дошон. Морские пути, ведущие в этот прибрежный район, были блокированы флотом Чиней.

Видя бесполезность оборонительных боев на старых базах, Нгуен Хью Кэу приказал разрушить укрепления, прорвал кольцо окружавших его правительственных войск и по р. Тхьюнг ушел от преследования. Здесь, на берегу р. Тхьюнг, восставшие построили новый укрепленный лагерь, укрыли около 100 боевых судов и создали целую сеть укрепленных постов. Правитель чана Киньбак, пытавшийся нанести удар по восставшим, сам был разбит, покинул столицу чана и бежал в Тханглонг. Этот успех значительно укрепил силу отрядов Нгуен Хью Кэу. Теперь вся область, находившаяся севернее р. Тхьюнг, была под контролем восставших крестьян¹⁴³.

Весть о том, что центр чана Киньбак — важный пункт в непосредственной близости от Тханглонга — пал, вызвала переполох в столице. Зоань предпринял лихорадочные меры к тому, чтобы защищаться на случай атаки со стороны отрядов Нгуен Хью Кэу. Были усилены военные посты в пригородах Тханглонга, на берегу р. Тхьюнг спешно строили укрепления и т. д.¹⁴⁴. Одновременно к столице подтягивались войска из других районов страны. Тюа удалось создать численный перевес и не только не допустить осады восставшими крестьянами Тханглонга, но и перейти в наступление, чтобы отвоевать чан Киньбак. Довольно значительная армия (около 13 тыс. солдат, 10 генералов и т. д.)¹⁴⁵ была брошена в сражение. В конце 1744 г. Нгуен Хью Кэу удалось разбить один из преследовавших его отрядов, и наступление армии Чиней прекратилось.

Как известно, в 1744 г. активизировали действие восставшие под руководством Нгуен Зань Фьюнга в Шонтэе. Успех, одержанный в Киньбаке Нгуен Хью Кэу, создал объективные предпосылки для того, чтобы восставшим крестьянам ударить по армии Чиней с двух сторон. Однако этого не произошло. Более того, Нгуен Зань Фьюнг вновь начал переговоры о перемирии, чем обеспечил по крайней мере на время спокойствие в западной части Дангнгоая, объективно способствовал тому, чтобы Чини могли сосредоточить силы на подавлении восстания Нгуен Хью Кэу.

Нгуен Хью Кэу видел, что тюа сосредоточивает все больше сил в чане Киньбак, чтобы одним мощным ударом покончить с «беспорядками» в этом районе, расположенном в непосредственной близости от столицы. Восставшие сделали попытку речным путем прорваться в восточную часть страны, но это предприятие не дало результата. Сухопутные войска правительства продолжали оказывать давление на оборонительные позиции отрядов Нгуен Хью Кэу и в Шоннаме нанесли ему серьезное поражение в битве при Кимзянге (конец 1748 г.), положившее конец широким наступательным действиям восставших. После этого сражения Кэу предпринял полную героизма, но, по существу, бесполезную попытку осадить Тханглонг. Генерал чиньской армии Фам Динь Чонг нанес крестьянам удар с тыла, в местечке Бода, и этим не только устранил угрозу осады, но и рассеял отряды Нгуен Хью Кэу. По существу, после этого поражения восставшие не смогли вновь собрать силы.

Нгуен Хью Кэу был вынужден отступить в Шоннам, где объединил оставшиеся в его распоряжении силы с крестьянскими отрядами Хоанг Конг Тята. Районом их совместных действий стали хюены Тханкхе и Тханьлан (пров. Тхайбинь).

¹⁴² NCLS. 1966, № 75, с. 26.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ Cuong muc. Т. XVIII, q. XL. с. 31—32.

¹⁴⁵ Lich su che do phong kien Viet Nam. Т. III. с. 228.

Восстание Хоанг Конг Тята (1739—1769). Выступление крестьян под руководством Хоанг Конг Тята отличается от других крупных восстаний середины XVIII в. не только своей продолжительностью, но и тем, что в ходе его впервые в крупных масштабах были осуществлены совместные действия вьетнамцев (кинь) и народностей горных районов страны.

Восстание началось в равнинных районах чана Шоннам. Отряды повстанцев, возглавляемые Тятю, не строили укрепленного лагеря, а использовали обычную тактику «травяных пиратов»: «они выходили из заболоченных мест и скрывались в них, и нельзя было отыскать их следов»¹⁴⁶. Действия восставших крестьян сводились к разгрому феодальных владений в чане Шоннам, а также к отражению атак со стороны правительственных войск, которые первоначально не отличались значительными масштабами. В 1744—1745 гг. Хоанг Конг Тятю удалось закрепиться в области Кхоайтяу, откуда он совершал удачные набеги на близлежащие хюены чана Шоннам. О военных успехах восставших в это время свидетельствует захват ими в плен наместника Шонна-ма Хоанг Конг Ки (1745 г.).

Относительная свобода действий крестьян-повстанцев в Шоннаме объясняется тем, что в рассматриваемый период основные силы правительственных войск были сосредоточены на подавлении двух других восстаний, принявших к началу 50-х годов довольно значительные размеры,— Нгуен Зань Фыонга и Нгуен Хыу Кэу. Именно по этой причине было несколько сокращено количество войск, расквартированных обычно в Шоннаме, что не могло не создать благоприятных условий для продолжения восстания. Не случайно также, что после неудачной попытки осадить Тханглонг в конце 1748 г. именно в Шоннам бежал с остатками своего отряда Нгуен Хыу Кэу.

Дальнейшее развитие событий привело к тому, что Чинь Зоань, сконцентрировав в Шоннаме силы после подавления восстаний в Хайзыонге и Тамдао, нанес удар по объединенным отрядам Хоанг Конг Тята и Нгуен Хыу Кэу. В результате повстанцы были разгромлены; Кэу бежал в Нгеан, где и был схвачен, а Хоанг Конг Тятю удалось скрыться в чане Тханьхоа.

Из Тханьхоа Тят увел свои отряды в Тэйбак, придав их действиям совершенно новую окраску, что было вызвано конкретной ситуацией, сложившейся здесь к середине XVIII в.

В середине XVIII в. влияние на окраинные районы, в частности на Тэйбак, со стороны центральной власти, подорванной крестьянскими восстаниями на равнине Северного Вьетнама, значительно ослабло. Этим воспользовались лаосские феодалы, которые вынашивали планы отторжения от Дайвьета территорий в северо-западной части страны. Активизировали здесь свою деятельность и «отряды разбойников из провинции Юннань»¹⁴⁷, которые «тоже искали повод для того, чтобы отторгнуть часть территории в фу Иентай»¹⁴⁸. Поэтому Хоанг Конг Тятю пришлось с первых же дней пребывания в Тэйбаке бороться против местной феодальной власти, отражать посягательства иноземных феодалов на территорию Дайвьета, а также сражаться против племен фэ, выходцев из Лаоса. Военные действия развернулись в долине р. Ма и долине Мыонгтхань и шли с переменным успехом. Тятю, в отрядах которого сражались не только вьетнамцы, но также лаосцы и представители местных горных племен, удалось разбить дружины фэ в битве около Дьенбьенфу.

После этой победы Хоанг Конг Тят построил хорошо спланированный укрепленный лагерь в общине Ноонгхет, который в феодальных хрониках именуется «Там Ван Тхань», т. е. «Крепость 30 тыс. воинов»¹⁴⁹.

¹⁴⁶ Там же, с. 232.

¹⁴⁷ NCLS. 1965, №81, с. 50.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Lich su che do phong kien Viet Nam. Т. III, с. 233.

Весь последующий период действий Хоанг Конг Тята вплоть до его смерти в 1768 г. был посвящен в основном укреплению подвластной ему области Мыонгтхань (т. е. Дьенбьен), а также расширению сферы действий возглавляемых им отрядов на весь Тэйбак и частично на верхний Лаос.

1767—1768 годы отмечены активными действиями отрядов Хоанг Конг Тята в чане Хынгхоа и предгорных районах чана Тханьхоа. Бассейны рек Тхао, Да, Ма находились в руках восставших. Здесь Хоанг Конг Тят собирал подати с населения и в случае необходимости набирал рекрутов в свои отряды¹⁵⁰.

В 1767 г. Тят двинул свои отряды через Моктяу и Лайтяу на соединение с повстанцами, которых возглавлял Ле Зуи Мат в Чаннине. Под знаменами Ле Зуи Мата было в это время свыше 10 тыс. бойцов¹⁵¹.

Хоанг Конг Тяту не удалось осуществить задуманную им операцию. В конце 1767 г. (по некоторым данным, в начале 1768 г.) юн скончался. События, происшедшие после его смерти, косвенно свидетельствуют о том, насколько был высок авторитет этого руководителя. Преемником Хоанг Конг Тята стал его сын Хоанг Конг Тоан. О его личности почти ничего не известно. Хроники сообщают лишь, что он сразу же после смерти отца объявил себя куок-выонгом (императором). По-видимому, этот факт послужил поводом для начала открытой вражды между Тоаном и Ле Зуи Матом. О единстве действий, к которому стремился Хоанг Конг Тят, теперь не могло быть и речи.

Соперничество между руководителями двух крупнейших восстаний привело к тому, что силы восставших, особенно в бассейне рек Да и Тхао, значительно ослабли. Кроме того, противоречия внутри феодализирующейся верхушки восстания повлекли за собой потерю поддержки как среди местного населения, так и в рядах вооруженных крестьян, составлявших основное ядро восстания.

Установив относительное спокойствие и порядок в равнинных районах, Чинь Зоань бросил на северо-запад страны значительные силы для подавления восстания.

Командовавший армией Чиней Доан Нгуен Тхук удачно использовал готовность местных вождей вновь служить центральной власти. Опираясь на их помощь, он овладел рядом важных пунктов на пути к укрепленному лагерю повстанцев в крепости Сыонг. Вблизи от этого пункта правительственные войска вступили в ожесточенное сражение с отрядами восставших. В хронике «Бинь Хынг Тхык Люк» говорится об этом важном событии очень кратко: «В день Динь Шыу 12-го месяца 1768 г. Тхук двинул армию и нанес врагам сокрушительный удар»¹⁵². Предводитель восстания Тоан бежал в Юннань, часть его разрозненных отрядов также покинула пределы страны, скрывшись либо в Лаосе, либо в Китае.

Так закончилось продолжавшееся три десятилетия восстание под руководством Хоанг Конг Тята, первое крупное совместное выступление эксплуатируемых вьетнамских крестьян и представителей угнетенных горных племен. Почти все племенные вожди Тэйбака (за исключением трех вождей племен тхай и мыонг) пошли за Хоанг Конг Тятом, включились в борьбу, которой он руководил. Феодализация верхушки восстания, осуществление Хоанг Конг Тятом на последней стадии движения мероприятий, свойственных феодальному правителю, оттолкнули племенных вождей от восстания, вернули их к сотрудничеству с центральными властями.

Восстание Ле Зуи Мата (1738—1770). Восстание под руководством Ле Зуи Мата, продолжавшееся 32 года, стоит несколько особняком в ряду восстаний в Дангнгоае в середине XVIII в. В этой вооруженной борьбе, как ни в каком другом выступлении, проявилась сложность внутреннего положения в стране, запутанность сплетений различных социальных и политических интересов, входящих в состав восставших групп населения. Вместе с тем в движении, возглавляемом Ле Зуи Матом, как ни в каком

¹⁵⁰ NCLS. 1965, № 81, с. 52—53.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² NCLS. 1965, № 81, с. 54.

другом, можно проследить классовую ограниченность требований крестьян, их веру в «доброе императора», воздействие патриархальных традиций.

Исходя из того, что Ле Зуи Мат был выходцем из императорской семьи Ле, некоторые вьетнамские историки считают, что это восстание, продолжавшееся три с лишним десятилетия, было не чем иным, как формой борьбы за власть, еще одним актом в феодальных междоусобицах, коими так богата вьетнамская история XVII—XVIII вв. При этом они приводят свидетельства феодальных хроник, современных Ле Зуи Мату. «Кьонг мук», например, отмечает, что это «восстание семейства Ле», которое лишь «искало власти и покорности», и что его никак нельзя сравнивать с «толпами врагов, тучами грабителей», т. е. с другими крестьянскими восстаниями¹⁵³.

Нельзя давать этому выступлению против власти Чиней одностороннюю оценку. Весь ход восстания, его продолжительность, военные и политические маневры руководства и определенные социальные мероприятия, осуществленные Ле Зуи Матом, позволяют судить о том, что это было явление более сложное, нежели просто вспышка междоусобной борьбы за власть между двумя феодальными группировками.

В развитии движения под руководством Ле Зуи Мата можно совершенно определенно проследить два этапа, разные как по характеру, так и по социальному составу участвующих в нем групп населения Вьетнама.

Первый этап можно ограничить несколькими месяцами конца 1737 — начала 1738 г. Это был период подготовки и попытки дворцового переворота, который замыслили осуществить несколько принцев из семейства Ле, среди которых был и Ле Зуи Мат. План этого феодального путча был разработан в расчете на то, что Чинь Зянг, занятый подавлением восстания Нгуен Зьонг Хынга, будет не в состоянии пресечь молниеносный бунт в Тханглонге. Основную ставку принцы делали на солдат столичного гарнизона, которые должны были уничтожить Чинь Зянга и весь его род. Однако плану аристократов не суждено было сбыться. Заговор раскрыли, а его участникам пришлось бежать. Некоторые из них были схвачены и казнены, другие умерли от болезней. И только Ле Зуи Мат смог укрыться в чане Тханьхоа, где и начал подготовку к борьбе против Чиней.

Совершенно очевидно, что этот, первый этап деятельности Ле Зуи Мата не имеет ничего общего с крестьянским движением, продолжавшимся в стране, не был никоим образом с ним связан. Только на втором этапе, начавшемся после бегства Ле Зуи Мата в Тханьхоа, в его деятельности — да и то постепенно, не сразу — появляются попытки опереться в достижении субъективных целей на крестьян.

Античиньская направленность деятельности Ле Зуи Мата в Тханьхоа видна из его лозунга «уничтожить Чиней, восстановить династию Ле», а также из манифестов, обнародованных им в течение 1738 г. Характерной их чертой было восхваление деяний династии Ле и резкие филиппики в адрес правителей из дома Чинь.

Такие призывы не могли не найти отклик среди крестьян чана Тханьхоа. Напоминая о «благородных деяниях» императоров династии Ле — об их некоторых мероприятиях по снижению налогов, по известному облегчению положения крестьянства в начале правления Ле и пр., — которым в манифестах Ле Зуи Мата придавалась значительная эмоциональная окраска, они пробуждали среди населения веру в «доброе императора», отстраненного от власти «злодеями» — тьюа Чинь, и в результате обеспечивали Ле Зуи Мату массовую поддержку в южных областях Дангнгоая. Отряды восставших быстро росли, жители деревень обеспечивали их продовольствием, помогали в строительстве укрепленных лагерей и т. п. Чем больше развивалось движение, возглавляемое Ле Зуи Матом, преследовавшим субъективную цель — захват власти в стране, тем больше оно объективно принимало характер крестьянского восстания, направленного против злоупотреблений феодалов, олицетворением которых были тьюа из

¹⁵³ Lich su che do phong kien Viet Nam. Т. III. с. 210; NCLS. 1965. № 85, с. 44—50.

семейства Чиней, за улучшение жизни, что большинство участников восстания связывало с восстановлением власти династии Ле.

После двух лет, отданных организации вооруженных отрядов и строительству крупной укрепленной базы в предгорных районах чана Тханьхоа, в 1740 г., Ле Зуи Мат начинает походы в чаны Хынгхоа и Шонтэй. Опустошив несколько хюенов, восставшие вернулись в свой лагерь в Тханьхоа. В следующем году был организован еще один поход в чан Шонтэй. В отличие от первого набега на этот раз Ле Зуи Мат ставил цель расширить территорию, находящуюся под его контролем. Захватив обширный район в чане Шонтэй, восставшие построили там много укрепленных лагерей и постов.

Чинь Зоань, обеспокоенный активностью Ле Зуи Мата, приказал объединить местные войсковые формирования в Тханьхоа, Аньшоне и ряде других административных пунктов и атаковать повстанческую армию. Восставшие были вынуждены вновь отступить в Тханьхоа. Все укрепления, построенные ими в Шонтэе, были скрыты.

Укрывшись в общине Нгоклау, Ле Зуи Мат объявил себя императором, намереваясь придать более легитимный характер своим притязаниям. Однако какого-либо реального влияния на повышение его авторитета в народе этот шаг не возымел. Более того, вскоре «императору священного юга» пришлось безуспешно отражать новое наступление правительственных войск, оставить укрепленный лагерь в Нгоклау и отступить в горный район Ланг-тянь.

В 1752—1763 гг. Ле Зуи Мат действовал в горных районах чана Тханьхоа, совершая также набеги на отдельные хюены чана Нгеан. Ему удалось построить хорошо укрепленный лагерь в труднодоступной горной местности. Правители чанов Нгеан и Тханьхоа не только не рисковали вторгнуться в эту зону, но сосредоточили все силы на охране своих резиденций, вовсе не помышляя каким-то образом противодействовать восставшим. Таким образом, под властью Ле Зуи Мата оказалась значительная часть двух плодородных областей — Тханьхоа и Нгеан.

В июне 1763 г. отряды Ле Зуи Мата овладели Чаннинем и тяу Чинькао. Это был важный шаг в развитии движения, поскольку именно сюда, в Сиенкуанг (Чаннинь), Ле Зуи Мат в 1764 г. перенес свой укрепленный лагерь — резиденцию. Из этого укрепленного лагеря он управлял обширной территорией, простиравшейся от горных районов Нгеана и Тханьхоа до пограничных волостей чана Хынгхоа. По существу, это было самостоятельное княжество, правитель которого был настроен резко враждебно по отношению к центральной власти. Ле Зуи Мат собирал налоги и проводил набор солдат из подвластной ему территории.

Отвечая на требования крестьян, являвшихся основной движущей силой восстания, Ле Зуи Мат осуществил некоторые мероприятия в их интересах. Была отменена задолженность по налогам, земли верных Чиням феодалов конфисковались и раздавались беднякам, были прорыты оросительные каналы, организованы мастерские по производству сельскохозяйственных орудий и др. Местное население, в большинстве своем племена тхай, оказывало поддержку Ле Зуи Мату.

К этому же периоду относится и попытка Ле Зуи Мата использовать другие силы для совместных действий против Чиней. В 1764 г., действуя как «законный» представитель лишенной власти династии, он обратился к тюа Дангчаунга Нгуен Фук Кхоату с предложением согласованно начать военные действия против Чинь Зоаня. Ле Зуи Мат рассчитывал, что Нгуены, усиленно пропагандировавшие лозунг «уничтожить Чиней, восстановить династию Ле», с пониманием отнесутся к его предложению. Однако Нгуен Фук Кхоат ответил отказом на предложение Ле Зуи Мата.

В 1767 г. Ле Зуи Мат, воспользовавшись тем, что Чинь Зоань умер, атаковал Нгеан. Новый тюа, Чинь Шам, приказав местным войсковым формированиям отразить нападение восставших крестьян, направил также послание Ле Зуи Мату с предложением сдаться¹⁵⁴.

¹⁵⁴ Lich su che do phong kien Viet Nam. T. III. c. 238.

Последний ответил отказом, но Шам выиграл время для организации широкого наступления на опорные базы Мата в Чаннине.

Действия центрального правительства облегчались тем, что крупные крестьянские восстания на равнине к этому времени были уже подавлены и Чинь Шам мог сосредоточить значительные силы для борьбы с Ле Зуи Матом. Достаточно сказать, что группировка правительственных войск, действовавшая на главном направлении, получила подкрепление численностью 5 тыс. человек¹⁵⁵. Была проведена солидная работа по обеспечению тылов войск, начинающих наступление на укрепленный лагерь Ле Зуи Мата, на всех дорогах были учреждены посты и т. п.

В 1769—1770 гг. армии Чиней удалось овладеть двумя важными укрепленными пунктами восставших, расположенными в Чаннине, и приблизиться непосредственно к центральным базам Ле Зуи Мата в Сиенкуанге. Во время начавшейся осады военачальнику Хоанг Нгу Фуку удалось привлечь на свою сторону одного из сподвижников Ле Зуи Мата — Лай Тхе Тхиеу, который пропустил отряды чиньской армии через внешние укрепления, сооруженные восставшими. Убедившись в бесперспективности дальнейшего сопротивления, Ле Зуи Мат покончил с собой.

Восстание Ле Зуи Мата — самое продолжительное по времени выступление против центральной власти в Дайвьете в середине XVIII в. — было подавлено. После его поражения в Дангнгоае наступает период кратковременной политической стабилизации.

Крестьянское движение охватывает несколько десятилетий истории Дангнгоая в середине XVIII в. Его масштабы и продолжительность свидетельствовали об ухудшении экономического положения большинства населения и резком обострении классовой борьбы, борьбы крестьян с феодальными властями, с чиновниками-куанами и помещиками. Будучи следствием кризиса феодального строя, крестьянское движение вместе с тем не могло преодолеть «классических» форм крестьянских восстаний периода феодализма. Характерными его чертами были разобщенность выступлений, конкретность и «сиюминутность» требований, тактика локальных действий. Будучи носителями мировоззрения, побуждающего решать преимущественно местные задачи, руководители восстаний не могли и не хотели (за исключением единичных и в целом безуспешных попыток) объединить усилия в борьбе против феодалов. Когда Чинь Зоань бросил основные силы в чан Шоннам на подавление восстания Хоанг Конг Тята, сложились благоприятные условия для того, чтобы создать непосредственную угрозу столице феодального государства со стороны другого крупного восстания — под руководством Нгуен Зань Фыонга. Однако Фыонг предпочел использовать это время для укрепления своего лагеря и даже повел переговоры об условиях «капитуляции», которые позволили бы восставшим выиграть время, оградиться на какой-то период от угрозы нападения правительственных войск и т. д. Руководитель другого крупного восстания Ле Зуи Мат в это время тоже отсиживался в горах, не пытаясь выйти в дельту Красной реки.

Чинь Зоань удачно использовал это обстоятельство не только для того, чтобы удушить крестьянские выступления поодиночке. Используя «локальные» устремления руководителей восстания, феодалы пытались посеять вражду между ними, подкупая одних и возбуждая подозрения крестьян в отношении других.

Локальный характер всех, даже самых крупных, выступлений крестьян первоначально обеспечивал им безоговорочную поддержку со стороны местного населения. Захват государственных и помещичьих складов с рисом, конфискация кораблей с продовольствием, принадлежащих крупным торговцам, и раздача этого имущества беднякам — наиболее характерные действия восставших на первом этапе.

На этом, по существу, и заканчивались все экономические мероприятия руководителей восстаний. Современные вьетнамские историки отмечают, что в ходе крестьянских выступлений с XIV по XIX в. мы фактически не встречаем четко

---

¹⁵⁵ Там же.

сформулированных требований даже об уравнительном землевладении и землепользовании. Руководители восстаний — да и то преимущественно на начальных этапах — не шли дальше стихийного требования «брать имущество богатых, делить его среди бедных». Исключение составляет только Ле Зуи Мат, который осуществил ряд мероприятий в интересах крестьянства, позволяющих судить о том, что если у него и не было четко сформулированной экономической программы, то он понимал необходимость определенных социально-экономических уступок главной движущей силе движения — крестьянам.

В то же время по мере развития восстаний их руководящая верхушка постепенно феодализировалась, в укрепленных лагерях-резиденциях накапливалось довольно значительное количество ценностей, что становилось немаловажным фактором, привязывающим вождей того или иного восстания к определенному географическому пункту, сужало круг действия отрядов восставших, объективно вело к тому, что они переходили к оборонительной тактике, стараясь сохранить приобретенное и дожидаясь нападения правительственных войск в районах укрепленных баз.

Постепенно укрепленный лагерь становился своего рода правящим центром определенной зоны, население которой фактически было обязано кормить и содержать значительное количество работоспособных, вошедших в вооруженные отряды (армию) того или иного руководителя восстания, зачастую жившего в этом укрепленном лагере «как император» (например, Нгуен Зань Фыонг)¹⁵⁶.

Целые хюены страдали от боев, когда в области, контролируемые восставшими, входили правительственные войска. Все это умело использовало феодальное правительство, убеждая крестьян отказываться от поддержки восставших и сотрудничать с властями, которые гарантируют им мир, снижение или отмену налогов и т. д. В хронике того времени отмечается: «Чинь Зоань выступил с призывом к спокойствию и умиротворению, чтобы разобщить их ряды. Он отдал приказ: „Государство требует от ши-фу проявлять гуманность... надо воспитывать верность у храбрых, надо помогать народу освобождаться от заблуждений. Среди этих людей (восставших — авт.) есть такие, кто хотел бы уклониться от участия в их неблагоприятных делах и вернуться к семьям... и если какой-то человек, понесший наказание, совершит подвиг, его надо простить"»¹⁵⁷. Нередко крестьяне откликались на подобные призывы Тханглонга. Например, когда военачальник Хоанг Нгу Фук двинулся с армией на подавление восстания Нгуен Хыу Кэу, население области Иентхе передало войскам Чиней 10 тыс. мер риса, которые были затем розданы офицерам в виде награды за участие в подавлении восстания¹⁵⁸.

Чинь Зоань преуспел, подбирая ключ к отдельным руководителям того или иного выступления крестьян. Так, перешли на службу к Чиням и получили от них большие вознаграждения крупные военачальники одного из восстаний Динь Ван Тхань и Динь Ван Фук. Два полководца, принимавшие участие в подавлении народного движения, Хоанг Фук Ко и Нгуен Фан, были выходцами из рядов восставших крестьян.

Мы не встречаем в крестьянских выступлениях середины XVIII в. каких-либо восстаний, носящих ярко выраженную идеологическую или религиозную окраску. Особенность положения буддийского духовенства (может быть, за исключением одного-двух случаев) объясняет то, что из его среды не выходили «теоретики и идеологи» движения, более того, буддийские монахи и конфуцианские проповедники оставались, как правило, в стороне от «светских», «земных» требований крестьян.

Идеологическая платформа большинства из них сводилась, преимущественно на первом этапе к лозунгу «брать имущество богатых и делить среди бедных». Пожалуй, лишь одно восстание — Ле Зуи Мата — имело более или менее определенную

¹⁵⁶ NCLS. 1965, № 75, с. 35.

¹⁵⁷ Там же, с. 33.

¹⁵⁸ Там же, с. 36.

идеологическую окраску борьбы за «доброе императора» Ле, четкую идеологическую программу-лозунг «уничтожить Чиней, восстановить династию Ле».

Несмотря на то что крестьянское движение середины XVIII в. развивалось бурно и в широких масштабах, оно, по существу, представляло собой мозаику из отдельных выступлений, имевших нюансы в социальной окраске, целях, методах действий. У них не было единой организации, единого руководства, которые смогли бы превратить движение в целый поток, обладающий огромной силой. В этом основная слабость крестьянских выступлений в Дангнгоае в рассматриваемый период и принципиальная причина их подавления феодальными властями.

Эти выступления не прошли бесследно. Крестьянские восстания середины XVIII в. серьезно расшатали основы власти Чиней; традиции антифеодальной борьбы, сохранявшиеся среди крестьянства, проявились в новом виде и с новой силой, когда восстание Тэйшонов захлестнуло Дайвьет.

Политическая и социальная история 40-х — начала 50-х годов была полностью связана с массовыми крестьянскими восстаниями и борьбой с ними феодалов.

Вооруженную борьбу с крестьянами Чинь Зоань сочетал с экономическими мероприятиями, направленными на ослабление кризиса. В 1746 г. был отменен указ Чинь Зянга об отказе от соляного налога. Налог был введен в новой форме: облагали, исходя из площади соляных полей. Тогда же была установлена твердая низкая цена на соль. Соль подешевела, в то же время государство восстановило источник доходов, не зависящий от капризов природы. В конце периода крестьянских восстаний, когда экономическое положение было особенно тяжелым, тьюа разрешил всего за 3 куана покупать ученое звание «тханг-шинь», дававшее право на участие в конкурсе без предварительных экзаменов. Это способствовало дальнейшей феодализации общинной верхушки (в политической поддержке которой нуждался Чинь Зоань), поскольку она освобождалась от налогов, и ее юридическому оформлению как феодалов. При этом в чиновничий аппарат такие люди не включались, что ослабило негативный эффект продажи. Этим указом охотно воспользовались, как отмечают источники, средние городские слои — торговцы, мясники и т. п. Для них это звание означало получение статуса свободного горожанина, юридически отсутствующего во Вьетнаме. Конкурсы превратились в некоторое торговое предприятие, где социальный статус приводился в соответствие с деньгами, с богатством.

В 1751 г. было запрещено произвольно устанавливать цену на рис на рынке. Эта временная мера по сравнению с принудительной продажей риса государству в 1741 г. была более либеральной.

Положение в Дангнгоае после подавления крестьянских восстаний. Последние 15 лет правления Чинь Зоаня были сравнительно спокойными, запуганное расправами крестьянство платило налоги (хотя многие восстания еще продолжались), экономика постепенно восстанавливалась, но коренные причины кризиса устранены не были, «порядок» был достигнут за счет военной победы над крестьянами.

Значительным внутривластным событием этого времени, которое могло бы оказать большое влияние на последующие события, было обращение в 1764 г. вооруженных сторонников Ле (Ле Зуи Мата) к Нгуенам за помощью. Но тьюа Во-выонг, много сделавший для превращения Нгуенов в новую императорскую династию, решил не рисковать, тем более что сделано это предложение было в годы, когда военная победа Чиней была очевидна. Ле Зуи Мат слишком долго сидел в горах, 40-е годы прошли, и было поздно выступать в одиночку.

В 60-е годы произошли волнения на промыслах, куда пришлось послать войска во главе с премьером. Возможно, посылка гражданского лица была связана с тем, что предстояло изгнать беспаспортных китайцев, а это отчасти было международной акцией.

Экономические и политические невыгоды китайского предпринимательства и рост числа китайцев-рабочих в горах заставили премьера Нго Тхи Ши предложить китайцам или иметь китайский паспорт, или принять вьетнамское подданство, сменив имя, одежду

и язык; остальных предполагалось выслать и заменить горняками из местного населения. Еще в 1760 г. рудники стали передавать в «вечную» аренду вьетнамцам с регулярной уплатой налога¹⁵⁹. Одной из причин предложения Нго Тхи Ши называлось скопление масс бесконтрольного люда на промыслах¹⁶⁰.

Внешнеполитическое положение Дангнгоая было устойчивым; в 1762 г. у Цинов находилось представительное посольство во главе с Ле Куи Доном. Велись переговоры о паспортизации китайцев, работающих на рудниках.

Наиболее важные события происходили в экономике, где Чинь Зоань и его советники стремились различными мерами ослабить кризис. В 1754 г., в самый разгар крестьянских движений в дельте, было объявлено об отмене недоимок за 13 (!) предшествующих лет, а в 1758 г. сократили введенный ранее денежный налог в 2 тиена с каждого мау обрабатываемых земель.

В 1743 г. были отменены сборы с предприятий, а также налог за перевозку грузов на судах. Через 10 лет, в 1753 г., был отменен налог на продукты морского промысла. После ряда лет принудительного курса, после разрешения отливки монет из меди и цинка в каждой провинции Чинь Зоань в 1753 г. восстановил финансовое хозяйство в его оптимальном для феодального Вьетнама виде. Вся эмиссия была сосредоточена на двух монетных дворах близ столицы и поставлена под контроль тюа. Наряду с медной и цинковой разменной монетой ходил серебряный ланг, который для удобства сделок среднего масштаба рубили на куски¹⁶¹; получались монеты средних номиналов, «рублю» по функции.

В 1753—1756 гг., когда восстания уже пошли на убыль, еще не демобилизованная армия использовалась в сельском хозяйстве довольно необычным способом: военные поселенцы распахивали заброшенную землю и целину, а затем передавали готовые поля местным крестьянам¹⁶². Это способствовало восстановлению численности тяглого крестьянства.

Первые пять лет правления Чинь Шама (1767—1771) были временем энергичной внутривластной деятельности феодального правительства. Удалось подавить как крестьянские отряды, так и сторонников Ле; велись поиски решения новых экономических проблем, вставших в связи со стихийными бедствиями. Вдохновителем и проводником этой политики был крупный политический деятель Ле Куи Дон, отстраненный от власти в последние годы правления Чинь Зоаня и возвращенный Чинь Шамом. В экономической политике продолжалась линия Чинь Кыонга — Чинь Зоаня, в начале 70-х годов был проведен ряд преобразований, отвечавших требованиям развития феодального общества. Но хотя в социальной области учтены многие происшедшие изменения, не было принято никаких кардинальных решений, которых требовал обостряющийся кризис. Не было и последовательного режима экономии, Чинь Шам и его окружение много тратили на решение внутренних военно-политических проблем, в то время как ресурсов практически не было, а возможности маневрировать в отношении крестьян были предельно узки из-за хронического малоземелья и продолжавшейся двойной эксплуатации. Внешне сильный, Дангнгоай шел к грандиозному конфликту.

С тридцатилетним Чинь Шамом, вокруг назначения которого шла упорная и длительная борьба, пришли к власти новые лица. Смещенный Чинь Зоанем Ле Куй Дон был немедленно возвращен, к власти по требованию придворных (Нгуен Ба Лана и др.), быстро пошел вниз по служебной лестнице любимец Зоаня в его последние годы, правая рука покойного тюа — премьер Нго Тхи Ши. Правительство Чинь Шама начало с решения внутренних военно-политических проблем, бывших до 1770 г. основными в

¹⁵⁹ М. А. Чешков. Очерки..., с. 103.

¹⁶⁰ Cuong muc. Т. XX, q. XLIII, с. 3—4.

¹⁶¹ Le Thanh Khoi. Le Viet Nam..., с. 256.

¹⁶² Cuong muc. Т. XX. q. XXXIX—XII, с. 5.

Дангнгоае. Только с 1771 г. началась позитивная, в основном государственно-административная деятельность.

Приход к власти Чинь Шама в 1767 г. совпал с большим крестьянским восстанием в Киньбаке, старом аграрном районе; оно было достаточно крупным, были посланы войска из центра, и даже это не дало окончательного успеха. Вплоть до 1770 г. шла напряженная борьба с Ле Зуи Матом. С еще оставшимися отрядами крестьян Хоанг Конг Тята в Хынгхоа боролись, как это часто бывало в XVIII в., помещичьи дружины. Этот новый военно-политический фактор вьетнамской жизни лишней раз указывает на усиление помещиков на местах. Руководители таких дружин награждались высокими титулами¹⁶³, новый социальный слой уверенно продвигался к власти.

Помимо активного военного подавления крестьянства применялось и социальное маневрирование — было разрешено апеллировать на неверные судебные решения прямо на имя тюа¹⁶⁴.

Безуспешность попыток подавления Тята заставила начать подготовку к широкому наступлению; началось укрепление вооруженных сил. Фан Ле Фиен, чьи позиции при дворе постепенно усиливались, провел в жизнь в Каобанге им же предложенное очень важное мероприятие — создание местных войск во внешних провинциях. В каждом тья за пределами основных чанов должно было быть организовано одно ве. Подобное укрепление военного и карательного аппарата потребовало средств, аграрный резерв Дангнгоая в рисе и тяглых крестьянах в это время не рос, а расходовался (за счет мобилизаций и трат на содержание армии), пусть и на укрепление государственного аппарата. Как показало дальнейшее, это было ошибкой феодальной верхушки Дангнгоая.

Когда восстание Хоанг Конг Тята было подавлено, началось восстановление административной системы в основном районе движения — донге Маньтхиен, где долго правил Тят и многое было им изменено. Феодальное государство вмешалось и в дела горских князей, которые в период войны с крестьянами чувствовали себя совершенно независимыми и даже переселялись куда хотели. Политически они подчинялись то Луангпрабангу, то Вьентьяну, то Сиенкуангу, то Дайвьету, то Цинам, а часто никому. Доан Нгуен Тхук начал заново их подчинять; не надеясь на чисто военные меры, он предложил тюа временно ослабить гнет налогов. Чинь Шам согласился, и в Хынгхоа киням и горцам простили недоимки и отменили налоги за один год¹⁶⁵. Тогда же были отменены самостоятельные закупки товаров (в городах)¹⁶⁶. Вождам запретили воевать друг с другом; передача власти по наследству также нуждалась отныне в санкции Тханглонга. И, наконец, стремясь превратить давно сложившуюся границу с империей в этническую, Чини запретили горцам носить ханьскую одежду. Горные районы были включены в налоговую систему Дайвьета, с них перестали взимать специальный подушный налог.

Сразу после победы над Тятотом в 1769 г. разразился острый конфликт в верхах. Влияние Ле, все время упорно подрываемое Чинями, было еще сильным. Чинь Шам, политик сдержанный и дальновидный, был личным врагом наследника трона Ле Зуи Ви, пользовавшегося при дворе определенным влиянием («весь народ любил разумного наследника»). Зуи Ви открыто возмущался тем, что «Ле потеряли военную власть»¹⁶⁷ (в чем официально выражались права Чиней), и было ясно, что после воцарения он может оказаться опаснее Ле Зуи Мата. Чинь Шам обвинил Зуи Ви в заговоре. Вуа пытался оградить наследника, но вынужден был разжаловать Зуи Ви в простолюдины и посадить в тюрьму. Последнее вряд ли было необходимо, но Чинь Шам поставил личную неприязнь выше государственных интересов. А они понесли сильный ущерб, так как Зуи Ви боролся,

¹⁶³ Cuong muc. T. XIX, q. XLIII, c. 7—8.

¹⁶⁴ Там же, с. 8.

¹⁶⁵ Phan Huy chu. Lich trieu..., t.I, c. 118.

¹⁶⁶ Cuong muc. T. XIX, q. XLIII, c. 18.

¹⁶⁷ Там же, с. 19.

протестовал, пытался укрыться в священном мавзолее, что для нравов двора было открытой формой протеста. Хотя потом наследником объявили Зуи Кана, в конечном счете трон тюа достался сыну Зуи Ви.

С начала 70-х годов, после подавления крупных восстаний, на первое место выступили вопросы гражданского управления. По инициативе главы администрации тюа Нгуен Нгиема началась проверка эффективности работы всех провинциальных чиновников, вплоть до хюена. Тогда же был введен проверочный срок перед окончательным назначением. Это были шаги на пути превращения феодальной бюрократии в сословие платных чиновников. С тех пор всех назначаемых и повышаемых чиновников должны были экзаменовывать и проверять дважды. Заботы о гражданском управлении — основном механизме господства феодалов — были связаны с дальнейшим выдвижением Ле Куи Дона. Он выступил с программой, отчасти отражавшей серьезность положения и бывшей последней попыткой в рамках реформ ослабить действие как непосредственных причин кризиса, так и его первых следствий.

Он предложил:

1. Меры по уменьшению размеров социально избыточного сословия куанов, а именно:

а) запрет повышения через ранг (что также приближало куанов к платным служащим) и отмена уже сделанных повышений такого рода;

б) запрет становиться куанами, минуя отбор при дворе.

2. Меры по изысканию земельных ресурсов:

а) учет всех засушливых мест в провинциях, т. е. земель «второй» категории;

б) проверка соответствия кадастра реальному положению (силами евнухов);

в) проверка землевладения привилегированных общин¹⁶⁸.

Примечательно, что философские основы мероприятий, изложенные Ле Куи Доном, отличались от конфуцианских и содержали критику ряда положений конфуцианства¹⁶⁹.

Чинь Шам приказал немедленно реализовать эти экстренные мероприятия, и некоторый эффект они дали. Однако эти меры предпринимались в период обострения кризиса в среде правящей верхушки. Вскоре были казнены Зуи Ви, а также крупный политический деятель Нгуен Ле, чья причастность к заговору (как и сам факт его наличия) не была доказана, и несколько сановников средних рангов. По приказу Чинь Шама Зуи Ви был повешен (видимо, он отказался от более выгодного для Шама самоубийства). Этот редкий в правительственной практике шаг имел серьезные последствия: разброд в феодальной верхушке усилился.

В первые годы правления Чинь Шама в общественной жизни прослеживаются некоторые процессы, характерные для конца XVIII—XIX в. Одним из них было окончательное превращение системы титулов в чисто декоративную: при даче титула просто брался первый элемент из названия фу или хюена. Число чиновников также стремились свести до необходимого минимума, о чем свидетельствуют чистка и ограничение числа чиновников, проведенные в 1771 г. по инициативе Ле Куи Дона. В этом сказалось стремление уменьшить социально избыточный слой куанов.

Возвращение после периода крупных войн с крестьянами (в 40-х — начале 50-х годов) к регулярной системе эксплуатации в традициях начала века означало уделение большего внимания неземледельческим источникам доходов феодального государства. Много занимались восстановлением уровня сбора корицы и ее экспорта. С 1760 г. быстро шло восстановление шахт и плавильных заводов в четырех горных провинциях. При этом Чинь Зоань имел возможность реализовать планы «экономистов» Чинь Кыон-га с большей легкостью, поскольку рабочих на шахты приходилось собирать заново. Восстановление горнодобывающей промышленности шло не на основе аренды китайцами; шахты были

¹⁶⁸ Cuong muc. T. XIX, q. XLIII, c. 27.

¹⁶⁹ Le Quy Don. Kiet van... c. 61.

переданы вьетнамским «экономическим» чиновникам, которые эксплуатировали их, используя рабочих-нунгов, набираемых по договоренности с местными феодалами. На пять лет шахта освобождалась от налогов; при росте продукции права управления превращались для чиновников в «постоянную аренду». Так на базе «экономических» чиновников возникали вьетнамские предприниматели предбуржуазного типа. Напомним, что все вложенные средства принадлежали им самим.

Основные усилия принимались в аграрной сфере, где и текущие трудности (отчасти связанные с военными действиями), и нарастание общего кризиса создали серьезное положение. Лишь с 1771 г. правительство смогло заняться более перспективными неземледельческими источниками доходов (так же как государственно-административной работой). А аграрными проблемами занимались все время, независимо от политической обстановки. Мероприятия в этой области проводились энергично и быстро, но были в основном «пожарными» (отмена налогов, раздача риса), типичными для трудных положений. Проводились и регулярные мероприятия — ремонт дамб и иные превентивные меры. Но они не сопровождались мерами по экономии запасов экономических и социальных, т. е. расширению слоя среднего крестьянства помочь не удавалось; приобретенное тут же расходовалось. Возможно, это предпочтение политического спокойствия экономической стабильности и было обоснованным для тех лет, но для экономики оно имело серьезные последствия.

Одним из способов решения проблемы аграрного перенаселения и увеличения числа налогоплательщиков было заселение разорившимися крестьянами заброшенных земель в районе войн с Ле Зуи Матом, где преобладало невьетнамское население.

Эффективным способом увеличения доходов оказалось обложение неполивных земель, площадь которых росла по мере заселения вьетнамскими крестьянами предгорий и возвышенных мест. В 1769 г. были учтены все посадки на неполивных землях (рис, картофель, бобы, тутовые деревья) и подвергнуты обложению. Тщательно учитывались также все вновь возделанные поля, чтобы сразу подвергнуть их обложению.

Укреплению экономической базы феодального государства служило и улучшение системы дамо, но сразу наладить это хозяйство было трудно, дамбы продолжало прорывать.

Интенсификация обложения крестьян сопровождалась меньшими по масштабам усилиями в неземледельческих видах производства. Так, в 1770 г. шелк стали облагать по весу и в деньгах, т. е. в удобной для дальнейшего использования средств денежной форме. Соляные поля, как и поля под рисом, облагались: общин — отдельно, частные, принадлежащие солепромышленникам — отдельно. Примечательно, что государство защищало интересы солепромышленников наряду с интересами помещиков на тех же основаниях; оно постепенно становилось не чисто феодальным, а государством помещиков и купцов, приближаясь к позднефеодальному абсолютистскому государству.

«Экономические» чиновники занимались производством и в соляном промысле, но здесь этот вид предпринимательской деятельности, основанной в отличие от остальных случаев не на использовании наемного труда, а на государственной барщине, оказался нерентабельным. Принудительный труд в условиях конца XVIII в. не давал дохода: «с утра до вечера подгоняли, но десять частей не приносили и одной». Государство отказалось от устарелого метода хозяйствования.

Внешнеполитические успехи Дангчаунга и внутренние конфликты

Дангчаунг в середине XVIII в. К этому периоду относятся правления тюа Нгуен Фук Тю (1725—1738), Во-выонга (1738—1765) и начало правления Динь-выонга (1765—1777). Довольно длительное правление старшего сына Куок-тюа, Нгуен Фук Тю, отличалось пассивностью во внутренней политике; какие-то факторы (возможно, связанные с надвигающимся кризисом) тормозили активность феодального государства.

Наиболее заметной чертой было продолжение активной внешней политики в дельте Меконга, с 1732 г.— уже на правом берегу его восточного протока. Большое внимание уделялось строительству государственного флота. Одновременно втягивался в орбиту влияния Дайвьета Хатиен, получавший от Нгуенов все большие льготы по мере их сближения. Пришедший к власти в Хатиене Мак Тхиен Ты в 1736 г. начал усиление своих дружин; строились укрепления, упорядочивалась военная и гражданская администрация. Нгуен Фук Тю не протестовал против отливки в Хатиене монеты. Хатиен после тайских разрушений снова стал богатеть и укрепляться. Но в целом расцвет этого далекого угла Юго-Восточной Азии был временным, относительная политическая независимость Хатиена была следствием неустойчивости отношений Камбоджи и Дайвьета, на которые влиял еще и Сиам. Большое внимание Нгуен Фук Тю уделял форсированию развития торговли Хатиена, особенно с заморскими странами¹⁷⁰: плававшие туда корабли освобождались от обложения.

Отношения с кхмерским королевством начали обостряться, когда умер Анг Ем, признававшийся Нгуенами королем Камбоджи, и санкционированные им территориальные приобретения 1732 г. были поставлены под вопрос. Военные действия начались не сразу, но Нгуен Фук Тю явно не случайно много занимался последние годы своего правления усовершенствованием армии.

Умер Нгуен Фук Тю рано, в 43 года, и власть перешла к законному наследнику, старшему сыну, 25-летнему Нгуен Фук Кхоа-ту, известному впоследствии как Во-выонг.

Для Дангчаунга середина XVIII в. была временем относительного спокойствия и внутри- и внешнеполитической активности. Это становится особенно очевидным при сравнении с положением в Дангнгоае, для которого 40-е годы были критическими. Политическим проявлением силы Дангчаунга было принятие в 1744 г. Нгуен Фук Кхоатом нового титула — Во-выонга, более высокого, чем тюа, хотя и не такого высокого, как хоанг-де — титул Ле. Таким образом, внешнее единство Дайвьета было сохранено, но Во-выонг уже не нуждался в Ле и не захотел их поддерживать даже тогда, когда в вооруженной борьбе Ле и Чиней Ле Зуи Мат обратился к нему за помощью¹⁷¹. Лозунг «Освободим Ле» уже не был нужен тюа Дангчаунга.

В первые годы своего правления Нгуен Фук Кхоат отразил наступление кхмерской армии в дельте Меконга. Мак Тхиен Ты спасла помощь Нгуен Фук Кхоата, но к войне с Камбоджей Дангчаунг не был готов, и, наградив Мак Тхиен Ты, тюа отвел войска обратно.

Спасение Хатиена убедило тюа в прочности его положения. Он решил, что для Дангчаунга необходим более высокий статус, чем раньше. Это требовало денег, и Кхоат, вообще не очень считавшийся с возможностями государства, начал завинчивать налоговый пресс. В 1741 г. он провел редкое в Дайвьете мероприятие: после реформы соляного налога приказал выяснять разницу за прошедшие годы и, видимо, взыскать. Так никто не делал, но честолюбивому, деспотичному и не очень осмотрительному тюа нужны были деньги. В целом его политика возвеличивания Дангчаунга опиралась на его экономическое и политическое усиление, но она оказалась дорогостоящей и чреватой внутренними конфликтами. Следствия его ошибок стали видны позднее, когда экономический и политический организм Дангчаунга, ослабленный надвигающимся кризисом деревни, оказался не в состоянии решать поставленные перед ним честолюбивым тюа задачи. Пока же все обстояло хорошо, и в 1744 г. он произвел второй после отделения Дангчаунга в начале XVII в. политический переворот в устройстве Дайвьета. Используя трудности Чиней, ведших ожесточенную войну с восставшими крестьянами, он стал приближать статус Нгуенов к статусу Ле, при этом, как и Чини, не рискуя полностью их уравнивать. «Главный лагерь» в Фусуане был официально

¹⁷⁰ DNTL. Т. 1, с. 198.

¹⁷¹ Там же, с. 228—229.

провозглашен «столицей»¹⁷² (ранее так назывался только Тханглонг, где пребывали Ле). Была проведена «в связи с расширением владений», о котором Во-выонг любил говорить, полная административная унификация, весь Дангчаунг был разделен на 12 провинций (зиней), кроме Хатиена, расположенного за пределами Дайвьета; он был объявлен чаном. В каждом зине сидели три чиновника: чан-тху, кай-ба и ки-люк. Чан-тху был губернатором зиня, кай-ба — сборщиком налогов, а ки-люк — судьей. Столица и ее округ были выделены в «главный зинь», Айты был объявлен «старым зинем». Эти два зиня вместе с четырьмя соседними — Куангбинь, Воса, Ботинь и Куангнам — образовали «старые владения». Здесь давно имелось густое вьетнамское население, ощущалось, как и в Дангнгоае, аграрное перенаселение. На бывших тьямских землях были созданы еще три зиня, южнее шли еще три зиня. В двух зинях, управление которыми представляло особую сложность, были введены дополнительные должности. Примечательно, что эти два зиня — Куангнгай и Куиньон; именно в Куиньоне 27 лет спустя вспыхнуло восстание Тэйшонов.

Во-выонг основал пышный двор, заменил многочисленными, в основном гражданскими сановниками простое и во многом военное управление Нгуенов XVII — первой половины XVIII в. Как и в Дангнгоае, развитие феодальной власти шло по линии развития сложного гражданского бюрократического придворного аппарата. К 1747 г. ти были реорганизованы в министерства (бо)¹⁷³, что приравнивало Нгуенов к Ле (так как Чиням были подчинены хюены).

Но выйти из состава Дайвьета Во-выонг не решался, дать особое название своему владению — тоже.

В 40-х годах продолжалось укрепление реальной власти Данг-чаунга над Хатиеном, растущая торговля которого была поставлена в 1747 г. под контроль двух специальных вьетнамских чиновников. Это было тем более важно, что Во-выонг стремился вести активную заморскую торговлю, даже финансируя ее; в числе предметов ввоза на кораблях Дангчаунга (находящихся в распоряжении Мак Тхиен Ты в соответствии с указом Во-выонга) были европейские ткани, индийские изделия и пр. На них же вывозились вьетнамские ткани и другие товары.

В эти же годы начала проводиться интересная финансовая реформа Во-выонга, имевшая целью выкачивание средств из страны. Вначале, закупив у европейцев белый цинк¹⁷⁴, он ввел деньги, не могущие быть подделанными (этого металла в стране нет) и перелитыми в изделия (по той же причине). Они обладали принудительным курсом, т. е. шли не по цене металла, а по объявленной стоимости. Это было прогрессивное финансовое мероприятие, проведенное по совету китайских финансистов, знакомых с мировым обращением.

Внутреннее положение было устойчивым, хотя в 1747 г. в крупном торговом городе Донгфо вспыхнуло восстание под руководством Ле Ван Куанга. С небольшим отрядом восставших он захватил г. Донгфо. Но восставших не поддержали остальные жители города, и они вскоре были разгромлены.

Основой внешнеполитического могущества и блеска было для Во-выонга дальнейшее расширение владений на юге, и этой цели была подчинена вся его военная политика, а отчасти и внешняя и внутренняя политика. В 1748 г. он снабдил войсками экс-короля Камбоджи Сатху II, и тот занял столицу Удонг. Но вскоре восставшие крестьяне под руководством одного из вельмож выгнали Сатху за пределы страны¹⁷⁵; новый король, Чей Четта V (1749 — 1755), был противником Нгуенов. Этот военный и внешнеполитический провал ознаменовал собой начало обострения всей ситуации в Дангчаунге. Дангчаунг не имел сил для победы, так же как и Камбоджа; войны были взаимно

¹⁷² Там же, с. 208.

¹⁷³ Там же, с. 210.

¹⁷⁴ Там же, с. 209.

¹⁷⁵ Там же, с. 211.

невыгодны. Раз за разом вводил Во-выонг войска в Камбоджу, и, как правило, неудачно. Эти войны все более подрывали экономику Дангчаунга и стали одним из факторов недовольства, что дополняло нарастающий аграрный кризис в «старых владениях». Одним из следствий растущей неустойчивости были продолжающиеся, хотя и реже, смены высших лиц в Дангчаунге, снятия одних и выдвижения других, в числе последних — знаменитого военного и политического деятеля Нгуен Кы Чиня. Обострению напряжения способствовали и личные особенности Во-выонга, деспотичного правителя, скупого и расточительного одновременно, склонного к излишествам в личной жизни. Удовлетворение своих личных желаний он зачастую ставил выше государственных интересов, финансы же совершенно не щадил и привел их к концу правления в полное расстройство.

Почти ежегодные войны с Камбоджей, неустойчивость потрясаемого отставками центрального аппарата, новизна денежного хозяйства и растущие траты привели, добавившись к нарастающему аграрному кризису, к ухудшению экономического положения и социальной ситуации уже к 1751 г. Хроники отмечают, что «сотни людей голодали, воровство и грабежи были распространены повсеместно», что в государстве появились «толпы бандитов»¹⁷⁶.

Среди крестьянских выступлений середины XVIII в. выделяется восстание в районе Куиньона, которым руководил крестьянин-бедняк Лйа. По своему характеру это был крестьянский бунт, участники которого мстили местным феодалам за их злоупотребления и лихоимство. Восставшие убивали деревенских старост, сборщиков налогов и т. д., а их имущество раздавали беднякам. Восстание продолжалось недолго и было сравнительно легко подавлено. Опасность положения сознавали и многие из феодальных лидеров, в частности Нгуен Кы Чинь. В 1751 г. он подал развернутый проект реформы, необходимость которой обосновывалась тем, что положение народа бедственное. Предложения Нгуен Кы Чиня во многом перекликались с идеями реформаторов в Дангнгоае, что говорит о сходстве социально-экономической ситуации. Он прямо предостерегал (за 20 лет до восстания Тэйшонов), что «плохие привычки распространились в народе». Править по-старому нельзя, или, говоря словами Нгуен Кы Чиня, «нельзя постоянно следовать старому», нужно многое менять, «увеличивать и уменьшать»¹⁷⁷. Это было помимо своего конкретного значения философское обоснование отказа от конфуцианских догм, сыгравших определенную роль в неспособности правящих кругов в новых условиях своевременно найти те резервы, которые еще были у «феодализма во Вьетнаме».

В экономической сфере Нгуен Кы Чинь призывал «установить порядок» и указывал три вида расходов, которые подрывали бюджет. Как видно из его списка, опасность была не столько в сокращении доходов государства, как это было в Дангнгоае, сколько в росте непроизводительных военных и пропагандистско-представительских расходов (расходы на солдат, расходы на боевых слонов и «внесение денег на алтари» духов национального культа и буддийских божеств). Упоминались и «бесконечные другие расходы»¹⁷⁸, разумеется сделанные с ведома или по инициативе тюа. Главными растратчиками были названы само государство и тюа; предлагалось сократить прежде всего государственные расходы, и в первую очередь на войну.

В социальной сфере, тесно связанной в самом проекте с экономикой, предлагались фундаментальные, глубоко продуманные меры, реализованные лишь полвека спустя — при Зя Лонге. Речь шла об усилении власти на местах, в фу и хюенах, в значительной степени находившейся в руках местных помещиков. Это было тем более перспективное мероприятие, что развитие гражданской администрации в рамках реформ первой половины века сопровождалось избыточным (при наличии сильнее выделившегося, чем в

¹⁷⁶ Lich su che do phong kien Viet Nam. Т. III, с. 266.

¹⁷⁷ DNTL. Т. I, с. 213.

¹⁷⁸ Там же.

Дангнгоае, слоя помещиков) ростом числа гражданских чиновников, без которых уже тогда можно было обойтись.

В проекте шла речь о расширении власти глав фу и хюенов, причем предполагался перенос части ответственности на местных помещиков, составлявших феодальное окружение чи-фу и чи-хюе-на, низших административных чиновников, которые, как и в Данг-чаунге, сами были помещиками, причем местными (как правило, в силу происхождения их земель, не данных государством, а признанных им как «частные»). Именно руками этих чиновников помещики осуществляли свою власть в XVIII—XIX вв. Подробно в проекте Нгуен Кы Чиня предлагалось:

1. Администрация фу и хюенов, ранее (в Дангчаунге) в основном ведшая конфликтно-судебные дела, т. е. вмешивавшаяся во многое лишь постольку, поскольку возникали конфликтные ситуации, отныне должна была нести ответственность за выполненные работы. Все земледельческие налоги и налоги-повинности должны были быть в пограничных хюенах подведомственны главам хюенов, собиравшим и передававшим налоги. Это должно было упростить ведение дел.

2. Ранее власти фу и хюенов «наблюдали» за процедурой арестов, допросами, обеспечением жалованья, помощью бедствующим крестьянам, доставкой народу «большого серебра», и при этом им отчислялась часть денег. Теперь предлагалось выдавать соответствующим группам куанов постоянную заработную плату.

3. Ранее среди крестьян имелись две категории: убежавшие от уплаты налогов бродяги и ушедшие из-за голода в другие места. Примечательно, что власти отличали ушедших в крайнем случае (голод) от беглых вообще. За обе категории платили оставшиеся в деревне крестьяне. Предлагалось отменить круговую поруку — остаток общинной организации; оставшиеся должны были платить отныне свою обычную сумму. Доля ушедших из деревни не взималась, но государство при этом ничего не теряло, так как предлагалось одновременно прекратить государственную помощь бедствующим крестьянам. Ранее расходы по такой помощи и были поводом к усилению обложения оставшихся; в то же время собранные суммы расходовались через аппарат зиня, и чиновники явно многое разворовывали. В случае реализации этого предложения (что было сделано только в начале XIX в.) государство переставало делать то, что уже перестала делать община, — поддерживать всех юридически полноправных крестьян в состоянии платить налоги. Это — важнейшее мероприятие на пути окончательного расслоения крестьянства; отныне разорившийся и беглый могли конституироваться в основном лишь как кабальные арендаторы у помещика, получавшего новый источник рабочих рук.

4. Последнее предложение не было непосредственно связано с предыдущими, но относилось к тому же кругу мер. Предлагалось ограничить свободу передвижения для некрестьянских элементов, не относящихся к господствующему классу (охотники и пр.), и для «фальшивых людей», «возмутителей народа». Не совсем ясно, кто имелся в виду, но полицейский характер начинания, направленного против динамичных элементов сельского населения, очевиден¹⁷⁹.

И эту программу необходимых (поскольку впоследствии они были реализованы и привились) реформ, соответствующих новым тенденциям в общественной жизни, Во-выонг попросту оставил без ответа. Примечательно, что Нгуен Кы Чинь не пострадал; судя по его дальнейшему восхождению, подобные идеи при дворе тюа уже не считались порочными.

Предложения Нгуен Кы Чиня диктовались ухудшением обстановки в сельском хозяйстве: 1752 год ознаменовался голодовками. Хотя меры стали принимать еще до начала массового голода, обстановка ухудшалась. Во-выонг по-своему понимал положение, он писал, что чувства «народа не поднимаются, милости тюа еще не

¹⁷⁹ Там же, с. 212—213.

прочувствованы до конца»¹⁸⁰. Примечательно, что у Во-выонга, как и в проекте Нгуен Кы Чиня, речь идет не о предотвращении конфликта, а о том, что конфликт уже имеет место. Но из правильных посылок тюа сделал своеобразные, хотя для него вполне логичные выводы. Вместо предлагавшихся аграрных и социальных преобразований он решил «непосредственно заняться воспитанием чувств народа», «опираясь на верноподданных слуг»¹⁸¹. Свелось все к проверке деятельности высших и некоторых средних чиновников, гражданских и военных, против которых были обвинения. Особенно много проверок, а следовательно, и обвинений было в столичном округе и в остальных «старых владениях», т. е. в перенаселенной и голодной части Дангчаунга, откуда и началось позже восстание Тэйшонов. Часть чиновников была смещена, но это не могло выправить положения, тем более что государственные расходы сокращены не были.

1753 год принес второй голод подряд. Только тогда правительство занялось в духе предложений Нгуен Кы Чиня учетом расходов, составлением сбалансированного бюджета. Временно была сокращена военная активность на юге, тоже по программе Нгуен Кы Чиня. Сам он был направлен на важный военный и политический пост ки-люка в пограничный с Дангнгоае Ботинь. Там назревал крупный политический кризис, так как и Чини, и вооруженные сторонники Ле во главе с Ле Зуи Матом готовились к решающим сражениям. Обе стороны рассчитывали на помощь Нгуёнов. Первыми обратились за ней Чини, попросив предоставить в их распоряжение дороги к владениям Ле Зуи Мата с юга, поскольку эти владения находились к западу от стыка Дангчаунга и Дангнгоая. По поручению Во-выонга Нгуен Кы Чинь написал ноту-отказ¹⁸². (В 1764 г. Во-выонг отказал в помощи Ле Зуи Мату.) Положение после этого обострилось, но до военного столкновения не дошло.

Сокращение расходов и приостановка войн дали некоторые положительные плоды, положение в деревне стало менее острым. Не дожидаясь дальнейшего улучшения, а возможно, считая приобретение новых земель лучшим выходом из кризиса, Во-выонг снова обратился к югу. Переброшенный в южные земли Нгуен Кы Чинь готовил новую войну с Камбоджей. Тюа торопил с ее началом, так как союз Анг Снгуона, чьи послы отправились на север, с Зоанем грозил стать реальностью, особенно после подавления в Дангнгоае к 1751 г. самых крупных крестьянских восстаний. Положение Камбоджи было выгодно и в том отношении, что Сиам в это время находился в состоянии войны с Бирмой. Летом 1754 г., подавив небольшое восстание, Нгуен Кы Чинь вторгся в Камбоджу, Анг Снгуон с боями отступил, пограничные крепости были взяты, и армия Нгуен Кы Чиня вошла в Пномпень. В результате последовавших переговоров Во-выонг получил приморские территории в восточной части дельты Меконга (от Митхо до Зядиня) на «законном» основании. Но поскольку вьетнамские крестьяне и чиновники появились здесь уже давно и давно платили налоги, экономических выгод поход 1754 г. не принес.

Дипломатический и военный успех вдохновил Во-выонга на вторую после Куок-тюа попытку добиться равенства с Ле в международных делах. В седьмом месяце 1756 г., воспользовавшись возникшей перепиской с губернатором Фуцзяни и Чжэцзяни, Во-выонг приказал написать ему письмо, титулуя себя Ань-нань го-ван¹⁸³ (как титуловали при цинском дворе вуа Ле). При дворе Нгуёнов эта попытка встретила отпор у конфуцианцев, глава Хан-лама Нгуен Куанг Тиен отказался составлять подобный документ, считая это нарушением норм государственности.

Дальнейшие распри с Камбоджей начались в 1757 г., после смерти Анг Снгуона. Один из претендентов на престол, Анг Тонг, укрылся в Хатиене; Мак Тхиен Ты выхлопотал ему в помощь вьетнамские войска. Их поддержка помогла ему занять трон, но вся кампания дорого обошлась казне Дангчаунга. Правда, Анг Тонг передал Дайвьету

¹⁸⁰ Там же, с. 214.

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² Там же, с. 215.

¹⁸³ DNTL. Т. I, с. 225.

область Тамфонгонг к северу от Басака, что привело к включению в состав Дангчаунга левого берега Меконга на значительном расстоянии. Там быстро стали строить крепости, что также потребовало новых расходов. Расходов потребовали и проведенное здесь Во-выонгом создание вьетнамского чиновничьего аппарата, и переселение сюда крестьян (последнее дало вскоре экономические и отчасти социальные выгоды феодальному государству, но в те годы оно влекло за собой заметные расходы).

Новые военные и административные расходы тяжелым бременем легли на плечи крестьян, особенно в «старых владениях», поскольку южнее система налогообложения была значительно легче. В этих условиях всегда нуждавшийся в деньгах Во-выонг сделал шаг, имевший, как показало дальнейшее, тяжелые последствия для феодалов Дангчаунга: он распространил налоговое обложение в полном объеме на сравнительно недавно присоединенные земли провинции Фуиен, где до этого существовала льготная для крестьян «предварительная» система обложения (налоги были «великодушны и просты») ¹⁸⁴. Легкие налоги остались к югу от Фуиена; к северу, в «старых владениях», полное налогообложение существовало уже давно. И именно в районе Фуиена, где теперь усилилась феодальная эксплуатация и возросло недовольство крестьян, близ г. Куиньона, и началось 13 лет спустя восстание Тэйшонов, и именно «старые владения» оказали восставшим поддержку. В то же время земли к югу от Фуиена стали в дальнейшем: базой восстановления власти Нгуенов на юге и установления их власти во всем Дайвьете. А началось восстание именно в том: районе, где «полная мера» эксплуатации была внове,— в районе Фуиена. Не помогла в данном случае и дополнительная администрация, тем более что одновременно с расширением налоговой эксплуатации шло внедрение здесь в полном объеме и чиновничьего аппарата. И если новые налоговые поступления не успели улучшить положение тюа, то грабежи новых чиновников наверняка успели дополнительно озлобить население.

В первой половине 60-х годов, в последние годы правления Во-выонга, в его окружении появились новые люди — Чыонг Ван Хань и Ле Као Ки, но их политика отличалась пассивностью; сам тюа также удалился от активной деятельности. Именно тогда (в 1764 г.) было отказано в помощи Ле Зуи Мату ¹⁸⁵. Нгуен Кы Чинь. был лишен возможности влиять на политику. Бездеятельность и коррупция росли, экономическое и финансовое положение было скверным. Все это усугублялось борьбой придворных клик, в ходе которой все большее влияние приобретал некто Чыонг Фук Лоан. Беспринципный и безответственный придворный интриган, ставивший личные интересы выше государственных, он вызвал конфликт в феодальных верхах Дангчаунга в момент начала восстания Тэй-шонов. В значительной степени из-за неразберихи, царившей в Фу-суане в эти годы, и сопровождавшего ее расстройство государственных дел куаны и помещики Дангчаунга, где социальный и экономический кризис был выражен в южной части слабее, чем в Дангнгоае, оказались вначале менее способными противостоять восставшим крестьянам, чем Чини и их администрация. И хотя в конечном итоге полное поражение потерпели именно феодалы Дангнгоая, а Дангчаунг стал, что было социально-экономически обосновано, опорой феодалов в их войне с восставшими, первых успехов Тэйшоны добились в той части страны, которая была слабым звеном,— в Дангчаунге.

К моменту смерти Во-выонга в 1765 г. вся власть оказалась в руках министра Чыонг Фук Лоана; многие посты принадлежали его родственникам. Во-выонг перед смертью сменил наследника, и трон должен был теперь перейти к 12-летнему сыну Во-выонга от наложницы. Он его и получил после победы Чыонг Фук Лоана над его противниками при дворе себе на гибель (его казнили Тэйшоны в 1777 г.) и стал править под именем Динь-выонга (1765—1777). Став регентом, Чыонг Фук Лоан казнил Чыонг Ван Ханя и Ле Као Ки, вернул Нгуен Кы Чиня, назначил на различные посты своих сторонников. Суровые расправы с неугодными людьми следовали одна за другой. К тому

¹⁸⁴ DNTL. Т. I, с. 226.

¹⁸⁵ DNTL. Т. I, с. 228—229.

же он был очень корыстолюбив и грабил казну под любым предлогом. В столице царили растерянность и недовольство.

Все это способствовало выходу на поверхность кризисных явлений в экономике; риса не хватало, в стране начался голод. При этом рис в Дангчаунге был в отличие от Дангнгоа (эта общая нужда центра и севера в южном рисе была одним из экономических факторов, требовавших объединения страны), но богатые крестьяне и помещики «копили рис»¹⁸⁶, не желая продавать его за обесценивающиеся цинковые деньги, номинальный курс которых зависел от силы государственной власти, этот курс введшей. Цена денег падала, цена риса соответственно росла. Поэтому голод был особенно силен в потребляющих районах, т. е. в «старых владениях»; он был предшественником крестьянского восстания. Хотя правительство Чыонг Фук Лоана повело строгий учет крестьян и полей, принимая во внимание новые тенденции в деревне (распад общины), и занималось обложением купцов и пр., общая растерянность и недовольство давали себя знать. К этому добавилась новая война в Хатиене, где Нгуенам не удалось спасти своих протеже — Маков — от сокрушительного разгрома. В 1771 г. сиамский король Пья Таксин после 10-дневной осады взял город, цветущий Хатиен исчез навсегда, а война в Камбодже в условиях начавшегося восстания Тэйшонов нанесла дополнительный удар Нгуенам, тем более что и после ее окончания на юге приходилось держать армию и флот.

В эти же годы восстали тьямы в Куангнгае. По-видимому, это выступление охватило довольно значительный по площади район, поскольку Нгуены, направившие в 1770 г. для подавления тьямов значительные воинские силы, вменили им в обязанность патрулирование пяти фу, в том числе Куиньон, Куангнгай и Фуиен¹⁸⁷.

Социально-экономическая ситуация в Дангчаунге перед восстанием Тэйшонов. В 40-х годах положение в экономике было сравнительно благополучным. Были проведены крупные мероприятия по упорядочению государственной экономики в сельскохозяйственной сфере, установлен строгий порядок работы государственных хранилищ (риса, денег, различных изделий). Помимо прежних 19 складов были созданы 9 складов в Зядине, что означало введение и здесь государственного регулирования сельскохозяйственного производства, эти склады предназначались для создания резервного запаса и для «старых владений». В рамках интенсивного аграрного освоения богатого края было официально разрешено самовольно переселявшимся крестьянам создавать общины свободных¹⁸⁸, при условии уплаты налогов после поднятия целины эти крестьяне никак не наказывались. Таким образом, государство закрывало глаза на бегство крестьян на юг, стремясь лишь сохранить их как налогоплательщиков и не дать им попасть в личную зависимость. Это делало феодальный гнет менее сильным, чем в «старых владениях».

Попытка избежать социального кризиса за счет интенсивного освоения земель на юге не увенчалась полным успехом в эти годы, так как завоевание и освоение земель требовали средств, которые далеко не сразу возвращались за счет их эксплуатации. Продолжение аграрной политики «невмешательства» Куок-тюа (отсутствие «проверок») в новых условиях не давало прежнего эффекта; сказывалось и прекращение ирригационного строительства. На рубеже 40—50-х годов положение начало ухудшаться.

Бегство крестьян — первый и верный признак обострения классовых конфликтов — в 1752 и 1753 гг. дополнилось голодом. Цены на рис резко возросли, много народу умерло от голода; экономическое благополучие первой половины XVIII в. пришло к концу. Особенно плохо было в «старых владениях», где плотность населения была выше и выше была степень эксплуатации, тогда как на юге с его открытыми границами налоги были ниже. Примечательно, что принимавшиеся в эти годы меры по увеличению доходов все больше проводились в неземледельческих областях хозяйства; из сельского хозяйства в те годы взять было, по-видимому, больше нечего (после усиления эксплуатации на юге в

¹⁸⁶ DNTL. Т. I, с. 239.

¹⁸⁷ Lich su che do phong kien Viet Nam. Т. III, с. 215.

¹⁸⁸ DNTL. Т. I, с. 203.

40-х годах). В 1758 г. вновь обратились к ресурсам крестьян к югу от «старых владений», резко усилив налогообложение на стыке «старых владений» и занятых в XVII—XVIII вв. южных земель в приморской области Фуиен. В аграрных отношениях в это время приходит раздача культовых крестьян (ты-зан) большими группами (деревнями с указанием числа крестьян) и культовых земель (ты-диен) сотнями мау, причем земли выдавались не в той деревне, где жили передаваемые культовые крестьяне данного феодала¹⁸⁹.

Голод в «старых владениях» продолжался и во второй половине 60-х годов. Возможно, за перечисленными ранее мерами по упорядочению налогообложения последовали бы, как предлагали реформаторы (Нго Тхе Лап), попытки стабилизации цен с опорой на государственные запасы риса. Эта традиционная мера в данных условиях могла оказаться эффективной¹⁹⁰. Но для этого необходимо было время, а внутренняя политика Чыонг Фук Лоана все более расшатывала государственный аппарат, на который предполагалось возложить решение этой задачи.

Тем не менее упорядочение сбора налогов с 1769—1770 гг. шло полным ходом. Была проведена перепись всего имущества, поручено на местах установить норму налога для поля каждого общинника. Результаты были сведены воедино; они позволяют оценить аграрную ситуацию к моменту восстания Тэйшонов. Выяснилось, что основная масса населения и полей находилась уже не в Тхуанхоа («старые владения» без Куангнама), а на территории от Куангнама до Зядиня: последовательная политика освоения юга дала свои плоды. Норма земли на юге была существенно выше — на 50% (1,2 мау на одного диня против 0,8 мау на одного диня в Тхуанхоа)¹⁹¹.

В 1770 г. в Тхуанхоа, где общинные традиции были сильнее всего в Дангчаунге, было проведено мероприятие не менее характерное, чем раздача «частных полей»: была проведена подворная перепись людей внутри общин, закрепившая окончательную ликвидацию экономического единства общины. «Семейные (хо, а не конг, т. е. общинные) земли» были переписаны во всех са, тхонах, фыонгах, хюенах¹⁹²; термин «са» уже обозначал не общину, а просто одну из административных единиц. Отныне крестьяне вступали в непосредственные отношения с государством. Перепись учла вновь освоенные земли, даже в «старых владениях», но много новых налогов это дать не могло. Специальный интерес к Тхуанхоа закономерен: именно к этому району прежде всего относятся слова реформатора Нго Тхе Лапа о голоде и нехватке риса. Он писал, что голод связан не с нехваткой риса вообще, а с нехваткой товарного риса в связи с уже упоминавшимся нежеланием продавать рис на обесцененные цинковые деньги. Возможно, это усиление недоверия к цинковым деньгам с их принудительным курсом было связано с общим недоверием к способности государства вести эффективную экономическую политику. Экономический кризис усиливался с 1768 г., сопровождая кризис политический, особенно в рисопотребляющих районах, где еще и налоги были выше.

Финансы в годы нарастания кризиса играли особо важную роль в эксплуатации крестьянства, поставлявшего все большую часть риса на рынок. Как уже говорилось, борясь с традицией тезаврации, Во-выонг ввел с принудительным курсом деньги из непривычного для вьетнамцев белого цинка.

Реформа дала значительные средства, так как цена новых денег была выше их себестоимости. Деньги эти сравнительно быстро привились и стали основой денежного обращения, но в дальнейшем, по мере обострения аграрного кризиса и ослабления государственной власти, эти деньги, не имевшие собственной ценности (в отличие от медных), не рассматривались крестьянами и помещиками — основными поставщиками

¹⁸⁹ DNTL. Т. I, с. 235.

¹⁹⁰ DNTL. Т. I, с. 239.

¹⁹¹ Подсчитано по: DNTL. Т. I, с. 235—236.

¹⁹² DNTL. Т. I, с. 237.

риса на рынок — как средство накопления ценностей. Это привело к росту цен на рис, к стремлению копить рис, а не новые странные деньги. Первоначально курс цинковых денег (в 1752 г.) был много выше (по сравнению с доу риса), чем медных, — не менее чем в 4 раза по сравнению с ценами 70-х годов XVIII в. Но постепенно курс стал падать и упал по отношению к золоту вдвое. При дефиците стали все чаще прибегать к выплатам серебра из казны, а не к отливке новых цинковых монет; таким образом, все шире распространялись средние денежные номиналы. На денежном рынке функционировало, и порой в большом количестве, мексиканское серебро.

В связи с переписью 1769 г. подробно были описаны неземледельческие источники обложения. Объектами обложения были шелк-сырец, шелковые ткани, белые хлопчатобумажные ткани, сахар, светильники, лампы, свечи, пищевое масло, ароматические масла, а также сахарный тростник, мед, ротанг, индийский тростник, пчелиный воск, бивни слона, рог носорога.

В 70-е годы Тхуанхоа давал уже лишь 40%, а область от Куангнама и южнее — 60% налогов (при доле населения соответственно в 127000 и 165000 тяглых, т. е. 43 и 57%)¹⁹³. Юг догнал «старые владения» по уровню экономического развития, и обложение там стало не менее интенсивным.

Вьетнамские купцы в Дангчаунге представлены были как розничными торговцами внутри городов и между городом и деревней, так и крупными оптовиками, посылавшими корабли или караваны лошадей и носильщиков. Наиболее богатыми были, насколько можно судить, купцы-судовладельцы. Все вьетнамцы-судовладельцы (кроме рыбаков) были выделены в особую группу населения и занесены в специальные реестры. Они платили налог, исходя из водоизмещения судна (10,9 или 4 куана с судна в год). Первоначально вместо налогов купцов-судовладельцев заставляли, как крестьян на основе «конг виек» (трудовой повинности), перевозить казенные грузы, но купечество вело борьбу с государством, уклоняясь от феодальной эксплуатации (как сообщали чиновники, «кораблей много, а в перевозках участвует мало»). Феодальное государство не смогло сломить сопротивления купечества и перешло к откровенному фрахту за наличные наряду с использованием государственного флота под командованием «экономических» чиновников.

Аналогичные группы купечества сложились в сфере сухопутных перевозок. У них нанимали большое количество лошадей и работающих на них людей для обслуживания государственных почтово-транспортных станций. Распространение этой своеобразной формы откупа на одну из важнейших сфер жизни, переход к найму тысяч людей резко расширили сферу денежных отношений; этому же способствовали все учащающиеся случаи выплат денег солдатам. Денежные средства вьетнамских купцов увеличивались.

Внешняя торговля Дангчаунга в середине XVIII в. была активной. Размах внешней торговли сами ученые Нгуен объясняли удобством географического положения («длинное морское побережье»); традиции заморской торговли во многом были унаследованы от тьямов. «Много людей из других стран приезжали торговать», и в Дангчаунге имелись специальные чиновники (кай-чи) для иностранных купцов.

Государственной деятельности в хозяйственной сфере в период обостряющегося кризиса не уделялось достаточного внимания. В 1747 г. был построен арсенал и при нем — «школа огнестрельного оружия». Это было сложное государственное производство, на котором было занято много людей. Наряду с кадрами пушечных заводов, существовавших уже более полутора веков, рабочие этих предприятий составляли значительный отряд ремесленников Фусуана.

Сложным производством с большим числом рабочих был и новый монетный двор, где производилось в день 60 тыс. монет. Продолжалось и государственное хозяйствование на рудниках по добыче серебра и золота.

¹⁹³ Там же, с. 235—236.

Примечательной особенностью общественной жизни Дангчаунга была важная роль в ней буддизма. При Во-выонге были расширены монастыри, продолжалось строительство буддийских храмов, были посланы монахи за границу собирать буддийские сочинения. Во-выонг, как и все тюа из рода Нгуен, имел буддийское послушническое имя, ставил стелы соответствующего содержания, подчеркивал свое уважение к известным наставникам; ничего подобного по отношению к конфуцианцам не было.

В Дангчаунге имелись свои буддийские секты, в том числе «Лесной предел» («Лам-те»), центры которого находились в Бинь-дине и Фусуане. Крупнейшим религиозным деятелем первой половины XVIII в. был вьетнамский монах Лиёу-куан, основатель новой ветви секты «Лесной предел»¹⁹⁴.

Как показывает анализ экономических, социальных и политических процессов в Дайвьете в середине — третьей четверти XVIII в., назревавший в течение длительного времени кризис феодального общества во Вьетнаме обострился до предела. Ни расширение территории в Дангчаунге, ни жестокое подавление восстаний в Данг-нгоае не могли способствовать решению стоявших перед страной проблем. Развитое феодальное общество в той форме, в которой оно возникло в XI в. и процветало до XV в. (на своем первом этапе), к середине XVIII в. (к концу второго этапа) уже было подорвано распадом общины и ростом мелкопоместного землевладения. Вьетнам перешел в начале XIX в. к позднефеодальным отношениям. Сочетание во второй половине XVIII в. старых, феодально-бюрократических норм и новых, помещичьих было невыносимо для крестьянства. И поскольку феодальный класс Дайвьета в целом не нашел форм перехода к новым, позднефеодальным отношениям (хотя отдельные его представители выдвигали соответствующие программы), путь к ним лег через острую вспышку классовой борьбы — через крестьянскую войну Тэйшонов.

Раздел II ВЬЕТНАМ В ЭПОХУ ТЭЙШОНОВ

Глава 1 КРЕСТЬЯНСКОЕ ВОССТАНИЕ ТЭЙШОНОВ И ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА ТЭЙШОНОВ

Начало восстания. Установление власти Тэйшонов над Центральным Вьетнамом

Район Куиньона (Центральный Вьетнам) вошел в состав вьетнамского государства в 1471 г., когда вьетнамцы разбили государство Тьямпу. К XVIII в. население Куиньона в основном состояло из представителей ассимилировавшихся тьямов, из племен тхюонгов, живших в горных районах, а также переселенцев и пленных, захваченных во время междоусобных войн Нгуенов и Чиней.

Обычным явлением в Куиньоне, особенно в его западной части, были засухи. В условиях небольшого количества пригодных к обработке земель это наносило тяжелый удар по крестьянским хозяйствам, вело к ускорению процесса обезземеливания и обнищания сельского населения. Здесь в горах Тэйшон (Западные горы), весной 1771 г. и началось восстание крестьян, получившее известность в истории по названию этих гор — восстание Тэйшонов.

Руководителями и организаторами восстания были три брата Нгуены: Нгуен Няк, Нгуен Хюе и Нгуен Лы.

¹⁹⁴ Le Thanh Khoi. Le Viet Nam... с. 281.

Семья Нгуен (отца братьев звали Хо Фи Фук) принадлежала к низшему разряду феодальной иерархии¹⁹⁵. Все три брата были образованными для своего времени людьми.

С самого начала восстание имело массовый характер. Лозунг, который выдвинули братья Нгуены, — «брат у богатых и делить среди бедных», привлекал под их знамена сотни и сотни крестьян. Например, как только Тэйшоны организовали в горах первый укрепленный лагерь, к ним присоединились со своим отрядом крестьянин-бедняк Доан Тык Ли из зиня Куангнгай, а вслед за ним — группы крестьян из Куангнама, действовавшие под руководством мелких китайских торговцев Цза Тина и Ли Цая¹⁹⁶.

Вскоре восставшие стали осуществлять набеги на близлежащие деревни и административные центры, уничтожая чиновников и общинных старост. Имущество эксплуататоров конфисковалось и распределялось среди беднейших слоев населения. Земельные реестры и налоговые списки сжигались, а феодальные поборы, установленные нгуеновскими властями, отменялись.

Основной движущей силой восстания было крестьянство. Именно крестьяне составили костяк армии Тэйшонов, настолько многочисленной и боеспособной, что она сумела в дальнейшем разбить войска вьетнамских и китайских феодалов.

Характерной особенностью движения Тэйшонов было и то, что с самого начала в нем участвовали представители разных народностей, населявших Центральный Вьетнам. Наряду с тхьонгами, примкнувшими к движению с первых дней, в течение последующих месяцев в отряды восставших крестьян-вьетнамцев влилось также много тьямов и мыонгов, издревле населявших горные области Центрального Вьетнама и подвергавшихся насильственной ассимиляции со стороны вьетнамских феодалов. В отрядах Тэйшонов были также камбоджийцы, сиамцы, китайцы¹⁹⁷.

В восстании принимали участие представители низших слоев чиновничества, прогрессивно настроенные буддийские священники. В самом начале движения значительную финансовую помощь Тэй-шоном оказали торговцы Куиньона, заинтересованные в создании условий для развития внутренней торговли в стране.

В течение трех лет (1771—1773) восставшие накапливали силы. Это были годы, отданные организации отрядов, обучению воинов, обеспечению поддержки со стороны населения в прилежащих к району восстания местах. Вожди восставших понимали, что без достаточно хорошо подготовленной армии они будут не в состоянии помериться силами с Нгуенами, которые в это время имели в своем распоряжении более 100 тыс. солдат и примерно 200 боевых судов. Кавалерийские подразделения армии Нгуенов насчитывали 200—300 всадников¹⁹⁸.

В начальный период в рядах восставших насчитывалось 3 тыс. человек¹⁹⁹, а к 1773 г. количество вооруженных крестьян увеличилось до нескольких десятков тысяч. К этому времени Тэйшоны овладели горной областью Анкхе и тремя уездами (хюенами) — Фули, Бонгшон, Тюивиен, где начали устанавливать свои органы власти. Нгуен Няк был объявлен главным правителем и управлял уездами Фули и Бонгшон, его помощник Нгуен Тхонг был возведен в должность второго правителя и управлял уездом Тюи-виен; Хюен Кхе, третий правитель, ведал делами снабжения армии. Два младших брата Нгуены (или, как их стали называть, Тэйшоны) — Нгуен Хюе и Нгуен Лы — на этом этапе не принимали непосредственного участия в руководстве движением²⁰⁰.

Параллельно с военной подготовкой Нгуен Няк развернул агитационную деятельность среди населения крупного уезда Куиньон. Он прибегнул к обычному для

¹⁹⁵ Van Tan. Cach mang Tay Son. Ha-noi, 1958, с. 37.

¹⁹⁶ Minh Tranh. Phong trao nong dan the ky XVIII va khol nghia Tay Son. Ha-noi, 1958. с. 10.

¹⁹⁷ Van Tan. Cach mang Tay Son, с. 44.

¹⁹⁸ Nguyen Luong Bich, Pham Ngoc Phung. Tim hieu thien tai quan su cua Nguyen Hue. Ha-noi, 1971, с.

¹⁹⁹ Там же, с. 34.

²⁰⁰ Там же, с. 34—35.

Вьетнама того времени лозунгу «восстановить власть правителя». Подобные лозунги, например, неоднократно использовались во время антиправительственных выступлений в Дангнгоае. Да и сами Тэйшоны впоследствии, во время северных походов, призывали народ «свергнуть власть Чиней, восстановить власть династии Ле!». Такой прием был вполне оправданным: в народе, особенно в низших слоях феодального чиновничества, была еще сильна вера в справедливость «законных» правителей, а все свои беды и тяготы они связывали с деятельностью «узурпаторов», превративших трон в пешку в своих руках.

В Дангчаунге вся полнота власти была сосредоточена в руках: временщика Чыонг Фук Лоана, объявившего себя «помощником правителя». Он был человеком «алчным, жестоким, уничтожил очень много людей»²⁰¹. Именно против Чыонг Фук Лоана как выразителя интересов наиболее реакционных слоев феодалов и был направлен основной удар Тэйшонов. В одной из их прокламаций, относящихся к рассматриваемому периоду, есть такие слова: «Злой помощник правителя показал свою неблагоприятную сущность, поэтому Тэйшоны выступают за справедливое восстановление власти правителя (тюа). Сначала отгородим род от рода как бы каменной стеной, чтобы ни у одной из групп не возникло намерения поживиться за счет другой. Потом оживим засохшие поля живительным дождем, извлечем бедняков из бездны несчастий»²⁰².

Осенью 1773 г., когда армия восставших была достаточно многочисленна и неплохо обучена, Нгуен Няк решил атаковать г. Куиньон. Город был взят почти без кровопролития благодаря военной хитрости, примененной восставшими. Тэйшоны построили деревянную клетку, в которую был посажен Нгуен Няк. Несколько человек привезли его к губернатору Куиньона будто бы с намерением выдать. Клетка была выставлена на городской площади, но ночью Няк вышел из нее, соединился с верными людьми и, перебив охрану у городских ворот, впустил свои отряды в столицу. Нгуен Кхак Тюен, губернатор Куиньона, едва успел скрыться, узнав, что Тэйшоны ворвались в город²⁰³.

В течение последних месяцев 1773 г. Тэйшоны овладели территорией, простиравшейся от Куангнгай до Биньтхуана. Это была большая победа восставших крестьян. Вместе с тем, по мере того как все более обширные территории попадали под власть Тэйшонов, возрастала и сложность задач, стоявших перед руководителями восстания. Хотя силы повстанцев были уже значительны (более 26 тыс. человек), по-прежнему не хватало оружия, не доставало опыта²⁰⁴. Армия Тэйшонов пока еще имела дело только с гарнизонами укрепленных пунктов, состоявшими, как правило, из солдат местных формирований, и не сталкивалась с подразделениями регулярной армии Нгуенов.

В начале 1774 г. тюа Динь-вьонг приказал своим военачальникам разгромить восставших. Однако этот поход в район Куиньона окончился безрезультатно, ибо главнокомандующий нгуеновской армии Тон Тхат Тханг побоялся вступить в бой с восставшими крестьянами и отступил. Летом этого же года правительственные войска вновь отправились в карательную экспедицию против Нгуен Няка и его отрядов. На этот раз армия Нгуенов действовала более решительно, и восставшим пришлось очистить территорию Биньтхуана, Зиенкхана, Бинькханга для того, чтобы сосредоточить силы на обороне важного района — от Фуиена до Куангнгай.

В конце 1774 г. положение Тэйшонов значительно осложнилось. Это произошло в результате того, что в пределы Дангчаунга вторглась армия северных феодалов.

Чини внимательно следили за развитием событий на юге и решили воспользоваться тем, что Нгуены были заняты борьбой с восставшими крестьянами, чтобы захватить часть их владений. Зимой 1774 г. их армия переправились через р. Зиань

²⁰¹ Lich su Viet Nam. T. I. Ha-noi, 1971, с. 338.

²⁰² Там же, с. 338.

²⁰³ Hoa Bung. Quang Trung, anh hung dan toc. Ha-noi, 1951, с. 32—33.

²⁰⁴ Nguyen Luong Bich, Pham Ngoc Phung. Tim hieu... с. 38.

и в самом начале 1775 г. без особого труда овладела столицей Нгуенов — г. Фусуаном. Тюа был вынужден бежать в провинцию Куангнам. Чтобы не дать ему возможности собрать силы, Тэйшоны атаковали Куангнам с юга. Тюа пришлось вновь спасаться бегством, теперь уже на крайний юг страны — в Зядинь.

Тэйшоны оказались стиснутыми между силами двух феодальных группировок. Нгуены находились на юге, в районах, где пользовались поддержкой, и в течение определенного времени могли вновь собрать силы. Действия Чиней, двигавшихся с севера и уже занявших часть территории, контролировавшейся Тэйшонами, также таили в себе большую угрозу для восставших.

Первое столкновение Тэйшонов с чиньской армией произошло в апреле 1775 г. и окончилось их поражением. Командир авангарда восставших, китайский торговец Цза Тин, бросил свой отряд и бежал в Китай²⁰⁵.

К середине 1775 г. район, контролируемый Тэйшонами, по существу, ограничивался одним только Куиньном, а с юга и с севера им угрожали армии феодальных группировок общей численностью более 60 тыс. человек²⁰⁶.

Руководители восстания нашли выход из создавшегося трудного положения. Они предприняли попытку заключить перемирие с феодалами Дангнгоая и таким образом освободиться от более близкой угрозы — давления с севера.

Нгуен Няк обратился с посланием к главнокомандующему чиньской армии Хоанг Нгу Фуку, в котором выразил готовность прекратить военные действия и предлагал свои отряды для участия в борьбе против Нгуенов на стороне Чиней. При этом он ставил одно условие: чтобы его назначили правителем районов Куангнгай, Куиньон и Фуиен. Однако тюа Чинь Шам полагал поступить иначе. Он предложил Хоанг Нгу Фуку осуществить следующий план: пусть Тэйшоны воюют с Нгуенами, а северная армия идет следом и оккупирует все захваченные ими земли; если же Тэйшоны потерпят поражение, то армия Чиней должна ударить по ним, захватить Куангнгай и Куиньон, а уже потом выступить против Нгуенов.

Эти замыслы стали известны Нгуен Няку, и он решил разбить группировку войск Нгуенов, находившихся в Фуиене, отбросить ее дальше на юг для того, чтобы продемонстрировать Чиням могущество восставших и заставить феодалов отказаться от намерений захватить земли, контролируемые Тэйшонами.

Овладеть Фуиеном было непростым делом. Его оборонял гарнизон пехотинцев и моряков численностью 20 тыс. человек. Никто из тэйшонских военачальников, включая и самого Нгуен Няка, не осмеливался взять на себя ответственность за проведение этой операции, в которой, по существу, ставились на карту не только будущее восстания, но и личная судьба каждого из его руководителей.

В связи с боем в Фуиене официальные хроники Нгуенов впервые называют имя 23-летнего Нгуен Хюе, среднего из братьев — руководителей восстания. Именно он взял на себя руководство отрядами Тэйшонов, которые внезапно осадили Фуиен и вынудили верные Нгуенам войска бежать на юг.

Победа, одержанная Нгуен Хюе в Фуиене, заставила Чиней отказаться от намерений захватить владения Нгуенов руками восставших крестьян. Теперь Чини вынуждены были вести переговоры с Тэйшонами. Особенно на этом настаивал Хоанг Нгу Фуку, главнокомандующий армии Чиней. «Тэйшоны сейчас как жаркое пламя! Я уже стар и не могу взять в свои руки дело защиты от них», — говорил он своим офицерам²⁰⁷. Чини заключили перемирие с Тэйшонами и согласились совместно бороться против Нгуенов. Старшему из братьев — руководителей восстания был присвоен титул командующего авангардом. Но главное следствие успеха Нгуен Хюе было в том, что некоторое время

²⁰⁵ Там же, с. 39.

²⁰⁶ Там же.

²⁰⁷ Hoa Bung. Quang Trung, anh hung... с. 45.

спустя армия Чиней очистила Куангнам, а затем главные ее силы ушли в дельту Красной реки, оставив на завоеванных землях лишь небольшой гарнизон в Фусуане.

Обезопасив себя от угрозы с севера, Тэйшоны стали готовить силы для активных действий против южновьетнамской феодальной группировки. Ареной борьбы стала дельта р. Меконг — житница государства Нгуенов.

Тюа Динь-выонг, бежавший в Зядинь, тоже готовился к тому, чтобы продолжать борьбу против Тэйшонов. В течение сравнительно короткого периода ему удалось набрать армию численностью свыше 25 тыс., в которую, в частности, входили и проживавшие в Зядине лица китайского происхождения. Правитель дал приказ остаткам своих вооруженных сил в Фуиене также вести подготовку к боям. Кроме того, он попытался привлечь на свою сторону некоторых тэйшонских военачальников, страдавших, как сообщают хроники, «большой амбициозностью». Один из таких генералов, китаец по происхождению, Ли Цай, недовольный тем, что над ним был поставлен командиром молодой Нгуен Хюе, перешел на сторону Нгуенов²⁰⁸.

В этих условиях Тэйшоны решили не заниматься ликвидацией гарнизона в Фуиене, а нанести удар по главным силам Нгуенов в Зядине. Поскольку у восставших не было еще достаточно сил, чтобы полностью очистить территорию страны от Нгуенов и их сторонников, план первого похода на юг предусматривал лишь нанесение возможно большего ущерба армии южновьетнамских феодалов, а также уничтожение продовольствия и иных запасов, заготовленных Нгуенами на крайнем юге страны.

Несмотря на ограниченность целей, Тэйшоны хорошо подготовили экспедицию. Был проведен набор в армию, надежно оснащены корабли.

Весной 1776 г. флот Тэйшонов во главе с Нгуен Лы (младшим братом Нгуен Няка) направился к дельте Меконга. Когда флот повстанцев появился у побережья Зядиня, Динь-выонг бежал сначала в Чанбиен, а затем в Бариа. Здесь ему удалось собрать верных военачальников с отрядами и отвоевать у Тэйшонов Чанбиен.

Развернулась борьба также и в Нижнем Намки. И там она шла с переменным для повстанческой армии успехом, ибо в этой области у Нгуенов были довольно многочисленные сторонники.

В отличие от центральных областей страны жители дельты Меконга не только не оказывали Тэйшонам поддержку, но в ряде случаев выступали против них. Здесь, в дельте Меконга, повстанцы встретились с той категорией военных поселенцев, благополучие которых было тесно связано с именем Нгуенов. Феодальная эксплуатация в этой области не достигла еще таких размеров, чтобы вызвать недовольство крестьян. Это было главной причиной того, что Тэйшоны так и не смогли по-настоящему закрепиться в этом районе, а вынуждены были периодически покидать пределы Зядиня, чтобы восстанавливать боеспособность своих отрядов.

Крайние южные области страны, по существу, сразу же превратились в район антитэйшонского движения. Уже во время первого похода Тэйшонов на юг офицер-южанин До Тхань Ньон по поручению Динь-выонга быстро собрал отряд в количестве более 3 тыс. человек, назвав его «армией спасения короля Донгшон» (т. е. Восточные горы), который успешно действовал против повстанцев. Именно действия отряда Донгшон, а также известие о том, что с севера на помощь тюа двигаются верные ему войска, заставили Нгуен Лы покинуть пределы Зядиня, вернуться в Куиньон, приведя туда 200 кораблей с продовольствием и боеприпасами, захваченными на юге²⁰⁹.

С военной точки зрения первый поход Тэйшонов на юг окончился успешно, и задуманное было достигнуто. Однако если оценивать его с точки зрения интересов и перспектив движения, то совершенно очевидно, что он показал и слабости Тэйшонов, которые они не смогли преодолеть и в последующие годы борьбы на юге. Тэйшоны не сумели закрепиться на юге страны, хотя именно только в этом случае они могли бы

²⁰⁸ Nguyen Luong Bich, Pham Ngoc Phung. Tim hieu... с. 44—45.

²⁰⁹ Там же, с. 46.

наладить действенный отпор проискам Нгуенов. Для нейтрализации прослойки землевладельцев, служивших опорой правителям, нужно было на более длительный срок «овладеть территорией Зядиня, чтобы создать там административный и хозяйственный аппарат, способный утвердить в населении веру в Тэйшонов»²¹⁰. Однако Тэйшоны оказались не в состоянии решить эту задачу и ограничились походами на юг и оставлением там после каждой очередной победы над Нгуенами лишь гарнизонов для охраны наиболее важных пунктов. Такая тактика позволяла сторонникам Нгуенов со временем набирать силы и громить повстанцев на юге.

Вскоре после ухода Тэйшонов из Зядиня там разгорелась борьба между генералами — сторонниками различных ветвей многочисленного семейства Нгуенов. Узнав о распрях в стане противника, Тэйшоны готовят второй поход на юг против Нгуенов. Учтя положительные и отрицательные стороны первой экспедиции, Нгуен Няк приказал организовать более солидный отряд, который мог бы выполнить две связанные между собой задачи, состоящие в следующем: основная ударная сила — морская эскадра отправлялась на юг, в Зядинь, с целью уничтожить главные вооруженные силы Нгуенов, а затем овладеть важными пунктами в южной части этого района; сухопутный же отряд должен был овладеть крепостью Биньтхуан и уничтожить обороняющиеся здесь подразделения армии Нгуенов, а затем освободить области Биньтхуан, Чанбиен на севере Зядиня²¹¹. Верховным командиром обоих отрядов был назначен Нгуен Хюе.

Во время этой кампании (1777 г.) Тэйшоны сумели довольно быстро очистить всю территорию Намки от сторонников Нгуенов. Однако, как и во время первого похода, Тэйшоны увели главные силы обратно в Куиньон, оставив на юге только небольшие подразделения. Этим воспользовался после смерти Динь-выонга его внук Нгуен Ань, которому удалось вновь собрать сторонников и захватить крепость Сайгон. Оставшиеся в живых тэйшонские военачальники бежали в Куиньон (1778 г.).

В 1777—1778 г. активно развивается процесс феодализации верхушки крестьянского движения. Нгуен Няк получил от тюа Шама титул правителя Куангнама, священного посла и князя, а в 1778 г. Няк объявил себя императором, а своим братьям присвоил почетные ранги²¹². С этого времени в Дайвьете появилось государство Тэйшонов со своей территорией, своим императором, своей армией и начинающей складываться феодальной иерархией. Основные усилия этого государства в рассматриваемый период были направлены на то, чтобы стабилизировать положение на юге страны, не допустить закрепления в этом районе Нгуен Аня. В Куиньоне началась активная подготовка к новому походу на юг.

К этому времени относится и начало деятельности французского миссионера Пиньо де Беэна, епископа Адранского, по оказанию помощи Нгуен Аню. К началу 1781 г. Нгуен Ань, укрывавшийся на островах Сиамского залива, при помощи европейских миссионеров и торговцев из Франции и Португалии снарядил уже 80 средних кораблей, три больших корабля, два корабля европейского образца, а также получил три корабля из Португалии, которыми командовали португальские же капитаны. Общее руководство над этими тремя судами осуществлял француз Мануэль²¹³.

В 1781 г. Нгуен Ань попытался нанести удар Тэйшонам в Зядине. Эта акция обеспокоила Нгуен Няка, который понял, что нельзя давать возможности главе феодалов юга спокойно наращивать силы. Поэтому весной 1782 г. Нгуен Няк и Нгуен Хюе встали во главе новой экспедиции (морской и сухопутной), направившейся в Зядинь. Нгуен Ань, потерпев поражение в кровопролитных боях, бежал на о-в Фукуок. Вся территория Зядиня оказалась под контролем тэйшонских гарнизонов (всего 3 тыс. человек), которые были оставлены Нгуен Няком и Нгуен Хюе, возвратившимися с главными силами в Куиньон.

²¹⁰ Van Tan. Cach mang Tay Son. Ha-noi. 1958, с. 61.

²¹¹ Nguyen Luong Bich, Pham Ngoc Phung. Tim hieu... с. 48.

²¹² Van Tan. Cach mang Tay Son, с. 57.

²¹³ Nguyen Luong Bich, Pham Ngoc Phung. Tim hieu... с. 63.

Верный Нгуен Аню генерал Тю Ван Тиен из Фуиена попытался нанести удар по тэйшонским гарнизонам и даже добился некоторого успеха: Нгуен Ань возвратился в Сайгон²¹⁴. Однако через несколько месяцев он потерпел полное поражение, когда Тэйшоны осуществили новую морскую экспедицию в Зядинь (1783 г.). На этот раз он был вынужден бежать в Сиам в поисках покровительства и помощи королевского двора.

В отличие от предыдущих экспедиций Нгуен Хюе на сей раз обратил гораздо больше внимания на укрепление позиций Тэйшонов на юге страны. Легран де ля Мерэй, автор «Исторических записок о народе Аннама», так писал об этом: «После захвата Зядиня Лонг Ньонг (т.е. Нгуен Хюе.— *Авт.*) стал хозяином во всем Южном Вьетнаме. Он — не только предводитель войск, но и способный администратор и отличается от тех генералов, которых Нгуен Няк направлял сюда раньше. Он держит в руках весь Зядинь путем организации крепких постов повсюду на дорогах и водных путях, на побережье, путем поддержания строгой дисциплины, а также милосердием по отношению к населению»²¹⁵. На значительной части обширной территории Южного и Центрального Вьетнама (за исключением дельты Меконга) был уничтожен прежний налогово-административный аппарат. Крестьяне избавились от гнета феодальных чиновников-куанов и ростовщиков.

Оставшиеся в Зядине тэйшонские войска не только смогли оборонять завоеванные позиции, но и оказали помощь соседней Камбодже, когда эта страна в конце 1783 г. подверглась нападению малайцев. В декабре 1783 г. тэйшонский генерал Ван Да по просьбе правителей Камбоджи атаковал армию малайцев и разбил ее. Потерпевшие поражение малайцы бежали, а подразделения Тэйшонов вернулись в Зядинь.

Нгуен Аню не удалось предпринять сколько-нибудь активных действий против Тэйшонов. В 1784 г. по его приказу по подозрению в измене был убит До Тхань Ньон, руководитель Донгшонов, человек, пользовавшийся авторитетом в Зядине. После его смерти солдаты Донгшонов в знак протеста разошлись по домам. Этот инцидент значительно подорвал силы Нгуен Аня. Хроника отмечает, что Нгуен Няк, узнав о гибели Ньона, сказал: «Хью Фьонг (псевдоним До Тхань Ньона.— *Авт.*) уже мертв, а другие тамошние генералы не стоят того, чтобы о них говорили»²¹⁶.

Борьба против вторжения сиамской армии (1784—1785)

В Сиаме в 70-х годах XVIII в. к власти пришел один из военачальников — Чакри, ставший основателем новой династии, правившей в государстве вплоть до XX в. В просьбе Нгуен Аня о помощи Чакри увидел удобный повод для того, чтобы захватить Зядинь и аннексировать государство Камбоджу²¹⁷.

В 1784 г. часть сиамской армии численностью 20 тыс. человек на 300 судах направилась в Намки и высадилась в Киензянге (пров. Ратьзя). Другая часть — более 30 тыс. человек — пересекла территорию Камбоджи и вторглась в пределы Зядиня с севера. Сиамцы, объединив силы морского и сухопутного отрядов, развернули активные наступательные операции против Тэйшонов. У командира тэйшонских отрядов, расквартированных в Зядине, Чьонг Ван Да было недостаточно сил для того, чтобы дать отпор захватчикам. Поэтому он принял решение начать планомерный отход на восток, ведя в то же время оборонительные бои.

К концу 1784 г., после шести месяцев захватнических действий, сиамцам удалось овладеть лишь половиной территории западной части Зядиня. Крупные города Митхо, Зядинь и вся восточная часть области по-прежнему были в руках Тэйшонов²¹⁸.

²¹⁴ Van Tan. Cach mang Tay Son... с. 59.

²¹⁵ Nguyen Luong Bich, Pham Ngoc Phung. Tim hieu... с. 83.

²¹⁶ Van Tan. Cach mang Tay Son, с. 58.

²¹⁷ Lich su Viet Nam. T. I. с. 340.

²¹⁸ Там же.

Первые одержанные победы вселили в сиамцев беспечность. Считая, что с тэйшонскими войсками на юге покончено, они думали о том, чтобы побольше выкачать из страны, нежели о войне за интересы Нгуен Аня. Военные корабли использовались для вывоза награбленного имущества. Сиамцы «терроризировали местное население, и в народе была ненависть к ним; только и ждали, чтобы пришла армия Тэйшонов и изгнала их прочь»²¹⁹.

Нгуен Ань понимал шаткость своего положения приживальщика при завоевателях. Поэтому, по-прежнему опираясь на сиамцев, он решает обратиться за помощью к европейцам. В ноябре 1784 г. в Зядинь вернулся Пиньо де Безн, епископ Адранский. Нгуен Ань просил его о посредничестве в деле получения военной помощи во Франции. Вместе с Пиньо де Безном 27 ноября 1784 г. в Европу отправился и старший сын Нгуен Аня — принц Кань²²⁰.

Руководители Тэйшонов, находившиеся в Куиньоне, внимательно следили за действиями сиамцев, готовясь к решительному наступлению, с тем чтобы очистить район Зядинь от захватчиков. В начале 1785 г. их армия, во главе которой вновь стоял Нгуен Хюе, сделав переход морским путем, высадилась в Митхо. Отсюда Нгуен Хюе, периодически используя время прилива, направлял хорошо вооруженные отряды на небольших судах по реке в сторону позиций и пунктов, занятых сиамцами. Цель этих вылазок была в том, чтобы заставить противника выйти из укрепленного лагеря и затем дать ему сражение.

Нгуен Хюе устроил засаду на р. Митхо (на ее отрезке от Рать-гама до Соаймута). Значительные отряды на лодках были спрятаны в многочисленных протоках, которые протекали к югу от обширной тростниковой долины.

В ночь с 19 на 20 января 1785 г. сиамцы, сконцентрировав силы в одном месте, решили нанести сокрушительный удар по гарнизонам Тэйшонов в городах Митхо и Зядинь. Нгуен Хюе допустил противника на позицию, которая была окружена заранее подготовленными засадами, и там наголову разбил захватчиков. Сиамцы потеряли в бою большую часть своей армии и все свои корабли. Сиамские военачальники едва ли с 2—3 тыс. солдат бежали в Камбоджу²²¹. Вместе с ними покинул пределы страны и Нгуен Ань.

После изгнания сиамцев Нгуен Хюе опять вернулся в Куиньон, оставив в Зядине сравнительно небольшой отряд под командованием Данг Ван Чана.

Разгром сиамского вторжения был первым значительным военным и политическим актом, свидетельствующим о том, что Тэй-шоны взяли на себя защиту вьетнамской государственности от посягательств извне.

Как уже говорилось, 1778 год, когда Нгуен Няк объявил себя императором Тэйшонов, можно считать переломным в ходе движения. Отныне в Дайвьете существовало новое феодальное государство, возникшее в ходе крестьянского восстания. В самом начале его руководители, в частности Нгуен Няк, объективно выражали интересы народных масс, особенно крестьянства (приказывали делить имущество богачей среди бедняков и т. п.). Именно поэтому Тэйшоны и смогли быстро завоевать авторитет среди большинства населения Центрального Вьетнама, расширить территорию, охваченную восстанием, и стать силой, которая оказалась в состоянии свергнуть режим Нгуенов.

Однако в ходе антифеодальной борьбы в положении руководителей Тэйшонов происходили серьезные изменения. По мере успехов повстанческой армии в распоряжение ее вождей попадало все больше ценностей, захваченных у феодалов. Рост имущественного неравенства привел к выделению братьев Тэйшонов и их приближенных в особую влиятельную группу среди восставших. Опираясь на военную силу, они назначали своих чиновников в занятые районы, собирали налоги с населения, проводили призыв в армию в соответствии с имеющимися кадастровыми списками. Эти средства

²¹⁹ Van Tan. Cach mang Tay Son, с. 60.

²²⁰ DNTL. Т. 12, с. 58.

²²¹ Histoire et description de la basse Cochinchine. P., 1863, с. 57.

шли не только на содержание армии и организацию новых походов, но и на обогащение руководителей и их приближенных. Постепенно руководители восстания перерождались в феодальных правителей. Внешне этот процесс выразился в том, что три брата-вождя присвоили себе титулы, характерные для придворных званий и рангов феодального государства, окружили: себя многочисленной свитой, соорудили резиденции наподобие дворцов прежних правителей Вьетнама.

Войну Тэйшонов против Нгуенов в дальнейшем следует рассматривать как борьбу феодального государства за сохранение своих владений и по возможности за их расширение. Не случайно во время южных походов Тэйшоны все реже выступают под антифеодальными лозунгами, играя, особенно в ходе борьбы с сиамцами, на патриотических чувствах населения дельты Меконга.

Новая феодальная знать, сложившаяся в государстве Тэйшонов и окрепшая в результате победы над сиамцами, стремилась к установлению своей власти на всей территории Дайвьета. Поэтому дальнейшие действия Тэйшонов были направлены против феодалов Дангнгоая. Их поход на север был поддержан крестьянством Центрального Вьетнама и дельты Красной реки, ибо крестьяне этих областей связывали с походом Тэйшонов надежды на ликвидацию феодального гнета, на освобождение от лихоимства чиновников-куанов и удовлетворение своих чаяний. Вера крестьян в «доброе выонга» послужила немалую службу Тэйшоном во время их продвижения на север.

Поход Тэйшонов на Север, ликвидация власти Чиней

Положение в Северном Вьетнаме в 80-е годы XVIII в. было сложным. Феодальная эксплуатация крестьянства усиливалась, увеличивался объем ренты-налога; снижение его или отмена на время в том или ином районе в результате волнений крестьян не приносили последним значительного облегчения. Разорение крестьянства в дельте Красной реки продолжалось.

Попытка Чиней расширить владения в период борьбы Тэйшонов с Нгуенами еще более усилила разруху в стране. Особенно тяжелое положение было в областях, захваченных во время похода армии Чиней на юг в 1774 г. Население от Фусуана и до р. Зиань голодало.

Несмотря на то что к 1770 г. крупные народные выступления против власти Чиней были подавлены, крестьянские волнения в стране не утихали. Толчок к их новому подъему дал успешный ход восстания Тэйшонов. В 1777 г. поднялись на борьбу против местных феодалов крестьяне в Куангнаме и Шоннаме; в следующем году начались волнения на шахте Тулонг в чане Туенкуанг; в 1784 г. восстало население Куангиена и Шоннама²²². Эти разрозненные и изолированные выступления крестьян продолжались недолго, однако они свидетельствовали о том, что недовольство не погашено.

В 1786 г. по приказу Нгуен Няка два больших отряда (один — по суше, другой — морским путем) двинулись к Фусуану — главному опорному пункту Чиней на юге. После ожесточенного боя Фусуан был взят тэйшонским отрядом, которым командовали Нгуен Хюе и Нгуен Хью Тинь, бывший военачальник армии Чиней, перешедший на сторону Тэйшонов.

В течение нескольких дней Тэйшоны овладели всей областью Тхуанхоа. Нгуен Хюе хотел на этом остановить дальнейшее продвижение армии на север. Однако Нгуен Хью Тинь советовал ему продолжать наступление и перейти к захвату земель в собственно чиньских владениях.

«Нынче в Бакха (т. е. в дельте Красной реки) генералы ленивы, а армия зазналась, и мы должны воспользоваться этим, чтобы победоносно захватить Бакха. Это как раз то самое время и тот самый случай, которые не следует упускать... Но они, конечно, не могут

²²² Minh Trang. Phong trao nong dan the ky XVIII. Ha-noi, 1958, с. 6.

и шелохнуться, поскольку у них недостаточно сил. Провозгласите лозунг „восстановить Ле, уничтожить Чиней" — и кто вас тогда не поддержит? Такой случай выпадает раз в тысячу лет»²²³.

Доводы Нгуен Хью Тиня оказались убедительными Нгуен Хюе, и он решил продолжать наступление на север под лозунгом защиты законной династии Ле.

Быстро пройдя через территорию Нгеана и Тханьхоа Тэйшоны овладели Вихоангом (нынешний Намдинь), где захватили большие запасы продовольствия — около миллиона хоков риса. По существу, путь на Тханглонг был открыт. Лихорадочные усилия тюа Чинь Кхая (1783—1786) наладить сопротивление Тэйшонам в районе Шоннама ни к чему не привели. Не удалось также подтянуть к столице местные войсковые формирования, чтобы отразить атаку войск Нгуен Хюе.

Убедившись, что гарнизон столицы не устоит под ударом Тэйшонов, Кхай попытался бежать в Шонтэй, где находились верные ему войска. Однако в провинции Фукиен он был схвачен местным населением и выдан Тэйшонам. По пути в ставку Нгуен Хюе он покончил жизнь самоубийством²²⁴.

21 июля 1786 г. войска Тэйшонов вступили в Тханглонг, победоносно завершив поход на север. Армия Чиней, перед которой они были вынуждены отступить 12 лет назад, теперь была разбита, а власть тюа свергнута. Тэйшоны вели себя на севере не как завоеватели, а как освободители. Они очень сурово относились к военным и гражданским чиновникам-куанам, выступавшим на стороне Чиней. Вместе с тем по отношению к населению не допускалось никаких насилий²²⁵. Формально была восстановлена власть династии Ле. Нгуен Хюе получил от императора Ле различные почетные титулы, он стал членом императорской семьи. «После двух с лишним веков феодальной раздробленности, порожденной враждующими группировками, было восстановлено единство страны,— подчеркивается в „Истории Вьетнама".— Была объединена обширная территория от Бакха до Зядиня (т. е. территория современного Вьетнама.— Авт.)»²²⁶.

Руководитель северного похода Тэйшонов вовсе не желал уступить кому-либо власть на севере, однако действовал при этом весьма осторожно и осмотрительно.

Проявляя дар искусного дипломата, Хюе делал все возможное, чтобы создать впечатление полноты власти Ле, оставаясь в тени. Лозунг «восстановить Ле, уничтожить Чиней» еще оказывал значительное влияние на мелкое чиновничество и крестьянские массы Северного Вьетнама. Быть в роли спасителя Ле для Нгуен Хюе в то время было гораздо выгоднее в целях завоевания авторитета в народе, нежели просто объявить себя правителем. Слишком свежи были воспоминания о Чинях, чтобы давать возможность проводить нежелательные для Тэйшонов параллели. Поэтому в беседах с императором Ле Хиен Тоном он говорил о «великом духе освобождения, охватившем Тэйшонов», о «воле неба, свергнувшей Чиней», о том, что все успехи Тэйшонов вызваны «благородным превосходством императора»²²⁷. Однако на деле именно Нгуен Хюе определял судьбы страны. Так было, например, после смерти императора Ле Хиен Тона, когда спор претендентов разрешил тэйшонский военачальник, назначив на престол того из принцев, который его устраивал,— Ле Хюи Ки, принявшего имя Ле Тьеу Тхонг.

Междоусобная борьба Нгуен Няка и Нгуен Хюе

Одним из условий, удерживающих Нгуен Хюе от прямого участия в управлении севером, было также нежелание обострять отношения в правящей верхушке государства Тэйшонов. Нгуен Няк после успеха на юге стал относиться к младшему брату с опреде-

²²³ Dai Nam Chinh bien liet truyen, q. XXX. с. 19—20 (рукопись).

²²⁴ Van Tan. Cach mang Tay Son, с. 68.

²²⁵ Hoa Bung. Quang Trung, anh hung... с. 85.

²²⁶ Lich su Viet Nam, T. I, с. 346.

²²⁷ Van Tan. Cach mang Tay Son, с. 70—71.

ленной подозрительностью, не без оснований полагая, что Хюе может конкурировать с ним в руководстве государством.

Еще когда Хюе колебался, продолжать ли наступление из Фу-суана в Бакха, Няк направил к нему гонца с требованием оставаться на месте. Однако по странному стечению обстоятельств посланец императора Тэйшонов уже не застал Нгуен Хюе, выступившего на север.

Получив известие о падении Тханглонга, Нгуен Няк поспешил сам па север, собирая по пути значительное войско. Император Ле был напуган приходом в Тханглонг нового тэйшонского войска и вел себя по отношению к Няку как вассал по отношению к сюзерену. Нгуен Няк фактически отстранил брата от всех дел в Северном Вьетнаме. Он говорил императору Ле: «Поскольку Чини уничтожены... земля принадлежит Ле, и никто не может отторгнуть ни малейшего клочка ее. Только император имеет право обладать ею, это залог дружбы между нашими государствами, в этом их счастье»²²⁸. Давая понять, что Тэйшоны рассматривают север как отдельное от их владений государство и что поэтому Хюе не имеет здесь какой-либо власти, Нгуен Няк тем не менее вовсе не собирался полностью выводить свои войска из Бакха.

В августе 1786 г. Нгуен Няк вместе с Нгуен Хюе возвратились в Центральный Вьетнам, увезя с собой все имущество, изъятое из складов, принадлежавших Чиням. На севере остались только тэйшонские гарнизоны, возглавляемые Нгуен Хыу Тинем.

Быстрый уход с севера и, более того, лишение Нгуен Хюе права управлять этой областью были результатом крайне ошибочного решения Нгуен Няка, в котором амбициозность восторжествовала над трезвой оценкой обстановки.

Тэйшоны оставили на севере враждующих между собой генералов и недобитых сторонников Чиней, которые не замедлили начать подрывную деятельность против императора Ле. Нгуен. Хыу Тинь не только не сумел установить порядок, но, боясь сторонников Чиней, вслед за императором Тэйшонов бежал на юг, в Нгеан.

Когда братья Тэйшоны возвратились в Куиньон, Няк предложил разделить сферы влияния. При этом, проявились резкие противоречия между Няком и Хюе, накапливавшиеся, по существу, еще со времени похода Нгуен Хюе на север. Поводом, послужило недовольство Нгуен Хюе тем, что Няк не отдал ему в управление Куангнам. Кроме того, будучи на севере, Хюе захватил очень много ценностей, принадлежавших Чиням. В Куиньоне Няк забрал у брата эти ценности. Спор между братьями дошел до открытых военных столкновений. Нгуен Хюе с 60-тысячным войском окружил Куиньон и в течение четырех месяцев осаждал столицу тэйшонского государства. Няк, в свою очередь, послал гонца в Зя-динь, чтобы расквартированные там войска спешили к нему на выручку.

После нескольких месяцев жизни в осажденном городе Няк пригласил брата на переговоры. Нгуен Хюе, войско которого также несло большие потери, согласился на прекращение военных действий. Братья договорились, что территорию к югу от Куанг-нгай берет в управление Няк, а область к северу от районов Тханг и Дьен переходила к Нгуен Хюе.

Инцидент был исчерпан, но прежнее единство между братьями Тэйшонами уже не восстанавливалось.

Открытая междоусобная борьба руководителей Тэйшонов была важным этапом в развитии движения. Она свидетельствовала о том, что интересы крестьянства уже уступили место амбициям и запросам феодализировавшейся верхушки государства. Отряды восставших крестьян, выступавшие на первом этапе движения как «армия справедливости», стали, по существу, орудием борьбы за власть между соперничающими вождями. Если считать, что в 1778 г., после объявления Няка императором Тэйшонов, во Вьетнаме возникло новое феодальное государство, а в 1785 г., после разгрома сиамцев,

²²⁸ Там же, с. 74.

оно показало свою жизнеспособность, то события 1786 г. свидетельствуют о том, что внутри его уже активно протекали закономерные для феодального государства процессы. Особенностью положения было то, что Нгуен Хюе, выступавший против верховного правителя (императора Няка), объективно был выразителем более прогрессивных тенденций, заключавшихся в стремлении закрепить достигнутое фактическое единство Вьетнама.

Непосредственным отрицательным следствием распри между Няком и Хюе было обострение положения на севере страны. «Деревня нападает на деревню... грабят людей, а то и вовсе убивают друг друга,— рассказывает хроника о положении в Северном Вьетнаме в это время.— К тому же... была засуха, а потом тайфун и наводнение, так что почти все погибло. В Намдине разрушены дамбы. Более других пострадали хюены Куиньлюу и Донгтхань в провинции Нгеан... Не было человека, который собрал бы хоть какой-то урожай, а в предыдущем году урожай был невелик, да и тот весь разграбили. У кого были деньги, тот приумножил их, спекулируя продовольствием... Люди умирали тысячами, без счета. Люди ели траву, как быки, или глодали древесную кору».

Активизировали деятельность оставшиеся на местах сторонники Чиней, в том числе и члены их многочисленного семейства. Антитэйшонское движение возглавили Чинь Ле и Чинь Бонг, опиравшиеся на местные войсковые формирования северо-западных областей государства.

Выступления представителей Чиней были подавлены Тэйшонами, действовавшими от имени императора Ле, однако это не принесло спокойствия Северному Вьетнаму. Используя то обстоятельство, что братья Нгуен Няк и Нгуен Хюе были заняты междоусобными боями возле Куиньона, некоторые тэйшонские военачальники в Северном Вьетнаме начинают вести подготовку к тому, чтобы выступить против своих вчерашних сподвижников по борьбе.

Особенно активно действовал наместник Нгуен Хюе на севере Нгуен Хью Тинь, который намеревался отделить провинцию Нгеан от государства Тэйшонов и в этих целях искал союза с другими военачальниками, а также с императором Ле²²⁹.

В Северном Вьетнаме началась война между тэйшонскими генералами. Сопrotивление Нгуен Хью Тиня было сломлено, а верные ему 30-тысячные войска разбиты в сражении на р. Тхань²³⁰.

Бежавший после этого сражения в Тханглонг Нгуен Хью Тинь договорился с императором Ле уйти в северные районы, с тем чтобы собрать новое войско в провинциях Шонтэй, Тхайнгуен, Хайзыонг и Шоннам и вновь начать борьбу с Тэйшонами. Вместе с императором Ле Нгуен Хью Тинь бежал в Киньбак, но был схвачен Тэйшонами и казнен.

По-иному сложилась судьба императора Ле Тьеу Тхонга. Ему удалось скрыться от преследования вблизи вьетнамо-китайской границы. Отсюда он обратился к императору правившей в Китае маньчжурской династии Цянь Луну с просьбой о помощи в борьбе против Тэйшонов.

Разгром маньчжурских захватчиков во Вьетнаме (1788—1789)

В последней трети XVIII в. в результате действий Тэйшонов, изгнавших из страны Нгуснов и уничтоживших Чиней, Вьетнам стал единым целым, превратился в самое значительное государство на Индокитайском полуострове.

Образование на южных границах Китая единого и сильного Вьетнама явно не устраивало маньчжурских правителей Поднебесной. Цинский двор никогда не отказывался использовать удобный случай для демонстрации своего влияния во Вьетнаме. Просьба императора Ле, обращенная к правителю Поднебесной, позволяла маньчжурам предпринять очередную попытку утвердить в Тханглонге полностью послушного им

²²⁹ Cuong muc, T. XX, q. XLVI, c. 45.

²³⁰ Cuong muc, T. XX, q. XLVII, c. 41.

императора-марионетку, а также воспользоваться плодами восстания Тэйшонов, т. е. распространить китайское влияние на всю территорию объединенного Вьетнама.

Посланный императором Ле Тьеу Тхонгом за помощью в Китай чиновник не просил вводить во Вьетнам вооруженные силы маньчжуров, призывая ограничиться моральной поддержкой, для чего, по его мнению, достаточно было подвести к границе Вьетнама армию, что устрасило бы Тэйшонов²³¹. По-иному рассуждали представители Поднебесной. Военачальник Сун Ши утверждал: «Прежде Аньнань принадлежал династиям Хань и Сун... Теперь настало время вернуть нам эту страну»²³². Выражая интересы крайне экспансионистских группировок феодалов Южного Китая, Сун Ши обратился к императору Цянь Луну с таким предложением: «Теперь, когда Ле взывает о помощи, наша династия не может не помочь... Если после восстановления Ле оставить армию в стране, то можно одним ударом убить двух зайцев: обеспечить охрану Ле и снова взять Аньнань в наши руки»²³³.

Цянь Лун совместно с Сун Ши разработал следующий план действий:

1. Усилить охрану границы, для того чтобы преградить путь Тэйшонам, коль скоро они попытаются перейти рубеж, чтобы преследовать императора Лена территории Китая.

2. Написать манифест, который верные императору Ле чиновники-куаны могли бы распространять во Вьетнаме, поднимая народ против Тэйшонов и поощряя феодалов на организацию «армии спасения императора», которая бы действовала совместно с вторгшимися маньчжурскими войсками.

3. Отдать приказ, чтобы племенной вождь Идун совместно с принцами из династии Ле — Ле Зуи Ти, Нгуен Динь Маем — начал создавать «добровольческую армию» на границе с вьетнамской провинцией Каобанг. Эта армия, которую можно именовать «верной и мужественной», должна идти в авангарде, указывая путь регулярным силам маньчжуров, вторгшимся во Вьетнам.

4. Перебросить значительные регулярные силы для оккупации Вьетнама. Эти силы должны состоять из подразделений и частей, находившихся в провинциях Гуандун, Гуанси, Юннань, Гуанчжоу, а также из флотилий в провинциях Гуандун и Фуцзянь²³⁴.

В течение довольно короткого периода этот план был реализован. Соответствующий манифест-призыв был направлен во Вьетнам, а; остатки разгромленных Тэйшонами феодальных группировок стали спешно собираться в «армию спасения императора»; на севере страны, в Тхайнгуене, были организованы подразделения, состоящие из выходцев из Китая, общей численностью свыше 10 тыс. человек, которые заявили о своем желании влиться в ряды «верной и могущественной» армии Чжан Идуна, готовой вступить в пределы Каобанга.

Цянь Луну и Сун Ши удалось подготовить для вторжения во Вьетнам армию численностью 200 тыс. человек²³⁵ (не считая «верной и могущественной армии» Чжан Идуна, «армии спасения императора» Ле Тьеу Тхонга, а также матросов и солдат приведенных в состояние боевой готовности флотилий в Гуандуне и Фуцзяни).

Цянь Лун придавал огромное значение организации снабжения армии, ставя этот вопрос на один уровень с решением чисто военных аспектов вторжения. Уже после того, как маньчжуры захватили Тханглонг, на двух основных путях из Китая во Вьетнам — из Юннани и Гуанси — было создано свыше 70 перевалочных пунктов-постов, занимавшихся снабжением армии; только на пути из Мукнамкуана в Тханглонг во время продвижения по нему маньчжуров ими было организовано 18 складов продовольствия; и снаряжения²³⁶.

²³¹ Hoang Le nhat thong chi. Ha-noi. 1964, c. 322.

²³² Hoa Bung. Quang Trung, anh hung... c. 202—204.

²³³ Hoang Le nhat thong chi, c. 322.

²³⁴ Nguyen Luong Bich, Pham Ngoc Phung. Tim hieu... c. 187—188;

²³⁵ Hoang Le nhat thong chi, c. 336.

²³⁶ Van Tan. Cach mang Tay Son, c. 135.

Установки, данные Цянь Луном своим военачальникам, активная и тщательная подготовка к походу свидетельствуют о том, что маньчжурская династия, отправляя экспедицию во Вьетнам, имела целью осуществить свои экспансионистские устремления в этом районе Юго-Восточной Азии, в той или иной форме вновь утвердить китайское господство во Вьетнаме. Вьетнамские историки Нгуен Лыонг Бить и Фам Нгок Фунг решительно подчеркивают, что «Цянь Лун и Сун Шии хотели во что бы то ни стало захватить Вьетнам и превратить его в свою вотчину»²³⁷.

В основе замыслов маньчжурских феодалов лежал принцип «уничтожить вьетнамцев руками вьетнамцев», с тем чтобы таким путем обескровить Вьетнам и добиться своих целей.

Однако Сун Шии довольно легко удалось убедить Цянь Луна в том, что Ле не в состоянии самостоятельно вести борьбу против Тэйшонов, но что силы последних не устоят против напора «великой армии» и поэтому нужно не откладывая начать наступление на Тханглонг. Маньчжуры явно недооценивали силы Тэйшонов, не верили в то, что Нгуен Хюе удастся собрать армию, достаточную для отпора захватчикам. В частности, именно поэтому Сун Шии самонадеянно отказался от помощи военно-морских сил.

25 ноября 1788 г. все подразделения сухопутной армии цин-ской империи, сосредоточенные на китайско-вьетнамской границе, начали вторжение.

Главные силы маньчжуров под командованием Сун Шии двигались через Лангшон к Тханглонгу. Вторая колонна, которой руководил Чжан Идун, направлялась через Каобанг на Тхайнгуен и далее к Тханглонгу. Третья колонна, командиром которой был У Дацин, из Юннани через Туенкуанг шла на Шонтэй.

Обстановка в Северном Вьетнаме складывалась неблагоприятно для Тэйшонов. Хюе по-прежнему не хотел, чтобы Тэйшоны осуществляли прямое управление Северным Вьетнамом, поскольку он знал, что среди феодального чиновничьего аппарата, который не был ликвидирован Тэйшонами, были весьма сильны настроения в пользу императора Ле. Только после бегства императора Ле на север и физического уничтожения Нгуен Хью Тиня, Ву Ван Нама и других военачальников, вынашивавших антитэйшонские замыслы или подозревавшихся в них, Нгуен Хюе принял решение создать новый административный аппарат на севере. Именно в этих целях он оставил в Тханглонге группу верных людей — Нго Ван Шо, Фан Ван Лана, Нго Тхой Ньема, Нгуен Ван Зунга.

Тэйшоны не ожидали вторжения иноземных войск на территорию Вьетнама. Об этом, в частности, говорит тот факт, что летом 1788 г., когда Нгуен Хюе с основными силами возвратился в южную часть своих владений, в Фусуан, по маньчжурским данным, на севере оставалось едва 8 — 9 тыс. солдат тэйшонской армии²³⁸.

Когда уполномоченный Нгуен Хюе в Северном Вьетнаме Нго Ван Шо сообщил правителю об имеющихся у него данных относительно готовящегося наступления маньчжурских войск, Нгуен Хюе приказал отрядам, расположенным на севере, готовиться к отражению захватчиков, не рассчитывая на скорую помощь со стороны главных сил. Одновременно он начал активную подготовку к войне с полчищами северных феодалов.

Тэйшонские военачальники сумели оказать известное сопротивление маньчжурам, чтобы по замыслу Нго Ван Шо выиграть время для сосредоточения всех воинских подразделений, расквартированных на севере, в районе Тханглонга. Такими были бои возле Лапгшона, в непосредственной близости от границы, или сражение на р. Тхикау, где военачальник Фан Ван Лан с тысячей воинов пытался преградить путь наступающим оккупантам, с тем чтобы дать возможность силам Тэйшонов, уже собравшимся в Тханглонге, организованно отступить из столицы в горы Там-дьеп²³⁹.

²³⁷ Nguyen Luong Bich, Pham Ngoc Phung. Tim hieu... с. 189.

²³⁸ Дай Цин Гаоцун чуть хуаади шилу. Цз. 1312, д. 26 (цит. по: NCLS. 1974, № 164).

²³⁹ Nguyen Luong Bich, Pham Ngoc Phung. Tim hieu... с. 198—207.

Нго Ван Шо понимал, что главное для Тэйшонов в этот начальный период военных действий, когда перевес был на стороне маньчжуров,— сохранить силы, подготовиться к решительному отпору захватчикам. «Сейчас мы соберем силы и отступим, не потеряв ни одной стрелы,— говорил он подчиненным.— Пусть они (т. е. маньчжуры. — *Ред.*) переночуют, а потом мы выгоним их»²⁴⁰.

Нгуен Хюе высоко оценил действия Нго Ван Шо: «Вы сумели сделать так, что избежали ударов их стрел, разделились для охраны наиболее слабых и опасных участков. Это, с одной стороны, вдохновляет нашу армию, а с другой — порождает у врага чувство самоуверенности и самодовольства. Ваш замысел очень правильный».

Маневры, предпринятые Нго Ван Шо, сыграли свою роль. Отступая, Тэйшоны разрушали за собой мосты и переправы, топили плавучие средства. Не удивительно поэтому, что поход маньчжуров от Лангшона до Тханглонга продолжался 20 дней²⁴¹, т. е. средняя скорость их продвижения была не более 5 км в сутки.

17 декабря 1788 г. маньчжурская армия вступила в оставленный Тэйшонами Тханглонг. Легкий успех опьянил захватчиков. Главнокомандующий войсками оккупантов Сун Ши говорил о Тэйшонах не иначе как с презрением. Получив известие о захвате Тханглонга, Цянь Лун осыпал своего военачальника милостями. Он пожаловал Сун Ши титул князя-богатыря первой степени. Каждый из солдат, участвовавших в походе, получил награду в размере одного или двух месячных окладов²⁴². Поскольку приближалось празднование Нового года по лунному календарю, Цянь Лун отдал приказ расклеить по всем городам и селам Китая панно с традиционными новогодними приветствиями и изречениями, основная тема которых была «усмирение Аньнана» (т. е. Вьетнама)²⁴³.

Сун Ши не собирался долго оставаться в Тханглонге, намереваясь продвинуться дальше на юг Вьетнама. Китайская хроника сообщает, что маньчжуры разрабатывали план создания 123 укрепленных пунктов-постов по переброске снабжения в армию на пути от Тханглонга до Куангнама (т. е. южной части Вьетнама) и для этого Сун Ши запросил у императора еще 200 тыс. рекрутов для вспомогательных войск²⁴⁴.

Выступление на юг предусматривалось начать непосредственно после окончания празднеств по случаю Нового года по лунному календарю. Недооценивая возможности Тэйшонов, маньчжурский главнокомандующий приказал готовиться к празднику, говоря, что «смотрит на все происходящее опустив руки в карманы и нет никого», кто мог бы его устроить²⁴⁵.

Главные силы маньчжуров расположились лагерем по обеим берегам Красной реки. За пределами Тханглонга была создана система сильных укрепленных постов, ключевое место среди которых занимало укрепление Нгокхой.

Тханглонг и значительная часть дельты Красной реки были оккупированы маньчжурами. Поведение иноземцев на захваченной территории показывает, что заверения о стремлении восстановить реальную власть династии Ле, сделанные Цянь Луном, Сун Ши и другими маньчжурскими сановниками перед началом похода, по существу, так и остались словами. Сун Ши фактически не контролировал действий своих солдат, творивших любые беззакония, кто как умел. «Обычным явлением стали грабежи и убийства»²⁴⁶.

Столь же очевидно показывает истинные, захватнические замыслы маньчжуров и их отношение к императору Ле Тьеу Тхонгу, который вошел в Тханглонг, «цепляясь за

²⁴⁰ Hoang Le nhat thong chi, с. 342.

²⁴¹ Lich su Viet Nam. T. I. с. 349.

²⁴² NCLS. 1974, № 154, с. 5.

²⁴³ Там же, с. 14.

²⁴⁴ Там же, с. 5—6.

²⁴⁵ NCLS. 1974, № 154, с. 6.

²⁴⁶ Hoang Le nhat thong chi, с. 348, 350.

каблуки» оккупантов. Обеспечивая видимость «законности» присутствия маньчжуров в Тханглонге, Сун Ши вручил Ле Тьеу Тхонгу от имени маньчжурского императора инвестиру в соответствии «с древними традиционными отношениями между Вьетнамом и Китаем»²⁴⁷.

На деле же Ле Тьеу Тхонг, получивший титул «Аннам Куок-вьонг» (т. е. «правитель умиротворенного юга»), не обладал никакой властью даже в самом Тханглонге, не говоря уже о периферийных районах, где суд и расправу чинили маньчжуры. Он занимался лишь тем, что выколачивал из народа продовольствие для многотысячной армии захватчиков. В этих целях им использовалась созданная по инициативе маньчжуров «армия спасения императора».

Ежедневно Ле Тьеу Тхонг в сопровождении эскорта направлялся во дворец Тэйлонг, где была резиденция главнокомандующего маньчжурской армии. Случалось и так, что ему отказывали в аудиенции, и император-марионетка был вынужден покидать чертоги Сун Ши.

Эти оскорбительные для национальных чувств вьетнамцев визиты демонстративно организовывались оккупантами на глазах жителей Тханглонга, которые с горечью говорили: «Сколько уже было в нашей стране вьонгов, но никогда еще не бывало, чтобы правитель так заискивал да унижался!»²⁴⁸.

Поведение и действия маньчжуров «открыли наконец глаза тем, кто ошибался относительно истинных целей завоевателей. И только Ле Тьеу Тхонг и кучка феодалов цеплялись за оккупантов»²⁴⁹.

В то время как армия захватчиков, упиваясь первыми победами, готовилась к встрече Нового года по лунному календарю, вьетнамские войска, возглавляемые Нгуен Хюе, начали интенсивную подготовку к наступлению на север, чтобы покончить с иноземными оккупантами.

12 декабря 1788 г., получив от Нго Ван Шо сообщение о положении дел на севере страны, Нгуен Хюе принимает решение объявить себя императором под именем Куанг Чунг, с тем чтобы возглавить борьбу населения Северного и Центрального Вьетнама против незваных пришельцев с севера.

Мотивы, побудившие Хюе пойти на такой шаг, ясно выражены в его «Эдикте о восшествии на престол»: «Мы — простолюдины из Тэйшона, у нас нет ни одной пяди земли и нет ничего, что позволило бы именоваться императором. У нас есть лишь искреннее желание покончить с теми беспорядками, которыми полна вся наша жизнь, и мы решили объявить себя императором, чтобы вернуть народу спокойствие. Мы дважды пытались восстановить династию Ле, однако она не в состоянии спасти и защитить наше отечество; Ле бежали, покинув свою страну. Население Бакха (т. е. Северного Вьетнама.— *Авт.*) уже не обращает свои взоры к династии Ле, а смотрит на нас»²⁵⁰.

Ситуация в стране была сложной. Еще до маньчжурского вторжения Нгуен Хюе получил сведения о том, что в Зядине высадился с войсками Нгуен Ань. Нужно было сделать выбор, где вести войну: на севере или на юге. И Куанг Чунг принимает верное решение: направив гонца на юг с требованием оказывать всяческое сопротивление Нгуен Аню, он готовится к борьбе с маньчжурами, уже вступившими в пределы страны, видя в них самую большую опасность для независимости государства.

Нгуен Хюе располагал в Фусуане всего 60-тысячным войском. Необходимо было в самом срочном порядке не только значительно увеличить численность армии, но и обучить ее.

²⁴⁷ Dat Nam chinh bien liet truyen, q. 30, c. 32.

²⁴⁸ Hoang Le nhat thong chi, c. 348.

²⁴⁹ Nguyen Khac Vien. Histoire de Vietnam. P., 1974, c. 88.

²⁵⁰ Lich su Viet Nam. T. I, c. 350.

В декабре 1788 г. Куанг Чунг, находясь в Нгеане, который стал, по существу, основным центром подготовки тэйшонской армии, отдал приказ набирать в армию одного крестьянина из трех, записанных в кадастровые списки в провинциях Тханьхоа и Нгеан. Население откликнулось на его призыв, и в течение считанных дней в армию вступило несколько десятков тысяч человек. Ее численность возросла до 100 тыс. бойцов²⁵¹.

По определению члена Политбюро ЦК КПВ, министра обороны СРВ Во Нгуен Зиапа, армия Тэйионов «из отрядов вооруженных крестьян выросла в народную, а затем в национальную армию»²⁵². В момент готовности к продвижению на север она состояла из следующих родов войск: пехоты, кавалерии, отрядов боевых слонов, морского флота. Особенную надежду Куанг Чунг возлагал на отряды боевых слонов. Поскольку маньчжуры, по существу, не умели вести борьбу против этого рода войск, отряды боевых слонов были основной ударной силой при штурме вражеских укреплений. Кроме того, Куанг Чунг ввел новшество в оснащении отрядов боевых слонов, значительно улучшившее их боеспособность: помимо пехотинцев, вооруженных «огнемечущими трубками», сидящих на слонах, на спины животных стали устанавливать и артиллерийские орудия.

Морской флот Тэйшонов был оснащен большим количеством боевых и транспортных судов. По свидетельству иностранных миссионеров, у Куанг Чунга были такие корабли, которые могли перевозить несколько боевых слонов, или 60 24-фунтовых орудий, или 700 солдат. В период подготовки к наступлению на север и в ходе боев флот сыграл важную роль в переброске войск, обеспечивая высокие темпы их передвижения. В частности, четкая деятельность моряков позволила Куанг Чунгу переправить часть войск в тыл отступавшей маньчжурской армии, когда она покинула Тханглонг.

Отдавая должное специальной военной подготовке и оснащению армии, Куанг Чунг в то же время осознавал необходимость укрепления ее боевого духа, добивался, чтобы все офицеры и солдаты понимали справедливость борьбы, на которую Тэйшоны призывали народ. Величайшей исторической заслугой Куанг Чунга и Тэйшонов является то, что они сплотили под знаменем антиманьчжурской борьбы подавляющее большинство населения Северного Вьетнама. В конце 80-х годов XVIII в. крестьянское восстание Тэйшонов приняло характер общенародного движения против иноземных оккупантов, за независимость своей родины.

Куанг Чунг непрестанно подчеркивал, что вторжение маньчжурских полчищ — это один из шагов по реализации экспансионистских планов, вынашиваемых правителями Поднебесной: «С тех пор как воцарился Цянь Лун, маньчжуры все замышляют расширить пределы своих владений: они уже осуществили захваты на западе, а теперь двинулись на юг»²⁵³. Он призывал каждого вьетнамца отдать все силы борьбе с иноземцами, ибо наступил момент, когда «на всех нас ложится такая ответственность, которой мы не знали раньше».

Большую роль в подъеме патриотических чувств сыграла организованная Куанг Чунгом в Тханьхоа (после выступления из Нгеана) церемония принятия присяги, на которой он выступил с обращением к офицерам и солдатам, призывая их быть до конца верными долгу перед родиной. В хронике «Ле Кюи Ки шы» так описывается это событие: «Хюе закончил речь. Офицеры ответили дружным „да!“, гремевшим подобно грому, который потряс горы и долины; небо и земля смешались. А потом загудел медный призывный барабан, армия быстро пошла в северном направлении»²⁵⁴.

В главной ставке маньчжуров по-прежнему царили самоуверенность и беспечность. Дисциплина войск падала. Солдаты, расквартированные в укрепленных постах, «самовольно покидали гарнизоны... Были такие, которые уходили из своих

²⁵¹ Nguyen Luong Bich, Pham Ngoc Phung. Tim hieu... с. 217—218.

²⁵² NCLS. 1974, № 164, с. 8.

²⁵³ Phan Huy Le. Chien thang ngoc-hoi-Dong-da. — NCLS. 1974, № 154, с. 13.

²⁵⁴ NCLS. 1974, № 154, с. 9.

укреплений на десятки миль (вьетнамская миля равна 432 м.— *Авт.*), чтобы собирать топливо, а иные шли на рынок, чтобы торговать. Ежедневно уходили спозаранку, а возвращались поздно вечером... А генералы проводили дни в развлечениях и пирах, и никто не заботился о военных делах. Если кто и говорил о противнике, то они отвечали: „Да ведь он все равно что в темнице, еще немножко — и испустит дух. Не стоит он того, чтобы о нем говорить!“»²⁵⁵.

Этому способствовало и то обстоятельство, что еще во время подготовки армии к продвижению на север Куанг Чунг принял соответствующие меры по усилению бдительности противника. Так, находясь в Нгеане, он направил гонца «отвезти письмо Сун Ши с сообщением о готовности капитулировать. Стиль письма был скромным и уважительным»²⁵⁶. Получив это послание, Сун Ши еще более возгордился и направил приказание Куанг Чунгу «отвести армию в Тхуанхоа (т. с. на юг.— *Авт.*) и ждать разрешения спора»²⁵⁷.

Вместе с тем Сун Ши не исключал возможности нападения Тэйшонов на Тханглонг. Поэтому он приказал организовать в 60 милях к югу от города (т. е. в 26 км) три больших укрепленных поста с многочисленными гарнизонами: Нгокхой, Няттао и пост на северном берегу р. Нгуеткует²⁵⁸. Получив известие о том, что армия Куанг Чунга находится уже в Тханьхоа, маньчжурский главнокомандующий повелел в спешном порядке увеличить гарнизоны на уже созданных оборонительных сооружениях («обороняться, чтобы солдаты охраняли все уязвимые места во всех направлениях»), а также построить новые посты, чтобы оборонительная линия протянулась на 80 км к югу от Тханглонга.

15 января 1789 г., пройдя через территорию провинции Тханьхоа, армия Тэйшонов расположилась в горах Тамдьеп. Здесь Куанг Чунг разработал детальный план наступления на Тханглонг, концепция которого у него сложилась еще во время пребывания армии в Нгеане.

В основе этого плана лежал трезвый учет всех сильных и слабых сторон как самих Тэйшонов, так и маньчжуров. Куанг Чунг исходил из двух главных моментов. Во-первых, армия маньчжуров по численности была вдвое больше, чем войска Тэйшонов. Во-вторых, Сун Ши намеревался сразу же после праздника Тет (Нового года по лунному календарю) выступить из Тханглонга на юг. Куанг Чунг полагал, что в этих условиях только быстрота действий, нанесение удара по обороняющемуся противнику в самый неожиданный момент и в самом уязвимом для него месте могут принести успех. Он понимал, что с захватчиками надо покончить в одном крупном бою, в котором «сражаться надо решительно, чтобы не осталось и обломков от вражеских щитов, чтобы ни одна вражеская колесница не смогла возвратиться. Надо, чтобы захватчики поняли, что страна юга — это страна героев и у нее есть хозяева»²⁵⁹.

Вся армия была разделена на пять групп-колонн. Первая группа, в которой были сосредоточены основные силы Тэйшонов, возглавляемые лично Куанг Чунгом (а также генералами Нго Ван Шо и Фан Ван Ланом), включала подразделения пехотинцев, кавалеристов, боевых слонов. В ее задачу входило ударить по главным оборонительным сооружениям маньчжурской армии к югу от Тханглонга.

Вторая группа, которой командовал Нгуен Ван Тует, на судах по р. Люкдау должна была направиться к Хайзыонгу (восточное крыло маньчжурских позиций), чтобы уничтожить находившиеся там отряды «армии спасения императора» Ле Тьеу Тхонга. Затем Тует должен был угрожать левому флангу маньчжурских войск, расположенных по берегам Красной реки, играя роль подкрепления сил, атакующих Тханглонг.

²⁵⁵ Hoang Le nhat thong chi, с. 354.

²⁵⁶ Cuong muc. Т. XX, қ. XLVII, с. 61.

²⁵⁷ NCLS. 1974, № 154, с. 10.

²⁵⁸ Hoang Le nhat thong chi, с. 350.

²⁵⁹ Lich su Viet Nam. Т. I, с. 353.

Третья группа, которую возглавлял Лок, передвигалась совместно со второй группой. Достигнув р. Люкдау, она должна была быстро овладеть районами Фыонгян, Лангзянг, Иентхе, чтобы преградить цинской армии путь к отступлению.

Четвертая группа во главе с Бао, включавшая подразделения боевых слонов и кавалеристов, должна была скрытно продвигаться по дороге юго-западнее маньчжурского укрепления Нгокхой, с тем чтобы принять участие в атаке этого важного пункта совместно с главными силами, а также развернуть бои в южной части столицы и в районе ставки заместителя главнокомандующего маньчжурской армии Сюй Шихэна.

Пятая группа также включала подразделения кавалеристов и боевых слонов. Ее командиру Лонгу было приказано внезапно ударить по столице и вступить в город, не дожидаясь других колонн, чтобы вражеские отряды, ведущие бои вокруг Тханглонга, пришли в замешательство. Эта группировка должна была двигаться по направлению к Шонтэю, но затем внезапно повернуть и выйти к Кхыонгтхыонгу, где войска Чжан Идуна обороняли Тханглонг с юго-запада. Разгромив эти отряды, Лонг должен был ворваться в город с запада и, очищая его от противника, нанести удар по главной квартире маньчжуров во дворце Тэйлонг, а также не допустить, чтобы в город вступили солдаты противника из Нгокхоя и других укреплений южной оборонительной полосы²⁶⁰.

25 января 1789 г., т. е. в часы, предшествующие началу праздника Тет, Куанг Чунг приказал атаковать вражеские посты. Перед выступлением он сказал своим офицерам, что сегодня следовало бы отметить Тет, но подождем седьмого дня первого месяца будущего года, когда вступим в Тханглонг, тогда и устроим большой пир. «Так оно и будет, запомните мои слова»²⁶¹.

Этой же ночью Тэйшоны, форсировав р. Зиань, напали на передовые укрепления маньчжурской армии и овладели ими. Отступавших преследовали до Фусуена (пров. Хатэй), и «никто не смог убежать»²⁶².

В ночь на 28 января 1789 г. Тэйшоны скрытно окружили значительный пост противника Хахой, расположенный всего в 20 км от столицы. В этой операции принимала участие только часть их главных сил, однако внезапность нападения и требование сдать привели вражеский гарнизон в замешательство, «все дрожали от страха и выразили готовность капитулировать»²⁶³. Не потеряв ни одного человека, фактически без единого выстрела Тэйшоны захватили важный опорный пункт врага, где взяли в качестве трофеев много оружия и продовольствия. После этого успеха Куанг Чунг приостановил движение вперед, выжидая ответных действий со стороны противника.

29 января армия Тэйшонов подошла к укрепленному посту Нгокхой, окруженному со всех сторон земляными валами, ловушками, волчьими ямами. Гарнизон Нгокхоя насчитывал 30 тыс. солдат. Маньчжуры уже знали о захвате Тэйшонами поста Хахой и боялись боя, говоря, что у Тэйшонов «генерал поистине спустился с неба, а армия выросла из-под земли»²⁶⁴.

Главнокомандующий маньчжурской армии приказал бросить к Нгокхою подкрепление и непрерывно информировать его о развитии обстановки. Однако Куанг Чунг не атаковал поста Нгокхой, дожидаясь того часа, когда группировка, которой командовал Лонг, завяжет бой в Кхыонгтхыонге, в юго-западной части города. В течение всего дня 29 января небольшие передовые отряды Тэйшонов вели мелкие бои с засевшим за укреплениями противником. Куанг Чунг достиг цели: осажденные были все время в напряжении, не зная, с какой стороны последует решающая атака.

²⁶⁰ Nguyen Luong Bich, Pham Ngoc Phung. Tim hieu... с. 320—321.

²⁶¹ Нгуен Кхак Вьен. Очерки Истории Вьетнама. Ханой, 1977, с. 102.

²⁶² Hoang Le nhat thong chi, с. 363.

²⁶³ Там же.

²⁶⁴ Там же, с. 365.

Эти действия вьетнамского полководца укрепили веру Суп Ши и его приближенных в то, что Тэйшоны не осмелятся нападать на такой мощный пункт обороны, как Нгокхой, а тем более на Тханглонг.

Тэйшоны начали штурм поста Нгокхой еще до восхода солнца 30 января. Несколько отрядов вьетнамской армии атаковали вражеское укрепление с южной стороны. Куанг Чунг ввел в бой 100 боевых слонов, на каждом из которых было по 13—14 воинов, вооруженных «огнемечущими трубками». Сюй Шихэн бросил им навстречу отборные кавалерийские отряды, но атака захлебнулась, и маньчжурские конники в беспорядке отступили за укрепления²⁶⁵. Под прикрытием боевых слонов к оборонительным сооружениям маньчжуров подошел штурмовой отряд Тэйшонов численностью 600 человек. Разделенный на 20 групп, он продвигался вперед сквозь расступившиеся ряды слонов. Каждая группа прикрывалась огромным деревянным щитом, который толкали перед собой. Каждый из таких щитов был покрыт толстым слоем мокрой соломы. Огонь вражеских орудий и стрельба из «огнемечущих трубок» не приносили должного эффекта. Штурмовой отряд Тэйшонов прорвал маньчжурские укрепления. В образовавшуюся брешь хлынули главные силы. Китайские хроники признавали впоследствии, что в бою на укрепленном посту Нгокхой «армия врага (т. е. Тэйшонов. — *Авт.*) была многочисленна, как муравьи, и наступала, все сметая на пути, как река в половодье»²⁶⁶.

Крепость Нгокхой была взята. Остатки ее гарнизона в беспорядке отступали, а начальник всей укрепленной линии маньчжуров к югу от Тханглонга, заместитель главнокомандующего армии оккупантов Сюй Шихэн покончил жизнь самоубийством.

Фактически предоставленные сами себе, оставшиеся в живых маньчжурские солдаты пытались кратчайшим путем пробиться в Тханглонг, оторвавшись от преследовавших их основных сил Тэйшонов. Однако путь к отступлению им преградила группа вьетнамских войск, которой командовал Бао. Маневр, задуманный Куанг Чунгом, удался. Отряд Бао, пройдя по проселочным дорогам западнее Хахой — Нгокхой, своевременно вышел на удобные позиции в районе болот, известном под общим названием «болото Мык». Отряд Бао взял остатки маньчжурского гарнизона в клещи, загнал его в болото и там уничтожил.

Таким образом, в течение «одного утра 5-го дня первого месяца года Кизау (т. е. 30 января 1789 г. — *Авт.*) армия Тэйшонов разрушила пост Нгокхой, полностью уничтожила его гарнизон как в самом Нгокхое, так и в болоте Мык. Армия Тэйшонов быстро ликвидировала ключевой пункт обороны противника южнее столицы и тем самым открыла широкий путь к ее освобождению»²⁶⁷.

Когда главные силы Тэйшонов начали штурм Нгокхой, отряд под командованием Лонга внезапно атаковал маньчжуров в Кхыонгтхыонге в юго-западной стороне от Тханглонга, которые оборонялись в непосредственной близости от главной квартиры Сун Ши. В этом районе маньчжуры не строили укреплений. Их позиции были расположены на широкой равнине и окружавших ее высотах, господствовавших над местностью, в особенности над дорогами, ведущими в столицу. Гарнизон этого лагеря составлял несколько десятков тысяч человек.

Пользуясь тем, что стоял густой утренний туман, Лонг скрыто переправил через р. Толить кавалерийские отряды и подразделения боевых слонов и начал штурм холма, на котором находилась ставка начальника этой маньчжурской группировки Чжан Идуна. В течение непродолжительного времени Тэйшоны отбили плохо организованные контратаки маньчжуров и вывели из строя до 5 тыс. солдат противника. Чжан Идун бежал с поля боя в один из мелких укрепленных постов и дожидался там подкреплений. Видя,

²⁶⁵ Cuong muc. Т. XX, қ. XLVII, с. 62.

²⁶⁶ NCLS. 1974, № 154, с. 23.

²⁶⁷ Там же, с. 26.

что события разворачиваются не в пользу обороняющихся, а от Сун Ши не поступает подкреплений, Чжан Идун покончил жизнь самоубийством²⁶⁸.

Важной особенностью боя в Кхыонгтхыонге было участие в нем местного населения. В момент бегства Чжан Идуна из лагеря вокруг маньчжурских позиций вспыхнуло огненное кольцо, преградившее противнику путь к отступлению.

Опираясь на помощь местного населения, Лонг разгромил противника, оборонявшего посты Иензюет и Намдонг, и ворвался в столицу.

В главной квартире маньчжурских войск царила растерянность. Сун Ши считал главными бои на юге от города и выжидал, чтобы в подходящий момент направить туда подкрепления. Поэтому для него было полной неожиданностью услышать на рассвете 5 января гул боя в юго-западном направлении. Вслед за этим гонец привез ему донесение о том, что Тэйшоны захватили пост Нгокхой. Далее последовало сообщение, что пал Кхыонгтхыонг. Полное замешательство Сун Ши видно и из его донесения императору Цянь Луну, в котором он, оправдываясь, писал, что «армия врагов весьма многочисленна», что маньчжуры «были окружены со всех сторон»²⁶⁹.

Заявив свите, что он «боится потерять лицо», Сун Ши, даже не облачившись в доспехи, вскочил на лошадь и в сопровождении своих телохранителей поспешил переправиться по наплавному мосту на северный берег Красной реки, бросив оставшиеся в городе войска на произвол судьбы²⁷⁰.

Маньчжурские солдаты были охвачены паникой. Никто не помышлял о сопротивлении. Возле переправ вспыхивали стычки, ибо все хотели быстрее переправиться через Красную реку. Однако Сун Ши, опасаясь преследования, приказал разрушить наплавной мост (китайский автор Вэй Юань говорит о нескольких наплавных мостах), в результате чего «люди падали в реку, и погибло до нескольких десятков тысяч человек, так что течение реки было остановлено». Китайский автор Вэй Юань пишет: «более десяти тысяч человек... бросилось в реку, чтобы переплыть на северный берег, и все они были убиты»²⁷¹.

Участь солдат маньчжурской армии, оставшихся в Тханглонге, была решена. Те, кто оказывал сопротивление, были перебиты. В течение десяти дней после этого маньчжуры приходили из деревень, окружающих город, чтобы сдаться на милость победителя.

В полдень 30 января столица встречала армию Тэйшонов во главе с Куанг Чунгом. Поэт Нго Нгок Зу так описал этот день освобождения вьетнамской столицы от захватчиков:

Злость врагов повсюду сменилась яростью,
 Но армия выонга окружила их ненавистью с четырех сторон.
 Со сказочной быстротой она ударила прямо,
 Как будто спустилась с неба, и никто не осмелился ей противостоять.
 Враг был разбит наголову, как будто сожжен огнем из пасти дракона,
 И бросился наутек, хватая лодки, чтоб скрыться побыстрее.
 А три армии равными шеренгами идут вперед,
 И сотни семей теснятся вдоль дорожка, приветствуя их.
 И уплыли облака, и рассеялся туман, а небо вновь засияло.
 И древний город помолодел и расцвел,
 И люди стоят плечом к плечу в парадных одеждах
 Так, что не протолкнешься, и говорят друг другу:
 — Вечно столица принадлежит родным горам и рекам!²⁷².

²⁶⁸ Cuong muc. T. XX. q. XLVII, c. 62.

²⁶⁹ Дай Цин Гаоцзун чунь хуанди шилу. Цит. по: NCLS. 1974, № 154, с. 29.

²⁷⁰ Hoang Le nhat thong chi, c. 365.

²⁷¹ Nguyen Luong Bich, Pham Ngoc Phung. Tim hieu... c. 238—239.

²⁷² Lich su Viet Nam. T. I, c. 356.

Вступив в Тханглонг, Куанг Чуыг сразу же приказал принять меры к восстановлению в городе порядка и спокойствия. Что же касается дальнейших военных действий, то было принято решение не преследовать отступавшую из Шонтэя группировку, которой командовал У Дацин, но до конца уничтожить основные силы маньчжуров, бежавших из столицы. Эта задача была возложена на ту часть вьетнамского войска, которую возглавлял Лок. Еще в то время, как Куанг Чунг и военачальники Лонг и Бао вели бои под столицей, а Тьет наступал на Хайзыонг, Лок со своими отрядами вошел в район севернее и северо-восточнее Тханглонга и перекрыл дороги, ведущие из столицы к проходу Намкуан на вьетнамо-китайской границе. Именно поэтому Сун Ши, бежавший из Тханглонга, не мог возвращаться тем путем, который привел маньчжуров во Вьетнам. Он был вынужден пробираться к границе по проселочным дорогам, тропам, минуя населенные пункты. А с тыла его все время преследовали отряды Лока.

Французский миссионер Биссашер, находившийся в то время во Вьетнаме, писал, что в отряде, который сопровождал Сун Ши в его бегстве по джунглям и горам Северного Вьетнама, «насчитывалось лишь 40 — 50 человек»²⁷³. Насколько плачевными были дела потерпевшего полное поражение, маньчжурского главнокомандующего, свидетельствуют воспоминания одного из его приближенных: «Я вместе с военачальником (т. е. Сун Ши. — *Авт.*) голодал и испытывал жестокую жажду и не знал, где найти еду и питье. Семь дней мы только и знали, что идти, и только на седьмую ночь достигли Чаннамкуана (т. е. вьетнамо-китайской границы. — *Авт.*)»²⁷⁴.

Убегая из Тханглонга, Сун Ши бросил на произвол судьбы и императорамарионетку Ле Тьеу Тхонга, который не смог переправиться через Красную реку, поскольку наплавной мост уже был разрушен по приказу маньчжурского главнокомандующего. Ле Тьеу Тхонгу пришлось украсть рыбацкую лодку и с трудом преодолеть реку. Он попытался догнать Сун Ши, но тот уходил от преследования с такой поспешностью, что император-предатель встретил главу захватнической армии только в Намкуане, т. е. на вьетнамо-китайской границе. Спасаясь от гнева Тэйшонов, оба драга вьетнамского народа спешно перешли границу.

Победа, одержанная Тэйшонами, укрепила независимость Вьетнама и «навсегда положила конец угрозе захвата со стороны северных феодалов, которая в течение нескольких тысячелетий довлела над вьетнамским народом»²⁷⁵.

Разгром маньчжурского вторжения во Вьетнам завершил первый этап движения Тэйшонов. Начавшееся как проявление антифеодальных настроений крестьян одного района, это восстание вылилось в широкое движение, выражавшее объективные закономерности развития вьетнамского общества в XVIII в., главной из которых была необходимость восстановления единства страны. Однако по мере развития восстания шла на убыль его антифеодальная направленность, и не случайно, что руководители движения сплотили народ для борьбы против маньчжурского нашествия не на антифеодальной платформе, а под знаменем феодального национализма. Поэтому огромное значение восстания Тэйшонов для истории Вьетнама состоит не столько в его антифеодальной направленности, сколько в том, что созданное в результате крестьянского восстания новое феодальное государство сумело восстановить единство страны и защитить вьетнамскую государственность и суверенитет.

²⁷³ Nguyen Luong Bich, Pham Ngoc Phung. Tim hieu... с. 250.

²⁷⁴ Lich su Viet Nam. Т. 1, с. 356.

²⁷⁵ Nguyen Luong Bich, Pham Ngoc Phung. Tim hieu... с. 252.

Глава 2 ГОСУДАРСТВО ТЭЙШОНОВ

Мероприятия Тэйшонов по упрочению независимости и государственной власти

Успехи восстания Тэйшонов в 70-е годы XVIII в., их победа на юге и севере Вьетнама влекли за собой выделение в особый клан руководителей движения, способствовали развитию неизбежного в условиях феодального общества процесса феодализации вождей и их окружения. Внешним проявлением ее было провозглашение Нгуен Няка в 1776 г. правителем (выонгом) Тэйшонов, присвоение Нгуен Хюе и Нгуен Лы, а также группе наиболее крупных военачальников почетных титулов, подобных тем, которые имели вельможи при дворе Ле, Чиней и Нгуенов.

Процесс феодализации руководства Тэйшонов наиболее ярко отразился на деятельности старшего из братьев — руководителей движения — Нгуен Няка. Если на первом этапе восстания Няк проявил себя как довольно способный военачальник и политик, то, став верховным правителем государства, он фактически прекратил активную деятельность, довольствуясь, по словам Куанг Чунга¹, положением и привилегиями центрального выонга. Нгуен Няк не смог подняться до уровня понимания общенациональных задач, поэтому его роль в истории Вьетнама можно ограничить периодом активной деятельности как вождя восстания (1771—1786), а не как выонга Вьетнама (1787—1793). О самоустранении Нгуен Няка от государственных дел после конфликта между ним и Нгуен Хюе говорит такой отрывок из письма выонга, относящегося к 1788 г.: «А я человек мягкий и рассеянный и хочу сохранить за собой только Куиньон и сам себя объявляю западным правителем»².

Полной противоположностью бездеятельному и пассивному центральному выонгу был Куанг Чунг. Несомненно, Куанг Чунг, обессмертивший свое имя великой победой над феодалами Поднебесной, является также одним из ярчайших государственных деятелей в истории Вьетнама. Сын своей эпохи, со всеми положительными и отрицательными чертами предводителя крестьянского выступления в эпоху феодализма, Куанг Чунг смог подняться до уровня выразителя общенациональных интересов. Бесспорным лодтверждением этому наряду с борьбой за независимость страны на полях сражений является и стремление Куанг Чунга провести в Северном Вьетнаме конкретные мероприятия по укреплению центральной власти выонга, по созданию централизованного феодального государства.

Главным звеном в цепи мероприятий, направленных на защиту независимости государства, Куанг Чунг считал нормализацию отношений с Поднебесной, которая исключила бы возможность нового вторжения маньчжурских войск на территорию Вьетнама. Он говорил по этому поводу своим приближенным: «Сейчас мы их разбили. Но если они соберутся снова воевать, нам будет нелегко. Если хотим спокойствия народу и мира стране, нужно временно отложить оружие и взяться за дары»³.

Такое стремление Куанг Чунга было вполне оправданным, поскольку Цянь Лун, узнав о поражении Сун Шии, повелел заменить верховного главнокомандующего южной армии, а также срочно собрать в девяти южнокитайских провинциях войско в количестве 500 тыс. человек и готовиться к новому наступлению на Тэйшонов⁴.

Военные приготовления в южных провинциях Китая стимулировали активизацию антитэйшонских выступлений последователей императора Ле в самом Вьетнаме. Так, шифу Зыонг Динь Туан, едва Ле Тьеу Тхонг успел пересечь китайско-вьетнамскую границу,

¹ Lich su che do phong kien Viet Nam. T. III, c. 321.

² Hoang Xuan Han. La son phu tu. P., 1950, c. 209.

³ Hoa Bung. Quang Trung, anh hung... c. 204.

⁴ Nguyen Luong Bich, Pham Ngoc Phing. Tim hieu ... c. 306.

собрал остатки разгромленной Тэйшонами «армии спасения императора» и захватил Иентхе. В Лангзянге организовал бунт Фам Динь Зат, а его родственник Фам Динь Тян, собрав отряд численностью 500 человек, терроризировал район Возянг. Скрывшиеся после разгрома военачальники армии императора Ле развернули борьбу против Куанг Чунга и организуемого им военно-административного аппарата во многих частях страны — в Нгеане, Киньбаке, Хайзыонге и др. Наиболее активно действовал Ле Зуи Ти, младший брат императора Ле, фактически захвативший Туен-куанг и Баолак. Возникла реальная угроза объединения этих разрозненных бунтов в значительный по масштабам мятеж. Нгуен Хюе хорошо понимал также, что в случае нового вторжения маньчжурской армии эти силы сделают все, чтобы изнутри взорвать установленный Тэйшонами режим. Поэтому самую главную задачу, требующую решения сразу же после освобождения территории Северного Вьетнама, Куанг Чунг видел в предотвращении новой войны, с тем чтобы выиграть время, восстановить разрушенное хозяйство, стабилизировать внутреннее положение и собрать силы для окончательного разгрома Нгуен Аня, вновь вторгшегося в Южный Вьетнам.

Куанг Чунг установил тайные связи с правителями южных провинций Китая, имея в виду использовать их в качестве посредников при переговорах с Цянь Луном. Вскоре после одержанной победы он в этих целях направил к наместнику Гуанси и Гуандуна маньчжур Фукананю одного из своих сподвижников — Нго Тхи Няма. Ням передал китайскому чиновнику письмо Куанг Чунга, а также предложил значительную сумму за содействие в установлении связей с Цянь Луном.

Маньчжурская империя также переживала период значительных внутренних трудностей, и хотя император дал приказ о подготовке нового похода во Вьетнам, но сам он был не прочь договориться с Куанг Чунгом о разрешении конфликта мирным путем.

Вьетнамские историки утверждают, что Цянь Лун дал тайное поручение губернатору Гуанси Тан Сюнье установить связи с Тэйшонами и прозондировать возможность мирной договоренности, разумеется с соблюдением декорума, позволяющего Поднебесной империи «сохранить лицо»⁵.

Так, Сюнье писал в письме к Куанг Чунгу: «Ле Тьеу Тхонг бежал из страны, Поднебесная решила не отдавать ему снова Аньнань. Поэтому, не дожидаясь высочайшего указа, следует послать человека к границе, просить о покровительстве... объявить себя вассалом и запросить инвестицию на правление»⁶.

Куанг Чунг воспользовался этим советом и направил соответствующее письмо Цянь Луну, в котором просил позволения «капитулировать», а также называться вассалом Поднебесной, иными словами, в этом письме руководитель Тэйшонов осуществил свое намерение «отложить оружие и взяться за дары».

Одновременно в знак своего миролюбия и серьезности попыток установить отношения с Китаем на основе добрососедства он возвращал в Гуанси 500 маньчжуров-пленных, захваченных в Тханглонге, и сообщил, что в ближайшее время возвратит оставшихся 200 человек⁷.

Вместе с тем с самого начала переговоров тэйшонский правитель не ставил себя ниже китайской стороны; проявляя стремление к урегулированию вопроса, он в то же время сохранял твердость и отметал любые попытки маньчжуров в той или иной форме поставить Вьетнам в неравноправное положение, навязать ему свою волю.

Начав переписку об условиях мирного урегулирования, Куанг Чунг уехал из Северного Вьетнама в Фусуан. Этот демарш был сделан не случайно. Маньчжуров на переговорах представляли наместник Гуанси и Гуандуна Фуканань и губернатор Гуанси Тан Сюнье; от имени вьетнамской стороны было поручено выступать приближенным Куанг Чунга — Нго Тхи Няму и Фан Хюю Итю. Устанавливая равенство уровня делегаций

⁵ Lich su che do phong kien Viet Nam. T. III, с. 348.

⁶ NCLS. 1966, № 83, с. 46.

⁷ Дай Цин Гаоцзун чунь хуанди шилу. NCLS. 1974, № 154, с. 30.

на переговорах, Куанг Чунг демонстрировал и свое равное с Цянь Луном положение как правителя суверенного государства.

Вьетнамские и китайские хроники того времени⁸ приводят свидетельства того, что Цянь Лун, не без влияния Фуканя и Тан Сюнье, по существу, сразу же согласился с предложениями Куанг Чунга. В опубликованном указе он фактически признавал бесперспективность попыток подчинить Вьетнам военной силой и пытался доказать, что фактом признания Куанг Чунга Поднебесная сможет вновь установить влияние на территории южного соседа.

Летом 1789 г. Куанг Чунг направил к цинскому двору своего, племянника Нгуен Куанг Хиена в сопровождении сановников Ву Хюе Тана, Нго Ви Куй и Нгуен Динь Кы, которые повезли Цянь Луну письмо с просьбой правителя Тэйшонов сделать его «ваном Аньнаня», «чтобы у страны был правитель», и прислать посольство для выполнения обряда вассалитета и решения вопроса о» дани.

Письмо Куанг Чунга Цянь Луну свидетельствовало о незаурядных дипломатических способностях тэйшонского правителя. Куанг Чунг справедливо возлагал ответственность за только что прошедшую войну на маньчжуров, избегая в то же время выпадов против императора и оставляя, таким образом, открытым путь для переговоров.

Известно также, что цинская династия не признавала владения Нгуенов самостоятельным государством, а считала их зависимыми от Ле. Куанг Чунг же в своем письме подчеркнуто выступал как представитель суверенного государства, соседнего с Аньнанем (Северный Вьетнам). Более того, Куанг Чунг указывал на желание народов Северного Вьетнама видеть его своим правителем, иными словами, речь шла о том, чтобы маньчжуры признали и Северный Вьетнам частью суверенного, независимого вьетнамского государства, объединенного под властью Тэйшонов, с центром вне Северного Вьетнама, в Куангнаме, т. е. в той части страны, которую Куанг Чунг считал независимой и суверенной.

Дипломатический демарш Куанг Чунга удался. Цянь Лун счел возможным «забыть» о том, что всегда относился к государству Нгуенов как к вассалу Ле. «Я, император,— говорится в указе Цянь Луна,— ознакомился с содержанием твоего письма, из которого следует, что земля Куангнама — ваша исконная и что вы не подчинялись Ле, что ваши отношения не были отношениями вассала и господина»⁹.

Однако в целях сохранения престижа и демонстрации вассальной зависимости от Поднебесной Цянь Лун выдвинул два условия, при соблюдении которых Куанг Чунг мог получить титул вана: построить на территории Северного Вьетнама храм в честь полководца Сюй Шихэна, погибшего во время вторжения во Вьетнам в 1788—1789 гг., и ежегодно отмечать в этом храме день его смерти; приехать в 1790 г. в столицу Цинской империи на празднование 80-летия маньчжурского правителя»¹⁰. Куанг Чунг принял эти два условия, с тем чтобы быстрее решить вопрос с инвеститурой и урегулировать отношения с Китаем.

Осенью 1789 г. Цянь Лун направил в Тханглонг высокопоставленного чиновника из Гуанси, чтобы вручить Куанг Чунгу печать «Аньнань го-вана», т. е. утвердить его на престоле бывшего государства Чиней — Ле. В этом акте цинская династия делала уступку Куанг Чунгу, поскольку первоначально церемонию вассалитета имелось в виду устроить весной следующего, 1790 г., когда Куанг Чунг должен был приехать в Китай. Однако тэйшонский вождь не согласился с этим предложением, заявив, что «никогда еще церемония установления вассалитета не устраивалась с небрежностью посреди дороги», и «потребовал следовать старым традициям нашей страны, в соответствии с которыми

⁸ Подробно об этом см. монографию Г. Ф. Мурашевой Вьетнамо-китайские отношения XVII—XIX вв. М., 1973.

⁹ Цит. по: Г. Ф. Мурашева. Вьетнамо-китайские отношения... с. 98.

¹⁰ Lich su che do phong kien Viet Nam. Т. III, с. 349.

церемония вассалитета устраивалась на ее территории»¹¹. Маньчжурский двор был вынужден уступить вьетнамскому монарху. Но Куанг Чунг потребовал новой дипломатической и церемониальной уступки от Цянь Луна. Он потребовал, чтобы официальный акт установления вассалитета был проведен не в Тханглонге, как это делалось прежде, а в Фусуане. В письме к Фукананю Куанг Чунг писал, что ряд причин побуждает его настаивать на этом: «город Тханглонг потерял чистоту», и то, что он «едва проделал этот путь и не может себя заставить вновь проделать это», и то, что у него есть сведения о том, что «сотни каких-то неведомых судов грабят и терроризируют приморские районы, почему он и поспешил в Фусуан, чтобы подготовиться к обороне»¹². В конце концов Куанг Чунг заставил своего племянника Фам Конг Чы надеть одежды правителя, загримироваться и «сыграть роль» Куанг Чунга во время официального акта установления вассалитета, организованного все же в Тханглонге¹³.

Вьетнамские историки утверждают, что Фам Конг Чы сыграл роль еще один раз, когда в Китай было направлено посольство на празднование 80-летия Цянь Луна и Куанг Чунг, ссылаясь на то, что ему нужно было похоронить мать, отказался ехать в Пекин. Неизвестно точно, знали ли о такой подмене китайцы, но тем не менее они устроили вьетнамскому лжевану пышную встречу¹⁴. От границы до столицы вьетнамских послов сопровождал сам наместник Гуанси и Гуандуна Фуканань. Специальным указом ему разрешалось взять из казны Гуандуна 8 тыс. лян серебра для встречи и проводов вьетнамского вана. Когда пребывание «Куанг Чунга» в Китае подходило к концу, стало известно, что расходы на его содержание составляли 4 тыс. лян в день, а поскольку срок пребывания вьетнамцев в Китае был определен в 200 дней, то оказалось, что казна Циней заметно пострадала, причем, как было установлено, львиную долю этих средств присвоили сопровождавшие посольство китайские чиновники.

Цянь Лун сам лично осыпал лже-Куанг Чунга различными милостями: в честь его устраивались пиры, ему дарили царские одежды с желтым поясом (прежние вьетнамские правители имели право носить лишь красный пояс), император жаловал «вану Ань-наня» стихи собственного сочинения с добрыми пожеланиями и пр.

Эти действия Цянь Луна, а также и другие его акты в отношении Куанг Чунга свидетельствуют о том, что цинский император хотел обеспечить лояльность нового «вассала». Последний, со своей стороны, рассматривал установление вассалитета и получение инвеституры как важный шаг в недопущении новой войны, в обеспечении определенного периода, в течение которого можно было решать внутренние дела всего Вьетнама, не опасаясь угрозы с севера.

В свете этого важное значение имел фактический отказ Цянь Луна от поддержки устремлений императора-эмигранта Ле и его приближенных вернуться на родину. По мере того как шло улучшение отношений с Куанг Чунгом, Цянь Лун охладевал к Ле и его окружению, находившимся на территории Китая. Сначала был указ императора поселить все окружение Ле в столице. Затем последовал другой указ, в соответствии с которым лишь 100 человек во главе с Ле Тьеу Тхонгом направлялись в столицу, где они были включены в состав привилегированных восьмизнаменных войск, остальных распределили по провинциям страны и также определили на военную службу¹⁵.

Без ответа была оставлена и просьба Ле Тьеу Тхонга помочь ему получить в управление области Туенкуанг и Хынгхоа либо разрешить вернуться в Ядинь, где Ле намеревался объединить усилия с Нгуен Анем в борьбе против Тэйшонов. По-видимому, эти требования были очень настойчивыми, поскольку император Цянь Лун даже отдал

¹¹ Там же, с. 349.

¹² Lich trieu tap ky.

¹³ Дай Цин Гаоцзун чунь хуанди шилу.

¹⁴ Ch. Maybon. Histoire moderne de pays d'Annam (1592—1920). P., 1920, с. 321. Французский историк Мэйбон утверждает, что Куанг Чунг направил в Китай своего двойника, а потом убил его.

¹⁵ Г. Ф. Мурашева. Вьетнамо-китайские отношения... с. 100.

приказ заточить в темницу «за непослушание» одного из членов семейства Ле — Ле Куиня, а также сообщить об этом факте Куанг Чунгу: «Когда ван Аньнаня услышит об этом, он будет доволен»¹⁶.

Другим важным событием, показывающим уступчивость Цянь Луна требованиям Куанг Чунга, была отмена старого обычая присылать из Аньнаня в Поднебесную дань в виде статуи, отлитой из золота. В 1789 г. Куанг Чунг направил Цянь Луну специальное письмо по этому поводу, в котором, в частности, говорилось: «Обычай платить дань статуей золотого человека не было ни в древности, ни при Хань, Тан и Сун. Просим этот обычай пересмотреть и освободить нас от уплаты»¹⁷.

Цянь Лун приказал удовлетворить эту просьбу Куанг Чунга и издал специальный указ, освобождавший Аньнань от уплаты дани золотом и серебром: «Что касается лекарственных трав, то... пусть присылают их сколько могут. Что касается шелковых тканей, то их надо продолжать поставлять, но здесь также не надо строго придерживаться установленного порядка... Ибо мы больше всего ценим намерения вана, нежели состав и количество дани»¹⁸.

В 1792 г. Куанг Чунг запросил Китай установить сроки, в которые надо было присылать дань, и сам предложил Цянь Луну новый порядок, в соответствии с которым даннические миссии должны были направляться в Китай раз в два года¹⁹. По-видимому, такое предложение вьетнамцев объяснялось тем, что внутреннее положение в стране в это время осложнилось, к тому же во Вьетнаме начинает ощущаться французское вмешательство. Куанг Чунг в этих условиях хотел продемонстрировать свою связь с могущественной Поднебесной в качестве своеобразного предостережения Нгуен Аню и французам, вмешивающимся во внутренние дела Вьетнама.

Анализируя мероприятия Куанг Чунга по нормализации отношений с Поднебесной, вьетнамские историки делают вывод о том, что он «постоянно действовал с позиций победившей страны. Маньчжуры относились к Куанг Чунгу с уважением и неоднократно уступали ему... При Куанг Чунге авторитет Вьетнама возрос. Это был результат славной победы над захватчиками в начале 1789 г. и реальной силы, которая была у Куанг Чунга»²⁰.

В качестве определенного подтверждения вывода о «реальной силе» Куанг Чунга вьетнамская историография приводит сведения о его намерении возратить семь уездов, принадлежавших некогда чану Хынгхоа и отторгнутых маньчжурами. По этому вопросу, говорится в «Истории феодального общества во Вьетнаме», тэйшонский правитель начал переписку с заместителем провинций Гуандун и Гуанси. Вместе с тем он полагал, что вряд ли «возможно вернуть украденное путем переговоров, и активно готовил силы, чтобы, опираясь на них, вернуть потерянное»²¹. В этих целях Куанг Чунг, в частности, установил тайные связи с обществом «Небо и земля», нелегально действовавшим против маньчжуров в южнокитайских провинциях, имея в виду при удобном случае объединиться с ними и вернуть Вьетнаму указанные семь уездов, включенных маньчжурами в юго-восточный район Китая²². Вооруженные отряды этого общества, которые во Вьетнаме называли «Тау-о», получали от Куанг Чунга продовольствие, а также уходили на территорию Вьетнама для переформирования и т. п. Эти связи были настолько законспирированы, что только после смерти Куанг Чунга маньчжуры узнали о них. В 1797 г. им удалось захватить одного из вождей «Тау-о», который признался, что Куанг

¹⁶ Дай Цин Гаоцзун чунь хуанди шилу.

¹⁷ Hoa Bung. Quang Trung, anh hung... с. 297.

¹⁸ Г. Ф. Мурашева. Вьетнамо-китайские отношения... с. 103.

¹⁹ Там же, с. 103.

²⁰ Lich su che do phong kien Viet Nam. Т. III, с. 350.

²¹ Там же, с. 350.

²² Dai Nam chinh bien liet truyen, q. XXX.

Чунг предоставил им в свое время 100 малых военных судов, а также направил к ним 12 военачальников²³.

Историк Хоа Банг утверждает, что в 1792 г. Куанг Чунг, исходя из того, что обстановка в Южном Китае складывается благоприятно для реализации его замыслов, направил в Китай Ву Ван Зунга, который вез послание, содержащее два предложения: отдать за него замуж маньчжурскую принцессу и вернуть Вьетнаму территорию Гуанси и Гуандуна, как некогда принадлежавших этой стране. Хоа Банг приводит данные о том, что Цянь Лун будто бы не возражал против того, чтобы Куанг Чунг женился на маньчжурской принцессе и взял в качестве ее приданого провинцию Гуанси. И только смерть Куанг Чунга (16 сентября 1792 г.²⁴) помешала осуществлению этого брака.

Проводя курс на установление добрососедских отношений с могущественным северным соседом, Куанг Чунг добился серьезных успехов, по существу обеспечивавших государственную независимость Вьетнама от Поднебесной. Сохранявшийся чисто внешний декорум вассалитета был сведен до минимума и использовался Куанг Чунгом как форма для дипломатических акций в отношении Китая, осуществляемых им, по сути дела, как равноправным партнером Цянь Луна. Это был новый элемент во вьетнамско-китайских отношениях, продолжавший на арене внешних связей ту линию на сохранение независимости, которая проявилась в борьбе вьетнамского народа против маньчжурского нашествия.

Осуществляя комплекс внешнеполитических мероприятий, направленных на предотвращение нового вторжения маньчжурских войск на территорию Вьетнама и добиваясь добрососедских отношений с Китаем, Куанг Чунг одновременно начал решительную борьбу против оставшихся в стране сторонников императора Ле. Помимо крупных феодальных чиновников, в том числе членов бывшей императорской семьи, на стороне бежавшего в Китай императора выступало и значительное число ши-фу (конфуцианских ученых) Северного Вьетнама. «Руководствуясь классовым сознанием и идеологией „слепой верности“, немалое количество ши-фу выступало против Тэйшонов либо отказывалось от сотрудничества с ними. В этом была одна из трудностей, стоящих перед Куанг Чунгом»²⁵. Именно ши-фу, которые имели большое влияние в дельте Красной реки, были опорой бывших военачальников и гражданских куанов императора Ле, мечтавших о реставрации и подымавших мятежи во многих районах Северного и Центрального Вьетнама.

Феодалы, выступавшие за восстановление власти Ле, сумели привлечь на свою сторону некоторых племенных вождей из горных чанов Вьетнама, установили через них связи с Нгуен Днем и Сиамом, мечтавшим взять реванш за поражение в Южном Вьетнаме²⁶. В 1789 г. возникла реальная опасность блокады государства Тэйшонов: на севере действовали феодалы-мятежники во главе с Ле Зуи Ти; с юга и со стороны моря угрожал Нгуен Ань, вновь высадившийся на юге страны во время междоусобной борьбы Нгуен Няка и Нгуен Хюе; на западе собирали силы сиамцы и государство Вьентьян (на территории нынешнего Лаоса). Для организации подавления внутренних мятежей Куанг Чунг приказал в 1790 г. незамедлительно составить списки рекрутов, причем один из каждых трех записанных сразу же призывался в армию. Спешно строились небольшие военные корабли. В начале 1791 г. в государство Вьентьян и в Сиенкуанг (Чаннинь) были направлены лазутчики, чтобы доносить о ходе военных приготовлений, проводимых правителями этих областей²⁷.

Поводом для начала активных действий Тэйшонов против мятежников было восстание, поднятое в провинции Нгеан одним из сторонников Ле — Чан Фыонг Бинем.

²³ Дай Цин Гаоцзун чунь хуанди шилу.

²⁴ Hoa Bung. Quang Trung, anh hung... с. 128—131.

²⁵ NCLS. 1975, № 162, с. 42.

²⁶ Nguyen Luong Bich, Pham Ngoc Phing. Tim hieu... с. 318.

²⁷ Hoang le nhat thong chi, с. 373.

Куанг Чунг отдал приказ новым властям подавлять сопротивляющихся в любом месте, где они проявляют какую-либо активность.

Первый удар был нанесен против феодалов-мятежников, действовавших на севере. Ле Зуи Ти и его единомышленники были схвачены и казнены в Фусуане. Вскоре было подавлено и выступление антитэйшонских сил в чане Нгеан, откуда сильный отряд из армии Куанг Чунга двинулся на запад и в течение лета 1791 г. захватил Чаннинь, Чинькао и Куихоп, а в десятом месяце того же года вторгся в пределы государства Вьентьян. Армия короля Вьентьяна была наголову разгромлена, и Тэйшоны подошли к границе Сиама.

В то же время государство Камбоджа, поддерживавшее дружественные отношения с Тэйшонами, начало военные приготовления, чтобы оказать помощь Куанг Чунгу, если он начнет войну против Сиама или активизирует действия против Нгуен Аня в Зядине. В складывающейся обстановке Сиам не решился начать военные действия против Тэйшонов. Что же касается положения Нгуен Аня, то, по свидетельству миссионера Лабусса, все французы и португальцы, находившиеся в лагере этого феодального правителя, «начали искать пути к тому, как бы убежать из Вьетнама».

В результате разгрома государства Вьентьян и подавления основных феодальных мятежей Тэйшоны сорвали попытки создания антитэйшонского союза внешних и внутренних феодальных сил. В результате успешных военных действий на западе, а также во внутренних горных районах страны Куанг Чунгу удалось полностью стабилизировать положение в Северном Вьетнаме и приступить к решению экономических проблем, а также к подготовке сил для борьбы против основного противника — Нгуен Аня, захватившего к этому времени важную часть Южного Вьетнама — Зя-динь. В этих целях он, в частности, приказал 30-тысячному отряду, находившемуся на территории Вьентьяна, вернуться в начале 1792 г. во Вьетнам.

После победы над маньчжурскими захватчиками армия Тэйшонов стала сильнейшей на Индокитайском полуострове. Это было мощное объединение ветеранов, прошедших в боях и походах свыше десятилетия, и молодых солдат, набранных в соответствии с утвержденными Куанг Чунгом правилами. Армия Тэйшонов отличалась высоким боевым духом, сплоченностью, хорошей дисциплиной²⁸. Эту ее особенность отмечали и зарубежные миссионеры, находившиеся в то время во Вьетнаме, в ставке Нгуен Аня.

Именно армия была на всем протяжении движения Тэйшонов главной опорой его руководителей, первоначально как вооруженное ополчение крестьян, затем как регулярное образование общенационального значения, а после победы над маньчжурами как инструмент в руках феодального государства для защиты независимости и для подавления оппозиции внутри страны. Не случайно поэтому, что Куанг Чунг уделял значительное внимание укреплению армии, упорядочению набора в ее ряды и т. п.

На первом этапе движения армия Тэйшонов была плохо вооружена. По свидетельству Пиньо де Беэна, епископа Адранского, одно ружье приходилось на пять солдат, пушки были только на судах, а в сухопутных частях орудий не было²⁹. Однако в 1796 г., во время борьбы с маньчжурами, Тэйшоны уже были вооружены «огнемечущими трубками», имели много пушек и ружей. Это говорит о том, что Куанг Чунг обращал серьезное внимание на техническое оснащение армии. И в этом отношении она не уступала ни сиамскому войску, ни вооруженным силам маньчжуров.

Структура тэйшонской армии была традиционной, т. е. состояла из пяти корпусов: центрального, левого, правого, авангарда и арьергарда. После победы над маньчжурами у Куанг Чунга было 100-тысячное войско. Ставя перед собой задачу создать воинские части; способные не только противостоять Нгуен Аню, но и сорвать его попытку вернуться во Вьетнам, Куанг Чунг создал еще несколько крупных воинских

²⁸ Nguyen Luong Bich, Pham Ngoc Phing. Tim hieu... с. 340-341.

²⁹ A. Fayre. Les Francais en Cochinchine au XVIII-e siecle. P., 1891, с. 81.

подразделений, расквартировав их по провинциям³⁰. В 1790 г. он издал указ о новой форме составления списков, на основании которых происходил набор в армию. Все мужское население в государстве было поделено на четыре разряда:

1. Допризывники включали мальчиков и юношей с 9 до 17 лет;
2. Годные для службы — с 18 до 55 лет;
3. Пожилые — с 56 до 60 лет;
4. Ветераны — с 61 года.

Каждому занесенному в списки выдавался особый знак, на котором были нанесены основные данные о владельце. Он предъявлялся по первому требованию властей. Если знака не было, человека либо серьезно штрафовали, либо ссылали в горные и лесные районы.

Порядок набора рекрутов был обычным: в случае необходимости из трех внесенных в списки в армию уходил один человек. Наборы в войско проводились, как правило, в масштабах хюена, для чего в этой административной единице была введена специальная должность «воинского начальника»³¹.

Куанг Чунг установил принципиально новый порядок внесения в списки мужского населения государства. В отличие от прежних времен, когда в эти списки регистрировались лишь крестьяне и другие слои трудового населения, при Тэйшонах в рекрутские ведомости вписывались все без исключения мужчины, невзирая на их социальное или служебное положение³². Обязательность постоянного ношения с собой введенных знаков принадлежности к тому или иному возрастному разряду позволяет рассматривать это нововведение как важный полицейский инструмент, призванный в конечном счете выявлять всех тех, кто по той или иной причине уклоняется от несения государственных повинностей вообще, а не только от несения службы в армии.

После победы над Чинями административный аппарат в государстве Тэйшонов оставался очень громоздким. Один из известных деятелей того времени, Нгуен Тхиеп, отмечая это обстоятельство, подчеркивал: «Тот или другой чин неодинаковы по устройству. Чем больше чиновников, тем больше беспокойства для народа. Приспосабливаются к обстоятельствам, работают то так, то сяк; нет узды на их самоуправство»³³.

Куанг Чунг в основном сохранил административное деление, установленное при Чинях — Ле. Изменения коснулись лишь чана Шоннам, который при Чинях был разделен на две префектуры. Куанг Чунг превратил эти префектуры в два самостоятельных чана. Точно так же были образованы два чана — внешний Тханьхоа и внутренний Тханьхоа — вместо одного, ранее существовавшего. Указанные мероприятия были проведены для того, чтобы укрепить административную и военную власть в чанах, бывших некогда опорой как для Чиней, так и для Ле.

По совету одного из своих военачальников, Нго Тхи Няма, Куанг Чунг определил наместниками в наиболее важные области своих сыновей. Так, в область Бактхань (с центром в Тханглонге, который также стал именоваться Бактхань) был назначен старший сын Куанг Чунга — Куанг Тхюи. Такие назначения были направлены на достижение централизации государственной власти и на укрепление личного авторитета выонга во всех уголках государства. Наместники — родственники Куанг Чунга, по существу, не имели никаких прерогатив власти, кроме титулов, соответствующих их положению. Будучи членами семьи правителя, они не имели права превращать отданные им в управление районы в вотчины, налог с которых шел бы им лично, и т. д.

Во главе каждого из 12 чанов Северного Вьетнама стояли военный губернатор и гражданский правитель-куан, во главе хюена — гражданский правитель-куан и воинский

³⁰ Hoa Bung. Quang Trung, anh hung... с. 274.

³¹ Lich su che do phong kien Viet Nam. Т. III, с. 333.

³² Van Tan. Cach mang Tay Son, с. 168—169.

³³ Lich su che do phong kien Viet Nam. Т. III. с. 327.

начальник, которому подчинялись еще два военных куана. В тонге был староста тонга, в общине — общинный староста, которые исполняли административные функции.

Сохраняя традиционную форму подбора чиновников в государственный аппарат через систему конкурсных экзаменов, Куанг Чунг в то же время не отказался от назначения чиновников на тот или иной пост по личной «рекомендации» либо в качестве проявления «благоволения» со стороны властей. При всех издержках этого метода, объективно таившего в себе зародыши взяточничества, коррупции и других негативных явлений, присущих феодальному бюрократическому аппарату, он давал Куанг Чунгу возможность на первом этапе его государственной деятельности подобрать по личному усмотрению нужных ему людей, привлечь некоторых чиновников из прежнего государственного аппарата, существовавшего при Чинях — Ле. Например, известный в государстве Чиней ши-фу Чан Ван Ки примкнул к восстанию на начальном его этапе и скоро стал личным доверенным секретарем выонга Северного Вьетнама.

Во время похода в Северный Вьетнам в 1788 г. Нгуен Хюе (Куанг Чунг) привлек на свою сторону таких известных в Тханглонге ши-фу, как Нго Тхи Ням, Фан Хюи Ить, Ву Хюи Тан, Нгуен Ня и др., которые впоследствии стали основными проводниками внешней политики Куанг Чунга, особенно в отношениях с Китаем. В «совет благородных», созданный Куанг Чунгом в резиденции выонга в Нгеане в 1791 г., также входили такие известные ши-фу, как Нгуен Тхиеп, Нгуен Конг, Нгуен Тхиен³⁴. В 1791 г. Куанг Чунг расширил систему «рекомендаций», поручив Нгуен Тхиепу ежегодно «проверять мораль, способности, прилежание и умение тех людей, которые хорошо и старательно учатся», чтобы вербовать из них чиновников³⁵.

Привлечение к службе чиновников из аппарата Чиней — Ле было вынужденной мерой для Куанг Чунга. Хотя самые лучшие из них сумели принять программу нового правителя Северного Вьетнама и оказали ему помощь в выполнении тех задач, которые он ставил, но существовали и такие, кто, будучи вовлеченным в новую администрацию, не только не поддерживал ее, но, напротив, делал все, чтобы подорвать авторитет и власть Тэйшонов. Свидетельством тому являются мятежи сторонников Ле, поддержанные чиновниками старой администрации, сохраняющими свои посты на низовых ступенях новой феодально-бюрократической иерархии.

Государство Тэйшонов во Вьетнаме просуществовало полтора десятилетия. Процесс его развития не выходил за общие, присущие всем победившим крестьянским восстаниям эпохи феодализма рамки. Вместе с тем следует подчеркнуть ту особенность, что за этот период, по существу, постоянно велись военные действия. Сначала восставшим крестьянам, затем всему народу приходилось отстаивать свои завоевания, право на независимость от посягательств внутренних и внешних феодальных группировок.

Содержание мероприятий, проводимых Куанг Чунгом как в период подготовки к отражению маньчжурской агрессии, так и; после победы, отвечало прежде всего задачам укрепления военного могущества государства. Такова была объективная необходимость, продиктованная обстановкой, складывающейся в то время на Индокитайском полуострове. Это обстоятельство наложило отпечаток на характер государства Тэйшонов. По существу, это было военно-феодальное образование, сложившееся в результате крестьянского восстания, закономерной феодализации его верхушки и мобилизации всего населения на вооруженную борьбу против внутреннего и внешнего врага.

Социально-экономические мероприятия государства Тэйшонов

Отдавая большую часть времени мероприятиям, направленным на обеспечение независимости государства, Куанг Чунг в то же время пытался осуществить ряд шагов,

³⁴ Там же, с. 330.

³⁵ Там же.

которые способствовали бы стабилизации хозяйства страны. Свои основные цели он изложил в специальном «Обращении к крестьянам», в котором подчеркнул настоятельную необходимость восстановления сельскохозяйственного производства. «Какое-то время в нашей стране,— отмечал он,— бушевала война, много земель превратилось в пустоши, а налоги составляли только четвертую или пятую часть от прежних. Сейчас в государстве наступил мир, и необходимо покончить с бродяжничеством крестьян; необходимо обрабатывать заброшенные земли. Надо сделать все, чтобы бродяги и тунеядцы вернулись на землю»³⁶.

Таким образом, программа восстановления сельскохозяйственного производства, выработанная Куанг Чунгом, предусматривала выполнение двух взаимосвязанных задач: возвращение крестьян на землю и обязательная обработка заброшенных земель и целины.

В этих целях Куанг Чунг издал указ самым строжайшим образом разыскивать бродяг и «чужаков» по волостям и возвращать их для жительства и обработки земли по месту рождения. Исключение составляли лишь те «чужаки», семьи которых проживали в данной общине не менее трех поколений. В этом случае их вносили в общинные списки и они не подлежали возвращению в родные места. Если какая-либо община скрывала беглых крестьян, то общинный староста и сам беглый подвергались суровому наказанию. Даже те, кто находил убежище в буддийских храмах, были обязаны отказаться от «пострижения» и возвратиться к крестьянскому труду³⁷.

В «Обращении к крестьянам» Куанг Чунг указывал общинным старостам на необходимость как можно скорее ликвидировать пустоши: «Общинные и частные земли, доселе заброшенные, должны быть снова обрабатываемыми землями»³⁸.

В сентябре 1789 г. Куанг Чунг приказал общинным старостам составить точные списки всех мужчин общины, в которых ясно указать количество вернувшихся бродяг, площадь пустующих и обработанных земель. На основе этих рапортов государство имело в виду определить сроки ликвидации всех заброшенных земель в каждой общине. Если же по истечении этого времени в общине оставались необработанные земли, то, как указывалось в эдикте, «коль скоро это общинные участки, то в соответствии с установленным порядком увеличить ставку взимаемого с них поземельного налога; если же это частные земли, то изъять их и передать общине и взимать с них налог как с общинных земель»³⁹.

Под действие этого указа попадали также и те земли, которые Тэйшоны конфисковали у сторонников бывшего императора Ле и участников подавленных феодальных мятежей. Так, в самом начале 1789 г., после разгрома маньчжурской армии, отряд Тэйшонов конфисковал землю и имущество у богатого ши-фу Нго Чонг Кхюе (из пров. Хадонг), а самого его арестовал⁴⁰.

В. И. Ленин указывал, что «при борьбе крестьян с крепостниками-помещиками самым сильным идейным импульсом в борьбе за землю является идея равенства,— и самым полным устранением всех и всяких остатков крепостничества является создание равенства между мелкими производителями»⁴¹. В начале движения Тэйшонов мы могли проследить действие этого импульса, нашедшего выражение в лозунге «захватывать имущество богатых и делить его среди бедных». Однако современные вьетнамские историки отмечают, что после вступления Тэйшонов в Северный Вьетнам (т.е. после образования государства Тэйшонов) их вожди уже по-другому относились к этой проблеме⁴². Можно утверждать, что осуществлялась конфискация земель,

³⁶ «Van Su Dia». 1954, № 14.

³⁷ Lich su che do phong kien Viet Nam. Т. III, с. 337.

³⁸ Minh Tranh. Phong trao nong dan the ky XVIII. с. 20—21.

³⁹ «Van Su Dia». 1956, № 14.

⁴⁰ NCLS. 1975, № 162, с. 40.

⁴¹ В. И. Ленин. Сила и слабость русской революции.— Т. 15, с. 226.

⁴² NCLS. 1975, № 162, с. 40.

принадлежавших крупным феодалам и ши-фу, сторонникам Чиней и Ле, но нет достоверных данных о том, распределялась ли она среди крестьян, как это было на первом этапе движения.

Стихийное стремление крестьян к «созданию равенства между мелкими производителями», выразителями которого на первом этапе восстания были его вожди, уступило место интересам фео-дализовавшихся руководителей государства Тэйшонов.

Борьба против «старых» землевладельцев, феодальных чиновников отнюдь не означала, что Куанг Чунг вообще ликвидировал частное землевладение. Государственный аппарат, созданный Куанг Чунгом, представлял собой большую армию чиновников-куанов, которые набирались из вчерашних предводителей и военачальников восставших крестьян, а также из тех ши-фу и чиновников аппарата Ле, которые перешли на сторону Тэйшонов. Складывалась новая правящая группировка, имевшая свои феодальные права и привилегии. Эти «новые феодалы-чиновники» эпохи Куанг Чунга обычно получали в виде пожалований за службу «в кормление» некоторое количество общин и занесенных в списки крестьян. Так, Фан Хюи Ить, один из близких к Куанг Чунгу людей, получил 16 солдат запаса, а затем еще 15 внесенных в кадастровые списки крестьян. Нгуен Тхиеп, которого Куанг Чунг очень ценил, имел право собирать для себя лично налог с общины Нгуэтао (пров. Хатинь). В одном из писем к Куанг Чунгу в 1789 г. Нгуен Тхиеп просил дать ему одну общину, чтобы деньги, которые община выделяет на пропитание рекрутов, шли ему в виде кормления. Несколько лет спустя, в 1792 г., после смерти Куанг Чунга, тот же Нгуен Тхиеп писал его сыну, чтобы ему была дана возможность «собирать налог или дана бы община в кормление на покое»⁴³. Сохранялись и все частные земли, кроме заброшенных. Проводя раздачу деревень или права взимать налог с определенного числа крестьян, государство рассматривало это как вознаграждение определенному лицу за определенную службу, которое не может передаваться по наследству. Сам размер этих временных пожалований сократился. Если в XV в. куан мог получить за службу тысячу мау, то в XVIII в. наделы сократились до 50 мау в Южном Вьетнаме и до 10 мау и менее в Северном Вьетнаме⁴⁴. По-видимому, Куанг Чунг ограничивал количество частных земель, однако невозможно сделать вывод относительно того, как широко распространилась система кормлений и какие мероприятия по недопущению превращения их в частную собственность он осуществлял. Можно только предположить, что этот процесс как с той, так и с другой стороны не получил достаточного развития, ибо период преобразований, осуществляемых Куанг Чунгом внутри страны, был весьма кратким, протекал, по существу, в условиях военных действий. Все это придавало указанным реформам характер реакции на самые насущные требования времени, делало их недостаточно глубокими.

Таким образом, в государстве Тэйшонов составление кадастровых списков и учет земель, раздел всего мужского населения страны по разрядам означали, по существу, прикрепление крестьян к земле. Ответственность за обработку земли, как в форме внеэкономического принуждения, так и посредством применения экономических санкций (увеличение ренты-налога), возлагалась на общину как на основную социально-экономическую единицу государства.

Попытка перехода к аграрным отношениям по принципу община—государство, по крайней мере на первых порах, возможно, давала экономический эффект и приводила к ликвидации недовольства крестьянства. В 1791 г., например, урожай был обильным и в 5 чанах из 10 всей страны царил покойствие⁴⁵. Но более вероятно, что для крестьянской массы, жившей по передававшейся из поколения в поколение привычке к подчинению, никогда не выходившей «за пределы ближайших местных отношений и связанного с ними

⁴³ Lich su che do phong kien Viet Nam. T. III, c. 329.

⁴⁴ Там же, с. 338.

⁴⁵ Там же, с. 329.

узкого местного горизонта»⁴⁶, всякое, пусть временное, уничтожение гнета и принуждения со стороны местного чиновника-феодала (а именно такую политику, как мы видели выше, проводили вначале Тэйшоны) было само по себе благом.

В этом смысле политика Куанг Чунга, пытавшегося создать экономическую опору государства в виде общины как низовой производственной единицы и в конечном итоге в виде мелкого крестьянского хозяйства в рамках данной общины, временно могла обеспечить крестьянину такие минимальные условия существования, которые за три года мирного правления Куанг Чунга, разумеется, не могли вызвать недовольства крестьянской массы. Не случайно в многочисленных донесениях европейских миссионеров, в общем настроенных негативно по отношению к Тэйшонам, нет каких-либо данных о противодействии крестьян политике Куанг Чунга в Северном Вьетнаме. Более того, европейцы, побывавшие во Вьетнаме в начале XIX в., уже после свержения власти Тэйшонов, отмечают, что их правление «было гораздо более популярным», нежели власть династии Нгуенов, установившаяся в 1802 г.

Анализируя аграрную политику Куанг Чунга, историки Социалистической Республики Вьетнам делают вывод: «Политика династии Тэйшонов не ставила задачи уничтожения класса помещиков и не нанесла сильного удара по его экономической базе, за исключением ряда определенных мероприятий в отношении помещиков, выступивших против новой власти. Тем не менее политическая атмосфера и социальные условия того периода ясно говорят, что они не благоприятствовали укреплению и развитию помещичьего землевладения»⁴⁷.

Мероприятия по возвращению крестьян на землю и по увеличению площадей обрабатываемых земель, а также реализация указа Куанг Чунга относительно составления списков мужского населения страны создавали основу для нормализации работы фискальных органов государства.

Форма получения земельного налога оставалась традиционной. Все общинные земли подразделялись на три категории в зависимости от их качества. С участков, относящихся к первой категории, налог взимался в размере 150 батов риса с 1 мау, второй категории — 80 батов, третьей — 50 батов с 1 мау.

Размер земельного налога имеет важнейшее значение для ответа на вопрос, какие преимущества по сравнению с периодом правления прежнего феодального клана, свергнутого в результате восстания, получили крестьяне, являвшиеся его движущей силой. Известно, что в период правления Чиней в соответствии с указом 1670 г. с общинных земель взимался натуральный налог в размере 30 тхангов с каждого мау. Отсутствие данных о точном соотношении мер сыпучих тел «тханг» и «бат» не позволяет, в том числе и современным вьетнамским историкам, сделать определенный вывод о разнице между размером натурального налога, установленного Куанг Чунгом, и налога, принятого в период правления Чиней. Если взять за основу утверждения хрониста Фан Хюи Итя, считавшего, что 1 тханг равнялся 7 батам, а также традиционное понимание того, что 1 тханг больше 1 л, а 1 бат меньше, можно согласиться с тем, что размер натурального налога с общинных земель при Куанг Чунге был ниже, чем при Чинях. В то же время налоговая ставка в денежном выражении с каждого мау общинных земель вне зависимости от их качества оставалась на том уровне, какой был при Чинях—1 тиен 50 донгов⁴⁸.

Частные земли также делились на три категории — по плодородию. Налоги с них взимались по-прежнему по более низкой ставке, чем с общинных земель: с полей первой категории — 40 батов с 1 мау, второй — 30 батов и третьей — 20 батов с 1 мау⁴⁹.

⁴⁶ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии.— Т. 7, с. 347.

⁴⁷ NCLS. 1975, № 161, с. 51.

⁴⁸ Dai Nam chinh bien liet truyen. q. XXX, с. 41.

⁴⁹ Van Tan. Cach mang Tay Son, с. 165.

Эта же тенденция прослеживается и в правилах денежного сбора с частных земельных участков, который был (хотя и немного) ниже налога с общинных земель и равнялся 1 тиену 30 донгам⁵⁰.

Куанг Чунг также отменил льготы на выплату налогов с частных и общинных земель в чанах Тханьхоа и Нгеан, которыми эти административные единицы, являвшиеся «родовыми» для семейства Чиней, регулярно пользовались во время их правления. Такой шаг был вызван необходимостью борьбы против феодалов — сторонников Чиней, ликвидации социально-экономической основы для возникновения мятежей «старых» куанов и ши-фу. Вместе с тем получение натурального и денежного налогов с самых плодородных чанов Северного Вьетнама способствовало достижению экономической стабильности в государстве, к чему стремился Куанг Чунг.

Что касается подушного налога, то Куанг Чунг ликвидировал разнообразные его виды, сохранявшиеся в период правления Чи-ней (1789 г.), и ввел единую подать, которую должен был выплачивать каждый внесенный в кадастровый список мужчина. В отличие от Чиней, взимавших подушную подать в смешанной — денежной и натуральной — форме (ежегодно 1 куан 2 тиена и 4 ба-га риса), Куанг Чунг определил, что подушный налог взимается только в денежной форме и составляет 1 куан 2 тиена.

Прямое отношение к налоговой политике государства Тэйшонов имел и указ 1789 г. об учете земель и разделе всех налогоплательщиков на четыре категории. Начатая в этом направлении работа могла бы оказать серьезное воздействие на упорядочение финансовой и фискальной деятельности государства. Однако объективные трудности, с которыми столкнулось государство Тэйшонов после 1789 г. (мятежи феодалов, действия Нгуен Аня на юге и др.), не позволили Куанг Чунгу сделать значительные шаги в этом направлении. Предпринятые им меры, по существу, сводились лишь к некоторой модернизации — в сторону понижения в интересах крестьянства и главным образом новой феодальной верхушки — традиционных форм сбора налога, существовавших в Северном Вьетнаме в период правления Ле — Чиней.

В 1791 г. в Северном Вьетнаме была введена единая денежная система. Получила хождение медная монета с надписью «деньги Куанг Чунга» вместо различных монет, чеканившихся до этого в Шонтэе и Тхайнгуене⁵¹. Эти деньги, выпущенные при Куанг Чунге, имели хождение и после его смерти.

Говоря о курсе Куанг Чунга на проведение экономических преобразований, историки Вьетнама подчеркивают, что это были неглубокие, ограниченные мероприятия, к тому же они «встречали противодействие со стороны старых куанов, а правление Куанг Чунга было недолгим»⁵².

С образованием на территории Вьетнама единого государства создавались объективные предпосылки для развития ремесленного производства, активизации внутренней и внешней торговли. Куанг Чунг понимал важность этих отраслей хозяйства как одного из факторов, гарантирующих независимость страны, прежде всего от Китая. Еще перед наступлением на захваченный маньчжурами Тханглонг он указывал (в 1788 г.): «Я хотел бы, чтобы орудия, которыми мы пользуемся, не были куплены в Китае»⁵³.

Современные вьетнамские историки, опираясь на это высказывание Куанг Чунга, делают вывод о том, что он вовсе не хотел полностью изолировать Вьетнам от Китая, «закрывать» страну, но хотел показать, что Вьетнаму необходимо развивать ремесленное производство, отказаться «от презрительного отношения к торговле», какое было характерно для правителей Чиней и Нгуенов.

Мы не находим конкретных данных о том, какие принципиальные изменения в положение торгово-ремесленных элементов страны внес Куанг Чунг. Видимо, для

⁵⁰ Dai Nam chinh bien liet truyen. q. XXX, c. 41.

⁵¹ Hoa Bung. Quang Trung, anh hung... c. 296.

⁵² Lich su che do phong kien Viet Nam. T. III. c. 343.

⁵³ Там же, с. 338.

осуществления подобных мероприятий требовался большой период мирного развития. Некоторые факты, относящиеся к развитию ремесла и торговли в период: правления Куанг Чунга, свидетельствуют о том, что деятели государства Тэйшонов направляли главные усилия на то, чтобы ремесленные предприятия, в основном принадлежавшие государству, обслуживали главным образом двор, армию и обеспечивали внешнеторговые связи. В свою очередь, внешнеторговые контакты они стремились использовать для того, чтобы получать сырье и материалы, необходимые прежде всего для укрепления военного могущества государства.

Одним из ремесленных и торговых центров по-прежнему оставался Тханглонг, где занимались ткачеством, изготовлением парчи и т. д. Здесь же, на специально построенном монетном дворе, чеканилась медная монета. В стране получили развитие также такие отрасли ремесла, как литье пушек, строительство крупных кораблей на государственных верфях и др.

Куанг Чунг заключил торговое соглашение с Китаем (1789г.)⁵⁴. Китайские купцы могли торговать в двух пунктах Северного Вьетнама — в Мукме (чан Каобанг) и Килыа (чан Лангшон). В этих пунктах маньчжуры учредили должности начальников складов, начальников торговых рядов и ответственного за перевозки. Впоследствии Куанг Чунг настоял, чтобы маньчжуры разрешили своим купцам торговать еще в одном пункте Северного Вьетнама — в Хоашане (чан Лангшон)⁵⁵. Убедившись, что пограничная торговля на территории Вьетнама протекает без каких-либо осложнений, Куанг Чунг в 1790 г. обратился к маньчжурам с предложением открыть такие же торговые пункты для вьетнамских торговцев на китайской стороне (в Наннине, пров. Гуанси) и получил согласие Цянь Луна⁵⁶.

О заинтересованности Куанг Чунга в развитии торговли с Китаем говорит и такой факт, что все ремесленники и торговцы, проживавшие севернее р. Зиань и связанные с торговыми пунктами на китайско-вьетнамской границе, освобождались от государственных повинностей⁵⁷.

Помимо развития торговли с Китаем Тэйшоны пытались наладить торговые связи и с европейцами. В 1777 г. представитель английской Ост-Индской компании Чарлз Чапмэн на кораблях «Дженни» и «Амазонка» отправился в Южный Вьетнам, чтобы попытаться установить коммерческие связи. Когда 25 июня 1777 г. английские корабли вошли в устье Меконга, Чапмэн узнал, что правитель Нгуен изгнан из Южного Вьетнама и вся территория этой части страны находится под властью Тэйшонов. Тогда англичане направились в Куиньон, где были приняты Нгуен Няком, который заявил, что готов разрешить им вести торговлю на всей территории, находящейся под властью Тэйшонов. Няк также выразил пожелание зафрахтовать два английских судна и принять английских офицеров для обучения вьетнамских солдат. Чапмэн, сославшись на то, что ему не дано право решать такие вопросы, обещал передать просьбы и пожелания Тэйшонов губернатору Бенгалии. Англичан не могло не удивить такое расположение Тэйшонов, тем более что тот же Чапмэн встретил немного позже в Дананге, где еще правили Чини, португальских купцов из Макао, которые жаловались, что их четыре корабля были обложены высокой пошлиной и что они понесли большие убытки⁵⁸.

Ни вьетнамские хроники, ни письма европейских торговцев не приводят свидетельств того, что между Тэйшонами и западными торговцами были установлены прочные связи. Однако миссионеры в своих донесениях неоднократно упоминали о том, что Тэйшоны хотят торговать с европейцами. Так, в письме Лабусса от 16 июля 1792 г., т. е. через 15 лет после одной из первых попыток Нгуен Няка завязать отношения с

⁵⁴ Там же, с. 340.

⁵⁵ Дай Цин Гаоцзун чунь хуанди шилу, цз. 1434, л. 16—2а.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Dao Duy Anh. Lich su Viet Nam. Т. II. Ha-noi, 1955, с. 39.

⁵⁸ Ch. Maybon. Histoire moderne de pays d'Annam (1592—1820). P., 1920, с. 176—177.

английской Ост-Индской компанией, отмечается, что Тэйшоны «хотят отправить посольство в Макао, чтобы побудить европейцев начать с ними торговлю»⁵⁹.

Наиболее крупным внешнеторговым портом в рассматриваемый период оставался Файфо. Торговля шла в основном с Китаем. Осуществлялась она через китайских купцов и посредников, поселившихся здесь еще во времена правления Нгуенов. Через этот порт в страну ввозились из Китая и Японии медь, фосфор, бумага, ткани, чай. Вывозились, главным образом в Китай, продукты ремесленного производства и рис⁶⁰.

Мероприятия в области культуры и просвещения

Наиболее важными нововведениями Куанг Чунга в сфере духовной жизни были распространение письменности ном в качестве официальной, а также расширение системы просвещения.

В средние века официальной письменностью была китайская иероглифика. Однако, в средние же века во Вьетнаме сложилась письменность ном, основанная на китайской иероглифике, но каждый знак которой был приспособлен к звукам вьетнамской речи. Определенное внимание к нему проявил реформатор Хо Куи Ли (1395—1407), который даже переводил некоторые китайские трактаты по философии, морали на вьетнамский язык.

Право стать государственным языком ном приобрел только во время восстания Тэйшонов. Уже во время первого похода на север (1786 г.) Нгуен Хюе приказал составить на этой письменности манифест, разоблачавший злоупотребления Чиней и призывавший население Бакха подняться на борьбу против временщиков.

Став вьетонгом Северного Вьетнама, Куанг Чунг повел решительную борьбу против засилья китайской иероглифики как наследия рухнувших феодальных кланов и за введение письменности ном как одного из показателей национальной самобытности, независимости Вьетнама от Китая не только в области государственной и экономической, но и духовной. Пожалуй, только в области межгосударственных отношений феодальный национализм Куанг Чунга проявился столь же наглядно, как в его реформах в области культуры и просвещения.

Мероприятия, проводимые Куанг Чунгом по введению вьетнамской письменности, были тесно связаны с деятельностью в других областях, направленной на утверждение независимости Вьетнама, прежде всего от Поднебесной. Не случайно вопрос о необходимости для Вьетнама экономической самостоятельности, об отказе от китайской письменности и о составлении национальных хроник и трактатов по различным отраслям жизни и деятельности на вьетнамской письменности вождь Тэйшонов поднимает именно во время походов на север и борьбы против маньчжурских захватчиков.

Несмотря на то что после смерти Куанг Чунга работа по внедрению вьетнамской письменности фактически была прекращена, это мероприятие Тэйшонов оставило очень глубокий след.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что мероприятия Куанг Чунга, направленные на подъем патриотических чувств, подчеркивание независимости Вьетнама не были слепым отрицанием всего, китайского. Феодальное государство Тэйшонов, как и прежде, нуждалось в философской системе, которая могла бы стать обоснованием установленного Куанг Чунгом порядка, правомочности его власти и тех изменений, которые отличали государство Тэйшонов от режима Нгуенов на юге и Чиней — Ле на севере Вьетнама. Для этого было решено обратиться к использованию конфуцианских трактатов, преломляя их положения в соответствии с конкретными условиями Вьетнама и задачами, которые выдвигались правителем государства.

⁵⁹ Bulletin de l'École Française d'Extrême Orient (далее — BEFEO). Hanoi, v. XII, 1912, с. 26.

⁶⁰ BEFEO, v. XII, 1912, с. 166.

В 1791 г. Куанг Чунг учредил в Нгеане «совет благородных» под председательством Нгуен Тхиепа, которому было поручено заниматься вопросами просвещения в целом, а также перевода с китайского языка на вьетнамский философских трактатов, хроник и т. п. «Начальное учение» — сборник морально-философских установок, конфуцианское «Четырехкнижие», составленное на номе, были направлены в Фусуан Куанг Чунгу (1792 г.) и получили его одобрение. Убедившись в целесообразности проводимой работы, Куанг Чунг приказал правителю Нгёана «подобрать еще 20 или 30 чиновников, способных оказать „совету“ помощь в составлении летописей»⁶¹. «Совет благородных» успел при жизни Куанг Чунга перевести также канон об экзаменах.

Перевод этого последнего конфуцианского труда имел значение для осуществления замыслов Куанг Чунга превратить конкурсные экзамены на замещение должностей чиновников в средство пополнения государственного аппарата новыми людьми, отвечавшими задачам, ставившимся энергичным правителем государства Тэйшоном. Еще в 1789 г. в письме к Нгуен Тхиепу он отмечал необходимость иметь грамотных куанов и ши-фу, сведущих в области политики и культуры, поскольку «нынешние помощники — это люди, умеющие мужественно сражаться», и пенял, что «некому еще ему помочь»⁶².

Традиционная форма отбора чиновников в государственный аппарат, доставшаяся Тэйшонам в наследство от Чиней—Ле, влачила жалкое существование и фактически превратилась в фикцию. По поводу подготовки чиновников-куанов Нгуен Тхиеп писал Куанг Чунгу в 1791 г.: «Тратят на учебу много дней и соревнуются меж собой только в составлении отрывков, выражений и словес, но начисто забывают о том, что надо постигать пять добродетелей. В том и проявляются заурядность правителя, заискивание, разрушение государства и иные пороки»⁶³.

Осуществляя свое намерение придать больший вес делу подготовки чиновников, Куанг Чунг приказал устроить повторные экзамены для тех, кто обучался в последние годы правления Ле. Успешно выдержавших эту переэкзаменовку зачисляли в государственный аппарат, провалившихся отправляли на курс обучения в общинные школы, а «трехгрошовых куанов», т. е. тех, кто прошел экзамены за взятку, изгоняли со службы, и они должны были нести повинность как простые люди. Первые конкурсные экзамены были проведены Куанг Чунгом в 1789 г. в Нгеане. Однако впоследствии ввиду сложного положения в стране конкурсные экзамены не проводились. Преемник Куанг Чунга — Куанг Тоан хотел провести экзамены в 1793 г. в провинции Нгеан, но они не состоялись.

В области просвещения усилия Куанг Чунга были направлены на расширение школьной системы вплоть до общины.

В соответствии с указом о создании школ каждая община была обязана построить школьное здание, найти образованного ши-фу и сделать его общинным учителем, чтобы он не только обучал, но и воспитывал учеников. Выбранный общиной учитель должен был, однако, утверждаться государством. Таким образом, впервые в истории Вьетнама школьное обучение было введено в самой низшей административной единице — общине.

Храмы и пагоды в центрах хюенов было разрешено использовать в качестве мест учебы. Для этих школ государство специально ввело должность уездного учителя.

Период правления Куанг Чунга отличался довольно широкой веротерпимостью верховных властей государства. Основой для воспитания народа, краеугольным камнем мировоззрения вьетнамского общества Куанг Чунг считал конфуцианство. Однако это не означало, что другие верования и религии в государстве Тэйшонов были запрещены, а их последователи подвергались гонениям. Был довольно широко распространен буддизм, и

⁶¹ Lich su che do phong kien Viet Nam. Т. III, с. 344.

⁶² Там же, с. 330.

⁶³ Там же, с. 345.

Куанг Чунг лишь несколько упорядочил деятельность буддийских храмов. Все мелкие пагоды в общинах были закрыты, а вместо этого расширены пагоды в уездных центрах⁶⁴.

Куанг Чунг отменил запрет на пропаганду христианства в стране, хотя католические миссионеры в целом были настроены враждебно по отношению к крестьянскому движению.

Куанг Чунг, понимая важность установления торговых отношений с европейцами, первоначально не пошел по пути ограничения деятельности миссионеров-христиан. Это был важный политический маневр выюнга Северного Вьетнама, рассчитанный на то, чтобы привлечь на свою сторону европейцев, в противовес Нгуенам.

Терпимое отношение Куанг Чунга к проповеди католичества во Вьетнаме изменилось после того, как стало очевидно, что в своем стремлении проникнуть во Вьетнам европейцы делают ставку на Нгуен Аня, заплатившего за это уступками, которые нанесли ущерб независимости страны. В одном из последних манифестов, обращенном к населению Центрального Вьетнама, Куанг Чунг писал: «Не будьте такими легковверными, чтобы дать возможность духу вашему смутиться от слов европейцев»⁶⁵. В дальнейшем не только миссионеры, но и их последователи — вьетнамцы жестоко преследовались на территории, подконтрольной Куанг Чунгу.

---

⁶⁴ Hoa Bung. Quang Trung, anh hung... с. 292.

⁶⁵ Expose statistique du Tunkin, de la Cochinchine... с. 140.

Глава 3 ПАДЕНИЕ ГОСУДАРСТВА ТЭЙШОНОВ

Вмешательство Франции в дела Вьетнама и Версальский договор

После провала очередной попытки возвратиться в Южный Вьетнам, опираясь на помощь сиамцев, Нгуен Ань бежал в сопровождении немногочисленной свиты сначала на о-в Кокот, а затем, в марте 1785 г., в Сиам. Вместе с правителем на пяти судах прибыло 200 солдат, а два месяца спустя — еще 600 человек¹. В последующие месяцы из Южного Вьетнама продолжали прибывать сторонники Нгуен Аня вместе с вооруженными отрядами. Вскоре их собралось в столице Сиама такое значительное количество, что Нгуен Ань, получив согласие сиамского короля, приказал им строить военные поселения, чтобы совершенствовать боевую выучку и обеспечивать себя продовольствием. Об уровне подготовки войск Нгуен Аня говорит такой факт. В феврале 1786 г. в пределы Сиама вторглись бирманцы, и в боях с ними вьетнамское войско зарекомендовало себя с наилучшей стороны, в частности захватило 500 пленных. В знак благодарности сиамский король предложил Нгуен Аню новую помощь для возвращения на родину.

Предложение сиамского короля было предметом долгого обсуждения в лагере Нгуен Аня. Возобладало мнение тех генералов, которые хорошо помнили резко враждебное отношение населения Южного Вьетнама к сиамской армии и понимали, что, вторгнувшись еще раз в пределы Зядиня, сиамцы вряд ли уйдут добровольно оттуда.

Нгуен Ань принимает решение обратиться за помощью к европейцам, представители которых — торговцы и миссионеры — уже давно изучали возможности проникновения во Вьетнам и укрепления там своих позиций. Первые контакты Нгуен Аня с европейцами (французскими миссионерами) относятся к 1777 г., когда ему пришлось бежать из Зядиня. Один из руководителей миссионеров, Пиньо де Беэн, епископ Адранский помог Нгуен Аню укрыться на одном из островов Сиамского залива, а затем, когда

Тэйшоны ушли из Южного Вьетнама, оказал содействие в собирании сил для вторжения в пределы Южного Вьетнама².

В последующих затем экспедициях Нгуен Аня в Зядинь принимали участие и европейцы — португальцы и французы, командовавшие военными кораблями европейского образца, которые Нгуен Ань взял на вооружение³. Вместе с Нгуен Анем в этих экспедициях участвовал и епископ Адранский, который внимательно следил за происходившими в районе Южного Вьетнама событиями, ожидая удобного повода для того, чтобы Франция могла вмешаться в дела этой страны. Несколько раз он высаживался на территории Зядиня, и столько же раз ему приходилось укрываться на островах Сиамского залива. Однако всякий раз, когда Нгуен Ань обращался к нему за помощью, Пиньо де Беэн оказывал ее⁴.

Главной целью, к которой он шел, проявляя долготерпение и выдержку, было утверждение позиций Франции в этом районе мира. Дальновидный политик, прикрывавшийся сутаной миссионера, он видел во Вьетнаме удобный форпост для борьбы против проникновения англичан в Юго-Восточную Азию и важный торговый центр на путях из Индии в Китай и другие страны Дальнего Востока.

Наиболее серьезная просьба о помощи последовала от Нгуен Аня в 1784 г., в то время, когда он вместе с сиамской армией находился в Зядине. Еще до решающего сражения с Тэйшонами Нгуен Ань понял, что сиамцам не удастся победить восставших

¹ Lich su che do phong kien Viet Nam. Т. III. с. 359.

² Ch. Maybon. Histoire moderne de pays d'Annam, с. 192.

³ Там же, с. 193.

⁴ L. Cadriere. Les Francais au service de Gia Long. Bulletin des Amis du Vieux Hue (далее BAVN). Hanoi 1926, № 1, с. 15—19.

крестьян; именно поэтому он вызвал в Зядинь епископа Адранского, которого просил отправиться во Францию за военной помощью. В качестве подтверждения полномочий Пиньо де Беэна на ведение таких переговоров Нгуен Ань направлял вместе с ним в Париж своего старшего сына — Каня.

В феврале 1787 г. епископ Адранский и принц Кань прибыли в Париж. Пиньо де Беэн проявил большую настойчивость, доказывая в различных министерствах и на всевозможных уровнях необходимость вмешательства во внутренние дела Вьетнама, подчеркивая, что небольшие, в сущности, затраты могут принести громадные выгоды. Заручившись поддержкой высокопоставленных особ, де Беэн добился аудиенции у короля Людовика XVI и морского министра де Кастри и убедил их в целесообразности оказания помощи Нгуен Аню.

28 ноября 1787 г. было подписано соответствующее соглашение, известное в истории под названием Версальский договор. Характерно, что с обеих сторон этот документ был подписан французами: от имени Людовика XVI подпись поставил граф Монморен, от имени правителя Зядиня Нгуен Аня — француз Пиньо де Беэн, епископ Адранский, правомочие которого подтверждалось присутствием... семилетнего вьетнамского принца Каня.

Договор провозглашал «военный союз между Францией и Кохинхиной». Обязательства сторон, подписавших этот документ, состояли в следующем:

— Король Франции брал на себя обязательство оказать помощь «правителю Зядиня» в восстановлении его власти над утерянной территорией, для чего направить 4 боевых корабля, 1200 солдат, 200 артиллеристов и 250 солдат-африканцев вместе с вооружением, снаряжением и боеприпасами.

— Правитель Зядиня уступал Франции полное и суверенное право на остров и порт Хойан, который «европейцы называют Туран», сразу же после того, как французская армия овладеет этим портом. Французские подданные получали возможность строить на этой территории дома, расширять порт, когда сочтут это необходимым и выгодным для себя.

Королю Франции передавался в полную собственность Конлон (Пулокондор). Французским купцам разрешалось свободно торговать на всей территории страны, без ограничения осуществлять внешнеторговые операции и пользоваться при этом особым покровительством и защитой властей Зядиня.

В случае, если французский король начинал войну с любым европейским или азиатским государством, правитель Зядиня гарантировал ему помощь путем предоставления морских и сухопутных вооруженных сил, поставки продовольствия и военных кораблей, а также содержания указанных контингентов войск и снаряжения.

В особых статьях Версальского договора оговаривалось, что на территории французского поселения в Хойане действуют только французские законы и вьетнамцы не могут проживать в нем. В случае, если какой-нибудь подданный правителя Зядиня бежал в это поселение, он должен был быть возвращен по первому же требованию властей Зядиня⁵.

Каким резким контрастом выглядят эти антинациональные действия, по существу раскрывающие ворота во Вьетнам иноземным захватчикам, на фоне подлинно патриотической, отвечающей интересам всего вьетнамского народа борьбы Тэйшонов против маньчжурского вторжения, развернувшейся в эти же годы на севере страны!

Версальский договор не был претворен в жизнь. Во Франции началась буржуазная революция. Когда в 1789 г. епископ Адранский вернулся в Южный Вьетнам, ему удалось предоставить Нгуен Аню лишь два корабля с небольшим отрядом солдат, снаряжение которых было осуществлено в порядке частной инициативы французскими купцами, заинтересованными в расширении торговли с Юго-Восточной Азией⁶.

⁵ Lich su che do phong kien Viet Nam. Т. III, с. 361.

⁶ Le Thanh Khoi. Le Vietnam... P., 1955, с. 316.

Решающую роль в возвращении Нгуен Аня в Зядинь сыграли совсем не помощь западноевропейских миссионеров и купцов и не Версальский договор. Усиление Нгуен Аня и ослабление Тэйшонов были связаны с объективными процессами, протекавшими во Вьетнаме в последней трети XVIII в., и с ошибками, допущенными тэйшонскими вождями в сфере экономической, военной и административной деятельности в Зядине.

Нгуен Лы вступил в управление областью Зядинь с 1786 г. под титулом «выонг умиротворенного Востока» (Донг динь выонг) после того, как Тэйшоны, предводительствуемые Нгуен Хюе и Нгуен Няком, отразили несколько попыток Нгуен Аня восстановить, в том числе и с помощью сиамцев, свою власть в этой части Вьетнама. В это время авторитет Тэйшонов в Южном Вьетнаме был достаточно высок, поскольку они успешно разгромили вторжение иноземной (сиамской) армии. Были реальные возможности для упрочения позиций новых правителей страны, осуществления определенных преобразований, которые могли бы расширить влияние Тэйшонов среди населения дельты Меконга. Однако их вожди, и прежде всего сам Нгуен Лы, ничего не сделали в этом направлении. Очевидной ошибкой Лы было то, что он приказал сосредоточить подавляющее большинство вверенных ему войск непосредственно в г. Зядинь, а оставшиеся части расквартировал лишь по некоторым укрепленным пунктам. В результате антитэйшонские элементы Южного Вьетнама получили возможность действовать более или менее свободно почти на всей территории, подвластной Нгуен Лы.

Власть Донг динь выонга в Южном Вьетнаме существовала практически только один год (1786—1787). За это короткое время Нгуен Лы не проявил желания осуществить какие-либо мероприятия по укреплению позиций Тэйшонов. Его действия в Зядине показывают, что он относился к своим обязанностям как трусливый и ленивый, лишенный способностей временщик. Развитие обстановки в Зядине объективно протекало не в пользу Тэйшонов, а Нгуен Лы в силу своих субъективных недостатков способствовал подрыву новой власти, активизации реакционных сил и в конечном итоге ускорению реставрации власти Нгуенов в Южном Вьетнаме.

Что же касается Версальского договора, то этот документ был вновь извлечен на свет французскими колонизаторами в XIX в. для оправдания захватнических действий и территориальных притязаний Франции по отношению к феодальному Вьетнаму.

Высадка Нгуен Аня в Зядине и его мероприятия по упрочению власти на юге Вьетнама

Укрепляя армию в Сиаме, Нгуен Ань ждал удобного момента для того, чтобы осуществить новую экспедицию с целью отвоевать у Тэйшонов Зядинь. Такая благоприятная ситуация сложилась на рубеже 1786—1787 гг., когда между Нгуен Няком и Нгуен Хюе вспыхнула междоусобица, переросшая в значительные вооруженные столкновения. Хорошо налаженная шпионская сеть Нгуен Аня в Зядине позволяла ему быть в курсе всех дел южной части государства Тэйшонов. В 1787 г. определенная часть вооруженных сил Тэйшонов была в срочном порядке отозвана на север, дабы помочь «выонгу Тэйшонов» в борьбе против Нгуен Хюе. Это событие побудило Нгуен Аня безотлагательно развернуть военные действия на территории Южного Вьетнама. В марте 1787 г. он высадился в Лонгсуене, где в первом же бою одержал верх над отрядом Тэйшонов, военачальник которого капитулировал, отдав на милость победителя 15 судов и 300 солдат⁷. Сторонники Нгуен Аня, или, как их называют хроники эпохи Нгуенов, «воины справедливости», активно поддержали его «во многих местах, как стаи тигров, и могущество их было огромно»⁸. По-видимому, это действительно была значительная сила, поскольку многие тэйшонские военачальники капитулировали перед ними, а сам

⁷ Lich su che do phong kien Viet Nam. Т. III, с. 363.

⁸ DNTL. Т. I, с. 3.

Нгуен Лы оставил Зядинь и бежал в Биенхоа, а затем в Куиньон, где умер от болезни в 1788 г.

К осени 1787 г. Нгуен Ань овладел многими крупными пунктами в Южном Вьетнаме. По существу, сопротивление ему оказал только Фам Ван Тхан, командовавший гарнизоном Сайгона. Нгуен Няка мало заботило осложняющееся положение в Зядине. Даже приезд в Куиньон правителя юга Лы не побудил Няка на сколько-нибудь активные действия. Лишь в конце осени 1787 г. он направил в Сайгон для оказания помощи Тхану эскадру из 30 небольших транспортных судов. Однако экспедиция не принесла успеха. В ряде боев Тэйшоны одержали верх над Нгуен Анем, но эти победы не оказали влияния на развитие ситуации, поскольку в других районах Зядиня тэйшонские военачальники продолжали сдаваться южновьетнамским феодалам⁹.

Куанг Чунг так характеризовал позицию Няка: «Враг государства находится в Зядине, а Тхай Дык (т. е. Нгуен Няк. — *Ред.*) уже стар, ищет забав да покоя и не думает о возникших бедах»¹⁰.

Непрерывные поражения и потери территории на юге заставили Нгуен Няка обратиться за помощью к Нгуен Хюе. Последний был вынужден оставить незначительные подразделения на севере, в Бакха, и вернуться в Фусуан (в 1789 г.), где занялся подготовкой и обучением новобранцев для борьбы против Нгуен Аня. Уже к середине 1789 г. среди населения Фусуана и провинций Куангчи и Куангбинь проходило поголовное военное обучение. В течение короткого периода Нгуен Хюе удалось создать боеспособную армию. Флот Нгуен Хюе насчитывал 120 судов, в его отрядах было 300 боевых слонов. Было отлито много новых пушек, часть из которых Нгуен Хюе установил на укреплениях, обороняющих Фусуан.

Упущением Нгуен Хюе было то, что он оставлял без внимания шпионскую деятельность европейских миссионеров, которые подробно доносили обо всем епископу Адранскому, не пресекал ее.

Однако пока продолжались эти военные приготовления, Нгуен Ань сумел овладеть центром южной части государства Тэйшонов г. Зядинь (Сайгон). Создалась реальная угроза потери всей дельты Меконга. Тэйшоны не могли уже ее ликвидировать, ибо Нгуен Хюе был вынужден отдавать все силы на отражение агрессии маньчжурских войск с севера, а центральный выонг Нгуен Няк был не в состоянии противодействовать южновьетнамским феодалам.

В 1789 г. вся область Зядинь оказалась в руках Нгуен Аня. Правитель Зядиня не спешил начинать новые наступательные действия против Тэйшонов, полагая, что ему необходимо прежде всего закрепиться на завоеванной территории, превратить ее в надежную военную и экономическую основу для осуществления завоевательных походов на север.

Начался примерно трехлетний период взаимных военных приготовлений Нгуен Аня и Тэйшонов.

В 1789—1790 гг. Нгуен Ань провел обучение армии, используя для этого европейских инструкторов и офицеров, как завербованных им лично, так и присланных по просьбе епископа Адранского. Войско южновьетнамских феодалов перестраивалось по европейскому образцу, воздвигались укрепления-близнецы европейского типа. Особо следует подчеркнуть, что именно европейцы всячески толкали Нгуен Аня на быстрее продолжение военных действий. И если до этого периода у Нгуен Аня еще были какие-то колебания относительно того, не обратиться ли за помощью к Сиаму, к Поднебесной либо к какому-нибудь европейскому государству, то к 1789 г. французские миссионеры, офицеры, моряки и инженеры стали играть главную роль в оказании помощи Нгуен Аню¹¹.

⁹ Nguyen Luong Bich, Pham Ngoc Phing. Tim hieu... с. 184.

¹⁰ Dai mam chinh bien liet truyen, q. 30—42.

¹¹ Lich su che do phong kien Viet Nam. T. III. с. 326.

В конце 1790 г. Нгуен Ань построил дополнительно к имеющимся еще 15 морских кораблей и одно большое судно европейского образца, а также повелел отправиться в Калькутту, чтобы закупить вооружение европейского производства. Две большие верфи были заложены в Зядине и Митхо в начале 1791 г.

К 1790 г. в войске правителя Зядиня насчитывалось уже 30 тыс. человек. В этом же году была заложена крепость Зядинь, которую строили европейские инженеры по европейскому образцу. Нгуен Ань прибег также к посредничеству португальских торговцев, чтобы закупить 10 тыс. мушкетов, 2 тыс. чугунных пушек, 1 тыс. зарядов и 1 тыс. прицелов¹². Один миссионер доносил, что «склады Нгуен Аня битком набиты разными товарами, и прежде всего достаточным количеством ружей разных видов и пушек разных калибров. И самые богатые властелины в Европе не имеют столько пушек, сколько есть у Нгуен Аня»¹³.

К 1792 г. силы Нгуен Аня были уже довольно значительны. В пехотных частях насчитывалось около 140 тыс. человек. В армию входили также 24 отряда, передвигавшиеся на буйволах, 20 артиллерийских групп, 200 боевых слонов, подразделения саперных войск (в которых были плотники, слесари, оружейники и др.) и хорошо налаженная разведка¹⁴. В армии была введена строгая дисциплина, в частности установлен порядок отдыха и несения службы в «три очереди»: пока одна «очередь» несла службу, две другие отдыхали и т. д.

Помимо чисто военных приготовлений Нгуен Ань провел ряд мероприятий, направленных на получение средств, достаточных для содержания армии. В 1789—1790 гг. правитель издал несколько указов, касающихся стабилизации сельского хозяйства. Главная задача, которую ставил Нгуен Ань, состояла в том, чтобы вернуть в сферу производства заброшенные земли. Основным методом было избрано строительство военных поселений: армия и все гражданское население были обязаны обрабатывать землю. Тех крестьян, кто уклонялся от этой повинности, забирали в солдаты. После сбора урожая каждый крестьянин на равнине должен был выплачивать государству 4200 батов риса, в горных районах— 2940 батов. Кто полностью выплачивал эту ставку, тот получал своего рода поощрение: солдату запаса давалась годовичная отсрочка от военной службы, крестьянин на год освобождался от несения государственных повинностей¹⁵.

Привлекая безземельных крестьян к освоению залежных и целинных земель, Нгуен Ань приказал местным чиновникам давать им за определенную плату инвентарь и тягловую силу¹⁶. В свою очередь, и чиновники получали вознаграждение за деятельность по возвращению крестьян на землю: если кто-либо смог «завербовать» десять и более человек, то освобождался от трудовой повинности.

Определенное внимание власти обращали на развитие ремесла и торговли в основном для нужд армии. Наряду со строительством верфей, оружейных мастерских Нгуен Ань приказал развивать традиционные местные промыслы, с тем чтобы их продукцию обменивать на оружие и боеприпасы. Были назначены специальные чиновники — скупщики ремесленной продукции, которые затем и перепродавали ее иностранным купцам.

«Политика Нгуен Аня,— отмечает вьетнамский историк Ван Тан,— состояла во временных уступках народу, в умиротворении народа, чтобы он стал на сторону правителя в борьбе против династии Тэйшонов. Результатом мероприятий в сфере сельского хозяйства, ремесла и торговли, но главным образом в сельском хозяйстве было то, что облик Зядиня изменился. Из области с небольшим количеством населения и с

¹² Там же, с. 365.

¹³ Van Tan. Cach mang Tay Son, с. 188.

¹⁴ BEFEO, 7.XII.1912, с. 28.

¹⁵ Van Tan. Cach mang Tay Son. с. 188.

¹⁶ Le Thanh Khoi. Le Vietnam... с. 314—315.

большими площадями необработанной земли она стала густонаселенным и богатым районом.

Опираясь на эту относительно стабильную хозяйственную базу, Нгуен Ань активизировал деятельность по подготовке генерального наступления на Тэйшонов¹⁷.

Вместе с тем Нгуен Ань, получив известие о разгроме маньчжурской армии в Северном Вьетнаме, не спешил с началом военных действий, справедливо полагая, что армия Нгуен Хюе после одержанной победы сильна вдвойне. Его тактика вызывала недовольство находившихся в ставке правителя европейских миссионеров (особенно епископа Адранского), мечтавших как можно скорее утвердиться на всей территории Вьетнама. Жалобами на «нерешительность» Нгуен Аня полны письма епископа в Европу, относящиеся к 1790 — 1792 гг.

Нгуен Ань двояко относился к окружавшим его европейцам. Он хотел использовать их знания, но понимал их замыслы и видел, что отношение местного населения к иностранцам ухудшается главным образом из-за того, что все эти португальцы, французы, англичане вели себя как завоеватели, что были вынуждены признавать и они сами¹⁸. Кроме того, помощь европейцев Нгуен Аню была не столь уж значительной, а что касается торгового посредничества в контактах с Батавией, Макао и др., то роль европейских купцов также не следует преувеличивать, поскольку активную деятельность в этом деле вели сами вьетнамские торговцы.

Вырабатывая планы борьбы с Тэйшонами, Нгуен Ань не был пешкой в руках «образованных европейцев», он действовал самостоятельно, хотя и выслушивал советы и «доводы» Пиньо де Беэна.

В 1792 г. шеститысячный отряд из армии Нгуен Аня осуществил морским путем первую вылазку во владения Тэйшонов — атаковал Биньтхуан. После шести месяцев боев и стычек сухопутных и морских войск в районе Биньтхуана Нгуен Няку удалось отбросить войска «правителя Зядиня». Эта неудача вынудила Нгуен Аня задуматься над тем, каким методом продолжать войну. В начале 1792 г. он объявил своим генералам план наступательных действий против Куиньона и других областей Центрального Вьетнама.

Этот план был рассчитан на то, чтобы ежегодно, в апреле — мае, когда дуют южные ветры, направлять флот на север, а когда начинают дуть северо-восточные ветры, возвращать его в Зядинь.

По существу, Нгуен Ань взял на вооружение тактику «сезонной войны», применявшуюся Тэйшонами во время походов в Южный Вьетнам в конце 70-х годов XVIII в.

После разгрома маньчжурской армии Куанг Чунг одновременно с мероприятиями по стабилизации внутреннего положения в государстве начал разработку планов освобождения Зядиня от войск Нгуен Аня. В основных чертах этот план сводился к следующему.

1. Сухопутные и морские силы Нгуен Няка совместно с кораблями тайного общества, действовавшего в южных провинциях Китая, должны были из района Куиньона, Бинькханга и Биньтхуана ударить прямо по Биенхоа и Зядиню¹⁹.

2. Сухопутная армия во главе с Куанг Чунгом из Фусуана должна была соединиться с войсками дружественного Тэйшоном государства Камбоджи и ударить с тыла по Сайгону, а также перекрыть дорогу, ведущую в Камбоджу.

3. В это время морской флот Куанг Чунга должен захватить р-в Конлон, г, Хатиен и высадить десант, который также ударит по Сайгону и перекроет все пути, ведущие к

¹⁷ Van Tan. *Cach mang Tay Son*. с. 189.

¹⁸ Письмо Лабюуса во Францию от 28 мая 1790 г. цит. по: Nguyen Luong Bich, Pham Ngoc Phing. *Tim hieu...* с. 328.

¹⁹ DNTL. Т. 11, с. 157—158.

побережью, с тем чтобы Нгуен Ань не смог скрыться на островах Сиамского залива или в самом Сиаме²⁰.

В начале 1792 г. Нгуен Ань стало известно, что Куанг Чунг готовит армию численностью «200—300 тыс. человек»²¹. Возможно, хроники преувеличивают численность тэйшонских войск, но даже европейские миссионеры признавали, что положение Нгуен Дня осложнилось и что его могли спасти лишь самые экстраординарные меры.

Вместе с тем подготовка армии Тэйшонов затянулась, наступило лето 1792 г., и нужно было ждать зимы, чтобы флот, используя попутные в это время северо-восточные ветры, мог двинуться на юг. Именно в это время центральный вьонг Нгуен Няк сосредоточил большое количество кораблей в заливе Тхинай, не обеспечив их, однако, солидной охраной. Это обстоятельство позволило эскадре Нгуен Аня (в которую входили наряду с вьетнамскими два европейских корабля под командованием европейских офицеров) разгромить почти весь флот Няка. Нгуен Ань захватил около 80 различных судов, лодок и баркасов²². Это поражение поставило под угрозу срыва план, разработанный Куанг Чунгом.

В создавшихся условиях Куанг Чунг попытался вновь поднять на борьбу широкие народные массы, как он сделал это в 1788—1789 гг., во время отражения маньчжурского нашествия. В этом отношении большой интерес представляет обращение Куанг Чунга к жителям Куиньона и Куангнгай. «Мы призываем народ — больших и малых — в двух ваших фу поддержать великого вьонга, быть верным ему, лодождать, пока наша армия очистит Зядинь и вернет эту область нам. Добрую славу о ваших двух фу люди будут вечно хранить в исторических книгах... И чтобы наша армия быстро двигалась вперед, жители деревень, расположенных вдоль тех путей, по которым она пойдет, должны заранее привести дороги в хорошее состояние.

Этот приказ распространить повсюду, и пусть народ повинуется мне»²³.

Однако правителям государства Тэйшонов не удалось поднять народные массы на борьбу с Нгуен Анем. Меньше чем через месяц после опубликования обращения к народу Куиньона и Куангнгай умер Куанг Чунг, единственный из тэйшонских правителей, обладавший действительным авторитетом в армии и народе. Его смерть, безусловно, ослабила государство Тэйшонов и подтолкнула на сепаратистские действия некоторых военачальников, не желавших воевать на стороне Тэйшонов и пытавшихся перейти в лагерь Нгуен Аня.

Активизация действий Нгуен Аня в Центральном Вьетнаме

После смерти Куанг Чунга Тэйшоны, по существу, отказались от попыток освободить Зядинь. Более того, перед ними со всей остротой встала задача защитить свои владения в Центральном Вьетнаме, поскольку Нгуен Ань, осуществляя план «сезонной войны», возобновил военные экспедиции из Южного Вьетнама, направляя главный удар на столицу «великого вьонга» — Куиньон.

Первый такой поход был осуществлен весной 1793 г., когда Нгуен Ань удалось осадить Куиньон. Нгуен Няк не мог своими силами прорвать кольцо окружения и послал за помощью в Фусуан к своему племяннику, сыну Куанг Чунга — Нгуен Куанг Тоану. Тоан направил подмогу в количестве 17 тыс. пехотинцев, 80 боевых слонов и 30 судов²⁴. Быстрое продвижение армии от Фусуана к Куиньону заставило Нгуен Аня снять осаду и

²⁰ Там же, с. 155.

²¹ Там же, с. 157.

²² Там же, с. 159.

²³ Nguyen Luong Bich, Pham Ngoc Phing. Tim hieu... с. 422—424.

²⁴ Lich su che do phong kien Viet Nam. T. III, с. 371.

возвратиться в Зядинь. Вместе с тем он оставил в Центральном Вьетнаме несколько гарнизонов в важных, захваченных у Тэйшонов пунктах Фуиен, Зиенкхань, Биньтхуан.

Весной 1794 г. 40-тысячная армия Тэйшонов отвоевала Фуиен и осадила крепость Зиенкхань. Поспешивший на выручку своим военачальникам Нгуен Ань снял осаду с Зиенкханя, но не успел освободить Фуиен. В боях ему досталась довольно значительная добыча — более 10 кораблей с продовольствием, в плен было взято 2 тыс. тэйшонских солдат. Однако силы Тэйшонов в этом районе были еще значительными, и Нгуен Ань был не в состоянии вести против них борьбу вдалеке от Зядиня. Он вновь вернулся на юг.

Сражения в Центральном Вьетнаме возобновились в 1797 г., когда Нгуен Ань, нанеся довольно ощутимые удары Тэйшоном, отвоевал у них фу Куангнам. Характерной особенностью кампании 1797 г. было то, что помещики и чиновники существовавшей здесь до 1771 г. шуеновской администрации поддержали наступление Нгуен Аня, поднимая в тылу тэйшонских войск мятежи. Так, некто Ву Вьен Чунг организовал на территории Куангнама отряд численностью до 500 человек, который по приказу Нгуен Аня был включен в один из корпусов его армии²⁵. Однако и на этот раз Нгуен Ань не смог закрепиться в Куангнаме и вернулся в Зядинь.

Третья осада Куиньона была организована Нгуен Анем в 1799 г. В апреле эскадра Нгуен Аня вошла в залив Тхинай — основную стоянку флота Тэйшонов. Одновременно его сухопутные войска захватили укрепленный пункт Чуккхе и Фуиен. В мае объединенные сухопутные и морские силы Нгуен Аня осадили Куиньон. Тэйшонский главнокомандующий в этом районе Ле Тят с 200 военнослужащими сдался Нгуен Аню, чем ослабил силы защитников города.

Это событие заставило правителя Нгуен Куанг Тоана направить на помощь осажденному городу генералов Чан Куанг Зиеу и Ву Ван Зунга. Приведа свой отряд в Куангнгай, эти военачальники убедились, что армия Нгуен Аня прочно удерживает в руках устье Танкуан, через которое можно было добраться до Куиньона водным путем. Поэтому корабли были брошены, а отряд, разделившись надвое, двинулся на сближение с войсками Нгуен Аня. Чан Куанг Зиеу захватил выгодную позицию на горе Тхатътан. Ву Ван Зунг двинулся кратчайшим путем через горы, чтобы ударить во фланг армии Нгуен Аня, но был наголову разбит.

Убедившись, что выдержать долгую осаду город не в состоянии, а помощи из Фусуана нет, правитель Куиньона Ле Ван Тхань направил Нгуен Аню письмо, в котором объявлял о сдаче города вместе с гарнизоном—10200 генералами, офицерами и солдатами²⁶. Войдя в Куиньон, Нгуен Ань выдал сдавшимся чинам 5 тыс. куанов для «умиротворения» населения и привлечения его на свою сторону, а также дал городу новое название — Биньдинь («умиротворенный»).

Нгуен Куанг Тоан пытался отвоевать Куиньон, однако погодные условия не позволили ему использовать флот, и Тэйшоном удалось овладеть лишь Чакхуком; отряд Чан Куанг Зиеу и Ву Ван Зунга был отведен для защиты Куангнама.

Осенью Нгуен Ань вернулся в Зядинь, оставив в Биньдине значительный гарнизон.

Успешные походы Нгуен Аня в Центральный Вьетнам сопровождались его активной деятельностью по укреплению власти прежде всего в Зядине, пределы которого были расширены в результате «сезонной войны» до Зиенкханя. Важное значение имели мероприятия по активизации хозяйственной деятельности в подвластных Нгуен Аню в областях. Можно утверждать, что к концу 90-х годов XVIII в. нгуеновским властям удалось добиться такого сбора урожая, которого хватало для того, чтобы прокормить армию и обменивать на оружие и боеприпасы в торговых операциях с иностранцами. На довольно высоком уровне была работа транспорта, о чем свидетельствует такой факт, что в ходе «сезонной войны» войска снабжались провиантом из Зядиня, а не кормились за счет местного населения вновь завоеванных областей. Если в 1792 г. из Зядиня в

²⁵ DNTL. Т. 11.

²⁶ Lich su che do phong kien Viet Nam. Т. III, с. 372.

Биньтхуан было перевезено от 500 до 1000 фыонгов²⁷ неочищенного риса, то в феврале 1799 г. было организовано три склада в Кухуане для того, чтобы хранить 169 тыс. фыонгов риса, доставленных из Зядиня. Впоследствии, когда началось наступление на север, Нгуен Ань приказал перевезти 20 тыс. фыонгов неочищенного риса из Куангчи в Донгхой и 15 тыс. фыонгов из Куангнама в Тхинай²⁸.

Относительная экономическая стабильность в Зядине позволяла Нгуен Аню проводить довольно гибкую политику во вновь завоеванных областях, привлекать на свою сторону не только тэйшонских военачальников, но и торговцев и крестьян Центрального, а затем и Северного Вьетнама.

Наказанию подлежали не только солдаты, но даже офицеры и генералы, замеченные в каких-нибудь несправедливостях по отношению к местному населению. Именно за такого рода проступок Нгуен Ань приказал обезглавить заместителя командира одного из корпусов Нгуен Хыу Куана (1799 г.). Во вновь завоеванных областях умело применялась система уменьшения, отсрочки или полной отмены налогов. Бывшие чиновники и солдаты, служившие у Нгуенов еще до восстания Тэйшонов и получавшие за это земельный надел или право кормления, вновь стали пользоваться этой привилегией (указ 1801 г.). Что касается тэйшонских военачальников, не только добровольно перешедших на сторону Нгуен Аня, но и вынужденных сдаться, то правитель Зядиня демонстрировал по отношению к ним милосердие, явно рассчитывая на то, что подобная терпимость окажет влияние на тех, кто оказывает ему сопротивление с оружием в руках. «Ты,— говорил Нгуен Ань одному из взятых в плен тэйшонских генералов,— поднял оружие на своего выюнга по недоразумению. Пойми это теперь. Я сохраню тебе жизнь, сохраню титул и надеюсь, что ты сделаешь все необходимое, чтобы сохранить свое достоинство»²⁹.

Успехи, прежде всего в военной области, достигнутые Нгуен Анем, позволили ему значительно усилить влияние на вождей горных племен Центрального и Южного Вьетнама, оторвать их от Тэйшонов. Племенные вожди тхаев, которым Нгуен Ань «пожаловал» 40 титулов гражданских и военных чиновников, высказали готовность воевать на стороне Нгуен Аня против Тэйшонов³⁰. Значительно упрочились связи правителя Зядиня с соседними государствами. Правители государства Вьентьян, например, посылали подарки в Зядинь, характерные для отношения вассала к сюзерену, а также составили для Нгуен Аня подробный чертеж фу Нгеан и Фусуан, выразили готовность принять участие в военных действиях.

Углубление противоречий в правящих кругах государства. Вторжение Нгуен Аня в Северный Вьетнам и падение государства Тэйшонов

В период «сезонной войны», навязанной Нгуен Анем, все более и более нарушалось единство внутри руководящей группировки государства Тэйшонов. Если в 1790—1792 гг. Куанг Чунгу удавалось силой своего авторитета и в результате энергичных мер объединять усилия в борьбе против общего врага, то после его смерти центробежные тенденции среди высших деятелей государства и в армейской верхушке, усугубляемые поражениями Тэйшонов, возобладали.

Направив помощь осажденному Куиньону в 1793 г., Куанг Тоан в то же время попытался использовать ее для того, чтобы восстановить единство в правящей верхушке, помышлявшей уже не столько о судьбах государства, сколько о своих личных интересах. Для этого Тоан решил использовать не метод убеждения, не призывы к единству перед лицом опасности, а силу оружия. Он приказал конфисковать все запасы, имевшиеся на

²⁷ Фыонг — мера емкости, равная приблизительно 20 л.

²⁸ Lich su che do phong kien Viet Nam. Т. III, с. 373.

²⁹ Expose statistique..., с. 32—33.

³⁰ DNTL. Т. 11.

складах этого города, лишил власти своего двоюродного брата Бао — сына «великого вьонга» Няка. Таким образом, территория Куиньона была объединена с Северным Вьетнамом. Кратковременное правление Тхай Дыка (Нгуен Няка), который умер в 1793 г., и его преемника прекратилось. В государстве Тэйшонов остался единственный правитель — сын Куанг Чунга Куанг Тоан (1792—1802). Однако такое объединение силой оружия было запоздалым мероприятием. Противоречия среди правящей верхушки (между придворными Куиньона и Фусуана, а также внутри этих группировок), оторвавшейся от широких масс, предавшей забвению интересы и лозунги крестьянского движения, не были смягчены, напротив, они все более обострялись, усугубляя внутренние трудности государства и создавая тем самым благоприятные возможности для Нгуен Аня, готовившегося нанести решающие удары по Тэйшонам. Распри между ними достигли апогея в 1798 г., когда Бао послал гонца к Нгуен Аню с просьбой взять его под свою защиту. Заговор был раскрыт, а Бао умерщвлен. К этому же периоду относится и обострение соперничества между тэйшонскими военачальниками. Многие генералы были убиты по приказу Куанг Тоана, некоторые видные военачальники перешли на сторону Нгуен Аня.

В конце 1799 — начале 1800 г. придворные Куанг Тоана (правившего под именем Кань Тхинь) попытались спровоцировать столкновение между двумя самыми крупными тэйшонскими военачальниками того времени — Чан Куанг Зиеу и Ву Ван Зунгом, убедив Куанг Тоана, что Зунг должен убить Чан Куанг Зиеу. Дело дошло до того, что Зиеу, предупрежденный Ву Ван Зунгом, с которым был в дружеских отношениях, об этом заговоре, осадил Фусуан и потребовал выдачи провокаторов. Ценой больших усилий Куанг Тоану удалось умиротворить возмущенного военачальника.

Беспорядки царили и в других областях, контролируемых Тэйшонами. В Нгеане, например, вспыхнул мятеж, поддержанный вторгшимися туда лаосцами из Вьентьяна; в Тханьхоа взбунтовались тхай, предводительствуемые одним из «пожалованных» Нгуен Анем генералов. Столь же напряженная обстановка сложилась и в фу Хынгхоа.

Один из сподвижников Куанг Чунга, Нгуен Тхиеп, указывая на тяжелое положение, сложившееся в государстве, советовал молодому правителю как можно скорее уехать в Тханглонг, чтобы там, опираясь на народ, подготовиться соответствующим образом к отпору врагу³¹. Однако Куанг Тоан прислушался к мнению военачальников Ву Ван Зунга и Чан Куанг Зиеу, которые полагали необходимым отвоевать у Нгуен Аня Куиньон, чтобы тем самым поднять престиж Тэйшонов в центральных областях Вьетнама. В широко задуманной кампании принимали участие 100-тысячное сухопутное войско под командованием Чан Куанг Зиеу и почти весь флот Тэйшонов, состоявший из 54 крупных кораблей, 93 галер и нескольких сотен мелких судов, на которых в общей сложности было 1520 пушек и 50 тыс. экипажа³².

Решающее сражение произошло в начале 1801 г. в заливе Тхинай. Французский офицер Шеньо, находившийся на одном из кораблей эскадры Нгуен Аня, так описал этот морской бой: «Мы направились, чтобы сжечь все корабли врагов, и из них спаслись лишь самые малые. Битва была самой кровопролитной, в которой когда-либо участвовали кохинхинцы. Неприятель стоял насмерть»³³.

Сражение продолжалось более суток. Обе стороны понесли в нем большой урон. «Потери короля значительны,— писал Баризи 11 апреля 1801 г., — он потерял убитыми 4 тыс. человек, но потери противника еще больше: он лишился... всех кораблей, всех транспортов числом 1800 штук, всех пушек, огромного количества оружия и снаряжения»³⁴.

После этой победы войска Нгуен Аня захватили фу Куангнам и Куангнгай. Армия Тэйшонов, осаждавшая Куиньон, оказалась фактически отрезанной от остальной

³¹ Van Tan. *Cach mang Tay Son*, с. 200.

³² BEFEO, 7.XP.1912, с. 40—41.

³³ Там же, с. 39—40.

³⁴ Там же, с. 41—43.

территории, контролируемой Куанг Тоаном. Этим воспользовался Нгуен Ань и решительным ударом овладел Фусуаном (15 июня 1801 г.). Правитель Куанг Тоан бежал на север, оставив на милость победителя своих сестер, братьев и ближайших сановников.

Падение Фусуана означало фактически установление власти Нгуен Аня над Центральным Вьетнамом. Тэйшоны потеряли здесь все свои позиции. Им не помогло и то, что генералы Зиеу и Зунг после почти 12-месячной осады отвоевали Куиньон (Биньдинь), Небольшой островок среди моря врагов — таким был гарнизон Тэйшонов в Куиньоне. Понимая бесперспективность дальнейшей борьбы, Чан Куанг Зиеу и Ву Ван Зунг с отрядом в 1200 бойцов и 150 боевых слонов тайно бежали из города, чтобы через территорию Лаоса пройти в фу Нгеан (весна 1802 г.).

Куанг Тоан прибыл в Тханглонг в июне 1801 г. и начал спешно готовиться к отражению наступления Нгуен Аня. Ему с большим трудом удалось собрать армию численностью 30 тыс., которая двинулась на юг, к р. Зиань. Как только Тэйшоны переправились через эту реку, они были встречены армией Нгуен Аня и разгромлены в сражениях в Чаннине, в горах Даумау и других более мелких боях. В ходе этих столкновений ряд военачальников Куанг Тоана вместе со своими подразделениями перешли на сторону Нгуен Аня³⁵. Только один отряд, руководимый Буи Тхи Суан, женой генерала Чан Куанг Зиеу, отступил в полном порядке³⁶.

Дорога Нгуен Аню на север была по существу открыта. Прежде чем начать наступление, он вернулся в Фусуан, где в середине июня 1802 г. устроил торжественную церемонию восшествия на престол под именем Зя Лонга³⁷. Затем в течение месяца его войска захватили всю южную часть Северного Вьетнама, а 20 июля 1802 г. Зя Лонг вступил в Тханглонг.

Правитель Куанг Тоан в сопровождении членов семьи и нескольких придворных бежал в Киньбак, но был схвачен местным населением и выдан Нгуен Аню.

Зя Лонг жестоко расправился с оставшимися в живых руководителями и военачальниками государства Тэйшонов. Все они были умерщвлены в Фусуане, могилы Нгуен Хюе и Нгуен Няка были осквернены. Императоры династии Нгуенов — вплоть до Минь Манга — старались выжечь из народной памяти воспоминание о восстании Тэйшонов, физически уничтожая даже самых дальних родственников и потомков как самих братьев Тэйшонов, так и их сподвижников. Историк Ван Тан отмечает, что они «запрещали населению Биньдиня (т. е. Куиньона.— *Авт.*) чтить память руководителей восстания. Но Нгуен Хюе и Нгуен Няк были героями для крестьян Биньдиня, поэтому даже при жестоком правлении Нгуенов крестьяне тайно чтили их память»³⁸.

В 1802 г. государство Тэйшонов перестало существовать, уступив место победителям — южновьетнамским феодалам. Однако централизованное государство, основы которого были заложены Тэйшонами, продолжало развиваться во Вьетнаме.

Говоря о периодизации движения Тэйшонов, мы отмечали, что его следует делить на два этапа — восстание крестьян и период существования феодального государства Тэйшонов, — которые отличаются один от другого целями и задачами. Если на первом этапе (до 1778 г.) главной была борьба за удовлетворение чаяний крестьянства, особенно крестьян Центрального Вьетнама, то после образования феодального государства Тэйшонов в результате феодализации верхушки движения на первый план выступает борьба за расширение его границ, за сохранение и упрочение власти «новых» феодалов. На этом же этапе четко прослеживается стремление наиболее прогрессивных руководителей движения (Нгуен Хюе) решать общенациональные проблемы. Таково было объективное требование времени и уровня развития вьетнамского феодального общества

³⁵ Expose statistique... с. 38.

³⁶ Dai mam chinh bien liet truyen, q. XXX.

³⁷ Хроники отмечают, что в этом имени Нгуен Ань хотел символически отразить единство Вьетнама, взяв часть южного названия Зядинь (Зя) и г. Тханглонг (Лонг).

³⁸ Van Tan. Cach mang Tay Son. с. 210.

в последней трети XVIII в. Уровень развития ремесла и торговли, сдвиги, происходившие в сельском хозяйстве, обострение противоречий между крестьянством и феодалами в целом (за исключением крайнего юга) в стране требовали покончить с феодальной раздробленностью и возродить централизованное государство, способное не только обеспечить определенный уровень развития производительных сил, но и гарантировать национальную независимость Вьетнама. Эту задачу не могли решать «старые» феодальные кланы Чиней и Нгуенов; нужна была новая, революционная для исторических условий того времени сила, которая бы расчистила почву для воссоздания централизованного государства. Такой силой стало крестьянское движение Тэйшонов.

В этом смысле можно говорить о том, что это восстание было победоносным, ибо в ходе его были уничтожены враждующие феодальные группировки и вся страна объединена под властью единого правления Тэйшонов. В результате победы восстания Тэйшонов были в значительной степени восстановлены внутренние экономические связи, дан импульс развитию языка и культуры; эти факторы, а также объединение вьетнамской территории в едином государстве создали одну из важнейших предпосылок для образования вьетнамской нации.

Победа над маньчжурами была не только наивысшим подъемом движения крестьян и всех патриотических слоев населения Вьетнама. Она стала также ярчайшим свершением государства Тэйшонов. Задача сохранения вьетнамской государственности позволила правителям государства сплотить весь народ. Однако в силу объективных условий феодального Вьетнама и закономерного перерождения верхушки движения эта победа не могла быть закреплена социально-экономическими преобразованиями в интересах подавляющего большинства населения страны — крестьян. Это, по существу, и предопределило падение феодального государства Тэйшонов. Цикл замкнулся: от крестьянского бунта к решению общегосударственных задач при поддержке подавляющего большинства населения и к падению в условиях потери этой поддержки из-за феодального перерождения вчерашних носителей лозунга «брать имущество богатых и делить его среди бедных».

Восстание Тэйшонов оставило неизгладимый след в истории Вьетнама именно потому, что в ходе его и в результате его побед была сохранена целостность и независимость вьетнамского государства как важнейшая предпосылка для дальнейшего его развития. Оценивая восстание Тэйшонов, член Политбюро ЦК КПВ Чыонг Тинь подчеркивал именно эту его сторону: «Результатом движения Тэйшонов было свержение господства иноземных феодалов, захвативших страну, и реакционных феодалов внутри ее, освобождение отечества, распределение земли в какой-то степени в интересах крестьян»³⁹.

---

³⁹ Truong Chinh. Ban ve cach mang Viet Nam. T. I. Ha-noi, 1956, с. 30.

Раздел III

ВЬЕТНАМ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Глава 1

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Социальное устройство вьетнамского общества

Восстание Тэйшонов вскрыло основные противоречия, характерные для вьетнамского развитого феодализма, и открыло путь к переходу страны при династии Нгуенов к поздним этапам феодальных отношений.

Социально-экономические процессы, связанные с ослаблением общинной организации, с ростом поместного землевладения, упадком условного чиновничьего землевладения, с развитием рынка, ремесел и городов, особенно усилились в рассматриваемый период. Для понимания социальной роли помещика и его места во вьетнамской деревне необходимо учитывать, что вьетнамский помещик происходил из богатых крестьян этой же деревни; государственными чиновниками могли стать его дети, реже и только в позднее время — он сам. Отсюда и его тесная связь с деревней. Но отжившая форма производственных отношений, при которых экономическая и политическая власть находилась в руках служилых феодалов, а деревенское и городское население рассматривалось как имущественно и социально нерасчлененная совокупность свободных, народ, сковывала вьетнамское общество до конца XVIII в. Двойная эксплуатация — со стороны чиновников-землевладельцев и со стороны новых феодалов, «богачей»-помещиков, — была отражением в экономической сфере этого противоречия между содержанием и формой. Оно вызвало восстание Тэйшонов, разрешившее частично указанное противоречие.

Основой класса феодалов все более становились помещики, в то время как чиновничество постепенно занимало то место, которое оно занимало в большинстве позднефеодальных государств, особенно абсолютистских (во Вьетнаме XIX в. имелся ряд черт абсолютизма), — обладающее высоким престижем сословие платных служащих, лишь часть из которых являлась помещиками-землевладельцами¹. При этом те из них, кто являлся помещиками, частью были ими при рождении, частью стали ими в результате накопления богатства в ходе службы в государственном аппарате.

Продолжавшиеся с XVII—XVIII вв. распад общины, размывание ее средних слоев привели, с одной стороны, к выделению массовой прослойки неслужилых мелких феодалов-помещиков («богачей»), а с другой — к разделению крестьян-трудящихся на средний слой полноправных общинников и низший слой, основную часть которого составляли неполноправные общинники (пришлые бедняки с ограниченными правами, частью — без земли)². Прочие группы, в том числе близкие к холопам, стали немногочисленны.

Общинный механизм уравнительного землепользования постепенно прекращал свое действие³. Деревня практически превратилась в совокупность мелких помещиков и крестьян-аллодистов (наследственных владельцев мелких участков); к середине XIX в. использование остатков общинных институтов даже для фискальных целей становилось затруднительно. В разных частях страны соотношение этих групп было различно, но особенно сильно расслоение ощущалось на севере.

Соответственно изменилась и система эксплуатации. Роль ренты-налога быстро падала, объем ее уменьшался пропорционально уменьшению доли общественных полей

¹ DNТL. Т. 9, с. 86, 99.

² DNТL. Т. 3, с. 111—112.

³ DNТL. Т. 23, с. 107—108.

(конг-дъен) в пользу частных (ты-дъен)⁴, все большее число крестьян оказывалось в прямой зависимости от помещика. Соответственно уменьшались, особенно на севере, суммы собираемых государственных налогов и возможность содержать на их счет дипломированных чиновников и солдат. Необходимо помнить, что объем собираемых налогов был много меньше того, что должно быть собрано по налоговым ведомостям, так как частичная отмена и сокращение налогов стали в XIX в. частым явлением. Число дипломированных чиновников в XIX в. упало, их функции в значительной мере перешли к лай зитям — местным недипломированным чиновникам: старосте деревни, помощнику начальника тонга и др., которые практически все были помещиками⁵. Таким образом, административная власть на местах все более переходила сначала на практике, а затем и юридически к помещикам. Изменилась и форма участия дипломированных чиновников в феодальной эксплуатации. Подавляющее большинство в течение первой половины XIX в. было переведено на денежное (порой частично рисовое) жалованье⁶, в значительной части выплачивавшееся за счет доходов, получаемых с юга. Даже вопрос о небольших участках под дома для чиновников и членов их семей был предметом обсуждения в тех редких случаях, если чиновник или его семья не имели частных земель, т. е. не были помещиками⁷.

Что же подготовило это превращение феодальной бюрократии в сословие платных чиновников? В первую очередь изменение-условий в деревне, где значительная часть земли теперь принадлежала помещикам, а не крестьянам. Обложение же помещиков было фактически, а частью и формально ниже, чем свободных крестьян, а это означало появление на рынке больших масс товарного риса. Потребителями его стали в первую очередь дипломированные чиновники, переведенная на жалованье армия и быстро растущие города. Для служилых феодалов, чье число на местах сокращалось, хватало уменьшившихся (относительно) налогов, которые во все большей степени платились деньгами, на которые и покупался рис и другие продукты, раньше шедшие куанам с их служилых земель. Структура эксплуатации изменилась, роль рынка резко возросла.

Развитие денежных отношений, резкое увеличение торговли предметами широкого потребления, в первую очередь рисом, составляют одну из характерных особенностей XIX в. Росло число торговых пунктов, увеличивался объем торговли, ее сложность, дальность и регулярность перевозок и т. д. Вьетнамское купечество стало заметной частью общества, откуп налогов, таможенных сборов, рудников стал распространенным явлением. Купечество получило определенные права, у него были свои идеологи и защитники даже при дворе. Да иначе и быть не могло в условиях, когда без регулярного массового торгового обмена многие важные области страны просто не могли существовать (подвоз риса с юга, продуктов горнорудной промышленности с севера и т. д.). Купцы часто вели борьбу в защиту своих экономических интересов и прав и нередко ее выигрывали. Определенные позиции в торговле и промышленности занимали ведавшие рядом отраслей «экономические» чиновники, получавшие часть доходов.

Изменилось и положение частных промышленников. Слово-«ремесленник», по традиции применявшееся ко всем лицам, связанным с несельскохозяйственным производством, объединяло не только цеховых рабочих и наемных рабочих, но и хозяев рудников, и хозяев ткацких мануфактур, и владельцев больших верфей, оружейных мастерских, даже монетных дворов. И, что наиболее примечательно, городское торговоремесленное население уже рассматривалось феодалами-чиновниками и императорской властью как группа, отличная от других слоев общества.

Основную массу населения деревни составляли малоземельные и безземельные крестьяне, работающие целиком или частично на земле помещика; многие из них были

⁴ DNTL. Т. 21, с. 260.

⁵ DNTL. Т. 9, с. 85, 99.

⁶ DNTL. Т. 21, с. 263—265.

⁷ DNTL. Т. 22, с. 160—161.

юридически неполноправными, они платили налог (подушный налог) государству и ренту — помещику.

Значительную группу составляли юридически полноправные крестьяне, ведущие собственное хозяйство на наследственных участках земли (как общинных, так и частных) и объединенные в некоторой степени сохранившимися общинными институтами⁸. Они давали основную массу ренты-налога. Имелись крестьянские общины, целиком платившие на «законном» основании ренту-налог крупному титулованному феодалу⁹ или помещику (во втором случае такие деревни укрывали от государственного обложения). В горных районах существовали более ранние формы феодальных отношений: горцы были обязаны определенными поставками и своим феодальным вождям, и государству.

Основная масса вьетнамских феодалов — это мелкие помещики, обладавшие наследственными частными землями в деревнях, как правило небольшими и часто разбросанными в разных местах (кроме созданных помещиками деревень на юге). Часть из них могла обрабатываться семьей помещика, часть — крестьянами, зависимыми от феодала. Помещик-«богач» (тхо хао) не считался владельцем этих крестьян, но их экономическая зависимость позволяла применять любые формы насилия. Он платил со своих земель небольшой (хотя порой и формально равный крестьянскому) налог государству (если не относился к сословию чиновников). Экономическая и административная власть помещика в деревне была велика, поскольку общинная администрация и многочисленные недипломированные помощники начальника уезда (хюена) состояли из них, и все более усиливалась; источники полны упоминаний о засилье помещиков в деревне, об их уклонении от уплаты налогов и от регистрации своих земель.

На протяжении XIX в. феодальное чиновничество несколько раз пыталось частично восстановить свои позиции в экономической жизни деревни, ограничив поместное и вообще частное землевладение, но все эти попытки были тщетны как потому, что помещиками были сами чиновники, так и потому, что не могло быть и речи о последовательной борьбе феодального государства со своей основной социальной базой (все императоры отвергали решительные меры против помещиков). Именно они все более превращались в военную опору государства, самостоятельно подавляя порой даже средние по масштабам крестьянские восстания¹⁰. Прямые отношения землевладельцев-помещиков и крестьян, не опосредованные государством, все более становились основой деревенской жизни. Положение же прослойки феодальной бюрократии в XIX в. было иным, чем раньше. Она уменьшилась в размерах, утратила в пользу помещиков значительную часть функций (даже часть рангов иерархии, правда низших), в том числе важнейшую — непосредственный контроль над крестьянским землевладением в деревне (по мере уменьшения числа общинных земель). Из ее ведения постепенно выходили все деревенские дела и часть полицейских функций, и существовала она уже в основном за счет централизованно распределяемого денежно-рисового жалованья. Изменялась и структура этой прослойки: в ней усилились военные элементы и недипломированные гражданские чиновники. Определенную роль сыграло и то, что военные кадры черпались в начале века из центра и с юга, где гражданская администрация была малочисленнее и слабее. В создаваемой Нгуенами администрации потеряло четкость характерное для XVII—XVIII вв. разделение-гражданской и военной администрации; слияние военной и гражданской администрации проходило в начале XIX в. при преобладании военных и их методов управления.

Ослабевала идеологическая база феодальной бюрократии — конфуцианство; хотя отдельные императоры пытались ее восстановить, прежнее положение достигнуто не было, в середине века снова усилилось влияние буддизма. Необходимо учитывать, что»

⁸ DNTL. Т. 3, с. 111 — 112.

⁹ Там же, с. 75.

¹⁰ DNTL. Т. 3, с. 392.

администрация формировалась в своей основе при Зя Лонге из жителей бывшего Дангчаунга, притом военных, т. е. той прослойки, которая традиционно противостояла конфуцианской феодальной бюрократии бывшего Дангнгоая¹¹. До 1820 г. эта группа господствовала, до 30-х годов сохраняла очень важные позиции на севере и юге. Да и впоследствии ее влияние в духовной жизни: невозможно было игнорировать.

Такая прослойка, как духовенство (буддийские монахи и конфуцианские ученые), сохранилась, но ее имущество было незначительным применительно к каждому отдельному представителю духовенства и не очень большим суммарно (имеется в виду земельное имущество). Вьетнамское государство XIX в. отличается определенной светскостью, так как попытки утвердить преобладающее влияние конфуцианства, во-первых, были непоследовательны, а во-вторых, начались много позднее оформления государства; Нгуенув. Импульс религиозного индифферентизма, данный Зя Лонгом, так и не был преодолен даже в столице к началу французской агрессии.

Вопрос о социальной структуре вьетнамского города исследован еще далеко не полностью, но налицо бурное развитие рынка, резкий рост торговли предметами широкого потребления, интенсивное развитие денежного хозяйства. Объединение страны и уничтожение Тэйшонами обветшалых рамок феодально-бюрократического государства создали возможность немедленной реализации давно подготовлявшегося взаимного дополнения экономики различных частей страны (рисовый юг — горнодобывающий север и т. д.). Распад общины и интенсивное перемещение представителей трудящихся слоев, появление товарного риса помещиков, широчайшее распространение наемного труда и денег — все это способствовало быстрому развитию и оформлению предбуржуазных и предпролетарских слоев города. В XIX в. происходило массовое сселение ремесленников в города, прежде всего в столицу. При этом оно зачастую было добровольным и поощрялось государством. В результате традиционные цеховые связи постепенно рушились, в новых условиях большое число ремесленников (кроме части приписанных к крупным государственным мастерским, верфям) становилось людьми наемного труда. Ремесленники в сельскохозяйственных деревнях (кузнец, ткач, гончар и т. п.) были традиционно относительно слабы во Вьетнаме, ремесленные же кварталы-фьонги, особенно образующие самостоятельные ремесленные поселения, постепенно утрачивали элементы общинно-цеховой спайки. Росла металлургия и металлообработка, особенно железа; практически все необходимые стране орудия производства и все оружие вырабатывались в ее пределах. Все это дает основание считать, что увеличивалось число лиц наемного труда. Наемные рабочие городов и шахтеры боролись против эксплуатации (бегство, медленные темпы работы), порой добиваясь увеличения заработной платы. Они участвовали в восстаниях в Ханое, в обороне восставшего Зядиня (Сайгона) от императорских войск, в шахтерских восстаниях.

В городе четко оформились крупные купцы-предприниматели, которые не только ворочали огромными суммами в рамках своих торговых предприятий, но и брали на откуп налоги, таможенные сборы, рудники, владели флотилиями кораблей и торговыми караванами и т. п. Это говорит как об увеличении возможностей первоначального накопления, так и о том, что оно шло и прошло значительный путь—большие запасы денег у купцов и промышленников уже были, и они пускали их в торговый и промышленный оборот (хотя можно предположить и вложение их в земельную собственность). Мало того, купеческая верхушка организовано выступала против попыток дискриминации крупных торговцев, а порой проваливала соответствующие начинания властей, используя своих сторонников в правительстве и на местах.

В целом развитие промышленности шло медленнее, чем развитие торговли; позиции государственных предприятий были еще сильны; предубеждение против частного предпринимателя было глубже, чем предубеждение против частной торговли.

---

¹¹ Там же, с. 43.

Впрочем, последнюю также постоянно стремились обложить возможно более высокими налогами и максимально регламентировать.

Таков был социальный строй феодального вьетнамского общества в первой половине XIX в.

В характеристике социальной структуры XIX в. можно указать на две тенденции; их борьба определяла, в частности, экономическую и социальную политику двора Нгуенов, его реакцию на развитие общественных процессов в стране.

Первая из них сводилась к стремлению феодалов всеми возможными средствами укрепить свое положение в недавно полностью восставшей стране. Опыт тяжелой войны с Тэйшонами показал окружению Зя Лонга, в основном состоявшему из военных, что одних побед на полях сражений недостаточно, что необходимы как временные уступки крестьянам и городским низам, так и прочная опора на помещиков. Надо было гибко маневрировать, учитывать в первую очередь реальности экономической и социальной обстановки, а не те или иные старые концепции деятельности феодального государства. Немалую роль играл и страх перед крестьянами у феодальных лидеров 1800—1810 гг., лично помнивших восстание Тэйшонов. Первая тенденция реализовалась не через продуманную программу реформ, а через «стихийный реализм» осторожности, следовать которому было тем легче, что основные кадры того времени из-за принадлежности к военному сословию (и в значительной степени к его низам) и происхождения из Дангчаунга (владения Нгуенов) были менее связаны с закосневшим феодально-бюрократическим гражданским аппаратом и его традициями, чем основная масса гражданских чиновников, особенно на севере. Сложившаяся в годы войны с Тэйшонами и господствовавшая в 1800—1810 гг., когда были заложены основы социального и государственного устройства империи Нгуенов, эта тенденция действовала и на протяжении большей части 20—30-х годов, поскольку политические деятели этого направления фактически были у власти на большей части страны (Ле Тят — на севере до 1826 г., а Ле Ван Зюет и его сторонники — на юге до 1833—1835 гг.). Практически вплоть до середины XIX в. носители этой тенденции были влиятельны и многочисленны, особенно в средних звеньях центрального государственного аппарата, в провинциях и в армии. Эта тенденция гибкого управления в гораздо меньшей степени сковывала развитие производительных сил, чем противостоящая ей консервативная тенденция.

Эта вторая тенденция действовала во вьетнамском обществе с самого начала XIX в. Субъективно ее носители, требовавшие максимального восстановления архаических норм общественной жизни, хотевшие, чтобы «все было, как прежде», рассматривали военную победу феодалов как социальную победу, доказавшую адекватность старых феодальных норм вьетнамской действительности конца XVIII — начала XIX в. Тем самым они отказывались видеть те новые силы и процессы, реальность которых признавали носители первой тенденции. Помимо этого субъективного стремления вернуть доброе старое время были и объективные факторы, способствовавшие усилению этой консервативной тенденции. Заключались они в том, что по мере укрепления власти феодального государства, достигнутого в основном военными методами и военными кадрами, росла необходимость в достаточно разветвленном государственном аппарате. А пути его формирования и деятельность были весьма и весьма традиционными, в то время как опыт 1790—1810 гг. базировался на временных мерах и организациях чрезвычайного тийа и поэтому не мог стать основой быстрой всеобщей реформы государственного аппарата. Формирование нового типа регулярной гражданской администрации не могло не быть делом длительным; лишь часть (хотя и очень важная) вставших в этой связи проблем была решена в период преобладания в верхах первой тенденции (перевод чиновников на жалованье)¹². В результате объективно необходимое быстрое воссоздание гражданских норм повлекло за собой укрепление позиций исторически изжившей себя прослойки

¹² DNTL. Т. 4, с. 341—342.

класса феодалов — феодальной бюрократии с ее тенденцией к восстановлению феодально-бюрократической организации всего господствующего класса и восстановлению соответствующих форм эксплуатации. Усиление консервативной тенденции шло параллельно не только с воссозданием прослойки ее носителей — высших и средних гражданских чиновников, но и параллельно со сменой поколений, с уходом тех, кто помнил тэйшонское восстание, параллельно с затуханием восстаний вьетнамских крестьян в непосредственно послетэйшонский период. Укреплялось мнение, что тяжелые времена прошли и можно «все вернуть». Эта тенденция стала преобладать при дворе с начала 20-х годов, а в стране в целом — с середины 30-х годов XIX в.; она лежала в основе политики феодальной верхушки до середины XIX в.

Было бы неверно считать тот или иной период временем полного преобладания какой-либо тенденции или временем их борьбы. Борьба шла все время, и ни одна из тенденций никогда не преобладала полностью. В 1800—1820 гг. в верхах имелась активная оппозиция консерваторов, частично подавленная лишь к 1816 г.¹³; в 1820—1830 гг. при дворе стала преобладать линия «консерваторов», но она никогда не была проведена полностью в жизнь, поскольку распад общины, рост роли городов и власть помещиков в деревне были реальностями, от двора не зависящими. Все попытки реставрации наталкивались как на борьбу крестьян, так и на сопротивление помещиков и купцов. До 1827 г. мероприятия «консерваторов» ограничивались центром — самой бедной частью страны, и лишь с 1832 г. вторая тенденция окончательно победила в верхах. Но и после этого попытки реализации основного элемента программы консерваторов — восстановления эксплуатации по преимуществу через ренту-налог — наталкивались не только на крестьянские восстания и глухое, упорное и повсеместное сопротивление помещиков и купцов, но и на протесты и прямое неподчинение многих крупных чиновников на местах; они не могли в отличие от двора абстрагироваться от реальной жизни. «Консерваторам» удалось подавить частное предпринимательство в горнодобывающей промышленности (что повлекло за собой ее упадок), ограничить сферу откупов и сферу денежного обращения (что мешало развитию купечества), восстановить частично регулирование рисового рынка (что вызвало трудности с продовольствием), подорвать влияние военных (за счет заметного ослабления армии). Такой ценой был «восстановлен» порядок функционирования государственного аппарата, но это коснулось скорее столицы, чем страны в целом, где влияние государственного аппарата постепенно ослабевало.

В рассматриваемый период во Вьетнаме шла борьба между двумя феодальными прослойками. В руках одной из них — помещиков — была экономическая и политическая власть в деревне, которую уже невозможно было отнять, что часто признавалось «консерваторами», в руках другой — чиновничества (отчасти изменившего в связи с переходом на жалованье свою социальную сущность) — находилась верховная политическая и административная власть.

В 30—40-х годах от консервативной политики феодальной верхушки страдали в первую очередь крестьяне и горожане, особенно городские низы; политическая ситуация, отражавшая сложность социально-экономической ситуации, была весьма напряженной. Естественно, было бы неверно считать постепенное усиление «консерваторов» следствием чисто политических событий (победы одной из группировок при дворе). Оно отражало неподготовленность страны в целом к созданию системы государственной власти, адекватной новой социальной базе — помещикам. Для этого необходимо было длительное время, и преобладание реалистической тенденции в 1800—1820 гг. было скорее забеганием вперед; обостренное внимание ко всему перспективному с точки зрения класса феодалов (в первую очередь усилению помещиков) было обусловлено опасением повторения крестьянского восстания. И, видимо, не случайно именно в первые

¹³ Там же, с. 319—321.

два десятилетия XIX в. помещики регулярно и активно поддерживали государственную власть в критические для нее моменты крестьянских восстаний¹⁴ и постепенно сократили эту поддержку в 30—40-е годы, когда предпринимались попытки опереться по преимуществу на чиновничество.

Возможность повторения общевьетнамского восстания была реальностью, крестьянство не оставалось безразличным к тому, каким путем пойдет развитие феодального общества. Изучая историю Вьетнама первой половины XIX в., можно увидеть, что проведение реалистической политики в 1800—1820 гг. сопровождалось восстаниями вьетнамских крестьян гораздо меньшего масштаба, чем проведение консервативной политики в 20—30-х годах. Возможно, это и было одной из причин сохранения на своих постах представителей реалистической тенденции во времена, когда верховная власть последовательно придерживалась консервативной политики. В то же время при Зя Лонге (1802—1820) восстания вьетнамских крестьян происходили именно в той части страны, где власть временно оказалась в руках «консерваторов» (Нгуен Ван Тхань), и пошли на убыль после отстранения этих последних от власти.

В 30—40-х годах крестьянские восстания ширились одновременно с активизацией консервативной политики. Крестьянские восстания играли роль своеобразного регулятора в политике господствующего класса, причем не только потому, что они усиливали страх перед всеобщим восстанием, но и потому, что делали очевидными преимущества одной социально-экономической политики верхов по сравнению с другой. Иными словами, крестьянство в целом чутко реагировало на попытки восстановления отживших форм власти феодалов, и попытки восстановления феодально-бюрократического землевладения и усиления роли государства и его чиновников в деревенской жизни наталкивались на сопротивление не только помещиков, но и крестьян, о чем прямо пишут источники. Совершенно неверно было бы говорить о какой бы то ни было поддержке крестьянами линии сторонников реальной политики, но в конкретной обстановке первой половины XIX в., когда власть помещиков над деревней была бесспорной, усиление при преобладании в верхах «консерваторов» эксплуатации еще и со стороны феодальной бюрократии вызывало более частые вспышки крестьянского протеста. Подобное усиление было экономически невыносимо и социально немотивированно, поскольку власть феодалов над деревней гарантировалась помещиками. Социальные отношения в деревне представляли собой в XIX в. сложный клубок противоречий, и на практике попытки чиновничества действовать в деревне вопреки помещикам без тех, чьими руками в первые двадцать лет XIX в. была подавлена половина крестьянских восстаний, сразу привели к резкому увеличению размаха этих восстаний.

Таким образом, при одинаково негативном отношении крестьян к помещикам и служилым феодалам помещики могли править в деревне без помощи куанов (кроме случаев крупных восстаний), а куаны уже не могли. Новые формы отношений, сложившиеся между помещиками и крестьянами, в большей степени способствовали сохранению феодального строя в целом, чем старые формы отношений между феодалами и чиновниками. Необходимо помнить, что само сложение этих новых форм было следствием социально-экономических процессов, шедших внутри крестьянства.

Было бы неверно полагать, что усиление консервативных тенденций в 20—40-е годы XIX в. было следствием реакционности или некомпетентности отдельных крупных феодальных лидеров. Естественно, были деятели, последовательно отстаивавшие законченно реакционные взгляды (Нгуен Ван Тхань, Нгуен Конг Чы и др.)» но не они определяли политику феодальной верхушки. У консервативных тенденций этих десятилетий были, как уже говорилось, объективные основания, и эти негативные тенденции были значительным, но не главным следствием более важной тенденции, позитивной. Такой тенденцией было становление после Тэйшонского восстания новых,

---

¹⁴ DNTL. Т. 3, с. 382; т. 4, с. 6, 7.

позднефеодальных форм производственных отношений, основанных на прямой эксплуатации крестьян мелкими и средними неслужильными помещиками в качестве основного вида феодальной эксплуатации. Экономическое становление этих форм активно шло в XVIII в., а в конце его восстание Тэйшонов смела значительную часть противостоящих помещикам архаических феодально-бюрократических прослоек. Последовавшие затем первые десятилетия XIX в. были периодом практических мер, оформивших в общем новое соотношение роли помещиков и куанов в социальной структуре.

Однако дальнейшее закрепление в государственных нормах новых отношений было невозможно без быстрого восстановления механизма власти — в условиях феодального Вьетнама это могла быть только централизованная иерархия гражданских чиновников. Таким образом, восстановление разветвленного (хотя и сравнительно малочисленного) гражданского чиновничьего аппарата было объективно необходимо для средних и высших звеньев механизма управления, и это восстановление началось уже при Зя Лонге и быстро шло при его преемниках. Естественно, что механизм с таким многовековым запасом инерции, каким обладало дипломированное чиновничество, не мог перестроиться за полвека (в отличие от военных кадров 1800—1820 гг., не обладавших опытом и традициями гражданского управления), ведь основным преимуществом гражданского чиновничьего аппарата в условиях феодального Вьетнама было то, что он образовывал целостную систему, где все винтики были давно подогнаны, и мог сам быстро восстанавливаться (до известных исторических пределов), что и происходило в 1820—1830 гг. При восстановлении этой системы мера обновления, обусловленная восстанием Тэйшонов и вызвавшими его социально-экономическими причинами, была различна для разных частей системы. Низшие и средние звенья, более связанные с реальной жизнью, сами быстрее менялись и были более восприимчивыми к новым явлениям в общественной жизни; верхние — менее восприимчивыми. Но объективные преимущества гражданской феодальной организации во Вьетнаме как раз и сводились к ее целостности, к тому, что класс феодалов получал в готовом виде весь механизм угнетения трудящихся, со всеми его звеньями.

Потому он и возродился с частично изменившимся низшим и средним звеном и с почти не изменившимся верхним звеном. Для значительных изменений вверху исторически прошло еще мало времени.

Так сложилось положение, при котором дальнейшее укрепление власти феодального государства, основанного на значительно изменившейся социальной базе, шло параллельно с усилением консервативных элементов и соответствующей политики в верхних звеньях феодального государственного аппарата в столице и при дворе. Насколько можно судить по истории независимого Вьетнама до 1883 г. и по некоторым чертам Вьетнама колониального, это усиление консервативных элементов не могло носить длительного характера, поскольку основные новые социальные слои — крестьяне-единоличники и помещики — становились все более массовыми. Но определенный отход от «реализма» первых послетэйшонских десятилетий в сторону «консерватизма» в 20—40-х годах совершенно очевиден. Он создал много новых противоречий как между крестьянами и феодалами, так и в среде феодалов (помещики тхо хао — чиновники-куаны) и среди куанов («практики» средних и низших звеньев — столичные куаны). Это усложнило обстановку в стране, значительно ее экономически ослабило, но в целом не угрожало существованию феодального строя, как такового, будучи объективно обусловленным, как уже говорилось выше. Это был первый этап периода перехода к позднему феодализму.

Государственное устройство

Главой всей законодательной и исполнительной власти был император. Законосовещательные функции исполнял двор.

Основными исполнительными органами были шесть столичных ведомств: личного состава и назначений (чинов) (бо лай), церемоний (или обрядов) (бо ле), финансов (подворное ведомство) (бо хо), военных дел (бо бинь), юстиции (наказаний) (бо хинь), общественных работ (бо конг),— где велись все основные государственные дела¹⁵.

В 1833 г. Минь Манг издал «Свод уложений» о государственном аппарате (Хой дьен тоат йеу), где были определены функции всех ведомств и учреждений.

Ведомству личного состава и назначений и при Зя Лонге и при Минь Манге отводилось особое место в системе административной иерархии, так как оно выполняло весьма важную с точки зрения власти кадровую работу — формирование, по сути дела, всего государственного аппарата. Выдвижение на новые посты, перемещение с поста на пост, повышение и понижение в должности гражданских чиновников, решение вопросов о наградах — все это входило в функции этого ведомства. Оно следило за качественным и количественным кадровым составом всех остальных ведомств и учреждений, чем и определялась его важная роль в государственном аппарате.

Ведомство финансов отвечало за обложение и сбор налогов, упорядочение реестров налогоплательщиков, осуществляло контроль за казной, контроль за внешней торговлей, разбирало споры о принадлежности земель, обеспечивало выплату жалованья гражданским и военным чиновникам, осуществляло регулирование цен и выпуск денег. В его ведение входила также подготовка ежегодных статистических докладов императору о количестве обрабатываемой земли, о количестве денег, находящихся в обращении, о количестве зерна, серебра и золота, о числе налогоплательщиков и всего населения в стране.

Ведомство должно было также следить за продовольственной ситуацией в стране: вследствие частых наводнений и неурожаев требовались специальные меры по перемещению зерна из благополучной провинции в провинцию, охваченную голодом.

Ведомству финансов подчинялись также все дворцовые и столичные сокровищницы. Как указывалось, вся денежная политика страны осуществлялась ведомством финансов. Сразу же после прихода к власти Нгуенов была возобновлена чеканка медных монет: в 1802 г. был открыт монетный двор в фу Донгчи.

Одновременно шла борьба за установление государственной монополии на выпуск монеты, в связи с чем Зя Лонгом и его преемниками издавались указы, запрещавшие тайный выпуск денег.

Борьба государства за монополию на выпуск денег велась в нескольких направлениях. Власти шли по линии централизации денежного дела, сознательно не увеличивая количество монетных дворов. Так, в Зядине в течение многих лет не было своего монетного двора, и деньги туда везли, как правило, из столицы¹⁶.

Когда в 1829 г. были вскрыты крупные злоупотребления, выразившиеся в тайной выплавке денег на монетном дворе Бао Туйен в Бактхане, Минь Манг распорядился перевезти его в столицу Хюе, где было проще осуществлять надзор¹⁷.

Одновременно делались попытки пресечь приток дешевых цинковых денег из соседних провинций Китая, для чего был усилен пограничный контроль на заставах¹⁸. В тех же целях борьбы с инфляцией в Каобанге было запрещено платить налоги китайскими деньгами, что до сих пор формально разрешалось¹⁹.

¹⁵ DNTL. Т. 13, с. 323. Dinh Gia Trinh. So thao lich su nha nuoc va phap quyen Viet-Nam. I. Ha-noi. 1969, с. 247.

¹⁶ DNTL. Т. 4, с. 247; т. 5, с. 109, 239; т. 7, с. 11, 170; т. 8, с. 171.

¹⁷ DNTL. Т. 9, с. 304.

¹⁸ DNTL. Т. 10, с. 99.

¹⁹ Там же, с. 67.

О том, что эти меры не помогали и инфляция в стране росла, говорит переписка Минь Манга с ведомством финансов. Минь Манг констатировал, что, несмотря на хорошие урожаи, цены на зерно растут, и объяснял это необычайно широкими масштабами тайной выплавки денег²⁰.

Ведомство церемоний занималось главным образом разработкой культовых церемоний, установлением времени и порядка жертвоприношений по поводу традиционных праздников, контролем за порядком церемоний во время аудиенций при дворе.

Ведомству церемоний были приданы функции органа, ведающего постановкой образования в стране: оно руководило школами, набирало чиновников через конкурсные экзамены, изучало китайскую классику и хроники минской и цинской династий в целях отыскания образцов для подражания.

В обязанности ведомства церемоний входило: установление сроков траура по умершему монарху, по членам императорской семьи, составление генеалогии правящей династии, организация церемониала восхождения на престол вьетнамского монарха, а также установление наград долгожителям и высокопоставленным людям. Присвоение посмертного имени чиновникам также входило в компетенцию этого ведомства.

Одной из важных его функций, за неимением специального внешнеполитического органа, была дипломатическая, которая сводилась к приему и проходам послов, организации и проведению церемоний по приему инвеституры от китайского императора и приему и проходам послов из соседних стран — данников, выдаче им инвеституры.

По указанию императора ведомство устраивало моления о попутных ветрах «в помощь навигаторам» в многочисленных бухтах страны в начале весны каждого года. Помимо молений ведомству церемоний было поручено следить за погодой и вести ежедневные записи.

Военное ведомство ведало всеми военными делами в стране. Важной опорой вьетнамского императора была армия. Размеры армии были поистине огромными. Так, в 1820 г. число солдат и военных чиновников в стране достигало 204220 человек при численности армии 160 тыс.²¹

Несмотря на то что в начале века большая часть вьетнамской армии была вооружена по-европейски и прошла европейскую подготовку, организация армии оставалась традиционной.

Сухопутные вооруженные силы были организованы в пять армий, главнокомандующим которыми считался император²². Во главе каждой из пяти армий стоял военачальник. Армия состояла из крупных воинских единиц — зоань. Зоань делились на ве, ве делились на дои. В зоань (5 тыс. солдат) входило 10 ве. В ве входило 10 дои. Один дои насчитывал 50 человек.

Столичные войска находились на особом положении и были трех видов: личная гвардия императора, гвардия дворцовой охраны, регулярные войска²³. Морские силы были организованы по той же системе, что и сухопутные. Во главе морских сил стоял главный адмирал — тхуй ши до тхонг, которому подчинялись вице-адмирал — тхуй тхонг и два контр-адмирала — тьонг ве²⁴.

Армия набиралась на основе воинской повинности, которая при Нгуенах не была всеобщей²⁵. При Зя Лонге солдаты набирались среди семей, где было три сына и более. Семья солдата получала от общины натуральное или денежное содержание во время

²⁰ Там же, с. 232.

²¹ DNTL, t. 5, с. 178.

²² Lich su che do phong kien Viet Nam. Ha-noi, 1960, t. III, с. 470.

²³ DNTL. T. 13, с. 332; см. также: Lich su che do phong kien... 1. III, с. 470; а также: A. Schreiner. *Ler institutions annamites en Basse Cochinchine avant le conquete francaise*. T. III. Saigon, 1902 с. 49—512.

²⁴ A. Schreiner. *Ler institutions...* t. III, с. 50.

²⁵ DNTL. T. 3, с. 71—72.

службы сына. Солдат выбирал староста деревни, которому запрещалось заменять «военнообязанного» на невоеннообязанного, а также назначать в солдаты силой. За нарушение этих положений устанавливалось строгое наказание. Невоеннообязанные, которые, как правило, были бедняками, могли добровольно поступить на службу в части туан тхань — вид жандармерии, фао тху — в артиллерию и речной флот.

Срок службы в армии не был одинаковым. Солдаты — выходцы из Центрального Вьетнама служили в армии 15 лет, из других провинций — 10 лет.

Нгуены поощряли сверхсрочную службу в армии²⁶. Солдаты, отбывшие в армии два срока, освобождались от подушного налога и от всех повинностей. Отличившиеся солдаты после окончания службы платили только половину подушного налога²⁷.

В число постоянных функций военного ведомства входило: смещение и назначение военных чиновников, контроль над личным составом войск, созыв и направление войск на поле боя либо на подавление крестьянских волнений и мятежей, борьба с пиратами, набор крестьян в армию, выявление заслуг и провинностей, составление списков кадровых военных чиновников, составление докладов императору о числе войск в стране. Здесь создавались карты страны. Совместно с ведомством общественных работ военное ведомство несло ответственность за строительство военного характера и охрану морских бухт. Чиновники военного ведомства часто выполняли дипломатические функции, возглавляли либо входили в посольские миссии, направляемые в Китай, Камбоджу и другие страны. Они использовались также в аппарате управления Камбоджей, когда она получила статус наместничества (протектората).

В подчинении ведомства находилась почтово-курьерская служба (буу тиий).

Ведомство юстиции венчало правовую иерархию феодального Вьетнама и следило за установлением и соблюдением правопорядка в стране.

В его подчинении находились большой апелляционный суд — дай ли ты и цензорат — вьен до сат.

Совокупность этих учреждений носила название там фап ти — палата трех законов²⁸.

Заседания представителей этих судебных учреждений во главе с императором образовывали, по сути дела, верховный суд, где разбирались смертные приговоры и другие сложные судебные дела, адресованные императору²⁹.

Ведомство юстиции наблюдало за работой провинциальных юридических учреждений. В конце каждого года оно сообщало императору о количестве людей, заключенных в тюрьмы страны, и о числе дел, которые предстояло рассмотреть³⁰.

Во Вьетнаме, где по конфуцианским нормам наказание подданных считалось не только правом, но и долгом суверена, а наказание рассматривалось как мера воспитания, ведомству юстиции как карающему органу отводилось особое место.

В ведомство юстиции к концу каждого года поступали доклады с мест (городов и провинций) с описанием особо тяжелых приговоров — каторга, изгнание, казнь через обезглавливание, через повешение и т. д. Все эти дела рассматривались в ведомстве и докладывались вместе с аналогичными данными по столице императору, за которым и было право на окончательное решение³¹.

Выработка правовых норм, форм наказаний, правил расследования преступлений, решения о пересмотре тяжелых приговоров, рассмотрение не окончательно доказанных

²⁶ DNTL. Т. 6, с. 79—80.

²⁷ P. Pasquier. L'Annam d'autrefois. P., 1930, с. 127.

²⁸ DNTL. Т. 13, с. 324.

²⁹ DNTL. Т. 9, с. 109—112.

³⁰ DNTL. Т. 5, с. 167.

³¹ DNTL. Т. 7, с. 98; 1. 4, с. 37.

преступлений, разбирательство дел людей, заключенных под стражу,— так определялись функции ведомства юстиции в «Своде уложений» от 1833 г.³²

Хотя ведомство юстиции находилось на вершине судебной иерархии, его решение не было окончательным. В сомнительных случаях император назначал определенную группу придворных сановников (динь тхан) для дополнительного разбирательства. Окончательное решение оставалось за императором.

Обязанностью цензората, который был создан в 1832 г. и входил в правовую триаду,³³ было выявление и расследование служебных проступков чиновников всех рангов³³. В цензорат входило шесть палат, которые осуществляли контроль за соответствующими шестью ведомствами и рядом других учреждений³⁴.

Ведомство общественных работ занималось строительством крепостей, строительством и ремонтом дорог, возведением мостов, императорских дворцов, храмов, всяким строительством, связанным с землей и деревом, рытьем каналов, получением и распределением всякого рода строительных материалов, разработкой образцов и моделей для различных ремесел, строительством и ремонтом флота³⁵.

В системе центрального аппарата имелись два важных органа, находившиеся в непосредственном подчинении императору: придворный совет (ной как) и тайный совет (ко мат).

В ведении придворного совета была переписка между императором и министрами шести ведомств и подготовка императорских указов и посланий.

Одно из отделений придворного совета, под названием би тхи со, служило личным секретариатом императору. Там хранились императорские литературные труды и деловые документы³⁶.

На придворный совет возлагалась обязанность контролировать деятельность шести ведомств и докладывать непосредственно императору обо всех ошибках и злоупотреблениях в их работе.

Для обсуждения особо важных секретных государственных дел и пресечения роста влияния придворного совета в 1834 г. был создан тайный совет.

Столицей своего государства Нгуены сделали г. Фусуан (Хюэ), отказавшись от Тханглонга, в котором видели оплот антиправительственных восстаний. Тханглонг, который при Зя Лонге назывался Бактхань, был в 1831 г. переименован в Ханой — главный город одноименной провинции.

При императоре Зя Лонге весь Вьетнам был поделен на 23 провинции, которые, в свою очередь, делились на фу и хюены; хюены делились на тонги, а тонги — на общины (тхон или са).

Основное назначение тонга состояло в том, что он являлся дополнительным промежуточным звеном в административном аппарате, усиливавшим централизацию управления страной. Несколько тонгов объединялись в хюен. Во главе хюена стоял уже не выборный, а назначаемый центральным правительством начальник, в руках которого сосредоточивалась вся власть — как административная, так и судебная.

Два или три хюена объединялись в фу, глава которого назначался центральным правительством.

Несмотря на то что фу, так же как и тонг, играл второстепенную роль в управлении страной, Нгуены придавали фу большое значение как промежуточному звену для еще большей централизации административного аппарата.

³² DNTL. Т. 13, с. 324.

³³ DNTL. Т. 11, с. 152.

³⁴ DNTL. Т. 13, с. 325, 327; т. 11, с. 151 — 153.

³⁵ Там же, с. 324.

³⁶ Roy Jumper and Nguyen Thi Hue, Notes on Political and Administrative History of Vietnam, 1802—1962. Saigon, 1962, с. 26—27.

Феодальное чиновничество

Во Вьетнаме в первой половине XIX в. чиновничество государственного аппарата делилось на две категории: гражданское чиновничество (куан ван) и военное чиновничество (куан во).

Обе категории чиновников делились на девять рангов, которые, в свою очередь, имели два класса: первый, или высший (тянь), и второй, или низший (тонг)³⁷.

Обладание определенным местом в табели о рангах давало чиновникам право на ряд привилегий. Основными из этих привилегий являлись обладание наследственным титулом и получение земельного пая в общине.

Распределяя титулы по рангам и классам, верховная власть с 20-х годов XIX в. проводила в определенной мере дискриминационную политику в отношении военных чиновников, но это касалось только средних и низших ступеней табели о рангах, у первых же трех сохранялось полное равенство с гражданскими. Снижая к середине XIX в. в общей массе социальную значимость военных чиновников по сравнению с гражданскими, верховная власть в то же время стимулировала низший состав военных чиновников к проявлению повышенной активности и эффективности выполнения отдаваемых приказаний.

Наряду с наследственными титулами феодальное служилое сословие получало и значительную долю централизованно перераспределенной ренты в виде денежного и рисового жалованья. Определенную роль играли в 20—30-е годы и общинные пай, но их реализация все более подрывалась в связи с сокращением количества общинных земель в центре и на севере и почти полным отсутствием таковых на юге. В связи с этим в 1839 г. все чиновничество было переведено на денежное жалованье, а семье чиновника был оставлен лишь один пай под дом и приусадебный участок.

Рост численности бюрократического аппарата на всем протяжении первой половины XIX в., а в связи с этим и усиление феодальной эксплуатации тяжким бременем ложились на плечи крестьянства и трудового городского населения, вызывая периодические восстания крестьян, солдат и беднейшей части горожан.

Высшее чиновничество центрального государственного аппарата в столице — гражданские чиновники и военные — входило в группу чиновников императорского двора, присутствующих на императорских аудиенциях и принимающих решения по всем важным вопросам, естественно, с последующим одобрением или отклонением императором. Круг этих чиновников был довольно узок. Они занимали важнейшие посты во всех ведомствах.

Во главе каждого ведомства стоял глава (тхыонг тхы), должность которого была введена еще при императоре Зя Лонге. На эту должность назначались чиновники первого класса второго ранга. Кроме этого в каждом министерстве существовали должности двух первых советников (чиновников второго класса второго ранга); двух вторых советников, двух третьих советников, а также штат чиновников различных рангов и классов. В провинциях действовали местные государственные чиновники различных рангов.

С 1831 г. на севере (в Бактхане) и с 1832 г. на юге (в Зядине) вместе с новым административным делением была установлена новая структура провинциального чиновничьего аппарата. Император Минь Манг учредил должности тонг дока (генерал-губернатора двух либо трех провинций) и туан фу (губернатора непосредственно одной провинции). Будучи генерал-губернатором двух или трех провинций, чиновник в этой должности мог выступать в роли туан фу (непосредственного губернатора) одной из этих провинций, а другой или другими управлять по совместительству. Туан фу мог быть по совместительству и бо тинем (начальником налогового управления). В компетенцию

³⁷ DNTL. Т. 3, с. 180—186.

генерал-губернатора входило руководство всеми военными и гражданскими делами, поддержание в порядке состава всех гражданских и военных чиновников в провинции.

Налогообложением и финансами провинции ведал чиновник, занимающий должность бо тиня.

Судебные функции осуществлял начальник судебного управления (ан шат). В его функции входило ведение судебных уголовных дел в провинции, совершенствование нравов и обычаев, дисциплины, наказание и поощрение чиновников.

Провинциальные войска возглавлялись военачальником — лан бинем и его заместителем — фо лан бинем, на должности которых назначались чиновники третьего и четвертого рангов.

Вопросами образования в провинциях ведал чиновник четвертого или пятого ранга, занимающий должность док хока.

Заменяя на местах весь центральный специализированный аппарат, провинциальные власти могли во всех вопросах проводить свою собственную политику, ориентируясь на нужды своих районов, а не на формальные указания свыше. Однако это касалось в основном частных практических дел, а в глобальных вопросах политико-стратегического характера местные власти были вынуждены следовать предписаниям сверху.

Внутриполитическое положение страны

Первые 20 лет XIX в. были временем активной и напряженной деятельности феодального государства по социальному и политическому упрочению победы над Тэйшонами. С 1801 по 1804 г. Зя Лонг провел все необходимые мероприятия по закреплению за собой императорского престола, создал высшие звенья гражданской иерархии, полностью укомплектованные преданными ему людьми. Естественно, что основная роль при этом отводилась военным кадрам.

Воссоздание феодальной государственной системы на базе единственной системы, которой оно располагало, — армии развивалось не по какой-то определенной программе, а в ходе решения серии задач, важнейшими из которых были задачи экономические.

Решение этих проблем в первые годы XIX в. выпало на долю военных, из которых наибольшим доверием Зя Лонга пользовалась группа чиновников, разделившая с ним тяготы скитаний во время бегства в Сиам в 1783 г., куда они были загнаны блестящими победами Тэйшонов. Они составили наследственное сословие заслуженных лиц, которым щедро предоставлялись императорские милости на протяжении всего царствования Зя Лонга.

Наиболее крупными сановниками в государстве стали полководцы Нгуен Ван Нян, Нгуен Ван Чьонг, Ле Ван Зюет, Ле Тят, Нгуен Ван Тхань. Все они выдвинулись во время антитэйшонских выступлений в Зядине и всей своей карьерой были лично обязаны императору. Несмотря на известные противоречия, возникавшие между военными чиновниками, пришедшими из Тхуанхоа вместе с Нгуенами, коренными помещиками Зядиня и главным образом бывшими чиновниками — сторонниками Тэйшонов (сдавшимися в ходе войны), все они до 1802 г. были объединены общей идеей антитэйшонской борьбы. И все-таки между ними уже тогда возникали конфликты, иногда весьма существенные для будущего. Нгуен Ван Тхань враждовал с Ле Ван Зюетом, Нгуен Дык Суан прямо обвинял бывшего Тэйшона Ле Тята в измене, находя поддержку у всего двора. Наметились политические союзы, которым суждено было играть важную роль на протяжении первой четверти XIX в. Ле Ван Зюет поддерживал Ле Тята, и им часто поручалось ведение совместных военных операций.

Примечательно, что Зя Лонг отказался от старого принципа назначения на высшие посты своих родственников, хотя, возможно, это было связано с почти полным уничтожением их Тэйшонами. В текущей работе на местах до воссоздания гражданской

администрации армии помогали помещики, к которым Зя Лонг обращался еще перед походом на север. Помещики быстро заполняли вакуум власти, возникший вследствие того, что гражданский чиновник в областях, откуда удалось вытеснить Тэйшонов, был синонимом чиновника тэйшонского. Другой гражданской администрации север не знал, поэтому приход туда армии Зя Лонга в 1802 г сопровождался массовым сокращением чиновничьего провинциального аппарата. Восстановление аппарата феодального угнетения проводилось во многом новыми методами, упрощенными и гибкими одновременно, преимущественно на среднем и верхнем уровнях иерархии и руками военных из числа зядиньцев.

Правительство мало интересовалось структурными особенностями формирующегося феодального гражданского аппарата. Единственным обязательным принципом было использование военных кадров и военных методов в его высших звеньях. Притом необходимо учитывать и определенную европеизацию армейской организации в ходе войны с Тэйшонами, и массовость назначения низшего командного состава на гражданские посты.

В это же время последовательно осуществлялся перевод дипломированного чиновничества на жалованье, что в основных своих чертах было сделано к 1818 г. Жесткий режим экономии (отсутствие празднеств и др.), быстрая переориентация на неземледельческие источники доходов, бесспорное наличие средств, награбленных у Тэйшонов и конфискованных у их сторонников, активная поддержка со стороны купечества (главным образом китайцев) — все это дало определенные средства. При этом государство получало таким способом в основном деньги, а не рис, что привело с самого начала к переводу значительной части чиновников и солдат на денежное жалованье. Уже в 1803 г. все военные и гражданские чиновники севера были переведены на прожиточный минимум жалованья такого рода³⁸. Для того чтобы на полученные деньги можно было купить рис, необходимо было максимально быстро возрождать Зядинь как рисовую житницу. Эту цель и преследовали отмена налогов в этом сравнительно благополучном месте на ряд лет и быстрая демобилизация именно зядиньских крестьян из армии³⁹. То, что на первых порах Зя Лонг решал свои трудности за счет севера, объяснялось как необходимостью вознаградить свою старую социальную базу — зядиньских помещиков, так и пониманием того, что возрожденный богатый юг может скорее способствовать созданию мощной империи.

Включение в состав империи севера с его специфическими традициями, появление в администрации севера некоторого количества чиновников Ле, начало организации гражданской администрации — все это вызвало спор о том, какие традиции необходимо возрождать, чей опыт — Дангчаунга или Дангнгоая — должен лечь в основу создания империи. Даже среди южан, приближенных к Зя Лонгу, были сторонники реставрации по образцу Ле — Чинь. Их возглавлял Нгуен Ван Тхань. Возможно, именно как человек, которому были близки традиции Ле — Чинь, он и был назначен управляющим севера⁴⁰. Полной противоположностью ему был маршал-евнух Ле Ван Зюет, тесно связанный с Зядином и купечеством юга; близкие к нему позиции занимал Ле Тят. Было бы неправильно рассматривать Зя Лонга выразителем позиций феодалов какой-то одной части страны. Он стремился минимально обострять противоречия между двумя группами своих сторонников, оставляя их взаимные жалобы друг на друга, как правило, без последствий. В годы его правления постепенно усиливалось влияние уроженцев «старых областей» Нгуенов — центра и отчасти северян, хотя в своей практической деятельности Зя Лонг лишь в очень небольшой степени обращался к социальному опыту севера. Именно поэтому открытое столкновение произошло у него с лидером сторонников северных традиций. С небольшими вариациями с 1802 г. и до своей смерти в 1817 г.

³⁸ Там же, с. 151—156.

³⁹ Там же, с. 22.

⁴⁰ Там же, с. 44.

Нгуен Ван Тхань и его сторонники требовали восстановления общинного и условного чиновничьего землевладения⁴¹. Требования эти не оказали никакого влияния на политику правительства⁴². Не было принято никаких мер по ограничению частного землевладения; линия поощрения помещиков продолжалась. При составлении кадастра частные земли были юридически зафиксированы⁴³.

Обострение положения на севере и в центре в связи с крестьянскими восстаниями использовалось «консерваторами» для новых требований восстановления всевластия феодальной бюрократии, прекращения политики поощрения помещиков и купцов. Они требовали насильственного закрепления крестьян в деревнях, в то время как правительство просто облагало их налогами на новом месте проживания. Тогда в 1810 г. правительство нанесло решительный удар по «консерваторам», их лидер Нгуен Ван Тхань был снят с поста наместника севера и переведен на почетный, но маловажный пост в столице⁴⁴.

Посылка Ле Тята на север и принятие энергичных мер по подавлению восстаний привели к тому, что в 1810—1812 гг. они постепенно идут на убыль. Сменив Нгуен Ван Тханя, Ле Тят выяснил, что восстановление добрых старых порядков при Нгуен Ван Тхане сопровождалось ростом коррупции, крупных хищений, в том числе со стороны самого Нгуен Ван Тханя⁴⁵.

С момента перевода Нгуен Ван Тханя в столицу обостряются споры при дворе, но здесь «консерваторы» не получили почти никакой поддержки. В этой ситуации группировка Нгуен Ван Тханя решает действовать там, где у нее была какая-то социальная база, т. е. на севере. Возникает заговор, в котором принимают участие и остатки сторонников Ле в Бактхане⁴⁶.

Зя Лонг, верный своей осторожной политике, не торопился с решительными мерами, но, когда к 1815 г. стало очевидным, что «консерваторы» не пользуются почти никакой поддержкой в столице, были приняты жесткие и решительные меры в отношении руководителей заговора. Все они были казнены, Нгуен Ван Тханю было приказано покончить с собой⁴⁷. Чрезвычайно важно, что в решении динь тханов он был обвинен наряду с покровительством бунтовщиков и в подаче пристрастных и недостойных докладов⁴⁸. Таким образом, прямо было сказано, что Нгуен Ван Тхань был осужден за свою политическую программу, которая была объявлена преступной, а не только за связь с бунтовщиками. Обращает на себя внимание то единодушие, с которым высшая администрация и двор выступили против Нгуен Ван Тханя; основным его противником был Ле Ван Зюет⁴⁹. Вряд ли это можно объяснить только раболепным заискиванием перед императором, тем более что Нгуен Ван Тхань в течение трех лет открыто высказывал свои взгляды, не подвергаясь никаким репрессиям. Верхушка администрации в 1815 г. явно состояла из сторонников реалистической политики. Примечательно, что после воцарения Минь Манга мы не видим у власти в столице ни одного из этих людей.

Острой проблемой последних лет правления Зя Лонга был вопрос о наследнике престола. После борьбы победила кандидатура будущего Минь Манга, достигшего уже 30-летнего возраста, четвертого сына Зя Лонга, объявленного наследником за три года до смерти отца⁵⁰. Поскольку с первых же дней своего правления он показал себя последовательным сторонником консервативной политики, начал реализацию многих

⁴¹ Там же, с. 120—122.

⁴² Там же.

⁴³ Там же, с. 110—111.

⁴⁴ DNTL. Т. 4, с. 132, 150, 158.

⁴⁵ Там же, с. 153.

⁴⁶ Там же, с. 267—269.

⁴⁷ Там же, с. 319—321.

⁴⁸ Там же, с. 292.

⁴⁹ Там же, с. 268, 284.

⁵⁰ Там же, с. 288—289.

требований Нгуен Ван Тхяня, резко порвал с соратниками отца, можно считать, что его взгляды сформировались еще до воцарения, так как с самого начала он правил самостоятельно, не находясь ни под чьим влиянием и опекой. Зя Лонг, бесспорно, сознавал, что сын попытается пересмотреть его политику, и буквально на смертном одре, к которому помимо членов семьи Нгуенов были приглашены лишь Ле Ван Зюет и Фам Данг Хынг, вручил бразды правления сыну, а власть над югом — Ле Ван Зюету. Трудно сказать, помешало ли Минь Мангу сместить Ле Ван Зюета то, что последний был назначен его умирающим отцом формально уже при власти самого Минь Манга, или он не имел для этого сил, однако замысел Зя Лонга удался: на протяжении значительного периода своего царствования Минь Манг не имел возможности проводить консервативную политику на большей части территории своей страны. Если учесть, что севером до 1826 г. правил единомышленник Ле Ван Зюета — Ле Тят, то можно считать, что Зя Лонг оставлял после своей смерти достаточно уравновешенную систему.

1820—1830 годы были во внутренней политике временем попыток восстановления старой структуры класса феодалов на новой социальной базе. Но попытки такого рода с самого начала не ставили себе целью изменение социальной базы. О ликвидации частных земель и помещиков, восстановлении общинных земельных отношений, реальном отказе от жалованья никто не помышлял, кроме отдельных ярых «консерваторов». Методом проб и ошибок феодальная верхушка убеждалась в невозможности полного восстановления старой структуры власти на новой социальной базе, и поскольку базу изменить было невозможно, то медленно и постепенно менялась сама структура. На практике это изменение реализовалось в ходе борьбы двух групп — «реалистов» и «консерваторов». Верховную власть постепенно захватывали «консерваторы», но параллельно в их политике все больше появлялись элементы реализма. Носителями реалистических тенденций были крупные сановники — наместники времен Зя Лонга (Ле Ван Зюет и Ле Тят) и зядиньцы вообще. Носителями консервативных тенденций — столичная администрация Фусуана, верхушка чиновничества центрального аппарата в столице и старое кадровое гражданское чиновничество из северян. Во главе «консерваторов» стоял сам Минь Манг, бесспорно крупнейший политический деятель того времени.

Первоначально борьба шла между двумя этими группами, на позднем этапе она приняла характер междоусобной войны. Но даже военная победа императора в 1835 г. (подавление восстания сторонников Ле Ван Зюета на юге) не означала прекращения борьбы двух указанных тенденций и соответствующих групп. После воссоздания регулярной гражданской провинциальной администрации и по мере провала наиболее крупных консервативных начинаний или реализации их негативных последствий провинциальная администрация, тесно связанная с практическим положением дел в стране, начинает выступать, правда в новых формах, против линии «консерваторов».

В сфере экономики для первой части периода (1820—1827) были характерны попытки ослабить экономическую роль помещиков при помощи их социального притеснения и экономического ограбления, одновременно увеличив численность и расширив власть феодального чиновничества. Но попытки эти были еще сравнительно робкими и проводились только в центральной части страны, поскольку на севере и на юге сидели сторонники реалистической политики, практически независимые при решении внутренних проблем.

Сокращался общий объем денежного жалованья, куаны переводились на рисовое жалованье. Феодальное чиновничество стремилось изъять у купцов и промышленников наиболее выгодные сферы предпринимательской деятельности и поставить их под контроль «экономических» чиновников. Этой цели служило частичное установление государственной монополии на торговлю рисом, сахаром и пр., усиление регламентации в торговле и предпринимательстве, сужение сферы свободного предпринимательства в горнодобывающей промышленности. Особое место занимал отказ от политики поощрения

денежных отношений и отказ от поощрений в горнодобывающей промышленности, чья продукция материально обеспечивала развитие денежного обращения.

Уже эти первые годы показали, что ряд консервативных начинаний сводится на нет экономическими реальностями; в частности, регулярная замена налогового риса деньгами (при плохих урожаях) требовала больших масс денег. Проведение этой политики стало нарушать с трудом установившуюся экономическую систему начала XIX в., в которой важными факторами были денежное жалование чиновников и товарный рис помещиков, и не замедлило сказаться в наиболее бедной части страны — на севере и в Тхань-хоа — Нгеане, которые не снабжались в отличие от столичного района рисом из Зядиня. Здесь участились голодовки. Более частыми, чем раньше, и более затяжными стали крестьянские восстания. Напряженное, хотя и стабильное положение первых десятилетий стало быстро ухудшаться в ответ на попытки усиления феодально-бюрократической эксплуатации в деревне (дополнительно к помещицкой) и ограничение предпринимательской деятельности на шахтах. В сочетании с широким престижным строительством, увеличивающимися расходами на растущий чиновничий аппарат и малоэффективным ирригационным строительством в перенаселенных районах это привело к острой нехватке денежных средств, отказу от широких налоговых льгот, дальнейшему усилению налогообложения во всех областях. В богатом и практически независимом Зядине ухудшения экономического положения не ощущалось. В снабжавшемся им столичном районе ухудшение экономического положения стало ощущаться значительно позднее. Но на бедном севере, где часть экономической программы Минь Манга все-таки осуществлялась, и особенно в Тханьхоа и Нгеане, где она проводилась полностью, это ухудшение стало ощутимым. Особенно все указанные явления стали заметны с 1823 г., когда «консерваторы» во главе с Минь Мангом полностью устранили из столичной администрации сторонников более гибкой политики.

К чему же сводились конкретно экономические изменения этого периода, в целом связанные с попыткой восстановления старых норм? Рассматривая их, необходимо учитывать, что проведение политики восстановления отживших форм социально-экономических отношений было следствием заранее продуманной политики консервативной части феодальной верхушки, возглавляемой Минь Мангом. Все мероприятия этого рода начались сразу во всех областях в 1820 г., они расширялись и усиливались по мере сокрушения политических противников «консерваторов».

В сфере рынка, купечества и денежного обращения имели место децентрализация денежного хозяйства, отказ от изготовления средних серебряных денежных номиналов, усиление регулирующей роли государства на рисовом рынке, усиление налогообложения торговцев и промышленников и попытки заменить купеческую торговлю рисом завозом государством денег на юг и встречными казенными поставками риса в центр. Но одновременно еще проводились и мероприятия, связанные со старой политикой Зя Лонга: периодическое снижение налогов на рисоторговцев, поощрение внешней торговли, расширение общего объема денежного жалования.

В целом по мере приближения к концу этого периода реакционные мероприятия все больше преобладали над реалистическими. На 1824—1826 гг. приходился ряд запретов на экспорт, введение государственной монополии на свинец, резкий рост непроизводительных расходов на содержание императорского двора и столичного чиновничества (с 1823 г.) и, что особенно важно, постановка под государственный контроль как объединений торговцев и ремесленников, так и отдельных предпринимателей⁵¹. К 1826 г. становится совершенно очевидным стремление ограничить сферу денежного обмена и изъять у купечества торговлю наиболее массовым предметом потребления — рисом. С этой целью в районы, производящие рис, централизованно завозилось большое количество денег, закупленный на них рис перевозился, но уже в

⁵¹ DNTL. Т. 6, с. 38—99.

рамках государственных перевозок, теми же купцами, причем с низкой оплатой. Эти казенные перевозки, по признанию современников, были гораздо менее эффективными. Одновременно предпринимались попытки восстановить древнюю систему резервных рисовых складов (традиционно связанную с большими потерями риса) и тем самым еще более сузить сферу торговли рисом. Еще одним ударом по купцам с целью увеличить доходы как феодального чиновничества в целом, так и отдельных его представителей было начало борьбы с выгодной для купечества системой откупок, вначале только на таможнях. Все это ухудшало экономическое положение и не позволяло в случае неурожая и голодовок гибко маневрировать имеющимся рисовым резервом, который к тому же постоянно уменьшался, а необходимость маневрировать в то время была чрезвычайно острой. За эпидемией 1820 г., унесшей 200 тыс. жизней, последовали три года (1821, 1822, 1824) с засухой и голодом везде, кроме юга⁵². Естественное регулирование рисового рынка в эти годы было затруднено финансовой политикой Минь Манга, в которой непонимание законов денежного рынка сочеталось с рядом откровенно реакционных установок. Стройная и относительно современная денежная система времени Зя Лонга, основанная на крупных и средних серебряных номиналах, медных деньгах, имевших самостоятельную стоимость, и цинковых деньгах, имевших номинальную стоимость, стала быстро распадаться. Наивная вера Минь Манга в то, что для нужд народа достаточно традиционных медных денег, что серебро нужно лишь для больших выплат «большим людям», а цинковые деньги есть временное средство выхода государства из трудных финансовых ситуаций⁵³, пришла в противоречие с тем обстоятельством, что отказаться от регулярной выплаты огромных сумм жалованья и от получения таких же сумм в виде налогов, особенно в неурожайные годы, феодальное государство не могло. Если же денежная система была в расстройстве, то эти неизбежные массовые денежные операции влекли за собой большие убытки с обеих сторон. А это расстройство началось с первых же лет правления Минь Манга. Оно было как следствием спесивого презрения сановников к «купчишкам», что повлекло за собой конфликт и с предпринимателями и с торговцами цинком, так и следствием пренебрежения к законам денежного обращения, что выражалось в периодическом разрешении обращения всех видов денег, включая тэйшонские, и в консервативном недоверии к широкому обращению серебра. В непосредственной связи с этим находились и пренебрежение к регулярной добыче соответствующих металлов, навязывание меди вместо серебра и, наконец, порча качества слитков драгоценных металлов, основанная на непонимании чиновниками (но не купцами) различия между долей благородного металла в слитке и его номинальной стоимостью.

Но в целом реализация консервативной программы в первой половине 1820-х годов лишь начиналась, поскольку значительная часть верхушки феодального аппарата и его среднего звена была сторонниками Зя Лонга. 1820—1822 годы были временем массовой замены военных, в основном ядидьцев, гражданскими чиновниками, главным образом из центра и с севера. В 1821—1822 гг. была проведена замена высших сановников в столице, к власти приходят как новые люди из числа «консерваторов», например Нгуен Данг Туан, так и переметнувшиеся ветераны Зя Лонга: Нгуен Хыу Тхан, Чинь Хоай Дык и Фам Данг Хынг. Значительной властью в этот переходный период пользовались нейтральные политики времен Зя Лонга, такие, как Нгуен Ван Нянь и Нгуен Дык Суан, влияние которых, однако, быстро падало.

В эти же годы начинается борьба, пока еще не в острой форме, с наиболее последовательными сторонниками реалистической линии, прочно закрепившими за собой север и юг,— Ле Тяттом (север) и Ле Ван Зюетом (юг).

Дальнейшее развитие внутренней жизни Вьетнама этих лет происходило в условиях затяжных крестьянских восстаний, размахом и длительностью резко

⁵² DNTL. Т. 5, с. 176.

⁵³ DNTL. Т. 6, с. 137.

отличавшихся от крестьянских выступлений периода правления Зя Лонга. Основными очагами восстаний в это время были Тханьхоа и Нгеан⁵⁴, в меньшей степени — горные районы севера. Они, естественно, обостряли внутривластную обстановку в стране в 1823—1826 гг., ознаменовавшуюся совершенно новой расстановкой сил на политической арене: «консерваторам» в столичной верхушке резко противостояла гражданская и военная верхушка севера и юга, ставшая практически полунезависимой. В самом центре постепенное оттеснение военных от власти сопровождалось формированием политически пассивной группы чисто военных лидеров, лояльных по отношению к Минь Мангу и могущих в перспективе быть противопоставленными военным лидерам севера и юга. В этих условиях в 1824 г. развивается открытый конфликт императора с Ле Ван Зюетом и Ле Тят, в ходе которого выяснилось, что править без них практически невозможно: их совместная просьба об отставке⁵⁵, которой, по словам источника, они «пугали» императора, удовлетворена не была. Видимо, император действительно испугался, так как до конца жизни каждый из них оставался реальным правителем своих областей. При этом два этих лидера постоянно координировали свою политику. Особенно ярко проявился конфликт в 1825 г., когда правительство было почти полностью очищено от ветеранов и к власти пришли совершенно новые лидеры, такие, как Фан Хюи Тхык, Чьонг Ван Минь, Хоанг Кюинь и др.⁵⁶ В связи с этой сменой руководства необходимо отметить такую особенность политической жизни Вьетнама, как отсутствие постоянных лидеров, кроме императора. Таким образом, в это время основная борьба — это совместная борьба севера и юга против центрального правительства.

Что представляли собой Ле Ван Зюет и Ле Тят, какова была их политическая программа и социальная база, к чему они стремились и чего успели добиться, в чем была их сила, в чем была их слабость? Прежде всего необходимо сказать, что оба лидера были крупные политические деятели, ближайшие соратники Зя Лонга, последовательно проводившие его политику гибкого учета социально-экономических реальностей, отказа от полного восстановления норм феодально-бюрократического государства, политику опоры на помещиков и отчасти на купцов и горнопромышленников (без которых невозможно было решение финансовых проблем того времени). Различия же между ними были скорее всего различиями их экономической и военно-политической базы (бедный север с сильной прослойкой феодальной бюрократии и богатый помещичий юг с преобладанием военного чиновничества), а также различиями их личного опыта и темперамента: опытный и осторожный политик и полководец — евнух Ле Ван Зюет и обязанный всему своим личным качествам, блестящий и темпераментный военачальник, бывший тэйшон Ле Тят, особняком стоявший и в окружении Зя Лонга из-за своего тэйшонского прошлого⁵⁷. Источники неоднократно напоминают о единстве их политической программы, об объединении их в одну «партию», и есть все основания считать, что многие высказывания более резкого Ле Тята отражают общую линию их поведения, тем более что многие намерения Ле Тята не могли быть реализованы без помощи Ле Ван Зюета. И, наконец, существенно то, что критика Ле Тята как политического противника императора началась лишь девять лет спустя после смерти Ле Тята, когда умер и Ле Ван Зюет и было практически подавлено восстание Ле Ван Кхоя на юге⁵⁸. Очевидно, что Ле Ван Зюет препятствовал критике их общей политической программы.

Борьба двух этих политических лидеров с императором Минь Мангом выражалась в следующем: они подавали взаимно согласованные протесты против тех или иных мероприятий «консерваторов» и свои собственные предложения, шедшие вразрез с мероприятиями Минь Манга; самостоятельно назначали и смещали практически всех

⁵⁴ DNTL. Т. 8, с. 63—64.

⁵⁵ DNTL. Т. 7, с. 16.

⁵⁶ Там же, с. 144, 182.

⁵⁷ DNTL. Т. 3, с. 101.

⁵⁸ DNTL. Т. 17, с. 232—236.

чиновников во вверенных им областях и даже требовали пересмотра соответствующих решений императора; предпринимали коллективные демарши, оказывая давление на императора; присвоили себе всю полноту власти, вплоть до права смертной казни⁵⁹; оба публично признавали право смены императора и относительность императорской власти, причем Ле Тят прямо требовал дать ему на усыновление одного из принцев, что придало бы выступлению оппозиционеров черты легитимности. И, наконец, самое важное: на протяжении правления Ле Тята на севере и Ле Ван Зюета на юге они выполняли общеимперские приказы и распоряжения лишь в той мере, в какой это соответствовало их политической программе. Наиболее ярким проявлением этого были посылка Ле Ван Зюетом посольства в Англию (которое не сумело добраться до места назначения) и обмен посольствами с Бирмой⁶⁰. Это было явным покушением на прерогативы императора, но еще более явным покушением был план Ле Тята — насильственное свержение ближайших сотрудников императора Чинь Хоай Дыка и Нгуен Хыу Тхана при помощи прямой демонстрации при дворе. При этом оба наместника регулярно принимали у себя представителей императора, но обычными следствиями такого рода поездок были сообщения императору о том, что Ле Тят «сидит на императорском месте», или о том, что Ле Ван Зюет «строит себе мавзолей». Император обижался, но сделать ничего не мог. И при этом он отказался принять их отставку, поскольку за ними стояла сила. Что же это была за сила? На юге это были зажиточная часть крестьянства, помещики, армия, администрация и купечество Зядиня. На севере положение было иным. Основную опору Ле Тята составляли армия и преданные ему кадры администрации. Это было гораздо меньше того, чем располагал Ле Ван Зюет на юге, но это было и единственным, чем располагала здесь династия Нгуенов вообще.

1827 год был определенным рубежом в развитии страны. Смерть Ле Тята и подчинение севера центральному правительству расширили социально-экономическую базу консерваторов, что повлекло за собой, с одной стороны, дальнейшее укрепление центральной власти, с другой стороны, обострение социальных конфликтов.

С 1836 г., после победы в междоусобной войне и подавления основных очагов восстаний вьетнамских крестьян на севере и в Тханьхоа — Нгеане, противостояние носителей двух тенденций в феодальной верхушке («реалистов» и «консерваторов») утратило характер открытой борьбы. В то же время явный неуспех проведения консервативной политики на севере и восстания там, а также отказ от радикальной аграрной перестройки юга окончательно показали невозможность последовательного проведения консервативной политики. Поиски выхода из противоречия между новой социально-экономической базой и старой формой организации феодального государства получили характер практических решений тех или иных конкретных задач в рамках, более близких к реалистической линии, ибо иных путей во вьетнамском обществе XIX в. не было. Говорить о возвращении к реалистической политике первых десятилетий нет никаких оснований, но и консервативных решений в это время в аграрной политике феодального государства было не много. В немалой степени этому способствовали результаты реакционных экспериментов Ву Суан Кана и Нгуен Конг Чы, когда была предпринята попытка противопоставить общей тенденции провинциальной администрации к гибкой политике на местах образцы последовательно проводимой консервативной линии в местном управлении⁶¹. Результаты этих реакционных экспериментов в Куангиене в 1833—1839 гг. и в Биньдине в 1839—1841 гг. были плачевны и во многом определили на долгое время нежелание центральной администрации вмешиваться в ту сферу, которую она торжественно объявила основной, — в земледелие.

Конец 20-х — середина 30-х годов XIX в. были временем острой политической борьбы, шедшей на фоне быстрого роста многочисленных крестьянских выступлений на

⁵⁹ Там же, с. 204—208, 232—236.

⁶⁰ DNTL. Т. 17, с. 207; т. 6, с. 252.

⁶¹ DNTL. Т. 21, с. 148—150.

севере и в Тханьхоа — Нгеане. Крестьянство экономически и социально ощущало возвращение государства к системе двойного гнета — феодалов-чиновников и помещиков,— который был основной причиной восстания Тэйшонов. Можно предполагать, что уход с поста, болезнь и смерть Ле Тята послужили сигналом к восстанию Фан Ба Ваня не только потому, что не стало опытного и авторитетного военного феодального лидера, но и потому, что сразу началось восстановление ненавистных крестьянам старых порядков. Экономические трудности, крупные крестьянские восстания обострили в эти годы борьбу среди политических лидеров в правительстве. Столицу потрясали непрерывные смены и перемещения высших чиновников. Полный разгон по чисто политическим соображениям всей администрации Ле Тята на севере (за «неуважение законов», т. е. за невыполнение распоряжений Минь Манга) не мог не ослабить феодальной власти на севере, что повлекло за собой новое усиление крестьянских восстаний. Восстание Фан Ба Ваня было принципиально новым явлением. Впервые после восстания Тэйшонов возникла территория, долгое время контролируемая восставшими крестьянами. Но правительство Хюе поставило в эти годы задачу борьбы со своими политическими противниками в стане феодалов на первое место. В ущерб качеству управления севером был отменен пост наместника всего севера, что резко снизило эффективность руководства⁶². Тогда же военные функции начали передавать гражданским чиновникам, что было полным отказом от административных традиций Нгуенов вообще и Зя Лонга в частности⁶³. Одновременно в министерства назначаются по несколько министров сразу, в то же время один министр мог вести дела нескольких министерств. Это понижало компетентность руководства в министерствах, усиливало власть императора и мешало текущей работе. Еще в 1827 г. была сделана попытка подчинения Зядиня путем замены там кадров и последующего увеличения вывоза риса из Зядиня. Попытка эта провалилась, и с тем большим рвением консервативные сановники и Минь Манг обрушились на еще сохранившихся в центральном аппарате ветеранов Зя Лонга, массами переводя их детей и родственников в категорию крестьян. Продолжалась централизация государственного аппарата. Был создан придворный совет (ной как), который должен был выполнять функции премьер-министра, но в силу отсутствия в своем составе высших чиновников не представлял опасности для императора⁶⁴. Начало 1830-х годов ознаменовалось завершением смены администрации на севере и разрастанием конфликта с Зядином по целому ряду вопросов. Но до самой своей смерти в 1832 г. Ле Ван Зюет сохранял возможность прямого давления на императора. Смерть же Ле Ван Зюета превратила многолетний конфликт феодалов юга с императором в открытое столкновение. 18-го числа пятого месяца 1833 г. ночная атака 60 солдат при поддержке пяти слонов привела к свержению наместника императора, назначенного на место Ле Ван Зюета⁶⁵. Власть на юге без боя перешла к приемному сыну Ле Ван Зюета, дальнему родственнику Нгуенов — Ле Ван Кхою. Началась трехлетняя война феодалов юга с центральным правительством, война, исход которой вначале вряд ли казался кому-либо предрешенным. Широчайший размах восстания на севере, один из лидеров которого был тестем Ле Ван Кдоя, и затянувшаяся война в Камбодже привели к тому, что императору пришлось бросить в бой свою личную гвардию. Но большинство военных и политических лидеров оказали поддержку Минь Мангу, а разрозненные выступления на севере так и не слились в единое мощное восстание. Это позволило взять часть войск с севера и сравнительно быстро оттеснить войска Ле Ван Кхоя в г. Зядинь (Фиенан), Связь с морем, большие запасы продовольствия и денег, а также бесспорная поддержка части жителей города позволили Ле Ван Кхою в течение двух лет удерживать город. Определенную поддержку вначале он имел и у сельского населения в Зядине, где в

⁶² DNTL. Т. 10, с. 365.

⁶³ Там же, с. 364.

⁶⁴ DNTL. Т. 9, с. 349.

⁶⁵ DNTL. Т. 12, с. 213.

1834 г. представителям центрального правительства так и не удалось собрать налоги⁶⁶. Локализация восстания в Зядине позволила перебросить часть войск обратно на север и подавить там восстания крестьян и горожан Ханоя.

Поддержка боеспособной армии дала возможность не только осаждать и штурмовать Фиенан и подавлять восстания на севере, но и вести активные боевые действия в Камбодже и лаосских княжествах. В 1832—1835 гг. затяжные крестьянские восстания были постоянной реальностью внутривосточной жизни Вьетнама, и власти ограничивались их локализацией. Это позволило выделить войска для войны в Зядине и за пределами страны, но имело далеко идущие отрицательные последствия для феодалов на севере, где значительная часть крестьянства успела побывать в повстанческих отрядах и хранила их традиции, что значительно облегчало восстания последующего периода. Наиболее дальновидные продолжатели «реалистической традиции», среди которых в это время выделяется Нгуен Данг Зяй, прямо предлагали восстановить помещичьи дружины и передать помещикам эффективную власть на местах, но политическая близорукость и традиционное недоверие к помещикам как к социальной силе привели к тому, что динь тханы и двор отвергли это предложение. В немалой степени спокойствию правительства Минь Манга и консерваторов в целом способствовал тот факт, что к середине 1835 г. восстания пошли на убыль.

Вторая половина 1830-х годов отмечена продолжением последовательной консервативной политики в деревне и в сфере феодальной эксплуатации и частичной либерализацией торгово-предпринимательской сферы. Усилились меры по экономическому ущемлению помещиков; в Биньдине и частично в Зядине конфисковались частные земли.

Однако в 1839 г. практически все чиновничество было переведено на денежное, отчасти рисовое жалованье⁶⁷. Этому способствовали довольно энергичные меры по восстановлению горнодобывающей промышленности, сопровождавшиеся отказом от ряда консервативных положений прошлого: частичное восстановление откупа шахт, повышение заработной платы шахтерам и десятникам, посылка на шахты в качестве «экономических» чиновников наиболее ответственных и способных администраторов из столицы⁶⁸. Для восстановления рынка на один год были отменены все налоги на торговлю; фактически запретительные пошлины предыдущего периода заменены традиционной пошлиной — $\frac{1}{40}$ ⁶⁹; пытались расширить золотое и серебряное обращение, соотносить стоимость денег с реальным содержанием металла⁷⁰. Но проведение этих мероприятий явно было не реализацией программы какой-то группы сановников, а скорее попытками улучшить способы феодальной эксплуатации. Параллельно осуществлялось проведение целого ряда архаических мер. Последнее во многом было обусловлено тем, что проводили эту политику, бесспорно, господствующие с середины 1830-х годов консервативные лидеры, ведущая роль среди которых принадлежала Чьонг Данг Куэ, Ву Суан Кану, Ха Зуи Фиену, Данг Ван Тхиему и др.

Конец 1830-х годов для консервативной феодальной верхушки Вьетнама казался временем внутривосточной стабильности и внешнеполитического могущества. Страна была торжественно переименована в Дайнам⁷¹. Прекратились крестьянские восстания, затихла борьба феодалов в стране и при дворе. Влияние Дайнама, казалось, с каждым днем крепло в Камбодже и лаосских княжествах.

⁶⁶ DNTL. Т. 15, с. 241—242.

⁶⁷ DNTL. Т. 21, с. 263—265.

⁶⁸ Там же, с. 155—156.

⁶⁹ Там же, с. 118—119.

⁷⁰ Там же, с. 197.

⁷¹ DNTL. Т. 20, с. 65—66.

Ничто не предвещало новой полосы экономических и социальных трудностей, когда в 1840 г. умер, добившись, казалось бы, всех поставленных перед собой целей, император Минь Манг.

40-е годы XIX в. стали заметной вехой в историческом развитии Вьетнама. Именно в это время, когда острота аграрного кризиса временно спала в результате регулярной эксплуатации Зядиня и сравнительного упрочения положения на севере и в центре, при политической стабильности внутри страны, стали очевидны органические пороки той системы эксплуатации в экономических, социальных и политических сферах, которую навязывала стране в течение 20 лет феодальная верхушка руками центрального правительства. Если в предшествующий период ряд провинций центра не был в состоянии прокормить свое собственное чиновничество, то сейчас это положение распространилось на весь центр и большую часть севера. Практически большая часть прибавочного продукта в этих частях страны шла помещикам, отстраненным от политической власти. Феодальное же чиновничество, центральное правительство и армия фактически существовали за счет враждебного им Зядиня. В этих условиях центральное правительство утрачивает заинтересованность в повседневном руководстве большей частью страны, что ярко выражается в отказах реагировать на насущные проблемы провинций, которые пытается отстаивать провинциальная администрация. В провинциях складываются устойчивые, долго не перемещаемые кадры администрации, которые порой яростно спорят с центром, не подвергаясь при этом репрессиям. Столица вяло реагирует на импульсы с мест, и даже крупнейшие принципиальные решения (признание развала общины и отказ от ее использования в качестве фискальной единицы) принимались в рабочем порядке и занимали очень небольшое место в повседневной деятельности министерств и ведомств. Об ослаблении связей между центральной администрацией и провинциями ярко свидетельствует высказывание нового императора, Тхиеу Чи (1841 — 1848), о том, что в докладах, присылаемых из провинций, не говорится ни о каких делах. «Или в Поднебесной нет никаких дел, достойных упоминания?»⁷² Предельно ясным становится противопоставление провинциальной администрации центра и севера (и тем более юга) центральному правительству, которое отказывается от проведения даже консервативных мероприятий.

Немалую роль в распаде стройного административного здания, созданного Минь Мангом, сыграла деятельность плохо контролируемого и безответственного цензора; его противоречивые высказывания и рекомендации хотя и не оказывали большого влияния на течение дел, но заметно обостряли положение при дворе и в столице, тем более что зачастую критике подвергался император, порой по пустяковому поводу⁷³. Намечается не только совершенно очевидное ослабление влияния столичной администрации на дела провинций, но и ослабление власти императора в столице.

Здесь также сложились устойчивые группы феодальных лидеров со своими программами; они, как и усиливающийся цензорат, все меньше считались с мнением императора. Чрезмерно разросшийся императорский дом также принимал все более активное участие в делах управления, внося в них сумятицу и разноречивость. Все это сопровождалось падением дисциплины столичного чиновничества, неисполнительностью, пьянством и т. д. Налицо очевидный упадок власти, сыгравший немалую отрицательную роль во время войны с Францией. Растущая самостоятельность провинциальных властей не могла не сопровождаться заметным возрождением торговли и купечества, некоторым оздоровлением денежного обращения, но горная промышленность находилась в упадке, аграрная ситуация в центре и на севере была явно ненормальной, количество риса и земли на душу населения падало, большие военные затраты были напрасными. Все это показывает, что восстановление архаической системы гражданского управления в ее законченном виде, при котором высшее ее звено (столичное чиновничество) порождало

⁷² DNTL. Т. 24, с. 298—299.

⁷³ DNTL. Т. 23, с. 92—101, 127.

и пыталось реализовать консервативные идеи, оказалось исторически оправданным применительно к средним и низшим звеньям, т. е. к провинциальной администрации. Эта администрация все более сознавала свое тождество с интересами помещиков и слившегося с ними низшего недипломированного чиновничества (лай зить) и последовательно проваливало все попытки социального ущемления помещиков. Архаичность и избыточность консервативного столичного чиновничества становятся полностью очевидными в это время, и уже раздаются призывы если не к ликвидации этой группы, то к полному изменению ее персонального состава.

Важнейшими событиями были в 40-х годах постепенный отказ от опоры на общину в ряде районов страны и требования перехода к налогообложению конкретных городов, деревень и даже отдельных хозяйств. Об этом свидетельствует доклад генерал-губернатора Шонтэя — Хынгхоа — Тхайнгуена: «Крестьяне в общинах и деревнях большей частью зовутся жителями одной общины, но жители, общинные дома, пагоды, земли — все у них отдельное, у них нет родственных чувств по отношению к соседям и родственникам; есть места, где в настоящее время одна община разделена на две деревни либо на три, четыре, пять деревень, а так как земли было то больше, то меньше, крестьянское население то густое, то редкое, поэтому и солдатская повинность была то тяжелая, то легкая и налоговые сборы то большие, то маленькие. Что касается обычаев народа, то (крестьяне. — *Авт.*) постоянно делились на группы, а по записным книгам — это одна община. Например, одна деревня — густонаселенная и богатая, а вторая и третья — редконаселенные и бедные либо вторая и третья — густонаселенные и богатые, а первая — редконаселенная и бедная. Если же компенсацию за бегство солдат и налоговые недоимки собирать одинаково со всей общины, то, поскольку земля и общинники (имущественно) совершенно разные, одна деревня колеблется и не хочет страдать из-за другой деревни. Если же заставляют одну деревню нести повинность, то ясно видно, что она окажется в бедственном положении и не сможет этого вынести; вот и получается, что одна деревня бежит (пустеет), а вторая и третья деревни тоже разбегаются вслед за ней».

В связи с этим генерал-губернатор просил: «В тех общинах, где население, общинные дома, пагоды, земли — все раздельное (например, община Бошон — две деревни Бошон и Кхале и т. д.), то там оставить старое название общины, а затем четко вписать в списки, каким деревням принадлежат эти земли, каким общинникам принадлежат эти земли, для того чтобы приводить в качестве свидетельства при расследованиях»⁷⁴.

В эти годы продолжается экономическое усиление помещиков, которому уже никто не пытался препятствовать. Продолжается и их конституирование в качестве ранговых феодалов (покупка феодальных рангов). Быстрыми темпами идет расслоение деревни, несмотря на отсутствие крупных голодовок, продолжается самовольный уход из деревень. Деревня перестает быть основой традиционной административной организации; служба за деньги одних вместо других настолько широко распространилась, что появились предложения о признании практически профессионального характера армии, ее соответственном резком уменьшении с привлечением в случае необходимости ополченцев, прошедших лишь обязательное военное обучение.

В стране сокращались проверка и контроль общинных списков. Резко упрощается процедура исключения умерших из списков⁷⁵, признается право на заклад и аренду общинной земли без ограничения срока, государство отказывается от контроля за арендой⁷⁶. Государственные монополии сохраняются только по отношению к второстепенным сельскохозяйственным культурам, заметно уменьшается казенный завоз риса в различные районы страны, сокращается строительство дамб. Регулярно уменьшаются годовые налоги, в чем немалую роль играет то обстоятельство, что

⁷⁴ DNTL. Т. 24, с. 179—180.

⁷⁵ DNTL. Т. 25, с. 142.

⁷⁶ Там же, с. 186.

широчайшее использование зядиньского риса уже не сопровождается (в отличие от времени Ле Ван Зюета) регулярной отправкой больших сумм денег на юг. Усиленное использование экономических ресурсов Зядиня, возможно чрезмерное, дошло до того, что порой приходилось временно снижать налоги и в Зядине.

Финансовые проблемы продолжали оставаться сложными и запутанными. Объем денежной массы рос параллельно росту числа населения, но структура ее была архаической, преобладала медь, а не серебро и золото. В стране продолжалась острая нехватка серебра, рыночная стоимость которого была в 3 раза выше официальной⁷⁷.

В налоговом деле и выплате жалованья деньги играли ведущую роль, тем более что государство постепенно возвращалось от массовых перевозок денег к использованию рынка и купцов. О неэффективности таких перевозок свидетельствует то, например, что во время одной перевозки крупной суммы денег из столицы в Ханой четвертая часть этой суммы была разворована. В сфере налоговой эксплуатации помимо высокой роли денежных налогов необходимо отметить отказ от малоэффективных усилий в деле налогообложения горцев и китайцев, а также регулярное временное снижение налогов как вследствие неурожаев, так и при очень больших урожаях из-за перегрузки рисовых складов.

Был сделан ряд уступок купечеству, что повлекло за собой быстрый рост торговли с самого начала 1840-х годов. Этими уступками являлись как периоды беспошлинной торговли, сокращение числа внутренних таможен, так и возвращение к системе аренды таможен купцами.

Немалую роль во всем этом играла борьба ряда провинциальных лидеров за интересы купечества. Они настолько тесно связали себя с интересами купечества, что один из них был назван «проповедником коварных купцов» за высказывание о том, что «земля и небо породили имущество не для государства, а для народа и нужно поощрение, чтобы люди, выставяющие товары и занимающиеся торговлей, тоже в равной мере пользовались выгодой»⁷⁸. Но было бы неверно говорить о политике поощрения купечества, хотя правительству было ясно, что с купечеством нельзя не считаться. («Если в местах производства не будут с охотой торговать товарами, то нельзя будет выполнить закон о закупках и народу придется туго»⁷⁹.) По мере роста торговли и обогащения купцов была сделана попытка лишить их части доходов, особенно на юге, за счет установления государственных цен на товары и введения сложных регламентаций⁸⁰.

Государственная экономика не была предметом особых забот правительства, что не могло не повлечь за собой ее упадка даже в военной промышленности столицы. Сократился общий объем государственных перевозок риса (казенные перевозки риса в столицу уменьшились в 3 раза).

Из тех лидеров, которые были у власти в течение этого десятилетия, нужно выделить регента Чьонг Данг Куэ, Ву Суан Кана — второго человека в государстве, Лам Зуи Хиэпа — все они последовательно придерживались консервативных взглядов, контролировали лишь общее руководство страной и мало были связаны с провинциальной администрацией. Им противостояла группа провинциальных лидеров, требовавших проведения более гибкой социальной и экономической политики. Эта группа регулярно выступала со своими предложениями и в столице (Нгуен Данг Зяй и Нгуи Кхак Туан), где их осторожно поддерживала группа практических политиков, с опытом работы в провинциях (среди последних можно выделить Фан Тхань Зяна), Особняком стояла группа военно-гражданских лидеров умеренно консервативного направления, руководствовавшаяся в своей деятельности не только консервативными идеалами, но и насущными потребностями страны, особенно военно-политическими: Нгуен Чи Фьонг,

⁷⁷ DNTL. Т. 26, с. 59.

⁷⁸ DNTL. Т. 24, с. 265.

⁷⁹ DNTL. Т. 25, с. 233.

⁸⁰ Там же, с. 221.

Чыонг Минь Зянг. На протяжении 10 лет соотношение сил этих группировок существенно не менялось, хотя в 1848 г. при новом молодом императоре, Ты Дыке (1848—1883), взаимоотношения их резко обострились. Уже в конце первого года правления Ты Дыка стали видны противоречия между группой чиновников-консерваторов Лам Зуи Хиэпа, к которой примыкал Нгуен Чи Фыонг, и группой Нгуен Данг Зяя. По словам Ты Дыка, «когда они говорят, то как будто бы шутят друг с другом, но если взглянуть пристально в их душу, то кажется, что между ними есть разногласия»⁸¹. Очень скоро чиновники перешли от насмешек к более резким проявлениям чувств, и в 1849 г. при дворе разразился кризис. Поводом для конфликта послужило обсуждение кандидатуры на пост генерал-губернатора Нгеана—Хатиня. Не желая терпеть в столице лидера «реалистов», консервативное чиновничество решило отправить Нгуен Данг Зяя в почетную ссылку. Инициатором этого явился Чыонг Данг Куэ. Зяй отказался, сославшись на то, что всего год находится в столице. Против него выступил Нгуен Чи Фыонг. Тут же один из чиновников заявил, что Зяй любитель азартных игр и надо выбрать кого-либо другого, например Лам Зуи Хиэпа или Фан Тхань Зяна, известных примерным поведением. Но Фан Тхань Зян тоже отказался. Тогда Зяй подал доклад императору, в котором открыто изложил мотивы выдвижения его консервативным чиновничеством на провинциальную должность: «Двор решил выдвинуть меня на эту должность, так как у меня прямой характер, всегда, когда говорю, не избегаю конфликтов, при обсуждении дел имею отличное (мнение.— *Авт.*), разве не поэтому они не хотят находиться со мной в одном ряду?»⁸². Далее Зяй прямо говорил о борьбе партий при дворе: «Когда я вдалеке, двор беззаботен, гражданские (чиновники.— *Авт.*) безмолвствуют, военные веселятся, а сегодня я подаю тайный доклад, завтра подам обвинительный, разве не потому динь тханы ненавидят меня, что я не вхожу в одну клику с ними?»⁸³. На этом конфликт не кончился. Сановники начали борьбу по поводу выдвижения еще одной кандидатуры, и споры стали столь бурными, что вмешался цензорат. Император резко выбрал обе группировки, напомним о старой вражде Нгуен Данг Зяя и Лам Зуи Хиэпа. В разгар ожесточенных столкновений была похищена принцесса, невестка Чыонг Данг Куэ; нити преступления вели в придворный совет и дворцовую стражу. Положение при дворе стало критическим. Глава цензората Буй Куй обвинил Чыонг Данг Куэ в узурпации власти, а Нгуен Данг Зяя — во вздорных речах. Страсти так накалились, что император с удивлением похвалил Куй, не испугавшегося могущественных вельмож, и, обвинив в «разделении на группировки», понизил Чыонг Данг Куэ на две ступени, Нгуен Данг Зяя — на три⁸⁴.

В следующем месяце Нгуен Данг Зяй был отправлен генерал-губернатором в Нгеан—Хатинь, Нгуен Чи Фыонг отправлен наместником в Намки (юг), где в 1849 г. эпидемия унесла более полумиллиона жизней.

В столице остались одни консервативные лидеры, однако часть страны находилась под управлением «реалистов» (Нгуи Кхак Туан в Шоннаме, Нгуен Данг Зяй в Нгеане) и практиков (Нгуен Чи Фыонг в Намки). В известной мере воспроизводилась ситуация 1820—1827 гг., с той только разницей, что сам Ты Дык не был «консерватором». Хранителями консервативных традиций оставались «люди Минь Манга»: Чыонг Данг Кюэ, Лам Зуи Хиэп, Ха Зуи Фиен. Ты Дык в известной степени находился под их влиянием и соглашался с их требованиями, если «консерваторы» ставили вопрос категорически; так, они провалили инициативу императора, направленную на возвращение конфискованных частных земель в Биньдине. Однако в то же время Ты Дык охотно санкционировал почти все мероприятия как практического, так и законодательного характера, исходившие от «реалистов». На протяжении четырех с половиной лет — с

⁸¹ DNТL. Т. 27, с. 150

⁸² Там же, с. 204.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же, с. 206.

начала 1850 г. до своей смерти в середине 1854 г.— лидеры «реалистов» Нгуен Данг Зяй и Нгуи Кхак Туан, обладавшие практически верховной властью на севере, проводили почти во всех областях экономики и управления идеи возвращения к нормам эпохи Зя Лонга. Не будет преувеличением сказать, что идея возвращения к нормам эпохи Зя Лонга стала знаменем почти всех мероприятий, предлагаемых и осуществляемых в период 1850—1854 гг.

Всемерно повышалась роль лай зитей в общине и волости (тонг), и ограничивалось вмешательство чиновничества в дела этих административных единиц. Отныне чиновники в фу и хюенах сами не составляли списки, а лишь приказывали «крестьянам». «Крестьяне», а скорее всего помещики составляли эти списки, а провинциальные чиновники их только просматривали. Из центра, чего не было ранее, вообще никого не присылали. Помещики получили возможность сами оформлять в записных книгах захваты зависимых крестьян и их земель⁸⁵. В докладе Нгуен Данг Зяя специально указывалось, что ранее ли зити не собственноручно составляли списки общинников, а вынуждены были пользоваться услугами провинциальных секретарей. Если же количество земли и налогоплательщиков не изменялось (по мнению тех же ли зитей), то списки эти вообще не надо было составлять⁸⁶. Пересматривался и основной принцип общинного администрирования. Переписи один раз в три года практически отменялись. Отсутствие переписей вело к окончательному распаду общинной собственности — превращению общинного держания в наследственное, а затем в аллод. На усилении помещиков — ли зитей — как единственной администрации общин и волостей настаивал и Нгуи Кхак Туан. Он предлагал увеличить количество местных чиновников в волости и отменить посылку провинциальных чиновников в горные районы⁸⁷, в национальных районах управлять должны были местные вожди. Ли зити получали денежно-рисовое жалованье — 1 куан 2 тиена деньгами либо в пересчете на рис — и становились официально частью государственного аппарата.

Одновременно началась кампания за сокращение числа дипломированного чиновничества. Зачинщиком ее был все тот же Нгуен Данг Зяй, который предложил для этого ликвидировать провинцию Хатинь, разделив ее территорию между Нгеаном и Тхуан-хоа⁸⁸. «Реалисты» хорошо понимали, как страдал Вьетнам от избыточного количества служилых феодалов. Несмотря на то что его предложение не было принято, оно не осталось незамеченным. Идея укрупнения провинций снова всплыла в пятом месяце 1853 г., когда европейское вторжение уже «висело в воздухе» и, возможно, ощущалась необходимость срочно укрепить Намки в военном плане. Для обсуждения этой проблемы император пригласил двух «консерваторов» (Чыонг Данг Куэ, Данг Ван Тхиема) и двух «реалистов» (Нгуен Данг Зяя, Нгуи Кхак Туана). (Такое сочетание в начале 50-х годов XIX в. было постоянным явлением.) В подходе «консерваторов к этому вопросу проявлялась лишь забота о возможности набора войск. Считалось, что на укрупненной территории это сделать легче. Чыонг Данг Куэ полагал, что из шести провинций можно сделать две-три. Данг Ван Тхием, как истинный питомец Минь Манга, был настроен скептически. Он считал, что в Намки народ из Куангнама до сих пор еще живет «как на чужбине», еще не стал местным населением, поэтому «набранные утром войска днем разбегутся»⁸⁹. «Реалисты» были вполне уверены в возможности обороны Намки, однако Нгуи Кхак Туан рассматривал эту проблему как возможность прежде всего для немедленного сокращения числа чиновников. Французское вторжение помешало реализации этих планов.

⁸⁵ Там же, с. 108.

⁸⁶ Там же, с. 237.

⁸⁷ Там же, с. 284.

⁸⁸ Там же, с. 236—238.

⁸⁹ Там же, с. 386.

Одной из основных проблем было создание стабильной и хорошо обученной армии. Ни тем ни другим качеством вьетнамская армия в первой половине XIX в. не обладала. Бегство из армии продолжалось, и ни освобождения от замены беглых солдат, порой до трех лет, ни сокращения набора солдат из общин с редким населением, ни установление 10-летнего срока замены беглых солдат не помогали. Все это заставляло государство прибегать к найму солдат из неприписных крестьян. В середине века войска из неприписных крестьян насчитывали в среднем от 15 до 30% солдат в армии.

В сфере экономики явственно виделось разделение приложения усилий «консерваторов» и «реалистов». Первые были заняты в основном организацией освоения целинных и заброшенных земель при помощи дон диенов, вторые пытались оздоровлять торговлю и финансы.

Во втором месяце 1852 г. Ты Дык поднял вопрос о возвращении землевладельцам конфискованной частной земли в Биньдине. Но после долгих споров и решительного отказа Ха Зуи Фиена и Чыонг Данг Куэ согласиться на возврат помещикам как всей конфискованной земли, так и хотя бы «компромиссных» 10% победа осталась за «консерваторами»⁹⁰. Но этим дело не кончилось, просьбы о возвращении биньдиньской земли снова стали появляться в докладах императору⁹¹.

Единственной сферой экономики, в которой активно действовали «консерваторы», было земледелие, хотя создание дон диенов в Намки в начале 50-х годов преследовало и военные цели. Несмотря на то что дон диены были традиционной формой освоения целинных земель, в Намки они приняли своеобразную форму и несколько напоминали дон диены периода Зя Лонга. Во-первых, их частично обрабатывали группы бедных крестьян, уже потом превращаемых в военные подразделения (а не изначально солдаты). Во-вторых, по свидетельству посланного императором чиновника, эти земли только в период освоения были дон диенами, а в будущем должны были стать частными землями. В-третьих, крестьяне, уходившие из общин и вступавшие в дон диены, получали освобождение от налогов на пять лет.

Так же обстояло дело с дон диенами и в период Зя Лонга, только тогда организаторы дон диенов, уходившие из общин, получали полное и пожизненное освобождение от налогов и повинностей. Они превращались во владельцев созданных при участии государства поместий с фиксированным налогом. Все, что они выжимали из крестьян больше налоговых ставок, они присваивали себе. Дон диены 50-х годов отличались от зялонговских меньшей свободой и значительно большим контролем со стороны администрации Нгуен Чи Фыонга.

Наибольшее сопротивление созданию новых дон диенов оказали помещики, которые не хотели терять своих зависимых и «распространяли слухи, смущающие крестьян». Несмотря на это, уже в первое время было организовано 100 поселений. Программа была рассчитана на долгие годы, но была прервана французским вторжением. И тогда дон диены должны были оправдать свое название — военные поселения.

На севере в это время «реалисты» проводили программу по восстановлению торговли, финансов и организации промыслов.

Предлагалось прекратить использование даровой силы солдат и платить за работу и доставку материалов деньги по государственным ценам либо покупать все по рыночной цене. Кроме того, предлагалось прекратить практику принудительных закупок крестьянами различных товаров и поставок в пользу государства. Для этого надо было учредить производственные и торговые объединения (хо). Члены этих объединений должны были освобождаться от военной службы и общественных работ, а налог платить произведенной продукцией или товарами. В случае массовых государственных закупок полагалось по правилам эпохи Зя Лонга разверстать всю сумму на земельную площадь, а потом вычитать из побочных земельных налогов с крестьян. Цена закупаемого, которая

⁹⁰ Там же, с. 336.

⁹¹ DNTL. Т. 27, с. 412-413.

должна была лечь в основу суммы, вычитаемой из побочных земельных налогов, устанавливалась по рыночной. По сравнению с прежним порядком, когда вычитаемая сумма разверстывалась между всеми общинниками вне зависимости от их земельных владений, новый порядок должен был несколько облегчить положение безземельных бедняков (не плативших земельных налогов) и ударить по богатым и средним землевладельцам. Благоприятно должен был отразиться на ремесленниках и торговцах и запрет заниженной государственной цены на ремесленные изделия, покупаемые государством.

Было предложено также поднять фрахтовые цены на транспортные корабли, предлагалось освободить владельцев кораблей от военной службы и трудовых работ, разрешить набирать в гребцы крестьян. Вся процедура — фрахт кораблей, оплата гребцов и т. д. — устанавливалась по нормам эпохи Зя Лонга. Кроме того, предусматривалось улучшение транспортных путей.

Многое из этой программы после обсуждения чиновниками двора реализовалось, но что именно — неизвестно⁹². Вопрос о закупке товаров по рыночным ценам был поднят еще раз Нгуен Ван Тяном и на этот раз одобрен императором⁹³.

Была одна сфера, в которой даже активная деятельность «реалистов» не смогла навести порядок. Этой сферой являлись финансы. Они были так запутаны и испорчены в период Минь Манга, что быстро совладать с царившей неразберихой было не под силу даже самым светлым умам того времени.

Первым мероприятием «реалистов» в этой области в 1848 г. был выпуск в оборот всех старых монет, за исключением тэйшонских и поломанных, издавна хранившихся в Ханое. Тэйшонские и поломанные монеты шли на переплавку.

Одновременно устанавливалась государственная монополия на выпуск нового серебряного ланга. Частным лицам строго запрещалось их отливать. Старый слиток в 10 лангов, на котором не стояло эры правления, названия провинции и пробы, не считался фальшивым и употреблялся наравне с другим мелким серебром и слитками. Но если это серебро сдавали в качестве налогов, то его тут же переливали в новый ланг. Но восстановление системы средних номиналов не спасло положения. Серебряные шахты были заброшены, серебра было мало. В конце 1848 г. был отлит новый донг, состоявший из 60% меди и 40% цинка. Но и это не помогло, цена донга падала, серебра — росла, но взять его было неоткуда.

Все лидеры «реалистов» подали на обсуждение двора доклады с совершенно различными точками зрения по поводу проведения необходимых мероприятий в сфере денежного хозяйства. Наиболее правильный, как представляется, путь предложил Нгуи Кхан Туан, который советовал подтвердить запрет частной чеканки цинковой монеты и тем самым ввести в оборот государственные деньги с номинальной стоимостью.

Нгуен Данг Зяй, напротив, хотел отменить запреты и способствовать наибольшему производству цинковых денег кем угодно. К нему примыкал Тон Тхат Бат, предлагавший отменить запреты, поставить как можно больше монетных дворов и разрешить народу поставлять цинковые донги в казну. Был избран второй путь. Чиновники императорского двора разрешили в провинциях ставить по одной-две литейни. Такие литейни должны были находиться под контролем провинциальных властей, обязанных наблюдать, чтобы литейщики соблюдали все правила при изготовлении денег, которые должны были полностью соответствовать цинковым донгам эры Ты Дыка⁹⁴.

Государство тем самым признало, что само не могло уже справиться с беспорядком в денежном хозяйстве. Чтобы ликвидировать этот беспорядок, необходима была длительная и последовательная добыча ценных металлов. Но горное дело было подорвано экономической политикой Минь Манга, восстанавливалось долго и с трудом. Хотя

⁹² DNTL. Т. 27, с. 82—83.

⁹³ Там же, с. 86—87.

⁹⁴ Там же, с. 167—168.

налоговые льготы давали себя знать, шахтовладельцы были лояльны к правительству Ты Дыка и даже выступали на стороне императорских войск в подавлении мелких восстаний, за что получили награды из Хюэ, но для успеха необходимо было время, а его-то у Ты Дыка уже не было.

В конце 40-х — начале 50-х годов курс на возвращение к временам Зя Лонга привел сначала к частичной, а затем к почти полной реабилитации умерших врагов Минь Манга: старшего сына принца Каня, Ми Дыонга, который, как сын наследного принца, имел с некоторой точки зрения определенные права на престол, Нгуен Ван Тханя, Ле Тята и Ле Ван Зюета.

Интересно, что вопрос об этом поднял Ву Суан Кан, некогда решительный «консерватор», инициатор биньдиньского эксперимента. В 1848 г. Ву Суан Кан для каждого из этой четверки нашел свое оправдание: «Нгуен Ван Тхань покончил с собой, потому что не сумел воспрепятствовать сыну; вину Ле Ван Зюета и Ле Тята нельзя отрицать, но если подумать о причине вины, то можно оказать снисхождение. Они умели сражаться, но не умели держать себя скромно. Когда у них появились заслуги, они стали кичливыми. Поэтому они навлекли на себя гнев и совершили провинность»⁹⁵. Ву Суан Кан просил оказать милости потомкам трех старых государственных деятелей. Потомок принца Каня Ле Тюннг был награжден титулом хау, потомки Нгуен Ван Тханя, Ле Ван Зюета и Ле Тята привлечены на службу, а младшему брату Ле Ван Зюета, осужденному вместе с ним, вернули должность маршала⁹⁶. В конце 1853 г. один из старых чиновников подал императору доклад, в котором предлагал вернуть прежние привилегии детям ветеранов Зя Лонга, отмененные Минь Мангом. Выполнено это не было, но обсуждалось вполне серьезно.

Таким образом, с 1848 по 1854 г. наблюдается в определенной мере процесс возвращения к реалистической политике в экономической и социальной сферах. Этот процесс не дошел до конца и был прерван, во-первых, смертью лидеров «реалистов» Нгуен Данг Зя и Нгуи Кхак Туана к 1854 г., во-вторых, восстанием Као Ба Куата, которое охватило значительную часть севера и потребовало напряжения и сплочения всех сил феодального государства, что произошло после смерти этих двух политиков и осуществлялось уже под «консервативным» знаменем, и в-третьих, началом французского вторжения 1858 г., прервавшим мирное развитие вьетнамского государства.

Крестьянские выступления

Крестьянские выступления шли уже с первых лет правления Нгуенов. Их подъем относится к середине 20-х годов, завершаясь сильнейшим восстанием Фан Ба Ваня, явившимся ярким отражением кризиса социально-экономических основ монархии Нгуенов. После небольшого периода затишья крестьянская борьба возобновляется в начале 30-х годов с гораздо большим размахом, центр ее перемещается к югу, захватывая все новые территории центральной и южной частей страны. Возрастает количество крупных движений, усиливается взаимодействие с борьбой горных народностей.

40-е годы были временем спада крестьянской борьбы, однако в 50-е годы она вновь активизируется. Наивысшей точкой подъема антифеодальной борьбы в это время было восстание под руководством Као Ба Куата (1854—1856)⁹⁷.

Вооруженная крестьянская борьба в Бактхане до середины 20-х годов носила характер разрозненных выступлений, которые в большинстве случаев были относительно кратковременными. По подсчетам историков СРВ, с 1803 по 1819 г. произошло не менее 50 выступлений в северных, северо-восточных предгорных районах и в горных

⁹⁵ Там же, с. 76.

⁹⁶ Там же, с. 76—77, с. 422.

⁹⁷ По предварительным подсчетам, при правлении Зя Лонга произошло 73 восстания, при Минь Манге — 234, при Тхиейе Чи — 58.

провинциях со смешанным населением (Тхай-нгуен, Туенкуанг, Лангшон). Восстания в Тхайнгуене начались в 1803 г. С 1806 по 1824 г. эта провинция стала местом действия отрядов Зыонг Динь Кука, объявившего себя потомком Ле, в его движении участвовали наряду с вьетнамским населением также местные племена нунгов и китайцы. В 1807—1808 гг. действия этих отрядов были наиболее активными, они были поддержаны повстанческим движением равнинных районов.

В 1806—1815 гг. усилилось повстанческое движение в Туен-куанге, здесь в нем участвовали местные рабочие рудника в Тулонге. Весьма активной стала повстанческая борьба и в Хынгхоа (1804—1813). Порой численность восставших достигала (в отдельных отрядах) от 300 до 700 человек. Они совершали нападения на местные административные центры, нередко предпринимали попытки продвинуться из горных районов в равнины. Успешные действия против регулярных военных сил позволяли им в течение некоторого времени сохранять господство в отдаленных уездах.

Борьба крестьянства равнинных районов, начавшаяся с 1807 г. и ставшая более активной в 1809—1810 гг. (провинции Шонтэй, Хайзыонг, Шоннам), способствовала определенному взаимодействию восставших горных и равнинных районов, увеличилась продолжительность активного периода восстаний. Так, на территории Шоннама повстанческое движение, возглавляемое Данг Чан Сиеу, длилось с 1809 по 1822 г. и было связано с выступлением мыонгов в провинции Тханьхоа.

20-е годы явились временем усиления крестьянских движений в равнинных районах Бактханя, где к этому времени ухудшение экономического положения крестьянства вызвало социальные конфликты наибольшей остроты. Оно было обусловлено растущим обезземеливанием, усилением эксплуатации со стороны центральной власти, пытавшейся особенно активно добиться жесткого проведения в жизнь налоговой политики и подчинения системы землепользования интересам феодального государства. Именно к этому времени особенно возросла коррупция в среднем звене чиновнического аппарата и среди деревенских должностных лиц. Попытки верховной власти ограничить эти злоупотребления путем наказания отдельных лиц не давали практически никаких результатов. Даже сам Минь Манг, неплохо осведомленный о положении на севере, признавался: «Лихоимцы, живущие в провинциях, уездах, представляют еще большую тяготу для человеческой жизни... Взиматели налогов, командующие провинциальными войсками, чиновники ведомств, служащие казны в провинциальных городах — все сверху донизу [действуют] заодно, измышляют, как бы отыскать выгоду... [Они] требуют денег по уговору: с больших общин — более 10 куанов, с малых — не менее 5—6 куанов. Начальники волостей, столичные сборщики подражают безобразиям, [самовольно] распределяют и взимают [поборы]... Деревенские должностные лица, пользуясь этим, пытаются обирать людей, доставляя народу еще больше мучений»⁹⁸.

Бактхань был наиболее подвержен стихийным бедствиям (тайфунам, паводкам, засухам). На протяжении 20-х годов провинции севера два раза поражали эпидемии, не менее пяти раз урожаи целых провинций гибли из-за прорыва плотин или большой засухи.

В 1824 г., во время засухи, охватившей четыре провинции (Хайзыонг, Шоннам, Шонтэй, Бакнинь), бедноту стали привлекать на ремонтные работы в двух провинциальных крепостях, с тем чтобы предотвратить появление «разбойников». В наихудшем положении оказался Хайзыонг, малоземельный и населенный район, где особенно возросла дороговизна, «умножились грабители, богатые стали бедными, бедные — нищими, многие умирали на дорогах от голода, в связи с чем населению выдали ссуду в размере 100 тыс. хок риса»⁹⁹. Повсюду началось массовое бегство крестьян из деревень. Так, в 1822 г. в пяти провинциях Бактханя полностью опустели 49 селений, в 1826 г. в

⁹⁸ DNTL. Т. 8, с. 229.

⁹⁹ DNTL. Т. 7, с. 75.

Хайзыонге было официально зарегистрировано 108 пустующих деревень, в результате чего было заброшено более 12700 мау пахотных земель.

Все это вызвало рост антифеодальной борьбы крестьянства. Об этом свидетельствуют участвовавшие случаи посылки войск на усмирение «разбойников», кратковременные выступления которых происходили по нескольку раз в год на территории почти всех провинций Бактхана.

Наиболее мощным, организованным, нашедшим широкий отклик у крестьянства этой части страны было восстание под руководством Фан Ба Ваня (1821—1827). Фан Ба Вань, уроженец провинции Намдинь, по своему социальному положению был бедняком, но происходил из старинного, некогда известного рода (предки его были отмечены королем Ле Тхань Тоном за заслуги в борьбе против нашествия минского Китая в XV в.). Рано потеряв отца, он с детских лет вынужден был сам себя кормить, работал пастухом у местного землевладельца. Он отличался большой физической силой, с юных лет научился хорошо владеть оружием. Военный талант и организаторские способности Фан Ба Ваня сыграли немалую роль в ходе борьбы руководимых им повстанческих отрядов с правительственными войсками.

В начале 20-х годов Фан Ба Вань встает на путь открытой вооруженной борьбы: собрав отряд бедняков, он совершает нападения на местных богачей. В начале 1826 г. его отряду удается закрепиться на территории двух уездов провинции Хайзыонг и значительно увеличить свои силы (до 5 тыс. человек). Одновременно происходит и организационное укрепление повстанческих сил. Выдвинутые в это время лозунги повстанцев носят известный монархический отпечаток, но в противоположность некоторым другим крестьянским восстаниям, они не связываются с прямыми попытками реставрации или усиления Ле, чему способствует и стремление самого Фан Ба Ваня остаться знаменем и руководителем движения¹⁰⁰. После неудачных боев с превосходящими сухопутными и речными регулярными войсками, брошенными на борьбу с ними, отряды восставших отходят к югу, где одерживают значительный военный успех. Им удается разгромить местные гарнизоны и захватить два военных поста.

С этого времени начинается период наибольшего подъема крестьянской борьбы в восточных и юго-восточных районах Бактхана, не затухавшей в течение целого года. Силы Фан Ба Ваня вновь значительно увеличиваются благодаря широкой поддержке местного крестьянства. По признанию властей, «по уездам проносится ветер, в боях гибнет много военных и гражданских чиновников... Поэтому, куда бы ни пришла армия Ба Ваня, все, кто видит [ее] и слышит [о ней], должны бежать, как звери»¹⁰¹. «Враг собирает армию и не жалеет себя; когда происходит бой, то даже женщины и девчонки берут мечи и сражаются»¹⁰².

Успешные действия отрядов Фан Ба Ваня привлекают к нему симпатии и ряда оппозиционно настроенных представителей провинциального чиновничества и интеллигенции, в результате чего руководство движением пополняется за счет социально разнородных элементов. К восставшим примыкает бывший крупный чиновник Ву Дык Кат, ставший одним из командиров отряда Ваня, в числе других руководителей было несколько обладателей конфуцианских ученых титулов, борьбу поддерживало и довольно большое число представителей местного чиновничества (начальники тонгов, уездов), несколько местных богачей, оказывавших восставшим продовольственную и денежную помощь¹⁰³. В основном это были либо выходцы из селений, расположенных неподалеку от места рождения самого Фан Ба Ваня, либо лица, ранее находившиеся с ним в близких

¹⁰⁰ Предание сохранило следующее двустишие о Фан Ба Ване:

На небесах появилась комета,
На земле появился король Ба Вань.

¹⁰¹ NCLS.1966, № 86, с. 24.

¹⁰² DNTL. Т. 8, с. 218.

¹⁰³ Там же, с. 316.

отношениях. Возможно, что, принимая их в свои отряды и укрепляя материальную базу движения в целом, Фан Ба Вань вынужден был в известной мере учитывать и защищать их интересы как землевладельцев «своего» района. Один из современных вьетнамских исследователей этого восстания считает, что район влияния повстанческой борьбы распространился и на северные провинции Чунгки, откуда Вань получил подкрепление в виде трехтысячного отряда лучников из числа мыонгов под предводительством племенного вождя Ба Хума¹⁰⁴.

В целом, несмотря на участие в руководстве значительной прослойки выходцев из господствующих классов, в восстании Фан Ба Ваня не было заметно сколько-нибудь существенных признаков ослабления борьбы или непоследовательности, свойственных такого рода движениям. Это можно объяснить преобладающим влиянием крестьянских масс на ход борьбы, сравнительной кратковременностью самого движения, а также, видимо, и личными свойствами руководителя. Действия отрядов Ваня продолжали сохранять характер остроклассовой крестьянской борьбы. Об этом говорят данные официальной хроники двора, когда в ней сообщается о паническом страхе богачей и торговцев, сначала бежавших под защиту провинциальной крепости, а затем, когда возникла прямая угроза ее падения, укрывшихся в отдаленных деревнях¹⁰⁵.

Районом расположения основных сил восставших была территория двух уездов Хайзыонга, но само восстание находило отклик в ряде других провинций Бактхяна (Шонтэй, Фули, Хоабинь, Хынгие и др.), где начали возникать отдельные повстанческие группы. Поддержка населения выражалась не только в прямом участии в борьбе, но и в тайном содействии продовольствием, в укрывательстве повстанческих отрядов от карателей, в сообщении повстанцам военных планов властей и т. д.¹⁰⁶.

Размах движения усиливался и в связи с тем, что местные власти по мере расширения военных действий вводили новые поборы «для борьбы с разбойниками», ложившиеся тяжелым бременем на сельское население. Высокие боевые качества помогали восставшим не только успешно отражать карательные походы регулярных армейских соединений, но и сохранять превосходство на территории двух провинций¹⁰⁷.

Безуспешные действия против неуловимых отрядов Фан Ба Ваня вынудили двор принять экстренные меры. На организацию борьбы с восставшими было послано несколько крупных сановников из столицы, облеченных самыми широкими полномочиями, а также значительные военные подкрепления, в том числе 200 боевых джонок, расположившихся на подступах к районам, контролируемым повстанцами. В их задачу входило также и предотвращение дальнейшего распространения восстания, для чего была расширена сеть военных постов. Ожесточенные бои с правительственными войсками заставили повстанческие силы в конце 1826г. сократить район своих действий и сосредоточиться в укрепленной базе Чалу. Постепенно и она была окружена, но упорное сопротивление Фан Ба Ваня продолжалось, каратели несли большие потери. В связи с этим двор вынужден был пойти на проведение некоторых экономических мер, чтобы как-то успокоить население (раздача зерна голодающим, выдача зерновых ссуд, продажа риса по пониженным ценам, снижение или отмена сбора налогов за текущий год)¹⁰⁸.

Весной 1827 г. при попытке вывести отряд из окружения погибают сам Фан Ба Вань, один из видных его военачальников — Нгуен Хань, в плен попадает более 760 повстанцев. Но даже и после этого в провинциях Бакки продолжают сохраняться большие

¹⁰⁴ NCLS. 1986, № 83, с. 32.

¹⁰⁵ DNTL. Т. 9, с. 89.

¹⁰⁶ DNTL. Т. 8, с. 132.

¹⁰⁷ О том, насколько велик был страх перед отрядами Фан Ба Ваня даже у военачальников провинциальных войск, говорят такие факты, как массовое бегство их при приближении крестьянских отрядов. Известен случай, когда бежало 40% боевого состава провинциальных воинских единиц.

¹⁰⁸ DNTL. Т. 8, с. 168.

контингента войск, преследовавших небольшие вооруженные группы, применявших тактику подкупа рядовых участников за добровольную сдачу и т. п.

Восстание Фан Ба Ваня было наиболее мощным потрясением вьетнамского феодального государства в 20-е годы. О том, насколько двор был напуган его размахом и силой, говорит сама значительность экономических мероприятий, объявленных двором непосредственно после его разгрома. Были отменены три вида подушных денежных сборов, наполовину снижен натуральный земельный налог, прощены недоимки по ссудам, сокращены на два года сроки взимания налогов с укрываемых земель, затрачены значительные денежные суммы и роздано зерно для возмещения потерь населению, «пострадавшему от разбойников», розданы большие награды всем участвовавшим в борьбе с повстанцами. Подверглись суровым наказаниям пять местных представителей власти, особо отличившихся своим лихоимством, уволены с должностей многие другие, на место которых были назначены новые, пользовавшиеся хорошей репутацией¹⁰⁹. Являясь временными и не коренными, эти меры не улучшили существенным образом положения крестьянства, о чем свидетельствует продолжавшееся бегство из деревень (провинции Шоннам и Намдинь). Наиболее эффективной по своей социально-экономической значимости мерой была реализация двором предложений Нгуен Конг Чы, принимавшего участие в борьбе против отрядов Фан Ба Ваня, о проведении в широком масштабе работ по обработке целинных и пустующих земель силами бедноты. Эти работы, начатые с 1828 г., в известной мере стабилизировали положение в отдельных районах Бактханя.

Северные районы Чунгки (Нгеан, Тханьхоа) в первые два десятилетия также стали местом сильного повстанческого движения народности мьонг. Восстание, руководимое одним из племенных вождей, Куать Тат Тхуком, начавшись в 1808 г., продолжалось до конца правления Зя Лонга.

Выступления национальных меньшинств были выражением протеста горных народностей против более интенсивной экономической и политической эксплуатации их в интересах централизованного вьетнамского государства, проводившейся Нгуенами. Это задевало интересы как широких слоев населения, на которые падала основная тяжесть экономической эксплуатации, так и племенной верхушки, выступавшей против усиления политического контроля и ущемления их наследственных владетельных прав в результате установления более тесного контроля со стороны вьетнамской администрации.

На юге Чунгки наиболее сильной была борьба народности тхьонг (горные районы Куангнгай), длившаяся несколько десятилетий. Тхьонги, принимавшие в свое время активное участие в восстании Тэйшонов, с самого начала возбуждали недоверие двора, в связи с чем уже в 1803 г. кроме военных мер по «успокоению» положения в этом районе двор вынужден был прибегнуть к тактике раскола движения, подкупа руководителей, а также к «пропаганде авторитета двора»¹¹⁰. Подобные меры не раз принимались и в последующие годы, однако не приносили желаемых результатов. В течение долгого времени районы Куангнгай, заселенные тхьонгами, были вне контроля властей. В 1812 г. власти предприняли попытку организовать в относительно доступной местности около 30 военизированных поселений из числа вьетнамцев. В 1818 г. был предпринят такой исключительный шаг, как постройка специальных бамбуковых заграждений вдоль всего горного района провинции длиной около 150 км. Но даже и подобные, мероприятия не сломили упорства этих племен.

Крестьянские движения с начала столетия до середины 20-х годов характеризуются преобладанием восстаний в горных местностях, относительной кратковременностью и локальностью выступлений, пока еще весьма слабой связью движения горных народностей с антифеодальной борьбой вьетнамского крестьянства.

¹⁰⁹ NCLS. 1966, № 86, с. 29.

¹¹⁰ DNTL. Т. 3, с. 134.

Основную категорию повстанцев составляли крестьяне, потерявшие землю. Острые классовый борьбу крестьянства было направлено против все возраставшей государственной и частной эксплуатации. Официальные документы того времени не содержат, как правило, каких-либо сведений о требованиях восставших, что в сочетании с широким использованием лозунга в поддержку династии Ле говорит о незрелости и расплывчатости идеологии крестьянской массы. Однако направленность действий восставших говорит сама за себя и ярко выражает классовую направленность движения. Как правило, восставшие громили волостные, уездные, а иногда и провинциальные центры, бывали случаи убийства представителей власти, пользовавшихся наиболее дурной славой, частыми были и случаи раздела имущества местных богачей.

Составляя основную движущую силу и массовую базу антифеодальных выступлений, крестьянство не являлось все же единственным их участником. Напротив, вьетнамские историки отмечают как характерную черту именно разнообразие социального и национального состава повстанческих движений XIX в.¹¹¹ Так, во многих случаях руководители восстаний являлись выходцами из различных слоев чиновничества, деревенской верхушки, феодальной интеллигенции.

Идеологические мотивы повстанческих выступлений в ранний период представляют собой довольно пеструю картину. Здесь мы находим отдельные выступления приверженцев Тэйшонов (два выступления в начале столетия), несколько выступлений под лозунгами, носившими религиозную окраску, восстания под лозунгами восстановления династии Ле («Фу Ле»), что обуславливалось несколькими причинами. Отчасти это объясняется прямым участием в повстанческом движении потомков рода Ле. В среде феодального чиновничества и интеллигенции эти лозунги сохранили немалую популярность. Определенная идеализация старины — эпохи процветания вьетнамского государства в период правления ранних Ле — была одной из форм отражения недовольства существующим режимом и проявления антингуеновских настроений.

Последним из восстаний, предшествовавших периоду французских захватов, было восстание под руководством Као Ба Куата. Начавший свою карьеру как обычный мелкий служащий, но испытавший многие превратности судьбы, Као Ба Куат вступает на путь открытой борьбы против угнетения. Сохранившиеся произведения его литературного творчества (он является одним из известных поэтов XIX в.) дают возможность представить побудительные мотивы вступления на путь открытой политической борьбы наиболее радикальной части феодальной интеллигенции и низового чиновничества — явление, уже имевшее к XIX в. известную историческую традицию.

Као Ба Куат родился в 1809 г. в Зяламе (пров. Бакнинь), в 1831 г., успешно пройдя конкурс, получил конфуцианскую степень, к этому времени он приобрел весьма большую известность своим поэтическим творчеством. В своих стихах он с сочувствием рисует тяжелую жизнь крестьянина, обреченного на вечный каторжный труд и нужду, в них возникают образы разорившихся людей, вынужденных в голодный год продавать землю ростовщикам и торговцам, чтобы уплатить налоги («из хозяина стал слугой»). Он описывает в одном из своих стихотворений церемонию раздачи королевской милости толпам голодающих, возмущается беззастенчивым произволом вербовщиков солдат и сборщиков налогов. «Только кончается голод, как приходит буря, положение пострадавших никак не установится» — такова была безысходная оценка окружающей его жизни в этот период¹¹².

С течением времени, особенно после поездки в Индонезию, расширившей знания о внешнем мире, критическое отношение к окружающей его действительности еще более укрепляется. В частности, Као Ба Куат все более резко высказывается о конфуцианцах-начетчиках, оторванных от каких-либо жизненно важных дел, занятия которых он

¹¹¹ Lich su che do phong kien Viet-nam... t. III, c. 512.

¹¹² NCLS. 1969, № 121, c. 29.

определял как пустую забаву («пережевывание жвачки строк и иероглифов»)¹¹³. Эти заключения были основаны и на личном опыте автора, сталкивавшегося с ограниченностью и формализмом конкурсной системы. Будучи творчески одаренной и одновременно граждански активной личностью, Као Ба Куат был лишен возможности действовать в соответствии со своими взглядами и способностями.

От призывов к «справедливому вершению правосудия» Као Ба Куат переходит к прямой критике двора, когда пишет о «зверях у власти, осыпанных серебром, носящих парчу, но покрытых позором перед родными местами»¹¹⁴.

Као Ба Куату, как и многим другим представителям оппозиционных кругов феодальной интеллигенции того времени, была свойственна идеализация золотого, XV века истории своей страны, связанная с правлением Ле. Эти взгляды предопределили политические симпатии Као Ба Куата, обратившегося в период начатой им подготовки восстания и поисков знамени движения к некоторым уцелевшим от репрессий двора представителям рода Ле.

В 1854 г. Као Ба Куат, оставив свое место учителя, перебрался на родину, в провинцию Бакнинь, где обратился с призывом о восстании к друзьям и единомышленникам, нашедшим у них горячий отклик. В подготовке восстания участвовали и два члена семейства Ле — Ле Зуи Кы, формально занявший место главы восстания, и Ле Зуи Уан, выдвинувшийся в конечный период восстания¹¹⁵. Район предварительной агитации инициаторов повстанческого движения был довольно обширным, охватывая территории четырех провинций близ столицы (Бакнинь, Шонтэй, Хайзыонг, Хынгиен). Руководству восстанием удалось привлечь на свою сторону некоторое число военнослужащих Ханойского гарнизона и склонить к совместному выступлению двух вождей народности мыонг. В лозунге восставших содержался призыв к «изменению судьбы». Сам Као Ба Куат, пользовавшийся популярностью как в родной провинции Бакнинь, так и по месту преподавания в Шон-тэе, занимался составлением и распространением среди населения прокламаций, призывающих к восстанию, обличающих алчность чиновничества, содержащих агитацию за восстановление династии Ле. Это способствовало весьма широкому притоку крестьянства в ряды повстанцев, численность которых измерялась «тысячами». Ухудшение общего положения в Бакки в эти годы ускорило начало вооруженного выступления. В 50-е годы провинции Бакки стали подвергаться частым набегам китайских вооруженных групп, летом 1854 г. ряд равнинных провинций поразил неурожай из-за налета саранчи. Это совпало с приходом в Бакки массы голодных из некоторых пораженных засухой районов Центрального Вьетнама, в результате чего распространился массовый голод.

Летом 1854 г. отряды Као Ба Куата выступили из Бакниня и направились к Ханюю. Не сумев занять Ханюю¹¹⁶, они захватили один из административных пунктов и до конца года вели бои с правительственными войсками, из месяца в месяц возрастающими за счет получения подкреплений из других районов страны. Для предотвращения дальнейшего распространения восстания были увеличены силы крепостных гарнизонов трех провинций (Шонтэй, Ханюю, Ниньбинь) — по 500 солдат в каждой, издан указ о наградах за поимку Као Ба Куата.

В конце 1854 г. повстанческими силами был нанесен серьезный удар: в одном из боев у Шонтэя Као Ба Куат был убит, в плен попали три военачальника, сотни повстанцев. Но активная борьба других отрядов продолжалась до начала 1855 г., когда был схвачен и Ле

¹¹³ Н. И. Никулин. Вьетнамская литература. М., 1971, с. 127.

¹¹⁴ NCLS. 1969, № 121, с. 31.

¹¹⁵ В числе других инициаторов, а затем и руководителей восстания были один обладатель высшей степени конфуцианской учености «тиенши», два ученика Као Ба Куата, три начальника уездов, один местный богач (NCLS. 1969, № 121, с. 32).

¹¹⁶ Узнав о готовящемся восстании, власти Ханюю приняли ряд военных мер и арестовали несколько участников восстания.

Зуи Кы. Уцелевшие от разгрома повстанческие силы, возглавляемые Ле Зуи Уаном и Динь Конг Ми, оказывали упорное сопротивление в течение всего этого года. Восстание было окончательно подавлено лишь в 1856 г., после ареста руководителей, разгрома остатков повстанческих групп, жестоких репрессий по отношению ко всем, так или иначе поддерживавшим восстание.

Крестьянские повстанческие движения, продолжавшиеся в течение всей первой половины XIX в., охватывали временами значительные территории (две-три провинции), в ряде случаев тесно смыкались с борьбой горных народов. Тем не менее они не достигли уровня классовой борьбы крестьянства XVIII в. Большинство выступлений не захватило обширных районов страны, не преодолело локального характера. Причины их поражения крылись не только в неравенстве военных сил, недостатках организации, свойственной большинству крестьянских выступлений, и в непоследовательности поведения руководителей некоторых отрядов — выходцев из господствующих классов и племенной верхушки национальных меньшинств. По-видимому, на характере крестьянской борьбы XIX в. и на ее неблагоприятном исходе в целом сказалось и отсутствие радикальной, объединяющей крестьянство программы, подобной тэйшонской, что было связано с наличием в руководстве значительной прослойки выходцев из господствующих классов. Монархические лозунги, отвечая их политическим притязаниям и оппозиционным настроениям, не отражали крестьянских требований в области разрешения земельной проблемы. Тем не менее ожесточенность, упорство борьбы, длительность многих восстаний не могли не оказать воздействия на аграрную политику двора, в известной мере, хотя и ненадолго, смягчавшую остроту классовой борьбы вьетнамского крестьянства.

Глава 2

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Аграрные отношения (общие черты)

Одним из основных итогов острейшей борьбы крестьянства за землю в период Тэйшонов явилось значительное перераспределение земельного фонда страны в пользу мелкофеодального и мелкокрестьянского землевладения. Вместе с тем аграрная политика Тэйшонов, особенно на последнем этапе, не была радикальной по отношению к поместным нечиновным слоям, так как ограничительные мероприятия не коснулись уже сложившегося частнопо-местного землевладения деревенской верхушки, общая же обстановка способствовала его укреплению.

Некоторые новейшие исследования историков СРВ¹ дают возможность на конкретном, но пока еще очень ограниченном материале земельных реестров ряда общин и отдельных селений уезда Тыльем провинции Шонтэй представить основные тенденции и итоги процесса развития земельных отношений в деревне на севере и связанных с ними социальных сдвигов на рубеже двух эпох.

По данным реестров селения Диньтхонг, за период с 1790 по 1805 г. серьезно увеличилось число владельцев частных земель (с 8 до 34 человек), что при незначительном увеличении общей площади этой категории (со 104 до 111 мау) привело к сокращению среднего размера владения с 13 до 3 мау. Из этих 34 частных владельцев несколько больше половины (18 человек) стали мелкими владельцами (1—3 мау), увеличилось с 2 до 14 человек число средних владельцев (3—5 мау), осталось

¹ Статьи Нтуен Дык Нгиня в журнале «Нгиен кыу лить ши» («Исторические исследования»). 1974, № 157; 1975, № 161; 1977, № 2, 4, и в книге Nong thon Viet-Nam trong lich su; t. I. Ha-noi, 1977.

неизменным (2 человека) число мелких помещиков (земли в пределах 5—10 мау), исчез из реестров единственный владелец крупного массива земель площадью 25 мау².

В то же время земельные реестры других общин показывают иную картину. Так, в общине Макса произошло резкое сокращение общего количества землевладельцев (с 213 до 77 человек) в результате почти полного исчезновения из списков категории мельчайших владельцев (ниже 1 мау), сократившейся со 144 до 10 человек. Число мелких владельцев также несколько уменьшилось (с 46 до 34 человек) при незначительном увеличении среднего размера их земельных участков. Заметно увеличилась прослойка средних владельцев (с 15 до 23 человек) при некотором уменьшении средних размеров их участков. Незначительно увеличилось количество мелких помещиков (с 7 до 9 человек), категория крупных помещиков осталась неизменной (1 человек, владевший 12 мау)³. Средний размер частных владений в общине без учета категорий отдельных групп резко увеличился (с 1 мау 1 шао до 2 мау 8 шао).

Сходный процесс происходил и в общине Тхьонгфук, реестры которой также отмечают практически полное исчезновение (с 41 до 1 человека) категории мельчайших владельцев, существенное уменьшение (с 25 до 4 человек) количества мелких и даже средних (с 8 до 3 человек) и одновременно резкое увеличение (с 2 до 14 человек) числа владельцев земельных участков выше среднего размера (5—10 мау). Так же как и в общине Макса, общее сокращение численности частных владельцев (с 76 до 22 человек) сопровождалось концентрацией земель в данном случае в руках мелких помещиков (если раньше 111 мау частных земель было разделено на 210 участков, то теперь их число сократилось до 22)⁴.

Данные реестров одной из общин провинции Шоннамтхьонг за 1805 г.⁵ показывают значительное преобладание мелко- и средне-поместных слоев над остальными категориями — из 83 владельцев частных земель большую часть составляли мелкие помещики (32 человека), довольно значительную прослойку — средние (16 человек). Относительно небольшой была здесь численность средних крестьян (19 человек), еще меньше — мелких (14 человек). Число крупных помещиков, владевших землями свыше 20 мау, было небольшим (2 человека). Еще более явным рост поместных слоев был в тех районах, где имелись резервы необработанных аллювиальных земель. Так, в списках одной общины в провинции Шоннамха после освоения жителями этих земель в ней значилось 1354 мау частных земель, находившихся во владении 51 лица, средний размер владения составлял здесь 26 мау 5 шао⁶.

Приведенные данные ярко иллюстрируют интенсивность процесса имущественной и классовой дифференциации в северовьетнамской деревне. Очевидно, что при Тэйшонах, а особенно после их разгрома происходило размывание низового слоя малоимущего крестьянства. В то же время обращает на себя внимание довольно ограниченное развитие крупнопоместных хозяйств. Преобладающим стал процесс укрепления экономических позиций мелких и средних слоев крестьянства, а особенно рост мелко- и среднепоместных слоев. Можно предположить, что эти общие тенденции были характерны для многих равнинных районов Бакки и Северного Чунгки со сходными природно-географическими и социально-экономическими условиями (традиционным малоземельем, аграрной перенаселенностью).

Исторические условия конца XVIII в. способствовали также и расхищению общинных земель со стороны деревенской верхушки путем скрытой продажи, отдачи в залог и т. п. Широкое распространение этого явления подтверждается документами начала XIX в. Так, в обоснование первого указа Зя Лонга, касавшегося земельных

² NCLS. 1975, №161, с. 46—47.

³ NCLS. 1974, № 157, с. 55—56.

⁴ NCLS. 1977, № 2, с. 81.

⁵ NCLS. 1977, № 4, с. 87.

⁶ Nong thon Viet-Nam... с. 113.

отношений, говорится следующее: «Со времен бунтовщиков Тэйшонов старые уложения были забыты, многие люди превратили общинную землю в собственную. Идут разговоры о том, что под предлогом общинных нужд продаются общинные земли»⁷.

До настоящего времени исследователи располагают крайне ограниченными документальными данными о соотношении общинной и частной земли в XIX в. для тех районов, где общинное землевладение имело многовековую традицию⁸. Известно лишь одно свидетельство главы финансового ведомства Ха Зуи Фиена, относящееся к 50-м годам XIX в., с указанием на подавляющее превосходство частных земель: «В Тхыатхиене, Куангчи общинных земель больше частных, в Куангбине общинных и частных поровну, в остальных же частных земель намного больше, чем общинных»⁹. Данные, приводимые в работах некоторых современных вьетнамских историков, позволяют в известной степени конкретизировать представление о месте, которое занимало общинное землевладение в начале XIX в. в некоторых районах севера. Так, сведения о категориях земель в 43 общинах упоминавшегося уже уезда Тыльем за 1805 г.¹⁰ также показывают значительное преобладание частных земель, в среднем составлявших 62%. Конкретные данные о размерах общинных и частных земель говорят о больших контрастах в их соотношении в разных общинах. Лишь в 12 общинах они составляли около половины, в 19 — частные земли занимали свыше 80%, в 7 — меньше 20%, из них в двух общинах общинной земли не было совершенно. Нгуен Дык Нгинь отмечает при этом, что, как правило, в общинах с преобладанием частных земель доля пахотных полей под рисом была незначительной, в общинном пользовании к этому времени оставались в основном культовые земли села, уголья и прибрежные земли (конг тяу тхо), обработанные коллективно и использовавшиеся под овощные культуры. Вместе с тем в разряд частных земель заносился обычно и ряд форм землепользования мелких деревенских коллективов — земли зяпов (объединений из 10 дворов), культовые земли отдельных родов — категории переходного типа, имевшие устойчивый характер. Тот факт, что эти формы продолжали сохранять свой особый характер даже во времена французского колониального господства, свидетельствует о незавершенном характере процесса разложения общины.

Южная часть страны была районом традиционного господства частного землевладения с большим количеством крупнопоместных хозяйств. Общинные земли здесь, несмотря на наличие общины как формы социальной организации деревни, практически отсутствовали.

Таким образом, к моменту прихода к власти Нгуенов произошло значительное сокращение фонда общинных земель.

Нгуены в первой половине XIX в. предпринимали отдельные попытки сохранения общинных земель, а также крупного феодального землевладения аристократии и высшего чиновничества и «непосредственно управляемых (казенных)» земель.

В 1802 г. был подтвержден статус земель категории куан дьен и куан чай в Бактхане, бывших таковыми при Чинях, в казну отошли и частные земли бывших

⁷ DNTL. Т. 3, с. 128.

⁸ Разработка проблем, связанных с распадом общинного землевладения, становлением частного, так же как и вопрос о времени преобладания последнего, находится в центре постоянного внимания вьетнамских историков. Материалы изданного в Ханое в 1977 г. сборника статей «Вьетнамская община в ходе исторического процесса» и ряд статей в журнале «Нгиен кыу лить ши» за последние годы подтверждают точку зрения о преобладании частных земель в Северном Вьетнаме в конце XVIII — начале XIX в. Автор одной из статей об общине, Ле Ким Нган, ссылаясь на рукопись «Ши хоан ту чи люк», приводит следующие цифры: из общей площади обрабатываемых земель в 3396584 мау частные занимали 2816221 мау, т. е. 82%, тогда как на долю общинных земель, земель категории «куан дьен» и соляных участков приходилось лишь 580363 мау, т. е. 18 %. Эти данные, несомненно заслуживающие внимания, нуждаются в дополнительной корректировке. Автор датирует их началом XIX в., хотя известно, что измерение земель в мау в южной части страны началось лишь с середины 30-х годов.

⁹ DNTL. Т. 27, с. 336.

¹⁰ Nong thon Viet-Nam... с. 99—113.

тэйшонских чиновников¹¹. В 20-е годы было снижено обложение казенных земель (земли военных поселений, храмов, земли под домами в семи провинциях Центрального Вьетнама)¹². Судя по терминологии, употребляемой в хронике «Дай Нам Тхык Люк» по отношению к работникам, на землях куан дьен был распространен труд зависимых крестьян (кай мыон — обрабатывающий по найму). Известны также случаи обработки их силами армии. Куан дьены традиционно характеризовались высокой нормой налоговой эксплуатации, как правило в 2—5 раз превосходящей уровень налогообложения общинных земель¹³.

Основным видом пожалований аристократии были пожалования земель на обслуживание фамильных храмов (ты дьен). Часты были такие пожалования при Зя Лонге и Минь Манге, когда чрезвычайную остроту получил вопрос о поддержании политической стабильности в стране в связи со сменой династии и в целях смягчения оппозиционных настроений знати, особенно представителей рода Ле. В 1802 г. уцелевшим членам этого семейства было пожертвовано 10 тыс. мау и 1016 зависимых крестьян. Тогда же потомкам Чиней было пожаловано 500 мау и 247 зависимых крестьян¹⁴. С 1804 по 1827 г. было произведено всего 34 пожалования, из которых 9 — площадью от 100 до 300 мау, остальные — значительно меньших размеров. На протяжении полувека заметна тенденция к сокращению этого вида пожалований и уменьшению их размеров. После ряда восстаний, возглавленных членами рода Ле в 30-х годах, земельные пожалования многих представителей этого семейства были конфискованы. В 40-х годах лишь отдельные пожалования достигали размеров 100 мау. Во второй половине столетия в связи с экономическими трудностями в период французского вторжения Ты Дыком был предпринят такой чрезвычайный шаг, как конфискация сделанных в 1833 г. частных пожалований у титулованной знати пяти рангов и замена их ежегодными денежными вознаграждениями.

Несколько расширилось (хотя и было обложено теперь налогами) храмовое землевладение за счет императорских пожалований: отдельные храмы имели в своем распоряжении от 100 до 500 мау¹⁵. Частные земли знати, «заслуженных подданных», храмов обрабатывались зависимыми крестьянами или общинниками¹⁶. Главное изменение в системе землепользования чиновных феодалов по сравнению с XVIII в. состояло в отказе Нгуенов от распространенной ранее системы оплаты чиновничества высшей и средней категории в виде раздачи земель в кормление (нгу лок)¹⁷. Наделение земель военных издавна применялось во Вьетнаме.

В 1802 г. двор принял соответствующее решение, касающееся как всех северных провинций (Бактхань), так и некоторых центральных (Куангдык). Оно распространялось на офицеров и на рядовых солдат, которые должны были получать с этих пор наряду с денежным довольствием также душевой пай (кхау фан) из общинной земли, если она имелась в его деревне, «в обычных размерах» и служебный (лыонг дьен) в размере 1 мау¹⁸.

В 1804 г. был установлен общий порядок наделения общинной землей (там, где она имелась) гражданских и военных чиновников всех рангов и классов, а также рядовых общинников. Гражданские чиновники трех высших рангов получали от 12,5 до 16 ду-

¹¹ DNTL. Т. 3, с. 93.

¹² DNTL. Т. 5, о. 217.

¹³ Там же; т. 7, с. 75—76.

¹⁴ DNTL. Т. 3, с. 75—76.

¹⁵ DNTL. Т. 8, с. 52, 211.

¹⁶ Так, в 1828 г. пожалованные при Зя Лонге фамильные культовые земли пяти представителей титулованной аристократии, сданные впоследствии в аренду, были отданы после земельных тяжб в пользование арендаторам-общинникам, владельцы же были переведены на денежное содержание казны.— DNTL. Т. 9, с. 11.

¹⁷ Предложения 1803 г., выдвинутые рядом чиновных лиц Бактханя об уравнительном переделе (изъятии $\frac{7}{10}$ частных земель у богачей) в целях восстановления системы «кормлений», были отвергнуты.

¹⁸ DNTL. Т. 3, с. 29, 72.

шевых паев, остальные — от 8 до 12. Несколько меньше были наделы военнослужащих столичных войск и флотских соединений, считавшихся привилегированными, а также армейских ремесленников (7—9 паев). В то же время паи основной массы полноправных общинников составляли от 3 до 6,5 доли¹⁹.

Наделение гражданских чиновников практиковалось до конца 30-х годов, когда основная масса рангового чиновничества была окончательно переведена на денежное и рисовое жалованье. Паями, правда в значительно сокращенном размере, продолжали пользоваться лишь лай зити и отставные чиновники. За семьями служащих чиновников продолжали сохраняться земли под жилье и сады, выделяемые из общинного фонда²⁰.

Контингент военных соединений, имевших земельные паи, был небольшим — 40 столичных подразделений в 1820 г.; в 1824 г. к ним прибавились дворцовая охрана и чиновники на временной службе²¹. В 1836 г. паи стали получать также и отряды почтовой охраны, отряды охраны провинциальных учреждений, телохранители военачальников²².

Система получения паев, проводимая в основном только на севере, охраняла сословные привилегии бюрократии — принцип первоочередности предоставления наделов и значительное превосходство их в количественном отношении по сравнению с крестьянскими. В условиях существования на севере множества малоземельных общин этот шаг был равнозначен фактическому изъятию заметной части общинных земель из коллективного пользования деревни, в которой оставались нераспределяемые по паям частные земли. Это затрагивало интересы «деревенского мира» в целом, всех слоев общинников севера²³.

Первые мероприятия начального периода правления Зя Лонга определили как одно из направлений аграрной политики стремление к сохранению категории общинных земель при одновременном увеличении основной массы тягловых.

Вскоре после воцарения Зя Лонг осуществил ряд «престижных» акций, несколько улучшавших положение населения страны, разоренной в результате долговременной и ожесточенной войны (снижение налогов на текущий год, отмена недоимок). Из мероприятий, относившихся к сфере землепользования, значительной была проведенная в 1802—1803 гг. конфискация бывших служебных (нгу лак) пожалований тэйшонских чиновников в Бактхане и их частных земель (дьен чанг) в районах южнее Куангбиня, передававшихся теперь в пользование «народу» в качестве общинных или частных²⁴.

Одновременно в 1803 г. был издан указ о запрещении продажи общинных земель и усилены меры контроля за состоянием системы землепользования. Основное внимание двора в этом отношении было направлено на районы севера и центра, и лишь с середины 30-х годов кодификация начинает распространяться на южные районы страны, до того времени продолжавшие оставаться в привилегированном положении (так же как и в сфере налогообложения). В первые два года правления Зя Лонга дважды издавались распоряжения по проведению учета заброшенных и скрытых от налогов земель в Бактхане²⁵, которые не увенчались успехом, что повлекло за собой появление указа 1804 г. о составлении реестров всех земель страны²⁶. Составление земельных и налоговых реестров в четырех провинциях близ столицы было закончено в 1808 г., в южных районах Центрального Вьетнама составление началось в 1810 г.²⁷.

¹⁹ Там же, с. 186—187.

²⁰ DNTL. Т. 21, с. 221; т. 22, с. 160—161.

²¹ DNTL. Т. 5, с. 128; т. 7, с. 94.

²² DNTL. Т. 18, с. 328.

²³ Уже вскоре после введения этой системы отмечается рост злоупотреблений землей то стороны гражданских, а особенно военных властей, самовольно присваивающих себе наделы народа, дезертировавших или умерших солдат и т. п.— DNTL. Т. 3, с. 267, 311, 384; т. 8, с. 232 и др.

²⁴ DNTL. Т. 3, с. 93, 102.

²⁵ Там же, с. 84, 97.

²⁶ Там же, с. 161.

²⁷ Там же, с. 393; т. 4, с. 97.

Положение крестьянства в Бактхане было напряженным уже к началу правления Нгуенов. Массовое обнищание сопровождалось ростом количества заброшенных земель, принявшим здесь долговременный, хронический характер. В 1802 г. местные власти сообщали о больших массивах пустующих земель («от Нгеана к северу») ²⁸. В 1806 г. в семи провинциях Бактханя числилось 370 покинутых общин, в 1810 г.— 358 общин ²⁹. По сведениям за 1807 г., численность налогоплательщиков в этом районе сократилась более чем на 75 тыс. по сравнению с периодом правления Ле. Несмотря на практиковавшиеся на протяжении первых двух десятилетий частые выдачи зерновых ссуд населению, особенно бедствующих районов (семь случаев только в 1820 г.), на отмену взимания недоимок (1802 г.) и сокращение сбора текущих налогов, провозглашенное в 1806 г., эти меры оказались недостаточными для возвращения беглых в общины, рост числа заброшенных и укрытых от налогов земель продолжался. Но учет земель и расширение охвата налогообложением шли с большими трудностями ввиду сопротивления деревни с ее системой круговой поруки общинных властей, заинтересованных в тайной сдаче в аренду пустующих и скрытых от налогов земель, и ввиду нередкой причастности к этому представителей местных властей.

Стремление восстановить фонд общинных земель (в целях укрепления экономических позиций феодальной бюрократии, увеличения числа полноправных налогоплательщиков, обеспечения набора основных контингентов войск) привело в 20—40 годах к введению принудительных мер по обработке общинных земель.

Значительные усилия в этом направлении были сделаны в области контроля за состоянием заброшенных или скрытых от налогов реестровых земель, основная ответственность за обработку ложилась на местный административный аппарат, в первую очередь на общинный. В начале века, когда отмечалось опустение значительных районов, были изданы первые постановления об обязательной обработке пустующих земель. Регламентирующие акты 1805, 1807 гг. предусматривали также и налоговые льготы вернувшимся хозяевам земельных участков (освобождение от налога на три года) ³⁰, и некоторое расширение прав арендаторов пустующих участков. Особую остроту земельный вопрос и связанные с ним социальные проблемы приобрели в 20-е годы, когда явная недостаточность принимаемых мер по возвращению беглого населения, усилившаяся эксплуатация арендаторов со стороны местных богачей, частые голодные годы, эпидемии вызвали вторую волну массового бегства из деревень, охватившую не только северные, но и центральные районы страны. Так, в Хайзыонге, одной из наиболее бедствующих провинций севера, в результате массового ухода крестьян было заброшено 12700 мау земель ³¹. В Нгеане к 1820 г. численность населения ранее опустевших общин восстановилась лишь наполовину. В 1826 г. сокращение численности налогоплательщиков отмечалось в семи провинциях Центрального Вьетнама ³².

Следствием массового обезземеливания явились рост социальных конфликтов, появление многочисленных грабительских групп и вспышки организованных крестьянских повстанческих выступлений, наиболее мощное из которых, восстание Фан Ба Ваня, заставило двор пойти на более активные поиски разрешения аграрных и социальных проблем, вследствие чего в политике находит проявление более реалистическая линия. Неудачи центральной власти в борьбе против растущего поместного землевладения в деревне и расхищения общинных земель вынудили государство, не отказываясь от принципа укрепления общинного землевладения, перейти к политике увеличения числа крестьянских и военных поселений.

²⁸ Там же, с. 84.

²⁹ Там же, с. 311; т. 4, с. 99.

³⁰ DNTL. Т. 3, с. 233, 289.

³¹ Там же, с. 358.

³² DNTL. Т. 5, с. 126.

Это направление в аграрной политике в конце 20-х и в 30-х годах связано с инициативой организации обработки целины. Основная идея принадлежала Нгуен Конг Чы, занимавшему в 20-х годах должность начальника малой провинции (фу). В 1828 г. он предложил двору ряд мероприятий по «содействию сельскому хозяйству», которые были одобрены Минь Мангом и начали проводиться в жизнь в Намдине при активном участии самого автора. В своих записках ко двору он указывал на причины, обусловившие необходимость новых мероприятий, а именно бегство крестьян из деревень, рост грабежей, «злодеяний». Результатом же их должен был явиться значительный экономический эффект для государства и населения, прекращение народных волнений. «Теперь бедняки, не имеющие пищи, бродяжничают, тунеядствуют; находясь в бедственном положении, собираются для грабежа; это бедствие никак не кончается. Раньше я посетил Дамдинь, видел заброшенные земли в Заотхюи, Тяндине... кроме того, [видел] и в других местах не знаю сколько сотен тысяч мау, повсюду спрашивал местных жителей, они хотят поднимать земли, но из-за [требуемых] больших расходов пока не могут. Если дать ссуду на общественные работы, то можно будет собрать бедняков и сразу же начать возделывать. Если это сделать, то государство извлечет немало естественной пользы, вечной и постоянной. К тому же равнина Тхиенчао в Тяндине покинута, разбойники избрали ее местом своего сборища. Если теперь возделывать это место, то не только будут спокойно работать бедные люди, но можно будет совершенно избавиться от злодеев»³³.

Этот традиционный, хотя и не массовый еще вид земледельческих поселений (зоань дьен), относительно еще жизнеспособный, был им предложен в качестве основы долговременной политики. Крайняя бедность безземельных крестьян затрудняла индивидуальную обработку целины, требовавшую хотя бы минимального обеспечения орудиями труда, семенами, требовались и значительные коллективные усилия для создания оросительной системы. На это и ссылался Нгуен Конг Чы, когда в своих предложениях обосновывал необходимость государственных субсидий. В качестве организаторов работ должны были выступать помещики под контролем чиновников, имеющие «силу на местах», основная масса работников вербовалась из двух категорий неимущих — безземельных и бывших повстанцев. Стимулирующими мерами по замыслу Нгуен Конг Чы являлась прямая заинтересованность и тех и других. Первые получали должности деревенских старост в зависимости от количества завербованных для работ людей и размера основанного селения (ланг, ап, чанг, зяп); вторые — право владения обработанным участком, налоги с которого взимались по ставкам частных земель³⁴. По решению двора, по-видимому расценившего эту меру как слишком либеральную, некоторые из вскоре поднятых земель получили особый юридический статус «частных пожалованных земель», налоги с которых взимались как с частных, но владелец был лишен права продажи обработанного участка. Государство выступало в роли финансирующего и контролирующего органа (предоставление денежных ссуд организатору на постройку жилищ, покупку тяглогового скота, ссуды зерном).

В течение шести месяцев 1828 г. в провинции Намдинь на вновь поднятых землях был создан новый уезд Тиенхай, два тонга и две общины на территории других уездов, а в 1829 г. в прибрежных районах провинции Ниньбинь — новый уезд Кимшон. Общая площадь обработанных земель составила 40690 мау, земли Тиенхая (18940 мау, численность, налогоплательщиков — 2350 человек) были занесены в категорию общинных, а земли Кимшона (14620 мау, численность налогоплательщиков—1260 человек)³⁵ — в категорию «пожалованных частных», а в 1848 г. переведены в частные.

Успешное проведение этого ограниченного по масштабам эксперимента привело к тому, что Нгуен Конг Чы, назначенный губернатором Хайзыонга—Куангиена, начал

³³ Le Thuoc. Tho van Nguyen cong Tru. Ha-noi 1958. с. 177.

³⁴ DNTL. Т. 9, с. 23.

³⁵ Там же, с. 123, 220.

осуществлять там организацию военно-земледельческих поселений. Меры, стимулирующие инициаторов создаваемых зоань дьенов, были гораздо более решительными, чем в военизированных поселениях: помимо предоставления государственных ссуд предусматривалось их право на должности начальника тонга, освобождение от подушных налогов, трудовой повинности, награждение почетной титулатурой (положение начала 50-х годов для Намки). Часть из них была введена по предложениям местного чиновничества, что отразило немалую заинтересованность имущих слоев в проведении этого вида работ (в 40—50-е годы почти во всех больших провинциях были учреждены должности по надзору за новыми поселениями).

Безземельное крестьянство, таким образом, становилось либо арендаторами частных лиц, возглавивших обработку, либо полноправными общинниками — зоань дьенов на новых землях. Весьма значительную часть составили заключенные, которым в ряде случаев после окончания предварительных работ предоставлялись амнистия и ряд льгот (особенно в селениях Анзянга — Хатиена). Регулярное налогообложение вводилось, как правило, после трех, иногда пяти-шести лет.

Начиная с 30-х годов зоань дьены получают распространение во всех частях страны. На юге наличие больших массивов необработанных земель позволило организовать эти работы в значительных масштабах. В Анзянге, Хатиене, где зоань дьены начали создаваться с 30-х годов, к 1840 г. было поднято около 1 тыс. мау, к 1866 г. — 8333 мау. В 1845 г. в Тэйнине 26 деревень получили авансы для этого рода работ. В еще больших масштабах работы велись и в 50-х годах: в 1853 г. наместник Намки Нгуен Чи Фьюнг получил разрешение на вербовку 13800 крестьян для зоань дьенов, в результате чего было основано 124 деревни в четырех провинциях юга, в 1866 г. в Виньлонге за вновь созданным 41 поселением числилось 2700 мау новых земель³⁶. С начала 60-х годов после потери юга зоань дьены были основаны во всех провинциях Бакки и многих провинциях Чунгки, где имелись сколько-нибудь пригодные к обработке земли, но масштаб работ по освоению новых земель был ничтожным ввиду значительно больших трудностей природно-географического характера (в 1866 г. в Намдине было освоено лишь несколько более 600 мау, в Тхыатхиене в 1877 г. — около 400 мау и т. д.).

В этом виде работ, несомненно, большой стала личная заинтересованность лиц, организующих обработку. В их число, естественно, попали имущие слои — чиновники или помещики, что при дополнительном использовании ими еще и государственных ссуд способствовало росту частного землевладения. Большая активность чиновников, возглавлявших работы и горячо обсуждавших их проведение, может служить подтверждением не только их служебной заинтересованности в благоприятном исходе самих работ, но и упрочения и расширения своих земельных владений. Уже в 30-х годах весьма заметен и рост слоя деревенских «богачей» (фу хао), увеличивших свои земельные владения в ходе обработки пустующих и целинных земель. Видимо, выросло и число мелких самостоятельных крестьянских хозяйств.

Одновременно с организацией зоань дьенов Нгуен Конг Чы расширил число военизированных сельскохозяйственных поселений — дон дьенов. Расширение сети военизированных поселений шло и на юге, где оно преследовало как военные, так и экономические цели; оно проводилось под лозунгом «устранять разбойников, укреплять границы». В условиях частых войн эти поселения получили наибольшее распространение в пограничных районах Намки и Южного Чунгки, где было больше земли.

Контингент работающих состоял либо из солдат (местных гарнизонов или присланных из других провинций), либо из бедняков, переходивших таким образом в разряд военных, либо из заключенных. Система льгот для лиц, возглавлявших обработку земель дон дьенов, изменяясь с течением времени, предусматривала увеличение их заинтересованности: если вначале они получали лишь освобождение от подушного налога

³⁶ NCLS. 1966, № 56, с. 55—56.

(зунг), иногда — от повинностей, то в 50-х годах получали право на руководство вновь созданными поселениями (на юге и близ столицы). Необходимость сохранения обработанных площадей и стабильности населения на землях военизированных поселений нередко заставляла двор идти на предоставление им по прошествии времени гражданского статуса (с общинной или частной формой землепользования). Последнее уже было отказом от первоначальной идеи дон дьена как государственного военного поселения. Были зачислены в разряд частных земли военных поселений Хайзыонга (1835 г.), Бак-ниня (1867 г.), земли дон дьенов в Тхыатхиене отданы в обработку населению (неясно, на положении общинных или частных), зачислены в разряд общинных в 1832 г. земли поселений приморских районов Хайзыонга, Куангиена. В 1840 г. половина ставших общинными земель военных поселений к югу от Кханьхоа была роздана в качестве индивидуальных служебных наделов военным³⁷. В целом дон дьены с непрофессионально военным контингентом крестьян имели скорее экономическое, чем военное, значение. Но даже в дон дьенах, не переведенных в разряд гражданских, была распространена индивидуальная форма обработки земли (2—4 мау на человека в 50-х годах).

В 1822 г. в старых дон дьенах четырех фу Зядиня работало около 9 тыс. солдат, распределенных по 247 лагерям. Организация военизированных поселений активизировалась с 30-х годов (создание дон дьенов в 1835 г. в Хатиене, в 1838 г. в Бьенхоа). Не прекращалась она и в 40—50-х годах. В 50-х годах наместник Намки Нгуен Чи Фыонг получил разрешение организовать в широких масштабах вербовку бедняков для создания поселений по обоим берегам р. Виньтэ (провинции Анзянг и Хатиен). В 40-е годы активно проводилось освоение (силами армии и заключенных) земель о-ва Конлон, где также создавались дон дьены.

В масштабе страны основное количество земель, обработанных путем создания военизированных поселений, приходится на южные районы. Но до 1854 г. их было мало. В 1840 г. в Бьенхоа было обработано 300 мау, в Анзянге — 770, в Хатиене — 940, ВиньлонГе — 260, Кханьхоа — 140 мау³⁸. А в 1854 г. в дон дьенах различных провинций Намки была размещена 21 крупная воинская часть (ко) (500 человек). Дон дьены создавались и в большинстве центральных провинций. В 1859 г. в четырех провинциях близ столицы в дон дьенах работало 3500 человек, но масштаб освоения земель здесь был гораздо меньшим. В Баки они получили наибольшее распространение в 60-х годах, после потери Вьетнамом южных районов, захваченных Францией. Военизированные поселения здесь сосредоточились в районе Бакниня, где в 1859 г. работало 10 крупных военных соединений (ко и ве).

Высокое налогообложение³⁹, немалые трудности по организации подъема земель в неосвоенных районах, значительные финансовые расходы казны вели к тому, что военизированные поселения как форма ведения земледельческого хозяйства имели временный характер. К концу 50-х годов практика использования армии для новых дон дьенов значительно сократилась за счет преимущественной вербовки населения и использования труда заключенных. Высокая норма эксплуатации и другие трудности приводили к тому, что поселенцы зачастую разбегались. Большинство основанных на севере и в центре дон дьенов уже через 20—25 лет либо превратились в обычные села, либо были заброшены.

Очевидно, в ходе всех видов работ государство добилось некоторого увеличения общинного землевладения. Одновременно росла площадь частных владений за счет освоения новых земель. Площадь вновь обработанных земель, по неполным данным вьет-

³⁷ NCLS. 1966, № 56, с. 52.

³⁸ DNTL. Т. 22, с. 165.

³⁹ Так, если натуральная часть налога с общинных полей при Минь Манге и Ты Дыке составляла 26 тхангов с 1 мау, то налог с полей дон дьенов составлял 81 тханг (при Минь Манге и свыше 70 тхангов позднее (Nong thon Viet-Nam... с. 156).

намских исторических документов, увеличилась на 1,2 млн. мау с 1820 по 1847 г.⁴⁰, увеличилось число налогоплательщиков, следовательно, и доходы казны. Но возросшее частное землевладение усугубило эксплуатацию зависимых крестьян, в том числе и на вновь возделанных землях, государственные налоги были по-прежнему тяжелы.

Неуклонный рост экономических и социальных позиций частных землевладельцев в целом и особенно из числа помещиков могучих и сильных домов увеличивал частнофеодальную эксплуатацию крестьянства. Экономические позиции деревенских помещиков и богачей усилились не только за счет приобретения различными путями земельных участков, но и за счет монополизирования ими различных общественных функций, связанных с общественными финансами деревни, судейскими полномочиями, разбором земельных тяжб и т. д.

Обладая властью в общине и пользуясь своими правами выборных лиц, они расширяли свои владения путем незаконных операций с общинной землей, продавая ее под видом сдачи в аренду, составляя фиктивные записи на подставных лиц, уменьшая официальные размеры своих частных земель и т. п. Все это объясняет и заметное усиление политической роли этого слоя, выразившееся, в частности, в проникновении в государственный аппарат, минуя систему конкурсных экзаменов.

С начала 30-х годов земельный вопрос в связи с ростом повстанческого движения приобретает особую остроту не только на севере, но и в центральных и южных районах Вьетнама. С середины 30-х годов, после разгрома восстания Ле Ван Кхоя, происходит изменение позиции центральной власти по отношению к этой до сих пор во многом привилегированной части страны. Оно сопровождалось усилением государственного регулирования земельных отношений и попытками насаждения на юге общинного землепользования. В 1836 г. здесь была закончена кодификация земель, тогда же по указу Минь Манга был произведен перевод определенного количества земель в разряд общинных⁴¹. Ввели обязательную обработку пустующих общинных земель, дали разрешение на свободную обработку пустующих частных земель и установили строгие наказания за «тайную аренду»⁴². С 1839 г. в Намки вводится система поощрений и наказаний местных властей за увеличение или уменьшение площади необработанных земель, устанавливаются нормы допустимого количества необработанных земель (1—2% общей площади провинции, уезда, 5—15 мау в пределах отдельной общины⁴³). Сопrotивление деревенской верхушки, заинтересованной в укрывательстве истинных размеров обработанных площадей, послужило причиной уступок (1845 г.), когда эти нормы в масштабе провинции были повышены (от 1 до 13% всех земель). Позже эти положения были распространены на всю страну. В 1840 г. в шести провинциях Намки число реестровых земель увеличилось на 4936 мау, в 50-е годы уменьшилось количество необработанных земель в Куангбине, Куангнаме, Тханьхоа Шонтэе, Намдине (в пределах 100—400 мау). В 60-х годах новые меры поощрения (назначения на должности в административный аппарат деревни, награждения титулатурой двух низших степеней) в некоторой степени активизировали ход увеличения обработки заброшенных площадей. Площадь ранее заброшенных, но вновь поднятых земель в ряде провинций севера и юга увеличилась на 12326 мау, в 1875 г. в Намдине — на 17 тыс. мау⁴⁴. Борясь с 20-х годов за ограничение частного землевладения, государство предпринимает отдельные попытки и прямой конфискации частных земель для передачи их общинам. Такие попытки были предприняты в 30—50-х годах в провинции Биньдинь, в 40-х годах — в провинции Зядинь. Однако здесь стремления центральной власти столкнулись с интересами

⁴⁰ В 1820 г. площадь обработанных земель составляла 3076300 мау и 26750 кхоаней; в 1840 г. - 4 063 892 мау, в 1847 г. - 4 278 013 мау (NCLS. 1966. № 56, с. 61).

⁴¹ DNTL. Т. 11, с. 35—36.

⁴² DNTL. Т. 15, с. 187—189.

⁴³ NCLS. 1966, № 56, с. 58—59.

⁴⁴ Там же, с. 60.

помещиков, упорно отстаивавших свои интересы и зачастую сводивших на нет правительственные мероприятия. Яркой иллюстрацией их фактической силы и бессилия государства сколько-нибудь эффективно воспрепятствовать развивающемуся новому укладу служит история о попытке конфискации частных земель в провинции Биньдинь. В конце 30-х годов губернатор провинции Биньдинь Ву Суан Кан, обследовав положение в провинции, установил огромное преобладание частных земель над общинными (на 70 тыс. мау частных 6—7 тыс. общинных земель)⁴⁵. В связи с этим он представил двору свои предложения о проведении перераспределения земли в этой провинции, предложив оставить в частном владении не более 5 мау, остальные земли должны были перейти в состав общинных и распределяться как душевые паи для крестьян и как служебные наделы военнослужащим. Предложения о реформе были в принципе поддержаны некоторыми сановниками и самим Минь Мангом, однако если в первоначальном варианте им был присущ более радикальный характер, то при окончательном решении он *был* в значительной мере утрачен. В тех селениях, где общинных земель было больше либо столько же, сколько и частных, передел не проводился вовсе, несмотря на концентрацию больших земельных участков в руках отдельных лиц. В тех же селениях, где в общем фонде земельных угодий частные земли значительно преобладали, половина из них переходила в категорию общинных независимо от количества земли у каждого владельца. В тех селениях, где по реестрам числились обычные налогоплательщики, но фактически общинный земельный фонд уже совершенно или почти совершенно исчез, он должен был восстанавливаться из чиновничьих паев, из земель военных лагерей (чай дьен) или даже из общинного фонда близлежащих сел⁴⁶. Как видно, реформа в окончательном виде приняла довольно ограниченный характер: она не посягнула на относительно крупные частные владения (там, где общее соотношение частных и общинных земель было приемлемым с точки зрения двора) и сократила лишь до половины (а не до размера 5 мау) частные земельные владения в других случаях, нанося удар не только по помещикам, но и по средним и мелким владельцам-крестьянам (принимая во внимание, что их было преобладающее большинство). Реформа была проведена в течение короткого срока — трех месяцев — и в целом увеличила фонд общинных земель и число налогоплательщиков: по данным за 1840 г., их числилось 50 тыс. человек.

Как видно, первоначальная идея реформы, предложенной автором, учитывала интересы массового слоя общинного налогоплательщика (зан динь), лишённого общинной земли. Однако классовая направленность аграрной политики двора — стремление к созданию социальной опоры среди военнослужащих — дала себя знать и здесь. В 1840 г. был издан указ о том, что общинные земли должны распределяться в первую очередь среди военных (служебные наделы, паи членов семей), тем самым сокращалась часть земель, подлежащая распределению среди простых общинников. Само проведение реформы породило чрезвычайно много служебных злоупотреблений со стороны чиновничества и деревенской верхушки. В 1841 г. один из сановников, знакомый с положением на месте, докладывал императору о захвате лучших земель начальниками волостей (тонгов), о многих случаях укрывательства частных земель деревенской верхушкой и фиктивного перевода их в разряд общинных, о большом количестве судебных тяжб и т. д. В 1852 г. глава финансового ведомства Ха Зуи Фиен докладывал Ты Дыку о печальных результатах произведенных в Биньдине переделов: «Наиболее плодородные земли были захвачены богатыми; оставшиеся были захвачены деревенскими старшинами. Бедный люд получил лишь участки плохой земли»⁴⁷. Вопрос о возможности ограничения частных владений в этой провинции либо об искоренении несправедливостей, допущенных при проведении реформы, еще не раз дебатировался в придворных кругах, но не послужил поводом ни к каким практическим действиям.

⁴⁵ Tran Van Giau. Su khung hoang cua che do phong kien nha Nguyen truoc 1858. Ha-noi, 1958, с. 18.

⁴⁶ Там же, с. 20.

⁴⁷ Там же, с. 23.

Известен и другой случай неудачной попытки конфискации в пользу общины 400 мау земель в Намдине, обработанных на средства частного лица. Государство фактически признало свое бессилие в борьбе с помещиком. Поэтому даже на протяжении 40-х годов, когда поднятие целины шло весьма заметными темпами, одновременно наблюдается процесс бегства крестьян из деревень. Особенно это стало заметно в 50—60-х годах, когда масштабы обработки земель замедлились. В 1851 г. 53 общины Диньтыонга просили об исключении из облагаемых налогом около 12,5 тыс. мау земель ввиду прекращения обработки. В 1851 г. были исключены из налоговых реестров 104016 мау земель в различных провинциях страны. По подсчетам одного из вьетнамских исследователей, количество земель, с которых собирался налог, в 1881 г. было меньше, чем в 1847 г., на 800 тыс. мау⁴⁸.

В Намки в 1854 г. насчитывалось около 20 тыс. бродяг, в 1856 г.— около 14 тыс. Участилась посылка столичных чиновников на места с миссией по «собираанию бродяг», число которых в отдельных местностях временами доходило до $\frac{7}{10}$ населения⁴⁹. В области земельных отношений во Вьетнаме в XIX в. происходил интенсивный процесс концентрации земель в частных руках и разрушения общины.

Возросшее обезземеливание крестьянства на севере и в центре, рост цен на рис, вынужденный уход из села привели к росту количества разбойных групп. В хрониках того времени часто говорится о посылке войск для подавления бродяг, грабителей и т. д., на 20—30-е годы приходится наибольшее количество выступлений народных масс.

Основные категории земель и государственная аграрная политика

Структура земельной собственности во Вьетнаме в первой половине XIX в. включала в себя две основные категории земель:

- 1) государственные земли (жуонг ня ньюк),
- 2) частные земли (ты дьен).

Государственные земли подразделялись на ритуальные (тить дьен); земли, непосредственно управляемые государством; земли, переданные в безусловное владение феодальным родам, заслуженным чиновникам и их потомкам для отправления культа, или так называемые культовые земли; общинные земли.

1. Ритуальных земель при династии Нгуенов было очень мало — около 3 мау в столице Хюэ. Учреждены они были в 1828 г. Ежегодно в установленный день император, возглавлявший церемонию, проводил три борозды на ритуальном поле. В экономике Вьетнама ритуальные земли имели чисто символическое значение.

2. Непосредственно управляемые государством земли находились в полной и нераздельной собственности государства. На них работали зависимые от государства крестьяне, военнопленные, преступники и солдаты.

Рента-налог, взимаемая с земель этой категории, была очень высокой и значительно превышала налоговые ставки с общинных и частных земель. Ставки ренты-налога, собираемого с непосредственно управляемых государством земель, не были единообразны и на всем протяжении первой половины XIX в. зависели от той величины, которая собиралась с них государством либо передавалась в жалование служилым феодалам в XVIII в. Даже в конце полувека ставки ренты-налога, собираемого с этой категории земель (куан дьен, куан дон дьен, куан дьен чанг, куан чай и жуонг нгу лок), колебались от 245 до 10 тхангов с 1 мау. С этих земель бегство крестьян было довольно частым. Пытаясь приостановить уход зависимых с непосредственно управляемых земель, государство постепенно снижало с них ставку ренты-налога. Существенное влияние на снижение этой ставки оказывало развитие помещичьего землевладения, которое также нуждалось во всевозрастающем количестве зависимых крестьян. Беглецы с не-

⁴⁸ NCLS. 1966, № 56, с. 61.

⁴⁹ Lich su che do... t. 3. с. 494; Tran Van Giau. Su khung hoang... с. 85.

посредственно управляемых государством земель чаще всего находили приют на землях богатых землевладельцев.

3. Часть государственных земель передавалась в наследственное пользование феодальным родам и семьям заслуженных чиновников. Пожалования такого рода совершались под видом предоставления права сбора налога (нгу лок) для отправления культа покойных и назывались пожалованиями культовых земель. Был реализован опыт Дангчаунга, где пожалования культовых земель были очень распространены, особенно в конце XVIII в. Предоставление культовых земель было отлично от простых пожалований в нгу лок земель служилым феодалам в XVIII в., которые отбирались государством после ухода чиновников со службы. Культовые земли давались в вечное наследственное пользование, и единственным отличием от частных земель был их неотчуждаемый характер. Наиболее крупные пожалования культовых земель были предоставлены двум феодальным домам (Ле и Чинь), долгое время стоявшим у кормила государственной власти во Вьетнаме⁵⁰.

Родовая знать дома Нгуенов тоже получала культовые земли, но значительно меньших размеров, не превышавших 100 мау. Совсем мало культовой земли досталось потомкам заслуженных чиновников — от 15 до 3 мау⁵¹. Государство могло отнимать культовые земли только в самых крайних случаях. Для конфискации земли у потомков дома Ле, например, потребовалось уличить его членов в государственной измене.

4. Большую часть государственных земель составляли общинные земли, в отношении которых государство в полной мере обладало верховным правом собственности. Это право заключалось в запрете купли-продажи общинной земли, аренды, залога и залога ее на длительные сроки. Государство могло в XVIII в. изъять часть общинной земли и передать ее в жалование чиновнику, даже не имеющему права на получение пая в данной общине. Однако в связи с переводом чиновников на денежное жалование в XIX в. таких пожалований почти не производилось.

Ослабление верховного права государственной собственности на землю общины шло параллельно с усилением помещичьего землевладения, разложением экономической базы общины, превращением ее в чисто фискально-административную единицу. Кроме запрета отчуждения общинных земель, который на практике постоянно нарушался, государство подтверждало свое право верховной собственности в тех районах, где община была экономически сильна, более высокими ставками ренты-налога по сравнению с налогом с частных земель. Однако такие повышенные ставки были установлены только на севере. В центре Вьетнама налогообложение общинных и частных земель было одинаковым: по 40, 30 и 20 тхангов с 1 мау облагались 1, 2 и 3-я категории и общинной и частной земли⁵². На юге этой категории земель почти не было.

Повышенное налогообложение общинных земель на севере было связано с тем, что частные земли там в значительно большей степени принадлежали помещикам, а крестьяне владели лишь небольшими клочками частной земли, вряд ли достаточными для прокорма. Частные земли на севере в большей степени являлись синонимом поместного землевладения, чем в центре. Поэтому разницей налогообложения общинных и частных земель на севере приближенно была зафиксирована величина ренты, которую получал помещик с частных земель.

Такая же ситуация в центре, где частной землей наряду с помещиками владело и подавляющее большинство крестьян, создавала бы льготные условия наряду с помещиками и крестьянам. А это совершенно не входило в классовые интересы государства. Поэтому налогообложение общинных и частных земель в центре было одинаковым, крестьяне платили ренту-налог и с тех и с других, а помещики, захватывая административные должности в общине, всеми правдами и неправдами укрывали свои

⁵⁰ DNTL. Т. 3, с. 74—75.

⁵¹ Там же, с. 245.

⁵² Там же, с. 111.

земли от налогов, получая с них высокую ренту от эксплуатации зависимого крестьянства. Как правило, объем укрываемых помещичьих земель превосходил величину земель официальных. Этому в огромной степени способствовали родственные связи основной массы помещиков с той их частью, которая занимала административные посты в деревне.

Наделение общинной землей полноправных членов общины было далеко не равным. Значительную часть земли должны были получать по паям чиновники и солдаты. Последним кроме общинного пая (кхау фан) полагалось еще и земельное жалование (лыонг дьен) из фондов общины. Но для этого земли не хватало, и вопрос о наделении солдат земельным жалованием стал одним из основных на всем протяжении XIX в., явившись одной из главных причин «биньдиньского эксперимента» — конфискации половины частных земель и передачи их в общинный фонд. Уменьшение фондов общинных земель влекло за собой неравномерное наделение и в среде самого крестьянства. Молодые, бедные, наемные, пожилые, старики и физически неполноценные крестьяне имели право на меньшее количество паев общинной земли. Из женщин общинную землю получали только вдовы, из детей — сироты. При выходе замуж вдовы лишались своего надела.

Кроме того, наряду с крестьянами основных дворов, имеющих общинный надел, официально существовала категория крестьян пришлых дворов, не имеющих общинной земли и платящих в связи с этим пониженные налоги. Произошло разделение на общинников в социально-экономическом смысле и чисто юридических членов общины деревни.

«Переделы» общинных земель проводились один раз в три года и заключались лишь во внесении в списки совершеннолетних, имеющих право на получение пая, в выписке умерших и беглых. При этом отцовская земля чаще всего попадала в руки сыновей. Общинный надел фактически принимал наследственную форму.

Росло число беглых неприписных, которые не в состоянии были платить налоги и потому бежали из общины. В XIX в. от преследования неприписных государство перешло к их использованию в качестве «зависимых солдат».

В конце первой половины XIX в. община перестала удовлетворять потребностям общества и как административно-фискальная единица. Не связанные коллективной собственностью и не имеющие общих экономических интересов, крестьяне отдельных деревень, на которые раскладывалось общее тягло, стремились к отделению и организации самостоятельных административно-фискальных образований. Необходимость такого отделения понимали некоторые, наиболее реалистично мыслящие представители чиновничества.

5. Частные земли находились в полной и нераздельной собственности владельцев, которые свободно могли купить и продать их, передать по завещанию, заложить и сдать в аренду. Подтверждением нераздельной собственности владельца на эту землю являлось пониженное ее налогообложение по сравнению с общинной и непосредственно управляемой государством в тех местах, где экономически община была еще достаточно сильна, т. е. на севере: с 1-й категории общинной земли взималось 120 батов риса, с 1-й категории частной земли — 40 батов, со 2-й категории общинных земель взималось 84 бата, со 2-й категории частных земель — 30 батов; с 3-й категории общинных земель взималось 50 батов, с 3-й категории частных — 20 батов. На частных землях помещиков центра, захватывающих административные должности в общине и использующих свое положение для укрытия частных земель от налогов, происходило отделение налога от ренты, которая присваивалась теперь землевладельцем-помещиком. Крестьяне же и с частных земель продолжали платить ренту-налог. На частных землях центра развитие феодальной ренты оказало такое влияние на общинное землевладение, что там тоже произошло отделение налога от ренты, которая все более стала присваиваться общинной верхушкой, солдатами и чиновниками. Особенно широкой была эксплуатация зависимого крестьянства и арендаторов на юге Вьетнама. Там помимо крестьян, имевших частные земли, существовали целые деревни, не имеющие ни клочка собственной пахотной земли,

а были и такие, которые сами находились на земле помещика. Иногда на земле помещика проживало несколько деревень⁵³. Государство пыталось бороться с господством помещичьего землевладения и даже шло на крайние меры — на конфискацию части частной земли. Такая политика, однако, не была последовательной. Ты Дык, внук Минь Манга, осуществившего конфискацию половины частных земель в Биньдине, склонен был к тому, чтобы вернуть частную землю ее прежним владельцам.

Аграрная политика в первой половине XIX в. характеризуется следующими чертами:

1) Всемерным поощрением обработки заброшенных земель, стимулированием возвращения крестьян в деревню, различным отношением к получению помещиками ренты с укрываемых от налогообложения земель на протяжении полувека.

2) Лишением государственных чиновников жалования с непосредственно управляемых государством земель в связи с переводом их сначала на получение земельного пая в общине наряду с денежным жалованьем, а затем на чисто денежное жалованье; сбором в полном объеме доходов с непосредственно управляемых земель в фонд государства.

3) Снижением налогообложения непосредственно управляемых земель в связи с бегством зависимого крестьянства.

4) Попытками выйти из кризисной аграрной ситуации организацией освоения целинных земель руками свободных крестьян, солдат и заключенных. В зависимости от того, кто осваивал целинную землю, она превращалась то в непосредственно управляемую государством, то в общинную, то в частную.

5) Различным отношением на разных этапах к общинному и частному землевладению.

1. Для того чтобы увеличить фонд обрабатываемых земель, с которых можно было взимать налоговые подати, в начале века государство делало все возможное, чтобы вернуть беглых на заброшенные общинные и частные земли. В связи с этим в 1802 г. было приказано освободить от налогов все земли беглых крестьян в Нгеане и Тханьхоа, которые были конфискованы Тэйшонами и превращены в непосредственно управляемые государством (куан чай) и выдаваемые в жалование чиновникам как нгу лок⁵⁴. В том же году государство вернуло крестьянам общинные и частные земли в Бактхане⁵⁵. Однако крестьяне не спешили возвращаться в родные места. Чтобы разрешить проблему обработки пустующих земель и получения урожая, было решено прибегнуть к помощи армии. В 1802 г. было объявлено, что все земли беглых крестьян севернее Куангбиня местные чиновники должны четко поделить и передать в обработку войскам, освободив от налогов. Вместе с тем людям, захватившим землю беглых, временно разрешалось ее обрабатывать. Единственным условием была уплата налогов. Наряду с общинными разрешалось временно занимать и частные земли. Налоги вносились в денежной форме. Армия должна была четко следить за тем, чтобы рис не оставался на полях необработанным. Если кто-либо к моменту жатвы бежал, солдаты должны были сами убирать урожай и вносить его в казну. Если беглые крестьяне возвращались на поля, то солдаты немедленно должны были передать им землю⁵⁶. В 1803 г. был издан приказ, аналогичный приказу 1802 г., о возвращении крестьянам Центрального Вьетнама заброшенных земель, превращенных Тэйшонами в непосредственно управляемые государством и выдававшихся их чиновникам (куан дьен чанг). Возвращенные земли превращались как в общинные, так и в частные⁵⁷. Пытаясь всеми мерами вернуть крестьянство на старые земли, государство в то же время декларировало учет облагаемой земли. Было приказано вносить налоги

⁵³ DNТL. Т. 18, с. 213—214.

⁵⁴ DNТL. Т. 3, с. 73—74.

⁵⁵ Там же, с. 93.

⁵⁶ Там же, с. 97—98.

⁵⁷ Там же, с. 102.

точно в соответствии с количеством обрабатываемой земли. У нарушителей земля должна была отбираться и передаваться соседям. Однако в первое двадцатилетие XIX в. мероприятия по наказанию за укрытие помещичьих земель от налогообложения носили чисто декларативный характер. Подобные «злоупотребления» стали нормой и поставляли регулярную ренту помещикам. Фактически это санкционировалось правительством Зя Лонга. Жесткие правила, введенные еще в 1802 г., при отсутствии льгот для возвращавшихся в виде освобождения от налогов на ряд лет не давали беглым возможности снова поселиться на старых землях. Наконец, в 1805 г. государство приказало войскам, обрабатывающим заброшенные земли на севере, прекратить их эксплуатацию. Земли должны были пустовать до возвращения крестьян. Вернувшиеся беглецы освобождались от налогов и военной службы на три года. Если в течение трех лет беглые не возвращались, то их земли передавались в обработку крестьянам других общин. С них взимались налоги начиная с 1808 г. Армия должна была уйти лишь с тех земель, которые были покинуты крестьянами до 1802 г.

Армия продолжала оставаться на землях тех, кто бежал позднее 1802 г., т. е. уже при Нгуенах. Хотя при возвращении они также получали землю обратно, но трехлетней налоговой отсрочки не имели и несли тягло со следующего года⁵⁸. Уже на будущий год государство вынуждено было признать, что поступило опрометчиво в отношении беглецов после 1802 г. В 1806 г. было предоставлено освобождение от налогов всем беглым крестьянам, вне зависимости от срока давности бегства, причем на срок, больший, чем три года. Всем возвращавшимся после 1804 г. крестьянам, когда бы они ни вернулись, предоставлялось освобождение от налогов до 1809 г. включительно.

Несмотря на эти меры, север пустовал. В 1806 г. чиновники из Бактхана доложили, что в Хайзыонге, Шонтэе, Киньбаке, Верхнем и Нижнем Шоннаме, Тхайнгуене и фу Хоайан разбежалось 370 общин и деревень, налоговых недоплат на 110 тыс. куанов и 70 тыс. хопов риса⁵⁹. Лишь такое тяжелое положение заставило государство признать захват соседями пустующих земель, которые должны были быть обложены налогами. Сделано это было в единичном случае и не должно было стать правилом. В принципе государство строго соблюдало право частных лиц.

Кроме возвращения беглых, государство в первое двадцатилетие проводило довольно пассивную политику, направленную на обнаружение земли, скрываемой от налогообложения. Рента, получаемая помещиками от таких «злоупотреблений», фактически санкционировалась государством, особенно в первые годы XIX в. Однако и при правительстве Зя Лонга в этой политике были изменения. Наиболее радикальным отступлением, связанным с уступками консерваторам, было предоставление льгот крестьянам, начавшим первыми с условием уплаты налогов обрабатывать скрываемую от налогообложения землю. Как долго бы такая земля ни скрывалась от налогообложения, человек, первым начавший платить за нее налог, должен был оплатить недоимки лишь за три года. Если земля была обнаружена, а платить за нее никто не хотел, то она возвращалась к прежнему владельцу, если была частной, и к прежнему крестьянину-держателю, если была частью общинной земли⁶⁰.

В 30-х годах в связи с наступлением правительства Минь Манга на помещика заброшенная земля в докладах чиновников уже прямо связывается с землей, укрываемой от налогообложения. Так, в 1831 г. чиновники Тханьхоа просили разрешить им вписывать заброшенную, но способную быть обработанной землю в списки, общинную заброшенную землю — передавать крестьянам общины, а частную заброшенную землю — владельцам; если же какой-нибудь участок этой земли не будет вписан в списки, будет скрыт от налогообложения, а кто-либо станет его обрабатывать, то человек, первый начавший обрабатывать этот участок, и будет его владельцем, а ли зити, допустившие

⁵⁸ Там же, с. 233.

⁵⁹ Там же, с. 311.

⁶⁰ DNTL. Т. 4, с. 96.

незаконное укрывательство заброшенной земли от налогообложения, будут наказаны⁶¹. Это вело не только к сокращению ренты помещиков, но и к ужесточению налогового гнета крестьян и заставляло их платить за те земли, которые они часто не могли обработать. Чиновники из Ниньбиня настаивали на том, чтобы вписать в списки ранее обрабатываемые, а затем заброшенные земли⁶². Если у общины было много земли, то она могла лишь передать ее той общине, у которой земли было мало, заброшенную землю можно было лишь передать в обработку крестьянам другой общины, которых начальнику волости разрешалось вносить в списки вместо беглецов. Но все-таки это были единичные случаи, когда усердствовавшая в борьбе с помещиками новая администрация Бактханя, желая угодить решительно настроенному против частного землевладения Минь Мангу, по собственной инициативе перегибала палку. Общего закона о вписании заброшенной земли в списки общины издано не было. В то же время помещики все чаще объявляли свои земли заброшенными и передавали их зависимым крестьянам или арендаторам, захватывали общинную землю и превращали ее в частную, понижали категоричность налогообложения своей земли, платя пониженные налоги. В 1832 г. Минь Манг издал указ о продолжении исправления земельных реестров. В этом году исполнилось 30 лет со времени официального прихода к власти Нгуенов и с того времени, когда начался отсчет пустования земли. По истечении этого срока пустующая земля могла быть официально передана другим владельцам. В связи с этим в земельный реестр была внесена земля тех, кто вернулся в общину и начал обрабатывать свои земли после 1805 г.— времени составления основного земельного реестра. Кроме того, в реестр были внесены земли тех беглых, которые не вернулись, но чьи земли были переданы местными властями другим людям и «не были разграничены с землями общины»⁶³. Большинство таких земель было захвачено помещиками, но если раньше они могли уклоняться от уплаты за них налогов, то после включения во вновь составленный реестр сделать это было уже невозможно. Несмотря на яркую антипомещичью направленность, указ о составлении новых реестровых списков в значительно большей степени ударил по сельской бедноте, которая не могла платить налогов, разорвалась и вынуждена была бежать из общины, попадая в зависимость от помещиков. Такая политика правительства Минь Манга вызвала сопротивление реалистически мыслящего чиновничества. В 1833 г. начальник налогового управления Хайзыонга Чан Ван Чунг встал на защиту помещиков и потребовал запретить доносы об укрываемой от налогов земле и передачу ее доносчику, а также продлить срок освобождения от налогов заброшенной земли при ее освоении, иначе эта земля вновь забрасывается либо укрывается от уплаты налогов. Он предлагал предоставить возможность общине и частным лицам продолжать обрабатывать укрываемую землю, так как доносчики занимаются вымогательством взяток и доносят только в том случае, если их требования не удовлетворяются. Когда же посылаются государственные чиновники для расследования, то они тоже занимаются вымогательством. Император передал доклад на обсуждение ведомству финансов, которое указало, что нельзя отказаться от института доносчиков, при помощи которых были обнаружены сотни и тысячи мау укрываемой земли, но предложило в том случае, если обладатели общинной и частной земли сами признаются в укрытии ее от налогов, оставить ее им, взимая налоги с того же года, когда было сделано признание. Если же они не сознаются, то любой человек имеет право донести на них в казну. За каждое мау укрываемой земли платить доносчику по 3 куана в качестве вознаграждения, землю же оставить прежним владельцам, взыскав с них налоги за год. Заброшенную землю, как и прежде, сдавать первому, кто подаст на нее заявку. Частную заброшенную землю также сдавать первому, кто сообщит о ней и согласится обрабатывать, налогами облагать по истечении трех лет. Лишь землю беглых передавать во временное пользование соседям с условием возвращения ее беглецам, снова

⁶¹ DNTL. Т. 10, с. 246.

⁶² Там же.

⁶³ DNTL. Т. 11, с. 108.

объявившимся на старом месте. Такое либеральное решение, дающее льготы как помещикам, так и крестьянам, не могло удовлетворить Минь Манга, и он передал этот вопрос на обсуждение высших чиновников двора, которые вынесли следующие решения.

1. В течение трех лет (1835—1837) предоставляется срок общинам и частным лицам сознаться в укрытии от налогов земли. В течение этого срока запретить доносы. По истечении этого срока разрешить доносы.

2. При доносах об укрытии необлагаемой земли рассматривать два случая:

а) когда в отрезке записной облагаемой налогом земли имеется кусок необлагаемой земли;

б) когда весь отрезок земли укрывается от налогов.

В первом случае земля возвращается к общине или владельцу с условием доплаты за необлагаемый кусок.

Во втором случае вся необлагаемая земля переходит к тому человеку, который первым согласится платить за нее налоги. В этом положении совершенно очевидны закамуфлированные льготы помещикам. Ведь именно они обладали такой земельной площадью, которая давала им возможность за часть земли платить налоги, а с части земли полностью присваивать ренту. Именно такая земля не подлежала конфискации. Что касается крестьян, то они часто не имели средств для уплаты налогов даже за часть земли, и именно это жестоко каралось государством. Таким образом, даже антипомещичьи законы Минь Манга не были в полной степени радикальными и били прежде всего по крестьянам.

Что касается заброшенной земли, то высшие чиновники двора заявили, что следует придерживаться правила, установленного в 1831 г., по которому такие земли облагаются через шесть лет после начала обработки.

Не поддержав просьбу провинциальной администрации об ослаблении вмешательства государственных органов в дела деревни, правительство Минь Манга ударило своей аграрной политикой по всем деревенским слоям, но основная тяжесть легла на плечи бедняков, в то время как земли помещиков, лишь частично укрываемые от налогообложения, не подлежали конфискации. Кроме того, состоятельные помещики могли доносить о неуплате беднотой налогов за скрываемую землю и, согласившись на такую уплату, присваивать ее себе. Если же на бедняка просто поступал донос и при этом доносчик сам не мог платить налоги за землю, то земля снова забрасывалась и крестьянин уходил из деревни.

В середине 30-х годов заброшенных земель стало так много, что государство вынуждено было передавать их обработку в Центральном Вьетнаме армии. Сказались результаты антипомещичьей политики — лишения владельцев земли ренты с укрываемых от налогообложения полей.

На юге вопрос о налогообложении вновь осваиваемых земель встал особенно остро лишь после вмешательства центральной администрации в его аграрную структуру в 1836 г. После обмера земель с переводом их налогообложения в общевьетнамские эталоны и составления точных списков обрабатываемых земель вновь назначенная провинциальная администрация, желая выслужиться перед императором, предложила в девятом месяце 1837 г. сократить срок освобождения от налогов вновь освоенных земель с 6 до 3 лет⁶⁴. Император не одобрил этой акции, но в 1838 г. отдал приказ всем чиновникам юга переписать тех, кто укрывает от налогообложения обрабатываемые земли, а также тех, кто обрабатывает землю, считающуюся заброшенной. Этот приказ последовал в качестве реакции на доклад губернатора Диньтунга — Биенхоа, который в числе прочего сообщал, что в провинции много считающейся заброшенной земли обрабатывается. Такие сообщения о присвоении ренты помещиками с укрываемых от налогообложения земель не были редкостью. Уже после провозглашения начала борьбы с укрывательством начальник

⁶⁴ DNTL. Т. 19, с. 229—230.

судебного управления Виньлонга писал в 1838 г.: «В провинции много земли, которую захватывают люди из деревень»⁶⁵.

Освоение целинных земель на юге, к которому прибегло правительство, чтобы вывести его из тяжелого экономического положения после восстания Ле Ван Кхоя, к чему присоединилось сокращение производства товарного риса после перемера земель, «компенсировалось» забросом земель обрабатываемых. Уже в 1838 г. император с гневом откомментировал поданный с юга доклад: «Какая же польза в том, что целинная земля будет все больше осваиваться, если обрабатываемые земли все больше забрасываются и приобретенное не будет покрывать потерянное»⁶⁶.

В связи с этим в 1838 г. по всей стране была проведена кампания по сокращению количества забрасываемых земель.

На юге были установлены правила награждения всех чиновников от уровня провинции до уезда (хюен) и общинного самоуправления от волости (тонг) до деревни (тхон) за освоение целинных земель. Были предусмотрены наказания для тех же лиц за заброс обрабатываемых земель.

В центре и на севере всем «незаконным» рентополучателям, владельцам земли, считающейся заброшенной, но в действительности обрабатываемой, было приказано сознаться о ее укрытии в шестимесячный срок. То же должны были сделать и ли зити. Вместо шести лет такие земли освобождались от налогов лишь на три года, но владельцы их не наказывались. По истечении шести месяцев все укрыватели подвергались наказанию. Чиновники и общинные старосты должны были стимулировать обработку заброшенных земель и в конце года подавать списки земель, оставшихся невозделанными. По величине этих земель им определялось поощрение или наказание, как на юге. В 1839 г. государство установило правила заклада земель. В документе должен был быть записан срок, на который закладывалась земля. По истечении этого срока бывший владелец мог ее выкупить. Если он не выкупал ее в срок, то владельцем становился тот, кому она была заложена. Если срок указан не был, выкупать ее можно было только через 30 лет. Если в документе срок указан не был, но сказано, что земля подлежит выкупу, и еще не прошло 30 лет, то ее можно выкупить. Если же срок не указан, но в документе сказано, что земля подлежит выкупу и прошло более 30 лет, то выкупать нельзя⁶⁷.

В отношении заброшенной земли государство никогда уже не осуществляло такую жестокую фискализацию, как это было в 30-х годах. В 40-е годы на нее уже не обращали внимания. С приходом к власти Ты Дыка и усилением при дворе «реалистов», возглавляемых Нгуен Данг Зяем и Нгуи Кхак Туаном, отношение государственной власти изменилось и по этому вопросу.

В 1853 г. Ты Дык еще раз освободил от налогов заброшенные земли⁶⁸. В начале правления Ты Дыка взяла верх линия «реалистов» на ослабление административного контроля над деревней. В принятом как закон докладе Нгуен Данг Зяя, Тон Тхай Бата и Нгуен Ван Тяна в 1848 г. в отношении укрываемых от налогов земель была с некоторыми коррективами сформулирована та программа, которую предложило в 1833 г. по докладу Чан Ван Чунга ведомство финансов, но которая была отвергнута высшими чиновниками Минь Манга. Если весь отрезок обрабатываемой земли укрывался от налогов, но в действительности обрабатывался, то с укрывателя взыскивалось по 3 куана за 1 мау в качестве вознаграждения доносчику, но земля оставалась в общине или у землевладельца. Только в том случае, если укрываемая от налогообложения земля не обрабатывалась, она могла быть передана первому человеку, который согласился бы платить за нее налоги. В том же докладе было указано, что если заброшенную землю можно обрабатывать, то надо

⁶⁵ DNTL. Т. 20, с. 225.

⁶⁶ Там же, с. 256.

⁶⁷ DNTL. Т. 21, с. 289—290.

⁶⁸ DNTL. Т. 27, с. 380.

постепенно обрабатывать и нельзя укрывать от налогообложения⁶⁹. Постепенность, очевидно, рассматривалась как длительный срок освобождения от налогов после начала обработки, значительно превышающий и три года, и даже шесть лет. Указывалось, что если на заброшенной земле можно сажать какие-либо растения (а не рис), то надо извлекать из нее пользу. Программа обработки заброшенных земель была гибкой и многовариантной. Предлагалось оставить обработку земель дон дьенами, но не брать, как ранее, половину урожая в казну, а весь урожай оставлять солдатам. Наконец, были отменены наказания и награждения чиновников всех рангов за заброшенные и освоенные земли в районах их службы. Так была ревизована антипомещичья аграрная политика Минь Манга в отношении заброшенных, укрываемых от налогообложения и осваиваемых земель.

Меры в отношении укрывателей не обложенной налогом земли были даже более мягкими, чем по указу 1802 г., который предусматривал передачу земли соседям нарушителя. Доклад чиновников во главе с Нгуен Данг Зяем в точности повторял указ Зя Лонга от 1810 г. Все мероприятия, изложенные в докладе, повторяли если не букву, то дух эпохи Зя Лонга: в них чувствовалась реакция на реальность и социальные потребности различных слоев.

В 1851 г. Ты Дьщ вычеркнул из списков налогообложения 104016 мау земли, причем более 80% из Виньлонга (47120 мау) и Анзынга (34784 мау). На две другие провинции не приходится и 5% освобожденных от налогов заброшенных земель — 3200 мау в Диньтыонге и 1278 мау в Хатиене. В Зядине и Биенхоа вообще никаких освобождений не было. Это свидетельствует о провале всех мероприятий, связанных с перемером земли в 1836 г. На севере от налогов было освобождено сравнительно мало земли: 6668 мау в Ханое, 3548 мау в Тханьхоа, 1635 мау в Нгеане, 962 мау в Хайзыонге и 837 мау в Намдине, 210 мау в Каобанге. В центре от налогов были освобождены лишь земли в столичном районе—1984 мау и в Куангнаме—1826 мау⁷⁰. Изменено было и отношение к возвращающимся беглецам. Если раньше Минь Манг приказал со всех крестьян, в том числе и возвращающихся, взимать налог как с «крепких», то теперь возвращающимся предоставляли налоговые льготы и взимали подушный налог как с беглых (дао).

Так поступило государство с общинными и частными землями, реквизированными правительством Тэйшонов у крестьян и помещиков. Таково было отношение государства к укрытию земель от налогообложения, к забрасыванию земель крестьянами и к обработке пустующих земель в первой половине XIX в. Выясним далее политику государства в отношении других категорий земель.

2. Что сделало государство Нгуенов с землями Ле, Чиней и своими собственными, которые в период с 1777 по 1801 г. были захвачены Тэйшонами? Были обложены налогами земли дон дьен, куан чай и конг дьен биет тхык в Куангнаме, доходы с которых почти полностью шли в пользу тэйшонского государства и тэйшонских чиновников. Обложение этих земель, как мы уже говорили, было очень высоким. Налогом облагались со стороны Нгуенов те же зависимые крестьяне, что сидели на этих землях ранее. Не выдерживая высоких налогов, такие крестьяне бежали. Особенно массовым было бегство в конце войны с Тэйшонами, когда Тэйшоны были уже практически разбиты и не имели сил для того, «чтобы удержать зависимых на их землях, а власть Нгуенов еще не успела распространиться на все сферы экономической деятельности. В 1801 г. было указано всем чиновникам в фу и хюенах Тхуанхоа, что если на полях, раздаваемых ранее (при Тэйшонах) в жалование (нгу лок), на землях куан дьен и куан чай имелись люди, которые их обрабатывали, то оставить по-прежнему, если же нет, то вернуть крестьянам общин: «нельзя, чтобы они пустовали»⁷¹. Видно, что сразу же, с первых дней после захвата

⁶⁹ Там же, с. 108.

⁷⁰ Там же, с. 294.

⁷¹ DNTL. Т. 2, с. 4-29.

власти, новое феодальное государство не особенно стремилось сохранить непосредственно управляемые земли, частично возвращая их общинам. В широком смысле это было связано с развитием товарно-денежных отношений, превращением земли в товар, все расширяющимися функциями денег и возможностью удовлетворить служилых феодалов денежным жалованьем в позднефеодальном вьетнамском обществе. В узком смысле перевод чиновничества на денежное и рисовое жалованье был «отрепетирован» за 20 лет правления Нгуен Фук Аня в Зядине, где чиновники не получали земельного жалования. И происходило это также за счет высокой степени развитости производства товарного риса и распространения денег. Несмотря на спокойное отношение к переходу заброшенных непосредственно управляемых земель в общинные и нежелание возвращать на них зависимых крестьян, если они разбежались, государство еще до разгрома Тэйшонов на севере в 1802 г. временно, «впредь до последующего решения», подтвердило старый порядок использования общинных земель (конг дьен), отданных в жалование (нгу лок) в Центральном Вьетнаме. Очевидно, имелись в виду старые земли, розданные Нгуенами знати и заслуженным чиновникам еще до тэйшонского восстания, так как новых земель в нгу лок Зя Лонг в центре не предоставлял. Кроме того, подразумевались еще и культовые земли — пожалуй, единственные земли, которые Нгуены жаловали потомкам знати на протяжении всей первой половины XIX в. Многие получатели нгу лока с общинных земель были убиты, и в этом случае общины, очевидно, приобретали свободу и должны были платить обычный налог в государственную казну. В Нгеане и Тханьхоа Нгуены уже в 1802 г. вернули крестьянам земли, частично переданные в жалование тэйшонским чиновникам, частично непосредственно управляемые тэйшонским государством. На севере в 1802 г. крестьянам были возвращены земли, конфискованные у них для выдачи жалования военным, гражданским и ушедшим на пенсию тэйшонским чиновникам. В непосредственно управляемую государственную собственность были превращены лишь частные земли тэйшонских чиновников и непосредственно управляемые государством земли Ле и Чиней (куан дьен, куан чай и куан тхо).

Получив сравнительно большой фонд непосредственно управляемых государственных земель, Нгуены не были щедры при ее раздаче. Были розданы культовые земли Ле и Чиням. Эти земли были предоставлены не за службу, а навечно, но лишь с правом взимания налога. Пожалования были довольно крупные: 10 тыс. мау — Ле и 500 мау — Чиням. Кроме того, Ле были даны культовые крестьяне с правом взимания с них налога и 100 зависимых крепостных крестьян (тао ле). В 1802 г. в пересчете на лок дьены стали жаловать деньги, что явилось переходной формой к денежному жалованью. В 3-м месяце 1803 г. Нгуен Ван Тхань предложил выдавать землю в жалование, но в 12-м месяце 1803 г. Зя Лонг предоставил военным и гражданским чиновникам и армии лишь небольшое денежно-рисовое жалованье (большего и нельзя было позволить в разоренной войной стране), а в 4-м месяце 1804 г. — земельные паи в общине⁷². Никакого земельного жалования чиновники не получали.

Лишь пожалования культовых земель семьям титулованной знати и заслуженным чиновникам посмертно носили более или менее постоянный характер; они могли достигать довольно крупных размеров — до 75—100 мау. Основная же масса таких пожалований была значительно меньших размеров⁷³.

Из феодалов, условных землевладельцев, чиновники были превращены в платных государственных служащих. Все налоги с непосредственно управляемых государством и общинных земель, кроме культовых, стали поступать только государству. В течение всей первой половины XIX в. основная масса чиновничества не имела земельного жалования с непосредственно управляемых государством и общинных земель, не считая пая в общине. Исключением явилось архаическое мероприятие Минь Манга, одержимого идеей

⁷² DNTL. Т. 3, с. 75, 89, 151—156.

⁷³ Там же, с. 218, 219, 245, 257.

создания «идеального» государства по конфуцианским нормам древности. В 1833 г. он пожаловал высших военных чиновников титулами знатности хау, ба и ты, дающими право на получение земельных владений. Система таких титулов была введена в 1830 г., когда вместе с титулами (выонгов, конгов и хау) были предоставлены земли потомкам титулованной знати, а также высших чиновников эпохи прихода Нгуен Хоанга в Тхуанхоа и «героям» антитэйшонской войны. В 1834 г. было подтверждено право детей титулованной знати наследовать земли родителей⁷⁴. Однако это архаическое мероприятие было чисто декоративным. Титулы, дающие право на земельные владения, получали считанные единицы. И это не удивительно. На протяжении всего полувека сохранялся тот импульс на восстановление и сохранение свободной соседской общины (хотя бы и без «общинных» в узком смысле земель, как было на юге), который был дан после прихода Нгуенов к власти. В то же время благожелательное отношение к частному землевладению частично сменяется в конце 30-х годов активными мероприятиями, тормозящими его развитие и даже прямо направленными на его ликвидацию, а в конце 40-х — начале 50-х годов происходит возврат к политике эпохи Зя Лонга.

3. Какова была налоговая политика в отношении непосредственно управляемых государством земель? Мы знаем, что основная часть старых нгуеновских земель, а также земель Ле и Чинь составила теперь фонд непосредственно управляемых государственных земель. На этих землях сидело зависимое от государства крестьянство, которое прежде облагалось неравными в разных местах, чаще всего более высокими, чем в среднем, налогами, но не бежало, очевидно вследствие большей плодородности и урожайности этих земель. Нгуены не вводили нового обложения на основной массе непосредственно управляемых государственных земель, а сохранили то, что им досталось на севере от Ле и Чиней, а в центре — от своих предков. Те же налоговые ставки, которые были введены заново, мало отличались от налогообложения общинных полей. В долинных районах севера — в Шонтэе, Хайзыонге, Верхнем и Нижнем Шоннаме, а также в фу Фунгтхиен (Ханое) — часть непосредственно управляемых государством земель была обложена по ставке даже меньшей, чем налогообложение 1-й категории общинных полей, и составляло 100 батов с 1 мау. С наносных земель взимались налоги по категориям, в основном совпадающим с категориями обложения общинных земель, — 120, 84 и 50 батов с 1 мау. Несколько большая дробность обложения — наличие земель, с которых взималось по 60 батов с 1 мау, — свидетельствует лишь об их более дифференцированном учете. В Нгеане обложение непосредственно управляемых земель было пониженным — 52,5 бата, а ставки с наносных совпадали со ставками общинных земель 1-й категории — 120 батов. В Тханьхоа с наносных земель брали как со 2-й категории общинных — 84 бата⁷⁵. Общая тенденция обложения на севере и в Тханьхоа — Нгеане непосредственно управляемых государством и плодородных наносных земель заключалась в приближении налоговых ставок к ставкам с общинных полей. Нгуены пользовались каждым случаем, чтобы предоставить налоговые льготы зависимым крестьянам с этих земель наряду с общинниками и частными землевладельцами. Так, в 5-м месяце 1806 г. по случаю восшествия Зя Лонга на императорский престол земли куан дьен, куан дон дьен, куан дьен чанг, куан чай, а также земли, передаваемые в нгу лок и конфискованные частные земли Тэйшонов были освобождены от налогов на 50%. В 1820 г. Минь Манг также специальным указом снизил на 50% денежные и рисовые поборы с крестьян, сидящих на непосредственно управляемых государством землях куан диен и куан чай, так как они не получили общих льгот, данных общинным и частным землям по случаю его воцарения⁷⁶. В 1821 г. были резко снижены поборы с непосредственно управляемых государством земель (куан дьен и куан тхо) в Центральном Вьетнаме: Куангдинь (столичной провинции), Куангчи, Куангнаме, Куангнгае, Биньдине, Фуиене и даже в Нгеане. Земли

⁷⁴ DNTL. Т. 12, с. 67—71; т. 10, с. 387—394; т. 15, с. 126—127.

⁷⁵ DNTL. Т. 3, с. 111.

⁷⁶ Там же, т. 3, с. 285; т. 5 с. 71.

эти были ранее розданы государством Тэйшонов своим чиновникам, на которых те создавали свои хозяйства из зависимых (чай жиенг) либо получали право сбора налога (нгу лок). После поражения Тэйшонов эти земли были конфискованы государством Нгуенов и получили статус непосредственно управляемых государством (куан дьен, куан тхо). Однако налоговые ставки на них остались такими же высокими, как и раньше, и не изменялись в течение всего правления Зя Лонга. Заявив, что «при предшествующем правлении тоже хотели это сделать, но не хватало времени»⁷⁷, Минь Манг снизил налоги с земель, облагаемых от 52 тхангов 5 хопов и 2 куанов 1 тиена до 100 тхангов и 3 куанов, на 20%, а с земель, облагаемых выше чем 100 тхангов и 3 тиена, — на 30%.

Землями, получившими налоговые льготы, являлись такие категории непосредственно управляемых земель (куан диен), как дьен чанг, куан чай, дон дьен, земли под домами зависимых, земли, отданные для сбора налога (очевидно, большая часть из них была культовыми), земли под садами, пруды, озера, наносные и аллювиальные, земли, покинутые беглецами и конфискованные государством.

В случае стихийных бедствий было приказано снижать налог зависимым крестьянам на непосредственно управляемых государством землях в той же пропорции, что владельцам частной и держателям общинной земли. Раньше при снижении налогов из ставок непосредственно управляемых государством земель вычитали ту меру риса, на которую снижался налог общинным и частным землям. А так как налоговые ставки непосредственно управляемых земель были раньше значительно выше ставок с общинных и частных, то зависимые крестьяне получали значительно меньше милостей, чем частные владельцы и общинники. После 1824 г. их положение при получении налоговых льгот от государства при стихийных бедствиях в значительной степени выровнилось.

Кроме процесса уравнивания налоговых ставок с непосредственно управляемых, общинных и частных земель шло частичное возвращение государством конфискованных после 1802 г. частных земель.

Во второй половине 20-х годов продолжается процесс полного уравнивания налоговых ставок с некоторых категорий непосредственно управляемых государством и общинных земель.

Так, в Биньдине в 1826 г. с земель жуонг чай стали взимать налоги, равные налогам с общинных полей. В 1835 г. часть культовых земель, данных семьям двух высших чиновников эпохи Зя Лонга, была переведена в категорию общинных земель. Семьи чиновников были компенсированы деньгами. Наконец, в 1836 г. все непосредственно управляемые государством земли куан дьен и куан тхо в Куангчи были переведены в категорию общинных земель. В 1839 г. при конфискации половины частных земель в Биньдине и переводе их в категорию общинных полей заодно в эту же категорию были переведены все земли, непосредственно управляемые государством, что значительно сократило налоговые поступления в провинции.

Обращает на себя внимание тот факт, что полный перевод непосредственно управляемых государством земель в общинные и соответственное уравнивание налоговых ставок были произведены лишь в двух провинциях с наименее плодородной землей — в Куангчи и Биньдине. По всей вероятности, здесь невозможна была повышенная эксплуатация зависимого крестьянства. Не выдерживая тяжелого налогового гнета, крестьяне разбегались, и у государства не было сил вернуть их на землю.

Более стабильное положение государственных зависимых в других провинциях может быть объяснено тем, что там были урожайные земли, из которых непосредственно управляемые государством занимали самые плодородные места. На большей части территории Вьетнама налоговые ставки на непосредственно управляемых государством землях не были прямо уравнены со ставками с общинных земель, но постоянно продолжалось снижение налогов с них. Одной из первых акций Тхиеу Чи после занятия

⁷⁷ DNTL. Т. 5, с. 217.

престола было снижение налогов с непосредственно управляемых земель на 50% в Тхыатхиен в 1841 г. В 1846 г. один из высших чиновников, Нгуен Кхак Туан, предложил унифицировать налоги со всех непосредственно управляемых государством общинных и частных земель, сведя все налогообложение к ставкам с общинных и частных земель. Предложение было очень решительным и вследствие этого было отклонено. Но сам факт свидетельствует о том, что вопрос об унификации налогообложения уже назрел.

Обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на снижение налоговых ставок с непосредственно управляемой государственной земли на 20—30% в центре в 1821 г. и повторное снижение тех же ставок на 50% в столичном районе, в 1841 г. общий уровень их оставался очень высоким и в 1846 г. достигал на некоторых полях 245 тхангов с 1 мау.

В 1848 г. пришедший к власти Ты Дык вновь снизил налоги на некоторые категории непосредственно управляемых государством земель: чай куан, дьен чанг, чай конг, дон дьен конг, а также на земли зависимых, которые не подпали под общее снижение налогов по случаю воцарения нового монарха. Несмотря на предложения реалистически мыслящего чиновничества избавить зависимых крестьян от наиболее жестких форм налогового гнета, феодальное вьетнамское государство не отказалось от дополнительного, хотя и не совсем надежного источника доходов.

Вьетнамское государство вступило во вторую половину XIX в., отягощенное высокооблагаемыми казенными землями и неполноправными государственными зависимыми.

4. Известно, что на разных этапах своей истории вьетнамское государство предпринимало организацию освоения целинных земель. В первой половине XIX в. такое освоение осуществлялось солдатами, нсприписными крестьянами, осужденными преступниками и ссыльнопоселенцами, которым государство выдавало инвентарь, скот и ссуду, а также богачами — помещиками, имеющими возможность на свои деньги набрать крестьян.

Большое распространение получили дон дьены еще в период антитэйшонского сопротивления. Их организовывал Нгуен Фук Ань для снабжения продовольствием своих солдат в 1785 г. в Сиаме, куда он бежал после поражения от Тэйшонов. После организации нгуеновской администрации в Зядине особое распространение получили созданные в 1790 г. специальные дон дьены, в которые набирались крестьяне, обязанные платить высокий налог — 6 хоков риса с человека. Во главе таких дон дьенов чаще всего стояли состоятельные люди из местных помещиков, которые могли на свои средства набрать более 10 крестьян. В этом случае они получали чин управляющего (кай чай), имели право выписываться из списков деревни, освобождались от повинностей и теряли всякую связь с общиной. На протяжении 12 лет этот вид специальных дон дьенов, которые фактически являлись поместьями, играл наиболее существенную роль в обеспечении армии рисом. Наряду с этим существовали дон диены, в которых работали солдаты. Они были организованы в том же, 1790 г., но вскоре почти все войска были брошены на борьбу с Тэйшонами. В 1789 г. были созданы дон дьены из неприписных крестьян, которые снабжались государственным инвентарем, скотом и ссудой. Все это они должны были вернуть после сбора урожая. Во главе таких дон дьенов стояли чиновники (дьен туат), в обязанность которых входило снабжение армии продовольствием⁷⁸.

В 1802 г. Зя Лонг освободил всех крестьян дон диенов от налогов на пять лет, начиная с 1803 г.⁷⁹ Затем налоги были снижены на $\frac{2}{3}$ и составили 4 хока. В дальнейшем налоги с дон дье-нов постоянно снижались, колеблясь от 2 до 3 хоков с человека. Все это усилило приток крестьян в дон дьены. В 1814 г. число крестьян в дон диенах вместе с промысловиками и домашними ремесленниками приблизилось к десяти тысячам, и из них стали набирать в солдаты каждого третьего⁸⁰. Поселение дон дьенов не рассматривалось

⁷⁸ DNTL. Т. 2, с. 59, 125, 222, 98-99.

⁷⁹ DNTL. Т. 3, с. 93-94.

⁸⁰ DNTL. Т. 4, с. 222.

как община, его жители превратились, по существу, в лично-зависимых по отношению к организовавшему их набор помещику. Увеличение числа лично-зависимых крестьян дон диенов очень беспокоило Минь Манга, резко настроенного против помещного землевладения. В 1821 г. он обратился к Ле Ван Зюету с запросом по поводу того, почему в Зядине количество людей в дон диенах растет, а число приписных крестьян в списках деревень не увеличивается. Губернатор Зядиня вынужден был оправдывать наличие дон диенов большим количеством неприписных и бродяг, которым в случае отсутствия дон диенов некуда будет деться. В конце концов губернатор вынужден был установить новый порядок организации дон диенов, при котором уход в дон диен был возможен только в том случае, если против выписки крестьян из деревень не возражали деревенские власти⁸¹. Естественно, это несколько затрудняло организацию новых поместий, но в условиях почти полного отсутствия фонда общинных земель на юге и слабой круговой поруки уход крестьян из деревень мало сказывался на экономическом положении оставшихся, плативших налоги со своих частных земель. Поэтому особых возражений у властей деревенских общин не должно было возникать. У Минь Манга, мыслившего категориями старой деревни, с преобладанием общинных земель, такой порядок не вызвал возражений.

В Центральном Вьетнаме в 20-х годах продолжалась обработка земли солдатами, которые оставляли себе часть урожая лишь на пропитание, а все остальное сдавали государству⁸². Все просьбы провинциальной администрации перевести их на фиксированный налог наталкивались на сопротивление Минь Манга, и они продолжали вносить в казну половину урожая.

В 1828 г. с идеей создания на севере зоань диенов из бедняков, обрабатывающих заброшенные земли, выступил Нгуен Конг Чы. Уже в 10-х годах оставленные крестьянские земли там обрабатывали солдаты, которые должны были их вернуть по первому требованию возвращавшихся беглых крестьян. По плану Нгуен Конг Чы зоань диены конца 20-х годов на севере, состоявшие из безземельного крестьянства, должны были получить государственную субсидию, скот, инвентарь. Кроме этого после превращения из заброшенных в пахотные обработанные земли получали освобождение от налога на три года, а затем облагались налогом по ставкам с частной земли, однако не могли отчуждаться. План был одобрен, и в 1828 г. начата реализация широкой программы по созданию 71 поселения на заброшенных землях Намдиня. 2350 бедняков должны были обработать 18970 мау земли, из которых должен был быть создан уезд Тиенхай. Однако не все земли, считавшиеся заброшенными, в действительности были таковыми. Часть из них скрывали от налогообложения намдиньские помещики, которые в 1829 г. дали Нгуен Конг Чы взятку за то, чтобы он оставил им часть этих «заброшенных» земель. Нгуен Конг Чы подал на помещиков в суд Бактханя. Однако чиновники севера встали на сторону помещиков и обвинили в нечестности самого Чы. Лишь императору удалось «восстановить справедливость»: оправдав Нгуен Конг Чы, он приказал наказать помещиков⁸³. Но и Нгуен Конг Чы был отозван в столицу, и вскоре освоенные земли в Намдине стали снова забрасываться. В 1832 г. Нгуен Конг Чы, уже как генерал-губернатор Хайзыонга и Куангиена, занялся созданием дон диенов в Куангиене. Здесь заброшенную землю должны были обрабатывать на средства государства местные солдаты, которые после сбора урожая должны были вносить в казну $\frac{2}{3}$ собранного риса⁸⁴. После превращения заброшенной земли в пахотную она должна была передаваться в обработку крестьянам: с условием уплаты налога по ставкам с общинной земли. Освоение заброшенных земель на севере с его малоземельем шло архаическими методами и продвигалось с трудом. Основным направлением приложения усилий была не столько

⁸¹ DNTL. Т. 5, с. 215.

⁸² DNTL. Т. 8, с. 133.

⁸³ DNTL. Т. 9, с. 33-36, 123—124, 235—236, 242.

⁸⁴ DNTL. Т. 11, с. 186.

борьба с природой, сколько настоящее сражение с помещиками, которые скрывали обрабатываемую землю от налогов и записывали ее как заброшенную. В связи с этим деятельность Нгуен Конг Чы приобрела: ярко выраженный социальный характер и была направлена против богатых землевладельцев севера.

По-иному развивалось освоение целинных земель на юге, где земли было много. Однако и здесь в 20-х годах свободная колонизация целины, организованная состоятельными людьми — кай чай (управляющими поселений колонистов), а в действительности — распорядителями больших государственных имений, претерпела известную метаморфозу. В 1822 г., очевидно по указу из Хюэ, все дон дьены, состоящие из 248 поселений колонистов общей численностью 9630 человек, были переведены на полувоенное положение. 48 главных управляющих получили освобождение от подушных налогов и поземельных податей. Основная масса сельскохозяйственных работников в дон дьенах солдатами считалась лишь условно и вносила подушный налог—1 куан 5 тиенов и плату за освобождение от трудовых повинностей — 2 хока риса. Некоторые категории крестьян дон диенов платили за освобождение от трудовых работ в денежной форме. Однако с начала 30-х годов солдаты дон диенов начинают все чаще использоваться для участия в пограничных военных конфликтах и на трудовых работах. В связи с этим они периодически освобождались от подушных налогов.

Поземельные же подати постепенно увеличивались и в 1831 г. составили 2 хока 15 тхангов⁸⁵. С 1830 г. осужденных преступников стали посылать на освоение целинных земель, снабжая инвентарем и освобождая от налогов за землю на три года. Предложение Нгуен Конг Чы послать всех ссыльных на юг не встретило поддержки в Хюэ, и они были разосланы по всей стране, кроме долинного севера, но часть все же попала на юг: в Виньтхань, Динь-тыонг и Хатиен.

После восстания Ле Ван Кхоя и вмешательства государства в аграрную структуру Зядиня дон диены начали приходить в упадок. В 1840 г. часть земель под дон диенами южнее Кханьхоа была передана преступникам и ссыльнопоселенцам, обязанным вносить в казну половину урожая, а то, что они не могли обработать, отдавалось крестьянам с условием уплаты налогов по ставкам с общинной земли. Особенно интенсивно осваивались поля в Биенхоа и Анзянге. В 1840 г. были произведены награждения солдат на юге за освоение земли⁸⁶.

Конец дон диенов этого типа на юге наступил очень скоро. С приходом к власти нового монарха, Тхиеу Чи, уже в 1841 г. значительная часть дон диенов как на севере, так и на юге была взята у солдат и передана крестьянам с условием уплаты налогов по ставкам с общинной земли. Когда в 1844 г. император предложил Ле Ван Фу снова восстановить дон диены в Зядине и Биенхоа, тот сказал, что все население дон диенов разбежалось⁸⁷.

В 1845 г. были установлены новые правила освоения земель в Намки. Основная ответственность ложилась при этом не на дон дьены, а на государственных чиновников фу и хюенов, а также на общинное самоуправление деревень. Но в 1848 г. получившим силу закона докладом Нгуен Данг Зяя вместе с группой чиновников этот указ был отменен⁸⁸.

В результате бурной политической борьбы «реалистов» и консерваторов по вопросам экономики в 1853 г. была предпринята попытка снова возродить систему освоения земель в Намки при помощи дон диенов. Это мероприятие было связано с именем заместителя юга Нгуен Чи Фыонга, который при организации системы дон диенов в Намки учел опыт эпохи Зя Лонга, что незамедлительно дало экономический эффект. В 1854 г. было объявлено, что те люди, которые наберут бедных, беглых и неприписных

⁸⁵ DNTL. Т. 10, с. 413.

⁸⁶ DNTL. Т. 22, с. 165.

⁸⁷ DNTL. Т. 25, с. 25.

⁸⁸ DNTL. Т. 27, с. 108.

крестьян, могут основывать отдельные деревни. Такой набор могли производить только богачи, так как для этого нужны были немалые средства. В случае создания отдельных деревень организаторы их освобождались от подушных налогов, военной службы и общественных работ на пять лет. Наряду с этим к освоению целины привлекались преступники. Такая политика встретила сопротивление консервативно настроенного чиновничества. Один из его представителей обвинил Нгуен Чи Фыонга в том, что в результате проведения такой политики бедные начинают грабить, преступники разбегаются, а приписные крестьяне живут на стороне⁸⁹. В действительности же организация дон диенов типа времени Зя Лонга моментально вызвала приток в них бедных приписных крестьян, как в былые времена. Практика Нгуен Чи Фыонга была одобрена Ты Дыком, а обвинение с него снято. Уже в 1856 г. император разрешил выписать из списков общин 13800 крестьян, которые перешли осваивать целину в дон диенах⁹⁰. Рост дон диенов происходил в основном за счет деревенской бедноты в общине, которую еще так недавно пытался воссоздать на юге Минь Манг. В 1857 г. Нгуен Чи Фыонг рассказал на приеме у императора о значительных успехах освоения целины путем организации дон диенов нового типа. Однако французское вторжение сорвало мероприятия по организации дон диенов, так как все силы вьетнамского государства были брошены на борьбу с интервентами.

5. Одним из основных социальных конфликтов первой половины XIX в. был конфликт между старыми служилыми феодалами-чиновниками и уже претендующими на политическое признание поместными феодалами. Основой политической власти служилых феодалов являлась экономическая база в виде государственной земельной собственности. Количественно основную часть государственной земельной собственности составляла земля, находившаяся во владении общины, на которую государство имело верховное право собственности в полном объеме. Политическими противниками феодального служилого сословия были помещики-землевладельцы, обладавшие частной земельной собственностью и получавшие земельную ренту. Борьба осложнялась тем, что часто служилые феодалы одновременно являлись и частными землевладельцами. На верхних уровнях чиновничьей иерархии служилые феодалы в большей степени зависели от чиновничьего жалованья, на низших — меньше. Поэтому политический импульс начала века — благосклонное отношение к частной земельной собственности — исходил от военных чиновников, в недавнем прошлом зядиньских помещиков, часто шедших в бой со своими дружинами, состоящими из набранных приписных или неприписных крестьян (тхуок киен), которые скорее всего были их зависимыми.

Различное отношение феодального государства на протяжении первой половины XIX в. к общинному и частному землевладению определялось тем политическим влиянием, которым пользовались служилые и поместные феодалы. Проследив политику государства по отношению к этим двум видам землевладения, можно оценить и изменение социальной базы государства на протяжении полувека. Еще до окончательного разгрома Тэйшонов на севере в 1802 г. были отменены все налоги на военные нужды, которые взимались с частных землевладельцев в Зядине. Вскоре на $\frac{1}{3}$ были снижены подушные налоги всем зядиньцам, а также натуральные подати с крестьян дон диенов. Крестьяне пришлых дворов получили налоговые льготы наряду с крестьянами основных дворов. Перед походом на север Зя Лонг специально обратился с воззванием к помещикам — общинным старостам (хао мук), — в котором обещал им должностные посты в случае поддержки. За поимку Тэйшонов предоставлялись земля, характер которой был очень близок к частной, и зависимые крестьяне⁹¹. В инструкции для действия войск на севере тоже упоминалось прежде всего привлечение на свою сторону общинных старост-помещиков.

⁸⁹ DNTL. Т. 28, с. 278—279.

⁹⁰ Там же, с. 261.

⁹¹ DNTL. Т. 3, с. 16,17,31.

Сразу же после прихода к власти община стала интересоваться Зя Лонга, во-первых, с точки зрения сбора налогов, а во-вторых, с точки зрения наделения солдат, а не чиновников земельным жалованием из фонда общинной земли. Уже в 1802 г. было приказано выдать солдатам земельное жалование в размере 1 мау, а также земельный пай в столичной провинции Куангдык. Именно поэтому был издан приказ, запрещающий продажу общинной земли. В 1803 г. было установлено налогообложение общинных и частных земель.

На севере, где общинное землевладение занимало господствующие позиции, налоговые ставки с общинных и частных земель были различны. В долинных провинциях и Тханьхоа — Нгеане с общинных земель трех категорий взималось 120, 84 и 50 батов риса, с частных — 40, 30 и 20 батов. На окраинных провинциях со 2-й и 3-й категорий общинных земель собирали налоги в 42 и 25 батов риса, с 1, 2, 3-й категорий частных земель взимали 20, 15 и 10 батов⁹². Между общинными и частными землями существовало четкое различие. С общинных земель государство получало ренту-налог, затем отделенная рента в централизованном порядке через жалованье перераспределялась между всем сословием служилых феодалов. С частных земель севера государство взимало только налог, а рента доставалась владельцу.

Иной была картина в Центральном Вьетнаме. Здесь государственный налог дифференцированно взимался лишь в зависимости от категорий земли — 40, 30 и 20 тхангов. Налогообложение общинных и частных земель ничем не различалось. Пониженное налогообложение общинных земель в центре по сравнению с таковым на севере было связано с традиционным налогообложением в «старых владениях» Нгуенов, вызванным слабой внутренней структурой общины. При столь малом фонде общинных земель в случае повышения налогообложения из центра было легче бежать на более свободный юг; поэтому государство вынуждено было меньше давить на общинного крестьянина. Основная масса крестьян здесь, как и помещики, имела частные земли. Частных земель здесь в то время было уже так много, что их пониженное по сравнению с общинными налогообложение наносило бы большой финансовый ущерб государству, поскольку дополнительные льготы достались бы в значительной степени крестьянам. Поэтому в центре крестьяне платили ренту-налог как с общинных, так и с частных земель, а помещики, используя свое административное положение лай зитей, укрывали свои земли от налогов и регулярно присваивали себе ренту не только с частных, но и с общинных земель. В то же время общинных земель было в центре так мало, что их пониженное налогообложение особого ущерба государству не приносило. В некоторых провинциях общинной земли было настолько мало, что ее не хватало даже на жалование солдатам. Недаром на всем протяжении первой половины XIX в. вопрос о наделении солдат жалованием из фондов общины был одним из самых острых.

В период существования паевой системы земельного жалования чиновничества из фондов общины до 1839 г. феодальная рента в центре взималась, очевидно, не только помещиками — лай зитями, но и служилыми феодалами за счет эксплуатации зависимых крестьян, которых сажали на общинный пай чиновника. С общинных земель, используемых таким образом, чиновничество получало ренту путем усиленной эксплуатации крестьянства, так как чиновничество захватывало лучшую землю, имея право выбирать место своего пая первыми. Именно поэтому с общинных земель Центрального Вьетнама, как и с частных, в первой половине XIX в. государство тоже стало получать только налог, а феодальная рента присваивалась помещиками — лай зитями и чиновниками внутри общины, владевшими большим количеством общинной земли. После перевода в 1818 г. чиновничества на денежное жалованье с сохранением общинного пая, а затем только на денежное жалованье в 1839 г. служилый феодал был отделен от землевладения и превратился в платного государственного служащего. Как

⁹² Там же, с. 111.

таковой, он уже получал жалование не в виде ренты, а в виде части государственного дохода. Земельную ренту он мог получать уже только как помещик с той частной земли, которую приобретал тем или иным способом.

Таким образом, с начала XIX в. происходит трансформация характера общинного землевладения в центре Вьетнама. С общинных земель уже взимается только налог, а феодальная рента либо присваивается служилыми феодалами внутри общины (как это было до 1839 г.), либо попадает в руки солдат, общинных старост и общинной верхушки, эксплуатирующих как рядовых общинников-арендаторов, так и наемных работников и зависимых крестьян. Общинное землевладение в Центральном Вьетнаме носило двойственный характер: с одной стороны, общинная земля была неотчуждаема, что лишало ее характера частной собственности и формально делало собственностью всего коллектива, с другой стороны, ренту с нее получали общинная верхушка, солдаты и до 1839 г. чиновники, использующие в качестве зависимых и батраков неприписное и общинное крестьянство. Прежний характер общинное владение сохраняло в основном при наделении солдат жалованием. Несмотря на то что налогообложение частных земель в центре было выше, чем в целом на севере, но так как земли у чиновника центра было значительно больше, чем на севере, то ренту с общего количества своей земли центральный помещик получал большую, чем северный.

В 1803 г. не был указан размер налогообложения на юге Вьетнама. Было упомянуто только, что оно остается таким же, как и ранее. Существенно, что применительно к югу не говорилось о делении на общинную и частную землю; вся земля делилась только на долинную и горную. Налоги взимались только по этим категориям. Фактически почти вся земля в Намки была частной (и крестьянская и помещичья), так как была освоена после издания указа о превращении всех пустующих земель после их обработки в частные.

Как же складывалась аграрная политика в отношении этих категорий земель? В 1803 г. группа чиновников во главе с Нгуен Ван Тханем подала доклад с предложением оставить на севере 30% частной земли из имеющейся, а остальную передать в общину⁹³. Зя Лонг отверг этот проект, обещав обсудить его в будущем. Его интересовало использование уже имеющейся общинной земли, купля-продажа которой была им запрещена. Поэтому Зя Лонг определил в 1804 г. получателей паев общинной земли, в число которых были втиснуты почти все социальные группы Вьетнама.

Прежде всего эту землю получали все чиновники от 1-го до 9-го ранга, причем чиновники высшего ранга получали этой земли более чем в 2 раза больше, чем низшего (18 паев и 8 паев).

Получили общинную землю все категории солдат: гвардия — 9 паев, войска Нгеана и Тханьхоа, войска севера — по 8,5 пая, провинциальные войска — 8 паев, зависимые солдаты и ремесленники — по 7 паев, полноправные крестьяне — по 6,5 пая, молодые, пожилые и больные крестьяне — по 5,5 пая, старики, «наемные» и бедные — по 4,5 пая, малорослые, калеки и физически неполноценные — по 4 пая, сироты и вдовы — по 3 пая⁹⁴.

Распределение земли в общине не могло удовлетворить нужд всех тех социальных слоев, которым эта земля полагалась. Да государство на это и не рассчитывало. К примеру, полноправные крестьяне получили лишь на 2 пая больше, чем «наемные», бедные и старики, но должны были платить подушные налоги от 1 куана 6 тиенов до 1 куана 2 тиенов, в то время как «наемные», бедные и старики вообще освобождались от подушных налогов. Кроме того, полноправные крестьяне пришедших дворов вообще не имели права на общинную землю, а подушные налоги должны были платить почти как крестьяне основных дворов — от 1 куана 4 тиенов до 1 куана. Следовательно, не величина земельного пая определяла экономическое положение человека, исходя из которого он

⁹³ Там же, с. 121.

⁹⁴ Там же, с. 186—187.

должен был платить подушный налог государству. Экономическое положение крестьянина определялось его внеобщинными доходами — частной землей, экономическое положение чиновника — его жалованьем. В 1803 г. некоторая часть чиновничества севера была переведена на жалованье. С 1818 г. все чиновничество получало денежное жалованье⁹⁵. В наихудшем положении оказались солдаты. Перевести почти стотысячную армию полностью на денежное жалованье было невозможно. Поэтому кроме снабжения одеждой и денежного жалованья в 1 куан, а также общинного пая им было установлено еще и земельное жалование из фондов общинных земель. Но именно этого жалования община и не могла дать солдатам: ей не хватало фондов земли этой категории.

В 1805 г. Зя Лонг, не рассчитав возможностей выдачи земли в общинах, положенной солдатам, но захваченной «множеством мелких служащих, которые ею незаконно пользуются», приказал выдать земельное жалование всем солдатам страны, указав, что «чиновники и мелкие служащие не имеют права им пользоваться»⁹⁶. Земля, которая полагалась солдатам за службу, была в значительной мере захвачена должностными лицами деревни, общины, волости, мелкими провинциальными чиновниками. Значительная доля была превращена в поместные владения. Естественно, для всей армии ее не хватало. Поэтому уже в 1806 г. основная часть регулярной армии была лишена права на земельные наделы из фонда общинных земель, предназначенных в жалование солдатам. Только несколько подразделений гвардии получили по 1 мау на человека из фондов общинного земельного жалования солдатам. Даже некоторым категориям столичных солдат и войск из Нгеана и Тханьхоа земли не досталось, но было официально разрешено иметь одного зависимого из числа неприписных крестьян, который освобождался от трудовых работ и вносил налог по категории военнообязанных⁹⁷.

В конце 1800-х годов вопрос о наделении солдат земельным жалованием приобретает особую остроту, так как рассматривается в русле требований консерваторов вернуться к старым добрым временам. В 1809 г. начальник отдела юстиции Бактхяня подал доклад с предложениями выделить солдатам в жалование по 5 мау земли из общинного фонда: «Если не хватит земли в деревне, взять в соседней деревне. Если не хватит земли в хюене, взять в соседнем хюене». Вынужденный идти на частичные уступки консервативным лидерам, а главным образом не имея возможности компенсировать солдат достаточным денежным жалованьем, Зя Лонг установил земельное жалование войску. Конечно, о 5 мау на одного солдата, потребованных Фам Чи Дангом, речи быть не могло. Гвардия, столичные войска и дворцовые отряды получили по 1 мау, войска Нгеана и Тханьхоа — по 9, северяне — по 8 мау⁹⁸. Таким образом был частично решен вопрос о наделении солдат земельным жалованием.

Итак, через старый механизм общины в 1803—1804 гг. не было возможности удовлетворить нужды в земле многих социальных слоев вьетнамского позднефеодального общества. Общинные земли играли все меньшую роль в обеспечении господствующего класса феодалов. Наоборот, крестьянское землевладение даже в Центральном Вьетнаме начало приобретать характерные черты частного землевладения, что выразилось в официальном отделении налога от ренты.

Общинные земли не могли прокормить и солдат. Крестьяне основных дворов лишь одной ногой стояли на общинной земле, крестьяне пришлых дворов вообще не имели к ней никакого отношения. Община еще могла земельными наделами кое-как поддерживать стариков, бедняков, наемных, калек, малорослых, вдов и сирот, но функционировать как полноценный экономический механизм она уже не могла. Нужды и требования всех

⁹⁵ Там же, с. 151—156; т. 4, с. 341—342.

⁹⁶ DNTL. Т. 3, с. 239.

⁹⁷ Там же, с. 279.

⁹⁸ DNTL. Т. 4, с. 19, 26.

классов и социальных групп явно не могли разрешиться в рамках общины как экономической ячейки и получали реализацию вне ее (эксплуатация частных земель, купля-продажа земли, цена которой в 1814 г. достигала 200 куанов за 1 мау, производство на рынок и т. д.). В 10-х годах государство и не пыталось восстановить экономическую мощь общины, но с приходом к власти Минь Манга и усилением консервативных элементов в правительстве начинается новый этап — попытка укрепить общинное землевладение.

Новый император, Минь Манг, начал с того, что установил в 1820 г. выдачу гвардии 9 паев и 1 мау земли на жалование из общинных земельных фондов⁹⁹. Всей армии земли предоставлено не было. Скорее всего это было связано с тем, что в начале 20-х годов Минь Манг мог распоряжаться лишь в центре, так как на юге и на севере находилась оппозиционно настроенная администрация Ле Ван Зюета и Ле Тята. В 1821 г. императором было отвергнуто предложение об увеличении солдатам жалованья во время прохождения действительной службы, так как Минь Манг твердо решил наделить всех солдат землей. Предоставление земли всем солдатам затянулось до 1831 г., когда резко усилились консервативные тенденции по всей стране. Тогда гвардейцы и столичные войска получили 9 паев и 1 мау в жалование, солдаты Тханьхоа и Нгеана — 8 паев и 9 шао, провинциальные солдаты — 7 паев и 8—7 шао на жалование.

С конца 20-х годов, после смерти Ле Тята, начинается преследование помещиков и наступление на частное землевладение.

В 1828 г. Нгуен Конг Чы подал доклад, в котором обрушился на помещиков (тхо хао). Он обвинял их в том, что они «постоянно захватывают в аренду общинные земли и обогащаются, а беднякам некуда жаловаться». Нгуен Конг Чы четко определял основного эксплуататора крестьян и виновника его бедственного положения: «Ранее при обсуждении дел люди сваливали ошибки на чиновников, но не понимали, что большая часть (бед. — *Ред.*) происходит из-за помещиков. Вред (беднякам. — *Ред.*) из-за чиновника на 10—20%, а из-за помещика на 80—90%»¹⁰⁰. Обладая всей полнотой власти в общине, помещики «скрывали от налогообложения общинников и обрабатываемые земли: тысячи мау земли не облагались налогами, лишь обогащая карманы помещиков, сотни налогоплательщиков не вносятся в списки, лишь выполняя повинности в пользу помещиков». Чтобы прекратить захват помещиками общинных земель и превращение свободных крестьян в зависимых, Нгуен Конг Чы предлагал предать нескольких человек закону и запретить «обычай аренды общинной земли». Однако советники императора встретили это предложение с неодобрением. Не решаясь отменить закон об аренде общинной земли сроком на три года, установленный еще в начале века, при Зя Лонге, они предложили лишь следить за соблюдением этого срока и препятствовать его продлению и захвату общинной земли. Очень ясно было сформулировано бессилие правительства перед самовластием помещиков в деревне: «Если совсем запретить аренду общинной земли, то богачи все равно добудут себе средства, это им не составит труда, а беднякам не миновать невзгод»¹⁰¹. Даже консервативное чиновничество в конце 30-х годов понимало, что оно не может ничего изменить в сложившихся социальных отношениях в деревне, так как для этого необходимо восстановить архаическое общинное землевладение. Отговариваясь формальными заявлениями о необходимости препятствовать захвату общинных земель в деревне, столичная администрация, по существу, способствовала своим невмешательством развитию этого процесса. В конце 20-х годов и Минь Манг еще разделял эту точку зрения. Он даже несколько осадил Нгуен Конг Чы, указав ему, что «не надо прибегать к жестокости» при обмере укрываемых помещиками от налогообложения земель¹⁰². В 1829 г. была полностью отвергнута

⁹⁹ DNТL. Т. 5, с. 128.

¹⁰⁰ DNТL. Т. 9, с. 105.

¹⁰¹ DNТL. Т. 9, с. 105—106.

¹⁰² Там же, с. 125.

программа Нгуен Конг Чы по восстановлению общины, включающая создание общинных зерновых складов, общинных конфуцианских школ и т. д.

В 1829 г. произошел знаменитый инцидент с попыткой помещиков подкупить Нгуен Конг Чы и обвинение его бактханьской администрацией в нечестности. Лишь император оправдал дея тельного консерватора. В 1829 г. начались массовые репрессии в отношении бактханьской администрации, в основном созданной Ле Тятом. Генерал-губернатор Чыонг Ван Минь был отдан в солдаты, расправляясь с массой старых соратников Ле Тята, император не пощадил и своего ставленника. В начале 30-х годов продолжал усиливаться захват помещиками заброшенных общинных и частных земель, и государство поощряло их в этом, ставя лишь условием обязательную уплату земельных налогов.

Если не считать отдельной инициативы Нгуен Конг Чы в 1828 г., то можно полагать, что вмешательство государства в дела общины с целью ее «восстановления» началось в 1831 г., когда чиновникам Ниньбиня было приказано исправить неправильно записанные категории земель в списках налогообложения¹⁰³. Наступление на поместное землевладение велось довольно медленно. На юге еще губернаторствовал Ле Ван Зюет, и Минь Манг не мог чувствовать себя хозяином во всей стране. Даже после смерти Ле Ван Зюета в ходе восстания Ле Ван Кхоя он отвергает консервативное предложение начальника налогового управления Хайзыонга выдавать солдатам по 5 мау в жалование из фондов общинных земель.

В это же время продолжается и другая линия в отношении деревни. В 1834 г. Нгуен Данг Зяй подал доклад с предложением выдвигать на должности начальников тонгов (волостей) состоятельных людей и помещиков (хао хыу) и за успехи награждать их¹⁰⁴. Император приказал придерживаться многоступенчатых выборов: общинный совет — староста общины — помощник начальника тонга — начальник тонга. В результате начальниками тонгов все равно становились помещики, но система, предложенная Зяем, была значительно проще и предусматривала большую заинтересованность помещиков в успешном ведении дел в деревне. Несмотря на то что это мероприятие было предложено Зяем в момент крайней опасности для властей в Хюе, когда и север и юг полыхали в огне восстаний, и было направлено прежде всего для организации помещичьих дружин для борьбы с восставшими, император отклонил это предложение.

После разгрома восстания Ле Ван Кхоя началась социальная реакция, которая прежде всего сказалась на вмешательстве государства в аграрную структуру деревни.

Сначала решено было навести порядок в Зядине. В 1836 г. на юг был послан наместником Чыонг Данг Куэ, который должен был прежде всего изменить там аграрную структуру. Затем он приехал в Зядинь и тут же принялся за обмер земли. У обмера земли в Зядине были свои противники, например начальник налогового управления Виньлонга Чыонг Ван Уиен¹⁰⁵. Однако Чыонг Данг Куэ настоял на своем, и аграрная структура Зядиня претерпела существенные изменения.

Ранее на юге не было общевьетнамских мер измерения площади земель: мау и шао. Существовали тхья, шо, зай и тхоань. Есть основания считать, что тхья, шо и зай не являлись мерами площадей, а представляли собой определенные виды земельных владений. Об этом свидетельствует сам Чыонг Данг Куэ: «Есть места, ранее называвшиеся 1 тхья, но такие длинные, широкие и извилистые, что лишь за полдня дойдешь до конца». Такие поместья делились на несколько участков, число которых достигало нескольких десятков, и передавались зависимым крестьянам и арендаторам. Зависимые и арендаторы платили высокую продуктовую ренту. Описывая процесс захвата помещиками земли, Чыонг Данг Куэ докладывал: «Помещики, опираясь на силу, захватывают (земли.— *Авт.*), у бедняков нет земли, даже чтобы воткнуть шило». Безземельные бедняки вынуждены

¹⁰³ DNТL. Т. 10, с 246.

¹⁰⁴ DNТL. Т. 15, с. 202.

¹⁰⁵ DNТL. Т. 18, с. 48, 87, 88—89.

были идти в зависимые к помещикам: «Есть люди в деревне, которые захватили землю у других общин, местные бедняки вынуждены занимать у них землю, обрабатывать ее и жить на ней». В зависимость к помещикам попадали целые деревни, у которых не было не только своей пахотной земли, но даже деревенской территории для застройки, и они вынуждены были покупать землю под деревенскую территорию у соседних деревень. Но и после такой покупки эта приобретенная земля не считалась официально деревней и они продолжали «жить на чужбине», так как находились в зависимости от помещиков. Бывало, что у помещика было в зависимости несколько деревень, которые не имели даже и купленной земли, а находились на земле хозяина. Зависимые могли жить и разрозненно, в разных деревнях¹⁰⁶. Степени личной и экономической зависимости этих крестьян были различными.

В результате перемера полей по общевьетнамским эталонам; 20197 шо и 13 зай были превращены в 629611 мау. С горных полей стали взимать 23 тханга с 1 мау, с долинных — 26 тхангов. Было введено разделение на частные и общинные земли. В общинные земли включались все земли, ранее непосредственно-управляемые государством (за некоторыми исключениями), а также земли, передаваемые для совместной обработки всей общине; частными землями объявлялись индивидуально обрабатываемые земли крестьян и помещиков. Налоговые ставки с обеих, категорий земли не различались. Отсутствие категорий плодородности при учете налогообложения было выгодно прежде всего богатым землевладельцам, которые захватывали лучшие земли. Вместе с тем помещикам был нанесен чувствительный ущерб: земля, на которой жили их зависимые, невзирая на то, была ли она ими куплена или являлась собственностью помещика, становилась деревенской территорией, принадлежащей самой деревне (в том случае, если она принадлежала помещику, он терпел материальный ущерб). Помимо этого помещики официально лишались своих зависимых, объявляемых полноправными, а их поселки — деревнями свободных со своим управлением. Если зависимые жили в разных деревнях, то им предоставлялись целинные земли, которые они должны были обработать и создать общину со своим; списком крестьян. При перемере земли государственные органы делали все возможное, чтобы укрепить фонд общинных земель, хотя на налогообложении это не отражалось. В общинные земли превращались: а) заброшенные поля в случае их последующей обработки вне зависимости от того, весь ли участок земли был заброшен или только часть его; б) совместно всей деревней обрабатываемые земли; в) выморочные земли; г) часть земли бывшего Фиенана; д) отдельные участки в Диньтыонге и Зядине. В непосредственно управляемую государством землю было превращено лишь 75 мау.

Такое решительное наступление на помещика в Зядине могло быть предпринято лишь в результате вооруженной победы императора над югом после разгрома восстания Ле Ван Кхоя, когда помещик-южанин рассматривался как побежденный, который должен был заплатить за поражение контрибуцию отказом от доли своей частной собственности и зависимого крестьянства.

Резкое вмешательство в аграрную структуру юга вызвало массовое бегство крестьян; поэтому была разрешена аренда земли беглецов с немедленной передачей ее им после возвращения.

Перемер земли в Зядине привел к следующим результатам: значительному увеличению общинного владения; лишению помещиков части зависимого крестьянства; лишению помещиков части их земельной собственности (если на их земле компактно жили зависимые крестьяне, которые превращались в свободную общину); массовому бегству крестьянства, поскольку, формально освободив зависимых крестьян от помещичьей власти, государство никак не обеспечило их экономическую независимость от него. Крестьяне не получили пахотной земли, да и не хотели ее получать. Основной

¹⁰⁶ Там же, с. 213—214.

массой земли продолжали владеть помещики, и зависимые крестьяне снова возвращались в их имения. Но сам реали-затор перемера Чыонг Данг Куэ считал, что «теперь, когда перемерили землю, все люди обрабатывают свою часть и вносят налоги, а не эксплуатируются помещиками»¹⁰⁷. Это вряд ли соответствовало действительности, так как уже в 1837 г. Хоанг Кюинь сообщил из Зядиня, что население бежит с такой силой, что чиновники, чтобы количество народа в списках общин не уменьшалось, вносят в них стариков 60—70 лет. В 1838 г. начальник судебного управления в Виньлонге признал провал борьбы с помещиками, сообщая, что богачи, используя труд бедняков, не спрашивают у них официальных документов, укрывают у себя всех, а начальники тонгов (волостей.— *Авт.*) никого не разоблачают, дело не удалось, не смогли изменить все до конца. В ответ император приказал «запретить всем помещикам, чиновникам и общинным старостам под страхом наказания укрывать у себя бродяг, не вписанных в списки общины. Если же таковых найдут, то следует тут же вносить в списки, выделять для обработки заброшенную землю и предоставлять место для жилья. Если же землевладельцы и богачи будут держать у себя укрывающихся от внесения в списки, то будут сурово наказаны. Власти тонга, хюена и фу в случае попустительства также будут делить с ними ответственность»¹⁰⁸.

Но эффекта эти меры не дали; в 1840 г. начальник налогового управления в Виньлонге снова сообщил, что в его провинции в одной деревне людей, имеющих земельные владения, лишь 20—30%. Когда происходит набор в солдаты, то большинство людей ссылаются на то, что у них нет земли, чтобы не идти в армию. Кроме того, в провинции имелись люди, которые сами просили конфисковать у них землю для раздела между крестьянами общины, а крестьяне не хотели ее принимать. Это яркое свидетельство превосходства помещичьего землевладения над общинным ошеломило императора. Он явно ничего не понял и, высказав недоумение по поводу того, что крестьяне не хотят иметь землю для обработки («...доклад не разумный... если конфискуем частную собственность в общинную для раздачи, то крестьянам одна польза и никакого вреда»), снова обвинил во всем помещиков: «Разве не ли зити и помещики осмеливаются препятствовать и не дают крестьянам принимать землю для обработки?» Твердо веря в превосходство общинной формы землевладения над частной, император требовал поощрять добровольную передачу частной земли в общинную: «Крестьянин существует землей, боится только, что захватившие землю не поделятся своей выгодой со всеми людьми»¹⁰⁹.

Новая администрация юга сперва начала проводить в жизнь идею конфискации частной земли. Уже в 1840 г. начальник налогового управления в Зядине, сообщая, что солдаты и общинники, бежали из-за того, что у них не было общинной земли (богачи захватывают сотни и тысячи мау, а у бедняков нет ни клочка земли), предложил конфисковать половину частной земли для превращения в общинные земли. Но император в секретном распоряжении, ссылаясь на то, что в Зядине много заброшенной земли, которую крестьяне не могут обработать, не одобрил общей конфискации частной земли. Он предложил довольно гибкую политику, направленную в конечном итоге не столько на ограничение поместного землевладения, сколько на увеличение общинного земельного фонда без конфискации там, где это было возможно. Очевидно, к этому времени он уже успел прочувствовать опыт эксперимента по конфискации частной земли в Биньдине в 1839 г. и понять его отрицательные последствия. Поэтому зядиньской администрации было указано в тех местах, где много заброшенной земли, заставлять крестьян ее обрабатывать, превращать в общинную землю и раздавать солдатам и крестьянам. Санкционируя конфискацию частной земли в принципе, он ограничивал это мероприятие лишь теми общинами, где ее настолько много, что тяжело обрабатывать.

¹⁰⁷ Там же, с. 107.

¹⁰⁸ DNTL. Т. 20, с. 225—226.

¹⁰⁹ DNTL. Т. 22, с. 28—29.

Разрешалось конфисковать от 30 до 50% земли, чиновники предостерегались от слишком крупных конфискаций, предполагалось также, что землевладельцы добровольно передадут землю. Действительно, через несколько месяцев 600—700 человек передали 6—7 тыс. мау земли¹¹⁰. Средний размер передаваемой земли—10 мау с человека — заставляет предположить, что она была взята у помещиков, а они вряд ли добровольно отказывались от своей собственности. Несомненно также, что часть этой земли принадлежала крестьянам, которые сами отдавали свою землю и уходили работать на помещиков. Это были первые и последние конфискации частной земли в Намки для передачи общинам. С приходом к власти нового императора наступление на частных землевладельцев было остановлено. В 1844 г. были утверждены такие правила аренды земли, при которых государственные органы устранялись от контроля за этим процессом. Преемник Тхиеу Чи — Ты Дык даже подумывал о возвращении конфискованной частной земли.

Наиболее широко наступление на частное землевладение шло ие на юге, а в южной части Центрального Вьетнама. Сокращение общинных земель в Центральном Вьетнаме привело к тому, что в 1836 г. правительство вынуждено было сократить количество паев и объем земельного жалования, выдаваемого из фондов общины гвардии, столичным солдатам и солдатам из центра, с 9 паев и 1 мау до 8 паев и 9 шао. Солдатам из Нгеана, Тханьхоа и севера было оставлено столько же. Стремительное сокращение общинных земельных фондов в Центральном Вьетнаме заставило правительство, проводившее консервативную экономическую политику, имевшую целью восстановить жизнеспособность общины, пойти на решительные действия. Правительство в Хюэ понимало, что только воссоздание сильной общины может восстановить те архаические социальные отношения, которые были идеалом конфуцианских идеологов 30-х годов XIX в. и которые давно уже канули в Лету. Вместе с тем феодальное государство долго не решалось на беспрецедентный в истории Вьетнама акт — на конфискацию частной земельной собственности. Высшие служилые феодалы и сам монарх понимали, что помещику принадлежит власть в деревне, что враг силен и борьба будет трудной. Поэтому, когда в 1838 г. губернатор Биньдиня — Фуиена Ву Суан Кан подал доклад с предложением ограничить частное владение в Биньдине 5 мау на человека, а остальное конфисковать и превратить в общинную землю, эта инициатива была встречена с недоверием и отклонена¹¹¹. На доклад, в котором Ву Суан Кан сообщал, что в Биньдине на 5 тыс. мау общинной земли приходилось 17 тыс. мау частной земли (хотя, по переписи 1819 г., в провинции было 85900 мау земли), император ответил: «В древние времена распределяли землю крестьянам, чтобы они жили с постоянным имуществом и постоянным сердцем, поистине хорошее намерение, но по сравнению с сегодняшним днем в древности дела были другие, со времени отмены правила урезания полей в эпоху Цинь на протяжении династий Хань, Тан, Юань и далее не повторяли этого, так как, говоря кратко, времена другие и эпохи другие, а если делали, то все равно ничего не выходило. К тому же частная земля является собственностью, передающейся из поколения в поколение в течение долгих годов; если сейчас без всякой причины урежем личное имущество, то людям будет трудно добыть себе средства к существованию. Тогда, по всей вероятности, души людей не будут спокойны, а если все изменим разом, боюсь, не увидим пользы, а беспокойство причиним безмерное. Поистине этого нельзя делать»¹¹².

Однако в следующем, 1839 г. в Хюэ намечается сдвиг по этому вопросу, и Ву Суан Кан вызывается в столицу. Он докладывает императору аграрную ситуацию в Биньдине: земли по плодородности не уступают зядиньским (с которых можно ежегодно собирать два урожая), являются частными, помещики захватывают по 100—200 мау, а беднякам не остается ни клочка, и они всю жизнь работают на богачей. Затем идут его предложения:

¹¹⁰ Там же, с. 36.

¹¹¹ DNTL. Т. 20, с. 258-259.

¹¹² Там же, с. 258—259.

оставить богачам 10—20% земли в собственность, а 80—90% распределить между солдатами, крестьянами и бедняками. Однако и на этот раз император не принял никаких конкретных мер, заявив, что слова Ву Суан Кана очень хороши, но если сейчас без причины взять землю у богачей, то все они будут недовольны и станут сетовать, тогда их никакими словами не успокоишь. Император прекрасно понимал, что изъятие частной земельной собственности чревато новым восстанием типа зядиньского восстания Ле Ван Кхоя. Минь Манг охотно пошел бы на выкуп земли у помещиков, чтобы дать земельное жалование армии, но в казне денег на выкуп земли не хватало: «Если платить деньгами по цене, то разве так много земли в провинции выкупишь?» Сравнив это мероприятие с изменением правил ношения одежды, только что реализованным на севере, Минь Манг назначил Ву Суан Кана на должность главы ведомства юстиции и одновременно главы цензората¹¹³.

Проект Ву Суан Кана был передан на рассмотрение ведомства финансов, а затем на совместное обсуждение всех шести ведомств, которые выработали план конфискации частных земель в Биньдине. Этот план был значительно мягче тех мер, которые предложил Ву Суан Кан. Во-первых, в тех общинах и деревнях, где частной земли было меньше, чем общинной, либо там, где частная земля была равной общинной, она не подлежала конфискации. Во-вторых, лишь там, где частной земли было больше, чем общинной, только половина ее, а не 80—90%, как предлагал Ву Суан Кан, подлежала конфискации.

Снова, как и на юге, предусматривались специальные меры в отношении зависимых крестьян, не имеющих своих земель ни под домами, ни под пашнями. Если они не имели ни того, ни другого либо имели землю под домами, но не имели под пашнями либо людей было много, а земли под пашнями мало, то из ближайших мест им должна была быть выделена общинная земля¹¹⁴. Помещики должны были лишиться своего зависимого крестьянства.

В 1839 г. Ву Суан Кан вместе с чиновником ведомства финансов Зоан Уаном приехал в Биньдунь, где они начали конфискацию частной земли по установленной программе. После начала конфискации Ву Суан Кан послал императору доклад, в котором сообщал, что после уяснения смысла конфискации начальники волостей (тонгов) и богачи радостны и довольны. Император высказал сомнение в этом, заявив, «что солдаты и крестьяне, не имевшие земли и вдруг получившие землю, естественно, радуются. А то, что люди, у которых конфискуют их собственную землю и передают другим людям, тоже радостны и довольны, по всей видимости, исходит не от чистого сердца». Минь Манг снова сравнил конфискацию частной земли в Биньдине с такими важнейшими государственными мероприятиями его времени, как изменение правил ношения одежды на севере и перемер земли на юге. В Биньдинь были посланы дополнительные чиновники. Ву Суан Кан и Зоан Уан получили награды. Через некоторое время Ву Суан Кан снова подал доклад, в котором перечислял трудности, с которыми столкнулся. Основной мыслью являлось то, что «всю землю в провинции нельзя разделить между всеми сразу»¹¹⁵. Очевидно, он натолкнулся на сильное сопротивление помещиков, не желавших расставаться со своей землей, так как предлагал; довольствоваться тем количеством земли, которое удалось конфисковать в различных деревнях: в тех деревнях, где удалось конфисковать мало земли, прежде всего выдавать земельное жалование солдатам, а что останется — раздавать по паям; в тех деревнях, где удалось конфисковать очень мало земли, выдавать лишь земельное жалование солдатам. Вырисовывалась и основная, цель конфискации частных земель в Биньдине — наделение солдат земельным жалованием из фондов общины.

Деревни, которые не могли добыть себе общинной земли, могли воспользоваться фондами ближайших многоземельных деревень, заимствуя у них несколько му. Старая

¹¹³ DNTL. Т. 21, с. 58—59.

¹¹⁴ Там же, с. 149.

¹¹⁵ Там же, с. 149.

общинная земля, вновь приобретенная общинная земля, общинная заброшенная и вновь обработанная земля выдавались как общинные земли. Половина частной земли, земли заслуженных чиновников, земли, титулованной знати конфисковались.

Конфискация проводилась очень строго. Из наследственной культовой земли, которая всегда считалась неотчуждаемой, лишь за землю Дао Зуи Ты заплатили по 50 куанов за 1 мау.

Из 678 деревень в Биньдине земли были конфискованы в 645.

Лишь в 30 деревнях (4,4%) площадь общинных земель была равна площади частных. Еще одна деревня разбежалась, в двух — не набиралось солдат, поэтому там не производилось конфискации частных земель. Общинные земли нужны были в основном для выдачи жалования солдатам¹¹⁶.

В 1839 г. в связи со все той же необходимостью выдавать земельное жалование солдатам чиновники, переведенные на денежное жалование еще в 1818 г., были лишены земельного пая из фондов общины¹¹⁷.

В 1839 г. Ву Суан Кан закончил конфискацию частных земель в Биньдине. По полученным им реальным данным, в Биньдине было не 17 тыс. мау, как он предполагал в 1838 г., а 90 тыс. мау частной земли. Это означает, что ранее 73 тыс. мау (81,1%) частной земли в Биньдине скрывалось от налогообложения. При этом количество реальных общинных земель не намного отличалось от предполагаемого — 6—7 тыс. мау по сравнению с 5 тыс. мау. После конфискации половины частных земель в общинные сумма поземельных налогов уменьшилась, так как вместе с частными в категорию общинных были переведены и непосредственно управляемые государством земли, которые облагались значительно более высокими налогами, чем общинные и частные. В то же время сумма подушных налогов увеличилась, так как крестьяне, имеющие общинную землю, платили больше, чем те, кто ее не имел. Рост подушного налога не смог покрыть уменьшения налога поземельного, хотя фонд для раздачи солдатам возрос. Император сказал, что дело не в доходах, а «в том, чтобы разделить прибыль между крестьянами, больше или меньше доходов — не важно»¹¹⁸. Укрепление общинного землевладения было поставлено выше государственных финансов, находившихся в конце 30-х годов в довольно плачевном состоянии.

Сразу же после конфискации частных земель в Биньдине из провинции стали нескончаемым потоком поступать жалобы. Однако Минь Манг приказал их не рассматривать. Очевидно, весь Биньдинь в то время бушевал, так как только к 1840 г. губернатор Данг Ван Тхиен смог сообщить о том, что в провинции «все успокоилось и не ходит никаких кривотолков»¹¹⁹. Вместе с тем он докладывал, что при составлении срочных земельных списков помещики и ли зити в своих интересах пускаются на хитрости, сдают государству плохую землю, а сами захватывают плодородную, изменяют списки, вставляют вместо своих имен имена подставных лиц, уменьшают действительное количество своих земель, увеличивают земли, вымышленно приписываемые другим людям; если количество действительно обрабатываемых ими земель больше, чем в прошлых списках, то во время конфискации они сдают землю по прошлым спискам, а остаток забирают себе либо они незаконно забирают себе дома с садами, поддельывая сдачу их в общинную собственность, а сами сдают их лично от себя другим людям. Кроме этого Данг Ван Тхиен сообщил о постоянных тяжбах, которые разобрать невозможно, и попросил приказать в течение 15 дней во всем сознаться, чтобы потом прекратить все тяжбы. Император определил месячный срок, после которого нарушители должны были строго наказываться¹²⁰.

¹¹⁶ Там же, с. 150.

¹¹⁷ DNTL. Т. 21, с. 221.

¹¹⁸ DNTL. Т. 21, с. 259-261.

¹¹⁹ DNTL. Т. 22, с. 305.

¹²⁰ Там же, с. 305—306.

Государство не могло разобраться в тех спорах, которые возникали по поводу конфискации частных земель. Чиновники уже давно не могли разрешить тех социальных конфликтов, которые возникали в деревне между крестьянами и помещиками. Поэтому они и не вмешивались в эти отношения. Вмешательство государства в аграрную структуру Биньдиня привело к необходимости разрешать возникающие споры и разногласия между государством и помещиками. Тот метод запугивания помещиков, который был выбран для этого Минь Мангом, свидетельствует о том, что проводимая государством политика в отношении помещиков встретила их открытое сопротивление.

Смягчение жесткой консервативной аграрной политики Минь Манга, предпринятое его преемником Тхиейу Чи, вызвало попытку нового монарха как-то ликвидировать продолжавшиеся социальные конфликты в Биньдине.

Сразу же после вступления Тхиейу Чи на трон, ни в коем случае не отказываясь от конфискации в принципе, он послал в 1841 г. в Биньдинь двух цензоров, которые должны были разобрать 300 конфликтных дел по вопросу о конфискованных землях (из чего следует, что судебные дела не были прекращены). Игнорировав мелкие дела, цензоры кое-как разобрали наиболее крупные жалобы.

В ходе разбирательств губернатор Данг Ван Тхией, встав на защиту мелкого частного крестьянского землевладения (т. е. в принципе тоже выступая против помещиков), предложил не конфисковать и вернуть крошечные участки частной земли до 1 шао, которых всего набралось 60 мау, бывшим владельцам. Малая площадь, занимаемая частными крестьянскими хозяйствами, еще раз говорит о том, что частные земли были и у бедных крестьян. Сам император также был склонен вернуть эти земли бывшим владельцам — крестьянам. Однако, когда он передал это предложение для обсуждения чиновникам ведомства финансов, старые, выкованные Минь Мангом кадры воспротивились возвращению земель. Они сослались на то, что возвращение мелких отрезков частной земли повлечет за собой неминуемое изменение земельных списков и послужит прецедентом для требования новых возвращений конфискованных земель: «Если последовать этой просьбе, то кроме этих 300 жалоб поступят еще и другие, беспокойство будет неизмеримое». Молодой император, покорно слушавший противоречивые мнения своих советников, в конце концов решил придерживаться старых порядков: «Земли точно определены по спискам, правильным будет разделять их и раздавать (по паям)»¹²¹.

В период царствования Тхиейу Чи государство не вмешивалось в аграрную структуру страны, за исключением политики освоения пустующих земель. Соотношение общинной и частной земли прямо не занимало государственную власть. В 1844 г. государственные органы были устранены от контроля за сдачей в аренду помещиком земли крестьянину. Все документы оформляли заинтересованные стороны, а чиновники не должны были вмешиваться. Налог за арендованную землю стал платить сам арендатор. В этом году государство признало арендатора как юридическое и фискальное лицо. Но животрепещущим оставался вопрос о жалованье солдатам. Даже Нгуен Данг Зяй в 1848 г. предложил увеличить это жалованье.

В 1852 г. у императора Ты Дыка пробуждается интерес к частному и общинному землевладению. Через 11 лет после бинь-диньского эксперимента уже проявился результат конфискации частных земель в Биньдине. Когда в 1852 г. в Хюэ прибыл старый губернатор Биньдиня Данг Ван Тхией, он ответил на вопрос Ты Дыка о положении с частной и общинной землей. Выяснилось, что после конфискации половины частной земли и превращения ее в общинную всю плодородную землю захватили помещики, а то, что осталось, захватила общинная и деревенская верхушка; семьям, находившимся внизу с точки зрения имущественного и социального положения, досталась лишь худосочная земля. В связи с этим, дабы обеспечить беднякам хоть какую-то прибыль, губернатору

¹²¹ DNTL. Т. 23, с. 108.

пришлось отдать приказ установить четкие границы земли¹²². Заинтересованный докладом Данг Ван Тхиема, Ты Дык решил выяснить соотношение общинных и частных земель в стране и хоть как-то попытаться разрешить проблему Биньдиня. Для этого он обратился к начальнику ведомства финансов Ха Зуи Фиену с тем же вопросом, что и к Данг Ван Тхиему, но в масштабах всей страны. Ха Зуи Фиен ответил, что в Тхыатхиене и Ку-ангчи общинной земли намного больше, чем частной. В Куангбине общинная и частная земли равны друг другу, а в остальных провинциях частной земли много, а общинной мало, а в Биньдине — меньше всего. Поэтому-то в прошлые годы Ву Суан Кан и просил конфисковать половину частных земель и превратить их в общинные, чтобы раздать солдатам и крестьянам, «чтобы они имели место, на которое могли рассчитывать». На вопрос о налогообложении император получил ответ, что севернее Хатиня общинные земли облагаются выше, чем частные, а южнее Куангнама общинные и частные земли облагаются одинаково.

На все это император ответил, «что польза от этого (конфискации.— *Ред.*) государству небольшая. И если конфисковали частную землю в общинную лишь в Биньдине, а в остальных провинциях этого не сделали, то не обошлось без нанесения одностороннего ущерба. Что будет, если захотим вернуть обратно?» Не ожидавший такого оборота старый чиновник, вышколенный еще при Минь Манге, ответил: «Уже раздали солдатам и крестьянам, если заберем назад, то солдаты и крестьяне потеряют источник существования». Тогда Ты Дык спросил, что, если 60% сделать частной землей, а 40%—общинной. Ха Зуи Фиен прибегнул в ответ на это к старой уловке своих коллег по ведомству финансов, к которым с почти аналогичным вопросом обратился Тхьеу Чи. Он сказал, что изменения небольшие, но все это породит беспорядок в земельных списках. Тогда император решил отдать приказ ведомству финансов и военному ведомству обсудить вопрос о том, как сделать так, чтобы и солдаты и крестьяне с обеих сторон получили выгоду. И только настойчивые просьбы главы финансового ведомства Ха Зуи Фиена и главы военного ведомства и первого человека в государстве при трех императорах консерватора Чьон-га Данг Куэ заставили императора оставить все по-старому¹²³.

В 50-х годах намечается изменение в отношении к частному землевладению со стороны верховной власти — императора, который был уже готов вернуть частную землю, конфискованную у помещиков Биньдиня в 1839 г. При этом он предлагал и компромиссные варианты такого возвращения на советах со своими консервативными чиновниками. Все это свидетельствует о том, что план восстановления позиций помещика, хотя бы до уровня эпохи Зя Лонга, был у Ты Дыка вполне обдуман. В сочетании с линией реалистических политиков (Нгуен Данг Зяй, Нгуи Кхак Туан) такая позиция могла дать хорошие плоды. Помешали этому сильное сопротивление высших чиновников-консерваторов школы Минь Манга, отсутствие времени и... французская агрессия 1858г., спутавшая планы всех социальных и политических сил Вьетнама.

В 1853 г. предложение вернуть конфискованную частную землю в Биньдине снова прозвучало, на этот раз голос был подан снизу. Предложение поступило от старого чиновника Чан Ван Туана, который сформировал его в русле общих положений, основной идеей которых было возвращение к нормам эпохи Зя Лонга. Отныне изменение отношения к частному землевладению стало лишь частью общей программы, разделяемой многими высокопоставленными чиновниками и имеющей целью возродить порядки времен Зя Лонга. Несмотря на доброжелательное отношение к ней Ты Дыка, после смерти Нгуен Данг Зяй и Нгуи Кхак Туана в 1854 г. во Вьетнаме не было тех политических лидеров, которые могли бы ее реализовать.

Горнорудные промыслы

¹²² DNTL. Т. 27, с. 333—334.

¹²³ Там же, с. 336.

Горнорудные промыслы¹²⁴ издавна являлись одной из важных отраслей вьетнамской экономики. Еще с давних времен вьетнамцы производили добычу многих ископаемых, и в частности меди, железа, золота, серебра, серы и др. В конце XVIII — начале XIX в. горнорудные промыслы продолжали развиваться.

В первой половине XIX в. на территории Вьетнама в разное время функционировали 139 рудников, из которых 39 — по добыче золота, 32 — железа, 22 — соли, 15 — серебра, 10 — цинка, 9 — меди, 4 — свинца, 2 — серы, 1 — олова, 1 — киноварный и 4 других.

Основные горные разработки сосредоточивались в северных провинциях страны (Тхайнгуен, Туенкуанг, Хынхоа, Лангшон, Каобанг, Шонтэй, Бакнинь) и частично в Центральном Вьетнаме (провинции Куангнам, Нгеан, Тханьхоа). В XIX в. добыча полезных ископаемых была частично поставлена под контроль государства, поскольку государственная казна нуждалась в средствах, а разработка различных руд приносила государству большие доходы. При императоре Минь Манге (1820—1840) государство старалось сосредоточить в своих руках всю добычу полезных ископаемых. На рудники направлялись государственные чиновники для организации эксплуатации рудников, в том числе и для найма рабочей силы (кули, рудокопов и старателей) и посылки солдат. Правительство Нгуенов поставило под государственный контроль золотоносные прииски, серебряные, цинковые, медные, свинцовые и другие рудники. В числе рудников, взятых под контроль государства, были золотые прииски Тьендан (пров. Куангнам), Хой-нгуен (пров. Нгеан), Тьенкиеу (пров. Туенкуанг), Фуной, Фубинь, Фукфу (пров. Каобанг), Зянгуен (пров. Хынхоа). Ведомством финансов была установлена норма выработки на золотых приисках. Так, одна бригада (дои) из 10 человек ежедневно должна была намыть от 0,8 до 1 донгкана золота¹²⁵. Бригада, перекрывшая указанную норму, вознаграждалась, недовыполнившая — имела долг, который записывался на последующие дни. На золотом прииске Тьендан (пров. Куангнам) в период 1827—1839 гг. работала одна тысяча человек, из которых лишь несколько сот человек были профессиональными старателями. Подавляющее число старателей являлись крестьянами и солдатами, завербованными насильно. Каждому из нанятых старателей ежемесячно выплачивалось жалованье в размере 10 куанов¹²⁶ и 1 фьонга риса¹²⁷. На другом золотом прииске — Тьенкиеу (пров. Туен-куанг) — в 1832 — 1850 гг. число работающих достигало 3122 человек, в том числе 1820 солдат и 1302 наемных старателя.

Но количество добываемого золота на упомянутых рудниках при управлении чиновников постепенно уменьшалось, и правительство в 1839 и в 1850 гг. соответственно возвратило право добычи на них местным золотодобытчикам, которые должны были ежегодно платить государству налог золотом.

Помимо эксплуатации золотых приисков вьетнамское феодальное государство осуществляло также добычу серебра в Тонгтине и Няншоне (пров. Тхайнгуен). На руднике Няншона серебро добывалось свободными старателями и 300 рудокопами. Государство в 1839 г. предложило Фан Тхань Зяну, государственному чиновнику¹²⁸, открыть в Няншоне государственный рудник, назначив его управляющим рудниками в Тонгтине и Няншоне. Для охраны рудников провинциальное ведомство Тхайнгуена выделило чиновников и 50 солдат. Однако полученные доходы не оправдали больших

¹²⁴ В исторической и экономической литературе Вьетнама эта проблема пока еще изучена недостаточно. Заслуживают особого внимания статьи вьетнамского ученого Фан Хюи Ле, опубликованные в журнале «Nghien su luech su» (Ha-noi, 1963, № 51—53), написанные по данным вьетнамских хроник «Дайнам хой диен» и «Дай нам тхык люк».

¹²⁵ 1 донгкан = $\frac{1}{10}$ ланга, или приблизительно 3,7 г.

¹²⁶ 1 куан = 10 тиенам.

¹²⁷ 1 фьонг = 20 кг.

¹²⁸ Nguyen Khac Dam. Nhung thu doan boc lot cua tu ban Phap o Viet-Nam. Ha-noi, 1958, с. 13.

надежд властей, поскольку количество добытого серебра не покрывало больших расходов, затраченных на его добычу.

По этой причине государство, как и в случае с золотодобычей, отказалось от дальнейших усилий по расширению рудников, передав их в аренду китайским предпринимателям и установив годовой налог. Аналогичное положение наблюдалось и на государственных цинковых рудниках Фонгмиеу (пров. Куангнам), Лунг-шона, Тишона (пров. Тхайнгуен). В Лунгшоне и Баншоне (уезд Донгхи), равно как и в Куангчиеу и Намтъене (уезд Фульюнг), были также основаны цинковые рудники, из которых рудник в Баншоне был также вскоре сдан вьетнамскому предпринимателю Тю Зань Хо, тогда как рудники в Лунгшоне и Тишоне (пров. Тхайнгуен) стали разрабатываться самим государством, для чего в конце 1835 г. туда было направлено свыше 300 солдат во главе с Нгуен Дай Каном, которому была оказана помощь провинциальных властей. В 1835 — 1836 гг. на руднике Тишон было добыто 38152 кана руды и выплавлено 1600 кан цинка¹²⁹. В конце 1836 г. было принято решение о расширении добычи цинковой руды в Тишоне, для чего были наняты рудокопы из китайских эмигрантов и местного населения и была соответственно произведена мобилизация солдат. По указу 1837 г. на этом руднике было увеличено жалование наемным рудокопам. За перевыполнение нормы рудокопам и солдатам выдавалась дополнительная плата. Упомянутый указ преследовал цель стимулировать добычу цинка.

В 1838 г. продукция цинковых рудников в Тхайнгуене резко снизилась, и эти государственные рудники постепенно были запущены. Было принято решение о передаче последних в ведение провинциальной администрации, что повлекло за собой резкое сокращение объема работ, продукции, уменьшение числа занятых рабочих. К 1840 г. местные власти полностью прекратили разработку этих рудников. Таким образом, цинковые рудники в Тхайнгуене действовали на протяжении всего пяти лет (1836—1840), из которых наиболее производительными были 1836 и 1837-й.

В первой половине XIX в. продолжалась добыча меди и особенно железа. В этот период во Вьетнаме имелось 9 медных и 32 железных рудника. Среди наиболее крупных медных рудников были известны рудники провинций Тханьхоа, Туенкуанг, Хынгхоа, а по добыче железной руды — рудники провинций Шонтэй, Бак-нинь, Тхайнгуен, Туенкуанг, Каобанг и Лангшон.

В связи с развитием горнорудных промыслов требовалось много топлива. В начале XIX в. в качестве топлива во Вьетнаме продолжали еще использовать главным образом древесный уголь. В 30-е годы XIX в. в Донгчиеу была начата добыча каменного угля, перевозку которого осуществляло ведомство общественных работ. В 1839 г. губернатор Тон Тхат Бат внес предложение об обложении специальным налогом лиц, занимавшихся добычей каменного угля в районе Донгчиеу, на что получил одобрение императора. В 1841 г. каменный уголь стал использоваться при выплавке цинка в Фонгмиеутхыонге. Помимо государства добычей каменного угля занималось местное население Нонгшона (пров. Куангнам). Во второй половине XIX в. добыча каменного угля расширилась.

Важное место занимала также добыча соли. Последняя была тесно связана с рыболовством и особенно с изготовлением рыбного соуса (ныок мам). В XIX в. во Вьетнаме добычу соли производили в 22 шахтах. Соль добывалась также из морской воды путем выпаривания на солнце.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что государственные горнорудные предприятия были неэффективными и существовали недолго. Наибольшее время непрерывного функционирования одного рудника исчислялось примерно пятью годами, после чего такой рудник либо забрасывался, либо сдавался частным предпринимателям (преимущественно китайского происхождения), либо передавался в ведение провинциальной администрации.

¹²⁹ 1 кан = 16 лангам, или 604,5 г.

Государственные рудники в отличие от частных не всегда являлись прибыльными. Убыточность рудников, находившихся под контролем государства, объяснялась многими причинами, и прежде всего применением подневольного труда, плохой организацией и некомпетентностью государственных чиновников, руководивших добычей руд. Это были преимущественно чиновники финансового ведомства либо провинциальные судьи и начальники налогового управления. Как правило, такие чиновники были понижены в должности и направлялись на рудники для отбывания наказания, где они зачастую брали взятки и занимались лихоимством¹³⁰.

Доходы от рудников поступали в государственную казну, что, естественно, тормозило процесс накопления капитала у частных лиц.

В XIX в. во Вьетнаме заметно активизировалась деятельность лиц китайского происхождения. Следует отметить, что на протяжении XVII—XVIII вв. число китайцев, прибывших в страну, заметно возросло. Многие осели на постоянное жительство. В исторических документах эти лица обычно именуется цинскими, тан-скими людьми или «торговыми гостями». Часть из них ушла в земледелие, однако подавляющее большинство занималось торговлей и горнорудными промыслами.

Китайцы, жившие в предгорных и горных районах Лангшона, Тхайнгуена, Туенкуанга, Каобанга, Хынхоа и в других провинциях Северного Вьетнама, главным образом занимались горнорудными промыслами. Многие выходцы из южных провинций Китая переселялись во Вьетнам для поиска рудных месторождений и их разработки. Местные вьетнамские власти обычно не препятствовали их деятельности, а в ряде случаев даже вербовали их на рудники в целях увеличения налоговых поступлений¹³¹. Китайские предприниматели либо самостоятельно вели добычу полезных ископаемых, либо платя налог властям, либо с помощью государственных управляющих рудниками вербовали рабочую силу для добычи руды на вверенных им разработках.

В начале XIX в. государство устраивало своего рода торги. Так, в октябре 1803 г. император Зя Лонг устроил торги по продаже лицензий на предпринимательскую деятельность, в том числе и на горнорудные разработки в Бактхане. Ежегодно в конце зимы ведомство финансов собирало предпринимателей на торги, где они получали разрешение, скрепленное печатью. Такой удобный для предпринимателей порядок в отношении разработки горных недр существовал лишь в начальный период правления Нгуе-нов (1800—1810). Им отчасти объясняется рост в начале XIX в. числа рудников. Большинство рудников в провинциях Лангшон, Тхайнгуен, Туенкуанг, Хынхоа находилось тогда в руках лиц китайского происхождения¹³².

Приведем несколько примеров. В 1803 г. китайские предприниматели Дам Кичан и Ви Туенба владели серебряным рудником в Туенкуанге; в том же году Чыонг Сыонгтык эксплуатировал серебряный рудник Тонгтинь (пров. Тхайнгуен); Као Хоан Дык и Хоанг Кве-тхань владели в 1808 г. серебряными рудниками в Лотхыонге, Лоха, Анкхыонге (пров. Тханьхоа); Лам Уктам и Ли Кинь в 1811 г. эксплуатировали железный рудник Лабон в провинции Биенхоа.

Параллельно существовал порядок, когда частные предприниматели могли обращаться непосредственно к местным или центральным властям с просьбой выдать им официальное разрешение на создание и эксплуатацию того или иного рудника, в котором указывалось бы время начала разработки, число рабочих, занятых в производстве, сумма ежегодного налогообложения и т. д.

Государство через своих представителей осуществляло надзор, и в случае, если налог не уплачивался полностью, предприниматель и лица, осуществлявшие надзор, несли за это ответственность. Государство ежегодно поручало местным властям либо направляло своего представителя для пересмотра суммы налога.

¹³⁰ NCLS. 1963, № 52, с. 54.

¹³¹ Там же, с. 56.

¹³² VSD. 1967, №24, с. 53.

За разработку горных ископаемых китайские предприниматели ежегодно платили вьетнамскому государству налог натурой. Сумма налога зависела от доходов и уровня производства на руднике. Государство нередко пересматривало размер налогов, исходя из сложившихся условий; в том случае, когда оно считало невыгодным сдать в аренду тот или иной рудник китайцам, оно передавало право на его эксплуатацию провинциальным властям.

В налоговых и душевых реестрах династии Нгуенов китайцы, проживавшие во Вьетнаме, обычно делятся на две категории, первая из которых — минь-хыонги, т. е. лица китайского происхождения, поселившиеся во Вьетнаме в давние времена. Минь-хыонги жили компактно в своих поселках либо в городских кварталах, объединяясь по родственным связям, и, подобно вьетнамцам, платили все виды налогов. Другая категория была представлена тханями или китайцами, перебравшимися на вьетнамскую территорию сравнительно недавно и имевшими право на временное местожительство. Тхани по указу 1830 г. платили не все налоги. Тхань, владевший имуществом, ежегодно платил 6,5 куана с человека, тхань-бедняк платил лишь половину этой суммы в течение трех лет; тхань-бедняк, только что переселившийся во Вьетнам, освобождался от налога в течение первых трех лет. Тхани, платя указанный выше налог, тем самым освобождались от подушного налога, воинской и трудовой повинности¹³³. Китаец — владелец рудника не был наделен властью в феодальном вьетнамском государстве и не пользовался никакими привилегиями, подобно вьетнамским феодальным чиновникам-куанам или вождям горных племен.

В разработке горных недр помимо феодального государства и китайских предпринимателей активно участвовали вожди горных племен. Почти все имевшиеся рудники были сосредоточены в горных районах, где проживали национальные меньшинства. Поэтому с давних времен вожди горных племен играли важную роль в разработке природных ископаемых. Используя принудительный труд, они разрабатывали рудники, передавая часть полученной продукции государству в качестве дани. В XIX в. при Нгуенах вожди местных племен начали разрабатывать рудники с уплатой ежегодного налога.

Существовавший для вождей местных племен порядок аренды в общих чертах походил на тот, который имел распространение в отношении китайских предпринимателей. В тех случаях, когда вождям местных племен не хватало средств для организации производства, государство оказывало им финансовую помощь, после чего предприниматели возмещали долг государству полученной продукцией (серебром, медью, золотом в слитках), добываемой в рудниках. Нередко государство увеличивало налоги, что зависело от роста производства рудников.

В XVIII в. почти все рудники на севере разрабатывались либо вождями местных племен, либо китайскими предпринимателями и в редких случаях — вьетнамскими частными лицами, когда государство поручало своим отдельным чиновникам управлять рудниками. Однако последние, как правило, непосредственно не занимались предпринимательской деятельностью. В XVIII в. вкладывание частных вьетнамских капиталов в горнорудное дело представляло собой редкое явление и имело место только на юге, в Дангчаунге¹³⁴.

В 1839 г. вьетнамское государство специальным указом расширило права вьетнамских шахтовладельцев. Предпринимателям отныне даровалось право самим нанимать рабочих, о чем еще в 1810 г. просил предприниматель Нгуен Тхи Хоа (разрешение на наем рабочих для разработки цинкового рудника в Иенланге, пров. Хайзыонг). Этот предприниматель был одновременно чиновником в данном районе,

¹³³ См.: NCLS. 1963, № 52, с. 58.

¹³⁴ Предприниматель Ко Чунг разрабатывал золотые прииски в Намфо (уезд Фуванг, пров. Куангнам), и Зянг Хюен разрабатывал рудники в Тхубоне (уезд Зюингсуен, пров. Куангнам) (см.: NCLS. 1963, № 53, с. 55).

сочетая предпринимательскую деятельность с чиновничьей работой. Он же разрабатывал рудник в Иенланге до 1821 г.

Другой вьетнамский предприниматель, по имени Тю Зань Хо из Бакниня, в 1835 г. просил разрешения на эксплуатацию цинковых рудников в Баншоне (пров. Тхайнгуен). Добытый цинк Тю Зянь Хо продавал государству. Этот же предприниматель принимал участие в разработке государственных рудников Лунгшона и Тишона, за что получил от государства титул ба-хо, не имея до этого никаких рангов и титулов. На Баншонском руднике и плавильном заводе были заняты наемные рабочие, получавшие за свой труд относительно более высокую плату, чем на государственных рудниках. Здесь работали высококвалифицированные по тому времени рабочие, ремесленники и мастера плавильных печей. Государственные рудники Лунгшона и Тишона вынуждены были нанимать некоторое число рабочих и мастеров у предпринимателя Тю Зань Хо за высокую плату. По характеру деятельности последнего можно оценить как предпринимателя-буржуа¹³⁵.

Кроме перечисленных выше форм горнорудного дела в районах, где имелись рудники, существовала и самостоятельная добыча руды местным населением, платившим за это государству налог натурой. Еще в XVII—XVIII вв. Нгуены призывали население юга добывать золото семьями в районе Куангнам. С этой целью создавались золотодобывающие дворы. Каждые 40 деревень, объединявшиеся в «золотые дворы», составляли один тхуок.

Население такого тхуока освобождалось от солдатской и трудовой повинности, но ежегодно должно было платить налог золотом. В XIX в. подобный порядок был распространен Нгуенами во всех районах, где имелись золотые прииски, железные рудники, а также шахты по добыче соли и др. Здесь государство учреждало специальные дворы. Члены этих дворов освобождались от солдатской и трудовой повинности, но ежегодно должны были платить подушный налог натурой. Подушный налог в провинции Куангнам взимался дифференцированно: здоровые члены платили такой налог целиком, а старики и больные — лишь половину нормы¹³⁶. Примерно такие же нормы были установлены и в провинции Биньдинь. В 1831 г. государство разрешило дворам по производству соли платить налоги не натурой, а деньгами¹³⁷.

Члены «железных дворов» вносили подушный налог в размере от 1 куана 2 тиенов до 1 куана 5 тиенов, а лица, относившиеся к категории больных, престарелых, увечных, вносили только половину нормы. Уровень налога не был единым для всех провинций. Указанные дворы жили только за счет разработки недр, сочетая ее с занятием сельским хозяйством либо ремеслом и торговлей. При этом сельское хозяйство служило основным занятием, тогда как разработка недр осуществлялась сезонно.

Примитивная техника и низкая производительность труда не позволяли увеличить выпуск продукции.

Разработка природных ископаемых фактически являлась обязанностью населения по отношению к государству. Население таких районов стремилось добыть необходимое количество продукции для того, чтобы уплатить государству налог натурой и тем самым избежать возмещения деньгами и освободиться от воинской и других принудительных повинностей.

Несмотря на примитивное кустарное производство, указанные дворы уплачивали правительству значительное количество налогов натурой. Так, только в одном уезде Хадонг (пров. Куангнам) в 1838 г. 3340 человек, объединенных в «золотые дворы», внесли

¹³⁵ М. А. Чешков. Особенности формирования вьетнамской буржуазии. М., 1968, с. 19.

¹³⁶ Норма подушного налога с каждого человека устанавливалась в 2 донгкана 8 фанов золота и 1 куан и 5 тиенов. В 1824 г. была установлена норма в 3 донгкана и 3 фана золотом. В 1850 г. уровень налогов был уменьшен на 5 фанов золотом.

¹³⁷ Здоровым лицам, ранее вносившим 12 канав соли, отныне разрешалась замена 8 куанами. Старики и больные вместо 6 канав стали платить 4 куана (см.: NCLS. 1963, № 53, с. 56).

в виде налогов более 280 лангов золота, а в 1839 г. число таких людей возросло на 780 человек и соответственно увеличилась сумма налогов¹³⁸.

На шахтах, рудниках и в мастерских, принадлежавших государству или эксплуатируемых вождями местных племен, как правило, применялся принудительный труд. Путем массового использования принудительного труда вьетнамское феодальное государство пыталось, с одной стороны, устранить существовавшее противоречие между разорившимися земледельцами и феодалами, а с другой — восполнить недостаток в промышленной продукции, что частично ему удавалось благодаря жестокой эксплуатации крестьян, ремесленников и солдат.

Государственные рудники фактически представляли собой казенные мануфактуры, на которых в основном использовался принудительный труд. Крупное производство типа мануфактуры возникло во Вьетнаме в XVIII—XIX вв., оно имело место также в добыче и разработке горных ископаемых. Строительство крупных шахт, рудников и мастерских по выплавке металлов облегчалось, тем, что государство располагало правом феодальной собственности как на средства производства, так и на неквалифицированную рабочую силу. Но помимо принудительного труда солдат, крестьян и ремесленников в рассматриваемый период частично производился свободный наем рабочей силы на государственных, а также на частных китайских и вьетнамских предприятиях.

Наемные рабочие делились на две категории. К первой категории относились лица, привлеченные государством в порядке выполнения трудовой повинности на установленные сроки, именовавшиеся занфу. Большая их часть была представлена крестьянами либо ремесленниками из близлежащих местностей. Многие из завербованных лиц знали горное дело. Вербовка проводилась начальником волости (тянь тонгом) и старостами деревень (ли чыонгами)¹³⁹. Таким образом, хотя указанные лица и работали по найму, получая месячное жалованье, тем не менее они были зажаты в тиски феодальной системы принудительного труда. Здесь система найма не приобрела еще характера свободной продажи рабочей силы. Государство само определяло норму выработки. Не выполнивший норму должен был возместить недостаток; перевыполнивший — получал вознаграждение, которое еще не было формой денежного вознаграждения в зависимости от производительности труда. Многие из числа наемных рабочих трудились не добровольно, а по принуждению.

Таким образом, наем государством рабочей силы не выходил за рамки принудительной феодальной повинности. Рабочая сила еще не выступала в качестве товара, поскольку она продолжала оставаться в феодальной зависимости. Основные производственные отношения по-прежнему имели феодально-зависимый характер.

Ко второй категории наемных рабочих относились те, кто находился в более свободных условиях найма. Большой частью это были лица китайской национальности, горняки по специальности (по ремеслу), нанимавшиеся к управляющему разработками, а также мастеровые, имевшие специальные технические навыки, как, например, поиск месторождений, мастера по выплавке металла и т. д. Они именовались хоафу. Оплата этих лиц при найме на государственные рудники не приравнивалась к финансируемому жалованью обычных работников и, естественно, была более высокой. Число свободных наемных рабочих на государственных горнорудных предприятиях было невелико. Особенностью их положения была относительная личная свобода. Высокая профессиональная подготовка хоафу создавала благоприятные условия для найма на рудники, принадлежавшие частным китайским и вьетнамским предпринимателям, а также на государственные рудники.

В исторической литературе почти нет материалов относительно условий разработки рудников, являвшихся собственностью китайских предпринимателей. Однако известно, что на этих рудниках было занято большое число людей. Так, в 1834 г. Нгуен

¹³⁸ NCLS. 1963, № 53, с. 57.

¹³⁹ VSD. 1968, № 41, с. 33-34.

Конг Чы в докладной записке императору Минь Мангу отмечал: «У китайцев, занимающихся добычей ископаемых, на каждом руднике занято по 700—800 человек»¹⁴⁰. Другой чиновник, Нгуен Фан, посетив север страны, докладывал императору, что «на золотом прииске Кимминь (пров. Шонтэй), разработка которого разрешена китайцу Хо Шоки, в списке о найме кули значатся лишь 20 человек, а на самом деле там работает более 1 тыс. человек»¹⁴¹. В целях сокращения уплаты государству налогов китайские предприниматели стремились скрыть подлинное число рабочих, наживая таким образом большие капиталы за счет жестокой эксплуатации трудового люда.

Рабочая сила на таких рудниках в основном была представлена жителями южных провинций Китая, которые в поисках работы и средств к существованию переходили вьетнамскую границу и селились в предгорных и горных районах Вьетбака, пограничных провинциях, где занимались поиском, разработкой и выплавкой металлов из руд. Эти старатели были искусными мастерами, поэтому вьетнамское феодальное государство нередко нанимало их для организации производства на рудниках.

Система найма на рудниках, эксплуатировавшихся китайцами, была относительно свободной, и сам наемный рабочий чувствовал себя до некоторой степени свободным. На китайских рудниках существовало более четкое разделение труда. Рудник делился на различные рудодобывающие специализированные бригады (тао), во главе которых стоял мастер (тао хо). На каждом крупном руднике насчитывалось до десятка таких мастеров. Специализированные подразделения отвечали за определенный род работы, как, например, за добычу и транспортировку руды, выплавку металла и т. д.

Рудники, находившиеся в ведении китайских предпринимателей, разрабатывались более прогрессивными методами; производительность труда на этих рудниках была относительно высокой. Объем продукции этих рудников был значительно выше объема продукции, получаемой на государственных рудниках. Многие государственные рудники, постепенно приходившие в упадок, попадая в руки китайских предпринимателей, обеспечивали весьма высокую производительность труда. Типичным примером в этом отношении может служить серебряный рудник Тонгтинь.

Рудники, находившиеся в ведении лиц китайского происхождения, в известной степени отражали технический уровень и способ разработки горных руд, существовавшие в Китае. Последнее представляется естественным, ибо основные специалисты на этих рудниках ранее были заняты в рудных промыслах Китая. В этой связи можно предположить, что на некоторых крупных рудниках, принадлежавших китайским предпринимателям, наличествовали элементы капиталистических отношений (мануфактура капиталистического типа на ранней стадии своего развития).

Однако следует отметить, что китайские предприниматели в большинстве своем являлись временными поселенцами на вьетнамской территории. Спустя некоторое время они, как правило, возвращались на родину с накопленным капиталом. Продукция рудников, за исключением незначительной части, вносимой вьетнамскому государству в качестве налога, полностью уходила за границу (преимущественно в Китай). Эта продукция не участвовала в накоплении капитала и, разумеется, не способствовала развитию во Вьетнаме капиталистических отношений.

На рудниках, разрабатываемых вождями местных племен, большую часть рабочей силы составляли представители многочисленных национальных меньшинств и частично китайские эмигранты. Так, на медном руднике Тулонг было занято 4 тыс. человек из народности хоа-тхыонг. Для более активного вовлечения представителей этнических групп в горнорудные промыслы вьетнамское феодальное государство в 1821 г. снизило наполовину подушный налог с народностей нунг, ман и др. Разработка недр на этих рудниках велась на более низком техническом уровне по сравнению с рудниками, находившимися в ведении китайских предпринимателей.

¹⁴⁰ NCLS. 1963, № 52, с. 58.

¹⁴¹ NCLS. 1961, № 33, с. 55.

Вожди местных племен занимали высокие посты, концентрируя в своих руках огромную власть в районах, населенных национальными меньшинствами. Арендуя рудники, они использовали свою власть при найме рабочей силы. В этом случае не имела места свободная купля-продажа рабочей силы, наем рабочей силы все еще выступал в форме феодальной эксплуатации. Наряду с этим следует отметить, что наем китайских рабочих на рудники имел свободный характер.

На некоторых рудниках, являвшихся собственностью вьетнамских предпринимателей, также отмечался относительно свободный порядок найма рабочей силы. На рудниках, владельцем которых был Тю Зань Хо, отношения между владельцем и рабочими не имели ярко выраженного принудительного характера, наем рабочей силы носил свободный характер. Способы разработки в рудниках Тю Зань Хо были аналогичны способам разработки, применявшимся на рудниках, арендуемых китайскими предпринимателями. На этих рудниках существовало четкое разделение труда, имевшее более или менее выраженный капиталистический характер¹⁴². Однако вплоть до середины XIX в. такие рудники были единичными.

Вьетнамские источники свидетельствуют о том, что приведенное число рудников действовало непостоянно. Так, в течение многих лет не эксплуатировались цинковые, оловянные, серные и другие рудники. Часто добыча руд приостанавливалась, рудники забрасывались¹⁴³. Изучение вьетнамских источников позволяет сделать вывод о постоянном сокращении числа горнорудных разработок после 1810 г. Наивысшее число постоянно действующих рудников составило в 1808—1810 гг. 79, а наименьшее — 39 (в 1831 г.). К концу 1840 г. это число возросло до 57, а в период правления Тхьеу Чи оно колебалось от 51 до 68. Позднее, в начальный период правления Ты Дыка, число рудников с 60 (в 1848 г.) сократилось до 54 (в 1850 г.), что свидетельствовало также о сокращении горнорудных разработок.

В целом можно констатировать, что горнорудные промыслы в первой половине XIX в. развивались, хотя и замедленными темпами. Такое замедленное развитие объяснялось тем, что добыча ископаемых, развитие торговли и промышленности наталкивались на феодальный характер государства; политика, проводимая династией Нгуенов в целом, тормозила развитие экономики и торговли. Государство порой старалось само захватить источник доходов, отстранить купцов и предпринимателей от разработки полезных ископаемых. Так, император Минь Манг говорил, что «золото и серебро, являющиеся богатствами нашей страны, добываются для государственных нужд. Если разрешить арендаторам добывать эти богатства по своему усмотрению, то не избежать того, что коварные купцы будут расхищать их и набьют ими свои карманы»¹⁴⁴. Руководствуясь этими соображениями, Минь Манг стремился отобрать многие рудники у частных лиц. Если такие рудники приносили большой доход, то правительство расширяло их эксплуатацию; когда же они начинали нести убытки, то оно прекращало их разработку; когда же разработка недр приходила в упадок, государство, как в 1849 г., частично возвращалось к старой политике¹⁴⁵, владельцы цинковых рудников были освобождены от уплаты налога на первые три-четыре года¹⁴⁶.

Феодальное государство осуществляло строгий контроль за рудниками в целях обеспечения их налогообложения. Каждый год государственные уполномоченные либо провинциальные чиновники были обязаны обследовать частные рудники для установления размера налога. Все это создавало много трудностей для предпринимателей,

¹⁴² NCLS. 1963, № 53, с. 56.

¹⁴³ NCLS. 1963, № 51, с. 44.

¹⁴⁴ Цит. по: NCLS. 1963, № 53, с. 57.

¹⁴⁵ В XVII—XVIII вв. Чини, проводили политику освобождения новых рудников от налогов сроком от 3 до 5 лет. При Минь Манге это правило было отменено, и все предприниматели в начальный период разработки недр были обязаны платить налог полностью, что, разумеется, не стимулировало развития горнорудных промыслов.

¹⁴⁶ NCLS. № 53, 1963, с. 58.

которые на протяжении длительного времени отвлекались от работы. Более того, инспектирующие чиновники занимались вымогательством и коррупцией. В связи с этим небезынтересно также отметить, что размеры взимаемых налогов при императоре Минь Манге были значительно выше, чем в эпоху правления поздних Ле, в связи с чем многие владельцы рудников оказались не в состоянии уплатить все налоги, подвергаясь преследованиям со стороны государства, которое конфисковало их имущество. Налоги достигли больших размеров. Ежегодно государство получало от рудников около 100087 куанов, в том числе с золотых приисков — 33838, с серебряных рудников — 19839, с медных — 3676 и железных рудников — 25480 куанов¹⁴⁷. Более того, владельцев рудников принуждали дополнительно продавать государству продукцию по заниженным ценам, установленным им самим. Часто, будучи не в состоянии уплатить государству высокие налоги натурой (золотом, медью, цинком, оловом и др.) и принуждаемые продавать продукцию рудников сверх налогов по заниженным ценам, предприниматели в конечном счете разорялись, а рудники их забрасывались.

Уровень развития горнорудных промыслов убедительно свидетельствует об отсталом характере производительных сил феодального вьетнамского государства в первой половине XIX в.

Ремесло

Для определения уровня экономического развития Вьетнама к середине XIX в. существенное значение имеет характеристика мелкой промышленности. Вьетнамская мелкая промышленность прошла весьма длительный путь своего развития — от домашних промыслов и ремесла до мелкого товарного производства.

В. И. Ленин указывал, что «домашние промыслы составляют необходимую принадлежность натурального хозяйства»¹⁴⁸. Их изделия потребляются непосредственным производителем. Следующей формой развития мелкой промышленности является ремесло, т. е. «производство изделий по заказу потребителя»¹⁴⁹. Третьей формой развития мелкой промышленности является непосредственная продажа ремесленником своих товаров на рынке или через скупщика. «Патриархальное земледелие соединяется с мелким производством промышленных продуктов на рынок, т. е. с товарным производством в промышленности»¹⁵⁰.

В первой половине XIX в. во Вьетнаме сосуществовали все три указанные формы, причем вторая и третья формы развития мелкой промышленности в этот период были более распространены.

При патриархальном (натуральном) земледелии домашние промыслы земледельцев служили для них побочным занятием, а земледелие — основным.

Из домашних промыслов, повсеместно распространенных во Вьетнаме в крестьянских хозяйствах, следует назвать ткачество, изготовление одежды и обуви, примитивного сельскохозяйственного инвентаря, переработку риса в муку, постройку жилищ. Крестьянские промыслы имели сезонный характер, крестьяне занимались ими в свободное от полевых работ время. Эта примитивная форма промышленности существовала в рамках таких социально-административных организаций, как община, дон диены и пр.

Развитие домашних промыслов давно привело постепенно к простому разделению труда в общине; ремесленник все более освобождался от сельскохозяйственных работ и специализировался в той или иной отрасли ремесленного производства. Функции «домашнего промысла» все чаще стали выполнять ремесленники-специалисты. Ремесло

¹⁴⁷ Цит. по NCLS, № 33, 1961, с. 49; № 53, 1963, с. 59.

¹⁴⁸ В. И. Ленин. — Т. 3, с. 328.

¹⁴⁹ Там же, с. 329.

¹⁵⁰ Там же, с. 378.

постепенно становилось постоянным занятием ремесленника, который уже работал по заказу потребителя. Он получал от крестьян за продукт своего труда либо натурой, либо деньгами, на которые приобретал сырье, материалы, необходимые орудия труда.

В рассматриваемый период происходил процесс дальнейшего отделения ремесла от сельского хозяйства (в части ремесел он завершился, в части — еще шел). Ставшие самостоятельными ремесла подвергались количественному и качественному изменению.

В конце XVIII — начале XIX в. во Вьетнаме основную часть ремесленной продукции давали и специализированные поселения профессиональных ремесленников — фьонги, о которых речь будет идти ниже, и сельские ремесленники. Во втором случае происходил процесс дальнейшего отделения все новых видов ремесленного труда от земледельческого и превращения деревенских ремесленников в простых товаропроизводителей. Эта форма, как указывал В. И. Ленин, стоит еще очень близко к предыдущей, отличаясь от нее лишь тем, что при ней «появляется товарное обращение — в том случае, когда ремесленник получает плату деньгами и появляется на рынке для закупки орудий, сырья и проч.»¹⁵¹.

Связь между земледельцами и сельскими ремесленниками-товаропроизводителями, работающими на рынок, осуществлялась путем товарного обмена на местных рынках. Это, в свою очередь, подрывало общину как производственную единицу и тем самым создавало благоприятные условия для углубления разделения труда между деревней и городом. «Патриархальный крестьянин превращается в мелкого товаропроизводителя, тяготеющего... к употреблению наемного труда, т. е. к капиталистическому производству»¹⁵². Следовательно, с развитием ремесла и разложением мелких товаропроизводителей. Наибольшее развитие этот процесс получил во Вьетнаме, по-видимому, в XVII—XIX вв., когда происходило резкое расслоение ремесленного производства: от сельского хозяйства отделялась все более существенная часть ремесла. С ростом общественного разделения труда давно наметилась и специализация в производстве в XVIII—XIX вв. Промысловые поселения достигали высокого уровня разделения труда, распределяя между собой как добычу сырья, так и его первичную обработку с последующим превращением его в ремесленное изделие¹⁵³.

Многие ремесленные поселения специализировались на производстве какого-либо одного товара. Одни, например, занимались разведением тутовых деревьев, другие обрабатывали коконы, третьи ткали пряжу, четвертые выделывали шелк. Население поселков Кобан (пров. Намдинь), Дайфунг, Фуонгса (пров. Хадонг) ткало, например, пряжу, для которой закупались коконы в соседних деревнях¹⁵⁴. Население поселков Ланггу, Хачи (пров. Хадонг) занималось плетением основ для бамбуковых шляп, а население поселков Фьонгчунг, Винтьхинь (пров. Хадонг) специализировалось на их изготовлении. Гончарные изделия могли обжигаться в одном месте, покрываться краской в другом, расписываться в третьем. Уже имело место детальное разделение труда. В результате такого общественного разделения труда одни ремесленные поселения находились в прямой зависимости от других, между ними существовала тесная взаимосвязь. Разделение труда в рассматриваемый период находилось уже на достаточно высоком уровне¹⁵⁵. Оно осуществлялось не только в процессе производства различных товаров, но и при изготовлении одного и того же вида товара.

В ряде случаев изготовление того или иного товара являлось монополией определенных поселков. Так, инкрустирование перламутром было развито в окрестностях Ханоя. При строительстве и расширении города упомянутые поселки превратились в отдельную ремесленную улицу Ханоя, названную улицей Инкрустаторов. Подобным

¹⁵¹ В. И. Ленин. — Т. 3, с. 378.

¹⁵² В. И. Ленин. — Т. 3, с. 378—379.

¹⁵³ P. Gourou. Les paysans de delta tonkinois. P., 1936, с. 314.

¹⁵⁴ Pha Gia Ben. So thao lich su ohat trien thu cong nghiep Viet-Nam. Ha-noi, 1957, с. 143.

¹⁵⁵ NCLS. 1961, № 33, с. 55.

образом возникли многочисленные промысловые поселки, а в городах — промысловые улицы и кварталы. Существовали крупные центры гончарного производства, как, например, на севере страны — Батчанг (пров. Бакнинь), а на юге — Телон, Митхо, Зядинь. В Телоне ежегодно до 1882 г. производили 14,5 млн. шт. кирпича, общее количество черепицы и брусчатки составляло 1,6 млн. шт. Каждая печь давала 40 тыс. шт. черепицы, 13 тыс. шт. брусчатки. В Митхо ежегодно производилось около 500 тыс. шт. кирпича и столько же черепицы, а также 20 тыс. шт. брусчатки¹⁵⁶.

Описанное выше разделение труда явилось прямым следствием самой специфики многовекового развития вьетнамского ремесла.

Основную массу производителей составляли мелкие ремесленники, которые не располагали достаточными средствами, чтобы иметь возможность заниматься всеми процессами производства. Большинство изготовляло какую-нибудь одну деталь и стремилось держать в своих руках монополию на изготовление какого-либо одного вида товара или отдельной детали. По мере развития хозяйства усиливалась конкуренция, мелкие ремесленники, стремясь сохранить монопольное право на производство тех или иных товаров, прибегали к различным методам, чтобы избежать конкуренции и обеспечить свое положение в качестве хозяина. Такие ремесленники старались держать в тайне технику изготовления того или иного предмета, скрывая от других изобретения и усовершенствования. Так, кондитеры поселков Мечи и Зитьвонг (пров. Хадонг) выпекали ком (лепешки из риса). Технология выпечки кома передавалась только по мужской линии или замужней женщине. Ремесленники из Нобана (пров. Хадонг) специализировались на производстве дрожжей, технология приготовления которых передавалась только по мужской линии и держалась в строгой тайне от дочерей¹⁵⁷. Местами это доходило до того, что девушек не разрешалось выдавать замуж в другие поселки, чтобы таким образом сохранить секрет мастерства. Сохранение профессиональных тайн, в свою очередь, в определенной мере тормозило развитие ремесла. Специализированные поселения профессиональных ремесленников назывались фьонги.

Города Ханой, Хюэ, Сайгон-Телон, Митхо, Зядинь и другие были центрами вьетнамского ремесла, они производили предметы широкого потребления, которые распространялись по всему Вьетнаму. Наиболее развитыми отраслями профессионального ремесленного производства являлись ткачество, гончарное дело, кораблестроение, изготовление металлических изделий и др. Вьетнамские ремесленные мастерские не имели столь тесных межцеховых связей, как на Западе, что препятствовало свободному развитию ремесла: инициатива и мастерство ремесленников ограничивались рамками своего цеха. Во главе цеха стоял староста (тыонг мук), имевший определенные заслуги перед властями и обладавший большим опытом работы. За свои заслуги он получал титул чиновника определенного ранга. Центральной же фигурой в цехе был мастер. Для того чтобы стать мастером, надо было трудиться долгие годы и регулярно преподносить ценные подарки старостам. В цеховой организации существовала строгая иерархия, и, пока был жив мастер, подмастерье и ученики не могли стать самостоятельными мастерами. В процессе работы ремесленник должен был строго следовать установленному образцу, т. е., по существу, копировать принятые модели и рисунок, и лишь в очень ограниченной степени мог проявлять личную инициативу. Цехи строго хранили тайну ремесла, что, конечно, не способствовало повышению уровня мастерства и развитию техники.

Вьетнамская ремесленная корпорация (фьонг хой) в отличие от западных цеховых организаций в большей степени была подотчетна феодальному государству и его представителям в лице губернаторов провинции и имела не только производственный, но и коммерческий и административный характер. В ряде случаев некоторые фьонги

¹⁵⁶ Pha Gia Ben. So thao lich su... с. 90.

¹⁵⁷ Там же, с. 146.

выполняли религиозные обряды ремесленников одной профессии, фыонг хой зачастую выступала также в качестве организации взаимопомощи ремесленников.

Фыонги, как правило, были сконцентрированы в городах и в их окрестностях. Цеховые ремесленные корпорации объединяли до 50 ремесленников одной профессии во главе со старостой, который отвечал перед губернатором провинции за действия ремесленников и ежемесячно докладывал о численности корпорации. Центром профессиональных ремесленников Северного Вьетнама был Ханой, в Центральном Вьетнаме — Хюэ, а в Южном Вьетнаме — Сайгон—Телон. Помимо основных этих центров в первой половине XIX в. фыонги также наличествовали и во многих других городах, а также образовывали самостоятельные населенные пункты¹⁵⁸.

В связи с развитием производства численность фыонгов постоянно росла и, по некоторым данным, в начале XIX в. составила более тысячи. Каждый центр ремесленной промышленности делился на определенное число фыонг хой. Фыонги выступали в роли торговых и административных единиц, а те — только как производственные корпорации (цехи) ремесленников. Фыонги в Ханое, например, занимались не только производством, но и продажей различных товаров. Так, фыонг Хангдао занимался продажей тканей и шелка, фыонг Мам — продажей рыбных продуктов; скобяные товары продавались фыонгом Хангдонг, шляпы — фыонгом Хангшон и т. д. До сих пор в Ханое сохранились улицы под названием Хлопковая, Шелковая, Серебряная, Гончарная и др. Продажа завозимых в Ханой товаров производилась и специально предназначенными для этого фыонгами¹⁵⁹, которые выступали как представители объединенных торговцев, подчинивших себе ремесленное производство. Фыонги бывали часто оторваны от своих производственных баз, размещавшихся далеко от рынков сбыта. Другие же фыонги, наоборот, имели при себе производственные базы. Так, фыонг Хангбак в Ханое производил серебряные изделия, которые продавались там же; фыонг Хангма занимался производством изделий из бамбука, а члены фыонга Хангза изготавливали кожаные изделия, продажа которых производилась на месте¹⁶⁰. Упомянутые фыонги являлись одновременно и производственными и коммерческими организациями.

Фыонги могли иметь собственные религиозные церемонии. Так, население Лакхе (уезд Хоайдык, пров. Хадонг) на протяжении нескольких веков занималось прядением шелковых тканей. Ремесленники Лакхе устраивали ежегодные религиозные церемонии в честь китайцев, якобы передавших вьетнамцам технику изготовления шелка. Фыонг из 40 ремесленников-ткачей в Лакхе регулярно выполнял религиозные обряды¹⁶¹. Вьетнамские фыонги выступали также в роли органов взаимопомощи. Так, ремесленники одной или разных профессий объединялись в один фыонг с целью оказания друг другу помощи в производстве. Правда, только в этой роли фыонг выступал весьма редко.

Члены фыонга под руководством старосты корпорации — тыонг мука — временами уезжали на заработки. В таких случаях тыонг мук договаривался с хозяином об условиях работы, получал от него заработную плату, которую делил между ремесленниками. Заработок тыонг мука был таким же, как любого члена фыонга. Однако в качестве вознаграждения он еще получал от хозяина подарки натурой или деньгами. Тыонг мук нес непосредственную ответственность за свой фыонг и по требованию губернатора производил вербовку ремесленников на различные виды работы, оплачивавшейся деньгами¹⁶². Ремесленники платили промысловый налог натурой — продукцией, а подушный налог — деньгами. Так, в Иентхае, Хокхау (окрестность Ханоя),

¹⁵⁸ Так, уже в конце XVIII в. в уезде Суанкань (пров. Куангнам) работало 300 ремесленников в различных фыонгах, между которыми существовало разделение труда: одни ткали шелк, другие окрашивали его, третьи шили одежду, четвертые занимались продажей готовой продукции на рынке.

¹⁵⁹ Pha Gia Ben. So thao lich su... с. 167.

¹⁶⁰ Revue Indochinoise 1914, 2^e semestre, с. 70.

¹⁶¹ Pha Gia Ben. So thao lich su... с. 169.

¹⁶² B. Bouchot. Documents pour servir a l'histoire de Saigon de 1859 a 1865. Saigon, 1927, с. 370.

население которых занималось производством бумаги, ежегодно с каждого здорового жителя взималось 5,5 тыс. листов бумаги, а со стариков и увечных — половина указанного количества. В Батчанге (пров. Бакнинь), где изготавливались гончарные изделия, со здоровых взималось по 300 шт. черепицы, а с увечных и больных — по 150 шт.¹⁶³ В Тхиен-чао (пров. Ниньбинь), где выделывали циновки, с каждой семьи взималось по две пары циновок, а подушный налог уплачивался деньгами или рисом. С калек и престарелых взимали половину указанного количества или суммы.

К началу XIX в. по приказу императорского двора во Вьетнаме стали сажать тутовые деревья и одновременно открывали мастерские по разведению шелковичных червей и изготовлению шелка. Всю продукцию шелка государство забирало в качестве налога. Так, в Лакхе (пров. Хадонг), где население занималось шелкоткачеством при императорах Зя Лонге и Минь Манге, ежегодно должны были вносить в качестве налога 600 рулонов шелка разного цвета (в каждом рулоне содержалось 27,6 м при ширине от 90 до 94 см). При Тхьеу Чи поселение Лакхе было превращено в придворные мастерские, которые возглавлял некий Чан Куй с двумя заместителями, которому был присвоен ранг чиновника седьмой категории второго класса. Отныне в Лакхе помимо уплаты названных выше налогов должны были производить все виды шелка, необходимые двору¹⁶⁴.

Императорский двор ввел ряд запретов и ограничений — регламентация производства, жесткий контроль государства над производством, систематическое усиление налогового обложения, что губительно сказывалось на развитии ремесла. Более того, простолюдинам не разрешалось строить дома с высокой крышей и воротами, украшать архитектурные детали домов резьбой, использовать в строительстве драгоценные породы древесины. Простолюдинам не разрешалось ходить обутыми, одеваться в парчу, атлас и шелка. Они могли носить только одежду, сшитую из хлопчатобумажной ткани, и ходить босыми. Такая деятельность феодального государства, естественно, тормозила развитие ремесленного производства.

Потребности двора в шелковых тканях непрерывно возрастали. Французский консул в Куиньоне де Верневиль писал, что в шелкоткацкой мастерской Биньдиня имелось 34 ткацких станка. Шелкоткацкие мастерские имелись в семи волостях (Нхоннгай, Аннгай, Зыонган, Нхонан, Чунгсон, Тайлыонг, Иенсон). Только в одной Гомите насчитывалось 10 ткацких станков, в Фочате — 12. На каждом станке были заняты четыре человека. Обычно работали шесть месяцев в году (с апреля по сентябрь). С октября по март станки не работали ввиду того, что хозяева не могли запастись пряжей. Китайские торговцы скупали пряжу Биньдиня, Куангнама и затем отправляли в Китай для производства шелка. Гуандунский и вьетнамский шелк-сырец считались лучшими.

В 1851 г. Ты Дык приказал упразднить многие мастерские, специализировавшиеся на разведении тутового шелкопряда, в тех провинциях, где выращивали тутовые деревья. Тем самым был нанесен большой ущерб национальному шелководству.

Императорский двор притеснял торговцев и ремесленников, а проводимая им политика изоляционизма (закрытых портов) сильно тормозила развитие национальной промышленности. Одной из важных причин медленного развития ремесла являлось и то, что покупательная способность внутри страны была очень низкой, поэтому товары кустарных промыслов не имели большого сбыта.

Несмотря на то что политика феодального государства тормозила развитие ремесла, оно тем не менее развивалось, особенно в городах. С появлением новых городов и поселений их основное население составляли ремесленники и торговцы. Город выступал в качестве носителя товарного производства. Возрастало число отдельных отраслей товарного хозяйства (производство изделий из металлов, оружия, бумаги, керамических

¹⁶³ NCLS. 1961, №33, с. 56.

¹⁶⁴ Производство шелка (лист) было впервые начато во Вьетнаме в XVI—XVII вв. Оно получило широкое распространение при императоре Минь Манге (см.: Pierre Huard et Maurice Durand. *Connaissance du Viet-Nam*. P., 1954, с. 153).

изделий, обуви, одежды, тканей, обрушенного риса). Широкое развитие во Вьетнаме получило производство изделий из бамбука, разнообразных плетеных изделий, циновок. Рост мелкотоварного производства наблюдался в текстильной и кожевенной промышленности.

Ремесленное производство в городах и деревнях было представлено такими отраслями, как мыловарение, сахароварение, виноделие и производство лаковых изделий. Одним из наиболее развитых во Вьетнаме было производство рыбного соуса нюок мам. Традиционно славились во Вьетнаме изделия резчиков по слоновой кости, дереву, ювелиров. В окрестностях столицы работали лучшие мастера по производству лаковых изделий, инкрустаторы¹⁶⁵, вышивальщики.

Традиционным центром ремесленного производства являлась северная часть Вьетнама (Бакки), где ремесло развилось значительно раньше, чем в центральных (Чунки) и южных (Намки) районах страны. Одной из причин того была острая нужда в земельных участках, заставлявшая безземельных крестьян заниматься ремеслом. Вследствие же относительно недавнего освоения южной части страны, где имелась значительная площадь неосвоенных земельных угодий, население этой части менее нуждалось в дополнительных заработках. Постепенно в поисках заработка ремесленники Северного Вьетнама передвигались из старых центров ремесла в новые — южные районы, где наряду с развитием старых основывались новые промыслы.

Вьетнамское феодальное ремесло в различных частях страны в первой половине XIX в. находилось на разном уровне развития. Так, в прибрежных районах степень развития производства была более высокой, чем во внутренних и горных районах страны. В ходе развития товарного хозяйства шло дальнейшее расслоение мелких производителей. Внутри мелкого производства происходила имущественная дифференциация — разорение одних и концентрация производства в руках других. Более состоятельные ремесленники постепенно увеличивали свои предприятия. Они уже не принимали непосредственного участия в производственном процессе и стали прибегать к найму рабочей силы. Мелкие же ремесленники разорялись и шли работать к более состоятельным владельцам мастерских.

В отдельных случаях мастерские перерастали в крупные предприятия типа простой кооперации или даже мануфактуры. Однако процесс первоначального накопления капитала и разорения мелких производителей в условиях Вьетнама в первой половине XIX в. протекал медленно. Использование наемного труда в мелком товарном производстве в рассматриваемый период пока было незначительным явлением.

Таким образом, мелкое товарное производство служило исходным пунктом возникновения и развития капиталистических отношений. Элементы их можно проследить на примере гончарного производства, довольно крупные предприятия которого были созданы разбогатевшими ремесленниками и торговцами-скупщиками. Так, население Батчанга (уезд Зялам, в окрестностях Ханоя) на протяжении нескольких веков занималось гончарным ремеслом, достигнув высокого уровня производства. В этой деревне имелось 15—16 крупных печей, длина каждой печи достигала 8 м, ширина и высота составляли по 4 м. У каждой печи было занято до 50 человек, а на всех печах — около 800 человек. В производстве гончарных изделий имело место сравнительно четкое разделение труда, использовалась относительно развитая техника, хотя в целом указанное производство основывалось на ручном труде,

На примере изготовления гончарных изделий можно наблюдать переход от мелкотоварного производства к более высокой форме промышленности — сравнительно крупным мастерским. Гончарное производство в Батчанге можно отнести к простой капиталистической кооперации, которая развивалась из раздробленного мелкого

¹⁶⁵ Инкрустированной лаковой мебели в Северном Вьетнаме стал впервые заниматься мастер Нгуен Ким во время царствования Ле Хиен Тона (1740—1787) (см.: Pierre Huard et Maurice Durand. *Connaissance du Viet-Nam*, с. 151).

производства. На предприятиях этой отрасли работали разорившиеся ремесленники, деревенская беднота. Использование значительного числа наемных рабочих можно считать важным моментом развития капиталистических элементов в производстве Вьетнама. В середине XIX в. существовали кирпичные, черепичные, судостроительные мануфактуры¹⁶⁶.

Зачатки капиталистического производства можно проследить и в текстильной промышленности. Среди многочисленных мастерских, разбросанных по всей стране, по своим размерам особенно выделялись ткацкие мануфактуры провинций Хадонг и Биньдинь.

Итак, еще до французского захвата Вьетнама отмечался относительный рост производства, основанного на частной собственности и личном труде мелких ремесленников и крестьян. На этой стадии развития ремесла в стране уже пользовались наемным трудом, однако еще в весьма ограниченном масштабе.

Все сказанное выше дает основание полагать, что в отдельных отраслях вьетнамской промышленности уже имелись первоначальные элементы развития капиталистических отношений. Однако в целом во Вьетнаме рассматриваемого периода продолжало господствовать простое мелкотоварное производство ремесленников и крестьян.

Наряду с отдельными частными мануфактурами во Вьетнаме в первой половине XIX в. существовали многочисленные государственные мастерские (казенные мануфактуры) по изготовлению огнестрельного оружия, чеканке монет, строительству судов. Например, на Ханойском монетном дворе, основанном в 1803 г., действовало несколько литейных печей. В 1820 г. в Ханое была открыта еще одна литейная мастерская — под названием «Баохоя кинькук».

По берегам больших рек, в приморских городах и селах были основаны многочисленные верфи и мастерские, где строились небольшие суда, предназначенные для рюоловсгеа и кабочажного плавания. В начале XIX в. в Хюэ была сооружена судовой верфь. Во всех крупных лесных провинциях страны, таких, как Нгеан, Тханьхоа, где имелись удобные водные пути, существовали верфи, строились суда, барки, сампаны. Верфи, как правило, находились в местах дислокации войск. Морские суда строились на верфях Сайгона, Биенхоа, Диньтыонга и др.

Императору Зя Лонгу принадлежало около 200 деревянных судов водоизмещением 12 т каждое, вооруженных шестью-семью пушками. Помимо этих судов он владел еще 500 мелкими и 100 крупными галерами. Всего в морском флоте вьетнамского государства в начале XIX в. было занято 26800 человек, в том числе 8 тыс. человек, работавших в судостроительных мастерских¹⁶⁷. В конце 30-х годов судовой верфь Хюэ спустила на воду первое паровое судно европейского типа, за что владельцы этой верфи Хоанг Ван Лить и Ву Зуи Чинь получили большие награды.

Иностранцы, побывавшие во Вьетнаме в указанный период, высоко ценили искусство вьетнамских кораблестроителей. Так, капитан первого ранга военно-морских сил США Уайт, посетивший Сайгон в 1820 г., насчитал в городском арсенале 150 галер. По его признанию, «аннамиты, безусловно, являются наиискуснейшими корабелями и выполняют работу с исключительной точностью»¹⁶⁸. Англичанин Кроуфорд, посетивший Вьетнам в 1822 г., отмечал, что «кохинхинцы пользуются заслуженной славой наиболее опытных моряков на Дальнем Востоке»¹⁶⁹.

Во Вьетнаме помимо судовой верфей имелись многочисленные оружейные мастерские, которых особенно много было в провинциях Тханьхоа и Нгеан. Так, в 1872 г. в провинции

¹⁶⁶ VSD. 1958, № 41, с. 29.

¹⁶⁷ Charles B. Maybon. Histoire moderne du pays d'Annam, с. 368.

¹⁶⁸ J. White. A Voyage to Cochinchina. L., 1824.

¹⁶⁹ J. Crawford. Journal of an Embassy to Siam and Cochinchina. L., 1828.

Нгеан, которая славилась своими оружейниками, было отлито 500 пушек и изготовлено 2 тыс. ружей. Оружейные мастерские имелись и во многих других провинциях страны.

В этот период в стране функционировало значительное число мастерских, обслуживавших двор: от ювелирных, где изготавливались украшения из золота и серебра, до швейных, где шилась одежда из парчи и атласа. Существовали также строительные мастерские, которые занимались сооружением дворцов, крепостей, замков, усыпальниц. Все эти мастерские находились в ведении ведомства общественных работ (бо конг). Всю работу в указанных мастерских выполняли завербованные ремесленники, крестьяне и солдаты. Число рабочих, занятых в отдельных мастерских или на строительных участках, достигало тысячи человек.

Крестьяне, солдаты и ремесленники получали мизерную плату за свой труд, при этом никак не учитывалась их квалификация. Последнее порождало большое недовольство ремесленников, выполнявших свою работу без какой бы то ни было заинтересованности. Существовавший режим труда имел характер принудительных работ и никоим образом не мог способствовать промышленному развитию. Форма наемного труда имела полукрепостнический характер.

Государство перепоручало организацию ремесленного производства и контроль над ним куанам¹⁷⁰. Куаны по государственному указу набирали в различных провинциях лучших мастеров для работы в тех или иных государственных мастерских под контролем тех же государственных чиновников. По государственному указу губернаторы производили вербовку ремесленников для работы в государственных оружейных и судостроительных мастерских и на строительстве королевских дворцов и усыпальниц. Крупные мастерские, принадлежавшие двору, в которых работали тысячи и десятки тысяч мастеровых, занятых на строительстве усыпальниц, дворцов, создававших произведения искусства для правителя и его сановников (вышивки, шелкоткачество, изделия из лака, резьба по слоновой кости, золотые и серебряные украшения), передавались в управление куанам. По законодательству Зя Лонга куаны принудительно вербовали население на так называемые общественные работы, определяли меру наказания до 10—15 ударов палками для тех, кто уклонялся от таких работ.

В рассматриваемый период большая часть горнорудных промыслов и крупные ремесленные мастерские (кораблестроение, изготовление оружия, чеканка монет и другие отрасли ремесленного производства) были сосредоточены главным образом в руках феодального государства и, очевидно, представляли собой казенные мануфактуры. Феодальные порядки мешали развиваться ремесленному производству. Насильственное принуждение лучших ремесленников и мастеровых к отбыванию трудовой повинности в государственных мастерских, естественно, не могло не тормозить экономическое развитие страны, тем не менее частное ремесленное производство при Нгуенах хотя и медленно, но развивалось. В многочисленных малых и крупных частных ремесленных мастерских производились предметы, необходимые для повседневной жизни, главным образом товары широкого потребления.

С развитием ремесла и товарно-денежных отношений появились также крупные частные мастерские, которые уже были зачатками капиталистических отношений.

Торговля

Внутренняя торговля. Рост мелкого и крупного производства в первой половине XIX в. во Вьетнаме свидетельствовал об углублении общественного разделения труда, что, в свою очередь, способствовало расширению торговых связей между городом и деревней. Торговля занимала важное место в экономической жизни Вьетнама, где значительного распространения достигли товарно-денежные отношения. Однако в целом

¹⁷⁰ Doan Trong Truyen. Mam mong tu ban chu nghia va su phat trine cua chu nghia tu ban Viet-nam. Hanoi, 1960, с. 10—11.

их развитие по-прежнему определялось решающей ролью феодального способа производства. Как указывал К. Маркс, «размер, в котором продукция поступает в торговлю, проходит через руки купцов, зависит от способа производства»¹⁷¹. Характеризуя эту зависимость, В. И. Ленин, ссылаясь на К. Маркса, писал: «„Рынок“ является там и постольку, где и поскольку появляется общественное разделение труда и товарное производство. Величина рынка неразрывно связана со степенью специализации общественного труда»¹⁷².

Однако торговля являлась не только индикатором уровня экономического развития Вьетнама, но и средством, обеспечивающим дальнейший рост товарно-денежных отношений в стране. К. Маркс отмечал, что «на основе любого способа производства торговля способствует созданию избыточного продукта, предназначенного войти в обмен, для того, чтобы увеличить потребление или сокровища производителей (под которыми следует понимать собственников продуктов); следовательно, она все более придает производству характер производства ради меновой стоимости»¹⁷³.

Развитие торговли в масштабах всей страны стало в XIX в. насущным требованием для ускорения экономического роста Вьетнама. После прихода к власти династии Нгуенов была обеспечена политическая стабильность страны, что значительно облегчило общение между севером и югом. Широкое развитие получило каботажное плавание. Возросло число морских перевозок; расширились торговые связи между севером и югом. Южновьетнамский рис доставлялся не только в центральные провинции страны, но и в Ханой¹⁷⁴. Все это свидетельствовало о процессе включения южновьетнамского рынка в систему складывавшегося общевьетнамского рынка на основе общественного разделения труда между различными частями страны. В начале XIX в. получило дальнейшее развитие товарно-денежное обращение, способствовавшее расширению торговли, появлению торговцев-скупщиков, которые продавали сырье ремесленнику, скупая у него готовую продукцию. В роли торговцев и ростовщиков выступали купцы, куаны и помещики.

Внутренняя торговля велась на рынках, в торговых поселениях и городских кварталах (фо), на речных переправах и пристанях. В условиях большой протяженности и удобства водных путей (рек, каналов, трасс каботажного плавания вдоль морского побережья и т. п.) торговля на воде играла не менее, если не более-важную роль, чем на суше¹⁷⁵. В середине XIX в. в наиболее развитых районах сельскохозяйственного и ремесленного производства Бакки, расположенных в равнинных и возвышенных местностях, насчитывалось от 21 до 44 рыночных центров и торговых улиц в каждой провинции. Центром торговли на севере был Ханой, в городе и пригородах действовало 24 торговых центра, 27— в провинции Ханой. Довольно широко была развита сеть торгового обмена и в горных провинциях. В Чунгки крупнейшим торговым центром была столичная провинция Тхыатхиен, и особенно сама столица Хюэ, где существовало множество торговых улиц, рядов, а при Минь Манге был построен огромный крытый рынок. В Биньдине, развитом центре садоводства, ремесла, лесного промысла, насчитывалось 60 рыночных центров. Крупнейшим торговым центром юга был Сайгон, купцы и судовладельцы которого занимались регулярной торговлей рисом, используя развитую сеть внутренних водных путей. Значительная часть общего товарооборота приходилась на лодочные торговые маршруты. В Дангчаунге, например, в конце XVIII в. наряду с 33 рынками функционировало 39 водных торговых маршрутов, которые обслуживались 500

¹⁷¹ К. Маркс. Капитал. Т. 3.— Т. 25, ч. I, с. 358.

¹⁷² В. И. Ленин. По поводу так называемого вопроса о рынках. — Т. I, с. 94; Развитие капитализма в России.— Т. 3, с. 22.

¹⁷³ К. Маркс. Капитал. Т. 3.— Т. 25, ч. I, с. 358.

¹⁷⁴ Doan Trong Truyen. Mam mong tu ban chu nghia... с. 13.

¹⁷⁵ Так, императорская столица Хюэ была связана разветвленной сетью морских путей с провинциями. Благодаря этому от Хюэ до Зядиня (более 1 тыс. км) можно было добраться за 9—13 дней, а до Ханоя (более 650 км) — всего за 4—5 дней (см.: Lich su Viet Nam. Т. I. Ha-noi, 1971, с. 379).

кораблями и лодками¹⁷⁶. Торговля на водных маршрутах велась не только в их конечных пунктах, на пристанях и базарах, но и на переправах и прямо по пути (лодки останавливались перед любым населенным пунктом).

Сухопутная торговля была менее интенсивной из-за трудностей транспортного сообщения. Существовало лишь небольшое число основных дорог, где сообщение имело регулярный и достаточно быстрый характер. Так, на пути от Куангнама до Фуиена было основано 40 постоянных дворов и четыре рынка, связь с которыми поддерживалась с помощью подменявшихся упряжек быков и буйволов.

Внутренняя торговля велась в нескольких направлениях: между северной и южной частями страны, между районами с различной специализацией, между жителями гор (этническими меньшинствами) и равнин, между сельской местностью и городами. Торговля между двумя основными частями страны, не прекращавшаяся даже в период междоусобных войн в XVII в., с объединением страны под властью династии Нгуенов, поднялась на качественно более высокий уровень. Между севером и югом развивался обмен в первую очередь теми товарами, которых не хватало в одной части страны и было в избытке в другой. Так, с юга на север поставлялись рис, соль, частично продукты моря, а в обратном направлении — медь, железо и изделия из них. В ходе этой торговли продолжался процесс складывания общевьетнамского рынка, начавшийся в XVIII в. с образования широкой сети местных рынков¹⁷⁷. Важную роль в данном процессе играло развитие торговых связей между районами с различной хозяйственной специализацией. Например, в Дангчаунге происходил оживленный обмен между сельскохозяйственной житницей Зядиня и столичной провинцией Тхыатхиен с развитым ремеслом. Район Зядинь стал настолько важным поставщиком риса для столицы, что состояние урожая там определяло уровень цен на рынках Хюэ. Аналогичные связи устанавливались в Дангнгоае между рисопроизводящими районами дельты Красной реки и Ханоем.

Торговля между горными и равнинными районами имела довольно активный характер. Жители гор продавали различные сорта древесины, особенно строительный лес, лекарственные травы и сырье для приготовления благовоний, некоторые металлы. В обмен они получали буйволов, соль, рыбный соус, хозяйственную утварь, посуду, сельскохозяйственный инвентарь.

Процесс развития местных рынков шел по линии их расширения и увеличения роли в торговле между городом и деревней. Жители городов снабжали крестьян и помещиков ремесленными изделиями, сырьем для производства и т. п. При этом удельный вес продуктов промыслов и ремесла по сравнению с продуктами земледелия в местной торговле постепенно увеличивался.

Продолжался рост городов, возникших на перекрестках торговых путей. Некоторые из них, такие, как Хойан, Хохиен, Донгнай, Митхо, Нячанг, Куиньон, Куангнам, Хетам, Телон, превратились в центры не только внутренней, но и внешней торговли. Значительно расширились торговые функции старых экономических и административных центров — городов Ханоя и Хюэ. О степени развития торговли в Ханое свидетельствует даже одно из его названий — Кетьо, т. е. «Господин великий рынок»¹⁷⁸. Оживленный обмен товарами происходил и в торговом квартале Хюэ — Тханха. Из районов дельты рек Красной и Меконга в столицу Хюэ и Ханой поступали главным образом продукты питания и сельскохозяйственное сырье, а из северных и центральных провинций преимущественно изделия крестьянских промыслов и мелких городских товаропроизводителей. Складывание общевьетнамского рынка проявлялось также и в том, что в города Хюэ и Ханой приезжали с разнообразными товарами не столько крестьяне и ремесленники — непосредственные производители этих товаров,

¹⁷⁶ Подсчитано по: Le Quy Don Phu bien tap luc. Ha-noi.

¹⁷⁷ См.: Lich su Viet Nam. T. I, с. 321—322.

¹⁷⁸ См.: Doan Trong Truyen. Mam mong tu ban chu nghia... с. 6.

сколько посредники — профессиональные торговцы. Немаловажную роль в этом деле играли и китайские торговцы.

Торговцы-скупщики после продажи своих товаров в городах скупали там другие товары и везли их в обратном направлении. В этом случае торговцы эксплуатировали деревню посредством скупки сельскохозяйственного сырья по низким ценам и продажи его по высоким ценам в городах.

Вьетнамские торговцы в своем подавляющем большинстве были мелкими торговцами. Их деятельность преимущественно ограничивалась внутренним рынком. Ввиду того что вьетнамские торговцы не располагали крупным капиталом, им было не под силу полное подчинение ремесленного производства. Из-за слабости своих экономических позиций вьетнамские торговцы были не в состоянии оказать сколько-нибудь значительное влияние на общественную жизнь страны.

Развитие торговли и товарно-денежных отношений в первой половине XIX в. могло бы быть значительно более быстрым, если бы не тормозилось реакционной политикой феодальных правителей Вьетнама, особенно Минь Манга и Ты Дыка. Пытаясь проводить политику «презрения торговли», государство издало при них ряд законов, ограничивших внутреннюю торговлю и нанесших ущерб развитию внутреннего рынка. Торговля была ограничена очень сложной системой налогообложения. Существовали налоги на торговлю различными товарами, рыночные сборы, пошлины на перевозки и переправы через реки. На оживленных перекрестках дорог 51 таможня облагала налогом перевозки и торговлю только в южной части страны. А на севере, чтобы донести рис от Нам-диня до Нгеана, необходимо было уплатить пошлину девять раз¹⁷⁹. Такая система налогообложения вызывала порой резкое сокращение торговли. Об этом свидетельствует падение суммы налоговых сборов в середине XIX в. на 54%¹⁸⁰. Таким образом, основным препятствием на пути расширения товарного обмена и хозяйства являлись многочисленные таможенные барьеры и тяжелые налоги. Постоянные поборы обогащали правящие классы, но разоряли торговцев и ремесленников, сдерживали процесс накопления в их руках первоначального капитала.

Развитию торговли препятствовало также прямое изъятие государством товаров из хозяйственного оборота, т. е. неприкрытый грабёж и эксплуатация их производителей. Так, в огромных масштабах у крестьян и ремесленников изымались путем налогообложения продукты и изделия на содержание императорского двора в Хюэ. Это заметно отражалось на торговле. Другой формой изъятия из обмена части важных предметов торговли было установление монополии государства на продажу некоторых товаров. Государство временами частично или полностью закрепляло за собой монопольное право на продажу золота, серебра, меди, свинца, олова и ряда других металлов, принудительно скупала их по ценам, значительно ниже рыночных. Такие действия приводили к закрытию многих частных шахт, рудников, разорению их владельцев и сокращению продукции горнорудных промыслов.

Немаловажную роль в этом деле сыграла политика «уважения сельского хозяйства и презрения торговли» (чонг нонг, ык тыонг)¹⁸¹, более активно проводившаяся Минь Мангом. Главным источником доходов вьетнамского феодального государства веками служило сельское хозяйство. Поэтому уважение сельского хозяйства было естественным и имело свои исторические традиции¹⁸². Эта тенденция прослеживается и в правление династии Нгуенов, и особенно при Минь Манге.

Огромный ущерб развитию торговли, как внутренней, так и особенно внешней, нанесла политика «закрытых дверей». Она вызвала сокращение продажи внутри страны импортных товаров, которые имели некоторое значение для жизни населения. В то же

¹⁷⁹ Lich su Viet Nam. T. I, c. 379.

¹⁸⁰ Там же.

¹⁸¹ Tran Van Giau. Giai cap cong huan Viet-Nam. Ha-noi 1957, c. 12.

¹⁸² Thanh The Vy. Ngoai thuong Viet Nam hoi the ky XVII, XVIII va dau XIX. Ha-noi, 1961, c. 39.

время запрещение вести торговлю частным лицам закрыло важнейший источник первоначального накопления капитала для вьетнамских предпринимателей, заставило их перевести свои средства из сферы торговли и товарного производства в сферу ростовщических операций, расширения феодальной земельной собственности и т. п. А это, в свою очередь, тормозило развитие товарно-денежных отношений и сковывало социально-экономическое развитие страны.

Внешняя торговля. Внешняя торговля была тесно связана с задачей обеспечения экономической независимости и с проблемами внешней политики феодального вьетнамского государства первой половины XIX в. В большей части рассматриваемого периода правительство Нгуенов стремилось проводить политику «закрытых портов и таможен» (бе куан тоа канг)¹⁸³. Но эта политика осуществлялась не всегда строго последовательно. При Зя Лонге упомянутая политика проводилась в отношении лишь некоторых иностранных государств, при Ты Дыке политика «закрытых портов» осуществлялась более строго, чем при Минь Манге и Тхьеу Чи.

Политика «закрытых портов» вытекала из внешней политики вьетнамского феодального государства. Вьетнамский ученый Тхань Тхе Ви пишет, что «его (Вьетнама. — *Ред.*) правители никогда не забывали о том, что на севере есть страна, которая ранее неоднократно устанавливала свое господство над Вьетнамом на протяжении тысячелетий, и что она постоянно ждет удобного случая, чтобы захватить территорию Вьетнама. Помимо Китая свои алчные взоры устремляли на Вьетнам и другие страны, такие, как Франция, Сиам»¹⁸⁴. Развитие западноевропейского капитализма, сопровождавшееся захватническими колониальными войнами, вынуждало вьетнамское феодальное государство принимать действенные меры к защите своей территории. Такая ситуация и породила политику «закрытых портов и таможен».

Известный вьетнамский историк Дао Зуи Ань отмечает: «Несомненно, что правящая династия Нгуенов была убеждена в том, что торговля с западными странами могла бы принести некоторые выгоды Вьетнаму, но из-за боязни иностранного вторжения Нгуе-ны пошли на изоляцию как иностранных, так и своих собственных, вьетнамских, торговцев. Эти опасения заставили Нгуенов проводить политику «всяческого презрения торговли», политику «закрытых портов»¹⁸⁵. Однако эта политика, по сути дела, сводилась лишь к ограничению торговли с рядом стран, сокращению номенклатуры товаров, запрещению вступать в контакты с иностранцами. Всякий раз, когда опасность иностранного вторжения уменьшалась, правящая феодальная верхушка сама открывала двери для «дорогих гостей», какими были европейские купцы и торговцы из других стран.

Двойственность в проведении внешнеторговой политики отмечают для периода правления Зя Лонга все источники. Так, когда в 1803 г. англичанин Робер просил у Зя Лонга разрешения предоставить английским купцам возможность торговать в Чашоне (Дананг, пров. Куангнам), то последний ответил на это отказом. После того как англичане проявили настойчивость, направив свыше 10 военных судов вверх по течению Красной реки, они были разбиты неподалеку от Ханоя¹⁸⁶. Однако по отношению к своим «друзьям» — французам — Зя Лонг следовал другой политике. Французским торговым судам предоставлялись всяческие привилегии, вплоть до освобождения от уплаты пошлины. В отличие от Зя Лонга его преемники Минь Манг, Тхьеу Чи и особенно Ты Дык не только не предоставляли никаких привилегий французским купцам, но и требовали от них и от всех иностранных купцов уважения вьетнамских законов и проводили по отношению к ним политику «закрытых портов».

¹⁸³ Thanh The Vy. Ngoai thuong Viet Nam... с. 47.

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ Dao Duy Anh. Lich su Vietnam. Q. II. Ha-noi, 1955, с. 387.

¹⁸⁶ Thanh The Vy. Ngoai thuong Viet Nam... с. 52.

В XIX в. Англия и Америка неоднократно посылали свои торговые суда во Вьетнам для установления торговых отношений. Однако ни одна из этих стран не добилась успеха.

В XIX в. Франция постоянно искала пути установления торговых отношений с Вьетнамом и пользовалась большими преимуществами, чем Англия, поскольку династия Нгуенов опасалась Англии больше, чем Франции, в силу широкой колониальной политики, которую вела Англия в это время. В рассматриваемый период во Вьетнаме чаще других швартовались торговые и военные суда Франции. В 1819 г. два торговых судна Франции доставили для виа Зя Лонга 10177 ружей и закупили шелк и сахар¹⁸⁷. При Зя Лонге во вьетнамских портах продолжали швартоваться торговые суда из самых различных независимых стран Азии (Китай, Сиам) и колоний (Малайи, Филиппин, Индонезии, Индии, Макао), а также из некоторых европейских стран (Португалии, Голландии, Франции и др.).

Иностранные государства искали во Вьетнаме рынок для сбыта своих товаров. Иностранные купцы начали широко закупать вьетнамское сырье в обмен на промышленные товары своих стран. Китайские торговцы имели свои кварталы в различных городах Вьетнама. Они доставляли из Китая шелк, чай, фарфоровые изделия, цинк, изделия из железа, аптекарские товары и позолоченную бумагу, использовавшуюся в ритуальных обрядах. Один из европейцев, прибывших во Вьетнам, англичанин Кроуфорд, отмечал, что в 1822 г. из Сайгона в Китай направилось 30 судов общим водоизмещением 6500 т; из Файфо — 16, из Хюэ — 12 и из Северного Вьетнама — 38 судов. Общий тоннаж составил 17 тыс. т. Во Вьетнам ввозился из Китая (Гуандун) также опиум.

Из Японии ввозилось оружие (мечи, копья, кольчуги); из Сиам — лак, перламутр, олово, свинец, рис; из Индонезии (с о-ва Ява) — серебро, сандаловое дерево, бетель; с Филиппинских островов — серебро, сера, табак, воск, лак; из Сингапура привозили индийскую хлопчатобумажную пряжу; из Малайи — бумагу, олово, гвоздику, кардамон, сандаловое дерево; из Европы (Франции, Голландии и Португалии) — кожи, ткани, оружие, железо, медь, олово и т. д.

В большом количестве во Вьетнам завозились из различных стран товары повседневного пользования: швейные иглы, женские гребни, кухонная посуда (котлы, горшки из меди и чугуна, сковороды), фаянсовая посуда. Ввозился также черный перец, хотя в некоторых провинциях в небольшом количестве культивировался черный перец хорошего качества.

Из Вьетнама вывозили ценные и редкие товары: очищенный рис, кожи, соль, сушеную и соленую рыбу, смолу, различную древесину, благовония, мускус, слоновую кость, ласточкины гнезда, корицу, черный перец, масло. Вьетнамские торговцы занимали весьма слабые позиции по внешней торговле, тогда как китайские и японские играли в ней более важную роль. Последние выступали в этой стране в качестве посредников между местным рынком и европейцами: скупая у вьетнамцев шелк-сырец, сахар и другие товары, они затем перепродавали их европейцам.

Шелк и сахар европейцы закупали во Вьетнаме охотнее и в большом количестве. Вьетнамский сахар считался лучшим в Юго-Восточной Азии¹⁸⁸. В 1822 г. во Вьетнаме, по сведениям европейских купцов, производилось от 20 тыс. до 60 тыс. ц сахара. В 1820 г. два английских торговых судна закупили здесь 17 тыс. ц сахара. В 1845 г. из Вьетнама было продано около 20 млн. кг сахара.

После сахара и шелка важное место в экспорте Вьетнама занимало также золото; государство установило свою монополию на вывоз за границу золота, серебра, меди, свинца, олова и других металлов. Правительство проводило строгую политику запрета частным лицам вывоза из страны золота и серебра. Так, в 1839 г. был издан указ

¹⁸⁷ Там же.

¹⁸⁸ Там же, с. 113.

(распространившийся на пограничные с Китаем провинции, куда разрешалось прибывать китайцам для найма и торговли), по которому разрешалось использовать золото и серебро для обмена внутри страны и категорически запрещалось вывозить из Вьетнама ценные металлы¹⁸⁹. Лица, нарушившие этот указ, подвергались строгому наказанию.

Среди прочих вывозимых из Вьетнама товаров были лесные и морские продукты. К лесным продуктам относились: дикий кардамон, шампиньоны, корица, смола, различные породы ценной древесины. Из морских продуктов на внешний рынок Вьетнам вывозил: трепанги, сушеную рыбу, сушеные креветки, морской женьшень, жемчуг, панцирь морской черепахи.

Товары кустарных ремесел помимо шелковых тканей включали также дорогостоящие предметы ювелирного искусства из серебра и золота, изделия из лака, лакированную мебель, гончарные и фаянсовые изделия. Вьетнамские гончарные изделия также пользовались большим спросом. Европейские купцы закупали в большом количестве во Вьетнаме фаянсовые изделия из голубой глины. Из Вьетнама европейские купцы также охотно вывозили черепицу, которую особенно много закупали голландские купцы. Особым спросом пользовалась черепица из Батчанга.

На вывоз основной сельскохозяйственной культуры Вьетнама — риса — был наложен государственный запрет. Последний существовал вплоть до захвата Вьетнама Францией, когда рис стал важнейшей статьей вьетнамского экспорта в метрополию.

Вьетнам к середине XIX в. постепенно включался в мировой рынок. Вьетнамское правительство направило своих торговых представителей за границу для ведения переговоров о торговле: в 1839 г. в Батавию (Джакарту) были направлены Дао Чи Фу и Чан Ту Зинь; в Индию — Нгуен Дык Лонг и Ле Ба Ти. Торговые представители Вьетнама были посланы в другие страны Юго-Восточной Азии. Торговым советникам вьетнамского государства в Батавии (Джакарте) Чан Вьет Хыонгу и Тон Тхат Тхыонгу было дано указание зафрахтовать европейские суда и направить их за товарами в страны западной части Индийского океана. В 1843 г. император Тхьеу Чи вторично послал Дао Чи Фу и Чан Ту Зиня в Батавию, а Ле Май Ханя и Нгуен Конг Нгия с официальной торговой миссией в Сингапур.

Во Вьетнам прибывали иностранные торговцы не только для ведения непосредственной торговли с вьетнамцами, но и для осуществления между собой товарообмена, увозя вымененные товары в другие страны. Так было с черным перцем, который они привозили во Вьетнам не для продажи местному населению, а для того, чтобы продать торговцам других стран. Та же картина наблюдалась и с золотом, которое везли сюда на продажу китайцы, японцы, лаосцы.

Внешняя торговля страны во многом являлась монополией государства — в XVII—XVIII вв. феодальных домов Чиней и Нгуенов¹⁹⁰, а в XIX в. она была монополией императора. Так, в 1845 г. одна треть всего экспорта принадлежала императору.

Внешняя торговля была подчинена обслуживанию интересов господствующих классов вьетнамского феодального общества. Император и его приближенные закупали только те товары, в которых они нуждались для поддержания государственной власти (главным образом оружие) и для своих потребностей — предметы роскоши и украшения (медные изделия, позолоченные часы, висячие лампы, картины, зеркала, музыкальные инструменты и др.). Ввозимые во Вьетнам товары в первую очередь показывались и продавались императорскому двору и его сановникам и лишь затем прочему люду.

Н. Рондо писал о торговле Вьетнама начала XIX в.: «Король считает себя хозяином кораблей и торговцев и единолично распоряжается закупкой продукции в стране по дешевой цене...

Вьетнамские корабли ничем не уступают китайским и сиамским по своим размерам, по надежности и хорошо плывут по морю. Тем не менее вьетнамский король

¹⁸⁹ NCLS. 1963, № 52, с. 59.

¹⁹⁰ Thanh The Vy. Ngoai thuong Viet Nam... с. 112.

пользуется для своей торговли кораблями, построенными по европейскому образцу, которые вооружены как военные корабли. Эти корабли имеют тоннаж от 300 до 600 т¹⁹¹, перевозят королевские товары в Сингапур, Батавию, Гуандун, Бангкок и даже в Калькутту. Существуют ежегодные рейсы в Сингапур и Батавию, около десятка судов ведут прибрежную торговлю по приказу короля. Ежегодно вьетнамцы прибывают в Батавию с 15 до 20 марта и уезжают с 15 по 20 мая»¹⁹².

За пятилетний срок, с 1835 по 1839 г., из Вьетнама в Сингапур ежегодно прибывало пять судов грузоподъемностью 1300 т и отсюда отбывало четыре судна грузоподъемностью 1200 т. Приблизительно за это время из порта Луктинь (Намки) прибыли в Сингапур 42 судна грузоподъемностью 2980 т и отбыли 33 судна грузоподъемностью 2280 т.

Заходившие во вьетнамские порты иностранные суда платили пошлину. Ст. 133 свода законов Зя Лонга гласила, что «все торговые суда (т. е. суда иностранные.— *Авт.*), заходившие в порты, должны немедленно сообщить самым подробным образом о номенклатуре доставленных товаров с целью уплаты пошлины. Не перечисленные в декларации товары или перечисленные неполно подвергаются конфискации»¹⁹³.

В XIX в. во Вьетнаме имелось много пограничных таможен, особенно с 20-х годов. В 1831 г. только в одном Хойане имелось четыре таможенных управления, от уезда Лезьонг до Хойана— 10, от причала Бан в Шуойда до Хойана — 80, от рынка Тхилай в Зуисуене до Хойана — 60, от Суандая до Дайтыема и Дананга — 70 таможен. Всего в стране в 40-х годах было учреждено 220 таможенных пунктов¹⁹⁴.

С иностранных судов, швартовавшихся во Вьетнаме, взимали пошлины за ввозимые товары. Помимо этого купцы обязаны были делать сановникам двора подношения, которые состояли из ценных товаров. Взимание таможенных пошлин приносило вьетнамскому государству большие доходы. Так, к середине XIX в., по подсчетам миссионеров, ежегодный таможенный доход составил 3 млн. золотых франков при общей сумме бюджета в 40 млн. фр. В действительности доходы от таможенных пошлин были большими, поскольку многие чиновники присваивали себе значительную часть сборов.

Многие товары (корица, воск, ласточкины гнезда, черепаший панцирь, олени рога, слоновая кость, ценные породы древесины и т. д.) являлись монополией государства, выпадая таким образом из сферы торговли. Государство держало в своих руках также торговлю промышленным сырьем (медь, свинец, олово, никель, железо, селитра и др.).

Политика вьетнамского феодального государства в области внешней торговли, особенно в период правления Ты Дыка, бесспорно, во многом тормозила последнюю. Налоговые сборы взимались чистым серебром, в некоторых таможенных налогах уплачивались наполовину деньгами и наполовину серебром. На базе изучения налоговых поступлений¹⁹⁵ из таможенных пунктов всей страны можно сделать вывод о том, что состояние торговли во Вьетнаме с 1800—1820 гг. улучшалось и в дальнейшем, до 1843 г., торговля получила определенное развитие. Свидетельством этого является признание англичанина Кроуфорда, который писал, что вопреки распространенному ложному мнению о том, что во Вьетнаме, так же как и в Японии и Китае, все порты закрыты для европейских купцов, у него сложилось впечатление, что нигде в Восточной Азии нет такой свободы для европейских купцов, как в Кохинхине, где начиная с 1818 г. по указу императора все иностранные купцы пользуются одинаковыми правами¹⁹⁶. Тот же Кроуфорд в письме от 28 июня 1825 г. отмечал: «Наша торговля с Кохинхиной

¹⁹¹ Тонна — вес вьетнамской единицы, равной 2,83 м³ международной единицы тоннажа.

¹⁹² Thanh The Vy. Ngoai thuong Viet Nam... с. 112.

¹⁹³ Там же, с. 137.

¹⁹⁴ NCLS. 1961, № 33, с. 61.

¹⁹⁵ Там же, с. 59—61.

¹⁹⁶ Thanh The Vy. Ngoai thuong Viet Nam... с. 54.

продолжает развиваться. Однако, ввиду того что в этой стране (Вьетнаме. — *Авт.*) свирепствует голод, число судов, перевозивших товары в Сингапур, сократилось до 13»¹⁹⁷. В 1839 г., при императоре Минь Манге, общая стоимость экспорта достигла 1888423 фр. В 1841 г., при Тхиеу Чи, эта сумма возросла до 2 906 317 фр.¹⁹⁸.

Начиная с 1848 г., при виа Ты Дыке, началось свертывание внешней торговли¹⁹⁹. Иностранцам судам запрещалось заходить во вьетнамские порты, за исключением порта Дананг (Туран). Общее число судов, швартовавшихся в этом порту, было строго ограничено. На вывоз риса, соли, драгоценных металлов и ранее требовалось специальное разрешение от правительства, но теперь их старались не выдавать.

После утраты шести провинций Южного Вьетнама состояние торговли еще более ухудшилось (хотя официально она там не велась), что резко сократило поступления доходов в государственную казну²⁰⁰.

Проводимая государством в середине XIX в. политика «закрытых портов» тормозила развитие национальной торговли и экономики, усилив тем самым позиции китайских торговцев. Китайские торговцы занимались сбором таможенных пошлин у городских застав, причалов, ведали транспортировкой товаров. В последние годы правления Ты Дыка китайский двор основал во Вьетнаме «торговое отделение»²⁰¹.

Однако вьетнамский рынок в силу объективных причин развития все же постепенно включался в восточноазиатский и мировой рынок, свидетельством чего является проникновение в страну мексиканского доллара, используемого в качестве международной валюты для стран Тихоокеанского бассейна (вьетнамцы его называли «монетой с головой дьявола»). Об этом же свидетельствует активизация торговых отношений с Китаем, Сиамом, европейскими колониями в Малайе, Индии, на Филиппинах, в Индонезии, с Макао и некоторыми европейскими странами, такими, как Франция, Англия, Португалия и Испания.

Частичное расширение торговли заставило правительство унифицировать систему мер и весов и упорядочить денежное обращение. На территории всей страны имела хождение медная монета — донг. Широкое распространение получило также литье золотых и серебряных монет.

Консервативные меры феодального государства в области внешней и внутренней торговли не могли полностью задержать развитие капиталистических отношений. Несмотря на искусственные препоны и рогатки, ростки их все же пробивали себе дорогу, что соответствовало объективным законам развития вьетнамского общества. За развитие капитализма активно выступали отдельные передовые представители вьетнамской интеллигенции, побывавшие в странах Юго-Восточной Азии, Китае и Западной Европе. По возвращении на родину эти лица (Нгуен Чыонг То, Фан Тхань Зян, Динь Ван Диен, Нгуен Хюэ Те, Ле Динь и др.) выступали за проведение социально-экономических и политических реформ, доказывали необходимость развития науки, техники, вступления страны на путь технического прогресса. Указанные лица осуждали старые, отжившие порядки и выступали за проведение в стране коренных преобразований. В 1863 г. Нгуен Чыонг То²⁰² представил правительству проект реформ в трех томах, среди которых предусматривались меры по развитию торговли и указывалось на необходимость прекращения политики «закрытых портов»²⁰³.

¹⁹⁷ Там же, с. 54—55.

¹⁹⁸ В 1844 г. король Тхиеу Чи купил у Франции судно за 280 тыс. куанов.

¹⁹⁹ Lich su Viet Nam. T. I, с. 379.

²⁰⁰ NCLS. 1961, № 33, с. 58; Dutreil de Phins. Le royaume d'Annam et les annamites, 1879.

²⁰¹ NCLS. 1961, № 33, с. 62.

²⁰² Нгуен Чыонг То родился в 1828 г. в деревне Буйтю уезда Хынггуен провинции Нгеан; учился у католических миссионеров. После 1858 г. стал путешествовать: был в Сингапуре, Гонконге, Франции и других странах (см.: N015. 1961, № 23, с. 19).

²⁰³ Tran Van Giau. Chong xam lang. Q II. Bac-ky khang Phap. Ha-noi, 1957, с. 22—23.

Подводя итоги развития горнорудных промыслов, ремесла и торговли, следует отметить, что наиболее важным явлением в социально-экономической жизни Вьетнама первой половины XIX в. было дальнейшее развитие товарно-денежных отношений и расширение сферы применения наемного труда, рост торгового капитала. В некоторых отраслях промышленности (гончарная, текстильная и рисоочистительная) в недрах феодализма уже имелись элементы новых, капиталистических хозяйственных отношений (мануфактуры капиталистического типа на ранней стадии своего развития).

Однако еще рано было говорить о том, что феодализм во Вьетнаме уже полностью исчерпал все возможности своего развития, он еще имел определенную историческую перспективу, переходя к своей поздней стадии.

Город

В XVIII—XIX вв. наиболее значительное развитие получили главные города севера, центра, юга и особенно портовые города в южной части страны.

В Ханое к XVIII в. сложился устойчивый центр товарного производства, ремесла и торговли всего севера. Ремесло, отделившееся в особую отрасль производства с ярко выраженным мелкотоварным характером, сконцентрировалось в основном в столице и ее пригородах. Так, при увеличении на севере общего количества специализированных ремесленных поселений — фыонгов — в 10 раз более 50% из них сосредоточилось в Ханое и прилегающем районе²⁰⁴.

Важным, хотя и не таким крупным, как Ханой, экономическим центром был город Хюэ. При династии Нгуенов он стал столицей, что наложило заметный отпечаток на характер его развития. В столичном районе (Тхуанхоа) сложился ремесленный комплекс, образовался местный рынок. Цай Тинь Лань так описывает Хюэ: «Город окружен кирпичной стеною, весьма крепкою и довольно красивою... высотой более 10 футов, а в окружности 4—5 футов, имеет восемь ворот... В излуцинах реки стоит множество военных и купеческих судов, также и перевозных барок под соломенными навесами. Близ города, с четырех сторон, находятся хорошо обстроенные торговые площади; на них бесчисленное множество всяких товаров; дома обывателей построены ровно, все чисты и красивы»²⁰⁵.

Интересные сведения о жизни Хюэ XVIII в., его архитектуре приводит в своей книге видный ученый феодального периода Ле Куи Дон. Он писал: «Территория Фусуана обширна, около 10 замов²⁰⁶... в центре, на возвышенном месте, императорская резиденция, построенная в направлении с северо-запада на юго-восток. С основания города прошло всего 90 лет, а наверху уже построены храмы для богослужений с многочисленными внутренними галереями, внизу — жилые дома».

В большом городе, вне стен цитадели, вдоль широкой центральной улицы, по свидетельству Ле Куи Дона, располагались верфи и продовольственные склады, рынок и связанные с ним торговые кварталы. Протекавшая через столицу река служила важнейшим транспортным путем, связывающим город с сельской округой. В описании Ле Куи Дона видно заметное социальное расслоение жителей города. Дворец охраняли размещенные вокруг него сухопутные и морские войска. Влиятельные придворные выбрали для жилья лучшие места по берегам реки, где построили свои дома и разбили сады.

Портовые города играли важную экономическую роль, особенно на юге. Они являлись центрами внешней торговли, а также конечными пунктами закупочной торговли, которая велась во внутренних районах. В Сайгон и другие южные порты Вьетнама приходили корабли из Китая, Японии, Малайи, Сиамы, других стран Азии и из Европы.

²⁰⁴ М. А. Чешков. Очерки истории феодального Вьетнама... с. 65.

²⁰⁵ Записки китайца об Аннаме. Восточный сборник. Т. 1. СПб., 1877.

²⁰⁶ Зам — вьетнамская мера длины, равная 432 м.

Другими развитыми портовыми городами были Дананг, Вунглям, Хоангша, Танкуан и др. Ханой, Хюэ и Сайгон также являлись городами-портами если не внешними, то внутренними.

Во Вьетнаме помещичье землевладение сложилось только к XVIII в. и при этом характеризовалось преобладанием мелкой частнофеодальной собственности. Поэтому здесь не было фигуры крупного всевластного феодала, который подчинил бы себе город и с которым шла ожесточенная борьба. Слабый вьетнамский помещик не мог противопоставить себя городу и повлиять на его развитие.

Уже к началу XIX в. во Вьетнаме сложились условия для развития новой массовой формы городской жизни, а города стали играть все большую роль в жизни вьетнамского феодального общества. Это явилось прямым следствием сдвигов, происшедших в его социально-экономической структуре и связанных с переходом на стадию позднего феодализма. Развитие частнофеодальной системы сопровождалось ускорением развития производительных сил, углублением общественного разделения труда, изменением производственных отношений. Таким образом, сам уровень социально-экономического развития общества обусловил широкое распространение городских форм жизни.

Рост городов происходил в основном по двум путям. Во-первых, усилился процесс концентрации ремесла и торговли в столицах. В то же время усилилось и обрастание ремесленными и торговыми поселениями административных центров. Значительного развития достигли такие из них, как Фохиен (пров. Хайхынг), Хойан (пров. Куангнам), Тханьха (пров. Тхыатхиен), Зядинь (Сайгон, пров. Зядинь). В этих городах сосредоточивалось все больше ремесленников и торговцев, оживленно функционировали рынки, появлялись лавки иностранных купцов²⁰⁷. Процесс постепенного превращения городов — административных центров в местные экономические центры в основном шел на территории Северного и Центрального Вьетнама, где существовала веками сложившаяся и устоявшаяся административная структура. На юге же преобладал путь развития города из возникавших на новых местах торгово-ремесленных поселений. Здесь административная структура только образовывалась в XVIII в. в ходе освоения вьетнамцами новых земель. На новых, свободных от аграрного перенаселения территориях сформировалось более сильное, чем на севере и в центре, частное землевладение. В то же время на юге еще быстрее происходили распад деревенской общинной организации, ослабление внутриобщинных связей, что привело к углублению лежавшего в основе развития города процесса отделения ремесла от сельского хозяйства.

Отсутствие в южной части страны городов, монополизировавших, подобно Ханюю и Хюэ, ремесло и торговлю в прилегающих областях, также способствовало возникновению здесь ряда новых экономических центров. Развитие на юге городской жизни было облегчено одновременно тем, что здесь слабее проявлялось влияние консервативных устоев феодального общества, особенно в условиях притока на осваиваемые земли новых групп населения.

Торгово-ремесленные городские поселения возникали в южной части страны на местах рынков, промыслов, перекрещивания сухопутных и особенно водных торговых путей, выращивания и обработки технических и прочих культур, производства ремесленных товаров, вокруг рудников. Часто город вырастал в результате соединения нескольких подобных экономических организмов. Ярким примером развития на юге города из небольшого торгово-ремесленного поселения является Сайгон, ставший в середине XIX в. вторым по значению после Ханоя экономическим центром Вьетнама.

Прообразом Сайгона являлся торговый центр, сложившийся на берегу р. Донгнай. Уже в XVII в. он имел важное экономическое значение. По реке сюда приплывали торговать вьетнамские и китайские джонки, малайские, голландские и португальские корабли. Это место использовали для стоянки даже испанские военные суда.

²⁰⁷ См. Lich su Viet Nam. т. 1. с. 301.

Дальнейшему развитию Сайгона способствовало расселение здесь в 1777 г. солдат крестьянской армии Тэйшонов, которые провели большие работы по перестройке Сайгонского порта и углублению каналов для облегчения водного сообщения между Сайгоном и дельтой р. Меконг. Уже в этот период Сайгон фактически стал главным городом южной части Вьетнама. В 1790 г. Нгуен Ань построил цитадель города, внутри которой располагались храм предков, склады, пакгаузы, оружейный завод. Крепость играла важную военную роль до 1836 г., когда Минь Манг разрушил ее как центр восстания Ле Ван Кхоя.

Одновременно с расцветом цитадели Сайгона продолжал развиваться и город вокруг нее. Правда, как показывает карта 1815 г., Сайгон состоял тогда всего из одной улицы (собственно Сайгона) и большого торгового квартала (Телон)²⁰⁸. Но и в то время иностранцы, посещавшие южную часть страны, отмечали размеры Сайгона и активность экономической жизни в городе. Американец Уайт назвал Сайгон «одним из главнейших городов Кохинхины» и оценил его численность в 24 тыс. человек²⁰⁹. А вот, как описывал свои впечатления другой европейский путешественник: «Улицы прямые, широкие и удобные; численность населения значительна»²¹⁰. Расцвет торговли в Сайгоне отмечало и официальное издание династии Нгуенов по географии страны, описывающее восемь рынков, располагавшихся на его территории²¹¹.

«Свободное» образование городов хотя и было более характерно для юга в силу сложившихся там условий, но имело также место и на севере, что подтверждает наличие общего для всего Вьетнама характера процесса развития городской жизни. В конце XVIII — начале XIX в. в дельте Красной реки и в районе китайской границы происходил быстрый рост городских поселений в результате объединения ремесленных, горнорудных и торговых поселений. Во всей стране в основе процесса создания новых городских поселений вне традиционных административных центров лежали такие факторы, как развитие мелкотоварного ремесленного производства и товарного хозяйства частного феодала, между которыми налаживался обмен посредством рынка.

Распространенным типом небольшого городского поселения на юге был так называемый тхуок. Имели место также комплексы из двух-трех тхуоков. Тхуок, являясь административной единицей провинциального подчинения, представлял собой объединение поселений, незначительная часть которых была сельскохозяйственными, а большинство — специализированными ремесленными поселениями (фыонгами). Все они располагались на компактной территории и имели общее название. Тхуоки включали от 2 до 80 фыонгов, что зависело от степени разделения труда, уровня специализации, специфики отрасли ремесленного производства. Каждый тхуок, как правило, представлял какую-либо одну отрасль ремесленного производства и имел внутреннюю специализацию по фыонгам, что свидетельствует о высоком уровне отделения ремесла от сельского хозяйства. Это подтверждается и тем, что одновременно фыонги имелись и в самой сельской местности. Таким образом, подобные городские поселения занимались товарным производством для деревни, которая лишь частично удовлетворяла свои потребности в ремесленных товарах повседневного назначения.

Городские поселения типа тхуоков (порой они назывались дои) стали к XIX в. крупными специализированными центрами ремесла в южных районах страны и выпускали здесь основную часть ремесленной продукции.

В Куангнаме образовалось два городских центра шелкоткачества, один — кораблестроения, один — по изготовлению циновок, один — по изготовлению ламп, два — по производству масла и благовоний. Обычно производство продукции в тхуоках

²⁰⁸ Etudes vietnamiennes. 1976, № 45 с. 13.

²⁰⁹ Путешествие в Кохинхину. — Казанский вестник. 1826, ч.16, кн. 1, с. 31, 37.

²¹⁰ J. Bouchot. Saigon sous la domination cambodgienne et annamite, Saigon, 1926, с. 87.

²¹¹ Dai Nam nhat thong chi. Ha-noi. 1971.

имело полный цикл. Так, в центре шелкоткачества пользовались собственным сырьем с посадок шелковицы, производили различные сорта тканей, окрашивали их.

В новых ремесленно-торговых объединениях углублялось имущественное неравенство, возникали зачатки будущей мануфактуры. Например, в корабельном тхуоке ремесленники, соорудившие судно, были его совладельцами и участвовали в торговых операциях. В то же время здесь имелись наемные рабочие (иногда более половины жителей тхуока), которые этими правами не пользовались.

Ряд городских поселений на юге, как и на севере, специализировался на добыче полезных ископаемых, разработке сырья и древесины, рыболовстве и овощеводстве и уже на этой базе производили ремесленную продукцию и продукты питания (например, изготовление рыбного соуса на местах рыболовства, ювелирных изделий на местах добычи золота). Добыча и обработка золота, значительные запасы которого имелись на юге, получили особенно широкое развитие. Здесь сложилось пять центров, из которых три были крупными. Важное экономическое значение имел центр по разработке залежей соли, обслуживавший весь юг.

Незначительное число городских ремесленных поселений с широким производственным профилем выпускало, как правило, продукцию, имевшую общую сырьевую базу. Так, в одном из них (в уезде Куиньон), производившем главным образом различные сорта бумаги, изготавливались также масло, вино и лекарства. Тот факт, что большинство тхуоков специализировалось в какой-либо одной отрасли производства и выпускало количество продукции, рассчитанное на более обширные районы, подтверждает существование нескольких местных рынков, широкое развитие торговли между городскими поселениями и сельской местностью, без чего невозможно функционирование подобного экономического механизма. :

Сельские жители покупали орудия земледелия, предметы быта, соль. Население городов, промысловых районов и районов выращивания технических культур приобретало на рынках продукты питания. Такие рынки часто появлялись в местах расположения городских поселений. Примером может служить Телон, «большой рынок», образовавший торговый пригород Сайгона.

В целом ремесленно-торговые городские поселения стали играть в XIX в. самостоятельную роль в экономической жизни страны.

На юге имелось к началу XIX в. от 30—35 до 45—50 городских поселений типа тхуоков, что, безусловно, говорит о заметном развитии городской жизни в этой части страны, учитывая существование еще и портовых торговых центров. Население тхуока колебалось в пределах от нескольких сот до 5 тыс. человек, часть из них занималась сельским хозяйством. В первую очередь это было население, которое не входило в фьонги и, живя земледелием, обеспечивало тхуок минимумом продуктов питания. Оно также занималось выращиванием необходимых для ремесленного производства технических культур, разработкой для него источников сырья и металлов.

Подтверждением промежуточного положения жителей городских поселений между ремесленником и крестьянином является характер их налогообложения. Хотя основной налог с производства (тхо шан) они платили ремесленной продукцией или деньгами, а подушные платежи (более десяти видов) — в основном деньгами, в ряде тхуоков население платило земельный налог и подушные сборы натурой (обычно рисом).

Торгово-ремесленные поселения, возникавшие во Вьетнаме в XVIII—XIX вв., таким образом, не утратили окончательно связь с сельским хозяйством. Полуаграрный характер многих городов был типичен для тогдашнего Вьетнама.

Ремесленно-торговые поселения, получившие в XVIII—XIX вв. широкое распространение на севере и особенно на юге Вьетнама, несмотря на сохранение в них сельскохозяйственного элемента, обладали всеми признаками городов. Городские поселения, как правило возникавшие стихийно, получали поддержку от государства. При основании императорской инвеститурой им давалось разрешение на существование и

одновременно жаловался официальный культ. Фактически города получали самоуправление и государство не занималось строгой регламентацией городской жизни, которую жители организовывали согласно своим интересам.

Структура городского управления почти полностью была скопирована с общинной организации. Многовековое существование во Вьетнаме общины оказало решающее влияние и на городские поселения. Последние, образуясь на основе сельских и ремесленных общин, в условиях разрушения общинной производственной организации заимствовали главным образом ее юридические формы.

Особенности возникновения вьетнамского города — экономического центра не способствовали развитию в нем цехового строя, подобного тому, который существовал в Европе. Деление ремесленников и торговцев внутри городской общины соответствовало их принадлежности к специализированным ремесленным и торговым поселениям (фьонг и фо), образовавшим город. Относительная свобода вьетнамских городов, отсутствие в них фигуры всевластного феодала также не стимулировали создания узких корпоративных объединений в форме цехов ремесленников и гильдий купцов для защиты общих интересов и приобретения привилегий. Еще одним препятствием к какому-либо другому групповому делению населения было наличие строго регламентированных государством категорий городских жителей.

Фактически деление на категории отражало социальный состав городского населения. Высшую социальную группу, которой и принадлежала власть в городе, составляли государственные чиновники, ростовщики и крупные купцы. Привилегированное положение занимали также военные, в первую очередь офицерство. Далее следовала наиболее многочисленная, также полноправная категория ремесленников, торговцев и лиц, занимающихся сельскохозяйственным трудом. Часто ремесленника трудно было отличить от мелкого торговца, так как и тот и другой занимались одновременно изготовлением и продажей товаров. Еще ниже на социальной лестнице располагались группа лиц, работавших по найму, и обширный в условиях тесной связи вьетнамских городов с речным и морским хозяйством слой матросов, лодочников, перевозчиков и т. п. Наконец, на самом дне города, образуя своего рода люмпен-пролетариат, находился отряд бедняков (нищих), беглых, преступников. Подобное деление населения на категории свидетельствует о том, что социальное расслоение и имущественная дифференциация довольно далеко зашли во вьетнамских городах к началу XIX в.

Сложившиеся в конце XVIII — начале XIX в. условия открывали благоприятные перспективы для роста городских поселений, их эволюции к развитому городу, расширения и экономического укрепления столичных и портовых центров, развития в городах ремесла и торговли, зачатков капиталистического способа производства.

В целом же вьетнамский город, хотя товарно-денежные отношения в стране достигли довольно высокого уровня, оставался в середине XIX в. феодальным городом. Развитие ремесла и торговли в нем не пошло дальше зарождения первичных элементов капитализма в форме простой кооперации и мануфактуры, слоя наемных рабочих.

Глава 3

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Во внешней политике вьетнамского государства первой половины XIX в. можно проследить три основных направления.

Активную политику вьетнамское феодальное государство проводило в этот период в отношении своих непосредственных соседей на Индокитайском полуострове — двух лаосских княжеств Вьентьян и Луангпрабанг и Камбоджи, за влияние на которые Вьетнам вел непрерывную борьбу с Сиамом.

Правящая верхушка проводила линию на поддержание и укрепление связей с феодальным Китаем.

В отношении стран Запада Вьетнам осуществлял по большей части изоляционистскую политику.

Столь неодинаковый подход к различным региональным направлениям вьетнамской внешней политики этого периода имеет свое объяснение как в плане социально-экономических условий, которые сложились в стране в первой половине XIX в., так и в плане международного положения Вьетнама. Что касается последнего, то немаловажное значение при этом имели искаженные представления вьетнамских правителей о месте Вьетнама в мире, а также те традиционные, веками существовавшие стереотипы, которые характеризовали отношения стран в этой части тихоокеанской Азии.

Иллюзорное представление о месте Вьетнама в мире культивировали сами Нгуены, когда они, копируя китайский образец, также объявляли себя то Срединной империей — Чунг куок, то Поднебесной, по отношению к которой все остальные народы и государства были варварской периферией. Варварами считались и европейские страны. Достаточно упомянуть, что среди 13 стран, которые император Вьетнама Зя Лонг официально объявил своими данниками в 1815 г., помимо действительных данников — Камбоджи, Вьентьяна, Луангпранга, Чанниня и двух небольших княжеств Тхуиса и Хоаса — значились Бирма, Франция и Англия¹. В 1816 г. Зя Лонг отозвался об Англии как о «маленьком варварском государстве», и даже в 1845 г., после поражения, которое нанесла Англия Китаю в «опиумной» войне 1840 — 1842 гг., что свидетельствовало о ее мощи, император Тхьеу Чи и его приближенные квалифицировали подарки английского короля как дань². На практике, однако, политика Нгуенов была гораздо более прагматичной, чем следовало из подобных деклараций, и, как указывалось выше, вьетнамские власти осуществляли дифференцированный подход к разным странам, учитывая те конкретные реальности, с которыми им приходилось сталкиваться.

Например, на вьетнамско-китайские отношения первой половины XIX в. определяющим образом влияло то обстоятельство, что в Цинской империи назревал глубокий внутренний кризис, выразившийся, в частности, в усилении феодальной эксплуатации крестьян, в росте антифеодальных и антимагньюрских движений, в разложении бюрократического аппарата и неспособности отсталой армии обеспечить безопасность государства, над которым нависла угроза вторжения капиталистических держав. В таких условиях цинский двор стремился сохранить в лице Вьетнама дружественного соседа, который мог бы сыграть роль государства-буфера. К тому же еще очень свежо в памяти цинских феодалов было то поражение, которое потерпели армии маньчжурского императора Цянь Луна, совершившие агрессию во Вьетнам против Тэйшонов всего десятилетие назад. Поэтому позиция цинской дипломатии отличалась в этот период невмешательством как во внутренние, так и во внешние дела Вьетнама. Цинский император охотно поддерживал всякого реального обладателя власти, согласного сохранять традиционные отношения с Китаем, признавая номинально свое вассальное положение.

Правители Вьетнама, где в первые десятилетия XIX в. происходило восстановление и укрепление феодального режима, расшатанного крестьянской войной Тэйшонов, тоже были заинтересованы в поддержании мирных отношений с северным соседом.

Взросшая активность западных держав (хотя в начале века и не угрожавших Вьетнаму) побуждала вьетнамскую правящую верхушку искать защитника в лице Китая. В глазах вьетнамских феодалов цинский Китай продолжал оставаться олицетворением могущества и силы.

¹ Phan Truc Truc. Quoc Su Di Bien tap thuong. Saigon, 1973, с. 260.

² DNTL, t. 25, с. 335-336; Modern Chinese History. Selected Readings by H. Mac Nair. Shanghai, 1923, с. 116.

Положение Вьетнама на Индокитайском полуострове в первой половине XIX в. определялось в основном соперничеством с Сиамом за влияние на окружающие государства. Феодальная внешнеполитическая доктрина двора Нгуенов рассматривала соседние страны как буфер, как щит, прикрывающий сам Вьетнам от удара со стороны внешних сил, прежде всего Сиам. Именно поэтому феодальные власти Вьетнама с готовностью откликались, например, на призывы о помощи, идущие от враждующих между собой группировок камбоджийского двора, и поддерживали ту из них, лояльность которой в дальнейшем была гарантирована.

Что касается самих этих стран, то они, как правило, объявляли себя вассалами и Сиам и Вьетнама одновременно. Степень реального преобладающего влияния двух соперников в зависимых странах в разное время не была одинаковой. Соответственно менялся и сам характер вьетнамо-сиамских отношений: добрососедские в самом начале XIX в., они становились откровенно враждебными по мере укрепления империи Нгуенов и перерастали в конце концов в войны из-за влияния в Лаосе и Камбодже.

Вьетнамо-бирманские связи в этот период носили спорадический характер и имели место по инициативе Бирмы. Немногочисленные посольские миссии из Бирмы направлялись главным образом в затруднительные для этой страны моменты, когда она искала союзников в борьбе со своим традиционным противником — Сиамом. Именно такую цель преследовало, в частности, бирманское посольство 1823—1824 гг.³

Нгуены были хорошо осведомлены о ситуации в странах Юго-Восточной и Южной Азии. Вьетнамские купцы и должностные лица часто бывали в уже захваченных европейцами странах: Сингапуре, Индонезии, на Филиппинах, в Индии. Индию, где позиции европейских колонизаторов были особенно сильны, во Вьетнаме называли «Тьеу тэй» — «малый Запад». В Сингапуре проходили практику учащиеся школы переводчиков «Куан ты зить». Именно в этих странах вьетнамцы знакомились с образцами западной военной техники, к которой проявляли большой интерес, а также с тактикой морского боя Великобритании, чей приоритет в этой области во Вьетнаме признавали и чей опыт стремились использовать⁴.

Что касается политики по отношению к странам Запада, то ее шло преимуществу изоляционистский характер был обусловлен рядом факторов.

Прежде всего в этой связи следует указать, что стремление оградить Вьетнам от контактов с Западом представляло собой реакцию на экспансию западных колониальных держав, которая начала заметно активизироваться с начала столетия. Захватническая политика Англии в Индии, Бирме, Сингапуре, первая «опиумная» война в Китае побуждали феодальные правящие круги Вьетнама искать способы защиты от этого натиска. Свое спасение от западной угрозы вьетнамские феодалы видели в ограничении, а в отдельные периоды в пресечении отношений с западными странами по всем линиям.

Вместе с тем первые же контакты с Западом показали, что традиционная практика международных отношений вьетнамского государства находится в резком противоречии с нормами международных отношений, которые капиталистический мир столь активно навязывал в это время таким странам Востока, как Китай, Япония или Вьетнам.

Достаточно сказать, что во Вьетнаме, так же как и в Китае, не было специального внешнеполитического ведомства. Решение всех вопросов, связанных с иностранцами, было исключительной прерогативой императора. В конце 30-х годов была учреждена специальная служба экстренного оповещения императора о всех европейских судах, прибывающих во вьетнамские воды⁵.

³ Nguyen The Anh. Some Remarks on Indochinese Diplomacy in the Early 19th Century. *Asian Affairs*, vol. 63, p. III, October 1976, c. 315.

⁴ DNTL. T. 20, c. 127, 252; / 21, c. 194.

⁵ DNTL. T. 20, c. 246.

Посредниками между императором и иностранцами выступали чаще всего ведомство обрядов (бо ле) и палата тхьонг бак, наделенные самыми разнообразными функциями помимо внешнеполитических.

В 1836 г. при тайном совете (ко мат) были сформированы два бюро — Северное и Южное (Бак тьонг кинь и Нам тьонг кинь). Северное бюро отвечало за оформление документации, связанной с Китаем. В компетенцию Южного бюро входили отношения с южными соседями, а также контроль за деятельностью европейских купцов. Однако и эти органы не были внешнеторговыми в полном смысле этого слова, т. е. помимо указанной работы они выполняли многообразные функции, связанные с внутренними делами соответственно северной и южной частей страны⁶.

Между тем западные державы предпринимали бесцеремонные попытки «открыть» страны Востока для торговли, добиться разрешения для пребывания и деятельности коммерсантов и миссионеров, учредить постоянные дипломатические представительства и создать для взаимоотношений договорную основу; последняя была призвана обеспечить стабильность отношений и закрепить привилегии, которых домогались западные партнеры. Эти попытки встречали сопротивление двора и высшего чиновничества, видевших в предотвращении контактов с Западом средство избежать вторжения чуждой и поэтому опасной системы взглядов и отношений. Основу политики изоляции составляла социально-экономическая отсталость вьетнамского общества; феодальный характер экономики и общественных отношений способствовал импульсам к самоизоляции от внешнего мира. Правители Вьетнама, представлявшие свою страну с ее богатыми естественными ресурсами как замкнутую систему, самостоятельно обеспечивавшую свои основные потребности, не видели необходимости в широких и стабильных международных контактах.

Император Минь Манг заявлял в 1835 г.: «Мы посылаем военные корабли в разные страны для того, чтобы познакомиться с морскими путями и обстановкой, а не потому, что ищем выгоды. Если говорить о выгоде, то не в товарах испытывает нехватку наша страна и мы не нуждаемся ни в чем, что надо было бы искать далеко»⁷. На самом деле Запад обладал и тем, что Нгуены при всей своей ксенофобии высоко ценили и хотели использовать. Речь идет прежде всего о западной военной технике, которую Нгуены охотно покупали. Английский порох был объявлен ими лучшим в мире. В конце 30-х годов во Вьетнаме была предпринята попытка скопировать двигатель парохода, купленного в Европе. Однако без консультаций с западными специалистами она окончилась неудачей. К 1840 г. у Нгуенов было три парохода, но все они были западного производства⁸.

Было бы неправильным считать, что Нгуены вовсе отказывались торговать с Западом. Умеренная торговля в специально отведенных портовых городах, не имеющая продолжением установление дипломатических отношений, закрепленных договорами, предоставление всем западным странам равных возможностей в отношении торговли — вот те принципы, на которых строили свои отношения с Западом Нгуены в первой половине XIX в. Однако надо сказать, что при дворе Нгуенов имелась группа крупных сановников, олицетворявших ультраконсервативное направление, которые выступали за абсолютную изоляцию Вьетнама от Запада, за политику «закрытых дверей». В торговле с Западом они усматривали «путь проникновения варваров» в страну. «Нам надо: прежде всего закрыть двери, не разрешать им приезжать, отгородиться от них наглухо, чтобы им

⁶ DNTL. T. 28, с. 116—117, 1. III, с. 340; Подробно см.: Nguyen The Anh. Kinh te va xa noi Vietnam doi cac vua trieu Nguyen. Saigon, 1971, с. 251.

⁷ DNTL. T. 17, с. 217.

⁸ Nguyen The Anh. Kinh te..., с. 258; A. Woodside. Vietnam and the Chinese Model. A Comparative Study of Vietnamese and Chinese Government in the First Half of the Nineteenth Century. Cambridge, 1971, с. 283.

негде было про нас выведывать...» — такую политику предлагали Минь Мангу в 1840 г. его ближайший советник Ву Дык Кхюе и др.⁹.

Нежелание Нгуенов допустить во Вьетнам иностранцев может быть объяснено боязнью нарушить изоляцию Вьетнама, которая была первым условием сохранения старых порядков в стране. Вторжение «извне» вьетнамские феодальные власти прямо связывали с возможностью возникновения внутренних смут. В то же время, понимая неизбежность контактов с западными странами, Нгуены в 1836 г. основали специальную школу «Куан ты зить», где молодые люди приобретали специальность переводчика.

Характерно, однако, что вместе с тем были приняты меры, чтобы школа не превратилась в канал проникновения в страну чуждого образа мысли. Столь велико было внимание к этому аспекту дела, что сам император счел необходимым дать соответствующую установку: «Страна наша продолжает следовать учению Мэнцзы и Конфуция, и необходимо всемерно оберегать юношей от растленного влияния заморских учений, под которое они, зная язык, так легко теперь могут подпасть», — подчеркивал Минь Манг. В качестве примера Минь Манг часто напоминал придворным о той «неприятной метаморфозе», которая произошла с его братом принцем Ань Зюе, побывавшим с епископом Адранским во Франции, после чего потом было трудно вытравить из него «западного человека»¹⁰.

Таковы основные направления и характерные черты внешнеполитической деятельности династии Нгуенов во Вьетнаме в первой половине XIX в.

Теперь рассмотрим отношения вьетнамского государства с отдельными странами.

Вьетнам и Китай

Придя к власти, Нгуен Ань, принявший имя Зя Лонга, стремился восстановить и укрепить традиционные отношения с цинским двором.

Уже в мае 1802 г. Зя Лонг снаряжает посольство Чинь Хоай Дыка с «данью» в Китай¹¹. Однако, будучи уже фактически хозяином всей страны, осторожный Зя Лонг еще не решается запрашивать инвеституру. Этому посольству было поручено лишь вернуть цинским властям печать данника и книгу с инвеститурой, которые были в свое время даны в Китае сыну Куанг Чунга и захвачены Нгуен Анем при взятии Хюэ (1801 г.). Это же посольство везло для выдачи китайским властям партию пиратов и беженцев из Китая, а также письмо Зя Лонга маньчжурскому императору, подтверждавшее статус Вьетнама как данника Цинской империи. Посольство Чинь Хоай Дыка имело также поручение сообщить китайским властям о желании Зя Лонга установить традиционные отношения с Китаем¹². В конце 1802 г. Зя Лонг приступил к снаряжению в Пекин миссии, в задачу которой уже входил запрос инвеституры на правление, а также разрешения на смену названия страны. «Дань», которую везло с собой посольство Ле Куанг Диня, состояла из драгоценного растения кинам, различного рода шелковых и газовых тканей и не включала золота и серебра. В Гуанси к Ле Куанг Диню присоединилось прибывшее туда раньше посольство Чинь Хоай Дыка. Оба посольства были доставлены в столицу и приняты со всеми почестями.

В 1803 г. император Китая отдал приказ выдать Зя Лонгу инвеституру и печать данника. В начале 1804 г. инвеститура была торжественно вручена Зя Лонгу. Одновременно были обнародованы два указа китайского императора — о дани и о

⁹ DNTL. T. 22, с. 293.

¹⁰ DNTL. T. 17, с. 65, 126; 1 20, с. 250—251.

¹¹ Bang Ciao trong Kham-Dinh Dai-Nam. Hoi-Dien Su Le. Saigon, 1968, с. 15 (далее — Bang Ciao...)

¹² Ch. Maybon. Histoire moderne du pays d'Annam (1592—1820). P., 1920, с. 375; DNTL. T. 3, с. 29—

названии страны¹³. Что касается дани, то порядок ее вручения остался таким же, как при Тэйшопах. Вьетнам должен был посылать даннические миссии каждые два года и освобождался от включения в состав дани золота и серебра. Дань, ограничивавшаяся лекарственными травами, слоновой костью, рогами носорога и шелком, становилась чисто номинальной¹⁴.

Что касается изменения названия страны, то известно, что Зя Лонг требовал у китайского императора санкционировать замену названия Аннам (Аньнань), что означало «умиротворенный юг», на Намвьет (Нань Юэ), которое символизировало бы объединение севера и юга, завершённое Зя Лонгом. Однако маньчжурский император не согласился выполнить эту просьбу, так как усматривал в этом скрытую претензию на территорию провинций Гуандун и Гуанси, входивших в древний Намвьет. Зя Лонг неоднократно повторял свое требование, угрожая, что в случае отказа он не признает себя вассалом, т. е. разорвет дипломатические отношения. Перед такой угрозой маньчжурский император пошел на компромисс и предложил название «Вьетнам» (Юэ Нань)¹⁵. Новое название страны — «Вьетнам» — было провозглашено в торжественной обстановке в династийном храме предков в 1804 г.

В 1806 г. Зя Лонг объявил себя императором, окружив свою особу ореолом «величайшего лица вселенной», равноценным ореолу цинского императора. С цинским Китаем же на протяжении своего правления Зя Лонг поддерживал ровные отношения, регулярно направляя ко двору маньчжурского императора даннические миссии.

Преемники Зя Лонга — Минь Манг, Тхиеу Чи и Ты Дык — не выходили в своих взаимоотношениях с Китаем из традиционных рамок. Получив из Пекина инвестицию на правление, они продолжали в соответствии с установленным порядком посылать даннические миссии.

Зя Лонг, Минь Манг и их преемники весьма внимательно подходили к выбору членов миссий, направляющихся в Китай, и не только из престижных соображений: Нгуены смотрели на посольские миссии как на источник сведений о могучем соседе. Когда вернувшиеся в 1821 г. из Китая послы ничего не могли рассказать о положении в стране, Минь Манг издал указ посылать в Китай только просвещенных людей¹⁶. В составе посольства 1824г. по случаю 50-летия Даогуана был уже Фан Хюи Тю, один из образованнейших людей Вьетнама своего времени¹⁷.

Однако, чем больше времени проходило от начала правления очередного вьетнамского монарха, тем практика посольских миссий все больше становилась рутинной, на которую сами послы подчас смотрели как на средство личного обогащения. Так, в 1832 г. Минь Манг, интересуясь положением в Китае, просил послов за любую цену купить в Китае книги, которые «чиновники в Пекине пишут и хранят дома, не осмеливаясь их печатать, так как затрагивают в этих книгах царствующую династию Цин»¹⁸. Как выяснилось, послы вернулись с огромным личным багажом, в то время как их дневники оказались пустыми. Невыполненным оказался и наказ Минь Манга о книгах.

По этому поводу в адрес ведомства церемоний поступил специальный указ Минь Манга, в котором говорилось:

«Целью посольства является основательное знакомство с окружающей обстановкой. Но дневник послов касательно положения в Китае содержит лишь небрежные заметки. Там нет ничего достойного чтения при дворе. Дневник содержит только географические названия и расстояния между пунктами, но там ничего нет об

¹³ P. Boudet. Les Archives des Empereurs d'Annam et l'Histoire Annamites.— BAVH. XXII. Hanoi, 1942, с. 243; DNTL. Т. 3, с. 169.

¹⁴ Там же.

¹⁵ DNTL. Т. 3, с. 157, 70, 475, 476; Bang Giao..., с. 17.

¹⁶ DNTL. Т. 5, с. 290.

¹⁷ DNTL. Т. 7, с. 91.

¹⁸ DNTL. Т. 10, с. 165

условиях, в которых живет население, или о делах страны... Отныне ведомству вменяется в обязанность давать каждому посольству наказ интересоваться, процветает или бедствует народ, что преобладает в стране — стихийные бедствия или благополучие»¹⁹.

В 1838 г. хроника вновь отмечает понижение послов в чинах за плохую работу во время поездки в Китай²⁰.

Было, впрочем, и так, что сами послы ставили перед императором вопрос о связи работы миссий с престижем страны. В 1840г. ученые Данг Куок Ланг и Ву Фам Кхай обратились к Минь Мангу с просьбой изменить порядок снаряжения посольств в Китай. В частности, они обращали внимание императора на то, что «издавна и теперь посольства в Китай обычно везут с собой товары для обмена на товары Китая... Наша страна просвещенная, пользуется уважением Цинов,— говорили послы.— Если во время исполнения посольских обязанностей менять товары, есть опасность, что многие не поймут, будут за это презирать. Просим отныне разрешить посольствам в Китай делать там покупки на серебро, а товары брать с собой, лишь необходимые в пути»²¹.

Минь Манг отверг эту просьбу Данг Куок Ланга и Ву Фам Кхая как «несостоятельную». Он считал, что торговые операции, которые совершали вьетнамские посольства в Китае, не причиняют ущерба престижу страны, во-первых, потому, что обмен совершается обеими сторонами на взаимовыгодной основе и драгоценными товарами (корица, кардамон, ласточкины гнезда — с вьетнамской стороны, женьшень, различные лекарства и книги — с китайской стороны) — и то и другое главным образом для нужд обоих дворов. Это ни в коем случае не может быть похоже на то, как купцы торгуют на рынках различными товарами, извлекая из этого выгоду. Издавна сложился такой обычай, какой от этого вред государственному престижу? — говорил Минь Манг²².

Прием китайских послов, которые везли инвеституру новому правителю, стоил вьетнамской казне очень дорого. Поэтому Зя Лонг в начале своего правления вообще хотел перенести место приема на границу.

Впоследствии же расходы резко возросли в связи с решением Ты Дыка в 1848 г. перенести место встречи с китайскими послами для совершения обряда вручения инвеституры из Ханоя в столицу Хюэ. Решение это мотивировалось, во-первых, необходимостью привести совершение этой церемонии в соответствие с традицией, по которой она всегда совершалась в столице, а не просто в главном городе провинции, которым при Нгуенах стал Ханой. Во-вторых, согласие китайской стороне ехать до столицы Ты Дык и его окружение рассматривали как признание роста могущества страны и ее престижа²³.

Инвеститура, дарованная сыном Неба — китайским императором, придавала, по представлениям Ты Дыка, дополнительную силу власти Нгуенов в глазах собственного народа и соседних государств. Вот почему, не считаясь с огромными расходами, при нем везли китайских послов через всю страну, делая бесчисленное множество неоправданных остановок, превращая эту церемонию в поистине всенародное зрелище²⁴.

Наряду со стремлением заимствовать опыт по преимуществу средневекового Китая минской эпохи династии Нгуенов был присущ скептицизм относительно всего маньчжурского. Минь Манг, в частности, не упускал случая выступить с прямой или косвенной критикой «варварской маньчжурской династии», которая стала «перевоспитывать цивилизованных китайцев». При дворе Минь Манга господствовало мнение о цинском Китае как о стране варварской²⁵. Постоянно обращаясь к китайскому

¹⁹ DNTL. Т. 11, с. 60—62.

²⁰ DNTL. Т. 20, с. 87.

²¹ DNTL. Т. 22, с. 304.

²² Там же.

²³ DNTL. Т. 27, с. 181.

²⁴ Там же, с. 190.

²⁵ DNTL. Т. 15, с. 241—552.

опыту, Нгуены в то же время официально заявляли о своем «особом» государственном устройстве, отличном от цинского. «Наша династия имеет свой строй, отличный от того, который предусмотрен цинским сводом законов», — утверждал Минь Манг в 1832 г.²⁶

Все монархи династии Нгуен старались не допустить ущемления престижа своего государства. Это находило отражение во вьетнамской дипломатии, когда дело касалось соблюдения протокола.

Так, в 1840 г. Минь Манг выразил свое неудовольствие нарушением этикета, допущенным китайской стороной при приеме иноземных послов: «В прошлом (1839-м) году ведомство церемоний страны Цин допустило ошибку в протоколе. Не может быть такого, чтобы послы нашей страны располагались после послов из Кореи, Луангпрабанга, Сиама, Рюкю. Корея — цивилизованная страна и вне обсуждения. А что касается Луангпрабанга, то это наш данник, Сиам и Рюкю — варварские страны, а наших послов поставили ниже их послов. Если они опять так будут располагать послов, то лучше отказаться от аудиенции и подвергнуться наказанию, чем стоять ниже тех стран»²⁷.

В 1841 г. возглавлявший миссию в Китай ученый Ли Ван Фык обнаружил, что его резиденция в Пекине названа оскорбительно «Гостиница для вьетнамских варваров». Приказав своим сопровождающим уничтожить эту иероглифическую надпись, Ли Ван Фык экспромтом сочинил короткую поэму «О выдающихся варварах» («Вьен зи луан»), которую презентовал императору Даогуану: в поэме в самых изысканных выражениях Ли Ван Фык дал понять, что вьетнамская элита — не варвары, а самые рафинированные конфуцианцы.

В 1838 г. Минь Манг, полагая, что настало время утвердить суверенитет вьетнамского двора, отказался от прежнего названия страны, заменив его, уже без согласования с Китаем, «а Дайнам («великий юг»)»²⁸. В 1847 г. официальные китайские документы были возвращены по приказу императора, поскольку страна была названа «Аннам»²⁹.

Забота династии Нгуенов о престиже и суверенитете государства не ограничивалась только протокольными моментами. С первых дней своего пребывания у власти ей пришлось вести длительную и упорную борьбу за неприкосновенность вьетнамских границ и целостность территории с цинским двором и провинциальными властями Китая.

Провозгласив принцип, что «хорошая политика начинается с границы», Нгуены много внимания уделяли этому вопросу. «Сначала надо укрепить границу, лишь тогда можно расстаться с опасениями», — говорилось в одном из указов императора в 1812 г.³⁰

Одной из первых мер пришедших к власти Нгуенов было восстановление пограничных застав на вьетнамо-китайской границе, которые перестали функционировать в предшествующий период смут и междоусобиц. В числе первых дел пришедшей к власти династии было составление в 1806 г. национальной географии «Ньят тхонг зи диа тьи» (автор Ле Куанг Динь) с полным описанием границ объединенного государства³¹.

Уже с первых дней правления династия Нгуенов столкнулась с осложнениями на вьетнамо-китайской границе в провинции Хынгхоа (уезд Тьеутан), где вопрос о разграничении был запутан многократным переходом отдельных участков территории от одной страны к другой.

Зя Лонг, занятый решением внутренних проблем, заинтересованный в сохранении добрососедских отношений с Китаем и не желающий в то же время идти на уступки, уклонился от попыток внести ясность в этот вопрос.

²⁶ DNTL. T. 11; c. 152.

²⁷ DNTL. T. 22, c. 362.

²⁸ A. B. Woodside. Vietnam and Chinese Model... c. 117, 121.

²⁹ DNTL. T. 20, c. 65—66; I. 21, c. 58.

³⁰ DNTL. T. 4, c. 97, 222.

³¹ DNTL. T. 3, c. 313.

Он возник вновь почти 30 лет спустя, вылившись в довольно крупный конфликт в донге Фонгтху (административная единица, входившая в упомянутый выше уезд Тьеутан провинции Хынгхоа). Население этого донга продолжало все это время выплачивать китайским пограничным властям налог в размере 220 лангов серебра ежегодно³².

Воспользовавшись этим обстоятельством как предлогом, местная китайская администрация в провинции Юньнань переправила в 1831 г. через границу с Вьетнамом отряд в 600 человек и потребовала отдать донг Фонгтху, утверждая, что это китайская земля под названием Мэнчай³³.

В отличие от своего отца, Зя Лонга, Минь Манг занял твердую позицию. Он приказал передвинуть в провинцию Хынгхоа столичные войска численностью 1 тыс. человек и боевых слонов. Эти силы вместе с войсками провинции Хынгхоа (300 человек и пять слонов) должны были оборонять уезд Тьеутан. Одновременно командованию противника было направлено письмо, отвергавшее китайские притязания.

Через несколько дней китайский отряд подошел к посту Фонгтху; начальник гарнизона Тю Динь Тхонг сдал пост и отступил в донг Биньлы. Минь Манг послал новое подкрепление в 200 солдат и два слона.

Вскоре китайский отряд был вынужден оставить пост, а китайское командование направило гонца с предложением установить перемирие³⁴.

Вместе с тем Минь Манг, удовлетворившись отводом китайских войск и не желая обострять отношения с Китаем, приказал вернуть китайцам оружие, брошенное при отступлении, и отвел свои войска от границы. Однако Минь Манг придавал большое значение исходу этого конфликта, связывая престиж страны и способность оборонять ее границы в одно целое³⁵.

«Преступников, конечно, ловить нужно (это был официальный повод для агрессии.— *Ред.*). Однако граница юга и севера четкая, зачем же ее вот так нарушать? Если считать, что это дело маленькое и промолчать, то как же защищать границу?» — говорил Минь Манг. Минь Манг затем распорядился, чтобы властей Юньнани предупредили впредь границу не нарушать, а ставить вьетнамские пограничные власти в известность о перебежчиках, поимку которых вьетнамская сторона брала на себя³⁶.

Столь же определенную позицию занимал и Тхьеу Чи в 1843г. по поводу незаконного перехода китайскими отрядами границы в целях поимки на территории Вьетнама преступников, бежавших из Китая. Китайские военнослужащие были выдворены за пределы страны³⁷.

В 1851 г. вспыхнул конфликт на вьетнамо-китайской границе, в районе Биньзи провинции Туенкуанг.

Власти китайской области Кхайхуа вместе с населением перешли границу провинции Туенкуанг, объявив пограничную вьетнамскую зону китайской землей и требуя разбирательства этого вопроса и размежевания земель.

Одновременно пришлое китайское население начало строить дома, возводить кирпичные заборы, организовывать хутора, выгоняя с помощью оружия местное население.

Весной 1852 г. Ты Дык послал большой вооруженный отряд; для расследования обстоятельства дела во главе с Нгуи Кхак Туаном, при появлении которого китайцы обратились в бегство.

Китайские дома были разобраны, а на самой границе, у горы Дайлинь, был установлен столб с надписью, из которой следовало, что вьетнамское население

³² Dao Duy Anh. *Dat Nuoc Viet Nam Qua Cac Doi*. Ha-noi, 1964, с. 147.

³³ DNTL. Т. 10, с. 284.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же, с. 325; *Bang Giao...*, с. 313.

³⁶ DNTL. Т. 9, с. 83.

³⁷ DNTL. Т. 9, с. 83; I. 24, с. 32.

пограничной зоны не захватывало китайских земель, давно живет на этой территории, обрабатывает землю и граница здесь четкая.

Населению на вьетнамской земле было разъяснено, что в случае повторного применения китайцами силы надо ответить тем же и немедленно сообщить в провинцию³⁸.

Нгуены тщательно следили за содержанием в порядке тех пограничных знаков, которые в разные времена были установлены совместно с китайскими властями.

Тхьеу Чи в 1843 г. не разрешил вьетнамским властям в Туен-куанге заменить разрушенную каменную стелу, установленную в 1728 г. вьетнамо-китайской комиссией у р. Дотю в качестве пограничного знака. Он предложил отремонтировать ее, как в 1832 г. сделал Минь Манг.

Новая стела с перенесенным на нее старым текстом, как, вероятно, считали Нгуены, не будет иметь для китайской стороны законной силы³⁹.

В дальнейшем, в 50-х годах, пограничные конфликты, вызывавшиеся попытками китайцев осваивать отдельные участки вьетнамской территории, продолжали повторяться. Как правило, они разрешались, не оказывая заметного влияния на взаимоотношения между Цинами и Нгуенами.

У вьетнамских феодальных властей с давних пор было четкое представление о территориальных водах и об узаконенном разграничении морских пространств с Китаем. Вьетнамская сторона в этом вопросе занимала твердую позицию и не допускала нарушения своих морских рубежей со стороны Китая.

В течение веков сложилась традиция совместной борьбы вьетнамских и китайских властей с морскими пиратами, которые не только грабили торговые суда в море, но и совершали опустошительные набеги на прибрежные территории. При этом каждая сторона ловила пиратов в своих водах и на своей территории, выдавая по требованию одной из сторон пойманных лиц, которые объявлялись ею вне закона.

Однако при погоне за пиратскими судами пограничники часто нарушали границы; иногда это оставалось незамеченным, но, как правило, вызывало недовольство соответствующей стороны.

Об этом свидетельствует, в частности, эпизод, который произошел в 1832 г. на границе китайской провинции Гуандун и вьетнамской Куангиен в морской ее части.

В 1832 г. местные власти Гуандуна предложили вьетнамским пограничным чиновникам в провинции Куангиен разрешить китайским судам пересекать границу при преследовании пиратов. Для этого предлагалось обеспечить эти суда специальными документами. Это предложение вызвало резкое возражение вьетнамского двора. Минь Манг по этому поводу высказался следующим образом: «Морская часть нашей страны хотя и соприкасается с домом Цин, но ее границы уже четко определены, почему снова говорят, чтобы их не различать?

Если же говорить о борьбе с пиратами, то ведь, если обе стороны посылают военные суда в свои территориальные воды для их поимки, куда же еще бежать пиратам? Зачем же при этом доходить до нарушения границ?»⁴⁰ Местным властям в Ваннине было отдано распоряжение ответить китайской стороне отрицательно. При этом местные власти получили строгое внушение по таким обыденным делам не беспокоить двор и не затягивать время, а реагировать непосредственно и, разумеется, отрицательно, «ибо,— говорилось в указе,— нет никаких оснований идти навстречу их просьбе»⁴¹.

Когда в 1833 г. 60 китайских рыболовных судов вошли во вьетнамские территориальные воды в районе Вандона, в провинции Куангиен, Минь Манг через соответствующее ведомство направил официальное письмо генерал-губернатору Гуанси и

³⁸ DNTL. Т. 26, с. 349-350.

³⁹ DNTL. Т. 11, с. 57; 1. 24, с. 456.

⁴⁰ DNTL. Т. 11, с. 166.

⁴¹ Там же, с. 167.

Гуандуна, требуя вернуть суда в Китай, «чтобы избежать инцидента»⁴². В связи с пиратским морским разбоем в 30-е годы XIX в. с особой остротой встал вопрос о контроле над прибрежными островами и более отдаленными архипелагами, которые служили прибежищем пиратам⁴³.

Из хроники «Дай Нам Тхык Люк» следует вывод, что вьетнамская феодальная власть включала многие прибрежные острова, а также Парасельский архипелаг (Хоангша) и архипелаг Спратли (Чыонгша) в состав территории вьетнамского государства.

В 1836 г. ведомство общественных работ докладывало императору: «Морская граница нашей страны обозначена островом Хоангша, который имеет важное стратегическое значение. В прошлом мы посылали [людей] для производства картографических работ, но, так как остров большой, удалось зарисовать лишь одно место, и то неясно.

Надо ежегодно посылать людей для разведки морских путей»⁴⁴.

Ведомство общественных работ предлагало далее ежегодно посылать на острова экспедиции на нескольких судах, в том числе военных, для обследования — независимо от их размеров — островов, отмелей и т. д.

В том же году на Хоангша было послано военное судно во главе с капитаном Фам Хыу Нятом. Эта экспедиция установила на острове 10 деревянных пятиметровых стел с надписями, удостоверяющими, что на 17-м году правления Минь Манга (1836 г.) военноморской дозорный отряд, возглавляемый Фам Хыу Нятом, в исполнение приказа прибыл в это место и оставил памятные знаки⁴⁵.

В 1838 г. снова была организована экспедиция на Хоангша с заданием выполнить картографические работы⁴⁶.

Вьетнам и Сиам

Вьетнамо-сиамские отношения в период борьбы дома Нгуенов за власть и в первые годы правления Зя Лонга (до 1810 г.) отличались дружественным характером. В Сиаме Нгуен Ань находил убежище, накапливая силы для борьбы с Тэйшонами. Сиамские войска участвовали в сражениях с Тэйшонами за Нгеан, так как сиамские феодалы опасались, что в случае победы Тэйшоны не остановятся перед завоеванием Сиам. Сиамский двор и Нгуен Ань постоянно обменивались посольствами с дарами. Подчеркивая свои добрососедские отношения с Сиамом, Нгуен Ань отказал Бирманскому королевству Ава в 1789 г. в просьбе помочь войсками в его войне с Сиамом. О готовящемся нападении Нгуен Ань дал знать в Сиам.

Сиам в 1794 г., демонстрируя союзническую лояльность Нгуен Аню, не пошел на сближение с Тэйшонами, оставив без внимания миссию сына вождя Тэйшонов Нгуен Хюе — Нгуен Куанг Тоана, приславшего в Сиам богатые дары в надежде привлечь Сиам на свою сторону. Сиам, в свою очередь, обращался за помощью к Нгуен Аню в борьбе против Бирмы в 1798 г. и получил ее⁴⁷.

В голодные для Сиам 1789 и 1793 гг. Нгуен Ань по просьбе сиамских властей отправлял в Сиам зерно. Из Сиам Нгуен Аню не раз присылали слонов и боевые суда.

Нгуен Ань постоянно держал Сиам в курсе всех своих военных действий против Тэйшонов. Одержав победу в 1799 г. и окончательно разбив Тэйшонов в 1802 г., Нгуен

⁴² DNTL. Т. 13, с. 283.

⁴³ DNTL. Т. 11, с. 76; т. 20, с. 86.

⁴⁴ DNTL. Т. 14, с. 189—190а.

⁴⁵ DNTL. Т. 115, с. 30—31.

⁴⁶ DNTL. Т. 20, с. 183.

⁴⁷ DNTL. Т. 2, с. 269, 280; Nguyen Thitu Lau. Vua Gia Long voi nuoc Xiem, nuoc Lap. — «Thang Nghi». 1944, № 83. с. 13.

Ань прежде всего направил гонцов с этой вестью в Сиам, лаосские княжества и Камбоджу, откуда последовали ответные миссии с поздравлениями.

Однако, после того как Нгуен Ань подчинил себе всю страну, отношения с Сиамом вступили в новый этап, характеризовавшийся нарастанием противоречий между странами. Основная причина их коренилась в отношении обеих сторон к лаосским княжествам и Камбодже. И Сиам и Вьетнам претендовали на влияние в этих странах. Особенно явственно это соперничество проявлялось в отношении Камбоджи, где Вьетнам добивался для себя доминирующего положения, оставляя за Сиамом место «второго суверена». Что касается лаосских княжеств, то чаще всего они, особенно Луангпрабанг, находились под преимущественным контролем Сиамом, что в немалой степени объяснялось их этническим и языковым родством и сходством культур.

В связи со сказанным выше существо отношений между Вьетнамом и Сиамом отражено в разделах, касающихся политики дома Нгуенов в других государствах Индокитайского полуострова — во Вьентьяне, Луангпрабанге и Камбодже.

К тому времени, когда во Вьетнаме к власти пришла династия Нгуенов, на среднем Меконге существовало несколько княжеств, где шла постоянная междоусобная борьба, плодами которой старался воспользоваться Сиам. В 1778 г. Сиам предпринял поход и установил суверенитет над Вьентьяном, по своему усмотрению назначая и смещая его правителей⁴⁸.

Тяготившийся сиамским засильем, Вьентьян искал дополнительную опору в лице вьетнамского государства.

Начало контактов правителей этой страны с Зя Лонгом относится к 70-м годам XVIII в., когда Вьентьян вместе с Сиамом оказывал Нгуен Аню поддержку в борьбе с Тэйшонами.

Провозгласив Тэйшонов своим врагом, король Вьентьяна Тяо Лну мобилизовал всю свою армию на борьбу с ним. Участие Вьентьяна в битвах за Нгеан 1799—1800 гг. было таким значительным, что Нгуен Ань в знак благодарности отдал Вьентьяну земли княжества Чаннинь, которое в прошлом находилось под контролем лаосских феодалов. Во главе Чанниня встал выходец из вьентьянского княжеского рода Тяо Ной.

Этот жест послужил основой для восстановления и налаживания дипломатических отношений.

Король Вьентьяна Тяо Ану, получивший инвеституру от Сиамом в 1804 г., тем не менее стремился поддерживать отношения с Вьетнамом. В 1805 г. был установлен порядок и состав дани из Вьентьяна во Вьетнам⁴⁹. В 1809 г. отношения между странами несколько омрачились в связи с тем, что Вьентьян выступил с требованием вернуть ему жителей Чанниня, бежавших в 1803 г. в Нгеан и осевших там. На эту просьбу Зя Лонг ответил отказом, ссылаясь на давность проживания населения, которое Зя Лонг уже считал вьетнамским.

Вместе с тем Зя Лонг напомнил Вьентьяну о его вассальном статусе и потребовал присылки дани, с которой Вьентьян явно медлил в этом году. С тех пор дань присылалась регулярно, с промежутками не более трех лет⁵⁰. Дань 1811 г. сопровождалась присылкой беглых вьетнамских солдат. Последнее обстоятельство побудило Зя Лонга вновь подчеркнуть роль Вьентьяна как «настоящего заслона для Вьетнама в районе верхнего плато»⁵¹. Первые годы правления Минь Манга не внесли ничего нового во взаимоотношения стран, но были отмечены мелкими конфликтами по поводу принадлежности приграничного населения.

⁴⁸ P. Boulanger. Histoire du Laos Francaise. P., 1931, с. 155; W. F. Vella. Siam under Rama III (1824—1851). N. Y., 1957, с. 80.

⁴⁹ DNTL. Т. 3, с. 260.

⁵⁰ DNTL. Т. 4, с. 109, 238, 339; т. 5, с. 201—202; т. 7, с. 14; т. 9, с. 114.

⁵¹ DNTL. Т. 4, с. 139.

В 1821—1822 гг. предметом переписки между Минь Мангом и королем Вьентьяна стало незаконное обложение налогами в пользу Вьентьяна вьетнамского населения, проживавшего на приграничной с Вьентьяном территории — в донге Донзинь, а также племен в округе Камло. В письме Минь Манга, выдержанном в строгих тонах, указывалось на недопустимость «нарушать границу и облагать налогами вьетнамские земли, а также земли вассалов Вьетнама, каковым в течение 200 лет является население Камло». По-видимому, конфликт разрешился в пользу Вьетнама, поскольку в 1824 г., когда из Вьентьяна пришла очередная дань, хронисты, зафиксировав этот факт, обошли молчанием предшествующий ей казус на границе. Дальнейшие события выявили причины, по которым Тяо Ану активно поддерживал добрососедские отношения с Вьетнамом.

В 1827 г. началась война Вьентьяна с Сиамом⁵². Поводом для войны послужило убийство внука вьентьянского короля одной из жен сиамского монарха, борющейся за сиамский престол. Что касается реальной причины, то король Ану, при котором Вьентьян значительно окреп, ставил своей целью разбить Сиам, разом покончив с угрозой независимости своей страны. В успехе этого начинания Ану убеждала его уверенность в слабости Сиам, так как основные силы он сосредоточивал против своего главного противника — Бирмы. Выбранный для нападения на Сиам момент был удачен, с точки зрения Ану, еще и потому, что к этому времени обозначились осложнения и в англо-сиамских отношениях.

Первые месяцы кампании принесли Ану значительные успехи, и его армия была уже на подступах к Бангкоку, но в дальнейших сражениях он потерпел жестокое поражение и вынужден был отступить и искать помощи у Вьетнама⁵³. Вьетнамская армия в Нгеане была приведена в готовность. Вьетнамские сановники настаивали на решительных действиях, но последнее слово оставалось за Минь Мангом, который придерживался выжидательной тактики.

Между тем сиамская армия захватила столицу Вьентьяна — г. Вьентьян и двинулась к Лакхоан, который населяли племена, считавшиеся подданными Вьетнама. Король бежал из страны. По распоряжению Минь Манга сиамскому военачальнику было послано письмо с предложением отвести войска. Вскоре стало известно, что Сиам отвел свои войска, оставив лишь небольшой отряд в несколько сот человек для охраны брата короля — Ан Махата — во вьентьянской столице. Одновременно король был уведомлен братом, что он «прощен Сиамом» и приглашается возвратиться на родину.

Война Вьентьяна с Сиамом поставила в трудное положение правителя Чанниня Тяо Ноя. Теснимый Луангпрабангом, союзником Сиам, Тяо Ной был вынужден обратиться за помощью к Минь Мангу.

Возможность получить, не потеряв ни одного солдата, стратегически важные земли была встречена при дворе Минь Манга с воодушевлением. «Включение Чанниня раздвигает границы страны, и одновременно создается мощный заслон — этот случай нельзя упустить», — говорил Минь Манг.

Однако радость от неожиданных и бескровных приобретений омрачалась и здесь неопределенностью отношений с Сиамом. По неписаному правилу оба суверена, в прошлом предпринимая какие-либо действия в отношении Вьентьяна, ставили друг друга в известность. То обстоятельство, что Сиам на этот раз использовал армию против Вьентьяна, не поставив в известность Вьетнам, расценивалось при дворе Нгуенов как удар по престижу страны.

Было решено отвезти Ана на родину в сопровождении вьетнамского эскорта, одновременно расположиться военным лагерем в Чаннине (3 тыс. солдат и 20 боевых

⁵² W. F. Vella. Siam under Rama III (1824—1851). N. Y., 1957, с. 81—83; подробно см.: Luoc Su Nuoc Lao. Hanoi, 1978, с. 66—67.

⁵³ W. F. Vella. Siam under Rama III, с. 81, 83; DNTL, t. 8, с. 203, 238.

слонов) и отправить посольство в Сиам с пожеланием «бросить старую ссору с Вьентьяном».

Оказывая покровительство Ану, которого Минь Манг хотел бы видеть на престоле во Вьентьяне, и способствуя его возвращению на родину, Минь Манг проявлял осторожность. Он опасался излишней прямолинейностью вызвать нежелательную реакцию Сиам. В силу этого поддержка, которую он оказывал Ану, была непоследовательной. Доставив Ану на родину, вьетнамский отряд сразу же вернулся во Вьетнам. На просьбу Ану прислать вьетнамскую армию Минь Манг ответил отказом.

Ход событий привел к возобновлению военных действий между Сиамом и Вьентьяном в сентябре 1828 г. Сиамикие войска заняли столицу Вьентьяна. Ану и вся королевская семья вновь были вынуждены бежать⁵⁴.

В январе 1829 г. Ану и его семья были пойманы и взяты в плен, где Ану умер. Столица Вьентьяна была разрушена, а население вывезено в Сиам. Вьентьян, где в последующие годы было проведено новое административное деление, фактически был интегрирован в состав сиамикого королевства, занимая статус полувассала, полупровинции⁵⁵.

Отношения Сиам с Вьетнамом в это время были двойственными. Внешне, принимая вьетнамские посольские миссии, сиамикий король Рама III демонстрировал дружеские чувства и говорил о необходимости поддержания нормальных отношений. В то же время сиамикая армия совершала неоднократные вторжения на вьетнамскую территорию Камло якобы в поисках людей, бежавших из Вьентьяна. Вторжения сопровождалась мародерством и тяжелыми поборами с населения.

До прямого сиамико-вьетнамского конфликта на этот раз не дошло. Когда вьетнамские войска вошли на территорию Камло, там сиамицев уже не было. Не желая обострять ситуацию на границе с Вьентьяном, Минь Манг приказал местным властям проследить за тем, чтобы в пределах Камло не осталось ни одного человека из пришлого тайского племени мук-да-хан⁵⁶.

В 1829 г. Минь Манг предпринял попытку урегулировать отношения с Сиамом. В послании, направленном с миссией в Бангкок, проводилась мысль о том, что «малые вассальные страны не могут испортить отношений двух великих стран, которые в течение 40 лет были добрыми соседями». Вместе с тем Минь Манг отстаивал право Вьетнама оказывать помощь «общему вассалу, попавшему в беду и оставшемуся без поддержки... Мы так поступили по справедливости, а не потому, что жаждали новых земель и населения», — говорилось в послании⁵⁷.

Сиаму высказывался упрек, что тот нарушил традиции, предприняв военные акции против «общего вассала», не уведомив вьетнамский двор об этом.

Если по поводу Вьентьяна тон письма был сдержанный, уступчивый и, по сути дела, предполагал возможность компромисса, то в отношении дел, непосредственно касающихся Вьетнама и затрагивающих его престиж, тон Минь Манга был откровенно ультимативный. Письмо резко осуждало Сиам за вторжение на территорию Камло... «которая с самого начала входит в карту Вьетнама и к Сиаму не имеет никакого отношения».

Такой же твердой была позиция Вьетнама на переговорах с послом из Сиам, прибывшим в Хюэ в 1829 г.

Между тем в Чаннине разворачивались события, которые внесли новые серьезные осложнения во вьетнамо-сиамские отношения.

⁵⁴ DNТL. Т. 9, с. 130; W. F. Vella. Siam under Rama III... с. 85.

⁵⁵ W. F. Vella. Siam under Rama III..., с. 86.

⁵⁶ DNТL. Т. 9, с. 1180.

⁵⁷ Там же, с. 187.

Тяо Ной в Чаннине стал налаживать связи с Сиамом. Самой значительной его акцией в этом плане была выдача Сиаму Ану, который бежал из столицы, павшей под ударами сиамской армии. Тяо Ной взял в плен и выдал Ану Сиаму.

Минь Манг во всей этой истории видел не только вероломство Тяо Ноя. Его беспокоила судьба только что присоединенного Чанниня. Придворные советовали Минь Мангу принять срочные и чрезвычайные меры. Минь Манг приказал управление Чаннином передать столичному военачальнику Та Куанг Кы. Тяо Ной был вызван в Нгеан и после суда казнен.

Тем временем летом 1830 г. Сиам отправил послов с письмом от короля Рамы III и дарами. Сиам, по сути дела, отвергал все условия, на которых Минь Манг собирался строить с ним отношения. Сиам недвусмысленно оставил за собой исключительное право выбора короля Вьентьяна, игнорируя притязания Вьетнама на общего данника.

Не исключая теперь возможности войны с Сиамом из-за Вьентьяна, Минь Манг стал искать союзников среди своих ближайших соседей. Поскольку Вьентьян после смерти Ану полностью подпал под контроль Сиам, Минь Манг стал присматриваться к другому лаосскому княжеству — Луангпрабангу, с которым у Вьетнама были достаточно сложные отношения.

Луангпрабанг находился на значительно более низком уровне развития, нежели феодальный Вьетнам XIX в.

Луангпрабанг представлял интерес для Вьетнама больше всего с точки зрения стратегической: будучи на юге и западе соседом Сиам, а на востоке — Чанниня, он был как бы сквозным коридором, которым в случае войны могли пользоваться Вьетнам или Сиам в зависимости от позиции Луангпрабанга.

В первые годы правления Нгуенов Вьетнам и Луангпрабанг вообще не имели отношений. Правда, в 1803 г. от правящего короля Тяо Са Виня (Анурут) прибыл представитель с письмом. В 1823 г. Луангпрабанг прислал дань и письмо от короля Манга Турата, где выражалась готовность быть вассалом Вьетнама.

Во Вьетнаме миссия из Луангпрабанга была принята Минь Мангом. Ведомство обрядов установило сроки (раз в три года), состав дани и численность даннической миссии⁵⁸. Но «дань» прибыла лишь в 1828 г., ее задержку послы объяснили «многочисленными трудностями в стране». При дворе Минь Манга хорошо понимали, что это за трудности: Луангпрабанг участвовал в войне с Вьентьяном на стороне Сиам. Нгуенам было чрезвычайно важно в этой обстановке если не привлечь на свою сторону, то, во всяком случае, нейтрализовать Луангпрабанг. Это было тем более важно, что присоединение Чанниня к Вьетнаму делало Луангпрабанг его непосредственным соседом.

Источники отметили целую серию доброжелательных жестов со стороны Вьетнама в эти годы: в 1829 г. отменили очередную дань из Луангпрабанга по причине «далекого расстояния» и перенесли ее на 1830 г., когда все «вассалы» приглашались в столицу по случаю празднования 40-летия Минь Манга. В этом же году было решено, что во время торжественных приемов послы из Луангпрабанга должны занимать более почетное место, чем послы из Камбоджи. Объяснялось это тем, что у Луангпрабанга есть инвеститура от китайского императора. По случаю 40-летия Минь Манга Луангпрабанг получил щедрые дары. В том же, 1829 г. Минь Манг пресек инициативу ведомства обрядов и властей Нгеана, которые настаивали на возвращении из Луангпрабанга ушедшей туда группы населения Чанниня.

Минь Манг доказывал, что надо проявить великодушие к стране, которая, «не опасаясь реакции Сиам, издавна шлет дань и объявляет себя вассалом»⁵⁹. Более того, в 1831 г. Минь Манг пошел навстречу просьбе короля Луангпрабанга и разрешил некоторым этническим группам вернуться из Чанниня в Луангпрабанг.

⁵⁸ Дань состояла из двух слонов, четырех рогов носорога, двух слоновьих бивней; численность посольства определялась в 35 человек (DNLT. Т. 4, с. 167).

⁵⁹ DNLT. Т. 10, с. 173.

В 1833 г., когда данническая миссия из Луангпрабанга снова поставила вопрос о том, чтобы разрешить этнической группе мыонг-кай остаться в Луангпрабанге, Минь Манг, верный своей тактике «ласканий» Луангпрабанга, решил это дело в его пользу⁶⁰.

Как показали дальнейшие события, эти акции не достигли своей цели.

Вьетнамо-сиамские отношения, и без того напряженные из-за трений вокруг Вьентьяна и усугубленные проблемой новых земель, отошедших к Вьетнаму на западе, обостряются до предела, когда Ле Ван Кхой, восставший против династии Нгуенов, обращается к Сиаму за помощью.

Вторжение 100 боевых сиамских судов в декабре 1833 г. в воды провинции Хатиен не оставило сомнений в намерениях сиамцев, которых с этого момента во Вьетнаме квалифицируют как «врагов».

Против Вьетнама были брошены четыре армии и сиамский флот.

В войне, которая закончилась победой Вьетнама в 1834 г., Луангпрабанг участвовал на стороне Сиама. Король Луангпрабанга предоставил свою территорию для прохода сиамских войск⁶¹ и двинул 10-тысячную армию в Хынгхоа, требуя присоединения вьетнамских земель к Луангпрабангу.

Поражение Сиама в войне свело на нет и военную активность Луангпрабанга. В мае 1834 г. армия Луангпрабанга покинула вьетнамскую территорию.

В 1835 г. отдельные вылазки сиамских войск против Вьетнама все еще продолжались, но ни одна из них не принесла Сиаму успеха. Не увенчался успехом и поход армии Луангпрабанга на Ниньбьен в 1837 г.⁶²

В 1838 г. Луангпрабанг прислал во Вьетнам послов с письмом, предлагая восстановить «прежние отношения». Однако к просьбе Луангпрабанга при вьетнамском дворе отнеслись с недоверием. Послам было предложено вернуться на родину.

Пришедший к власти новый король, Сука Сеум, стал ориентироваться исключительно на Сиам, сиамский гарнизон продолжал оставаться в столице Луангпрабанга. Усилились набеги вооруженных отрядов из Луангпрабанга на соседние с ним вьетнамские земли. Особенно частыми эти разорительные набеги были в конце 40-х годов в тяу Ниньбьен в Хынгхоа. В 1851 г. к Луангпрабангу отошли земли Чанниня⁶³. Такое положение сохранялось до прихода французских колонизаторов.

С приходом Зя Лонга к власти восстанавливаются и налаживаются связи между Вьетнамом и Камбоджей. К этому времени сложился порядок, по которому Камбоджа раз в три-четыре года присылала в Хюэ дань, оставаясь, как и Вьетнам по отношению к Китаю, фактически независимой. Зя Лонг этот порядок воспринял и продолжал еще задолго до победы над Тэйшонами (1779 г.)⁶⁴.

Первые даннические миссии из Камбоджи после прихода Зя Лонга к власти датируются вьетнамскими хрониками 1803 и 1806 гг.⁶⁵. Первая инвеститура и серебряная печать были выданы императором Зя Лонгом камбоджийскому королю Анг Тяну II в 1807 г. Интересно отметить, что государственная печать, полученная камбоджийским правителем, по своему виду была похожа на печать, полученную Зя Лонгом от цинского императора. Будучи символом подчинения малого государства более крупному и сильному, позолоченная серебряная печать имела каменную ручку в форме верблюда со склоненной головой⁶⁶.

Промежуточное положение между Вьетнамом и Сиамом, которое занимала Камбоджа, во многом определяло и ее политику в отношении этих двух стран. Различные

⁶⁰ DNTL. Т. 12, с. 252.

⁶¹ Земля Чаншгая, по которой несколько раз прошли вражеские войска, следующие из Луангпрабанга, была опустошена, а большая часть населения угнана в Сиам (DNTL, t. 14, с. 128, 247).

⁶² Подробно см.: DNTL. 1967, № 102, с. 50.

⁶³ «France-Asia». 1956, № 118—119, с. 737.

⁶⁴ См.: DNTL. Т. 2, с. 32.

⁶⁵ См.: Ch. Maybon. Histoire miderne du pays d'Annam..., с. 381; DNTL. Т. 3, с. 143, 312.

⁶⁶ DNTL. Т. 3, с. 347.

враждующие фракции господствовавшей феодальной верхушки ориентировались в разное время то на Вьетнам, то на Сиам.

К началу XIX в. и Камбоджа и Вьетнам были заинтересованы в укреплении отношений. В частности, новая, еще не окрепшая; династия Нгуенов рассчитывала превратить Камбоджу в буфер между территориями Вьетнама и Сиама.

Вместе с тем двор Камбоджи и король Анг Тян II стремились опереться на поддержку Вьетнама против Сиама, угрожавшего Камбодже полной или частичной аннексией ее территории.

Уже в 1810 г. по просьбе Анг Тяна II на помощь Камбодже против угрозы со стороны Сиама был послан отряд войск во главе с крупными военачальниками Ле Ван Фонгом, Нгуен Ван Чи и Нгуен Ван Зямом, который тремя колоннами двинулся к границе с Камбоджей⁶⁷.

Это была скорее превентивная акция со стороны Вьетнама. В указе императора Зя Лонга говорилось: «Сиамцы узнают, что подошла наша армия, и не осмелятся ничего предпринять. Камбоджа сможет избежать войны».

Одновременно губернатор Зядиня Нгуен Ван Нян был послан в Пномпень⁶⁸.

Присутствие вьетнамской армии в Камбодже действительно оказало воздействие на Сиам, который не решился на вторжение. Начались переговоры между Вьетнамом и Сиамом, окончившиеся тем, что обе стороны отвели войска⁶⁹.

Положение в самой Камбодже к тому времени было беспокойным: обострились отношения между Анг Тяном II и его двумя братьями, которые получили от Сиама статус соответственно второго и третьего королей. Один из них потребовал от Анг Тяна II часть территории под свое управление и обратился к Сиаму за помощью⁷⁰.

Под предлогом оказания поддержки братьям короля Сиам в 1812 г. ввел войска в Камбоджу и захватил столицу Пномпень. Анг Тян II бежал в Зядинь⁷¹. Здесь, в южной части Вьетнама» губернатором которой к этому времени был назначен Ле Ван Зюет, была начата подготовка к войне с Сиамом⁷².

Между тем Сиам, занятый войной с Бирмой, не пошел на конфликт с Вьетнамом и сам поставил вопрос о возвращении короля Анг Тяна II на родину⁷³. Весной 1813 г. камбоджийский король в сопровождении эскорта вьетнамских войск во главе с Ле Ван Зюетом вернулся в свою столицу.

В плане вьетнамо-сиамского соперничества за влияние в этой стране события 1810—1813 гг. были несомненным политическим успехом Вьетнама. Однако Сиам, не терявший надежды на реванш, продолжал давать убежище младшим братьям камбоджийского короля⁷⁴.

Отозвав армию Ле Ван Зюета из Камбоджи, Зя Лонг летом 1813 г. назначил военачальника Нгуен Ван Тхуи «чиновником-покровителем» Камбоджи, под началом которого был вооруженный гарнизон в 1 тыс. человек. Основная задача «чиновника-покровителя» состояла в «обеспечении спокойствия на границе»⁷⁵.

«Чиновники-покровители», как предписывали указы Зя Лонга, не должны были вмешиваться во внутренние дела Камбоджи. Когда Нгуен Ван Тхуи и его помощник Чэн Конг Дан допустили в своих действиях произвол, чем «вызвали тревогу короля Камбоджи

⁶⁷ DNTL. Т. 4, с. 90—91.

⁶⁸ Там же, с. 94, 98.

⁶⁹ Там же, с. 103. По просьбе короля Камбоджи Анг Тяна вьетнамский отряд в 1000 человек был оставлен в его стране.

⁷⁰ DNTL. Т. 4, с. 139, 146.

⁷¹ Там же, с. 148, 160.

⁷² Там же, с. 164; W. F. Vella. Siam under Rama III., с. 95.

⁷³ DNTL. Т. 4, с. 184, 187.

⁷⁴ Там же, с. 188, 189.

⁷⁵ Там же, с. 194, 197.

и народа», «чиновникам-покровителям» было указано, что главное их назначение сохранить Камбоджу в целостности, а не править ею⁷⁶.

Таким образом, при Зя Лонге политика Нгуенов была направлена на сохранение камбоджийской государственности, хотя и под контролем Вьетнама. Помимо всего прочего такая политика невмешательства во внутренние дела была мотивирована желанием не провоцировать Сиам, который не смирился с потерей влияния в Камбодже и ждал случая восстановить там свои утраченные позиции.

Минь Манг проводил иную политику в отношении Камбоджи. После восстания Ле Ван Кхоя (1833—1836) в южных и центральных провинциях Вьетнама и вторжения сиамских войск в его поддержку возникла прямая угроза присоединения Камбоджи к Сиаму. Это заставляет Нгуенов искать возможности взять эту страну под свой контроль.

В условиях постоянной угрозы со стороны Сиам Вьетнам предпринимает ряд мер, в результате которых Камбоджа теряет самостоятельность и становится частью вьетнамского государства под названием «округ Чэнтэй».

Однако такое положение продолжалось недолго. В условиях стремления кхмерского народа к независимости и при относительном равенстве сил между Вьетнамом и Сиамом положение вьетнамских чиновников в Камбодже не могло быть устойчивым. Не прошло и года, как в «округе Чэнтэй» вспыхнуло восстание. Во главе восстания встал брат бывшего короля Камбоджи Анг Дуонг. Сразу началась затяжная война между Вьетнамом и Сиамом. Попытка императора Тхьеу Чи активизировать военные действия и добиться преимущества, предпринятая им после смерти Минь Манга в 1841 г., не дала результата. Военное счастье колебалось, не принося победы ни одной из сторон, и война закончилась вьетнамо-сиамским договором о выводе войск с территории Камбоджи⁷⁷. Кхмерский король принял инвеституру из Хюэ в 1847 г. вместе с печатью⁷⁸. Одновременно восстанавливался институт даннических миссий.

В 1848 г. король Камбоджи принял инвеституру и от сиамского двора.

В конце 40-х — начале 50-х годов вплоть до французского вторжения отношения между странами продолжали оставаться традиционно-данническими, но чрезвычайно напряженными⁷⁹.

Вьетнам и Франция

К тому времени, когда Нгуены стали править во Вьетнаме, вьетнамо-французские дипломатические отношения уже имели свою небольшую историю. Потерпев серию крупных поражений от Тэйшонов, Нгуен Ань (Зя Лонг), отклонив помощь Португалии, пошел на заключение кабального Версальского договора с Францией⁸⁰.

Нгуен Ань по этому договору должен был отдать в полную собственность и под абсолютный французский суверенитет территорию большого стратегического значения — о-ва Кулаотям и Пулокондор.

Вместе с тем, обеспечивая режим благоприятствования для себя, Франция настаивала в этом договоре на том, чтобы суда других стран не допускались в порты Вьетнама, если на них не было французского флага и французских документов⁸¹.

⁷⁶ Там же, с. 223—224.

⁷⁷ Le Thanh Khoi. *Le Viet Nam. Histoire et Civilisation*. P., 1965, с. 335.

⁷⁸ DNTL. Т. 26, с. 201, 237—238.

⁷⁹ DNTL. Т. 27, с. 69, 278, 144, 268.

⁸⁰ DNTL. Т. 2, с. 64; G. Taboulet. *La Geste...* с. 185. Любопытно, что вьетнамская хроника «Дай Нам Тхык Люк» не зафиксировала заключение этого договора. В ней лишь говорится, что епископ Адрансуй и принц Кань отправились во Францию просить о помощи. Вернулись в 1789 г., через два года. «Король той страны оказал высокий прием, положенный принцу, но в конце концов не смог помочь, а лишь послал своих подданных Нгуен Ван Тханга (Шенью) и Нгуен Ван Тяна (Ваннера), которые и прибыли с епископом Адранским принцем Канем» (см.: DNTL, т. 2, с. 63, 98).

⁸¹ G. Taboulet. *La Geste...* с. 187.

Епископ Аدرانский не жалел сил, чтобы убедить Людовика XVI в тех преимуществах, которые таил в себе этот договор для Франции. В числе прочих он указывал прежде всего на возможность таким образом остановить продвижение Англии в восточных морях. Вьетнамское побережье обеспечено прекрасными естественными бухтами, где можно держать, ремонтировать и даже строить флот. Епископ, кроме того, гарантировал в случае необходимости возможность набора солдат и матросов из вьетнамского населения⁸².

Перспективы, нарисованные епископом Адранским, были весьма заманчивы.

Осложнения во французской европейской политике заставили, однако, Францию проявить осторожность и оставить последнее слово за французской администрацией в Индии, как более осведомленной в этом вопросе.

Губернатор Пондишери де Конвэй, считавший предприятие епископа Аدرانского авантюрой, которая вызовет резкую реакцию Англии и поставит под угрозу всю восточную политику Франции, отказался сотрудничать с ним.

Начавшаяся в 1789 г. Французская революция вообще сняла с повестки дня вопрос о Версальском договоре, и он остался нератифицированным и нереализованным⁸³.

Между тем Нгуен Ань (Зя Лонг) боролся за власть в стране, опираясь на помощь французских миссионеров и волонтеров-специалистов. Овладев трон, он не выражал намерений продолжать официальные отношения с Францией и уклонялся от предоставления французам каких-либо привилегий. К этому времени, когда была одержана окончательная победа, при дворе Зя Лонга оставалось всего четыре француза — Шеньо, Ваннер, де Форсан и д-р Деспю.

Шеньо и Ваннер, которые дольше всех оставались в Хюэ, выполняли функции информаторов французского правительства, в частности герцога Ришелье, о положении во Вьетнаме, и это не могло не тревожить вьетнамские власти. Беспокойство Зя Лонга вызывала и деятельность миссионеров в стране, особенно с тех пор, как обнаружилась склонность миссионеров вмешиваться во внутренние дела.

Этими соображениями определялась изоляционистская в целом позиция Зя Лонга в отношении Франции, что отнюдь не соответствовало намерениям французского правительства, которое не выпускало Вьетнам из сферы своих активных внешнеполитических интересов.

Возобновление войны с Англией и неудача в ней помешали Наполеону предпринять конкретные политические акции в этом районе земного шара. Последний раз вопрос о Вьетнаме обсуждался Наполеоном в 1815 г., всего за несколько недель до того, как он потерял свою империю⁸⁴. После реставрации Бурбонов вопрос о Вьетнаме и о деятельности миссионеров там снова встал на повестку дня.

Премьер-министра Франции герцога Ришелье привлекала идея возобновления связи с Вьетнамом — возможной базой для торговой (и не только) экспансии Франции в Азию. В конце 1817 г. герцог Ришелье направил во Вьетнам с миссией доброй воли фрегат «Сибелу» под командованием капитана Кергариу⁸⁵. Миссия имела разведывательный характер. Формально капитан Кергариу не имел иных поручений к вьетнамскому двору, кроме как объявить о восшествии на французский престол короля Людовика XVIII⁸⁶.

⁸² Там же, с. 181.

⁸³ Хотя договор 1787 г. не был ратифицирован и не имел даже номинальной силы, в литературе до сих пор распространяется не соответствующее действительности утверждение, что якобы в 1787 г. Дананг и Полукондор были уступлены Франции и составили основу французских позиций в Индокитае (см.: Modern Far Eastern International Relations. N. Y., 1975, с. 31). Хотя договор 1787 г. не был ратифицирован и не имел даже номинальной силы, в литературе до сих пор распространяется не соответствующее действительности утверждение, что якобы в 1787 г. Дананг и Полукондор были уступлены Франции и составили основу французских позиций в Индокитае (см.: Modern Far Eastern International Relations. N. Y., 1975, с. 31).

⁸⁴ Э. О. Берзин. Католическая церковь в Юго-Восточной Азии. М., 1966, с. 203.

⁸⁵ G. Taboulet. La Geste Francaise en Indochine. P., 1955, с. 288.

⁸⁶ DNTL. T. 4, с. 336.

Однако в действительности в его задачи входила попытка выяснить возможность установления отношений с Зя Лонгом. Основанием для этого служило то обстоятельство, что в определенных кругах велись разговоры о якобы антибританских настроениях Зя Лонга, который вел постоянные споры с фирмами Ост-Индской компании о своих долгах. Однако надежды на то, что антипатия Зя Лонга к англичанам толкнет его на более тесный союз с Францией, не оправдались.

Зя Лонг приказал оказать дружеский прием капитану Кергариу в Дананге, но отказал капитану в аудиенции и не принял подарков на том основании, что Кергариу не имел документов, подтверждавших, что корабль был послан королем Франции.

По решению французского Совета министров Кергариу в следующем году вторично предпринял попытку установить отношения с двором Зя Лонга, но опять потерпел неудачу. В результате его миссии, однако, были уточнены и исправлены карты вьетнамского побережья, сделанные Дайо в 1807 г.⁸⁷.

Миссия Кергариу была неудачной, но она не повлияла на намерения тех французских купцов, которые уже имели опыт торговли с Вьетнамом и находили ее перспективной.

Было известно, например, что по указу Зя Лонга от 1805 г. французским торговым судам оказывался во Вьетнаме такой же прием, как и китайским. Возвращающееся на родину судно, в частности, снабжалось зерном в количестве 100 кэн на каждого члена команды по твердо установленной цене (3 куана)⁸⁸.

Вьетнамская таможенная политика в отношении французских товаров была разумной. Пошлину можно было выплачивать либо деньгами, либо серебром — по желанию иностранных купцов — без каких-либо ограничений⁸⁹.

Двухлетний опыт показал, что вьетнамская сторона не только не чинит препятствий торговле, но и способствует ей, если она ведется в умеренных размерах и не влечет за собой вмешательства во внутренние дела страны.

В то же время обнаружилось категорическое нежелание вьетнамского двора идти на какие-либо переговоры об учреждении французских селтльментов на вьетнамской территории.

Франция, однако, не оставляла попыток установления официальных отношений с Вьетнамом. Для этого французское правительство решило учредить должность своего представителя в Хюэ в одностороннем порядке. Выбор пал на Шенью. Осенью 1820 г. Шенью по решению Людовика XVIII был назначен консулом в Хюэ, представителем при дворе вьетнамского короля и комиссаром короля Франции с полномочиями заключить с Вьетнамом от лица Франции торговый договор, который бы обеспечивал Франции более выгодные по сравнению с другими странами условия⁹⁰.

В письме Людовика XVIII, которое Шенью как комиссар вез королю Вьетнама, содержался косвенный намек и на договор 1787 г. Людовик XVIII писал, что хороший прием, оказанный королем Вьетнама французским торговцам, свидетельствует о том, что король «сохранил память о старой дружбе, которая существовала между суверенами Франции и суверенами Кохинхины»⁹¹.

Это намерение французского правительства было обречено на неудачу с самого начала. Дело не только в смерти Зя Лонга, который был связан с Шенью личными отношениями. Двусмысленное положение Шенью, бывшего на службе у двух государств, заставляло вьетнамцев относиться к нему с подозрением. Они никогда и не признавали его всерьез как представителя Франции и не собирались оказывать ему особого

⁸⁷ G. Taboulet. La Geste... с. 288.

⁸⁸ DNTL. Т. 3, с. 271.

⁸⁹ DNTL. Т. 4, с. 352—353.

⁹⁰ G. Taboulet. La Geste... с. 304—308, 310.

⁹¹ Там же.

внимания⁹². К тому же предоставлять привилегии какой-либо стране вообще не входило в намерения Минь Манга. В частности, он не хотел предоставить Франции привилегии из опасения быть вынужденным поступать так же и в отношении Англии, уже вторгшейся в Бирму⁹³. Поэтому в ответном послании Людовику XVIII Минь Манг писал в 1821 г.: «...в нашей стране каждый, кто занимается торговлей... должен подчиняться определенным правилам. Все купцы, прибывающие из других стран, должны действовать сообразно с этим. Если подданные вашей страны хотят торговать в нашей стране, то они, разумеется, должны будут подчиниться этим правилам»⁹⁴.

Дело не пошло далее обмена посланиями, и никакого специального торгового соглашения заключено не было, хотя французские суда продолжали посещать Вьетнам.

В 1824 г., отчаявшись добиться своих целей, Шеньо и Ваннер решили покинуть Вьетнам навсегда⁹⁵. Минь Манг с радостью одобрил решение бывших соратников своего отца, подарив каждому по 600 куанов на дорогу.

Следующий посланец — капитан Бугэнвиль, прибывший в Дананг в феврале 1825 г., не был принят Минь Мангом. Послание французского короля было возвращено под предлогом того, что его некому перевести⁹⁶. В хронике ДНТЛ прибытие миссии Бугэнвиля в Дананг датируется декабрем 1824 г. По поводу этой миссии Минь Манг заявил: «Франция и Англия враждуют друг с другом. В прошлом году Англия несколько раз присылала дары, но я отказывался, не принимал [их]. Как же можно сейчас с Францией устанавливать отношения? Но когда думаю, что мой отец, покойный император, в начале своих скитаний посылал принца Ань Зюе в эту страну, я также испытываю благодарность к прошлому. Если поспешить отказать им во всем, то это не будет выражением доброго отношения к пришельцам издалека».

Принцип «добротного отношения к пришельцам издалека», заимствованный из китайского дипломатического протокола, в данном случае преследовал конкретную цель — не дать прямого повода европейцам для неудовольствия из-за недостигнутой цели. Поэтому палате тхыонг бак было приказано составить ответное послание, одарить членов миссии и снарядить их для возвращения на родину. Но ни послание, ни дары французского короля приняты не были⁹⁷.

Новый французский консул, племянник Шеньо — Э. Шеньо, также не был признан Минь Мангом. В 1829 г. Э. Шеньо был послан во Вьетнам как вице-консул, но снова был отвергнут. Это положило конец попыткам французского правительства навязать Вьетнаму в одностороннем порядке консульские отношения⁹⁸.

Но Франция не оставляла попыток поставить отношения с Вьетнамом на договорную основу. Торговые корабли так же продолжали прибывать к вьетнамским берегам.

В 1830 г. Франция снова заявила о своем желании установить «дружеские отношения» с Вьетнамом на договорных началах. На этот раз с миссией в Дананг прибыл французский военный корабль, капитан которого вел переговоры с чиновниками из палаты тхыонг бак от имени французского короля⁹⁹.

⁹² Любопытно, что хроника «Дай Нам Тхык Люк» вообще не отмечает того факта, что Шеньо вернулся как представитель Франции. Она приводит разговор Минь Манга с Шеньо: «Вуа спросил: „Почему Вы снова захотели вернуться?“ Шеньо ответил: „Я так много милостей получил в этой стране, не знаю, как отплатить. Сейчас я уже стар и прошу оставить меня Вашим подданным на всю жизнь“. Вуа сказал: „Если действительно на всю жизнь останетесь моим подданным, то навеки войдете в историю. Если вернетесь в страну Запада, то будете там лишь простым человеком“».

⁹³ G. Taboulet. *La Geste...* с. 310.

⁹⁴ J. Silvestre. *Lo politique francaise dans l'Indochine*. P., б. г., с. 243.

⁹⁵ G. Taboulet. *La Geste...* с. 310; DNTL, t. VII, с. 79.

⁹⁶ G. Taboulet. *La Geste...* с. 312.

⁹⁷ DNTL. T. 7, с. 101.

⁹⁸ G. Taboulet. *La Geste...*, с. 318.

⁹⁹ DNTL. T. 10, с. 181 — 183.

Стремясь к договору с Вьетнамом, французы на этот раз надеялись укрепить свои позиции ссылками на агрессивные замыслы Англии против Китая и Вьетнама. «Англия,— говорили французы,— намерена захватить Гуандун, а затем вторгнуться в вашу страну». Французы просили предоставить в их распоряжение вьетнамского лоцмана для плавания вдоль побережья Бактхана, где они собирались произвести картографические работы. Последнее обстоятельство весьма насторожило Минь Манга. Французам было отказано во всех просьбах и предложено покинуть страну.

«Франция, — говорил Минь Манг своим советникам, — хочет воспользоваться этим предлогом, чтобы склонить нас к установлению отношений, только и всего. Какое отношение к нам имеет то, что Англия замышляет вторгнуться в Китай?»¹⁰⁰.

После этого случая Минь Манг распорядился усилить контроль за иностранными судами в портах Вьетнама. В 1831 г. этот приказ был повторен: каждый иностранный корабль во вьетнамских портах подвергался досмотру вьетнамской военно-морской администрации¹⁰¹.

Ко времени правления Минь Манга относится ужесточение политики династии Нгуенов в отношении христианской религии, что сказывалось прежде всего и в наибольшей степени на отношениях с Францией. Зя Лонг, отдавая дань той помощи, которую оказывали ему французские католические миссионеры в борьбе за власть во Вьетнаме, не чинил им препятствий, и в течение по крайней мере начального периода его правления проповедь христианской религии не встречала препятствий со стороны центральной власти. Это не означает, что вьетнамские монархи не отдавали себе отчета в том, что несет за собой новая религия в их страну и как ее проповедь может отразиться на судьбе их государства¹⁰².

Опасность христианства Нгуены видели в том, что оно опиралось на поддержку могущественных европейских держав, а также и в том, что эта религия шла к ним из страны, сотрясаемой революционными взрывами. О Великой французской революции 1789г. и последующих революционных событиях Нгуены знали и отнюдь не сочувствовали им. Идеи свободы, равенства и братства, провозглашенные во Франции в 1789 г., были высмеяны Минь Мангом в одной из бесед с приближенными¹⁰³.

В Кодекс Зя Лонга была включена ст. 144, в соответствии с которой государственной религией провозглашался культ предков; буддизм и даосизм получали право на существование; остальные верования, в том числе христианство, объявлялись вне закона¹⁰⁴.

В дополнение к Кодексу с его антихристианскими статьями Зя Лонг издал несколько антихристианских указов¹⁰⁵. И тем не менее в годы правления Зя Лонга ограничения христианства носили формальный характер. Строгие меры наказания, предусмотренные в Кодексе, не применялись на практике, а указы Зя Лонга имели целью лишь не допустить увеличения действующих приходов и количества верующих, а не несли в себе запрета религии, как таковой.

В одном из юридических документов Зя Лонга от 1804 г. говорится: «Католичество — это религия другой страны, проповедуемая у нас, она извращает учение о рае и аде, заставляет своих последователей носиться с проповедями как безумных. Заразившись этой религией, они остаются ей верными до конца и доводят себя до умопомрачения, о чем сами не подозревают.

¹⁰⁰ DNTL. Т. 10, с. 182.

¹⁰¹ Там же, с. 183, 209.

¹⁰² Tran Van Giau. Su phat trien cua tu tuong o Viet Nam tu the ky XIX dem cach mang thang Tam. Т. 1. Hanoi, 1973. с. 334.

¹⁰³ DNTL. Т. 8, с. 195.

¹⁰⁴ P. J. Silvestre. Considerations sur l'Etude du Droit Annamite. Saigon, 1922. с. 34—35.

¹⁰⁵ Tran Van Giau. Su phat trien... с. 335.

Отныне в том случае, если где-либо католическая церковь разрушится, ремонтировать ее можно только с ведома губернатора провинции. Постройка новых церквей запрещается»¹⁰⁶.

С приходом к власти Минь Манга начинается новый этап в религиозной политике Нгуенов, который характеризуется гонениями на христиан. Это объяснялось теми изменениями, которые с течением времени происходили в деятельности самих католических миссий, превратившихся в форпосты европейского колониализма.

Первые антихристианские указы Минь Манга 1825—1826 гг. были непосредственной реакцией на активизирующуюся деятельность французских миссионеров, которые в огромных количествах завозили в страну христианскую пропагандистскую литературу.

Гонения на христиан усилились, когда стала очевидной тесная связь миссионеров с восстанием Ле Ван Кхоя, охватившим юг страны в 1833—1835 гг. В ходе процесса над главарями восстания, подавленного в 1835 г., выяснилась роль французского миссионера Маршана, который по просьбе Ле Ван Кхоя обращался за помощью к Сиаму и Англии¹⁰⁷.

Сразу же после подавления восстания, в декабре 1835 г., был издан указ, запрещающий проповедь христианства во Вьетнаме.

Разоблачение Маршана убеждало вьетнамских правителей в серьезной угрозе, которую несли миссионеры существующему режиму в стране. В антихристианских указах Минь Манга все реже говорится о том ущербе, который терпит вьетнамская культура от чуждого влияния, а прямо указывается на подрывную политическую деятельность миссионеров.

К концу 30-х годов помимо Маршана и Корнэ были казнены еще несколько французских и испанских миссионеров, а также несколько вьетнамских христиан¹⁰⁸.

Начавшаяся в 1839 г. первая «опиумная» война (1839—1842) открывала новый этап европейской экспансии в страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии — этап прямого военного натиска. К этому времени относятся акты прямой военной агрессии французского колониализма против Вьетнама¹⁰⁹.

В эти годы вопрос о христианстве во Вьетнаме перестает быть вопросом борьбы религий, культур, нравов и обычаев, перестает быть просто политическим вопросом — вопросом внутреннего порядка или беспорядка. Вопрос о христианстве в конце 30-х — начале 40-х годов становится вопросом безопасности Вьетнама перед лицом французской колониальной экспансии¹¹⁰.

Нгуены в лице Минь Манга (1820—1841) и Тхиеу Чи (1841—1847) понимали угрозу французской интервенции и по-своему старались предотвратить ее.

В первые же месяцы «опиумной» войны, когда выяснилась неспособность Китая к войне с европейской страной, Минь Манг отправил на Запад, в Лондон и Париж, и в колонии европейских стран (Сингапур, Калькутту и Батавию) миссии, чтобы выяснить намерения Запада в отношении Вьетнама, а также подтвердить свою готовность вести равноправную торговлю со всеми странами¹¹¹.

Однако посольства эти потерпели неудачу. Король Франции под давлением агрессивно настроенных церковников, призывавших к войне с Вьетнамом, чтобы отомстить за казни собратьев, по вере, не принял вьетнамское посольство.

Французские военно-морские силы получили распоряжение оказывать всемерную поддержку миссионерам¹¹². В обстановке, когда миссионеры, игнорируя вьетнамское

¹⁰⁶ DNTL. Т. 3, с. 168—169.

¹⁰⁷ DNTL. Т. 12, с. 239; т. 17, с. 155.

¹⁰⁸ DNTL. Т. 20, с. 113—122; т. 21, с. 221.

¹⁰⁹ Э. О. Берзин. Католическая церковь... с. 217.

¹¹⁰ Tran Van Giau. Su phat trien... с. 337.

¹¹¹ Э. О. Берзин. Католическая церковь... с. 217, 227.

¹¹² Там же, с. 218.

законодательство, продолжали прибывать в страну в возрастающем количестве, это, по сути дела, означало возможность начала военных действий против Вьетнама в любое время.

В этих условиях вьетнамское правительство меняет тактику и, чтобы избежать конфликтов с французами, смягчает свою карательную политику.

Когда в начале 1842 г. за участие в мятеже в провинции Фуиен были арестованы и приговорены к смертной казни пять французских миссионеров, император Тхьеу Чи заменил приговор тюремным заключением¹¹³. В 1843 г. все осужденные были освобождены по требованию Фовен Левека — командира французского военного корабля, направленного в Дананг. В 1844 г. по требованию французского правительства была безнаказанно отправлена на родину еще одна группа французских миссионеров¹¹³.

Однако эти уступки вьетнамских властей уже не удовлетворяли Францию. На повестке дня стоял захват Вьетнама, и его осуществление становилось лишь делом времени.

Весной 1847 г. два французских корабля прибыли в Дананг. Среди прибывших было пять-шесть миссионеров. Поведение французов было вызывающим. Командир корабля капитан Лапьер с несколькими десятками вооруженных людей явился в таможню, где предъявил письмо от французских властей, написанное по-китайски в оскорбительных для вьетнамской стороны выражениях.

Это письмо не было принято вьетнамским сановником Ли Ван Фуком, после чего французы напали на вьетнамские суда в бухте Чашон, сняв с них паруса и другое снаряжение.

Император, узнав об этом, распорядился привести в боевую готовность войска и морские силы, чтобы обеспечить оборону Дананга¹¹⁴. Сановники Май Конг Нгои и Дао Чи Фу, которые руководили обороной порта, получили инструкции первыми не начинать боевых действий, а лишь подготовить ответный удар.

При этом среди сановников тайного совета было мнение, что французы пришли только затем, чтобы наладить торговые отношения и добиться отмены запрета христианства. «Нет резона приходить издалека с двумя кораблями и осмелиться развязать войну...» — говорил Чьонг Данг Куэ¹¹⁵.

Дао Чи Фу, считавшийся при дворе специалистом по европейским «варварам», тоже полагал, что до войны не дойдет. Многие выражали мнение, что если французы и затеют конфликт, то вьетнамской стороне не составит труда их разбить.

Ха Зуи Фиен говорил, например: «Корабли западных варваров не должны вызывать беспокойства; если наши суда тесно сомкнут свои ряды, там, где они стоят, об этом месте можно не волноваться». Император, однако, настаивал на обороне Дананга¹¹⁶.

Между тем французы внезапно нанесли удар по вьетнамской эскадре. Пять вьетнамских кораблей было потоплено. Потери вьетнамской стороны убитыми, пропавшими без вести и ранеными превышали 200 человек. Французские суда удалились беспрепятственно. Всех вьетнамских чиновников, виновных в поражении, постигла суровая кара. Был отдан приказ о дополнительных мерах по укреплению Дананга. Вход французских судов, военных и гражданских, в Дананг был полностью запрещен¹¹⁷.

Тхьеу Чи говорил по этому поводу членам тайного совета: «Европейский корабль мог появиться здесь по двум причинам: потребовать снять запрет с проповеди католичества и из-за торговли. Европейцы по натуре коварные люди. Если отменить запрет проповеди христианства, то Англия сразу же, в свою очередь, будет требовать отмены запрета торговли опиумом... Наши противники похожи на волков, которые

¹¹³ DNTL. Т. 24, с. 268.

¹¹⁴ DNTL. Т. 25, с. 173, 282.

¹¹⁵ Там же, с. 243, 244.

¹¹⁶ DNTL. Т. 26, с. 243—245.

¹¹⁷ DNTL. Т. 25, с. 255—256; т. 26, с. 256—257, 265, 284; т. 28, с. 88.

никогда не бывают сыты. А что касается христианства, то это вредная ересь, которая привела уже к конфликту и открывает путь к войне»¹¹⁸.

События в Дананге открыли новый этап в антихристианской политике Нгуенов. Наряду с антихристианскими указами, которые продолжали издаваться в стране, бичующими еретическое учение, «не уважающее родителей, не чтящее предков, наносящее вред культуре», в апреле 1847 г. был издан указ, запрещающий французским судам заплывать во вьетнамские воды.

В указе говорилось: «Варвары из Франции, проявляя сумасбродство, причинили нам зло, которому не может быть прощения. Если они снова придут независимо на военном или торговом судне, таможенная администрация должна немедленно их прогнать, не позволяя встать на якорь»¹¹⁹.

Меры, которые Нгуены в этот период принимали против европейцев, были в основном оборонительного характера. Выражая серьезную озабоченность по поводу того, что христианство проникает в армию и чиновничество, приводя в исполнение смертные приговоры в отношении вьетнамцев-христиан¹²⁰, Тхиеу Чи вместе с тем избегал решительных мер в отношении французских миссионеров, опасаясь новых инцидентов, подобных данангскому¹²¹.

В связи с запретом французским судам входить во вьетнамские порты свелась на нет и франко-вьетнамская торговля.

Вьетнам и Англия

Первые контакты Нгуенов с англичанами, в частности с представителями Ост-Индской компании, относятся к концу XVIII в. Еще до того, как Англия проявила интерес к Вьетнаму, Нгуен Ань закупал у английских фирм в Мадрасе и Калькутте оружие и боеприпасы, столь необходимые ему в его войне с Тэйшонами¹²².

К самому началу XIX в. относятся первые попытки Англии установить отношения с вьетнамским двором. Эти попытки были обусловлены стремлением Англии воспрепятствовать французской экспансии в этот район, а также и чисто коммерческими соображениями: британская Ост-Индская компания искала новых рынков.

Судя по записям, сделанным во вьетнамской хронике за 1803г., во Вьетнаме побывала миссия англичан, просившая разрешения на учреждение фактории в Чашоне. Вьетнамский монарх, опасавшийся за неприкосновенность морских границ страны, приказал вернуть дары и отправить миссию восвояси¹²³.

По-видимому, неудача не обескуражила англичан. Не прошло и года, как Ост-Индская компания направила в Хюэ своего представителя Робертса. В задачу этой миссии входило добиться от вьетнамской стороны предоставления британским судам права свободно заходить во все вьетнамские порты, получить в вечное пользование Ост-Индской компании остров или участок земли на вьетнамском побережье, а также убедить Зя Лонга не разрешать французам устраивать селения на вьетнамской территории. Англичане, в свою очередь, брали на себя обязательство снабжать Вьетнам вооружением

¹¹⁸ DNTL. Т. 26, с. 257—258.

¹¹⁹ DNTL. Т. 26, с. 276, 284; I 28, с. 88.

¹²⁰ DNTL. Т. 26, с. 385. Влиянием христианства объяснял Тхиеу Чи измену командира Ву Ван Дьена, который во время конфликта в Дананге выдал «западным варварам военную тайну» (DNTL. Т. 26, с. 105).

¹²¹ Так, он отверг предложение губернатора Хынгхоа Нгуен Данг Зя закрыть порты Вьетнама для выхода судов в море и лишить тем самым миссионеров возможности свободно покинуть страну, усилив одновременно меры по их поимке, которые должны были завершаться их немедленной казнью (DNTL. Т. 26, с. 105, 284).

¹²² A. Lamb. *The Mandarin Road to the Old Hue. Narratives of the Anglo-Vietnamese Diplomacy from the Seventeenth Century to the Eve of the French Conquest.* Hamden, 1970, с. 192.

¹²³ DNTL. Т. 3, с. 134.

и сырьем для приготовления пороха. Робертсу было приказано во что бы то ни стало добиться учреждения в Хюэ постоянного британского представительства¹²⁴.

Миссия Робертса закончилась полной неудачей. Он удостоился приема у Зя Лонга, но ничего не добился. Зя Лонг соглашался принимать британские суда в определенно выделенных портах, но на тех же условиях, что и суда других стран, но он не пошел ни на какие уступки и не предоставил никаких специальных привилегий Ост-Индской компании.

После неудачи миссии Робертса англичане, отдав приоритет в своей политике Китаю и Сиаму, не предпринимали попыток к установлению отношений с Вьетнамом до 1822 г., хотя английские торговые суда появлялись у берегов Вьетнама¹²⁵.

Возобновление англо-вьетнамских контактов связано с миссией Дж. Кроуфорда, который осенью 1822 г. прибыл в Дананг, а затем в Хюэ. Обставленная как чисто коммерческое предприятие, миссия Кроуфорда тем не менее имела и определенные политические цели, а именно выяснение наличия какого-либо иностранного влияния на вьетнамский двор, враждебного английским политическим интересам.

В этом смысле англичане считали миссию удачной, так как Кроуфорду удалось выявить отсутствие какого-либо договора между Францией и Вьетнамом. Что касается торговли, то и на этот раз Англия не получила никаких привилегий по сравнению с другими европейскими странами и Китаем. Английским судам разрешалось торговать в портах главным образом Куангнама и Зядиня. Северная часть страны объявлялась закрытой для внешней торговли¹²⁶.

Англичан познакомили с правилами торговли, выполнения которых Вьетнам требовал от торговцев из Китая, а также от всех стран Индокитая и западных морей. Эти правила были обязательны и для Англии¹²⁷.

Минь Манг не принял Кроуфорда, мотивируя отсутствием верительных грамот от английского короля и ссылаясь при этом на случай с французским посланцем Кергариу, которому было отказано в аудиенции в 1817 г. на том же основании¹²⁸.

После миссии Кроуфорда Вьетнам снова на многие годы выходит из сферы английских политических интересов, которые сосредоточиваются на Бирме и Сиаме. Английские торговые суда время от времени посещали вьетнамские порты, но не встречали там радушного приема.

Характерными для отношения вьетнамского двора к Англии продолжают оставаться устойчивые чувства неприязни и недоверия, обусловленные колониальными захватами Англии на Индостанском субконтиненте и ее активным продвижением в Тихий океан.

Когда в 1826 г. у побережья провинции Биньтхуан появилось английское судно, занесенное сюда бурей, Минь Манг в указе по этому поводу отметил: «Страна эта (Англия) известна своим коварством и интриганством; сюда [они] явились тоже не для добрых дел»¹²⁹. Минь Манг предложил найти способ выдворить пришельцев, не вступая с ними в споры¹³⁰.

¹²⁴ G. Taboulet. *La Geste...* t. I, с. 275—277; A. Lamb. *The Mandarin Road to the Old Hue...* с. 197.

¹²⁵ DNTL. Т. 3, с. 348—349; I. 4, с. 157.

¹²⁶ DNTL. Т. 6, с. 85—86; J. Crawford. *Journal of an Embassy from the Governor General of India to the Courts of Siam and Cochin-China Exhibiting a View of the Actual State of those Kingdoms*, vol. I. L., 1830, с. 417—418.

¹²⁷ Правила морской торговли сводились к следующему: торговать разрешалось в трех пунктах — в столице Хюэ, Дананге и Зядине — при условии уплаты портового обора. Предметы вьетнамского экспорта, считавшиеся драгоценными, облагались твердыми пошлинами.

¹²⁸ J. Crawford. *Journal...*, с. 381, 383, 395, 397; DNTL. Т. 6, с. 85—86. Минь Манг не согласился принять и подарки, привезенные Кроуфордом, в том числе 500 ружей (см.: DNTL. Т. 6, с. 85).

¹²⁹ DNTL. Т. 6, с. 85.

¹³⁰ DNTL. Т. 8, с. 97. Появление английских судов у берегов Вьетнама отмечалось хрониками в 1834, 1835 и 1836 гг.

В 30-е годы XIX в., когда вьетнамский двор был занят подавлением крупных восстаний Ле Ван Кхоя и Нонг Ван Вана, принимаются меры к тому, чтобы не допустить вмешательства извне, в частности со стороны Англии, на помощь которой рассчитывали восставшие. В эти годы происходит резкое ужесточение торгового режима: в указах Минь Манга 30-х годов строго подчеркивается, что английским судам разрешается торговать только в Дананге. Одновременно вводятся более строгие правила досмотра иностранных судов таможенными властями¹³¹. В этих же целях, стремясь сократить пребывание англичан в стране, вьетнамские власти охотно оказывали помощь потерпевшим крушение английским судам, снабжая команду продовольствием и деньгами для скорейшего возвращения на родину¹³².

В бурных событиях первого десятилетия XIX в., связанных с колониальной экспансией западных держав, в авангарде которой шла Англия, Вьетнам занимал пассивную позицию. Во время англо-бирманского конфликта, начавшегося в 1824 г., Минь Манг выразил негативное отношение к обеим воюющим сторонам. «В интересах соседних стран,— говорил он в 1826 г.,— чтобы Бирма и Англия ослабляли друг друга в войне». В конфликте Сиам с Англией в эти же годы Минь Манг занял выжидательную позицию, не спеша с оказанием помощи Сиаму¹³³. Во время первой «опиумной» войны (1839—1842), которую Англия вела с Китаем, Вьетнам взял линию на полное невмешательство. Его отношение к Китаю в эти годы было в высшей степени критическим.

Вместе с тем агрессивная политика Англии беспокоила Нгуенов. Вооруженное вторжение Англии в Китай было воспринято как предостережение¹³⁴.

Как отмечено выше, с целью выяснения намерений Англии и Франции Минь Манг снарядил в 1839 г. целую серию официальных посольств в страны Тихого океана, которые должны были побывать на территориях, принадлежащих Голландии и Англии, а также посольство в Европу. Последнее помимо сбора информации имело целью сообщить правительствам Англии и Франции о желании Вьетнама заключить с ними договоры о торговле¹³⁵.

В этот короткий период прибывающим в Чашон английским торговым судам не только не чинили препятствий, а оказывали повышенное внимание¹³⁶.

Но ни с Францией, ни с Англией вьетнамскому посольству никаких договоров заключить не удалось. Король Луи Филипп отказался принять вьетнамское посольство. Никаких результатов не добились посольство и в Лондоне, который был занят войной с Китаем¹³⁷.

Между тем Англия, одержав победу в «опиумной» войне с Китаем, вновь обратила внимание на его ближайшего соседа — Вьетнам. Поводом для возобновления отношений послужил, казалось бы, незначительный случай. В 1844 г. к берегам Вьетнама ураганом занесло английское судно. По личному приказу Тхьеу Чи пострадавшим англичанам оказали помощь. В связи с этим случаем в 1845 г. Вьетнам посетила специально посланная официальная английская миссия с выражением благодарности от имени английского правительства за спасение английских моряков. Капитан Росс, возглавлявший миссию, передал вьетнамским властям дорогие подарки для Тхьеу Чи.

Тхьеу Чи, учитывая горький опыт Китая в «опиумной» войне, проявил большую осторожность. Миссия была принята со всеми почестями, на имя королевы Елизаветы

¹³¹ DNTL. Т. 17, с. 177.

¹³² DNTL. Т. 18, с. 330.

¹³³ DNTL. Т. 8, с. 80, 811.

¹³⁴ R. P. Delevaux. L'Ambassade de Minh Mang a Lois Philippe, 1839—1841. — BAVH. 1928, № 4, с. 257.

¹³⁵ G. Taboulet. La Geste..., с. 347—349.

¹³⁶ DNTL. Т. 12, с. 217—218.

¹³⁷ Le Thang Khoi. Le Viet-Nam... с. 342.

направлены послание Тхиеу Чи и многочисленные дорогие подарки¹³⁸, но, как и прежде, эти контакты не увенчались официальным договором.

Вслед за миссией Росса в 1847 г. во Вьетнам была послана миссия Дж. Дэвиса, английского посла в Китае. Дэвис имел полномочия от английской королевы заключить торговый договор с Вьетнамом.

С Францией к этому времени уже сложились крайне напряженные отношения: у вьетнамских правителей не осталось сомнений в ее агрессивных намерениях в отношении их страны. Если бы Вьетнам искал союзника в борьбе против Франции, он, возможно, обрел бы его в лице Англии.

Впоследствии, в 60-х годах XIX в., передовые вьетнамские мыслители выступают с резкой критикой этой негибкой вьетнамской дипломатии, обусловленной засильем при дворе консерваторов.

Католик Нгуен Чьонг То, для которого идеалом восточного государства, находившего оптимальные пути обращения с западными странами, включавшие игру на их противоречиях, был Сиам, писал: «Посмотрите на Сиам, который не крупнее и не сильнее нашей собственной страны. Однако, когда он вступает в контакт с Западом, он знает всякий раз, как вести себя в той или иной обстановке... Он обходится без того, чтобы оборонять свои границы и защищать свои права, и тем не менее его уважают, как будто это великая держава...

Сиам просто умеет делать внешнюю политику — только и всего, и внешняя политика, в свою очередь, делает эту страну день ото дня крепче и богаче»¹³⁹.

Вьетнам, прибегавший к традиционной тактике «бить варваров руками варваров» во взаимоотношениях со своими соседями на Индокитайском полуострове, в отношении европейцев продолжал проводить изоляционистскую политику, снижая до минимума контакты, вводя все новые и новые ограничения.

Этому в немалой степени способствовали крайне антизападные настроения при дворе Нгуенов. Эти настроения росли по мере активизации миссионерской деятельности, которая с конца 40-х годов все чаще сочеталась с попытками открытой вооруженной интервенции западных держав.

В момент, когда во Вьетнам прибыла миссия Дэвиса, антизападные настроения доминировали при дворе. Тхиеу Чи даже не принял английского посла, несмотря на то что у него были верительные грамоты от королевы¹⁴⁰.

Надо признать при этом, что вьетнамские власти в эти годы по-разному относились к разным странам Запада. В той же хронике ДНТЛ за 1848 г. отмечается доброжелательный прием торговых кораблей из Англии, Америки и Португалии, которые заходили в порты провинции Хатиен, где свободно запасались водой и провизией, и особо подчеркивается, что французским судам все это было запрещено¹⁴¹.

В 1848 г. группа чиновников, возглавлявших шесть ведомств, обратилась к только что взошедшему на престол Ты Дыку с просьбой прекратить всякую торговлю с Западом, при этом ссылаясь, на вооруженный инцидент 1847 г., во время которого погиб вьетнамский персонал пограничной службы.

«Если мы будем снова торговать с ними (западными странами), что же скажут о нас наши соседи?»¹⁴² — говорили они.

В этой обстановке полной неудачей окончилась английская миссия Вэйда, прибывшая во Вьетнам в 1855 г.

Это была последняя попытка Англии установить дипломатические отношения с Вьетнамом в новое время¹⁴³.

¹³⁸ DNTL. Т. 25, с. 335.

¹³⁹ A. Woodside. Vietnam and the Chinese Model..., с. 261.

¹⁴⁰ DNTL. Т. 26, с. 388—389.

¹⁴¹ DNTL. Т. 27, с. 87—88.

¹⁴² Там же, с. 117—118.

Вьетнам и Соединенные Штаты

Соединенные Штаты несколько отставали от европейских держав в своей колониальной экспансии в Юго-Восточную Азию. Их корабли стали появляться в водах Вьетнама не ранее второго десятилетия XIX в. По-видимому, первым заходом американского корабля во вьетнамский порт было посещение Зядиня в 1820 г. капитаном Дж. Уайтом, который оставил любопытные воспоминания о своем путешествии¹⁴⁴.

Интересно отметить, что в отличие от негативного отношения вьетнамского двора к подобным инициативам со стороны европейских стран, на этот раз Минь Манг проявил интерес к заключению соглашения о торговле с американцами.

Однако предложенные условия оказались невыгодными для Уайта. Дело в том, что в начале XIX в. морская торговля США в странах Тихоокеанского бассейна была заинтересована не столько в сбыте американской продукции или сырья, сколько в приобретении дешевых восточных товаров для перепродажи в США и Европе.

Возможности Вьетнама в этом смысле были тогда крайне ограниченными. Просьбы Минь Манга о поставке американских товаров также, по-видимому, казались американцам невыполнимыми или не сулящими выгод¹⁴⁵.

Вполне возможно, что заключение о невыгодных с коммерческой точки зрения условиях торговли, которое Уайт сделал в своей книге, повернуло от вьетнамских берегов американские торговые суда почти на целое десятилетие¹⁴⁶.

Первая официальная дипломатическая миссия США во Вьетнам прибыла только в 1832 г. на фрегате «Реасок». Она возглавлялась «пионером американской дипломатии» на Востоке Эдмундом Робертсом. Посещение Вьетнама было частью обширной тихоокеанской программы, которую по приказу президента Джексона выполнял Робертс.

К этому времени для американской буржуазии были уже очевидны выгоды колониальной торговли, положившей начало появлению крупных состояний в Соединенных Штатах. Американское правительство принимало специальные меры для поощрения торговли с Востоком. Например, ввозные пошлины на чай, импортируемый непосредственно из стран Дальнего Востока, были снижены в 2 раза. В целях содействия развитию американского судостроения и судоходства регистрация судов под американским флагом разрешалась лишь в том случае, если они были построены на верфях США; пошлина на товары, доставлявшиеся на американских судах, снижалась на 10%. Эти и другие меры привели к буму в судостроительной промышленности США. В начале XIX в. 90% заморской торговли США обеспечивалось американским торговым флотом. Американские торговые суда почти полностью обслуживали также внешнюю торговлю таких европейских стран, как Франция, Голландия и Испания¹⁴⁷. Лишь развитие металлического парового судостроения в Англии кладет конец монополии быстроходного американского парусного флота¹⁴⁸.

Вместе с тем Соединенные Штаты еще не имели достаточной военной мощи, чтобы соперничать с европейскими державами на Тихом океане, и у них еще не было опыта захватнических войн за пределами Североамериканского континента. Эти обстоятельства в сочетании с быстрым развитием экономического потенциала страны определяли особенности политики США в странах Востока. Не располагая

¹⁴³ DNTL. Т. 28, с. 145.

¹⁴⁴ J. White. A Voyage to Cochinchine. L., 1824.

¹⁴⁵ Huynh Lua. Qua trinh xam nhap cua de duoc My vao nuoc ta (tu giua the ky thu XIX den nam 1954).— NCLS. 1963, № 46, с. 30.

¹⁴⁶ P. Midan. Les Europeens qui ont vu le vieux Hue: Jonh White. — BAVH. 1937, № 2—3, с. 93—194. В этой статье Мидан фиксирует полное отсутствие американских кораблей в Сайгоне за период с 1820 по 1860 г., что не вполне соответствует действительности.

¹⁴⁷ Современная историография стран зарубежного Востока. М., 1966, с. 18—19.

¹⁴⁸ Очерки новой и новейшей истории США. Т. 1. М., 1960, с. 192.

возможностями заполучить колониальные анклав на Востоке, правящие круги США уже тогда связывали перспективу колониальной эксплуатации азиатских стран с подчинением их правительств американскому влиянию, используя для этого политические и экономические рычаги.

Не удивительно в связи с этим, что инструкция государственного секретаря США Ливингстона Робертсу была составлена в «антиколониальном» духе. В соответствии с этой инструкцией Роберте должен был убедить правительства стран тихоокеанской Азии в том, что «строительство фортов и создание дорогостоящих учреждений в иностранных государствах противоречат принципам нашего народа, что мы никогда не совершаем завоеваний и не просим никакие страны о том, чтобы обосноваться в них, как это делают англичане, французы и голландцы в Ост-Индии...»¹⁴⁹. От имени президента Джексона Робертс вез во Вьетнам письмо, подписанное Ливингстоном¹⁵⁰.

Во вьетнамской хронике это событие описывается следующим образом: «Президент страны Америки прислал своих подданных Эдмунда Робертса и Дж. Томпсона с письмом от своего имени с просьбой разрешить судам торговать в бухте Лам в Фуиене. Император направил Нгуен Чи Фыонга и Ли Ван Фыка собрать совет с чиновниками провинции, а затем устроить банкет в честь прибывших на корабле и узнать о целях приезда. Прибывшие чрезвычайно уважительно ответили: [Приехали] только для того; чтобы установить отношения и торговать».

Позже, когда перевели письмо Ливингстона, вьетнамские чиновники обнаружили в нем несоответствия традиционному дипломатическому протоколу. В письме Ливингстона отсутствовало название страны и имя ее монарха. На этом основании Минь Манг отказался принять письмо. Однако в ответном послании вьетнамской стороны выразилось согласие на прием американских судов в бухте Чашон (в соответствии с правилами) при условии, если на берегу не будут возводиться строения¹⁵¹.

В 1836 г. Э. Робертс на фрегате «Реасок» под командованием капитана Е. П. Кеннеди снова оказался у берегов Вьетнама, на этот раз, как и было указано в послании Минь Манга, в бухте Чашон, близ Дананга. Целью миссии, как и в первый раз, была заключение торгового договора с Вьетнамом¹⁵².

К этому времени при дворе наметились две линии поведения в отношении американцев. Как следует из хроники, чиновники придворного совета оказались более нетерпимыми к иностранцам, нежели император. Америку они характеризовали как «страну коварную и двуличную», советуя Минь Мангу отказать главе миссии в приеме.

«Один раз допустить [иностранцев] — значит создать беспокойство для последующих поколений. В старину у нас закрывали бухту Нгоккуан и не принимали в Тэйвуке — это был хороший способ противостоять врагу», — говорили они Минь Мангу, который настаивал на приеме американцев, «чтобы не показаться невеликодушным».

Спор решили сами американцы, неожиданно покинувшие вьетнамские воды из-за серьезной болезни Э. Робертса¹⁵³.

Лишь спустя почти десять лет, в 1845 г., корабль военно-морского флота США неожиданно подошел к Данангу, высадил десант, захватил всех чиновников и военные джонки, находившиеся в порту, а затем, отпустив всех, ушел в открытое море¹⁵⁴. Причины этого инцидента остались неизвестными. Однако в 1849 г. еще один американский корабль появился в порту Дананга, на этот раз с официальной миссией и письмом от

¹⁴⁹ The Record of American Diplomacy. Documents and Readings in the History of American Foreign Relations. N. Y., 1956, с. 258.

¹⁵⁰ Thai Van Kiem. Les premiers relations entre le Vietnam et les Etats Units d'Amerique. — Bulletin de la Societe des Etudes Indochinoises. N. S. T. XXXVIII, 1962, с. 298.

¹⁵¹ DNTL. T. 11, с. 231.

¹⁵² DNTL, T. 18, с. 109—110.

¹⁵³ Э. Робертс умер в том же, 1836 г. (см.: L. Sogny. Au Sujet de la Mission de Edmund Roberts en Annam. — BAVH. 1941, № 3; с. 315).

¹⁵⁴ Huynh Lua. Qua trinh... с. 30; DNTL, 1. 24, с. 282.

правительства США. В письме содержались извинения за недружественную акцию, которую допустил капитан корабля в Дананге в 1845 г., сообщалось, что он понес наказание, и предлагалось начать торговать и установить дружественные отношения. С американской стороны были и другие инициативы такого же рода. В частности, речь идет о миссии американского консула в Сингапуре Дж. Балестье, который в 1850 г. был направлен во Вьетнам и Сиам с целью добиться заключения торгового договора¹⁵⁵.

Однако все предложения американцев отвергались под предлогом невыгодности торговли для обеих сторон¹⁵⁶.

Уже после того как южная часть Вьетнама была в 1860-х годах захвачена французами, в Сайгоне начали операции несколько крупных американских торговых фирм¹⁵⁷.

---

¹⁵⁵ См : W. P. Vella. Siam under Rama III..., с. 131.

¹⁵⁶ DNTL. T. 27, с. 215.

¹⁵⁷ Huynh Lua. Qua trinh... с. 30.

Раздел IV

ВЬЕТНАМ В ПЕРИОД БОРЬБЫ С ФРАНЦУЗСКОЙ АГРЕССИЕЙ (1858 — 1898)

Глава 1

ЗАХВАТ ФРАНЦИЕЙ ЮЖНОГО ВЬЕТНАМА И ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА ВЬЕТНАМСКОГО НАРОДА

Цели и методы французской колониальной экспансии. Ход военных действий на юге Вьетнама

Захват Францией Южного Вьетнама явился первым этапом в создании французской колониальной империи в восточной части Индокитайского полуострова — Индокитайского союза.

Главной задачей французской колониальной агрессии было стремление обеспечить для своей торгово-промышленной буржуазии рынки Дальнего Востока. Эти рынки интересовали Францию не только как возможность сбыта своей продукции, но и как важный источник сырья для французской промышленности¹.

Переходя к открытой вооруженной агрессии в этом районе, правительство Наполеона III рассчитывало также отвлечь внимание широких народных масс во Франции от положения внутри страны, дать пищу шовинистической пропаганде, закалить армию. Для осуществления своих замыслов Франция стремилась наладить сотрудничество с Англией, поскольку своими силами она не могла решить поставленных задач.

С середины 50-х годов XIX в. на Дальнем Востоке сложилось довольно тесное англо-французское сотрудничество. Англия была заинтересована в дипломатической и особенно военной поддержке Франции в своей войне против Китая. Франция также надеялась на определенные торгово-экономические выгоды в этой войне, но главная ее цель заключалась в том, чтобы помешать Англии слишком укрепиться в Китае и одновременно использовать английские базы в Юго-Восточной Азии для своей агрессии против Вьетнама. Таким образом, агрессия Франции во Вьетнаме была в значительной мере «обеспечена» ее сотрудничеством с Англией. Именно в этом плане во время англо-французских переговоров (сентябрь 1856 — март 1857 г.) встал вопрос о совместных действиях Англии и Франции в Китае. Англия претендовала на оккупацию Фучжоу, Амоя и Чифу на побережье Китая, Франция — на захват бухты Дананг (Туран) во Вьетнаме и какого-нибудь пункта в Китае, удобного для основания военно-морской базы.

В ноябре 1857 г. командующий французскими вооруженными силами в Китае адмирал Риго де Женуйи получил указание направить войска во Вьетнам. Однако из-за начавшейся войны с Китаем это предприятие пришлось отложить.

Окончательная договоренность о том, что Франция уступает Англии главную роль в агрессивных действиях против Китая, получая взамен свободу рук во Вьетнаме, была достигнута лишь к концу 1859 г. Подобная уступка объяснялась тем, что у Франции не было достаточно сил для осуществления больших колониальных захватов одновременно в Китае и во Вьетнаме.

Французскому правительству важно было также заручиться поддержкой Испании, чтобы получить возможность использовать в качестве военной силы привычных к

---

¹ Китайский шелк «так важен для нас, что мы не можем ни обойтись без него, ни найти его на других рынках», — писал французский публицист того времени Ш. Лаволле. Помимо шелка из Китая и Индокитая надеялись получить дешевый хлопок, индиго, рис, пряности, медь, олово, чай и т. д. (Ch. Lavallee. Commerce exterieure de la France.— Revue des Deux Mondes», 1839, avril 15, с. 988).

местному климату солдат из испанской колонии — Филиппин. В ходе переговоров, которые проходили в конце 1857 — начале 1858 г., испанское правительство охотно согласилось на совместное с Францией выступление². Правительство Испании при этом рассчитывало, что военные действия во Вьетнаме отвлекут внимание Франции от Филиппинских островов. Сговорчивость испанского правительства объяснялась также и тем, что правительство Луи Бонапарта в этот период сохраняло благожелательный нейтралитет по отношению к действиям Испании в Африке. Кроме того, испанское правительство рассчитывало приобрести новую колонию на севере Вьетнама. В январе 1858 г. испанский министр иностранных дел сообщил французскому послу в Мадриде Тюрго, что его правительство уже отдало приказ на Филиппины выделить для действий во Вьетнаме 1400 человек пехоты и два корабля³. Всего объединенные франко-испанские силы к началу войны насчитывали 14 военных кораблей и около 3 тыс. солдат⁴.

Командующим франко-испанскими силами во Вьетнаме был назначен адмирал Риго де Женуйи. Ему предписывалось оккупировать бухту и п-в Тьеня с Данангом, а затем заключить договор или добиться протектората над Южным Вьетнамом⁵. В июне 1858 г. был подписан Тяньцзиньский договор с Китаем, «высвободивший» французские войска для вьетнамской войны. 30 августа соединенные франко-испанские силы из Гонконга направились во Вьетнам. Предлогом для начала военных действий во Вьетнаме послужили «преследования миссионеров»⁶.

Так возникло первое вооруженное столкновение французских войск с армией феодального Вьетнама. Эта война началась в условиях материального и технического превосходства Франции, что проявилось прежде всего в превосходстве ее военной техники, в повсеместном применении французской армией нарезного стрелкового оружия и артиллерии. Положение Вьетнама было сильно ухудшено в результате того, что его правящая верхушка оказалась неспособной обеспечить должное военное и политическое руководство страной, хотя во вьетнамской армии, как показали военные действия, были способные военачальники, умело руководившие боевыми действиями вьетнамских войск и партизанских отрядов.

1 сентября 1858 г. франко-испанские войска прибыли в бухту Дананг. Вьетнамским властям был предъявлен ультиматум сдать город без боя. На размышление давалось два часа.

Захват Дананга, по мысли французского командования, открывал путь на столицу Хюэ. Кроме того, здесь удобнее всего было организовать базу и стоянку для флота, так как именно флот должен был сыграть главную роль в предстоящей войне.

Вьетнамское командование было уверено в том, что корабли противника не смогут подойти к укреплениям города на орудийный выстрел. После того как началась бомбардировка города и крепости, а мелко сидящие канонерки, подойдя к стенам крепости, высадили десант, город и крепость Дананг были сданы. Однако заграждения на реке преградили путь французским кораблям. В течение шести месяцев французские войска не решались начать наступление на столицу при возросшем сопротивлении вьетнамских войск, в незнакомой местности, при губительном для европейских солдат климате, без поддержки флота. Малочисленность войск не давала возможности рассчитывать также на длительную оккупацию Дананга, а надеяться на подкрепления из Франции не приходилось, поскольку правительство Наполеона III готовилось к войне в Италии. Бои, лихорадка, холера, дизентерия, наконец, изнурительная жара уносили из рядов французских войск все больше жизней. Все это заставило Риго де Женуйи

² T'oung Pao. Leiden-Brille, 1911, с. 162 (Письмо МИД Франции в министерство морского флота и колоний от 3 декабря 1857 г.).

³ T'oung Pao, с. 163 (Нота МИД Испании 1 января 1858 г.).

⁴ Histoire militaire de l'Indochine française des debuts a nos jours. vol. 1. Hanoi — Haiphon, 1930, с. 25.

⁵ T'oung Pao, с. 158. (Нота в министерство морского флота и колоний от 25 ноября 1857 г.).

⁶ В частности, казнь испанского католического миссионера Диаса.

отказаться от планов захвата Хюэ, чтобы не поставить войска под угрозу полного разгрома. Он решил попытаться захватить Сайгон, который по своему торговому и военному значению превосходил Дананг. Кроме того, захват Сайгона, а впоследствии Южного Вьетнама⁷ должен был обеспечить французскую армию необходимым ей рисом и, наоборот, поставить в тяжелое положение вьетнамскую армию, лишив ее в значительной мере продовольствия. Не последнюю роль сыграла здесь и боязнь соперничества Англии. Риго де Женуи было известно, что английское правительство через английских купцов из Гонконга и Сингапура делало неоднократно попытки обосноваться в Сайгоне⁸.

В феврале 1859 г. франко-испанская эскадра, оставив небольшой гарнизон, покинула Дананг и вскоре подошла к фортам, защищавшим Сайгон. В результате усиленной бомбардировки города с моря и последовавшего затем штурма франко-испанским войскам удалось занять Сайгон. При этом они захватили богатые трофеи — оружие, 86 тыс. кг пороха, огромные запасы риса и значительные денежные суммы.

Однако бедственное положение блокированного в фортах Дананга французского гарнизона вынудило Риго де Женуи взорвать укрепления Сайгона и, оставив в одном из фортов часть своих войск, поспешить на выручку осажденным.

Осада Дананга была снята лишь после упорных боев. Войска оккупантов оказались в очень тяжелом положении. Риго де Женуи писал: «Правительство было обмануто относительно характера этого предприятия в Кохинхине»⁹. Население ненавидело захватчиков, и даже христиане, на которых так рассчитывали миссионеры, выступали против оккупантов. При каждом удобном случае вьетнамцы уничтожали отдельных солдат и офицеров, франко-испанских войск¹⁰.

Французское правительство ничем не могло помочь своему экспедиционному корпусу. В Европе Франция вела войну с Австрией. В Китае также были возобновлены военные действия.

В этой обстановке французское командование было вынуждено, начать с правительством императора Ты Дыка переговоры о заключении мира. Императорский двор, со своей стороны, не собирался идти ни на какие уступки Франции и вел переговоры лишь с целью выиграть время. 7 сентября 1859 г. французская сторона прервала переговоры, понимая, что их затягивание только на руку Вьетнаму. В Дананге вновь были возобновлены военные действия. Французские войска несколько раз пытались пройти к Хюэ по реке, силой преодолев заграждения, защищавшиеся вьетнамскими войсками. Особенно серьезные бои проходили с 15 по 18 сентября, но результаты их были неутешительными для французского командования.

Вскоре Риго де Женуи был смещен контр-адмиралом Пажем, получившим новые инструкции и указание заключить мир с Вьетнамом. Ему надлежало подписать договор, который, не требуя военной контрибуции и уступок территории, включил бы статьи о свободе проповеди христианства, пребывании трех консулов в портах Вьетнама и французского поверенного в делах в столице империи Хюэ.

Паж получил из Франции предписание оставить Дананг, сосредоточить все усилия на Сайгоне, чтобы создать там укрепленный район. В марте 1860 г. франко-испанские войска оставили Дананг. В Южном Вьетнаме оккупанты создали своего рода укрепленный район протяженностью 5—7 км с городами Сайгон и Телон. Франко-испанские войска, оборонявшие этот район, были плотно блокированы намного превосходившей их по численности вьетнамской армией. Отсутствие подкреплений и губительный климат делали их положение почти безнадежным.

⁷ Южный Вьетнам был поставщиком риса для Центрального и Северного Вьетнама.

⁸ См.: A. Thomazi. La conquête de l'Indochine. P., 1934, с. 33.

⁹ Bazancourt. Les expéditions de Chine et de Cochinchine. Vol. 2, P. 1861—1862, с. 217.

¹⁰ Там же, с. 338.

Но в 1860 г. окончилась война в Китае, французское правительство получило возможность значительно усилить свои войска во Вьетнаме и перейти к решительным действиям. Такая поспешность была связана с опасением, что Англия, пользуясь своим военным превосходством, могла сама захватить Сайгон¹¹. Испанское правительство в этот период уже не поддерживало французскую экспедицию с прежней готовностью. К 1861 г. число испанских войск в Сайгоне сократилось до 230 человек. Связано это было с боязнью, что все выгоды от захватов во Вьетнаме достанутся Франции¹².

В распоряжение нового главнокомандующего, адмирала Шарне, из Китая была направлена большая часть французского экспедиционного корпуса. Всего французская армия во Вьетнаме насчитывала 3,5—4 тыс. человек¹³.

Военно-морские силы должны были обеспечить оккупантам господство в верховьях р. Донгнай и на ее берегах, а экспедиционный корпус — взять штурмом форт Тихоа. Таким образом, к весне 1861 г. французское командование ограничивало свою задачу расширением контролируемой французскими войсками территории вокруг Сайгона¹⁴. Тихоа был взят 25 февраля после упорного сопротивления вьетнамской армии. Следующим пунктом, в который направили свой удар франко-испанские войска, был Тонгкыу — продовольственная база вьетнамской армии¹⁵.

Одновременно военно-морские силы захватчиков направлялись вверх по р. Донгнай и захватывали все укрепленные пункты, расположенные по ее течению. Под контролем оккупационной армии оказались важные пути сообщения богатейших районов Южного Вьетнама.

Овладев крепостью Тэйнинь, адмирал Шарне получил возможность войти в непосредственные сношения с правительством Камбоджи. Тесный контакт с этим королевством в период войны во Вьетнаме имел для Франции особое значение: французское командование рассчитывало использовать Камбоджу для давления на правительство Хюэ. Не случайно Шарне усиленно подчеркивал свое расположение к недавно вступившему на престол Нородому. С конца марта до середины апреля развернулись действия оккупантов против крепости Митхо, расположенной у впадения одного из притоков р. Западная Вамко в Меконг. В результате этой операции Шарне рассчитывал овладеть территорией между реками Меконг и Западная Вамко¹⁶.

После тщательной разведки было решено до сезона дождей, когда нельзя будет продолжать операции, захватить крепость Митхо. 27 марта начались военные действия. Но французские войска таяли, и очень скоро правительство было вынуждено послать им подкрепление — около 450 солдат и офицеров.

После того как численность отряда была доведена до 900 человек¹⁷, крепость Митхо была наконец взята.

К концу декабря 1861 г. французами были захвачены провинция Биенхоа, г. Бария и о-в Пулокондор. В марте 1862 г. оккупанты овладели г. Виньлонг, а затем и всей провинцией Виньлонг. В результате операций, предпринятых в конце 1861—начале 1862 г., в руках французского командования оказались четыре провинции Южного Вьетнама: Зядинь (Сайгон), Диньтыонг (Митхо), Биенхоа и Виньлонг.

У вьетнамской феодальной верхушки вопрос о возможности Вьетнама сопротивляться и далее агрессии Франции вызывал сомнения. Правящие верхи Вьетнама оказались неспособными возглавить борьбу народа с агрессором, проявилось отсутствие единства в их среде перед лицом врага.

¹¹ Le Than Khoi. Le Viet-Nam... с. 368.

¹² См.: L. Pallu. Histoire de l'expédition de Cochinchine en 1861. P., 1888.

¹³ Le Than Khoi. Le Viet-Nam... с. 368.

¹⁴ Bazancourt. Les expéditions... с. 337—338.

¹⁵ L. Pallu. Histoire de l'expédition... с. 102.

¹⁶ L. Pallu. Histoire de l'expédition... с. 122.

¹⁷ L. Pallu. Histoire de l'expédition... с. 142.

Позиция двора Хюэ и вьетнамской феодальной верхушки по отношению к французской агрессии. Захват Францией Намки

Слабость Вьетнама, обнаружившаяся в столкновении с буржуазной Францией, заставила феодальную верхушку, в том числе придворное окружение Ты Дыка, пересмотреть ранее утвердившиеся концепции и взгляды прежде всего на свои отношения с Западом.

Патриотически настроенные феодалы Нгуен Чи Фыонг, Хоанг Зиеу, Тон Тхат Тхует и др., прежде всего военные¹⁸, считали, что, несмотря на силу врагов, страна располагает еще значительными ресурсами для сопротивления захватчикам. Они выступали против переговоров с французами и предлагали «сражаться, чтобы защищаться, а затем уничтожить их (захватчиков.— *Авт.*)»¹⁹. Нгуен Чи Фыонг подчеркивал коварство французов и предупреждал Ты Дыка, что после подписания перемирия страна подвергнется «моральному и материальному разорению». Он требовал продолжения решительных военных действий²⁰.

В то же время победы французских войск значительно усилили при дворе Ты Дыка позиции сторонников мирных переговоров с Францией. Это были Нгуен Ба Нги, Чан Динь Тук, Нгуен Хыу До, Фан Тхань Зян, Чыонг Данг Куэ, Лыу Ланг и др., которые наиболее решительно выступали за переговоры и мир с захватчиками. «Враги сильны, у них современные корабли, и поэтому нам трудно победить их»,— говорили они, считая, что после подписания мира с Францией в стране наступит благоденствие и покой. «Самая лучшая тактика,— советовали они Ты Дыку,— это защита и мир»²¹.

Придворные Чыонг Куок Зунг, Тонг Фук Минь, Лам Зуи Хиеп, Чан Ван Чунг и др. признавали военное превосходство Франции и считали, что не следует продолжать с ней борьбу, так как это неминуемо приведет к поражению, которое тяжело отразится на положении страны. В то же время они не видели большой опасности в том, чтобы согласиться на требования Франции, тем более что, по их мнению, Франция находилась слишком далеко и не могла иметь серьезных намерений захватить Вьетнам. Требования же свободы проповеди христианства и свободы торговли они считали в общем не очень серьезной уступкой. Позиция этой группировки в определенной мере отражала взгляды и самого Ты Дыка.

Примерно тех же взглядов придерживались То Линь, Фан Хыу Нги, Чан Ван Ви, Ле Хиеп Хыу, Нгуен Данг Диеу, Хо Ши Туан. Они считали, что сражаться на воде с французами нельзя из-за их подавляющего военного превосходства, поэтому, по их мнению, следовало склониться к миру, тем более что требования Франции не слишком обременительны (свобода проповеди христианства и торговля), а самим готовить армию для сражений на суше, в которых Вьетнам обязательно одержит победу.

За подписание мира на любых условиях выступали лишь Ле Ти Тинь, Доан Тхо, Нгуен Хао и Тон Тхат Тхыонг, ибо, как они считали, армия не в состоянии сражаться с французскими войсками, а народ хочет мира²².

Таким образом, у окружения Ты Дыка не было единства в оценке происходящих событий, хотя, как мы видели, сторонники переговоров с Францией были в большинстве. Различные группировки придворных и приближенных Ты Дыка находили многочисленные аргументы для обоснования необходимости мирных переговоров с Францией. В конечном итоге и сам Ты Дык склонился к переговорам, ибо Франция продолжала нажим на Вьетнам, что усиливало и без того влиятельную «партию мира» при дворе

¹⁸ Tran Huy Lieu. Lich su tam muoi nam chong Phap... с. 24; Tran Van Giau. Nam-ky khang Phap... с. 96.

¹⁹ Tran Huy Lieu. Lich su tam muoi nam... с. 96.

²⁰ Tran Huy Lieu. Lich su tam muoi nam... с. 23

²¹ Tran Van Giau. Nam-ky khang Phap... с. 94.

²² Tran Huy Lieu. Lich su tam muoi nam... с. 28—29.

императора²³. Ты Дыком в данном случае руководили не только страх перед сильным врагом и надежда на последующий выкуп трех провинций, уступки которых требовала Франция, но и боязнь крестьянских восстаний.

Переговоры с Францией начались в апреле 1861 г. На них Шарне потребовал «свободы совести» для подданных Вьетнама, т. е. фактически свободы деятельности католических миссионеров; уступки провинции Зядинь, городов Сайгона и Мит-хо и прилегающей к Митхо территории в провинции Биенхоа; консульской юрисдикции для европейцев и права свободно передвигаться по стране. Важнейшие порты Вьетнама открывались для европейской торговли, в них учреждались французские консульства. Шарне настаивал также на том, чтобы Франция имела своего дипломатического представителя в Хюэ (одновременно в Париже также будет находиться дипломатический представитель Вьетнама) и чтобы ей была уплачена контрибуция в размере 4 млн. пиастров. В специальном пункте проекта соглашения оговаривалось право испанского посла принять участие в переговорах с Вьетнамом²⁴. В связи с этими переговорами возникло новое обострение франко-испанских отношений. Испанское правительство, наряду с Францией претендовавшее на захват колоний во Вьетнаме, но не имевшее достаточно сил для самостоятельных действий, требовало назвать занятую территорию в Южном Вьетнаме франко-испанской Кохинхиной. Этим Франция признала бы «право» Испании на владения в Южном Вьетнаме. Однако французское правительство согласилось лишь на то, чтобы испанский представитель принял участие в переговорах Франции с правительством Хюэ.

4 августа 1861 г. переговоры были прерваны вьетнамским правительством, не принявшим эти требования Франции.

Однако неустойчивое положение в стране, отсутствие уверенности в своих силах заставили Ты Дыка согласиться на подписание договора. 5 июня 1862 г. уполномоченный вьетнамского правительства Фан Тхань Зян подписал Сайгонский договор²⁵, по которому Франция получала о-в Пулокондор и три провинции Южного Вьетнама (Биенхоа, Зядинь и Диньтыонг). Французским торговым и военным кораблям разрешалось плавать по р. Меконг до границ Камбоджи. Французским и испанским католическим миссионерам гарантировались неприкосновенность и свобода деятельности на территории Вьетнама. Вьетнам обязывался не уступать своей территории какому-либо другому иностранному государству без согласия Франции и должен был выплатить Франции и Испании громадную контрибуцию — 4 млн. мексиканских долларов. Позднее Ты Дык осудил Фан Тхань Зяна за подписание этого договора с Францией, представив дело так, будто тот действовал чуть ли не по собственной инициативе²⁶.

Подписание неравноправного, кабального договора с Францией вызвало большое недовольство народа и части феодалов. Стремясь смягчить впечатление от этого постыдного акта, Ты Дык неоднократно делал заявления о грабительском характере договора²⁷ и о том, что правительство Вьетнама не считает его окончательным²⁸. Подписывая договор, Ты Дык рассчитывал, что ему еще удастся выкупить захваченные провинции. С этой целью он направил в 1863 г. в Париж Фан Тхань Зяна, подписавшего договор 1862 г. Внутриполитическая обстановка во Франции, равно как и международное положение, благоприятствовала планам вьетнамского правительства. Неудачная авантюра Луи Бонапарта в Мексике подорвала престиж империи и вызвала очередное обострение англо-французских отношений, что было крайне невыгодно для политики Франции в

²³ Tran Huy Lieu. Lich su tam muoi nam... с. 30.

²⁴ L. Pallu. Histoire de l'expédition..., с. 212, 213.

²⁵ Текст договора см.: L. Reinach. Recueil des Traites conclus par la France en Extreme Orient (1684—1902). P., 1902, с. 94—98.

²⁶ Tran Huy Lieu. Lich su tam muoi nam... с. 31—32.

²⁷ Tran Huy Lieu. Lich su tam muoi nam... с. 31.

²⁸ Tran Van Giau. Nam-ky khang Phap... с. 136.

Европе и в Юго-Восточной Азии. Сопrotивление вьетнамского народа, вынуждавшее правительство посылать во Вьетнам новые подкрепления, вызывало все новые требования, в том числе и в правительстве, отказаться от дорогостоящей войны во Вьетнаме.

Провал мексиканской экспедиции привел к резкому усилению антиправительственной оппозиции внутри Франции. На выборах 1863 г. победила либеральная оппозиция, которая в стенах Законодательного собрания выступала с осуждением политики дорогостоящих войн и колониальных экспедиций. Против расходов на войну была также и часть деловых кругов, главным образом представители промышленности.

В этих условиях правительство Наполеона III приняло решение направить во Вьетнам миссию Обаре для подписания соглашения о возвращении Вьетнаму трех провинций. Соответствующее соглашение было подписано Обаре 15 июля 1864 г.

Оно вызвало резкое недовольство сторонников колониальных захватов. Высшие офицеры морского флота Франции во главе с Шасселу-Лоба, Шарне и др., а также влиятельные представители военного министерства, депутаты от портовых городов, значительная часть торгово-промышленных кругов и финансовой аристократии — все, в чьей поддержке при сложившихся обстоятельствах был особенно заинтересован Наполеон III, повели яростную кампанию за отмену подписанного Обаре соглашения. В конечном счете Наполеон III уступил, и соглашение Обаре ратифицировано не было. Чтобы окончательно уничтожить все пути к соглашению с Вьетнамом, главнокомандующий французскими войсками в Южном Вьетнаме Л а Грандьер в июне 1867 г. под предлогом борьбы с партизанским движением захватил остальные провинции Южного Вьетнама²⁹. Таким образом, расчеты Ты Дыка не оправдались. Желая обелить себя, он всю вину за уступку Франции Южного Вьетнама взвалил на Фая Тхань Зяна, для которого это окончилось трагически: он покончил с собой, приняв яд. Оценивая личность Фан Тхань Зяна, историки СРВ не включают его, по выражению Чан Хюи Лиеу, в число государственных изменников, подчеркивая лишь его связи с классом феодалов, стремившихся, капитулируя перед Францией, сохранить свои привилегии³⁰.

Необходимо отметить, что окончательно «права» Франции на захваченные провинции Южного Вьетнама были закреплены только по франко-вьетнамскому договору, подписанному в Сайгоне 15 марта 1874 г.³¹.

Освободительная борьба вьетнамского народа в Намки. Причины поражения Вьетнама на первом этапе французской агрессии

В Намки с первых дней военных действий начало расти партизанское движение сопротивления. В нем принимали участие широкие народные массы, а также части регулярных войск, оставленные на занятой врагом территории, и правительственные чиновники, которым было поручено набирать и возглавлять соответствующие отряды. Поставленные французами во главе занятых районов вьетнамские чиновники также часто поддерживали повстанцев, снабжая их рисом и одеждой.

Уже на первом этапе антиколониальной борьбы стал очевиден большой патриотический подъем, проявившийся в массовых выступлениях населения. Идеология освободительного движения сочетала в себе элементы общенациональные и классовые, характерные для идеологии феодально-монархического национализма.

Борьбой народа против захватчиков руководили в основном представители класса феодалов и феодальной интеллигенции, которые в ходе этой борьбы действовали в

²⁹ Ph. Devillers. Viet-Nam, Histoire de l'Asie de Sud-Est. Vol. 2. P., 1971, с. 723.

³⁰ Tran Huy Lieu. Lich su tam muoi nam... с. 32.

³¹ Чтобы избавиться от возможных претензий со стороны Испании, французская сторона приняла на себя выплату за счет Вьетнама испанской доли контрибуции по договору 1862 г.

интересах всего вьетнамского общества. Среди руководителей повстанческих отрядов были также крестьяне.

Все учащались стычки между французскими захватчиками и крестьянами, которые при приближении врага бросали свои жилища и, не принимая открытого боя с оккупантами, нападали на них из засады³². Вьетнамские войска в это время, избегая больших сражений, применяли тактику непрерывных отдельных нападений на французские войска. «Вокруг нас (французов.— *Ред.*), как правило, все было пустынно: повсюду, где бы мы ни появлялись, население разбегалось, оставляя нам покинутые жилища»³³.

В декабре 1861 г. партизанами под командованием Нгуен-Чунг Чыка была потоплена канонерка «Эсперанс». В январе 1862 г. подверглись нападению французские войска, направлявшиеся из Сайгона в Биенхоа. 10 марта 1862 г. была взорвана еще одна французская канонерка. Почти непрерывно совершались нападения на французские посты. Все это значительно ухудшало положение французских войск во Вьетнаме.

Наиболее видным вождем партизанских отрядов, сражавшихся в 1860—1864 гг. против французских захватчиков, был офицер вьетнамской армии, сын военного чиновника, Чыонг Динь, который вначале действовал в районе Танхоа и Гоконга, а затем, соединившись с другими партизанскими отрядами, распространил свои действия на районы Танан, Митхо, Зядинь и Телон. Отряд Диня состоял вначале из 6 тыс. человек, главным образом крестьян-бедняков³⁴. Динь, как и многие другие руководители партизанского движения из числа офицеров и чиновников, оставаясь на позициях «феодальной верности» и желая сохранить в глазах народа «лицо» двора, не называл себя командиром и формально подчинялся пользовавшемуся доверием двора бездарному и трусливому чиновнику Нгуен Тук Чынггу. Почти до конца 1864 г. отряд, руководимый Динем, свободно действовал на территории Южного Вьетнама, захваченной французами.

До подписания мира в 1862 г. наиболее крупной операцией партизанского отряда Чыонг Диня было нападение в ночь с 21 на 22 июня 1861 г. на Гоконг.

Во время подписания мирного договора с Францией Нгуен Тук Чынг и Чыонг Динь были вызваны ко двору, где им было приказано расформировать отряды и прекратить борьбу с захватчиками. После подписания договора Фан Тхань Зян трижды обращался к Диню с требованием прекратить сопротивление оккупантам. По указу Ты Дыка Чыонг Динь получил назначение на военную должность в провинции Анзянг. Это было сделано с целью удалить Чыонг Диня от преданных ему отрядов повстанцев, чтобы, выполняя соглашения с Францией, покончить с повстанческим движением на юге³⁵. Однако, поддерживаемый своими отрядами, Динь категорически отказался сделать это. 16 декабря 1862 г. его отряды предприняли новое наступление на французов, атаковали французские посты в провинциях Биенхоа, Зядинь, Митхо и блокировали оккупантов в их укрепленных пунктах. Такое положение сохранялось три месяца. Лишь в феврале в результате контрнаступления французов отряды Диня были оттеснены. Однако и после отступления Динь сохранил значительные силы (10800 бойцов)³⁶.

Отважный вьетнамский патриот Чыонг Динь погиб в бою с оккупантами. Преданный одним из своих офицеров, он 20 августа 1864 г. попал со своим отрядом в засаду, был ранен в бою и, не желая сдаваться врагам, покончил жизнь самоубийством.

После гибели Диня наиболее крупной фигурой партизанского движения стал Тхуен Хо Зыонг, также бывший офицер вьетнамской армии. Центром операций его отряда был район к юго-западу от Сайгона.

³² Bazancourt. L'expéditions... с. 337—338.

³³ Bazancourt. L'expéditions... с. 337—338.

³⁴ Tran Van Giau. Nam-ky khang Phap... с. 151.

³⁵ Tran Huy Lieu. Lich su tam muoi nam... с. 41

³⁶ Tran Van Giau. Nam-ky khang Phap... с. 162, 167.

Борьба вьетнамских патриотов против колонизаторов смыкалась с движением кхмерских повстанцев. В отряде По Камбау³⁷, действовавшем вначале в провинции Тэйнинь, находился сын Чыонг Диня — Чыонг Куен, который примкнул к По Камбау после гибели отца³⁸. Он боролся с французами и после смерти По Камбау, вплоть до 1870 г. Широкий характер развернувшегося в Намки партизанского движения виден из следующего перечня районов, в которых действовали повстанцы.

В 1860 — 1866 гг. это были Зядинь, Гоконг, Телон, Танан, Рать-зя, Донгтхапмой (к юго-западу от Сайгона).

В 1867 г. волнениями были охвачены Бенче, Виньлонг, Шадек, Чавинь; во главе отрядов повстанцев стояли Фан Там и Фан Нгу.

В 1868 г. партизанские действия происходили в провинциях Танан и Митхо; во главе отрядов стоял Нгуен Хыу Хуан.

В 1869 — 1870 гг. повстанцы действовали в районах Бенче и Тэйнинь; их вождями были Фан Тонг и уже упоминавшийся Чыонг Куен, сын Чыонг Диня.

В 1872 г. движением были охвачены районы Виньлонг, Лонг-суен, Кантхо; вождями повстанцев были Де Конг Тхань, Фам Ван Донг и Ау Зыонг Лан.

В 1875 г. повстанцы действовали в районе Чавиня под руководством Нгуен Суан Фунга и Доан Конг Быу.

В 1885 г. движение сопротивления французам продолжалось в районе Хокмон, севернее Сайгона (во главе движения стояли Хон Куан и Нгуен Ван Быонг), а также в джунглях Уминя (севернее п-ова Камау); здесь во главе движения стояли До Тхыа Лонг и До Тхыа Ты³⁹.

Таким образом, партизанская борьба в Намки продолжалась вплоть до 1885 г., когда колонизаторы захватили весь Вьетнам. После 1885 г. освободительное движение в Намки слилось с национально-освободительной борьбой всего вьетнамского народа.

Партизанская война в Намки была отмечена участием широких народных масс. Основную силу сражавшихся отрядов составили крестьяне. Вместе с ними выступали порой и патриотически настроенные феодалы.

Вьетнамские историки отмечают следующие характерные черты партизанского движения в Намки. Первая особенность заключается в том, что партизанское движение развернулось в то время, когда императорский двор Нгуенов согласился на территориальные уступки колонизаторам; вторая особенность — не только рядовые участники, но и руководители отдельных отрядов были из крестьян; третья — массовый характер и успех движения, несмотря на отсутствие в Намки благоприятных природных условий для этого (нет гор и густых лесов); четвертая — совместное выступление патриотически настроенных феодалов и крестьян и, наконец, пятая — совместные действия вьетнамских и кхмерских повстанцев⁴⁰.

Движение народных масс, народное сопротивление во Вьетнаме были главной силой, которую феодальное вьетнамское общество смогло противопоставить капиталистической Франции. В то же время слабость этого движения состояла в том, что оно развивалось на базе феодально-монархической идеологии.

Если сформулировать причины поражения Вьетнама на первом этапе войны с Францией, следует подчеркнуть не только материальное и техническое превосходство Франции, но также и международную изоляцию Вьетнама: мы уже отмечали, что нападение Франции на Вьетнам стало возможным благодаря англо-французскому сотрудничеству и помощи Испании. Кроме того, Китай не мог, да и не хотел оказать помощь Вьетнаму. Он стремился «откупиться» от наступавших на него «западных варваров», отдавая им государства, которые считал своими «данниками» и как бы частями

³⁷ Подробнее см.: Ю. П. Дементьев. Политика Франции в Индокитае. М., 1975, с. 185—187.

³⁸ Tran Huy Lieu. Lich su tam muoi nam... с. 44.

³⁹ Tran Huy Lieu. Lich su tam muoi nam... с. 47.

⁴⁰ Tran Huy Lieu. Lich su tam muoi nam... с. 42—44.

империи. Важным обстоятельством, подорвавшим оборонительные возможности Вьетнама, был страх двора Нгуенов и вьетнамской феодальной верхушки перед народными движениями и крестьянскими восстаниями как потенциальной угрозы своему существованию.

Все эти факторы определили поражение вьетнамской армии на первом этапе сопротивления французской агрессии.

Установление режима колониального гнета в Намки (Кохинхине) (60—80-е годы XIX в.)

Новое колониальное владение Франции — Кохинхина (Намки)— в 1867 г. насчитывало 1204287 жителей, в том числе 585 европейцев. Численность французского экспедиционного корпуса составляла 6000 человек. Территория Кохинхины была разделена на 20 провинций, число которых затем было увеличено до 22⁴¹. Эти провинции были объединены в четыре более крупные административные единицы — Сайгон, Митхо, Виньлонг и Бассак. Города Сайгон и Телон, а также о-в Пулокондор, где находилась каторжная тюрьма, и мыс Камау были выделены в особые административные единицы.

Кохинхина была на положении колонии с 1862 г. Вначале она управлялась военными губернаторами, непосредственно подчиненными французскому министерству военно-морского флота, и лишь с 1874 г. в Кохинхину был назначен гражданский губернатор.

Создавая колониальный административный аппарат Кохинхины, французские власти столкнулись с большими трудностями, которые были вызваны отказом патриотических вьетнамских чиновников и образованных людей сотрудничать с французами. Поэтому с самого начала французская администрация постаралась опереться на сельскую верхушку (нотаблей, как их называли французы), реакционных феодалов и чиновников. Они и составили опору французского колониального режима в Кохинхине. Им прежде всего раздавались земельные владения из числа конфискованных у отказавшихся от сотрудничества с французами вьетнамских феодалов, многие из которых к тому же просто покинули Намки. Как правило, эти сотрудничавшие с французами вьетнамские коллаборационисты презирались местным населением. Однако именно они и составили новую элиту вьетнамского общества, а многие из них даже стали натурализованными французами⁴².

Во главе колонии стоял губернатор⁴³, которому подчинялись все административные и технические службы, находившиеся на территории колонии. В качестве совещательного органа с 1869 г. при губернаторе находился совет высших чиновников колонии. В этот совет входили помимо губернатора генеральный секретарь, генеральный прокурор или его представитель, командующий войсками, командующий военно-морскими силами, глава административных служб и четыре советника (избиравшихся из числа французского населения и представителей вьетнамского населения). Эти четыре советника назначались в совет декретом президента французской республики⁴⁴.

С 1880 г. при губернаторе Кохинхины был создан, также как совещательный орган, Колониальный совет. Он состоял из десяти членов, избранных французским населением, и шести членов, избранных вьетнамским населением. Заседания совета проходили один раз в год под председательством губернатора. С 1871 г. от Кохинхины во французский парламент избирался один депутат. Представителя Кохинхины во французском сенате не было.

⁴¹ P. Enjoy. *Lo colonization de Cochinchine*. P., 1888, с. 236.

⁴² Ph. Devillers. *Viet-Nam. Histoire...* с. 725.

⁴³ О Кохинхине в составе Индокитайского союза см. выше.

⁴⁴ P. Enjoy. *Lo colonization...* с. 234.

Во главе каждой провинции стоял французский резидент, глава всех административных служб. В соответствии с декретом от 12 мая 1882 г. он был председателем совета провинции, избиравшегося вьетнамской верхушкой.

При французских чиновниках в качестве помощников находились представители вьетнамской администрации. Эти администраторы состояли на жалованье французских властей.

В Кохинхине имелся вьетнамский губернатор, живший близ Митхо, а при каждом французском резиденте в провинции состояли два вьетнамских чиновника с титулом, дублирующим соответствующее французское звание. В их обязанности входило доводить распоряжения французской администрации до низшей вьетнамской администрации⁴⁵.

Вьетнамская администрация была сохранена только в уездах (хюенах) и волостях (тонгах). Низшей административной инстанцией была деревенская община, управлявшаяся Советом старейшин или нотаблей⁴⁶, во главе которого стоял староста (ли чыонг).

Вплоть до 1904 г. ли чыонгам в крупных общинах французская администрация выплачивала вознаграждение в зависимости от величины общинного бюджета. Ответственность ли чыонгов в условиях французского колониального режима сильно возросла: они должны были собирать налоги, набирать рабочую силу, солдат, обеспечивать охрану порядка и т. д.⁴⁷. Для колониальной администрации это было тем более важно, что патриотически настроенная часть населения избегала службы у колонизаторов, поэтому подбор кандидатур в советы нотаблей был делом иногда весьма затруднительным.

Административная система, созданная колонизаторами в Кохинхине, стала важным инструментом для выколачивания налогов с населения, средством для внедрения в страну французского капитала. «Место французскому колонисту!» — требовал в одной из своих работ ярый сторонник расширения колониальных захватов Франции в Индокитае Поль Анжуа⁴⁸. Об «успехах» деятельности французской администрации в Кохинхине говорят непрерывно растущие бюджеты этой колонии. Если в 1862 г. первый бюджет Кохинхины равнялся 1344 тыс. фр., то через десять лет, в 1882 г., он составлял уже 20000 тыс. фр. в год. Ежегодно, начиная с 1879 г., Кохинхина выплачивала метрополии сумму 2200 тыс. фр.⁴⁹. На эти средства французская администрация содержала штаты чиновников, проводила ирригационные работы, строила дороги и т. д., т. е. создавала условия для деятельности французских колонистов. Однако в 60—80-е годы европейское капиталистическое хозяйство еще очень слабо внедрилось в экономику Кохинхины: условия для плантационного хозяйства (для периода 60—80-х годов — главным образом рисоводство) еще только начали создаваться; возникали лишь первые предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья (рисорушки в Сайгоне). Основой деятельности европейцев в Кохинхине по-прежнему оставались администрация и торговля. Главные бюджетные поступления шли за счет налогов с местного населения. Каждый житель Кохинхины был взят на строгий учет и снабжен специальным документом, который он был обязан предъявлять по первому требованию властям и в случае найма на работу хозяину. В нем помимо данных о владельце отмечалось, уплатил ли он налоги. Этот документ возобновлялся ежегодно⁵⁰.

Основными налогами продолжали быть подушный и поземельный. Подушный налог уплачивали раз в год все внесенные в списки общинники в возрасте от 18 до 60 лет.

⁴⁵ Ch. Lemire. L'Indo-Chine. P., 1884, с. 140.

⁴⁶ В него входили так называемые хаоуки, хаочыонги, кыонгхао—богатые землевладельцы, торговцы, военные и гражданские чиновники, т. е. «выдающиеся лица».

⁴⁷ А. И. Мухлинов. Вьетнамская сельская община (вторая половина XIX — первая половина XX в.).— Социальная организация народов Азии и Африки. М., 1975, с. 201.

⁴⁸ P. Enjoy. Lo colonization... с. 69.

⁴⁹ Ch. Lemire. L'Indo-Chine... с. 22—23.

⁵⁰ P. Enjoy. Lo colonization... с. 35—36.

В Кохинхине он был установлен в размере 1 пиастра в год, а с лиц, проживающих в Сайгоне,— в размере 2 пиастров. Подушный налог, вносимый ремесленниками и чужеземцами, обычно выходцами из Китая, был выше, чем у вьетнамцев⁵¹.

В 1881 г. в Кохинхине было введено новое постановление, согласно которому в общественных работах должны были принимать участие независимо от пола все трудоспособные от 18 до 55 лет в течение пяти дней в году. Это дало новый, дополнительный доход администрации⁵².

Главным богатством Кохинхины была земля, поэтому она и стала прежде всего объектом наживы. Французские чиновники, военные, торговцы получали преимущественное право на владение землей. Раздавались земли и вьетнамским феодалам, лояльно настроенным по отношению к французской администрации. Это были прежде всего земли, покинутые участниками антифранцузских выступлений и перешедшие во владение государства в силу постановлений от 3 и 7 марта 1863 г.⁵³. Постановления 1864 и 1867 гг. передавали в распоряжение губернатора Кохинхины большие массивы необработанных земель. Эти десятки и даже сотни тысяч гектаров были распроданы с торгов по 10 золотых франков за 1 га⁵⁴.

Французской администрацией был составлен земельный кадастр и установлен земельный налог. В Кохинхине рисовые поля были разделены на шесть категорий и облагались налогами из расчета от 0,48 до 2,76 пиастра за 1 га⁵⁵.

Значительными доходами в бюджете Кохинхины были прибыли от различного рода косвенных налогов — на шелк, хлопчатобумажную ткань, бумагу, мел, ароматические вещества, растительное масло, лаковое дерево, глиняную посуду, кирпич, черепицу, дрова, медь, серебро, железо, цинк и пр. Налогами облагались рыбаки, владельцы судов и т. д. Были налоги на право жительства, крыши домов, экипажи и пр. Косвенные налоги включали и пошлины на регистрацию сделок, гербовые сборы, доходы с движимого имущества и т. д. Налоговая политика французской колониальной администрации во Вьетнаме составляла главное содержание французских методов колониального грабежа.

Таковы основные направления политики колониальной администрации в Кохинхине в 60—80-е годы. Методы колониального грабежа, применяемые французской администрацией в Кохинхине, позволили превратить эту колонию в «курицу, несущую золотые яйца», для французской торгово-промышленной буржуазии и подготовить условия для дальнейшей экспансии Франции в Северный и Центральный Вьетнам.

⁵¹ А. И. Мухлинов. Вьетнамская сельская община... с. 196.

⁵² Там же, с. 206—207.

⁵³ P. Enjoy. Lo colonization... с. 365.

⁵⁴ Ph. Devillers. Histoire du Viet-Nam de 1940 a 1952. P., 1952, с. 32.

⁵⁵ Это была меньшая сумма по сравнению с другими частями Вьетнама, вошедшими позднее в состав Индокитайского союза.

Глава 2

ЗАХВАТ ФРАНЦИЕЙ СЕВЕРНОГО И ЦЕНТРАЛЬНОГО ВЬЕТНАМА И ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА ВЬЕТНАМСКОГО НАРОДА

Внутриполитическое положение перед вторым этапом войны

Французские захваты стали фактором, оказавшим серьезное воздействие на все стороны жизни вьетнамского общества на протяжении почти трети века, вплоть до окончательного завоевания страны в середине 80-х годов. Начавшаяся война усугубила экономические трудности, обострила социальные и политические конфликты, связанные с ростом как крестьянского движения, так и открытой политической оппозиции двору со стороны патриотически настроенных слоев чиновничества и интеллигенции. В их выступлениях не прекращала звучать резкая критика политической линии двора во время первого этапа войны, содержались требования активизации антифранцузской борьбы. Столкновение с капиталистической Францией наложило свой отпечаток и на развитие общественно-политических течений, активизировало идеологию реформаторства, вызванную пониманием необходимости серьезных изменений в экономической и внешнеполитической области. Однако ни идеологи феодально-националистического толка, ни носители появившихся в этот период идей буржуазного просветительства не смогли в конечном итоге оказать серьезного воздействия на внешнюю и внутреннюю политику двора, направляемую консервативной группировкой феодалов, к которой примыкал и Ты Дык.

Экономические последствия первого этапа антифранцузской войны легли тяжелым бременем на вьетнамское государство. Возросли государственные военные расходы: уроки войны заставили вьетнамский двор предпринять некоторые дополнительные меры по усилению военных сил ряда важнейших провинций Северного и Центрального Вьетнама, в некоторых из них был введен дополнительный набор военного ополчения, было построено несколько новых крепостей, усилено снабжение крепостей огнестрельным оружием и боеприпасами, был принят ряд мер по улучшению командного состава и т. д.

Новой постоянной заботой вьетнамского правительства после 1862 г. стала необходимость изыскания средств для выплаты военной контрибуции Франции. В то же время потеря южных провинций существенно уменьшила, а после 1867 г. совсем лишила северные и центральные районы подвоза риса из южных районов. Для пополнения казны двор вынужден был усилить налоговую эксплуатацию населения и сократить государственные расходы.

В обстановке повстанческих движений (восстания Кай Ванга и Та Ван Фунга), вспыхнувших еще на первом этапе войны, двор не решился пойти на повышение земельного налога. Это произошло позже, в 1869 г., когда были увеличены ставки денежного налога (на 2 тиена с 1 мау рисовых полей и на 1 тиен с других земель и соляных участков). В 1871 г. впервые было официально разрешено продавать общинные земли частным лицам в целях увеличения налоговых поступлений¹. В 60—70-е годы для пополнения казны двор пошел и по пути интенсификации косвенных налогов, натуральных обложений промыслов и т. п.

Недостаток средств казны обусловил и снижение экономической активности государства в области поддержания жизненно важных сторон сельскохозяйственного производства. Еще в 1861 г. была упразднена служба централизованного контроля за дамбами, надзор и постройка их перешли в ведение местных учреждений, располагавших гораздо более ограниченными средствами. Стихийные бедствия, поражавшие в эти годы

¹ Lich su can dai Viet Nam. T. I, 1960. Ha-noi. с. 208.

значительные районы севера и центра страны, наносившие ущерб сельскому хозяйству, ускоряли процесс обнищания крестьянства. Ухудшение положения крестьянства, в том числе и вследствие экономических мер двора, вызвало новую вспышку повстанческих движений в 60-х годах, принявших повсеместный характер.

В 1862 г. повстанческое движение в Бакки приобрело широкий размах. Одним из крупных было восстание, вспыхнувшее в апреле 1862 г. в Бакнине под руководством Нгуен Тхиня (он же Кай Ванг), начальника одного из уездов. По своему характеру оно примыкало к народным движениям довоенного времени, сочетая лозунги в поддержку Ле (что объясняется и участием в восстании одного из представителей этой династии — Ле Зуи Уана) с борьбой бедноты против произвола властей².

Повстанцам удалось собрать под свои знамена несколько тысяч человек³. Ими сначала были захвачены два уезда, а затем окружена провинциальная крепость. Один из отрядов восставших, руководимый женой Ванга, Иен Фи, приблизился к Ханюю. Повстанцы убивали местных чиновников и богачей в деревнях, доверенные лица Ванга проводили агитацию среди населения окрестных районов. Лишь подошедшие войска из трех близлежащих провинций смогли снять осаду с крепости Бакниня, откуда повстанческие отряды вынуждены были отойти. В сентябре этого же года Ле Зуи Уану вновь удалось возобновить военные операции. Установив связь с одним из вождей местных национальных меньшинств, поднявшим мятеж в Туенкуанге, а также с китайским отрядом «Желтые флаги», он увеличил численность повстанческих сил до 10 тыс. человек. Им удалось захватить Туенкуанг, а затем окружить Бакнинь. В апреле 1863 г. императорские войска под командованием Нгуен Чи Фыонга подошли к Туенкуангу. Ле Зуи Уан был схвачен, повстанцы разбиты. Восстание Кай Ванга, отличавшееся остротой и жесточенностью борьбы, не будучи поддержано крестьянскими выступлениями других районов Бакки, осталось выступлением локального характера.

Другую идейную направленность носило повстанческое движение под руководством Та Бао Фунга (он же Ле Ван Фунг). Инспирированное французами, проходившее под руководством их ставленника, оно имело целью ослабить силы Вьетнама в борьбе с Францией. Та Бао Фунг, католик, служивший переводчиком у французов при захвате Дананга, был в конце 1858 г. переправлен в Бакки, где поднял восстание под лозунгом восстановления династии Ле, потомком которых он себя провозгласил. Опираясь на поддержку местных католических кругов, особенно на миссионеров, через которых поддерживалась связь с командованием французского экспедиционного корпуса в Намки, он требовал военной помощи, обещая в случае успеха провозгласить «французский протекторат» над Северным Вьетнамом. В 1862 г. действия его отрядов активизировались. Увеличив силы за счет привлечения на свою сторону ряда местных повстанческих групп, а также китайских морских пиратов, Фунгу удалось удержать под своим контролем значительную часть прибрежного района северо-востока Бакки. Пользуясь отвлечением основных регулярных сил на юг, Фунг сумел окружить провинциальный центр Хайзыонг. С 1862 по 1865 г. не только местные регулярные части, но и отборные силы из столицы, Нгеана, Хатиня вели преследование перемещавшихся отрядов Фунга. Лишь с середины 1865 г. Нгуен Чи Фыонг смог добиться перевеса сил и рассеять восставших. Фунг бежал в Куангбинь, где был схвачен, а затем казнен. Участие в восстании Фунга местной бедноты свидетельствовало о его умении использовать антифеодальные настроения масс одного из наиболее бедствующих районов Бакки — прибрежных провинций северо-востока. Вместе с тем тесные связи Фунга с европейскими миссионерами, широко практиковавшаяся им опора на деклассированные элементы,

² Об антифеодальной сущности восстания свидетельствуют и сохранившиеся фольклорные материалы, например одна из исторических песен о Кай Ванге: «Герой... выступил против государя, чиновников, [поэтому] вполне достоин (славы)» (цит. по: Hoa Bang. Cuoc khoi hghia 1861—1864 do Cai Vang va ba vo lanh dao. — NCLS. 1967, № 94, с. 53).

³ Dao Duy Anh. Lich su Viet Nam. Q. II, Ha-noi, 1955. с. 397.

составлявшие значительную часть его военных сил, не могли способствовать долговременной популярности этого движения среди основной крестьянской массы.

Новым социально-политическим явлением середины 60-х годов стал приток во Вьетнам китайских повстанческих отрядов, еще более осложнивший внутреннюю обстановку на севере накануне второго этапа войны с Францией. В связи с усилением карательных операций цинской армии как против тайпинов, так и против других тайных антицинских крестьянских обществ и организаций во Вьетнам стали переходить довольно значительные вооруженные группы из южных провинций Китая. В 60—70-х годах в горных провинциях Северного Бакки их насчитывалось не менее 12⁴.

Довольно высокий уровень их военной организации создавал условия для обоснования их на территориях, населенных национальными меньшинствами, и позволял удерживаться там в продолжение многих лет. Вместе с тем для большинства этих отрядов и групп в период пребывания во Вьетнаме характерна утеря антифеодальной политической программы, что повлекло распространение таких негативных явлений, как преимущественное существование за счет грабежей и набегов на окрестные районы. Это послужило причиной обособленности, а нередко и прямой вражды во взаимоотношениях китайских отрядов с местным населением. Определенная деклассированность приводила к тому, что эти отряды могли использоваться различными политическими силами в своих интересах. Так, если отряд «Желтые флаги» принял в 1862 г. участие в восстании Кай Ванга, то в 80-х годах он был направлен французами для борьбы с местным патриотическим движением. Положение этих отрядов, стоявших «вне закона» как по отношению к цинским, так и по отношению к вьетнамским властям, нередко толкало их на путь соглашений и компромиссов, с тем чтобы завоевать или сохранить право на существование во Вьетнаме.

Отряд «Черные флаги», сыгравший немалую роль в сопротивлении французскому вторжению в Бакки в 70—80-х годах, претерпел довольно сложную эволюцию⁵. В 1867 г., теснимые цинскими войсками, «Черные флаги», уже довольно немногочисленные (200—300 человек), перешли в пределы Вьетнама, где вступили в борьбу с местными племенами белых тхай (бать миеу) в районе Лкжиентяу. После одержанной над ними победы «Черные флаги» были признаны вьетнамскими властями, получили право обосноваться в районе Лаокая, руководителю отряда Лю Юньфу был пожалован титул, войско стало получать небольшое жалованье, а в дальнейшем — право сбора некоторых налогов в верховьях Красной реки. Увеличение численности «Черных флагов» за счет притока людей из других подобных отрядов, демобилизованных солдат южнокитайских гарнизонов давало возможность вьетнамским властям неоднократно привлекать их к карательным операциям против местных «разбойников» и повстанческих движений национальных меньшинств. В годы французской агрессии на севере Вьетнама Лю Юньфу проявил себя как выразитель антиколониальных настроений, стоял на позиции развертывания антифранцузской борьбы, что в полной мере сказалось и на поведении руководимого им отряда, когда последний составил внушительную силу сопротивления.

Одновременно с усилением антифеодальных народных движений в 60-е годы происходит нарастание открытой политической оппозиции двору со стороны феодально-патриотических слоев, что было вызвано размежеванием и борьбой политических сил внутри страны, начавшимися еще в ходе войны на юге и продолжавшимися вплоть до

⁴ Dao Duy Anh. Lich su Viet Nam, с. 399.

⁵ Этот отряд, согласно данным вьетнамской историографии, сформировался в 60-х годах в Гуанш и принадлежал к одному из многочисленных тайных обществ, объединявшихся под названием «Общество земли и неба» и включавших, как правило, значительную прослойку бедноты. В период расширения территории тайнинского государства на юг «Черные флаги» оказали им поддержку и, возможно, испытали известное влияние тайнинской идеологии, Лю Юньфу, вставший во главе «Черных флагов» в конце 60-х годов, впоследствии заявлял о своей принадлежности к тайпинам (Van Tan. Luu Vinh Phuc tuong co den va sac hanh dong cua ong o Viet nam. — NCLS. 1962, № 34; Dam Xuan Linh. Danh gia Luu Vinh Phuc can thay mat tich cuc va chu yeu. — NCLS. 1962, № 40).

окончания сопротивления французскому завоеванию. В идейной платформе оппозиции наблюдается усиление антиправительственной и антикатолической направленности лозунгов и выступлений. Поражение в войне и капитулянтская политика двора сильно уронили его престиж в глазах общественного мнения. Резкий рост антингуеновских настроений стал новым явлением политической жизни.

Публичному осуждению подвергались как сам договор 1862 г., так и позиция вершившей судьбы страны группы приближенных Ты Дыка. Так, в 1864 г. многочисленные участники провинциальных экзаменационных конкурсов Ханоя, Намдиня, Тхыатхиена единодушно высказали протест против договора, расценив его как «неправильный». Особенно резкой критике подверглись два сановника (Фан Тхань Зян и Чьонг Данг Куз), проявившие себя как сторонники наиболее недопустимых уступок. Осуждение пассивной политики двора по отношению к Франции, обвинения в адрес самого Ты Дыка как человека, неспособного править государством, раздавались на конкурсных экзаменах 1868 г. в Шонтэе и Биньдине⁶.

Первым серьезным выступлением политической оппозиции явилась организация заговора в 1864 г. с целью отстранения от власти Фан Тхань Зяна. В случае сопротивления со стороны Ты Дыка речь шла о его свержении и замене другим членом царствующего дома, более решительно настроенным на развитие антифранцузской и антикатолической борьбы. Во главе заговора стали родственник короля принц Хонг Тап и группа придворных. Заговорщики пользовались сочувствием большого числа придворных, высших чиновников, многочисленных участников столичного конкурсного экзамена⁷. Заговор потерпел поражение, так как о планах заговорщиков стало известно Ты Дыку. Участники и даже подозреваемые в сочувствии понесли жестокие наказания.

Более значительным выступлением было восстание в столице в 1866 г., в котором оппозиционные настроения верхов пытались найти поддержку в недовольстве масс, что придало выступлению внушительный характер. Поводом послужило затеянное Ты Дыком еще в 1864 г. строительство дворца, названного «дворцом вечности». На постройку были согнаны тысячи чернорабочих, солдат, ремесленников. Недостаток средств, отпускаемых казной, хищения чиновников, ведавших стройкой, тяжелый, малооплачиваемый труд вызывали массовое недовольство работающих⁸. Кроме того, строительство дворца при тяжелом положении в стране, при казне, истощенной войной, давно уже вызывало недовольство и патриотически настроенных слоев феодальной интеллигенции, упрекавших императора в пренебрежении национальными интересами и неоправданном расточительстве. «Когда приходится созерцать дворец в столице,— писали они в 1866 г.,— приходит мысль о состоянии народа Намки, разграбленном разбойниками... о земле Намки, захваченной разбойниками... Подданные должны помнить, что Намки больше не существует. При взгляде на тысячи людей, работающих в столице, Приходит мысль о том, что народу юга негде найти поддержку»⁹.

Массовым недовольством воспользовались несколько оппозиционно настроенных придворных во главе с братьями Доан Чын-гом и Доан Чыком, которые, заручившись поддержкой одного из начальников дворцовой стражи, а также ремесленников и солдат на стройке, приняли решение, подняв вооруженный мятеж, добиться свержения императора Ты Дыка и заменить его племянником— принцем Динь Дао. Отрядам восставших удалось ворваться в крепость, но в результате промедления и несогласованности в действиях они были разбиты. Выступление было разгромлено, главари казнены, подверглись репрессиям и многие придворные, подозревавшиеся в сочувствии заговорщикам.

⁶ «Van hoa nhuyet san». Saigon, 1962, № 69, с. 48.

⁷ Van hoa nhuyet san. 1962, № 8, с. 71.

⁸ «Дворец вечности — какой это дворец? — говорится в одном из стихотворений того времени, — Стены построены на костях солдат, рвы полны крови людей».

⁹ Lich su can dai Viet Nam... с. 139.

Императору удалось подавить организованные выступления оппозиции, питавшиеся широко распространенными настроениями недовольства. В целом, несмотря на свои бурные проявления, оппозиционные выступления в верхах оставались преимущественно внутриклассовыми, этим и следует объяснить их заговорщический характер и участие в них членов царствующего дома. Участники заговоров ставили себе целью не свержение династии в целом, но лишь «недостойного» монарха Ты Дыка.

Несмотря на репрессии, постигшие всех участников выступлений, критические настроения чиновничества и интеллигенции продолжали сохранять устойчивый характер. В 1868 г., когда Ты Ды-ком было начато строительство нового, еще большего, чем прежде, дворца, это вызвало взрыв возмущения, критики, посланий ко двору. Выступления оппозиции не оказали решающего влияния на политику двора ни в этот, ни в последующий период развития антифранцузской борьбы.

Последствием войны явился также и определенный кризис феодальной идеологии в ее сложившемся к этому времени виде. Понимание ограниченности многих моментов господствующих экономических воззрений у некоторых более прогрессивно мыслящих людей вызвало к жизни новое для феодального Вьетнама буржуазно-просветительское течение. При всей своей отрицательной политической роли католичество явилось проводником новых для Вьетнама идей в области экономики, культуры, просвещения. Восприятие и развитие этих идей было попыткой разрешения социальных и экономических проблем с иных позиций.

Наиболее ярким представителем нового реформаторского течения стал Нгуен Чьонг То. Выходец из католической семьи, он получил и конфуцианское образование, хотя не имел права на занятие должности в административном аппарате. Он был близко знаком с французским епископом во Вьетнаме Готье, вместе с которым в 1860 г. выехал во Францию, где живо интересовался политической жизнью, экономическим развитием, ремеслами, культурой и приобрел большие познания в этих областях. По возвращении во Вьетнам он направил двору несколько десятков докладных записок и предложений, в которых затрагивались почти все вопросы социально-экономической жизни тогдашнего Вьетнама. Так, он призывал поощрять внутреннюю торговлю и развивать для этой цели сеть каналов¹⁰; требовал усовершенствования налоговой системы (перехода от уравнительного налога к дифференцированному — «по состоятельности», учету качества земли и прибыли хозяйства); настаивал на улучшении военного обучения в армии, а также молодежи в специальных учебных заведениях, где изучалось бы как китайское, так и европейское военное искусство; просил об увеличении флота, постройке оборонительных сооружений и т. д. Нгуен Чьонг То не раз останавливался на вопросе внешней политики. Видя гибельность политики изоляции вьетнамского государства, он призывал к установлению дипломатических и торговых отношений с другими странами и использованию противоречий между европейскими государствами для самозащиты. Предложения Нгуен Чьонг То в области культуры сводились к порицанию догматизма, начетничества конфуцианства; он призывал поощрять изучение естественных наук, иностранных языков, к посылке вьетнамских учащихся за границу, предлагал также упростить иероглифическую письменность.

Записки Нгуен Чьонг То свидетельствовали об известной степени зрелости его мысли в вопросах понимания основных отрицательных социально-экономических явлений вьетнамского феодального общества, таких, как отсталость в области сельскохозяйственного и промышленного производства, паразитизм бесчисленного чиновничества, значительный налет схоластики в просвещении, отсталость в области естественных наук, пагубность внешней изоляции. Исправлять же социальное и экономическое зло он предлагал в основном при помощи просветительских методов, опираясь не на какие-то новые социальные силы, а апеллируя в первую очередь к

¹⁰ В 1866 г. он сам оказывал помощь губернатору Нгеана и Хатиня в постройке канала.

«верхам» — к государству и государю. Именно государство должно было изменить свое традиционное отношение к ремеслу и ремесленнику, к торговле, просвещению и т. д. В 60—80-е годы с реформаторской программой выступили также Динь Ван Диен, Ле Динь, Нгуен Ло Чать, Нгуен Суан Он и др. Ряд чиновников, ездивших в составе вьетнамских посольств в Сиам (1879 г.), Гонконг (1881 г.), обращали внимание вьетнамского двора на необходимость проведения по примеру этих стран гибкой внешней политики, завязывания дипломатических и широких торговых связей с другими государствами как для приобретения союзников, так и для использования противоречий между европейскими государствами с целью сохранения собственной независимости. В предложениях о реформах в области экономики упор делался на необходимость поощрения внешней торговли и развития с этой целью добычи и вывоза за границу полезных ископаемых, открытия торговых портов на побережье, разрешения основания торговых компаний, использования достижений иностранной техники, специалистов.

Наиболее характерной фигурой реформатора этого периода являлся Нгуен Суан Он¹¹. Разрешение большинства внутренних экономических и политических проблем мыслилось им на традиционных путях, не выходящих за рамки официальных доктрин. Укрепление экономики государства по-прежнему предполагалось достичь путем получения средств от увеличения обработки целины («взять сельское хозяйство за основу, ничего другого и не надо делать»). Однако взгляды Нгуен Суан Она по ряду других вопросов были созвучны настроениям масс и отвечали задачам укрепления и сплочения сил перед лицом угрозы нового французского вторжения, грозившего окончательной потерей независимости. Его призывы к борьбе с расточительством двора, предложения о смягчении экономического гнета по отношению к крестьянству («не истощать силу народа до конца»), об использовании горной местности для создания военных баз в случае военных действий, о пересмотре традиционной военной тактики защиты крепостей, об укреплении связей с горными народностями в целях национального сплочения для борьбы с внешней агрессией — все это было важными и новыми моментами, которые могли бы способствовать укреплению военных сил Вьетнама.

Критика Нгуен Суан Оном пассивной внешнеполитической линии двора и самого Ты Дыка, подчеркивание заслуг активных организаторов освободительных войн прошлого делали его одним из выразителей национальных патриотических традиций. Большое значение придавал он и активизации патриотических элементов своего класса¹². В предложениях Нгуен Суан Она не содержалось мыслей об использовании народных сил в предстоящей борьбе, в чем сказалась ограниченность его позиции как представителя господствующего класса. Однако в той обстановке немаловажное значение могла иметь и консолидация патриотических феодальных слоев, зарекомендовавших себя как активных участников в предшествующие периоды антифранцузской борьбы.

Большинство реформаторских предложений было вызвано преимущественно воздействием внешнего (угроза захватов извне) и в меньшей степени внутреннего фактора (осмысление отрицательных экономических и социальных явлений вьетнамского общества с новых позиций), о чем свидетельствует меньшее внимание, которое уделялось реформаторами изменению традиционных социально-экономических устоев. Однако в ряде предложений по расширению внешней торговли объективно находили свое отраже-

¹¹ Нгуен Суан Он (1825—1889) родился в провинции Нгеан в семье небогатого конфуцианца-преподавателя. В 1871 г. стал одним из трех первых лауреатов столичного конкурса. Впоследствии занимал должности начальника уезда, провинциального инспектора просвещения, судьи. В период французского вторжения в 70-х годах он предлагал двору провести ряд оборонительных мероприятий в одной из провинций Центрального Вьетнама, но, встретив неодобрение императора, вынужден был уйти в отставку. Во время французского вторжения в Бакки в начале 80-х годов был назначен командующим войсками провинций Нгеан и Хатинь, с 1885 по 1887 г. возглавлял повстанческое антифранцузское движение в этих провинциях, в 1887 г. был взят в плен французскими властями, затем амнистирован, но вскоре умер (Tho van Nguyen Xuan On. Hanoi, 1961, с. 5—10).

¹² Tho van Nguyen Xuan On, с. 18.

ние интересы развивающегося национального торгового капитала. Требования о расширении внешнеторговых контактов исходили в ряде случаев из среды экономических чиновников, что говорило о стремлении чиновничества приблизиться к предпринимательской деятельности и занять позиции в сфере добывающей промышленности и внешней торговли. Почти все предложения о реформах были отклонены Ты Дыком и тайным советом.

Однако под давлением обстоятельств правительством Ты Дыка были все же сделаны кое-какие уступки требованиям времени. Было издано несколько указов, знаменующих некоторый поворот к вопросам технического развития, главным образом с целью усиления военных сил Вьетнама.

К середине 60-х годов относятся первые попытки завязать технические контакты с европейскими странами. В 1864, 1866 и 1868 гг. во Францию, а также во французские оружейные мастерские в Намки посылались небольшие группы (8—20 человек) для обучения управлению машинными кораблями, производству ружей, пороха, обработке стали, для закупки некоторого числа ткацких машин, а также для обучения иностранным языкам. В 1871 г. был издан указ, поощряющий посылку в другие страны сыновей чиновников для обучения корабельному делу, производству оружия и изучения иностранных языков. В конце 70-х — начале 80-х годов продолжалась посылка вьетнамцев для учебы: в 1879 г. — в Тулон, в 1881 г. — в Сайгон и Гонконг. В Англии и Германии было закуплено несколько кораблей в качестве образцов для постройки своими силами, переведено несколько французских книг по горному делу, кораблестроению¹³.

Мероприятия эти носили эпизодический характер, при отсутствии более широких реформ в стране они не оказали сколько-нибудь заметного влияния на состояние вьетнамской экономики. Не были изменены ни принцип набора, ни принцип обучения в армии, не было произведено значительных закупок оружия за границей, так что в целом состояние вооруженных сил осталось на прежнем уровне. Ввиду сложившейся напряженной внутренней и внешней обстановки реформаторские тенденции не получили заметного развития, технические контакты остались лишь эпизодами в сношениях Вьетнама со странами Запада.

Попытка проникновения французов в Бакки и народное сопротивление

Колониальная политика европейских держав в странах Азии характеризуется в 70-х годах переходом от навязывания неравноправных договоров к более интенсивному проникновению на внутренние рынки, что обусловило обострение борьбы за территориальный раздел в дальневосточном регионе, усиление англофранцузского соперничества в проникновении на рынки Китая и ряда стран Индокитайского полуострова. Вопрос о расширении владений во Вьетнаме находился в тесной связи с этой общей тенденцией. Несмотря на неблагоприятные внутренние условия, Франция встала в начале 70-х годов на путь продолжения территориальных захватов во Вьетнаме.

Началом осуществления захватнических планов французских колониалистских кругов в отношении Бакки явилась экспедиция Дюпюи—Гарнье 1872—1874 гг. Возникнув как частное предприятие торговца-авантюриста, она сразу же получила поддержку французских официальных властей Кохинхины. Жан Дюпюи, французский торговец, обосновавшийся на китайской территории, в г. Ханькоу, с 1859 г., занимался главным образом поставками оружия китайским властям. Узнав о судоходности Красной реки, он дважды (в 1868, а затем в 1870 г.) проехал по ней почти до Ханоя. Возвратившись в Китай в начале 1871 г., он заключил соглашение с маршалом Ма, цинским военачальником в Юннани, «а поставки оружия из Франции, намереваясь провезти его через Бакки по Красной реке. Выехав из Китая во Францию, он пытался заинтересовать

¹³ NCLS. 1962, № 39, с. 3.

французские правительственные и промышленно-торговые круги перспективой выгодной торговли с Юн-нанью. Однако ввиду тяжелого положения во Франции во время франко-прусской войны ему удалось лишь заручиться рекомендательным письмом тогдашнего министра флота к губернатору Нам-ки, что оказалось достаточным для обеспечения официальной поддержки, так как министр принадлежал к числу активных сторонников расширения французской экспансии на севере Вьетнама.

Возвратившись в Китай, Дюпюи сформировал в Гонконге отряд, состоявший из 200 человек и 4 небольших военных судов с грузом привезенного из Франции оружия. В ноябре 1872 г. отряд вошел в устье Красной реки. Зная о запрещении европейской торговли по Красной реке, Дюпюи заранее получил разрешение китайских военных властей Юннани и Кантона на торговлю под китайским флагом.

Вьетнамские власти в Ханое, опасаясь вооруженной экспедиции Дюпюи, произвели мобилизацию войск и пытались через французского католического епископа Пюжинье добиться ухода Дюпюи из Бакки. Лишь в январе 1873 г., после специального письма от командующего войсками провинции Юннань вьетнамским властям с требованием пропустить экспедицию Дюпюи, последнему удалось выехать в Юннань. По прибытии туда Дюпюи заключил с китайскими властями новые, чрезвычайно выгодные контракты на ввоз вьетнамской соли в Юннань и вывоз меди. «Только этот контракт, — замечает Мийо, — дал бы миллионные прибыли»¹⁴. Впоследствии возможностью прибыльной торговли через Бакки заинтересовались китайские торговцы в Сайгоне.

Во время вторичного прибытия во Вьетнам с грузом олова и меди из Юннани и дополнительными военными силами Ж. Дюпюи узнал о защитных мерах, принятых вьетнамским правительством (возведение заграждений по течению Красной реки, сосредоточение войск в Ханое, запрет торговых и иных отношений с ним). Дюпюи, уже закупивший груз соли во Вьетнаме для беспошлинного, как он надеялся, вывоза ее в Юннань, оказался в изоляции. Предпринятый им захват коменданта Ханойского гарнизона, переговоры о поддержке с группировкой сторонников Ле стали началом открытого конфликта. Они вызвали резкий протест двора в Хюэ против нарушений Францией договора 1862 г. и требование удаления Дюпюи. Ответной мерой французских властей в Намки была посылка дополнительных вооруженных сил под командованием Ф. Гарнье: официально — для расследования создавшейся ситуации, а на деле — с целью начала непосредственной вооруженной интервенции. Вооруженный отряд Гарнье был немногочисленным (несколько более 200 человек, две канонерки), но он рассчитывал на то, что весьма широкие неофициальные полномочия помогут ему не стесняться в выборе средств давления на местные вьетнамские власти. По прибытии в Ханой в ноябре 1873 г. Ф. Гарнье принял крайне враждебный тон в начавшихся переговорах. Вопреки ожиданиям он не только не осудил действий Ж. Дюпюи, но прямо заявил, что целью его прибытия являлось открытие торгового пути по Красной реке. Об открытии реки для французской, испанской, китайской торговли, об открытии портов Хайфона и Тхайбиня, упразднении вьетнамских таможен и введении новых таможенных тарифов (льготных для товаров из Кохинхины и Китая) было публично объявлено в расклеенных им по городу прокламациях¹⁵.

Провокационное поведение Гарнье вызвало возмущение населения Бакки; во вьетнамские войска продолжался приток добровольцев; наместник севера — маршал Нгуен Чи Фьонг послал письмо в Хюэ, требуя либо разрешения начать вооруженную борьбу, либо своей отставки. Однако Гарнье ответил ультиматумом с требованием письменно подтвердить согласие с содержанием прокламаций и прекратить военные приготовления. Не получив ответа, он решил атаковать ханойскую крепость. После ожесточенного боя крепость была взята 20 ноября 1873 г. отрядом Дюпюи—Гарнье.

¹⁴ E. Millot. *Le Tonkin, son commerce et sa mise en exploration*. P., с. 68.

¹⁵ C. B. Norman. *Le Tonkin ou la France en Extreme Orient*. P., 1884, с. 114.

Известие о падении ханойской крепости, считавшейся неприступной, о гибели маршала Нгуен Чи Фыонга (он покончил с собой), возглавлявшего сопротивление, деморализовало ряд вьетнамских военачальников, некоторые из них не решались оказать сопротивления французам. Это облегчило положение последних, которые располагали лишь незначительными военными силами. Сразу же после захвата крепости Гарнье послал часть своих войск для взятия других крепостей в дельте Красной реки. 23 ноября 1873 г. был взят без боя Хынгиен. 26 ноября французами была взята крепость Фули, 4 декабря — крепость Хайзыонга, 5 декабря — крепость Ниньбиня. Крепость Намдиня была взята (10 декабря) отрядом под командованием самого Гарнье. Войска этой крепости оказали ожесточенное сопротивление.

Заигрывая с широкими слоями населения, Гарнье объявил об отсрочке уплаты населением половины налога рисом за текущий год. Такая тактика позволила Гарнье привлечь на свою сторону часть населения Бакки, нанять некоторое количество наемных войск. Но через короткое время, оправившись от замешательства, власти начали действовать. Вьетнамские части, расположенные у г. Шонтэй, вместе с отрядом «Черные флаги» и частью гарнизона Бакниня подошли к Ханюю и осадили его. 21 декабря 1873 г. во время вылазки у Ханюя Гарнье был убит. Успех был одержан отрядом «Черные флаги», устроившим засаду у Каузэй («бумажного моста») близ Ханюя. Победа у Каузэй оказала большое влияние на состояние духа армии и населения, так как показала возможность победы над хорошо вооруженным противником. В тот же день войска атаковали французские гарнизоны в Намдине. Не видя возможности удерживать дальше захваченные пункты, французские колониальные власти в Сайгоне вынуждены были продолжать переговоры с посланцами вьетнамского двора. 15 марта 1874 г. между Вьетнамом и Францией был подписан новый договор. Договор этот явился дальнейшим шагом по пути потери Вьетнамом государственной независимости в области как внешней, так и внутренней политики. Вьетнамское правительство обязывалось «согласовывать свою внешнюю политику с политикой Франции» и не вносить никаких изменений в существующие внешнеполитические отношения (ст. 2). Подтверждалось французское господство в завоеванных ранее провинциях Южного Вьетнама. В Северном и Центральном Вьетнаме открывались для европейской торговли три порта (Ханюй, Хайфон, Куиньон), а также проход для судов по Красной реке до границ Китая. В открытых портах Франция получала право держать консулов с вооруженными отрядами (не более 100 человек), французский резидент при императорском дворе имел право разбирать тяжбы между французами или иными иностранцами и вьетнамцами.

Вьетнамское правительство обязывалось не преследовать католических миссионеров и местных католиков. Вьетнам получил от Франции некоторую военную помощь (5 кораблей, 100 пушек, 1000 ружей и боеприпасы), должны были быть приглашены французские военные инструкторы в армию и флот, а также чиновники для «организации» таможенного и налогового аппарата с целью выплаты оставшейся суммы контрибуции после войны 1858—1862 гг. Статьи договора, разрешавшие вмешательство французских чиновников в таможенную и налоговую политику вьетнамского двора, содержание военных сил в виде консульских эскортов, установление отдельного от вьетнамского судопроизводства для иностранцев, согласие Ты Дыка на использование французских военных сил для подавления народных движений — все это явилось удобными предложениями для вмешательства Франции во внутреннюю жизнь государства в последующий период. В ст. 2 договора говорилось о признании Францией независимости вьетнамского государства по отношению к любой иностранной державе. Статья эта имела целью ликвидировать внешнеполитические связи Вьетнама с Китаем. Это было вызвано опасениями возможности китайского вмешательства на стороне Вьетнама в случае расширения экспансии во Вьетнам. Ст. 3 договора от 15 марта 1874 г., оговаривая право вьетнамского двора на заключение торговых договоров с другими государствами,

практически также ограничивала в этом его самостоятельность, ставя перед необходимостью предварительного извещения французского правительства.

Торговый договор между Вьетнамом и Францией, заключенный в августе 1874 г., ограничивал самостоятельность императора в вопросах внешней и внутренней торговли. Так, если вывоз зерна из страны продолжал находиться, как и раньше, под полным контролем двора, то в вывозе шелка и древесины его права были в известной степени ущемлены: о запрещении вывоза, а также о сроке снятия запрещения на эти продукты правительство должно было ставить в известность французского резидента в Хюэ. Ряд пунктов договора облегчал французскую торговую экспансию во Вьетнам, опять-таки за счет ущемления прав государства. Так, торговые запрещения, издаваемые двором, не могли распространяться на товары, направлявшиеся транзитом в Юннань и из Юннани, они не могли облагаться внутренними пошлинами (ст. 2). Торговля из Сайгона с открытыми портами Бакки или Юннанью облагалась лишь половинной пошлиной.

Таким образом, договоры 1874 г. ущемляли суверенность вьетнамского государства в целом, а также подрывали права феодального класса и чиновничества. Истинной целью Франции в период переговоров, предшествовавших заключению мартовского договора 1874 г., было принудить Ты Дыка открыто признать французский протекторат над Бакки. Однако она не смогла добиться этого, и слово «протекторат» не фигурировало в тексте договора, что послужило причиной франко-китайской борьбы по вопросу о Вьетнаме в последующий период.

Новые акты агрессии со стороны Франции были причиной массового недовольства в стране. Сразу же после подписания договора 1874 г. вспыхивают волнения в ряде мест Бакки: например, известно о карательных операциях против волнений в Шонтэе, Колоа (Фукиене)¹⁶. Попытки сопротивления французам предпринимались (уже после подписания договора) и со стороны отдельных представителей власти. Так, наместник Бакки собрал в это время близ Ханоя около 12 тыс. войска¹⁷. В связи с угрозой нападения французский консул вынужден был перевести большую часть своих вооруженных сил в Хайфон, вслед за ними ушли корабли и отряд Дюпюи, остававшиеся до того времени в Ханое. В 1875 г. отряды «Черные флаги», продвинувшись к Ханюю, намеревались осадить его, узнав о возведении укреплений на территории, прилегающей к французской консульской резиденции.

Особенно сильными настроения недовольства оказались среди феодальной интеллигенции и слоев мелкого и среднего чиновничества Хатиня-Нгеана.

Руководили начавшимся здесь восстанием местные авторитетные конфуцианцы Чанг Тан и Данг Ньн Май. Восстание продолжалось четыре месяца и направлялось антиправительственными и антикатолическими лозунгами. В воззваниях, выпущенных руководителями восставших, говорилось следующее: «Пусть даже двор примирился с европейцами, патриоты ши-фу не потерпят этого, поэтому сначала требуют убить всех христиан, затем изгнать всех европейцев, чтобы сохранить нашу тысячелетнюю конфуцианскую цивилизацию»¹⁸. На знамени повстанческих отрядов был написан следующий девиз: «Усмирить европейцев, убивать еретиков». Более тысячи солдат столичного гарнизона было послано в восставшие уезды, одновременно один из сановников был послан с миссией «успокоить» ши-фу и призвать народ оказывать сопротивление восставшим.

Католические отряды, действуя совместно с правительственными войсками, окружили восставшие уезды. Чанг Тан и Данг Ньн Май вынуждены были уйти в горы, но приняли меры к установлению связи с ши-фу других районов. В апреле 1874 г. повстанческое движение ши-фу вновь поднялось. Им удалось захватить несколько уездов, а к июню они владели всей провинцией Нгеан и окружали провинциальную крепость. В

¹⁶ Le Than Khoi. Le Vietnam... с. 374—375.

¹⁷ A. Masson. Hanoi pendant la periode heroique, с. 39—40.

¹⁸ Lich su can dai... I. II, с. 27.

захваченных повстанцами районах смещались императорские чиновники, не подчинявшиеся им. В это же время поднялись и ши-фу в провинции Ха-тинь; отряды их, руководимые Чыонг Куанг Тху, захватили три уезда и намеревались захватить провинциальную крепость. Туда также были посланы регулярные войска; несколько чиновников, не сумевших или не хотевших оказать им должного сопротивления, были сняты с должности или понижены. Однако повстанцы продолжали одерживать успехи: им удалось захватить крепость Хатиня, где было убито несколько правительственных чиновников. Представители восставших тайно были направлены в провинции Чунгки для проведения агитации и подготовки восстания там; власти Тханьхоа, Ниньбиня опасались за положение в своих провинциях. Крепости вооружались, создавались католические отряды. На подавление восстания было послано дополнительное войско.

Оставаясь по преимуществу антикатолическим, движение отличалось и антиправительственной направленностью, о чем свидетельствовали смещения восставшими местных чиновников, убийства наиболее жестоких представителей власти. В начальный период восстание пользовалось сочувствием и поддержкой со стороны патриотических слоев чиновничества. После захвата Хатиня и убийства повстанцами местных представителей власти многие чиновники отшатнулись от них и стали оказывать содействие правительственным войскам. Войска под командованием Тон Тхат Тхуета начали активные операции против ши-фу в Нгеане. Одновременно в Хатине правительственные войска и католические отряды начали разгром повстанческих сил. В августе 1874 г. силы восставших были в значительной мере разгромлены. Данг Ньи Май был выдан правительственным войскам. Чанг Тану удалось скрыться, однако вскоре он умер. Началась полоса жестоких репрессий. Был издан тайный приказ, разрешавший властям четырех провинций Чунгки убивать без суда известных им участников восстания. Одновременно были организованы и судебные процессы, заканчивавшиеся смертными приговорами и конфискацией имущества. По данным миссионеров, было казнено около 2 тыс. человек¹⁹.

С разгромом восстания активные антигуеновские выступления патриотических слоев чиновничества и интеллигенции затухают, хотя настроения недовольства политикой двора продолжают сохранять устойчивый характер.

Захват Северного Вьетнама

Период после подписания договора 1874 г. и до начала 80-х годов характеризуется расширением французского проникновения во Вьетнам. Одной из первых забот французских властей было скорейшее установление консульств и введение вооруженных эскортов в Ханое, Хайфоне, Куиньоне. Вслед за этим в пунктах, обусловленных договором, были учреждены смешанные таможи, в задачу которых входил контроль за поступлением доходов в счет погашения контрибуции от войны 1858—1862 гг.

Направление французской политики в отношении Вьетнама определялось тем, чтобы воспользоваться любым предлогом для углубления дальнейшего вторжения во Вьетнам. Оно не ограничивалось лишь контролем за таможнями. Подготавливая расширение экономической экспансии, французские консулы в Баки предприняли разведку полезных ископаемых: в 1877 г. обследование в провинциях Донгчиеу, Куангнгае, а в 1881—1882 гг. обследование угольных месторождений Хонгая.

Значительно усилилась внешняя торговля Хайфона — порта, связанного главным образом с европейской и китайской торговлей²⁰. Так, в 1880 г. Хайфон посетило 353 европейских торговых корабля и 205 китайских джонок. Доля французских судов была, правда, наименьшей: наибольший процент по тоннажу приходился на английские суда —

¹⁹ NCLS, 1965, № 75, с. 21.

²⁰ Если в 1876 г. ввоз в хайфонский порт составлял 460 тыс. куанов, а вывоз — 268 тыс. куанов, то в 1880 г. ввоз составлял 54170 тыс. куанов, вывоз — 7510 тыс. куанов.

35, китайские составляли 23,5, главным образом принадлежавшие правительственной торгово-транспортной компании, 20 приходилось на американские суда, 11% — на немецкие и лишь 5 — на французские²¹.

Одним из средств упрочения своего положения и расширения сферы вмешательства было для французов предоставление военных сил — канонерских лодок — для борьбы с пиратством и народными волнениями. В этом вопросе гораздо легче, чем в вопросе о таможнях, ущемлявшем интересы вьетнамского господствующего класса, было достигнуто взаимопонимание между правящими кругами и французскими консульскими агентами во Вьетнаме. Так, в 1875 г. французский корабль совершил рейд к северным берегам Тонкинского залива, где в районе Шонгван рассеял большое скопление пиратских сил. В конце 1879 г. морские пираты под предводительством некоего Конга, пробравшегося из прибрежных островов в глубь территории провинций Хайзыонг и Куангиен, были оттеснены с континента на о-в Катба совместными вьетномо-французскими силами. С аналогичной целью французские канонерки направлялись в феврале 1880 г. в район Халонга, в 1878 г. — в северные районы для борьбы против перешедшего во Вьетнам восставшего китайского генерала Ли Янцзя.

Растущее вмешательство французов в жизнь вьетнамского государства, ухудшение экономического положения в стране в результате голодовок 1879—1880 гг. вызывали брожение и рост недовольства у различных слоев населения Бакки.

Антифранцузские позиции занимали ряд высокопоставленных чиновников: главнокомандующий армией Бакки Хоанг Та Вьем, губернатор провинции Хайзыонг Фам Фу Тхы, старавшийся препятствовать проникновению французских торговцев в глубь территории, ханойский губернатор Хоанг Зиеу; антифранцузские настроения преобладали и в широких кругах конфуцианцев. Французские консульские и таможенные чиновники писали о широком саботаже вьетнамскими таможенными служащими новых порядков, об уменьшении таможенных доходов, утечке риса из страны контрабандным путем, сокращении внешней торговли в морских портах и направлении торгового движения не к Сайгону, как надеялись французы, а к Гонконгу. В связи с этим французские администраторы с полным основанием жаловались на неудачи французской торговой политики в Бакки.

Установившаяся атмосфера всеобщей враждебности заставила французские колониальные круги признать фактическое банкротство в осуществлении договора 1874 г. «Политика недоброжелательства и недоверия сводит на нет уступки, данные нам договором 1874 г.»; «На деле мы меньше преуспели, чем в 1873 г.»,— писали как губернатор Кохинхины, так и французский министр флота и колоний²².

Боязнь двора окончательно потерять независимость заставила его искать союзников в лице других держав, надеясь хотя бы на частичное их противодействие французскому вторжению. В 1879 г. была сделана попытка восстановить дипломатические отношения с Сиамом. Однако под нажимом французских властей сиамское правительство отказалось направить во Вьетнам свое посольство. Несколько попыток заключить консульские соглашения с некоторыми европейскими странами также не получили осуществления ввиду противодействия Франции. В 1878 г. английские и немецкие представители просили у двора разрешения об учреждении своих консульств во Вьетнаме²³. В январе 1880 г. между Вьетнамом и Испанией была достигнута договоренность, по которой последняя получала право учреждения консульств в ряде портов. Французские колониальные власти в Намки, боясь потерять фактическую монополию на вьетнамский рынок, сумели помешать ее осуществлению.

Таким образом, хотя вьетнамский двор под давлением обстоятельств осознал насущную необходимость внешних связей и союзов, но предпринятые им практические

²¹ Annales de l'Extreme Orient. Т. 4. Р., 1881—1882, с. 137.

²² Affaires du Tonkin. Т. 1, с. 108—125.

²³ Tran Van Giau. Chong xam lang. Т. II, с. 112.

шаги с целью восстановить старые и завязать новые отношения (кроме отношений с Китаем) были весьма робкими, запоздалыми и не получили осуществления, встретив резкий протест Франции, обвинявшей вьетнамское правительство в нарушении договора 1874 г.

В период 70-х — начала 80-х годов усилилось стремление укрепить политические связи с Китаем в надежде заручиться его поддержкой в случае прямого французского вторжения. В 1876 и 1880 гг. в Пекин были отправлены вьетнамские посольства, подчеркивавшие традиционные узы между обеими странами. Последнее посольство имело специальное поручение добиваться помощи китайского правительства в борьбе против усиливавшегося французского проникновения²⁴. Наблюдается и известное сближение правящих кругов Вьетнама и Китая перед лицом борьбы с антифеодальными народными движениями (в 60-х годах — против остатков переходивших во Вьетнам отрядов тайпинов и различных крестьянских вооруженных организаций, в 70-х годах — против развивающегося морского пиратства в прибрежных районах залива Бакбо). Это побуждало к совместным действиям оба двора, и Вьетнам нередко обращался за помощью к Китаю. Провинциальные войска Юннани, Гуандуна, Гуанси входили на территорию Вьетнама для преследования повстанцев. Известен ряд таких карательных экспедиций китайских войск во Вьетнам (в 1865, 1869, 1870, 1871, 1878 гг.). Частые посылки войск привели к тому, что пребывание китайских гарнизонов в ряде провинциальных центров Бакки (Лаокай, Бакнинь, Хынгхоа, Шонтэй) стало постоянным явлением. Впоследствии это содействие в борьбе против антифеодальных движений цинское правительство стало также рассматривать как одно из проявлений «покровительства» Вьетнаму. Подобного рода заявления делались им в конце 70-х — начале 80-х годов, когда китайское правительство было обеспокоено возрастанием захватнических устремлений Франции, затрагивавших интересы и самого Китая²⁵.

Позиция цинского правительства в этом вопросе была тесно связана с необходимостью отражения агрессивных устремлений Франции в вопросе об открытии для торговли собственно Китая и по большей части определялась именно этими мотивами, а не бескорыстной помощью «зависимому», как продолжали считать китайские правящие круги, государству. Об этом достаточно определенно говорит как история практических действий Китая, так и внешнеполитическая доктрина, довольно четко сформулированная в этот период.

Китайская активность в вопросе о вмешательстве в ход событий во Вьетнаме нарастала в прямой зависимости от роста угрозы самому Китаю. В 60—70-х годах позиция Китая оставалась пассивной: он не выразил официального протеста ни против договора 1862 г., ни даже против договора 1874 г., наносившего удар по формам традиционных отношений с Вьетнамом (провозглашение «независимости Вьетнама по отношению к любой державе»). Отвечая в июне 1875 г. на уведомление французского правительства о ратификации парламентом франко-вьетнамского договора 1874 г., китайский принц-регент Гун ограничился указанием на существование давних «вассальных» отношений между двумя государствами и на то, что китайские войска неоднократно посылались по просьбе вьетнамского императора ему на помощь. Тем самым в завуалированной форме выражалось несогласие Китая с французским толкованием ст. 2 договора 1874 г.²⁶ Позднее, в начале 80-х годов, когда во французской печати велась шумная кампания за военное вторжение в Бакки, китайское правительство определило свою позицию. Был сделан ряд заявлений, свидетельствовавших о беспокойстве Китая в связи с французскими планами, о подтверждении старинных уз, соединявших обе страны, и, наконец (сентябрь 1881 г.), было заявлено о непризнании договора 1874 г. Одновременно пекинский двор, ссылаясь на историю вьетнамо-китайских отношений

²⁴ Affaires du Tonkin. Т. 1, с. 75.

²⁵ Affaires de Chine et du Tonkin. Т. II. Р., 1885, с. 259.

²⁶ Affaires du Tonkin. Т. I, с. 48

(«вассалитет Аннама»), требовал, чтобы Франция признала его право на заинтересованность во вьетнамских делах и согласовала бы с ним свои действия²⁷.

Приход к власти во Франции группировок, стоявших за военный захват Вьетнама, положил начало новому этапу агрессии. Летом 1881 г. французский парламент проголосовал за предоставление кредитов для «более активных действий». В конце 1881 г. в Бакки произошло несколько мелких инцидентов («Черные флаги» отказались пропустить французские суда, занимавшиеся разведкой полезных ископаемых, в глубь северной территории у залива Бакбо), которыми Франция воспользовалась для обострения отношений с двором и осуществления агрессивных планов.

В апреле 1882 г. из Сайгона в Ханой на двух канонерках прибыли две роты французских войск (230 человек) под командованием Ривьера, что было демонстративным нарушением Францией договора 1874 г., запрещавшего французским консулам в Ханое и Хайфоне держать более 100 вооруженных солдат. Инструкции, полученные Ривьером, провоцировали военный конфликт: ему предписывалось создать военный посч северо-западнее Ханоя, отрезав таким образом ставку «Черных флагов», в случае же сопротивления — развернуть военные операции²⁸.

Ты Дык сохранял пораженческие настроения. Его позиция как абсолютного монарха, главы государства и позиция поддерживавшей его капитулянтской группировки придворных сыграли роковую роль во время событий 1882—1883 гг. Отсутствие каких-либо активных мер противодействия парализовало активность патриотических группировок.

В то же время среди гражданских и военных властей преобладали настроения сопротивления. На этой позиции стояли такие люди, как губернатор Ханоя Хоанг Зиеу, губернатор Намдиня, главнокомандующий частями регулярной армии Бакки Хоанг Та Вьем, Лю Юньфу, стоявший во главе отряда «Черные флаги». В эти годы они составили ту группировку, которая пыталась противостоять пораженческим приказам двора и начать активно действовать своими средствами. Патриотические настроения в народе, поднявшиеся в связи с высадкой французских войск, обеспечили необходимую поддержку их позиции перед придворными.

Местные власти начали принимать меры по защите города. Губернатор Ханоя Хоанг Зиеу собрал совет военачальников по подготовке к обороне, в крепости города стали проводиться работы по укреплению стен, в близлежащих провинциях началась мобилизация местных нерегулярных войск, была увеличена численность крепостного гарнизона²⁹. Командующий Хоанг Та Вьем начал переговоры о совместных действиях с «Черными флагами» и стал вести себя более решительно в отношении с Ривьером. Он потребовал у последнего объяснений по поводу появления вооруженного отряда и нарушения договора 1874 г. Отношения между ними чрезвычайно обострились. В этой обстановке Ривьер, желая вырвать инициативу, принял решение о захвате ханойской крепости. К апрелю 1882 г., после прибытия новых подкреплений, отряд Ривьера насчитывал уже 450 солдат, 130 моряков, располагал тремя канонерскими лодками с артиллерийскими орудиями³⁰.

Утром 25 апреля 1882 г. Ривьер направил Хоанг Зиеу ультиматум с требованием разоружения крепости, сдачи в плен в качестве заложников нескольких военных и гражданских должностных лиц города и провинции. В 8 часов утра французы начали артиллерийский обстрел крепости орудиями трех канонерок, подошедших по реке. Вьетнамские войска несли большие потери, это позволило французам взорвать северные

²⁷ Affaires du Tonkin. T. I, c. 188; DDF. T. 3, c. 303.

²⁸ Affaires du Tonkin. T. I, c. 202.

²⁹ По сведениям одного из французских офицеров — на 5 тыс. человек. — G. Taboulet. La geste française..., c. 772

³⁰ Affaires du Tonkin. T. I, c. 246.

ворота и начать штурм. В 11 часов крепость была взята. Гарнизон вместе с губернатором Хоанг Зиеу отступил через южные ворота.

Период с весны 1882 до весны 1883 г. характеризуется пассивностью обеих сторон: французы еще не имели достаточно военных сил для продолжения захватов; при вьетнамском дворе возобладало влияние группы, ориентирующейся в основном на войну силами китайской армии и «Черных флагов» и на ведение переговоров с французскими властями Кохинхины, куда был послан один из министров с миссией протеста против нарушения Францией договора и разъяснением статуса «Черных флагов» во Вьетнаме. Тем не менее положение оставалось напряженным. По всему Бакки в течение этого времени продолжалась довольно активная подготовка к сопротивлению. Однако большинство сановников не пошли на открытый конфликт с Ты Дыком, склонявшимся, к капитуляции, и не развернули активных действий, в результате чего французским властям путем нажима на придворных удалось парализовать сопротивление.

Вторжение французских войск в Северный Вьетнам, захват Ханоя и последовавшее вслед за этим обращение двора за помощью (с этой целью в Китай были посланы две миссии: одна — непосредственно в Тяньцзинь, другая — в Гуандун) подтолкнули цинское правительство к более решительным действиям. Летом 1882 г. власти пограничных с Вьетнамом провинций получили приказ направить воинские части в провинции Туенкуанг, Каобанг, Лангшон, Куангиен, Хынгхоа. Всего к этому времени во Вьетнаме насчитывалось 12 китайских полков. Новые пополнения общей численностью 25 тыс. человек³¹ были направлены во Вьетнам весной 1883 г. Однако в целом даже в этот период китайские власти избегали каких-либо решительных действий на территории Вьетнама, их войска не принимали участия в военных операциях против французов, несмотря на давление группировки сопротивления в Китае, требовавшей решительных действий. Напротив, более ожесточенной стала борьба на дипломатическом фронте. Одновременно в самом Китае происходил процесс размежевания военных и гражданских чинов на сторонников уступок, предоставленных центральным правительством и некоторым числом глав провинций, выразителем которых был влиятельнейший сановник Ли Хунчжан, и на группировку сопротивления в лице значительной прослойки военной и гражданской администрации.

На переговорах между французским посланником в Пекине Буре и Ли Хунчжаном в 1882 г. было достигнуто соглашение о защите китайских интересов путем уступок за счет Вьетнама. Ли Хунчжан фактически отказал в помощи Вьетнаму, согласившись на отвод китайских войск из Бакки, открытие Красной реки для французских торговых судов и на разделение Бакки демаркационной линией на две зоны. Одна из них, примыкавшая к китайской границе, должна была находиться под надзором Китая, другая, включавшая почти всю территорию Бакки,— под контролем Франции. Китай «получал» при этом и прямое территориальное приобретение — г. Лаокай³².

Срыв этого соглашения, не утвержденного новым французским кабинетом министров во главе с Ж. Ферри, стоявшим на позициях развертывания военной кампании за полное овладение Вьетнамом, привел в Китае к усилению позиций сторонников оказания более активной помощи Вьетнаму (посланник Китая в европейских странах Цзен Цзицзе, губернатор Гуанси и др.). Некоторые представители высших провинциальных властей (например, губернатор Юннани) выступили с требованием прямой аннексии вьетнамских территорий³³. Примечательно, что все группировки исходили из широко распространенной в правящих классах Китая теории «буферных государств», к которым причисляли и Вьетнам и которые призваны были обеспечить безопасность границ (в данном случае южных) Китая³⁴. Распространившиеся во Вьетнаме слухи о далеко идущих

³¹ Affaires du Tonkin. Т. II, с. 70, 91, 105.

³² DDF, t.4, с. 560-561.

³³ Huan Lai Cho. Les origines de la question du Tonkin, с. 174, 175, 180.

³⁴ Affaires du Tonkin. Т. II, с. 141.

намерениях китайских властей, недовольство пассивной политикой китайских войск послужили причиной издания Ты Дыком указа, осуждающего подобные настроения³⁵. Разногласия и пассивность верхов привели к разобщению практических военных действий китайских и вьетнамских вооруженных сил, были случаи и острых разногласий между командованием армий обеих стран³⁶.

Прибытие дополнительных подкреплений из Франции в феврале 1883 г. со всей очевидностью показало, что следует ожидать усугубления военного конфликта, к тому же поведение отряда Ривьера не вызывало сомнений. Уже в марте 1883 г. он захватил местечко Хонгай с угольными месторождениями, послав туда корабли и организовав там военный пост. После этого был захвачен центр провинции Куангиен. Таким образом, французами были захвачены опорные пункты на побережье, позволявшие контролировать залив Халонг. Вслед за этим отряд Ривьера овладел одним из крупных центров дельты — Намдинем. Администрация Бакки вновь пыталась добиться разрешения императора на широкое ведение военных действий, указывая на благоприятную обстановку и готовность населения поддержать борьбу; чиновники советовали не ждать помощи от Китая, а начать действовать самим. Так, протест против пассивного ожидания, чреватого наихудшими последствиями, сквозит в каждом слове послания командующего войсками бакниньской крепости Чыонг Куанг Дана: «Французы увеличивают число боевых кораблей. Можем ли мы безучастно смотреть на смерть и ожидать, пока другие издалека придут к нам на помощь? Ленивая война будет проиграна. Думаю, что нужно немедленно исправить положение. Многие поддерживающие борьбу лишь случайно не сделали ошибки и не опустили руки»³⁷.

Наконец, воспользовавшись отходом значительного числа французских сил к Намдиню, войска правительства попытались нанести несколько ударов по Ханюю: из Бакниня и Шонтэя подошли к Ханюю регулярные части и отряд «Черные флаги» общим количеством около 15 тыс. человек. Кольцо окружения отряда Ривьера в Ханое становилось все более и более плотным.

Положение французского отряда было на грани катастрофы. Воспользовавшись прибытием нового подкрепления, Ривьер решил организовать вылазку для разгрома укрепленного лагеря Хоайдык, где сосредоточились силы «Черных флагов» и регулярные части Хоанг Та Вьема. Однако экспедиция оказалась неудачной, французская колонна в составе 450 человек попала в засаду. Ривьер был ранен, захвачен в плен «Черными флагами» и убит³⁸. Сумевшие перегруппироваться остатки французского отряда возвратились в Ханой. Победа у Ханоя над французским отрядом значительно повысила моральный дух вьетнамских войск. Однако двор не воспользовался благоприятной обстановкой для активизации военного отпора Франции.

В июле 1883 г. в Бакки с дополнительными подкреплениями прибыл генерал Буэ. К июлю 1883 г. французские силы насчитывали уже 3,5 тыс. человек, не считая сформированной ими к этому времени так называемой «местной полиции», главным образом из числа «Желтых флагов», пошедших с ними на сотрудничество и использовавшихся для борьбы с «Черными флагами». В это время произошло событие, ускорившее трагическую развязку: 17 июля 1883 г. умер Ты Дык. После его смерти в придворных сферах обострились соперничество и борьба за власть между сторонниками продолжения войны и сторонниками капитуляции.

Воспользовавшись разногласиями, французские военные силы овладевают после упорных боев укреплениями Тхуанан близ столицы. Вслед за этим, усилив нажим на капитулянтскую группировку придворных, французский представитель в Хюэ Арман сумел добиться подписания соглашения от 25 августа 1883 г., провозглашавшего

³⁵ Lich su can dai... t. II, с. 62.

³⁶ Там же.

³⁷ Lich su can dai... t. II, с. 67.

³⁸ Lich su can dai. T. II, с. 117, 157.

французский протекторат над Вьетнамом, т. е. ликвидацию его политической и в значительной степени экономической самостоятельности.

Кабальная сущность соглашения и его вынужденный характер были очевидными. Оно не получило осуществления, его не признал не только вьетнамский народ, продолжавший оказывать ожесточенное сопротивление захватчикам, но и значительная часть правящего класса.

Разгром вьетнамских войск у Тхуанана и подписание под пушечными дулами соглашения от 25 августа 1883 г. явились серьезным военным и политическим поражением Вьетнама. Несмотря на это, силы сопротивления в стране не были сломлены, и война вступила в новый этап, начинающийся осенью 1883 г., когда был свергнут ставленник капитулянтской группы — император Хиеп Хоа. На трон был посажен Киен Фюок, фактическая власть принадлежала Тон Тхат Тхуету и Нгуен Ван Тьонгу.

Сила антифранцузских патриотических выступлений в стране, так же как враждебные настроения ряда придворных, не давала колонизаторам большой веры в «лояльное» исполнение капитулянтского соглашения. К тому же важнейшие укрепленные пункты Бакки оставались в руках их защитников. Вызывало тревогу все увеличивавшееся количество китайских войск в ряде вьетнамских крепостей. Поэтому удар по Хюэ отнюдь не мог считаться концом военных действий. Задача разгрома основных вьетнамских военных сил и «Черных флагов» по-прежнему стояла на повестке дня.

Французское командование намечает и проводит осенью 1883 — весной 1884 г. захват ряда крепостей Бакки, в важнейших из которых — Шонтэе и Бакнине—были сосредоточены основные силы вьетнамской и китайской армий и «Черных флагов».

В начале декабря 1883 г., когда в Бакки прибыли дополнительные французские силы в количестве 4 тыс. человек³⁹, началась подготовка к взятию крепости Шонтэя.

Утром 15 декабря 1883 г. французами был начат артиллерийский обстрел укреплений близ крепости Шонтэя. К вечеру они дважды пробовали взять штурмом эти укрепления, но были отброшены, понеся большие потери. Вьетнамская армия уже имела опыт сражений с французами. В ночь с 15 на 16 декабря их дважды яростно атакуют «Черные флаги», которым удается захватить один из французских аванпостов. Не сумев удержать его, этот отряд вскоре покидает укрепление, которое было занято французскими силами 16 декабря. Весь день 16 декабря длился ожесточенный бой у ворот крепости, не принесший успеха французам. Но на следующий день их разведка установила, что крепость оставлена войсками. С взятием Шонтэя была ликвидирована одна из основных опорных баз вьетнамской регулярной армии. Силы, оборонявшие эту крепость, отошли в другие укрепленные пункты. Бои за взятие Шонтэя были одними из самых ожесточенных в течение этой войны.

С прибытием во Вьетнам новых контингентов войск (к марту 1884 г. экспедиционный корпус насчитывал 16,5 тыс. человек⁴⁰) французское командование решает на следующую значительную военную операцию — захват бакниньской крепости, также одной из самых укрепленных в Бакки, оборонявшейся большим количеством китайских войск (10 тыс.) под командованием генералов Хоан Куй Лана и Чьеу Ока. Бакнинь был как бы аванпостом больших соединений китайских войск из Гуанси, размещенных в Тхайнгуене и Лангшоне.

8—9 марта французская армия захватила два укрепленных пункта на подступах к Бакниню со стороны Ханоя. 12 марта французские колонны численностью 10 тыс. человек и 55 артиллерийских орудий подошли вплотную к бакниньской крепости и овладели окружающими укреплениями на высотах. К вечеру того же дня крепость была взята. В противоположность боям за Шонтэй сопротивление у Бакниня было не очень упорным.

В марте 1884 г. пала крепость Тхайнгуена, переходившая затем (в течение двух месяцев) из рук в руки. В апреле того же года была взята небольшая крепость провинции

³⁹ G. Taboulet. La Geste... t. II, с. 817.

⁴⁰ Там же, с. 821.

Хынгхоа, в мае французскими войсками были захвачены укрепления Туенкуанга, которые вскоре после отхода основных французских военных сил были вновь осаждены отрядом «Черные флаги» в течение последующих девяти месяцев. С взятием Шонтэя, Бакниня, Хынгхоа, Тхайнгуена и других основные города и укрепленные пункты равнинных и возвышенных районов оказались в руках французских войск.

Военные неудачи обострили разногласия как в высших придворных кругах, так и среди провинциального чиновничества. Многие представители чиновников всех рангов, в том числе немало влиятельных лиц из Бакки, заколебались, прекратили борьбу и последовали в Хюэ. Среди них были два командующих военными регулярными силами — Чыонг Куанг Дан и Хоанг Та Вьем. Остатки вьетнамской армии были, таким образом, лишены общего руководства. После поражения у Шонтэя и Бакниня группировка в Китае во главе с Ли Хунчжаном, стоявшая за соглашение с Францией ценой уступок за счет Вьетнама, получила перевес. 11 мая 1884 г. между двумя странами была заключена Тяньцзиньская конвенция, по которой Китай обязался вывести свои войска из Северного Вьетнама и признавал установление там французского протектората. Это облегчило Франции задачу — принудить вьетнамское правительство к подписанию нового кабального договора. Во Вьетнам со специальной миссией прибыл новый французский посол в Китае Патенотр, добившийся в июне 1884 г. подписания нового договора, заменяющего соглашение Армана.

Договор 1884 г. закреплял потерю Вьетнамом государственного суверенитета, формально частично, а на деле полностью ликвидировал основные атрибуты императорской власти как во внешне-, так и во внутривластных делах.

Важнейшим пунктом договора 1884 г.⁴¹ было подтверждение французского протектората над Вьетнамом, император лишался всяких прав на ведение внешних сношений. Это право, равно как и право «общего контроля за осуществлением протектората», дававшего возможность вмешательства во внутренние дела, переходило к назначаемому из Франции верховному резиденту при дворе. Как уступка высшим правящим кругам были упразднены провозглашенные в соглашении 1883 г. территориальные изменения, касающиеся протектората Аннам, т. е. Чунги, но права императорской администрации и здесь были значительно урезаны: из ее ведения изымалось управление таможнями и общественными работами. Вскоре колониальные власти произвольно установили прямой контроль за деятельностью администрации в Чунги в некоторых экономических и финансовых вопросах. В ряде важных стратегических пунктов (морской порт Тхуанан, столица Хюэ — местопребывание верховного резидента) расквартировывались французские военные силы.

В северной части страны, называвшейся отныне протекторат Тонкин, французские резиденты назначались во все основные центры, деятельность вьетнамского административного аппарата ставилась под их полный контроль, причем колониальные власти получали право смещать с должности любого неудобного им чиновника. Сбор и использование основных налогов объявлялись находившимися в ведении как колониальной, так и местной администрации, а после предусмотренной договором реорганизации таможен (ликвидации внутренних таможен) контроль и использование доходов от морских и пограничных торговых пунктов полностью переходили в руки колониальной администрации. Помимо типичного для колониального законодательства положения об экстерриториальности иностранцев провозглашалась свобода передвижения французских граждан, свобода их торгово-предпринимательской деятельности. В целях защиты от внешних вторжений и внутренних бунтов колониальные власти получали право держать войска во всех важных в этом отношении пунктах.

Таким образом, договор 1884 г. оформлял превращение Вьетнама во французскую колонию, урезал либо ликвидировал полномочия национального административного

⁴¹ Текст договора см.: L. de Reinach. Recueil des traites... с. 202.

аппарата, вводил искусственное разделение страны на три различные по своему политическому статусу части, создавая все условия для усиления колониальной эксплуатации и борьбы с освободительным движением. Подписание договора повлекло за собой новую вспышку политической борьбы при дворе, где временно победили патриотические элементы, возглавляемые Тон Тхат Тхуетом; императором был провозглашен в июле 1884 г. юный Хам Нги, сторонник активной борьбы с колонизаторами.

Происшедшее в июне 1884 г. столкновение французских войск, направлявшихся на занятие Лангшона, с китайскими частями у селения Бакле нарушило непрочное перемирие. Предпринятое вслед за этим военное давление Франции на Китай (потопление китайского флота у Фучжоу, бомбардировка побережья в августе 1884 г., десант на Тайване) послужило причиной поворота цинского правительства к более решительному военному противодействию французской экспансии. В связи с этим увеличилась и активность китайских войск во Вьетнаме.

Осенью 1884 г. активизировались военные действия. Бои с французами, пытавшимися продвинуться к Лангшону, вели вьетнамские воинские соединения вместе с частями гуансийской армии. С октября 1884 г. по март 1885 г. осаждавшие французский гарнизон в Туенкуанге «Черные флаги» и вьетнамские силы непрерывно атаковали крепость. В феврале 1885 г. Франция предприняла новое наступление на Лангшон и наконец заняла его, однако в ходе последующих боев французские отряды были разгромлены. Ведение без санкции парламента войны с Китаем, затяжной характер военных действий во Вьетнаме, необходимость все новых и новых кредитов вызвали падение кабинета Ж. Ферри во Франции. 4 апреля 1885 г. было подписано соглашение о перемирии с Китаем, приведшее к официальному прекращению военных действий, началу вывода китайских военных сил, а также «Черных флагов» из Вьетнама. Тяньцзиньский договор от 9 июня 1885 г. признавал французский протекторат над Вьетнамом.

В это время освободительная борьба вьетнамского народа принимала все более упорный и широкий характер. Уже к осени 1883 г. можно отнести начало зарождавшегося массового движения сопротивления вьетнамского народа. Оно явилось стихийным проявлением патриотических чувств населения, выразившихся в виде отдельных выступлений, когда местные отряды действовали совместно с регулярными частями. В это время в массах еще сохранялась надежда на успех действий регулярных частей (вьетнамских, китайских, «Черных флагов»). В некоторых провинциях (Ханой, Хайфон, Хайзыонг) начинают образовываться и действовать местные нерегулярные вооруженные отряды, предпринимавшие атаки на французские посты и гарнизоны. Численность их была различной — от 200 до 1000 человек⁴². Возглавлялись они, как правило, кем-либо из местных представителей гражданских или военных властей либо представителями патриотически настроенных «ученых».

Губернатор провинции Лангшон Ла Суан Оай возглавил группу чиновников и ван тханов, задумавших установить связь с войсками Ханоя и совместно поднять восстание, заручившись также поддержкой одного из военачальников китайской армии. В сентябре 1883 г. группа повстанцев ворвалась в Хайфон и пыталась взорвать французские склады, тогда же смешанный отряд из китайских и вьетнамских войск предпринял нападение на местную католическую церковь. Наиболее активными были действия в Хайзыонге. Отрядам сопротивления удалось блокировать гарнизон Хайзыонга в течение двух дней (с 17 по 19 ноября). Во время перестрелок осаждающие предприняли обстрел французских фортов зажигательными снарядами. Руководителем боевых операций был Нгуен Тхиен Тхуат. В этой обстановке войска оккупантов могли чувствовать себя спокойно лишь в пределах занятых пунктов. Осенью 1883 г. адмирал Курбе признавал, что «мы располагаем лишь войсками, достаточными, чтобы защищать крепости, но не имеем возможности

⁴² Lich su can dai... т. II. с. 94.

прекратить акты пиратства вне этих центров»⁴³. В ноябре крепости и посты, занятые французами в Бакки, были объявлены на осадном положении.

Силы сопротивления во Вьетнаме далеко не были сломлены. Несмотря на поражения армии, чужеземное вторжение побудило подняться на борьбу широкие слои населения Вьетнама задолго до «официального» окончания военных действий. Хотя часть феодального чиновничества в 1883—1885 гг. либо отказалась от борьбы, либо пошла на сотрудничество с врагом, но многочисленной оказалась и прослойка патриотически настроенных чиновников и феодальной интеллигенции, ставшая организатором антифранцузской борьбы. После падения важнейших крепостей Бакки процесс формирования местных повстанческих отрядов не только не ослабел, но значительно усилился. В 1884—1885 гг. французский экспедиционный корпус был вынужден вести борьбу на два фронта: как с китайскими войсками, остатками регулярных вьетнамских частей, «Черными флагами», так и с повстанческими отрядами, борьба которых все более и более активизировалась.

В это время зародилось состояние двоевластия в Бакки, длившегося в некоторых районах в течение ряда последующих лет. Власть французской администрации и назначаемых ею марионеточных ставленников распространялась только на занятые военными силами провинциальные административные центры, а также вокруг созданных в наиболее «опасных» местах военных постов. К районам же, не контролируемым французами, относились как обширные горные части страны, еще не затронутые войной, так и большая часть ряда равнинных провинций, таких, как Намдинь, Бакнинь, район Хайфона, Хайзыонга, где существовали сильные очаги повстанческой борьбы. В этих районах власть находилась в руках патриотически настроенных чиновников, возглавивших повстанческое движение. Они собирали налоги, проводили мобилизацию в отряды, организовывали их снабжение продовольствием, вершили суд и т. п. Патриотически настроенные власти пока еще не захваченных противником провинций в ряде случаев пытались поддерживать связь с руководителями повстанческой борьбы в других районах и с патриотическими кругами двора. В это время в горных провинциях севера начинают при участии Тон Тхат Тхуета создаваться базы для операций в равнинных районах, продолжавшие существовать и после официального конца войны в апреле 1885 г.

Сильно возросла активность сопротивления с весны — лета 1884 г., когда основные французские военные силы были направлены на взятие Бакниня и Хынгхоа. Во время боя за Бакнинь в районах, прилегающих к нему, начали стихийно формироваться местные силы с целью оказания помощи сражающимся. После падения крепости местное население начало свергать новых чиновников, назначенных на административные посты французами. В районах Хадонга, Хайфона, Шонтэя участились нападения на французские военные посты, подвергались обстрелу французские канонерки, французские военные власти вынуждены были предпринимать непрерывные карательные экспедиции против возникавших повсеместно повстанческих отрядов, создававших укрепления, стремившихся прервать пути сообщения французских воинских группировок. Французские власти жаловались, что невозможно нанять носильщиков для армии, так как население уклоняется от мобилизации⁴⁴.

К югу от Ханоя, в болотистом районе Байшэй, был организован центр сопротивления, который сыграл большую роль в антифранцузской борьбе. Вновь возобновляются антифранцузские выступления вблизи Хынгхоа, на нижнем течении р. Черной, где действовали и отряды, состоявшие из представителей национальных меньшинств. Одним из наиболее активных районов антифранцузской борьбы был район Намдиня и Ниньбиня, где в течение 1884—1885 гг. действовали отряды Та Хиена и других местных повстанцев.

⁴³ Histoire militaire de l'Indochine française. P., 1922, с. 62.

⁴⁴ Histoire militaire... с. 104.

Такая активность повстанческого движения в сочетании с военными действиями против не разбитой еще вьетнамской армии, частей китайской армии и «Черных флагов» заставляла французский экспедиционный корпус все время быть в состоянии непрерывной боевой тревоги. В то же время взаимодействие китайских и вьетнамских регулярных военных сил было недостаточным. Известен ряд случаев, когда это облегчало победу французских сил в решающих сражениях (во время боя за Шонтэй принимали участие войска провинции Гуанси, а расположенные неподалеку юннань-ские войска не оказали помощи сражающимся; известно о «невмешательстве» армии Чыонг Куанг Дана в сражение, которое велось китайскими силами и «Черными флагами», и т. д.). Разногласия и несогласованность следует отнести как за счет общих недостатков в организации армии, так и за счет проявлений известных вьетнамо-китайских антагонизмов, тесно связанных с конкретными политическими целями китайского правительства в этой войне.

Поражение Вьетнама было вызвано его общей экономической отсталостью, одним из проявлений которой было состояние вьетнамских вооруженных сил. В результате слабой оснащенности огнестрельным оружием, плохой обученности^{TM} регулярного войска, а также такого присущего феодальной организации армии недостатка, как обособленность различных воинских группировок, а иногда и соперничество военачальников, армия не стала той силой, которая могла бы успешно противостоять натиску французских вооруженных сил. Поэтому, несмотря на проявленные в ряде случаев (например, при защите Тхуанана, Шонтэя, в боях близ Ханоя) упорство и стойкость, регулярная армия в конечном итоге терпела поражение за поражением. Капитулянтская политика двора, и в первую очередь самого Ты Дыка, сковывавшая силы сопротивления, во многом сыграла роковую роль и облегчила Франции задачу военного разгрома Вьетнама.

Однако история долголетней войны с Вьетнамом показала, что это было отнюдь не легким делом. От неудачных попыток добиться от вьетнамского правительства официального признания французского протектората и расширения вмешательства во внутренние дела Вьетнама в 70-х годах французское правительство перешло к прямой агрессии в Северном Вьетнаме. И хотя в ходе войны были разгромлены вьетнамские и китайские вооруженные силы, военная победа досталась Франции ценой больших материальных затрат и жертв: на войну было затрачено 340 млн. фр., людские потери составили 9 тыс. человек⁴⁵. Но вьетнамский народ еще не был покорен. Началось крупнейшее национально-освободительное движение, вошедшее в историю под названием движения «кан-выонг».

Фактор китайского военного вмешательства во Вьетнаме не сыграл сколько-нибудь существенной роли в деле сопротивления французским захватам. Несмотря на наличие группировок сопротивления в самом Китае, цинское правительство продолжало придерживаться политики уступок агрессору, в том числе за счет интересов Вьетнама. Политическая линия китайского правительства во время французского вторжения обусловила и явную недостаточность военной помощи Вьетнаму, сказавшуюся на взаимодействии китайских и вьетнамских военных сил.

---

⁴⁵ G. Taboulet. La Geste française... t. II, с. 869.

Глава 3

ДВИЖЕНИЕ «КАН-ВЬОНГ»

(1885—1896)

С 1885 г. патриотическая борьба против колониального завоевания вступила в новый этап, длившийся с середины 80-х годов почти до конца столетия и получивший в исторической литературе название движение «кан-вьонг» («преданность императору»). Ему предшествовала попытка вооруженного восстания в Хюэ в июле 1885 г. Регент Тон Тхат Тхует и поддерживавшая его группа сановников представляли собой очаг антифранцузского сопротивления непосредственно при дворе. Французским властям было хорошо известно о непримиримых настроениях Тон Тхат Тхуета, так же как о проводимом по его указанию укреплении крепости Камло в провинции Куангчи¹ и об объявленной новой мобилизации солдат в крепостной гарнизон столицы². Все это говорило о готовящемся возобновлении открытой борьбы. Главнокомандующий французских военных сил де Курси стоял за насильственное смещение антифранцузски настроенных регентов молодого императора — патриота Хам Нги. Принципиальное согласие французского правительства на переворот было получено еще в августе 1884 г. В начале июля 1885 г. он прибыл в Хюэ с большими военными силами. Однако Тон Тхат Тхует, знавший о французских планах, предупредил события. В ночь на 5 июля 1885 г. вьетнамские вооруженные отряды под его командованием совершили внезапное нападение на помещение французской резиденции и на один из крепостных фортов, где были сосредоточены французские войска. После ожесточенного боя 6 июля вьетнамские отряды, понеся большие потери, отступили, а Тон Тхат Тхует принял решение вывезти императора Хам Нги в укрепленный пункт Камло, куда были подтянуты и остальные войска.

Хам Нги, заняв патриотическую позицию, по настоянию Тон Тхат Тхуета издал в июле 1885 г. воззвание, в котором, обращаясь ко всему населению, призвал к продолжению вооруженной борьбы. Тогда французские власти прибегли к верхушечному перевороту: объявив в сентябре 1885 г. Хам Нги низложенным, они возвели на престол его брата Донг Кханя. Так попытка восстания в Хюэ и воззвание о борьбе положили начало освободительному движению, происходившему в форме вооруженной борьбы с захватчиками. Этот этап освободительной борьбы, подготовленный всей предыдущей историей войны с колонизаторами, ознаменовался самым широким участием населения, в первую очередь крестьянства, благодаря чему она приняла широкий народный характер. Целью ее было изгнание захватчиков, восстановление независимости вьетнамского государства.

Руководители «кан-вьонга» были, как правило, из числа патриотически настроенных высших и средних слоев провинциального чиновничества и феодальной интеллигенции. Они возглавили как действия отрядов на местах, так и общее руководство борьбой в довольно больших районах, объединявших несколько провинций. Немалая роль в развернувшейся борьбе принадлежала широким слоям феодальной интеллигенции — носителям патриотической идеологии. Мы видим их как в числе руководителей отдельных отрядов, так и среди рядовых участников. Поддержка крестьянства носила разнообразный характер: помимо прямого участия в повстанческих отрядах и снабжения их продовольствием население деревень давало повстанцам сведения о противнике, укрывало отряды в случаях преследования их врагом. Только из-за такой широкой и разносторонней поддержки сельского населения руководителям отрядов «кан-вьонга» часто удавалось скрываться от преследований, спасти живую силу. Доверенные люди

¹ В крепость постепенно вывозились казна, оружие, собирались войска.

² По французским сведениям, численность его в это время составила 20 тыс. человек (*Histoire militaire...* с. 123).

повстанцев, находясь в деревнях, осуществляли снабжение продовольствием, сбор сведений о противнике, обеспечивали связи с другими группами. Документы той поры содержат бесчисленные примеры укрывательства населением деревень повстанческих отрядов и групп, тайных связей повстанцев с населением и должностными лицами в деревне, которые также нередко оказывали содействие повстанцам.

Весьма активную прослойку составили включившиеся в антиколониальную борьбу представители национальных меньшинств (мыонги, тхай, ман, таи и др.). Однако поведение племенной верхушки нередко было непоследовательным: поддерживая какое-то время движение, они часто стремились при этом к сохранению своих привилегий и, достигнув своей цели, пойдя на соглашение с колониальной администрацией, отходили от борьбы.

Идеология движения сочетала в себе элементы общенациональные с классовыми. Основой патриотических воззрений феодального класса были конфуцианские доктрины «основ и норм», т. е. монархическо-элитаристские концепции, вытекающие из трактовки социальных обязанностей «верхов» и «низов», а также из учения об идеале «благородного мужа». Понятие патриотизма объединяло в них долг перед государством, народом с долгом безусловной (и в первую очередь) преданности монарху. Это составило краеугольный камень морально-этического кодекса и социальные нормы поведения патриотических слоев чиновничества и феодальной интеллигенции на данном этапе развернувшейся борьбы.

Победа сторонников сопротивления в верхах, происшедшая после восстания в Хюэ и призыва к «кан-выонгу», вызвала изменение политического климата в стране. Если раньше очаги сопротивления возникали вопреки приказам двора, то теперь патриотическое движение получило одобрение «сверху». Был дан выход гневу и возмущению самых широких слоев населения, но социальной опорой государства оставались группы господствующего класса. Недаром в документах «кан-выонга» (воззваниях императора Хам Нги, обращениях «ученых») главное внимание обращалось на поддержку чиновников, ученого сословия и реже — деревенской верхушки. Их призывали быть верными принципам «основ и норм», т. е. в первую очередь проявлять самоотверженность и самопожертвование в борьбе за «правое дело». С течением времени во взглядах некоторых руководителей повстанческого движения начинают проявляться и более демократические тенденции, связанные с пониманием огромной роли масс в развернувшейся борьбе. Патриотическая литература периода «кан-выонга» выразила и настроения общего патриотического подъема, в связи с чем в ней большое место заняли темы и настроения, близкие широким слоям населения. Мотивы ненависти к иноземным захватчикам, любовь к родному краю, презрение к тем, кто пошел на сотрудничество с врагом, воспевание самоотверженности простых людей в борьбе — все это явилось выражением демократических тенденций идеологии освободительного движения. Патриотическими кругами правящего класса выдвигались также лозунги национального, т. е. межклассового, единства в борьбе. Необходимость сплочения диктовалась задачами борьбы, отвечала патриотическим устремлениям народных масс и историческим традициям народной борьбы Вьетнама с иноземными завоевателями в прошлом.

Крестьянство, поднимали на борьбу не столько монархические лозунги и мечты о восстановлении старого правопорядка, сколько ненависть к захватчику, несущему дополнительный гнет. Ярким примером в этом отношении является послание отряда Де Тхама представителям французских властей: «Тот, кто надеется захватить землю других людей, тот жаден и жесток. Тот, кто потерпел поражение, но продолжает захват, тот ведет себя как безумный. Замышляющий захватить чужую землю насилем получает в результате лишь то, что увеличивает непокорность со стороны народа и армии, конечный же результат — только бунт и всеобщее восстание³.

³ Dinh Xuan Lam и др. Hoang Hoa Tham va phong trao nong dan Yen The. Ha-noi, 1958, с. 46.

Руководителями «кан-выонга» неоднократно предпринимались попытки организовать движение в масштабе всей страны. Одновременно с призывом Хам Нги были произведены назначения лиц, ответственных за организацию отрядов «кан-выонга» в каждом районе. Так, Хоанг Та Вьем был назначен уполномоченным по всему Бакки (правда, вскоре он отошел от антиколониальной борьбы), Нгуен Динь Ньюан — его заместителем и руководителем движения в районе Шонтэя, Хынгхоа. В крупные районы, состоявшие из нескольких соседствующих друг с другом провинций, также были назначены главные организаторы борьбы: Нгуен Куанг Бить — в северо-западные районы Бакки, Нгуен Тхиен Тхуат — в центральные районы, Та Хиен — в южные. В Чунгки вооруженной борьбой руководил сам Тон Тхат Тхует, а после его выезда в Китай в 1886 г. — Чан Суан Соан.

До ареста Хам Нги (в конце 1888 г.) между высшими уполномоченными и императором поддерживалась постоянная связь, после его ареста она сохранилась с Тон Тхат Тхуетом, находившимся в Китае. Руководители повстанческих отрядов различных районов поддерживали в ряде случаев между собой связь, обменивались сведениями и планами. Некоторые из них осуществляли совместные операции (например, Нгуен Тхиен Тхуат и Та Хиен в Бакки, Тонг Зуй Тан и Док Нгы). Руководители местных отрядов подчинялись приказам верховных уполномоченных и выполняли их распоряжения при постройке укрепленных лагерей, снабжении продовольствием, вербовке людей в отряды и т. д.

В горных районах, долгое время находившихся вне контроля колониальных властей, сохранялись базы повстанческих отрядов, действовавших не только в горах, но и в районе предгорий и равнин. Состав руководителей и основной массы участников отрядов здесь был пестрым в социальном отношении. Большое место в руководстве занимали выходцы из низших слоев чиновничества (Де Киеу, Кай Кинь), из беднейшего крестьянства (Док Нгы, Де Тхам и др.). Ряд действовавших в Бакки крестьянских отрядов не всегда входил в движение «кан-выонг», некоторые из них сохраняли независимость в действиях, что следует отнести за счет влияния антифеодалных традиций крестьянской борьбы. В борьбе подобного рода отрядов проявился ряд черт, характерных для крестьянских движений.

Если после ареста Хам Нги борьба для многих выходцев из господствующих слоев в известной мере утратила идейный смысл, то для крестьянства цель осталась прежней, и выступления крестьянских повстанческих отрядов в первой половине 90-х годов были столь же упорны, как и прежде.

Повстанческие отряды применяли, как правило, партизанскую тактику: они совершали нападения на почтовые, транспортные французские конвои, военные посты, вели бои с направленными против них отрядами карателей, свергали назначенных колонизаторами марионеточных чиновников. Иногда отряды объединялись для более крупных операций. При приближении карательных колонн они часто отходили к своим укреплениям, расположенным обычно в каком-либо труднодоступном предгорном или горном Районе, но после отхода карателей повстанцы вновь появлялись и возобновляли борьбу.

Большая активность повстанческих отрядов в эти годы, поддержка патриотической борьбы населением приводила к тому, что целые обширные районы находились фактически под властью «кан-выонга». Французский же колониальный аппарат в течение по крайней мере пяти-шести лет почти не функционировал даже в местах расположения основных военных сил колонизаторов. Встречая на каждом шагу явное и тайное сопротивление населения, французские власти не видели другого средства сломить его, как прибегнуть к массовым репрессиям в отношении жителей деревень, заподозренных в сочувствии или содействии повстанцам. Ими широко применялись такие средства расправы, как расстрелы заложников, деревенских старост, разрушение ирригационных

сооружений, наложение штрафов, разрушения сел, переселение жителей в другие места и т. п.

Неудачи военно-репрессивных методов борьбы с освободительным движением, применявшихся колонизаторами в 80-х годах, вынуждали их изменить свою тактику, расширив использование политических мер, направленных на раскол движения. В начале 90-х годов произошло изменение тактики колонизаторов по «умиротворению» страны. Если в предыдущий период она состояла главным образом в применении военных карательных средств подавления повстанческого движения, то с начала 90-х годов все большее место начинают занимать методы, направленные на политический и национальный раскол движения. При генерал-губернаторе Индокитая де Ланессане (1891—1894) были расширены полицейские функции вьетнамского чиновничества среднего и низшего звена в колониально-феодальном аппарате, к которому до сих пор относились с большим недоверием. Им было предоставлено право возглавлять местную вооруженную деревенскую охрану с целью более активного содействия в поимке и выдаче повстанцев. Наряду с этим увеличилась численность действовавшей под командованием французских офицеров полурегулярной милиции. В эти годы она равнялась 8 тыс. человек в Тонкине и 3 тыс. в Аннаме⁴.

Была усилена политика раскола движения изнутри. Больше стало практиковаться заключение «пактов» с руководителями повстанческих отрядов о прекращении ими борьбы на определенных условиях, например при условии сдачи оружия, о назначении на должности при контроле со стороны французской администрации и даже просто за выплату определенной денежной суммы. Эти меры нашли известный отклик у наименее стойких руководителей повстанческих отрядов, некоторые из них заявили о прекращении борьбы (Док Сюйет, возглавлявший отряд в Донгчиеу, Лыонг Там Ки, Де Сат и др.).

Подобные же меры были приняты по отношению к участвовавшим в повстанческом движении национальным меньшинствам горных районов. Здесь была усилена политика разжигания национальной розни, одновременно колониальная администрация пошла на уступки племенным вождям, власть которых была восстановлена, разумеется с соответствующим контролем французских властей. Так, в районах р. Да, населенных мыонгами, была смещена ранее назначенная администрация из числа вьетнамцев, в результате чего усилилось содействие племенной верхушки колониальным властям и раскол в самом движении⁵. Задачи поддержания «порядка» и здесь были возложены на племенную и деревенскую верхушку, которая получила некоторое количество французского оружия и обязана была вести борьбу с проникшими во Вьетнам китайскими отрядами⁶. Значительно были реорганизованы и французские колониальные силы. Основная масса их была теперь брошена на борьбу в горные районы, территория которых была разделена на четыре военные зоны, начиная от залива Бакбо и кончая северо-западными районами. Вся полнота военной и гражданской власти в них принадлежала французским командующим зонами и округами.

Эта политика в сочетании с непрекращающимися военными мерами в течение 1892—1894 гг. дала известный результат. Движение стало испытывать значительные трудности. Повстанческие базы были вытеснены в горные районы, политика классовая и национальной розни, проводимая колониальной администрацией, ослабила движение изнутри.

В 90-е годы становится более систематической налоговая эксплуатация Вьетнама, начинается также период функционирования вновь возникших французских поместий и концессий, находившихся в собственности французских предпринимателей. Антиколо-

⁴ De Lanessan. La colonisation française en Indochine. P., 1895, с. 33, 35. (К 1891 г. численность этой охраны была около 3 тыс. человек, затем увеличена до 4 тыс., после 1892 г. она была довольно сильно сокращена — примерно до 2600 человек.)

⁵ De Lanessan. La colonisation... с. 80—82.

⁶ Там же.

ниальная борьба в это время начинает приобретать характер борьбы против экономического закабаления, расхищения земель. Уже в 80-х годах в различных районах Бакки существовало несколько крупных французских земельных концессий, происходила экспроприация «покинутых» крестьянских земель, к которым причислялись земли «мятежников», а также земли, временно оставленные населением в районах долговременных военных действий⁷.

1885—1887 годы, т. е. первые годы после воззвания Хам Нги, были временем наибольшего подъема движения «кан-выонг» в масштабе всей страны: повстанческие отряды действовали в центре и на севере страны почти повсеместно. Так, активным очагом движения был район на границе Куангбиня и Хатиня, где в горной местности располагался штаб руководства «кан-выонгом» во главе с Хам Нги и Тон Тхат Тхуетом, а военные операции осуществлялись под руководством бывшего военачальника Ханойского гарнизона Ле Чыка. Общий подъем движения и успешные операции в Тханьхоа побудили Тон Тхат Тхуета выехать в 1886 г. в Китай, чтобы добиться неофициальной поддержки цинских властей вьетнамскому освободительному движению⁸. Усиление карательных операций, проводившихся французами в течение всего 1887 года, нанесло движению ощутимый удар, а в ноябре 1888 г. был схвачен и сам Хам Нги, вскоре высланный в Алжир. В Нгеане—Хатине борьбу в эти годы возглавил Нгуен Суан Он.

В Банки в течение долгих лет освободительного движения не сложилось единого центра руководства. Назначенный (после отхода от «кан-выонга» Хоанг Та Вьема) общим руководителем борьбы на севере, Нгуен Куанг Бить не сумел объединить движение, которое распалось на ряд районов. Тем не менее здесь борьба велась широко и упорно. Французские военные силы занимали в 1885 г. лишь главнейшие центры, и только постепенно (в течение 1886—1887 гг.) были введены в провинциальные центры отдаленных районов Лангшон, Каобанг, Лаокай. Там было установлено некоторое количество военных постов по рекам Да, Ло, Красной и близ границы с Китаем. Районы же в междуречьях находились всецело под властью повстанческих отрядов вплоть до 90-х годов, когда военные операции перешли непосредственно на эти территории.

Освободительная борьба в равнинных районах юга Бакки (Намдинь, Тхайбинь) началась еще в ходе войны под руководством губернатора Та Хиена. Она значительно усилилась летом и осенью 1885 г. В 1885—1887 гг. наибольшую известность получили отряды под командованием Док Ньонга, Дои Во, Док Дена. В конце 1886 г., соединившись с отрядами Нгуен Тхиен Тхуата, действовавшими в более северных районах, они предпринимали нападения на французские посты близ Хайзыонга, Хынгиена. В начале 1887 г. повстанческие силы Намдиня—Тхайбиня были рассеяны, арестован и казнен Та Хиен.

На протяжении 1889—1893 гг. район провинций Шонтэй, Хын-гхоа считался французскими властями одним из наиболее опасных в Бакки. Здесь выдвигаются в качестве руководителей наиболее крупных отрядов «кан-выонга» бывший военачальник провинциального гарнизона Де Киеу и офицер Док Нгы. В октябре 1890 г. отряды совершили нападение на тюрьму Шонтэя, освободив 174 человека из числа участников

⁷ В 1890 г. число французских земельных владений в Бакки и Чунгки было лишь 16, а в 1896 г.— уже 62 общей площадью 37354 га (10 владений в Чунгки площадью около 4 тыс. га и 52 — в Бакки площадью 33,5 тыс. га).

⁸ Ему удалось осуществить закупки оружия и переправить его во Вьетнам, получить разрешение местных властей на переход в случае необходимости повстанческих отрядов из Бакки на китайскую территорию и даже на посылку небольших военных отрядов во Вьетнам. Определенное содействие Тон Тхат Тхует получил и от Лю Юньфу, сохранявшего сочувственное отношение к продолжавшейся антифранцузской борьбе и принимавшего у себя деятелей вьетнамского освободительного движения. Начавшаяся в 1894 г. японо-китайская война заставила цинское правительство пойти на улучшение отношений с Францией, тогда же было достигнуто соглашение о границах. После этого Франции удалось добиться активизации содействия китайских властей в борьбе против освободительного движения во Вьетнаме, более строгого контроля за границей преследования отрядов, переходивших границу, и т. п.

антиколониальной борьбы. В борьбе активное участие принимали местные народности — мыонги, мань, составлявшие иногда до половины численности отрядов. Успешные операции отрядов Док Нгы в 1891—1892 гг. сделали их известными в более широком масштабе. Руководители «кан-выонга» назначили его ответственным за ведение борьбы в районе Ханоя — Бакниня.

Наиболее прославленными в истории «кан-выонга» стали очаги сопротивления в Байшэе, Бадине, Хунглине, Хыонгшоне и крестьянское повстанческое движение в Иентхе.

Бадинское восстание в Тханьхоа. Начало объединению местных повстанческих отрядов было положено весной 1886 г., когда Тон Тхат Тхует собрал руководителей различных отрядов для обсуждения вопросов об объединении сил и для активизации борьбы. Так началась постройка бадинской крепости, ставшей одним из значительных центров сопротивления. Французские власти считали подавление восстания в Бадине «самой серьезной операцией 1886—1887 гг., занявшей большую часть войск и причинившей больше всего забот». Хорошо налаженная организация и помощь со стороны населения помогли повстанческим отрядам построить бадинские укрепления всего за один месяц, что позволило им совершать нападения на важном стратегическом пути, связывающем центр и север страны. Разветвленная сеть водных путей помогала бадинским отрядам проникать в самые отдаленные районы провинции. Одновременно была создана другая укрепленная база в горном районе (Макао), где местные силы сопротивления возглавил Ха Ван Мао, бывший командир одного из отрядов «Черных флагов», примкнувший к «кан-выонгу».

В начальный период силы восставших насчитывали всего 300 человек. Впоследствии численность повстанцев возросла до 10 отрядов. В отрядах были и представители местных национальных меньшинств — мыонги, тхай. По сведениям французских властей, они располагали огнестрельным оружием. В боевой подготовке войск, а также во время самой обороны Бадиня особенно заметна роль Динь Конг Чанга, возглавлявшего военное обучение, следившего за поддержанием дисциплины. Последнее обстоятельство имело немаловажное значение для налаживания взаимоотношений с населением; существовала система поощрений за боевые заслуги, наказаний за дезертирство и др.

С осени 1886 г. бадинские отряды, имея прочную базу и разветвленную организацию по провинции, участвовали в нападениях на французские военные посты, конвои, на карательные отряды из числа вьетнамцев. Это вынудило французские власти сформировать карательную колонну (500 солдат, артиллерия), которая в декабре 1886 г. подошла к Бадиню и после боев захватила несколько укреплений на подходах к самой крепости, взять которую не удалось. Лишь после увеличения карательных войск до 3,5 тыс. началась настоящая осада Бадиня, продолжавшаяся месяц и сопровождавшаяся ожесточенными каждодневными боями. Несмотря на героизм защитников крепости, выдерживавших и успешно отражавших атаки карателей, кольцо осады постепенно сжималось. В январе 1887 г. было принято решение сдать крепость, сохранив оставшиеся силы для последующей борьбы.

В начале февраля 1887 г. были взяты и укрепления Макао, повстанческие войска рассеялись. Бадинь явился одной из славных страниц истории «кан-выонга». Мужество, храбрость защитников крепости были воспеты уже их современниками.

Байшэйский очаг сопротивления. Центром повстанческих отрядов Бакки стал район Байшэя («камышовых зарослей»), к югу от Ханоя, сохранявший свое значение в течение 1885—1887 гг. Руководство борьбой возглавил бывший военный советник Шонтэя Нгуен Тхиен Тхуат (Тан Тхуат). Отряды из Байшэя совершали нападения на французские посты на территории нескольких провинций (Хайзыонг, Хынгиен, Хайфон, Ханой). Наибольшую известность приобрели отряды Док Тита, Дои Вана, Лань Занга, Док Кхоата и др. Численность отдельных отрядов составляла от 200 до 500—600 человек. Располагая значительным количеством огнестрельного оружия, уже с осени 1885 г. они

стали предпринимать активные боевые операции. Прерывая связь между основными провинциальными центрами, они держали французские гарнизоны в состоянии постоянной боевой тревоги. В конце 1885 г. в район Байшэя были посланы три французские военные колонны, которые разрушили укрепления в деревнях, укрывавших повстанцев, обрушили карательные меры на население окрестных уездов. Осенью 1886 г. повстанческие отряды возобновили свои нападения. В конце 1886 — начале 1887 г. колониальная администрация усиливает посылку карательных отрядов в этот район. После разгрома Бадиньского восстания она увеличила численность войск, использовала силы местных карателей, в результате чего основные отряды были разгромлены или отошли в другие провинции.

Восстание в Хунглине происходило под руководством Тонг Зуй Тана⁹, очень авторитетного и энергичного руководителя. После призыва Хам Нги он сформировал отряд на территории своего уезда и действовал в Тханьхоа совместно с другими отрядами «кан-выонга»¹⁰. В 1887 г., спасаясь от преследований и розысков руководителей повстанцев после разгрома восстания в Бадине, он выехал к Тон Тхат Тхуэту в Китай, а затем возвратился в Тханьхоа для продолжения борьбы. По возвращении он объединил оставшихся в живых руководителей повстанческих отрядов прежних лет: Као Диена (в прошлом военного чиновника), ставшего одним из лучших военачальников его отрядов, Тон Тхат Хама (сына Тон Тхат Тхуэта), Кам Ба Тхьюка — одного из вождей мыонгов.

В это время общая обстановка в стране стала менее благоприятной для повстанцев. Была значительно увеличена сеть французских военных постов, которые были приближены к горной местности, усилили контроль над окрестным населением, затруднили доступ повстанческих отрядов в равнинные районы. Но отряды повстанцев в декабре 1889 г. успешно выдерживали бои с карателями. Вскоре повстанцы совершили два дерзких налета на ближайший военный пост в Иенлыоке. В марте 1890 г. отряды Тонг Зуй Тана и Као Диена совершили новые нападения на военный пост в Нонгконге. После нескольких успешных операций отряды значительно увеличили свою численность. Хотя район непосредственных действий повстанческих отрядов не выходил за пределы провинции, но благодаря своей боевой активности и организованности они получили большую известность далеко за ее пределами. Немалая заслуга в этом принадлежит самому Тонг Зуй Тану, который с самого начала прилагал много усилий для объединения сил различных отрядов. Он установил и поддерживал связь с руководителями борьбы в других районах — с Фан Динь Фунгом в провинции Нгеан и Док Нгы, действовавшим в Бакки, в бассейне р. Да.

В 1891 и в начале 1892 г., когда отряды Док Нгы понесли большие потери и были окружены, Тонг Зуй Тан оказал им помощь, послав на соединение с ними группу бойцов и предписав сельским властям и начальникам уездов призвать народ оказать пришедшему отряду помощь продовольствием¹¹. Тяжелое положение отрядов вынудило Тонг Зуй Тана в сентябре 1892 г. собрать начальников, объявить о роспуске войск. В октябре того же года он был схвачен оккупантами и казнен в Тханьхоа.

Гибель видных руководителей была сильным ударом по движению в целом. После жестоких карательных мер по отношению к населению борьба в этой провинции была подавлена.

Восстание в Хыонгшоне. Восстание в провинции Ха-тинь, или, как его принято называть, восстание в Хыонгшоне (по названию горного района), было одним из крупных

⁹ Тонг Зуй Тан, уроженец Тханьхоа, происходил из семьи среднего чиновника. Успешно сдав конкурсный экзамен в 1875 г., он получил одно из высших званий, служил начальником уезда, но покинул официальный пост и стал преподавать в родном селе. Впоследствии по просьбе Тон Тхат Тхуэта занял должность инспектора просвещения провинции.

¹⁰ Первоначально отряд Тонг Зуй Тана выбрал в качестве своей укрепленной базы местность у горы Хунглинь, по названию которой принято именовать восстание.

¹¹ NCLS. 1966, № 87, с. 22.

восстаний под лозунгом «кан-выонга». Оно принадлежит к числу наиболее организованных, имевших широкий размах и отклик во всем Вьетнаме. Повстанческое движение в этом районе длилось с небольшими перерывами в течение десяти лет. Руководителями восстания были Фан Динь Фунг и талантливый военачальник Као Тханг¹².

Еще в 1885 г., во время пребывания императора Хам Нги и Тон Тхат Тхуета в Тханьхоа, Фан Динь Фунг согласился принять пост главного организатора патриотической борьбы в Хатине. В 1887—1889 гг. он находился в Шонтэе и устанавливал контакты с другими отрядами сопротивления. Организацией повстанческого движения в Хатине в период его отсутствия занимался Као Тханг. Ему удалось сплотить для совместной борьбы целый ряд руководителей повстанческих отрядов из числа как феодалов, так и выходцев из беднейших слоев населения. Главной базой повстанческих отрядов стала гора Вукуанг, на подходах к которой были созданы базовые укрепления. Удобное географическое положение позволило впоследствии создать сеть отрядов на территории близлежащих провинций. Кроме того, руководителям удалось через доверенных лиц установить связи с некоторыми представителями сиамских властей и организовать закупку пороха в Сиаме.

С возвращением Фан Динь Фунга организация повстанческих сил укрепилась в целом. Сам он получил военный титул генерала центра, а впоследствии титул руководителя «кан-выонга» всего Чунки. К 1890 г. повстанческие отряды насчитывали 1000 человек, имели на вооружении 500 ружей, действовали на территории 15 уездов четырех провинций¹³. Возглавляемый Фан Динь Фунгом штаб по общему руководству борьбой поддерживал постоянную связь между отдельными отрядами. По селам была создана сеть доверенных людей как для сбора и переправки отрядам продовольствия, так и для сбора сведений о планах и маневрах врага, для агитации среди сельского населения. Действия отрядов Фан Динь Фунга проходили главным образом на территории Ха-тиня и Нгеана. Они вели борьбу в весьма тяжелых условиях: в это время французские власти сильно расширили сеть военных постов вблизи района действий повстанческих отрядов — в одном лишь районе Хыонгшон было в то время более 20 укрепленных постов с гарнизонами хорошо вооруженных солдат.

В 1891 г. повстанческими отрядами в Нгеане было нанесено несколько ударов в районе расположения их баз. После этого борьба несколько утихает, но весной 1892 г. вновь возобновляется, так как повстанцы сумели за это время укрепиться. В августе 1892 г. французское военное командование решило нанести удар непосредственно по основному лагерю повстанцев на горе Вукуанг. Отряды Фан Динь Фунга ответили налетом на провинциальный центр. Основные повстанческие силы ворвались в Ха-тинь, совершили нападение на местный военный пост и тюрьму.

С конца 1892 до середины 1893 г. между повстанцами и карательными отрядами происходили постоянные столкновения в горных районах, несколько укреплений были разрушены, однако отряды продолжали совершать нападения на военные посты. В это время Као Тханг предложил повстанческому штабу план захвата крепости Нгеана, с тем чтобы открыть отрядам путь на север. Одновременно предлагалось организовать захват крепостей Куангбиня и Хатиня и в результате повсеместно развернутой борьбы добиться изгнания врага с территорий этих провинций. В октябре 1893 г. отряды численностью

¹² Фан Динь Фунг родился в 1847 г. в чиновничьей семье в провинции Ха-тинь, получил одну из высших конкурсных степеней; в 70-х годах занимал должность начальника уезда в Ннньбине, а затем был назначен на службу в придворный цензорат. Будучи при дворе, он обличал недостатки высших правящих кругов, а в 1883 г. из-за разногласий с позицией Тон Тхат Тхуета по поводу методов действий при дворе сторонников сопротивления был разжалован и сослан по месту рождения.

Као Тханг — выходец из бедняков, юношей участвовал в восстании 1874 г., был арестован, но по просьбе брата Фан Диня Фунга освобожден, после чего принял участие в выступлениях крестьянства (Tran Van Giau, Chong xam lang. T. III. c. 210—215).

¹³ Lich su can dai... t. III, c. 266.

1000 человек, разделившись на две колонны, выступили по направлению к Нгеану, но вскоре в одном из боев Као Тханг был смертельно ранен, план наступления был сорван.

Смерть талантливого, энергичного командира была большой потерей для движения в этом районе. С осени 1893 и в 1894 г. повстанческие районы стали объектом непрерывных атак, местом действия колонн по прочесыванию. Одновременно колониальная администрация попыталась, но безуспешно склонить Фан Динь Фунга к прекращению борьбы.

До середины 1895 г. между повстанческими силами и карательными отрядами продолжались непрерывные столкновения. С августа 1895 г. начался последний этап героической борьбы отрядов Хатиня. Для окончательного разгрома повстанцев колониальная администрация начала осуществление плана карательных операций в широком масштабе. Сюда были стянуты большие военно-карательные силы (3 тыс.). Чтобы пресечь взаимодействие и связь повстанческих отрядов как между собой, так и с населением, а также предотвратить возможный отход их в северные районы, был установлен строгий контроль за перемещением торговцев и прочих частных лиц¹⁴. Для того чтобы отрезать отрядам путь на территорию Сиама и пресечь доставку боеприпасов, колониальная администрация приказала усилить контроль над горными дорогами в Лаосе.

Положение повстанческих отрядов стало чрезвычайно тяжелым. Однако даже в этих условиях осенью 1895 г. небольшие группы повстанцев продолжали действовать на территории двух провинций. Лишь после того, как в результате всех действий французской администрации повстанческим силам был нанесен серьезный удар, колониальная администрация предприняла охоту за самим Фан Динь Фунгом. В одном из столкновений с карателями он был ранен и умер в декабре 1895 г. С января по май 1896 г. карательные силы продолжали преследовать остатки повстанческих групп.

Восстание под руководством Фан Динь Фунга было последним крупным восстанием под лозунгом «кан-выонга». Сам Фан Динь Фунг остался в народной памяти как один из самых почитаемых борцов за национальное освобождение, пламенный патриот.

В целом по стране движение «кан-выонга» к концу 90-х годов было подавлено, хотя на севере еще долгое время продолжал существовать очаг крестьянской антиколониальной борьбы (отряды Де Тхама).

Антифранцузское крестьянское движение в Иентхе. Район к северу от Ханоя (Бакзянг — Иентхе) надолго стал центром крестьянского антиколониального движения. Отличительной чертой действовавших здесь отрядов был полувоенный, полукрестьянский характер их организации: часть бойцов обычно несла военную службу, остальные занимались сельскохозяйственным трудом и превращались в солдат лишь в случае приближения карательных колонн. В глухих окрестных лесах были устроены тайники со складами оружия, боеприпасов. Многие деревни, окруженные густыми зарослями, были хорошо укреплены земляными валами, подходы к ним были тщательно замаскированы, снабжены наблюдательными пунктами, обеспечивая контроль над местностью.

Борьба против захватчиков началась здесь, как и во многих других местах, с 1885 г. К началу 90-х годов, в период усилившихся посылок карательных войск, Иентхе стал местом ожесточенной борьбы. С этого времени в качестве руководителя антифранцузской борьбы выдвигается Де Тхам (Хоанг Хоа Тхам)¹⁵. Выходец из беднейшего крестьянства, талантливый военачальник и организатор, он стал непримиримым борцом антиколониального движения. В конце 1891 — начале 1892 г. в Иентхе были брошены крупные карательные силы (около 2000 человек), начавшие наступление на укрепленные

¹⁴ NCLS. 1966, № 85, с. 49.

¹⁵ Хоанг Хоа Тхам родился в деревне Чунг (уезд Иентхе) примерно в 1856—1858 гг., в детстве работал батраком. Во время вторжения колонизаторов вступил в один из местных отрядов, а вскоре создал самостоятельный отряд. С этого времени популярность Де Тхама среди окрестного населения быстро возросла (Dinh Xuan Lam. Hoang Hoa Tham va phong trao nong dan Yen The. Ha-noi, 1958, с. 37).

позиции повстанцев. Последние оказывали упорное сопротивление, но вынуждены были оставить многие пункты, закрепившись в Хыунюе, взять который французам не удалось. В 1893 г. возобновились активные выступления Де Тхама. Это вынудило французские власти пойти с ним на переговоры, в результате которых в 1894 г. было заключено соглашение о прекращении военных действий при условии сохранения за Де Тхамом права на управление четырьмя волостями, освобождения от налогов в течение трех последующих лет и получения денежной суммы 15 тыс. серебряных пиастров¹⁶. Все это было использовано Де Тхамом для постепенного накопления военных сил и укрепления своего района с целью последующего возобновления борьбы. Французы, в свою очередь, использовали это время для строительства вокруг Иентхе военных фортов и для попыток подкупить Де Тхама. Убедившись в бесплодности своих усилий, колониальные власти в конце 1895 г. предприняли новое наступление на Иентхе, поставив перед Де Тхамом ультиматум о сдаче без всяких условий. Преследование отрядов Де Тхама, оказавших упорное сопротивление и рассредоточившихся по провинциям Бакзянг, Бакнинь, Тхайнгуен, продолжалось в течение двух последующих лет. Территория Иентхе была поставлена на положение специального военного округа, военные действия приняли затяжной характер. Отряды Де Тхама, действуя совместно с более мелкими повстанческими группами, оставались неуловимыми для колониальных войск. В декабре 1897 г. после новых переговоров с колониальными властями было заключено новое соглашение о передаче Де Тхаму волости Фонсыонг. Но и в это время, будучи уже значительно урезан в свободе действий, Де Тхам не оставил мыслей о возобновлении борьбы. Она продолжалась в последующий период и происходила под другими лозунгами.

Почти вся вторая половина XIX в. прошла под знаком упорной и мужественной борьбы народов Вьетнама против иностранных поработителей, вписавшей одну из замечательных страниц в историю национальных освободительных движений. Оно не увенчалось победой в силу ряда объективно сложившихся исторических условий и субъективных факторов: экономической, военной отсталости страны, капитулянтской позиции двора в течение всех этапов войны с Францией, ограниченности идеологической программы руководителей «кан-выонга». С поражением движения «кан-выонг» заканчивается феодально-патриотический этап борьбы. Освободительные идеи этого движения стали важным фактором в пробуждении самосознания нации на последующих этапах исторического развития¹⁷.

РАЗДЕЛ V

ВЬЕТНАМ В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА

И «ПРОБУЖДЕНИЯ АЗИИ»

(1898—1918)

Глава 1

ОБРАЗОВАНИЕ ИНДОКИТАЙСКОГО СОЮЗА.

РЕФОРМЫ П. ДУМЕРА И А. САРРО

Создание Индокитайского союза, сложной и по-своему совершенной системы французского колониального управления, было длительным и часто мучительным для народов Индокитая процессом, растянувшимся почти на 50 лет.

¹⁶ Dinh Xuan Lam. Hoang Hoa Tham... с. 71—72.

¹⁷ С. А. Мхитарян. Рабочий класс и национально-освободительное движение во Вьетнаме (1885—1930 гг.). М., 1967, с. 64.

До образования Индокитайского союза индокитайские владения Франции находились: Аннам и Тонкин — в ведении министерства иностранных дел, Кохинхина и Камбоджа — в ведении министерства торговли и колоний¹⁸. Декретом от 17 октября 1887 г.¹⁹ с таким положением дел было покончено²⁰.

По этому декрету все французские владения в Индокитае образовали единое колониальное владение Франции в Индокитае — Индокитайский союз,— которое переходило в ведение министерства колоний. Во главе Индокитайского союза был поставлен генерал-губернатор²¹. В этот период генерал-губернатор был лишь чиновником, всецело зависящим от своего министерства, мало самостоятельным в своих действиях.

Декретами 1891 и 1911 гг., принятыми парламентом Франции, Индокитайскому союзу и его генерал-губернатору была предоставлена большая самостоятельность.

Генерал-губернатор являлся единственным представителем президента Французской Республики, обладал правом издавать законы и постановления, имеющие силу закона (режим декретирования). Законы, принятые французским парламентом относительно Индокитая, получали силу в Индокитае лишь после их опубликования в официальном печатном органе Индокитайского союза — «Журналь офисьель». В подчинении генерал-губернатора находилась вся гражданская администрация. В плане дипломатическом генерал-губернатор был представителем Французской Республики в странах Дальнего Востока.

Генерал-губернатор являлся верховным главнокомандующим всеми вооруженными силами Союза, но непосредственное руководство этими вооруженными силами принадлежало соответствующим представителям военных властей.

В ведении генерал-губернатора находился и бюджет Союза. Только один генерал-губернатор имел право официальной переписки с правительством метрополии.

Заместителем генерал-губернатора и лицом, непосредственно возглавлявшим административный аппарат Союза, являлся генеральный секретарь²². Он ведал составлением генерального бюджета Союза; в его непосредственном подчинении находилась полиция.

Следующим по значению органом центрального аппарата являлось управление финансового контроля. Начальник этого управления имел право непосредственно сноситься с министрами финансов и колоний, которым был обязан регулярно докладывать о положении дел в Союзе с точки зрения состояния финансов и деятельности финансовых органов. Вместе со своим заместителем он непосредственно контролировал деятельность Индокитайского банка²³.

Управление финансов было создано по декрету от 8 декабря 1906 г.²⁴. Начальник этого управления непосредственно занимался составлением и исполнением генерального бюджета, а также контролировал расходы служб центрального аппарата.

При генерал-губернаторе имелась юридическая служба Индокитая, возглавляемая генеральным прокурором²⁵. Эта служба занималась административным аппаратом всех

¹⁸ Ранее это было министерство военно-морского флота. Захват Камбоджи был осуществлен из Кохинхины, находившейся в ведении этого министерства.

¹⁹ J. Galembert. Les administration et les services publique indochinois. Hanoi, 1931, с. 42.

²⁰ В состав Индокитайского союза вошли Кохинхина, Аннам, Тонкин, Камбоджа, Лаос (1890 г.), территория Гуанчжоувань (1900 г.) и города Ханой, Хайфон и Туран (Дананг), «уступленные» Аннамом Франции по указу императора от 3 октября 1888 г.

²¹ Декретом от 9 мая 1889 г. была уничтожена должность генерального резидента Аннама и Тонкина и обе эти части французских владений перешли в непосредственное подчинение генерал-губернатора. В Аннаме и Тонкине французскую администрацию возглавляли верховные резиденты.

²² J. Galembert. Les administration... 85. Должность введена окончательно декретом от 20 октября 1911 г. (ст. 8).

²³ L. Salaun. L'Indochine. P., 1903, с. 56. Это управление было создано в 1894 г., затем реорганизовывалось в 1907, 1911 и 1913 гг.

²⁴ Реорганизовано 27 мая 1911 г. и 31 декабря 1917 г. (см.: J. Galembert. Les administration... с. 91).

судебных органов Индокитая, их бюджетом, распорядком работы, передавала распоряжения генерал-губернатора и т. д.

В области судопроизводства французские власти вначале ввели особое судопроизводство — по французским законам — для европейцев, французов и ассимилированных лиц. Затем постепенно, вначале в Кохинхине, а позднее и в остальных частях Союза; были введены для местного населения кодексы уголовного и гражданского права, составленные на основе французского законодательства, но с учетом местных правовых норм.

Важную роль в деятельности центрального аппарата играло управление таможен и государственных монополий. Это управление являлось главным источником ресурсов, питавших генеральный бюджет, и было наиболее разветвленной службой Индокитайского союза²⁶.

Большое значение имело созданное в 1898 г. управление общественных работ²⁷. Начальник этого управления являлся организатором работ по строительству дорожной сети; в частности, именно по этому управлению велось руководство программой железнодорожного строительства, наблюдение за строительством, работами в шахтах, за мелиоративными работами и т. д.

Центральным учреждением Союза являлось также и управление сельского хозяйства и торговли, созданное в 1898 г.²⁸. В его задачу входили помощь французским колонистам в устройстве на землях в Индокитае, изучение особенностей экономики в новых французских колониях и наилучших условий для внедрения туда французских дельцов и торговцев. В сферу деятельности этого управления входили контроль за деятельностью органов по взиманию налогов и рекомендации генерал-губернатору в проведении политики в области сельского хозяйства. Управление занималось исследованиями в области сельского хозяйства, чтобы иметь возможность рекомендовать лучшие сорта риса и наиболее благоприятные условия для его обработки, лучшие породы сельскохозяйственных животных, изучало возможности для садоводства и т. д.

В непосредственном подчинении генерал-губернатора находилось и управление почт и телеграфа²⁹.

Все перечисленные выше управления имели отделения на местах, которые помимо подчинения центральному учреждению были связаны и с местным административным аппаратом. Кроме этого существовал многочисленный аппарат чиновников местных административных органов Индокитайского союза (далее — Индокитая). Громадный бюрократический аппарат был важным средством подавления выступлений местного населения. Число чиновников, находившихся на административной службе в Индокитае, было очень велико. Так, в 20-е годы в Индокитае на 25 млн. населения приходилось 4700 французских чиновников, почти столько же, сколько в Индии с ее 350-миллионным населением³⁰.

Однако уже с 1898 г. французская администрация вынуждена была привлекать местное население, преимущественно вьетнамцев, для несения вспомогательной административной службы. Это особенно важно было в управлении таможен и монополий, при сборе и определении налогов и т. д., где особенно необходимо было знание местных условий; кроме того, вьетнамцы привлекались в качестве среднего

²⁵ L. Salaun. L'Indochine, с. 57. Декретом от 19 мая 1919 г. она была заменена юридическим управлением при генерал-губернаторе (J. Galembert. Les administration..., с. 98).

²⁶ L. Salaun. L'Indochine, с. 58. По декрету от 10 июня 1905 г. это управление было подчинено управлению финансов (J. Galembert. Les administration... с. 467).

²⁷ Декретом от 9 декабря 1919 г. оно было упразднено, а по декрету от 31 декабря 1911 г. при генерал-губернаторе была создана генеральная инспекция общественных работ (J. Galembert. Les administration... с. 96).

²⁸ L. Salaun. L'Indochine, с. 59. Позднее оно было преобразовано.

²⁹ Создано декретом генерал-губернатора от 14 ноября 1901 г. (см.: L. Salaun. L'Indochine... с. 502).

³⁰ E. L'agrilliere-Beauclerc. A travers l'Indochine. P., 1900, с. 14; Le Than-Khoi. Le Viet-Nam... с. 407.

технического персонала. В дальнейшем это вынудило колониальные власти открыть доступ части местной верхушки к европейскому среднему и даже высшему образованию, что было закреплено в циркуляре, принятом 20 марта 1918 г.³¹ Французский чиновничий аппарат поглощал львиную долю бюджета Индокитайского союза. Содержание французского чиновника в Индокитае обходилось в 3 раза дороже, чем в Европе, и, разумеется, ему платили намного больше, чем местным жителям. Так, чиновники низших ступеней администрации, куда и допускались представители вьетнамской элиты, получали 3700—4000 фр. в год, тогда как инспектора, набравшиеся исключительно из дипломированных французов,— от 18 тыс. до 20 тыс. фр.³² Важными средствами подавления местного населения были армия, полиция, служба безопасности, суды и тюрьмы.

В период, когда были заложены основы современной организации Индокитайского союза,— речь идет о периоде 1897—1902 гг., когда во главе Индокитайского союза стоял Поль Думер,— главной силой в деле подавления местного населения была армия, только недавно закончившая в основном «умиротворение». Она выполняла часто функции полиции, службы безопасности, даже таможенной и пограничной службы. Во главе французских оккупационных сил и военно-морского флота стояли соответствующие военные чины. Общее количество французских вооруженных сил в Индокитае равнялось двум дивизиям, одной отдельной бригаде и артиллерийскому дивизиону.

Главные силы сухопутных войск сосредоточивались на севере французских колониальных владений. Они включали не только французские войска, но и части, составленные из местного населения: вьетнамцев, камбоджийцев и национальных меньшинств. Их насчитывалось около 20 тыс. человек³³.

Штаб военно-морских сил располагался в Сайгоне. Кроме того, для поддержания порядка в армии имелся в Индокитае и корпус жандармов, разделенный на два независимых подразделения: подразделение Аннама-Тонкина и подразделение Кохинхины-Камбоджи.

В соответствии с декретом генерал-губернатора от 5 мая 1901 г. служащим жандармерии поручался и ряд административных функций: начальника тюрьмы, гражданской полиции и т. д.³⁴

Кроме того, имелась также «местная стража», выполнявшая функции военизированной полиции. Она была создана с первых же дней оккупации Вьетнама и оказывала помощь французским войскам по «умиротворению» страны. Ее статус определялся декретом от 30 июня 1915 г.³⁵

Репрессивными органами, созданными французскими колонизаторами в Индокитае, были также служба безопасности, полиция» тюрьма.

Служба безопасности до 1917 г. существовала в рамках французских вооруженных сил, занимаясь специально полицейскими задачами наряду с выполнением функций военной разведки, поскольку армия в основном выполняла задачи подавления партизанского движения в стране.

Полиция существовала во всех частях Индокитайского союза и находилась в подчинении местной администрации. В 1917 г.³⁶ французский персонал полиции был

³¹ J. Galembert. Les administration... с. 701.

³² L. Salaun. L'Indochine, с. 67.

³³ J. Galembert. Les administration... с. 324—325.

³⁴ J. Galembert. Les administration... с. 339—340. По данным 1930 г., эти два подразделения насчитывали по 250 человек каждое (Duboc. L'Indochine contemporaine. P., 1932, с. 168).

³⁵ J. Galembert. Les administration... с. 854. В начале 30-х годов ее численный состав распределялся следующим образом: в Тонкине — 5332 человека, в Аннаме — 3135 человек, в Камбодже — 2475, в Лаосе — 1705, в Гуанчжоуване — 360, всего — 13 007 человек.

³⁶ Декрет от 7 февраля 1917 г. и постановление от 28 июня 1917 г. (см.: J. Galembert. Les administration... с. 770).

объединен в масштабе всего Союза в единый личный состав полиции Индокитая, и в этом же году была образована Центральная служба безопасности и осведомления.

Все перечисленные выше административные службы состояли непосредственно при генерал-губернаторе. Кроме того, при генерал-губернаторе имелся ряд совещательных органов, как определенных общим французским законодательством по вопросам колониального управления, так и возникших применительно к нуждам управления Индокитайским союзом.

Главным из них был Высший совет Индокитая, созданный в 1887 г. По декрету от 3 июля 1897 г. в него были допущены два представителя местного населения³⁷. По указу от 8 августа 1898 г. из состава Высшего совета была выделена постоянная комиссия, которая заседала регулярно один раз в две недели. В ее состав входили высшие чиновники колонии. По постановлению от 20 октября 1911 г. Высший совет был переименован в Совет правительства Индокитайского союза³⁸.

Высший совет Индокитая являлся совещательным органом, собиравшимся обычно один раз в год, в октябре³⁹, хотя возможны были и чрезвычайные заседания. Несмотря на то что это был лишь совещательный орган, его авторитет был достаточно высок, чтобы генерал-губернатор не мог не считаться с его мнением. Председательствовал на Высшем совете генерал-губернатор или в случае его отсутствия генеральный секретарь.

Высший совет Индокитая состоял из главнокомандующих сухопутными и военноморскими силами Индокитая, высших чиновников Союза, наиболее влиятельных лиц, представлявших экономические интересы Франции, а также французских колонистов в Индокитае — делегатов торговых палат Сайгона, Ханоя и Хайфона, сельскохозяйственных палат Кохинхины и Тонкина, смешанных палат по делам торговли и сельского хозяйства Аннама и Камбоджи, а также из пяти представителей элиты — по одному от каждой страны Союза — Камбоджи, Кохинхины, Аннама, Тонкина и Лаоса. Они назначались генерал-губернатором по представлению местной французской администрации.

По декрету от 20 октября 1911 г. были определены вопросы, по которым генерал-губернатор в обязательном порядке запрашивал мнение совета. Этими вопросами были: бюджет, общественные работы, налоги и пошлины, вопросы отношения с метрополией, а также административные вопросы, связанные с общими проблемами Союза.

Кроме того, при генерал-губернаторе имелось значительное число технических советов, назначение которых состояло в том, чтобы обеспечивать в случае необходимости консультацию. Из них наиболее важными и ранее всего образованными были Совет обороны (31 октября 1902 г.), Комитет общественных работ (18 января 1905 г.), Совет по делам образования (21 декабря 1917 г.), а также созданные позже Высший совет по делам санитарии и гигиены, Высший совет по экономическим и финансовым вопросам, Совет по подготовке административных кадров. В эти советы входили высшие гражданские и военные чины французской администрации. Только в некоторых из них имелись отдельные представители местного населения.

Таким образом, структура административных органов Индокитайского союза после его образования, равно как и направление политики колониальной администрации в Индокитае, складывалась по этапам. Следует выделить периоды: 1898—1902 гг.; 1902—1908 гг.; 1911—1918 гг. Первый период определен деятельностью П. Думера, второй является как бы промежуточным, поскольку в этот период закладывались основы новой ориентации в политике французской администрации в колониях, и, наконец, третий, связанный главным образом с деятельностью генерал-губернатора А. Сарро. Начало XX в. ознаменовалось во Вьетнаме усилением национально-освободительной борьбы, принявшей новые формы. Приближение мировой войны также усиливало страх француз-

³⁷ L. Salaun. L'Indochine, с. 73.

³⁸ J. Galembert. Les administration... с. 112.

³⁹ L. Salaun. L'Indochine, с. 74.

ских колонизаторов за свою богатую колонию. Новый период колонизации Вьетнама — его мирное освоение — требовал новых методов правления. Все это и привело к пересмотру политики и провозглашению на третьем этапе нового, более либерального курса. Новая политика совместно с комплексом экономических и политических мероприятий более соответствовала, по мнению правящих кругов метрополии, новым условиям, сложившимся во Вьетнаме в результате его колониальной эксплуатации.

Предполагая дальнейшую либерализацию колониального режима, декреты 1911 г. содержали в себе проекты реформы по созданию представительного органа вьетнамского населения⁴⁰. Эта идея получила свое воплощение только в 1928 г., с созданием Большого совета политических и экономических интересов Индокитая. Это типичный пример проведения Францией либеральных реформ во Вьетнаме. Нежелание колониальных властей дать согласие на эти реформы, непомерное запаздывание в их проведении, отставание от требований своего времени — все эти черты являются характерными для французской колониальной политики во Вьетнаме.

Применить впервые на практике положения, зафиксированные декретами, было поручено депутату-радикалу А. Сарро, назначенному генерал-губернатором Индокитая в 1911 г. Он провел ряд реформ, порой либеральных, но в то же время явно недостаточных, чтобы удовлетворить требования даже имущих слоев.

В системе высших центральных органов колониальной администрации А. Сарро преобразовал Высший совет Индокитая, созданный П. Думером, в Правительственный совет Индокитая и увеличил в нем число представителей местного населения до пяти человек вместо прежних двух⁴¹. Число французов — членов совета составляло 23 человека, в основном высшие чиновники колониальной администрации. Наиболее важным вопросом в Правительственном совете было составление и обсуждение генерального бюджета Индокитая, займов и пр. Совет обсуждал также вопросы политики и администрации. Несмотря на проведенную реорганизацию, Правительственный совет оставался совещательным органом, в котором французы сохраняли за собой откровенное большинство, и говорить о реальном участии вьетнамцев в управлении страной на высшем уровне не приходится.

Основной реформой, проведенной А. Сарро, было создание в 1913 г. в Тонкине консультативной палаты. Выборы в тонкинскую палату происходили на основе ограниченного избирательного права, состав избирателей-вьетнамцев (только мужское население) был тщательно подобран. Окончательные результаты выборов подлежали утверждению генерал-губернатором, его же решением палата могла быть распущена. Список вопросов, обсуждавшихся в палате, также утверждался колониальными властями, обсуждение всех политических вопросов было запрещено⁴². Все это говорит о том, что контроль, учрежденный французами над работой палаты, был очень жестким.

В Аннаме подобный выборный «представительный» орган был создан намного позже — в 1920 г. Это было не случайным явлением, а закономерностью. А. Сарро, так же как его предшественники и последователи, соблюдал принцип разделения Вьетнама, осуществляя различную политику в трех его частях. Неравномерность их развития была следствием сознательно проводившегося политического курса, проявлявшегося во всех сферах — экономической, политической и социальной.

Хотя создание указанных выборных органов было довольно крупной реформой, осуществляемой накануне первой мировой войны, но фактическое лишение этих органов элементарных политических прав, всевозможный контроль со стороны французской администрации во многом снижали значение этой реформы.

Накануне войны была начата еще одна реформа, касавшаяся области права и организации юстиции во Вьетнаме. В 1913 г. началась разработка проекта нового

⁴⁰ M. L. Jean. Regime legislative, administrative et juridique de l'Indochine. Vinh, 1943, с. 446.

⁴¹ Le Than-Khoi. Le Viet-Nam... с. 402.

⁴² J. Galembert. Les administration... с. 186.

законодательного кодекса, но только для Тонкина (Аннам включен не был). Этот кодекс был введен в действие сразу после войны⁴³. По новому кодексу вьетнамский император был окончательно лишен власти над своими подданными — провинциальными куанами (чиновниками) Тонкина. В Аннаме продолжал действовать старый кодекс 1812 г., составленный еще императором Зя Лонгом, и никаких значительных реформ в области юстиции французская администрация там не предпринимала.

Приближение войны и сама война должны были показать, оправдает ли себя новый, «либеральный» курс, провозглашенный в 1911 г. Дело в том, что уже к этому времени во Вьетнаме назрели многие проблемы, требовавшие своего разрешения. Это были: избирательная система, проблема здравоохранения, организация судопроизводства, проблема вьетнамских кадров и образования и т. д. Но в военные годы соответствующие требования существовали еще подспудно и открыто выдвинуты не были.

Это объяснялось во многом тем, что в тот период имущие классы Вьетнама еще не утратили надежды на получение необходимых уступок из рук Франции. К тому же ряд реформ, начатых и частично осуществленных перед первой мировой войной, подтверждал их надежды. Кроме того, обещания предоставления политических прав, на которые не скупился А. Сарро и которых так желали имущие классы Вьетнама, принципы, провозглашенные президентом США Вильсоном после окончания войны о праве народов на самоуправление, способствовали некоторому ослаблению напряженности.

Поэтому правомерно в какой-то степени говорить о том, что во время войны новая политика Франции во Вьетнаме принесла определенные результаты. Французским колониальным кругам удалось смягчить недовольство части имущих слоев и привлечь их на свою сторону, выдвинув лозунг «франко-вьетнамского сотрудничества». Тем самым они также несколько расширили свою социальную базу во Вьетнаме.

Но вместе с тем первая мировая война, во многом оторвав экономически Францию от Вьетнама на несколько лет, создала тем самым относительно благоприятные условия для развития вьетнамской национальной буржуазии. Появление этого класса, нового в социальной структуре вьетнамского общества, было одним из наиболее важных последствий мировой войны. Развиваясь численно и в экономическом отношении, вьетнамская буржуазия оставалась лишенной политических прав, была отстранена от участия в управлении страной.

В целом обещанные реформы проведены не были, чему во многом способствовало сравнительное экономическое благополучие послевоенных лет, превращение Вьетнама в прибыльную и «безопасную» для частного капитала колонию.

Но во Вьетнаме обещания А. Сарро не были забыты, и, чем дольше они не выполнялись, тем больше накалялась обстановка в стране. В конечном итоге это ускорило подъем национально-освободительного движения в новых условиях после Великой Октябрьской революции.

Политика колониальной администрации в различных частях Индокитайского союза

Анализ колониального административного аппарата Союза как аппарата, направленного на угнетение местного населения и создание наиболее благоприятных условий для деятельности французской буржуазии, был бы неполным без привлечения данных о местном административном аппарате. Применительно к органам центрального управления с 1891 г. начался процесс децентрализации, т. е. процесс усиления власти генерал-губернатора. Вместе с генерал-губернатором руководители служб центрального аппарата стали приобретать большое значение по отношению к руководству местного административного аппарата.

⁴³ L. A. Habert. Le Tonkin. La Justice en Indochine. Hanoi, 1931, с. 184.

Декреты 1911 г. знаменовали собой переход к новой политике. Было образовано правительство Индокитайского союза и в то же время положено начало расширению автономии стран — членов Союза по отношению к центральной администрации.

Во главе местной администрации стояли: в Кохинхине — губернатор, в Аннаме, Тонкине, Камбодже и Лаосе — французские верховные резиденты. Декретами от 13 февраля 1899 г. и 20 октября 1911 г. были определены их функции и отношения как с центральной администрацией Союза, так и с местным административным аппаратом. По сравнению с декретами более ранних лет декреты 1911 г. уточняли и расширяли их полномочия в соответствии с общей перестройкой административного аппарата Союза, предпринятой в это время.

Кохинхина (Южный Вьетнам) была на положении колонии с 1862 г. Во главе ее стоял губернатор. Особую роль при губернаторе играл в качестве совещательного органа Колониальный совет, образованный в 1880 г.⁴⁴, поскольку он представлял в какой-то мере местное население колонии. Он состоял из 10 членов, избранных французским населением колонии, и 6 членов, избранных местным населением⁴⁵. Заседания его проходили раз в год под председательством губернатора.

Декретом от 3 ноября 1910 г. при губернаторе была создана постоянная комиссия, которая выполняла функции совета в перерыве между его заседаниями. Кроме того, в Кохинхине существовали торговая палата, созданная по постановлению губернатора от 30 сентября 1868 г., и палата сельского хозяйства, созданная по постановлению генерал-губернатора Индокитая от 30 апреля 1897 г. Эти палаты избирались представителями французских и вьетнамских промышленных торговых и сельскохозяйственных кругов. Они были консультативными органами при губернаторе, выносившими свое суждение по вопросам, имевшим отношение к промышленности, торговле и сельскому хозяйству колонии.

Во главе каждой провинции колонии стоял администратор по делам местного населения. Он являлся главой всех административных служб. Кроме того, в соответствии с декретом от 12 мая 1882 г.⁴⁶ администратор по делам местного населения был председателем совета провинции, избираемого местной верхушкой. Важным обстоятельством, улучшавшим положение местного населения Кохинхины по отношению к другим частям Союза, был уменьшенный земельный налог. Так, в Тонкине налог на рисовое поле за 1 мау за год колебался от 0,8 до 1,5 пиастра, примерно такой же налог существовал и в Аннаме. В Кохинхине налог на землю был значительно ниже⁴⁷. Население Кохинхины без выкупа освобождалось от обязательного выполнения общественных работ.

Введение в колонии французского законодательства, являвшегося одним из завоеваний французской буржуазной революции, тоже стало весьма важным для развития Кохинхины актом. Все местные жители с точки зрения уголовного права были судимы в соответствии с французским законодательством, которое, как это было зафиксировано декретом от 16 марта 1889 г., учитывало и особенности местного, обычного и вьетнамского уголовного права⁴⁸. С точки зрения гражданского права они были подсудны вьетнамскому законодательству, которое, однако, старалось учитывать и положение французского гражданского права⁴⁹. Население Кохинхины отбывало службу в армии три года, тогда как население Северного Вьетнама — семь лет⁵⁰. Все эти обстоятельства, безусловно, ставили население Кохинхины в лучшее положение по сравнению с населением других частей Индокитайского союза, что находит свое объяснение в политике

⁴⁴ Декретом от 7 февраля 1880 г. (см.: J. Galembert. Les administration... с. 165).

⁴⁵ P. Enjoy. La colonisation de Cochinchine, с. 235.

⁴⁶ A. Rambaud. La France coloniale. P., 1886, с. 489; Галамбер дает другую, более позднюю дату учреждения этих советов — 5 марта 1889 г. (см.: J. Galembert. Les administration... с. 228).

⁴⁷ L. Salaun. L'Indochine, с. 127; Ch. Lemire. L'Indochine. P., 1884, с. 25.

⁴⁸ P. D'Enjoi. La colonization de Cochinchine, с. 248.

⁴⁹ P. D'Enjoi. La colonization de Cochinchine, с. 248; A. Rambaud. La France coloniale, с. 491.

⁵⁰ А. И. Мухлинов. Вьетнамская сельская община... с. 186.

противопоставления частей Союза, проводившейся французской администрацией. Особенно ярко это видно на примере введения в Аннаме и Тонкине системы «эндижената» (кодекса для местных жителей), которая давала ряд дополнительных ограничений для населения этих частей Союза; запрещалось, например, вьетнамцу переезжать из Аннама в Кохинхину без специального удостоверения личности. Французское население могло это делать беспрепятственно⁵¹.

Превращение Кохинхины в колонию, где колонизаторам была обеспечена полная свобода действий, а также стремление превратить эту колонию в «витрину процветания» были вызваны рядом причин. Французские колонизаторы с начала завоевания рассматривали Кохинхину как важный опорный пункт для организации дальнейших захватов в Индокитае.

Большое значение имело стремление «умиротворить» местное население, чтобы, во-первых, покончить с выступлениями против французов и, во-вторых, создать спокойный тыл для центральных органов Индокитайского союза, сосредоточенных в Сайгоне. Наконец, это объяснялось тем, что французские колонии в первые годы не были особенно заинтересованы в создании рисоводческих плантаций в Кохинхине⁵².

Политика французской администрации в отношении Тонкина была совершенно иной. Тонкин, с одной стороны, важная пограничная зона, которая прикрывала с севера территории Индокитайского союза, с другой — важный опорный пункт, могущий в случае необходимости обеспечить дальнейшую экспансию Франции в Китай. Именно поэтому здесь с самого начала основали четыре военных округа и стремились создать как можно больше земельных владений, принадлежащих французам. Не менее существенным была и громадная заинтересованность европейцев в эксплуатации естественных ресурсов горных районов Тонкина.

Завоевывая Аннам и Тонкин, французская дипломатия с самого начала стремилась отделить Тонкин от Аннама, ослабляя последний как только было возможно. В 1885 г., чтобы окончательно изъять Тонкин из подчинения вьетнамскому императору, были приданы более широкие полномочия наместнику вьетнамского императора Тонкина. Во французской официальной переписке его стали именовать вице-королем⁵³. Указом от 26 июля 1897 г. должность вице-короля в Тонкине была ликвидирована, а его функции переданы французскому верховному резиденту. Заметим, что до образования Индокитайского союза Аннам и Тонкин находились под управлением генерального резидента, которому были подчинены верховные резиденты Аннама и Тонкина. В то же время до 1886 г. генеральным резидентом Аннама — Тонкина был представитель военного министерства, который лишь по декрету от 27 января 1886 г. был смещен гражданским чиновником⁵⁴.

Таким образом, во главе администрации в Тонкине стоял чиновник, именуемый верховным резидентом, функции которого были в общем аналогичны функциям губернатора Кохинхины. Они были определены декретами от 13 февраля 1899 г. и 20 октября 1911 г.⁵⁵. Он являлся главой администрации из вьетнамских чиновников и одновременно главой всего французского административного аппарата Тонкина. В качестве совещательного органа при верховном резиденте декретом от 8 августа 1898 г. был образован Совет протектората⁵⁶. В этот совет входили все высшие чиновники протектората, начальник войск, размещенных на его территории, генеральный прокурор и

⁵¹ Этим французская администрация, в частности, стремилась «закрепить» рабочую силу, в которой остро нуждалось европейское плантационное хозяйство.

⁵² Ch. Lemire. *L'Indochine*, с. 116.

⁵³ Указ вьетнамского императора от 3 июня 1886 г.

⁵⁴ J. Galembert. *Les administrations...* с. 34.

⁵⁵ Там же, с. 130.

⁵⁶ Декрет от 21 сентября 1894 г. учреждал аналогичный совет для Аннама и Тонкина вместе.

т. д.— словом, все те же лица, что входили и в совет при губернаторе. Функции этих двух советов были аналогичны.

Совещательным органом, в котором было представлено местное население, являлась местная консультативная палата Тонкина, образованная постановлением генерал-губернатора от 19 марта 1913 г.⁵⁷ Выборы в нее производились местным населением, достигшим 21 года. Члены палаты, состоявшие полностью из вьетнамцев, избирались многоступенчатыми выборами по квоте 1 депутат от 40 тыс. избирателей, причем лиц, которые могли баллотироваться, назначал специальный совет из представителей наиболее влиятельных слоев местного населения. Кроме того, в палату входили избранные представители местных торговых кругов в пропорции 1 депутат от 500 — 1 тыс. человек, 2 депутата от избирателей в числе от 1 тыс. до 2 тыс. человек и 3 депутата от избирателей, число которых превышает 2 тыс. человек в одном населенном пункте. В палату назначались по указанию резидента чиновники и местная элита, кандидатуры которых выдвигались соответствующей местной администрацией. Полномочия депутата длились четыре года. Результаты выборов утверждались генерал-губернатором. Консультативная палата, являясь совещательным органом, обсуждала вопросы местного бюджета, а также все те вопросы, которые администрация считала возможным вынести на ее обсуждение. Политические вопросы ее обсуждению не подлежали. При верховном резиденте имелись две торговые палаты — в Ханое и Хайфоне, созданные по постановлению генерального резидента от 3 июня 1886 г. По положению состав этих палат не мог быть менее 11 и более 21 человека. Большинство палат (²/₃) состояло из представителей французских торгово-промышленных кругов.

Сельскохозяйственная палата в Тонкине была образована постановлением генерал-губернатора от 30 апреля 1897 г. Местом ее пребывания был Ханой.

Тонкин вначале был разделен на 13 провинций, позднее — на 23 провинции. Во главе каждой был поставлен французский резидент-администратор, который контролировал всю деятельность вьетнамских чиновников. Вьетнамская администрация провинций в отличие от Кохинхины сохранилась. Вьетнамские чиновники осуществляли непосредственное управление провинцией. В уездах тоже существовала вьетнамская администрация. Управление волостями, так же как в Кохинхине, было оставлено в руках вьетнамцев, и осуществлялось оно в соответствии с вьетнамским традиционным правом.

В то же время таможенная служба, финансы, общественные работы находились под прямым контролем французских чиновников, которым подчинялись также и соответствующие службы Аннама⁵⁸. Города Ханой, Хайфон и Туран (Дананг) по декрету вьетнамского императора от 3 сентября 1888 г. были переданы в собственность Франции и образовали самостоятельные административные единицы. Таким образом, Тонкин только по названию был протекторатом. Фактически же это была самая настоящая, как и Кохинхина, колония Франции. Протекторатами, где хотя бы формально сохранилось местное правительство, в Индокитайском союзе были Аннам, Камбоджа и Лаос.

Во главе Аннама стоял император. Император получал ежегодное содержание от французского правительства и превратился в покорного исполнителя воли колониальной администрации, поскольку его бюджет утверждался верховным резидентом. При нем имелся совет короны, а также тайный совет. Указом от 27 сентября 1897 г.⁵⁹ он был заменен Советом министров, который заседал под председательством французского верховного резидента. Тайный совет при императоре состоял из шести министров и нескольких высших чиновников. Кроме того, при императоре имелись секретариат из четырех человек и специальная служба по составлению хроник. Для поддержания порядка при дворе имелось около 300 солдат личной гвардии императора. Местное управление находилось в руках чиновников 1, 2 и 3-го класса по традиционной классификации.

⁵⁷ J. Galembert. Les administration... с. 179.

⁵⁸ E. Lagrilliere-Beauclerc. A travels l'Indochine, с. 199.

⁵⁹ J. Galembert. Les administration... с. 199.

Аннама был разделен на 12 провинций⁶⁰, число которых позднее было увеличено до 16⁶¹. Фактически главой Аннама был находившийся в Хюэ верховный резидент, подчинявшийся непосредственно генерал-губернатору Индокитайского союза. Он осуществлял внешние сношения (с иностранными консульскими службами, которые находились или могли быть на территории Аннама), имел право на личную аудиенцию у императора в любое время, являлся председателем Совета министров и контролировал всю деятельность администрации на территории Аннама, определял бюджет страны.

Управление провинциями также было поставлено под контроль французского резидента. Кроме того, финансы, таможенная служба находились под прямым контролем французских чиновников.

При верховном резиденте в качестве совещательного органа имелся Совет протектората, созданный постановлением генерал-губернатора от 8 июня 1900 г.⁶² и состоявший, подобно аналогичному органу в Тонкине, из представителей высшей администрации протектората.

Камбоджа была объявлена протекторатом в соответствии с договором от 17 июня 1884 г. Во главе страны стоял король, который издавал законы, но они приобретали силу только после утверждения их французским верховным резидентом.

В Камбодже и Лаосе была создана административная структура, примерно аналогичная Аннам.

Своеобразие режима, созданного в Лаосе французской администрацией, заключалось в том, что только в Луангпрабанге, да и то лишь номинально, сохранялась власть короля. В остальной части Лаоса, находившейся в отличие от королевства Луангпрабанг официально, а не только фактически под властью французского верховного резидента, было сохранено среднее и низшее звено местной администрации, которая, однако, была поставлена под контроль французских чиновников.

В 1895 г. ввиду трудностей управления, подготавливая новую организацию Лаоса, в Луангпрабанг был направлен верховный резидент Аннама, чтобы создать в Лаосе французскую администрацию. Страна была разделена на два автономных района — Верхний и Нижний Лаос (со столицами в Луангпрабанге и Кхонге). Во главе каждого из них был поставлен верховный резидент. Такое деление просуществовало до 1899 г.

Но ввиду трудности административного управления по декрету от 10 апреля 1899 г. они были объединены под главенством французского верховного резидента Лаоса, которому были предоставлены равные права с генеральными резидентами Аннама, Камбоджи и Тонкина⁶³. Местом пребывания верховного резидента становится Саваннакхет, а позднее — Вьентьян. Чиновники в Луангпрабанге и Кдонге были подчинены верховному резиденту⁶⁴. После этого Лаос вошел в состав Индокитайского союза (1899 г.)⁶⁵.

В Лаосе при верховном резиденте имелся совещательный орган — местная консультативная ассамблея, организованная по декрету генерал-губернатора от 27 апреля 1923 г.⁶⁶. Позднее страна была разделена на 10 провинций и одну военную территорию.

Таким образом, в составе Индокитайского союза были: одна колония — Кохинхина; одна страна, близкая по своему режиму к колонии, но формально не колония, поскольку во главе страны, хотя и номинально, стоял представитель местного королевского дома, — Лаос; два протектората — Камбоджа и Аннама; Тонкин — область, которую юридически, так же как и Лаос, нельзя было считать колонией, поскольку она сохраняла местную администрацию, но в то же время нельзя было считать и

⁶⁰ A. Rambaud. *La France coloniale*, с. 495.

⁶¹ J. Galembert. *Les administration...* с. 50.

⁶² Там же, с. 158.

⁶³ M. Dubois et A. Therrier. *Les colonies francaises*. P., 1902, с. 891.

⁶⁴ L. Heudebert. *L'Indochine francaise*. P., 1909, с. 282.

⁶⁵ L. Boulenger. *Histoire du Laos francais*. P., 1930, с. 339.

⁶⁶ J. Galembert. *Les administration...* с. 185.

протекторатом, так как пост вице-короля Тонкина по решению французской администрации был упразднен. В состав Французского Индокитая входила также китайская территория Гуанчжоувань, «уступленная» Китаем Франции по соглашению от 16 ноября 1898 г.⁶⁷ на 99 лет.

Политика «разделяй и властвуй», проводимая французскими колонизаторами в Индокитае, характеризовалась двумя моментами: стремлением, во-первых, максимально расчленив созданный Индокитайский союз в административном отношении и, во-вторых, так провести разграничение, чтобы создавать поводы для споров и взаимных претензий между членами этого Союза, что давало бы возможность играть на противоречиях между ними.

Следуя политике расчленения и сталкивания между собой членов Индокитайского союза, французская администрация создала на территории Кохинхины колонию, чтобы иметь возможность противопоставить ее Аннам. Этим же целям служили административное дробление территории Лаоса, формирование в Тонкине особого административного подразделения, не зависящего, как раньше, от Аннама. Наконец, и повседневная политика французских колонизаторов в Индокитайском союзе была подчинена тем же задачам.

Административный аппарат, а также армия, полиция, суд, созданные колонизаторами в Индокитайском союзе, и явились тем инструментом, при помощи которого народам Индокитая навязывалась воля французского финансового капитала, эксплуатировалось население.

Характерной особенностью французской колониальной политики было то, что во Франции государство с самого начала выступало ее инициатором и брало на себя основные расходы на ее проведение: именно оно из карманов французских налогоплательщиков оплачивало расходы на колониальные войны, проводило изыскательские и другие работы по «освоению» захваченных территорий, предоставляло льготы частным французским компаниям, пожелавшим вложить капиталы в индокитайские колонии.

Такая особая роль государства в развитии французской колониальной экспансии далеко не случайна. Это определялось тем, что развитие колониальной экспансии Франции в новое время почти совпало с наступлением эпохи империализма, приведшей к ожесточенной борьбе за рынки сбыта и источники сырья, когда речь шла именно о стремлении закрепить за собой «право» на монопольное владение ими. Это, наконец, определялось особенностями экономического развития Франции, когда государство вынуждено было вводить «охранительные» пошлины для защиты национальной промышленности от иностранной конкуренции.

В борьбе за превращение индокитайских колоний в монопольные рынки и источники сырья, в создании системы монопольного закабаления и систематической эксплуатации индокитайского населения, наконец, в деле создания наиболее благоприятных возможностей для экспорта французского капитала в индокитайские колонии колоссальную роль сыграло образование колониального аппарата, что, в свою очередь, было связано со спецификой развития французского финансового капитала, стремившегося переложить вначале на плечи населения Франции, затем в основном на плечи населения Индокитайского союза все тяготы, связанные с проведением колониальной политики.

Таможенные пошлины, прямые и косвенные налоги, буквально выколачиваемые из населения при помощи созданного, колонизаторами административного аппарата, давали основные средства, которыми оплачивались деятельность чиновников и различные расходы, связанные с «приспособлением» Индокитая к нуждам французского капитала.

Таким образом, колониальный административный аппарат Индокитайского союза являлся инструментом, при помощи которого французский финансовый капитал

⁶⁷ В 1945 г. она была возвращена Китаю.

приспосабливал для своих нужд экономику захваченных стран, превращая их в аграрно-сырьевой придаток метрополии. В то же время слабость французской экономики в целом приводила к тому, что в индокитайских колониях Франция осуществляла управление, прибегая преимущественно к административно-бюрократическим методам. Экономика же колоний обрекалась на уродливое, однобокое развитие.

Глава 2

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ВЬЕТНАМА С КОНЦА XIX в. ДО НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Перерастание с конца XIX в. французского промышленного капитализма в империализм повлекло за собой глубокие социальные изменения в колониях Франции, в том числе и во Вьетнаме, где переход к империалистическим методам эксплуатации привел к значительной трансформации старого, феодального общества. Это выразилось прежде всего в становлении капиталистических отношений, зарождении и развитии антиколониального национально-освободительного движения и в формировании его руководящих сил — буржуазии и пролетариата. Обе эти силы развивались в Индокитае в условиях господства французского монополистического капитала и постепенного разрушения старых, феодальных отношений.

Эксплуатация Вьетнама французским капиталом

В конце XIX в. французский капитал приступил к усиленной эксплуатации стран Индокитая (Вьетнама, Лаоса и Камбоджи).

Вслед за колониальной армией во Вьетнам пришли французские банкиры и торговцы, которые в противовес политике «закрытых дверей», проводимой династией Нгуенов, объявили об открытии Сайгона и других портов для торговли и захода в них иностранных торговых кораблей. В 1860 г. 111 европейских и 140 китайских торговых судов прибыли в Сайгон. Стоимость ввозимых в страну товаров в денежном выражении составила: одного только опиума — 500 тыс. фр. и других товаров — 1 млн. фр. Экспорт неочищенного риса (падди) составил 53939 т на общую сумму 5184 тыс. фр.¹. После захвата Кохинхины общий объем экспорта в 1865 г. составил в денежном выражении 400 тыс. пиастров, а к 1883 г. он достиг 33,8 млн. пиастров².

Чтобы еще больше укрепить позиции французского капитала и обеспечить выкачку сырья из Вьетнама, для торговли были открыты порты в Тонкине и Аннаме. С 1862 г. французские колонизаторы добились права свободного захода своих судов в порты Дананг, Балат, Куангиен, а с 1874 г. — в порты Тхинай (Куиньон), Хайфон, а также свободного прохода (плавания) своих судов по р. Красной до китайской границы. Однако в это время торговля с Китаем по р. Красной наталкивалась на многочисленные трудности и препятствия. С 1879 г. французская компания «Мессажери маритим» организовала регулярные рейсы между Сайгоном и портами Центрального и Северного Вьетнама³. Во Вьетнаме стала действовать и другая французская компания — «Мессажери флувиаль», основанная в 1882 г.

Вслед за этим торговля французских предпринимателей, в Дн-наме и Тонкине значительно активизировалась. Так, в 1881 г. французские торговцы продали только в портах Тхинай и Дананг хлопчатобумажных тканей на сумму 1200 тыс. фр.⁴ Интересно отметить, что до 70-х годов XIX в. в среднем число французских торговых судов,

¹ Jean Bouchot. Documents pour servir a l'histoire de Saigon. Saigon, 1927, с. 147.

² Nguyen Khac Dam. Nhung thu doan boc lot cua tu ban Phap o Viet-Nam. Ha-noi, 1958, с. 98.

³ Компания «Мессажери маритим» была основана в 1862 г.

⁴ A. Bouinais. L'Indochine francaise contemporaine. P., 1885, с. 429.

заходивших в Сайгонский порт, составляло 20—30%, а в Хайфонский порт — около 5% общего числа западноевропейских судов. В 1883 т. число французских торговых судов, заходивших в Хайфонский порт, возросло до 30%. В 1886 г. в Кохинхину было ввезено товаров на сумму 13 млн. пиастров, из которых 6,8 млн. пиастров приходилось на долю Франции⁵. Процент ввозимых в Индокитай товаров из французских колоний и метрополий от общего индокитайского импорта составил в 1879—1883 гг. 16, в 1884—1888 гг. — 30 и в 1889—1893 гг. — 27⁶.

Французским коммерсантам приходилось конкурировать с английскими, немецкими, голландскими и особенно с китайскими торговцами. Следует отметить, что на первых порах позиции французских торговцев в Северном Вьетнаме были еще слабыми. Так, в 1883 г. французы владели лишь четырьмя магазинами в Ханое и четырьмя магазинами в Хайфоне, в то время как китайцам принадлежало 112 магазинов в Ханое и 26 — в Хайфоне. В общем объеме иностранных товаров, поступавших в Тонкин, ²/₃ составляли китайские. Французские торговцы на севере Вьетнама еще не были в состоянии конкурировать с торговцами из Китая, Индии и других стран Дальнего Востока, Южной и Юго-Восточной Азии, где стоимость перевозок товаров и рабочая сила были значительно дешевле французских.

Чтобы компенсировать расходы, связанные с захватом стран Индокитая, колониальные власти стремились активно эксплуатировать людские и материальные ресурсы страны с помощью французских предпринимателей и коммерсантов, всемерно способствуя увеличению их прибылей. С этой же целью повышались пошлины и- налоги на иностранные товары, ввозимые во Вьетнам. Так, до 1887 г. французские товары, ввозимые во Вьетнам, облагались таможенными пошлинами, составлявшими 2,5% стоимости товаров, а пошлины на товары других стран — 5% их стоимости. В 1892 г. французские товары были полностью освобождены от пошлин, а пошлины на товары иностранных государств увеличились в несколько раз—до 25%. Политика преференций, проводимая французскими властями по отношению к французским торговцам, привела к тому, что ввоз французских товаров во Вьетнам резко увеличился, а товаров других государств — сократился.

В конце XIX в. активизировали свою деятельность во Вьетнаме различные французские экспортно-импортные торговые общества и компании, а именно «Сосьете марсейез д'Утрмер» (основана в 1887 г.), «Этаблисман Бургуэн Мейфр» (1884 г.), «Дени фреп д'Эндошин», «Этаблисман Демарэ д'Эндошин» (1887 г.), «Колониаль д'экспортасьон» (1896 г.), «Бижутери Поль Шабо» (1898г.). Наибольшую известность приобрело общество «Пуансарэ Вейре», основанное в 1900 г. в Хайфоне и занимавшееся ввозом во Вьетнам металлических изделий, алкогольных напитков и прочих товаров. Почти все основные отрасли внешней и внутренней торговли страны к концу XIX в. уже находились под контролем французских компаний. Внешнеторговые французские компании и тесно связанный с ними Индокитайский банк⁷ стали подлинными хозяевами внутреннего рынка.

С французскими коммерсантами, находившимися в привилегированном положении, вьетнамские торговцы не могли конкурировать, ибо колониальные власти облагали их непомерно высокими налогами, выплачивать которые они были не в состоянии и поэтому часто разорялись. Импорт французских промышленных товаров

⁵ P. Bernard. Le Probleme economique indochinois. P., 1934, с. 99.

⁶ J. L. Lanessan. L'Indochine francaise. P., 1889, с. 413—448.

⁷ В Сайгоне кроме Индокитайского банка были также немецкие, английские и китайские банки. Индокитайский банк был основан в 1875 г. по инициативе Парижского национального банка, Торгово-промышленного банка, Парижского лландекого банка, и к ним присоединились еще три банка: «Креди лионнэ», «Кради женераль» и «Креди фонее де Франс». Капитал Индокитайского банка насчитывал 8 млн. фр. в год его основания. К 1910 г. он увеличился до 48 млн. фр., а к 1920 г.— до 72 млн. фр. (см.: The Vietnamese Tarde Union. Hanoi.— DRVN. 1971, № 43, с. 19; H. Simoni. Le role du capital dans la mise en valeur de l'Indochine. P., 1929, с. 42).

повлек за собой резкое снижение объема национального производства. В упадок пришло гончарное производство, непоправимый ущерб которому нанес широкий ввоз посуды из Лиможа и Севра. Французские торговцы оказывали давление и на национальное производство текстиля. Французские товары повсеместно теснили местные товары, душили национальную торговлю и кустарное производство.

В период колонизации Вьетнама французские предприниматели еще не решались активно вкладывать свои капиталы в экономику этой страны. Их деятельность ограничивалась главным образом торговой сферой, созданием банков, строительством коммуникаций. Важным фактором установления экономического господства французских империалистов во Вьетнаме явился продолжавшийся во всевозрастающих масштабах захват пахотных земель. К 1900 г. в руках колонизаторов было сосредоточено более 301 тыс. га⁸, а к 1913 г. — уже свыше 470 тыс. га земли⁹.

Однако это еще не означало, что в начальный период захвата Вьетнама французские капиталисты совершенно не вкладывали свои капиталы в экономику Индокитая: частичная эксплуатация стран Индокитая французским капиталом осуществлялась и во время их захвата. В период захвата Вьетнама (1858—1885) французские капиталисты частично строили промышленные предприятия — вначале на юге, а затем на севере и в центре. Так, были построены сахарные, лесопильные, винодельческие, маслобойные, мыловаренные, кожевенные заводы, текстильные, спичечные фабрики. Указанные предприятия были небольшими и обслуживали главным образом колониальную армию и администрацию. Они работали нерегулярно ввиду отсутствия квалифицированной рабочей силы и прочной сырьевой базы, и лишь в конце XIX в. французские империалисты приступили к более активной и плановой эксплуатации стран Индокитая, начав активно вкладывать свои капиталы прежде всего в экономику Вьетнама.

Внутриполитическое положение, сложившееся к этому времени в стране, благоприятствовало экспансии французского капитала: вооруженное сопротивление «кан-выонг» (1885—1896), представлявшее серьезную угрозу политическим и экономическим интересам колонизаторов, было к тому времени подавлено.

Именно, в указанный период колониальные власти определили свою экономическую политику в странах Индокитая. Так, один из колониальных деятелей Франции, Этьен, в 1891 г. говорил: «Я стою на той точке зрения, что колонии должны играть особую роль для французского рынка»¹⁰.

Другой французский политический деятель, Мелин, подчеркивал, что хорошо организованной колонией считается та, которая ограничивает производство лишь удовлетворением потребностей метрополии в сырье или товарах, необходимых метрополии. «Если продукция колонии выходит за эти рамки, то такая, колония становится для метрополии опасным конкурентом»¹¹.

Генерал-губернатору Индокитая Полю Думеру, представителю 'тогдашней правящей радикал-социалистической партии, отражавшей интересы крупных финансистов, французское правительство поручило разработать первый план эксплуатации Вьетнама французским капиталом. 23 марта 1897 г. он ясно выразил официальное мнение правительства по данному вопросу, заявив, что «поощрять развитие промышленности в колонии надо лишь в определенных рамках, дабы не нанести ущерб промышленности метрополии»¹². Колониальные власти делали все возможное, чтобы предоставить французским компаниям и обществам наибольшие привилегии в эксплуатации Вьетнама. При этом они стремились создать благоприятные условия для

⁸ Y. Henry. *Economie agricole de l'Indochine*. Hanoi, 1932, с. 223.5

⁹ H. Brenier. *Essai d'atlas statistique de l'Indochine française*. Hanoi, 1914, с. 196—202.

¹⁰ Цит. по: Nguyen Khac Dam. *Nhung thu doan...* с. 150.

¹¹ Там же; «Le temps modernes». P., 1953, № 93—94.

¹² «Nos tap». Hanoi, 1957. № 4, с. 37—38.

инвестиций французского капитала только в те отрасли экономики, которые гарантировали максимальные прибыли и не могли создать какой-либо конкуренции аналогичным отраслям экономики метрополии, а именно в строительство дорог и коммуникаций, горнодобывающую и обрабатывающую промышленность, плантационное хозяйство.

Итак, экономическая политика французских колонизаторов во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже сводилась к превращению этих стран в сырьевой придаток метрополии.

Следуя этой политике, в конце XIX в. колониальные власти развернули в Индокитае в широких масштабах строительство железных и шоссейных дорог, портов и других сооружений, необходимых для укрепления власти колонизаторов. Создание системы коммуникаций помимо чисто стратегического назначения имело также и большое экономическое значение. Империалисты приступили к вложению огромных средств в строительство дорог. В 1881—1885 гг. была проложена первая железнодорожная магистраль Сайгон — Митхо протяженностью 70 км, в 1889—1894 гг. — линия Фулангтхьонг — Лангшон. В 1899—1905 гг. было завершено строительство дороги Ханой — Винь (312 км)¹³, а в 1906 г. продолжена линия Хюэ — Дананг (Туран), наконец, в 1910 г. — линия Хайфон — Ханой — Лаокай (384 км). Последняя открывала империалистам прямой путь для проникновения в Юж-ный Китай. Общая протяженность проложенных железных дорог составляла 2600 км.

В связи со строительством железных дорог открывались вагоноремонтные мастерские, депо, строились вокзалы, привокзальные склады в Ханое, Вине, Сайгоне. На этих работах использовались большие контингенты наемных рабочих¹⁴.

Наряду с железнодорожным строительством велось широкое строительство грунтовых дорог, которые до 1892 г. имели только местное значение. После образования Индокитайского союза колониальные власти планировали связать дорогами все части Индокитайского союза — Тонкин, Аннам, Кохинхину, Камбоджу и Лаос. Помимо этого на средства местных бюджетов строились мосты, прокладывались каналы и дороги провинциального значения. В 1903 г. только на эти виды работ в одном Аннаме было выделено 183888 пиастров, в 1904 г. — 222 тыс., в 1905 г. — 132 тыс. пиастров¹⁵. Общая протяженность провинциальных дорог составила 20 тыс. км¹⁶, а телеграфных линий — 14 тыс. км.

Одновременно с железными и шоссейными дорогами в Индокитае сооружались речные порты; налаживалось водное сообщение по судоходным рекам и развивался каботажный транспорт. Создавалась система каналов, мостов и др. Благоприятные географические условия способствовали быстрому развитию речного и морского транспорта. Так, в 1914 г. в Кохинхине уже имелось 1745 км водных путей, использовавшихся для перевозок грузов и пассажиров. Суда были оснащены паровыми машинами. Появились транспортные рабочие и докеры. Общая сумма капиталовложений в транспорт Индокитая составила в период 1888 — 1918 гг. 128 млн. золотых франков¹⁷.

Финансирование колониального дорожного строительства осуществлялось, главным образом, за счет государственных займов. Общая сумма займов в 1886 — 1913 гг. исчислялась 427 млн. золотых франков. Эти займы имели исключительно кабальный характер. Они предоставлялись под высокие проценты, что приносило монополиям колоссальные прибыли. Если в 1901 г. взносы в счет погашения займа составляли 728 тыс. пиастров, то в 1906 г. — уже 4444 тыс. пиастров, что превышало прежнюю сумму в 6 раз.

¹³ Section outremer des archives nationales de la France (далее — ANSOM.) Indochine A-20 (53). — Situation politique, économique et financière de l'Annam, 1905, с. 12.

¹⁴ V. Thompson. French Indochina. L., 1937. — Iran V8n Qiau. Giai cap c6ng nhSn Viet-nam. Ha-noi, 1957, с. 56.

¹⁵ ANSOM Indochine A-20 (53). Situation politique, économique et financière de l'Annam, с. 9.

¹⁶ A. Maybon. L'Indochine. P., 1931, с. 51.

¹⁷ Gh. Robequain. L'Evolution économique de l'Indochine française. P., 1939, с. 181.

Вся тяжесть этих займов и высокие проценты с них ложились тяжелым бременем на плечи трудового народа.

Большую роль в выпуске и размещении колониальных займов играл Индокитайский банк. Прибыли банка постоянно росли: в 1885 г. общая прибыль составила 393 тыс. золотых франков, а в 1905 г. — 2666 тыс. Если в 1875 г. первоначальный капитал банка оценивался в 8 млн., то в 1910 г. — уже в 48 млн. золотых франков. К концу первой мировой войны эта сумма увеличилась до 72 млн. фр.¹⁸.

Итак, в предвоенный период французский капитал вкладывался в страны Индокитая, как, впрочем, и в другие французские колонии, главным образом в форме ссудного капитала, иначе говоря, займов. Таким образом, «в отличие от английского, колониального империализма, французский можно назвать ростовщическим империализмом»¹⁹.

Другим источником финансирования колониального дорожного строительства служили постоянно растущие прямые и косвенные лалоги, взимавшиеся с местного населения. Так, подушный налог, который в период, предшествовавший французскому завоеванию, равнялся в среднем 1 куану²⁰, после захвата Вьетнама возрос до 50 су в Тонкине и 30 су в Аннаме.

Помимо подушного налога каждый вьетнамец ежегодно должен был безвозмездно в принудительном порядке отработать 48 дней в году. Впоследствии число дней было сокращено до 20. Однако это компенсировалось увеличением подушного налога на 2 пиастра (по закону от 2 июня 1897 г. в Тонкине и от 14 августа 1898 г. в Аннаме). В результате подушный налог к концу XIX в. уже составлял 2,5 пиастра в Тонкине и 2,3 пиастра в Аннаме.

Не менее тяжелым бременем для крестьян являлся земельный налог. Если до французского завоевания крестьяне платили с 1 мау 1 пиастр, то после завоевания — уже 1,5 пиастра²¹.

С 1888 по 1896 г. общая сумма прямых налогов возросла более чем вдвое, составив в 1888 г. 1235 тыс., а в 1896 г. — 2995 тыс. пиастров²². В отчете за 1906 г. по Аннам говорилось, что «в результате взимания прямых налогов возросла общая сумма поступлений от налоговых сборов. Подушные и земельные налоги дали суммы выше предполагаемых»²³. В 1912 г. поступления от сбора налогов по всему Индокитаю оценивались в 38 362 тыс. пиастров.

Чтобы увеличить бюджет колониальной администрации, власть ввели многочисленные косвенные налоги — на потребление алкогольных напитков, на соль и опиум.

Производство и продажа алкогольных напитков были монополизированы французской компанией «Дистилльери д'Эндошин» (Общество «Фонтэн»). Указанная компания за один только 1904 год получила 2300 тыс. золотых франков дохода. С 1903 по 1912 г. ежегодный средний доход с алкогольных напитков в Тонкине и в Северном Аннаме составил 1484 тыс. пиастров²⁴. В целях увеличения доходов по сбору косвенных налогов продажа алкоголя приняла принудительный характер. В отчете французского верховного резидента Аннама за 1906 г. говорилось о расширении продажи спиртных напитков в Северных провинциях Аннама. Так, в провинции Нгеан в 1905—1906 гг.

¹⁸ Tran Huy Lieu. Lich su tam muoi nam... с. 91.

¹⁹ В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма. — Т. 27, с. 362.

²⁰ Куан — денежная единица, равная 14 су.

²¹ 1 мау в Аннаме равен 0,36 га, а в некоторых районах — 4970 кв. м, (т. е. около 0,5 га). 1 пиастр = 2,5 фр. (по курсу 1900 г.).

²² J. Morel. Contribution a l'histoire financiere du Tonkin. — «Revue Indo-chinoise», 1909.

²³ ANSOM Indochine A-20 (54). — «Situation politique et economique de l'Annam 1'906», с. 12.

²⁴ Supplement du journal officiel de l'Indochine frangaise. 7 avril 1913. — ANSOM Indochine NF-2422(1).

продажа таких напитков увеличилась на 68830 л, а в Хатине — на 39343 л²⁵. В письме генерал-губернатора Индокитая министру колоний Франции от 19 февраля 1908 г. отмечалось, что за отчетный месяц (ноябрь 1907 г.) потребление спиртных напитков возросло до 744798 л, увеличившись, таким образом, на 40957 л по сравнению с предыдущим месяцем — октябрём²⁶. На каждого взрослого должно было приходиться ежегодно 7 л спиртных напитков, цена на которые постоянно росла. Если до французского завоевания 1 л спирта стоил 5—6 центов, то в 1893 г. его цена была уже 15 центов, в 1897 г. — 22 цента, в 1906 г. — 29 центов, а позднее его стоимость возросла до 45 центов²⁷.

Колониальная администрация держала в своих руках и монополию на соль. Вьетнамские предприниматели были обязаны сбывать оптом по низким ценам французским властям всю добываемую ими соль, которая после соответствующей обработки затем поступала в розничную продажу по повышенным ценам, которые систематически росли. (За последнее десятилетие XIX в. цена на соль возросла в 9 раз.)

Колониальная администрация также способствовала расширению потребления опиума, служившего важнейшим источником ее доходов. Опиум свободно продавался в государственных магазинах по высокой цене. Так, в 1896 г. 1 кг опиума стоил 45 пиастров, в 1899 г. — 77 пиастров. В 1902 г. доходы французских властей от продажи опиума составили 6 млн. пиастров, или 15 млн. золотых франков. С 1896 по 1902 г. доходы от опиума возросли более чем в 2 раза.

Общая сумма доходов от продажи алкогольных напитков, соли и опиума составила в 1899 г. 8 млн. пиастров, в 1903 г. — 10,4 млн., а в 1911 г. — 12 млн. пиастров. Для извлечения еще больших прибылей колонизаторы строили винокуренные заводы, открывали опиекурильни и многочисленные игорные дома. Только в Кохинхине в 1887 г. правительство собрало с игорных домов свыше 2500 тыс. золотых франков, т. е. 1 млн. пиастров²⁸. Тяжесть прямых и косвенных налогов ложилась тяжелым бременем прежде всего на плечи трудового народа.

В отчете французского верховного резидента Аннама за 1905 г. говорилось, что эти трудности повлияли на рост продажной цены спиртных напитков. «Вьетнамец, не располагающий средствами для содержания самого себя и своей семьи, вынужден отказаться или сократить их потребление (т. е. алкогольных напитков. — *Авт.*), то же самое касается опиума и соли». В том же отчете далее отмечается, что налоговое обложение позволяет из года в год постоянно увеличивать поступления, соответственно составившие: в 1904 г. — 101389 пиастров, в 1905 г. — 150024 пиастра и в 1906 г. — 201926 пиастров²⁹.

Французский полковник Ф. Бернар в одном из октябрьских номеров «Ревю де Пари» за 1908 г. писал: «Вся финансовая политика в Индокитае на протяжении последних восьми или девяти лет определялась безудержным ростом налогового бремени... Основная задача заключалась в сборе налогов, и перед ней отступали все другие заботы. Даже во Франции деятельность вьетнамских губернаторов оценивалась по сумме бюджетного излишка»³⁰.

В конце XIX — начале XX в. французский торговый капитал активизировал свою деятельность во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже. В это время были основаны новые торговые фирмы и компании: «Бой ландри» (1905 г.), «Сосьете аноним д'этаблисман гра-три» (1912 г.), «Декур э Кабо» и многие другие. Большинство торговых компаний образовалось посредством объединения более мелких торговых фирм. Анонимные компании открыли свои филиалы в различных районах Индокитая.

²⁵ ANSOM Indochine A-20(54). Situation politique et economique de l'Annam 1906, с. 5.

²⁶ ANSOM Indochine A-20(56). Rapport politique, novembre 1907. Saigon, le 19 fevrier 1908, с. 17.

²⁷ «Journal officiel de l'Indochine francaise». 7 avril 1913.

²⁸ Tran Huy Lieu. Lich su tam muoi nam... с. 103.

²⁹ ANSOM Indochine. A-20(53). Situation politique, economique el financiere de l'Annam 1905, с. 1, 4.

³⁰ «Revue de Paris», octobre, 1908.

Характерной особенностью торговли колониального Индокитая с Францией являлось постоянное превышение его импорта над экспортом. Исключение составили годы, когда Франция вела военные действия против Вьетнама. Общий объем торговли между Францией и Индокитаем (основная часть этого объема приходилась на Вьетнам) в 2—3 раза превышал объем торговли Франции со всеми другими ее колониями. Последнее объяснялось тем, что индокитайский рынок был для французских торговцев во многом более выгодным, нежели рынки других французских колоний. Так, в 1892 г. внешнеторговый оборот Индокитая составил 172 млн. фр., а в 1907 г.—512 млн. фр.³¹.

По словам генерал-губернатора А. Сарро, Индокитай экспортировал камбоджийский хлопок, индокитайский шелк, кокосовые орехи, арахис, сою, кунжут, цинковую, свинцовую, железную руды, уголь, кожи, каучук, кофе, маис, рис, маниоку, чай, перец, табак и лес³². Ввоз французских товаров в Индокитай намного превышал вывоз местного сырья в метрополию. Так, только в 1904—1908 гг. было ввезено в Индокитай товаров на сумму 98,3 млн. золотых франков, а вывезено местного сырья на сумму 40,4 млн. золотых франков³³.

Основной экспортной культурой Индокитая был рис. Даже из Тонкина, где риса не хватало для внутреннего потребления, в 1912 г. было экспортировано 268 тыс. т риса³⁴. Если в 1860 г. экспорт риса составлял 50 тыс. т, то в конце XIX в.— уже 500 тыс. т, а в 1913 г. из Индокитая (главным образом из Южного Вьетнама) было вывезено 1287 тыс. т риса, что составляло около 62% всей стоимости индокитайского экспорта, а в 1918 г.— 1620 тыс. т риса, составившего 76% стоимости экспорта³⁵. Рис экспортировался главным образом в другие французские колонии и различные страны Азии. Большой спрос на рис и каучук на мировом рынке заставил французских предпринимателей приступить к расширению производства этих культур. Так, производство риса в Кохинхине, основной житнице страны, увеличилось за 40 лет — с 1875 по 1915 г.— почти в 3—4 раза.

Одновременно происходило расширение площадей, занятых под каучуком. Французские колонизаторы начали заниматься производством каучука с 1890 г. в Южном и Центральном Вьетнаме. В 1898 г. предприниматель Беллан основал каучуковую плантацию в Фунхуане (около Сайгона), а в 1905 г. он начал продавать латекс, ежегодно получая до 100 тыс. фр. дохода³⁶. Вслед за этим возникли многочисленные плантации каучука. Крупные плантации, насчитывающие от 500 до 1300 га в провинциях Биенхоа, Тэй-нинь, Зядинь, Тхузаумот, Бариа и в ряде районов Лаоса и Камбоджи, были основаны после строительства железной дороги Сайгон—Фантхиет (1907 г.). Площадь под гевеей с 1897 по 1920 г. расширилась до 7201 га. В среднем ежегодно общая площадь каучуковых плантаций увеличивалась на 300 га. Для более эффективной эксплуатации каучуковых плантаций была построена железная дорога Бендонгшо — Локнинь, проходившая через район крупных каучуковых плантаций. В Аннаме к 1905 г. были предоставлены концессии на 44 576 га для разведения каучука. Французские предприниматели получили концессии в провинциях Куангнгай, Биньдинь, Фанранг, Биньтхуан, Фуиен, Куангнам³⁷. Соответственно возросло производство каучука: в 1913 г. оно составляло 214 т, а в 1917 г.— уже 931 т³⁸. На экспорт шла лишь часть каучука. Так, в 1898 г.—9 т, в 1905 г.— 177³⁹, в 1913 г.—200, а в 1917 г.— 900 т, что составило 1,8% общей стоимости экспорта. Качество кохинхинского каучука было высоко оценено на специальной выставке в Лондоне. Однако в рассматриваемый период каучук еще не занимал столь важного места

³¹ Р. А. Поповкина. Французские монополии в Индокитае. М., 1960, с. 28.

³² «Le Courrier d'Haiphong», 18 fevrier 1913.

³³ Tran Huy Liau. Lich su tam mioi nam... с. 98.

³⁴ «Le Courrier d'Haiphong», 18 fevrier 1913.

³⁵ Фан Тхань Винь. Экономика: Южного Вьетнама. М., 1969, с. 57.

³⁶ Ch. Robequain. L'Evolution economique de l'Indochine francaise, с. 224.

³⁷ ANSOM Indochine A-20(53). Situation politique, economique et financiere de l'Annam 1905, с. 5.

³⁸ Lich su can dai Viet-Nam. Т. III. Ha-noi, 1961, с. 242.

³⁹ E. Teston et M. Percheron. Indochine moderne. P., 1931, с. 769.

в индокитайском экспорте, как рис. Значение каучука сильно возросло после первой мировой войны. В 1919 г. резко увеличился экспорт каучука, составив 2250 т⁴⁰.

Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что значение каучука для французских колонизаторов непрерывно возрастало в результате усилий французских и частично вьетнамских капиталистов, которые всячески стремились увеличить свои прибыли путем быстрого развития крупного плантационного хозяйства. Основными монополистическими группами, которые контролировали производство каучука, были Индокитайский банк и финансовая группа «Риво». В июле 1917 г. 139 частных каучуковых плантаций были объединены в одну компанию «Риво и К°», в которую вошли такие фирмы, как «Мишлен», «Дени фрер», Франко-китайский банк и некоторые другие. Развитие в Индокитае экспортных культур, и в первую очередь риса и каучука, сопровождалось созданием крупных плантационных хозяйств капиталистического типа.

После каучука французский капитал очень рано (с 1870 г.) развернул производство кофе, первая плантация которого была основана Борелем в Кешо. К 1888 г. были основаны многочисленные кофейные плантации в Хадонге, Шонтэе, Хоабине, Футхо, Фули, Ниньбине, Нгеане, Куангчи, Куангнаме, Куангнгаё, Бариа, Биенхоа, Тхузаомоте. Вьетнамские кофе и каучук пользовались большим спросом на европейских рынках.

Французский капитал стал проникать в производство чая сразу же после захвата страны. В 1890 г. французские предприниматели основали чайные плантации в Катчу (Футхо), Контуме и других провинциях Вьетнама. Чай, выращенный вьетнамцами, скупался по дешевым ценам чайной компанией Аннама и фирмой «Деробе и К°», которые открыли скупочные пункты поблизости от места производства.

Таким образом, в сельском хозяйстве Вьетнама колонизаторы были больше всего заинтересованы в развитии плантационного хозяйства, которое при минимальной затрате капитала давало им большие прибыли. Ниже приводятся данные, свидетельствующие о росте площадей под плантациями (в га)⁴¹:

Год	Кохинхина	Аннам	Тонкин
1890	4 346	3 480	3 068
1918	184 700	19 200	71 050

Указанная площадь в основном была занята плантациями риса, каучука, чая, кофе, сахарного тростника и тутовника⁴². В другие отрасли сельского хозяйства вкладывались минимальные средства. Так, французские предприниматели вкладывали незначительные капиталы в развитие животноводства, которое требовало больших затрат, тогда как получаемые прибыли были ниже, чем в других отраслях. Животноводство главным образом развивалось для нужд колониальной администрации в окрестностях Далата, Ханоя и Сайгона.

Колониальные власти обращали мало внимания на развитие сельского хозяйства, в связи с чем капиталовложения в сельское хозяйство были незначительными. Например, с 1888 по 1918 г. они составили всего 40 млн. фр.⁴³ (по курсу 1914 г.), т. е. 8% общей суммы капиталовложений. Поскольку в стране мало строилось ирригационных сооружений (дамб, каналов), то стихийные бедствия, особенно наводнения, были частым явлением. Так, в августе—октябре 1906 г. после проливных дождей погиб на корню весь урожай в дельте р. Красной⁴⁴. 1904—1905 годы были особенно неблагоприятными для сельского хозяйства. Второй урожай, обещавший хороший сбор, был уничтожен тайфуном 11 сентября 1904 г. в центральных провинциях Куангбинь, Куангчи, Тхыат-хиен, где он

⁴⁰ E. Teston et M. Percheron. Indochine moderne, с. 769.

⁴¹ ANSOM Indochine A-20(53). Situation politique, economique et financiere de l'Annam 1905, с. 6.

⁴² The Vietnamese Trade Unions. DRVN. 1976, iNb 43, с. 20.

⁴³ Ch. Robequain. L'Evolution economique de l'Indochine francaise, с. 781.

⁴⁴ ANSOM Indochine A-20(54). Situation politique et economique du Tonkin 1906, с. 1, 9.

бушевал с особой силой, нанеся большой ущерб сельскому хозяйству. В результате погибли сотни людей, скот, были разрушены многочисленные жилые постройки. Особенно сильно пострадали провинции Хатинь и Нгеан, где второй урожай в значительной своей части погиб. В провинциях Куангнам и Куангнгай наводнение и засухи нанесли большой ущерб сельскохозяйственным районам. Отсутствие кормов привело к значительному сокращению поголовья скота. В течение только одного 1905 года дважды отмечался падеж скота. Первый имел место в провинции Тханьхоа с августа 1904 до февраля 1905 г., потери исчислялись в 12—15 тыс. голов; второй — в провинции Тхыатхиен, начавшийся в первых числах мая 1905 г.

Аналогичное положение наблюдалось и в Кохинхине. В отчетном докладе губернатора Кохинхины за 1905 г. отмечалось, что, «едва оправившись от последствий тайфуна 1 мая 1904 г., Кохинхина еще больше пострадала в октябре—ноябре того же года от второго тайфуна и от наводнения, за которым последовала засуха. Во многих уездах не было снято никакого урожая»⁴⁵. В результате плохого урожая произошло резкое вздорожание цен на рис и другие продукты питания.

В 1906 г. экономическое положение этой части страны было особенно тяжелым, в ряде провинций свирепствовал голод. Голод и эпидемия чумы разразились в Тонкине и в Аннаме. По всей стране увеличивалось число бродяг и нищих. В своих отчетах французские резиденты доносили о многочисленных жалобах и протестах населения против непомерно тяжелых налогов. Даже сам генерал-губернатор Индокитая А. Сарро неоднократно признавал в своих выступлениях тяжелое положение населения Тонкина, Аннама и Кохинхины. Так, 4 февраля 1913 г., выступая на совете при индокитайском генерал-губернаторстве, он сказал, что «в Кохинхине в результате плохих урожаев 1910 — 1912 гг. создался кризис, который привел к разорению крестьянского хозяйства»⁴⁶. Генерал-губернатор предлагал создать сельскохозяйственный кредит для местного населения, мотивируя это тем, что «земледельцы-вьетнамцы вынуждены будут прибегать к помощи китайцев, которые предоставляют им кредит на невероятных условиях: 28% в месяц сроком на пять месяцев».

Говоря о тяжелом положении кохинхинцев, А. Сарро больше всего был обеспокоен тем, как защитить интересы французских капиталистов и при минимальных затратах выкачать из этой страны побольше сырья для метрополии.

Несмотря на чрезвычайно бедственное положение местного населения, колонизаторы продолжали варварски грабить его ресурсы. Вместо того чтобы кормить голодающих, власти вывозили рис и другие продовольственные культуры в метрополию. В своем выступлении Сарро привел некоторые данные по экспорту Вьетнама. Так, в 1912 г. экспорт риса из Тонкина составил 268 тыс. т, а из Кохинхины — 551 тыс. т. «Франция, — говорил Сарро, — сможет быть обеспечена кофе и чаем из Тонкина и Аннама, не закупая их в других странах»⁴⁷.

В конце XIX в. в Индокитае стали возникать многочисленные акционерные компании и общества по разработке минеральных ископаемых. Число концессий в горнодобывающей промышленности систематически росло. Так, если в 1907 г. их было 33, в 1911 г. — 92, то в 1912 г. таких концессий насчитывалось уже 101⁴⁸. Концессии на разработку колониальные власти предоставляли, как правило, только французским подданным. Однако вскоре и эти предприятия прекратили свою деятельность.

Для французских предпринимателей были созданы исключительно благоприятные условия в горнодобывающей промышленности; в сентябре 1888 г. колониальные власти издали указ, по которому за каждую тонну добываемого угля с владельца шахты взимался налог в размере 0,75 фр. В 1893 г. размер этого налога был сокращен до 0,25 фр., тогда как

⁴⁵ ANSOM Indochine A-20(53). Situation politique et economique de la Cochinchine 1905, с. 1.

⁴⁶ «Le Courrier d'Haiphong», 18 fevrier 1913.

⁴⁷ Supplement du Courrier d'Haiphong, 18 fevrier 1913; ANSOM, NF 2422 (1).

⁴⁸ Там же.

налог за пользование земель, занятой под рудник, был почти полностью отменен⁴⁹. 26 января 1912 г. французские власти в Индокитае издали указ, в котором, в частности, говорилось: «Владельцы рудников, получившие право на постоянное владение всеми наземными и подземными ресурсами, залегающими в районе рудника, обязаны платить налог, не превышающий 6 фр. с 1 га площади»⁵⁰.

В 1888 г. Жан Дююи начал разработку угля в бассейне Кай-бау. Возглавляемая им угольная компания «Сосьете франсез де шарбонаж дю Тонкэн» (с первоначальным капиталом 9 млн. золотых франков) стала одной из первых крупных французских компаний в Индокитае. «Сосьете франсез де шарбонаж дю Тонкэн» эксплуатировала угольные бассейны Хонгая и Кайбау. В 1893 г. добыча угля в бассейне Хонгая составляла 112 тыс. т, в 1904 г. — 230942 т, в 1905 г. — 242772, в 1906 г. — 247960, а в 1907 г. — 249921 т. Общая добыча угля по стране в 1903 г. составила 285919 т, в 1907 г. — 295 081⁵¹, а в 1912 г. — 415 тыс. т. В 1907 г. экспорт обогащенного угля составил 16555 т, угольной мелочи — 1 16 986, брикетов — 1517 т.

Прибыль компании быстро росла: в 1913 г. она исчислялась 2,5 млн., в 1925 г. — 36,2 млн. фр.⁵².

Постепенно французские монополии прибрали к своим рукам все угольные шахты, ранее принадлежавшие китайским и вьетнамским предпринимателям, и приступили к добыче угля в новых районах страны (Тхайнгуен, Теобо, Таннхуань и др.). Уголь преимущественно экспортировался в Японию, Китай и Францию.

В 1903 г. началась разработка оловянной руды в Тинтуке (пров. Каобанг), для чего была основана компания «Этэн э вольфрам дю Тонкэн» с первоначальным капиталом 1,5 млн. фр. В 1913 г. добыча олова составила 44 т, в 1922 г. — 410 т. Почти все олово вывозилось во Францию.

Началась также разработка цинковых руд на севере Вьетбака: в 1905 г. — в Чангза (пров. Туенкуанг), в 1906 г. — в Лангхите (пров. Тхайнгуен), в 1908 г. — в Тезине (пров. Лангшон) и в 1909 г. — в Иенбине и Тьозиене (пров. Баккан)⁵³. Цинк добывали также в Тханьмой и в Монкае.

Добычей цинка занимались три французские компании: «Сосьете де мин де Чангда», «Сосьете миньер дю Тонкэн» и «Сосьете миньер де Тханьмой». В 1906 г. в Индокитае было добыто 2,5 тыс. т цинка, а в 1914 г. — 31,5 тыс. т⁵⁴. Цинк экспортировался главным образом в Европу. Экспорт цинка составил в 1913 г. 26,2 тыс. т, в 1915 г. — 33,1 тыс., в 1916 г. — 38,3 тыс. т⁵⁵.

Прочие цветные металлы разрабатывались в незначительном количестве. Так[^] в 1911 г. было добыто 100 т меди, 112 кг золота и 45 кг серебра⁵⁶. Общая добыча различных полезных ископаемых в 1911 г. составила: угля — 437 тыс. т, или 51% общей стоимости полезных ископаемых, цинковой руды — 28241 т, или 40%, оловянной руды — 102 т, или 4,6%. Таким образом, цветные металлы (цинк, олово, медь, золото, серебро) составили 49% общей стоимости всех добываемых полезных ископаемых в Индокитае, тогда как 51% приходился только на добычу угля⁵⁷.

Общая стоимость продукции горнодобывающей промышленности Индокитая в начале XX в. (1906 г.) не составляла и 2 млн. пиастров, тогда как в 1916 г. она превысила 8

⁴⁹ Tran Van Giau. *Giai cap cong nhan Viet-Nam*, с. 34.

⁵⁰ The Vitnamese Trade Unions. DRWN. 1976, № 43, с. 18.

⁵¹ ANSOM Indochine A-20 (57). *Situation politique, economique et financiere du Tonkin 1908*, с. 28.

⁵² A. Viollis. *Indochine SOS*. P., 1949, с. 105.

⁵³ Ch. Robequain. *L'Evolution economique de l'Indochine francaise*, с. 289, 292—293.

⁵⁴ «Le Courrier d'Haiphong», 18 fevrier 1913.

⁵⁵ A. Durnarest. *La formation des classes sociales en pays annamite*. Lyon, 1935, с. 61.

⁵⁶ Gaston Dupouy. *Etudes mineralogiques sur l'Indochine francaise*. P., 1913, с. 232; Nguyen Khac Dam. *Nhung thu doan boc lot...* с. 173.

⁵⁷ *L'Indochine economique*. Hanoi, 1931, с. 28— 29.— Nguyen Khac Dam. *Nhung thu doan boc lot...* с. 163.

млн.⁵⁸. В отчете французского резидента Тонкина о политическом и экономическом положении этой части страны за 1905 г. говорилось следующее: «Несмотря на неоспоримое богатство залежей всевозможных минералов, разработка последних остается до настоящего времени на втором плане. Такое положение объясняется двумя причинами, а именно: либо в силу того, что отдельные предприниматели или компании, которые получили право на разведку, в определенных местах, отступили перед лицом нынешних трудностей, либо из-за отсутствия необходимых средств»⁵⁹. Однако главная причина заключалась в том, что империалисты стремились при мизерных вложениях капитала в горнодобывающую промышленность извлечь из нее максимальные прибыли, в связи с чем они прибегали к варварским методам эксплуатации.

Активизация французского капитала отмечалась и в обрабатывающей промышленности. Так, в 1900 г. была основана текстильная компания «Сосьете котоньер дю Тонкэн». Однако еще до нее во Вьетнаме уже функционировали две текстильные фабрики — в Ханое и Хайфоне. Под натиском «Сосьете котоньер дю Тонкэн» хозяева обеих фабрик разорились, и оба предприятия перешли к указанной компании, которая выкупила их в 1911 и 1913 гг. Это позволило компании значительно увеличить производство и капитал. Если в 1900 г. ее капитал составлял 1,6 млн. фр., в 1910 г.— 2 млн., то в 1920 г.— 5 млн. фр.

В обрабатывающей промышленности важное место заняло сооружение двух рисоочистительных заводов в Хайфоне и четырех в Телоне. В 1918 г. возникла компания «Ризри д'Экстрем-Орьян», которая стала главным экспортером риса.

Развитие обрабатывающей промышленности вело к расширению градостроительства, что, в свою очередь, вызвало большую потребность в строительном материале. С этой целью в 1899 г. в Хайфоне была основана компания «Сосьете де симент Порт-ланд» по производству цемента (с капиталом 1,5 млн. фр.)⁶⁰. Были также сооружены кирпичные и черепичные заводы в Биен-хоа, Ханое, Дапкау, Хайфоне, Сайгоне; построены лесопильные заводы по обработке ценных пород древесины, шедшей на экспорт. В 1913 г. была создана компания «Сосьете франсез де селлюлез де папье», владевшая бумажными фабриками в Дапкау и Вьетчи.

Деятельность французского капитала в Индокитае в рассматриваемый период имела некоторые специфические особенности. Так, если в колонии Кохинхина французские капиталисты главным образом развивали плантационное хозяйство (производство риса и каучука), то в протекторате Тонкин основное внимание ими уделялось горнодобывающей и обрабатывающей промышленности. В Тонкине французские капиталисты построили спирто-водочные, лесопильные и цементные заводы, бумажные, текстильные, спичечные и табачные фабрики, судоремонтные мастерские. В Ханое и Хайфоне были построены электростанции⁶¹. Только в одном Тонкине имелось 100 небольших фабрик и заводов. В протекторате Аннам были построены спичечная фабрика и лесопильный завод в Бентхюи, железнодорожные мастерские и депо Чынг-тхи в Вине, завод по производству извести, ремонтные мастерские в Хюэ, мыловаренный завод в Куиньоне, шелкоткацкая фабрика в Фуфонге (пров. Куангнам).

Горнодобывающая промышленность в Аннаме была представлена двумя разработками: угольными шахтами в Нонгсоне и золотыми приисками в Бонгмиеу (пров. Куангнам). Среднемесячная добыча золота в 1905 г. оценивалась в 20 тыс. фр. против 7 тыс. фр. в 1904 г.⁶². Стремясь увеличить добычу золота, владельцы золотых приисков

⁵⁸ Ch. Robequain. L'evolution economique de l'Indochine francaise, с. 297; Gaston Dupouy. Etudes mineralogiques sur l'Indochine francaise, с. 432.

⁵⁹ ANSOM Indochine A-20(53). Situation politique et economique du Tonkin 1905, с. 1.

⁶⁰ Архив Музея революции Вьетнама (далее — АМРВ), ф. 1-А, д. 10, док. «Краткий обзор история текстильной фабрики в Намдвне», с. 1.

⁶¹ ANSOM Indochine A-20(57). Situation politique, economique et financiere du Tonkin, 1908, с. 24.

⁶² ANSOM Indochine A-20(53). Situation politique, economique et financiere de l'Annam 1905, с. 7—8.

увеличили свой капитал до 200 тыс. фр. с целью приобретения более совершенного оборудования. В угольных шахтах Нонгсона ежедневная добыча составляла 100 т.

В целом же Аннам оставался районом кустарных предприятий, имевших характер капиталистической мануфактуры. Крупных промышленных объектов здесь было мало. Большая их часть находилась в Тонкине и Кохинхине.

Приток французских капиталов в Индокитай, и прежде всего во Вьетнам, систематически возрастал. В течение 1888—1918 гг. в экономику Индокитая было вложено, по официальным французским данным (явно заниженным), 492 млн. золотых франков, в том числе в промышленность и горное дело — 249 млн., в транспорт — 128 млн., в торговлю — 75 млн., в сельское хозяйство — 40 млн. золотых франков⁶³. По другим, более поздним данным, в период с 1896 по 1914 г. было инвестировано 514 млн. золотых франков в виде государственных займов, а частный французский капитал здесь оценивался около 500 млн. фр.⁶⁴.

Таким образом, период с конца XIX в. и до начала первой мировой войны был ознаменован созданием условий для превращения Индокитая в аграрно-сырьевой придаток метрополии. В этот период в сельском хозяйстве Индокитая происходил хищнический захват земель колонизаторами; было положено начало плантационному хозяйству; широкие размеры приняло градостроительство, сооружение портов, мостов, дорожное строительство, расходы на которые осуществлялись главным образом за счет колониальных займов. К этому же времени относится и развитие горнодобывающей и обрабатывающей промышленности.

Переход французских империалистов к интенсивной эксплуатации Вьетнама объективно способствовал развитию капитализма в стране. «Одно из самых основных свойств империализма,— писал В. И. Ленин,— заключается как раз в том, что он ускоряет развитие капитализма в самых отсталых странах и тем самым расширяет, обостряет борьбу против национального угнетения»⁶⁵.

Начало формирования вьетнамской буржуазии

Развитие капитализма во Вьетнаме происходило в своеобразных условиях полуфеодальной и колониальной страны, в экономике которой господствовал французский капитал. Национальное производство в рассматриваемый период было развито еще весьма слабо. В основном оно было представлено мелкими объектами. Капиталистическая мануфактура встречалась довольно редко. Национальная промышленность развивалась медленно, попадая в большую зависимость от французского капитала. Слабость вьетнамских предпринимателей обусловила захват ключевых позиций экономики Индокитая французскими монополиями.

Если английские власти были вынуждены пойти на уступки индийским предпринимателям (в Бомбее), то французские власти в Индокитае сделали все, чтобы этот опыт не повторился во Вьетнаме. Не случайно генерал-губернатор Индокитая де Ланессан предупреждал об этом французских капиталистов. «Французские промышленники,— писал он,— должны остерегаться того, что произошло в Бомбее. Там ткацкие фабрики находятся в руках местных, а не английских капиталистов»⁶⁶. Колониальные власти учли это обстоятельство и постарались сосредоточить в своих руках основные отрасли экономики Вьетнама.

С первого дня захвата Южного Вьетнама, когда в стране еще не было национальных фабрик и заводов, колонизаторы приступили к строительству некоторых промышленных предприятий. Так, в 1864 г. они построили в Сайгоне судоремонтный

⁶³ Ch. Robequain. L'evolution economique de l'Indochine francaise, с. 181.

⁶⁴ H. Callis. Foreign capital in South East Asia. N. Y., 1942, с. 77.

⁶⁵ В. И. Ленин. Военная программа пролетарской революции. — Т. 30, с. 132.

⁶⁶ J. de Lanessan. L'Indochine francaise, с. 225.

завод, а с 1870 г. начали строить сахарные, рисоочистительные, маслобойные, пивоваренные, лесопильные заводы. В период захвата Северного и Центрального Вьетнама строительство фабрик и заводов частично продолжалось, усилившись к концу XIX в. Естественно, что к моменту перехода к интенсивной эксплуатации Вьетнама экономическое развитие страны уже во многом предопределялось французским капиталом, который направлял его по выгодному для себя руслу. Это обстоятельство обусловило слабость позиции вьетнамских предпринимателей, которые оказались неспособными должным образом противостоять французской экономической экспансии.

По мере развития в Индокитае капитализма углублялись и обострялись противоречия между зарождавшейся вьетнамской буржуазией и французскими империалистами. В то же время господство французского капитала во Вьетнаме не могло не сказаться на формировании местной буржуазии, часть которой уже в период завоевания стала сотрудничать с французскими предпринимателями.

Развитие капиталистического способа производства во Вьетнаме расширило внутренний рынок, требовавший большого количества товаров для растущей торговли и промышленности. Сельскохозяйственные продукты пользовались большим спросом как на внутреннем, так и на внешнем рынке. Крестьяне стали теснее связываться с рынком, что способствовало развитию товарно-денежных отношений в деревне. Одновременно отмечалась дальнейшая концентрация больших земельных наделов в руках землевладельцев. Фактически шел процесс экспроприации мелких производителей. Вьетнамские помещики продолжали активно скупать у французских властей земли, отнятые у патриотов во время колонизации. Так, в Северном Вьетнаме крупные помещики владели 17% всех посевных площадей, занятых под рисом, а в Южном Вьетнаме — 34% таких площадей. Помещики Чан Чинь Чать и Чыонг Ван Бен владели каждый по 17 тыс. га земли, занятой под рисом⁶⁷.

Параллельно процессу экспроприации мелких производителей шел процесс накопления капитала в руках местных богачей, которые были тесно связаны с французскими властями. Крупные вьетнамские землевладельцы сдавали свои земли в аренду на кабальных условиях, получая большие прибыли. Главным источником доходов служила земельная рента, которая была наиболее распространена на юге страны. Помещик, эксплуатируя наемный труд и продавая рис в большом количестве на внутреннем и особенно на внешнем рынке, получал большие доходы, служившие источником первоначального накопления. Возникновение этого процесса приходится на период колониального захвата страны и особенно на период ее активной эксплуатации французским капиталом.

Другим после земельной ренты важным источником накопления служили также поземельный и подушный налоги, собираемые вьетнамской императорской администрацией в Тонкине и в Аннаме. Кроме указанных основных налогов местные вьетнамские власти собирали различные налоги и поборы (рыночные сборы, сборы с переправ, паромов и др.). Часть этих доходов попадала вьетнамским скупщикам. Таким был Бать Тхай Бьюй, который в начале XX в. стал одним из четырех самых крупных богачей страны⁶⁸. К налоговым накоплениям относились также доходы, получаемые вьетнамскими чиновниками колониальной администрации или частных французских компаний. Из этой среды впоследствии вышли крупные предприниматели, такие, как Нгуен Ба Тинь, Ву Ван Ань, Хоан Ван Нгок и др.⁶⁹.

Капиталистическими источниками первоначального накопления во Вьетнаме стали подрядные строительные работы, которые частично начались в период захвата Вьетнама и особенно после него. Подрядчиками были чиновники, деревенские заправилы, земельные собственники, которые поставляли рабочую силу для строительства различных объектов.

⁶⁷ VSD. 1958, № 42, с. 31.

⁶⁸ Dang Thai Mai. Van tho cach mang Viet-nam dau the ky XX. Ha-noi, 1964, с. 72.

⁶⁹ М. А. Чешков. Особенности формирования вьетнамской буржуазии. М., 1968, с. 32.

Так, в провинциях Хайзыонг и Иенбай в строительстве железных и шоссейных дорог, мостов и казарм принимали участие в качестве подрядчиков вьетнамские предприниматели. Другие вьетнамские предприниматели занимались доставкой строительных материалов французской колониальной администрации для сооружения различных объектов. Одним из таких подрядчиков был Буй Хюи Тин, который ведал доставкой шпал для строительства железной дороги и принимал непосредственное участие в строительстве железных дорог.

Вьетнамские подрядчики помимо железнодорожного строительства активно участвовали в лесоразработках, городском строительстве, в постройке и ремонте дамб и ирригационных сооружений. Так, землевладельцы Нгуен Хыу Ки и Нгуен Хыу Тиеп выступали в качестве подрядчиков в строительстве ирригационных каналов. Чан Тхи Лан участвовал в строительстве Ханоя и Хайфона, Во Динь Зунг — в Далате. На севере страны действовали известные подрядчики — братья Динь Чанг и Динь Хое. На стройках последних было занято до 500 рабочих⁷⁰. Вьетнамские подрядчики действовали в различных частях страны и во многих отраслях хозяйства, они быстро богатели за счет жестокой эксплуатации рабочих и крестьян.

К началу первой мировой войны вьетнамские подрядчики оформились в буржуазную группу, которая владела значительным капиталом, вовлекая в сферу своей деятельности большое число рабочих. Эта буржуазная группа после войны сыграла важную роль в формировании вьетнамской промышленной буржуазии⁷¹.

В конце XIX и особенно в первые десятилетия XX в. начала складываться и вьетнамская торговая буржуазия. Но из-за того что китайская буржуазия была намного сильнее вьетнамской, на первых порах французские колонизаторы использовали ее в своих интересах и вместе с китайской буржуазией препятствовали развитию вьетнамской буржуазии.

Однако, ввиду того что Вьетнам все глубже втягивался в сферу мирового рынка, происходило объективное развитие вьетнамской торговой буржуазии, которая в основном вышла из числа землевладельцев и чиновников. Еще в конце XIX в., когда французские торговцы получили право монопольной торговли с Вьетнамом (1892 г.), вьетнамская буржуазия стала принимать участие в посреднических торговых операциях. Вьетнамские торговцы начали выступать в качестве агентов французских торговых компаний и фирм, получая за свое посредничество определенную часть прибылей. Будучи тесно связанными с французским капиталом и феодальным землевладением, они играли роль посредников между иностранным капиталом и местным рынком. Их представители закупали у французских компаний и фирм «Дени фрер», «Декур э Кабо», «Бой ландри» и др. различные фабричные товары, которые затем перепродавали местному населению. И наоборот, вьетнамская буржуазия скупала национальные сельскохозяйственные и ремесленные товары и перепродавала их на внутреннем и внешнем рынке. Быстрее развивалась та часть вьетнамской буржуазии, которая была связана с внутренним рынком, выполняя роль скупщика, который за счет эксплуатации мелкого-производителя богател и накапливал капитал.

В начале XX в. происходило дальнейшее развитие мелкотоварного производства и углубление общественного разделения труда, в результате чего усиливался процесс отделения ремесла от сельского хозяйства. Началась специализация районов Вьетнама по производству отдельных сельскохозяйственных культур: рис — в дельтах рек Меконга и Красной, чай и кофе — в центральных и южных провинциях Аннама, каучук — в Южном Аннаме и Кохинхине. Такая специализация способствовала дальнейшему расширению товарообмена. Крестьянское хозяйство активно втягивалось в рыночные отношения. Резко возросли посевы риса, кукурузы, сахарного тростника, шелковицы и др. Соответственно росла и торговля сельскохозяйственными продуктами. Так,

⁷⁰ Tran Van Giau. Giai cap cong nhan Viet-Nam, с. 38.

⁷¹ М. А. Чешков. Особенности формирования вьетнамской буржуазии, с. 35—36.

среднегодовой экспорт риса за 1903—1907 гг. составил 886 тыс. т, а в 1908—1912 гг. — 1055 тыс. т⁷². При этом колонизаторы за счет эксплуатации вьетнамского крестьянства наживали огромные прибыли.

Индокитай все больше втягивался в мировую торговлю. Об этом, в частности, свидетельствует постоянно увеличивавшийся торговый оборот Вьетнама с Францией. В 1888—1892 гг. среднегодовая стоимость французских товаров, ввозившихся во Вьетнам, составляла 18 млн. фр., а в 1908—1912 гг. — уже 92 млн. фр. Некоторые вьетнамские торговые компании вывозили свои товары на внешний рынок. Так, общества «Куангнам хиеп тхыонг», «На-мить» и др. на собственных судах вывозили товары национального производства в Гонконг. Торговые дома Ву Ван Аня, Дао Тхао Кона и общество «Куангнам хиеп тхыонг» торговали в стране вьетнамскими, французскими, китайскими, японскими, индийскими, индонезийскими и филиппинскими товарами. В годы первой мировой войны вьетнамские торговые компании расширили свои торговые связи с Китаем, Японией и европейскими странами. Так, компания «Куанг хынг лонг» открыла свои филиалы в Марселе и Париже. Это были первые, робкие попытки вьетнамской буржуазии выйти на мировой рынок.

Основная деятельность вьетнамской торговой буржуазии ограничивалась внутренним рынком, где она занималась продажей национальных товаров. Выход ее на мировой рынок был сильно затруднен. Французские предприниматели, пользовавшиеся монопольными правами во внешней торговле, создавали таможенные барьеры для товаров вьетнамской буржуазии, чиня различные препятствия развитию национальной торговли. Так, генерал-губернатор Индокитая Клобуковский в 1909 г. писал, что «нельзя замалчивать тот факт, что аннамские (вьетнамские.— *Авт.*) плантаторы в Кохинхине стремятся установить монопольные цены на рис. Этот факт свидетельствует о том, что туземцы стали более опытными торговцами. Но нельзя допускать того, чтобы они вышли из установленных рамок, ибо это может мешать нашему экспорту риса»⁷³.

Однако, несмотря на препятствия, чинимые колониальными властями, в начале XX в. во Вьетнаме уже существовали и продолжали возникать новые местные торговые компании, как, например, компания «Фыонг ляу» (основана в 1885 г.), занимавшаяся продажей шелка на севере и юге страны. Вьетнамские торговцы поставляли хадонгский шелк-сырец в южные провинции страны, где из него ткали шелковые ткани, которые сбывали в Северном Вьетнаме. Ткани Куиньона продавали повсюду. Другая компания — «Куангнгай» — закупала товары в провинциях Куангнам и Куангнгай с последующей перепродажей их в Сайгоне и Ханое. Компания «Лиентхань» (основана в 1906 г.) вела торговлю в Фантхиете, Сайгоне и в некоторых провинциях Камбоджи. Капитал национальных компаний постепенно рос, о чем свидетельствуют следующие данные; так, если капитал компании «Лиен тхань» в 1907 г. составлял 93 тыс. пиастров, то в 1920 г. он уже достиг 200 тыс. пиастров. Компания «Куанг хынг лонг» (создана в Ханое в 1907 г.) в год своего образования имела капитал 19 тыс. пиастров, а в 1921 г. — уже 190 тыс. пиастров⁷⁴. Компания «Куанг хынг лонг» торговала вьетнамскими товарами: металлическими изделиями, стройматериалами, тканями и др. В составе правления этой компании находились видные представители вьетнамской буржуазии (Шон Суан Хоан, Хоанг Ким Банг, Чан Зай Тхуи и др.). Эта компания закупала товары у ремесленников по собственным заказам и затем перепродавала, поставляя ремесленникам сырье.

В начале XX в. был основан ряд торговых компаний, во главе которых стояли выходцы из разночинной интеллигенции, движимой патриотическими чувствами. Дело в том, что в рассматриваемый период в стране развернулось широкое национальное движение, происходило формирование национального самосознания вьетнамского народа.

⁷² Rapport sur la navigation et le mouvement commercial de l'Indochine 1918.— Nguyen Cong Binh. Tim hieu giai cap tu san Viet-Nam. Hanoi, 1959 с. 50.

⁷³ Tran Van Qiau. Giai cap cong nhan Viet-nam, с. 81.

⁷⁴ М. А. Чешков. Особенности формирования вьетнамской буржуазии, с. 44.

Это движение вошло в историю под названием движения «Зуи Тан» («По новому пути», 1904—1912), по существу выражавшего чаяния молодой, зарождающейся национальной буржуазии.

Вьетнамское капиталистическое предпринимательство пользовалось активной поддержкой сторонников движения «Зуи Тан». Руководители этого движения занимались популяризацией всего национального, призывая к развитию национальной торговли и промышленности. Призывы сторонников движения «Зуи Тан» будили в народных массах чувство национальной гордости и патриотизма. Под влиянием этой пропаганды вьетнамские предприниматели Нгуен Куен, Хоанг Танг Би, Нгуен Динь Тан и др. основали национальные торговые предприятия: «Чиеу зыонг тхыонг куанг», «Хонг тан хынг», «Донг тхань сыонг», «Донг лой те», «Минь тан конг нге са», «Куангнам хиеп тхыонг» и др.

Но создание торговых обществ патриотическими силами из-числа мелкой буржуазии, интеллигенции и крестьян не являлось решающим фактором в формировании торговой буржуазии. Как было сказано выше, основную роль в этом играли крупные землевладельцы и чиновники, располагавшие крупными капиталами.

Таким образом, торговая буржуазия занималась скупкой и перепродажей национальных товаров на внутреннем и внешнем-рынке. Наибольшей известностью в этом деле пользовались компании «Куангнам хиеп», «Куанг хынг лонг», «Намить», «Фыонг ляу» и др., которые скупали сельскохозяйственные продукты и ремесленные изделия (рис, шелк и др.) с последующей перепродажей местному населению. Эти компании имели свои конторы в различных частях страны.

С развитием торговли усилилась работа транспорта. Количество вьетнамских торговых судов систематически возрастало; так, в 1907 г. их насчитывалось 39, в 1910 г.—135, в 1911 г.—140, в 1912 г.—198, в 1915 г.—440, в 1916 г.—523. Соответственно увеличивался их тоннаж: 258, 1872, 1870, 2957, 9255, 11817 т⁷⁵.

Импорт и экспорт Индокитая обслуживали в основном европейские торговые суда. Так, в 1912 г. во Вьетнам было ввезено около 1565 тыс. т промышленных товаров, причем 1141 т была доставлена на вьетнамских судах. В том же году из Вьетнама было вывезено более 1521 тыс. т товаров, в том числе на вьетнамских судах — всего 1810 т. Вьетнамские торговые суда занимали незначительное место в обслуживании импорта и экспорта. Они более активно действовали в каботажном плавании: возили товары с севера на юг страны и обратно.

Процесс обогащения вьетнамских торговых компаний сопровождался разорением десятков и сотен мелких торговцев, в результате чего создалась группа крупной торговой буржуазии как особая социальная прослойка вьетнамской буржуазии. Эта группа была тесно связана как с французским империализмом, так и с вьетнамским феодализмом. В рассматриваемый период активную роль в накоплении капитала играл денежно-торговый капитал. Усилились ростовщические операции — заем под залог земли. В годы первой мировой войны особенно активизировал свою деятельность ростовщический капитал. Безземельный арендатор получал от помещика-ростовщика ссуды и натурой и деньгами⁷⁶. Земельный собственник-ростовщик безжалостно эксплуатировал безземельного крестьянина-арендатора, наживая большие барыши. На юге Вьетнама в роли ростовщика чаще всего выступал землевладелец, на севере и в центре — деревенские старосты и зажиточные крестьяне, а также местные чиновники. Из всех источников первоначального накопления капитала ростовщические операции приносили больше доходов, нежели торговля и подряды. Наряду с формированием буржуазии в городах и ремесленных центрах происходило интенсивное проникновение товарно-денежных отношений во вьетнамскую деревню, что ускорило процесс развития в деревне капиталистических отношений и в конечном счете привело к появлению кулачества. Большой спрос на рис

⁷⁵ Nguyen Cong Binh. *Tim lieu*. с. 41, 70.

⁷⁶ М. А. Чешков. Особенности формирования вьетнамской буржуазии с. 49, 55.

и другие сельскохозяйственные продукты приносил крупные доходы помещикам и кулакам, безжалостно эксплуатировавшим трудовой народ деревни⁷⁷. Кулаки выдавали денежные ссуды под высокие проценты. Для уплаты долгов крестьяне вынуждены были продавать сельскохозяйственные продукты, скот и землю и разорялись. Им ничего не оставалось, как идти в город на заработки или наниматься батраками к помещику или кулаку. Многие разорившиеся крестьяне, уходившие в город на заработки, не могли найти работу и после долгих бесплодных скитаний вынуждены были возвращаться в родные места, где арендовали на кабальных условиях землю у помещика или становились батраками, пополняя ряды сельскохозяйственных рабочих. Кулак в рассматриваемый период широко прибегал к найму рабочей силы для работы на рисовых полях или на плантациях сахарного тростника. Таким образом, с развитием капитализма в деревне происходило сильное расслоение сельского населения: с одной стороны, формировалась сельская буржуазия в лице кулака, а с другой — сельский пролетариат в лице батрака.

В рассматриваемый период шел процесс формирования буржуазии мануфактурного типа и в ремесленном производстве. Заметное развитие получили шелкопрядильная, гончарная, рисо-очистительная, мебельная и другие отрасли производства. В начале XX в. во Вьетнаме наблюдался переход от простой капиталистической кооперации к капиталистической мануфактуре, которая основывалась на ремесленной технике и разделении труда между наемными рабочими.

Из среды ремесленников выделились некоторые зажиточные мастера, которые использовали в своих мастерских рабочую силу. В провинциях Хадонг, Биньдинь, Фукиен, Тяудок, Лонгсуен были основаны текстильные мануфактуры. Так, в деревне Лакхе провинции Хадонг насчитывалось свыше 200 станков, которые были рассредоточены по мелким мастерским. Ткачи, работавшие в мастерских Лакхе, были жителями соседних деревень: Шау, Зя, Шонг и др. Такие ткацкие мастерские имелись также в Ханое (владелец Нгием Суан Конг), в Тхайбине, Киенане, Ханаме, Хынгиене, Виньиене⁷⁸. На севере страны появились национальные компании «Донгить» и «Донглой» по производству и продаже шелка. Так, общество «Донглой» в Тхайбине производило шелковые нитки. Оно субсидировало деньгами лиц, разводивших тутовые деревья и шелковичных червей. Это общество скупало у них продукцию по заниженным ценам. Многие лица, ранее самостоятельно занимавшиеся разведением шелковичных червей, впоследствии стали наемными рабочими упомянутой компании.

К началу первой мировой войны вьетнамские предприниматели владели более чем десятью крупными шелкоткацкими мастерскими. В гончарном производстве, имевшем характер капиталистической мануфактуры, было занято большое число наемных рабочих. Так, владелец гончарного производства в Батчанге (пров. Бак-нинь) в среднем нанимал 40 рабочих на каждую печь. Эти рабочие являлись не только представителями местного населения, но и выходцами из других сел провинций Бакнинь, Намдинь и Тхайбинь. По материалам управления индокитайской торговли, в 1907 г. в Батчанге функционировало 17 гончарных мастерских, ежемесячно производивших до 350 тыс. единиц различных товаров. В уезде Дыктхо, где в гончарном производстве также использовались наемные рабочие, каждую печь обслуживало 10—12 человек.

Мастерские по производству циновок размещались в провинциях Ниньбинь, Тхайбинь, Баклиеу, Ратьзя, Танан. В провинции Ниньбинь имелись три мастерские, принадлежавшие вьетнамским капиталистам, и три китайские мастерские. В 1906 г. в Тхайбине была основана компания «Нам фонг», которая не только производила циновки для внутреннего пользования, но и экспортировала их за границу.

Вьетнамским предпринимателям принадлежали 72 рисоушки, 30 судоремонтных мастерских, 8 предприятий по обработке кожи (в Чунгламе, Ванламе, Фьонгламе, Ханое и других местах), 5 кирпичных заводов, 40 лесопилен, 25 механических и металло-

⁷⁷ VSD, 1968, № 42, с. 31.

⁷⁸ ANSOM Indochine A-20(57). Situation politique, economique et financiere du Tonkin 1908, с. 24.

обрабатывающих мастерских, а также мыловаренные, маслобойные, спирто-водочные и другие предприятия. Накануне первой мировой войны значительно расширилось производство плетеных изделий из бамбука: шляп, циновок и др.⁷⁹.

Разумеется, не все перечисленные промышленные предприятия носили капиталистический характер. Часть таких предприятий можно отнести к ремесленному производству, другая часть находилась на этапе простой капиталистической кооперации. Так, рабочие предприятий по производству сахара в Куангнаме и Куангнгае и некоторых шелкопрядильных мастерских, на которых еще не было четкого разделения труда, получали одинаковую зарплату независимо от квалификации⁸⁰. Другие предприятия можно отнести к капиталистической мануфактуре, как, например, гончарное производство в Батчанге, Дыктхо, Тханьхоа (созданное в 1908—1910 гг.); шелкоткацкие мастерские в Лакхе, в Биньдине; рисоочистительные предприятия, основанные в 1913 г. Нгуен Тхань Лиемом; сахароварня, открытая в 1912 г. в Сайгоне—Телоне; маслобойное предприятие, принадлежавшее Чыонг Ван Бену; металлообрабатывающие мастерские, медеплавильное предприятие в Кохинхине (в Кхилоке); механическая мастерская в Хайфоне. Вьетнамскому капиталу принадлежали транспортная компания «Хынгки» в Ханое, парходная компания Бать Тхай Бюоя и ряд типографий. К началу первой мировой войны мануфактуристы уже представляли важную прослойку вьетнамского общества. Но крупных предпринимателей-промышленников были единицы, и они еще не составляли самостоятельной группы буржуазии⁸¹.

Плантационное хозяйство в ряде случаев имело капиталистический характер. По мере роста спроса на резиновые изделия: стали создаваться многочисленные компании по производству каучука. В 1911 г. во Вьетнаме и Камбодже насчитывалось более 50 каучуковых компаний с общей площадью 6 тыс. га. Большая часть плантационных хозяйств принадлежала французским компаниям. Так, французский плантатор Сюзанналь владел каучуковой плантацией, имевшей 192 тыс. каучуконосов, Куртеней имел 150 тыс. каучуконосов, Вейе и Бонефой — 56 тыс., Одуе — 10 тыс., Бюсси — 20 тыс. и т. д.⁸². Наряду с крупными плантациями существовали и небольшие каучуковые плантации, принадлежавшие местным, вьетнамским предпринимателям. Однако последние занимали незначительные площади, хотя самый крупный вьетнамский плантатор Ле Фат Ань владел в 1911 г. 30 тыс. каучуконосов. Остальные плантаторы владели небольшими плантациями, на которых использовался труд наемных рабочих. Несмотря на то что вьетнамские предприниматели не играли сколько-нибудь значительной роли в плантационном хозяйстве, их деятельность причиняла французским властям большое беспокойство. Так, французский инспектор по лесному хозяйству и торговле Брейе выразил сильное беспокойство по поводу появления вьетнамских плантаторов. Он, в частности, указывал: «Были созданы небольшие компании по производству каучука в районе Сайгона. Китайцы и вьетнамцы вкладывают свои капиталы в каучуковое хозяйство, что может угрожать интересам французских монополий»⁸³.

Упомянутые выше национальные промышленные предприятия по своим масштабам были небольшие и плохо оборудованы, что объяснялось тем, что национальная буржуазия была значительно слабее французской и китайской и, как правило, не в состоянии была приобрести более современное машинное оборудование. Французские капиталисты ввозили во Вьетнам машины, станки, электромоторы, паровые котлы. Так, в 1897 г. в страну было ввезено различного оборудования на сумму 11119 тыс. фр., а в 1913 г. — на 31 569 тыс. фр.⁸⁴. Последнее предназначалось главным образом для

⁷⁹ «Le Courrier d'Haiphong», 18 fevrier 1913.

⁸⁰ VSD. 1958, № 42, с. 32.

⁸¹ М. А. Чешков. Особенности формирования вьетнамской буржуазии, с. 76.

⁸² VSD. 1958, № 42, с. 36.

⁸³ Tran Van Giau. Giai cap cong nhan Viet-Nam, с. 54.

⁸⁴ VSD. 1958, № 42, с. 33.

французских предприятий, однако часть его продавалась и вьетнамским предпринимателям. Вьетнамская буржуазия закупала машинное оборудование и во Франции, однако невысокого качества и не последней марки, хотя она и стремилась оснастить производство машинной техникой французского производства. Так, сайгонский капиталист Нгуен Ван Виет закупил в 1912 г. оборудование для своей типографии и авторемонтных мастерских. Другой капиталист, Ле Фат Тан, в том же году оборудовал паровыми машинами в Тхайбине шелкопрядильную фабрику «Донглой»; предприниматель Нгуен Тхань Лиём в Анхоа (пров. Митхо) оснастил рисоочистительный завод новыми машинами, в результате чего ежедневный выпуск продукции возрос до 8 т. В целом к началу первой мировой войны среди вьетнамских предпринимателей отмечалось стремление оснастить свои предприятия новой техникой, что делалось ради дополнительных прибылей, однако основным средством обогащения по-прежнему оставалась жестокая эксплуатация рабочих при широком использовании дешевого женского и детского труда. Так, на шелкопрядильной фабрике «Донглой» в Тхайбине и на ткацкой фабрике в Сайгоне, принадлежавшей Ле Фат Виню, работали преимущественно женщины и дети, зарплата которых была вдвое ниже зарплаты мужчин⁸⁵.

Вьетнамская буржуазия богатели также за счет разорения многочисленных мелких производителей. Она предоставляла им ссуды, снабжала сырьем и закупала у них товары по низкой цене, а затем перепродавала их по более высоким ценам. Так, владелец шелкопрядильной фабрики «Донглой» в Тхайбине предоставлял ссуды лицам, занимавшимся разведением тутовых деревьев, заставляя их за это продавать ему коконы⁸⁶. Различные формы участия вьетнамской буржуазии в эксплуатации трудящихся, в свою очередь, создавали условия накопления ею капитала. Однако слабость и зависимость вьетнамской буржуазии от французского капитала толкали ее к сотрудничеству с французскими монополиями и китайскими компаниями, в чем последние также были заинтересованы, ибо получали высокие прибыли от эксплуатации многочисленных мелких товаропроизводителей-ремесленников посредством поставки сырья, сбыта готовой продукции и неэквивалентного торгового обмена. Еще до первой мировой войны во Вьетнаме возникли торгово-промышленные компании вьетнамской буржуазии. Компания «Куанг хынг лонг» в начале своей деятельности скупала продукцию ремесленников, которую затем перепродавала местному населению, а также доставляла сырье производителям. Позднее мелкие производители, работавшие по заказам компании, постепенно утратили свою самостоятельность и превратились в наемных рабочих. Указанная компания стала заниматься одновременно и торговлей, и заготовкой, и изготовлением сельскохозяйственных орудий и строительных материалов, превратившись таким образом в промышленное предприятие⁸⁷. Аналогичное положение отмечалось и с другими вьетнамскими торговыми компаниями — «Куанг хоп ить», «Донгить», «Хынг нгиеп хой» и др. Интересно отметить, что основателями упомянутых торговых компаний вначале были крупные землевладельцы и чиновники, которые на первых порах вкладывали свои капиталы в торговые компании, а впоследствии — в промышленное производство.

Процесс превращения торговцев в промышленных капиталистов происходил и в центральных провинциях Вьетнама (Аннам). Такие торговые компании, как «Куангнам хиеп лау», «Фыонг ляу», по мере своего обогащения открывали промышленные предприятия. Буржуазия Центрального Вьетнама занималась производством кокосового масла, сахара и добычей соли. Вьетнамским капиталистам принадлежали текстильные мастерские в Куангнаме и Биньдине. Владелец торговой компании «Нам хынг нгиеп хой» Нгуен Тан основал текстильные предприятия, включая шелкокрашенные мастерские в Куангнаме.

⁸⁵ Nguyen Cong Binh. *Tim hieu...* с. 55.

⁸⁶ VSD. 1958, № 42, с. 43.

⁸⁷ VSD. 1958, № 42, с. 28.

В Кохинхине компания «Льентхань» занималась вначале торговлей ньюок-мамом, а затем и его производством. Быстро богатея, эта компания значительно расширила сферу своей деятельности: кроме Сайгона она открыла свои отделения в Фантхиете, Куангнаме, Нгеане.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в начале XX в. и особенно накануне первой мировой войны вьетнамская торговая буржуазия уже не ограничивалась только посредническими операциями, а активизировала свою деятельность и в сфере промышленного производства. Особенностью вьетнамской буржуазии была ее тесная связь с землей. Некоторые ее представители выступали и как промышленные капиталисты, и как торговцы, и как землевладельцы, эксплуатировавшие крестьян при помощи арендной платы. Именно этим объясняется тот факт, что вьетнамская буржуазия не могла решительно и окончательно порвать ни с империалистами, ни с феодалами.

Но по мере развития капитализма землевладельцы, использовавшие вначале свои средства в торговле, затем начали вкладывать их в промышленное производство. Так, часть крупных землевладельцев Южного Вьетнама вкладывала свои капиталы в строительство лесопильных, кирпичных и рисоочистительных заводов, другие — в торговлю. Некоторая часть помещиков одновременно занималась и торговлей, и предпринимательской деятельностью. Землевладельцами, например, были хозяева торговых компаний «Куангнам хиеп», «Тхьонг конг ти» и «Фьонг ляу». Помещик Тхьонг был владельцем компании «Нам фонг» по производству циновок в Тхайбине, а помещик Нгуен Суан Куанг стал одновременно владельцем компании «Куанг хоп ить». Из сказанного явствует, что характерной чертой вьетнамской промышленной буржуазии была ее связь с крупной полуфеодальной земельной собственностью. Но были случаи, когда капиталисты появлялись из среды ремесленников. По мере развития кустарного производства и крестьянских промыслов происходило расслоение и разорение мелких производителей. Разбогатевшие мастера уже не принимали непосредственного участия в производственном процессе, становясь мелкими буржуа. Так, хозяин одной мастерской в Лакхе (пров. Хадонг) владел пятью станками и имел в своем распоряжении 20 рабочих, в прошлом ремесленников той же деревни⁸⁸.

Подобным же образом появились капиталисты и в гончарном производстве Батчанга (пров. Бакнинь). Именно в Тонкине, где ремесленное хозяйство больше всего было развито, отмечались случаи появления капиталистов из среды ремесленников, хотя такие случаи были единичными. К Вьетнаму рассматриваемого периода вполне применимо положение, высказанное В. И. Лениным о развитии капитализма в России: «Мелкое товарное производство и мануфактура характеризуются преобладанием мелких заведений, из которых выделяются лишь немногие крупные»⁸⁹.

Итак, до первой мировой войны вьетнамская буржуазия еще не оформилась как класс, она существовала лишь как прослойка во вьетнамском полуфеодальном колониальном обществе. Но процесс формирования вьетнамской буржуазии активизировался, уже существовали различные буржуазные группы и слои. Наиболее слабой группой были промышленники, только начавшие складываться и занимавшие самые незначительные позиции в экономике стран. Эти последние были тесно связаны с колониальным капиталом.

Воздействие французского капитала на процесс формирования вьетнамской буржуазии было основополагающим. Промышленная буржуазия не имела финансово-кредитной базы в виде национального банка внутри страны. Местные фабриканты полностью зависели от французских банков, и в частности от Индокитайского банка, который не всегда предоставлял им необходимые ссуды. Французские промышленные предприятия превосходили вьетнамские фабрики по численности занятых на них рабочих, по техническому оснащению и по объему производственной продукции. Французские

⁸⁸ Nguyen Cong Binh. Tim hieu... с. 60.

⁸⁹ В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. - Т. 3, с. 544.

монополии, опираясь на поддержку колониальной администрации, делали все возможное, чтобы ослабить позиции национальной буржуазии, отдельные группы которой нередко терпели банкротство и разорение. Французский капитал служил тормозом развития национальной буржуазии.

Более всего зависели от французских монополий те слои вьетнамской буржуазии, деятельность которых была связана с кредитными кооперативами, а также группа промышленной буржуазии, участвовавшая в смешанных франко-вьетнамских компаниях. Эти слои буржуазии под воздействием французского капитала утрачивали в значительной степени свой национальный характер и оказывались неспособными выражать интересы всех слоев и групп вьетнамской буржуазии. Влияние французского монополистического капитала испытала на себе и компрадорская буржуазия, которая в южных районах страны была значительно сильнее компрадорской буржуазии центральных и северных провинций Вьетнама. Эту буржуазию представляли главным образом китайцы и индийцы, вьетнамские же компрадоры были немногочисленны. Можно считать, что до первой мировой войны почти отсутствовали вьетнамские компрадоры, за исключением небольшого числа подрядчиков, которые выполняли роль компрадоров. Напротив, китайские компрадоры занимали важные позиции в торговле, они поддерживали тесную связь с Индокитайским и Франко-китайским банками, являясь серьезным конкурентом для вьетнамской буржуазии. Индийская компрадорская буржуазия занималась преимущественно торговлей текстильными товарами и ростовщицеством. Она имела связи с Индийским банком. Как китайская, так и индийская буржуазия совместно с французскими монополиями тормозили развитие вьетнамской буржуазии.

Слабые экономические и политические позиции вьетнамской буржуазии в период, предшествовавший первой мировой войне, естественно, не могли не сказаться на ее роли в национально-освободительном движении рассматриваемого периода. Более того, следует учитывать и тот факт, что противоречия между вьетнамской буржуазией и французскими империалистами еще только назревали. Наиболее острую форму они приняли лишь во время первой мировой войны и в последующие годы.

Формирование первых отрядов промышленного пролетариата

Классики марксизма-ленинизма рассматривали пролетариат как историческую категорию, которая возникла и развивалась вместе с развитием капитализма. История формирования рабочего класса в их трудах связывается с зарождением в недрах феодализма капиталистических отношений. Этот этап имеет большое значение для последующего развития пролетариата, ибо в это время происходит созревание исторических условий для зарождения фабрично-заводского пролетариата.

В условиях Вьетнама предпосылки зарождения пролетариата складывались на протяжении XVIII—XIX вв., в течение которых происходило медленное разложение феодального способа производства и назревание элементов нового, капиталистического способа производства.

До французского вторжения элементы капиталистических отношений имели место лишь в отдельных отраслях национальной промышленности, в целом же доминировало простое мелкотоварное производство крестьян и ремесленников. Развитие ремесленного хозяйства явилось важным фактором в формировании всевьетнамского рынка. Этому способствовали торговцы-скупщики, привозившие закупленный оптом товар в самые отдаленные уголки страны. Можно предположить, что в XVIII — начале XIX в. во Вьетнаме происходило слияние небольших уездных рынков в провинциальные рынки и рынки в масштабе отдельных частей страны. Последнее создавало благоприятные условия для формирования всевьетнамского рынка.

Наиболее важными явлениями в социально-экономической жизни Вьетнама накануне французского завоевания было применение наемного труда. Однако в целом в

рассматриваемый период социально-экономическое развитие этой страны находилось еще на стадии мелкотоварного производства. Господствующее положение в стране по-прежнему занимали феодальные отношения.

Наем рабочей силы производился, например, в гончарном производстве. Использование значительного числа наемных рабочих можно считать важным моментом развития капиталистических отношений.

Среди многочисленных мастерских, разбросанных по всей стране, по своим размерам особенно выделялись шелкоткацкие мастерские провинций Хадонг, Биньдинь, в которых применялся наемный труд. В 1873 г. французский предприниматель Жан Дюпюи отмечал наем рабочей силы в шелкоткацком и шелкопрядильном производстве. Ежедневная зарплата рабочих составляла в то время 0,3 фр.⁹⁰

Другой француз, преподаватель коллежа в Нанси Жэнэн, также подтверждал существование свободного найма рабочей силы в шелкопрядильном производстве и денежную оплату труда рабочих. В 1881 г. в провинции Биньдинь, где было развито текстильное производство, имелось 34 ткацких станка, на каждом из них работало 3—4 человека⁹¹. Всего в этих мастерских было занято 100—150 рабочих. В шелкоткацком производстве провинции Биньдинь широко применялся женский и детский труд, который по сравнению с мужским трудом оплачивался очень низко. Детям платили 3,5 су, а женщинам — 7 су.

В шелкоткацких мастерских Хадонга также использовалась наемная рабочая сила. Так, ремесленники деревни Ванфук (уезд Хайдык), занимавшиеся шелкоткачеством, нанимали для работы крестьян из деревень Куезыонг (уезд Данфьюнг) и Фуккуан (уезд Хынгхоа). В деревне Лакхе имелись шелкоткацкие мастерские, насчитывавшие 50 станков, которые обслуживало более 100 рабочих. Наем рабочей силы имел место и в ряде других отраслей ремесленного производства, но в весьма ограниченном масштабе.

Следует отметить, что наем рабочей силы производился и в горнорудных промыслах, где основную рабочую силу составляли солдаты, крестьяне и ремесленники. Кроме того, из числа китайских эмигрантов осуществлялся свободный наем специалистов по выплавке металла⁹².

Невозможно определить общую численность наемных рабочих на горнорудных промыслах или в государственных и частных мастерских ввиду полного отсутствия таких данных. Можно лишь привести отдельные цифровые данные по некоторым рудникам и мастерским, да и то трудно определить, какая часть работала по найму, а какая — по трудовой повинности. На горнорудных промыслах работало много крестьян, солдат и ремесленников. Так, в 1827 г. для работы на золотом прииске Тьендан (пров. Куанг-нам) было завербовано 300 крестьян из окрестных районов. Сюда же было направлено 300 солдат и 200 крестьян. Число добытчиков достигло 1000 человек. В 1833 г. золотой прииск Тьенкиеу (пров. Туенкуанг) был расширен, число занятых на нем человек достигло 3122, из которых 1820 человек были солдатами и 1302 человека — наемными старателями. В 1834 г. ведомство финансов и общественных работ направило своих чиновников с отрядом в 30 солдат и с тремя мастерами в провинцию Куангнам для налаживания добычи цинка⁹³. Губернатор указанной провинции дополнительно завербовал 500 рудокопов на том месте, где была организована выплавка цинка с использованием каменного угля.

В начале XIX в. в государственных судоремонтных мастерских работало 8 тыс. человек⁹⁴. Сколько из них работало по найму, неизвестно. В 1872 г. в провинции Нгеан

⁹⁰ H. Thuveau. Le Tonkin, colonie française. P., 1883, с. 89; Nguyen Gong Binh. Tim hifeu... с. 25.

⁹¹ L'Industrie sericole en Annam d'après les rapports de M. M. les Residents de France a Phuyen et a Qui-nhon. Hanoi, 1889, с. 8.

⁹² NCLS. 1963, № 52, с. 50.

⁹³ Там же, с. 48.

⁹⁴ Ch. B. Maybon. Histoire moderne... с. 368.

было отлито 500 пушек и изготовлено 2 тыс. ружей. Эта провинция всегда славилась своими оружейными мастерскими и оружейниками. Но определить, сколько рабочих работало в этих мастерских по найму, также не представляется возможным. Во Вьетнаме в рассматриваемый период имелись многочисленные государственные и частные ювелирные, строительные, обувные мастерские, по изготовлению одежды и т. д., в которых работали тысячи рабочих⁹⁵.

Приведенные сведения о численности рабочих, занятых в горнорудных промыслах и ремесленном производстве, бесспорно, не дают полной картины численности наемных рабочих. Однако исследование указанных материалов приводит к выводу, что до французского захвата во Вьетнаме уже имел место свободный наем рабочей силы как в ремесленном производстве, так и в горнорудных промыслах, однако в ограниченных размерах в соответствии с уровнем развития капиталистических отношений.

Завоевание Вьетнама французскими колонизаторами сопровождалось захватом крестьянских земель, что вело к концентрации в руках колониальных властей больших земельных фондов и разорению сотен тысяч крестьян на юге, в центре и на севере страны. Разоряя крестьян, колонизаторы тем самым способствовали созданию условий для складывания рынка рабочей силы.

В рассматриваемый период наем рабочей силы расширился как на промышленных предприятиях колонизаторов, так и в национальном ремесленном и мануфактурном производстве. Империалисты основывали различные строительные компании, занимавшиеся градостроительством, строительством дорог и мостов для проникновения в глубь страны. Строительство велось главным образом по государственной линии и преследовало цель удовлетворить нужды завоевателей. Деятельность частных французских предпринимателей была ограничена военными действиями. В 1862 г. в Сайгоне было построено 200 домов, в 1864 г. был реконструирован Сайгонский порт, а в 1885—1886 гг. — Хайфонский. В 1885 г. началось широкое строительство жилых домов, государственных учреждений, казарм и тюрем в Ханое и других городах Вьетнама. Для строительства указанных объектов потребовалась большая рабочая сила. Колониальные власти в 1864—1866 гг. в Сайгоне построили крупный судоремонтный завод «Башон», который состоял из многих цехов: корпусный, токарный, столярный и др. Этот завод не только ремонтировал, но и строил морские военные суда. Были построены небольшие фабрики и заводы, в частности: шелкопрядильная (1867 г.) и текстильная (1876 г.) фабрики; маслобойный (1867 г.), сахарный (1869 г.), рибоочистительный (1870 г.), пивоваренный (1874 г.), лесопильный (1881 г.) заводы⁹⁶. Добыча каменного угля производилась на шахтах Хонгая и Кайбау, где было занято 4 тыс. рабочих⁹⁷. В 1900 г. действовали три электростанции — в Сайгоне, Хайфоне и Ханое, мощность которых была незначительной. Электроэнергия в основном шла на удовлетворение бытовых нужд колонизаторов и мало использовалась в промышленности. На указанных промышленных предприятиях были заняты тысячи промышленных рабочих. Однако эти предприятия были слабо оснащены техникой, паровых машин на французских предприятиях было мало. Так, в 1881 г. на всех фабриках и заводах насчитывалось всего 16 машин⁹⁸. В рисоочистительной промышленности, занимавшей важное место в экономике, из 200 предприятий 191 работало на примитивной технике и только девять предприятий являлись относительно крупными, на которых были установлены паровые машины.

Основную рабочую силу составляли разорившиеся крестьяне, ремесленники, а также мелкие городские торговцы, которые преимущественно использовались на французских государственных и частных предприятиях, на плантациях, транспорте и на различного рода сезонных работах, обслуживавших нужды колонизаторов. На

⁹⁵ Minh Tranh. Tim hieu lich su phat trien xa hoi Viet-Nam. Ha-noi, 1957. с. 169.

⁹⁶ Tran Van Giau. Giai cap cong nhan Viet-Nam, с. 28; VSD. 1958, № 41, с. 35.

⁹⁷ The Vietnamese Trade Unions. DRVN. Hanoi, 1976, № 43, с. 18.

⁹⁸ NCLS. 1961, № 24, с. 60.

французских фабриках и заводах в рассматриваемый период, появляются первые промышленные рабочие, численность которых была весьма незначительной, в связи с чем они еще не составляли серьезный отряд промышленного пролетариата.

Наряду с наймом рабочей силы для промышленных предприятий власти широко использовали принудительный труд крестьян и ремесленников, которых они вербовали в качестве кули. Еще в марте 1863 г. колониальные власти Кохинхины издали указ, определявший положение кули, занятых на различных работах в Сайгоне и его окрестностях. В соответствии с этим указом губернатор нес ответственность за руководство работой кули, занятых на частных или государственных предприятиях Сайгона. Вербовкой кули из числа крестьян для нужд колониальных властей занимались волостные власти, а вербовка кули из числа ремесленников осуществлялась при посредстве ремесленной корпорации (фьонг). Они же отвечали за доставку кули на место работы⁹⁹. В целях лучшей организации труда и более эффективного контроля все завербованные таким путем кули разбивались на группы; во главе группы численностью от 10 до 100 человек стоял зыть-чюнг; группой в составе от 100 до 1000 человек руководил шуат-конг; группой большей численности командовал тонг-зить.

Наем рабочей силы все шире использовался и на вьетнамских предприятиях. В 1866 г. в Биенхоа были открыты мануфактурные предприятия по производству кирпича, черепицы и джонок, которые размещались в районе Лаогат, на берегу р. Донгнай. В Тхузаомоте функционировало 15 специализированных мастерских по производству джонок на продажу. Мануфактуры капиталистического типа существовали в 1882 г. в Телоне, Митхо, Шадеке. Тяудоке, Ратьзя, Тэйнине и др.¹⁰⁰. Мы не располагаем точными данными о численности мануфактурных рабочих. Однако следует отметить, что до конца XIX в. число мануфактурных рабочих на вьетнамских предприятиях было незначительным.

В период захвата Вьетнама национальная промышленность главным образом представляла собой мелкотоварное производство и в ряде случаев имела характер капиталистической мануфактуры, что дает основание назвать рабочих, обслуживавших это производство, наемными мануфактурными рабочими.

Ф. Энгельс в работе «Принципы коммунизма», указывая на серьезное качественное различие между наемным и мануфактурным рабочим, с одной стороны, и промышленным пролетарием — с другой, писал: «Мануфактурный рабочий XVI—XVIII веков почти повсюду владел еще орудиями производства: своим ткацким станком, прялкой для своей семьи и маленьким участком земли, который он возделывал в свободные от работы часы. У пролетария ничего этого нет. Мануфактурный рабочий живет почти всегда в деревне и находится в более или менее патриархальных отношениях со своим помещиком или работодателем. Пролетарий большей частью живет в больших городах и с работодателем его связывают чисто денежные отношения. Крупная промышленность вырывает мануфактурного рабочего из его патриархальных условий; он теряет последнее имущество, каким еще обладал, и только тогда превращается в силу этого в пролетария»¹⁰¹.

До конца XIX в. во Вьетнаме наличествовали мануфактурные рабочие и частично промышленные рабочие на французских фабриках и заводах. Вьетнамские рабочие были тесно связаны с землей, находясь в патриархальных отношениях со своим работодателем. Наем еще существенно отличался от свободного найма рабочей силы в условиях фабрично-заводского производства. К началу активной эксплуатации Вьетнама французским капиталом на всех промышленных предприятиях Вьетнама насчитывалось до 10 тыс. рабочих¹⁰².

⁹⁹ J. Bouchot. Documents pour servir... с. 370.

¹⁰⁰ VSD. 1958, № 41, с. 29.

¹⁰¹ Ф. Энгельс. Принципы коммунизма.— Т. 4, с. 326.

¹⁰² NCLS. 1961, № 24, с. 60.

Таким образом, во второй половине XIX в., в период начала частичной эксплуатации страны французским капиталом, процесс формирования рабочего класса был связан не столько с возникновением и развитием вьетнамской буржуазии, сколько с эксплуатацией людских и материальных ресурсов страны французским капиталом. Этот фактор приобрел особо важное значение в конце XIX в., когда французский капитализм вступил в империалистическую стадию своего развития. Именно этот период можно считать завершением эмбрионального существования вьетнамского пролетариата и началом создания первых отрядов промышленного пролетариата, т. е. началом формирования современных фабрично-заводских рабочих.

Индустриальные рабочие появились во Вьетнаме на рубеже XIX и XX вв., в период перехода от капитализма свободной конкуренции к монополистическому капитализму, к высшей стадии капитализма — империализму, когда «Запад с буржуазными революциями покончил. Восток до них не дорос»¹⁰³. В указанный период колонизаторы смогли захватить Вьетнам, Лаос и Камбоджу и подавить основные повстанческие выступления, а также создать полицейско-бюрократический аппарат колониальной администрации. Вслед за этим колонизаторы приступили к систематическому расхищению национальных богатств, ограблению и эксплуатации трудового народа.

В конце XIX в. французские империалисты начали интенсивную эксплуатацию Вьетнама (строительство дорог, коммуникаций, портов, создание плантационных хозяйств), а также разработку полезных ископаемых: угля, цинка, олова и др. С развитием горнодобывающей промышленности шло строительство городов и промышленных предприятий. Появились текстильные, спичечные, бумажные фабрики, цементные, рисоочистительные и лесопильные заводы. Именно в это время возникли первые контингенты индустриальных наемных рабочих, в своем подавляющем большинстве выходцы из крестьян, ремесленников, разорившихся в ходе колониальных захватнических войн и умирительных операций.

Как известно, эволюция пролетариата в любой стране тесно связана с эволюцией ее промышленного развития. На первом этапе эксплуатации французским капиталом Вьетнама там значительно расширился рынок рабочей силы, чему в известной мере способствовали усиление имущественной дифференциации крестьянских масс, разорение товаропроизводителя и захват у крестьян земель. Захват крестьянских земель породил колоссальную армию безземельных разорившихся крестьян, многие из которых вынуждены были уходить в города, где они нанимались в качестве рабочих на империалистические предприятия.

Рабочий класс пополнялся также за счет ремесленников, ибо широкое строительство во Вьетнаме иностранных промышленных предприятий и ввоз французских товаров приводили к разорению многих отраслей национального ремесла, а занятых в них ремесленников — к безработице.

Развитию рынка рабочей силы способствовала постоянная миграция рабочих. Главными районами миграции были Тонкин (провинции Футхо, Виньфук, Шонтэй, Тхайбинь, Хайзыонг и др.) и северные провинции Аннама (Тханьхоа, Нгеан и Хатинь). Благодаря миграции рабочих появились довольно многочисленные местные рынки рабочей силы, географические границы которых совпадали с промышленными центрами страны, такими, как Ханой, Вьетчи, Хайфон, Хонгай, Намдинь, Винь, Дапкау, Туран, Сайгон—Телон и др.

В связи с систематическим разорением крестьян, ремесленников и других слоев населения создавалась огромная резервная дешевая рабочая сила. Колониальные власти также использовали территориальное дробление Вьетнама (на протектораты Аннам, Тонкин и колонию Кохинхину) в своих корыстных целях, дабы обеспечить себе избыточную дешевую рабочую силу. Так, рабочую силу для огромных рисовых плантаций

¹⁰³ В. И. Ленин. Исторические судьбы учения Карла Маркса.— Т. 23, с. 2.

в дельте р. Меконг и каучуковых плантаций на востоке Кохинхины в районе «красных земель» вербовали преимущественно на севере страны. Тонкин и северные провинции Аннама, будучи сильно перенаселенными, составляли огромный резерв дешевой рабочей силы.

Эксплуатация вьетнамских рабочих империалистами осуществлялась в трех формах: в форме свободного найма, найма по контракту и в форме принудительного труда.

Эксплуатация рабочих в условиях свободного найма осуществлялась на фабриках, заводах и шахтах, т. е. на промышленных предприятиях. Указанная форма эксплуатации рабочих имела ограниченный характер, что обуславливалось тогдашними нуждами промышленности. Главным объектом такого найма являлись квалифицированные рабочие крупных промышленных городов.

Персональный наем рабочих носил свободный и относительно прогрессивный характер по сравнению с другими формами найма. Однако во Вьетнаме рассматриваемого периода право свободной продажи своего труда все еще находилось под воздействием феодальных пережитков. Рабочие подвергались телесным наказаниям и оскорблениям, находясь под неусыпным контролем со стороны надзирателей и надсмотрщиков. Рабочие с большим опозданием получали зарплату, а ученики в течение всего периода ученичества не получали ее вовсе. На капиталистических предприятиях был широко распространен такой феодальный пережиток, как подношение надсмотрщику, мастерам и хозяину подарков.

Условия труда были самыми тяжелыми. Хозяин или управляющий действовал по своему усмотрению, зачастую самолично устанавливая нормы труда. Так, на угольных разработках Камфа управляющий отдал распоряжение, по которому каждый рабочий должен был в день разгрузить 27 вагонеток с углем, в противном случае он не получал дневного заработка полностью. Более того, рабочего обязывали платить штраф в случае невыполнения нормы выработки. С ростом безработицы оплата труда становилась все дешевле, а нормы выработки увеличивались. Капиталисты широко использовали на фабриках и заводах дешевый женский и детский труд. За одинаковый труд женщинам выплачивали $\frac{2}{3}$ мужской зарплаты, а подросткам — $\frac{1}{3}$ заработка взрослого мужчины. Труд квалифицированных вьетнамских рабочих оплачивался намного ниже труда французских и китайских рабочих.

Режим найма рабочей силы по контракту существовал в двух видах. По первому — нанимаемый рабочий-кули сам подписывал контракт с французским работодателем-капиталистом. С целью обеспечения французским капиталистам относительно стабильной рабочей силы генерал-губернатор Думер 26 августа 1899 г. издал декрет относительно режима работы по контракту, который рассматривался как взаимное соглашение. Однако в действительности с момента подписания контракта вьетнамский рабочий-кули лишался права свободно продавать свой труд и попадал в кабальную зависимость от хозяина. Если он покидал место работы, то его приговаривали к тюремному заключению и обязывали уплатить штраф в размере $\frac{2}{3}$ месячного заработка. Если же после отбытия тюремного заключения рабочий все еще оставался должником работодателя, то в этом случае он должен был отработать на хозяина в счет уплаты долга. Даже находясь в тюрьме, рабочий мог быть подвергнут эксплуатации. Его хозяин мог получить разрешение взять такого рабочего обратно на плантации или на фабрику, где он работал прежде, за мизерную зарплату в 20 центов в день, предназначенную только для пропитания. Весь же заработок рабочего рассматривался как уплата в счет штрафа. Таким образом, хотя рабочий формально нанимался на работу и должен был получать за свой труд жалованье, в действительности же он его не получал. Более того, рабочий подвергался преследованию. В том случае, если он оставлял работу, его могли привлечь к суду и приговорить к трем годам тюрьмы и уплате штрафа в 3 тыс. фр.

Декрет П. Думера разрешал французским работодателям просить старосту деревни подписать контракт от имени подростков, не достигших 18-летнего возраста, которые не могли расторгнуть контракт без согласия лиц, подписавших контракт от их имени. Более того, по другому декрету генерал-губернатора Индокитая (от 21 августа 1893 г.) работодателю разрешалось наказывать нанятых подростков, не достигших 16-летнего возраста, и бить их так, «как это делает отец в отношении своих детей».

Фактически декреты колониальной администрации Индокитая превращали рабочих в бесправных рабов своих хозяев на период контракта (от трех до пяти лет). Используя такой вид вербовки рабочей силы, колонизаторы вынуждали большое число вьетнамцев покидать родину и работать на чужбине — на плантациях в других французских колониях. Так, в 1887 г. 500 вьетнамцев из Кохинхины были отправлены в Южную Америку, в 1891 г. 785 человек были отправлены в Новую Каледонию для работы по контракту на плантациях и рудниках.

По второму виду найма рабочей силы рабочий подписывал контракт с посредником, который в данном случае выступал от имени французского предпринимателя. Этот метод найма рабочей силы был более распространенным и менее выгодным для рабочих, которые не получали от посредников полного заработка. Так, один день работы оценивался французским предпринимателем в 40 центов, но после посредничества двух или трех лиц заработок рабочего оценивался только в 27 центов, остальные 13 центов уплывали в карманы посредников. Таких посредников было особенно много при вербовке рабочих на шахты Тхайнгуена. Использование посредников при подписании контрактов было наиболее выгодным для французских работодателей, которые непосредственно не контактировали с рабочими и не знали об их условиях труда, но зато получали большие прибыли без излишних затрат.

Выше упоминалось о том, что на севере страны производилась вербовка кули для работы на плантациях Кохинхины. Вербованных кули колонизаторы изолировали от местного населения, препятствуя их общению. Для обеспечения своей безопасности и предотвращения контактов с вьетнамским населением колонизаторы превратили плантации на юге страны в каторжные тюрьмы, изолировав их от внешнего мира. Кули, работавшие на этих плантациях, подвергались жестоким телесным наказаниям и варварской эксплуатации. В глазах колонизаторов вьетнамский рабочий был прежде всего «туземцем», чисто физической силой, которым управляли при помощи кнута. И не случайно сами же колонизаторы вынуждены были откровенно признать крайнее бесправие местного населения: «Всякий, кому случится побывать в Индокитае, будет потрясен крайней нищетой коренного населения страны»¹⁰⁴. Принудительный полуфеодальный труд кули сочетался с капиталистической эксплуатацией. Огромная рабочая сила концентрировалась не в городах, а в различных плодородных частях страны, где создавалось плантационное хозяйство капиталистического типа.

Третьей формой эксплуатации трудового народа Вьетнама являлся принудительный труд, который был широко распространен во Вьетнаме в период колониального господства. Эта форма была наиболее жестокой и отсталой по сравнению с другими. С первого дня захвата страны колонизаторы активно использовали принудительный труд рабочих, крестьян и ремесленников для строительства дорог, перевозки товаров, закладки плантаций, строительства дамб и ирригационных сооружений.

Формирование вьетнамского пролетариата на промышленных предприятиях, принадлежавших французскому капиталу, началось раньше, чем на национальных, и протекало значительно быстрее. Фабрично-заводской пролетариат Вьетнама начал формироваться с конца XIX в. Этот период ознаменовался завершением колонизации страны и переходом к интенсивной ее эксплуатации в интересах французского капитала. Со строительством фабрик, заводов и шахт появились первые промышленные рабочие.

¹⁰⁴ Рабочий класс в мировом революционном процессе. М., 1975, с. 103.

Рост числа рабочих во Вьетнаме отмечали и руководители колониальной администрации. Так, в докладе губернатора Кохинхины генерал-губернатору Индокитая в 1902 г. говорилось, что «с развитием градостроительства в Сайгоне — Телоне появился городской пролетариат, поведение и деятельность которого вызывают у европейцев серьезное и обоснованное беспокойство»¹⁰⁵. В 1906 г. во Вьетнаме действовало 200 промышленных предприятий, на которых работало 49 500 рабочих¹⁰⁶.

Своеобразие промышленной эволюции в колониальном Вьетнаме обусловило характерные особенности формирования вьетнамского пролетариата, предопределило его количественный состав по различным отраслям. Хотя в исторической литературе по Вьетнаму и не имеется достоверных данных о численности рабочих, занятых в различных отраслях промышленности до первой мировой войны, тем не менее мы располагаем отдельными цифровыми показателями по данному вопросу. Так, на рисоочистительных за-йодах Сайгона — Телона до первой мировой войны работало 3000 человек, на четырех спирто-водочных заводах (в Ханое, Намдине, Хайзыонге и Телоне) — 1200, на судоремонтном заводе в Сайгоне — 1000, на трех текстильных фабриках (в Ханое, Намдине и Хайфоне) — 1800, на Хайфонском цементном заводе — 1500, в компании «Бургуен Мефр» — 450, на кирпичном заводе, принадлежавшем той же компании, — 700, в железнодорожных ремонтных мастерских и депо в г. Винь — 1000 человек и т. д.

Несмотря на отсутствие данных о численности рабочих, занятых на строительстве и эксплуатации железных дорог, имеются сведения о том, что с 1898 по 1913 г. на одной только железной дороге Ханой — Юннань работало по найму свыше 60 тыс. человек¹⁰⁷.

Шахтеры угольных шахт составляли самую многочисленную и наиболее концентрированную часть рабочего класса Вьетнама. По сведениям Ле Тхань Кхоя, в 1914 г. 15 тыс. человек трудилось в горнодобывающей промышленности¹⁰⁸. С расширением добычи угля, олова, цинка и других ископаемых число шахтеров постоянно росло: в 1904 г. их насчитывалось 4 тыс., в 1908 г. — 9 тыс.¹⁰⁹, в 1912 и 1913 гг. — 12 тыс.¹¹⁰. Значительную часть рабочих составляли сезонники. Основной состав пролетариев был нестабильным и неквалифицированным. Так, в 1906 г. на предприятиях Кохинхины из 25 тыс. человек только 900 были квалифицированными, а на предприятиях Кохинхины, Аннама и Тонкина — только 1800 из 49,5 тыс. Во всех отраслях промышленности наблюдалась большая текучесть рабочей силы. Подавляющая часть ее была представлена крестьянами, шедшими в город на заработки. Они нанимались преимущественно в неурожайные годы или после стихийных бедствий. После окончания срока контракта большинство завербованных возвращалось в деревню. Рабочие были тесно связаны с земледелием и ремеслом.

Таким образом, с интенсификацией капиталистической эксплуатации, со строительством во Вьетнаме промышленных и сельскохозяйственных предприятий непосредственно связано зарождение и развитие вьетнамского промышленного пролетариата. Первые отряды индустриальных рабочих появились и оформились до первой мировой войны на фабриках и заводах, на транспорте и стройках, принадлежавших французским империалистам. Фабрично-заводской пролетариат Вьетнама начал складываться в класс раньше промышленной вьетнамской буржуазии, поскольку национальный капитал был еще весьма слаб и долгое время поступал лишь в торговлю, да и то в сравнительно небольших размерах. Рост промышленного пролетариата на французских предприятиях протекал быстрее, чем на национальных,

¹⁰⁵ Lich su can dai Viet-Nam. Т. III, с. 65.

¹⁰⁶ Tran Van Qiau. Giai cap cong nhan Viet-Nam, с. 55; «L'Opinion», 10.1.1913; Nguyen Cong Binh. Tim hieu... с. 40.

¹⁰⁷ Lich su can dai Viet-Nam. Т. III, с. 65.

¹⁰⁸ Le Thanh Khoi. Le Viet-nam... с. 425; Lich su can dai Viet-nam. Т. III, с. 65.

¹⁰⁹ Ch. Robequain. L'Evolution economique... с. 280.

¹¹⁰ «Le Courrier d'Haiphong», 18 fevrier l'Q'T'S; A. Dumarest. La formation des classes sociales en pays Annamite. С. 60.

число последних до 1914 г. было незначительным. Вьетнамские промышленные предприятия были небольшими по своему объему и плохо оборудованными. Мануфактурные предприятия получили развитие во многих отраслях промышленности (гончарные мастерские в Батчанге, Тхоха, Биенхоа, Фантхиете, Дыктхо; текстильные мастерские в Хадонге, Биньдине, Фукиене; мастерские по производству циновок в Ниньбине, Тхайбине, Ратьзя и др.). В провинции Ниньбинь имелись три крупные мастерские по производству циновок, принадлежавшие вьетнамским капиталистам. В каждой мастерской работало до 200 рабочих. Общее число наемных мануфактурных рабочих, занятых в производстве циновок в этой провинции, составляло 1200 человек. В Талоне имелось 12 гончарных предприятий капиталистического типа. В Тхокаке, Кокхе (пров. Тхань-хоа) насчитывалось 30 гончарных предприятий. В гончарном производстве Батчанга отмечалось более четкое разделение труда: одна часть рабочих занималась формовкой, другая — специализировалась на обжиге, третья — наносила глазурь, четвертая — перевозила материалы. Наемный рабочий уже самостоятельно не изготавливал, как прежде, весь товар, который превратился в продукт совместного труда многих рабочих.

Заработная плата рабочих гончарных мануфактур во многом зависела от их квалификации. Так, заработная плата кочегара, занимавшегося обжигом, в 4 раза превышала заработную плату рабочего, занимавшегося перевозкой глины. Аналогичный принцип оплаты труда существовал и в текстильной промышленности (заработная плата женщин и подростков в этой отрасли была вдвое ниже, чем мужчин). Дневной заработок рабочих, занятых на предприятиях национальной промышленности (в мастерских) по производству циновок в Фатзиеме (пров. Ниньбинь), составлял 0,09 пиастра, а женщин и детей — 0,04 пиастра. Продолжительность рабочего дня не регламентировалась никаким законом. Рабочий работал от зари до поздней ночи.

До первой мировой войны основной состав наемных рабочих на национальных мануфактурных и ремесленных предприятиях был представлен мануфактурными рабочими, тогда как численность фабрично-заводского пролетариата была незначительной. В 1912 г. только в Тонкине и Северном Аннаме, по данным генерал-губернатора Индокитая Сарро, численность промышленных рабочих, занятых на национальных предприятиях, составила 3 тыс. человек¹¹¹.

Итак, если первые отряды индустриальных рабочих во Вьетнаме сформировались до 1914 г. на французских промышленных предприятиях, то отряды промышленного пролетариата на национальных фабриках и заводах в основном сформировались, хотя и в меньшем количестве, в годы первой мировой войны и в последующий период.

Таким образом, до первой мировой войны во Вьетнаме существовало три категории рабочих: индустриальные рабочие, постоянно занятые на 200 французских промышленных предприятиях (в шахтах, на заводах, фабриках, электрических станциях и на железных дорогах), общей численностью 55 тыс.; рабочие-кули рисовых, каучуковых, кофейных и чайных плантаций, численность которых достигала 20 тыс.; сезонные рабочие, занятые на гражданском, военном строительстве, на различных общественных работах. Рабочие, нанимаемые на сезон или поденно, увольнялись по окончании работ. Их число не поддается подсчету.

Трудно определить точно общую численность всех категорий рабочих рассматриваемого периода. Однако, по нашим предположениям, она не превышала 100 тыс. человек. При этом следует учесть и то обстоятельство, что при проведении некоторых общественных работ — строительство и ремонт дорог, плотин, дамб и различных ирригационных сооружений — колониальные власти и вьетнамские феодалы прибегали к принудительному использованию труда крестьян и ремесленников, численность которых трудно определить.

¹¹¹ «Le Courrier d'Haiphong», 18 février 1913.

В период колониального господства во Вьетнаме колониальные порядки насаждались силой оружия. «Здесь царило право сильнейшего, закон джунглей»¹¹². Колонизаторы насильно заставляли рабочих работать в шахтах, на фабриках, плантациях и стройках. Рабочие трудились в условиях колониальной и полуфеодальной зависимости. Не существовало таких условий свободного найма, как на Западе. Известно, что в европейских странах в период относительно мирного развития капитализма сложилась рабочая аристократия, которая способствовала на первых порах возникновению оппортунистических течений в рабочем движении. Во Вьетнаме этого не было. Здесь не было таких условий, которые могли бы привести к расколу рабочего класса, как это наблюдалось в Европе, где часть рабочего класса занимала привилегированное положение.

Именно вьетнамские рабочие больше всего испытали на себе все тяготы колониального режима. Им пришлось изведать жестокую эксплуатацию в ее самой варварской форме. Поэтому пролетариат явился самой передовой, революционной силой вьетнамского общества, что объясняется еще и тем, что вьетнамский пролетариат в основном формировался из крестьян, имевших давние традиции и богатый опыт борьбы против местных феодалов и иностранных захватчиков. Указанные факторы благоприятствовали быстрому созреванию политического сознания пролетариата. Вот почему, когда были сформированы первые отряды вьетнамского рабочего класса, несмотря на свою малочисленность и слабую организованность, они продемонстрировали свою высокую боеспособность в классовых боях и в национально-освободительном движении еще до первой мировой войны.

---

¹¹² Рабочий класс в мировом революционном процессе, с. 102.

Глава 3

ЗАРОЖДЕНИЕ БУРЖУАЗНО-РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ. НАЧАЛО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФАН БОЙ ТЯУ И ФАН ТЮ ЧИНЯ (1900—1908)

Два направления в национально-освободительном движении во Вьетнаме в период «пробуждения Азии»

С поражением движения «кан-вьонг» в конце XIX в. фактически закончилась эпоха освободительной борьбы против французских захватчиков, возглавляемой феодальными националистами. Поражение движения «кан-вьонг» убедительно продемонстрировало неспособность класса феодалов руководить освободительной борьбой. Более того, в ходе колониального захвата в эпоху империализма класс феодалов в основном перешел на сторону колонизаторов, превратившись в их опору. С этого времени национально-освободительное движение вьетнамского народа вступает в новый период — период зарождения и развития в стране буржуазно-демократического движения.

Рост капиталистического производства во Вьетнаме объективно способствовал пробуждению национального самосознания. Стремление к национальному освобождению, к завоеванию демократических свобод проявилось в этой стране в результате зарождения новых общественных классов — буржуазии и пролетариата, а также благодаря деятельности новой прогрессивной интеллигенции, воспринявшей буржуазную идеологию. Именно последняя стала носителем идей национального возрождения. Ее представители воспитывались на произведениях китайских и японских реформаторов, на трудах французских просветителей. Из Японии во Вьетнам стали проникать идеи революции Мэйдзи, положившей начало капиталистическому пути развития в этой стране. Япония в то время представлялась для части вьетнамских просвещенных лиц совершенной формой независимого государства на Востоке, за установление которого они собирались бороться у себя на родине. Из Китая во Вьетнам, в свою очередь, проникали реформаторские теории Кан Ювэя и Лян Цичао, сыгравшие немаловажную роль в формировании идеологических концепций вьетнамских ши-фу и интеллигенции в целом. «В своей практической деятельности,— пишет С. Л. Тихвинский в своей монографии "Движение за реформы в Китае в конце XIX века и Кан Ю-вэй",— реформаторы боролись за ликвидацию архаичной системы государственных экзаменов, за учреждение современных школ, демократизацию системы образования, ликвидацию неграмотности, широкую подготовку кадров технической интеллигенции и т. д. Кан Ю-вэй, Лян Ци-чао, Май Мын-хуа и другие реформаторы сыграли в Китае роль энциклопедистов, пропагандируя буржуазные идеи в науке. Участники движения за реформы выступали горячими поборниками демократических свобод — свободы слова, союзов, печати и собраний, борцами за раскрепощение женщины»¹. Произведения китайских реформаторов пользовались широкой известностью во Вьетнаме. «Книги Лян Ци-чао,— писал Чан Хюи Лиену,— взволновали умы его вьетнамских современников»². Под влиянием китайских реформаторов, а также великого китайского революционного демократа Сунь Ятсена во взглядах вьетнамской национальной интеллигенции происходила заметная эволюция.

Немаловажную роль в формировании прогрессивных взглядов вьетнамских ши-фу и передовых лиц сыграли идеи французских просветителей XVIII в. (Вольтера,

¹ С. Л. Тихвинский. Движение за реформы в Китае в конце XIX века и Кан Ю-вэй. М., 1959, с. 343—344.

² Tran Huy Lieu. Lich su tam muoi nam chong Phap. T. I, Ha-noi, 1956. с. 124.

Монтескье, Руссо и др.), а также Великой французской революции. Эти прогрессивные идеи быстро завоевывали симпатии вьетнамцев, являя собой разительный контраст колониальной политике французских властей. Таким образом, если раньше вьетнамские ши-фу воспитывались исключительно на канонах конфуцианского учения, являвшегося господствующей идеологией вьетнамского феодализма, то после проникновения во Вьетнам буржуазно-демократических идей Запада и Востока идеологические воззрения передовых вьетнамцев претерпевают существенные изменения. Передовые, патриотически настроенные представители вьетнамского общества стали все чаще задумываться над путями дальнейшего развития своей родины, пытаясь отыскать в прогрессивных демократических идеях Запада и Востока ответ на волновавшие их вопросы, и прежде всего на вопросы о том, как добиться национальной независимости и прогресса. Значительное влияние на формирование национального самосознания передовых, патриотически настроенных кругов вьетнамского общества оказали события русско-японской войны и первой русской революции 1905—1907 гг. Они хронологически совпали с эпохой «пробуждения Азии», наиболее характерной чертой которой явилось втягивание в процесс освободительного движения многомиллионных масс колониальных и полуколониальных стран Востока. Определяя этот процесс как непосредственный результат развития капитализма и влияния русской революции, В. И. Ленин писал: «Мировой капитализм и русское движение 1905 года окончательно разбудили Азию. Сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое населения проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию»³.

Итак, с конца XIX и в начале XX в. в связи с серьезными изменениями в социально-экономическом строе Вьетнама, с развитием в нем капиталистических отношений, а также под влиянием русской буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. и общим процессом пробуждения народов Азии во Вьетнаме постепенно зарождается и развивается национальное движение, носящее буржуазно-демократический характер.

По мере развития движения в результате острых, горячих споров и дискуссий среди ши-фу по вопросу о выборе пути освобождения страны от колониального ига в их рядах происходит идейное размежевание. Из среды ши-фу выделяется передовая, прогрессивная часть, развернувшая пропаганду буржуазного пути развития страны. Движение, выступавшее под этим лозунгом, получило широкую известность в истории Вьетнама как движение «Зуй Тан». Оно и ознаменовало собой начало пробуждения национального самосознания вьетнамского народа, зарождение национально-освободительного движения, а также буржуазного национализма.

В период «пробуждения Азии» в национально-освободительном движении Вьетнама начала XX в. четко определились два направления — антиимпериалистическое и антифеодальное. Сторонники первого направления стояли на позициях вооруженной антиимпериалистической борьбы, выступая под лозунгом «Кровь за кровь». Это направление имело ярко выраженный антиколониальный, антифранцузский, патриотический характер.

Сторонники второго направления преследовали цель вести антифеодальную, демократическую борьбу за расширение народного просвещения и программу широких социальных реформ, способствующих развитию в стране капитализма.

Идеологом первого направления, его виднейшим представителем стал Фан Бой Тяу (1867—1940), сын сельского учителя уезда Намдан провинции Нгеан. С ранних лет Фан Бой Тяу стал заниматься литературной деятельностью⁴, принимая активное участие в освободительном движении. 17-летним юношей он написал острый сатирический памфлет «Изгнать французов — вернуть Вьетнаму независимость», в котором клеймил захватническую политику колонизаторов во Вьетнаме. После взятия французскими

³ В. И. Ленин. Пробуждение Азии. — Т. 23, с. 146.

⁴ Литературной псевдоним Фан Бой Тяу — Шао Нам Ты.

войсками столицы вьетнамского государства Хюэ Фан Бой Тяу создал из числа патриотически настроенных ши-фу партизанский отряд и примкнул к вьетнамской армии, действовавшей в Центральном Вьетнаме (Аннам) под командованием Фан Динь Фунга. В этот период своей деятельности Фан Бой Тяу полностью солидаризировался с участниками «кан-выонга», о чем он писал в работе «Шонг туат лук». Позднее он подверг свои взгляды и деятельность этого периода критике, назвав их «наивным патриотизмом»⁵.

Идейным вдохновителем второго направления в национальном движении выступал Фан Тю Чинь (1872—1926) — видный просветитель и общественно-политический деятель, сторонник буржуазного пути развития⁶. Фан Тю Чинь происходил из мелкопоместных куанов, отец его был офицером вьетнамской правительственной армии. В провинции Куангнам, где он родился и вырос, движение «кан-выонг» было значительно слабее, чем в провинциях Нгеан и Хатинь, откуда вышел Фан Бой Тяу. Отец Фан Тю Чиня был убит сторонниками «кан-выонга» за измену. Классовые и духовные факторы оказали определенное воздействие на развитие идеологических воззрений Фан Тю Чиня. В Национальном архиве Франции, в фонде министерства колоний, имеется докладная записка генерал-губернатора Индокитая о Фан Тю Чине, датированная 13 марта 1909 г. В указанной записке говорится, что Фан Тю Чинь имел ученую степень фо-банга. При ходатайстве о должности, соответствующей его званию, его кандидатура была отклонена⁷, после чего Фан Тю Чинь некоторое время служил в министерстве культов, откуда в 1905 г. он ушел в отставку, занявшись активной патриотической деятельностью в поисках путей спасения родины.

Отказавшись служить при императорском дворе, Фан Тю Чинь занялся изучением общественных наук. Он много путешествовал по стране, знакомясь с жизнью различных слоев вьетнамского общества и встречаясь с выдающимися патриотами своего времени Фан Бой Тяу, Де Тхамом и др. Размышляя о будущем своей родины, Фан Тю Чинь неизменно связывал его с культурным прогрессом, с капиталистическим путем развития по типу Японии. Фан Тю Чинь и его сторонники стояли на позициях антифеодальной, антимонархической борьбы, выступая за культурный прогресс нации, за установление в стране буржуазно-демократического строя путем реформ. «Суть реформаторских исканий Фан Тю Чиня, — отмечает вьетнамский историк То Минь Фунг, — это сознание первейшей необходимости проведения преобразований в старом чиновничьем аппарате с помощью французских властей, с тем чтобы в будущем иметь возможность завоевать национальную независимость. Это реформаторство совпало с чаяниями только что появившейся буржуазии»⁸.

Фан Бой Тяу в начале своей политической деятельности стремился использовать феодалов в борьбе с колонизаторами и поэтому не выступал против них, тогда как Фан Тю Чинь, наоборот, больше всего был связан с буржуазией, активно выступая против феодалов и пытаясь использовать французов в этой борьбе. В отличие от Фан Бой Тяу идеологическим концепциям Фан Тю Чиня в вопросах антифранцузской борьбы были совершенно чужды всякие расовые, националистические пережитки. Ему были близки традиции французской буржуазной республики, на помощь которой в деле возрождения Вьетнама он возлагал большие надежды. Мы склонны полагать, что Фан Тю Чинь поддерживал контакты с левыми силами Франции⁹.

Весьма противоречивый и непоследовательный характер идеологических воззрений Фан Бой Тяу и Фан Тю Чиня можно объяснить исторической обстановкой, а

⁵ Cach mang can dai Viet-Nam. T. III. Ha-noi, 1958, с. 13.

⁶ Литературный псевдоним Фан Тю Чиня — Тэй Хо.

⁷ Archives Nationales de la France depot des archives d'outré-mer (далее — ANDOM) Indochine A-30 (115).

⁸ NCLS. 1964, № 67, с. 31.

⁹ Об этом частично свидетельствуют выступления депутата-социалиста М. Мутэ в защиту Фан Тю Чиня (см. «L'Impartial», 29.I.1925).

также воззрениями той среды, где каждый из них жил и действовал. Большую часть своей жизни Фан Бой Тяу (выходец из среды ши-фу) призывал к вооруженной борьбе против колонизаторов, принимая личное участие в вооруженных выступлениях в провинциях Нгеан и Ха-тинь в период «кан-выонга». Фан Тю Чинь жил среди торговцев и предпринимателей в провинциях Куангнам и Куанг-нгай, где широкое развитие получило движение за социальные реформы¹⁰.

Источником появления реформаторского направления в национально-освободительном движении Вьетнама служат прежде всего социальные причины, и в первую очередь рождение новых слоев во вьетнамском обществе — торговцев, промышленников, компрадоров, на укрепление и защиту интересов которых и было направлено реформаторское движение.

Сторонники вооруженной борьбы опирались на определенные патриотические круги среди феодалов, ши-фу, которые к этому времени уже утратили свое господствующее положение во Вьетнаме, в связи с чем они призывали к борьбе за возвращение своих утраченных позиций. Кроме того, в указанное движение включились многие патриоты из числа разночинцев, боровшихся за независимость своей родины. Однако на первых порах эта борьба была во многом сходна с движением «кан-выонг».

Фан Бой Тяу и Фан Тю Чинь не смогли до конца разобраться в обстановке, сложившейся в мире и во Вьетнаме в начале XX в.

То было время, когда отсталые страны Востока, в том числе и Вьетнам, еще не достигли уровня буржуазной революции, в связи с чем революционеры Востока, среди которых были и вьетнамские, стояли на перепутье. Именно в это время ворвались во Вьетнам «ветры Азии и ливни Европы». Русская революция 1905—1907 гг. и пробуждение Азии ясно указали вьетнамским революционерам, по какому пути им идти и каким путем добиться национальной независимости. Это была эпоха, когда национально-освободительная борьба народов колоний и полуколоний уже вышла за национальные рамки, когда происходило сплочивание революционных сил в борьбе за свое национальное освобождение, когда сочетались национальные и демократические задачи национально-освободительной революции. Наряду с ее национальным содержанием, основной целью которого было изгнание колонизаторов, эта революция включала в себя демократические задачи, сводившиеся к ликвидации феодализма. Именно этого так и не поняли ни Фан Бой Тяу, ни Фан Тю Чинь. Основная ошибка их идеологических концепций состояла в том, что ни тот, ни другой не рассматривал в тесном единстве антиколониальную и антифеодальную борьбу. Нельзя добиться независимости колонии, если только вести борьбу против феодалов и одновременно не бороться против колонизаторов. Национально-освободительная революция направлена как против империализма, так и против феодализма.

В силу узости своих классовых воззрений Фан Тю Чинь так и не смог понять, что основным врагом его родины были прежде всего колонизаторы, тогда как местные феодалы были лишь марионетками в их руках. Фан Бой Тяу, наоборот, хорошо это понимал, но вместе с тем он так и не смог понять в начале своей деятельности, что класс феодалов и император Вьетнама уже перешли на сторону колонизаторов, превратясь в их опору в борьбе против прогрессивных сил страны.

Выдающиеся первые революционеры Вьетнама (Фан Бой Тяу, Фан Тю Чинь и др.) не могли дать правильного анализа как международного, так и внутреннего положения своей страны, как и не могли определить цель, требования и задачи революции. Они не видели объекта революции, ее движущих сил, класса, который мог бы руководить такой революцией. Чыонг Тинь справедливо отмечал, что «в отношении внешних врагов, захвативших нашу страну, они (Фан Бой Тяу, Фан Тю Чинь и др.— *Авт.*) считали, что, ввиду того что Вьетнам захвачен французами, вьетнамский народ подвергается угнетению

¹⁰ Lich su can dai Viet-Nam. T. III, c. 146—147.

со стороны Франции, революция должна быть направлена против „французов“, при этом они не различали французских колонизаторов и французский рабочий класс, французских трудящихся, у которых общий враг с вьетнамским народом — французский империализм»¹¹.

Главный принципиальный вопрос, в котором расходились представители двух направлений в национально-освободительном движении Вьетнама, был вопрос о государственном строе во Вьетнаме после завоевания национальной независимости, за которую они боролись. Одни из них, в том числе Фан Тю Чинь, высказывались за установление буржуазной республики, управляемой парламентом; другие, возглавляемые Фан Бой Тяу, выступали за конституционную монархию. Для завоевания независимости одни предлагали вооруженную борьбу с помощью иностранной державы, в частности Японии (Фан Бой Тяу); другие отдавали предпочтение постепенной эволюции посредством духовного воспитания широких народных масс и при помощи реформ в экономической и социальной жизни народа. Если общими положительными качествами освободительного движения на этом этапе были пламенный патриотизм и ненависть к колонизаторам, то основными его недостатками являлись сравнительно низкий уровень политической зрелости его руководителей и отсутствие тесного контакта у руководства с широкими народными массами, и в первую очередь с крестьянством, составляющим большинство вьетнамского населения.

Хо Ши Мин, говоря о различных течениях в национально-освободительном движении Вьетнама, отмечал, что «одни группы стояли на той точке зрения, что должен пройти большой период времени, необходимый „для поднятия культурного уровня народа“, и только тогда можно будет изгнать ненавистных захватчиков. Другие группы высказывали мнение, что только с помощью японцев, таких же „желтокожих, как мы“, можно-де освободиться от ига „белокожих“ колонизаторов. Однако ни одно из этих политических течений не имело успеха»¹². Это высказывание Хо Ши Мина может быть с полным основанием отнесено к Фан Тю Чиню и Фан Бой Тяу и их единомышленникам.

Оба упомянутых направления в национально-освободительном движении особенно ярко проявились в Японии в среде вьетнамских революционеров-эмигрантов, о чем имеется упоминание в архивных материалах министерства колоний Франции. «Во время пребывания Фан Тю Чиня в Японии он еще ближе познакомился с вьетнамскими революционерами-эмигрантами, в том числе и с Фан Бой Тяу. Во время встреч и бесед с Фан Бой Тяу и другими эмигрантами выявились их разногласия по вопросу об освобождении Вьетнама. Это привело к образованию двух групп. Одна часть вьетнамских эмигрантов, во главе с Фан Бой Тяу, создала группу, которая вела пропаганду вооруженной борьбы против колонизаторов за национальное освобождение, главным образом в Северном Аннаме. Другая часть, во главе с Фан Тю Чинем, стоявшая на позициях реформаторских идей»¹³, в основном действовала в центральной и южной частях Аннама. Странники Фан Тю Чиня в отличие от сторонников Фан Бой Тяу не рассчитывали на помощь извне, считая освобождение своей родины делом самих, вьетнамцев. Члены обеих групп проникали в деревни под видом коммерсантов и просветителей, ведя среди крестьян агитационно-пропагандистскую работу как против колонизаторов, так и против феодалов. «В действительности обе эти группы,— отмечается в цитированном архивном документе,— едины в своей конечной цели и объединены общей к нам ненавистью»¹⁴.

В условиях колониализма антиимпериалистическое направление в национально-освободительном движении Вьетнама было значительно сильнее антифеодального.

¹¹ Чыонг Тинь. Президент Хо Ши Мин, любимый вождь вьетнамского народа. Ханой, 1966, с. 37—38.

¹² «Правда», 22.IV.1962.

¹³ ANSOM. Indochine A-30 (115).

¹⁴ Там же.

Поэтому не удивительно, что призывы Фан Бой Тяу к антифранцузской вооруженной борьбе находили широкий отклик в народных массах.

Фан Бой Тяу и Фан Тю Чинь были истинными патриотами, пожертвовавшими счастьем своей семьи и собственным благополучием во имя спасения родины, ради которой на протяжении всей своей жизни они искали пути освобождения и прогресса Вьетнама. Несмотря на то что идеи Фан Бой Тяу и Фан Тю Чиня так и не смогли стать теорией революционной борьбы масс и были в определенном смысле компромиссом по отношению к феодальной идеологии, в целом они сыграли прогрессивную роль, поскольку были подчинены задачам национально-освободительной борьбы своего народа. Эпоха, в которую они оба жили и действовали, была переходным этапом от феодальной идеологии — конфуцианства — к буржуазной идеологии, знаменуя собой исторический поворот в развитии идеологической борьбы в этой стране.

Фан Бой Тяу и «Вьетнам Зуи Тан Фук Хой»

Вместе со своими единомышленниками Фан Бой Тяу еще в 1900 г. разработал конкретную программу антиколониальных действий, сводившуюся к трем основным пунктам.

1. Объединить остатки участников движения «кан-выонг» и разрозненные действующие партизанские отряды для ведения борьбы против колонизаторов.

2. Поставить во главе антифранцузского движения одного из членов императорской семьи, установив для этого контакты с наиболее авторитетными ее членами. Объединить под их руководством патриотов всей страны.

3. Направить своих представителей за границу в случае, если понадобится помощь революционному движению во Вьетнаме¹⁵.

Конечной целью Фан Бой Тяу являлось завоевание национальной независимости.

Для выполнения первого пункта своей программы Фан Бой Тяу вступил в переговоры с руководителями уцелевших отрядов армии Фан Динь Фунга — Нгуеном Хамом и Нгуеном Куинем. После окончания переговоров Нгуен Хам и Нгуен Куинь выехали в районы провинций Нгеан и Хатинь, с тем чтобы поднять местное население на борьбу против французских колонизаторов. В 1902 г. Фан Бой Тяу прибыл в район Иентхе, где встретился с Де Тхамом, чтобы разработать единый план вооруженной борьбы.

Для выполнения второго пункта программы Фан Бой Тяу и его соратники установили контакт с известным своими антифранцузскими настроениями наследным принцем Кьонг Де¹⁶, младшим братом сосланного в 1907 г. императора Тхань Тхая, что свидетельствует о том, что в указанный период Фан Бой Тяу связывал борьбу против французских империалистов с сохранением монархии. Эта борьба имела в его трактовке националистическую окраску. Чувства вражды к французским колонизаторам Фан Бой Тяу и его единомышленники использовали в интересах вооруженной борьбы, пробуждая в народе вражду ко всем представителям белой расы в целом. При этом они не проводили социального различия внутри самой французской нации, подменяя, таким образом, классовый подход в освободительной борьбе расовым и националистическим. Фан Бой Тяу стоял на позициях патриота — буржуазного националиста, считая врагом номер один французских колонизаторов.

Единственным средством завоевания независимости своей родины Фан Бой Тяу считал вооруженную борьбу. Зачастую такая борьба носила чисто авантюристический характер (что проявилось, в частности, в тактике террора) и, естественно, приносила больше вреда, нежели пользы. Фан Бой Тяу рассчитывал главным образом на тех

¹⁵ Phan Voi Chau nien bieu. Ha-noi, 1957, с. 33.

¹⁶ Кьонг Де (1882—1951) — правнук императора Зя Лонга, поддерживал связь с влиятельными феодалами Южного Вьетнама.

феодалов-патриотов, которые отказались сотрудничать с захватчиками, на ши-фу, чиновников, на вьетнамских солдат, служивших во французской армии.

Для создания первой политической организации во Вьетнаме в мае 1904 г. в провинции Куангнам собрались Фан Бой Тяу и его соратники. На этом совещании было официально основано тайное политическое общество «Вьетнам Зуи Тан»¹⁷. Членами Общества являлись: Нгуен Хам, Фан Бой Тяу, Чинь Хиен, Ле Во, Данг Ты Киен, Данг Тхай Тхан, Ки Нгоай Хау, Кыонг Де, называвшие друг друга братьями. Председателем Общества был единогласно избран принц Кыонг Де. Своей конечной целью члены Общества ставили «восстановление независимого Вьетнама»¹⁸. В целях конспирации членам Общества запрещалось называть его открыто. Общество также не имело никаких печатных материалов, где бы говорилось о его структуре и программе действий. Хотя в документах Общества и не нашла отражения его программа по вопросу о будущем государственном устройстве страны, однако сам по себе факт, что во главе Общества был поставлен наследный принц Кыонг Де, свидетельствует о том, что Общество выступало за восстановление независимой монархии. В связи с этим Фан Бой Тяу писал: «Народ еще не забыл императора, а потому имя его нужно использовать для мобилизации масс на борьбу с захватчиками»¹⁹. Из сказанного явствует, что задачи Общества тесно переплетались с программой, разработанной Фан Бой Тяу еще в 1900 г. Общество надеялось опереться в антифранцузской борьбе на прежних участников движения «кан-выонг», на все патриотические силы страны.

В организационном отношении Общество делилось на две секции — военную и гражданскую. Военная секция должна была координировать деятельность партизанских отрядов, обеспечивать Общество денежно-материальными средствами, закупать оружие и готовить военные кадры²⁰.

На гражданскую секцию возлагалась обязанность создания просветительских учреждений и торгово-промышленных обществ, целью которых было изыскание материальных средств для деятельности общества «Зуи Тан». При создании упомянутого Общества его члены поставили своими первоочередными задачами следующие: расширение состава членов Общества и накопление денежных средств за счет сбора членских взносов; активизация подготовки к восстанию и всех дальнейших мероприятий после осуществления восстания; подготовка к выезду за границу за помощью, разработка способов выезда за границу²¹.

На одном из заседаний Общества было принято решение послать в Японию специальную делегацию, членам которой было поручено попытаться заручиться поддержкой правящих кругов Японии, а также закупить оружие. Одновременно в целях военной подготовки было решено направить в Японию большую группу патриотически настроенной молодежи.

Ориентация вьетнамских патриотов на Японию объяснялась тем исключительным в их глазах положением, которое занимала в рассматриваемый период эта страна на Дальнем Востоке. По свидетельству Нгуен Хама, одного из наиболее активных деятелей общества «Зуи Тан», Япония была единственным действительно развитым государством среди стран, на помощь которой, по его мнению, можно было рассчитывать. «Японцы,— говорил Нгуен Хам,— если не войсками, то оружием помогут осуществлению наших планов».

¹⁷ Cach mang can dai Viet-Nam. T. III. c. 13.

¹⁸ Tran Van Giau, Dinh Xuam Lan, Nguyen Van Su. Lich su Viet-Nam (Tu 1897 den 1914). Ha-noi, 1957, c. 197—198.

¹⁹ Phan Boi Chau. Tu phe phan. Ha-noi 1955, c. 50.

²⁰ Ton Quang Phiet. Phan Boi Chau va mot giai doan lich su chong Phap cua hnan dan Viet-Nam. Ha-noi, 1958, c. 36.

²¹ Phan Boi Chau nien bieu, c. 50—51.

Япония пользовалась у членов Общества огромным авторитетом. По словам Чан Хюи Лиэу, ее называли «старшим братом желтокожих», возлагая пылкие надежды на то, что она поможет своим младшим братьям вырваться из-под ига «белокожих притеснителей»²².

При этом члены общества «Зуи Тан» придавали большое значение тому обстоятельству, что Япония была единственной независимой страной из всех азиатских стран, не подпавшей под колониальное иго империализма. В. И. Ленин, характеризуя тогдашнее независимое положение Японии, отмечал: «Своим колониальным грабежом азиатских стран европейцы сумели закалить одну из них, Японию, для великих военных побед, обеспечивших ей самостоятельное национальное развитие»²³.

Победа Японии над царской Россией вызвала сильный резонанс в странах Юго-Восточной Азии, и в частности во Вьетнаме, где вьетнамские патриоты восприняли это известие с большим воодушевлением. В материалах французской тайной полиции, касающихся деятельности вьетнамских патриотов на протяжении 1905—1918 гг., указывалось, что «националистические чувства, дремавшие в сердцах представителей наиболее образованных кругов местного общества, после победы Японии над Россией внезапно пробудились»²⁴. «Пробуждение к политической жизни азиатских народов,— писал В. И. Ленин,— получило особенный толчок от русско-японской войны и от русской революции»²⁵.

Французские власти не были заинтересованы в популяризации среди вьетнамцев военных успехов Японии, опасаясь еще большего расширения масштабов антифранцузской борьбы. К тому же во Вьетнаме в указанное время ходили упорные слухи, что после победы над Россией Япония освободит Вьетнам. Вот что, к примеру, писал 28 сентября 1904 г. об этом резидент провинции Хынг-гиен (Тонкин) Мирибе: «Среди обеспеченной части населения циркулируют самые фантастические слухи относительно исхода войны и японских намерений в отношении Индокитая»²⁶.

Дабы воспрепятствовать росту японского влияния во Вьетнаме, колониальные власти летом 1904 г. запретили ввоз в Кохинхину и Тонкин японских и китайских периодических изданий, в которых обсуждался вопрос о русско-японской войне, включая иллюстрированные издания, представлявшие особую опасность²⁷ для колонизаторов.

Для того чтобы заручиться военной поддержкой японского правительства и закупить оружие для партизан, Фан Бой Тяу и Танг Бат Хо, опытный конспиратор, в прошлом участник движения «кан-выонг», выехали 20 января 1905 г. в Японию, где они установили связь с политическими эмигрантами из Китая, Кореи, Индии, России и Филиппин. Наиболее тесный контакт ими был установлен с китайскими эмигрантами. Танг Бат Хо представил Фан Бой Тяу главному редактору китайской газеты «Минь бао» («Народная газета») и журнала «Реформы» известному китайскому реформисту Лян Цичао и главе китайской реформистской партии Кан Ювзю, находившимся в эмиграции в Токио. Последние в многочисленных беседах с Фан Бой Тяу оказали на него большое влияние, рекомендовали ему использовать в целях популяризации идей общества «Зуи Тан» одного из членов вьетнамской императорской семьи, недовольного французским режимом. Обе стороны согласились с тем, что для успеха намеченного плана необходимо поставить организацию под тайное покровительство группы влиятельных и высокопоставленных вьетнамских лиц, не угрожавших принципам монархии и традиционным институтам Вьетнама. Выдвижение кандидата на трон ими

²² Tran Huy Lieu. Lich su tam muoi nam chong Phap, с. 129.

²³ В. И. Ленин. Горючий материал в мировой политике. — Т. 17, с. 179.

²⁴ «L'Agitation antifrancaise dans les pays annamites de 1905 a 1918», с. 1.

²⁵ В. И. Ленин. События на Балканах и в Персии. — Т. 17, с. 221.

²⁶ Archives centrales de l'Indochine (ACI), F-03. Rapport sur la situation politique du Tonkin, 28 septembre 1904, с. 5.

²⁷ Там же.

рассматривалось не только как полезное дело с точки зрения создания партии и компрометации крупных политических деятелей, сотрудничавших с оккупантами, но и как хорошее мероприятие для регулярного обеспечения средствами эмигрантов, прибывающих в Японию на учебу.

Лян Цичао обещал Фан Бой Тяу всю возможную помощь, познакомил его с китайскими реформаторами, находившимися в японской эмиграции, для рекомендации в торговые отделения и фирмы, которыми руководил Кан Ювэй²⁸. Однако он не одобрил решения Фан Бой Тяу обратиться за помощью к Японии. «Придя в вашу страну,— говорил Лян Цичао,— японцы уже не уйдут из нее. Обращаясь за помощью к Японии, вы не спасете родину, а только ускорите свою гибель».

Однако вьетнамские патриоты в то время еще не понимали, что японский империализм в сущности своей ничем не отличался от французского.

Несмотря на предупреждения Лян Цичао, Фан Бой Тяу решил осуществить свое намерение и все же встретился с японскими политическими деятелями и представителями деловых кругов. Эта встреча убедила его в том, что Япония не окажет военной помощи Вьетнаму. «Японцы,— писал Фан Бой Тяу,— считали, что оказание помощи Вьетнаму неизбежно привело бы к войне с Францией. А они не чувствовали себя достаточно сильными, чтобы воевать против западноевропейского государства»²⁹.

Представители японских правящих кругов посоветовали Фан Бой Тяу регулярно направлять вьетнамских юношей в Японию для военной подготовки и рекомендовали ему как можно активнее разоблачать антинародную деятельность французских властей в Индокитае, будить в массах ненависть к европейцам. То же самое советовал Фан Бой Тяу и Лян Цичао. Фан Бой Тяу принял эти рекомендации и, возвратившись в июле 1905 г. на родину, развернул широкую пропаганду за отправку представителей вьетнамской патриотически настроенной молодежи в Японию. С этой целью общество «Зуи Тан» занялось созданием в стране широкой сети своих местных организаций. Начали основываться многочисленные тайные общества, которые наряду с политической деятельностью преследовали цель изыскания средств для Общества. Эти тайные торгово-политические общества располагали значительными капиталами.

Типичным примером этого взаимосплетения политических целей и торгово-промышленных стремлений вьетнамской буржуазии являлся некий Чан Тянь Тиеу (Жильбер Тиеу), крупный сайгонский коммерсант, основавший тайное общество, примыкавшее к обществу «Зуи Тан», и одновременно возглавлявший чисто торговую группу «Минь ман конг нге са», которая контролировала мыловаренный завод в Телоне, отель в Митхо и гостиницу в Сайгоне. Среди лиц, окружавших Тиеу, имел хождение «Проект торгового и национального общества», привезенный Фан Бой Тяу из Токио, который предусматривал сбор капиталов по всей стране, предназначенных для реформы культуры и развития национального сознания, но которые одновременно давали бы вкладчикам выгодные прибыли.

В декабре 1905 г. Фан Бой Тяу совместно с Данг Ты Киеном и тремя студентами — членами общества «Зуи Тан» положили начало движению «Донг Зу» («Движение на Восток»). По замыслу его руководителей движение «Донг Зу» призвано было содействовать осуществлению целей, стоящих перед обществом «Зуи Тан». Основная цель «Донг Зу» сводилась к подготовке в Японии революционных кадров из числа представителей вьетнамской патриотически настроенной молодежи для борьбы против французских колонизаторов.

Движение «Донг Зу» проходило под флагом борьбы с колониализмом. Его сторонники считали, что успешный исход борьбы с колонизаторами во многом зависел и от уровня культурного развития населения. Вера в силу научных знаний заставила привер-

²⁸ «L'Agitation antifrancaise dans les pays annamites», с. 13.

²⁹ Phan Boi Chau nien bieu. с. 55.

женцев этого движения отказаться от старой, схоластической системы образования и подготовки кадров и выступить за светское образование.

Соответственно Общество приступило к созданию широкой сети своих первичных организаций. Во многих городах и сельских районах страны — в Ханое, Сайгоне, Митхо и др. — были учреждены пункты, занимавшиеся отправкой молодежи на учебу в Японию. Большинство направляемых в Японию юношей являлись детьми буржуа, ши-фу или землевладельцев.

В политическом отчете верховного резидента Тонкина за июль—сентябрь 1906 г. отмечается, что после отъезда Кыонг Де в Японию «во многих городах Вьетнама появились тайные общества, ставившие своей целью содействие выезду молодых вьетнамцев в Японию, воспитанию их в боевом патриотическом духе»³⁰. Фан Тю Чинь положительно оценивал деятельность «Донг Зу». Во время одной из своих встреч с Фан Бой Тяу в Японии он заявил следующее: «Ваши усилия помогли наладить обучение вьетнамцев в Японии. Вы должны остаться в Токио и заняться литературной деятельностью, чтобы просвещать наш народ»³¹.

В январе 1906 г. в Китае, в Гуанчжоу, был основан филиал общества «Зуи Тан», на который возлагалась обязанность всемерно содействовать выезду вьетнамских студентов в Японию. Первая такая группа вьетнамцев во главе с Фан Бой Тяу и Кыонг Де прибыла в Японию в марте 1906 г., за ней последовали и другие. Вьетнамцев в Японии размещали в различных учебных заведениях, находившихся под контролем правительства, которое преследовало при этом свои корыстные цели: в лице вьетнамцев, получивших образование в Японии, оно стремилось создать надежную опору в борьбе против европейцев за установление своего господства в Азии. На первых порах вьетнамские студенты обучались в японских военных школах, а когда их число значительно возросло (к июню 1908 г. в Японии насчитывалось уже 200 вьетнамских учащихся)³², была открыта специальная школа, в которой они обучались японскому языку, математике, физике, химии, истории, а по вечерам — военному делу. В сентябре 1907 г. было создано Общество вьетнамских учащихся в Японии, председателем которого был избран Кыонг Де, генеральным секретарем — Фан Бой Тяу.

В связи с тем что упомянутое вьетнамское общество в Японии испытывало недостаток денежных средств, Фан Бой Тяу и Кыонг Де обратились к соотечественникам с просьбой о материальной помощи. Для этого при содействии Лян Цичао была выпущена специальная прокламация «Об оказании помощи движению „Донг Зу“»³³. Призыв не остался без внимания: на него откликнулись отличавшиеся своими либерально-патриотическими убеждениями феодалы, буржуа, торговцы, ши-фу. В городах и сельских районах страны был организован сбор денежных средств в пользу участников движения «Донг Зу». Известную помощь в этом деле движению оказало также упомянутое выше торгово-промышленное общество «Минь тан конг нге са», во главе которого находился сайгонский коммерсант Жильбер Тиеу. Будучи французским подданным, Жильбер Тиеу тем не менее был враждебно настроен к французским властям и использовал в этом деле все свои привилегии, которые предоставляло его французское подданство³⁴.

Кампании, проводившиеся обществом «Зуи Тан», пользовались поддержкой также отдельных ведомств вьетнамского императорского двора, некоторых руководителей уездов и провинций, отдельных чиновников французской колониальной администрации, а также служителей культа. Активное участие в движении «Донг Зу» принимал, в частности, служитель католической церкви Май Лао Банг. С вьетнамскими католиками, оказавшими материальную помощь обществу «Зуи Тан», был тесно связан Кыонг Де. Де

³⁰ ACI. F-08. Rapport sur la situation politique du Tonkin, 1906, с. 184.

³¹ Phan Boi Chau nien bieu, с. 55.

³² Cach mang can dai Viet-Nam. Т. III, с. 25.

³³ Phan Boi Chau nien bieu, с. 65.

³⁴ «L'Agitation antifrancaise...», с. 88.

Тхам после переговоров с Фан Бой Тяу, состоявшихся в начале 1907 г., также заверил последнего в том, что будет оказывать ему помощь, и дал согласие на вступление в Общество, признав Кыонг Де будущим императором Вьетнама³⁵.

Важное место в деятельности общества «Зуи Тан» занимала пропагандистско-агитационная работа; члены Общества распространяли политические книги, брошюры и статьи Фан Бой Тяу и других политических деятелей Вьетнама. Немалая заслуга в этом принадлежала газете «Лык тинь тан ван» («Новая литература»)³⁶, на страницах которой неоднократно печатались статьи антифранцузского содержания. Многие вьетнамские публицисты развернули большую разъяснительную работу по разоблачению колониальной политики Франции, призывая население к борьбе с иностранными захватчиками. Основная политическая и патриотическая литература в рассматриваемый период издавалась в Японии, откуда она переправлялась во Вьетнам. Произведения вьетнамских публицистов, и прежде всего статьи и книги самого Фан Бой Тяу, были проникнуты глубоким патриотизмом и заботами о судьбах родины. Еще во время своей первой поездки в Токио в 1905 г. Фан Бой Тяу опубликовал знаменитое «Письмо, написанное кровью и слезами» («Хай нгоай хует тху»), представлявшее острый политический памфлет, направленный против колонизаторов. В этом произведении Фан Бой Тяу пытался объяснить, почему Вьетнам утратил национальную независимость. Он считал такими причинами, с одной стороны, безразличное отношение императора и государства к нуждам народа, а с другой — политическую пассивность самого народа. Автор письма призывал имущих, чиновников, ши-фу, влиятельных лиц, служителей культа, учащихся, солдат к объединению усилий в общей антифранцузской борьбе.

В другом своем произведении — «История порабощения Вьетнама» («Вьетнам вонг куок шы») — Фан Бой Тяу изложил историю колониального захвата своей родины³⁷. Это произведение написано под непосредственным влиянием китайских конституционных монархистов и в известной мере отражает их политические воззрения. Оно свидетельствует о значительной эволюции, которую претерпели взгляды Фан Бой Тяу по вопросу о форме политической власти во Вьетнаме после завоевания национальной независимости. Эти изменения в его взглядах нашли свое конкретное отражение в ряде его произведений, и прежде всего в программе общества «Зуи Тан», которая была написана им в 1906 г. в Японии, отпечатана в 200 экземплярах и отправлена во Вьетнам³⁸. В программе определены задачи и цели борьбы общества: изгнание колонизаторов, завоевание вооруженным путем национальной независимости и установление конституционной монархии. Как известно, в период 1900—1905 гг. Фан Бой Тяу выступал сторонником движения «кан-выонг» за сохранение абсолютной монархии. Об этом сам Фан Бой Тяу писал в 1906 г. следующее: «В течение десяти дней Тэй Хо (литературный псевдоним Фан Тю Чиня. — *Авт.*) и я непрерывно дискутировали... наши мнения в корне расходились... Тэй Хо считал, что прежде всего следует свергнуть монархию, чтобы затем установить демократический строй... Я же полагал, что прежде всего необходимо изгнать французских захватчиков, а затем перейти к другим делам. Моим намерением было восстановление монархии, против чего ожесточенно протестовал Тэй Хо. Он утверждал, что необходимо свергнуть монархию и установить демократический режим, с чем я не был согласен. Тэй Хо и я стремились к одной цели, но разными средствами»³⁹.

Однако начиная с 1906 г. под влиянием Кан Ювэя, Лян Цичао и бесед с Фан Тю Чинем постепенно Фан Бой Тяу стал переходить на позиции конституционной монархии.

³⁵ Ton Quang Phiet. Phan Voi Chau va mot giai doan lich su... с. 61.

³⁶ Газета «Лык тинь тан ван» была основана 2 ноября 1907 г. в Кохинхине, ее главным редактором был Ж. Тиеу, а директором — П. Жанте.

³⁷ Книга Фан Бой Тяу «Вьетнам вонг куок шы» впервые была опубликована в 1906 г. в журнале «Обновление народа» («Синь Минь цун бао»), органе китайских конституционалистов-монархистов, эмигрировавших в Токио. Работе предпослано Предисловие, написанное Лян Цичао.

³⁸ Ton Quang Phiet. Phan Voi Chau va mot giai doan lich su... с. 41.

³⁹ Phan Voi Chau nien bieu, с. 72.

Из сказанного явствует, что по своим политическим убеждениям как он сам, так и его единомышленники были гораздо ближе к Лян Цичао, нежели к революционному лагерю китайской эмиграции, возглавлявшемуся Сунь Ятсеном. Тем не менее во время своего пребывания в Японии Фан Бой Тяу неоднократно встречался с Сунь Ятсеном и беседовал с ним. Содержание этих бесед свидетельствует о том, что политические воззрения Сунь Ятсена и Фан Бой Тяу были абсолютно различными. Сунь Ятсен, решительно выступавший за республиканский строй, не мог согласиться с программой «Зуи Тан», которое боролось за установление конституционной монархии⁴⁰.

Однако под влиянием революционных событий в России и во многих странах Азии, а также благодаря непосредственному общению с революционерами-эмигрантами в Японии мировоззрение Фан Бой Тяу постепенно эволюционизировало. Но эта эволюция в его взглядах в сторону демократизма произошла не сразу, а постепенно и мучительно. Уже в 1907 г. в работах Фан Бой Тяу появились демократические тенденции, что видно из его книги «Новый Вьетнам» («Ган Вьетнам»)⁴¹, предлагающей вниманию читателя программу строительства нового Вьетнама, которая сводилась к десяти так называемым «счастливым пунктам» («тхап дай коай»). Анализ этой программы свидетельствует о том, что уже в это время Фан Бой Тяу начал отходить от монархических воззрений. В его представлении, новый Вьетнам означал независимое государство, где не должно быть места куан лай (феодалным чиновникам, состоящим на службе императора), несущим народу горе и неисчислимые страдания. Фан Бой Тяу видел новый Вьетнам государством без несправедливых поборов, государством, где должны быть проведены реформы в области просвещения, осуществлены мероприятия по развитию промышленности и торговли. Фан Бой Тяу считал, что судьба страны должна находиться в руках народа и решаться парламентом. В «Новом Вьетнаме» Фан Бой Тяу справедливо критиковал абсолютистский режим Китая той эпохи. «Диктаторский яд, — писал Фан Бой Тяу, — проник во Вьетнам из Китая. Один человек господствует над сотнями тысяч людей, превращая их в рабов»⁴².

Развитие демократических тенденций в идеологии Фан Бой Тяу нашло свое отражение и в книге «Исследования по истории Вьетнама» («Вьетнам куок шы кхао», 1908), где дается оригинальная трактовка понятий государственности, национализма и народовластия. Перевод этой книги с китайского на вьетнамский язык впервые опубликован в ДРВ в 1962 г.⁴³ По нашему мнению, эта работа была написана под влиянием «трех народных принципов» Сунь Ятсена. Среди политических эмигрантов в Японии, в том числе и среди вьетнамских, эти принципы были причиной частых и весьма оживленных дискуссий. «Во всех великих государствах, — писал Фан Бой Тяу в упомянутой работе, — законы, налоги, бюджеты утверждаются парламентом, избранным народом, а правительству остается только выполнять все то, что народ счел нужным»⁴⁴.

Он, в частности, отмечал: «Согласно международному праву каждое государство обладает населением, территорией и пользуется суверенитетом. Без одного из трех этих составных компонентов понятия государства не может существовать. Среди трех указанных компонентов понятия „государство" и „народ" являются наиболее значительными... Если в стране уважаются народные права, то эта страна могущественна, и, напротив, если они не уважаются, то такая страна слабая»⁴⁵.

Важную роль в пробуждении национального самосознания вьетнамского народа сыграли и другие работы Фан Бой Тяу: «Песнь об антиколониальной борьбе», «Призыв к народу оказать помощь отъезжающим на учебу в Японию», «Воззвание к вьетнамской

⁴⁰ Ton Quang Phiet. Phan Boi Chau va mot giai doan lich su... с. 62.

⁴¹ Экземпляр ее был обнаружен в СПб (см.: NCLS. 1963, № 55, с. 40).

⁴² NCLS. 1963, № 55, с. 41.

⁴³ Там же, с. 42.

⁴⁴ Phan Boi Chau. Viet-Nam quoc su khao. Ha-noi, 1962, с. 71—72.

⁴⁵ Там же; NCLS. 1963, № 55, с. 43.

молодежи», «Воспоминания вьетнамцев, отдавших свою жизнь за отечество» и многие другие.

Возникает резонный вопрос: как же следует оценивать идеологические концепции Фан Бой Тяу в рассматриваемый период (1906 — 1908)? Ниже мы приводим одно его высказывание, которое проливает свет на поставленный нами вопрос: «Я имел неоднократную возможность беседовать с китайскими революционерами, и, хотя мне во многом мешали старые взгляды, от которых трудно было сразу отказаться, я всякий раз усваивал все новые и новые демократические идеи. В моем понимании уже наметился явный сдвиг в сторону демократизма»⁴⁶. И все же, несмотря на такие совершенно очевидные перемены во взглядах Фан Бой Тяу, по нашему мнению, с полной уверенностью нельзя констатировать, переход его в лагерь антимонархизма, это подтверждается его последующей практической деятельностью.

Фан Бой Тяу и другие вьетнамские революционеры в Японии принимали активное участие в работе по сплочению революционных сил народов Азии в борьбе против колониального гнета западноевропейского империализма. В октябре 1908 г. в Токио из числа политических эмигрантов Вьетнама, Кореи, Филиппин, Индии, Китая был создан Союз народов Восточной Азии (Донг А донг минь хой). Вьетнам был представлен в Союзе Фан Бой Тяу, Данг Ты Киеном и Нгуен Куинь Ламом⁴⁷.

Активизация антиимпериалистической деятельности вьетнамских революционеров в Японии и организация сторонниками Фан Бой Тяу террористических актов и мятежей во Вьетнаме сильно встревожили французские власти Индокитая. Последние организовали охоту за вьетнамскими революционерами. В результате многие из них были арестованы, например такие активные члены общества «Зуй Тан», как Тиеу Ла (Нгуен Хам) и Нгы Хай (Данг Тхай Тхан). Одновременно французское правительство вступило в переговоры с правительством Японии, добиваясь от него высылки из Японии всех вьетнамских учащихся. В результате в сентябре 1908 г. было подписано специальное франко-японское соглашение, по которому Франция обязалась уважать японские интересы в Китае, а японское правительство — интересы Франции в Китае и во Вьетнаме. Французскому правительству были даны заверения в том, что всякие антифранцузские действия вьетнамцев на территории Японии будут решительно пресекаться. Подписание такого соглашения позволило практически беспрепятственно преследовать вьетнамских патриотов не только в самом Вьетнаме, но и на территории Японии.

На основании соглашения всем вьетнамским эмигрантам было предписано в кратчайший срок выехать из Японии на родину, где их ждали тюрьма, каторжные работы или смертная казнь. Письмом от 8 февраля 1909 г. министр иностранных дел Японии принц Комура официально поставил в известность французского посла Жерарда о результатах расследования, специально проведенного полицией Токио. Расследование показало, что «после сентября 1908 г. большая часть учащихся-кохинхинцев (основная масса вьетнамцев, обучавшихся в Японии, была родом из Кохинхины.— *Авт.*) покинула Японию...» А вот один из документов тайной французской полиции. «В результате предупреждения японской полиции, — говорится в нем, — Фан Бой Тяу 8 марта 1908 г. отбыл из Японии в Гонконг. Японские власти заверили нас в том, что после осмотра багажа Фан Бой Тяу в нем не было обнаружено никаких пропагандистских материалов, изданных в Японии»⁴⁸.

Покинуть Японию было предложено и Кьонг Де, что он и сделал 30 октября того же года. К концу 1909 г. Япония перестала быть пристанищем мятежных вьетнамцев. В марте 1909 г. японская полиция конфисковала второе издание «Письма, написанного кровью и слезами» (500 экз.), передав его французскому посольству в Токио, где оно было сожжено. В связи с этим французская охранка доносила: «Переписка между генерал-

⁴⁶ Phan Boi Chau nien bieu, с. 91.

⁴⁷ Там же, с. 119.

⁴⁸ «L'Agitation antifrancaise...», с. 33.

губернатором Индокитая и посольством Франции в Токио показывает, с каким точным пониманием своих обязанностей, с какой лояльностью по отношению к властям колоний действовало японское правительство, приняв меры, направленные к тому, чтобы предупредить любое возможное злоупотребление гостеприимством страны»⁴⁹.

Реакционные действия японских властей разочаровали Фан Бой Тяу. «Я понял,— писал он впоследствии,— что нельзя более рассчитывать на помощь Японии. Надо переориентироваться на партию китайских революционеров и на страны, граничащие с нами»⁵⁰.

Для укрепления связей с Китаем Фан Бой Тяу вместе с патриотами южных провинций Китая (Юннани и Гуанси) создал союз Юннани — Гуанси — Вьетнам (Хой Лиен Мин Диен Куе Вьет)⁵¹. Общество «Зуи Тан» в знак солидарности с гоминьданом в период наступления его войск на Кантон в 1909 г. подарило гоминьдановской армии около 500 винтовок, купленных на деньги, присланные вьетнамскими патриотами⁵².

Подводя итог деятельности общества «Зуи Тан» и движения «Донг Зу», нельзя еще раз не отметить огромную роль, которую они сыграли в развитии национально-освободительного движения во Вьетнаме, в подготовке национальных военных кадров для вооруженной борьбы против колонизаторов. Но самая главная заслуга патриотического общества «Зуи Тан» заключается в том, что оно явилось первой вьетнамской политической организацией, которая способствовала пробуждению национального самосознания.

Фан Тю Чинь и движение за социальные реформы. «Донг кинь нгиа тхук»

Почти одновременно с движением «Донг Зу» во Вьетнаме родилось демократическое движение за социальные реформы. Движение возглавили прогрессивные ши-фу. Они выступали как пропагандисты новой, буржуазной идеологии, как патриоты родины и борцы против суеверия и предрассудков. Движение возникло под влиянием буржуазной идеологии Запада и Востока, находившей благодатную почву в умах вьетнамской национальной интеллигенции, в особенности в среде писателей и журналистов. В рядах этой интеллигенции в рассматриваемый период шла острая борьба между носителями старой, феодальной и новой, буржуазной идеологии. Прогрессивные интеллигенты были активными поборниками европейской цивилизации, технического прогресса, а также социальных и политических реформ. Это направление, как уже отмечалось ранее, возглавлял Фан Тю Чинь. Политическое кредо Фан Тю Чиня изложено в его письме генерал-губернатору Индокитая Полю Бо от 15 августа 1906 г.⁵³. В этом письме Фан Тю Чинь указывал на тяжелое положение вьетнамского народа и его чрезвычайно низкий культурный уровень, отмечая, что «сознательные интеллигенты глубоко озабочены судьбой своего народа». Основную причину тяжелого положения своих соотечественников Фан Тю Чинь видел в преступлениях куанов, злоупотреблявших своими правами, развращавших национальные нравы. Примечательно, что Фан Тю Чинь не ограничивается простой констатацией крайне бедственного положения трудящихся, а пытается объяснить причины его возникновения. По его мнению, они сводились к следующему.

Во-первых, правительство Франции закрывает глаза на злоупотребления куанов. «Куаны,— пишет он,— не считаются с тяжелым положением населения, они готовы содрать кожу, сломать кости, высосать кровь у бедняков. А если кто и осмеливается ска-

⁴⁹ Там же, с. 34.

⁵⁰ Phan Voi Chau. Tu phe phan, с. 130.

⁵¹ NCLS. 1963, № 55, с. 64.

⁵² NCLS. 1963, № 56, с. 32.

⁵³ BEFEO. T. VII, 1907, с. 166. Письмо Фан Тю Чиня от 15 августа 1906 г. генерал-губернатору Индокитая П. Бо.

зять что-либо против них, то в таком случае они приписывают этим людям участие в антигосударственной деятельности, бросают их в тюрьмы при всемерном попустительстве со стороны французских властей, ибо сами куаны состоят на службе у французов»⁵⁴. Коррупция, лицемерие куанов разлагающе действуют на народ.

Во-вторых, предвзятое отношение французского правительства к вьетнамцам, которых оно считает дикарями и отсталыми людьми. Представители французских колониальных властей издеваются над вьетнамцами, зачастую избивая их до смерти. Такая политика отдаляет вьетнамцев от французов, расширяет существующую между вьетнамцами и французами пропасть и может привести к тому, что оба народа уже никогда не поймут друг друга. Фан Тю Чинь отмечал также, что все расходы Франции, связанные со строительством различных промышленных объектов, покрывались налогами, взыскиваемыми с вьетнамского народа⁵⁵.

Однако главнейшую причину всех бед народа своей страны Фан Тю Чинь видел в куанах, наивно полагая, что если заменить продажных куанов честными, то положение резко изменится к лучшему.

Фан Тю Чинь показал себя последовательным сторонником социально-политических реформ, направленных на всемерную поддержку талантливых и способных людей, на смелое привлечение их к управлению государством, на предоставление широких возможностей неимущему населению во всех областях жизни. Он предлагал предоставить свободу слова представителям интеллигенции, ввести более справедливое законодательство, упразднить старую систему экзаменов (кхоа кы), открыть школы, библиотеки и различные курсы по торговому и профессиональному обучению, произвести изменения в системе трудовой повинности и налоговой политике.

Программа реформ Фан Тю Чиня отличалась определенным демократизмом. Однако она была по своей сущности утопической. Демократизм этой программы заключался в глубоком понимании Фан Тю Чинем необходимости предоставления больших политических свобод населению и повышения его жизненного и культурного уровня посредством социальных реформ, в проведении которых Вьетнаму, по мнению Фан Тю Чиня, должна была помочь республиканская Франция⁵⁶.

Утопичность и иллюзорность демократической программы реформ, предложенной Фан Тю Чинем, заключались в том, что он надеялся на ее реализацию во Вьетнаме в условиях французского колониального господства, не понимая, что представители колониальных кругов Франции отнюдь не придерживались тех же взглядов, что и прогрессивные французы.

И все же, несмотря на отмеченные недостатки, упомянутое письмо Фан Тю Чиня и вся его реформаторско-просветительская деятельность, бесспорно, сыграли положительную роль в пробуждении в среде национальной интеллигенции чувства озабоченности за судьбы своей родины, за ее будущее. Письмо Фан Тю Чиня стало первым официальным документом представителя передовой национальной интеллигенции, вскрывшим крайне бедственное положение народа и содержащим конкретные предложения социальных реформ. Беспокойство Фан Тю Чиня за судьбы нации свидетельствует о том, что он сумел подняться выше устремлений буржуазных слоев и отражал уже интересы всей нации.

Смелые выступления Фан Тю Чиня вызвали серьезное беспокойство колониальных властей, которые вскоре попытались привлечь его на свою сторону. В этой связи характерна оценка Фан Тю Чиня, данная ему в политическом отчете французского верховного резидента Тонкина за февраль 1908 г.: «Совершенно очевидно, что Фан Тю Чинь — патриот, прогрессивно мыслящая личность твердых убеждений. Больше того, это новатор, стоящий на голову выше заурядных вьетнамских литераторов. Для нас было бы не-

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ АМРВ, ф-14, д. 4.

⁵⁶ АМРВ, ф-1-А, д. 4. Документы Фан Тю Чиня.

бесполезно постараться привлечь Фан Тю Чиня на свою сторону, прежде чем он станет открытым противником нашего режима. Нужно попытаться подыскать ему соответствующую должность неадминистративного характера, где бы он смог проявить свои настоящие способности, сохранив при этом самостоятельность, столь ему дорогую»⁵⁷.

Однако, несмотря на все старания и ухищрения французских колониальных властей, Фан Тю Чинь до конца своей жизни остался пламенным патриотом, убежденным сторонником прогрессивных реформ (во многом рассчитывая на республиканскую Францию и будучи противником насилия). Вместе с тем он зарекомендовал себя восторженным поклонником японского пути развития, «совершенно враждебным даже мысли о японской экспансии в Индокитае»⁵⁸.

Письмо Фан Тю Чиня вызвало недовольство Фан Бой Тяу и его сподвижников, и он направил Фан Тю Чиню специальное послание⁵⁹, в котором рекомендовал ему воздерживаться от нападков на феодально-монархический режим. Подобная инициатива Фан Бой Тяу объяснялась тем, что незадолго до этого Фан Бой Тяу вместе с Кьонг Де обратились к населению с призывом оказать помощь движению «Донг Зу». Выступления же Фан Тю Чиня против феодалов на данном этапе могли нанести известный ущерб «Донг Зу». В указанном послании Фан Бой Тяу писал: «Я не хочу, чтобы мой народ угнетали. Мы должны действовать. И если лет через 15 после завоевания свободы вы предложите конкретную программу демократических реформ, я первый буду вам аплодировать»⁶⁰.

Все историки СРВ единодушны в оценке буржуазного характера движения за социальные реформы, возглавлявшегося Фан Тю Чинем. Однако их мнения расходятся по ряду вопросов, и в частности по вопросу о том, интересы каких именно слоев буржуазии выражал Фан Тю Чинь⁶¹. Так, по мнению Тон Куанг Фиета, Фан Тю Чинь выражал интересы тех слоев национальной буржуазии, которые восприняли идеи «Зуи Тан»⁶². Чан Хюи Лиеу считал его выразителем взглядов тех слоев вьетнамской буржуазии, которые были тесно связаны с французскими империалистами и которые надеялись при помощи французов развить экономику страны, усматривая основное препятствие прогрессу в феодалах. По мнению Чан Хюи Лиеу, Фан Тю Чинь выражал интересы не только национальной, но и компрадорской буржуазии⁶³.

Наконец, Чан Ван Зяу полагает, что хотя Фан Тю Чинь и был представителем буржуазного направления, однако его политические взгляды отражают общенациональные устремления вьетнамского народа в рассматриваемый период⁶⁴. Приводя различные точки зрения о Фан Тю Чине, мы считаем, что хотя Фан Тю Чинь и вышел из числа патриотически настроенных феодальных интеллигентов, однако он воспринял передовые буржуазные идеи Запада и Востока, став одним из идеологов буржуазно-демократического развития своей страны. Он вел мужественную борьбу за проведение буржуазно-демократических реформ. Идеологические взгляды Фан Тю Чиня сформировались под влиянием как внешних, так и внутренних факторов. К внутренним факторам можно отнести развитие капиталистических отношений, эксплуатацию страны французским капиталом, начало формирования вьетнамской буржуазии и пролетариата. На взгляды Фан Тю Чиня оказало соответствующее воздействие реформаторское движение XIX в. во главе с Нгуен Чьонг То, Динь Ван Диеном, Нгуен Хюи Те, Ле Динем и другими сторонниками коренных реформ.

⁵⁷ ACI. F-03. (Fonds de la Residence superieure au Tonkin, dossier Rapports politiques 1907—1908), с. 127.

⁵⁸ Там же, с. 128.

⁵⁹ Ton Quang Phiet. Phan Boi Chau va mot giai doan lich su... с. 241.

⁶⁰ Там же, с. 242.

⁶¹ NCLS. 1965, № 76, с. 11.

⁶² Ton Quang Phiet. Phan Boi Chau va mot giai doan lich su... с. 53.

⁶³ Tran Huy Lieu. Lich su tam muoi nam chong Phap, с. 138.

⁶⁴ Tran Van Giau. Giai cap cong nhan Viet-Nam, с. 277.

На Фан Тю Чиня оказали существенное влияние также и внешние факторы: идеи буржуазной революции во Франции, незавершенная буржуазная революция Мэйдзи в Японии, реформаторское движение в Китае в конце XIX в. во главе с Кан Ювэем, Лян Цичао и др. Естественно, что Фан Тю Чинь представляет собой сложную фигуру, его взгляды формировались под влиянием не только различных буржуазных, демократических идей Запада и Востока, но также под влиянием учения Конфуция.

Социальную базу, на которую опирался Фан Тю Чинь, составляли различные буржуазные слои (торговцы, подрядчики, промышленники, сельская буржуазия, буржуазная интеллигенция и др.), интересы которых он выражал и которые в основном появились в результате первого периода эксплуатации Вьетнама французскими монополиями. Из сказанного можно сделать вывод о том, что Фан Тю Чинь был выразителем интересов вьетнамской буржуазии и буржуазной интеллигенции в целом, тогда как Фан Бой Тяу в основном был связан с мелкой буржуазной интеллигенцией, с разночинцами. Фан Тю Чинь не только вел борьбу за капиталистический путь развития, но и был выразителем национальных буржуазно-демократических сил. Следует отметить, что в рассматриваемый период буржуазно-демократическое движение было еще слабо, находясь на начальном этапе своего развития.

Во взглядах Фан Тю Чиня содержится много противоречивых положений, обусловленных той переходной эпохой, в которую он жил, а также особенностями социального развития Вьетнама, в частности особенностями развития вьетнамской буржуазии. Более того, противоречивость идеологических воззрений Фан Тю Чиня объясняется еще и тем, что он воспринял противоречивые идеи Запада и Востока. С одной стороны, он выступал как демократ, подвергший уничтожающей критике феодальный строй в своей стране (режим куанов, императорский двор, отсталые, феодальные обычаи и др.) и страстно хотевший ее развития по новому, буржуазному пути, а с другой — не кто иной, как он сам, прославлял и превозносил учение Конфуция, проповедуя синтез западной буржуазной морали с моралью Востока, надеясь, что это окажет положительное воздействие на Вьетнам. С одной стороны, он проявлял страстную ненависть к феодалам и императорскому двору, считая их в первую очередь повинными в страшных бедствиях своего народа, а с другой — не кто иной, как он сам, проповедовал «несопротивление» (бат бао донг) французам и их местным прислужникам. Возникает вопрос: чем объяснить, что Фан Тю Чинь был убежденным сторонником «несопротивления» и не призывал к вооруженному восстанию? Основная причина заключалась в том, что он еще не видел тех сил, которые могли бы руководить и направить борьбу за национальную независимость, ибо в рассматриваемый период класс феодалов уже перешел на сторону колонизаторов, став их опорой, а буржуазия еще не сформировалась как класс.

Итак, Фан Тю Чинь не видел реальной силы, способной свергнуть колониализм и феодализм. Более того, сам Фан Тю Чинь был сторонником «несопротивления», убедившись в том, что все предыдущие восстания кончились поражением и жестокими репрессиями. Вместе с тем было бы несправедливым утверждать, что Фан Тю Чинь во всех случаях решительно выступал против вооруженной борьбы. Он считал, что вооруженное выступление возможно лишь в том случае, когда имеются все необходимые условия для победы. «В противном случае восстания приносят смерть»⁶⁵. Свидетельством этого служит его беседа с Фан Бой Тяу в Японии, во время которой Фан Тю Чинь признался: «Я следую линии Мадзини, тогда как вы (Фан Бой Тяу.— *Авт.*) следуете линии Гарибальди. Мы идем к одной цели, но двумя различными путями»⁶⁶. Фан Тю Чинь писал, что «тот народ, который остается невежественным, который сидит сложа руки и лишь полагается на волю неба, ожидая милостей от короля и его чиновников, а сам бездействует, — такой народ обречен на страдания и лишения»⁶⁷. Обращаясь к

⁶⁵ Tran Huy Lieu. Lich su tam muoi nam chong Phap, с. 137.

⁶⁶ NCLS. 1965, № 76, с. 21.

⁶⁷ NCLS. 1964, № 67, с. 28.

соотечественникам и соотечественницам, он призывал: «Мы должны немедленно проявить озабоченность судьбами своего отечества, и только тогда можно будет надеяться, что настанет день, когда народ поднимет голову»⁶⁸.

Политическое кредо Фан Тю Чиня состояло из двух основных пунктов: повышение культурного уровня народа и народная власть. Для осуществления первого пункта, по его мнению, необходимо было провести в стране социальные реформы. Для установления народовластия необходимо было сбросить реакционную монархию Нгуенов.

Некоторые вьетнамские историки полностью отрицают антиимпериалистическую деятельность Фан Тю Чиня (Дан Дык Лой, Ле Ши Тоан, Буй Суан Чунг и др.)⁶⁹, с чем нельзя согласиться. Действительно, Фан Тю Чинь прямо не призывал к вооруженной борьбе с французскими властями, как это делал Фан Бой Тяу.

Антиимпериалистическая платформа Фан Тю Чиня проявилась в том, что, поднимая голос против императора, феодалов и чиновников, ратуя за демократические реформы, он тем самым выступал против колониальных порядков. Фан Тю Чинь выступал за создание национальных торговых и промышленных обществ, за дорожное строительство, прокладывание телефонных и телеграфных линий. Он горячо приветствовал создание национальных промышленных предприятий, таких, как «Куанг нам хиеп тхыонг конг ти», «Чиеу зыонг тхыонг кук» в Нгеане и др.⁷⁰. Концепция Фан Тю Чиня относительно экономических преобразований была призвана развивать национальную промышленность и торговлю, и тем самым он будил в народе стремление к национальной независимости. Вьетнамский историк Тон Куанг Фьет, высоко оценивая антиимпериалистическую платформу Фан Тю Чиня, писал: «Фан Тю Чинь был истинным патриотом, он хотел принести пользу родине, т. е. хотел изгнать захватчиков — французских колонизаторов»⁷¹. Хотя Фан Тю Чиню были присущи идеалистические философские воззрения, тем не менее он делал все для пропаганды патриотизма, пробуждения национального самосознания. Фан Тю Чинь страстно любил свою родину и желал увидеть ее свободной и независимой. Вся его деятельность объективно была направлена на усиление национально-освободительного движения. Антиимпериалистическую деятельность Фан Тю Чиня помимо Тон Куанг Фиега признают также многие вьетнамские историки (Хоа Банг, Минь Чунг, Дау Суан Май, Чыонг Хыу Ки и др.). Антиимпериалистические взгляды Фан Тю Чиня нашли наиболее яркое выражение в цитированном нами его открытом письме на имя генерал-губернатора Бо, в котором он подверг резкой критике французскую колониальную администрацию и ее политику в отношении вьетнамцев. Он осудил расстрел демонстрации в провинции Куангнгай, осудил смертный приговор Зыонг Тхаку и Чан Куй Капу.

В основном борьба Фан Тю Чиня была направлена против феодального строя. Он резко критиковал систему получения ученых степеней. В 1905 г. во время своей поездки в южные провинции Аннама вместе с Хюинь Тхук Кхангом и Чан Куй Капом он проверил систему обучения, в результате чего опубликовал критическую статью, в которой резко осудил изжившую себя феодальную систему просвещения. Вслед за этим Фан Тю Чинь выступил с критикой императорской администрации, основанной на коррупции и невежестве. В письме на имя Бо он также критиковал чиновников, самого императора и в целом феодальный строй. В этом проявилась антифеодальная направленность его деятельности. Однако антифеодальная платформа Фан Тю Чиня была во многом непоследовательной в силу того, что, во-первых, в своих идеологических воззрениях Фан Тю Чинь по-прежнему следовал учению Конфуция, лежавшему в основе феодальной идеологии; во-вторых, в вопросе государственного управления он выступал сторонником

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ NCLS. 1965, № 76, с. 19—20.

⁷⁰ NCLS. 1964, № 67, с. 35.

⁷¹ NCLS. 1965, № 76, с. 19.

конституционной монархии по японскому образцу, считая конституционную монархию переходной ступенью к буржуазной республике типа Франции⁷².

Движущей силой реформаторства Фан Тю Чиня был революционный буржуазный патриотизм, его цель — превратить Вьетнам в процветающую страну с высокой культурой. Реформаторские предложения Фан Тю Чиня были направлены на создание благоприятных условий для завоевания национальной независимости.

Личность Фан Тю Чиня — очень сложная и противоречивая. С одной стороны, он выступал за демократические реформы в интересах народа и прогресса общества. Идеи Фан Тю Чиня настраивали народные массы на активную политическую борьбу, благодаря им массы втягивались в революционное движение. С другой стороны, Фан Тю Чиню были присущи иллюзии, сводившиеся к тому, что при помощи французов (каких именно французов, он не указывал) возможна борьба против феодалов и осуществление демократических преобразований. Такая, ошибочная позиция Фан Тю Чиня, естественно, до некоторой степени сдерживала борьбу народных масс против французских колониальных властей. Именно в этом действия Фан Тю Чиня сближались с реформистами Буй Куанг Тиеу, Фам Куинем, Нгуен Ван Винем. Однако эта сторона не являлась главной чертой его деятельности.

Реформаторские воззрения Фан Тю Чиня принесли определенную пользу народу, сыграв положительную роль, ибо они разоблачали феодальную клику Нгуенов, помогая народу понять реакционную сущность класса феодалов и выбрать путь буржуазной революции. Реформаторские идеи Фан Тю Чиня пробуждали национальное самосознание. Ошибка Фан Тю Чиня заключалась в том, что он еще не понимал, что главный враг вьетнамского народа — это прежде всего империалисты, а затем феодалы. Он не мог понять, что невозможно провести демократические реформы при господстве колонизаторов. Утопические взгляды Фан Тю Чиня играли на руку империалистам и феодалам, в том числе его идея о невежестве вьетнамского народа и необходимости в связи с этим насаждения западной цивилизации. Реформизм Фан Тю Чиня в известной степени замазывал и отодвигал на второй план противоречия между империалистами и вьетнамским народом.

Противоречивость реформаторских взглядов Фан Тю Чиня заключается в том, что, с одной стороны, они играли на руку колониальным властям, а с другой — имели положительное значение, ибо вносили известную лепту в пробуждение национального самосознания вьетнамского народа в начале XX в., тем самым объективно способствуя развитию революционной борьбы.

Формирование политических воззрений Фан Тю Чиня можно разделить на два периода. В первый период, который завершается 1911 г., он действовал в стране, будучи тесно связан с вьетнамской действительностью. На этот период приходится складывание его мировоззрения. Характерной чертой этого периода явилось то, что он шел на компромисс, на соединение идеологических воззрений Востока и Запада, старых и новых политических концепций, что в дальнейшем привело его к реформизму. Первый период его деятельности включает такие события, как его арест и суд, вынесение ему смертного приговора с последующей заменой пожизненной каторгой на о-ве Пулокондор.

Второй период приходится на 1911—1925 гг., когда после своего освобождения с о-ва Пулокондор в 1911 г. ему было разрешено безвыездно жить во Франции⁷³. Этот период отличается от первого тем, что Фан Тю Чинь был оторван от вьетнамской действительности и занимался изучением идей западноевропейских мыслителей. Определенное влияние на его взгляды оказали философские воззрения Фридриха Ницше и Герберта Спенсера. Он восхвалял Дидро, Руссо, Ла Фонтэна, Паскаля, Монтескье, считая, что в их произведениях таится ключ, который поможет его соотечественникам обрести

⁷² NCLS. 1964, № 67, с. 21.

⁷³ В начале (1925 г. ему было разрешено вернуться на родину, где, не прожив года, он умер. После возвращения он твердо стал на позицию свержения монархии и провозглашения республики.

свободу. Наряду с этим Фан Тю Чинь испытал на себе большое влияние конфуцианства. Демократия Фан Тю Чиня ограничена рамками буржуазно-демократической республики. Путь к достижению независимости своей родины он видел в демократических реформах, а не в революции, с постепенной заменой мирным путем реакционного режима демократическим.

Несмотря на то что взглядам Фан Тю Чиня был присущ буржуазный характер, они тем не менее были не вскормлены экономической и социальной базой буржуазии, а порождены национальной почвой, столкнувшейся с распадом феодализма и вошедшей в соприкосновение с передовыми идеологическими течениями, привнесенными извне. Именно в силу этого Фан Тю Чинь отражал национальные интересы и являлся выразителем той части патриотически настроенных ши-фу, которые в рассматриваемый период искали путь к новой истине, путь к национальной независимости.

Противоречивый характер воззрений Фан Тю Чиня был обусловлен исторически и отражал противоречия эпохи, переходной от феодализма к капитализму, когда революционное движение приобрело национально-демократический характер.

Важное место в движении за социальные реформы сыграла Тонкинская общественно-просветительская школа, в деятельности которой Фан Тю Чинь принимал активное участие.

Тонкинская общественно-просветительская школа

В марте 1907 г. в Ханое была основана просветительская организация под названием «Донг кинь нгиа тхук»⁷⁴. Упомянутая организация была призвана возглавить широкое движение за просвещение неимущих слоев вьетнамского населения, обучение грамоте, естественным наукам, пробуждение в них патриотизма и национальных чувств. Активное участие в деятельности «Донг кинь нгиа тхук» принимали известные своей лояльностью к Франции Нгуен Суан Куанг—бывший глава провинции Лангшон, Нгуен Ван Винь — редактор газеты «Аннам нуво»⁷⁵, преподаватель педагогического училища Нгуен Ван Дык, а также Фан Тю Чинь, Дао Нгуен Фон, Фан Туан Фонг, Нгуен Куен, Данг Кинь Луан, Зыонг Ба Чанг и др. «Донг кинь нгиа тхук» имела много сторонников в среде местной интеллигенции и представителей имущих слоев, которые всячески содействовали ее деятельности и даже оказывали материальную помощь. Школа была хорошо организована, многие просвещенные лица работали бесплатно либо за небольшое жалованье. Среди населения проводились специальные сборы средств в пользу школы. Нуждающиеся учащиеся школы получали стипендию⁷⁶.

На первых порах число учащихся в Тонкинской школе составляло 500 человек, которое затем возросло до 2 тыс. В школе было восемь классов; обучение велось как в дневное, так и в вечернее, время. Днем занимались дети и подростки, вечером — взрослые. Деятельность школы проходила в рамках четырех секций: просвещения, агитации, финансов и секции по подготовке учебных пособий⁷⁷. Секция просвещения занималась организацией учебного процесса как в самом Ханое, так и на периферии. В компетенцию финансовой секции входило изыскание материальных, средств на нужды школы; она же непосредственно отвечала и за их расходование. Секция по подготовке

⁷⁴ Основателем школы считается известный вьетнамский литератор Лыонг Ван Кан (1857—1927).

⁷⁵ По мнению некоторых историков СРВ, в состав распорядительного комитета, руководящего органа «Донг кинь нгиа тхук», специально для донесений французским властям был введен Нгуен Ван Винь. Однако точных доказательств своего предположения они не приводят. В центральном архиве Индокитая хранится донесение верховного резидента Франции в Тоякине, датированное 14 февраля 1907 г., в котором сообщается: «Нгуен Ван Винь признал, что некоторые из членов „Донг кинь нгиа тхук“ были враждебно настроены к Франции, но что он в лекциях, которые читал в этой школе, всячески старался вызвать у слушателей обратную реакцию» (см.: ACI. F-03. Rapports politiques 1907—1908, с. 126).

⁷⁶ Dang Thai Mai. Van tho Cach mang Viet-Nam dau the ky XX (1900—1925). Ha-noi. 1974, с. 73.

⁷⁷ Ton Quang Phiet. Phan Boi chau va mot giai doan lich su..., с. 83.

учебных пособий ведала изданием различных учебных пособий и литературы. Школа располагала публичной библиотекой и издавала собственную газету «Данг ко тунг бао» («Возрождение») на куок нгы и на тьы ном. Газета служила главным органом идеологической пропаганды. Основное содержание печатавшихся в ней материалов сводилось к пропаганде реформ в области политической, экономической и культурной жизни вьетнамского населения⁷⁸. Однако среди указанных материалов были и такие, которые прямо или косвенно были направлены против французского колониального режима. Программа обучения основывалась на курсе «новое обучение» Китая и Японии⁷⁹, включая спорт, естественные науки, историю, географию, медицину, литературу. Преподавание велось на вьетнамском языке, но изучались и иностранные — французский и китайский. Материалами для обучения служили пособия, подготовленные школьными преподавателями, а также переведенные ими труды прогрессивных европейских и китайских авторов. Были открыты филиалы школы в ряде сельских районов севера и юга страны. В деятельности школы принимали участие многие видные литераторы, писатели и общественные деятели: Фан Тю Чинь, Хоанг Танг Би, Зыонг Ба Чак, Чан Тан Бинь и др.

В школе проводились дискуссии, лекции и беседы по самым различным вопросам. Лекции и беседы организовывались и в провинциях (Хадонг, Хынгиен, Бакнинь, Хайзыонг, Намдинь, Шон-тэй и др.). Чтение лекций сопровождалось разъяснением целей школы и сбором средств для ее деятельности. Во время бесед и дискуссий выступавшие резко критиковали взяточничество и коррупцию чиновников, жестоких помещиков и старост. Члены школы созывали собрания в сельской местности и в городах, на которых обсуждались наиболее острые вопросы, производился сбор денег для открытия народных школ и покупки литературы и учебных пособий. Школа применяла разнообразные формы пропаганды научных знаний посредством чтения и комментирования книг, газет и организации публичных выступлений лекторов. Прогрессивно настроенные французы также принимали участие в работе школы, учебный процесс в которой преследовал цель опровергнуть устаревшую идеологию конфуцианства, познакомить учеников с естественными науками, литературой, политикой.

Издаваемые школой труды по истории Вьетнама имели патриотическое содержание: в них, как правило, рассказывалось об исторических народных героях, участниках освободительного движения и о тех, кто отдавал много сил и энергии строительству и развитию экономики отечества, уделяя незначительное место императорам. Такие книги будили в народе чувства национальной гордости и патриотизма. В произведениях, издававшихся школой, много говорилось о борьбе за единство страны, содержался призыв к самопожертвованию во имя родины⁸⁰. «Донг кинь нгия тхук» представляла собой организацию совершенно нового типа, ставившую перед собой цель воспитания молодежи в новом духе с учетом развития наук. По замыслу руководства школы ее выпускники должны были составить основные кадры борцов за прогресс и цивилизацию страны в будущем.

Члены «Донг кинь нгия тхук» вели большую агитационную и просветительскую работу среди городского и сельского населения, резко критикуя изжившие себя феодальные обряды, прежние схоластические методы обучения, пропагандируя все новое и прогрессивное. Так, в частности, они ратовали за развитие национальной торговли и промышленности, призывали носить европейскую одежду, коротко стричь волосы и т. д.⁸¹.

Деятельность Тонкинской общественно-просветительской школы плодотворно сказалась на развитии национальной литературы. Многочисленные поэтические и прозаические произведения, написанные ее деятелями, вошли в золотой фонд

⁷⁸ NCLS. 1961, № 25, с. 29.

⁷⁹ Dang Thai Mai. Van tho Cach mang Viet-Nam, с. 73.

⁸⁰ Dang Thai Mai. Van tho Cach mang Viet-Nam, с. 95.

⁸¹ NCLS. 1961, № 25, с. 17—18.

прогрессивной национальной литературы. Патриотическая литература, созданная Тонкинской школой, сыграла большую роль в пробуждении национального самосознания. Хотя деятельность школы продолжалась лишь девять месяцев, тем не менее ею было издано и распространено большое количество книг и материалов на родном языке.

По предложению инспектора школы Нгуен Куена были напечатаны десятки тысяч томов учебников⁸². Школа закупила большое количество новой литературы из Китая. Нелегально было переведено и издано много сборников стихов и песен прогрессивных авторов. Школа объединила вокруг себя многих писателей, поэтов, журналистов, писавших труды на родном языке, которые в своих произведениях пропагандировали революционные, прогрессивные идеи. Нгуен Куен, Нгуен Фан Лонг, Дао Нгуен Фо, Ла Дай, Хоанг Танг Би и др.⁸³ были большими знатоками национальной литературы, владели пером и образным простым языком, знакомили широкие массы с художественным словом, говоря им правду, прививая любовь к родине, призывая к борьбе за независимость.

Благодаря действенной пропаганде широкое распространение в народе получила национальная письменность куок нгы. Вьетнамский язык обогатился новой лексикой и терминами, названиями различных машин, механизмов, новыми философскими и историческими терминами. Популяризация куок нгы вылилась в общенациональное движение за изучение национальной письменности. На страницах газеты «Данг ко тунг бао» печатались статьи о необходимости реформ в политико-экономической и культурной области жизни населения⁸⁴. Среди последних встречались и такие, которые прямо или косвенно были направлены против французского колониального режима. Деятельность «Донг кинь нгиа тхук» в области развития идеологии, культуры и просвещения приняла широкие размеры, составив целую эпоху в истории зарождения буржуазно-демократического движения. Влияние школы постепенно распространилось и на всю страну, охватив провинции Нам-динь, Нгеан, Хатинь, Куангнам, Биньтхуан и др., где были открыты школы, в которых обучение велось по программе «Донг кинь нгиа тхук».

В деятельности всех этих школ принимали участие широкие слои патриотически настроенных сил, начиная от умеренных и кончая революционерами. По своему социальному происхождению это были торговцы, зажиточные крестьяне, чиновники, просвещенные лица. В работе школ принимали участие многие члены тайных обществ⁸⁵.

По мере активизации деятельности Тонкинской школы в ней ярко проявились те же самые тенденции, которые наблюдались в национально-освободительном движении этой страны. На движение «Донг кинь нгиа тхук» оказывали воздействие сторонники как Фан Тю Чиня, так и Фан Бой Тяу.

Одна часть членов школы являлась сторонниками движения за социальные реформы по пути прогресса и цивилизации. Эта часть Тонкинской школы вела борьбу против засилья феодальной идеологии в культуре, образовании, искусстве: Ее участники широко популяризировали буржуазную культуру. Интеллигенция, занимавшаяся распространением идеологических концепций национальной буржуазии и сотрудничества с «Донг окинь нгиа тхук», стала называться новыми ши-фу. Часть ее представителей вышла из класса феодалов, однако ее большинство было связано социальными корнями с торговцами, предпринимателями и разночинцами и было ближе к народу, чем ши-фу XIX в. Новые ши-фу активно выступали против иностранного засилья, за развитие национальной торговли и промышленности. В Ханое сторонники «Донг кинь нгиа тхук» открыли магазины «Донг лой те», «Хонг тан хынг», «Куанг хынг лонг», в Куангнаме и Куангнгае основали торговую компанию «Лам тхань», в провинции Нгеан — магазин «Чиуе зыонг тхыонг куан», в Фантхiete — общество «Лиен тхань» и др.

⁸² Dang Thai Mai. Van tho Cach mang Viet-Nam, с. 75.

⁸³ Там же, с. 76.

⁸⁴ Cach mang can dai Viet-nam. Т. III, с. 37.

⁸⁵ Dang Thai Mai. Van tho Cach mang Viet-Nam, с. 74.

Интересно отметить, что торгово-промышленные предприятия, созданные сторонниками Фан Тю Чиня и Фан Бой Тяу, принципиально отличались друг от друга по своим целям. Предприятия группы Фан Тю Чиня учреждались с целью развития национальной торговли и промышленности. Для Фан Бой Тяу и его единомышленников такие предприятия служили источником средств для антифранцузской борьбы. Другая часть членов школы — сторонники Фан Бой Тяу ставили своей целью задачи чисто политического характера — борьбу против французского колониализма. Эти две тенденции в национально-освободительном движении также нашли свое яркое отражение и в деятельности членов «Донг кинь нгиа тхук».

Наряду с чисто просветительской работой школа занималась и политической пропагандой. Из уст в уста передавались песни и стихи антифранцузского содержания, широко распространялась антиколониальная литература. В провинции Бакнинь, например, были обнаружены политические листовки, содержавшие призыв к физическому уничтожению колонизаторов в Индокитае. «Каждый,— говорилось в одной из таких листовок,— обязан принять деятельное участие в борьбе за свободу нашей родины. Крестьянам следует отказаться от уплаты налогов, солдатам — обратить зрание против своих европейских командиров. Те, кто достаточно грамотен, смогут стать пропагандистами и агитаторами. Те, у кого есть достаточно средств, внесут свою лепту в правое дело пожертвованиями»⁸⁶.

На поиски распространителей антифранцузской литературы власти мобилизовали значительные полицейские силы. 6 декабря 1907 г. руководителям всех провинций Тонкина был разослан секретный приказ верховного резидента, в котором предписывалось «усилить бдительность и одновременно довести до сведения подчиненных, что те будут нести полную ответственность за беспорядки, могущие возникнуть в их провинциях»⁸⁷.

Антиколониальная деятельность «Донг кинь нгиа тхук» вызвала серьезное беспокойство французских властей. «Многие члены распорядительного комитета школы,— докладывал в своих отчетах верховный резидент Тонкина,— до сих пор не представили нам доказательств своей лояльности. Напротив, они проявили себя людьми, настроенными к нам явно враждебно. Один из них, Лыонг Нгок Кан, отправил в Японию двух своих сыновей для завершения образования, другой, Фан Тю Чинь, известный острыми нападками на представителей местной администрации, предпринял попытку распространять в определенных кругах идеи, отнюдь не полезные для нашего правительства»⁸⁸.

На первых порах французские власти ограничивались тем, что внимательно следили за членами Тонкинской школы через своих агентов. Однако, убедившись, что деятельность школы направлена на подрыв устоев колониального строя и что сама эта организация постепенно превратилась в центр патриотического антифранцузского движения, они поспешили провести против нее ряд репрессивных мер. В связи с этим верховный резидент Тонкина докладывал: «Я решил закрыть школу на Шелковой улице, которая служила скорее центром агитации против французского влияния, нежели общеобразовательным учреждением»⁸⁹.

В ноябре 1907 г. Тонкинская школа была закрыта, ее организаторов приговорили к многим годам тюремного заключения или сослали на каторгу. Вся литература школы была конфискована⁹⁰. Несмотря на короткий срок существования, школа сыграла большую роль в деле пропаганды научных знаний среди широких слоев населения, ведя активную борьбу за национальную независимость. Тонкинская школа вела также борьбу

⁸⁶ ACI. F-03. Rapports politiques 1907—1908, с. 78—79.

⁸⁷ Там же, с. 133.

⁸⁸ ACI. F-03. Rapports politiques fevrier 1908, с. 51.

⁸⁹ ACI. F-03. Rapports politiques 1907, с. 76.

⁹⁰ Dang Thai Mai. Van tho Cach mang Viet-Nam, C. 7.

против засилья феодальной идеологии в области культуры, просвещения, искусства и литературы. Аналогично движению «Донг Зу» «Донг кинь нгиа тхук» имела ярко выраженную патриотическую направленность, преследуя цель поднять культурный и духовный уровень народа. Оба эти патриотические движения дополняли друг друга в антиимпериалистической и антифеодальной борьбе вьетнамского народа.

При наличии большого сходства в идеологической направленности «Донг Зу» и «Донг кинь нгиа тхук» между ними отмечались и значительные расхождения. Так, если основная цель движения «Донг Зу» сводилась к получению вьетнамской молодежью образования в Японии, с тем чтобы подготовить национальные кадры для будущей вооруженной антифранцузской борьбы, то «Донг кинь нгиа тхук» в качестве своей основной задачи выдвигала проведение социальных реформ с целью демократизации страны и поднятия культурного уровня ее народа.

Сторонники «Донг кинь нгиа тхук» выступали против китайской феодальной культуры и письменности (ханван), тогда как французские власти были заинтересованы в их сохранении. Борьба против китайской письменности по своей сути была направлена не только против французских колонизаторов, но и против вьетнамских феодалов и застывших конфуцианских догм. Феодалы насаждали в народе конфуцианские каноны, сохраняли феодальную культуру и мораль, ибо это давало им возможность удерживать народные массы в состоянии невежества и обскурантизма. В отличие от «Донг Зу» «Донг кинь нгиа тхук» в своей деятельности не делала политической ставки на феодалов, решительно отмежевавшись от них, как, впрочем, не рассчитывала и на иностранную военную помощь. Руководители этого движения видели причину всех бед и отсталости вьетнамского народа в засилье феодальной идеологии и культуры, сковывавших народные таланты, препятствовавших прогрессу цивилизации. Руководителям «Донг кинь нгиа тхук» были близки прогрессивные идеи Руссо, Дидро, Монтескье, китайских реформаторов (особенно Лян Цичао и Тань Сытуна), а также идеи японской революции Мэй-дзи, которые они всемерно и широко пропагандировали в своих лекциях, тесно связывая учебу с практикой и жизнью.

Создание «Донг кинь нгиа тхук» было исторически обусловлено тем, что в конце XIX — начале XX в. прогрессивно настроенная вьетнамская интеллигенция смогла воочию убедиться в консервативном характере феодальной идеологии, превратившейся в тормоз социального прогресса. Пробуждение национального самосознания толкнуло эту интеллигенцию на поиски новых путей развития страны. К тому же к этому времени она уже убедилась в том, что девиз «кан-выонг» уже не может более сплачивать прогрессивные силы в борьбе за независимость, когда класс феодалов во главе с императором перешел на сторону колонизаторов.

Заслуга общества «Зуи Тан» и «Донг кинь нгиа тхук» состоит в том, что они пошли дальше движения «кан-выонг» и практически встали на путь антифеодальной и антиколониальной борьбы, дополняя друг друга, развернув в народе активную пропаганду за новый, капиталистический путь развития страны. Во взглядах Тонкинской школы на развитие национальной промышленности, сельского хозяйства и торговли нашли свое выражение интересы вьетнамской буржуазии. «Донг кинь нгиа тхук» родилась в период первой русской революции 1905—1907 гг. и пробуждения Азии, знаменовав собой рост национального самосознания. К этому же времени развернула свою деятельность и первая политическая организация Вьетнама — общество «Зуи Тан», организовавшее движение «Донг Зу». Обе эти организации выражали интересы зарождающейся вьетнамской буржуазии, первые отряды которой к этому времени вступили на политическую арену, сделав заявку на руководство национально-освободительным движением. Деятельность обеих политических организаций оказала большое влияние на судьбы революционного демократического движения в стране, и в частности в провинциях Центрального Вьетнама, где в 1908 г. вспыхнуло широкое крестьянское движение под названием «Движение соотечественников» («Донг бао»). Движение в Чунгки за прогресс началось

еще в 1906 г. Его возглавили Фан Тю Чинь и Хюинь Тхук Кханг. После возвращения из Японии Фан Тю Чинь работал в провинции Тханьхоа, где велась широкая пропаганда социальных реформ, улучшения жизненных условий населения, внедрения латинизированной письменности куок нгы, развития национальной промышленности и торговли⁹¹. Эти требования носили буржуазно-демократический характер. Упомянутое движение распространилось не только на города, но также и на сельские районы. Так, в провинции Куангнам было открыто 18 школ, преподаватели которых работали на общественных началах⁹².

Движение «Зуи Тан» в Чунгки и движение против налогов и принудительных отработок, охватившее обширный район Центрального Вьетнама, испытали на себе влияние политического кредо Фан Тю Чиня. От требований реформ в ряде мест (Куангнам, Куангнгай) это движение переросло затем в вооруженные народные выступления против феодальных и колониальных властей. Вооруженные выступления произошли вопреки желанию Фан Тю Чиня. Жизнь показала ошибочность взглядов Фан Тю Чиня и Фан Бой Тяу и еще раз подтвердила истину о необходимости ведения борьбы как против империалистов, так и против феодалов. Последнее ярко продемонстрировали мощные выступления крестьян в Чунгки в 1908 г., в которых проявили себя оба направления в национально-освободительном движении⁹³.

Восприняв идеи буржуазно-демократической революции, патриотически настроенная интеллигенция использовала их для поднятия крестьянства на борьбу. Революционные массы крестьян в силу своего социального происхождения, экономических условий и социального положения в рассматриваемый период уже обладали антиколониальным и антифеодальным духом борьбы, и поэтому идеи Фан Бой Тяу и Фан Тю Чиня были ими восприняты и взяты на вооружение.

Под влиянием деятельности «Донг кинь нгия тхук» в Чунгки получило широкое развитие движение «Донг бао» или движение «Зуи Тан», выступавшее против старой схоластической системы обучения, за внедрение европейского образования. Это движение будило в народе дух свободолюбия, национальные чувства. Однако, поскольку указанное движение проходило в легальных условиях при попустительстве колониальных властей, оно развертывалось в форме буржуазного реформизма, которое по своему характеру было скорее антифеодальным, нежели антиимпериалистическим. Итак, под влиянием освободительных и просветительских идей общества «Зуи Тан» и «Донг кинь нгия тхук» народные массы поднялись на вооруженную борьбу с местными и иностранными угнетателями. Наиболее яркими проявлениями этой борьбы явились выступления крестьян в Чунгки (Аннам) против налогов (весна 1908 г.), попытка захвата Ханоя (июнь 1908 г.) и борьба крестьян под руководством Де Тхама (1909— 1913) в Бакки (Тонкин).

⁹¹ NCLS. 1964, № 66, с. 43.

⁹² Lich su can dai Viet-Nam. Т. III, с. 168.

⁹³ NCLS. 1965, № 76 с. 25.

Глава 4

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В 1908—1913гг. И СОЗДАНИЕ ОБЩЕСТВА «ВЬЕТНАМ КУАНГ ФУК ХОЙ»

Национально-освободительное движение в 1908—1913гг.

Выступления крестьян Чунгки против налогов. В конце XIX — начале XX в. французские колонизаторы и местные феодалы продолжали захватывать общинные земли. Этот процесс сопровождался усилением налогового гнета, жесточайшей эксплуатацией крестьянских масс и ухудшением их общего материального положения. Сумма налогов, взимаемых с крестьян, постоянно росла. Так, если подушный налог в 1897 г. равнялся 1 пиастру, то в 1900 г. он составил 1,5 пиастра, а в 1906 г. — уже 2,4 пиастра¹.

За указанное время земельный налог увеличился примерно в 1,5 раза и взимался уже не натурой, как прежде, а деньгами². Соответственно были увеличены и другие налоги и поборы. Помимо уплаты налогов население обязано было отбывать трудовую повинность: участвовать в сооружении плотин, рыть каналы, строить шахты и т. д. Эти работы не оплачивались, к тому же крестьяне сами должны были обеспечивать себя продовольствием во время отработок. Каждый крестьянин Чунгки ежегодно в среднем должен был участвовать в принудительных отработках до 15—16 раз³. Многие, возвратившись с принудительных работ, страдали тяжелыми болезнями, становились калеками. В тех провинциях, где подобная вербовка не проводилась, крестьян обязывали платить за это особый налог. Подобная система налогообложения разоряла крестьян, вызывая у них возмущение существующим режимом.

Задавленные непомерно высокими налогами и различными поборами, крестьяне стихийно выступали против колониальных и феодальных властей. Во многих провинциях Центрального Вьетнама (Куангнам, Куангнгай, Биньдинь, Фукиен, Тхыатхиен, Ха-тинь и Нгеан) прошли массовые манифестации крестьян.

Первыми поднялись крестьяне уезда Дайлок (пров. Куангнам). В этой провинции распространялись листовки, в которых разоблачались преступные действия куанов, рассказывалось о тяжелом положении местного населения. Одна из таких листовок гласила: «Доводим до сведения наших соотечественников, что уже около двух десятков лет наша страна страдает под гнетом вероломных куанов. Они постоянно притесняют нас... Подушный и земельный налоги, цены на монопольные товары (соль, спиртные напитки) и различные сборы непомерно возросли. Алчные куаны занимаются только тем, что причиняют зло своим соотечественникам ради личного благополучия, угождают иностранцам. Мы видим, как все больше истощаются народные ресурсы, усиливаются репрессии, и мы не в состоянии их больше переносить»⁴. С конца февраля 1908 г. среди населения Чунгки была тайно распространена листовка, призывавшая «не платить налоги французам»⁵. Под воздействием антифранцузской агитации, которую вели члены общества «Зуи Тан», и антифеодальной пропаганды, осуществлявшейся сторонниками движения за социальные реформы «Донг кинь нгиа тхук», произошли крестьянские выступления во многих провинциях Аннама (Центральный Вьетнам). Так, крестьяне уезда Дайлок (пров. Куангнам) в ходе выступления потребовали от местного губернатора и французского резидента указанного уезда справедливого проведения вербовки крестьян на принудительные работы. Несмотря на последовавшие репрессии со стороны

¹ Cach mang can dai Viet-Nam. T. III, с. 59.

² Ton Quang Phiet. Phan Boi chau va mot giai doan lich su... с. 29.

³ Lich su can dai Viet-Nam. T. III. с. 163.

⁴ АМРВ, ф. 1-А, д. 1, док. 1.

⁵ Cach mang can dai Viet-Nam. T. III, с. 67.

колониальных властей, манифестации крестьян в этом районе продолжались в течение месяца. Эти манифестации носили форму пассивного неповиновения: безоружные манифестанты обычно располагались вокруг резиденции представителя французских властей, принося с собой пищу и циновки, и могли таким образом оставаться там продолжительное время. Выдвинутое манифестантами первоначальное требование о сокращении срока принудительных работ в ходе борьбы перешло в требование отмены принудительной отработки и сокращения налогов⁶. В связи с изданием указа об увеличении на 5% земельного налога ши-фу уезда Дайлок в феврале 1908 г. подали местным властям прошение с просьбой пересмотреть указ или полностью отменить его. Собрав около 500 подписей, ши-фу направили 11 марта к губернатору провинции специальную делегацию. Когда же губернатор отказался принять делегатов, они проследовали к французскому резиденту. Тот пообещал сократить налоги, но одновременно отдал приказ об аресте руководителей выступления — Лыонг Тяу, Хыя Тао и Чыонг Хоаня. Подобный акт вызвал возмущение как в самом уезде, так и за его пределами — в уездах Диенбан, Тханг-бинь, Тамки и др., где произошли серьезные столкновения, в результате которых с обеих сторон было много убитых и раненых. Городская жизнь в Хойане была парализована в течение месяца: были закрыты все магазины и торговые лавки. Повсюду происходили манифестации, численность которых в ряде мест достигла 8 тыс. человек. Их участники требовали уменьшения подушного и поземельного налогов и освобождения арестованных манифестантов⁷. В одной из листовок, распространенных в указанное время среди населения Чунги, это сопротивление оценивалось следующим образом: «Действия жителей Куангнам достойны самого высокого уважения и подражания. Они зарекомендовали себя стойкими и храбрыми людьми. Дело, совершенное ими, служит нам примером»⁸.

Крестьянское движение в Куангнаме постепенно переросло в широкое массовое вооруженное сопротивление, перекинувшееся на другие провинции Чунги, и в первую очередь на соседнюю провинцию Куангнгай. Чтобы подавить это движение, власти провели в марте в уезде Биньшон провинции Куангнгай широкую кампанию арестов. Однако это послужило лишь поводом для новых антиправительственных выступлений. В ходе борьбы был создан комитет восстания, выдвинувший следующие требования: 1) сокращение подушного налога с 2,4 до 1,5 пиастра; 2) ликвидация надбавки к земельному налогу, установленной в 1897 г. в размере 8% общей суммы налога, и отмена нового закона, по которому земельный налог был дополнительно увеличен на 5%; 3) отмена сборов на речных переправах, рыночных сборов и налога на соль; 4) наказание куанов, уличенных в коррупции; 5) открытие новых школ и больниц; 6) сокращение на четыре дня сроков ежегодной трудовой повинности⁹.

Указанные выступления не ограничились одним только выдвижением этих требований. В скором времени крестьяне перешли к решительным действиям: расправлялись с отдельными наиболее ненавистными представителями властей, уничтожали французские военные посты, громили и жгли дома куанов. Таким образом, ранее разрозненные, стихийные выступления постепенно переросли в широкую, подлинно массовую организованную борьбу.

В апреле 1908 г. начались волнения среди крестьян уезда Бонгшон (пров. Биньдинь), вошедшие в историю освободительной борьбы вьетнамского народа под названием движения «Донгбао» («Соотечественники»). Это движение приняло форму массового похода крестьян уезда к центру провинции. На всем пути следования его участники разъясняли местному населению свои требования и цели борьбы. 16 апреля свыше 10 тыс. крестьян начали осаду крепости Биньдинь, продолжавшуюся много дней.

⁶ L'Agitation antifrancaise, с. 58.

⁷ Ton Quang Phiet. Phan Boi chau va mot giai doan lich su... с. 93.

⁸ АМРВ, ф. 1-А, д. 1, док. 1.

⁹ Lich su can dai Viet-Nam. Т. III. с. 170.

Колониальные власти стянули к крепости войска, и в течение недели здесь происходили вооруженные столкновения между крестьянами и колониальными войсками.

В апреле движение против налогов охватило Хюэ и его окрестности, а в мае оно перекинулось на провинции Тханьхоа, Нгеан, Хагань, Куангбинь, Куангчи, Фунян. В провинции Тханьхоа большую роль сыграл клуб «Ха тхан тху са», поддерживавший связь с «Донг кинь нгиа тхук»¹⁰.

Крестьянские выступления в Чунгки продолжались около трех месяцев (с марта по май 1908 г.) и имели характер массовых антиимпериалистических и антифеодальных бунтов. Указанные выступления вызвали серьезное беспокойство колониальной администрации. Против повстанцев были брошены войска, жестоко подавлявшие крестьянские выступления.

Движение крестьян против налогов и принудительных работ не имело твердого руководства. Однако в этом движении проявились разнообразные формы борьбы, которых раньше не было, а именно массовые манифестации, окружение гарнизонов колониальных войск; распространение листовок и прокламаций, выдвижение массовых лозунгов. Для того чтобы подавить движение, французские власти были вынуждены стянуть крупные силы. Репрессии были настолько жестокими, что даже послужили основанием для депутата социалиста Прессансэ выступить 19 марта 1909 г. в Париже с интерпелляцией. Многие ши-фу, участвовавшие в указанных мирных демонстрациях, были арестованы, сосланы на каторжные работы или казнены.

В провинции Куангнам были казнены Чан Куй Кап и Тю Тхы Донг, сосланы на каторгу па о-в Пулокондор Фан Тю Чинь, Хюинь Тхук Кханг, Фан Тхук Зюен, Ле Ба Чинь, Чан Као Ван. В провинции Куангнгай были казнены четыре человека, среди которых Нгуен Ба Лоан, Ле Кхиет, шесть человек были сосланы на Пулокондор: Нгуен Динь Куанг, Чан Ки Фонг, Нгуен Тхюи, Фам Као Тям, Нгуен Туйен, Нгуен Май; большое число было сослано в Бато, Шонха. Деревни, где зародилось движение, были стерты с лица земли. Многие арестованные были забиты в колодки. Упомянутое движение в ходе своего развития переросло в широкое массовое выступление крестьян против французских колонизаторов и их приспешников из числа феодальной верхушки. Во многих провинциях и уездах поднявшиеся на борьбу крестьяне захватили власть в свои руки. Несмотря на отсутствие организованности, в этом движении отразились огромные силы широких народных масс. В то время как широкие народные массы проявляли твердую волю к борьбе, руководство движением медлило, обнаруживало нерешительность, не было единым в своих действиях. Французская тайная полиция докладывала: «По сведениям верховного резидента в Аннаме, общее число осужденных участников движения, в подавляющем большинстве интеллигентов, составило 216 человек. Наиболее известным из них был Фан Тю Чинь. Он был арестован 31 марта в Ханое по требованию верховного резидента и приговорен в срочном порядке 10 апреля регентским советом в Хюэ к смертной казни по обвинению в государственной измене. Это решение было одобрено французским верховным резидентом Аннама. 14 апреля 1908 г. смертная казнь была заменена ссылкой на Пулокондор»¹¹. 24 июня 1910 г. Фан Тю Чинь был помилован и в марте 1911 г. вместе с сыном выехал во Францию¹². Массовые убийства, жестокая расправа с демократически настроенными ши-фу, разгром школ и торговых обществ — таков был ответ французских колониальных властей и местных феодалов на справедливые требования народных масс. Вот что писал по этому поводу Фан Тю Чинь в специальном

¹⁰ Известно, что после своего возвращения из Японии Фан Тю Чинь работал среди ши-фу провинции Тхамьхоа, а с начала выступлений крестьян — в провинциях Куангнам и Куангнгай, где пользовался большой популярностью.

¹¹ ANSOM. Indochine A-30 (155).

¹² L'Agitation antifrancaise..., с. 63.

послании, направленном им в 1911 г. в Лигу прав человека и гражданина¹³: «Данные, которые мне удалось получить, свидетельствуют о том, что в провинции Куангнгай было убито и ранено свыше 200 человек. В провинции Биньдинь число пострадавших — убитых, раненых и приговоренных к каторжным работам — превышает 100 человек». Будучи не только очевидцем, но и непосредственным участником крестьянского движения в Чунгки, Фан Тю Чинь стремился во что бы то ни стало доказать в своем послании невиновность своих соотечественников, подвергшихся жестоким мерам наказания, и требовал освобождения заключенных. Фан Тю Чинь заканчивал свое письмо требованием полной амнистии всех осужденных и оставшихся в живых после событий 1908 г.¹⁴.

На севере Аннама революционное движение развертывалось под сильным влиянием Фан Бой Тяу.

Авторитет Фан Бой Тяу оказывал воздействие на просвещенное население, способствовал созданию политических групп и сбору средств. Часть служителей культа и преподавателей также помогала патриотическим организациям. Служители культа, которые вели антифранцузскую пропаганду, подвергались жестоким репрессиям со стороны колониальных властей, их ссылали на каторжные работы на о-в Пулокондор. Власти усилили состав деревенских старост Виня и Хатиня. Прогрессивно настроенные французские офицеры доброжелательно относились к патриотическим силам и в ряде случаев помогали им в захвате оружия в цитадели. Патриоты провинций Нгеан и Хатинь вели большую работу среди населения, что признавал сам генерал-губернатор Индокитая, который докладывал министру колоний следующее об одном из них: «Данг Тхай Тхан, будучи образованным человеком, пользовался большим авторитетом среди верующих. Он был главным связным между Кыонг Де и Фан Бой Тяу и их сторонниками в Нгеане и Хатине. Данг Тхай Тхан занимался корреспонденцией общества „Зуи Тан“, распределял материальные фонды, давал сведения руководству, находящемуся за границей. Ту Нгон был связным между руководителями общества „Зуи Тан“ и местными базами в провинциях Нгеан и Хатинь и в ряде пунктов Тонкина: он часто ездил в Сиам, Лаос, Тонкин, неоднократно бывал у Де Тхама»¹⁵.

В отчетах генерал-губернатора Индокитая упоминаются многие имена арестованных патриотов. Так, в Дананге был арестован Нам Хынг, в Тхыатхиене — Тон Тхат Тунг, в Куангнаме — До Туэт, в Вине — Хинь и др. Из всего этого можно сделать вывод о наличии широко разветвленной сети местных баз общества «Зуи Тан» и о большой работе, проводимой ими среди населения.

Крестьянское движение в Чунгки еще раз показало, что вьетнамские феодалы окончательно перешли на сторону колонизаторов и вместе с ними выступали против революционных масс. Движение протеста против тяжелых налогов распространилось на обширную территорию (им было охвачено десять провинций), сильно пошатнув устои колониального режима. В этой связи обращает на себя внимание донесение верховного резидента Франции в Тонкине. «Восстание в Аннаме против налогов,— писал этот резидент,— несмотря на свою главную, внешне антифеодальную направленность, не в меньшей степени является также и антифранцузским»¹⁶. Это не могло не беспокоить не только французских, но и английских, голландских и других колонизаторов, ибо, по их мнению, пример вьетнамских патриотов мог оказать сильное революционизирующее воздействие также и на другие колонии в Азии. На это обстоятельство указывал в те годы и В. И. Ленин. В статье «Горючий материал в мировой политике», появившейся вскоре после подавления французскими колонизаторами революционно-демократического

¹³ Лига прав человека и гражданина — буржуазно-демократическая организация, созданная в 1898 г. во Франции в связи с преследованием правящими кругами страны писателя Эмиля Золя.

¹⁴ АМРВ, фI-A, д. 4, док. 1, я. 18.

¹⁵ ANSOM. Indochine A-20 (64).

¹⁶ ACI. F-03. Rapport politique avril 1908, с. 2.

движения вьетнамских крестьян в Чунгки и вслед за карательными операциями на вьетнамо-китайской границе против вьетнамских и китайских революционеров, он писал: «Что на этот раз некоторые участники колониального грабежа почувствовали себя обеспокоенными, это видно из поведения французов в Индо-Китае: они *помогали* китайской „исторической власти“ расправляться с революционерами! Они боялись равным образом за целостность „своих“, по соседству находящихся, азиатских владений»¹⁷.

Вслед за выступлением крестьян в Чунгки последовала попытка массового отравления французских солдат в Ханое, подготовленная в июне 1908 г. сторонниками Фан Бой Тяу. Эта акция была частью их действий по захвату Ханоя.

В борьбе против колонизаторов Фан Бой Тяу придавал большое значение использованию колониальной армии. Он и его сподвижники вели среди вьетнамских солдат и офицеров колониальных войск активную антифранцузскую пропаганду. Многие вьетнамские военнослужащие поддерживали Фан Бой Тяу. Стремясь объединить все вооруженные отряды для общей борьбы против колониального строя, Фан Бой Тяу установил связь с остатками отрядов Фан Динь Фунга в провинциях Хатинь, Нгеан, Куангнам, Куангнгай, а также с отрядами Чыонг Диня и Чан Чи. Прибыв в декабре 1906 г. в Фонсьонг, Фан Бой Тяу вступил в переговоры с Де Тхамом¹⁸. В результате переговоров между двумя лидерами была достигнута договоренность по наиболее важным конкретным вопросам. Во-первых, стороны договорились, что в случае восстания в Чунгки отряды Де Тхама придут на помощь восставшим. Во-вторых, был согласован вопрос о помощи вооруженных сил общества «Зуи Тан» Де Тхаму также и на случай возможных военных действий последнего против колонизаторов. Кроме того, общество «Зуи Тан» обязалось помогать Де Тхаму оружием и продовольствием.

Де Тхам вступил в общество «Зуи Тан», признав за Кыонг Де право на руководство обществом, и начал тесно координировать действия своих вооруженных отрядов с деятельностью «Зуи Тан».

Важное значение в этих объединенных действиях придавалось захвату Ханоя. С этой целью подпольная организация «Нгиа Хынг» (она была создана в Ханое незадолго до нелегальной поездки Фан Бой Тяу во Вьетнам) установила в июле 1907 г. связи с вьетнамцами, служившими в Ханойском военном гарнизоне. Члены этой организации неоднократно обсуждали с офицерами-вьетнамцами из числа служащих гарнизона вопрос о захвате власти в городе. Окончательная дата штурма Ханоя была назначена на 27 июня 1908 г.

Конкретный план повстанцев состоял в том, чтобы силами местных отрядов захватить штаб, склады с оружием, Индокитайский банк. Предполагалось, что отряд Де Тхама в 200 человек переправится на левый берег Красной реки и захватит основные стратегические районы города — вокзал, вагоноремонтные мастерские Залам; парализует движение на железной дороге, перережет линии телефонной и телеграфной связи¹⁹.

Чтобы осуществить задуманный план, руководители восстания приняли решение вывести из строя колониальных французских солдат городского гарнизона путем отравления. Но предательство в рядах повстанцев помешало осуществлению этого плана. Узнав о готовящемся восстании, французские власти мобилизовали все имевшиеся в их распоряжении силы и средства для охраны города, объявили военное положение и арестовали основных руководителей восстания. Но операцию по отравлению французских военнослужащих властям сорвать не удалось: свыше 200 французских солдат и офицеров получили отравления во время банкета 27 июня 1908 г.

События в Ханое явились первой попыткой вьетнамских солдат и офицеров свергнуть колониальный режим. Однако эта попытка оказалась неудачной, ибо действия

¹⁷ В. И. Ленин. Горючий материал в мировой политике. — Т. 17, с. 179.

¹⁸ Dinh Xuan Lam, Nguyen Van Su, Tran Hong Viet. Hoang Hoa Tham va phong trao nong dan Yen-The. Ha-noi. 1958, с. 110.

¹⁹ L'Agitation antifrancaise..., с. 69.

повстанцев походили скорее на террористическую акцию, нежели на действительно организованное широкое выступление народных масс.

В июле состоялся судебный процесс над виновниками отравления. Многие были осуждены и сосланы на каторжные работы, руководители операции казнены. Были гильотинированы Нгуен Ти Бинь, Нгуен Ван Кок, Данг Динь Няп, чьи головы были выставлены для устрашения населения в городе. Лишь некоторым революционерам удалось избежать ареста; часть из них укрылась в районе Иентхе, который был центром крестьянского движения во главе с Де Тхамом²⁰.

Борьба крестьян под руководством Де Тхама. После провала плана захвата Ханоя положение сторонников общества «Зуи Тан» в стране значительно ухудшилось. Практически общество лишилось всех своих опорных баз. Исключение составлял район Иентхе, где были сосредоточены вооруженные отряды Де Тхама (Хоанг Хоа Тхама).

В течение 11-летнего мирного периода район Иентхе был сильно укреплен, превратившись в центр антифранцузских сил, куда стекались многие вьетнамские патриоты²¹.

В политическом докладе от 16 сентября 1908 г. на имя генерал-губернатора Индокитая верховный резидент Тонкина отмечал, что «в лице Де Тхама мы имеем опасного врага, тем более что он не перестает заверять нас в своей лояльности. К нему, как к человеку, который воплощает в себе идеал независимости, сейчас обращены взоры и надежды недовольных в Аннаме и Тонкине». «Призывы Де Тхама,— отмечалось в другом документе верховного резидента Тонкина Ж. Мореля,— завоевывают население Тонкина, Аннама и Кохинхины. Его престиж ежечасно возрастает». «Де Тхам является знаменем, вокруг которого группируются недовольные и злоумышленники. На него ориентируются члены антифранцузских организаций, скрывающиеся за границей»²².

Именно этими соображениями можно объяснить стремление колониальных властей во что бы то ни стало подавить последний очаг национально-освободительного движения в Иентхе во главе с Де Тхамом.

Что представлял собой район Иентхе в географическом отношении? Район Верхнего Иентхе, в котором действовали отряды Де Тхама, располагался в 70 км к северу от Ханоя и в 20 км от Фулангтхьонга и представлял собой холмистую местность, поросшую кустарником. На севере Иентхе — леса и скалы Кайкиня. Юг Иентхе находится в дельте Красной реки. В этом районе, чрезвычайно благоприятном для ведения партизанской борьбы, Де Тхам создал свои укрепленные базы. Основным резервом его отрядов служили крестьянские массы того же уезда. Успехам Де Тхама способствовала помощь остатков тайпинских отрядов под командованием Лю Юнфу, активно боровшихся вместе с вьетнамцами против колонизаторов.

Верховный резидент Тонкина Морель лично разработал план захвата Иентхе, выполнение которого было возложено на полковника Батая. Колониальные власти сосредоточили против Иентхе крупные военные силы, оснащенные первоклассной по тому времени военной техникой, и предложили Де Тхаму сдаться. Последний ответил отказом и принял решение принять бой. В ответ на это колониальные войска под командованием полковника Батая 29 января 1909 г. вторглись в район Иентхе. С этого момента начался третий период борьбы против отрядов Де Тхама, который охватывает четыре года (январь 1909 — февраль 1913 г.).

Против повстанческой армии Де Тхама были брошены многочисленные войсковые подразделения: пехота, кавалерия, артиллерия. Сюда же были стянуты сухопутные войска, дислоцированные в провинциях Бакзынг, Фукиен и Тхайнгуен. Общая численность французских войск превосходила 15 тыс. человек.

²⁰ ACI. F-O3. Rapport politique du mois de juillet 1908, с. 9.

²¹ ANSOM. Indochine NF-592.

²² AC1. F-O3. Rapport politique du mois d'aout 1908, с. 16; то же, juin 1908.

30 января 1909 г. полковник Батай направил два мобильных отряда во главе с майором Майе против повстанческих отрядов, руководимых Де Тхамом, Ка Зинем и Ка Хуинем, дислоцировавшихся в Тього и Амдонге. Французские военные подразделения действовали также против повстанческих отрядов, руководимых Ба Биеу, Ли Тху, Де Бао, Лыонг Ти Хуаном и Хоанг Минь Зыон-гом. Кроме того, Батай создал специальный отряд, в задачу которого входило задержание в оккупированных районах соратников Де Тхама и создание препятствия для населения в оказании помощи повстанческим отрядам. Подразделения этого отряда были сосредоточены по всему Иентхе (Бакле, Мочанг, Тьофонг, Хатяу, Даптяу и др.).

После непродолжительного сопротивления повстанческие отряды приняли решение оставить Тього и отступить на север. Перед отступлением Де Тхам разделил свои вооруженные силы на пять отрядов, командирам которых было дано указание действовать по личному усмотрению с учетом местных условий. Де Тхам был вынужден сосредоточить свои силы и перенести военные действия в леса и горы. Используя партизанскую тактику борьбы, отряды Де Тхама причиняли большое беспокойство французским силам. Такая тактика давала Де Тхаму возможность широко и всесторонне использовать благоприятные местные географические условия и осуществлять большую маневренность боевых операций. После захвата Тього французами были проведены массовые облавы, а также были предприняты меры по изоляции сторонников Де Тхама с целью лишить возможности снабжать повстанческие отряды продовольствием и приостановить просачивание информации о деятельности французских войск. Задержанные лица (около 150 человек) были размещены в двух зданиях, которые до этого принадлежали местному префекту. Среди заключенных находились и родственники Де Тхама.

Наиболее ожесточенные бои имели место в районе Тамдао и Фукиен. В январе 1909 г. отряд повстанцев под командованием Хай Нама появился в Тханьламе (уезд Кимань, пров. Фукиен) и дал бой французскому пехотному подразделению в Намли (юго-восточный склон горы Тамдао).

1 февраля того же года французские войска навязали бой отряду Де Тхама у форта Хом (Жынгче), который длился целый день. Французское командование бросило дополнительные силы на этот участок боя, однако успеха так и не добилось. Вечером Де Тхам с отрядом отошел на новые позиции.

11 февраля произошли бои в Донгданге и деревне Шонкуа, в которых со стороны французов была использована артиллерия, поддержанная действиями пехоты. Несколько атак было отбито метким огнем повстанческих отрядов, и только ночью последние вынуждены были отступить. В этом бою французы понесли большие потери в живой силе.

С 12 по 20 февраля 1909 г. французские войска вели операции по прочесыванию района Жынгче (от Нянама до шахты Налы-онг). 20 февраля они навязали бой в районе Донден, у высоты 208 и у местечка Текхе. 1 марта повстанческие отряды вынудили французский отряд под командованием лейтенанта Курне обратиться в бегство в направлении к Нянаму, а 16 апреля отряд Де Тхама дал бой у Мотхо (район Бакзянг).

Активные боевые действия велись повстанческими отрядами во главе с Ка Хуинем, Кай Те, Ба Биеу, Хай Шоном, Линь Тхуаном и Ка Зинем в районе Фукиен. Особо следует отметить бой в Хамлоне (15 марта), на юго-восточном склоне горы Тамдао (уезд Кимань, пров. Фукиен), в котором французское командование применило артиллерию, причинив большой ущерб местному населению. После боев в Хамлоне повстанческие отряды начали активно прибегать к партизанским методам борьбы, появляясь неожиданно в самых различных местах, даже в 15 км от Ханоя. Де Тхам и командиры его отрядов специально растянули фронт действий на огромной территории, чтобы не дать возможности французскому командованию нанести решающий удар по своим силам в одном месте и добиться превосходства в военных действиях.

Таким образом, на протяжении двух месяцев боев колониальным войскам удалось захватить лишь Тього и несколько деревень в Иентхе, тогда как повстанческим отрядам не было нанесено сколь-нибудь чувствительных ударов, они по-прежнему активно действовали, нанося на всех участках неожиданные удары по колониальным войскам. В апреле повстанческие отряды во главе с Кай Те, Ба Биеу и Ка Зинем вернулись в район Иентхе, а затем перешли в Фукиен, куда прибыл и отряд Де Тхама. Для их разгрома французское командование создало специальный фронт против Фукиена, во главе которого был поставлен майор Шоффле. С помощью пехоты, артиллерии и мобильных частей 11 июля 1909 г. было начато наступление в этом районе. Штаб-квартира Де Тхама находилась в это время в деревне Лай, на юго-восточном склоне горы Тамдао. Французское командование приняло решение окружить указанную деревню, а для того чтобы усыпить бдительность Де Тхама, оно начало с ним переговоры, концентрируя в то же время свои войска вокруг деревни Лай. Узнав о планах французского командования, Де Тхам в ночь с 13 на 14 июля под проливным дождем покинул эту деревню и пытался проникнуть в район Иентхе, однако все дороги в этот район уже находились под контролем французских военных постов.

19 июля отряд Хай Нама появился в деревне Лапти, которую утром 20 июля атаковали французские войска под командованием Буффе. Повстанцы, укрывшись за деревьями и в окопах, метким огнем отбивали атаки. Боясь засады, французы отступили, начав жечь солому и хворост и бросая их в окопы повстанцев, среди которых были женщины, героически сражавшиеся наряду с мужчинами. В этом бою погиб один из легендарных командиров Де Тхама — Хай Нам. Наутро 22 июля Де Тхам и Ба Биеу повели свои отряды на деревню Суанлай на берегу р. Кало. Французские войска, дислоцированные в Фуло, приняли решение окружить повстанцев, мужественно отбивавших атаки в течение всего дня. Наутро 23 июля французы возобновили военные действия, однако Де Тхаму и его отряду удалось скрыться, уйдя на запад.

После неудачи в использовании французского пленного Вуа-зена для переговоров 25 июля Де Тхам ушел с отрядом в Хиен-льонг, куда французское командование направило свои войска. В ходе военных действий в этом районе французы понесли большие потери в живой силе. В течение целого дня 25 июля шли ожесточенные бои, и только ночью повстанцы отступили. После боев в Хиенльонге большая часть повстанцев под командованием Де Тхама, Ка Зиня и Ка Хуиня ушла на север Виньиена, оставив в Фукиене небольшую группу под руководством Ба Биеу, который 13 августа дал бой в Батьда, 16 августа — в Чантхьонге и 6 сентября — в Иенло.

Большие потери, понесенные французами в многочисленных боях, заставили их сформировать специальные войсковые подразделения из числа вьетнамских солдат. На первых порах их численность достигала 400 человек, во главе их был поставлен губернатор Хайзыонга Ле Хоан²³.

Длительное время французское командование не могло обнаружить местонахождение отряда Де Тхама, и, только после того, как 21 сентября французский офицер Гени обнаружил его на горе Ланг, французское командование вывело основные силы из района Фукиена, перебросив их на север Винькена, приняв решение окружить гору Ланг, где находился Де Тхам.

5 октября развернулось широкое наступление на гору Ланг²⁴. В ходе ожесточенных боев, которые велись несколько дней, обе стороны понесли много жертв.

В докладной записке верховного резидента Тонкина Симони на имя генерал-губернатора Индокитая отмечалось, что «после вступления 5 октября в горы Ланг Де Тхам, объединив свои силы, занял Шонгдау, намереваясь продвинуться к Тамдао».

В течение всего октября Де Тхам, искусно маневрируя, вел тяжелые бои с французскими войсками на склонах горы Тамдао. В том же документе указывается, что

²³ Dinh Xuan Lam. Hoang Hoa Tham... с. 135.

²⁴ ACI. F-013. Dossier 35972, doc. «Rapport du 21 octobre 1909 au Gouverneur General».

французские власти помимо вооруженной борьбы прибегали к политическим маневрам, чтобы заманить некоторых руководителей отрядов Де Тхама на свою сторону и таким образом расколоть фронт борьбы изнутри и тем самым ослабить сопротивление Де Тхама²⁵. Чтобы помешать Де Тхаму сформировать новые отряды, французское командование решило создать в районе Иентхе помимо военных постов сеть патрулей, что позволило им установить контроль практически над всем этим районом. Более того, из многих селений этого района население было эвакуировано с целью не дать возможности Де Тхаму получить продовольствие, убежище и живую силу для пополнения своего отряда. В декабре 1909 г. многие бойцы отрядов Де Тхама, а также его жена и дети попали в руки колониальных властей. Сам Де Тхам вместе с близкими друзьями скрылся в горах. Фактически с этого времени Де Тхам прекратил сопротивление, скрываясь от преследований колониальных властей.

С декабря 1909 г. не было никаких вестей о Де Тхаме, и даже высказывались предположения о его смерти.

Однако 26 января 1910 г. Де Тхам появился в Тього, где наткнулся на французский патруль, но сумел скрыться. Затем он появлялся в Люкзоне, Бангкуе и в Тхункау. В сентябре 1911 г., вновь появившись в Иентхе, он создал базу в районе Иенле²⁶, которая была атакована в ноябре того же года. Под прикрытием темноты Де Тхаму вновь удалось скрыться в районе Нянмам. В это время генерал-губернатор Индокитая докладывал министру колоний Франции, что Де Тхам уже не представляет собой опасного руководителя восстания, ибо он остался без армии и без оружия и является лишь «блуждающим преступником»²⁷.

Чтобы окончательно покончить с Де Тхамом, колониальные власти на сей раз прибегли к коварному приему, подкупив трех наемных убийц из числа выходцев из Китая (хоа киеу), проживавших в Иентхе. 9 февраля 1913 г. Де Тхам был злодейски умерщвлен в лесу Тоху, в 2 км от Тього. На следующий день наемные убийцы, отрубив голову Де Тхама, отнесли ее в форт Нянам, где французские колонизаторы выставили ее на воротах форта²⁸ для устрашения окрестного населения.

Таким образом, Де Тхам вел вооруженную борьбу против колонизаторов в районе Иентхе более 20 лет, вписав немало славных героических страниц в историю освободительной борьбы своего народа. Это был талантливый военачальник, умелый организатор крестьянских масс. Под его руководством район Иентхе на протяжении десятков лет оставался неприступной крепостью и базой освободительной борьбы. До конца своей жизни Де Тхам не покорился колонизаторам, продолжая мужественно бороться против ненавистного колониального режима.

Причины поражения сопротивления Де Тхама следует искать прежде всего в общей слабости национально-освободительной борьбы вьетнамского народа в рассматриваемый период, движущую силу которого составляли широкие крестьянские массы. Руководство, хотя и использовало народные массы в борьбе против захватчиков, в целом выступало за сохранение старых, феодальных порядков и монархии, несмотря на то что в самом классе феодалов в это время происходило резкое расслоение на феодалов — сторонников капитуляции и феодалов, выступавших за оказание вооруженного сопротивления захватчикам. У самого Де Тхама не было прочного единства взглядов и действий, преобладали субъективные, личные интересы. Положение крестьян в Иентхе в ходе борьбы не улучшилось: они так и не получили земли. Кроме того, военные действия Де Тхама в основном ограничивались районом Иентхе, что давало колонизаторам возможность наносить основные свои удары по базам, расположенным в указанном районе. В крестьянском движении остро ощущалось отсутствие передового класса,

²⁵ ANSOM. Indochine HF-591.

²⁶ ANSOM. Indochine A-20 (65).

²⁷ Там же.

²⁸ Dinh Xuan Lam. Hoang Hoa Tham... с. 150—151.

способного объединить разрозненные движения широких народных масс в единую революционную освободительную борьбу против иноземных поработителей. Крестьянское движение Де Тхама не было связано с другими выступлениями и было подавлено, ибо представляло собой стихийные изолированные бунты, которые сравнительно легко подавлялись колонизаторами и местными властями, стоявшими на страже своих интересов. С поражением Де Тхама общество «Зуи Тан» лишилось в стране своих вооруженных баз и национально-освободительная борьба временно пошла на спад. Колониальные тюрьмы были переполнены участниками освободительного движения. Французская колониальная охранка, занимавшаяся расследованием деятельности всех антифранцузских движений, доносила, что «проходившие после 1908 г. во вьетнамских странах (имеются в виду Тонкин, Аннам и Кохинхина.— *Авт.*) беспорядки политического характера являлись прямым результатом пропаганды и деятельности общества „Зуи Тан" и „Донг кинь нгиа тхук" и были проявлением единого движения по происхождению и по цели.

Кохинхинцы, аннамцы и тонкинцы практически оказались неспособными координировать свои усилия и прийти к соглашению относительно необходимого плана действий, однако все они были охвачены одним и тем же стремлением добиться национальной независимости, сохранив политическое и социальное единство трех вьетнамских стран»²⁹. И далее: «В Северном Аннаме (в провинциях Нгеан и Хатинь), где наиболее непосредственно ощущалось влияние Фан Бой Тяу и его друзей, пропаганда по поводу необходимости реформ была менее категоричной. Делался упор главным образом на освобождение страны любыми средствами, и в частности при помощи вмешательства японской армии... Движение стремилось к насильственному перевороту...

В центре и на юге Аннама, наоборот, по причине самого темперамента населения и влияния такого руководителя, как Фан Тю Чинь, который оставался в стране и находился в более тесном контакте с ним, движение приняло реформистский характер, националистические тенденции в котором едва проступали.

Несмотря на очевидное различие этих тенденций, необходимо признать, что все эти движения отлично совпадали между собой и имели одну конечную цель — изгнание хозяина-чужеземца».

Изучение всех рассматриваемых событий и деятельности упомянутых выше движений и организаций, исследование дошедших до нас материалов об этих организациях позволяют нам прийти к выводу о том, что все они представляли зародышевые формы национально-освободительного движения. Основной идейной направленностью этих организаций было стремление к завоеванию национальной независимости в составе единого Вьетнама, который был искусственно расчленен французскими колонизаторами после захвата. Указанные организации и их члены в своей просветительской деятельности не только выступали за обновление старых институтов, но и требовали осуществления коренных политических реформ — установление народной власти в форме парламента (Фан Тю Чинь). Деятельность этих организаций предусматривала широкое народное просвещение, введение в повседневное употребление родного языка, устранение старых, отживших законов. Вместе с тем, они готовились к грядущим битвам с колониализмом, собирая военные и политические силы из числа наиболее просвещенных слоев тогдашнего вьетнамского общества, которые были представлены новой интеллигенцией. Распространяемая ими пропагандистская литература в ряде случаев содержала прямые призывы к выступлению против ненавистного колониального строя (обращения к вьетнамским солдатам, состоявшим на службе во французской колониальной армии), восхваляла прежние освободительные выступления вьетнамского народа против иноземных захватчиков, резко критиковала колониальный строй во Вьетнаме и т. д.

²⁹ L'Agitation antifrancaise dans les pays annamites, с. 54.

Итак, национально-освободительное движение во Вьетнаме в период пробуждения Азии развивалось в двух направлениях — антиимпериалистическом и антифеодальном — и проявило себя в двух совершенно конкретных формах: в форме вооруженной борьбы против французских колонизаторов и в форме мирного движения за социальные реформы. Обе эти формы развивались в виде самостоятельных струй и лишь временами на практике переплетались между собой, но еще не слились в единый революционный поток в масштабе всей страны. Национально-освободительное движение на рассматриваемом этапе носило буржуазно-демократический характер. Основной движущей силой вооруженных выступлений во Вьетнаме в период пробуждения Азии было крестьянство. Однако эта мощная революционная сила не смогла еще в этот период полностью проявить себя. Она не могла сделать этого не только ввиду того, что в указанный период во Вьетнаме еще не был сформирован рабочий класс, способный направить крестьянское движение по пути, который позволил бы решить аграрный вопрос и довести национально-освободительную борьбу до победного конца. Неспособной на это проявила себя и патриотически настроенная интеллигенция, тесно связанная с землевладением. Показателен уже сам по себе тот факт, что в арсенале политических лозунгов и 'призывов группы Фан Бой Тяу не было ни одного, который бы нацеливал массы на антифеодальную борьбу. Наоборот, эта группа не только рассчитывала, но и прямо опиралась в своей практической деятельности на поддержку отдельных феодалов и чиновников императорской администрации.

После подавления выступления крестьян в Чунгки и сопротивления крестьян под руководством Де Тхама наступил период репрессий и временного спада национально-освободительного движения. Разгромив основные революционные базы и организации, колониальные власти обрушили волну жесточайших репрессий на участников движения «Донг Зу». Были распущены все организации, связанные с отправкой студентов в Японию или занимавшиеся сбором средств для «Донг Зу», разгромлены или закрыты многие торговые и промышленные компании, субсидировавшие это движение.

Тяжелая участь постигла руководство общества «Зуи Тан», а также многих политических эмигрантов и студентов в Японии. Общество «Зуи Тан» в 1909—1911 г. находилось в состоянии упадка, фактически оно не действовало, многих его членов охватило чувство разочарования и бесперспективности. Штаб общества находился в эмиграции, членами его были Кыонг Де, Фан Бой Тяу, Као Дат, Май Лао Банг³⁰. В рассматриваемый период был подписан императорский указ, согласно которому Кыонг Де объявлялся вне закона, позднее, в 1913 г., он был заочно приговорен к смертной казни, а его жена с тремя детьми были арестованы еще 28 декабря 1911 г. Многие вьетнамские революционеры как в стране, так и вне ее оказались в тяжелом положении. В таком состоянии Вьетнам застала Синьхайская революция, начавшаяся в соседнем Китае в октябре 1911 г.

Создание «Вьетнам куанг фук хой» («Союз возрождения Вьетнама»)

Синьхайская буржуазная революция 1911—1913 гг. свергла маньчжурское господство и монархический строй (цинскую династию) в Китае и провозгласила республику. В. И. Ленин писал о значении Китайской республики следующее: «Каковы бы ни были судьбы великой китайской республики, на которую теперь точат зубы разные „цивилизованные“ гиены, но никакие силы в мире не восстановят старого крепостничества в Азии, не сметут с лица земли героического демократизма народных масс в азиатских и полуазиатских странах»³¹.

Синьхайская революция в Китае оказала большое влияние: на судьбы национально-освободительного движения народов Дальнего Востока и Юго-Восточной

³⁰ ANSOM. Indochine A-20 (64).

³¹ В. И. Ленин. Исторические судьбы учения Карла Маркса.— Т. 23, с. 3.

Азии. Прав был великий китайский революционер-демократ Сунь Ятсен, когда в феврале 1912 г. писал о том, что примеру Синьхайской революции, утвердившей республиканский строй в Восточной Азии, должны будут последовать и другие страны этого региона³². Это хорошо сознавал и; передовые люди Вьетнама. «Я понял, — писал Фан Бой Тяу, — что нам нужно ориентироваться на партию китайских революционеров»³³. Южный Китай стал центром политической эмиграции революционеров из различных стран Юго-Восточной Азии, в том числе и из Вьетнама.

Значение Синьхайской революции признавали и французские колониальные власти в Индокитае. Так, в политическом отчете генерал-губернатора Индокитая на имя министра колоний Франции указывалось, что «в связи с событиями в Китае (Синьхайская революция.— *Авт.*) обстановка в Индокитае и в Юго-Восточной Азии сильно осложнилась». «В Сингапуре восторженная реакция китайцев на первые успехи республиканцев. Китайцы, проживающие в Сингапуре, в большинстве своем являются выходцами из Южного Китая. В связи с событиями в Китае они срезали свои косы, демонстрируя тем самым отказ подчиниться царствующей династии. Кроме того, они украсили свои дома революционными флагами»³⁴.

Подобным образом вели себя китайцы в Сайгоне и Телоне, выражая свое одобрение временным представителям республиканского правительства в Кантоне. Генерал-губернатор прямо отмечает, что «события, происходящие на Дальнем Востоке, имели резонанс в Индокитае, а в Аннаме они нашли живой отклик». Упомянутый генерал-губернатор считал, что события в Китае заинтересовали только просвещенных лиц, а народ пока не проявлял большого интереса, однако, по его мнению, через некоторое время и все население заинтересуется кризисом, охватившим соседнюю империю. «Китайская революция способствует укреплению националистических идей в Индокитае и выявит стремление народа к прогрессу. Важно, чтобы эта эволюция происходила под руководством французов, в противном случае она явится серьезной угрозой нашему господству в Индокитае». Тот же генерал-губернатор отмечал, что Кохинхина уже достигла значительного развития, Лаос и Камбоджа развиваются очень медленно. Французам придется главным образом обратить внимание на Аннам и Тонкин³⁵.

В своем докладе генерал-губернатор Индокитая дает очень интересную расстановку классовых и социальных сил, указывая, что мандарины положительно восприняли французское влияние. Будучи привилегированной прослойкой, они обычно настроены консервативно, ибо опираются на французские власти. Служащие, секретари, переводчики, врачи и т. п., находящиеся на службе у французов, владеют французским языком и контактируют с французами.

В разряд недовольных генерал-губернатор относит мятежников типа Кыонг Де, который претендует на престол. Многие интеллигенты, недовольные своим положением, также выступают против французских властей. Почти все они воспитаны в духе традиционной китайской культуры и хотят создать свою партию, их вожаки укрываются в Японии, Сиаме и Китае, откуда они руководят революционным движением и пропагандой в Аннаме, Тонкине и Кохинхине. Тот же генерал-губернатор считал необходимым при создавшейся политической ситуации опереться на лояльно настроенную часть населения и постепенно переманить на свою сторону остальных. С этой целью он предложил по всем вопросам советоваться с вьетнамской элитой. — Чтобы расположить к французским властям вьетнамских чиновников и служащих, он предложил министру колоний Франции пересмотреть положение о них в государственной администрации. В цитированном документе генерал-губернатор предлагал провести реформы в области просвещения с таким расчетом, чтобы усилить влияние французов среди местного населения. «Только

³² См.: С. Л. Тихвинский. Сунь Ят-сен... с. 149.

³³ Phan Boi Chau nien bieu..., с. 117—118.

³⁴ ANSOM. Indochine A-20 (65).

³⁵ Там же.

при условии развития системы обучения французскому и вьетнамскому языкам и определения узких границ китайской традиционной культуры можно будет установить авторитет Франции и сохранить положение хозяев этой страны». Французские власти стремились к тому, чтобы вьетнамцы восприняли современные западные идеи при посредстве французов. «В настоящий момент западная культура знакома вьетнамцам по плохим китайским учебникам, зачастую неблагоприятно истолковывающим действия и намерения французов. Такая ситуация может привести к серьезным недоразумениям. Китай оказывает значительное влияние на эту страну, издавна прививая здесь свой язык и распространяя свою литературу. Французы должны стремиться привить здесь свой язык и распространить свою литературу и таким образом завоевать население Вьетнама».

Как ни старались колониальные власти отвлечь вьетнамскую общественность от революционного Китая, им не удалось этого добиться, напротив, Синьхайская революция окрылила вьетнамских революционеров, начавших съезжаться в республику Сунь Ятсена из различных стран, где до этого они вынуждены были скрываться от преследований французской охраны. Под непосредственным влиянием Синьхайской революции в национально-освободительном движении Вьетнама появились качественно новые черты. Под ее воздействием вьетнамские патриоты и революционеры предприняли конкретные шаги, направленные на создание руководящего центра освободительной борьбы. С этой целью в Гуандуне (южнокитайская провинция) в феврале 1912 г. была созвана специальная конференция, на которой присутствовало 100 делегатов³⁶. Внимание конференции было сосредоточено на следующих основных вопросах.

1) Определение характера вьетнамской революции, путей ее развития и политического строя страны в будущем.

2) Создание действенной организации, способной взять на себя руководство национально-освободительным движением.

3) Установление тесного контакта с революционной партией Сунь Ятсена.

Острая борьба разгорелась вокруг вопроса о характере государственной власти во Вьетнаме после изгнания колонизаторов. Часть участников конференции настаивала на сохранении монархического режима, другая — выступала за республику. Фан Бой Тяу высказался в пользу республики. Его предложение было поддержано большинством участников конференции. Исключение составили лишь несколько представителей Кохинхины, к которым присоединились Кыонг Де и его сторонники³⁷.

Расхождения по вопросу о характере государственной власти породили серьезную угрозу раскола, хотя Фан Бой Тяу всячески старался предотвратить его и использовать сторонников Кыонг Де в интересах национально-освободительного движения.

В связи с этим небезынтересно привести материалы, опубликованные во Вьетнаме в 60-е годы. На страницах вьетнамского исторического журнала «Изучение истории» печатались статьи, в которых делалась попытка проанализировать взаимоотношения, существовавшие между Фан Бой Тяу и Кыонг Де, а также ставился вопрос об оценке роли Кыонг Де в истории Вьетнама³⁸.

Публикация серии таких статей, по-видимому, была обусловлена тем, что в Южном Вьетнаме в те годы (до 1962 г.) все чаще раздавались голоса в защиту исключительной роли Кыонг Де в антифранцузской борьбе. Однако для правильной оценки роли Кыонг Де в освободительном движении необходимо в первую очередь учитывать то обстоятельство, что он не всегда действовал в интересах национального освобождения. Так, в первый период своей деятельности (1906—1925) Кыонг Де в сотрудничестве с Фан Бой Тяу вел борьбу против французских колонизаторов, находясь в

³⁶ Ton Quang Phiet. Phan Boi chau va mot giai doan lich su..., с. 133.

³⁷ L'Agitation antifrancaise..., с. 117.

³⁸ NCLS. 1962, № 43, с. 37.

рядах вьетнамских патриотов, боровшихся за национальную независимость³⁹. Однако впоследствии он выступил против национально-освободительного движения и активно сотрудничал с японскими милитаристами, что ярко проявилось в годы второй мировой войны. И если в начале XX в. Кыонг Де еще находился в рядах национально-освободительной борьбы, то это было заслугой Фан Бой Тяу, который всячески пытался использовать в интересах, освободительного движения антифранцузские взгляды Кыонг Де. Известный историк и политический деятель Тон Куанг Фьет отмечал, что «если бы Фан Бой Тяу не вошел в контакт с Кыонг Де, то у него было бы мало шансов на привлечение на свою сторону куанов и он неизбежно столкнулся бы с огромными трудностями»⁴⁰.

Синьхайская революция и провозглашение республики в Китае во главе с Сунь Ятсеном оказали революционизирующее влияние на многих вьетнамских патриотов и революционеров, в том числе и на Фан Бой Тяу. Синьхайская революция способствовала переходу Фан Бой Тяу с позиций монархизма на позиции республики.

Вспоминая об этом периоде, Фан Бой Тяу впоследствии писал, что в 1912 г. перед ним со всей остротой встал очень принципиальный вопрос: за что бороться — за монархию или республику? «Со времени моего отъезда в Японию,— писал Фан Бой Тяу,— я постоянно занят изучением причин революций в других странах, а также существовавших там политических течений. У меня вызывают живейший интерес идеи Жан Жака Руссо. После установления контактов с китайскими товарищами я отказался от моих прежних монархических концепций. Я изложил участникам конференции точку зрения по поводу демократизма. Она была одобрена подавляющим большинством»⁴¹.

На указанной конференции по личной инициативе Фан Бой Тяу было принято решение о создании вместо общества «Зуи Тан» нового — Общества возрождения Вьетнама («Вьетнам куанг фук хой»). Большинство членов «Зуи Тан» вступили в новое общество. Председателем был избран принц Кыонг Де, генеральным секретарем — Фан Бой Тяу. Опорой Общества возрождения Вьетнама стали передовые, патриотически настроенные интеллигенты, чиновники, разночинцы, мелкая буржуазия и солдаты. Основная цель Общества возрождения Вьетнама состояла в том, чтобы «изгнать французских захватчиков, восстановить былую независимость страны и провозгласить демократическую республику»⁴². В отличие от общества «Зуи Тан», ориентировавшегося на Японию, Общество возрождения Вьетнама основные свои планы связывало с республиканским Китаем, во главе которого стоял тогда Сунь Ятсен. По своей политической программе это Общество представляло собой значительный шаг вперед по сравнению с обществом «Зуи Тан».

Общество возрождения Вьетнама имело три отдела: отдел, ведавший общими делами (во главе его стояли Кыонг Де и Фан Бой Тяу); совещательный отдел, куда входили представители всех трех частей Вьетнама (представителем от Бакки был Нгуен Тхы-онг Хиен, от Чунгки — Фан Бой Тяу и от Намки — Нгуен Тхань Хиён), и так называемый исполнительный отдел, который состоял из 10 членов и ведал экономикой, путями сообщения, просвещением и т. д.

С первых дней своего существования Общество поставило перед собой совершенно конкретные задачи. Главной из них было создание Армии возрождения (Куок фук куан). Предполагалось, что армия будет комплектоваться из вьетнамцев и

³⁹ Во второй период, продолжавшийся с 1925 по 1937 г., Кыонг Де уже отошел от национально-освободительных сил и не принимал участия в политической борьбе за национальную независимость. В третий период (1937—1951) своей деятельности Кыонг Де фактически состоял на службе у японцев, выступая как против французов, так и против национально-освободительного движения, которым в то время руководила Коммунистическая партия Индокитая.

⁴⁰ Ton Quang Phiet. Phan Boi chau va mot giai doan... с. 229.

⁴¹ Phan Boi Chau nien bieu, с. 140—141.

⁴² Ton Quang Phiet. Phan Boi chau va mot giai doan... с. 133—134.

представителей национальных меньшинств, проживавших в районе китайско-вьетнамской границы. Командный состав армии планировалось укомплектовать лицами, получившими образование в Китае и Японии.

Общество возрождения Вьетнама имело свой флаг — полотнище желтого цвета с пятью красными звездами. Знаменем Армии возрождения служило красное полотнище с белыми звездами.

Общество получало значительную материальную помощь из республиканского Китая. Чтобы сделать эту помощь как можно более эффективной, была создана смешанная (с резиденцией в Гуанчжоу) китайско-вьетнамская революционная организация «Обновление Китая — путь к процветанию Азии» («Хой тан хоа хынг а») ⁴³. Председателем этой организации был китаец Данг Кань ⁴⁴, его заместителем — Фан Бой Тяу. В принятом новой организацией манифесте говорилось: «Еще до объявления Китаем войны Франции необходимо оказать самую эффективную помощь вьетнамской революционной партии (очевидно, имеется в виду Общество возрождения Вьетнама.— *Авт.*) Такая помощь причинит много беспокойства французам и позволит партии выполнить роль авангарда китайских войск в деле освобождения Вьетнама» ⁴⁵.

В дальнейшем в связи с резким увеличением расходов решено было начать выпуск собственных бумажных банкнот достоинством в 5, 10, 20 и 100 пиастров. На оборотной стороне банкнот было указано, что они вводятся в обращение руководством Общества возрождения Вьетнама и после прихода к власти Общества и создания национального правительства будут обмениваться по льготному курсу: за 5 пиастров — 10.

После создания Общества возрождения Вьетнама делегаты конференции разъехались, с тем чтобы принять непосредственное участие в борьбе против колониальных властей. Об активизации действий членов Общества возрождения Вьетнама свидетельствуют многочисленные доклады и донесения французских дипломатов из Китая. Так, вице-консул Франции в Лонгчиеу и Наннине 2 января 1913 г. докладывал генерал-губернатору Индокитая о том, что к нему поступили сведения о подготовке мятежа в Татке, назначенного на март того же года. Вьетнамские революционеры намерены поднять мятеж с помощью членов общества «Донг-ти», которое возглавлял Т'У-Коан в районе Хадонга. Вице-консул сообщал также о том, что генерал Туту Лук обещал вьетнамцам продать оружие, поступавшее из Гонконга. В том же донесении сообщалось о прибытии в Тонкин из Китая по распоряжению Лука пяти вьетнамских артиллеристов. Последних переправили до границы в направлении к Татке.

Упомянутый вице-консул высказывал предположение о том, что во Вьетнаме существуют очаги мятежа, которые связаны с Кантоном и у которых налажена связь с китайскими властями.

Вице-консул также предполагал, что «китайские власти и впредь будут создавать трудности французам руками их подопечных, которых они инструктируют и вооружают, но сами вступят в игру только при наличии успеха восстания» ⁴⁶.

25 февраля 1913 г. французский консул в Кантоне писал генерал-губернатору Индокитая о том, что «ему известно о денежных затруднениях вьетнамских революционеров и что они намерены сделать денежный заем у китайских торговцев, проживающих в Кантоне». Тот же консул писал: «Наша бдительность на фоне безденежья революционной вьетнамской партии может свести на нет все ее усилия».

Наконец, генеральный консул Франции в Гонконге 13 апреля 1913 г. секретно сообщал генерал-губернатору Индокитая об отъезде Фан Бой Тяу на китайско-вьетнамскую границу (Тунгхинг), где он предполагал встретиться с вьетнамскими «мятежниками». Помимо предложения своего плана ареста Фан Бой Тяу тот же генконсул

⁴³ См.: С. Л. Тихвинский. Сунь Ят-сен..., с. 151.

⁴⁴ Дается во вьетнамской транскрипции.

⁴⁵ Phan Boi Chau nien bieu. с. 150—152.

⁴⁶ ANSOM. Indochine NF-605.

доносил, что Фан Бой Тяу по совету старшего брата Сунь Ятсена отправился 13 апреля в Макао, где он получил

5 тыс. пиастров для уплаты за оружие. В связи с этим генконсул высказал мнение, что вьетнамские «мятежники» могут атаковать французские военные посты в районах Лангшона и Каобанга, прося усилить охрану границ.

Члены Общества произвели ряд террористических актов. Так, в ноябре 1912 г. группа членов Общества во главе с Нгуен Хай Тханом совершила неудачное покушение на генерал-губернатора Индокитая Альбера Сарро. 19 апреля 1913 г. в Тхайбине взрывом бомбы был убит Нгуен Зуи Хан, глава одного из уездов в провинции Тхайбинь; в конце апреля была брошена бомба в гостиницу «Ханой», в результате чего было убито и ранено несколько французских военнослужащих.

Террористическая сектантская деятельность Общества вызвала волну новых репрессий. Участники террористических актов были схвачены французской полицией и казнены. Сотни вьетнамцев, подозревавшихся в соучастии, были брошены в тюрьмы или сосланы на каторгу.

Несмотря на то что члены Общества возрождения Вьетнама и проявляли определенную политическую активность, тем не менее как внутренняя, так и внешнеполитическая обстановка в тот период была неблагоприятной для развития революционной ситуации во Вьетнаме. Поражение Синьхайской революции, разгул реакции в Китае и последовавший затем сговор французских властей в Индокитае с китайскими реакционерами привели к тому, что руководители Общества возрождения Вьетнама, находившиеся в Китае, оказались полностью оторванными от родины. Индокитайские власти договорились с китайскими милитаристами об арестах руководителей Общества. В июле 1913 г. в Сянгане был схвачен Кыонг Де, а в январе 1914 г. в Гуанчжоу были арестованы Фан Бой Тяу и многие его соратники.

Таким образом, накануне первой мировой войны общество «Вьетнам куанг фук хой», душой которого был Фан Бой Тяу, переживало трудные дни.

Глава 5

ВЬЕТНАМ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914—1918)

Военно-политические мероприятия колониальных властей в годы первой мировой войны

Накануне войны генерал-губернатором Индокитая вновь был назначен Альбер Сарро, на которого французским правительством была возложена личная ответственность за проведение нового политического курса Франции в Индокитае. Основным смыслом последнего сводился к тому, что наряду с репрессиями против национально-освободительного движения колониальные власти разработали целую систему политико-экономических мероприятий для отвлечения трудовых масс Вьетнама от антиколониальной борьбы и более полного использования экономических ресурсов страны для удовлетворения все возрастающих потребностей метрополии в годы войны.

В 1914 г. новый генерал-губернатор Индокитая выехал во Францию, чтобы договориться с правительством об общей реорганизации административных служб Индокитая с учетом тех обещаний которые он давал ранее, находясь на посту генерал-губернатора с октября 1911 г. Действительно, правление Альбера Сарро было отмечено многочисленными демагогическими заверениями о реформах, с которыми он неоднократно выступал перед индокитайской общественностью. Однако в связи с началом первой мировой войны А. Сарро был переведен на работу в министерство национальной обороны, а его обязанности были возложены на Ван Волленховена.

С первого же дня войны французскими властями были приняты меры предосторожности в связи с введением военного положения. Декрет о всеобщей мобилизации от 1 августа 1914 г. не был обнародован в Индокитае, так как генерал-губернатор считал, что колония не подвергается непосредственной военной опасности. Тем самым он хотел избежать волнений, которые могли бы быть вызваны этим мероприятием во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже. Однако для того чтобы репатриировать воинские части и произвести частичную мобилизацию, 1 сентября 1914 г. генерал-губернатором был издан приказ, согласно которому из Индокитая были направлены во Францию два генерала, 250 офицеров, 647 унтер-офицеров, 58 врачей, 2 тыс. солдат, 17 из 75 батарей¹²⁸². Весь вьетнамский флот был мобилизован для нужд империалистической войны. В Ханое, Хайфоне и Сайгоне развернулось строительство небольших судостроительных верфей¹²⁸³.

В ноябре 1915 г. французское министерство колоний отдало телеграфное распоряжение генерал-губернатору Индокитая о необходимости активного участия стран Индокитая в национальной обороне, Франции. В соответствии с последним Индокитаю предписывалось направить в метрополию семь батальонов волонтеров¹²⁸⁴.

В феврале 1916 г. генерал-губернатором Индокитая было сообщено министру колоний Франции о принятии всех необходимых мер для вербовки в Индокитае 50 тыс. человек¹²⁸⁵. Генерал-губернатор Индокитая получил полномочия, дававшие ему право объявить осадное положение на всей территории Индокитая или в отдельных его частях. Эта мера была предпринята только в отношении зон, граничащих с Китаем, спокойствию и безопасности которых угрожали китайские и вьетнамские националисты, подстрекаемые германскими агентами в Китае. Осадное положение было объявлено по всей китайской границе, в Тонкинском заливе и на берегах Меконга. Была также создана военная зона между Черной рекой и Нуонг Сингом (в Лаосе).

Согласно циркуляру министерства колоний от 13 августа 1914 г. все купцы, колонисты и прочие лица, относящиеся к враждебным нациям, были высланы из Индокитая с начала военных действий. Министерство морского флота Франции направило в Индокитай и другие французские колонии инструкции о военной контрабанде и наблюдении за судами нейтральных стран.

Французские власти также серьезно занялись немецкими и австро-венгерскими подданными в Индокитае и в сопредельных с Индокитаем странах. Еще в августе 1914 г. из Индокитая была выслана основная часть немецких подданных, а 28 августа — австро-венгерских граждан. Все высланные лица обосновались в Сиаме, на Филиппинах, в Голландской Индии и в Китае. Немцы, оказавшиеся в Индокитае после объявления войны, рассматривались как военнопленные и интернировались. За всеми указанными лицами было установлено постоянное секретное наблюдение. Французскими властями была составлена подробная служебная записка о мерах, принятых в Индокитае в связи с военным положением¹²⁸⁶.

Специальными декретами от 5 и 22 августа 1914 г. пресекались антифранцузские выступления в прессе. Журналисты, сотрудничавшие в сайгонской газете «Опиньон» и нарушившие декрет от 5 августа 1914 г., были наказаны за то, что выступали против сбора средств в пользу войны, сумма которых в Индокитае составила 3 млн. фр. Сразу же после объявления первой мировой войны колониальные власти ощутили настоятельную необходимость в оказании влияния на местное общественное мнение путем постоянной и систематической пропаганды, тем более что на Дальнем Востоке накануне войны немцы

¹²⁸² ANSOM. Indochine NF-29 (Служебная записка от 21 января 1915 г. министерства колоний о мерах, принятых в Индокитае в связи с военным положением).

¹²⁸³ Histoire militaire... с. 372.

¹²⁸⁴ ANSOM. Indochine NF-177 (2). Телеграмма министра колоний Франции от 7 ноября 1915 г.

¹²⁸⁵ ANSOM. Indochine NF-203 (47).

¹²⁸⁶ ANSOM. Indochine NF-46; ANSOM. Indochine NF-29.

значительно опередили французов в этой области. Подпольная немецкая пропаганда глубоко проникла во вьетнамские круги, чему немало содействовали издания на китайском языке. Все это признавали и французские власти в Индокитае. Так, генерал-губернатор Индокитая сообщал министру колоний «о скрытой неприязни к французам в различных азиатских кругах, которую удалось спровоцировать врагам Франции, и о быстром проникновении из Японии германофильских течений»¹²⁸⁷. Колониальные власти считали, что основной причиной быстрого распространения среди индокитайского населения клеветы на Францию явилось полное незнание народами Дальнего Востока французской жизни. «В китайской литературе, — писал генерал-губернатор, — не существует работ, написанных под влиянием французской литературы, или переводов французских авторов, писавших позднее XVIII в. Зато за последние 20 лет издано большое количество книг, переведенных с английского или немецкого языков. Китайцы знают Францию по тенденциозным описаниям, которые они находят в литературе тех стран, которые враждуют с Францией».

Немецкие агенты распространяли на Дальнем Востоке версию о том, что французская нация якобы остановилась в своем развитии на революции 1789 г. и постепенно приходит в упадок и что французы должны отныне уступить свое место немцам, что именно последние являются носителями прогресса в области науки и культуры. Внимание французов привлекала деятельность китайского реформатора Кан Ювэя, совершившего путешествие по Европе, после чего он написал ряд книг, в которых проявлял свои симпатии к Германии. Книга Кан Ювэя о Франции написана в сравнительном с Германией плане, причем Франция в ней представлена не в лучшем свете. Было также известно, что 1 июля 1917 г. Кан Ювэй вместе с (китайским генералом Чанг Хуеном (очевидно, речь идет о генерале Чжан Сюне) пытались восстановить императорский режим в Пекине. «В настоящее время, — указывалось в этом донесении, — официально установлено, что эта попытка поддерживалась и финансировалась Германией»¹²⁸⁸.

Следует отметить, что, как правило, при изучении европейских стран вьетнамцы обращались к китайским книгам, в которых часто преобладали антифранцузские тенденции. Последнее побудило французские власти запретить в ноябре 1914 г. ввоз в Индокитай китайских книг и периодических изданий на китайском языке. Указанная мера была дополнена запретом публикаций на китайском языке в Ханое¹²⁸⁹.

Во весь рост встал вопрос об издании профранцузских газет и журналов, посредством чего французские власти стремились оказать влияние на местное общественное мнение. Соответственно генерал-губернатор Индокитая взял в свои руки инициативу по изданию «обозрения» на вьетнамском языке, предназначенного для жителей различных провинций Вьетнама и отвечавшего задачам французского образования и пропаганды.

Приказом от 30 декабря 1916 г. предписывалось начать издание обозрения «Нам фонг» («Южный ветер»), рассчитанного на вьетнамскую элиту. Последнее должно было знакомить население колоний с жизнью Франции. В указанном обозрении имелись следующие разделы: «Французская информация», «Франция перед лицом всего мира», «Роль Франции в мировой войне» и т. д. В обозрении «Нам фонг» печаталась информация о лучших французских научных и литературных произведениях, помещались биографии наиболее известных французских ученых и писателей, давалось описание достопримечательностей Франции, публиковались переводы французских романов, новелл и сказок. Основная цель этого обозрения сводилась к замене информации, поступающей из Китая о Франции через книги, газеты и журналы. Обозрение было призвано способствовать распространению французского влияния на местную элиту.

¹²⁸⁷ ANSOM. Indochine NF-56.

¹²⁸⁸ Там же.

¹²⁸⁹ ANSOM. Indochine NF-192.

«Нам фонг» печатался двумя шрифтами: китайским (иероглифами) и куок-нгы (латинизированной вьетнамской графикой). Главными редакторами этого издания были назначены Фам Куинь и Нгуен Ба Чак. Обзорение «Нам фонг» субсидировалось колониальными властями.

Поскольку основной темой указанного издания служило противопоставление греко-латинской цивилизации германских стран, то в этом смысле оно являлось соответствующим намеком на цель издания: «В названии „Нам фонг" („Южный ветер") можно было усмотреть намек на противопоставление вьетнамской цивилизации китайской».

В первом номере обзорения «Нам фонг» говорилось о том, что традиционная китайская культура более не способна противостоять веяниям с Запада. «Новая элита дальневосточных стран формируется в школах европейского образца. Элита старой формации испытывает потребность участвовать в новой жизни, но не может этого сделать, так как ей мешает отсутствие знания европейских языков, в силу чего она не может приобщиться к идеям и интересам Запада». «Нам фонг» ставил своей целью перевоспитание вьетнамской элиты в современном французском духе. В первом номере «Нам фонг» говорилось о необходимости близкого ознакомления правящих классов Индокитая с французскими философами и учеными, понимания ими мотивов, заставляющих их стать на защиту моральных и интеллектуальных достоинств Франции.

Обзорение «Нам фонг» пользовалось большим успехом у местной элиты.

Французские власти в Индокитае в противовес немецкой пропаганде на Дальнем Востоке опубликовали на китайском языке несколько томов по истории войны в Европе. Цель этих работ сводилась к разоблачению пропаганды кайзеровской Германии. В Кохинхине начала издаваться на французском языке газета под названием «Местная трибуна», которая давала информацию о положении на европейском театре военных действий. Французская пропаганда в Кохинхине была более эффективной, чем в остальных странах Индокитая, так как французский язык здесь имел большое распространение. Издававшиеся на средства колонизаторов местные газеты и журналы реакционного направления, такие, как «Донгзыонг» («Индокитай») и др., развернули широкую, пропагандистскую кампанию, бурно восхваляя «освободительную» миссию Франции в империалистической войне. Накануне и в годы первой мировой войны французские власти в Индокитае развернули на страницах местной прессы широкую пропаганду франко-вьетнамского сотрудничества. Инициатором этой кампании выступил генерал-губернатор А. Сарро. Этот хитрый политиканствующий демагог широко рекламировал идею франко-вьетнамского сотрудничества, социальную опору которого он видел в деятельности профранцузски настроенного императора Аннама и его правительства во главе с Фам Куинем. При поддержке последнего колонизаторы стремились осуществить широкую мобилизацию людских и материальных ресурсов Индокитая в интересах французского монополистического капитала. Именно с этой целью и был вновь провозглашен старый патриотический вьетнамский лозунг «Чунг куан» («Верность императору»), который сыграл в период движения «кан-выонг» (1885—1896) положительную роль, означая сопротивление захватчикам. Теперь же (в годы первой мировой войны) колонизаторы вложили в него новое содержание, которое означало «верность колониальным властям», ибо вьетнамский император фактически перешел на сторону колонизаторов, проводя в жизнь их политику.

Чтобы добиться поставленной цели, французские власти активно использовали все имевшиеся в их руках средства идеологической пропаганды: школу, религию, печать. Пресловутая доктрина «Франция и Вьетнам — единая семья» («Фап — Вьет нят зя») усиленно рекламировалась всеми средствами.

Для поощрения представителей высшего вьетнамского сословия были расширены их права в выборных административных органах, увеличено число чиновников индокитайского происхождения в колониальном аппарате управления. Вьетнамской

буржуазии были предоставлены определенные экономические привилегии¹²⁹⁰. Указанными выше средствами колониальные власти всячески пытались превратить высшие слои вьетнамского общества в послушное орудие колониальной политики.

В соответствии с политическим курсом колонизаторов в 1914—1918 гг. во Вьетнаме был осуществлен ряд мероприятий. Так, 16 июля 1917 г. колониальные власти опубликовали новый кодекс императорских законов, по которому французский резидент в Тонкине получил право вершить правосудие по своему личному усмотрению. В каждой провинции восстанавливались военные суды, была укреплена система чиновничьей иерархии, введена новая налоговая система (налог стал единым), которая позволила в одном только Тонкине дополнительно собрать 500 тыс. пиастров. Была проведена некоторая реорганизация в административном управлении в сельских местностях, выразившаяся в учреждении так называемых общинных советов (хой донг ханг са). Наконец, была провозглашена так называемая «независимость» Индокитая, выражавшаяся в том, что генерал-губернатор получал право вступать в переговоры с иностранными государствами без предварительного на то разрешения правительства метрополии.

Проводя в жизнь указанные мероприятия, французские империалисты надеялись тем самым создать определенную политическую базу для последующего развития в странах Индокитая, и в частности во Вьетнаме, национал-реформизма, обеспечить еще более благоприятные условия для деятельности французского финансового капитала и таким образом превратить Индокитай в надежный экономический резерв метрополии с созданием в нем послушной социальной опоры в лице высшего сословия во главе с императорским двором.

Взывая к верноподданническим чувствам населения Индокитая, колонизаторы не прекращали думать об укреплении своих внешнеполитических позиций. Колониальные власти вели активную политику в сопредельных странах, стоя на страже интересов безопасности стран Индокитая. В этих вопросах французские власти активно сотрудничали с колониальными властями Англии в данном регионе. Французские и английские власти на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии предприняли ряд мер по усилению антигерманской пропаганды. Так, в январе 1915 г. французский министр колоний предоставил в распоряжение Бангкока ссуду в сумме 3 тыс. тико, чтобы подчинить своему влиянию газету «Бангкок Дэйли Мэйл», выходившую на английском языке и защищавшую интересы союзников в Сиаме.

Под покровительством французской и английской дипломатических миссий в Шанхае издавался на китайском языке иллюстрированный информационный бюллетень («Нгеоу тан че бао»), в котором освещались военные действия на фронтах Европы. Определенное количество экземпляров указанного издания периодически отправлялось в Индокитай, где оно пользовалось успехом у вьетнамской интеллигенции. Это издание субсидировалось генерал-губернатором в размере 620 долл. ежемесячно¹²⁹¹. Более того, согласно донесению генерал-губернатора Индокитая, в январе 1915 г. он предоставлял в распоряжение французского консула в Кантоне 700 пиастров ежемесячно с целью публикации в местных газетах статей, нейтрализующих германофильскую пропаганду, которая велась местной прессой в Кантоне.

Французские власти внимательно следили за деятельностью сопредельных с Индокитаем стран, откуда могла исходить угроза безопасности его границ. Многочисленные немецкие агенты на Дальнем Востоке на следующий же день после начала войны развернули активную пропаганду против союзных наций, чтобы вызвать беспорядки во французских и английских колониальных владениях. Их первоочередной задачей было вступить в контакт с любыми мятежниками. Штаб-квартира немецких агентов, как явствует из информационных донесений дипломатических и консульских представительств, находилась в Шанхае, а ее многочисленные филиалы размещались в

¹²⁹⁰ Lich su can dai Viet-Nam. T. III, с. 267.

¹²⁹¹ ANSOM. Indochine NF-56.

Бангкоке, Кантоне, Маниле и др. Немцы снабжали вьетнамских мятежников деньгами, оружием и боеприпасами. Так, в сентябре 1914 г. член общества «Вьетнам куанг фук хой» Чан Хыу Лык получил денежную помощь от немецкой и австрийской миссий в сумме 1000 пиастров¹²⁹². Позднее он был арестован в Бангкоке и приговорен Ханойским военным трибуналом к смертной казни. Предоставленные средства были использованы для организации нападения на пограничный пост Та-лунг. Об этом свидетельствует и восстание на юго-западной границе с Китаем (в Юннани). Вьетнамские мятежники в Сиаме также действовали активно, однако не могли представлять большой угрозы для Индокитая. В декабре 1915 г. верховные резиденты Лаоса и Камбоджи получили указание об усилении обороны в пограничных с Сиамом районах Индокитая.

Между французскими властями Индокитая и английскими властями в Индии было достигнуто соглашение относительно совместных репрессивных мер против национально-освободительных сил в Индии и Индокитае и выдачи друг другу их руководителей. 2 декабря 1915 г. эта договоренность была полностью одобрена министром иностранных дел Франции¹²⁹³.

В годы войны Япония занимала особую позицию в индокитайском вопросе: она непосредственно не участвовала в войне и тем самым имела возможность осуществлять экспансию на Дальнем Востоке при попустительстве Франции и Англии. «Каковы бы ни были устремления Японии по отношению к Китаю, мы, учитывая наши союзнические отношения с Японией, не должны противиться ей, независимо от того, какие бы планы она ни вынашивала. Япония в настоящее время является гарантом сохранения нашей власти в Индокитае», — писал в своем отчете генерал-губернатор Индокитая от 22 февраля 1916 г.¹²⁹⁴. Таким образом, французские колониальные власти в Индокитае стремились вести такую политику в Юго-Восточной Азии, которая бы смогла обеспечить безопасность Индокитая.

Наряду с военно-политическими мероприятиями, проводимыми французскими колониальными властями для сохранения Индокитая, они вели активную экономическую политику по эксплуатации людских и материальных ресурсов этих стран в интересах империалистической войны и монополий метрополии.

Экономическое положение Вьетнама в 1914—1918 гг.

Экономические меры, принятые в Индокитае колониальными властями с начала военных действий, преследовали три основные цели: содействовать снабжению метрополии, упростить снабжение колоний и парализовать торговлю противника¹²⁹⁵.

Для обеспечения поступлений товаров, необходимых для метрополии, были изданы два декрета — от 8 ноября и 21 декабря 1914 г., — запрещающие вывоз товаров из Индокитая, но допускавшие их отправку в метрополию, а также экспорт риса в Китай, Японию, на Филиппины, вывоз соли в Китай и скота на Филиппины. В таможенный тариф были внесены некоторые изменения. Так, декрет от 27 сентября 1914 г. запрещал торговые отношения с вражескими подданными. Министерские циркуляры от 5 и 15 октября 1914 г. регламентировали применение секвестра к вражеским фирмам.

Для удовлетворения постоянно растущих военных нужд Франции колониальные власти усилили эксплуатацию природных и людских ресурсов Индокитая. «Индокитай, — писал Э. Шасиньо, — поставил свою экономику на службу Франции». Политика французских властей во Вьетнаме сводилась к максимальному использованию материальных ресурсов для нужд войны. В годы войны из Индокитая было отправлено во Францию 240 тыс. галлонов спирта, 1750 т каучука, 2800 т касторового масла, 4300 куб. м специальной

¹²⁹² ANSOM. Indochine NF-203 (47), с. 25.

¹²⁹³ Там же, с. 26.

¹²⁹⁴ Там же, с. 30.

¹²⁹⁵ ANSOM. Indochine NF-29.

древесины, 500 тыс. т риса и маиса, 6700 т земляного ореха¹²⁹⁶, около 22 тыс. т сахара, 2344 т табака. Индокитай поставил в метрополию большое количество цемента, вольфрама, цинка, олова, свинца и другого сырья стратегического значения. Общая стоимость материальных поставок для метрополии оценивалась примерно в 11 млн. золотых франков. Индокитай занял второе место среди французских колоний по вывозу во Францию сельскохозяйственных товаров. Народы Индокитая должны были предоставить Франции около 191,5 млн. фр. в счет государственного долга и 200 млн. фр. за счет средств так называемой национальной обороны. Согласно официальным данным, за период войны во Францию из Индокитая, главным образом из Вьетнама, были поставлены военные материалы общей стоимостью 15 млн. фр.¹²⁹⁷ «Ежегодно, — писал Хо Ши Мин, — вьетнамцы исходят потом и кровью, чтобы выплатить 450 млн. фр. — сумму, которая почти целиком идет в карманы паразитов. Вьетнамцы вынуждены были взвалить на себя бремя огромных военных расходов, которые г-н министр по делам колоний элегантно называет „сыновним вкладом“»¹²⁹⁸.

После пяти месяцев, прошедших с начала первой мировой войны, по признанию самих же французов, доходы от налогов увеличились на 1 млн. пиастров¹²⁹⁹. Однако сразу после объявления войны начались затруднения с перевозками грузов. Исчез немецкий торговый флот, и значительно уменьшилось количество грузовых судов, так как суда союзников и стран, соблюдавших нейтралитет, вернулись в порты Дальнего Востока, ожидая принятия мер, гарантирующих им свободу навигации. Кроме того, оказались реквизированными суда на субсидируемых линиях, которые потребовались для перевозки через Средиземное море африканских воинских частей.

Чтобы облегчить сложившуюся ситуацию, исполнявший обязанности генерал-губернатора Индокитая распорядился страховать за счет финансов Индокитая суда, забиравшие грузы в его портах. Позднее метрополия стала сама страховать эти суда, предоставив Индокитаю страхование каботажных судов на Дальнем Востоке. Одновременно на колонии был распространен запрет на экспорт пищевых продуктов (например, риса), которые могли бы быть использованы врагом. В 1914 г. Индокитай отправил в метрополию 100 тыс. т риса и 20 тыс. т кукурузы¹³⁰⁰.

Индокитайская элита, в особенности колониальные советники и члены консультативных палат, организовала сбор денежных средств в фонд войны, составивший 2,5 млн. пиастров. Крупные землевладельцы и торговцы Кохинхины собрались 30 сентября 1915 г. в г. Чавинь, направив губернатору Кохинхины письмо с заверением своей верности метрополии. В указанном письме говорилось, что, «несмотря на заговоры (имеются в виду выступления под руководством Фан Сить Лонга.— *Авт.*), объясняющиеся обскурантизмом и неграмотностью их участников, кохинхинцы стремятся выразить свою преданность Франции, находящейся в состоянии войны с Германией». Кохинхинская элита в цитированном письме сообщала о своих ежегодных пожертвованиях Франции на военные расходы в сумме 4 млн. пиастров¹³⁰¹, которые были собраны за счет увеличения подушного и земельного налогов.

Одновременно кохинхинская элита просила генерал-губернатора Индокитая и губернатора Кохинхины о том, «чтобы вьетнамцы, их жены и дети, а также их прямые родственники пользовались правами французских граждан при введении ограничений для тех, кто не владеет 40 га земли или не имеет патента четвертого класса и выше, для тех, кто не является выходцами из уважаемых семей или не знает французской или китайской

¹²⁹⁶ Contribution du Vietnam a la guerre 1914—1918 aux cotes de la France. P., 1947, с. 6.

¹²⁹⁷ См.: Histoire militaire... с. 366, 373.

¹²⁹⁸ Хо Ши Мин. Избранные статьи и речи. М., 1959, с. 93.

¹²⁹⁹ «La Depeche coloniale», 6.1.1915.

¹³⁰⁰ Там же.

¹³⁰¹ ANSOM. Indochine NF-177.

грамоты, а также для жителей, принадлежащих к низшему сословию, таких, как кули и др., которые не имеют права на французское гражданство».

В указанном письме также содержалась просьба о том, чтобы французские власти позаботились о расширении системы образования, переводах классиков французской и китайской литературы на письменность куок-нгы, за что кохинхинская элита обещала ежегодно оказывать помощь Франции до конца войны в сумме 4 млн. пиастров. Были выпущены специальные военные займы, проведены различные сборы для военных нужд, что дало Франции за четыре года войны около 190 млн. фр.¹³⁰². На службу империалистическим интересам Франции были поставлены также и людские ресурсы колоний. Французские власти в Индокитае произвели максимальную мобилизацию людских сил для отправки в метрополию в качестве солдат для фронта либо рабочей силы для военных заводов. 48922 вьетнамских рабочих были заняты на военных заводах и на строительстве военных объектов Франции. Вьетнамские солдаты сражались в рядах французской армии на различных европейских фронтах. Всего за годы первой мировой войны французские власти мобилизовали в Индокитае 97903 человека, из которых 92441 были отправлены во Францию¹³⁰³, а остальные 5492 человека были посланы на советский Дальний Восток для помощи интервентам. Мобилизация людских сил и выкачивание материальных ценностей (особенно продуктов сельского хозяйства и минерального сырья), а также сбор денежных средств вели к обнищанию и разорению народа, к упадку национальной экономики. Одновременно резко сократился экспорт французских товаров во Вьетнам, а ввоз некоторых товаров первой необходимости был прекращен полностью. В указанное время внимание империалистов было приковано к европейскому театру военных действий. За пять лет войны многие крупные промышленные предприятия Франции оказались разрушенными, в связи с чем резко сократился экспорт французских товаров во Вьетнам. Так, если в 1913 г. общая сумма экспорта составляла 107489638 фр., то в 1918 г. она сократилась более чем в 3 раза, составив 33213937 фр. Если экспорт сахара в 1913 г. составлял 5474 т, то в 1918 г. уже не было вывезено ни одной тонны. Ввоз горючего (керосин, бензин и др.) сократился в 1918 г. по сравнению с 1913 г. в 7 раз, стеклянных изделий — более чем в 4 раза, хлопчатобумажных тканей — в 7 раз, шерстяных изделий — более чем в 10 раз и т. д. Если до начала войны французские товары составляли половину стоимости индокитайского импорта, то в 1918 г. — лишь 18%.

Ввиду крайнего недостатка товаров первой необходимости индокитайский рынок стал нестабильным, в силу чего французские власти были вынуждены разрешить иностранным компаниям ввозить во Вьетнам свои товары. Однако те государства, которые получили право на ввоз своих товаров в Индокитай, сами испытывали в них острую нужду, в связи с чем они оказались не в состоянии ввозить необходимые товары в эти страны в достаточном количестве. Следствием этого явилось постоянное повышение цен на промышленные товары. Экономика страны оказалась в тяжелом положении.

В этих условиях перед вьетнамской буржуазией открылись известные возможности для развития национальной промышленности и торговли.

Вьетнамские промышленники и торговцы, воспользовавшись нехваткой товаров, развернули широкую предпринимательскую деятельность. Промышленники закупали оборудование у иностранных капиталистов, расширяя деловые связи с иностранными торговыми компаниями, продавая им свои товары не по заниженным ценам и закупая промышленные товары у иностранцев не по повышенным ценам, как это было до войны. Такие сделки вьетнамские предприниматели совершали, минуя французские деловые круги. Указанное положение способствовало созданию благоприятных условий для развития национальной экономики и развития торговли. Так, если в 1912 г. в перевозках товаров было занято 198 вьетнамских судов, то в 1915 г. их число возросло до 440, а в

¹³⁰² E. Chassineux. L'Indochine, с. 541; Lich su can dai Viet-Nam. Т. III, с. 234.

¹³⁰³ Lich su can dai Viet-Nam. Т. III, с. 231.

1916 г.— уже до 523¹³⁰⁴. В годы войны вьетнамские помещики-торговцы скопили большие запасы риса, который они продавали на внутреннем и внешнем рынке, получая большие доходы. Так, в провинциях Шадек, Кантхо, Виньлонг, Митхо ежегодно продавалось до 600 т риса, а в Тяудоке — до 1400 т. Вырученные от продажи средства помещики вкладывали в плантационное хозяйство, промышленные предприятия или ссужали крестьянам под высокие проценты.

Возникли многочисленные торговые и промышленные компании. Создавались новые промышленные предприятия. Так, в провинциях Лонгсуен, Тяудок, Хадонг появились новые национальные шелкоткацкие мастерские, которые затем превратились в фабрики. В Ханое некий Лыу Кхань Ван открыл в 1916 г. текстильную мастерскую, где на первых порах вырабатывали тюль, а затем с расширением производства стали производить хлопчатобумажные ткани и полотенца. В провинциях Ниньбинь, Тхайбинь, Ратьзя, Баклиеу, Чавинь были открыты мастерские по производству циновок. Вьетнамские капиталисты быстро богатели. Так, владельцы компании «Лиен тхань», занимавшейся производством «нюок-мама», до войны имели свои производственные базы в Фантхиете и Сайгоне, а в период войны и после нее они открыли новые базы в Фьокхаи, Муине, Фанри. Вьетнамский капиталист Нгуен Тхань Лиену, владелец рисоочистительного завода в Митхо, в годы войны оснастил его новыми машинами. Если до войны этот завод производил всего 8 т риса, то в конце ее его ежедневная продукция равнялась 120 т.

Появились относительно крупные вьетнамские предприниматели-капиталисты: Хо Та Танг, Нгуен Тхань Лиен, Бать Тхай Бьой и др. В большей своей части это были выходцы из среды землевладельцев, чиновников, подрядчиков-компраторов, торговцев-ростовщиков и частично из ремесленников.

Вьетнамские предприниматели Бать Тхай Бьой и Нгуен Хыу Тху в военное время владели десятками транспортных судов, барж и лодок, курсировавших по рекам Северного Вьетнама. Появились новые капиталисты, такие, как Нгуен Шон Ха, которому принадлежал лакокрасочный завод в Хайфоне; Ле Ван Фук и Нго Ты Ха — владельцы типографии в Ханое; Во Суан Хань, Во Ван Хинь, До Ван И и др. основали полиграфическое предприятие в Ратьзя, издававшее книги, газеты и журналы; Нгуен Ван Тан, Нгуен Ба Тинь открыли в Тханьчи (пров. Хадонг) гончарную фабрику. Значительно увеличилась доля вьетнамского национального капитала на транспорте, в текстильной, рисоочистительной и цементной промышленности. Были также построены фабрики по производству ковров, шляп, обуви, завод по производству известняка в окрестностях Хюэ, лесопильный завод в Тхыатхиене¹³⁰⁵, мыловаренный завод в Хайфоне, шелкоткацкие фабрики в Тхайбине и Киенане. Расширилось производство местных товаров: лаковых изделий, кружев, циновок, плетеных изделий из бамбука и древесины.

Первая мировая война положила начало новому этапу в развитии вьетнамского капитализма, ознаменованному внедрением в производство новой машинной техники, что способствовало расширению сферы капиталистического предпринимательства. В национальной промышленности наряду с сохранением мануфактуры начался процесс перехода к стадии фабрично-заводского производства, которое в основном не было непосредственно связано с мануфактурой. Важную роль в этом сыграли первоначальное накопление и частично капиталистическая мануфактура. В годы войны из рассеянной мануфактуры стали возникать централизованные мануфактуры, появляться первые небольшие фабрики. Однако фабричное производство еще не господствовало в национальной промышленности. По мере развития капитализма помещики, торговцы, чиновники начали вкладывать свои капиталы в промышленное производство, и в частности в строительство лесопильных, кирпичных, рисоочистительных, мыловаренных заводов, шелкопрядильных, ткацких, мебельных, красильных фабрик, а также в транспорт. Но наиболее активной сферой деятельности вьетнамской буржуазии служили

¹³⁰⁴ VSD. 1958, № 42, с. 43.

¹³⁰⁵ С. А. Мхитарян. Рабочий класс и национально-освободительное движение... с. 50.

строительство, сельскохозяйственное предпринимательство и торговля¹³⁰⁶. Вьетнамская буржуазия на севере и на юге страны имела свои особенности и отличительные черты. Промышленная буржуазия юга в большей части вышла из среды помещиков, ростовщиков-компраторов (Чан Чинь Чать, Нгуен Тан Ши, Буй Куанг Тиеу, Нгуен Фан Лонг, Нгун Ван Тхинь и др.). Не известно ни одного случая, когда в Южном Вьетнаме капиталистом стал бы ремесленник, тогда как в Северном Вьетнаме, где ремесленное хозяйство было более развитым, отмечались отдельные случаи, когда промышленник в прошлом был ремесленником-мастеровым. К числу капиталистов, вышедших из среды таких ремесленников, относились владельцы фабрик — Ле Куанг Лонг (в Ханое), Буй Зыонг (в Хадонге), Ле Ван Нги (в провинции Намдинь) и др.

Таким образом, в годы первой мировой войны получили дальнейшее развитие национальная промышленность и торговля; появились относительно крупные промышленные предприятия с новой машинной техникой; возросла численность буржуазии, в том числе крупной. Все сказанное выше свидетельствует о том, что в рассматриваемый период были созданы благоприятные условия для перехода вьетнамского капитализма к новому этапу своего развития — этапу перехода к фабрике, хотя этот переход частично начался еще до начала общего кризиса капитализма.

Более того, все группы вьетнамской буржуазии (торговцы, промышленники, подрядчики и др.) в годы войны стали явно проявлять свое стремление к самостоятельной экономической и политической деятельности. Это обстоятельство способствовало обострению противоречий между вьетнамской буржуазией, с одной стороны, и французскими империалистами — с другой.

В годы первой мировой войны одновременно с дальнейшим развитием вьетнамской буржуазии происходил и рост вьетнамского пролетариата на национальных промышленных предприятиях. Первые промышленные рабочие появились на национальных рисоочистительных фабриках Сайгона—Телона, на шелкоткацких фабриках в Тхайбине (1909 г.) и Киенане (1915 г.), на мыловаренном заводе, на красильной фабрике, на заводах по производству «ныок-мама», на рудниках, на транспорте, в полиграфическом производстве и т. д. Характерной чертой периода первой мировой войны явилось формирование первых небольших отрядов фабричных рабочих на национальных предприятиях, тогда как прирост численности промышленных рабочих на французских предприятиях в годы войны по сравнению с довоенным периодом был незначительным, так как французские империалисты, занятые войной в Европе, уделяли мало внимания предпринимательской деятельности в своих колониях, и в частности во Вьетнаме. В это время здесь не строились промышленные предприятия, прекратились инвестиции. Однако в горнорудной промышленности Вьетнама наблюдалось определенное увеличение добычи полезных ископаемых для нужд войны. Так, в 1914 г. здесь было занято 15 тыс. человек, в 1915 г. — 15,5 тыс., в 1916 г. — 17 тыс., в 1918 г. — 16 тыс. человек. Известный вьетнамский историк Чан Ван Зяу, который долгие годы занимался изучением истории рабочего класса Вьетнама, считает, что общая численность рабочего класса Вьетнама к концу первой мировой войны достигла 100 тыс.¹³⁰⁷. Таким образом, первые отряды вьетнамского промышленного пролетариата до 1914 г. формировались на французских предприятиях, а на национальных — в годы первой мировой войны.

Как уже отмечалось, французское правительство объявило в странах Индокитая широкую мобилизацию населения для несения военной службы в рядах французской армии и для работы на промышленных объектах Франции. Была усилена налоговая политика, увеличено производство стратегического сырья, удлинен рабочий день на заводах

¹³⁰⁶ Основной процесс формирования промышленной буржуазии Вьетнама приходится на период после первой мировой войны, что выходит за рамки нашего исследования.

¹³⁰⁷ Tran Van Giau. *Giai cap cong nhan Viet-Nam*, с. 58.

и фабриках; местных жителей в принудительном порядке обязывали покупать облигации французского государственного займа.

Такая систематическая выкачка материальных средств тяжело отражалась на положении широких народных масс, и в первую очередь крестьян. Оно еще более усугубилось несколькими неурожайными годами, в результате чего огромное число крестьянских дворов оказалось разоренными, их хозяева вынуждены были покинуть родные деревни и отправиться в город на заработки.

В годы войны крайне тяжелым было и положение городского населения. Нехватка квалифицированной рабочей силы и постоянные срочные военные заказы сильно удлиннили и без того продолжительный рабочий день. Война породила крутой рост цен на товары первой необходимости и продукты питания. Империалистическая война пагубно сказалась на положении трудящихся Вьетнама, порождая недовольство широких народных масс существующим колониальным режимом. Обострение противоречий между империализмом и Вьетнамом ускорило классовую дифференциацию вьетнамского общества: реакционные феодалы и помещики, высшее чиновничество и компрადоры оказались в лагере империалистов, превратившись в их внутреннюю агентуру, тогда как рабочие, крестьяне, мелкая и национальная буржуазия, а также часть выходцев из старой, феодальной интеллигенции стали на путь антиимпериалистической и антифеодальной борьбы за национальную независимость.

Таким образом, до конца первой мировой войны во Вьетнаме были созданы благоприятные условия для развития капитализма, происходил ускоренный процесс формирования пролетариата¹³⁰⁸ и буржуазии. Однако до начала общего кризиса капитализма ни пролетариат, ни буржуазия еще окончательно не оформились как класс вьетнамского общества, развиваясь в условиях господства французского монополистического капитала и при медленном разрушении феодальных отношений. Экономическая и политическая слабость их позиций, естественно, не могла не сказаться на характере национально-освободительного движения 1914—1918 гг.

Национально-освободительное движение во Вьетнаме в годы первой мировой войны

Общество возрождения Вьетнама и вооруженные антиколониальные выступления в 1914 — 1916 гг. В. И. Ленин справедливо отмечал, что первая мировая война содействовала росту революционного движения на Востоке. В борьбу империалистов Европы оказались втянутыми целые полки колониальных народов. «Империалистическая война,— писал В. И. Ленин,— разбудила и Восток, втянула его народы в международную политику»¹³⁰⁹.

Появление во Вьетнаме новых, свежих сил — представителей национальной интеллигенции, выразившей интересы буржуазии,— обусловило характер национально-освободительного движения в этой стране в годы первой мировой войны: лозунгом освободительного движения здесь стало завоевание национальной независимости и объединение трех политико-административных частей страны в рамках буржуазно-демократической республики.

Под влиянием Синьхайской революции требование установления конституционной монархии было заменено требованием буржуазно-демократической республики. Фан Бой

¹³⁰⁸ Забегая вперед, скажем, что промышленный пролетариат Вьетнама как общественный класс и социальная сила вьетнамского общества сложился только в 20-х годах XX в. Он развивался как «класс в себе» преимущественно на французских капиталистических предприятиях и превратился в самостоятельную политическую силу («класс для себя») в начале 30-х годов, когда осознал свою историческую роль и создал свою политическую партию. См. подробно об этом: С. А. Мхитарян. Рабочий «класс и национально-освободительное движение...», с. 131—140.

¹³⁰⁹ В. И. Ленин. Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г.— Т. 39, с. 328.

Тяу и его единомышленники предполагали осуществить свой план с помощью индивидуального террора и вооруженных мятежей, возлагая при этом определенные надежды на материальную помощь правительства кайзеровской Германии.

С какими же конкретными внешними и внутренними факторами было связано развитие различных форм национально-освободительной борьбы, и прежде всего борьбы вооруженной? Как протекал процесс пробуждения национального самосознания представителей различных слоев населения Вьетнама, включая и представителей национальных меньшинств? И, наконец, какие именно выступления, организованные Обществом возрождения Вьетнама, были наиболее крупными и значительными? Таковы вопросы, которые неизбежно возникают при анализе событий внутренней жизни Вьетнама в годы первой мировой войны.

В рассматриваемое время Общество возрождения Вьетнама, воспользовавшись неудачами Франции в первые годы войны на европейском театре военных действий, развернуло активную антифранцузскую пропаганду, начав готовить вооруженные выступления против колониального режима. Руководители Общества вступили в переговоры в Таиланде с германским консулом на предмет получения финансовой и военной помощи. В результате переговоров было достигнуто соглашение, по которому немцы обязались предоставить вьетнамским патриотам заем в сумме 10 тыс. индокитайских пиастров.

Получив финансовую помощь от Германии, Общество возрождения Вьетнама заметно усилило свою активность: за границей было закуплено оружие, началась вербовка бойцов для Армии возрождения Вьетнама, которая должна была стать основной ударной силой повстанцев. Вербовка в ряды этой армии велась преимущественно среди представителей национальных меньшинств Северного Вьетнама и китайских поселенцев. Руководство Общества возрождения Вьетнама серьезно рассчитывало на поддержку в ходе восстания некоторых антифранцузски настроенных землевладельцев, патриотически настроенных ши-фу и части мелкой и национальной буржуазии. Главные же надежды возлагались на вьетнамских солдат — служащих колониальной армии, и в первую очередь на Ханойский гарнизон.

В план восстания, разработанный лично Фан Бой Тяу, был полностью посвящен его соратник До Тян Тхиет, вступивший в контакт с вьетнамскими служащими французской железнодорожной компании «Шемен дю фер дю Юннань» и привлечший их для работы в ячейке Общества возрождения Вьетнама. Под руководством До Тян Тхиета члены ячейки провели среди местного населения большую подготовительную работу, закупили и доставили в условленные места необходимое оружие и боеприпасы, создали мастерские по производству гранат, пороха и т. д.

Общество возрождения Вьетнама не случайно делало основную ставку на вьетнамских солдат, в большинстве своем вчерашних крестьян. Руководство Обществом было хорошо осведомлено о большом недовольстве, царившем среди крестьян, насильно мобилизованных в колониальную армию.

И действительно, положение вьетнамских солдат в колониальных войсках Франции было чрезвычайно тяжелым. Об этом свидетельствует, например, следующее откровенное признание французского офицера Гарби: «Из дневного рациона одного французского солдата можно составить рацион четырех вьетнамских солдат»¹³¹⁰.

Вьетнамских солдат использовали главным образом для несения службы в самых тяжелых в климатическом и географическом отношении районах страны. Условия жизни вьетнамских военнослужащих, находившихся в одном звании с французскими, были более тяжелыми, тогда как оплачивались значительно ниже. Так, младший лейтенант француз получал ежегодно 5 тыс. фр., тогда как младший лейтенант вьетнамец — только 900 фр. Аналогичная дискриминация наблюдалась и при продвижении по служебной линии (вьетнамский военнослужащий мог получить чин лишь младшего офицера).

¹³¹⁰ Tran Huy Lieu. Lich su tam muoi nam... с. 187.

Обращались с вьетнамскими солдатами самым бесчеловечным образом, наказывая за малейшую провинность. В то же время им всячески стремились привить чувство жестокости в отношении местного населения, что даже специально поощрялось французским командованием. Культивируя политику «разделяй и властвуй», колонизаторы сталкивали вьетнамских солдат с местными жителями, вызывая у них чувство злобы и недоверия к своим соотечественникам, одетым в военную форму.

С началом империалистической войны французские власти стали регулярно отправлять вьетнамских солдат на европейский фронт, где они использовались наряду с солдатами из других колоний в наиболее тяжелых и кровопролитных сражениях. В. И. Ленин, говоря об этом периоде, пророчески писал: «Англия и Франция вооружали колониальные народы и помогали им познакомиться с военной техникой и усовершенствованными машинами. Этой наукой они воспользуются против господ империалистов»¹³¹¹. Участие вьетнамских солдат в империалистической войне на стороне Франции объективно способствовало пробуждению их политического самосознания, превращая их в важную боевую силу освободительного движения.

Согласно плану, разработанному Обществом возрождения Вьетнама, восстание должно было парализовать французский колониальный аппарат управления и тем самым создать благоприятные условия для перехода вьетнамской границы революционной армией Вьетнама из Китая. Против отдельных членов колониально-административного аппарата и чинов французской армии планировалось провести ряд террористических актов. Более того, руководство Общества возрождения Вьетнама рассчитывало на то, что французская армия в Индокитае сильно ослаблена. Дело в том, что в годы войны французские власти были вынуждены пойти на резкое сокращение своих вооруженных сил во Вьетнаме. По некоторым данным, к началу 1915 г. в Индокитае насчитывалось лишь 10 тыс. военнослужащих. Однако в результате проникновения в ряды Общества французского шпиона план восстания был раскрыт. До Тянь Тхьет и 12 его единомышленников, возвратившихся из Китая, в сентябре 1914 г. были схвачены французской охранкой в Ханое и повешены. В результате репрессий ячейка Общества в Юннани и опорные базы, созданные в Ханое и других местах, распались. Армия возрождения, которой руководили Хоан Чонг Мау и Чан Хью Лык, оказалась изолированной от организации и баз, действовавших в самом Вьетнаме. Вскоре после раскрытия плана восстания было арестовано 30 членов подпольной ячейки Общества во главе с Лыонг Минь Хиеном¹³¹². Но уже в конце 1914 г., воспользовавшись неудачами французской армии на Западном фронте в Европе, зарубежный центр Общества возрождения Вьетнама заметно активизировал свою деятельность. Подготавливая почву для возможного скорого выступления, бойцы отрядов Армии возрождения, дислоцировавшихся в пограничных с Китаем районах, развернули среди местного населения активную антифранцузскую агитацию. Между руководителями отдельных опорных баз была достигнута договоренность об одновременном вооруженном выступлении в июне 1915 г. в провинциях Виньен, Фукиен, Туенкуанг, Шонтэй, Хынгхоа, Хоабинь, Хадонг.

В этой связи газета «Ла депеш колониаль» отмечала, что еще в январе—феврале 1914 г. на китайско-тонкинской границе происходили вооруженные столкновения между французскими властями и вьетнамо-китайскими партизанскими отрядами: «На наших границах произошли инциденты, спровоцированные немецкой агентурой в Китае. Отмечались попытки вторжения со стороны Гуанси, была подкуплена народность ман для нападения на наши посты в верховьях Красной реки. Но все эти нападения были отбиты»¹³¹³. В рапорте Винсента, командира батальона первого военного округа, указывалось на раскрытие революционного заговора на территории округа. В рапорте на

¹³¹¹ В. И. Ленин. Доклад на II Всероссийском съезде.— Т. 39, с. 328.

¹³¹² Lich su can dai Viet-Nam. Т. III, с. 291—292.

¹³¹³ «La Depeche coloniale», 6.1.1915.

имя французского верховного резидента Тонкина от 14 декабря 1914 г. сообщалось о переходе границы вьетнамским революционером Нгуен Чонг Кыонгом, прибывшим в начале декабря для выяснения возможности вторжения в Тонкин через Монгкай.

В этом же донесении отмечалось, что немецкий консул в Шанхае обещал выделить крупную сумму вьетнамским националистам для организации беспорядков в пограничных районах, «этим преследуется цель поставить в затруднительное положение правительство Индокитая, лишив его возможности произвести новую отправку офицеров и солдат во Францию»¹³¹⁴.

В докладе генерал-губернатора Индокитая от 28 декабря 1914 г. на имя министра иностранных дел Франции говорилось, что руководители вьетнамских революционеров, находящиеся в Южном Китае, пытаются привлечь в ряды тайной организации вьетнамских служащих железнодорожной линии Ханой—Юннань. В том же докладе утверждается, что арестованный вьетнамец по имени До Тян Тхиен признался в этом. «После ареста он сознался, что стремился организовать внутри страны переворот, с тем чтобы парализовать нашу деятельность, тогда как члены революционных организаций, находящиеся в Китае, должны были перейти границу и заняться террористическими действиями против колониальных военных и гражданских властей»¹³¹⁵.

В октябре 1914 г. в Ханое было арестовано несколько десятков вьетнамских националистов и захвачено значительное количество документов, пропагандистских материалов и оружия. Многие из этих лиц были сторонниками Фан Бой Тяу. Арестованные были переданы военным властям, приговорившим 18 человек из них к смертной казни. Был также раскрыт заговор в Футхо, в результате чего военный трибунал приговорил 6 человек к смертной казни и 17 человек к различным срокам тюремного заключения. Несмотря на жестокие репрессии, вьетнамские националисты-патриоты, и особенно сторонники Общества возрождения Вьетнама, продолжали вести борьбу против колонизаторов. На протяжении зимы 1914/15 г. в Тонкине и особенно вдоль вьетнамско-китайской границы отмечались многочисленные выступления. Французские власти вынуждены были признать, что «заговоры периодически возобновляются и нам не удастся поставить их руководителей в условия невозможности продолжения антифранцузской деятельности, поскольку последние находятся за границей, пользуются статусом политических беженцев, а также поддержкой властей некоторых зарубежных стран»¹³¹⁶.

В начале января 1915 г., почти на полгода ранее намеченного срока, отряд повстанцев из 150 человек под командованием Нгуен Ван Зяу и Нгуен Ван Нгуена совершил нападение на штаб французского гарнизона в провинции Футхо. Однако эта акция потерпела неудачу: отряд был разгромлен. Было арестовано 238 человек, которые вскоре предстали перед военным трибуналом. Французская полиция рассматривала события в Футхо как хорошо организованное выступление под руководством Общества возрождения Вьетнама и лично самого Фан Бой Тяу. В связи с этим полиция доносила: «Нападение в Футхо не следует считать обычным единичным нападением бандитов, продиктованным личными интересами кучки лиц, недовольных существующим режимом. Скорее всего это часть общего широкого плана, предусматривающего одновременные восстания в ряде фортов и провинций Вьетнама: в Виньиене, Фукиене, Тхайнгуене, Шонтэе, Хынгхоа, Хоабине, Хадонге»¹³¹⁷.

В ответ на вооруженные выступления членов Общества возрождения Вьетнама колониальные власти усилили репрессии, арестовали и бросили в тюрьмы многих членов этой организации, а инициаторов и непосредственных исполнителей отдельных террористических актов казнили.

¹³¹⁴ ANSOM. Indochine NF-191.

¹³¹⁵ ANSOM. Indochine NF-192.

¹³¹⁶ ANSOM. Indochine NF-203 (47).

¹³¹⁷ L'Agitation antifrancaise... с. 174.

Индокитайскими властями был заключен тайный союз с реакционными властями Китая, Таиланда и с английской охранкой об арестах и высылке из этих стран членов Общества возрождения Вьетнама.

Французские власти в Индокитае использовали нападение, организованное членами Общества на пограничный с Китаем военный пост Талунг (март 1915 г.), в качестве предлога для широких репрессий против участников антифранцузских выступлений и ввели военное положение в Тонкине и Кохинхине. По всей стране были учреждены военно-полевые суды и проведены многочисленные аресты среди местного населения. Пытаясь оправдать подобные репрессии, верховный резидент Тонкина в отчете за 1914 г. писал: «Мы не можем покончить с антифранцузской пропагандой и попытками восстаний, если не примем энергичных мер, дабы воспрепятствовать Фан Бой Тяу и его единомышленникам организовывать заговоры и мятежи»¹³¹⁸. Тем не менее, несмотря на жестокие репрессии со стороны колониальных властей, патриоты Общества продолжали вести мужественную антиколониальную борьбу. Нападения отрядов, руководимых Обществом возрождения Вьетнама, продолжались в провинциях Ниньбинь и Монгкай (январь 1915 г.), в провинции Куангчи (сентябрь 1915 г.), провинциях Лаокай (август 1916 г.), Хазянг (март 1917 г.)¹³¹⁹ и др. 28 сентября 1915 г. члены Общества возрождения Вьетнама провели операцию по захвату тюрьмы Лаобао (пров. Куангчи) — одной из основных политических тюрем Индокитая, где томились вьетнамские революционеры. В ходе этой смелой операции было освобождено 200 политических заключенных во главе с Лиеу Тханем и Ба Киеном (имя первого тесно связано с деятельностью «Донг Зу» и Обществом возрождения Вьетнама, второго — обществом «Зуи Тан»), которые, захватив оружие тюремной охраны, примкнули к повстанцам.

Несмотря на то что все упомянутые выступления Общества возрождения Вьетнама в 1914—1915 гг. так и не имели успеха и были жестоко подавлены ввиду отсутствия единого руководства и недостаточной согласованности действий, равно как и слабой организованности, они тем не менее сыграли весьма положительную роль в деле пробуждения национального самосознания и дальнейшего развития национально-освободительной борьбы вьетнамского народа.

В сентябре 1915 г. в Хюэ состоялась конференция руководящих деятелей Общества возрождения Вьетнама, на которой были подведены итоги деятельности этой организации, в частности среди вьетнамских солдат (на сторону Общества было привлечено почти 580 военнослужащих). Был также рассмотрен вопрос о снабжении восставших продовольствием¹³²⁰. На упомянутой конференции были вскрыты серьезные разногласия среди руководителей Общества по вопросу о сроках всеобщего восстания. Одна часть, во главе с Ле Нгунгом, настаивала на немедленном восстании; вторая (Чан Као Ван и некоторые другие члены Общества) предлагала отложить восстание, считая население недостаточно подготовленным к нему. Следует отметить, что, для того чтобы придать восстанию по возможности более широкий размах, последние предлагали использовать авторитет и имя царствующего Зуи Тана.

В феврале 1916 г. в Хюэ состоялась вторая конференция, на которой были рассмотрены план восстания и вопросы государственного строя в случае его победоносного исхода. Были утверждены национальный герб и флаг, а также знамя повстанческой армии.

По вопросу о форме государственной власти мнения участников конференции разделились. Одни из них, следуя политической линии, выработанной Обществом возрождения Вьетнама в 1912 г. в Гуанчжоу, предложили после изгнания колонизаторов

¹³¹⁸ ACI. F-03. Rapport au Gouverneur general sur la situation du Tonkin 1914, с. 9.

¹³¹⁹ Lich su can dai Viet-Nam. T. III, с. 291.

¹³²⁰ Duy tan khoi nghia, с. 21. Эта брошюра без указания места и года издания хранится в Ханойском музее революции.

провозгласить демократическую республику¹³²¹. Другие же, оказавшиеся в большинстве, считали, что единственно приемлемым вариантом может быть только конституционная монархия.

Упомянутая конференция утвердила конкретный план восстания, которое предполагалось начать в мае 1916 г. в Куангбине с дальнейшим развитием боевых действий в южном направлении. Чан Као Вану было поручено подробно информировать императора о ходе подготовки восстания. Конференция избрала руководящий комитет восстания в составе Тхай Фиена, Чан Као Вана, Фан Тхань Тая, До Ты, Ле Нгунга и Нгуен Шуи.

Сразу же после окончания работы конференции члены комитета разъехались, приступив к подготовке восстания. И хотя подготовка эта велась неравномерно (в то время как в провинциях Куангнам и Куангнгай все приготовления были закончены, в других провинциях к ним еще только приступили), император Зуи Тан предложил начать восстание раньше намеченного срока — 3 мая 1916 г.¹³²². Такой перенос срока Зуи Тан мотивировал необходимостью сорвать назначенную на 10 мая отправку во Францию нового контингента вьетнамских солдат.

Как это неоднократно случалось и раньше, о плане восстания стало известно французским властям. Последние поспешили стянуть крупные воинские части и ввели военное положение. Вьетнамские солдаты были разоружены и заменены французскими легионерами. Начались повальные аресты. Основные руководители восстания были казнены, многие его участники сосланы на о-в Пулокондор. Сам император Зуи Тан был схвачен в мае 1916 г. и сослан на о-в Реюньон¹³²³.

Таким образом, планам Общества возрождения Вьетнама не суждено было сбыться. В этом в немалой степени были повинны сами его руководители, ибо они не увидели глубоких перемен, которые переживало в это время вьетнамское общество, и по-прежнему рассчитывали на императора. Сектантские позиции, на которых стояли эти руководители Общества, помешали им понять, что императорский феодальный режим, каким бы относительно прогрессивным он ни был, уже не мог пользоваться авторитетом в народе. Феодалы как класс в рассматриваемый период уже находились на стороне империалистов, превратясь в их опору.

Отмечая, что первая мировая война стала эпохой кризиса для наций Западной Европы и для всей системы империализма, В. И. Ленин писал, что в результате этого кризиса движение угнетенных народов и наций усилилось. «В колониях,— писал В. И. Ленин,— ряд попыток восстания, которые, конечно, угнетающие нации при содействии военной цензуры всячески старались скрыть. Известно тем не менее, что англичане зверски расправлялись в Сингапуре с восстанием своих индийских войск; что были попытки восстания во французском Аннаме... и в немецком Камеруне...»¹³²⁴.

Деятельность тайных религиозных обществ. Одной из форм национально-освободительного движения во Вьетнаме была активная деятельность тайных религиозных обществ, объединявших крестьян и служителей культа (буддийских и конфуцианских монахов). Эта форма движения была особенно широко распространена в Кохинхине и частично в Тонкине. Указанные тайные организации ставили своей целью свержение колониального гнета и восстановление национальной независимости. Фактически тайные религиозные общества являлись политическими организациями, скрывавшими свою подлинную направленность под видом религиозных сект. На Дальнем Востоке политические общества обычно пропагандировали какую-нибудь псевдорелигию для воздействия на неграмотную и доверчивую массу. Количество тайных обществ и

¹³²¹ Duy tan khoi nghia, с. 30.

¹³²² Там же.

¹³²³ Иногда восстание, готовившееся в центральных провинциях Аннама, в исторической литературе называют «восстанием Зуи Тана» — по имени царствовавшего императора.

¹³²⁴ В. И. Ленин. Итоги дискуссии о самоопределении. — Т. 30, с. 52.

религиозных сект, скрывающих свое истинное назначение, на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии всегда было значительным. В прошлом деятельность подобных обществ была обычно локализована в определенном районе, границы которого она не переходила. В XX в. развитие путей сообщения способствовало созданию более крупных обществ, лучше организованных и более умело руководимых, которые стремились объединиться в единую организацию.

Политические объединения возникали и развивались при наличии в правящих классах большого числа недовольных существующим режимом. Такие противники объединялись в тайные общества под девизом «Объединение порождает силу»¹³²⁵. Руководители вьетнамского Общества возрождения Вьетнама Кыонг Де и Фан Бой Тяу следовали традиционной тактике своих китайских предшественников, создавая в стране большое число тайных обществ. Наиболее известным примером такого политико-религиозного общества является секта Там Тхань («Трех святых») в Тонкине¹³²⁶. В отчете верховного резидента Тонкина за IV квартал 1911 г. говорилось о поступивших от резидента Хадонга сведениях об усилении в этой местности культа Там Тхань. Это новое религиозное учение, основывающееся на таоизме, исходит из пагоды Нгок Сон, расположенной на небольшом озере в Ханое. На собраниях последователей этого культа божественные духи при помощи медиума предсказывают им будущее. Медиум обычно бывает человеком неграмотным. Находясь во время сеанса в сомнамбулическом состоянии, он чертит знаки, «подсказанные» ему духами. В этом сеансе участвует и просвещенный человек, который транскрибирует эти знаки, придавая им поэтическую форму. Затем эти материалы печатаются и распространяются в деревнях. Составленные таким образом поэмы в большей своей части безобидны, но главная их опасность таится в комментариях к ним, которые делаются студентами и просвещенными лицами, призывающими к мятежам и восстаниям. В комментариях к таким произведениям содержались неблагоприятные высказывания в адрес французских властей. В этих произведениях колонизаторов именовали «гадкой пылью» и «нечистой расой», следы которой следует стереть¹³²⁷. Колониальные власти предавали суду и приговаривали издателей и владельцев таких книг к тюремному заключению. Так, резидент Хадонга запретил исполнение обрядов культа Там Тханя в общественных пагодах и общинных домах — динях. В том же отчете указывалось на необходимость строгой проверки бонз: «В настоящее время бонзой может стать любой человек. Число узаконенных бонз и бонз-самозванцев, пользующихся доверчивостью народа, огромно, поэтому трудно проследить за поведением всех этих священнослужителей, являющихся одновременно и учителями и врачами».

Наибольшее число упомянутых тайных религиозных организаций отмечалось в Кохинхине. Так, в провинции Митхо действовали общества «Нгиа хоа ти хой», «Зуй тан хой», «Тхи тинь хой», «Фук хынг хой», в провинции Шадек — «Хой ай куок», в провинции Бария — «Нян хоа дыонг» и др.

Самой популярной и влиятельной организацией этого типа являлось «Общество неба и земли» («Тхиен диа хой»), созданное в провинции Тхузаумот вьетнамцем Беп Хаем¹³²⁸. Задача организаторов этого Общества облегчалась наличием в Кохинхине большого числа китайцев, среди которых было много подготовленных людей, обладавших опытом создания тайных религиозных обществ. По французским данным, «Общество неба и земли» выделилось из китайского общества «Нгиа хоа ти хой»¹³²⁹, в основе которого была взаимопомощь всех его членов, сбор членских взносов для проведения

¹³²⁵ ANSOM. Indochine NF-28 (2).

¹³²⁶ Там же.

¹³²⁷ Таоизм основан на культе трех духов: Ван Сыонга, Куан Де и Ладонг Тама [см.: ANSOM. Indochine A-20 (65)].

¹³²⁸ Lich su can dai Viet-Nam. Т. III, с. 359.

¹³²⁹ ANSOM. Indochine NF-28 (2).

антиманьчжурской пропаганды. Многие вьетнамцы, жившие в Кохинхине, вступали в это общество для того, чтобы, с одной стороны, избежать притеснения со стороны китайцев, а с другой — чтобы иметь возможность под его покровительством притеснять своих соотечественников, не являющихся его членами. В указанное Общество вступило огромное число вьетнамских крестьян, стремившихся обезопасить себя и свои владения. В скором времени число вьетнамцев, вступивших в эту организацию, значительно превысило ее китайский состав, и китайцы стали испытывать серьезное беспокойство за собственные позиции в ее руководстве. Этим объясняется стремление выделить вьетнамцев из своего состава в новое общество — под названием «Небо и Земля».

До Синьхайской революции большая часть взносов «Общества неба и земли» вносилась в кассы китайской революционной партии. Во французских материалах отмечается, что «наивность кохинхинцев и страх, который им внушали китайцы, были так велики, что они не порывали связей с этими иностранцами, которые их изрядно эксплуатировали. Вьетнамцы, добровольно делавшие пожертвования в пользу китайской революции, в настоящий момент недовольны тем, что китайцы не ответили взаимностью».

«Общество неба и земли» распространяло свою деятельность на многие районы Кохинхины. Эта широкая религиозная организация состояла из множества секций в различных провинциях Кохинхины (Зядинь, Биенхоа, Шадек, Лонгсуен, Митхо, Сайгон—Телон и др.).

Начало активной деятельности «Общества неба и земли» приходится на 1911 г. Именно тогда Нгуен Хью Чи и Тхуен Ван Хиеп, руководившие Обществом, провозгласили 20-летнего юношу Фан Фат Шаня главой общества, распространив слух, что последний якобы является наместником бога и призван занять императорский трон под именем Фан Сить Лонга.

По свидетельству историка Чан Хюи Лиеу, «ввиду того что общество было прикрыто как бы мистической вуалью, члены его и люди вне его рассматривали это Общество как нечто сверхъестественное и грозное»¹³³⁰, ниспосланное для борьбы с иностранными поработителями. Основной своей целью Общество ставило изгнание колонизаторов, борьбу против их приспешников в лице феодалов-помещиков и восстановление национальной независимости.

«Общество неба и земли» поддерживало связь с Кыонг Де и Фан Бой Тяу. Еще в 1906 г. члены этого Общества начали вести: в Кохинхине националистическую пропаганду. Наибольшую активность в этом проявил Буй Ти Ньюан, находившийся в Бангкоке. Руководство Общества держало в тайне истинную цель этой организации и его связи с Кыонг Де и Фан Бой Тяу. Более того, французские власти не могли узнать, кто стоит во главе Общества. Последнее руководствовалось в своей деятельности традиционными методами и подчинялось тайному начальству, члены: его не имели определенного места встреч, они только имели опознавательные знаки для установления взаимного доверия. В каждой деревне или кантоне имелся патрон (онг тью) или своего рода; почетный член Общества, и его помощники — коад юторы (кео). На 50 членов Общества приходился один кео. Рядовые члены Общества не знали в лицо своего патрона, а имели дело только с кео. Выдача патрона колониальным властям влекла за собой: немедленное физическое уничтожение предателя. От патрона исходили решения и приказы, которые передавали кео. Опознавательные знаки были весьма разнообразными и часто менялись; они помогали членам Общества повсюду опознавать друг друга по манере здороваться. Вновь принятые члены Общества давали клятву, предусматривавшую «помогать друг другу в беде, быть, верным общему делу на жизнь и на смерть» и т. д.¹³³¹. Помимо клятвы вновь вступившие подвергались различным испытаниям, наиболее распространенным из которых было испытание раскаленным углем. При этом новый член Общества не должен

¹³³⁰ Tran Huy Lieu. Lich su tam muoi nam... с. 179.

¹³³¹ ANSOM. Indochine NF-28 (2).

был никак реагировать на боль. Далее испытуемый должен был порезать, себе палец и кровью начертить не менее двух иероглифов на листке бумаги. Прошедшие указанные испытания зачислялись в категорию ань-хынг (стоящих людей). Вступление в члены Общества посредством испытаний именовалось «чуй», что означает процессковки раскаленного железа; лиц, не прошедших испытаний, называли низшей категорией. Клятва и дисциплина в Обществе считались священными.

Доход Общества составляли взносы, при этом особо вознаграждалось ограбление богатых домов. Воинствующие члены Общества (ань-хынг) были всегда готовы выполнить любой приказ, даже если их жизни грозила опасность.

В Кохинхине в годы первой мировой войны имелось около 80 патронов и секций «Общества неба и земли». Руководящий комитет Общества был известен только патронам. Комитет заседал в предместье Сайгона либо в горах. Он: имел связь с Кыонг Де и Фан Бой Тяу, которые находились за границей. Связь с последними осуществлялась через связных, постоянно курсировавших между Сайгоном и Бангкоком, Гонконгом и Сингапуром.. Упомянутое Общество не имело четкой организационной, структуры. Однако все члены каждой из многочисленных секций соблюдали строгую конспирацию, прибегая к особому жаргону в разговоре друг с другом. Неграмотные крестьяне видели в лице «Общества неба и земли» всемогущего избавителя от всех бед, учителя и наставника в деле борьбы с колонизаторами. Наибольшим авторитетом у населения пользовались служители культа — монахи Нгуен Ван Сы из провинции Шадек, Нгуен Ван Ван из провинции Тяудок и Нгуен Ван Хиеп из провинции Бенче.

Чтобы парализовать деятельность членов «Общества неба и земли», колониальные власти учредили в Сайгоне специальные суды по уголовным делам, делая попытки арестовать и судить его руководителей. Однако это было чрезвычайно сложно, так как лица, заинтересованные в деятельности Общества, располагали значительными средствами, при помощи которых они подкупали полицейских и местных властей. В своей практической деятельности члены «Общества неба и земли» широко использовали тактику индивидуального террора. Наряду с убийством местных реакционных феодалов и помещиков, старост и чиновников Общество вело среди населения агитационную антиколониальную кампанию, распространяя листовки и литературу антиколониального содержания. Многие пагоды служили для членов Общества не только местом собраний и встреч, но зачастую и опорными базами. Члены «Общества неба и земли» вели беседы среди крестьян на темы «Любовь и верность», «Долой несправедливость»¹³³². Руководство «Общества неба и земли» приняло решение о выступлении против колониальных властей. В соответствии с этим решением по инициативе Нгуен Хыу Чи, Нгуен Ван Хиэпа и самого Фан Фат Шаня на границе с Камбоджей, в горах Тхатшон (пров. Тяудок), были созданы вооруженные опорные базы. В ночь на 24 января 1913 г. члены Общества совершили ряд террористических актов в Сайгоне — Телоне. Спустя несколько дней 600 крестьян, вооруженных топорами и ножами, из провинций Зядинь, Танан и Виньлонг двинулись на Сайгон, чтобы свергнуть власть колонизаторов и посадить на престол Фан Сить Лонга (Фан Фат Шаня). Колониальные войска жестоко расправились с участниками этого похода. Фан Сить Лонг был арестован и приговорен к пожизненному тюремному заключению.

После выступления в Сайгоне, организованного упомянутым Обществом, губернатор Кохинхины докладывал генерал-губернатору Индокитая следующее: «В заключение данного доклада считаю необходимым еще раз обратить ваше внимание на заговоры, которые продолжают осуществляться в Кохинхине сторонниками Фан Бой Тяу и Кыонг Де. Среди лиц, представших перед уголовной комиссией Ханоя, среди повстанцев, укрывшихся в соседних иностранных портах, находится большинство тех, кто обвинялся в 1909 г. по делу Жильбера Тиеу; сообщается о нахождении многих молодых

¹³³² Lich su can dai Viet-Nam. T. III, c. 360.

аннамитов из богатых семей в учебных заведениях Китая и Японии. Напомню также о попытках распространения ассигнаций так называемой Аннамской республики, о заговорах, которые в настоящее время расследуются в Виньлонге и в которых также обнаружено присутствие бывших сторонников Ж. Тиеу. Таким образом, заговоры Фан Фат Шаня осуществлялись в ограниченных масштабах. В конечном итоге они не имели серьезных последствий и не нанесли серьезного ущерба нашему престижу и нашему владычеству. Однако пропаганда, которая продолжается вестись в определенных кругах зажиточных слоев населения, откуда партия находящаяся за границей повстанцев, по всей вероятности, черпает весьма значительные средства, привлекает наше самое пристальное внимание»¹³³³. Несмотря на принятые меры, Общество продолжало активизировать свою деятельность. На такой же позиции стояли и руководители Общества возрождения Вьетнама. Еще в 1913 г. его руководство установило контакт с агентами кайзеровской Германии, и прежде всего с германским консулом в Гонконге Форестом¹³³⁴. В годы первой мировой войны эти связи еще более укрепились. Активизировались встречи с германскими агентами на Дальнем Востоке, велись переговоры о посещении Кыонг Де Германии. Именно в это время были распространены среди индокитайского населения слухи о военной слабости Франции по сравнению с Германией.

В 1916 г. колониальные власти в Индокитае приняли решение о расширении вербовки «добровольцев» во французскую армию. Это решение натолкнулось на сопротивление населения Кохинхины. Сам губернатор Кохинхины Курбе предостерегал власти о том, что «этот призыв не найдет в Кохинхине должного отклика. Во всяком случае, там легче найти рабочих, чем стрелков, так как вьетнамцы не знают, что такое оружие, и не желают отправляться сражаться в дальние края».

Несмотря на указанные настроения и предупреждения, генерал-губернатор Индокитая дал указание произвести вербовку солдат второй очереди для отправки во Францию, признав, однако, что против вербовки солдат выступал не только Курбе, но и многие другие. «Если бы я, — писал генерал-губернатор, — к ним прислушался, то я должен был бы признаться в невозможности выполнить требования метрополии в отношении Индокитая и мы не могли бы с легкостью, которая в целом опровергает пессимистические прогнозы, обеспечить отставку 20 тыс. стрелков и дополнительно 30 тыс. рабочих»¹³³⁵.

Вербовка началась на месяц позднее установленного срока — в середине января 1916 г., а нехватка судов привела к продолжительным задержкам, что совпало с приближением новогоднего праздника Тэт. Более того, при вербовке так называемых «добровольцев» местными властями в различных провинциях были допущены многочисленные злоупотребления, которые произвели крайне неблагоприятное впечатление на настроение местного населения. В своем донесении от 29 марта 1916 г. министру колоний Франции генерал-губернатор Индокитая писал следующее: «В провинциях Шадек, Зядинь, Биенхоа нотабли оказали настоящее давление на население, чтобы набрать предписанное число волонтеров... Чтобы выполнить разнарядку на вербовку солдат, в деревнях, на предприятиях, рисовых полях, где сельскохозяйственные работы были в полном разгаре, производились облавы, людей заносили в списки вопреки их желанию, силой доставляли в Сайгон»¹³³⁶.

Естественно, что описанные условия вербовки солдат порождали большое недовольство местного населения. Многочисленные повстанческие отряды, укомплектованные членами тайных обществ, вооруженные ножами и бамбуковыми палками, совершали частые нападения на вербовочные пункты, убивали колониальных

¹³³³ ANSOM. Indochine NF-28 (2).

¹³³⁴ Там же.

¹³³⁵ Там же.

¹³³⁶ Там же.

чиновников, вербовщиков, расправлялись с отличившимися своей жестокостью помещиками, сжигали их дома и имущество¹³³⁷.

В январе 1916 г. члены тайных обществ развернули среди населения широкую агитацию против колонизаторов. 15 февраля 1916 г. многочисленные толпы крестьян из провинций Баклиеу, Шадек, Ратьзя, Бенче и др. двинулись на Сайгон с целью захватить его и освободить Фан Сить Лонга¹³³⁸. Во многих провинциях Кохинхины вспыхнули волнения. В провинции Митхо, где влияние Кыонг Де было наиболее сильным, было произведено нападение на сайгонскую тюрьму.

Все это, конечно, не могло не вызвать серьезной озабоченности в колониальном аппарате Индокитая. Так, губернатор Кохинхины в своем отчете от 3 марта 1916 г. с тревогой отмечал: «Это второе после 1913 г. открытое выступление против властей. После 1913 г. многое изменилось. Теперь мы столкнулись не с робким выступлением манифестантов, прибывших в Телон днем без оружия, и не с подпольным складом бомб в лесу, хотя выступавшие в большинстве те же самые лица, они осмелились ныне без колебаний появиться с оружием в руках в самом Сайгоне»¹³³⁹.

Однако попытка захватить сайгонскую центральную тюрьму закончилась неудачей: колониальные власти жестоко подавили это выступление населения Кохинхины. Генерал-губернатор спешил доложить министру колоний, что «колониальные власти восстановили порядок».

Генерал-губернатор оценил выступления населения Кохинхины как очень опасные для французских властей и подтвердил то, о чем писали ранее французские дипломаты из Китая и Сиам: «Инициаторами волнений в Кохинхине являются именно те, кто избежал репрессий в 1913 г. по делу Фан Фат Шаня. Эти волнения являются не чем иным, как новой фазой антифранцузского заговора, начавшего осуществляться в Сайгоне—Телоне в начале 1913 г.». В том же донесении генерал-губернатор признавал: «Мы находимся перед лицом антифранцузского движения, спровоцированного в благоприятный момент партией аннамитских повстанцев (имеется в виду „Общество возрождения Вьетнама"), состоящих в несомненном контакте с австро-германцами, которые разместили в Бангкоке и южно-китайских провинциях очаги активной пропаганды». Из цитированных служебных архивных материалов генерал-губернатора Индокитая явствует, что выступления крестьян Кохинхины в 1913 и 1916 гг., организованные «Обществом неба и земли», были направлены против колониального господства. Колониальные власти считали, что в 1913 г. главные инициаторы крестьянских выступлений были упущены и что удар был нанесен по второстепенным лицам. Генерал-губернатор признавал, что «служба местной полиции действовала неудовлетворительно со всех точек зрения» и что налицо «опасность, представляемая этими организациями, и беспомощность французской юрисдикции в деле применения репрессий».

Члены «Общества неба и земли», воспользовавшись слабостью колониальной администрации Кохинхины, развернули активную деятельность среди солдат колониальной армии и легко привлекали на свою сторону крестьянство и трудовой народ Сайгона—Телона и членов различных тайных обществ. В своем докладе министру колоний Франции генерал-губернатор вынужден был констатировать, что «в последнее время участились случаи дезертирства резервистов»¹³⁴⁰.

Департамент по политическим делам при генерал-губернаторе Индокитая сообщал, что «документы, приобретенные из первых рук, подтверждают, что тайные общества Кохинхины хорошо организованы, они могут поставлять антифранцузским элементам вполне подготовленные кадры сначала для ведения пропаганды, а затем и для практической деятельности. Сейчас,— указывал далее генерал-губернатор,— можно уже

¹³³⁷ L'Agitation antifrancaise... с. 186.

¹³³⁸ Histoire militaire... с. 398.

¹³³⁹ L'Agitation antifrancaise... с. 192—193.

¹³⁴⁰ ANSOM. Indochine NF-28 (2).

не сомневаться в том, что эти тайные общества так или иначе входят более или менее открыто в широкую антифранцузскую организацию, именуемую „Общество возрождения Вьетнама“, главой которой является Кыонг Де»¹³⁴¹.

21 февраля 1916 г. были приведены в исполнение приговоры, вынесенные сайгонским военным советом по делу о нападении на центральную тюрьму. 15 марта военный совет вынес смертный приговор еще 13 осужденным.

После расправы с восставшим населением Кохинхины колониальные власти приняли решение о проведении реорганизации колониальной администрации с целью установления еще более жесткого контроля и преследования революционных сил. Генерал-губернатор просил министра колоний издать специальные декреты об учреждении в Сайгоне и Ханое двух уголовных судов и выделении специальных уполномоченных для разбора политических преступлений. Он также предлагал произвести реорганизацию полицейской службы, ибо, по его признанию, сайгонские события обнаружили уязвимость организации полицейской службы в Кохинхине. «Находясь почти полностью в руках местных властей и нотаблей, полиция (состоящая из отщепенцев) действует в провинциях без реальной эффективности, при нехватке материальных средств, технического руководства и способных агентов»¹³⁴². Тот же генерал-губернатор писал: «Лично я могу подтвердить, что критика в адрес организации местной полиции в Кохинхине является обоснованной. К тому же я предписывал изучить возможности реорганизации этой службы на более рациональной основе, предоставив отрядам местной охраны выполнять роль жандармерии. Существование широкой политической конспиративной организации,— указывал генерал-губернатор,— стремящейся распространить свою деятельность по всей стране и пустить корни во всех слоях общества, требует необходимости наличия широкой тайной полиции».

Несмотря на жестокую расправу колониальных властей с выступлениями повстанческих отрядов религиозных обществ, борьба последних явилась одной из важных сил национально-освободительного движения. Наибольшая активность упомянутых организаций приходится на годы первой мировой войны, и особенно на 1916 г.

Восстание в провинции Тхайнгуен. В августе 1917 г. вспыхнуло восстание вьетнамских солдат французских колониальных войск, дислоцированных в провинции Тхайнгуен (Северный Вьетнам). По свидетельству историков СРВ, это было самое крупное вооруженное выступление во время первой мировой войны¹³⁴³, получившее широкий отклик по всей стране и впервые за всю историю национально-освободительного движения увенчавшееся победой революционных сил.

Успеху восстания немало способствовали революционные традиции, глубоко укоренившиеся в указанной провинции: у местного населения большим авторитетом пользовались идеи «кан-вы-онга» и движения, возглавлявшегося Де Тхамом. Восстание готовилось зарубежным центром Общества возрождения Вьетнама в условиях строжайшей конспирации. Был избран комитет, принявший решение начать восстание в ночь с 30 на 31 августа 1917г. Восстание началось штурмом городской тюрьмы под руководством сержанта колониальной армии Чинь Ван Кана (известен также как Чинь Ван Дат) и Лыонг Нгок Куена (он же Лыонг Лап Ням — сын основателя «Донг кинь нгиа тхук» Лыонг Ван Кана), который, находясь в тхайнгуенской тюрьме, установил связь с тюремной охраной и лично с сержантом Чинь Ван Каном¹³⁴⁴.

¹³⁴¹ Там же.

¹³⁴² Там же.

¹³⁴³ Lich su can dai Viet-Nam. Т. III, с. 315.

¹³⁴⁴ Еще в 1905 г. Лыонг Нгок Куен выехал в Японию, где получил военную подготовку. Позднее он продолжил учебу в Китае. В 1912 г. Лыонг избирается членом военного отдела ЦК Общества возрождения Вьетнама. В 1915 г. он был арестован англичанами в Сянгане и передан французским властям Индокитая, где был заключен в тхайнгуенскую тюрьму.

Согласно французским данным, в результате штурма тюрьмы удалось освободить заключенных, которые влились в ряды повстанцев. Вскоре около 600 повстанцев, среди которых были крестьяне из отряда Де Тхама, овладели центром одноименной провинции¹³⁴⁵. Руководящим комитетом восстания был издан манифест, провозгласивший независимость провинции Тхайнгуен и призвавший местное население поддержать повстанцев. 1 сентября 1917 г. колониальные власти Тонкина срочно телеграфировали генерал-губернатору Индокитая о событиях в Тхайнгуене: «Освобождение заключенных было осуществлено отрядом взбунтовавшихся местных охранников, которые убили своего командира-инспектора европейца и сержанта, затем они разграбили склад оружия, где хранилось 200 или 300 винтовок и 40 тыс. патронов. В последнем, полученном вчера вечером донесении военного коменданта говорится, что европейский гарнизон из 60 человек из состава 9-го колониального полка и отделение пулеметчиков удерживают кассу и казарму, однако бунтари подожгли канцелярию, укрылись в тюремном помещении для местной охраны, тогда как командир гарнизона вынужден принять меры обороны против 300 хорошо вооруженных туземцев». Далее сообщалось о желании получить подкрепление и о том, что прибывший накануне в Ханой генерал готов послать роту европейцев из Ханоя. «Причина восстания, по-видимому, вызвана строгостями тюремного режима, — указывалось в донесении, — последствиями которого были принудительные работы членов туземной охраны, во время которых они вступили в контакт с наиболее опасными заключенными из Тонкина, среди которых находились стойкие революционеры, такие, как Льюнг Нгок Куен, сын Ван Кана»¹³⁴⁶.

В другой телеграмме, датированной 6 сентября, говорилось, что «мятеж в Тхайнгуене исключительно серьезный, поскольку он порожден соглашением между полицейскими силами и известными революционерами. Его революционный характер без необходимости проведения предварительного расследования совершенно свидетельствует самим фактом участия в нем крайнего и неисправимого националиста Льюнг Нгок Куена, получившего военное образование в Японии и в Китае, знакомого с Сунь Ятсеном и большинством высокопоставленных реформистов, на помощь которых он опирается в деле освобождения Аннама от французского закабаления». В той же телеграмме указывалось, что во время мятежа распространялись листовки, написанные иероглифами, что говорит «о существовании организации, преследующей цель вербовки военнослужащих в революционные войска».

Колониальные власти Тонкина требовали немедленного и беспощадного подавления восстания в Тхайнгуене, в связи с чем верховный резидент Тонкина Галлен писал: «Я глубоко сожалею о том, что наши войска, принимающие участие в операциях, не осуществляли сразу же правосудие над захваченными с оружием в руках мятежниками, разграбившими кассу, руки которых еще обгажены кровью обезглавленных ими наших соотечественников. Мне кажется, что возможным решением было бы объявление чрезвычайного положения в провинции Тхайнгуен и учреждение военного трибунала...»¹³⁴⁷.

Отсутствие революционного опыта у руководителей восстания помешало им разработать четкую программу действий. К тому же в самом руководстве не было единства мнений по многим важным вопросам. Это наиболее ярко проявилось на одном из заседаний комитета в ходе восстания, где были высказаны две противоположные точки зрения по вопросу о методах дальнейшей борьбы — наступательная и оборонительная. Так, сторонники первой точки зрения Ба Куок, Бак Лам (командиры отрядов Де Тхама) и Ту Хой Суан настаивали на широком внезапном наступлении в провинциях Фукиен, Бакзянг, Баккан и др. Противником этой тактики выступил Льюнг Нгок Куен, который предложил другой план: сконцентрировать все силы в китайской провинции Гуанси,

¹³⁴⁵ ANSOM (Aix-en-Provence). P-68, dossier 36250.

¹³⁴⁶ Там же, dossier 36247.

¹³⁴⁷ Там же.

создать там опорные базы, закупить достаточное количество оружия и боеприпасов, пополнить ряды повстанческой армии и лишь после этого начать освобождение страны. Лыонг Нгок Куен предлагал использовать при этом помощь некоторых иностранных держав, и в частности Германии¹³⁴⁸. В конце концов Чинь Ван Кан согласился с доводами Лыонг Нгок Куена, чем вызвал большое недовольство сторонников наступательной тактики.

Восставшим удалось установить революционную власть в административном центре Тхайнгуен, что было с энтузиазмом встречено населением окрестных деревень. Повстанческая армия была пополнена 300 добровольцами-крестьянами и 50 шахтерами из Фанме и Лангхит¹³⁴⁹. Руководящий комитет восстания обнародовал новый манифест, излагавший задачи повстанцев и содержащий призыв к народу активно включаться в антиимпериалистическую борьбу. После получения сообщения о падении крепости Тхайнгуен штаб французских войск в Ханое направил в указанную провинцию специальные карательные отряды. Однако на подступах к городу последние были разбиты силами Чинь Ван Кана. И только после того, как французы бросили крупные силы, им удалось овладеть городом. В этом бою героически погиб Лыонг Нгок Куен.

С большими потерями повстанцы вынуждены были отступить через горы Тамдао сначала в провинцию Виньен, а затем и в провинцию Фукиен. Блокированные со всех сторон превосходящими силами французов, лишённые возможности пополнить свои отряды, повстанцы в начале января 1918 г. прекратили сопротивление. Чинь Ван Кан покончил жизнь самоубийством.

Во французских архивных документах имеются данные о небольших группах, сражавшихся в отдельных районах, пограничных с Китаем, и о том, что у восставших не было продовольствия, что они испытывали большой недостаток в оружии и людских силах, в связи с чем делался вывод о том, что «дальнейшее преследование мятежников становится чисто полицейской операцией, оно должно быть возложено на гражданские власти»¹³⁵⁰. Восставшие действовали тремя отрядами: первым отрядом командовал Кан, вторым — Ба Лам, а третьим — Хау.

Руководитель второго отряда Ба Лам покончил жизнь самоубийством, а члены его отряда частично сдались резиденту Фу-лангтхыонга, остальные скрылись. Третий отряд, действовавший в районе Фулангтхыонга в провинции Хайзыонг, отказался сдаться колониальным властям и провел ряд успешных операций против французских войск. Однако 28 декабря колониальным войскам удалось окружить и уничтожить этот отряд. Первый отряд, действовавший в горном районе Кимбанг и впоследствии перебазировавшийся в местечко Нуйфао, в конце декабря был в основном уничтожен. 4 января 1918 г. остатки этого отряда покинули Нуйфао и направились на северо-запад в Хынгшон, по направлению к Нуитшону. Последний отряд восставших был разбит 4 марта 1918 г.

Колониальные власти жестоко расправились с участниками тхайнгуенского восстания, руководители которого были приговорены к смертной казни, многие его участники сосланы на пожизненную каторгу.

Восстание в Тхайнгуене длилось 184 дня, распространившись, на пять провинций Северного Вьетнама. Большая часть повстанцев состояла из бывших солдат колониальной армии. Однако в восстании непосредственно участвовали также крестьяне, ремесленники, шахтеры.

Каковы же причины поражения повстанцев в Тхайнгуене? Восстание было, по существу, солдатским и не затронуло широкие народные массы. Повстанцы не имели четкой и конкретной политической программы. Создание революционного аппарата власти на местах имело формальный характер и не сопровождалось коренными

¹³⁴⁸ Cach mang can dai Viet-Nam. T. III, c. 103.

¹³⁴⁹ Lich su can dai Viet-Nam. T. III. c. 320.

¹³⁵⁰ ANSOM (Aix-en-Provence). F-68, dossier 36048 (донесения с 1 октября 1917 по 28 января 1918 г.).

социальными преобразованиями, призванными сломать старую государственную машину. Руководители восстания полагались исключительно на регулярные повстанческие отряды и недооценивали роль местного ополчения. Восстание не имело необходимого военно-политического центра. Руководство восстанием не всегда следовало правильной тактике. Так, уже в самом начале оно допустило большую тактическую ошибку, не предприняв наступления прямо на французский гарнизон в Тхайнгуене. После того же, как повстанцы вынуждены были покинуть город, они действовали без четкого плана ввиду тактических разногласий среди руководства.

Восстанием руководил зарубежный центр Общества возрождения Вьетнама, плохо и неоперативно информировавшийся о положении в стране. Кроме того, и само Общество, как уже неоднократно отмечалось, не имело социальной опоры в широких народных массах¹³⁵¹.

Несмотря на поражение, это восстание имело большое историческое значение, явившись первым мощным толчком, возвестившим о значительном росте революционных сил в тылу империализма, в одной из ведущих колоний Франции на Дальнем Востоке. Этому немало способствовала первая империалистическая война, которая, по выражению В. И. Ленина, «окончательно разбудила спящие, полусонные, косные массы и в Америке, и в Европе, и в отсталой Азии»¹³⁵².

Верховный резидент Тонкина Ле Галлен в своем докладе от 18 декабря 1917 г. на имя генерал-губернатора Индокитая пытался проанализировать итоги восстания в Тхайнгуене с военной и политической точки зрения и его последствия¹³⁵³. С военной точки зрения он просил генерал-губернатора обратить внимание на упущение командира гарнизона Тхайнгуена в момент, когда план мятежников был раскрыт, на достойную сожаления тактику, которая была применена в борьбе с мятежниками, позволившую последним отступить без потерь из Тхайнгуена, а также на слабые результаты преследования мятежников. Ле Галлен, критикуя недостатки, допущенные колониальными властями при подавлении восстания, приходит к следующему выводу: «...для подавления мятежа мы не извлекли полезных выводов из прошлого, и напрашивается настоятельная необходимость коренного и срочного изменения организации и методов работы наших местных полицейских сил. Я убежден в необходимости этого». В связи с этим верховный резидент Тонкина предлагал произвести реорганизацию полицейских сил с целью их улучшения и усиления их наступательной эффективности. Он далее отмечал: «Во всех обстоятельствах действия гражданских и военных властей должны быть согласованы, дабы обеспечить совместные действия, согласие и взаимное доверие между властями должно быть более полным, чем в нынешних операциях».

С политической точки зрения верховный резидент Тонкина считал бесспорным, что «случившееся в Тхайнгуене является мятежной акцией против французских властей, против колониального режима». Колониальные власти вынуждены были признать, что режим принудительных работ заключенных был чрезвычайно тяжелым, что привело к восстанию. «Суровый сам по себе режим,— писал Галлен,— существовавший в Тхайнгуене, применялся с такой строгостью, которая, возможно, послужила причиной, предопределившей возникновение мятежа». Верховный резидент Тонкина упрекал французского резидента провинции Тхайнгуен Дарле в жестокости и грубости, граничивших с насилием, признавая, что «мятеж в Тхайнгуене стоил им больших забот, людских потерь и финансовых затрат... тогда как за пределами Индокитая это восстание породило надежды во вьетнамских революционных кругах»¹³⁵⁴.

¹³⁵¹ Lich su can dai Viet-Nam. Т. III, с. 330—331.

¹³⁵² В. И. Ленин. Международный день работниц.— Т. 42, с. 370.

¹³⁵³ ANSOM (Aix-en-Provence). F-68, dossier 36250 (Note sommaire sur la repression de la rebellion de Thai Nguyen).

¹³⁵⁴ ANSOM (Aix-en-Provence). F-68, dossier 36250.

Вооруженные выступления национальных меньшинств против французских колонизаторов. Национально-освободительное движение во Вьетнаме в период первой мировой войны было отмечено широким участием в нем различных народностей и племен, населяющих эту страну. Движение «кан-вьонг», деятельность обществ «Зуи Тан» и «Возрождение Вьетнама», вооруженное выступление крестьян под предводительством Де Тхама, а также восстание солдат в Тхайнгуене в значительной мере содействовали пробуждению многочисленных национальных меньшинств. Уже в конце XIX в. освободительное движение в районах национальных меньшинств приобрело серьезный размах. Районы Донгбака (северо-восток), Тэйбака (северо-запад) и Вьетбака (Северный Вьетнам) служили надежным убежищем для революционеров из Общества возрождения Вьетнама, видевших в малых национальностях, населяющих Вьетнам, своих надежных союзников. Так, народность ман, населяющая высокогорные плато Бакки (с наибольшей концентрацией населения в провинциях Туенкуанг, Иенбай, Футхо, Хазянг и Хайнинь), неоднократно поднималась на борьбу с французскими колонизаторами, добиваясь значительных успехов¹³⁵⁵. Наиболее активно народность ман выступила в годы первой мировой войны. Так, в октябре 1914 г. началось восстание народности ман в форте Лукнам. В декабре того же года была предпринята попытка захватить крепость Монгкай. Не менее активными были и представители народности мео, которые заметно активизировали свою антиколониальную борьбу накануне первой мировой войны. Районами с наибольшей концентрацией населения этой народности являются провинции Хазянг, Лаокай, Иенбай, Лайтяу. Несмотря на жестокие репрессии и подкупы со стороны колонизаторов, выступления мео продолжались несколько десятилетий — с конца XIX в. до конца первой мировой войны. Значительных успехов антиколониальная борьба мео добилась в 1911 г. в Донгкуанге провинции Хазянг, распространившись на всю эту провинцию, вплоть до вьетнамо-китайской границы¹³⁵⁶.

Повстанческая армия мео уже насчитывала в одном только районе Донгтхюнг до 900 человек. В другом районе — Майло — силы повстанцев исчислялись в 800 человек. Помимо примитивного оружия повстанцы были также вооружены ружьями.

В ноябре 1918 г. под руководством Общества возрождения Вьетнама вспыхнуло крупное восстание в районе форта Бинглиеу (Северо-Восточный Вьетнам), в ходе которого его участники захватили форт и убили французского командира¹³⁵⁷. В восстании кроме народностей ман, нунг и хань приняли также участие шанги и мои. Распространившись на значительную территорию, восстание приобрело характер широкой партизанской борьбы. Колониальные власти были вынуждены перебросить в мятежные районы крупные силы карательных войск, которым долгое время не удавалось достигнуть сколько-нибудь значительного успеха, ибо восставшие пользовались поддержкой местного населения. «Население деревень и местные власти,— признавали сами французы,— настроены против нас».

Не будучи в состоянии подавить восстание силой, французское командование пошло на хитрость. Воспользовавшись разногласиями, возникшими среди повстанцев, оно вступило с ними в переговоры о перемирии, с тем чтобы выиграть время для переброски дополнительных сил. Когда же подкрепление подошло, французское командование прервало переговоры и отдало приказ о наступлении. Основные силы повстанческой армии были разгромлены, и лишь некоторым отрядам удалось укрыться на территории соседнего Китая.

¹³⁵⁵ Начало этой борьбы совпало с годами колониального захвата Индокитая и датируется 1889 г., когда мань вместе с мео в провинции Иенбай поднялись против колонизаторов под предводительством Дао Тинь Лука и Данг Фук Тханя. В последующие годы мань продолжали наносить ощутимые удары по захватчикам. В 1904 г. действовали отряды повстанцев из народности ман в районе Каобанг под руководством молодой женщины по имени Па Иенг (см.: *Cach mang can dai Viet-Nam*. Т. II. с. 67).

¹³⁵⁶ Там же, с. 70—71.

¹³⁵⁷ *Histoire militaire...*, с. 347.

В 1918—1921 гг. в провинциях Лайтяу и Тхайнгуен вспыхнули восстания народностей мео и тхыонг. Восстанием мео руководил уроженец Дьенбьенфу Зянг Та Тяй, провозгласивший себя законным наследником императора (по французским источникам известен как Бат Тяй, или Бат Чай)¹³⁵⁸. Зянг Та Тяй призвал население Лайтяу к вооруженному выступлению против колониального режима, используя для этого листовки, в которых содержался призыв вступать в повстанческую армию. На его призыв в июне 1918 г. откликнулись мео в Тафине. Однако вооруженное выступление в Тафине закончилось неудачей, и после разгрома повстанцев в этом районе Зянг Та Тяй сформировал новый отряд, насчитывавший около ста бойцов, который начал действовать в районе Дьенбьенфу. По мере роста численности отряда его действия распространялись на все новые и новые районы. К отряду охотно присоединились другие повстанческие отряды мео. К началу 1919 г. восстанием был уже охвачен весь район Дьенбьенфу. Французские власти с тревогой признавали, что движение под командованием Зянг Та Тяя «перестало носить местный характер и слилось с борьбой отрядов мео на территории Верхнего Лаоса»¹³⁵⁹. Восстание под предводительством Бат Тяя прошло в своем развитии три этапа. "Первый этап охватывает начало 1918 — февраль 1919 г. На этом этапе отмечалось расширение его масштабов. На втором этапе (март 1919 — апрель 1920 г.) влияние Бат Тяя как руководителя повстанцев распространилось не только по всему Лайтяу, но и в Верхнем Лаосе. Под знамя Бат Тяя встали мео, проживавшие на левом берегу р. Меконг, а также в Дьенбьенфу, в Самнеа (Лаос) и Чанмини. Военные действия на этом этапе проходили на территории в 40 тыс. кв. км при удержании инициативы армией Бат Тяя.

Третий этап восстания длился с мая 1920 по февраль 1921 г., характеризуясь временным спадом боевых действий. Однако повстанческая армия по-прежнему вела широкие боевые действия на огромной площади от Верхнего Лаоса до Лайтяу. Несмотря на широкие карательные операции, авторитет Бат Тяя оставался непоколебленным вплоть до окончательного подавления восстания. В район боевых действий были спешно стянуты крупные силы карателей. После ожесточенных и кровопролитных боев, в ходе которых был тяжело ранен и сам Зянг Та Тяй, восстание было подавлено. Однако прошло еще немало времени, прежде чем волнения улеглись. Лишь в конце 1922 г., после убийства Зянг Та Тяя, движение было окончательно подавлено.

Зарождение рабочего движения. Рабочее движение во Вьетнаме на первых порах проявилось в форме стихийных протестов и бунтов против тяжелой и бесчеловечной эксплуатации.

В конце XIX в. зафиксированы первые выступления рабочих: 28 февраля 1885 г. около 200 рабочих железнодорожных мастерских Деокуана (пров. Лангшон) оставили работу и разошлись по домам. На различных участках строительства железной дороги Ханой — Лангшон отмечались многочисленные случаи бегства рабочих¹³⁶⁰. 3 апреля 1892 г. рабочие, занятые на строительстве железной дороги в Лангшоне, выступили в поддержку крестьянских повстанческих отрядов, атаковавших французские войска на одном из участков дороги, ведущей из Шуонгена в Бакле¹³⁶¹. В июле того же года рабочие железной дороги в районе Лангшона совместно с повстанческим отрядом крестьян выступили против колонизаторов.

В начале 1893 г. повстанцы Ланьфа, действуя в районе рудников Куангиен, вместе с рабочими рудников захватили Хавок, западнее рудника Кайбау, превратив его в свой опорный пункт. В рассматриваемый период бегство рабочих со строительства железных дорог приняло массовый характер, распространившись на многие местности: Фулангтхыонг, Каоай, Лангзай, Деоба и др. Численность беглых рабочих составила одну

¹³⁵⁸ Cach mang can dai Viet-Nam. T. II. c. 75; Histoire militaire... c. 353.

¹³⁵⁹ Histoire militaire... c. 360.

¹³⁶⁰ Mot so van de ve lich su giai cap conh nhan Viet-Nam. Ha-noi, 1974, c. 141.

¹³⁶¹ Histoire militaire..., c. 203.

пятую общего числа рабочих, занятых на строительстве железной дороги Фуланг-Тхьонг¹³⁶².

В марте 1894 г. 446 рабочих из общего числа 826 человек оставили работу на строительстве железной дороги на участке Тханьмой — Лангзай, протестуя против продления рабочего дня. Одновременно почти все рабочие, занятые на строительстве железнодорожного моста в районе Лангшона, покинули работу, протестуя против жестокого обращения с ними управляющего и против нерегулярной выплаты жалованья.

В 1894 г. на многих участках строительства железных дорог рабочие по различным причинам оставили работу. К апрелю 1894 г. численность беглых рабочих со строительства дорог составила 7% общего числа рабочих в десяти провинциях Северного Вьетнама¹³⁶³.

Как видим, наиболее распространенными формами рабочего движения во Вьетнаме в рассматриваемый период были саботаж, отказ работать и самовольный уход со строительства железных дорог и шахт, похищение французских предпринимателей и сожжение домов колонизаторов. Это были еще низшие формы борьбы рабочих против своих хозяев. Вражда рабочих к капиталу выражалась в острой ненависти к своим эксплуататорам, в смутном осознании своего угнетения и рабства и в страстном желании отомстить за бесчеловечное обращение и жестокую эксплуатацию. Рабочие еще не понимали того, что источником их нищеты и угнетения является не само по себе оборудование шахт или фабрик, а весь существующий политико-экономический строй полуфеодального и колониального Вьетнама. Эта борьба проявлялась как в форме одиночной борьбы с хозяином, так и в разрозненных стихийных выступлениях рабочих, разрушавших здания, ломавших машинное оборудование, избивавших фабричное начальство и т. д.

В рабочем движении указанного периода проявлялось стремление к солидарности с борьбой французских моряков, выступавших против колониальных властей, а также с китайскими рабочими. Так, в мае 1895 г. французские матросы на корабле «Святой Людовик» в Хайфоне отказались работать, потребовав увеличения жалованья¹³⁶⁴. В знак солидарности с ними вьетнамские матросы и портовые рабочие также бросили работу, присоединившись к их борьбе, и направили свои требования капитану корабля, в которых они жаловались на жестокое обращение. Колониальные власти расправились как с французскими, так и с вьетнамскими матросами¹³⁶⁵.

В марте 1898 г. численность шахтеров в районе Кайбау достигла 2886 человек, из которых 972 человека составляли китайцы, прибывшие из Гонконга, 730 человек — из числа китайских эмигрантов Монгкая, 719 человек — вьетнамцы и 465 человек были заключенными вьетнамскими кули¹³⁶⁶. Владельцы шахт Кайбау часто задерживали выплату жалованья рабочим, иногда в течение нескольких месяцев, тогда как жизнь постоянно дорожала. Возмущенные несправедливым отношением, 19 октября 400 рабочих организовали манифестацию, направившуюся к порту Баллу, где находилась резиденция владельцев шахт. Рабочие потребовали от администрации выплатить жалованье за прошедшие месяцы и разрешить рабочим вернуться в родные края¹³⁶⁷. В результате этой борьбы 300 рабочих добились права вернуться домой. Китайские рабочие потребовали от администрации шахт выплатить жалованье деньгами, а не рисом. После того как администрация отказалась удовлетворить их требование, шахтеры подняли бунт. Лишь с помощью войск владельцам шахт удалось подавить выступление шахтеров. Начальство шахт пыталось разъединить вьетнамских и китайских рабочих. Однако,

¹³⁶² Mot so van de..., с. 150.

¹³⁶³ Из доклада верховного резидента Тонкина от 5 мая 1894 г. (см.: Mot so van de... с. 157).

¹³⁶⁴ ACI, dossier 2987.

¹³⁶⁵ Mot so van de..., 160.

¹³⁶⁶ NSLS. 1976, № 4 (169), с. 72.

¹³⁶⁷ Mot so van de... с. 164—165.

оказавшись бессильной перед настойчивостью рабочих, администрация рудников была вынуждена согласиться уплатить рабочим задержанное жалование и отпустить рабочих в родные края. Шахтеры, работавшие на упомянутых шахтах, нередко нападали на охранные войска, ломали машинное оборудование, пускали под откос вагонетки с углем, совершали побег с работы. Одновременно с этими формами борьбы рабочие участвовали также в митингах и демонстрациях. Так, в 1900 г. произошла демонстрация рабочих в Онлау (пров. Хай-зыонг)¹³⁶⁸, где наряду с рабочими-вьетнамцами работали и китайцы. Демонстрация эта была вызвана низкой оплатой труда. В ходе демонстрации рабочие потребовали от хозяина повышения жалования. Получив отказ, рабочие собрались на митинг перед воинскими казармами. Митинг был разогнан французскими войсками, были арестованы 23 человека. В столкновении с войсками был тяжело ранен и вскоре скончался рабочий-активист Зыонг Ли. В архиве генерал-губернатора Индокитая, находящемся ныне во Франции, в г. Экс-ан-Прованс, имеются некоторые материалы о рабочем движении во Вьетнаме исследуемого периода. В этих материалах, в частности, указывается, что весной 1901 г. произошла забастовка солеваров. В донесении колониального инспектора Фрезола генерал-губернатору Индокитая о забастовке солеваров и мерах, принятых для ее подавления и обеспечения снабжения Тонкина солью, говорилось следующее: «Имею честь информировать Вас о некоторой разрядке напряженности на соляных копях Ванли. Забастовщики, недовольные отъездом аннамитского священника из Кыонгдьена и арестом главных зачинщиков, кажется, колеблются. Как только окажется возможным вернуть им трудовые книжки, конфискованные с целью их обезвреживания, работа должна возобновиться повсюду. Но то, что в мае не было добычи сырья для производства одной из лучших солей, может иметь серьезные последствия для обеспечения Тонкина»¹³⁶⁹.

В другом документе из того же архива упоминалось о забастовке солеваров Намдиня в июле 1901 г.: «Ханой. 4 июля 1901 г. Генерал-губернатору (по телеграфу). Имею честь информировать Вас о том, что на основании последних полученных мною сведений забастовка солеваров в районе Намдиня может считаться законченной. Солевары возобновляют работу повсеместно. Им были возвращены трудовые книжки, причем это произошло без какого-либо вмешательства со стороны администрации».

В телеграмме верховному резиденту Тонкина относительно забастовок, организованных нотаблями некоторых деревень в знак протеста против деятельности отдела, регулирующего торговлю опиумом, указывалось следующее: «Мне сообщили, что нотабли ряда деревень в районе Лукнам с некоторых пор приступили к проведению забастовки протеста против деятельности отдела, регулирующего торговлю опиумом». После перечисления названий нескольких деревень в том же документе указывалось, что «новые продавцы не смогли наладить торговлю опиумом и под угрозой со стороны жителей вынуждены были вернуть им разрешение на торговлю. Эти деревни с давних пор известны как центры контрабанды, и цель, которую преследуют нотабли, бесспорно, состоит в том, чтобы избавиться от чиновников, приданных отделу регулирования торговли опиумом». В том же донесении отмечалось, что указанная забастовка не представляет большой угрозы, но тем не менее высказывалась просьба предоставить право резидентам провинций Бакзянг, Куангиен и Хайзыонг применять самые суровые меры для ее подавления»¹³⁷⁰.

В начале 1902 г. население Хайфона выступило в поддержку рабочих, подвергшихся аресту за свое несогласие вербоваться для работы в Тамдао. Мэр Хайфона был вынужден предложить верховному резиденту Тонкина не вербовать кули из Хайфона, а руководство компании «Дени фрер», взявшей на себя ответственность по вербовке кули, было вынуждено просить генерал-губернатора Индокитая выделить отряд вооруженных солдат и возместить расходы за доставку рабочих в Тамдао за счет указанной компании.

¹³⁶⁸ ACI. dossier 27701; Tran Van Giau. Giai cap cong nhan Viet-Nam, с. 108.

¹³⁶⁹ ANSOM (Aix-en-Provence). F-68, dossier 8739.

¹³⁷⁰ ANSOM (Aix-en-Provence). F-68, dossier 8555.

В начале XX в. вьетнамские рабочие все чаще стали использовать такие формы борьбы, как забастовки и стачки, в результате которых рабочее движение становится более целеустремленным и организованным, приобретая наступательный характер. Так, в 1903 г. произошла забастовка шахтеров и портовых рабочих Камфа, потребовавших повышения зарплаты, отмены штрафов и телесных наказаний¹³⁷¹. В ноябре 1904 г. рабочие железнодорожного строительства в Иенбае направили прошение резиденту Фукиена, в котором обвиняли предпринимателей в уменьшении им рациона питания и выдаче недоброкачественного риса и протухшего мяса. Аналогичный протест был послан в декабре 1904 г. рабочими Хайзыонга резиденту той же провинции по обвинению чиновников строительства в жестоком обращении и в задержании выплаты им жалованья¹³⁷². Указанные протесты, которых было множество на различных участках строительства железных дорог (Иенбай — Лаокай, Хайфон — Ханой, Ханой — Лангшон и др.), были вызваны нарушением администрацией условий контрактов: условия работы и быта рабочих были невыносимо тяжелые, порции пищи систематически уменьшались, рис давали низкого качества, нормы труда были завышены. В результате многие рабочие страдали различными болезнями. Ежедневно от 20 до 50 человек из-за болезней не выходило на работу; заболевшим рабочим не платили жалованья и не оказывали никакой медицинской помощи. Все это побуждало рабочих требовать от хозяев улучшить их жизненные условия. В случае отказа последних рабочие покидали места работы, унося с собой орудия труда. На строительстве железной дороги в провинции Иенбай бегство рабочих приняло столь широкие размеры, что управляющий вынужден был телеграфировать верховному резиденту Тонкина о разрешении применить суровые меры против рабочих¹³⁷³.

В последующие годы забастовочное движение во Вьетнаме заметно оживилось при более активном участии рабочих различных специальностей: строителей, шахтеров, текстильщиков и др. Так, в октябре 1905 г. вспыхнула забастовка рабочих строительных мастерских Фулантхыонга, в ходе которой власти произвели аресты ее руководителей (каев). Это вызвало общее недовольство рабочих, которые 26 октября потребовали освободить арестованных, грозясь не приступать к работе до тех пор, пока не будут освобождены их вожаки. В депеше, посланной 27 октября 1905 г. из Ханоя колониальными властями, говорилось: «Согласно полученной информации, рабочие требуют освобождения арестованных, угрожая в противном случае прекратить работу. В связи с этим приняты меры для достижения согласия между обеими сторонами»¹³⁷⁴.

В 1906 г. на шахты Хату прибыла партия рабочих, потребовавших от владельцев оплаты дорожных расходов. Последние отказались удовлетворить требования рабочих и лишили их риса. В ответ на это другие рабочие помогли им рисом и деньгами, с тем чтобы вновь прибывшие продолжили борьбу за свои права. В результате владельцы шахт вынуждены были выплатить прибывшим рабочим деньги за проезд и выдать питание¹³⁷⁵. В этой борьбе рабочие-шахтеры проявили свою классовую солидарность.

В январе 1907 г. рабочие, занятые на строительстве железной дороги Намти (Ваннам), неоднократно оставляли работу, требуя от хозяев своевременной выплаты жалованья. После того как последние отказались удовлетворить законную просьбу рабочих, они подожгли 9 января жилые бараки, покинув место работы. В том же году отмечались волнения рабочих и на строительстве железной дороги Ханой — Юннань¹³⁷⁶. Забастовочное движение охватило и текстильщиков. В ноябре 1908 г. вспыхнула забастовка текстильщиков Сайгона, требовавших сокращения рабочего дня. В офи-

¹³⁷¹ Рабочий класс в мировом революционном процессе, с. 105.

¹³⁷² Mot so van de... с. 169.

¹³⁷³ ACI. Dossier 29602.

¹³⁷⁴ ANSOM (Aix-en-Provence). F-68, dossier 2765.

¹³⁷⁵ Mot so van de... с. 186.

¹³⁷⁶ ACI. Dossier 29781.

циальной телеграмме, посланной 17 ноября того же года из Сайгона на имя генерал-губернатора, говорилось, что «в результате собраний, исподволь организованных местной властью в присутствии представителя иммиграционной службы, между хозяевами и китайскими рабочими-текстильщиками было заключено соглашение, и завтра работа возобновится. Соглашение предусматривает сокращение рабочего дня с десяти до девяти часов тридцати минут. По всей вероятности, аналогичная забастовка с таким же исходом будет проведена китайскими рабочими-сапожниками»¹³⁷⁷. Вслед за текстильщиками выступили рабочие оловянных рудников. В декабре 1908 г. объявили забастовку вьетнамские и китайские рабочие оловянных рудников Тинтука (пров. Каобанг)¹³⁷⁸ в знак протеста против задержания выплаты им жалованья. Многие рабочие этих рудников оставили работу и разъехались по домам. Французские предприниматели просили китайские пограничные власти прислать им 600—800 рабочих для работы на рудниках, вместо ушедших вьетнамских рабочих. Однако последние отказались удовлетворить их просьбу¹³⁷⁹.

В начале мая 1909 г. оставили работу 200 рабочих, занятых в компании «Юньон коммерсиаль эндошинуаз». В 1910 г. шахтеры Дандоло (пров. Иенбай) выступили с требованием увеличить жалованье. С аналогичными требованиями в 1912 г. выступили рабочие судоремонтного завода «Башон» в Сайгоне. В том же году объявили забастовку 500 рабочих цементного завода в Хайфоне, требуя повысить на 5% жалованье и прекратить применение телесных наказаний. 26 июня 1913 г. 450 рабочих из общего числа 800 человек на шахте Лангхит (пров. Каобанг) оставили работу из-за сокращения им жалованья. В июле 1914 г. покинуло места работы большое число рабочих на шахтах Тинтука. В том же году шахтеры Куангиена, поддержанные повстанцами, выступили против владельцев шахт и французских солдат.

Из сказанного явствует, что еще до первой мировой войны отмечались многочисленные выступления и забастовки рабочих преимущественно на французских предприятиях, тогда как в период первой мировой войны рабочее движение кроме французских предприятий частично начало распространяться и на национальные предприятия. К сожалению, мы не располагаем конкретными материалами о числе забастовок на вьетнамских предприятиях в рассматриваемый период. На предприятиях, принадлежавших французским предпринимателям, забастовочное движение приобрело более организованный характер по сравнению с довоенными годами. Так, 22 февраля 1916 г. рабочие сортировочных угольных мастерских в Кайбау начали забастовку, потребовав отмены многочисленных штрафов и поборов. В мае того же года к бастующим присоединились шахтеры Кайбау. Причина забастовки сводилась к тому, что в годы войны хозяева угольных шахт снизили жалованье рабочим, что повлекло за собой значительное ухудшение положения рабочих. Так, если до войны за каждую вагонетку угля рабочие получали 25 донгов, то в 1916 г. они стали получать всего 20 донгов. 4 мая 1916 г., в день получения жалованья, шахтеры оставили работу, организовав митинг у здания администрации угольного бассейна Кайбау¹³⁸⁰. Администрация направила донесение резиденту Куангиена с просьбой выслать войска для умирения бастующих. Шахтеры твердо стояли на своем, и администрации ничего не оставалось делать, как пойти на уступки. Борьба шахтеров Кайбау сыграла важную роль в истории рабочего движения. В результате колониальные власти вынуждены были отступить перед единством и сплоченностью шахтеров. В этой борьбе вместе с мужчинами участвовали и вьетнамские женщины. На следующий год, в июле 1917 г., объявили забастовку шахтеры Босита (пров. Каобанг), потребовав улучшения жилищных условий и условий труда, а также упорядочения сроков выдачи заработной платы.

¹³⁷⁷ ANSOM (Aix-en-Provence). F-68, dossier 21174.

¹³⁷⁸ ACI. F-03, dossier 39896.

¹³⁷⁹ Mot so van de... с. 189.

¹³⁸⁰ NCLS. 1976, № 4 (169), с. 74; ACI. F-03, dossier 09741.

Все перечисленные выступления и забастовки рабочих в годы первой мировой войны носили преимущественно экономический характер, поскольку требования рабочих сводились к своевременной выплате и повышению зарплаты, улучшению жилищных и бытовых условий. В это время рабочие еще не выдвигали политических требований, хотя каждое выступление или протест в колониальной стране рассматривались как мятеж против существующего строя. В указанный период рабочие выступления, по словам В. И. Ленина, «выражали уже собой некоторое пробуждение сознательности: рабочие теряли исконную веру в незыблемость давящих их порядков, начинали ... не скажу понимать, а чувствовать необходимость коллективного отпора и решительно порывали с рабской покорностью перед начальством»¹³⁸¹.

Большинство выступлений и забастовок рабочих по-прежнему оставались стихийными и слабо организованными. Большая часть забастовок имела место в Тонкине, что объясняется тем, что в конце XIX — начале XX в. именно в Северном Вьетнаме больше всего развивалась горнорудная промышленность и велось широкое строительство железных дорог, промышленных предприятий (мастерские, фабрики). Поэтому именно фабрично-заводским рабочим, шахтерам и железнодорожным рабочим принадлежит ведущая роль в рабочем движении рассматриваемого периода. Борьба вьетнамских рабочих в предоктябрьский период явилась важным этапом национально-освободительного движения в целом, знаменуя собой вовлечение в активную освободительную борьбу наиболее передового в политическом отношении класса вьетнамского общества.

Характер рабочего движения во Вьетнаме коренным образом изменился после Великой Октябрьской социалистической революции, возвестившей начало новой эры человечества — эпохи социализма.

В целом национально-освободительное движение во Вьетнаме накануне и в годы первой мировой войны приобрело ярко выраженный антиимпериалистический характер. Но антиколониальное направление в национально-освободительном движении было значительно сильнее антифеодального. Призывы к антиколониальной вооруженной борьбе находили широкий отклик в народных массах. В этой борьбе принимали участие рабочие, крестьяне, ремесленники, солдаты, представители мелкой и национальной буржуазии, а также различные национальности и племена.

Национально-освободительное движение на данном этапе заметно ослабило позиции империалистов в Индокитае, создав серьезную угрозу для французского колониального режима.

С возникновением Общества возрождения Вьетнама национально-освободительное движение в этой стране вступило в принципиально новый этап — этап буржуазно-демократической революции. Этому немало способствовало влияние русской революции 1905—1907 гг., Синьхайской революции, которая установила в Китае республику во главе с великим революционным демократом Сунь Ятсеном.

Национально-освободительное движение во Вьетнаме в исследуемый период протекало в форме вооруженной борьбы, деятельности тайных религиозных обществ, а также в форме рабочих бунтов и забастовок.

Деятельность религиозных обществ была характерна преимущественно для крестьян Южного Вьетнама, где антифранцузской борьбой руководили ши-фу под лозунгом независимой конституционной монархии. В Северном и Центральном Вьетнаме, где антиколониальное движение возглавлялось Обществом возрождения Вьетнама, оно ставило своей целью учреждение буржуазно-демократической республики. Такое принципиальное различие в основных политических целях объяснялось тем, что освободительное движение на севере и в центре страны было направлено против колонизаторов и реакционной профранцузской монархии династии Нгуенов, тогда как на

¹³⁸¹ В. И. Ленин. Что делать? — Т. 6, с. 346.

юге оно ставило своей первоочередной задачей ликвидацию колониального режима и установление в масштабе страны конституционной монархии во главе с Кьонг Де.

Развитию освободительного движения способствовал ряд внешних и внутренних факторов. К внешним факторам относятся общее пробуждение Азии, происшедшее под влиянием революции 1905 г. в России и Синьхайской революции в Китае, а также первая мировая война, заставившая французских колонизаторов вывести значительный контингент своих войск из Индокитая (осталось лишь 10 тыс. человек). Серьезными внутренними факторами, усилившими национально-освободительное движение, являются общее ухудшение материального положения трудящихся в годы войны и усиление эксплуатации, а также быстрый рост пролетариата и буржуазии. Активизировавшееся в 1914—1918 гг. антиимпериалистическое движение в значительной мере обогатило народные массы Вьетнама опытом классово-борьбы против империализма и феодализма, создав необходимые предпосылки для возникновения нового, еще более мощного революционного движения, характер которого коренным образом изменился лишь после победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Раздел VI

КУЛЬТУРА ВЬЕТНАМА

Глава 1

НАУКА И ИДЕОЛОГИЯ

Наука

Развитие науки во Вьетнаме имеет давние и глубокие традиции в области гуманитарных наук, прежде всего истории и философии, а также медицины. Однако необходимо учитывать, что развитие этих наук шло отличным от европейского путем и что формальное приложение европейского понятия «гуманитарные науки» ко всему дальневосточному региону вообще и к Вьетнаму в частности может быть признано условным. Следует помнить, что гуманитарные науки во Вьетнаме эпохи нового времени развивались во многом на идейной основе неоконфуцианства, с позиций которого толковались явления общественной жизни.

Большого расцвета во Вьетнаме XVII — начала XX в. достигла историческая наука. Сохранившиеся исторические произведения той эпохи позволяют судить о ее уровне и особенностях развития. Прежде всего об этом свидетельствуют памятники официальной историографии, которые входили в качестве важной составной части в систему официальной вьетнамской идеологии. В принципе эта идеологическая система состояла из трех основных компонентов:

1. Морально-этическая система взаимоотношений, строившаяся в соответствии с триадой: отец — сын, муж — жена, государь — подданный. Она лежала в основе всего вьетнамского законодательства.

2. Неоконфуцианская концепция исторического процесса, нашедшая свое отражение в официальных вьетнамских династийных летописных сводах.

3. Система формирования и набора чиновничьего аппарата и закрепления официальной идеологии. Ее обычно принято называть системой образования, что, по-видимому, неверно.

Во Вьетнаме имеется два основных типа официальных исторических произведений: это погодные хроники и летописные своды. Первый тип представляет собой погодную запись свершений той или иной династии. Такого рода летопись изо дня в день велась придворным историографом правящей династии, который фиксировал в ней подробнейшим образом все более или менее значительные события придворной и

государственной жизни. К сожалению, за исключением незначительных фрагментов погодной хроники династии Ле, сохранилось лишь одно произведение этого типа — хроника династии Нгуенов «Действительные записи о Великом Юге», по которой мы можем судить о принципах их построения.

Погодная хроника «Действительные записи о Великом Юге» («Дай Нам Тхык Люк») состоит из двух разделов. Первый раздел, «Предварительные записи», или «Записи о предшествовавших событиях», включает описание деяний государей Нгуенов на юге страны в XVII—XVIII вв., а второй раздел, «Основные записи», посвящен описанию правления общевьетнамской династии Нгуенов после объединения всей страны под ее властью на рубеже XVIII и XIX вв. Весь текст хроники разбит на книги, или кюены, насчитывающие от 25 до 35 ксилографических страниц. Такой объем книги является стандартным для вьетнамских исторических произведений, хотя иногда встречаются книги как большего, так и меньшего объема. О степени подробности описания в погодной хронике можно судить хотя бы по тому, что описание первого года эры «Светлой Судьбы» (1820 г.) правления Совершенного предка Гуманного императора, т. е. Минь Манга (1820—1840), занимает шесть книг. Как мы увидим ниже, в летописных сводах такой же объем занимает описание периода правления двух-трех императоров. Насколько позволяют судить исторические источники такого типа, хроники велись при всех больших вьетнамских династиях т. е. при дворах династий Ли (1010—1225), Чан (1225—1399) и Ле (1428—1789). Именно эти хроники и легли в основу официальных произведений второго типа, т. е. летописных сводов,

В отличие от погодных хроник сохранилось значительно большее количество вьетнамских официальных летописных сводов, из которых наибольшую ценность представляют три главных династийных свода: буддийский свод династий Ли и Чан «Краткое изложение истории (Великого) Вьета», в целом неоконфуцианский: свод династии Ле «Запись истории Великого Вьета, полное описание» и уже чисто неоконфуцианский по своей структуре свод династии Нгуенов «Отражение истории Вьета, основа и частности, составленное по повелению императора».

Остановимся на двух неоконфуцианских династийных летописных сводах.

Обычно новый династийный летописный свод начинался в течение первых 50 лет после воцарения новой правящей династии. Он охватывал весь период развития государства во Вьетнаме, начиная с легендарного и полуполюгандарного периодов. Соответственно по древнейшему периоду и ранним этапам истории страны основным источником для авторов нового свода являлись данные летописных сводов предыдущих династий, а по периоду правления предшествовавшей династии основным источником служила погодная хроника данной династии. Естественно, что помимо указанных источников привлекались также все остальные возможные материалы. Специфика конфуцианской исторической концепции, согласно которой наивысшие достижения человеческой культуры лежали в легендарном золотом веке, а сам исторический процесс представлялся в виде последовательной моральной деградации (так что, чем древнее было правление, тем больше положительных примеров оно могло дать потомкам), приводила к своеобразному явлению в летописании.

С одной стороны, историографы стремились к максимально точному изложению фактов и реалий, сопровождая их в обязательном порядке указанием временных и географических рамок, а с другой — создание нового летописного свода, включившего в себя все важные, с точки зрения официального автора, материалы предыдущих источников, прежде всего летописный свод и погодную хронику предыдущей династии, «обесценивало» эти последние, что зачастую приводило к их полной или частичной утрате. На всем протяжении развития официальной историографии для нее были типичны стремление к высокой точности датировок и географических описаний и своеобразная «обезличенность» текста, при которой авторское отношение можно было узнать лишь из специальных разделов (авторские высказывания, критика, примечания и т. п.),

появляющихся и расширяющихся по мере распространения во Вьетнаме неоконфуцианских принципов. В XVIII—XIX вв. наиболее передовые вьетнамские неоконфуцианские историографы вышли за достаточно узкие рамки официального летописания и начали создавать свои собственные оригинальные исторические произведения.

Наиболее ярким примером таких монографических работ являются произведения Ле Куи Дона и Фан Хюи Тю. Ле Куй Дону принадлежало как минимум пять больших исследований, из которых особо следует отметить два: «Полную историю Великого Вьета» и «Заметки об изученных вещах». «Полная история Великого Вьета» датируется по авторскому предисловию 1749 г. От этого произведения сохранилось три неполных раздела: «Императорские анналы» (от восстания Ле Лоя в 1418 г. до 1433 г.), «Библиография» и «Биографии». Последний раздел состоит из следующих подразделов: «Императрицы и императорские наложницы», «Принцы императорской крови», «Министры Ле Лоя», «Восставшие подданные от конца династии Чан, включая перешедших на сторону династии Мин, до Маков», «Государи Мак, от основателя (династии) до возвращения Каобанга (1527—1677 гг.)».

Второе произведение — «Заметки об изученных вещах» — является своего рода энциклопедией жизни вьетнамского общества XVIII в. К сожалению, и эта книга сохранилась в виде фрагментов.

Второй автор, Фан Хюи Тю, создал энциклопедический труд «Последовательное описание прошлых династий», состоящий из 49 книг, разделенных на десять тем, которые охватывают практически все стороны жизни вьетнамского общества. Оно было завершено в течение первой трети XIX в. Как можно заметить, уже сам характер произведений Ле Куи Дона и Фан Хюи Тю свидетельствует о новом этапе в развитии вьетнамской исторической науки. Непосредственно к историческим произведениям примыкают географические описания. Строго говоря, мы даже не можем четко разграничить географические и исторические сочинения. Как было сказано выше, в погодных хрониках и летописных сводах историографы давали весьма точные географические рамки при описании того или иного события. Соответственно в географических сочинениях, где основное внимание сосредоточивалось на описании земель, их границ, эволюции наименований той или иной территории в различные эпохи и при различных династиях вьетнамского государства, также давалось и краткое описание исторических событий, связанных с той или иной территорией, и особенно упоминались поминальные храмы духов-покровителей соответствующих земель, связанные с вьетнамским пантеоном. Среди произведений такого типа мы можем назвать «Избранные заметки об управлении рынками» Ле Куи Дона, посвященные описанию провинций Центрального Вьетнама, «Описание земель императорского Вьета» Фан Хюи Тю и ряд других произведений XVIII—XIX вв. Развитие точных и технических наук во Вьетнаме XVII — начала XX в. происходило весьма медленно. Использование математических начал в принципе не выходило за рамки четырех действий арифметики, и, так же как чисто экспериментально выявленные в данном регионе некоторые химические процессы, они применялись исключительно в практических целях. И хотя с середины XVIII в. во Вьетнам начинают проникать сведения о достижениях в области точных наук, они вплоть до конца первого десятилетия XX в. остаются в основном монополией сначала европейских католических миссионеров, а затем французов. Их распространение во Вьетнаме связано с основанием европейских школ и первых специальных учебных заведений для вьетнамцев. Факты о развитии точных наук во Вьетнаме в течение первого десятилетия XX в. будут приведены в разделе, посвященном просвещению.

В период нового времени высокого уровня развития достигла также медицина. Как и вообще медицина данного региона, она в целом отрицала хирургическое вмешательство в организм человека и опиралась на систему лечения при помощи иглоукалывания, прижиганий и терапии, основанной на применении различного рода трав. Сохранилось

несколько трактатов, свидетельствующих о высоком уровне традиционной медицины во Вьетнаме, из которых наиболее примечателен трактат «Южные лекарства божественной силы». Этот трактат был написан буддийским монахом по прозвищу Мудрый Умиротворитель из Хайзыонга. Он состоит из двух книг и содержит написанную на ханване (вьетнамский вариант древнекитайского языка, или вэньяна) и на номе (собственная вьетнамская иероглифическая письменность) фармакопею, которая насчитывает 630 наименований различных лекарств, 13 рецептов для лечения тяжелых болезней, 37 рецептов жаропонижающих средств и ряд других сведений¹³⁸².

Чрезвычайно интересно отметить, что если идеологическим обоснованием официальных исторических произведений было нео-конфуцианство, то идеологическим обоснованием географических и медицинских трактатов являлись геомантия, учение о благоприятном и злом «дыхании» той или иной местности, воплощающемся в том или ином «герое» или «духе-покровителе», т. е. в конечном счете буддийско-даосская интерпретация теории темного и светлого начал. Так, в географических описаниях упоминались геомантические особенности той или иной территории, описывались духи-покровители местного, общинного, провинциального или государственного значения. Это было связано с тем, что наиболее благоприятные места для основания поселений определялись геомантическими изысканиями, задачей которых являлось нахождение оптимального для строительства соотношения «дыханий» «Голубого дракона» (светлое начало) и «Белого тигра» (темное начало). Согласно вьетнамским верованиям, вся Вселенная представляла собой единство и борьбу темного и светлого начал. Наиболее благоприятное их соотношение в той или иной точке Вселенной или Земли (макрокосмос) создавало, согласно этим верованиям, наиболее благоприятные условия для жизни человека (микрокосмос). Устройство человеческого организма в целом воспринималось как аналог структуры Вселенной, а болезни объяснялись избыточным или недостаточным присутствием «энергии» в той или иной части человеческого организма, т. е. избыточным или недостаточным проявлением темного или светлого начала. Отсюда теоретическим обоснованием широко применявшейся системы лечения при помощи иглоукалывания, прижиганий и травотерапии являлся тезис об «увеличении энергии» или же, наоборот, о «рассеивании энергии» в пораженном болезнью органе человеческого организма. Во Вьетнаме сохранилось значительное число буддийско-даосских трактатов, в которых рассматриваются проблемы соотношения темного и светлого начал и проблемы геомантии¹³⁸³. К сожалению, эти трактаты, равно как и вьетнамские неоконфуцианские трактаты, совершенно не изучены. Тщательное исследование этих произведений, несомненно, даст новый обширный материал о развитии гуманитарных наук во Вьетнаме и позволит установить соотношение буддийско-даосского и конфуцианского элементов в идеологии вьетнамского общества XVII — начала XX в. Имеющиеся же в нашем распоряжении материалы позволяют лишь судить об эволюции официальной государственной идеологии Вьетнама, к рассмотрению которой мы переходим.

Проблема официальной вьетнамской идеологии XVII — начала XX в.

Общеизвестно положение, согласно которому официальная идеология того или иного общества эпохи средневековья и начала эпохи нового времени предстает в форме той или иной религиозно-политической доктрины. В Европе это различные толко-

¹³⁸² Данные о произведениях некоторых авторов взяты из сочинения Э. Гаспардона, который приводит наименования 27 исторических, 10 географических и одного медицинского произведения для эпохи нового времени: E. Gaspardone. *Bibliographie Annamite*.—BEFEO. P., 1934, vol. XXXIV, № 3.

¹³⁸³ Более подробно см.: M. Durand et p. Huard. *Connaissance du Vietnam*. Paris—Hanoi, 1954, с. 63—73. Перечисление и краткую характеристику вьетнамских трактатов см. в работе Э. Гаспардона, в разделе «Легенды, конфуцианство, буддизм, различные трактаты» (с. 126—149).

вания христианства — от католицизма до кальвинизма и православия, в других районах земного шара — многочисленные религиозные учения, среди которых прежде всего необходимо выделить ислам, буддизм, индуизм и конфуцианство. Но если для Европы все согласны, что понятие «христианство» далеко не однородно и что его проявления, скажем, в Испании, Германии и Франции, не говоря уже о Восточной Европе, значительно различаются, то для стран дальневосточного региона принято считать, что конфуцианство — это понятие однозначное, являющееся синонимом понятия: «китайское конфуцианство». Отсюда следует вывод о том, что если в области культуры и экономики Вьетнам развивался хотя и под влиянием Китая, но самостоятельно, то в области идеологии речь может идти лишь о том, когда и каким образом во Вьетнаме были «механически» восприняты достижения китайской классической философии и когда та или иная господствующая в Китае идеологическая система была воспринята в качестве таковой во Вьетнаме. Так ли это на самом деле? Представляется, что подобная точка зрения не имеет под собой никакой серьезной аргументации, что мы и попытаемся показать.

Известно, что именно французские синологи заложили в конце XIX — первой трети XX в. основы современной вьетнамистики. Глубокое знание истории и культуры Китая и внешняя идентичность вьетнамских и китайских общественных институтов XVIII—XIX вв. не могли не привести этих ученых (наряду с чрезвычайно интересными и важными открытиями по конкретным вопросам) к общему выводу о происхождении вьетнамской культуры из китайской — выводу, который формулируется современными синологами и частью вьетнамистов следующим образом. До X в. н. э. Вьетнам полностью развивался под влиянием Китая и не имел: своей собственной письменной культуры; в дальнейшем же его надстроечные институты, и в первую очередь идеология, по существу, являлись слепком с китайских.

Обычно принято утверждать, что к подобному выводу приводит цикл статей выдающегося французского сиолога Анри Масперо «Исследования истории Вьетнама»¹³⁸⁴, опубликованный в 1916 и 1918 гг., что не совсем верно. К сожалению, вплоть до сегодняшнего дня большая часть сиологов и вьетнамистов, как за рубежом, так и в СССР, воспринимает весьма осторожные и зачастую гипотетичные положения А. Масперо по вьетнамской культуре и идеологии как окончательный вывод. И хотя конкретные исследования ученых в последние годы вскрыли глубокие и древние корни самостоятельной экономической, политической и культурной эволюции Вьетнама, общая точка зрения в целом остается прежней. Видимо, такое положение вещей связано с тем, что эти ученые, говоря о самостоятельном и оригинальном развитии вьетнамской Иосударственности до китайского завоевания в III в. до н. э., об особенностях экономического и политического развития Вьетнама в эпоху прямой зависимости в I в. до н. э.— IX в. н. э., о глубоких корнях вьетнамской письменной культурной традиции, восходящих (по их мнению) к III—V вв. н. э., и о древних (не позднее II—III вв. н. э.) корнях буддизма во вьетнамском обществе, сознательно или бессознательно не поднимали вопроса о самостоятельном характере вьетнамской письменной традиции и идеологии в целом, о соотношении в них национального и китайского элементов.

Синологи же с высоты китайской культуры пренебрежительно игнорируют факты, свидетельствующие о самостоятельном характере вьетнамского культурно-идеологического комплекса. Делают они это с тем более легким сердцем, что, за редким исключением, они ничего не знают о Вьетнаме, кроме того, что в течение десяти веков он находился в прямой зависимости от Китая и что во Вьетнаме эпохи средневековья и нового времени использовалась иероглифическая письменность. Такое положение вещей приводит к ряду противоречий и нелепостей, из которых наиболее очевидной является следующая.

¹³⁸⁴ H. Maspero. Etudes d'histoire d'Annam.— BEFEO, vol. XVI, № 1, et vol. XVIII № 3. P., 1916, 1918.

Официальными датами китайского господства во Вьетнаме являются 111 г. до н. э. — 939 г. н. э. В первую очередь на этом факте основываются утверждения о «китайском» развитии вьетнамской культуры в период до X в. н. э. Однако доказанным фактом является полное господство буддизма как в общественной жизни, так и в официальной идеологии Вьетнама с момента его освобождения в начале X в. и вплоть до начала XIV в. И лишь с начала XIV в. буддизм постепенно начинает вытесняться конфуцианством, которое занимает положение господствующей официальной идеологии только к концу первой трети XV в.¹³⁸⁵ В то же время в Китае буддизм никогда не занимал положения господствующей официальной идеологической системы. В XI в., не говоря уже о XII—XIV вв., в Китае господствовало в области официальной идеологии неоконфуцианство — сначала в его ранней форме, а затем в виде чжусианства¹³⁸⁶. Такое «несовпадение» официальных идеологических систем Вьетнама и Китая в X—XIV вв. принято объяснять отсталостью Вьетнама, но, на наш взгляд, это объяснение не выдерживает критики. Отсталостью можно объяснять экономический разрыв в развитии тех или иных государств и районов, но объяснять этим наличие принципиально различных идеологических систем после десяти веков «безраздельного господства» единой культурной традиции в двух странах по меньшей мере странно. Совершенно очевидно, что в данном случае во Вьетнаме и Китае при экономической отсталости первого должна была господствовать в принципе одна и та же официальная идеологическая система, но этого «почему-то» не случилось. Видимо, единая культурная традиция в эпоху зависимости была не столь уж единой.

Но тогда, быть может, и традиционная идеологическая система Вьетнама исследуемого периода (XVII — начало XX в.) лишь по внешним, поверхностным показателям совпадает с китайской официальной идеологической системой? До последнего времени этот вопрос не ставился во вьетнамистской литературе.

Вьетнамское неоконфуцианство: образующие компоненты и концепция Поднебесной

Существование во Вьетнаме XVII — начала XX в. неоконфуцианства в качестве основной официальной государственной идеологической системы является общепризнанным фактом, однако сущность этого феномена совершенно не исследована. Уровень наших знаний позволяет лишь поставить вопрос об оригинальном характере вьетнамской официальной идеологической системы, о ее принципиальных отличиях от аналогичной китайской системы. К сожалению, ни объем, ни цели данной главы не позволяют рассмотреть весь комплекс проблем, связанных с вьетнамским неоконфуцианством, которое еще ожидает своего исследователя. Поэтому мы предлагаем остановиться на некоторых общих проблемах формирования и эволюции конфуцианского учения и на этом фоне показать своеобразие его восприятия во Вьетнаме изучаемого периода.

Конфуцианство возникло и сложилось в VII—V вв. до н. э. как политико-социальное, религиозно-этическое философское учение мощного централизованного государства типа империи. Заложенные в нем возможности значительно опережали уровень общественного развития той эпохи, что привело к последовательному синтезу в рамках конфуцианства на протяжении II в. до н. э. — XI в. н. э. всех основных философских систем древнего и средневекового Китая, в том числе единой буддийско-даосской философско-религиозной системы, известной под наименованием китайского варианта буддизма школы созерцания, или, как ее называет Фэн Юлань, восточноазиатского буддизма (сложился в III—V вв. н. э.). С началом эпохи Сун в

¹³⁸⁵ Tran Van Giap. Le bouddhisme en Annam (des origines au XIIIe siecle).—BEFEO. Vol. XXXII. Paris 1932 —Hanoi 1933.

¹³⁸⁶ Fong Yeou lan. A Short History of Chinese Philosophy. L., 1948.

систему конфуцианства ханьского толка постепенно включаются все основные положения буддизма созерцания, что привело к формированию на протяжении X—XII вв. неоконфуцианства как единой, охватывающей все стороны общественной жизни официальной государственной идеологической системы. В результате все основные философские учения данного региона в той или иной степени оказались включенными в систему неоконфуцианства, которое не имело себе альтернативы, внутри Китая вплоть до начала XX в. Это явление получило название второго конфуцианского синтеза.

Таким образом, если вьетнамское неоконфуцианство XVII — начала XX в. является точной копией китайского, как это принято считать на сегодняшний день, то его образующими компонентами должны быть конфуцианство ханьского толка и буддизм школы, созерцания. Однако изучение работ по вьетнамскому буддизму, проведенное на фоне анализа материалов вьетнамских летописных сводов, дает нам основания утверждать, что для вьетнамского общества конфуцианство оставалось чуждым учением по крайней мере до конца XII — начала XIII в. Более того, можно с полным основанием говорить, что во Вьетнаме вообще не было периода господства конфуцианства ханьского толка¹³⁸⁷.

Господствовавшие в древнем Вьетнаме типичные «южные» культы с главенствующим положением культа предков не могли быть, вытеснены конфуцианством в результате прихода к власти династий Тхук и Чиеу (257—111 гг. до н. э.) прежде всего потому, что даже для территории современного Южного Китая распространение конфуцианства в ту эпоху весьма проблематично. Завоевание северных территорий Намвьета в 111 г. до н. э. династией Хань создало предпосылки для проникновения конфуцианства в общественное сознание древнего вьетского общества на территории Северного Вьетнама (Аулака), но практически до 40-х годов нашей эры (восстание сестер Чынг) он сохранял независимость. Угроза полной ассимиляции, возникшая с начала нашей эры, привела к тому, что буддизм, принесенный во Вьетнам непосредственно из Индии, видимо, не позднее рубежа нашей эры, наложился на местные культы и был воспринят в качестве философско-религиозной идеологии вьетского общества, противостоявшей конфуцианству ханьского толка. В результате попытки насаждения конфуцианства ханьского толка после окончательного завоевания Вьетнама во второй половине I в. н. э. ни к чему не привели. Во Вьетнаме сложилось своеобразное положение, при котором идеологией вьетского общества являлся буддизм, а идеологией китайской администрации было конфуцианство ханьского толка. Более того, периодическое ослабление власти китайских наместников на южных окраинах империи зачастую приводило к тому, что и сама китайская администрация была, по существу, вьетской и буддийской, как, например, на рубеже II—III вв. н. э. Таким образом, во Вьетнаме наблюдается непрерывное господство буддизма вплоть до XIII в. Поэтому нет ничего удивительного в том, что после восстановления вьетнамской государственности (в 939 г. официально, а практически в 880 г.) официальной идеологией вьетнамских династий становится буддизм школы созерцания (дхьяна, вьетн. «тхиен») в его национальной трактовке. И лишь по мере превращения раннефеодального вьетского государства в мощную централизованную империю эпохи развитого феодализма буддизм школы созерцания вполне логично уступает место неоконфуцианству как официальной государственной идеологии¹³⁸⁸. Этот процесс занял длительный период — с XIII по XV в.

¹³⁸⁷ Некоторые аспекты реконструкции путей развития традиционной вьетской идеологии см. в статьях: П. В. Познер. Освещение древней истории Вьета в средневековых вьетских хрониках — летописных сводах.— «Народы Азии и Африки». 1976, № 1, с. 84—94; П. В. Познер. О развитии традиционной философской мысли в древнем и средневековом Вьетнаме (опыт сравнительного анализа философских систем Китая и Вьетнама).— Сборник тезисов и докладов седьмой научной конференции «Общество и государство в Китае». М., 1976, с. 137—147.

¹³⁸⁸ С ростом уровня развития производительных сил произошла консолидация государственной власти. Буддизм школы созерцания как идеология, ставившая во главу угла внутренние проблемы личности, уже не удовлетворял требованиям нового этапа развития Вьетнама, а единственной идеологией централи-

— и не носил характера «механического» восприятия китайского неоконфуцианства. Последнее наложилось во Вьетнаме на древнюю буддийскую традицию и синтезировало ее в своих рамках, результатом чего явилось сложение вьетнамского варианта неоконфуцианства. И если в Китае неоконфуцианство стало следствием синтеза конфуцианства ханьского толка и китайского варианта буддизма школы созерцания, то во Вьетнаме оно явилось результатом синтеза уже сложившегося чжусианства с национальным вариантом буддизма школы созерцания, и, следовательно, можно говорить о том, что вьетнамский вариант неоконфуцианства характеризовался значительно большим «процентным содержанием» буддизма по сравнению с китайским. При этом постепенная ассимиляция южных территорий на протяжении XVI—XVII вв. привела к новому росту буддийских тенденций во вьетнамском неоконфуцианстве, особенно с момента объединения Вьетнама под властью Нгуенов в XIX в. Об этом свидетельствует тот факт, что первый император династии Нгуенов, правивший под девизом «Возвышенный и прекрасный» в 1802—1819 гг., на начальном этапе своего царствования воздвигал героям памятные буддийские пагоды и лишь впоследствии стал воздвигать конфуцианские поминальные храмы. Более того, на всем протяжении правления династии Нгуенов императрицам воздвигались памятные пагоды, в которых император лично отправлял культ «королевы-матери»¹³⁸⁹.

В то же время, как об этом свидетельствуют материалы летописных сводов, вьетнамские конфуцианцы, практически признававшие буддизм, опирались исключительно на китайские классические и канонические книги. По логике вещей они должны были хотя бы формально признавать «китайский» характер своей официальной идеологической системы! Но это только на первый взгляд... Наилучшей иллюстрацией отрицания вьетнамцами «китайского» характера конфуцианской философии, на наш взгляд, является историческая концепция вьетнамской неоконфуцианской философской системы. Опираясь на собственную историко-мифологическую традицию, письменные истоки которой восходят, по-видимому, как минимум ко II в. до н. э., вьетнамские историографы создали собственную концепцию возникновения национальной государственности, при этом в ее рамках были синтезированы элементы историко-мифологических конфуцианских (китайских) легендарных и полуполулегендарных сюжетов. Вкратце эта концепция сводится к следующему.

В глубокой древности правил род Человека, [изобретшего] орудие для добывания огня, а затем наступила эпоха Трех Властителей. Эти Три Властителя явились основателями Поднебесной и создателями «всего сущего». Эпоха правления последнего из Трех Властителей, Огненного Императора, или Святого Пахаря, уже имеет «точную» датировку: она начинается 3227 г. до н. э. Кроме того, в эпоху его правления включены царствования семи поколений его потомков.

Согласно вьетнамской концепции у правнука Огненного Императора (третье поколение) Императора Светлого было два сына. Младший сын, по имени Лок Тук, отличался добродетельностью, и поэтому отец хотел сделать его своим наследником. Однако Лок Тук отказался от трона, считая, что в соответствии с моральными принципами отцу должен наследовать старший сын. Тогда Император Светлый разделил Поднебесную: земли к северу от Янцзы он отдал под управление старшему сыну, а к югу — младшему, который принял титул Правителя Солнечного Киня. Это событие «датируется» 2879 г. до н. э.¹³⁹⁰. Правитель Солнечный Кинь женился на дочери Духа-дракона, правившего озером Дунтин, и произвел на свет Правителя-дракона Лака по

зованного государства в этом регионе было укрепившееся в Китае неоконфуцианство, которое именно тогда — не раньше и не позже — стало внедряться и расширять свои позиции во Вьетнаме.

¹³⁸⁹ Приведенные сведения по династии Нгуенов являются результатом анализа погодной хроники этой династии «Действительные записи о Великом Юге».

¹³⁹⁰ Т. е. этот раздел фактически означает деление Поднебесной, или Вселенной, на Южный Вьет (Намвьет) и Срединное государство, или Китай (Чжунго).

имени Шунг Лам. Правитель-дракон Лак женился на фее Ау Ко, дочери пятого императора из рода Огненного Императора на севере (т. е. он женился на своей двоюродной племяннице), и стал основателем вьетских династий. С эпохой Правителя-дракона Лака совпадает начало эпохи Пяти Императоров в Срединном государстве (т. е. на севере): 2697 год до н. э.— традиционная дата начала правления Желтого Императора. Также согласно традиционным датам начало правления старшего сына Правителя-дракона Лака, ставшего основателем лак-вьетской династии Правителей Мужественных, совпадает с началом правления четвертого легендарного императора Яо в Срединном государстве — 2357 г. до н. э.¹³⁹¹.

Таким образом, вьетнамские неоконфуцианцы уравнивали по древности Вьет и Срединное государство, а единую Поднебесную возводили к эпохе Трех Властителей. Отсюда учение о единой Поднебесной являлось общим, а не исключительно «китайским учением! Соответственно выдающиеся деятели этого учения, конфуцианского учения, такие, как, например, Кунцзы (Конфуций) или Мэнцзы, будучи китайцами по происхождению, трактовались как выдающиеся философы и ученые мирового значения. Аналогичные тенденции мы встречаем и в других религиозно-философских учениях; так, в христианстве Фома Аквинский и его учение никогда не трактовались как исключительно «итальянские». И таких примеров можно привести множество. Поэтому во Вьетнаме? широко использовались как буддийские каноны и трактаты, так и конфуцианские классические и канонические книги, а также и более поздние произведения конфуцианских и неоконфуцианских философов, которые не трактовались как исключительно «китайские». Более того, вьетнамские неоконфуцианцы сами писали трактаты, в которых затрагивались проблемы буддизма, неоконфуцианства, темного и светлого начал, геомантии, конфуцианских классических и канонических книг и много других проблем. Однако, как уже говорилось в предыдущем параграфе, эти трактаты совершенно не изучены и, как правило, даже неизвестны европейским вьетнамистам, так как они имеются лишь во Вьетнаме и во Французской школе Дальнего Востока в Париже.

Таким образом, ни в коем случае нельзя отождествлять вьетнамский и китайский варианты неоконфуцианства. На сегодняшний день даже без привлечения всего комплекса религиозно-философских концепций, существовавшего во Вьетнаме эпохи нового времени, можно считать установленным, что официальная государственная идеология Вьетнама, которой являлось неоконфуцианство, отличалась от китайского варианта неоконфуцианства значительно большим «процентным содержанием» буддизма. Благодаря этому вьетнамская идеологическая система, впитавшая в себя, как и в Китае, все религиозно-философские учения своего региона, оказалась более «открытой» или более «демократичной», чем китайская. А это, в свою очередь, значительно облегчило восприятие во Вьетнаме на базе собственной культурной традиции достижений европейской культуры.

---

¹³⁹¹ О различных концепциях эпохи Трех Властителей и Пяти Императоров, их поименное перечисление и критическую оценку китайских историко-мифологических сюжетов см.: Сыма Цянь. Исторические записки. Т. I. М., 1972, с. 133—149, 345—354 и комментарий на с. 221—252.

Глава 2 ПРОСВЕЩЕНИЕ

Общее положение просвещения перед реформой XVII в.

В тех странах, в которых господствовала конфуцианская идеология, проблема просвещения имеет свою специфику. Выделение просвещения в европейском понимании этого термина неправомерно для стран конфуцианского культурного ареала вообще и для Вьетнама в частности. В данном случае под просвещением следует понимать строго регламентированную, сословно-классовую систему образования и формирования чиновничьего аппарата, состоящую из трех-четырёхлетнего цикла экзаменационных конкурсов и связанных с ним «школ». При этом «школы» являлись не столько учебными заведениями, сколько учреждениями, в которых скапливался резерв в той или иной степени подготовленных людей для пополнения в случае необходимости чиновничьего государственного аппарата. Официальных государственных школ в европейском понимании во Вьетнаме вообще почти не существовало вплоть до конца XVIII в. Начальное же образование, вернее, умение писать, читать и элементарные знания о конфуцианских классических и канонических книгах приобретались в частном порядке¹.

Необходимо также отметить, что прежде во Вьетнаме было широко распространено буддийское монастырское образование, которое играло ведущую роль вплоть до второй половины XIV в. Однако, когда в XIV—XV вв. буддизм утратил свои позиции, а ставшее официальной государственной идеологией Вьетнама неоконфуцианство включило в себя значительно больше элементов буддизма, чем китайское неоконфуцианство, мы практически не можем говорить о массовом буддийском образовании.

Конфуцианское образование начало складываться во Вьетнаме со второй трети XII в., окончательно сложилось к XV в. и было оформлено как единая система реформами эры «Великой добродетели»². Она просуществовала без каких-либо значительных изменений до конца XVII в., что имело серьезные последствия.

Во-первых, как уже отмечалось, конфуцианство практически полностью вытеснило из официального образования буддизм и стало единственной государственной системой образования.

Во-вторых, понятие социальной привилегии стало связываться по преимуществу со званием чиновника и феодалы в XV — начале XVI в. осуществляли свое «право» господства посредством того, что они, получая то или иное образование, занимали ту или иную должность и получали полагающееся ей «кормление».

Таким образом, путь к занятию должности чиновника для феодалов был один — через школьно-конкурсную систему экзаменов на ученую степень, а понятия «чиновник» и «образованный человек» стали синонимами. Но если в XV в. лишь строго определенное количество людей допускалось на конкурсы, а обязательным образование являлось только для детей среднего и крупного чиновничества (что было определенной гарантией социальных привилегий), то к XVII в. положение изменилось: в связи с процессом роста частного землевладения, распадом общины и ослаблением центральной власти в течение XVI в. во Вьетнаме произошли социальные изменения.

С одной стороны, в первой трети XVII в. система образования функционировала лишь формально. При сдаче конкурсных экзаменов процветало взяточничество, что на данном этапе привело к количественному росту лауреатов-чиновников, получавших

¹ Как правило, сама община принимала на «кормление» какого-нибудь своего или странствующего учителя, сдавшего экзамены одной из ступеней конкурса.

² Во Вьетнаме становление системы конкурсных экзаменов неразрывно связано со становлением неоконфуцианства как государственной идеологии. Поэтому ниже термин «конфуцианство» следует понимать как «неоконфуцианство» — Эра Великой Добродетели (1470—1497).

«кормление», но ничего не делавших. При этом необходимо подчеркнуть, что резко возросло количество лауреатов высших ступеней конкурса при их общем более или менее стабильном количестве.

С другой стороны, междоусобные войны Чиней — Маков — Нгуенов привели к резкому росту влияния военных, а в социальном плане — к формированию новой фигуры — военного помещика-феодала. Такой помещик, как правило, выделялся из среды зажиточных общинников. Он владел значительными частными землями и экономически держал в подчинении многих общинников. В то же время он составлял основную военную силу враждующих феодальных родов, т. е. был военным. Но, несмотря на свою власть де-факто, де-юре он ее не имел, так как не допускался к сдаче конкурсных экзаменов³.

Таким образом, новые экономические тенденции, выразившиеся в росте частного землевладения и приведшие к серьезным изменениям в расстановке социальных сил в стране, тормозились тем, что представители этих новых тенденций не могли реализовать с законной точки зрения «свое» экономическое право на власть, так как единственный путь к его реализации — сдача конкурсных экзаменов на звание чиновника — был для них закрыт.

Этим противоречием характеризуется положение системы образования во Вьетнаме в конце XVII в., после реставрации династии Ле и перехода реальной власти к государям (тюа) Чиням и Нгуенам⁴.

Реформа системы образования в конце XVII — начале XVIII в.

Указанное выше противоречие могло быть решено двумя способами: полной ломкой системы образования, строившейся на неоконфуцианских принципах; адаптацией этой системы к новым требованиям конкурсов, т. е. расширением категорий людей, допускаемых к сдаче конкурсов, и изменением самих конкурсов, т. е. временным снятием данного противоречия.

В условиях Вьетнама конца XVII в. полная ломка этой системы образования означала замену (полную или частичную) неоконфуцианства как официальной и единственной государственной идеологии какой-либо другой идеологической системой. И вот этой-то другой, противостоящей неоконфуцианству идеологии не было. Все имевшиеся во Вьетнаме влиятельные философско-идеологические концепции, в первую очередь буддизм школы созерцания⁵, были синтезированы в рамках неоконфуцианства, которому не осталось альтернативы.

В рамках Вьетнама, его эволюции от раннефеодального государства к мощной централизованной империи на протяжении X—XV вв., переход от буддизма к неоконфуцианству как официальной государственной идеологии был весьма симптоматичен. Но с конца XV в. неоконфуцианство, как уже указывалось, вступило в противоречие с новыми тенденциями развития вьетнамского общества, и из положительного фактора развития превратилось в его тормоз. А так как система образования, и в первую очередь система конкурсных экзаменов, являлась важнейшей частью неоконфуцианской идеологической системы, то и образование во Вьетнаме превратилось в тормоз прогресса. В то же время отсутствие альтернативы неоконфуцианству в области философии и идеологии сделало крайне проблематичным его слом. Таким образом, возникшее во Вьетнаме в XVI—XVII вв. противоречие

³ К сдаче конкурсных экзаменов допускались лишь полноправные общинники, которые полностью платили налоги, выполняли повинности и обладали собственным хозяйством, не обремененным долгами. К ним не причислялись должники, наемные работники на частных землях, торговцы, военные и некоторые другие категории людей. Представители феодальной верхушки формально числились полноправными общинниками, вернее, полноправными членами той или иной общины.

⁴ Т. е. правление императора Ле де-юре и правление государей Чиней в Дангнгоае и государей Нгуенов в Дангчаунге де-факто.

⁵ Школа созерцания (вьетский вариант «Тхиен»).

решалось в рамках неоконфуцианства путем адаптации системы образования к новым социально-экономическим явлениям, что не меняло принципов управления и формирования кадров чиновничьего аппарата и, следовательно, создавало базу для «возрождения» указанного противоречия в значительно более широких масштабах. На наш взгляд, такое положение вещей полностью соответствует марксистскому выводу об обратном влиянии надстройки на базис, влиянии, которое в определенных конкретных исторических условиях может становиться решающим на довольно длительный исторический срок. Это явление было типичным не только для Вьетнама, но и для всех стран конфуцианского культурного ареала⁶.

Реформа низшего уровня системы образования (община — уезд — округ — провинция)

В 1721 г. после ряда предварительных реформ низший уровень системы вьетнамского конфуцианского образования был кардинально изменен. Благодаря этой реформе опора конкурсной системы была перенесена из общины в уезд. Если прежде ученики, подготовленные учителями, взятыми на «кормление» общиной или семьей, допускались непосредственно на провинциальный конкурс по строгому официальному цензу и после предварительной проверки их подготовки в общине (но не более 20 человек от одной общины), то теперь они подвергались экзаменационным испытаниям в уездном центре. Эти испытания проводились в два круга: сначала ученики писали стих и тезисы экзаменационного сочинения, которые могли быть заменены сочинением оды, затем писалось само сочинение. Необходимо подчеркнуть, что за образец всех типов сочинений и вообще литературных произведений на всех этапах экзаменационного конкурса брались конфуцианские классические и канонические книги, а также связанные с ними комментарии в их неоконфуцианской трактовке. Уездные испытания не были исключением в этом смысле.

Сдавшие испытания в уезде образовывали группу «в высшей степени подготовленных», а добившиеся наилучших результатов из этой группы заносились в отдельный список, который подавался в управление в провинциальном центре.

Группа «в высшей степени подготовленных» устанавливалась в количестве не более 200 человек от большого уезда, 150 человек от среднего уезда и 100 человек от малого уезда. Эти люди подвергались еще одной экзаменационной проверке, которая проводилась чиновниками управления подчинения основе (ти Тхья-тинь) и управления инспекторов (ти Хиен-шат)⁷. В результате этой проверки первоначальная категория «в высшей степени подготовленных» делилась на две группы: выдержавшие ее образовывали категорию «достаточно подготовленных» и допускались к сдаче провинциального конкурса без ограничений, а несдавшие образовывали категорию «вторично подготовленных» и допускались к сдаче трех испытаний⁸ (из четырех) провинциального конкурса. Недовольные результатами предварительных проверок имели право подать жалобу, на основании которой их могли перевести в другую категорию. Однако на этом реформа низшего звена конкурсной системы не была завершена.

В 1765 г. после ряда мелких предварительных изменений было установлено, что на провинциальный конкурс после двухразовой проверки в уезде допускается от большого уезда 70 человек, от среднего уезда — 50 человек и от малого уезда — 40 человек. Но это ограничение не распространялось на тех, кто не смог выдержать проверку: им

⁶ На наш взгляд, выражение «китайский культурный ареал» в принципе неверно, так как оно фактически отрицает своеобразный национальный характер культур таких обществ.

⁷ Эта проверка также проводилась в два круга: сначала ученики сочиняли обычный стих (из восьми строк) или стих краткого стиля (четыре строки) и писали оду или тезисы сочинения, затем писалось само экзаменационное сочинение.

⁸ Одно испытание состояло из нескольких экзаменов и могло длиться два-три дня.

разрешалось внести денежную плату в размере 3 куанов (так называемые «деньги проникновения в классику»), после чего они также допускались к сдаче провинциального конкурса⁹.

Одновременно с реформой нижней ступени гражданского конкурса в 1721—1765 гг. была проведена реформа «школ» (в указанном выше понимании этого термина), непосредственно связанных с провинциальными центрами проведения конкурсов. В соответствии с этой реформой в государственные провинциальные школы без предварительных испытаний направлялись дети и внуки гражданских и военных заслуженных чиновников. В провинциальных школах каждый месяц проводился малый экзамен, на котором писалось только сочинение. Этот экзамен проводился учителями из данной школы. Каждые четыре «срединных месяца»¹⁰ проводился экзамен под наименованием «великая проверка». Этот экзамен представлял собой четыре испытания провинциального конкурса, сдававшиеся последовательно в течение всего года. Дети и внуки заслуженных чиновников, выдержавшие испытания в первые три «срединных месяца», получали звание «ученика-конфуцианца»¹¹; выдержавшие же четвертое испытание могли по рекомендации экзаменовавших их чиновников государственной императорской академии назначаться на должность министерством обрядов.

Однако все это касалось только детей заслуженных и высокопоставленных чиновников. Дети мелких чиновников и других представителей вьетнамского общества допускались к сдаче провинциального конкурса в рамках категорий «вторично подготовленных» и «достаточно подготовленных». Обе эти категории сдавали три испытания провинциального конкурса одновременно, и их работы также одновременно оценивались чиновниками учреждения, проводившего экзаменационные испытания.

Выдержавшие три испытания из категории «вторично подготовленных» получали звание «ученик предмета» и направлялись в провинциальные школы¹². Когда наступало время следующего конкурсного цикла (т. е. спустя четыре года), «ученики предмета» писали сочинение, которое называлось «экзамен образованных людей» (оно писалось непосредственно в провинциальной школе). Сдавшие получали звание «ученик предмета, достаточно подготовленный» и допускались к сдаче четвертого испытания провинциального конкурса. Это же звание получали люди из категории «достаточно подготовленных», выдержавшие первые три испытания. «Ученики предмета, достаточно подготовленные», не выдержавшие четвертого испытания провинциального конкурса, теряли звание «достаточно подготовленного», оставаясь при этом «учениками предмета». Помимо этого в провинциальных школах ежегодно проводилось по две проверки, которые были обязательны для «учеников предмета» и на которые допускались люди, самостоятельно готовившиеся в общине (так называемые «ученики общего»). Если восемь проверок (т. е. четыре года обучения) сдавал «ученик предмета», то он освобождался от ежегодных испытаний в стенах школы; если же восемь проверок сдавал «ученик общего», то он без предварительных испытаний допускался к сдаче провинциального конкурса.

Таким образом, можно сказать, что реформа низшего звена системы образования в 1721—1765 гг. привела к следующим результатам.

Дети и внуки крупных чиновников были вообще освобождены от сдачи провинциального конкурса, так как сдавали его испытания в рамках привилегированных школ центральных провинций.

⁹ Cu'o'ng muc. Q. 35, с. 36—37; q. 42, с. 25; q. 35, с. 36—37.

¹⁰ Четыре срединных месяца по лунному календарю: месяц середины весны, месяц середины лета, месяц середины осени, месяц середины зимы.

¹¹ Ученик-конфуцианец (ньо-шинь).

¹² Необходимо отметить, что провинциальные школы были двух типов: во внешних провинциях основную массу учеников составляли «ученики предмета» (шинь-до), а они подчинялись управлению подчинения основе и управлению инспекторов; в центральных (столичное знамя) провинциях основную массу учеников составляли «ученики-конфуцианцы», они подчинялись учреждению блистательной литературы (тиеу ван куан) и службе вступления в прекрасное (куку ту лам).

Получение низшего чиновничьего звания, соответствующего ученой степени «ученика предмета», стало возможным для всех состоятельных представителей вьетнамского общества, т. е. для воинов, торговцев, помещиков — владельцев частных земель, а не только для состоятельных общинников. Более того, было введено еще одно (самое низкое) ученое звание (категории «достаточно подготовленных» и «вторично подготовленных»), которое просто можно было получить за денежную плату.

Благодаря этому частично были «сняты» противоречия между новыми социально-экономическими явлениями и застывшим в своей структуре государственным аппаратом. Представители новых тенденций смогли реализовать свое экономическое право на власть в области социальной. В то же время разрыв между низшим чиновничеством и элитой чиновничьего аппарата не уменьшился, а увеличился из-за реформы школ, что было сделано с целью гарантировать социальные привилегии правящего класса.

Последствия описанной выше реформы низшего уровня образования сыграли важную роль в дальнейшем ходе развития вьетнамского государственного аппарата и традиционной структуры общественного сознания.

Реформа высшего уровня системы образования (столица — императорский дворец)

Лауреаты провинциального конкурса, к которым относились люди, полностью выдержавшие все четыре испытания, допускались к сдаче столичного конкурса¹³. Столичный конкурс (так же как и провинциальный) состоял из четырех испытаний, каждое из которых представляло собой комплекс различных экзаменов, базировавшихся на конфуцианских классических и канонических книгах. Экзаменаторами на этом этапе конкурса были высшие государственные сановники, прославившиеся своей образованностью — как правило, чиновники из министерства обрядов.

С этим важнейшим этапом конкурса теснейшим образом были связаны государственная императорская академия и дворец лунного совершенствования, представлявший собой одно из ее отделений¹⁴. Если дети и внуки заслуженных военных и гражданских чиновников направлялись на учебу в провинциальные школы, то дети высших чиновников и знати направлялись на учебу в государственную императорскую академию. В течение 10—15 лет учебы в стенах академии они сдавали экзамены по правилам провинциального конкурса и в результате этого допускались к сдаче столичного конкурса без предварительной сдачи испытаний провинциального.

Таким образом, к сдаче столичного конкурса допускались формально три группы лауреатов: лучшие ученики государственной императорской академии; «ученики-конфуцианцы», выдержавшие испытания провинциального конкурса в стенах провинциальных школ, и «ученики предмета», выдержавшие испытания провинциального конкурса на общих основаниях. Однако на самом деле это было не так.

«Ученики предмета» не допускались сразу на столичный конкурс, а направлялись на учебу во дворец лунного совершенствования государственной императорской академии. И лишь в случае выдающихся способностей того или иного «ученика предмета» или же в случае совершения им значительного деяния он допускался к сдаче столичного конкурса, т. е. прослойка «учеников предмета» на этом этапе конкурса была крайне незначительной.

«Ученики-конфуцианцы» хотя и допускались к сдаче столичного конкурса, но, как правило, больше одного-двух испытаний они выдержать не могли. Выдержавшие же эти (одно-два) испытания направлялись с соответствующим званием в государственную

¹³ Столичный, или общий, конкурс проводился на следующий год после проведения провинциального конкурса.

¹⁴ Дворец Лунного совершенствования (танг куанг дыонг).

императорскую академию, и лишь после нескольких лет учебы в ее стенах они могли рассчитывать на полную сдачу столичного конкурса.

Таким образом, можно отметить, что если на провинциальном конкурсе гарантировались социальные привилегии чиновничества вообще, то на столичном конкурсе гарантировались социальные привилегии высшего чиновничества и знати.

Как уже отмечалось, столичный конкурс состоял из четырех испытаний. Выдержавшие одно испытание получали звание «императорского ученика младшего учения»; выдержавшие два испытания получали звание «императорского ученика среднего учения»; выдержавшие три испытания получали звание «императорского ученика старшего учения»¹⁵. Все эти люди направлялись на учебу в государственную императорскую академию. Выдержавшие же все четыре испытания допускались к сдаче дворцового, или придворного, конкурса, который состоял из одного испытания, аналогичного четвертому испытанию столичного конкурса. Дворцовое испытание проводилось под руководством самого императора. На его основании лауреаты столичного конкурса делились на следующие три категории:

1-я категория (сдавшие отлично): 1-е звание (1-й блистательный) — получал старший ранг 6-го класса и наделялся восемью качествами; 2-е звание (отмеченный табличкой) — получал подчиненный ранг 6-го класса и наделялся семью качествами; 3-е звание (добившийся украшения) — получал старший ранг 7-го класса и наделялся шестью качествами.

2-я категория (сдавшие первыми): отмеченный императором — получал подчиненный ранг 7-го класса и наделялся пятью качествами.

3-я категория (сдавшие одновременно — первыми): передовой деятель — получал старший ранг 8-го класса и наделялся четырьмя качествами.

Все лауреаты направлялись в научную академию на одну и ту же должность, а затем, в зависимости от количества «качеств», назначались на должность, но не старше чем на должность придворного историографа-инспектора или правителя уезда¹⁶.

Таковы были общая структура и принципы организации гражданского конкурса во Вьетнаме XVIII в. И хотя формально он делился на три конкурса — провинциальный, столичный, или общий, и дворцовый, или придворный¹⁷, он представлял собой единый трехлетний цикл. Система этого конкурса в высшей степени своеобразна, так как и учащиеся в государственных школах конкурсной системы, и лауреаты хотя бы одного из испытаний любой ступени конкурса, и даже лауреаты предварительных испытаний в уездах — все они являлись не только учениками, но и чиновниками и получали соответствующее их статусу «кормление». Всеобъемлющий характер этой системы образования, которая также являлась единственной системой формирования чиновничьего аппарата и, следовательно, единственным в условиях Вьетнама путем реализации права господствующих классов на власть, привел к тому, что понятие «чиновник» стало синонимом понятия «конфуциански образованный человек», а человек, не имеющий какого-либо ученого звания, не мог рассчитывать на высокое положение и почет, даже если он обладал значительным богатством. Но если низшее звено конкурсной системы было «демократизировано» в результате реформ 1721—1765 гг., то высшее ее звено оставалось по-прежнему закрытым для представителей новой военно-феодальной знати, выдвинувшейся в процессе междоусобных войн. Традиционная вьетнамская конфуцианская бюрократическая верхушка обладала такой силой, что даже государи Чинь, фактигически узурпировавшие права династии Ле, не решались на реформу высшего

¹⁵ Императорские ученики младшего учения, среднего учения и старшего учения (зям шинь там са шинь, ха са шинь, чунг са шинь, тхьонг са шинь).

¹⁶ *Suong muc. Q. 22, с. 30—31; q. 23; с. 40.* Согласно традиции каждый чиновник обладал определенным количеством «проникающих качеств» в зависимости от его ранга и класса. Наибольшее количество «качеств» соответствовало старшему рангу 1-го класса — 24 «проникающих качества».

¹⁷ Провинциальный, столичный и дворцовый конкурсы (тхи хьонг, тхи хой, диен тхи).

звена гражданского конкурса. Вместо этого они пошли по пути создания параллельной основному конкурсу системы, которая могла бы открыть их сторонникам путь к высшим должностям. С этой целью Чини использовали проводившиеся время от времени так называемые специальные конкурсы.

В первую очередь необходимо выделить регламентированный, или процветающий, или милостивый конкурс. Он проводился по правилам трехлетнего гражданского экзаменационного конкурса в связи с каким-нибудь радостным событием (например, рождение наследника или военная победа) по личному указанию императора. Чини начали с того, что отстранили императоров династии Ле от проведения дворцового этапа гражданского конкурса, с тем чтобы при градации лауреатов выдвигать на высшие должности своих сторонников. А затем, с 1779 г., Чини стали самостоятельно объявлять и проводить регламентированный конкурс, посягнув тем самым на важнейшую привилегию правящей династии¹⁸.

Помимо этого Чини стали значительно чаще, чем прежде, проводить конкурс кандидатов надежды, или конкурс обширного слова. Этот конкурс проводился на материале конфуцианских классических и канонических книг и позволял чиновникам, не сдавая трехлетнего гражданского конкурса, занимать высокие должности¹⁹.

Наконец, проводились экзамены на должность чиновников-секретарей и «секретарей по классике». На этих экзаменах чиновники экзаменовались по написанию иероглифики и по математике. Успешно выдержавшие экзамены получали одно из указанных званий и отвечали за правильное ведение записей во всех государственных учреждениях²⁰.

На все специальные конкурсы (за исключением регламентированного) доступ был значительно облегчен. Благодаря этому представители новых тенденций развития вьетского общества, в первую очередь помещики, составлявшие основную опору и военную силу Чиней, получили доступ как к низшим должностям провинциального уровня, так и к низшим должностям в центральном государственном аппарате. Однако так как, за редким исключением, они не допускались к сдаче столичного конкурса, то помещики и военные не были удовлетворены и стремились к получению высоких должностей помимо столичного конкурса. Более того, общая ситуация в стране во второй половине XVIII в. была такова, что господствующие классы уже не могли не допустить к высшим должностям представителей нового сословия, прежде всего военных, сосредоточившего в своих руках реальную власть. Все это привело не к «демократизации» высшего звена трехлетнего конкурса, а к созданию в противовес ему нового конкурса «граждански-избранных».

Конкурс «граждански-избранных» был учрежден Чинями и, по всей вероятности, являлся одной из последних попыток стабилизировать ситуацию в стране, так как он впервые упоминается в 1778 г. В соответствии с повелением государей Чинь чиновники из управлений подчинения основе и инспекторов во внешних провинциях и чиновники центральных учреждений в столичном знамени должны были «отыскивать людей праведных и ученых», при этом, были ли они уже чиновниками или нет, не играло роли. К месяцу середины осени общий список отобранных людей подавался в правительство, и они экзаменовались по правилам столичного конкурса, а затем сдавшие направлялись во дворец Чиней, где они экзаменовались по правилам дворцового конкурса. Лауреаты этих

¹⁸ Регламентированный, или процветающий, или милостивый, конкурс (те кхоа, тхинь кхоа, он кхоа) (см.: Cuong muc. Q. 45, с. 15).

¹⁹ Конкурс кандидатов надежды, или конкурс обширного слова: (тхи ши вонг, тхи хоань ты) (см.: Cuong muc. Q. 42; с. 12).

²⁰ Чиновники-секретари и «секретари по классике» (лай вьеп лай диен) (см. Cuong muc. Q. 42, с. 14—15).

испытаний именовались «граждански-избранными» и назначались на высокие должности²¹.

Введение конкурса «граждански-избранных» значительно облегчило доступ к высшим должностям, но тем не менее и он требовал достаточно высокого уровня конфуцианской образованности, которым, как правило, не обладали военные. Поэтому, для того чтобы уравнять в правах военно-феодалную знать и гражданское чиновничество., в 1721 г. был учрежден военный конкурс.

Некоторые аспекты образования при дворе государей Нгуенов в XVIII в.

Известно, что, хотя Нгуены декларировали свое подчинение династии Ле, они не признавали Чиней и, более того, воевали с ними под лозунгом «освобождения императора Ле от узурпаторов Чиней». В то же время Нгуены нуждались в образованных людях для формирования собственного аппарата управления, и, следовательно, они были вынуждены создавать собственную систему подготовки образованных с конфуцианской точки зрения чиновников.

На основании ряда свидетельств хроники Нгуенов²² можно предположить, что именно на юге страны в XVIII в. начала складываться система государственных начальных школ в европейском понимании этого термина. Процесс образования школ, видимо, был связан с тем, что на юге господствующей религией и идеологией подавляющей массы местного населения был буддизм. В то же время на юге было мало странствующих учителей, которых община могла бы брать на «кормление», как в северных провинциях страны. В пользу гипотезы о существовании таких школ на юге страны говорит и тот факт, что с начала правления династии Нгуенов было введено обязательное начальное образование на базе общинных школ, а это предполагает наличие определенной традиции их существования.

Если судить по данным последующей эпохи, в общинных школах обучение велось, так же как и на севере, по «Классической книге [высказываний] трех иероглифов» Ван Байхоу и «Малому учению» Чжу Си, т. е. оно велось в русле неоконфуцианства. Однако буддийское окружение не могло не оказывать на него влияния, тем более что традиции буддизма имели глубокие корни и отличались устойчивостью. Стремление же Нгуенов создать себе юцзру среди местного населения и сама структура вьетнамского неоконфуцианства способствовали включению новых буддийских элементов в систему южного неоконфуцианства Нгуенов²³. Росту буддийского влияния также способствовало и отсутствие регулярного проведения конфуцианских конкурсных испытаний, которые бы ставили карьеру чиновника в прямую зависимость от уровня его конфуцианской образованности. Постоянные войны и угроза самому существованию их власти на протяжении XVII в. вынуждали Нгуенов назначать на высшие должности своих сторонников независимо от уровня их конфуцианской образованности. Нгуены время от времени проводили экзаменационные испытания по написанию иероглифов и математике, т. е. они проводили конкурсы, близкие к конкурсам на звание чиновника-секретаря и «секретаря по классике», что диктовалось необходимостью элементарной грамотности низшего чиновничества.

Таким образом, образование на юге страны при Нгуенах отличалось от традиционного вьетнамского образования тремя аспектами: созданием начальных общинных школ, значительно большим влиянием буддизма, наличием лишь простейших конкурсных экзаменов.

²¹ Конкурс «граждански-избранных» (тхи ван туен). (см.: Cuong muc. Q. 45, с. 13).

²² DNTL. Раздел Тиен биен.

²³ Об этом же свидетельствует своеобразный «ренессанс» буддизма в Южном Вьетнаме в середине XX в.

Просвещение при Тэйшонах

В области образования реформа Тэйшонов свелась к следующему: впервые в северных провинциях страны были созданы школы (в европейском понимании этого термина), в общинах и в административных центрах малых провинций. В этих школах обучение велось не на вьетнамском варианте древнекитайского языка, который прежде был официальным письменным языком бюрократического аппарата, а на номе — национальной письменности, в основу которой была положена измененная китайская иероглифика. При Тэйшонах ном стал официальным письменным языком. В государственных общинных и провинциальных школах, как правило, малограмотные сторонники Тэйшонов могли получить достаточную подготовку для сдачи конкурсных экзаменов. Что же касается структуры и содержания самих конкурсных испытаний, то они не подверглись каким-либо изменениям по сравнению с предыдущим периодом.

Таким образом, Тэйшоны не внесли каких бы то ни было серьезных изменений в традиционную конфуцианскую систему образования и закрепления официальной идеологии.

Просвещение при Нгуенах в первой половине XIX в.

В начальный период правления династии Нгуенов мы не можем говорить о каких-либо попытках изменения структуры традиционного образования во Вьетнаме. Тем не менее Нгуены не могли не обращать внимания на проблему формирования подготовленных кадров для государственного аппарата, т. е. на проблему восстановления и реорганизации системы образования. В то же время Нгуены не могли не учитывать тех изменений, которые произошли во вьетнамском обществе в результате восстания Тэйшонов, значительно ускорившего новые тенденции развития. Наконец, новая династия также опиралась на накопленный ею во время двухвекового правления в южных провинциях опыт организации образования.

До 1815 г. Нгуены вели подготовительную работу по регламентированию системы образования. В этот период можно лишь отметить обратную замену нома ханваном в качестве официального языка при составлении документов. И лишь в 1815 г. официальная система образования и конкурсных экзаменов была окончательно регламентирована. Она оставалась неизменной на всем протяжении правления Нгуенов и представляла собой следующее.

В каждой общине существовала своя школа, содержащаяся за счет общины. Учитель жил на средства, которые он получал от родителей учеников. В школах обучались как мальчики, так и девочки, однако обучение было отдельным. В возрасте 15 лет девочки завершали учебу, тогда как мальчики могли учиться до тех пор, пока не были готовы к сдаче провинциального конкурса. В общинных школах детей учили основам конфуцианской философии и письму по «Классической книге [высказываний] трех иероглифов» Ван Байхоу и «Малому учению» Чжу Си.

Таким образом, подавляющее большинство общинников могло получить начальное образование. Однако это образование еще не давало никаких привилегий²⁴.

Ученики общинных школ, получив необходимую подготовку, могли сдавать провинциальный конкурс. Значительно упрощенный в конце правления династии Ле, провинциальный конкурс был сделан еще более доступным. В результате довольно большое количество учеников из общин выдерживало провинциальный конкурс, получало звание «ученика» и освобождалось от военной службы и повинностей. Они могли

²⁴ Tran Van Trai. L'enseignement traditionnel et Annam. — These. P., 1942, с. 35—39.

продолжать обучение в государственных школах уездов, малых провинций и провинций. Во главе этих школ стояли чиновники, имевшие более или менее высокий ранг.

Провинциальная школа возглавлялась «старшим учения». Он имел старший ранг 4-го класса и по положению был равен провинциальному казначею. Школа в малой провинции возглавлялась «учителем», имевшим старший ранг 7-го класса и равным по положению помощнику правителя малой провинции. Наконец, уездная школа возглавлялась «наставляющим на путь»²⁵. «Старший учения» обязательно был лауреатом дворцового конкурса и имел звание «передового деятеля»; «учитель» должен был быть лауреатом регионального конкурса и иметь звание «избранного человека»²⁶; «наставляющий на путь» или должен был иметь то же звание, что и «учитель», или же получить при сдаче регионального конкурса звание не ниже «способного»²⁷. Однако в этом случае «наставляющему на путь» должно было быть не менее 40 лет²⁸.

По всей вероятности, ученики общин, сдавшие провинциальный конкурс, направлялись в школы в зависимости от того, как они выдержали испытания. При этом в провинциальные школы в основном направлялись дети чиновников. Все эти школы имели одно общее наименование — государственные школы.

Помимо них имелось и специальное учебное заведение — Государственная императорская академия, которая находилась в Хюэ. В ней обучались дети многочисленных родственников императорской семьи, дети высокопоставленных чиновников²⁹ и ученики из «народа», выделявшиеся своими способностями при обучении в государственных школах. В Государственной императорской академии ученики готовились к сдаче конкурсных экзаменов, благодаря чему обеспечивалось привилегированное положение высшего чиновничества и знати, дети которых допускались непосредственно к испытаниям столичного конкурса. Однако само по себе школьное образование (даже в академии) еще не давало никаких привилегий. Привилегии обеспечивались сдачей конкурсных испытаний того или иного уровня³⁰.

Нгуены еще больше «демократизировали» уровень провинциального конкурса. Фактически провинциальный конкурс³¹ стал играть ту же роль, которую в эпоху Ле играли проверочные испытания на уровне уезда. Испытания провинциального конкурса проводились два раза в год и начинались в 15-й день второго и восьмого месяцев. К сдаче конкурса допускались не только ученики общинных школ, но и ученики, готовившиеся самостоятельно или в государственных школах (дети чиновников). После предварительной проверки экзаменуемые сдавали основные испытания, которые проводились в целом по тем же правилам и темам, что и при династии Ле. Лауреаты получали право обучаться в государственных школах и освобождались от повинностей. Кроме того, они допускались к сдаче регионального конкурса³².

Региональный конкурс проводился ежегодно. Он соответствовал провинциальному конкурсу эпохи Ле и проводился по тем же правилам и темам, что и провинциальный конкурс. Однако требования, предъявляемые к работам на региональном конкурсе, были значительно выше.

Региональный конкурс проводился: для кандидатов из Нам-ки — в Сайгоне; для тех, кто жил между Биньтхуаном и Куангнамом, — в Биньдине; для тех, кто жил в столице и трех провинциях Куанг, — в Хюэ; для тех, кто жил в северной части Чунгки, — в Нгеане и Тханьхоа; для тех, кто жил в Бакки, — в Ханаме и Намдине. На конкурс допускались кандидаты любого возраста. В результате этого изменения градаций конкурсных

²⁵ Док хок, зяо тхо, хуан дао.

²⁶ Кы няя.

²⁷ Ту тай.

²⁸ Tran Van Trai. L'enseignement traditionnel..., с. 41.

²⁹ Тон шинь, ам шинь.

³⁰ Tran Van Trai. L'enseignement traditionnel...

³¹ Тхи кхоа.

³² Тхи хьонг.

испытаний и их значительной «демократизации» конкурс в каждом регионе сдавало по несколько тысяч человек, но успеха добивались относительно немногие. В зависимости от административных нужд императорским указом устанавливалось для каждого региона необходимое количество лауреатов первой категории, т. е. «избранных людей», а количество лауреатов второй категории, т. е. «способных», по положению должно было в 3 раза превышать количество лауреатов первой. К сожалению, мы не располагаем полными таблицами лауреатов региональных конкурсов раннего периода, однако следующие цифры, показывающие количество лауреатов регионального конкурса 1913 г.³³ для четырех центров Чунгки, могут дать некоторое представление о проценте отсева экзаменуемых³⁴:

14	„избранных людей" и 42	„способных" в Тханьхоа
22	» 66	в Вине
32	» 96	в Тхыатхиене (Хюэ)
18	» 54	в Биньдине

Если учесть, что на конкурс допускалось несколько тысяч человек, то можно по этим данным судить об очень высоком проценте отсева. Таким образом, система образования при Нгуенах давала возможность практически всем имущим слоям населения получать льготы и занимать низшие должности и в то же время резко ограничивала доступ к средним и высшим гражданским чиновничьим должностям.

Следующим этапом являлся столичный, или общий, конкурс. Этот конкурс ни по наименованию, ни по содержанию, ни по структуре не отличается от аналогичного конкурса эпохи Ле.

К сдаче столичного конкурса допускались лауреаты региональных конкурсов, получившие звание «избранных людей». Кроме них допускались дети чиновников, имевшие звание «способного высшей категории», а также члены императорской фамилии и ученики из «народа», имевшие то же звание. Наконец, к сдаче столичного конкурса допускались также «заслуженные ученики», которым было не менее 40 лет³⁵. «Высшая категория» присваивалась тем «способным», которые выдерживали проверку в Государственной императорской академии, проводившуюся в годы тигра, обезьяны, змеи и свиньи. «Способные», получившие «высшую категорию», обучались в академии еще в течение двух лет, после чего они допускались к сдаче столичного конкурса. Кроме того, «высшая категория» автоматически присваивалась ученикам Государственной императорской академии, допущенным к испытаниям в столице. Несколько особо стоит категория «заслуженных учеников». Это звание получали те ученики, которые дважды проваливались на региональном конкурсе, но отличались упорством в учебе. Им должно было быть не менее 40 лет, и выдвигались они из расчета от одной малой провинции — один человек³⁶.

Таким образом, более «демократичная», чем при династии Ле, система допуска к испытаниям столичного конкурса обеспечивала, с одной стороны, гарантию социальных привилегий высшего чиновничества и знати, а с другой — выдвижение проверенных многолетней службой преданных сторонников династии.

Лауреаты столичного конкурса сдавали дворцовые испытания, на которых мы здесь не будем останавливаться, так как они ничем не отличались от дворцового конкурса эпохи Ле, включая систему и принципы градации лауреатов.

³³ В это время французы еще не отменили систему конкурсных экзаменов и поощряли их проведение на территории, оставленной под властью императора династии Нгуенов (т. е. в Чунгки).

³⁴ Tran Van Trai. *L'enseignement traditionnel...* с. 74—77.

³⁵ Конг шинь.

³⁶ Tran Van Trai. *L'enseignement traditionnel...* с. 91, 95—96.

**Политика французских колонизаторов
в области просвещения
в конце XIX — начале XX в.**

Французское завоевание еще раз показало, насколько устарело конфуцианское образование и в какой степени формируемый им традиционный бюрократический аппарат стал коррумпированным и недееспособным. Именно эту сторону конфуцианской системы формирования кадров чиновничье-феодалного аппарата оценили французские колонизаторы, которые в первый период своего господства сохранили традиционную систему образования. Лишь в 1915 г., после того как были заложены основы новой системы образования, которая должна была обеспечить местными кадрами низшее звено колониальной администрации, была окончательно ликвидирована потерявшая всякое значение традиционная система образования и конкурсных экзаменов.

Перед французами встала проблема формирования кадров местной профранцузской интеллигенции, которая послужила бы опорой колониального административного аппарата. В то же время эта профранцузская вьетнамская элита не могла быть многочисленной, основная масса населения по-прежнему должна была воспитываться на базе традиционного конфуцианского образования. Изложенная выше точка зрения была наиболее четко сформулирована одним из столпов политики «ассимиляции», генерал-губернатором Полем Думером, в 1902 г.: «До тех пор пока мораль и социальное положение туземцев не изменятся, если такое изменение произойдет когда-нибудь, мы должны остерегаться разрушения того, что является моральной базой их существования. Их принципы, которые для них являются основой прочной семьи, уважения родителей, послушания властям, почерпнуты из книг туземной школы. Читая первые иероглифы, они учат основные правила морали Конфуция; в их памяти откладываются те принципы, которые должны будут их направлять в течение всей жизни. Эти знания даются им в деревенских школах.

Если они будут у них отняты, то чем заменим мы их в наших школах? Французской моралью, моралью отважных людей, основанной на чувстве долга, любви к родине, человеческой солидарности? Но учитель, который призван обучать (естественно, туземный), сам не сможет ее понять. Что же тогда будет с учениками?»³⁷.

И надо сказать, что французская колониальная администрация в основном следовала принципам Поля Думера, если не считать тех кратковременных периодов, когда политика «ассимиляции» сменялась политикой «ассоциации». Результатом такой политики явилось создание двойной системы образования: для французов и для местного населения.

Для французов были созданы две средние школы (коллеж. Шасселу-Лоба в Сайгоне и средняя школа в Ханое). Они являлись продолжением начальных муниципальных школ (для мальчиков и для девочек). Помимо этих школ по всей стране имелись крайне малочисленные начальные школы, в которых учились дети служащих колониальной администрации на местах. Во все французские школы в виде исключения и при наличии достаточных знаний могли приниматься и вьетнамцы. Однако, как отмечал Думер в 1902 г., «знание нашего языка этими последними до сих пор не являлось достаточным, чтобы мы могли обучать их и наших детей, в одних классах».

Одновременно с системой образования для французов при Поле Думере была заложена база европейского образования для вьетнамской элиты. Были созданы школа «ожидающих назначения»³⁸ в Ханое и школа государственного обучения в Хюэ, в которых будущим чиновникам из числа высших лауреатов традиционного конкурса давались дополнительные знания.

³⁷ Paul Doumer. Situation de l'Indo-Chine (1897—1901). Hanoi, 1902, с. 100, 102.

³⁸ Хоу бо.

Еще до правления Поля Думера во Вьетнаме начали создаваться и франко-аннамитские школы, имевшие целью подготовку переводчиков для французской колониальной администрации. Кроме того, в Сайгоне было создано Высшее педагогическое училище, а в Ханое велась подготовка преподавателей из местного населения³⁹.

В то же время французская колониальная администрация уделяла определенное внимание развитию профессиональных школ, что было связано с торговыми интересами метрополии. В 1898 г. была основана профессиональная школа в Ханое, а в последующие годы — в Сайгоне и в Хюэ. В этих школах обучалось строго, ограниченное число вьетнамцев, которые изучали рисование, счетоводство, декоративное искусство, архитектуру и практическое строительство. Изучались также национальные виды ремесел, такие, как инкрустация, лакировка, деревянная скульптура, ковровая вышивка, чеканка и др. В 1900 г. в Ханойскую профессиональную школу были приглашены два японских художника, для того чтобы усовершенствовать местную технику лака. Наконец, в 1904 г. было открыто медицинское училище в Ханое, которое должно было готовить кадры из местного населения⁴⁰.

Следующий шаг в развитии европейского образования во Вьетнаме был сделан при генерал-губернаторе Поле Бо, который создал довольно разветвленную систему франко-аннамитских школ для подготовки чиновников низшего звена колониальной администрации из местного населения. В 1906 г. Поль Бо создал Совет по усовершенствованию туземного образования. Образование должно было основываться на сельских начальных школах, в которых обучение велось при помощи как китайских иероглифов, так и латинизированной вьетнамской письменности⁴¹. Лучшие ученики из этих школ направлялись во франко-аннамитские начальные и средние школы, а остальные могли поступить в начальные школы провинциальных центров, где французский язык был необязательным, или же в виде исключения в местные средние школы. С созданием этой системы окончательно отпала необходимость в традиционном образовании, которое, как это уже отмечалось выше, было упразднено в 1915 г. К тому времени в государственных начальных школах обучалось лишь 12103 человека⁴². В 1917—1918 гг. было начато осуществление программы, согласно которой государство должно было взять в свои руки все начальное образование и сделать изучение французского языка всеобщим. Однако этот план оказался неосуществимым, и в 1924 г. было восстановлено деление школ на местные и франко-аннамитские.

Что же касается высшего образования, то его в тот период практически не существовало во Вьетнаме. В 1907 г. Поль Бо сделал попытку открыть Ханойский университет. Однако она не увенчалась успехом, и в 1908 г. университет был закрыт. Лишь в 1918 г. Альберу Сарро удалось открыть его вновь⁴³. Но если в области развития европейского образования в первый период своего господства во Вьетнаме французы сделали сравнительно мало, то в области развития научных заведений они сделали значительно больше.

В 1898 г. в Ханое была открыта Французская школа Дальнего Востока, которая занималась научными изысканиями историко-филологического характера и отвечала за сохранность исторических памятников. В 1901 г. было принято решение об организации Медицинской школы, которая имела как научное, так и практическое значение (в ней готовились местные медицинские кадры). В конце 1896 — начале 1897 г. в Нячанге был основан Бактериологический институт, а в 1898 г. при Сайгонском госпитале был открыт

³⁹ P. Doumer. Situation... с. 101—103.

⁴⁰ P. Doumer. Situation... с. 419.

⁴¹ Куок нгы, т. е. современная вьетнамская письменность.

⁴² Данные на 1913 г. см.: P. Doumer. Situation... с. 423.

⁴³ Д. Дж. Холл. История Юго-Восточной Азии. М., 1958, с. 499—501.

его филиал, основаны Метеоролого-магнитная служба, Географическая и Геологическая службы⁴⁴.

Таким образом, можно сказать, что французские колониальные власти, проявляя большую активность в изучении Вьетнама с целью укрепления своих позиций, уделяли внимание реорганизации образования лишь постольку, поскольку им это было необходимо для целей управления и создания профранцузской местной опоры колониальной администрации.

---

⁴⁴ P. Doumer. Situation... с. 104—111.

Глава 3 ЛИТЕРАТУРА

Литература XVIII — начала XIX в.

Серьезные сдвиги в социально-экономической и идеологической сфере послужили благоприятной основой для расцвета вьетнамской литературы XVIII — начала XIX в., причем важным фактором было усиление слоя феодальной интеллигенции: формируется распространенный тип небогатого, не связанного со службой ученого-книжника, обычно учительствовавшего и занимавшегося врачеванием. Знаменитый врач, писатель и поэт Ле Хыу Чак (1720—1791) лукавой ссылкой на лень (его псевдоним — Лан Онг — Ленивый Старец) прикрывал свое нежелание служить трону. Литература этого времени дала классические шедевры поэзии, появилась целая плеяда замечательных имен, среди которых выделяются знаменитая поэтесса и писательница Доан Тхи Дьем (1705—1748), великий поэт Нгуен Зу (1765—1820), замечательная поэтесса Хо Суан Хыонг (конец XVIII — начало XIX в.), выдающийся поэт Нгуен За Тхиеу (1741 — 1798).

Пристальное внимание к судьбе, чувствам и чаяниям личности приобретало в литературе особое значение вопреки конфуцианским принципам беспрекословной покорности. Известно из хроники, что к попытке властей в 1751 г. напомнить подданным о «Сорока семи поучениях» князя Чинь Така, по сути дела этическом кодексе вьетнамского конфуцианства, народ «оставался безучастным, считая, что это не стоит внимания»¹.

Художественное познание духовного мира, гуманистическая идеализация человека шли параллельно с усилением социальной критики и сатирических тенденций. В литературе с оговорками, осторожно утверждалась внесловная самооценочность личности. Литература использовалась в острой политической и идеологической полемике, обнаруживая отточенную, разящую публицистичность.

Очевидна тенденция и к широкому познанию мира как бы в обход конфуцианской догматики, но без прямых посягательств на каноны конфуцианства. В литературе этого периода находила выражение характерная особенность идеологического развития того времени: отрицание отжившего не принимало формы открытого ниспровержения, оно осуществлялось как бы подспудно, старое подтачивалось исподволь. Фан Хюи Тю (1782—1840) писал в начале XIX в.: «Ученый, читая книги помимо конфуцианских классических книг и династийных историй, должен опрашивать широко, разыскивать вокруг, искать вдали, черпать вблизи, изучать, чтобы прийти к истине, только тогда он будет достоин славы человека широких познаний»². Стремление к накоплению положительных знаний находило свое преломление в расширении круга тем, охватываемых литературой, в появлении книг очеркового характера, книг о путешествиях — в соседние Китай и Камбоджу и даже в Европу.

Вьетнамская литература, традиционно тесно связанная с дальневосточным культурным регионом, живо воспринимала веяния из Китая. Вместе с тем вьетнамская литература переходила национальные границы — известны лестные отзывы литераторов Южного Китая о произведениях вьетнамских авторов, встречи замечательного поэта и ученого Ле Куй Дона (1726—1784) с китайскими эрудитами: он обменивался с ними стихами, спорил о литературе. Сохранились свидетельства о контактах с литераторами Рюкю и особенно Кореи. «Корейцы по характеру своему люди утонченные и предупредительные, понимают толк в чтении книг, весьма способны к литературе, любят

¹ Tap chi van hoc. 1973. № 4, с. 26. (далее — TCVH).

² Phan Huy Chu. Lich trieu hien chuong loai chi. t. I. Hanoi, 1960, с. 11.

учтивость»³,— вспоминал Ле Куй Дон о встречах с корейскими послами, которые написали к сборнику его стихов два предисловия.

Такое общение было возможно, в частности, потому, что вьетнамская литература продолжала развиваться как на «ученом» языке ханване (вьетнамизированный вариант вэньяня), так и на вьетнамском народно-разговорном языке. Положение двух ветвей вьетнамской литературы отнюдь не было равноправным. Начиная со второй половины XVII в. произведения, написанные на вьетнамском языке, подвергались запретам, которые не отменялись и в XVIII в.

Обусловлено это было тем, что в обстановке обострявшихся социальных противоречий литература часто становилась рупором неофициальных и, с точки зрения властей, крамольных идей. Литература на живом языке, демократическая по форме и содержанию, которая была доступна народу (певцы и сказители доносили эти произведения до неграмотной массы крестьянства), вызывала раздражение у феодальных властителей, стремившихся утвердить свою «избранность», свое монопольное положение в области духовной культуры, отгородившись от народа непонятным ему письменным языком ханваном.

Показательно, что под репрессии, однако, не подпали высокопоставленные авторы, вместе с князьями Чинями развлекавшиеся сочинением стихов на вьетнамском языке. Очевидно, литературные произведения преследовались не только из-за их языковой принадлежности, но и из-за содержания, которое не устраивало господствующие верхи. Литературный труд поэтов, писавших по-вьетнамски, не приносил им ни славы, ни богатства, а мог навлечь на них только немилость. Поэтому многие писатели почитали за благо скрывать свое авторство, и во вьетнамской литературе появилось значительное количество произведений, авторы которых неизвестны. Но была и другая причина анонимности, заключающаяся в особенностях создания и бытования в ту эпоху произведений некоторых жанров, в частности поэм: они бытовали не только в письменном виде, но и в устном исполнении, что оказывало влияние и на их композицию, и на их поэтику вообще.

Литераторы XVIII в., столетия крестьянских восстаний, острее, чем прежде, чувствовавшие свою связь с народным творчеством и народной жизнью, записывали и изучали произведения фольклора. На рубеже XVIII—XIX вв. были произведены первые записи народных песен. Тогда же появились и своеобразные лирические поэмы, которые представляли собой венок из народных песен (казао), иногда фривольного содержания («Родная стихотворная речь» анонимного автора). Ле Куи Дон записывал устные забавные рассказы, рассуждая о том, что нельзя пренебрежительно относиться к ним: «И книги из деревенской глуши, слова, услышанные на дорогах и в переулках, без робости, взяв кисть, приобщаю к записям»⁴.

Народное творчество того времени характеризовалось усилением сатирических тенденций. В конце XVIII в., как полагают, оформился цикл анекдотов о Высокоученом Куине. Этот персонаж выражал стремление личности к самоутверждению в условиях всеподавляющей деспотии. Его главная ампула — шутки над государями, князьями, над китайскими сановниками и послами, а также и божествами. Комическим антиподом его является главный персонаж другого цикла того же времени — Высокоученый Мясник; он невежествен и глуп, его удачи и блестящая карьера предстают как результат целой цепи счастливых случайностей.

В XVIII — начале XIX в. возникли, по-видимому, предания и исторические песни, посвященные вождям крестьянских восстаний Куан Хе (Нгуен Хыу Кэу), Нам Кыонгу, Ба Вану и др. «Песня о юноше Лиа», рассказывающая о подвигах народного героя, делив-

³ Le Quy Don. Kien van tieu luc. Ha-noi. 1962, с. 261.

⁴ Le Quy Don. Kien van... с. 519.

шего между бедняками добро чиновных правителей и богатеев, приняла форму развернутой фольклорной поэмы⁵.

Для литературы XVIII — начала XIX в. фольклор продолжал играть роль важнейшего источника, питавшего ее, но очевидно его значение прежде всего как фактора демократизации литературы. В литературе преобладало стремление, не отказываясь от традиций, творчески развивать их, откликаясь на требования измеряющейся жизни. Авторитет древних авторов привлекался для того, чтобы оправдать и защитить новое в литературе. Ле Куи Дон писал: «Люди минувших времен говорили: сочиняя стихи и прозу, делая записи о событиях, одного лишь опасайтесь — неизменности; хотели они сказать этим, что следует из слов и мыслей, принадлежащих древним, выковывать новое, а не брести старыми путями»⁶.

Лучшие литераторы того времени выступали против распространенных тогда среди служилой знати пустых упражнений в стихотворстве. Одновременно высказывалась мысль в защиту содержательной, глубокой поэзии. «Основа стихов — в мыслях,— писал Ле Хыу Чак.— Если мысль глубока, то и стихи прекрасны»⁷.

Поэзия малых форм и проза-поэтические жанры на ханване, как и прежде, ориентировались на каноны танской поэтики, но уже с начала XVIII в. намечается творческий подход ко всему устоявшемуся: появляется новая тематика, интерес к оригинальной образности. Подчас именно в этих произведениях наиболее ярко выражались идеи протеста против социальной несправедливости, как в строках поэта Фам Нгуен Зу (1740—1786), обращенных к правителю из рода Нгуенов:

Величавы золотые стены, а народ твой —
с пустыми руками.
Блистают слитки серебра, а народ
твой бедствует в нужде.
Народ гол, народ нищ, ты же спокоен
в своем дворце,
Довольство в твоём сердце, радость
в твоих глазах...⁸

В связи с расширением тематики поэзии в ней появляется тенденция сосредоточить внимание не на абстракции — некой отвлеченной человеческой личности, рассматриваемой в плане конфуцианских представлений,— а на человеке, образ которого приобретает все больше черт психологической, социальной и бытовой конкретности. Обыденной тематике соответствовали кажущаяся простота поэзии, например Нго Тхи Ыка (1709—1736), поиски выразительных черт, жестов, достоверной детали. «Сочинения не требуют от меня больших трудов, лишь бы найти нужные слова»⁹,— писал он, имея в виду свой отход от подчеркнуто книжного стиля. Вот строки его стихотворения «Бабушка возвращается к вечеру с рынка»:

Вернулась с рынка, внуки улыбкой
встречают еще в переулке
И радостно делят между собою
сладкие хлебцы¹⁰.

⁵ См.: Cao Huy Dinh. Tim hieu tien trinh van hoc dan gian Viet-Nam. Ha-noi. 1974, с. 156—162.

⁶ Le Quy Don. Van dai loai ngu. T. I. Ha-noi, 1962, с. 238.

⁷ Le Huu Trac. Thuong kinh ky su. Ha-noi, 1959, с. 94.

⁸ Цит. по кн.: Van Tan va cac tac gia khac. So thao lichsu van hoc Viet-Nam. T. III. Ha-noi, 1959, с. 253.

⁹ Там же, с. 240.

¹⁰ Там же.

Показательны стихотворные циклы, дававшие большой простор для изображения человека, чем стихотворная миниатюра. Стихи на ханване иногда заменяли собой записи в дневнике путешественника, что способствовало введению в поэзию конкретных наблюдений, раздвигало ее рамки. Поэт XVIII в. Нгуен Тон Куай; из поездки с посольством в Китай привез сборник стихов, в самих названиях которых отмечены вехи его странствия: «Ночь в Ланг-шоне», «Озеро Дунтин» («Десятки тысяч узорчатых парусов — гости из-за тысячи ли»)¹¹. Поэт часто идет от личного впечатления, говорит об увиденном, привлекает новые поэтические образы, что отмечал Фан Хюи Тю: «Слова отточены и новы, пришлось нам по нраву»¹².

Чинь Хоай Дык (1765—1825) в своих стихах рисует Камбоджу, которую посетил в конце XVIII в., — «озеро-море» Тонле-Сап, храмы Ангкора («древний каменный город»)¹³.

Стремление к расширению охвата жизненных явлений, к новым мотивам, темам, идеям особенно сказывалось в поэзии на вьетнамском языке. Оживали закосневшие было поэтические символы, обретая кровь и плоть. Утрачивали свою условность фигуры, прежде входившие в канонический набор. В стихах Мак Тхиен Титя (XVIII в.) эти фигуры, например рыбак, уже не условное обозначение совершенномудрых мужей, бегущих суеты, а живые образы тружеников, занятых своим делом («На реке рыбаки — шум, голоса неумолчно несутся»)¹⁴.

Новой, дерзновенной идеей проникнуто стихотворение «Птица в клетке», которое согласно традиции было написано вождем крестьянского восстания Нгуен Хыу Кэу (ум. в 1751 г.) накануне казни. В нем дух свободы, воплощенный в аллегорическом образе птицы, томящейся в неволе («Небеса и земля — заточен плоти комок в этой клетке»)¹⁵.

Поиски новых средств выражения диктовали обращение и к опыту народного театра тео. Как монолог персонажа из пьесы тео строится стихотворение вождя Тэйшонов Нгуен Хюе, который обрушивался на оппозиционных ему конфуцианцев, противопоставляя их крестьянству:

Я не упрекну земледельца,
Мне только отвратителен ученый-книжник.
Набрался дерзости — государя величает лишь господином!¹⁶

Духовная раскованность, характерная для того времени, находила выражение и в содержании стихотворений, и в поисках новых или малоизвестных форм, как, например, строфа с однословной последней строкой, требовавшая предельного лаконизма:

Живя среди людей, на этом свете,
он чаркою гремел неумоимо.
А умер — в ад спустился, держа
под мышкой что-то.
Владыка Преисподней загремел громами:
— Что там у тебя?
— Бутыль...¹⁷ —

писал Фам Тхай (1777—1813), утверждая в этом шуточном стихотворении раскованность человеческого духа.

¹¹ Цит. по кн.: Phan Huy Chu. Lich trieu hien chuong... t. IV. Ha-noi, 1961, с. 96.

¹² Там же, с. 95.

¹³ «Tac pham moi», 1964, № 4, с. 106.

¹⁴ Цит. по кн.: Van Tan va cac tac gia khac. So thao lich su... t. VI. Ha-noi, 1959, с. 77.

¹⁵ Hop tuyen tho van Viet-Nam. T. III. Ha-noi, 1963, с. 551.

¹⁶ TCVN. 1971, № 6, с. 65.

¹⁷ Цит. по кн.: Bui Van Nguyen. Ha Minh Duc. Tho ca Viet-nam (hinh thuc va the loai). Ha-noi, 1971, с.

Пример преобразования традиционных малых жанров поэзии на вьетнамском языке как бы «изнутри», без ломки устоявшихся форм дает творчество Хо Суан Хыонг. Эта поэтесса, которую называют «царицей вьетнамской поэзии», писала восьмистишия и четверостишия в точном соответствии с правилами классического стихосложения, но творчество Хо Суан Хыонг ближе к фольклору по духу, кругу тем, образности. Оно питалось соками народной городской культуры. Поэзии ее свойственна двуплановость — в ее стихах просвечивает второй смысл, подчас встречается, хотя и замаскированное, крепкое, площадное словцо.

Поэтесса восстанавливала в правах земные наслаждения и без стыдливого лицемерия говорила о красоте человеческого тела, что было запретным для вьетнамского поэта того времени. Подлинным целомудрием овеяно ее стихотворение «Девушка, заснувшая в полдень». В своих стихах Хо Суан Хыонг смело бичевала ханжество буддийского духовенства («Буддийский монах»), сатирически изображала школяров-конфуцианцев («Браню глупых школяров»), лицемерных конфуцианцев-«мудрецов».

Хо Суан Хыонг выражала в стихах мысль о могуществе человека, ощущение огромности его сил, ценности чувственной жизни.

Но жизнерадостная интонация пропадает у Хо Суан Хыонг, когда она пишет о тяжелой женской доле, об унижительной жизни наложницы, делящей с другой «общего мужа», о женщине, которую ожидают тяжкие наказания, презрение общества и жизненные невзгоды, если она «без мужа, а ребенка прижила». Стихи Хо Суан Хыонг звучали вызовом традиционным конфуцианским представлениям, принижавшим женщину:

Была бы мужчиной,— я с горечью думаю,—
могла б изменить я лихую судьбу мою.
Могла бы вершить я великие подвиги,
не зная досадных преград!¹⁸.

(Перевод Г. Ярославцева)

Со стихами Хо Суан Хыонг во вьетнамскую поэзию входят новое мироощущение, реалистические черты, «низкая» тематика и необычная образность.

Наряду с искусством лаконичной поэтической миниатюры вьетнамской литературе свойственна традиция крупных стихотворных форм, нехарактерных для литератур Дальнего Востока, но зато очень распространенных в литературах Юго-Восточной Азии. К середине XVIII в. меняется соотношение различных жанров поэм. Жанр историко-эпической поэмы, который в XVII в. дал такое замечательное произведение, как «Книга Небесного Юга», явно испытывал упадок. Ответвлением этого жанра можно считать поэму Хоанг Куанга (XVIII в.) «Песнь воспоминаний о Юге», в которой восхвалялись деяния Нгуенов, властителей Южного, Вьетнама (эту поэму всячески распространял в своих войсках Нгуен Ань во время войны против Тэйшонов).

Стремление глубже проникнуть во внутренний мир человека вызвало к жизни в XVIII в. жанр лирической поэмы (нгэм), в которой описание душевных переживаний героев сделалось важнейшим средством их характеристики. Центральной фигурой лирической поэмы стал образ страдающей женщины, в нем как бы воплощается боль той эпохи. Нгэм представляет собой монолог, который произносит героиня, изливая свою душу; ее думы и чувства — отклик на событие, о котором она рассказывает. Лирическое начало, таким образом, в поэме переплетается с эпическим. Преимущество философско-лирической поэмы XVII в. и лирической поэмы выражалась в том, что нгэм тоже связан с мелодией и музыкальным сопровождением. Она сохранялась и в широте фона — философского или обобщенно исторического,— на котором разворачивается коллизия нгэма, спроецированная, однако, не в сферу высоких принципов, великих дел, а

¹⁸ Хо Суан Хыонг. Стихи. М., 1988, с. 26.

в сферу личных отношений и чувств. Представляется важным замечание проф. Данг Тхай Мая о том, что зачин поэмы Доан Тхи Дьем «Жена воина, ушедшего в дальний поход» мог бы вполне служить зачином большого произведения героико-эпического плана («В годину, когда в небе и на земле поднимается буря и вихри пыли...»)¹⁹, зато следующая строка вводит читателя в иную, частную сферу («Много горя у розовощеких красавиц»)²⁰. Нгэм сосредоточен на отдельной личности, судьба которой определяется широкой панорамой общественных событий, изображаемой в произведении. Такой поворот в эволюции жанра был знаменателен и являлся выражением общих тенденций тогдашнего этапа развития литературы.

Поэтессу Доан Тхи Дьем можно считать основоположницей жанра лирической поэмы, несмотря на сомнения некоторых ученых в ее авторстве²¹.

Поэтесса Доан Тхи Дьем была в числе образованнейших людей своего времени, ее профессии учителя и врача были в течение некоторого времени главным источником существования семьи Доан.

Она, как полагают, в 1743—1745 гг. написала поэму «Жена воина, ушедшего в дальний поход», точнее, сделала поэтическое-переложение на вьетнамский язык одноименной поэмы Данг Чан Кона (ум. в 1745 г.), написанной на ханване.

В поэме Доан Тхи Дьем война воспринимается как бедствие. Поэма представляет собой исповедь женщины, проводившей мужа на войну. Несмотря на то что, исходя из текста поэмы, трудно судить о конкретных исторических рамках происходящего, можно полагать, что думы и переживания героини поэмы порождены событиями середины XVIII в. Военные походы тех лет были направлены на подавление повсеместно вспыхивавших крестьянских восстаний. Это были несправедливые и непопулярные войны. Война и ее ужасы как бы преследуют жену воина. И она осмеливается роптать, вместо того чтобы молча терпеть и повиноваться, как это предписывала ей конфуцианская мораль. Душу героини гложет тоска разлуки с мужем и скупают заботы о детях и престарелых родителях.

Утверждению жанра лирической поэмы способствовал Нгуен За Тхиеу, который происходил из знатной семьи: он был внуком князя Чинь Кьонга и с детских лет воспитывался во дворце правителя. В историю вьетнамской литературы он вошел как автор лирической поэмы «Жалобы королевской наложницы». Поэт рассказывает о трагедии наложницы, которую «властитель весны» сначала одарил своей благосклонностью, но вскоре бросил и забыл. «Жалобы» — это страстная мольба покинутой женщины о счастье. И хотя всю поэму пронизывает всепроникающий лейтмотив печали и отчаяния, в ней говорится о радости и тоске, о вспышке гнева и об искре надежды.

Портрет и описание талантов героини создают идеальный образ, навеянный литературной традицией. Но далее героиня Нгуен За Тхиеу обретает нетрадиционные черты — она погружается в воспоминания о девических годах, и перед читателем предстает высокомерная и тщеславная девушка, отказывающаяся всем женихами и наконец осчастливленная тем, что на ее долю выпало стать одной, из бесчисленных наложниц, государя. Она так упивается собственной красотой, что ей мнится, будто даже «деревья и травы вскипали страстию туч и дождей»²² при ее появлении. Но ее счастье оказалось недолговечным, и, чем дальше отходит поэт от его описания, тем большую симпатию вызывает героиня. Из-за несчастья, постигшего ее, читатель открывает в кичливой аристократке страдающую, тоскующую женщину, жалкую в своем одиночестве, стремящуюся вырваться из своей роскошной тюрьмы. В это гуманистическая ценность поэмы,

¹⁹ Chinh phu ngam. Ha-noi, 1964, с. 161.

²⁰ Там же.

²¹ См.: Hoang Xuan Han. Chinh phu ngam bi khao. P., 1953. с. 24-68.

²² On Hnu Hau. Cung oan ngem khuc. Sai-gon, 1951, с. 14.

Стиль произведения отличается усложненностью, обилием труднодоступных литературных и исторических реминисценций, а также китаизмов: читатель поэмы испытывает чувство человека, входящего в роскошные палаты замысловато убранного старинного дворца.

К лирическим поэмам этого периода примыкает произведение, написанное в конце XVIII в. на кончину Нгуен Хюе его супругой принцессой Ле Нгаук Хан (1770—1799), «Горестный плач». Глубоко личное лирическое начало сочетается в нем с восхвалением героических деяний вождя Тэйшонов: «...в простом рубище под розовым стягом Народу он помогал государство воздвигнуть, величественны деяния его»²³.

Главным предметом изображения в поэме XVIII — начала XIX в. был человек, заявлявший о своем праве на счастье, хотя феодальное общество сковывало его и не позволяло ему по-настоящему развернуть свои дарования; отсюда — ограниченность положительного идеала в повествовательных поэмах (чуенах), в финале которых герой после длительных приключений обычно соединяется с любимой девушкой и становится достойным чиновником или добрым монархом. Персонажи в большинстве чуенов изображались во внешних проявлениях.

В чуенах существует и волшебное, чему они, видимо, обязаны народной сказке, подарившей повествовательной поэме немало любопытных сюжетов и мотивов. Сказке поэма обязана и идеализацией положительного героя.

В поэмах дана широкая перспектива жизни феодального общества с характерными для него гнетом и произволом, которые обычно изображаются как некие отклонения от нормы. Знаменателен для эпохи конфликт, который часто встречается в чуенах: в борьбе за свое счастье героини сталкиваются с феодалами-чиновниками. Героиня поэмы Фам Тхая «Светлое зеркало и драгоценный гребень» кончает с собой, чтобы не выйти замуж за нелюбимого, к чему ее принуждал всесильный наместник. Характерно, что чуен XVIII в. (да и XIX в.) выдвигал активного героя. Вместе с тем образы резко разделялись на положительные и отрицательные, авторы не скрывали своих симпатий и антипатий.

Повествовательные поэмы по своему стилю и идейному звучанию довольно четко делятся на два типа. Одни поэмы, близкие к фольклору и по сюжету, и по характеру изложения, в отличие от других поэм, написанных более изысканно, созданы, очевидно, в менее образованной среде (возможно, профессиональными певцами, сказителями — кеве и хатсамами). Эти произведения отличаются простоватостью стиля, но они обычно очень смелы, содержащиеся в них обличительные мотивы резки. Мишенью для обличения в них становится порой даже сам монарх. Примером может служить гротескный образ Чанг-выонга — бесчинствующего государя из анонимной поэмы «Фам Тай и Нгаук Хоа». Кстати, обращаясь нередко к жизни двора и сановников, авторы таких поэм обычно обнаруживают незнание придворного быта и нравов, но, не смущаясь этим, восполняют пробел собственными, часто наивными, представлениями о том и о другом, что лишний раз свидетельствует о близости авторов этих произведений не к служилой среде, а к народу.

Авторы повествовательных поэм XVIII — начала XIX в. не выдумывали сюжетов сами, а пользовались готовыми. Немалую роль играла здесь популярность того или иного сюжета — ведь автор в таком случае наверняка мог рассчитывать на интерес к своему детищу. Неисчерпаемым хранилищем сюжетов для вьетнамских поэтов были литературы других народов, прежде всего китайского. Поэмы на сюжеты из китайской литературы создавались, как правило, в более образованной среде. В этих произведениях сказываются начитанность и более высокая поэтическая культура их авторов.

Сюжет анонимной поэмы «Фан и Чан» очень прост, число персонажей невелико, зато автор делает акцент на изображении внутреннего мира двух своих главных героев.

²³ *Hor tuyen tho van Viet-Nam*. Т. III, с. 226.

Действие поэмы происходит в Китае времен династии Сун (960—1279). По содержанию это любовная история, и ей свойственна светлая тональность.

В жанре чуена написана поэма Нгуен Зу «Стенания истерзанной души»²⁴, которая является вершиной вьетнамской классики и делом жизни поэта²⁵.

Нгуен Зу — великий поэт вьетнамского народа, его творчество» венчает наиболее плодотворный период развития вьетнамской классической поэзии XVIII — начала XIX в. Юность и молодость поэта прошли во времена величайшей в истории Вьетнама крестьянской войны. Его отношение к Тэйшонам было сложным: он отказался от сотрудничества с ними, скитался по стране и долгие годы прожил в родной деревне своих предков. Есть, однако, основание считать, что он положительно оценивал некоторые стороны деятельности Тэйшонов. После подавления этого движения в 1802 г. Нгуен Зу принял должность правителя уезда и впоследствии занимал ряд высоких должностей. В 1813—1814 гг. он возглавил посольство в Пекин, а затем был назначен вице-министром церемониала.

В историю вьетнамской литературы Нгуен Зу вошел прежде всего как автор повествовательной поэмы «Стенания истерзанной души», он максимально раскрыл художественные возможности этого жанра. Обратившись к народному поэтическому творчеству, Нгуен Зу способствовал формированию вьетнамского литературного языка и довел до совершенства вьетнамский стих. Живя в смутное время ломки и перемен, поэт в своем творчестве — от пейзажных зарисовок до произведений широкого социального плана и стихов мужественного гражданского звучания — передал свойственное его эпохе чувство тревоги, выразил ощущение непрочности общественных устоев и одновременно высокий гуманистический пафос.

В его поэме «Стенания истерзанной души» намечается далеко идущая переоценка ценностей феодального общества: самыми возвышенными героями произведения, на стороне которых все симпатии автора, оказались наиболее презираемые, согласно официальным понятиям, люди — обитательница «зеленого терема» («веселого» дома) Кьеу и вождь повстанцев Ты Хай, «разбойник», каким считал его императорский двор. Душевные муки Кьеу и есть та призма, сквозь которую поэт видит мир в его красоте и безобразии. В поэме как бы сливаются поэзия несломленной, хотя и безмерно униженной и страдавшей души и поэзия идеальной природы, которая по традиции изображена несколько отвлеченно. В поэме Нгуен Зу впервые во вьетнамской литературе ярко, с симпатией нарисован образ бунтаря — богатыря Ты Хая, защитника слабых, противопоставленного всему укладу тогдашней жизни. Однако Ты Хай противоречив: этот свободолюбец, не признающий императора, человек, клеймящий императорских сановников, сам создает удел, где «двор его царит под этим небом». Широта охвата жизни, свойственная произведению, дает право вьетнамским литературоведам по аналогии с известным высказыванием Белинского называть его энциклопедией восточного феодализма. Поэма Нгуен Зу «Все живое», именуемая также «Призывание душ», вероятно, была создана во втором десятилетии XIX в. В ней воссозданы обобщенные образы людей разных сословий — как бы вертикальный разрез вьетнамского феодального общества. Поэма «Все живое» — взволнованный поэтический рассказ о бесчисленных драмах эпохи, который перерастает в большой страстный монолог поэта, потрясенного всеобъемлющей трагедией человечества. В этом произведении Нгуен Зу говорит о неприкаянных душах умерших, которые согласно буддийскому учению ожидают очередного перевоплощения, но прежде всего поэта интересуют земные судьбы людей — чиновника и купца, военачальника и простого воина, богача и бездомного скитальца. Каждый из этих образов обрисован немногословно, но выразительно.

Нгуен Зу осознает жизнь, исходя из буддийского тезиса о бренности, суетности всего и тщете всех устремлений. Однако, если чиновник, военачальник, конфуцианский

²⁴ Поэма в дальнейшем получила известность под названием «Ким, Ван и Кьеу», «Кьеу».

²⁵ См. подробнее: Н. И. Никулин. Великий вьетнамский поэт Нгуен Зу М., 1965.

книжник предстают в его произведении как жертвы собственных страстей — жажды почестей, власти, богатства, то простой люд, воины, труженики:— это жертвы неумолимых жестоких обстоятельств. Гуманистические идеи поэта тесно связаны здесь с буддийской религией.

В то время как литература на вьетнамском языке была представлена прежде всего поэзией, литература на ханване заявила о себе в XVIII в. и заметным разнообразием прозаических жанров.

Развиваются давние традиции «странных», «необычайных» или «удивительных» историй. Доан Тхи Дьем подчеркнула эту преемственность самым названием своего сборника новелл «Новая книга рассказов об удивительном», как бы продолжавшего «Собрание рассказов об удивительном» Нгуен Зу (XVI в.). Чудесное, сказочно-фантастическое обычно вставлено в жизненную, нередко бытовую ситуацию. В основе большинства сюжетов Доан Тхи Дьем лежат любовные коллизии и переживания, она стремится показать свободное проявление человеческих чувств и сильные женские натуры, для которых нет ничего превыше любви. Если героиня новеллы «Достославная женщина из Анэпа» кончает с собой, узнав о смерти любимого мужа, отправившегося с посольством в далекий Пекин, то она делает это не потому, что так велит долг образцовой, по конфуцианским представлениям, жены, а потому, что ее сломило огромное непоправимое горе. В другой новелле Доан Тхи Дьем, «Чудесная встреча в Битькэу», рассказывается о вполне земной любви небожительницы и юноши и об их семейных неурядицах.

Дух того времени — жажду социальных реформ — воплощает собой героиня новеллы «Святой храм у залива», которая подает государю прошение, предлагая жестоко пресечь взяточничество, поборы и насилия, творимые чиновниками, вернуться к «старинным порядкам», она же предостерегает от ненужного похода на Тьямпу, который действительно закончился плачевно. Но новеллы Доан Тхи Дьем примечательны не только своим содержанием. Интересно, например, что в них резко возрастает роль внесюжетных элементов — главным образом стихов, приобретающих там самостоятельное значение: рамки традиционного «рассказа о необычайном» становились стеснительными.

Появляются новеллы аллегорического характера, наполненные социальными обобщениями, например «Спор дракона и тигра о превосходстве» неизвестного автора, в котором мудрец — даосский отшельник — осуждает жестокость и насилие тигра, «размахивающего острыми когтями и обнажающего клыки, чтобы терзать ими людей». Жанр подобных аллегорий был известен в Китае еще ранее, а в Корее получил значительное распространение как раз в XVIII в.

То же столетие ознаменовалось возрастающим интересом к духу познания, к конкретному факту, к реальному явлению, событию. Во Вьетнаме возникает ряд произведений публицистической и мемуарной литературы. Например, в сочинениях Ле Куи Дона немало очерков, в частности о вьетнамском мастере, изготавливающем часы и астрономические приборы по европейским образцам; в его же «Описании панорамы достославной столицы» много говорится об искусстве столичных ремесленников.

Знаменитый вьетнамский медик и литератор Ле Хыу Чак оставил интересный памятник — «Описание дел в достославной столице». В этой книге описываются главный город Вьетнама и встречи автора с разными людьми при княжеском дворе Чиней и вырисовывается образ самого врача, тонкого знатока литературы и поэта, умудренного жизнью человека, для которого нет ничего выше личной независимости. В молодые годы он был военачальником, но затем удалился в деревню, чтобы вкушать радость «безмятежного покоя». На самом же деле досуг Ленивого Старца был заполнен кипучей деятельностью. Его стихи, помещенные в «Описании», отражают энергию врача-лечебника, стремление трудиться на благо людей.

Появление книги «Император Ле — объединитель страны», созданной Нго Тхи Ти и другими авторами из семейства Нго («Литературный кружок семьи Нго») в конце XVIII в. под влиянием китайского исторического романа-хроники, ознаменовало рождение нового жанра. Основой романа «Император Ле», однако, послужили современные авторам исторические события, связанные с восстанием Тэйшонов, падением князей Чиней и династии Ле, тогда как китайские романы обычно черпали сюжеты из отдаленных времен.

При всей легитимистской концепции создателей эпопеи они все же стремились к объективности, поэтому образ руководителя Тэйшонов Нгуен Хюе, несмотря на отрицательное отношение к нему авторов, обрисован достаточно привлекательным. Еще сложнее воссоздай образ Нгуен Хыу Тиня. Сын богатого купца, он, одержимый честолюбием, рвется к вершинам власти и достигает их путем предательства. Человек большого ума, таланта и энергии, он тем не менее лишен моральных устоев. Другие герои изображены более однолинейно и традиционно, но привлекают своей цельностью. Так, авторы с благоговением рисуют Ли Чан Куана, удостоенного высшей ученой степени, который счел себя виновным в гибели своего повелителя — князя Чиня — и решил добровольно принять смерть.

В начале XIX в. несколькими вьетнамскими католическими священниками-расстригами была написана «Книга потаенного о заокеанской вере во Христа», использующая традиции романа-хроники, которая содержала рассказ о путешествии в Европу, в Ватикан, воссоздавала образ папы Пия VI и предупреждала об опасности иностранного вторжения.

Прозо-поэтические жанры в XVIII в. обогатились произведениями на вьетнамском языке, некоторые из них, что особенно интересно, возникли в тесной связи с народными восстаниями. Стремлением к сближению со стихией народной речи характеризуется «Воззвание Ле Зуи Мата», написанное во время крестьянского восстания 1738—1769 гг. Многие строки «Воззвания», обличающего преступление правителей, представляют собой цепочки образов, заимствованных из народных пословиц и поговорок: князя Чини «сначала, будто дрянная лиана, обвилась вокруг ветви, резвились, словно мышь, угодившая в большой кувшин с рисом»²⁶. Авторы таких произведений (например, «Воззвания Тэйшонов») явно рассчитывали на то, что они будут передаваться из уст в уста неграмотными крестьянами.

Вьетнамская литература XVIII — начала XIX в. несла в себе черты литературы переходного периода, в ней уже зародились и все более усиливались тенденции, сходные с ренессансными. К концу XVIII в. возрастает рационалистическое стремление к конкретному художественному познанию мира в его разнообразии, навеянное просветительскими тенденциями, возникающими под влиянием Китая и европейских знаний, которые намечаются прежде всего в общественной и научной мысли. Расширяется тематика литературных произведений, резко обостряется социальная критика, и возрастает в них роль элементов сатиры. Литература вновь и очень плодотворно обращается к своему первоисточку — народной поэзии.

Литература 20—50-х годов XIX в.

Монархия Нгуенов, особенно начиная со времени правления Минь Манга, предпринимала энергичные меры для того, чтобы укрепить и законсервировать феодально-бюрократический режим и отгородиться от веяний с Запада. В то время проводниками этих новых веяний являлись вьетнамцы, ездившие в Европу или в колонии западных держав в Южной и Юго-Восточной Азии, в частности некоторые вьетнамские католики, получившие образование и жившие в Европе (их насчитывалось единицы), подобно пастору Филиппу Биню, оставившему рукопись «Книга записей разных дел»,

²⁶ NCLS. 1968, № 3, с. 58.

законченную в 1822 г. в Лиссабоне и недавно обнаруженную в Ватикане. Примечательно, что Филипп Бинь критически относился к конфуцианской схоластической школе тогдашнего Вьетнама и указывал на преимущества европейской системы образования. Он же писал о французской буржуазной революции («народ казнил короля»).

Вьетнамская же монархия, по традиции опиравшаяся на конфуцианство, предпринимала попытки поднять пошатнувшийся авторитет конфуцианских догматов, резко противопоставив их католицизму как чуждому, пришлому.

Поэтому 20—50-е годы XIX в. ознаменовались усилением охранительного течения, всячески поддерживаемого властями. Возникало множество произведений дидактической направленности, написанных в жанре поэмы на вьетнамском языке и предназначенных для широкого распространения в народе. Перелагались стихами книги конфуцианского канона («Луньюй», «Шицзин», «Шу-цин»). Писались (тоже в стихах) назидательные книги, в которых изображались образцы ревностного исполнения конфуцианских этических норм. Поэт Ли Ван Фык (1785—1849), например, сделал стихотворное переложение нравоучительных притч «Двадцать четыре примера сыновней почтительности» Го Цзы, китайского конфуцианца эпохи Юань.

Дидактические поэмы имели целью создать идеальные образцы поведения, а также служить руководством в жизни, как, например, «Песнь семейных поучений». В этих поэмах — а некоторые из них тяготели к бытовой конкретности — давались в изобилии отрицательные, очень жизненные и, вероятно, очень типичные примеры, подражать коим не следовало. Анонимная поэма «Наставления женщинам, изложенные стихами» содержала целую филиппику в защиту неимущего, который «за чашку риса проливает целую чашку пота»²⁷; неизвестный автор призывал к филантропическому сочувствию обездоленному, у которого «кожа и плоть не из железа и не из меди»²⁸.

Особое место среди дидактических поэм занимает «Сочинение о Небесном Юге на родном языке» неизвестного автора, имевшее антикатолическую направленность. В нем с позиций конфуцианского рационализма высмеивались христианские мифы, что, очевидно, сближало позицию автора с критическим отрицанием христианских догматов и таинств у деятелей европейского Просвещения, о которых анонимный вьетнамский поэт, разумеется, ничего не знал.

Оппозиционное течение того времени в литературе представлено потомками старых служилых родов, оставшихся верными князьям Чиням и династии Ле (с Ле постоянно связывались иллюзии о золотом веке). Приятие жизни у этих поэтов было пассивным, окрашивалось под влиянием буддийского мироощущения в сумеречные тона, действительность являлась как нечто иллюзорное, нереальное, некое смутное видение, сон. В поэме Нгуен Хюи Хо (1783—1841) «Описание сна в Персиковом дворце» рассказывалось о сне: герой встречался с красавицей, которая являла собой аллегория императора Ле.

Замечательная поэтесса Нгуен Тхи Хинь (XIX в.), более известная как Госпожа Супруга Начальника уезда Тханькуан, в своих стихах погружена в воспоминания о прошлом, о былом величии императоров Ле, их столицы. Ее изящные стихи часто сравнивают со старинными, потускневшими от времени картинами:

Вечереет, по небесам бродят лучи
заходящего солнца,
Издали доносятся пенье сигнальной раковины,
стук барабана²⁹.

(«Вечером тоскую о доме»)

²⁷ Huan nu dien sa, с. 55 (рукопись. Архив Института литературы Комитета общественных наук Вьетнама; шифр DH 365).

²⁸ Там же.

²⁹ Hoi thuyen tho van Viet-Nam. T. III. с. 469.

Эти стихи создают особые образы — некие неясные видения и отзвуки.

В целом, однако, литература данного периода явно характеризуется тяготением к реалистичности, даже к сниженности героя, обыденности окружающей обстановки. Повествовательная поэма, вступившая в поздний этап развития, вместо идеализированного «высокого» героя все чаще обращается к совершенно иному образу. Ли Ван Фык подчеркивал это даже в самом названии своей поэмы — «Повествование о Неизысканном». Поэма полемически заострена, поэт своего непрезентабельного, будничного героя сознательно противопоставляет герою опозитизированному. Появляется даже плутовской чуен — поэма анонимного автора «Повествование об Изворотливом Хитреце», в которой герой низкого происхождения с помощью хитроумных уловок добивается удачной женитьбы — любви и богатства, преодолев социальный барьер и посрамив тех, кто смеялся над ним и думал, что «лесная курица разве дерзнет сравниться с птицей феникс!»³⁰.

Процесс «прозаизации», приземления поэзии вел к отходу от устоявшихся представлений. Он дополнялся сходными явлениями, характерными для малых поэтических жанров. Важное место здесь занимает творчество поэта Нгуен Конг Чы (1778—1858), который жил в период, когда династия Нгуенов стремилась возродить и всемерно укрепить авторитет конфуцианства. Поэтому он выступал как певец идеалов конфуцианской этики доблести, возвеличивая, по существу, те замечательные возможности, которые заложены в человеке. Во многих своих напевных стихах жанра качу, введенного им во вьетнамскую литературу, поэт создал образ, напоминающий эпического богатыря. Это конфуцианский добродетельный муж, который, ища себе славы, стремится к подвигу и в трактовке Нгуен Конг Чы обладает подлинно эпической свободой воли. Неутоленная жажда больших свершений вызвала у поэта чувство неудовлетворенности, выраженное в сатирическом стихотворении «Похвала карабкающимся по канату», аллегорически рисуя картину суетной чиновничьей карьеры.

Поэта Као Ба Куата (1809—1855) можно назвать предтечей реформаторского движения второй половины XIX в., деятели которого требовали обновления Вьетнама, замены устаревших государственных институтов нововведениями европейского образца. Као Ба Куат, столкнувшись с западной цивилизацией даже в том уродливом ее виде, который она принимала в колониях (он совершил путешествие в Батавию), почувствовал, насколько чудовищно отсталым оставался Вьетнам в век пара и электричества, каким анахронизмом оказалась книжная мудрость конфуцианцев.

Открытие нового для него мира вызвало у Као Ба Куата чувство трагического разлада, мысль о том, что напрасно прожита жизнь, отданная традиционным «ученым» занятиям. Это была знаменательная переоценка.

Кто в сем мире, будучи человеком таланта,
Изводит всю жизнь на то, чтоб древние книги читать?³¹ —

спрашивал он.

Контакты с европейцами, знакомство с их образом жизни еще более расшатывали сильно поколебавшиеся к тому времени представления о незыблемости конфуцианских домостроевских порядков и регламентации. Внимание вьетнамских литераторов на первых порах привлекают частный быт, нравы и обычаи европейцев. Као Ба Куат был, видимо, первым большим вьетнамским поэтом, посвятившим свое стихотворение европейской женщине («Стихи о женщине из-за океана»).

³⁰ Hu u Ke truyen, с. 4 (рукопись ДН 374. Архив Института литературы Комитета общественных наук Вьетнама).

³¹ Cao Ba Quat. Tho chu Han. Ha-noi, 1972. с. 22.

Он фиксировал необычное для глаза вьетnamца. Стихотворение, запечатлевшее внешний облик города, построенного в колонии по европейскому образцу, в каждой строке сообщало нечто новое для вьетnamца — современника поэта. Заключительные, наиболее весомые строки этого стихотворения лаконично характеризуют миропорядок, царящий в том городе:

Вон рикши с темной кожей белых
развозят, усадив в коляски³².
(Перевод Г. Ярославцева)

Интерес Као Ба Куата к чудесам европейской техники проявился в «Песне об огненном корабле рыжебородых». Ее пафос не только в удивлении и восхищении от встречи с пароходом («быстрый, как скачущий конь», корабль движется «без паруса, без весел, люди его не толкают, не тянут»³³), но и в размышлении о том, что такие корабли могут быть опасны для отчизны поэта.

Просветительские элементы выступают здесь в характерной для Востока антиколониальной функции и одновременно противостоящими консервативно-феодалным тенденциям в идеологии.

Литература второй половины XIX в.

Вторжение французских колонизаторов и превращение Вьетнама в колонию определили основное содержание литературы этого периода, а также выбор литературных жанров и средств. В литературе находят отражение противоборствующие идейные течения. В связи с идейным течением реформаторства в публицистике проявлялись просветительские тенденции, которые были сопряжены с решением общенациональных задач борьбы против колониального закабаления. Объективно антифеодалной направленностью характеризовалось мировоззрение вьетnamских реформаторов, которые более не мирились с конфуцианскими догмами. Пагубной близорукостью Нгуен Чьонг То (1828—1871) объявлял начетническое пережевывание древних книг и конфуцианскую идеализацию древности, выдвигая идею исторического прогресса: «Вплоть до нынешних дней многие люди не ведают перемен и событий, свершавшихся в прошлом и настоящем, а лишь не щадя сил восхваляют глубокую древность, полагая, что последующие времена были хуже; потому, принимаясь за что-либо, они хотят возвратиться к старине; из-за этого конфуцианцы сунского толка направили по ложному пути наше государство, сделали его непрочным, неспособным достичь расцвета... В действительности же ясно, что в прежние времена все было хуже, чем сейчас»³⁴.

Никчемным книжникам реформаторы противопоставляли в своей публицистике образ деятельного, постигшего практические науки человека, хотя этот образ на первых порах был не ясен, так как не имел опоры во вьетnamской действительности. Поэтому естественным было обращение к образам европейцев. Но новое содержание нередко облекалось в старые, традиционные формы: Нгуен Ло Чать (1852—1895), в своей публицистике следуя традициям конфуцианцев, искал опору в прошлом, ссылаясь на историческую аналогию, но уже взятую не из конфуцианских сочинений, а из истории Европы,— он говорил об Англии и петровской России. Образ Петра Первого как важнейший компонент участвовал в формировании передового идеала того времени.

Драма Нгуен Чьонг То и его единомышленников состояла в том, что, оторванные от народа, верящие во всемогущество императорской воли, они ниспровергали

³² «Сердце зари». Восточный альманах. Вып. первый. М., 1973, с. 218.

³³ Cao Ba Quat. Tho chu Han, с. 120

³⁴ Tho van yeu nuoc nua sau the ky XIX. Ha-noi, 1970, с. 178.

конфуцианскую схоластику в посланиях к императору, видевшему свою главную опору в конфуцианстве.

Тем не менее связи с Европой сказывались на всей системе вьетнамской культуры.

Сложную роль играл в ней католик Чыонг Винь Ки (1837— 1898), ученый, член ряда европейских научных обществ, публицист и полиглот, который был близок к колонизаторам и выступал как проводник их политики и идеологии. С его именем связано начало печатания газет в стране: первая газета, «Зядинь бао», стала выходить в Сайгоне с 1865 г. Ему принадлежит первая грамматика вьетнамского языка, первая история Вьетнама, написанная по европейским образцам. Он способствовал распространению латинской алфавитной письменности (куок-нгы). Он записывал и публиковал произведения повествовательного фольклора, писал очерки, оказавшиеся предвестием новой вьетнамской художественной прозы.

В основном, однако, литература развивалась в пределах традиционных форм; изменения происходили внутри старой системы жанров, заметна их перегруппировка. Очерки и рассказы об удивительном совершенно исчезли. Почти то же случилось и с чуенами. Значительное распространение получили жанры воззвания, обращения. С исключительной остротой велась публицистическая полемика. Наблюдалась общая тенденция к дальнейшей демократизации литературы, более близким к разговорному становился ее язык, хотя ханван все еще играл важную роль.

Общественно-политические позиции писателей определяли размежевание в литературе. Зародилась литература освободительного движения, характеризующаяся высоким накалом патриотических чувств, вниманием к простому человеку, призывающая к единству народ, противостоящий захватчикам. Тхан Ван Ниеп (1803 — 1877) писал, обращаясь к императору Ты Дыку: «В пышной роскоши покоев дворца подумайте, ваше величество, о хижинах простолюдинов Южного края, сожженных дотла врагом; любясь великолепием усыпальницы Десять тысячелетий, подумайте о могилах простолюдинов Южного края, которые враг сровнял с землей; вкушая диковинные яства, вспомните, ваше величество, что от изобилия Южного края не осталось ничего...»³⁵. Для формирования литературы освободительной борьбы огромное значение имело творчество выдающегося поэта Нгуен Динь Тиеу (1822—1888).

Поэма Нгуен Динь Тиеу «Люк Ван Тиен», написанная до французского вторжения, еще в 1864 г. была переведена на французский, что и явилось первым переводом большого произведения вьетнамской литературы в Европе. Некий парадокс заключен в том, что первым оказалось переведенным произведение поэта, ставшего основоположником литературы антиколониального, освободительного движения. Переводчика Г. Обарэ «извиняет» лишь то, что он не знал ни самого автора, ни его имени. Парадоксы истории, однако, достойны не только удивления, но и объяснения: дело в том, что, поощряя переводы, колонизаторы наводили лоск «культуртрегерства» на мрачный фасад колониальной империи. Впрочем, не следует торопиться с положительной оценкой их деятельности. Переиздавая в разных переводах поэму «Люк Ван Тиен», они преследовали произведения патриотического содержания того же автора.

Поэма «Люк Ван Тиен», названная так по имени главного героя, была создана в русле традиций классической повествовательной поэмы, которые здесь уже нарушаются, хотя бы введением черт автобиографичности. Поэму характеризует возвышающая сила нравственной чистоты: как и Нгуен Динь Тиеу, Люк Ван Тиен слепнет во время траура по матери — столь велики сыновья любовь и горечь утраты; как и поэту, герою поэмы отказывают родители невесты, узнав о постигшем его несчастье. На этом сходства не кончаются: именно на образе Люк Ван Тиена сосредоточены субъективные устремления поэта, он выражает взгляды и убеждения автора, верность которым («сердце-киноварь») доказана всей жизнью Наставника Тиеу. Но Люк Ван Тиен — не тень автора, а образ,

³⁵ Цит. по кн.: So thao lich van su van hoc Viet-Nam (giai doan nua cuoi the ky XIX). Ha-noi, 1964. с. 38.

художественно претворенный его воображением. Это ученый-книжник, поэт и воин, спасающий от разбойников прекрасную Къеу Нгуэт Нга.

Как важный элемент в композиции поэмы выступает неожиданная слепота героя — это нравственное испытание не только для него, но и для окружающих. Иные от него отворачиваются, низкие души не упускают случая отомстить беспомощному слепцу Апофеоз поэмы — ее финал — героичен и оптимистичен: вновь обретший зрение Люк Ван Тиен (это можно понимать и в переносном смысле — ведь он познал теперь то, что ранее было скрыто в душах людей) совершает подвиг, изгоняя врагов («В руке серебряное копьё, сам на вороном коне. Один в битву бросается»³⁶), и находит счастье с Къеу Нгуэт Нга, той самой, которой он когда-то спас честь и жизнь. Поэма, устремленная к идеалу, близка к народному сказанию (не случайно первый переводчик поэмы, Г. Обарэ, принял ее за фольклорное произведение). Она снискала себе, особенно на юге Вьетнама, необычайную популярность.

Стихи и прозо-поэтические произведения Нгуен Динь Тиеу после начала затянувшейся на десятилетия захватнической войны колонизаторов (тэев) чутко отзывались на страдания народа, звали его на борьбу с поработителями:

Услышали выстрелы тэев —
и тотчас рассеялся рынок,
Взмахом руки словно кто-то
фигуры смешал на доске³⁷.

Восьмистишие заключают слова, к которым логически подводят предшествующие строки: «Где же оно, отчего же не видно войска, которое мир принесет?»³⁸.

В сложном сочетании идущего от жизни и традиционного предстают многие прозо-поэтические произведения поэта, например «Памяти воинов, павших при Кан-зуоке» (1861), в котором воссоздан впервые во вьетнамской литературе собирательный образ повстанца — народного воина, лишь недавно оставившего соху и взявшегося за оружие: «Мотыгой работать привык, ходить за сохой, за бороною ходить умеет, рассаду на поле сажает искусно»³⁹. Драматическое звучание этого произведения усиливается потому, что в нем говорится о погибших героях. Крестьянин «даже и не видел никогда, не знает, как надо дротик метать, стрелять из ружья, как пикой владеть, под флагом ходить»⁴⁰. Но он не страшится колонизаторов и их «кораблей оловянных и кораблей из бронзы, грохочущих пушками...»⁴¹. В патриотических стихах Нгуен Динь Тиеу обычна аллегоричность. Они отличаются оригинальной рационалистической поэтичностью:

Сколь ни велик груз добродетели,
лодка скользит легко.
Кисть не истреплешь, предателей
пронзая в самое горло⁴².

Строки эти воспринимаются как программные для всего творчества поэта.

В книгу сочинений Нгуен Динь Тиеу, поэта и врача, по праву включены своеобразные «Беседы рыбака и дровосека о врачевании» — уникальный медицинский трактат в стихах, обрамленный сюжетным повествованием; эта книга приносила реальную практическую пользу неграмотным вьетнамским крестьянам, заучивавшим ее наизусть,

³⁶ Nguyen Dinh Chieu. Tho van. Ha-noi, 1971, с. 176.

³⁷ Там же, с. 231.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же, с. 250.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же, с. 252.

⁴² Там же, с. 236.

ведь получить медицинскую помощь им тогда было неоткуда. «Беседы рыбака и дровосека о врачевании» учили крестьян не только начаткам лекарского искусства, но и любви к родине.

Важное место во вьетнамской литературе того времени занимает творчество поэтов-сатириков. Уродливые колониальные порядки, бесчинства прихвостней, угодничавших перед колонизаторами, превращение императорского двора в колоритное сборище марионеток — все это явилось почвой для возникновения целого течения обличительной сатирической поэзии; ее наиболее известными представителями по праву считаются Нгуен Кхюен (1835—1909) и Ту Сьонг (1870—1907). Поэзия все чаще обращалась к обыденному, расширяла круг своей тематики, менялся ее настрой.

Нгуен Кхюен воспринимал как болезненное, чудовищное извращение естественного порядка вещей все те перемены в стране, которые принесли с собой колонизаторы. Некоторые его стихи построены на сатирическом приеме уподобления живого неживому, настоящего игрушечному. В стихотворении «Каменный болван» поэт уподобляет феодальных правителей Вьетнама, бессильных и равнодушных к судьбам страны, каменным болванам — воинственным изваяниям, «охранявшим» ворота вьетнамских храмов. От Нгуен Кхюена идет традиция вьетнамской литературы уподоблять императорский двор, утративший власть, недалеким и бесталанным актерам, которые возомнили себя вершителями судеб страны («Слово жены старого актера»):

Голоден, жалок, зависим и худ,
ты не сановник, ты попросту шут.
Наше актерское существованье —
пеньем, игрой добывать пропитанье.
Царь балаганный — ничто, пустота,
Знатный с подмостков — подобье шута⁴³.

Нгуен Кхюен оставил также замечательную пейзажную лирику, его стихи о доле крестьянина ознаменовали новый этап в демократизации вьетнамской поэзии.

Ту Сьонг в своих стихах запечатлел перемены в жизни портового города — родного ему Намдиня, в котором раньше, чем где-либо, уже сказывались тогда новые веяния, было отчетливее уродство колониальных порядков. Поэт сознавал, что в жизни все как бы перевернулось, стало иным, и он отчасти сожалеет о прошлом, видя в нем утраченную ныне гармонию. Его стихотворение «Засыпанная река», имеющее аллегорический подтекст, в определенной мере можно считать программным:

Речная заводь здесь была когда-то,
а ныне — кукуруза и бататы.
Стою и удивляюсь поневоле:
откуда здесь дома и это поле?
Тишь... Кваканье лягушек лезет в ухо.
Я вздрагиваю: кто-то рядом глухо
Паромщика, мне чудится, зовет,
вот-вот он отзовется, подплывет⁴⁴.

(Перевод Г. Ярославцева)

Но у Ту Сьонга не было безоглядной приверженности к старине. Переоценка прежних моральных и социальных ценностей видна, например, в стихотворении «Их новогодние пожелания», где иронически обыгрываются пожелания почестей и благ, которые поэту отнюдь не представляются притягательными. В стихах Ту Сьонга намечены обличительные образы угнетателей: колониального чиновника-лихоимца, ловких

⁴³ «Сердце зари», с. 226.

⁴⁴ Там же, с. 232.

проходимцев, пользующихся своей близостью к колониальным властям, чтобы обирать своих же соотечественников, циничных торговцев и торговок. Сатирик делает явным подлинное лицо средних слоев колониального города (стихотворение «Женщина, занимающаяся торговлей»):

Раз плюнуть — с потрохами гостя съесть
такой торговке при ее сноровке:
Покупщика увидит за версту
и пустит в ход ужимки да уловки.
Веселый дом гостями дорожит,
но — как она их — нет, не ублажит!⁴⁵
(Перевод Г. Ярославцева)

Вьетнамская поэзия во второй половине XIX в. шла своим путем к литературе современного типа, она наполнялась новым жизненным содержанием, новым мироощущением, новыми идеями, но продолжала развиваться в рамках старой жанровой системы, что особенно характерно для малых форм — стихотворений. Достоинством удивления тонкое мастерство поэтов, которые опять и опять заставляли традиционные жанры звучать по-новому, приобретать гибкость, новую мелодичность. Опорой им в этом служил фольклор.

Развивавшаяся в фольклоре сатирическая тенденция не обходила и священную особу императора. В анекдоте из цикла конца XIX — начала XX в. о Почтенном Сиене, который возводит свою родословную к Высокоученому Куиню, на голову императора обрушивается гневная речь, а забота хитроумного героя об исцелении воображаемых недугов властелина оборачивается саркастическими упреками в политической слепоте, глухоте и бессилии императорского двора: «Известно, о величество, что вы все время проводите у себя в покоях и не выходите от своих наложниц, потому люди и думают, что вы хромы. Стране угрожает смертельная опасность, а вы только предаетесь наслаждениям, потому людям кажется, что вы слепы. Сейчас родные горы и реки захватил враг, а вы храните молчание, и потому люди полагают, что вы немые»⁴⁶.

Народ создавал многочисленные песни и устные рассказы о героях освободительной борьбы Чыонг Дине, Фан Динь Фунге, Нгуен Суан Оне и др. «Песнь о падении столицы» представляет собой обширную народную поэму. «Целый цикл легенд и историческая песня о Де Тхаме сформировались в районе Кайкин, Иентхе и распространились по всему Бакзянгу, они отвечали мыслям и чувствам народа»⁴⁷.

Литература начала XX в.

На рубеже XIX и XX вв. во Вьетнаме наиболее прозорливые представители старого образованного сословия усваивали и активно распространяли буржуазные по своему характеру просветительские идеи. Литературно-идеологическое развитие Вьетнама этого времени красноречиво подтверждает мысль о том, что «и при отсутствии всей суммы признаков классического европейского Просвещения просветительские тенденции явственно дают о себе знать в разное время и в странах Средней Азии, и на всем Востоке. Но они обладают своей спецификой»⁴⁸.

Одна из наиболее своеобразных черт этого движения в колониальной стране состояла в том, что на первый план выдвигались политические цели, борьба за национальное освобождение. Усиление национального самосознания «в передовых, патриотически настроенных кругах вьетнамского общества хронологически совпало с

⁴⁵ Там же, с. 233.

⁴⁶ Высокоученый Куинь и другие забавные истории. М., 1974, с. 44.

⁴⁷ Cao Huy Dinh. Tim hieu tien trinh van hoc dan gian Viet-nam. Ha-noi, 1974, с. 217.

⁴⁸ Б. Л. Сучков. Лики времени. Статьи о писателях и литературном процессе. Т. 2. М., 1976, с. 351.

эпохой пробуждения Азии,— отмечает С. А. Мхитарян,— эпохой, наиболее характерной чертой которой было втягивание в процесс освободительного движения многомиллионных масс колониальных и полуколониальных стран Востока»⁴⁹.

В области культуры это преломлялось, в частности, в стремлении распространить как можно шире в массах грамотность, что выразилось в большой просветительной работе, распространении вьетнамской латиницы, позволившей быстро приобщить народ к грамоте. «Душой родной страны» называли тогда латинизированную письменность во Вьетнаме.

Вьетнамские просветители были склонны к историческому оптимизму, который был продиктован верой в социальный прогресс; они полагали, что с помощью знаний можно привести страну к процветанию, сделать ее могучей и сбросить колониальное иго. Они выражали общенародные, общенациональные интересы.

Сложный характер носила идеологическая основа вьетнамского просветительства, достигшего своего значительного развития сравнительно поздно и активно опиравшегося на опыт предшественников. На рубеже веков во Вьетнаме с большим интересом изучались труды французских просветителей Руссо, Монтескье, Вольтера. Одновременно сюда из Японии «стали проникать идеи революции Мэйдзи, положившей начало новому, капиталистическому пути развития», а также идеи китайских реформаторов Кан Ювэя и Лян Цичао⁵⁰.

Трещали и рушились некогда священные конфуцианские догмы. Прежний идеал «просвещенного правителя» и благоденствующего при нем народа находил все меньше сторонников. Патриоты уже не считали, что любовь к родине неотделима от верноподданничества. «Песнь Азии» без обиняков величала императора «деревянным болваном»⁵¹.

В самом конце XIX — начале XX в. передовые люди из старого образованного сословия стали активно знакомиться с тем, что они называли «новым учением», т. е. с европейской наукой и культурой. Энтузиазм к овладению «новым учением» был исключительно велик и порой разрыв с традициями принимал курьезные (и вместе с тем символические) формы. «Некий чиновный господин тиен-ши⁵², пишет Данг Тхай Май,— продал землю и приобрел оборудование для опытов по химии и электричеству, а часовню с алтарем предков превратил в физико-химическую лабораторию»⁵³. Это было для них настоящим открытием нового мира. Знакомство с «новым учением» поначалу не являлось ни систематическим, ни глубоким и шло во многом через посредство Японии и Китая.

Получил развитие такой важный фактор, как периодическая печать, которая, однако, всецело находилась под контролем властей. Начали выходить журналы «Донгзыонг тапти» («Журнал Индокитая», издавался с 1913 г.), а позже «Нам фаунг» («Южный ветер», издавался с 1917 г.). Кроме публицистических выступлений, вполне выдержанных в тонах верноподданничества по отношению к французским хозяевам и «метрополии», эти издания публиковали переводы западной (главным образом французской) классики. Началось хотя и выборочное, ограниченное, но все же более или менее систематическое знакомство с западной литературой. В переводах печатались такие романы, как «Отверженные» Гюго, «Шагреновая кожа» Бальзака, пьесы Мольера «Мещанин во дворянстве» и «Мнимый больной», басни Лафонтена.

Симптоматично, что деятели просветительского движения начала XX в. осознавали свою преемственную связь с вьетнамскими мыслителями XVIII — середины XIX в., высказывавшими просветительские идеи. В «Рассуждении о цивилизации и новом учении» (1904), которое тремя годами позже стало манифестом и программой движения

⁴⁹ С. А. Мхитарян. Рабочий класс и национально-освободительное движение во Вьетнаме, с. 65.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ *Hop tuyen tho van Viet-Nam*. Т. IV. Ha-noi, 1963, с. 628.

⁵² Тиенши — старшая ученая степень в старом Вьетнаме.

⁵³ *Dang Thai Mai. Van tho cach mang Viet-nam dau the ky XX*. Ha-noi. 1961, с. 85.

Тонкинской общественно-просветительской школы, есть знаменательное высказывание по этому поводу. Перечислив как важное достояние национальной культуры энциклопедические труды Ле Куи Дона и Фан Хюи Тю, а также другие исторические и географические сочинения авторов XVIII и XIX вв., автор «Рассуждения о цивилизации и новом учении» подчеркивал, что эти книги «доставляют нам сведения о родных горах и реках, обычаях, культуре, установлениях родной страны, а также являют для последующих поколений пример, достойный подражания»⁵⁴.

Просветительские тенденции, борьба со старой системой образования и средневековой схоластикой, борьба со всем отжившим, с феодальным мировоззрением, движимая чувством патриотизма, дали жизнь движению Тонкинской общественно-просветительской школы (март—ноябрь 1907 г.), которое сделалось центром притяжения для всех прогрессивных сил. Колонизаторы впоследствии жестоко расправились с его наиболее радикально настроенными деятелями.

Как и прежде, в литературе продолжала господствовать поэзия, а патриотизм оставался важнейшей ее темой. Многие смелые стихи распространялись нелегально, нередко изустно, а их авторы по вполне понятной причине скрывали свои имена. Поэты чаще обращались к перу в целях политической агитации. Боевой полемический накал, злободневная публицистичность характеризуют их произведения.

Человек интересовал поэтов прежде всего в его общественной функции, социальном назначении. Их взоры обращались к образам тех государственных деятелей Европы, а также Японии, имена которых были связаны с преобразованиями и реформаторской деятельностью.

В стихах с уважением упоминались Руссо («бросил он клич народовластия»⁵⁵), Вашингтон, Гарибальди, Жанна д'Арк. Пользовалась вниманием фигура «великого императора Бидака», т. е. Петра Первого. Анонимный автор большого стихотворения «Разговор о пяти континентах», написанного вскоре после русско-японской войны, изображал Петра прежде всего как просветителя;

Поехал в страну Англию, в страну Голландию,
 Научился корабельному делу,
 Вернулся, своих людей обучил.
 Юные все узнали,
 Герои всем овладели,
 Во времена цивилизации и прогресса
 Каждый обновляется...⁵⁶.

Большое стихотворение неизвестного автора «Песнь Азии», появившееся в 1905—1906 гг., дает широкую панораму закабаленного европейскими державами континента и подробно рассказывает о достижениях японцев: «Повсюду дома проволочной связи поставили, торговые суда плывут по всему океану. Там — железная дорога, здесь — банк»⁵⁷. О них говорится как о «желтокожих родственниках», как об образце для подражания. Просветительские тенденции произведения наиболее явно обнажаются тогда, когда автор с горечью говорит, что колонизаторы не обучают вьетнамцев «телеграфному, корабельному, пушечному делу», а уготовили для них лишь «чин слуги-боя да титул кули»⁵⁸. Решительно выдвигается передовой для того времени идеал европейски образованного человека, радеющего о благе страны: «Высоким помыслам учиться, затаенную месть надо свершить. Новое учение надо поскорее взлелеять».

⁵⁴ Dang Thai Mai. Van tho... с. 171.

⁵⁵ Там же, с. 277.

⁵⁶ Там же, с. 275—276.

⁵⁷ Там же, с. 269.

⁵⁸ Там же, с. 272.

Этот новый идеал вполне воплощается теперь и в образе торговца, успешно конкурирующего с европейцами: «Торговлю превратим в наипервейшее дело. Всеми ремеслами овладев, плечом нажмем разок на земной шар»⁵⁹. Были забыты прежние высокомерные слова конфуцианцев о торговле.

В стихах того времени решительно выставляются на посмешище защитники обветшалых идей, феодальной идеологии, ученые-конфуцианцы, противящиеся передовым веяниям времени.

Со стороны французских колониальных властей в то время имела место попытка законсервировать изжившую себя схоластическую систему образования: средневековая экзаменационная система в несколько реформированном виде сохранялась долго и была отменена окончательно лишь в 1918 г. Официальным языком все это время оставался мертвый письменный язык ханван.

Политика колонизаторов была тормозом как для экономического, так и для культурного развития страны. Выдающийся деятель национально-освободительного движения Фан Бой Тяу обвинял колонизаторов в том, что они умышленно задерживают дело просвещения народа:

Государственному училищу дали имя
 франко-вьетнамского,
 Учат людей [страны] Юга языку Запада.
 А нет учителя, чтоб научил премудростям
 Дела военного, механики, электротехники,
 химии, сотне других ремесел⁶⁰,—

говорил он в «Послании из-за моря, написанном кровью» (1906). Творчество Фан Бой Тяу было показательным явлением для вьетнамской литературы начала века: он, используя традиционные жанровые формы, вкладывал в свои произведения просветительское и патриотическое содержание. Он почти не выходил за рамки классических жанров, но, как это было не раз в истории вьетнамской литературы, преобразовывал их «изнутри». Фан Бой Тяу писал на ханване, адресуясь к читателю с традиционным образованием и обращаясь к жанрам жизнеописания, романа-хроники, послания в стихах.

К началу XX в. иссякает жанр повествовательной поэмы, наблюдаются лишь отдельные всплески накануне полного ее замирания и бурного развития современных прозаических повествовательных жанров. Поэма по-своему отзывается на новые идеи и веяния, не порывая совсем с установившимися формами и пытаясь приспособиться к переменам, что выражается прежде всего в «осовременивании» содержания поэм, в их публицистичности, прямой общественной направленности, что стало в начале века ведущей чертой поэзии.

Одна из последних повествовательных поэм была написана во Франции в 1911—1925 гг. Фан Тю Чинем (1872—1926) по мотивам японского романа «Удивительные встречи красавицы» (1885), принадлежащего Токай Санси, видному деятелю революции Мэйдзи. Давняя традиция заимствовать сюжет соблюдена. Но в поэме «Чудесная встреча с красавицей» действие происходит в Америке, Ирландии, Египте — национально-освободительное движение осознается как широкое явление.

Начало XX в.— переходный этап в истории вьетнамской литературы, когда она характеризовалась смешением старого и нового, решительной борьбой просветителей с обветшалой феодальной идеологией. Но на литературу этого времени большее влияние оказывала общественная, научная и философская мысль Запада, нежели его искусство, поскольку знакомство с ним еще только начиналось. Новый идеал, который выдвигался в литературе, диктовал отказ от традиционной «учености», связанной с конфуцианством,

⁵⁹ Там же, с. 274.

⁶⁰ Phan Boi Chau. Van tho chon loc. Ha-noi, 1967. с. 56.

что четко прослеживается уже в творчестве Фан Бой Тяу, и определял оптимистическое мироощущение, характерное для литературы начала века.

Глава 4 ТЕАТР

В XVII—XX вв. театральное искусство Вьетнама эволюционировало прежде всего в рамках двух основных национальных жанров — туонга и тео. Кроме этих двух жанров во Вьетнаме издавна существовали также теневой театр и театр кукольный, в том числе такой, представления которого давались на воде — на поверхности пруда, озера, в специальных водоемах при храмах.

В нашей литературе слово «туонг» переводится очень часто как вьетнамская классическая опера, но такой перевод не отражает жанровой специфики этого вида сценического искусства. Туонг представляет собой форму синтетического искусства: его спектакли строятся на органическом сочетании искусства слова, музыки, танца, пантомимы, акробатики и фехтования, причем основным, организующим все компоненты началом является уровень мастерства актера, его умение выбрать из арсенала изобразительных средств именно те, которые с наибольшей наглядностью помогут ему донести до зрителя временно-пространственные изменения событий и раскрыть характер своего героя.

По преобладанию в литературной основе сценической речи монологов и диалогов — туонг близок к европейской драме, но речь актера на сцене туонга отлична от речи актера в европейской драме и по своему характеру ближе к декламации¹. Последнее обстоятельство, а также формальные подсчеты соотношения разговорных и вокальных партий в пьесах туонга дают основание некоторым вьетнамским исследователям считать туонг жанром национальной классической разговорной драмы².

Вокальные партии туонга представляют собой законченные стихотворные или написанные рифмованной прозой отрывки, посредством которых актер по ходу действия спектакля представляет зрителю своего сценического героя. По законам мастерства актер туонга должен обладать недюжинными вокальными способностями и быть хорошим декламатором, чтобы донести до зрителя каждый звук произносимого слова, иначе теряется внутренняя ритмика сценической речи, что ведет к неправильной трактовке внутреннего состояния изображаемого героя³. Особенностью вокальных партий туонга является их свободный переход из пьесы в пьесу, где они в зависимости от исполнения их актерами в том или ином голосовом регистре (а таковых насчитывается около 280⁴) служат для передачи различных эмоциональных оттенков внутреннего состояния героя.

Литературная основа туонга имеет четкую композицию и законченный сюжет, развивающийся в пространстве и во времени. В основу сюжета обычно брались легенды и исторические предания, а также перерабатывались произведения вьетнамской и китайской классики. Избранный сюжет переделывался для воспроизведения на сцене: расписывались роли, вводились необходимые вокальные партии, разрабатывалась техника танцев, сценических изобразительных движений актеров. История не сохранила нам имена авторов таких пьес, как «Шон хау», «Зыонг Тян Ты», «Три женщины, оспаривающие престол», которые вот уже несколько столетий живут на сцене и почитаются знатоками этого древнего вида сценического искусства как непревзойденные шедевры. По филигранной отточенности, емкости и лаконичности драматургического материала можно судить о незаурядности литературного дарования их творцов. Вьетнамские литературоведы, в частности Хоанг

¹ Mich Quang. *Tim hieu nghe thuat tuong*. Ha-noi, 1963, с. 82.

² Dung Hiep. *Nghe thuat tuong chat la nghe thuat kich noi codien Viet-nam*. San khau, Ha-noi, 1972, t. 2, с. 86—97.

³ Nguyen Nho Tuy. *55 nam tren san khau tuong*. Ha-noi, 1974.

⁴ Mich Quang. *Tim hieu nghe thuat tuong*. Ha-noi, 1963, с. 82.

Тяу Ки, полагают, что в доработке пьес туонга принимали участие и актеры⁵, нередко импровизировавшие во время спектакля.

Спектакль туонга строится на чередовании картин, которые как бы иллюстрируют события, происходящие в жизни сценических героев. Формально представление туонга строится на многочисленных условностях и символах, которые прослеживаются в одежде, позах, жестах, гриме, сценическом движении актера. Интересна традиция туонга, которую старейший мастер сцены Нгуен Нью Туи называет «вхождением в роль»⁶; при первом появлении на сцене актер жестом руки испрашивает у зрителей позволения занять свое место; приняв нужную позу и расправив одежду, актер поднимает лицо кверху, что означает просьбу начать игру, и ждет удара барабана, который символизирует согласие зрителей. Затем актер, как правило, представляется зрителям, рассказывает, какую роль играет в пьесе, откуда родом и в каких отношениях находится его герой с другими персонажами представления. С помощью символики танца и пластических движений актер доводит до зрителя перемены пространственного положения героя, изменения во внешнем развитии действия спектакля. Грим в туонге служит для непосредственной наглядной и условной характеристики героя: при первом появлении на сцене зритель узнает злодея и предателя по красной бороде и белому лицу; благородный герой носит черную бороду, а лицо его выкрашено в красный цвет; лицо коварного персонажа — серое, злого — черное; о смелости героя зритель узнает по поднятым кверху бровям; прямые, горизонтально расположенные брови свидетельствуют о доброте его. Декорации практически отсутствуют, сценические аксессуары символичны: кусок белой материи — река, ветка дерева — лес, кнут в руке танцующего актера — езда на лошади и т. д. Уходя своими истоками к народным культовым и обрядовым действиям, в большей или меньшей мере усвоив элементы китайской и тямской театральных культур, туонг в XVII в. представлял собой уже сложившийся жанр со своими специфическими особенностями и традициями. Бурные политические события XVII — XVIII вв. и раздел страны наложили отпечаток на развитие литературы и искусства. Лучшие литературные силы страны были сосредоточены на севере, а на юге отмечалось развитие театрального искусства. Туонг достигает своего расцвета именно на юге, где правящий дом Нгуенов уделял большое внимание этому популярному в народе жанру сценического искусства, привлекая в свою придворную труппу лучшие исполнительские силы. Такая опека не могла не сказаться на общей идейной направленности туонга этого периода. В это время был создан ряд пьес, которые последующими поколениями актеров и зрителей будут рассматриваться как классические образцы («Шон хау», «Три женщины, оспаривающие престол» и др.). Основное внимание в этих пьесах уделялось трактовке героического в характерной для феодальной этики форме: героизм отождествлялся с верным служением и преданностью монарху, который воспринимался как символ и воплощение отчизны; положительный герой — человек, беззаветно преданный императору, без размышлений жертвующий своим счастьем и даже жизнью ради служения сыну Неба.

Заметное влияние на развитие туонга XVII в. оказал Дао Зуи Ты (1572—1634). Не допущенный в 1592 г. к конкурсным экзаменам из-за принадлежности к лицейскому сословию (его отец руководил придворным оркестром при дворе Чиней), Дао Зуи Ты переехал в Дангчаунг, где в полной мере проявились его литературные способности. Традиция приписывает ему создание старейшей пьесы туонга — «Шон хау», секрет популярности которой заключался в том, что автору удалось отразить в ней чаяния широких народных масс о единстве страны, виновником раздела которой, согласно официальной версии дома Нгуенов, считался узурпировавший власть законной династии Ле дом Чиней. Сюжет пьесы «Шон хау», как и сюжеты последующих пьес данной тематики, строится на борьбе двух противоположных группировок: группировки коварного тхайши (великого наставника-канцлера) и группировки преданных старой,

⁵ Hoang Chau Ky. So thao lich su nghe thuat tuong. Ha-noi, 1973, с. 134—135.

⁶ Nguyen Nho Tuy. Tuong la nghe thuat bieu hien hay nghe thuat the nghiem. San khau, 1972, I. 2, с. 79.

«законной» династии сановников. Поводом для захвата престола коварным тхайши обычно служила смерть императора. Верные своему долгу и преданные законной династии, сановники ценой многочисленных страданий и жертв спасают от козней тхайши малолетнего легитимного наследника или ждущую такового наследника императрицу, поднимают на борьбу народ и восстанавливают поправную справедливость.

Язык туонга XVII—XVIII вв. по сравнению с языком туонга XIX в. более прост. Литературную основу пьес туонга XVII—XVIII вв. составляли большей частью проза-поэтические тексты на вьетнамском языке, но в них в изобилии встречались общедоступные выражения на ханване. Цитаты из классической китайской литературы употреблялись редко. В текстах не всегда соблюдались рифма и принятая закономерность связи между частями текстов.

В XIX в. туонг претерпевает значительные изменения. При императоре Минь Манге был учрежден официальный орган, ведающий труппами туонга в масштабе всей страны. Ежегодно все труппы в обязательном порядке прибывали в столицу, где участвовали в конкурсных представлениях; лучшие из них оставались при дворе. Позднее выдающимся драматургом Дао Таном (1846—1908) был создан ряд новых пьес, с его участием придворные драматурги произвели переработку известных пьес прежнего репертуара туонга — «Шон хау», «Дао Фи Фунг», «Три женщины, оспаривающие престол». При Ты Дыке, большом знатоке литературы и искусства, туонг процветал как при дворе, так и вне его: собственные труппы туонга имели члены императорской фамилии и наиболее влиятельные сановники. В пьесах придворного туонга XIX в. идейная направленность подчинялась строгим законам конфуцианской этики, но во время правления Ты Дыка в связи с внешнеполитическими событиями (начало европейской колонизации и капитулянтская позиция двора) конфуцианский догмат о верности и преданности императору дал трещину. Ты Дык столкнулся с мощной оппозицией в лице народа и части своих сановников, боровшихся против французской колонизации; преданность и верность монарху стала равнозначна помощи захватчикам.

Развитие придворного туонга пошло по пути усложнения формальной стороны представлений, в его репертуаре появились такие пьесы, как «Десять тысяч сокровищ», которые представляли собой циклы композиционно цельных пьес, объединенных единым сюжетом и наличием одних и тех же главных героев; представления таких циклов длились около 100 вечеров⁷. В отличие от пьес туонга прежнего репертуара, где главное внимание уделялось трактовке героического, в пьесах этих циклов основное внимание отводилось утонченной исполнительской технике актеров. Литературная основа и язык туонга усложнились: увеличилось количество вокальных партий на ханване, в употребление вошли параллельные фразы, построенные на звуковых противопоставлениях, все компоненты пьесы — монологи, диалоги, вокальные партии, речитативы — связывались строгой, отточенной рифмой. Для понимания происходящего на сцене требовался высокий уровень эрудированности. Придворный туонг потерял былую доступность туонга XVII—XVIII вв. и превратился в театр небольшой группы эстетствующих зрителей.

Во второй половине XIX в. в крупных городах и прилегающих к ним районах Центрального и Южного Вьетнама большой популярностью пользовались труппы туонга, дававшие представления на отличную от пьес придворного туонга тематику. Это были пьесы «Очарованный Ким Тхань» Нгуен Хыу Нгиа (1807—1872), пьесы, созданные по мотивам известных литературных произведений, например поэм: «Стенания истерзанной души» Нгуен Зу (1765—1820), «Люк Ван Тиен» Нгуен Динь Тиеу (1822—1888), «Чудесная встреча в Бить кау», «Ни до май», «Фан и Чан» неизвестных авторов. Впервые в истории туонга главным положительным героем выступает студент-конфуцианец («Очарованный Ким Тхань»); моральные качества человека среднего сословия — вер-

⁷ Hoang Chau Ky. So thao lich su nghe thuat tuong, с. 101.

ность, великодушие и милосердие — противопоставлялись коварству и продажности представителей высшего сословия. Более полно раскрывался внутренний мир героев, права гражданства на сцене туонга приобрели и интимные чувства: супружеская верность и любовь изображались сами по себе, а не в подчинении главной идее пьесы.

Не позднее середины XIX в. в районах, прилегающих к императорской столице — г. Хюэ, сложился новый тип туонга — народный комедийный туонг. Для пьес народного туонга характерна острая социальная сатира, иногда доведенная до гротеска. Вместо идеализированных, возвышенных героев в нем действовали обычные люди в обычных обстоятельствах. В таких пьесах, как «Моллюски», «Сторож Кен и староста Ненг», даны меткие зарисовки быта и существовавших в конце прошлого века провинциальных порядков. Мир героев народного туонга пестр и разнообразен: помещик и чиновник, сельский староста и уездный начальник со своими мелкими страстишками и пороками, ушлая девица, ловко избегающая наказания («Моллюски»), — вот те персонажи, которые выставлены на общее обозрение и осмеяние; такие же герои, как трудолюбивые супруги Чанг Нгиа («Тяу Нен и Чанг Нгиа»), Тхе Ньонг, не поддающаяся на уговоры выйти замуж за старика («Жестокая истина»), пользовались неизменной симпатией и любовью зрителей.

В первом десятилетии XX в. придворный туонг, в составе которого оставалось три труппы⁸, уже не играл прежней роли в развитии этого сценического жанра, несмотря на попытки придворных драматургов вернуть ему былую славу. Заметным явлением в истории туонга было появление в 1911 г. пьесы «Воительницы Чынг», авторство которой литературная традиция приписывает выдающемуся политическому и общественному деятелю Фан Бой Тяу. Несмотря на запрещение ее к постановке, она быстро получила широкую известность. Секрет ее популярности состоял в том, что она была первой пьесой туонга, всецело посвященной борьбе вьетнамского народа против иноземных захватчиков. В 1916 г. Хоанг Као Кхай, известный своей профранцузской деятельностью, создал две пьесы туонга, в которых освещались события времен Нгуен Аня (Зя Лонга) и давалась положительная оценка предательской политике сговора с европейскими захватчиками. У зрителей эти пьесы популярности не имели.

К концу XVII в. окончательно формируется и другой жанр национального сценического искусства — народный театр тео. Широкое распространение он получил преимущественно в сельских районах Северного Вьетнама и на протяжении столетий для неграмотного вьетнамского крестьянина был не только редким развлечением, но и важным источником знаний об истории и литературе своей страны. Как и туонг, тео является музыкальным жанром сценического искусства, спектакли его строятся на органическом единстве слова, музыки, танца, элементов циркового искусства. Но по сравнению с туонгом тео менее сложен как по литературной основе, так и по манере исполнения и музыкальному сопровождению. Обычно представления тео ставились силами любительских и полупрофессиональных крестьянских коллективов, и основным элементом мастерства считалось умение актера двигаться по сцене в сопровождении музыки, петь и декламировать, а также отчасти знание им элементов фехтования и акробатики.

В основу пьес тео брались драматизированные легенды, исторические предания, сказочные сюжеты, эпизоды из знакомых массовому зрителю литературных произведений. Пьесы тео имеют законченный сюжет, но как драматургический материал они уступают пьесам туонга, представления тео менее динамичны, чем представления туонга. Тео еще в большей степени, чем туонгу, присущи черты иллюстративности: актер тео не только представляет зрителям своего героя в начале спектакля, но и комментирует его поступки и дает оценку его характеру по ходу действия⁹. Представления тео давались только на вьетнамском языке, выражения на ханване

⁸ Там же, с. 137.

⁹ Nguyen Thi Nhung. Than thuat—mot dac tinh cua kich bau cheo co. Ha-noi. 1969, № 11. с. 75—82.

употреблялись очень редко. Язык тео близок к языку устного народного творчества, богат народным юмором, емок, афористичен, его символика близка символике казао и народных песен.

Сценой для представлений тео обычно служила площадка перед общинным домом, где в присутствии зрителей актеры гримировались, облачались в нехитрые театральные одежды. Декорации отсутствовали, и единственным аксессуаром «сцены» была скамья или ящик, где располагались актеры в ожидании своего «выхода». Представления шли в сопровождении оркестра народных инструментов. Музыка тео обязана своим происхождением напевным мелодиям равнин Северного Вьетнама, она неразрывно связана со словом, усиливает его эмоциональное воздействие на зрителя, строго подчинена происходящим на сцене событиям. Тео, как и туонг, располагает вокальными партиями, назначение которых — передача различных оттенков настроения сценических героев, их отношения к происходящим событиям. Существенную роль играет хор, к которому нередко присоединялись и зрители. Отношения между актерами и зрителями в тео необычны и интересны. Перед началом спектакля зрители обычно выбирали ведущего, с разрешения которого начиналось представление и который строго следил за исполнителями, отмечая их хорошую игру, или же, прервав представление, объяснял зрителям, в чем ошибка актера и как нужно играть ту или иную сцену. Многие реплики актеров рассчитаны на прямую реакцию зрительного зала, особо тесный контакт со зрителями поддерживает комический персонаж, без которого не обходится ни одно представление тео. Комическому персонажу в тео отведено особое место. Роль веселого и остроумного комментатора выполняет один из актеров, занятый во вспомогательной роли (слуга, батрак, деревенский сторож-глашатай). Его роль не имеет прямого отношения к развитию действия, но его реплики и замечания как бы оттеняют роль главных персонажей, придавая ей другой, иногда прямо противоположный смысл, чем достигаются комический эффект и соответствующая реакция зрительного зала. Смеховую нагрузку имеет и роль почтенного старца Чинь Онга, или Манг Онга, любителя выпить и покутить; это амплуа неизменно кочует из пьесы в пьесу и является обязательным персонажем в сценах сватовства и связанных с этим событием церемоний.

Заслуженной любовью зрителей пользовались неутомимый труженик Тхань Сань — сказочный герой, мужественный, могучий, ни при каких обстоятельствах не теряющий оптимизма («Тхань Сань»); через все невзгоды и превратности судьбы пронесшие верность друг другу Чонг Чан и Кук Хоа («Чонг Чан и Кук Хоа»); популярны также герои старейшей из пьес тео — «Чыонг Виен», в которой поднята имеющая непреходящее значение проблема долга младшего поколения по отношению к старшему. Пьеса «Льонг Бинь и Зыонг Ле» дает трактовку идеала дружбы, сложившегося в сознании народа на протяжении веков и ставшего неотъемлемым компонентом великой сокровищницы народного гуманизма. Теневые стороны общественной жизни, не приемлемые народной этикой, подвержены в пьесах тео беспощадному осмеянию.

В начале XX в. представления тео получают права гражданства на подмостках городских театров. Под влиянием французской театральной культуры тео претерпевает значительные изменения: появились декорации и яркие костюмы, которых прежде не было, усложнилось музыкальное оформление спектаклей, изменилось само название этого старейшего жанра сценического искусства — тео стал именоваться «цивилизованным театром тео». Дальнейшая эволюция тео связана с именем известного театрального деятеля и драматурга Нгуен Динь Нги (1893—1954), в начале 20-х годов нашего века осуществившего ряд реформ, затронувших внутреннюю структуру тео: основное внимание было обращено на литературную основу спектакля, актерам, ранее нередко импровизировавшим во время представления, категорически запрещалось отклоняться от

текста пьесы, вменялось в обязанность знать наизусть свою роль¹⁰. После этих нововведений тео получил наименование «обновленного театра тео».

---

¹⁰ История Вьетнама в новейшее время (1917—1965). М., 1970, с. 423.

Глава 5

ЗОДЧЕСТВО И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Одно из ведущих мест в истории вьетнамского искусства принадлежит зодчеству, и прежде всего культовым и дворцовым постройкам.

Изучение вьетнамского зодчества затруднено рядом обстоятельств. Частые междоусобные войны и иноземные нашествия, различные стихийные бедствия, влажный климат страны мало способствовали сохранению памятников старины. Последняя причина приобретает особое значение для Вьетнама, так как здесь испокон веков основным строительным материалом было дерево. Сооружения очень редко возводились из камня, который употреблялся в основном в кладке цоколя, в базах колонн, балюстрадах. В ряде случаев использовался кирпич, но лишь изредка здание целиком возводилось из него.

Памятники вьетнамской архитектуры, как правило, подвергались многократным перестройкам, подчас значительно менявшим облик сооружений. Нередки также случаи, когда на месте обветшалых зданий возводились совершенно новые постройки, которые впоследствии могла ожидать подобная же судьба.

Архитектуре Вьетнама не присущи тот размах и монументальность, которые отмечают храмовые и дворцовые ансамбли Индии и Китая. Здесь не создавались столь типичные для древней архитектуры Камбоджи сооружения типа храм-гора, поражающие своими грандиозными масштабами. Старинные архитектурные памятники Вьетнама отмечены прежде всего высокой гармонией и уравновешенностью масс, стремлением к единению с окружающим их пейзажем, дополненным умелым вмешательством зодчего, которое стало одной из характернейших черт вьетнамской архитектуры. Пышная тропическая растительность, чередующаяся с зеркальной гладью искусственных бассейнов, в сочетании с четко продуманной системой расположения дворов и портиков — все это создает прекрасное обрамление основному сооружению, составляя с ним цельный гармонический ансамбль.

Как уже говорилось, во Вьетнаме основным строительным материалом является дерево. Это можно объяснить разными причинами, и в частности обилием тропических лесов, дающих возможность выбора различных пород дерева. Следует учитывать также такой важный фактор при строительстве, как наличие плохих грунтов, а в ряде местностей крайне высокий уровень грунтовых вод. В этих случаях либо здание вообще не имело фундамента¹, либо появлялась необходимость возведения под несущим каркасом искусственных оснований в виде свай из твердых древесных пород. Устройство же подобных оснований под несущими каменными стенами при их сравнительно большом периметре было бы чрезвычайно трудоемким и не гарантировало бы однородной осадки центральных рядов несущих колонн².

Использование деревянных конструкций в качестве несущих, в свою очередь, определило и другие особенности старинных архитектурных памятников Вьетнама. Прежде всего они невысоки, и в них — а в тех случаях, когда они включаются в целый комплекс с другими сооружениями, то и во всем ансамбле — четко проступает тяготение к горизонтальности. В эти ансамбли вьетнамские зодчие непременно включали просторные дворы и обходные галереи, а также искусственные водоемы, окаймленные невысоким парапетом.

В архитектурном решении вьетнамских крупных строений очень важное место отводилось крыше, ее форме и декору. Пропорционально всей высоте здания она нередко занимала большую его часть. Края ее, вынесенные далеко вперед, покрывали легкие стены густой тенью. Однако благодаря углам, изогнутым вверх, а иногда и высокому,

¹ L. Bezacier. L'art Vietnamien. P., 1955, с. 27.

² Архитектура стран Юго-Восточной Азии. М., 1960, с. 64—65.

украшенному рельефами коньку тяжелая, как бы нависающая крыша подобных строений зрительно воспринимается значительно облегченной.

Но кроме чисто внешнего впечатления тут можно констатировать также наличие любопытного конструктивного приема: массивная крыша, венчающая легкое сооружение, которое при этом не имеет прочного фундамента, при умелом и точно рассчитанном распределении ее тяжести на ряды колонн, эффективно служила устойчивости всего здания.

Использование дерева как строительного материала давало также возможность обильно и разнообразно украшать здание, как фасад, так и интерьер, рельефами и ажурной резьбой, и это богатство декора также очень характерно для традиционной вьетнамской архитектуры.

Как известно, уже в эпоху средневековья сложились основные типы архитектурных сооружений, конструктивные особенности каждой разновидности, основные каноны их внутренней и внешней декорировки.

Наиболее распространенными среди построек культового и мемориального характера были мемориальные ступы и храмы.

Следует отметить и такой немаловажный факт, что начиная с XVI в. во Вьетнаме значительно увеличивается использование камня в сооружениях, что стало причиной лучшей сохранности памятников этого времени³.

Среди сооружений периода правления династии поздних (вторая четверть XV — конец XVIII в.), когда были построены многие замечательные памятники вьетнамского зодчества, наиболее ранними считаются королевские захоронения в Ламшоне (пров. Тханьхоа). В планировке и композиции комплекса явственно проступает стремление к воспроизведению соответствующих образцов захоронений императоров минской династии в Китае. Представляет интерес эволюция стиля архитектурного декора. Если в более ранних памятниках декор сохраняет изящество легкость, то в дальнейшем он становится преувеличенно пышным и тяжеловесным.

В период с XV по XVIII в. во Вьетнаме было сооружено большое количество буддийских храмовых комплексов, принципы планировки которых, а также конструктивное решение пагод демонстрируют определенное постоянство. Отмечая этот факт, в то же время следует подчеркнуть, что следование привычным схемам не ограничивало творческой фантазии вьетнамских зодчих, не вело к однообразию форм, однотипности. В значительной мере это объясняется совершенным умением вьетнамских зодчих создавать живописное обрамление всего ансамбля в целом, использовать особенности его местоположения, а также исключительное многообразие и богатство декоративного оформления каждого здания. Начиная с XVI в. буддизм во Вьетнаме переживает период возрождения⁴ в противовес официально насаждаемому в XV в. конфуцианству. Поэтому в XVI в. и в последующие века в стране был построен и восстановлен целый ряд культовых сооружений. Следует, однако, отметить, что часто вновь выстроенное сооружение включалось в уже существующий храмовой комплекс. В то же время, как указывалось выше, наиболее известные культовые постройки, которые из века в век пользовались наибольшей известностью и служили традиционным местом паломничества, неоднократно восстанавливались и реконструировались. В качестве наиболее ярких примеров можно назвать буддийский храмовой комплекс в Буттхапе, пагоду Ван-фук в Фаттите, пагоду Тэй-фыонг и др. Комплекс храма Нинь-фук в Буттхапе находится в 20 км от Ханоя. Дата начала его постройки точно неизвестна, но есть письменные свидетельства о существовании храма еще в начале XIV в.⁵. В XVII в. была предпринята большая реконструкция храма, и сохранившийся до наших дней ансамбль включает в себя целый ряд сооружений разных эпох. Планировка этого храма типична

³ B. Ph. Groslier. Indochine. Carrefour des arts. P., 1961, с. 232.

⁴ Le Thanh Khoi. Le Viet Nam... с. 279.

⁵ L. Bezacier. L'art Vietnamien, с. 122.

для ряда подобных сооружений. Он представляет собой прямоугольник, созданный галереями, замыкающими с трех сторон шесть храмовых построек, последовательно расположенных по одной оси. Еще два сооружения построены вне ограды. Главный храм этого ансамбля не отступает по своему плану от тех образцов, которых традиционно придерживались вьетнамские зодчие. Он имеет в плане форму буквы Н: два зала, соединенные переходом, причем каждая часть здания находится под отдельной кровлей. Таким образом, в главное святилище храма, где расположен алтарь, можно попасть, пройдя два предшествующих зала, где находятся статуи стражников и различных святых буддийского пантеона. В алтаре святилища находится статуя тысячеглазой и тысячерукой Куан-ам (Авалокитешвары), восседающей на цветке лотоса. Скульптура выполнена из дерева и покрыта золотом и красным лаком. Архитектура этого храма, организация его внутреннего пространства не отступают от общей схемы, характерной для вьетнамских построек типа одноэтажного здания, имеющего форму удлиненного прямоугольника. Тяжелая крыша с пластично изогнутыми краями, занимающая зрительно основную часть объема здания, привлекает величественной красотой. Само здание представляется очень легким благодаря изяществу рисунка основных конструктивных деталей и сложной системе кронштейнов, поддерживающих кровлю. Этому же впечатлению во многом способствуют расположенные между колоннами деревянные резные панно, которые заменяют стены. Ажурная резьба по дереву — традиционный вид вьетнамского художественного ремесла. Искусная рука мастера создавала сложные орнаментальные плетения. В комплекс храма в Бутхапе входит и один из лучших образцов мемориальных ступ во Вьетнаме — ступа Бао-нгием, возведенная в 1647 г. в память бонзы Туйет Конга его учеником бонзой Минь Ханем. Ступа эта построена целиком из камня. На высоком восьмигранном в плане цоколе возвышается стройная четырехэтажная башня. Каждый этаж отделен от последующего узким пологим выступом, а завершается башня невысокой конической крышей со шпилем, напоминающим по силуэту навершия индийских ступ. Высота ступы — 10 м. На четырех стенах каждого из ярусов башни сделаны оконные проемы, а на четырех других стенах высечено изображение Будды. На каждой из восьми стен цокольного этажа имеются арочные входы. Главный вход, оформлен двумя колоннами с барельефами в виде извивающихся драконов. Резным орнаментом украшено и основание нижнего этажа, стиль которого очень близок к стилю орнамента балюстрады, окружающей главный храм, что указывает на то, что они исполнены примерно в одно время. И действительно, по имеющимся сведениям, каменная балюстрада, окружающая главный храм, была создана одновременно со ступой Бао-нгием⁶. Одно из сооружений этого комплекса, которое некоторые исследователи, называют Храмом девятиярусной ступы⁷, увенчано трехступенчатой крышей. Использование трехступенчатой кровли можно отметить и на примере ряда других сооружений, наиболее известным среди которых является колокольня храма Кэо. В существующем виде ее относят ко времени поздних Ле, а точнее, ко второй половине XVII в.⁸

К середине XVII в. относится комплекс храма Ван-фук в Фат-тите, расположенного неподалеку от Бутхапа. Как можно судить по немногочисленным следам старых строений, на этом месте уже в IX в. возводились различные культовые сооружения. В том виде, какой этот памятник обрел во второй половине XVII в., он, повторяя в принципе планировку храмовых ансамблей, охарактеризованную на примере храма в Бутхапе, обладает в то же время своеобразными чертами. Прежде всего это относится к общей композиции ансамбля. Сооружения находятся на четырех последовательно возвышающихся террасах, что придает большую живописность всему ансамблю. На первой террасе расположены два прямоугольных искусственных водоема — прием,

⁶ L. Bezacier. L'art Vietnamien, с. 130.

⁷ Архитектура стран Юго-Восточной Азии, с. 60.

⁸ Nguyen Phi Hoanh. Luoc su my thuat Viet-nam. Ha-noi, 1970, с. 92.

имеющий аналогию и в других храмах, как, например, в композиции храма Кэо. Вторая терраса возвышается над первой на 5 м, и ее венчает портик. Эта терраса менее обширна по сравнению с первой. Затем уже на следующей террасе расположены основные здания храма и примыкающие сооружения, архитектура которых в общих чертах повторяет принятый образец одноэтажного деревянного строения. На четвертой террасе имеются каменные ступы, сооруженные в XVII—XVIII вв. Одна из них почти полностью повторяет ступу Бао-нгием в Бутхапе и сооружена в 1692 г. Ансамбль этого храма являет собой пример оригинального композиционного решения, свидетельствующий об умении вьетнамских зодчих творчески разнообразить принятые схемы.

Сказанное можно отнести и к интерпретации традиционно сложившихся конструктивных приемов одноэтажного деревянного здания. Одним из классических образцов подобного рода сооружений можно считать динь в Диньбанге, который построен в 1736 г. Общинные дома — динь, занимавшие важное место в архитектуре Вьетнама, испокон веков сооружались в крупных селениях. Они служили местом поклонения гениям — покровителям того или иного селения, иногда посвящались также обожествленным конкретным историческим личностям⁹. Здесь происходили разнообразные по своему характеру общественные мероприятия, например, собрания всей деревни, на которых обсуждались вопросы, волновавшие общину. Здесь же проходили церемонии, посвященные дню «гения», новогодному празднику тэт. Такова многообразная роль подобных сооружений. Их архитектурные формы просты, и именно в них и в декоративном оформлении фасада и интерьера с наибольшей полнотой проявился национальный дух вьетнамского зодчества.

Конструктивное решение диня оставалось почти неизменным на протяжении веков. Наиболее ранними из сохранившихся до XX в. построек подобного типа являются общинные дома, относящиеся к XVIII в. Это динь в селении Тьюкюен в провинции Тонтэй, в Иеишо, динь в Диньбанге и ряд других. Первые две из названных выше построек, были разрушены в 40-х годах XX в. От диня в Диньбанге до наших дней сохранилось лишь одно здание из ранее существовавшего ансамбля. По размаху своего архитектурного замысла, высокой художественности исполнения, а также по богатству и изяществу внутренней отделки динь в Диньбанге можно отнести к классическим образцам вьетнамской архитектуры.

В плане основное (сохранившееся) здание диня в Диньбанге имеет форму буквы Т. Сообразно своему назначению оно разделено на две части: просторный высокий зал, служивший место для многолюдных церемоний, и алтарь, где помещался тро. «гения». Здание диня приподнято над уровнем земли на 70 см, в него ведут узкие каменные лестницы. Основное помещение разделено рядами колонн на пять нефов. Центральные колонны имеют в диаметре 67 см. Колонны, так же как и стропила, балки, перекладины, сделаны из железного дерева. В центральной части потолок закрыт резными панно. В боковых нефках¹⁰, где высота колонны ниже, покрытие сделано в виде обрешеток из досок, положенных плашмя, поверх которых уже непосредственно была уложена ромбовидная черепица кровли. Система несущих и несомых конструктивных деталей, способы их соединения, использованные в строительстве этого общинного дома, характерны в основном для всех возводимых во Вьетнаме однотипных сооружений из дерева. Продольные балки, связывающие центральные колонны, поддерживаются сильно выступающими консолями. Мощные консоли крайних колонн боковых нефов создают дополнительную опору далеко выступающим загнутым углам тяжелой крыши. Места соединений балок, колонн, консолей, стропил осуществлены с помощью искусных врубок¹¹ и тщательно декорированы резным орнаментом. Вообще, художественная резьба в оформлении интерьера диня (а также и прочих сооружений, возводимых из дерева)

⁹ Nguyen Phi Hoanh. Luoc su... с. 93.

¹⁰ Там же, с. 93.

¹¹ Архитектура стран Юго-Восточной Азии, с. 51.

играет огромную роль. Именно благодаря ей, а также тщательному соблюдению пропорций нет ощущения давящей тяжести и тесноты, несмотря на ряды массивных колонн, сложные плетения конструкций и просматриваемый сквозь них огромный конус кровли.

Тончайшая резьба, покрывающая, как легкое кружево, щиты потолка центрального нефа и перегородок диня в Диньбанге, удивляет своим многообразием и совершенством исполнения. Центральную часть этих щитов занимает, как правило, изображение какого-либо фантастического животного. Более крупный масштаб и высокий рельеф этих центральных изображений оттеняют обрамляющие их узорчатые пояса с четким геометрическим орнаментом либо упругим плетением в виде стилизованных растений. Помимо этого резьба по дереву, преимущественно орнаментального характера, широкой лентой опоясывает сооружение ниже съемных щитов.

В связи с этим небезынтересно будет отметить обычай, часто применявшийся при сооружении общественных домов: строительство диня поручалось не одному, а двум совершенно разным коллективам мастеров, которые кроме общих работ по созданию основного каркаса здания были заняты строительством и украшением интерьера каждый на своей половине здания, заранее определенной по оси симметрии¹². Такой способ работы во многом объясняет богатство фантазии, которое поощрялось творческим соревнованием.

Стен, как таковых, в здании нет. Их заменяют легкие щиты, покрытые резьбой и помещающиеся между колоннами. Внутри здания царит полумрак, стужающийся кверху, в котором как бы растворяется тяжелый шатер высокой крыши, и постепенно уходят в мрак извивающиеся тела драконов и других фантастических животных, исполненные в высоком рельефе крупными, объемными формами.

Внешний облик здания очень прост, не перегружен излишними деталями. Благодаря умело соблюденным пропорциям даже его огромная крыша, как бы накрывающая собой легкое сооружение, не производит давящего впечатления.

Из военных сооружений нового времени следует сказать о строительстве и основных чертах планировки Ханойской цитадели. План ее был исполнен по французским образцам при Зя Лонге в 1805 г. в соответствии с принципами оборонительной системы Вобана¹³. Ханойская цитадель была главной крепостью на севере Вьетнама, оборонительным укреплением, возведенным в центре обширной провинции. В плане цитадель представляла собой большое каре, внутрь которого вели пять массивных ворот. Основным строительным материалом был кирпич. Цитадель имела защитный ров, ширина которого колебалась от 15 до 18 м, а глубина достигала 5 м. Через ров были перекинuty мосты, которые выводили на треугольные насыпные площадки, окруженные, в свою очередь, также неглубокими рвами. Выйти можно было по небольшим мостикам, перекинутым через рвы. Длина стен крепости была немногим более 5 км, а высота—1,5 м. Сложены они были главным образом из кирпича. Внутренняя планировка крепости была достаточно сложной. Она включала в себя различные службы, императорскую резиденцию, храмы. Кроме того, внутри крепости были устроены искусственные водоемы, насажены сады и даже имелись рисовые поля.

Главным храмом цитадели была императорская пагода, включавшая в себя три сооружения и массивный входной портик. Из сохранившихся после разрушения строений крепости следует отметить сторожевую башню, построенную в 1812 г. Эта высокая, 60-метровая башня возвышается на массивной трехъярусной террасе.

Ханойская крепость неоднократно выдерживала осаду французских войск. Пала она 25 апреля 1885 г., а в 1893 г. было принято решение муниципального совета о сношении старой крепости. Эти работы велись до 1897 г.

¹² Там же, с. 54; Nguyen Phi Hoanh. Luoc su..., с. 94.

¹³ А. Masson. Hanoi pendant la periode heroique, с. 55.

При Нгуенах Хюэ становится сосредоточением основных сил строителей, художников, резчиков по дереву и камню и других мастеров художественного ремесла. Императорский двор и высшая знать были основными заказчиками и потребителями их труда. Наибольшего напряжения и усилий требовало начавшееся в первом десятилетии XIX в. строительство Запретного города в Хюэ.

В планировке всего ансамбля следует прежде всего выделить искусство сочетания архитектурных сооружений с окружающим пейзажем. Чередование дворов, причудливо декорированных скалами, искусственными водоемами, придавало ансамблю: удивительное разнообразие.

Запретный город заключен в трех концентрически расположенных оградах. Во внутренней находился собственно Запретный город. Его архитектурный ансамбль включал в себя дворцы, храмы, успанаду, сады, искусственные водоемы. Все сооружения строго ориентированы по оси северо-запад—юго-восток.

В первые десятилетия XIX в. были возведены сооружения в двух внутренних оградах (в правление императоров Зя Лонга и Динь Манга). Однако часть из них, в свою очередь, претерпела позднейшие перестройки, а некоторые были снесены. Так, одной из наиболее важных модификаций следует считать перенесение в 1833 г. к югу дворца Тхай-хоа, построенного в 1805—1811 гг. (при этом не были сколько-нибудь изменены ни его ориентация, ни архитектурные формы)¹⁴.

Таким образом, в окончательном своем виде Запретный город в Хюэ представлял собой ансамбль, как уже говорилось заключенный в трех оградах. Первая, внешняя ограда была построена с соблюдением принципов оборонительной системы Вобана и снабжена рядом бастионов, из которых четыре расположены с южной стороны, а на трех других устроены по два. Вторая ограда не имела каких-либо оборонных укреплений, но, как и первая, была окружена глубоким рвом. Ее стены имели с каждой стороны вход, главным из которых являлись ворота Нго-мон. Они сооружены в 1833 г. и справедливо считаются одним из наиболее интересных сооружений комплекса императорского города. На каменном основании возвышается изящное сооружение из дерева, украшенное золотом и цветными лаками, глазурованной черепицей.

Собственно Запретный город находится в третьей ограде, куда, ведут еще одни парадные ворота Дай-кыг-мон. Здесь расположены различные дворцы, залы для аудиенций и другие сооружения, возведенные для императора и членов его семьи. В Запретном городе имеются сооружения различных эпох. Одним из наиболее примечательных среди них можно назвать дворец Кан-тян-диен, построенный в 1811 г. императором Зя Лонгом для обычных аудиенций¹⁵. Особенно следует отметить оформление интерьера этого дворца. Деревянный потолок был покрыт резьбой и инкрустирован перламутром и слоновой костью. Особую нарядность интерьеру придавали росписи и покрытие различных плоскостей и колонн цветными (в основном красными) лаками и золотом.

Сооружения, возведенные в Запретном городе в первые десятилетия XX в., резко отличны по стилю. Так, один из небольших дворцов, построенный в 1915 г., наиболее ярко представляет эклектический стиль, который сочетает в себе неорганично сплавленные черты европейского и вьетнамского искусства и в результате, по определению одного исследователя, не делает чести ни тому, ни другому¹⁶.

Помимо дворцовых сооружений важное место в ансамбле Запретного города занимают и культовые сооружения, а именно династические храмы. Справа от ворот Нго-мон был сооружен в 1804 г. храм Тхай-миеу, посвященный культу предков правящей династии. Слева от ворот Нго-мон императором Минь Мангом в 1821 г. был воздвигнут храм Тхе-миеу в память Зя Лонга; замечательны девять бронзовых династических урн,

¹⁴ L. Bezacier. L'art Vietnamien, с. 69.

¹⁵ Le Thanh Khoi. Le Viet Nam... с. 361.

¹⁶ L. Bezacier. L'art Vietnamien, с. 70.

отлитых и 1835—1836 гг. и расположенных перед этим храмом. С большим мастерством выполнен декор, изображающий излюбленные традиционные мотивы: горы, реки, растительность, стилизованных животных, солнце, облака и т. д.

Общее впечатление, которого стремились добиться создатели этого архитектурного комплекса, прежде всего должно было заключаться в ощущении величавого покоя и торжественности. И это достигалось удивительно гармоничным пространственным решением всего комплекса, когда в искусно созданном микромире живописно и разнообразно сочетались растительность, водоемы, скалы и прихотливый силуэт парадных ворот, дворцов, храмов.

Стоит к тому же представить ту торжественную атмосферу, которая царила во время многолюдных церемоний, красочность одеяний самого императора и его двора, чтобы почувствовать пышность и величавость этой картины, поражающей воображение каждого, кому доводилось быть ее свидетелем. Этим как бы иллюстрировалась идея незыблемости самой власти императора.

Весьма интересным образцом искусства сочетания архитектуры с пейзажем может служить династическое кладбище Нгуенов, расположенное в южной части Хюэ. Этот ансамбль включает в себя памятники, как бы оправленные в великолепно спланированные сады, водоемы, в зеркальной глади которых отражаются поминальные храмы, различные павильоны, стелы, портики, каменные статуи.

Архитектурный ансамбль императорского города в Хюэ как бы концентрирует в себе основные стилевые направления вьетнамского искусства XIX — начала XX в. При этом следует подчеркнуть официальный характер этого искусства, проявившийся в его нарочитой пышности и некоторой вычурности. Это искусство по стилевым признакам можно разделить на два главных периода. Первый охватывает весь XIX век, и начало его отмечено первыми строениями, возведенными при императоре Зя Лонге. Этот период, как подчеркивалось выше, характеризуется обращением как к образцу к официальному китайскому искусству, и одним из ярких проявлений этого можно считать, например, архитектурные формы и декор ворот Нго-мон. Вьетнамский исследователь видит в этом сооружении копию подобных ворот в Пекине¹⁷. Другая особенность, получившая в дальнейшем еще более преувеличенный характер,— это изобилие декора: перегруженность резьбой по дереву, фигурными керамическими украшениями, покрытие архитектурных деталей здания цветными лаками и золотом.

Ко второму периоду можно отнести искусство первых десятилетий XX в. Кроме некоторых элементов декора, заимствованных от предшествующего периода, искусство этого времени отмечено иными чертами. Архитектурные формы претерпевают определенную модификацию, продиктованную влиянием западного искусства, а точнее, архитектуры неоклассицизма¹⁸, создав таким образом причудливое сочетание, которое проявилось не только в смешении стилей в одном сооружении, но также в соседстве новых построек со старыми.

Период французского колониального господства наложил свой отпечаток и на архитектурный облик других, в первую очередь крупных, городов.

Как главную особенность строительства конца XIX — начала XX в. следует выделить прежде всего отсутствие идеи общего благоустройства городов или создания цельных крупных архитектурных ансамблей. Строительство направлялось необходимостью возводить административные здания, а также жилища для колониальных чиновников и военных. Кроме того, к этому времени относится также возведение ряда католических соборов, чужеродных по стилю местной архитектуре.

Одним из наиболее крупных сооружений начала XX в. является городской театр Ханоя. Соединяя в себе черты различных стилей, он являет собой типичный образец эклектизма, характерного для архитектуры колониального периода. Театр находится на

¹⁷ Nguyen Phi Hoanh. Luoc su... с. 123.

¹⁸ L. Bezacier. L'art Vietnamiens, с. 196.

небольшой площади, которая также застроена в XX в. Здание театра выделяется в ансамбле двухэтажных зданий. В застройке площади достаточно последовательно выдержан общий стиль, включающий в себя некоторые элементы национальной архитектуры.

Определенный интерес представляет здание музея Луи Фино (ныне Исторический музей), также относящееся к началу XX в. В его архитектуре удачно использованы элементы местной архитектуры, а именно орнаментальные мотивы в декоративном оформлении здания. Важно отметить также, что по своей планировке он удачно соответствует требованиям музейного здания, тем более что речь идет о сохранении и показе экспонатов в условиях влажного тропического климата.

Часто в планировку крупных сооружений вводились небольшие дворы, скверы, площадки, как, например, в планировке Ханойского университета, а также ряда крупных гостиниц, больниц. Привычное для вьетнамской архитектуры использование зеленых массивов в сочетании с тем или иным сооружением в ряде случаев применялось и в постройках колониального периода.

Однако следует еще раз подчеркнуть, что строительство отдельных крупных общественных сооружений и даже архитектурных ансамблей, а также ряда жилых кварталов в столице и в других крупных городах не затрагивало общего массива традиционной застройки и не преследовало цели благоустройства города в целом. Контрастом благоустроенным районам Ханоя (главным образом западной части и центра южного района столицы) были старые кварталы в северо-восточной части города. Эти кварталы отличала прежде всего густонаселенность и тесная застройка одно-двухэтажными, редко трехэтажными домами. Они перерезаны причудливой сетью узеньких улиц и переулков. На некоторых улицах традиционно селились ремесленники, объединенные по роду деятельности, что часто отражалось в названиях улиц: Шелковая, Серебряная, Бумажная, Веерная, улица Циновок и т. д. Эта часть города резко отличалась от кварталов европейской части тесной застройкой, когда одно сооружение лепилось к другому, а узенькие улочки были лишены какой-либо зелени. Но, как уже говорилось, общее благоустройство города никогда и не стояло в градостроительных планах колониальной администрации. Правда, были сделаны в этом отношении определенные усилия. К ним следует отнести сооружение в начале XX в. некоторых общественных зданий — военного госпиталя и ряда больниц в Ханое. Они отличаются достаточно продуманной планировкой, отвечающей как назначению самого здания, так и особенностям тропического климата. Однако небольшое количество этих учреждений, несомненно, ни в какой мере не соответствовало действительным нуждам населения в этой области.

Следует отметить также строительство большого крытого рынка в Ханое в 1889 г. Здание состоит из ряда павильонов, крытых двускатными крышами, поддерживаемыми рядами столбов. В местных условиях остроумно применена ажурная кладка стен кирпичом, что способствует не только освещению торговых павильонов, но и их вентиляции.

Однако, перестраивая некоторые кварталы, в частности в Ханое, французы иной раз уничтожали ценные памятники национального зодчества, как, например «пагоду страданий». Она заслуженно считалась одной из наиболее достопримечательных в Ханое и была построена в 40-х годах XIX в.¹⁹ Особый интерес представляли находившиеся в ней рельефы, изображавшие мучения грешников. По воспоминаниям очевидцев, они были исполнены большой выразительной силой²⁰. На месте этой пагоды было построено здание Управления почт. Такая же судьба постигла многие пагоды, расположенные по берегам озера Возвращенного Меча.

¹⁹ А. Masson. Hanoi pendant... с. 158.

²⁰ Там же.

В первые десятилетия XX в. в Ханое были возведены: кафедральный собор, президентский дворец (высшая резиденция) (1901 —1906 гг.), здание железнодорожного вокзала (1902 г.). В 1902 г. был построен мост через Красную реку длиной 2 км.

Таким образом, в первое десятилетие XX в. Ханой представлял собой колониальный центр, основным родом деятельности в котором было административное управление, а также торговля.

Он подразделялся на европейские кварталы, по архитектурному стилю достаточно эклектичные, и на старые городские районы, где селились местные ремесленники, торговцы и т. д. На окраине города росли «бамбуковые» кварталы — пристанище бедняков. Такое различие между европейскими кварталами и теснотой и скученностью районов обитания местного населения было характерно и для других городов, и в частности, например, для Сайгона и Хайфона.

Изобразительное искусство

Скульптура

В традиционном изобразительном искусстве Вьетнама скульптура, а также рельефы на дереве и камне занимали ведущее место. Отметив это, следует также выделить как главную ее особенность присущий ей культовый характер. Развитию культовой скульптуры в значительной мере способствовал ряд факторов. Именно в скульптуре и рельефах изображались, например, во вьетнамских храмах, не знавших стенописи, различные религиозные персонажи и сцены. Кроме этого можно считать закономерным расцвет скульптуры во Вьетнаме, где процветало искусство обработки дерева вообще. А в скульптуре Вьетнама, особенно в XVII—XVIII вв., именно деревянной скульптуре принадлежит ведущее место. Храмовая скульптура, как правило, была деревянной. Скульптура из камня чаще всего носила погребальный характер и встречается на местах захоронений правителей, крупных военачальников и сановников. Мелкая скульптура из нефрита, дорогих пород дерева, слоновой кости или отлитая из бронзы, встречавшаяся не только в храмах, но и во дворцах и богатых домах, также имела в основном культовое назначение.

Вторая половина XVII и XVIII в. во Вьетнаме характеризуются ярким расцветом деревянной скульптуры. Лучшие мастера того времени, обладая тонким художественным чутьем и в то же время искусством выразительной стилизации, создали в этот период ряд прекрасных произведений, обогативших национальное вьетнамское искусство. Это изображение тысячерукой и тысячеглазой Куан-ам (Авалокитешвары) из храмов в Буттхапс, статуя Будды-аскета (XVIII в.) из храма Тэй-фыонг, а также скульптурные изображения 18 архатов также из Тэй-фыонга. И это лишь несколько примеров из целой галереи скульптурных изображений божеств, украшавших вьетнамские храмы. Создание деревянной религиозной скульптуры требовало строгого соблюдения различных канонов, касавшихся позы изображаемого божества, его жестов, одежды, наличия различных атрибутов. Многочисленные породы дерева, которыми так богат Вьетнам, были благодатным материалом для создания круглой скульптуры и рельефов. Скульптурные изображения, как правило, покрывали цветными лаками и золотили, поэтому существовала определенная техника и последовательность различных этапов работы.

Вырезая из дерева скульптурное изображение, мастер делал как бы каркас²¹, намечал лишь основные черты. Дальнейшая детализация шла уже при покрытии вещи специальной пастой, в которую входили глина, лак и другие компоненты. После просыхания этого слоя его тщательно полировали и шлифовали, а затем уже наносили цветной лак. Расположение цветов строго определялось сложившимися веками предписаниями. Фигура Будды иногда золотилась целиком, причем вместо сусального

²¹ Особенно крупные статуи делались из нескольких кусков дерева, искусно скрепленных друг с другом.

золота использовалось часто олово, покрытое прозрачным коричневым лаком. В изображении других буддийских божеств золото использовалось фрагментарно. Им могли покрывать руки и лицо. Отличительной чертой статуи Будды является пьедестал в виде цветка лотоса. Божество, изображаемое, как правило, сидящим, как бы выходит из распустившегося цветка. Одежда ниспадала многочисленными широкими складками и могла покрываться легкой позолотой. В буддийских храмах, как правило, в боковых приделах, помещались даосские или какие-либо местные божества. Лицо и руки таких божеств окрашивались розовым лаком, а одежда — коричневым или черным. В их исполнении ощущается большая непосредственность и жизненность, что подчеркивалось их раскраской розовой, коричневой, черной краской, тогда как позолота, несомненно, усиливала ощущение ирреальности.

Статуи Будды помещались во вьетнамских буддийских храмах в центре алтаря в виде трех изображений, символизирующих три состояния Будды. Будда изображался, как уже говорилось, сидящим на цветке лотоса, со скрещенными ногами, погруженным в глубокое самосозерцание, с выражением отрешенной умиротворенности. Эти статуи статичны, что диктуется прежде всего именно внутренней сосредоточенностью и отрешенностью от всего земного, которые одушевляют эти образы. В качестве классического примера можно назвать изображение Будды, выполненное из дерева и покрытое лаком из храма Тэй-фьонг (XVIII в.).

Творческая фантазия создателей подобных статуй была строго ограничена рамками детальных предписаний в изображении канонизированного образа: это относится ко всей традиционной религиозной скульптуре, и в первую очередь, конечно, к воплощению образа Будды и бодисатв. Именно поэтому с особой силой воспринимаются черты своеобразного реализма в статуе, изображающей Будду-аскета (храм Тэй-фьонг, XVIII в.), которую можно назвать одной из наиболее значительных по своей выразительности во вьетнамской скульптуре XVIII в. Это поразительное по оригинальности трактовки произведение представляет Будду в виде монаха, изможденное тело которого покрыто ниспадающей складками одеждой. Он сидит в канонической позе, положив левую руку на согнутую в колене ногу. Статуя покрыта черным лаком, что во многом способствует более углубленному восприятию образа.

Весь облик Будды с особой силой воплощает идею ухода, от всего земного, отрешенности от мирской суеты, достижение состояния созерцания. Глаза Будды прикрыты, поза исполнена спокойствия. Художник придал ему облик вьетnamца.

При художественном анализе этого произведения можно отметить погрешности в соблюдении пропорций, несоразмерности в трактовке человеческой фигуры, гиперболизацию) в изображении; обтянутого кожей черепа, иссохших рук и ступней. Но не реалистическое изображение натуры было задачей художника. Вьетнамская традиционная скульптура, культовая по своему характеру, не стремилась выйти за рамки символического образа. Никогда божество и даже канонизированная историческая личность не изображались в конкретный момент их жизни или в конкретной: акции.

Изображение Будды-аскета, также относящееся к XVIII в., имеется в пагоде Миа²². Однако в ней по сравнению со статуей из храма Тэй-фьонг ощущается некоторая сухость и схематичность, хотя и здесь с большим мастерством передано состояние глубокой самоуглубленности и умиротворения.

В обширном пантеоне буддийских храмов одним из наиболее-почитаемых был культ бодисатвы Куан-ам (Авалокитешвары) — по китайской традиции перешедшей во Вьетнам,— воплощаемый в женском облике. Куан-ам почиталась как олицетворение милосердия и добра. Одно из наиболее распространенных изображений: Куан-ам — это так называемая тысячерукая и тысячеглазая Куан-ам. Подлинным шедевром вьетнамской скульптуры второй половины XVII — начала XVIII в. считается тысячерукая и тысяче-

²² Nguyen Phi Hoanh. Luoc su... с. 101.

глазая Куан-ам из храма в Буттхапе. Композиция этой статуи, не представляет собой отступления от существующих образцов, Куан-ам восседает на цветке лотоса со сложенными на груди ладонями. Глаза закрыты, лицо озарено отрешенной улыбкой, как бы символизирующей достижение умиротворенности и высшего спокойствия. Как и другие бодисатвы махаяны Куан-ам — существо, достигшее уже высшей святости и получившее право и возможность перехода в нирвану. Однако бодисатвы, добровольно отказавшись от этого, становятся непосредственными помощниками людей в деле достижения ими нирваны²³.

Куан-ам из храма в Буттхапе окружена ореолом из многочисленных рук, на ладонях которых имеется изображение глаза. Этот ореол, исполненный в форме рельефа, как бы составляет фон, на котором выделяется скульптурное изображение Куан-ам, и выходящих из ее тела 28 рук, протянутых в различных направлениях. Прежде всего следует отметить, что этот первый план, оттененный более плоским фоном, привлекает пластичностью-форм, грацией и своеобразной ритмикой в движении рук. Изображение Будды поднято над головой Куан-ам на тройном пьедестале, составленном из изображений восьми лиц. Статуя тысячерукой и тысячеглазой Куан-ам исполнена из дерева и покрыта красным лаком и золотом.

Интересно сравнить описанную выше статую Куан-ам с подобной статуей (XVIII в.) из храма Тэй-фыонг. В последней образ бодисатвы значительно схематизирован и лишен той детализированной описательности, которая характерна для статуи из Буттхапа.

Бодисатва Куан-ам изображалась также с ребенком на коленях или в сопровождении ученика.

В каждом буддийском храме имеются изображения архатов — совершенных людей, достигших состояния перехода в нирвану. Наибольшей известностью пользуются статуи 18 архатов из Тэй-фыонга, относящиеся также к XVIII в. Исполнены они из дерева и покрыты цветными лаками. В их исполнении ощущается большая свобода художника от догматических предписаний. Галерея статуй архатов из Тэй-фыонга, исполненных, как правило, в размере около 2 м, поражает именно разнообразием характеров, живостью поз, своеобразием настроения, присущего каждому персонажу. Однако, вспоминая общую для всей вьетнамской культовой скульптуры черту, следует и в данном случае подчеркнуть, что основная задача художника в изображении архатов состояла в том, чтобы при помощи заранее определенных атрибутов, сопутствующих персонажам, выразить наиболее характерную черту в каждом из них. Но и разница между этими статуями и изображением Будды и бодисатв состоит в том, что эти черты более человечны, нежели, скажем, величавая отрешенность высшего божества. Нельзя не сказать, что большую жизненность и реальность этим статуям придает их раскраска: лицо и руки покрыты розовой краской, а одежда исполнена черной и красной.

В монографии вьетнамского исследователя высказывается интересное предположение, подсказанное стилевым единством группы статуй архатов из Тэй-фыонга, о том, что все они вышли из одной мастерской и принадлежат одному художнику, руководившему группой исполнителей.

В храме Тэй-фыонг находится еще одна знаменитая статуя, отмеченная большим своеобразием. Это изображение Рахулы — сына Будды, ставшего монахом, ушедшего от мира для постижения великого учения. Он изображен в виде старца с типично вьетнамскими чертами. В исполнении этой статуи, насыщенной глубоким психологизмом, ощущается также мастерство пластического решения всей фигуры.

Во вьетнамской культовой скульптуре нередко встречается и изображение первого проповедника буддизма во Вьетнаме — символический образ, как бы воплотивший в себе черты многих поколений вьетнамских монахов. Самой известной среди них, несомненно,

²³ А. Н. Кочетов. Буддизм. М., 1966.

является статуя из храма в Буттхапе, которую относят к XVII в. Она также исполнена из дерева, покрыта красным лаком со следами позолоты. Перед нами предстает личность, наделенная сильным характером,— убежденный проповедник. Можно отметить даже некоторую суровость его облика.

Помимо главных божеств буддийского пантеона в храмах устанавливались изображения второстепенных персонажей (различных почитаемых лиц, стражей и т. д.). Их облик, позы, лица, порой устрашающие, искаженные от ярости, со страшным оскалом со временем превратились в своеобразные маски.

В буддийских храмах, как уже говорилось, помещались также статуи, изображавшие различных святых других религий, местных духов и т. д. В пагоде Миа имела, например, статуя, изображавшая Лаоцзы. Размеры фигуры несколько меньше человеческого роста. Лаоцзы изображен в виде пожилого человека, одетого в монашескую одежду. Следует отметить, что в исполнении этой статуи чувствуется уверенная рука человека, изучавшего строение человеческого тела²⁴.

Особое место в скульптуре второй половины XVII и XVIII в. занимают изображения конкретных исторических личностей, статуи которых помещались в различных храмах. Перед нами проходит галерея различных образов, исполнение которых, однако, было отмечено единым подходом к вопросу художественной трактовки человеческой личности. Нам часто известны имена людей, воплощенных в конкретной статуе, но перед нами не личность во всей сложности собственного индивидуального характера, а лишь воплощение тех добродетелей, которые в ней должны почитаться. Человек изображался абстрагированно от какого-либо конкретного момента в своей жизни, в его облике не находят своего отражения особенности его духовного склада. Перед нами при взгляде на эти статуи предстает образ человека, достигшего умиротворения и поднятого над людскими страстями и стремлениями. Перед нами личность, ушедшая из мира, окончившая свое земное существование, обретшая вечный покой. И как естественное дополнение к сказанному следует подчеркнуть, что портреты, как скульптурные, так и живописные, создавались после смерти изображаемого. Но это в то же время не портрет-воспоминание, воскрешавший в памяти живой образ. В портретных статуях (люди изображались сидящими, в скованной, статичной позе) воплощались образы лишь наиболее почитаемых, прославившихся своими добродетелями и деяниями военачальников, монахов, правителей и представителей их семей. Изображенная личность как бы получала второе существование и становилась объектом почитания. Сказанное в равной степени правомерно и в отношении живописных портретов.

Ко второй половине XVII и XVIII в. относят²⁵ статуи монаха Минь Ханя из Чатьлама, монаха из пагоды Чан-куок, принцессы Чинь Нгок Ту из Чатьлама и императрицы Диеу Виен в Буттхапе и ряд других памятников.

Статуя, изображающая Минь Ханя, справедливо считается одним из наиболее прекрасных образцов вьетнамской скульптуры. Она была установлена в нише небольшой мемориальной ступы этого бонзы в Чатьламе в 1660 г.²⁶, через год после смерти изображаемого. Статуя исполнена из дерева и покрыта лаком. Некоторые портретные черты, которыми, возможно, наделено это произведение, размыты как бы общей благостной отрешенностью, проступающей в умиротворенной улыбке, озаряющей лицо монаха. Эта статуя привлекает строгостью и чистотой форм и цельностью общего впечатления.

Многочисленные изображения различных правителей Вьетнама, представителей их семей и иногда представителей высшей аристократии помещались в пагодах, поминальных храмах. Все они наделены общими формальными чертами, проявляющимися, например, в статичных позах (они изображались сидящими), нарочитой

²⁴ Nguyen Phi Hoanh. Luoc su... с. 103.

²⁵ Там же, с. 106.

²⁶ Le Thanh Khoi. Le Viet Nam..., с. 283.

нейтральности выражения лица. Однако и в этих тесных рамках творческая фантазия художника умела порой оживлять подобные портреты стремлением к индивидуальной характеристике. Так, портрет императрицы Диеу Виен изображает достоверно известную историческую личность. Она постриглась в монахини и обитала при храме в Буттхапе. При всей внешней, чисто формальной схожести на произведения этого рода здесь достаточно явственно передан характер конкретно изображенного человека: надменность и высокомерие аристократки, которые не смягчило монашеское смирение.

Те произведения, которые были названы выше в описании вьетнамской деревянной скульптуры второй половины XVII и XVIII в., уже позволяют судить об этом времени как о периоде расцвета этого искусства во Вьетнаме, значительно обогатившем его художественное наследие.

Однако, чтобы более полно представить развитие скульптуры во Вьетнаме со второй половины XVII — начала XX в., необходимо коснуться и других ее видов помимо скульптуры из дерева: это деревянные и каменные рельефы, статуи, исполненные в камне, а также из меди и бронзы²⁷.

Рельефы, исполненные в дереве и камне, украшавшие вьетнамские культовые и дворцовые постройки, можно подразделить на сюжетные — это изображения различных религиозных сцен, резные алтари, а также на рельефную резьбу, носившую чисто декоративный характер и являвшуюся как бы частью общего архитектурного решения здания. Орнаментальные мотивы в последней весьма разнообразны: это стилизованные изображения растений и животных, геометрический орнамент, изображения фениксов и т. д. В предыдущем разделе отмечалась искусная резьба по дереву на примере диня в Диньбанге. Образцом высокого мастерства вьетнамских ремесленников может служить и декоративное оформление храма Тэй-фыонг.

Рельефные сюжетные панно помещались в храмах, а также украшали некоторые дворцовые постройки. Весьма распространены во Вьетнаме также резные алтари, которые помещались в центральном или боковых приделах храмов. Это многофигурные композиции, разделенные на несколько ступеней, где изображались отдельные самостоятельные сюжеты. К XVIII в. относится одно из наиболее известных произведений этого типа — пятистворчатое панно с изображением сцен ада, находящееся в настоящее время в Историческом музее Ханоя. На каждой из сторон изображен один из пяти властителей ада, а над их фигурами помещены сцены, символизирующие пять наказаний. Панно раскрашено цветными лаками и по своей изобразительной манере несколько напоминает стиль народных лубков.

В качестве материала для изготовления алтарей наиболее часто использовались дерево, а также глина. Алтарь XIX в. из пагоды Ланг в Ханое исполнен из глины и затем раскрашен и покрыт лаком. В этой композиции, очень сложной и населенной многочисленными персонажами, изображены символически три сферы — ад, земля и будущее. Каждая сцена отделена от другой лентами облаков. Вся композиция очень статична и достаточно проста для восприятия. Совсем иной характер носит резной алтарь из дерева, исполненный в конце XIX в., также находящийся в одном из храмов Ханоя. Сцены очень динамичны, фигуры показаны в движении, отчего весь алтарь воспринимается как сложное плетение, что еще более подчеркивается позолотой, которой сплошь покрыт алтарь, а также избытком декора. В исполнении этого алтаря следует, несомненно, признать высокое мастерство резьбы по дереву.

Рельефы, исполненные в камне, встречаются значительно реже и носят, как правило, не самостоятельно изобразительный характер, а выступают в неразрывной связи с архитектурным решением здания. Наиболее известными образцами подобного рода

²⁷ О последних следует сказать прежде всего, что они представляют традиционное искусство литья из металла, известное во Вьетнаме с глубокой древности. И в новое время художественное литье, главным образом из меди и бронзы, было отмечено тщательностью и высоким мастерством исполнения. Во вьетнамских храмах и дворцах часто встречались отлитые из бронзы и меди фигуры животных и птиц.

являются рельефы каменной балюстрады в храме Нинь-фук в Буттхапе и ступы Баонгием. При характеристике архитектурного стиля этих сооружений выше указывалось на близость к китайским образцам, что характерно также и для их декоративного оформления. Действительно, орнаментальные мотивы, изображения растений и животных позволяют утверждать это. Однако в исполнении этих рельефов следует отметить высокий художественный вкус и наличие собственных стилевых решений вьетнамских скульпторов, исполнивших эти барельефы.

Скульптура из камня и барельефы представлены, в частности, комплексами двух пещерных храмов, один из которых находится недалеко от Ханоя, а другой — в провинции Тханьхоа. В первом храме имеется множество статуй различного размера. Они относятся к XVII—XVIII вв. У пещеры очень высокий свод и свет падающий сверху на многочисленные статуи, населяющие храм придает всему интерьеру несколько фантастический характер.

Храм в пещере Ньой в Тханьхоа известен своими барельефами²⁸. Они высечены в скале и раскрашены цветным лаком. Фигуры очень живописны, линии мягкие и плавные. Определенную контрастность фигурам придает матовый фон стены, на которой легкими размытыми изображениями изображено небо с проплывающими облаками. Такой прием, когда фон еще более выделяет исполненные в невысоком рельефе и покрытые блестящими лаками фигуры, тем более оправдан в данном случае, так как пещера освещается дневным светом, попадающим только через вход. Эти барельефы относят к XVIII в.²⁹

Особое место во вьетнамском искусстве занимает так называемая погребальная скульптура — статуи, устанавливавшиеся на местах захоронений королей, военачальников, духовных лиц, крупных сановников и т. д. Известны, например, целые мемориальные комплексы, где захоронены правители династии поздних Ле в Ламшоне, династии Нгуенов в Хюэ. Эти династические захоронения по своей планировке, большому количеству установленных там статуй вдохновлены, несомненно, классическими образцами захоронений китайских императоров.

Прежде чем обратиться к описанию династической усыпальницы Нгуенов в Хюэ, следует привести несколько образцов погребальной скульптуры XVII—XVIII вв. Из сохранившихся от этого времени памятников наиболее интересными можно назвать захоронение крупного сановника Нгуен Диена (известное больше под названием «могила евнуха»), датированное 1769 г.³⁰, захоронение генерала До, а также статуи, воздвигнутые в его честь в провинции Бакнинь, на родине полководца (XVII—XVIII вв.).

Из многих фигур, установленных когда-то на могиле генерала До в Тханьхоа, сохранились изображения стражника, раба, а также фигуры слона и лошади. В провинции Бакнинь, на родине генерала До, до нашего времени дошли фигура самого генерала До, изображение льва и лошади. В исполнении этих статуй, установленных в разных местах и, вероятно, в разное время, можно однако, подчеркнуть некоторые сходные черты, общие стилевые особенности, которые можно объяснить стремлением создать некое символическое изображение, а не реальный образ. Формы обобщены, лапидарны. Детализация достигнута не посредством моделирования объемов, а гравировкой.

Здесь уместно упомянуть, что во Вьетнаме существовали четкие правила (зафиксированные, в частности, и в законах эпохи поздних Ле, и в Кодексе Зя Лонга), строго регламентировавшие как саму возможность устанавливать статуи и стелы на могилах, так и их количество, в зависимости от занимаемого общественного положения³¹.

Наиболее полно сохранились планировка и статуи, помещенные на так называемой «могиле евнуха», относящейся к XVIII в. Она имеет две латеритовые ограды, и здесь

²⁸ Высота барельефа не более 2 см.

²⁹ Imre Patko et Miklos Rev. *L'art du Viet Nam*. Budapest, 1967, с. 42.

³⁰ L. Bezacier. *L'art Vietnamien*, с. 46.

³¹ Там же.

установлены статуи различных размеров, изображающие чиновников, стражников, рабов, а также фигуры животных. При рассмотрении этих статуй, особенно фигур стражников, расположенных вдоль одной из стен ограды, бросается в глаза полная нейтрализация изображаемых персонажей, которые различаются между собой лишь теми предметами, которые находятся при них.

Низведение изображаемых персонажей до упрощенной схемы особенно явно проступает в более поздних скульптурных произведениях этого жанра. Наиболее полно эта тенденция проявилась в статуях, установленных в комплексе династической усыпальницы Нгуенов в окрестностях Хюэ. Прежде всего следует отметить, что в данном случае, особенно в произведениях второй половины XIX — начала XX в., схематизацию образа можно приравнять к посредственному копированию статуй XV—XVI вв. из захоронения поздних Ле в Ламшоне³². В качестве примера можно привести статуи, установленные на месте захоронения императора Тхиеу Чи (ум. в 1847 г.). Лишенные всякой связи с реальными образами, эти статуи людей и животных демонстрируют отсутствие самостоятельного подхода не только к подбору изображаемых персонажей, но и к их художественной трактовке. Их авторы довольствовались лишь грубо исполненной схемой, и в этом проступает деградация искусства каменной погребальной скульптуры, особенно явная при сравнении с подобными образцами XV—XVI вв.

Для вьетнамского изобразительного искусства, и в первую очередь для скульптуры как ведущего его вида, период конца XIX — начала XX в. может быть охарактеризован как время некоторого застоя. С процессом европейской колонизации нарушается естественный ход развития национальной культуры. Страна оказывается подчиненной интересам метрополии в экономическом и политическом плане, что не могло не найти своего отражения и в области культуры, и в частности изобразительного и прикладного искусства. В дальнейшем своем развитии скульптура, живопись, художественные ремесла оказались перед необходимостью учитывать вкусы европейцев, подчиняться их потребностям. Терялась живая связь с собственными национальными традициями, и для искусства и архитектуры этого времени более характерными становятся черты эклектизма, утрата самостоятельности и цельности стиля.

При изучении искусства Вьетнама второй половины XIX — первых десятилетий XX в. очень важное место занимает вопрос влияния европейской культуры. Первоначально знакомство с европейской культурой было крайне ограниченным и началось далеко не с лучших образцов, создававшихся ремесленниками средней руки, прибывавшими во Вьетнам в поисках заработка и исполнявшими заказы правителей династии Нгуенов и высших сановников.

Очень немногие вьетнамцы имели возможность ознакомиться с европейской художественной культурой в самой метрополии, а тем более получить там образование. Первые художественные школы, которые стали открываться с начала XX в., готовили лишь специалистов прикладного профиля. Профессиональная подготовка художников-вьетнамцев по системе, основанной на образцах европейского художественного образования, углубляла процесс воздействия европейской культуры на общий ход развития вьетнамского искусства, в котором следует отметить и положительные стороны. Они проявились прежде всего в изменении подхода художника к целям и задачам искусства, в расширении его кругозора и сферы творческих поисков. Укоренялся интерес к конкретной человеческой личности, к изучению окружающей действительности и реалистическому ее отображению. Это, в свою очередь, дало толчок возникновению во вьетнамском искусстве новых видов: станковой скульптуры, живописи, графики. В свете этого с точки зрения дальнейших перспектив развития вьетнамского искусства особое значение приобретала проблема преемственности, связи с традициями национального художественного наследия, так как именно она определяла возможность сохранения и

³² Nguyen Phi Hoanh. Luoc su... с. 127.

развития на новом этапе искусства Вьетнама его самобытных, национальных черт. Особую остроту эти вопросы приобретают со второго десятилетия XX в., и не только в скульптуре, но и в живописи и графике.

Живопись

Живопись и как самостоятельный вид искусства, и как нечто, включенное в общую систему декорировки того или иного архитектурного сооружения, не получила во Вьетнаме большого развития.

Вьетнамскую традиционную живопись можно подразделить на несколько видов: это портреты, пейзажи, картины жанровые и культового содержания. Картины писались на шелке или рисовой бумаге водяными красками и тушью.

Живописные портреты, как и скульптурные, создавались после смерти изображаемого по памяти либо по описаниям. Они исполнялись водяными красками на шелке и, несомненно, связаны с традициями китайских погребальных портретов. На них изображались обычно короли, сановники, представители знати. Их сохранилось небольшое количество в пагодах, погребальных храмах королевских семей и родовых усыпальницах крупных феодалов. Наиболее старым среди произведений такого рода является упоминаемый выше портрет Нгуен Чая, относящийся к XV в. К интересующему нас периоду относятся портрет ученого Фунг Кхак Кхоана (XVII в.), портреты двух принцев Нгуен Куй Дыка и Нгуен Куй Каня (середина XVIII в.).

Портретируемый изображался фронтально в застывшей позе, прямо смотревшим на зрителя. Художник тщательно вырисовывал черты лица, детали одежды. При этом он опирался на описания родных или исходил из собственных воспоминаний, так что внешнее сходство было весьма приблизительным. Тем более он не старался изобразить индивидуальные особенности личности портретируемого, так как не создание портрета в современном значении этого слова было задачей художника. Он стремился воплотить некий идеальный образ, наделенный величавым достоинством.

Новые веяния в портретном жанре, которые лишь впоследствии (в творчестве вьетнамских художников 30-х годов XX в.) проявятся с большей определенностью и полнотой, нашли впервые свое отражение в работах художника Ле Ван Миена. Ле Ван Миен был в числе первых четырех человек, которые в начальный период правления Нгуенов³³ были отправлены учиться в Париж. Ле Ван Миен получил там художественное образование, и это нашло свое отражение в написанном им портрете ученого-конфуцианца Нгуен Винь Мау (вероятно, относящемся к 40—50-м годам XIX в.). В этом портрете можно отметить стремление к индивидуализации образа и большей его конкретизации. Однако эта работа лишь эпизод, предвосхитивший некоторые тенденции после» дующего развития вьетнамской живописи.

Одним из излюбленных видов живописи был пейзаж. Любование родной природой, одухотворенное воспевание ее красот, столь характерные для традиционной вьетнамской литературы, нашли свое отражение и в пейзажной живописи. Известно, что уже в XVI в. она достигла больших высот³⁴.

Дошедшие до нас шелковые свитки, относящиеся к XVIII — XIX вв., представляют собой ряд пейзажей, исполненных в традиционной китайской манере, с соблюдением принципов кулисного построения пространства и отличающихся тонкой градацией цвета.

Наиболее общей характерной чертой вьетнамской пейзажной живописи является то, что образ природы предстает перед нами идеализированным, отвлеченным. Он как бы воплощает или даже иллюстрирует настроение ее создателя, часто выраженное в стихотворных строках, написанных иероглифами, включенными в общую композицию картины.

³³ Nguyen Phi Hoanh. Luoc su..., с. 130.

³⁴ Tran Van Trung. Viet-nam. Les homes d'au-dela du Sud. Suisse, 1957, с. 137.

В дальнейшем, особенно с начала XX в., по мере знакомства с европейской живописью пейзажная живопись претерпевает значительные изменения.

Говорить о вьетнамской жанровой живописи применительно к XVII — XIX вв. можно лишь условно, так как сюжетика произведений подобного рода была весьма ограниченной и по своим художественным задачам они имели преимущественно декоративное назначение. С точки зрения содержания в них следует подчеркнуть некоторую назидательность, проступающую в идиллических сценах, в которых присутствуют определенные персонажи: «ученый, крестьянин, ремесленник, почтенный старец, рыбак, дровосек, пахарь, пастух»³⁵. Аналогичные персонажи можно, кстати, обнаружить и в декоративных росписях цветными лаками створок для ширм, шкатулок и других предметов обихода.

Известен ряд живописных работ жанрового характера, одна из которых, «Рыбак, занятый ловлей рыбы», может иллюстрировать названные выше черты жанровых картин XVII—XIX вв. В исполнении подобных живописных работ характерны плоскостность в решении фигур, подчеркнутая целостностью цветового пятна, как бы заполняющего силуэт, некоторая искусственность и статичность общего композиционного решения.

Весьма распространенными, конечно сообразно масштабам развития живописи во Вьетнаме, были картины культового содержания. Они также писались водяными красками на шелке, рисовой бумаге или на дереве. Несколько картин подобного рода, относящиеся к XIX в. и находящиеся сейчас в Историческом музее в Ханое, дают возможность судить об их стилевых особенностях. Прежде всего их отличают тонкая и кропотливая техника письма, исключительная тщательность выписывания мельчайших деталей. Это, в частности, можно объяснить тем, что именно определенная одежда и различные атрибуты помогали ориентироваться в сложной иерархии культовых персонажей. Кроме этого каждый мастер стремился подчеркнуть высоко ценимую тщательность исполнения, тонкость рисунка и изящество мазка. В картинах XIX в., хранящихся в Историческом музее Ханоя, явственно проступают их нарочитая декоративность, схематичность образа, что оттеняется увлечением детализированной описательностью и дробностью цветового решения.

Сюжетная настенная живопись во Вьетнаме очень редка. В разделе, посвященном скульптуре, упоминалась роспись стены в пещерном храме в провинции Тханьхоа. Но это было лишь изображение голубого неба со схематично исполненными облаками, служившими фоном для раскрашенного рельефа.

С первых десятилетий XX в. начинается новый этап в истории национальной вьетнамской живописи. В этом плане основное направление и принципы ее развития сходны с теми, которые были отмечены в искусстве скульптуры.

Именно в первые десятилетия XX в. зарождается также тенденция к сохранению национального своеобразия, к использованию и развитию собственных художественных традиций. Осваивая новые возможности, открывавшиеся перед вьетнамским искусством, ведущие вьетнамские художники исходили из сложившихся веками эстетических ценностей, критериев мастерства, собственного мироощущения.

Особое место в изобразительном искусстве Вьетнама занимают лубки. Для них характерны своеобразие изобразительных средств, традиционность принятой символики и, наконец, отображение представлений простых людей о добре и зле, счастье и благополучии. В них прославлялись доброта, упорство и трудолюбие, изображались исторические персонажи, различные божества и гении. Их можно считать проявлением исконно народного творчества, тесно связанного прежде всего с жизнью крестьян и городских низов.

Лубки изготовлялись обычно к различным праздникам, но главным образом к новогоднему (по лунному календарю) празднику Тэт, который является одновременно и

³⁵ Nguyen Phi Hoanh. Luoc su... с. 113.

весенним и главным праздником года. Появление их и распространение не датируется точно, однако имеются достоверные свидетельства о существовании в деревне Донгхо (пров. Хабак) центра по изготовлению лубков в эпоху Ле³⁶.

Лубки печатались с одной или нескольких деревянных досок на бумагу, на которую мастер предварительно наносил фон: белый, желтый, оранжевый или красный. Датировка сохранившихся досок может быть лишь приблизительной, так как их использовали в течение длительного времени, и при последующем возобновлении, как правило, допускались лишь незначительные модификации. Существенно различаются лубки, созданные до французского завоевания и после, когда получили распространение бумага иного качества и формата и новые краски.

На ранних лубках никогда не проставлялось имя мастера, и лишь начиная с XX в. мы знаем имена наиболее известных мастеров: Нгуен Тхе Тхык, Выонг Нгок Лонг, Тьонг Мань Тюн и др. Наиболее известными центрами, традиционно занимавшимися печатанием лубков, были уже названная деревня Донгхо и ряд окрестных деревень и Ханой. Как правило, этим промыслом занимались целыми семьями и передавали свои навыки из поколения в поколение.

В деревне Донгхо лубки печатались в несколько приемов, когда на первоначально нанесенный контур накладывались различные цвета с разных досок. В Ханое же печатался только контур изображения, а дальнейшая раскраска шла от руки. Техника печатания лубков в обоих случаях достаточно проста и традиционна, а модификации в этом плане касались лишь способов изготовления бумаги и красок. Для получения основных цветов — белого, желтого, красного, зеленого, синего и черного — до начала XX в. употреблялись естественные красители и лишь позже начинают использовать анилиновые.

Сюжетика лубков многообразна. Прежде всего это различные благопожелания по случаю Тэт, выражаемые традиционно, при помощи изображений различных цветов, плодов, животных, предметов, символизировавших благополучие, многочисленные добродетели: персик — долголетие, гранат — многочисленное потомство, павлин — мир и благоденствие, свинья — изобилие и т. д. Кроме этого очень распространены были лубки назидательного содержания, исторические, религиозные (изображавшие Будду и боди-сатв, различных духов), лубки с изображением пейзажей, четырех времен года. Значительное место отводилось бытовым сюжетам, в которых обыгрывались различные комические жизненные ситуации, изображались крестьяне, работающие в поле, сбор кокосовых орехов, сельский базар и т. д. Эти листы полны жизнерадостности, оптимизма и тонкого юмора. Особое место занимают лубки, в которых в иносказательной форме (в качестве действующих лиц изображались различные животные) высмеивались корыстолюбие, тщеславие, глупость и жадность чиновников и феодалов. В лубках жанрового содержания мастер получает большую возможность проявить собственную индивидуальность, свой подход к выбору и трактовке сюжета. При этом полюбившиеся сюжеты, учитывая специфику печатания многих листов с однажды вырезанных досок, получали большое распространение и долгую жизнь. Переноса рисунок на новые доски, другой мастер мог несколько изменить композицию, расположение цветов, но при этом сюжеты и изображения, наиболее укоренившиеся и ставшие каноническими, практически оставались неизменными. Этим во многом объясняется постоянство художественного стиля, присущего лубкам. Для них характерны лаконичная композиция, четкий, выразительный рисунок. Мы не найдем в этих листах тщательной растушевки. Мастер в процессе работы пользовался большими цветовыми пятнами, заполняя ими темный контур изображения, как правило носившего упрощенный характер. В большинстве своем они очень метки и убедительны, их отличают точность и доходчивость художественного языка. Лаконичный и выразительный стиль народных лубков, их особый образный строй,

³⁶ Nguyen Phi Hoanh. Luoc su... с. 249.

присущий им оптимизм и своеобразный юмор, несомненно, стали выражением определенных черт национального характера. И уже в первые десятилетия XX в., когда пробудился интерес к изучению собственных художественных традиций, народным лубкам по праву стали отводить достойное место в национальном наследии, и ряд ведущих художников испытали воздействие их своеобразного стиля.

УКАЗАТЕЛИ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Ан Махат 361
 Анг Дуонг 357—358
 Анг Ем 96, 103
 Анг Нон 60, 631
 Анг Снгуон 108, 109
 Анг Тонг 109
 Анг Тянь II 355—357
 Анжуа II. 391
 Анурут, см. Тяо Са Винь
 Ань Зюе 340, 362
 Арман 416, 418
 Ау Зыонг Лан 388
- Ба Биеу 540—542
 Ба Ван 632
 Ба Киен 573
 Ба Куок 585
 Ба Хум 264
 Бак Лам 585, 586
 Бальзак О. де 653
 Бао 141, 143, 145, 182
 Балестье Дж. 374
 Баризи 183
 Бат Тяй, см. Зянг Та Тяй
 Батай 540
 Бать Тхай Бьюй 472, 479, 565
 Бачань 64
 Беп Хай 577
 Бернар Ф. 462
 Бинь Ф. 643
 Биссашер 145
 Бо П. 506, 512, 522, 627, 628
 Бонефой 479
 Борель 464
 Брейе 479
 Бугэнвиль 362
 Буй Зыонг 566
 Буй Куанг Тиеу 522, 566
 Буй Куй 225
 Буй Суан Чунг 521

---

* В указатель имен не включены авторы во Введении.

Буй Ти Ньюан 578
 Буй Тхи Суан Г84
 Буй Хюи Тин 473
 Бурбоны 309
 Буре 414
 Буффе 542
 Буэ 416
 Бюсси 479

Ван Байхоу 621, 623
 Ван Тан 176, 184
 Ваннер (Нгуен Ван Тян) 358, 359, 303
 Вашингтон Дж. 654
 Вейе 479
 Верневиль де 312
 Ви Туен Ба 298
 Вильсон 446
 Винсент 571
 Во Ван Хинь 565
 Во-выонг, см. Нгуен Фук Кхоат
 Во Динь Зунг 473
 Во Нгуен Зиап 138
 Во Суан Хань 565
 Во Фи Тхыа 91
 Вобан 673, 675
 Вольтер М. Ф. А. де 497, 653
 Ву (род) 40
 Ву Ван Ань 472, 474
 Ву Ван Дьен 367
 Ву Ван Зунг 154, 180, 182, 183
 Ву Ван Нам 134
 Ву Вьен Чунг 180
 Ву Динь Зунг 80, 82, 83)
 Ву Дык Кат 233
 Ву Дык Кхюе 339
 Ву Зуи Чинь 315
 Ву Зуи Ти 36
 В у Конг Тоан 40
 Ву Суан Кан 217, 219, 224, 230, 288—291, 293
 Ву Фам Кхай 342; 343
 Ву Хюе Тан 150
 Ву Хюи Тан 158
 Ву Чак Оань 80—82
 Выонг Нгок Лонг 694
 Вэй Юань 144
 Вэйд 370

Гарби 570
 Гарибальди 520, 654
 Гарнье Ф. 403—406
 Гаспардон Э. 603
 Гени 543

- Го Цзы 643
 Готье 400
 Гун 412
 Гюго В. 663
- Дайо 360
 Дам Ки Чан 2'9'8
 Дан Дык Лой 521
 Данг Ван Тхием 219, 226, 291—293
 Данг Ван Чан 126
 Данг Динь Зян 53
 Данг Динь Люан 83
 Данг Динь Няи 589
 Данг Динь Тьонг 38, 42
 Данг Кань 551
 Данг Кинь Луан 524
 Данг Куок Ланг 342, 343
 Данг Ньи Май 407—409
 Данг Тхай Май 636, 653
 Данг Тхай Тхан (Нгы Хай) 505, 514, 536, 537
 Данг Ты Киен 505, 509, 514
 Данг Фук Тхань 588
 Данг Чан Кон 637
 Данг Чан Сиеу 230
 Дао Зуи Ань 321
 Дао Зуи Ты 290, 650
 Дао Нгуен Фон 524
 Дао Тан 660
 Дао Тинь Лук 588
 Дао Тхао Кон 474
 Дао Чи Фу 324, 366
 Даогуан 3421, 344
 Д'Арк Ж. 654.
 Дарле 588
 Дау Суан Май 52'1
 Де Бао 540
 Де Киеу 427, 430
 Де Конг Тхань 388
 Де Сат 4218
 Де Тхам (Хоанг Хоа Тхам) 426, 427, 436—437, 500, 505, 510, 534, 537—544, 546,
 583—585, 588, 652
 Деспио 369
 Джексон Э. 372, 373
 Диас 378
 Дидро Д. 523, .530
 Диеу Виен 683, 684
 Динь Ван Диен 327, 401, 5)19
 Динь Ван Тхань 95
 Динь Ван Фук 95
 Динь-вьонг 110, 119, 121 — 123
 Динь Дао 399
 Динь Конг Ми 269

Динь Конг Чанг 431
 Динь Хое 473
 Динь Чанг 473
 До 688
 До Ван И 565
 До Тует 537
 До Тхань Ньон (Хыу Фыонг) 122, 124, 125
 До Тхыа Лонг 388
 До Тхыа Ты 38-8
 До Ты 574
 До Тян Тхиен 572
 До Тян Тхиет 569, 571
 Доан Конг Быу 388
 Доан Нгуен Тхук 89, 99
 Доан Тхи Дьем 629, 636, 637, 640, 641
 Доан Тхо 383
 Доан Тык Лиан 117
 Доан Чык 390
 Доан Чынг 399
 Дои Ван 43'2
 Дои Во 430
 Док Ден 480
 Док Кхоат 432
 Док Нгы 427, 430, 431, 433
 Док Ньыонг 430
 Док Сюьет 428
 Док Тит 4312
 Донг Кхань 425
 Думер П. 538, 441, 443., 444, 458, 490, 491, 626, 627
 Дэвис Д. 370, 371
 Дюпюи Ж. 403—406, 407, 467, 484

Елизавета (королева Великобритании) 370

Жерард 514
 Жэнэн 484

Зоан Уан 290
 Золя Э. 536
 Зуи Тан 574, 575
 Зыонг Ба Чанг 524, 526
 Зыонг Динь Кук 231
 Зыонг Динь Гуан 148
 Зыонг Ли 592
 Зыонг Тхак 521
 Зя Лонг (Нгуен Ань, Нгуен Фук Ань) 45, 106, 123—126, 137, 148, 152, 153, 155, 156, 164, 169—184, 191, 192, 195, 197, 199—201, 203, 205—210, 212—215, 217, 218, 225, 227—231, 235, 242—246, 261, 262, 267—273, 276—278, 280, 281, 283, 294, 298, 311, 315, 316, 321, 322, 326, 331, 335, 340—343, 345, 348—360, 365—361, 363, 364, 367, 368, 445, 505, 636, 662, 673, 675, 676
 Зянг Та Тяй (Бат Тяй, Бат Чай) 589, 690
 Зянг Хюен 69, 300

Иен Фи 396

Ка Зинь 540, 641, 542

Ка Хуинь 540—542

Кай Ванг (Нгуен Тхинь) 396—397

Кай Кинь 427

Кай Те 541, 542

Кам (род) 42

Кам Ба Тхьок 433

Кан Ювэй 496, 497, 508, 512, 519, 556, 653

Кань 125, 171, 172, 229, 230, 368

Кань Тхинь, см. Нгуен Куанг Тоан

Као Ба Куат 230, 231, 237—239, 645, 646

Као Дат 547

Као Диен 433

Као Тханг 433—435

Као Хоан Дык 298

Кастри де 171

Кеннеди Е. П. 374

Кергариу 360, 369

Ки Нгоай Хау 505

Киен Фыок 416

Клобуковский 475

Ко Чунг 300

Комура 514

Конг 410

Конвэй де 359

Конфуций (Кунцзы) 610, 626

Корнэ 364

Кроуфорд Дж. 315, 323, 326, 368, 369

Куан Хе, см. Нгуен Хыу Кэу

Куанг Тхюи 157

Куанг Чунг, см. Нгуен Хюе

Куать Тат Тхук 236

Кунцзы, см. Конфуций

Курбе 420, 580

Курне 541

Курси де 424

Куртенай 479

Кьонг Де 505, 506, 509—511, 515, 518, 536, 546—551, 558, 576—582, 597

Ла Суан Оай 420

Ла Фонтен 523, 658

Лабусс 165, 166

Лаволле Ш. 376

Ла Грандьер 386

Лай Тхе Тхиеу 93

Лам Зуи Хиеп 224, 225, 383

Лам Ук Там 298

Лан Онг, см. Ле Хыу Чак

Ланессан де 428, 471

- Лань Занг 432
 Лаоцзы 683
 Лапьер 365
 Ле (королевский род) 27—33, 36, 37, 39, 40, 45, 51, 52, 58, 59, 61, 63, 65, 72—74, 84, 90, 91, 96, 98, 99, 103, 104, 108; 109, 118, 128—134 136, 137, 147, 148, 150, 151, 154, 167, 168; 159, 161, 164, 167, 168, 208, 209, 236—238, 244, 257, 258, 268, 269, 270, 306, 396, 600, 613, 619, 621, 623—625, 642, 644, 659, 668, 670, 688, 689, 694
 Ле Ань Туан 53
 Ле Ба Ти 324
 Ле Ба Чинь 535
 Ле Бао Фунг, см. Та Ван Фунг
 Ле Ван Зюет 198, 206, 208—211, 214—216, 218, 222, 230, 274, 282, 284, 356, 357
 Ле Ван Кхой 218, 253, 265, 276, 284, 286, 289, 331, 364, 357, 364, 369
 Ле Ван Куанг 105
 Ле Ван Миен 690, 691
 Ле Ван Нги 566
 Ле Ван Тхань 180
 Ле Ван Фонг 366
 Ле Ван Фу 276
 Ле Ван Фук 566
 Ле Во 505
 Ле Галлен 584, 587
 Ле Динь 327, 401, 519
 Ле Зу Тон 43, 53
 Ле Зуи Ви 99, 100
 Ле Зуи Кан 99
 Ле Зуи Кы 298, 239
 Ле Зуи Мат 73, 80, 88—99, 101, 103, 108, 110
 Ле Зуи Ти 111, 148, 155
 Ле Зуи Уан 238, 289, 396
 Ле Зуи Фьонг 53, 72, 73
 Ле Зя Тонг 32, 36
 Ле Као Ки 110
 Ле Ким Нган 242
 Ле Куанг Динь 341, 346
 Ле Куанг Лонг 666
 Ле Куй Дон 97, 98, 101, 329, 601, 602, 630, 632, 633, 641, 654
 Ле Куинь 152
 Ле Кхиет 535
 Ле Лой 601
 Ле Май Хань 324
 Ле Нгаук Хан 638
 Ле Нгунг 574
 Ле Ти Тинь 383
 Ле Тхань Кхой 493
 Ле Тхань Тон 232
 Ле Тхи Лиёу 41
 Ле Тьеу Тхонг (Ле Хюи Ки) 129, 132, 139, 136, 137, 141, 146, 148, 149, 160
 Ле Тьонг 280
 Ле Тят 180, 193, 206, 208—210, 214—217, 230, 282, 288
 Ле Фат Винь 480
 Ле Фат Тан 480

- Ле Хи 41, 421
 Ле Хи Тон 43
 Ле Хиен Тон 129, 331
 Ле Хиеп Хыу 383
 Ле Хиеу 36
 Ле Хоан 543
 Ле Хыу Чак (Лан Онг) 629, 633, 641
 Ле Хюен Тонг 33
 Ле Хюи Ки, см. Ле Тьеу Тхонг
 Ле Чык 429
 Ле Ши Тоан 521
 Легран де ля Мерей 124
 Ленин В. И. 160, 306, 307, 317, 470, 482, 497, 507, 547, 568, 570, 575, 587, 596
 Ли (династия) 600
 Ли Ван Фук 366
 Ли Ван Фык 344 373, 643, 644
 Ли Кинь 298
 Ли Тху 540
 Ли Хиеп Хыу 383
 Ли Хунчжан 414, 418
 Ли Дай 117, 101
 Ли Янцзай 410
 Лиан 1105.
 Ливингстон 373, 374
 Лиеу-куан 115
 Лиеу Тхань 573
 Линь 64
 Линь Тхуан 541
 Лок 141, 145
 Лонг 141—145
 Лонг Ньонг, см. Нгуен Хюе
 Луи Филипп 370, 385
 Лыонг Ван Кан 524, 589, 584
 Лыонг Лап Ням, см. Лыонг Нгок Куен
 Лыонг Минь Хиен 571
 Лыонг Нгок Кан 528
 Лыонг Нгок Куен (Лыонг Лап Ням) 583—586
 Лыонг Там Ки 428
 Лыонг Ти Хуан 540
 Лыонг Тяу 533
 Лыу Кхань Ван 565
 Лыу Ланг 388
 Лю Юньфу 397, 398, 413, 430, 540
 Людовик XVI 171, 358
 Людовик XVIII 360, 361
 Лян Цичао 496, 497, 508, 510, 512, 519, 530, 653
- Ма 404
 Мадзини 520
 Май Конг Нгои 366
 Май Лао Банг 510, 547
 Май Мынхуа 497

- Майе 540
 Мак (род) 08, 31, 312, 34, 36, 37, 40, 41, 49, 111, 601, 612
 Мак Кинь Ву 34, 37
 Мак Кинь Тю 41
 Мак Кью 65, 66
 Мак Тхиен Тить 634
 Мак Тхиен Ты 102, 103, 104, 109
 Манга Турат 353
 Мануэль 123
 Маркс К. 16, 22, 26, 317
 Маршан 364
 Масперо А. 604, 605
 Мелин 458
 Ми Дыонг 229
 Мийо Э. 404
 Мин (династия) 40, 601
 Мин Южная (династия) 33, 34, 63
 Минь Манг 184, 199, 200, 205, 209, 210, 212—215, 217—220, 226, 228—231, 243, 248, 251, 253, 260, 262—267, 269, 271, 274, 277, 280—2184, 289—290, 294, 295, 303, 305, 306, 311, 312, 318, 320—322, 326, 331, 339—348, 350—354, 367, 358, 361—365, 368—370, 374, 600, 643, 660, 675, 676
 Минь Хань 669, 683, 684
 Минь Чунг 521
 Мирибе 507
 Мольер Ж. Б. 653
 Монморен 17
 Монтескье 497, 523, 530, 653
 Морель Ж. 539, 540
 Мутэ М. 501
 Мэнцзы 610
- Нам Кыонг 632
 Нам Хынг 537
 Наполеон I 369
 Наполеон III (Луи Бонапарт) 376—378, 385, 386
 Нгиа, тюа 63, 64
 Нгием Суан Конг 477
 Нго 642
 Нго Ван Шо 134, 135, 137, 141
 Нго Ви Куи 160
 Нго Нгок Зу 145
 Нго Ти 642
 Нго Тхе Лап 112, 113
 Нго Тхи Ням 149, 157, 158
 Нго Тхи Ти 643
 Нго Тхи Ши 97, 98
 Нго Тхи Ык 633
 Нго Тхой Ньием 134
 Нго Ты Ха 565
 Нго Чонг Кхюе 160

Нгуен (Нгуены, правители юга) 26—32, 35, 36, 39, 44, 45, 47, 59—71, 92, 96, 1102—105, 108, 111, 115—117, 119—122, 126, 127, 132, 147, 160, 162, 165—167, 169, 173, 174, 181, 184, 185, 190, 206, 208, 278, 324, 612, 613, 601, 622, 634, 659

Нгуен (Нгуены, династия) 187, 191, 201, 203, 204, 216—318, 243, 244, 246, 256, 257, 262, 263, 268—271, 295, 298, 299, 301, 305, 316—318, 321, 322, 328, 331, 335—337, 339, 340, 342—345, 347—349, 353, 354, 356—358, 363—367, 371', 389, 454, 521, 520, 597, 600, 608, 622, 624, 626, 673, 676, 688, 689, 691.

Нгуен Ань, см. Зя Лонг

Нгуен Ба Лан 98

Нгуен Ба Нги 383

Нгуен Ба Тинь 472, 565

Нгуен Ба Чак 557

Нгуен Бао Лоан 535

Нгуен Ван Быонг 388

Нгуен Ван Ван 679

Нгуен Ван Виет 480

Нгуен Ван Винь 522, 5'24

Нгуен Ван Дык 524

Нгуен Ван Зунг 134

Нгуен Ван Зям 356

Нгуен Ван Зяу 572

Нгуен Ван Кок 539

Нгуен Ван Нгуен 572

Нгуен Ван Няи 206, 2И4, 356

Нгуен Ван Сы 579

Нгуен Ван Тан 565

Нгуен Ван Тует 141

Нгуен Ван Тханг, см. Шенью

Нгуен Ван Тхань 195, 196, 206, 208—210, 230, 269, 280

Нгуен Ван Тхияь 566

Нгуен Ван Тхуи 357

Нгуен Ван Тхык 41

Нгуен Ван Тыонг 416

Нгуен Ван Тяи 228, 266

Нгуен Ван Тяи, см. Ваннер

Нгуен Ван Хиеп 579

Нгуен Ван Чи 356

Нгуен Ван Чыонг 206

Нгуен Винь Мау 691

Нгуен Дай Кан 296

Нгуен Данг Диеу 383

Нгуен Данг Зяй 219, 224—226, 229, 230, 266, 267, 276, 284, 293, 294, 367

Нгуен Данг Туан 214

Нгуен Диен 688

Нгуен Динь Куанг 635

Нгуен Динь Кы 150

Нгуен Динь Май 163

Нгуен Динь Нги 664

Нгуен Динь Ньюан 427

Нгуен Динь Тан 476

Нгуен Динь Тиеу 648, 649, 661

Нгуен Дык Лонг 324

- Нгуен Дык Нгинь 240, 243
 Нгуен Дык Суан 206, 214
 Нгуен За Тхиеу 629, 637
 Нгуен Зань Фыонг 83, 84, 86, 88, 93, 94
 Нгуен Зу 629, 639, 640, 661
 Нгуен Зуи Хан 553
 Нгуен Зы 641
 Нгуен Зыонг Хыиг 80, 90
 Нгуен Ким 313
 Нгуен Конг 158
 Нгуен Конг Ко 53
 Нгуен Конг Нгиа 324
 Нгуен Конг Ханг 45, 50, 52—54, 59, 72
 Нгуен Конг Чы 196, 217, 235, 248—250, 274—276, 282—264, 303, 645
 Нгуен Куанг Ньо 39, 41, 42, 44, 46
 Нгуен Куанг Бить 427, 430
 Нгуен Куанг Тиен 109
 Нгуен Куанг Тоан (Кань Тхинь) 179, 180, 182—184, 349
 Нгуен Кхак Туан 272
 Нгуен Кхак Тюен 118
 Нгуен Куанг Хиен 150
 Нгуен Куен 476, 524
 Нгуен Куи Дань 690
 Нгуен Куи Дык 38, 42—45, 50, 690
 Нгуен Куинь 504, 505
 Нгуен Куинь Лам 514
 Нгуен Кхюен 650
 Нгуен Кы 80—812, 85
 Нгуен Кы Чинь 106—110
 Нгуен Ле 100
 Нгуен Ло Чать 401, 647
 Нгуен Лы 116, 118, 121, 122, 147, 173, 174
 Нгуен Лыонг Бить 134
 Нгуен Май 536
 Нгуен Моу Тай 36—3®
 Нгуен Нгием 100
 Нгуен Ньо Туи 658
 Нгуен Ня 158
 Нгуен Няк (Тхай Няк) 116—126, 128—191, 147, 155, 166, 173—175, 177—179,
 182—184
 Нгуен Суан Куанг 481, 524
 Нгуен Суан Он 401, 402, 430, 652
 Нгуен Суан Фунг 388
 Нгуен Тан 481
 Нгуен Тан Ши 566
 Нгуен Ти Бинь 539
 Нгуен Тон Куай 634
 Нгуен Туйен 535
 Нгуен Тук Чынг 387
 Нгуен Тхань Лиём 479, 480
 Нгуен Тхань Лиёу 565
 Нгуен Тхань Хиен 551, 565

- Нгуен Тхе Тхык 694
 Нгуен Тхи Хоа 300
 Нгуен Тхи Хинь 644
 Нгуен Тхиен 168
 Нгуен Тхиен Тхуат (Тан Тхуат) 420, 427, 430, 432
 Нгуен Тхиеп 157, 158, 161, 167, 168, 183
 Нгуен Тхинь, см. Кай Ванг
 Нгуен Тхонг 147
 Нгуен Тхыонг Хиен 551
 Нгуен Тюен 80—83
 Нгуен Тхюи 535
 Нгуен Фан 95, 303
 Нгуен Фан Лонг 566
 Нгуен Фук Ань, см. Зя Лонг
 Нгуен Фук Кхоат (Во-вьонг) 92, 102, 109, 115
 Нгуен Фук Так (тюа Хиен) 61—63, 67
 Нгуен Фук Тю 64, 65, 69, 1021, 103
 Нгуен Хай Тхан 553
 Нгуен Хам (Тиеу Ла) 504—506, 514
 Нгуен Хань 235
 Нгуен Хао 383
 Нгуен Хоанг 270
 Нгуен Хыу До 383
 Нгуен Хыу Ки 473
 Нгуен Хыу Куан 181
 Нгуен Хыу Кэу (Куан Хе) 84—88, 95, 630, 634
 Нгуен Хыу Нгиа 661
 Нгуен Хыу Тиеп 473
 Нгуен Хыу Тинь 108, 111—182, 134
 Нгуен Хыу Тхан 214, 216
 Нгуен Хыу Тху 565
 Нгуен Хыу Хуан 388
 Нгуен Хыу Чи 577, 579
 Нгуен Хюи Те 519
 Нгуен Хюи Хо 644
 Нгуен Хюе (Куанг Чунг, Лонг Ньы-онг) 116, 118, 120—122, 104, 106, 128—131, 184, 135, 137, 138, 140—143, 145, 147—160, 164—168, 173—175, 177—179, 182—185, 340, 349, 634, 638, 642
 Нгуен Хюе Те 327
 Нгуен Чай 690
 Нгуен Чи Фьонг 224, 226, 207, 249, 251, 276, 277, 373, 382, 383, 396, 405
 Нгуен Чонг 82
 Нгуен Чонг Кыонг 571
 Нгуен Чунг Чык 387
 Нгуен Чьонг То 327, 371, 400, 401, 519, 646, 647
 Нгуен Шон Ха 565
 Нгуен Шуи 574
 Нгуи Кхак Туан 224—226, 229, 230, 266, 294, 346
 Нгы Хай, см. Данг Тхай Тхан
 Ницше Ф. 523
 Нонг Ван Ван 369
 Нородом 382

Обарэ Г. 386, 386, 648
Одуе 479

Па Иенг 588
Паж 381
Паскаль 520
Патенотр 418
Петр I 647, 654
Пий VI 642
Пиньо де Еэен (епископ Адранский) 103, 125, 156, 170—172, 175, 177, 340, 368, 359
По Камбау 388
Преах Срей Тхомеа 66, 67
Пья Таксин 111
Пюжинье 404

Рама III 352, 353
Ривьер А. 412, 4131, 416, 416
Риго де Женуйи 377—381
Ришелье 359, 360
Робер 322
Робертс 367, 368
Робертс Э. 372—374
Рондо Н. 325 Росс 370
Руссо Ж. Ж. 497, 523, 530, 550, 653, 654

Сарро А. 438, 443—446, 462, 466, 494, 553, 564, 558, 628
Сатха II 105
Спмони 543
Спенсер Г. 523
Сука Сеум 355
Сун (династия) 132, 153, 606, 639
Сун Шии 130—137, 140—146, 148
Сунь Ятсен 497, 510, 547, 549, 550, 562, 584, 597
Сюзанналь 479
Сюй Шихэн 141, 143, 150

Та Ван Фунг (Ле Бао Фунг) 395, 396
Та Хиен 402, 427; 430
Та Куанг Кы 363
Тан (династия) 153, 289
Тан Сюне 149, 160
Тан Тхуат, см. Нгуен Тхиен Тхуат
Танг Бат Хо 507
Тань Сытун 530
Те 89
Тиеу Ж., см. Чан Тянь Тиеу
Тиеу Ла, см. Нгуен Хам
Тихвинский С. Л. 497
То Линь 383
То Минь Фунг 500
Токай Санси 656

- Томпсон Дж. 373
 Тон Куанг Фиет 5118, 501, 550
 Тон Тхай Бат 266
 Тон Тхат Бат 229, 297
 Тон Тхат Тунг 537
 Тон Тхат Тханг 119
 Гон Тхат Тхует 383, 416, 410, 421, 424, 427, 4129—434
 Тон Тхат Тхьонг 324, 383
 Тон Тхат Хам 433
 Тонг Зуй Тан 427, 430, 433
 Тонг Фук Минь 383
 Ту Коан 562
 Ту Нгон 537
 Ту Сырнг 650, 661
 Ту Хой Суан 585
 Тует Конг 669
 Туту Лук 552
 Тхай Няк, см. Нгуен Няк
 Тхай Фиен 574
 Тхан Ван Ниеп 648
 Тхань Тхай 505
 Тхань Тхе Ви 321
 Тхиеу Чи 220, 234, 266, 272, 276, 288, 292—294, 305, 311, 321, 320, 304, 326, 335, 3411, 3146, 367, 356, 365—367, 370, 371, 689
 Тхуен Ван Хиеп 577
 Тхуен Хо Зьонг 388
 Тхук (династия) 607
 Тхьонг 481
 Тхюи Нгюет 29
 Ты Дык 2014, 225, 227, 229, 244, 251, 256, 260, 266, 267, 273, 277, 288, 293, 294, 305, 3110, 300—322, 326, 327, 341, 343, 346, 371, 380, 382—387, 394, 398—400, 402, 406, 407, 413—416, 402, 648, 660
 Тььонг Мань Тьонг 694
 Тэй Хо, см. Фан Тю Чинь
 Тэйшоны (руководители восстания) 54, 71, 77, 78, 104, 110, 112, 115—116, 138—143, 146—150, 152, 164—160, 166—168, 171—185, 187, 190, 193, 197, 206, 207, 217, 237, 240—242, 261, 268, 271, 273, 336, 341, 348—350, 365, 358, 367, 622, 636, 638, 639, 640
 Тю Ван Тиен 1124
 Тю Динь Тхонг 346
 Тю Зань Хо 296, 300, 304
 Тю Тхы Донг 536
 Тюет 146
 Тюрго 377
 Тяо Ану 350—353
 Тяо Ной 350, 351, 359
 Тяо Са Винь (Анурут) 354
- У Дацин 134, 146
 У Саньгуй 37
 Уайт Дж. 315, 331, 372
- Фам Ван Донг 388

- Фам Ван Тхан 174
 Фам Данг Хынг 210, 214
 Фам Динь Зат 148
 Фам Динь Тян 148
 Фам Динь Чонг 87
 Фам Као Тям 536
 Фам Конг Тхе 73
 Фам Конг Чы 31, 30, 34—38, 40, 47, 50, 151
 Фам Куинь 520, 567, 558
 Фам Нгок Фунг 134
 Фам Нгуен Зу 633
 Фам Тхай 635, 638
 Фам Фу Тхы 410
 Фам Хыу Нят 348
 Фам Чи Данг 281
 Фан Ба Бань 217, 230, 230—235, 247
 Фан Бой Тяу 498—515, 518—520, 501, 527, 531, 536—538, 545—547, 550, 551—563,
 568, 569, 570, 573, 576, 578, 579, 655, 656, 661
 Фан Ван Лан 131, 136, 144
 Фан Динь Фунг 433—436, 498 504, 538, 652
 Фан Ле Фиен 98
 Фан Нгу 388
 Фан Сить Лонг (Фан Фат Шань) 563, 577, 579—681
 Фан Там 388
 Фан Тонг 388
 Фан Туан Фонг 524
 Фан Тхань Зян 204, 296, 327, 383—387, 398
 Фан Тхань Тай 574
 Фан Тхук Зюен 536
 Фан Тю Чинь (Тэй Хо) 490—504, 509, 512, 515—525, 527, 508, 630, 531, 535, 536,
 545, 656
 Фан Фат Шань, см. Фан Сить Лонг
 Фан Хыу Нги 383
 Фан Хюи Ить 149, 158, 161. 183
 Фан Хюи Ле 296
 Фан Хюи Тхык 215
 Фан Хюи Тю 56, 340, 601, 602, 630, 634, 654
 Ферри Ж. 416, 400
 Фовен-Левек 365
 Форест 580
 Форсан де 359
 Фрезол 592
 Фуканань 149—161
 Фома Аквинский 610
 Фунг Кхак Кхоан 690
 Фэн Юлань 606

 Ха Ван Мао 431
 Ха Зуи Фиен 219, 205, 207, 242, 255, 293, 294, 366
 Хай Нам 541, 542
 Хай Шон 541
 Хам Нги 419, 424, 406, 427, 429, 430, 432, 434

- Хань (династия) 132, 163, 289, 607
 Хау 586
 Хиен, см. Нгуен Фук Так
 Хиеп Хоа 416
 Хинь 537
 Хо Куанг Дай 67
 Хо Куи Ли 166
 Хо Суан Хьонг 609, 635, 636
 Хо Та Танг 565
 Хо Фи Фук 116
 Хо Ши Мин 503, 562
 Хо Ши Туан 383
 Хо Шо Ки 303
 Хоа Банг 154, 521
 Хоан Ван Нгок 472
 Хоан Куй Лан 417
 Хоан Чонг Мау 571
 Хоанг Ван Лить 315
 Хоанг Зиеу 383, 410, 413
 Хоанг Као Кхай 062
 Хоанг Ким Банг 475
 Хоанг Конг Ки 87
 Хоанг Конг Тоан 89
 Хоанг Конг Тят 87—89, 93, 90, 99
 Хоанг Куанг 636
 Хоанг Куе Тхань 296
 Хоанг Кюинь 215, 286
 Хоанг Минь Зьонг 540
 Хоанг Нгу Фук 98, 95, 120
 Хоанг Та Вьем 410, 443, 416, 418, 426, 430
 Хоанг Танг Би 476, 565
 Хоанг Тяу Ки 658
 Хоанг Фук Ко 95
 Хоанг Хоа Тхам, см. Де Тхам
 Хон Куан 388
 Хонг Тап 398
 Хья Тао 533
 Хью Фьонг, см. До Тхань Ньон
 Хюен Кхе 448
 Хюинь Тхук Кханг 521, 530, 535
- Цай Тиньлань 328
 Цза Тин 117, 119
 Цзен Цзицзе 415
 Цин (династия) 31, 33—35, 37, 40, 42, 52, 63, 65, 97, 98, 162, 342, 343, 347
 Цинь (династия) 280
 Цяньлун 132—136, 130, 144, 148—164, 165, 336
- Чакри 126
 Чан (династия) 600, 601
 Чан Ван Ви 386
 Чан Ван Зяу 549, 567

- Чан Ван Ки 158
 Чан Ван Гуан 294
 Чан Ван Чунг 263, 266, 383
 Чан Вьет Хыонг 324
 Чан Данг Туен 32, 34, 35, 37
 Чан Динь Тук 383
 Чан Зай Тхуи 475
 Чан Као Ван 535, 574
 Чан Ки Фонг 535
 Чан Куанг Зиеу 180, 182—184
 Чан Куй 314
 Чан Куй Кап 524, 535
 Чан Суан Соан 427
 Чан Тан Бинь 525
 Чан Ту Зинь 324
 Чан Тхи Лан 473
 Чан Тянь Тиеу (Жильбер Тиеу) 509, 510, 512, 579, 580
 Чан Фыонг Бинь 166
 Чан Хыу Лык 560, 571
 Чан Хюи Лиеу 386, 497, 506, 518, 577
 Чан Чи 538
 Чан Чинь Чать 472, 566
 Чанг Тан 407—4091
 Чанг Хуен, см. Чжан Сюн
 Чапмен Ч. 165, 166
 Чей Четта IV 63
 Чей Четта V 105
 Чжан Идун 180, 134, 141
 Чжан Сюн (Чанг Хуен) 556
 Чжу Си 621, 623
 Чиеу (династия) 607
 Чиеу Фук 412
 Чинь (правители севера) 26—34, 36, 37, 40, 42, 44, 45, 47, 51, 52, 58—63, 67, 68, 73—75, 80, 82—86, 90—92, 95—97, 90, 103, 404, 108, 110, 116, 118—100, 127, 121, 130—132, 147, 151, 167, 168, 161, 163—168, 185, 208, 243, 244, 267, 268—270, 305, 324, 612, 618, 619, 620, 621, 630, 641, 642, 644, 659
 Чинь Бонг 184
 Чинь Ван Дат, см. Чинь Ван Кан
 Чинь Ван Кан (Чинь Ван Дат) 583, 584, 586
 Чинь Дак 82
 Чинь Зоань 75—79, 88—85, 86—98, 101, 108
 Чинь Зянг 58, 71—75, 78, 79
 Чинь Кан 30, 38—44, 46, 53
 Чинь Куан 52, 54, 59
 Чинь Кхай 108
 Чинь Кыонг 30, 36, 38, 39, 42—46, 48—56, 58, 59, 72—74, 76, 77, 79, 98, 101, 637
 Чинь Ле 184
 Чинь Нгок Ту 683
 Чинь Так 30—32, 35—38, 40, 41, 43—46, 53, 62, 73, 629
 Чинь Хиен 505
 Чинь Хоай Дык 244, 246, 340, 341, 634
 Чинь Шам 92, 98, 97—100, 120, 123

Чынг 607
 Чыонг Ван Бен 472, 479
 Чыонг Ван Да 125
 Чыонг Ван Минь 246, 2'8'3
 Чыонг Ван Уиен 284
 Чыонг Ван Хань 140
 Чыонг Винь Ки 647
 Чыонг Данг Куэ 249, 204—227, 284, 286, 294, 366, 383, 398
 Чыонг Динь 387, 388, 588, 652
 Чыонг Куанг Дан 415, 418, 422
 Чыонг Куанг Тху 408
 Чыонг Куен 388
 Чыонг Куок Зунг 383
 Чыонг Минь Зянг 224
 Чыонг Сыонг Тых 298
 Чыонг Тинь 186, 502
 Чыонг Фук Лоан 140—112, 118
 Чыонг Хоань 533
 Чыонг Хью Ки 524
 Чьеу Ок 417
 Чэн Конг Дан 357

Шарне 381, 382, 384, 385
 Шасиньо Э. 561
 Шасселу-Лоба 385
 Шеньо (Нгуен Ван Тханг) 183, 358, 359, 391, 362
 Шеньо Э. 362
 Шон Суан Хоан 475
 Шоффле 542

Энгельс Ф. 17, 23, 80, 487
 Этьен 458

Юань (династия) 289, 643

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Австрия 380
 Азия 40, 322, 326, 3219, 336, 337, 360, 373 403, 438, 455, 463, 496, 498, 502, 510, 512, 514, 537, 546, 547, 587, 597, 643
 Азия Юго-Восточная 16, 17, 20, 43, 102, 134, 171, 172, 323, 324, 327, 337, 364, 372, 377, 385, 455, 507, 547, 559, 561, 575, 636, 643
 Алжир 430
 Амдонг 540
 Америка (США) 316, 322, 371—373, 446, 587, 565
 Амой 377
 Ангкор 634
 Англия (Великобритания) 216, 322, 327, 336, 387, 338, 368, 369, 361—364, 366—372, 376, 377, 379, 381, 403, 559, 560, 570, 647
 Анзянг 249, 251, 267, 276, 387
 Анкуанг 48
 Анкхе 117

- Анкхыонг 298
 Аннам см. Чунгки
 Аннгай 312
 Анхоа 480
 Аньлон 91
 Аулак 607
 Африка 377
 Аютя 30
- Бадинь 431, 430
 Байшэй 422, 431, 432
 Бакзянг 486, 540, 541, 585, 593, 652
 Баккан 468, 585
 Бакки (Бакбо, Бакха, Тонкин, Северный Вьетнам) 20, 24, 30, 74, 75, 80—83, 85, 87, 127—131, 194, 137, 139, 145, 148—150, 154, 155, 155, 160—162, 164, 165, 167, 169, 174, 177, 181, 182, 184, 235, 238, 239, 242, 260, 251, 298, 310, 313, 318, 323, 330, 379, 393, 394, 396, 397, 401, 404—407, 409—419, 414, 416—421, 423, 427—490, 430, 493, 438, 441, 443, 445, 447—452, 455, 459—461, 463—466, 468—472, 475, 482, 489, 499, 494, 507, 517, 524, 531, 537, 539, 545, 548, 551, 552, 569, 565, 566, 571—573, 575, 576, 588, 584, 586—588, 591—598, 596, 597, 607, 624, 662
 Бакле 540, 590
 Баклиеу 478, 565, 581
 Бакнинь (Киньбак) 49, 81, 82, 86, 98, 192, 148, 184, 232, 287—239, 250, 251, 262, 295, 297, 300, 308, 311, 395, 396, 406, 411, 416—416, 421, 431, 436, 482, 525, 528, 688
 Бактхань см. Ханой Бактхань, р-н 167, 200, 205, 200, 231—235, 243—246, 261—269, 275, 281, 298, 362
 Бакха см. Бакки
 Балат 455
 Бангкок 325, 351, 352, 559, 560, 578, 582
 Бангкуе 543
 Баншон 296, 300
 Баолак 198
 Бариа 121, 382, 463, 464, 576
 Басак 109, 390
 Батавия (Джакарта) 177, 324, 323, 365, 645
 Бато 535
 Батчанг 308, 911, 314, 324, 478, 482, 498, 494
 Батьда 542
 Бенгалия 166
 Бендонгшо 463
 Бентхюи 470
 Бенче 388, 579, 581
 Биенхоа 17, 63, 174, 178, 251, 265, 267, 276, 298, 315, 382, 384, 387, 463, 464, 469, 487, 493, 577, 581
 Бинглиеу 589
 Биньдинь — см. Куиньон
 Бинькханг 119, 178
 Биньзи 346
 Биньлы 345
 Биньтхуан 64, 118, 119, 122, 177—179, 181, 369, 463, 527, 624
 Биньшон 534
 Бирма 109, 216, 335, 337, 338, 349, 351, 356, 361, 369

- Бода 87
Бомбей 471
Бонгмиеу 470
Бонгшон 117, 594
Босит 596
Ботинь 62, 68, 104, 108
Бошон 222
Буйтю 327
Буттхап 668—671, 679, 681—685
- Вамко, р. 382
Вандон 348
Ванлам 478
Ванли 592
Ваннам 594
Ваннин 347
Вантыонг см. Вьентьян
Ванфук 484
Ватикан 642, 643
Великобритания см. Англия
Винь 459, 470, 489, 492, 536, 537, 625
Виньиен 477, 642, 571, 572, 585
Винькен 543
Виньлонг 260, 251, 265, 267, 084, 286, 287, 382, 388, 390, 564, 579, 580
Виньтхань 276
Виньтхинь 308
Виньтэ, р. 251
Виньфук 84, 489
Вихоанг см. Намдинь
Возянг 148
Воса 104
Вукуанг 434
Вунглям 329
Вьентьян (Вантыонг) 99, 155, 156, 181, 183, 335, 349, 350—354, 452
Вьетбак 303, 468, 588
Вьетчи 469, 489
- Германия 403, 556, 558, 563, 569, 580, 585, 604
Гоконг 387, 388
Голландия 322, 328, 370, 373
Голландская Индия см. Индонезия
Гомить 312
Гонконг 327, 378, 379, 401, 403, 404, 410, 474, 515, 552, 578, 580, 591
Гуандун 133, 149, 161, 153, 164, 323, 325, 341, 347, 348, 411, 414, 549
Гуанси 133, 149, 151, 169, 154, 165, 341, 348, 397, 411, 415, 417, 422, 615, 571, 586
Гуанчжоу 133, 510, 574
Гуанчжоувань 438, 452
- Да, р. 88, 89, 429, 430, 433
Дайлинь 346
Дайлок 533
Дайтьем 326

- Дайфунг 308
 Далат 465, 473
 Дальний Восток 171;, 315, 364, 373 376, 439, 455, 506, 547, 548, 556, 558—560, 562, 563, 575, 580, 587, 636
 Дамдинь 248
 Дананг (Туран, Хойан) 70, 166, 172, 262, 320, 325, 326, 329, 330, 3591, 360, 362, 365, 366, 368, 369, 374, 377—381, 396, 438, 450, 455, 459, 489, 534, 537
 Дангнгоай 23, 30—32, 34, 36, 38, 44—46, 49, 51, 58—62, 65, 67—70, 72, 79, 75, 77—79, 89, 91, 93, 96—99, 103, 104, 106, 108, 110, 111, 115, 118, 120, 127, 191, 208, 319, 613
 Дангчаунг 30, 34, 45, 58, 60—70, 74, 77, 92, 102—106, 108—111, 113—116, 118, 119, 191, 193, 208, 257, 300, 318, 613, 659
 Дандоло 596
 Данфьонг 484
 Дапкау 469, 489
 Даптяу 540
 Даумау 184
 Деоба 590
 Джакарта см. Батавия
 Диенбан 533
 Диньбанг 671, 672, 685
 Диньтхонг 240, 382
 Диньтхонг 256, 265, 267, 276, 286, 315, 384
 Донгбак 588
 Донгда (см. Кхьонгтхьонг)
 Донгданг 541
 Донгзинь 350
 Донгкуанг 588
 Донгнай 319, 330, 381, 487
 Донгтхань 131
 Донгтхапмыой 388
 Донгтхьонг 589
 Донгфо 105
 Донгхи 296
 Донгхо 694, 695
 Донгхой 181
 Донгчи 1199
 Донгчиеу 297, 409, 428
 Донден 541
 Дотю р. 346
 Дошон 85, 86
 Дыктхо 478, 493
 Дьен 130
 Дьенбьенфу 589, 590
- Европа 68, 70, 176, 177, 323, 327, 329 333, 399, 370, 372, 380, 385, 441, 468, 502, 556, 558, 559, 567, 568, 571, 575, 587, 604, 630, 642, 643, 647, 648, 654
 Египет 656
- Жынгче 540
- Заотхюи 248
 Зиань р. 119, 127, 142, 165, 184

- Зиенкхань 119, 179, 180
 Зитьвонг 309
 Зуисуен 325
 Зьонган 312
 Зюингсуен 300
 Зя 477
 Зядинь 60, 64, 66, 70, 81, 82, 109, 111, 112, 119, 121—126, 129, 130, 137, 152, 155, 156, 170—174, 177—182, 200, 205, 206, 208, 211, 212, 216, 218—220, 222, 223, 251, 254, 267, 268, 273, 274, 276, 277, 284, 2816, 287, 308, 309, 317, 319, 330, 356, 368, 372, 382, ᠊84, 387, 388, 463, 577, 579, 581
 Зялам 237, 314
 Зянгуен 296
- Иенбай 473, 588, 593—595
 Иенбинь 468
 Иензюет 144
 Иенкуанг см. Куангиен
 Иенланг 300
 Иенле 543
 Иенло 542
 Иенсон 312
 Иентай 87
 Иентхай 311
 Иентхе 95, 141, 148, 311, 431, 436, 505, 539, 540, 542—544, 650
 Иеншо 312, 436, 671
 Индия 19, 26, 171, 322, 324, 327, 337, 338, 359, 441, 455, 507, 514, 560, 607, 665
 Индийский океан 324
 Индокитай 102, 156, 385, 336, 349, 359, 368, 371, 376, 391, 390, 403, 468, 439, 442—444, 447, 448, 454, 456, 457—464, 466—471, 474, 476, 491, 507, 514, 515, 518, 528, 537, 543, 547, 548, 553—563, 567, 570, 571, 573, 580, 583, 584, 587, 588, 592, 598, 597, 396
 Индонезия (Голландская Индия) 30, 63, 70, 237, 3221, 303, 327, 387, 555
 Ирландия 656
 Испания 327, 373, 377, 384, 385, 339, 411, 604
 Италия 78
- Кайбау 467, 486, 590, 591, 596
 Кайкинь 539, 662
 Кало, р. 542
 Калькутта 175, 325, 365, 367
 Камау, п-ов 66, 388, 390
 Камбоджа 22, 24, 26, 30, 43, 62—66, 102, 103, 105, 108—111, 124—126, 155, 178, 202, 218, 220, 336, 337, 349, 354—358, 382, 385, 438, 441, 447, 450—452, 454, 458, 462, 463, 475, 479, 488, 548, 554, 560, 579, 630, 634, 665
 Камерун 575
 Камло 350, 352, 353, 424
 Кампонг—Сом 65
 Кампот 65
 Камфа 490, 593
 Кантон 404, 515, 548, 552, 560
 Кантхо 564
 Каоай 590

- Каобанг 34, 37, 40, 49, 99, 133, 134, 165, 200, 267, 295, 297, 298, 414, 480, 468, 553, 588, 595, 596, 601
- Катба 85, 410
- Катчу 464
- Кешо 464
- Киенан 477, 565, 567
- Киензянг 126
- Килыа 165
- Кимань 541
- Кимбанг 586
- Кимзянг 27
- Кимлаунг 63
- Кимшон 249
- Киньбак см. Бакнинь
- Китай (Поднебесная) 26, 28, 33, 51, 63, 70, 78, 89, 119, 132, 133, 136, 136, 148—164, 164—167, 171, 175, 202, 232, 298, 303, 304, 312, 321—323, 326, 327, 329, 330, 336, 338, 340—348, 355, 362, 363, 365, 368—370, 376—378, 380, 381, 389, 392, 397, 403—406, 411, 412, 414, 415, 416—420, 4127, 430, 432, 449, 452, 455, 459, 468, 474, 496, 497, 507, 510, 513, 515, 519, 525, 526, 547—553, 555, 560, 561, 570—573, 579, 581, 583, 584, 586, 589, 597, 598, 604—610, 630, 634, 639, 641, 643, 653, 665, 668
- Кобан 308
- Кокот, о-в 170
- Кокхе 494
- Колоа 407
- Конлон, о-в (Пулокондор) 172, 178, 251, 358, 369, 382, 384, 390, 523, 535, 536
- Контум 464
- Корея 344, 507, 514, 630, 641
- Кохинхина см. Намки
- Красная, р. (р. Хонг) 17, 20, 34, 75, 77, 80, 82, 86, 95, 120, 127, 128, 136, 141, 144, 146, 164, 319, 322, 331, 397, 404—406, 414, 430, 456, 465, 474, 538, 539, 571, 678
- Куангбинь 64, 104, 174, 242, 246, 253, 261, 293, 396, 429, 435, 465, 536, 574
- Куангдинь 271
- Куангдык 245, 278
- Куангиен (Иенкуанг) 86, 127, 217; 249, 231, 275, 347, 348, 410, 414, 416, 456, 590, 593, 595, 596
- Куангнам 104, 112, 114, 117, 119, 120, 123, 127, 190, 136, 150, 179, 180, 181, 188, 223, 266, 267, 268, 271, 295—297, 300, 301, 310, 312, 318, 319, 322, 330, 332, 368, 463—465, 470, 475, 478, 480, 485, 499, 501, 505, 527, 531—535, 537, 538, 574, 624
- Куангнгай 64, 104, 111, 117—110, 130, 178—181, 183, 235, 236, 271, 409, 463—465, 475, 478, 501, 521, 527, 531, 534, 535, 638, 574
- Куангнинь 48
- Куангчи 174, 161, 242, 271, 272, 298, 424, 464, 465, 535, 573
- Куангчиеу 296
- Куезыонг 484
- Куиньлыу 131
- Куиньон (Биньдинь, Тхинай) 64, 104, 105, 110, 111, 115—120, 122, 123, 125, 126, 130, 1131, 147, 166, 174, 177—184, 217, 218, 225, 254, 255, 260, 271, 272, 287—294, 301, 311, 314, 316, 319, 332, 398, 406, 409, 455, 463, 470, 475, 477, 479, 481, 484, 498, 538, 534, 624, 625
- Куихоп 155
- Кулаотян, о-в 358
- Кухуан 181

- Кхайхуа 346
 Кхале 222
 Кханьхоа 251
 Кхилок 479
 Кхоайтяу 87
 Кхонге 451, 452
 Кхыонгтхыонг (Донгда) 141—144
- Лай 542
 Лайтяу 88, 588—590
 Лакхе 311, 477, 479, 482, 484
 Лакхоан 351
 Лам б. 373
 Ламшон 668, 688, 689
 Ланг 543
 Ланггу 308
 Лангзай 590, 591
 Лангзянг 141, 148
 Лангкхит 468, 585, 596
 Лангтянь 912
 Лангшон 134, 135, 165, 231, 295, 297, 298, 414, 417, 419, 420, 430, 458, 468, 524, 553, 590, 591, 594
 Ланьфа 590
 Лаогат 487
 Лаокай 397, 411, 414, 430, 459, 573, 588, 594
 Лаос 43, 88, 89, 155, 184, 337, 435, 438, 443, 447, 450—452, 454, 458, 458, 462, 463, 488, 537, 648, 554 555, 560, 582, 589, 590
 Лапти 512
 Лезыонг Э25
 Лиеучанг 78
 Лимож 457
 Лиссабон 643
 Ло, р. 430
 Ловек 66
 Локнинь 463
 Лонгсеуен 174, 477, 565, 577
 Лонгчиеу 552
 Лондон 365, 370, 464
 Лондонг 85
 Лотхыонг 298
 Лоха 298
 Луангпрабанг 99, 335, 344, 349, 351, 353—355, 451, 452
 Лукнам 588, 593
 Луктинь 325
 Лунгшон 296, 300
 Люкдау, р. 141
 Люкзон 543
 Люкиентяу 397
- Ма р. 88
 Мадрас 367
 Мадрид 377

- Майло 589
 Макао 166, 177, 302, 431, 432, 552
 Макса 240, 241
 Малаккский п-ов 30
 Малайя 322, 328, 387, 329
 Манила 560
 Маньтхиен 99
 Марсель 474
 Меконг, р. 36 39, 62—64, 70, 102, 103, 109, 121, 124, 127, 165, 173, 175, 319, 330, 349, 362, 384, 474, 487, 555, 590
 Мексика 385
 Мечи 309
 Митхо 109, 125, 126, 175, 308, 309 319, 382, 384, 387, 388, 390, 391, 458, 480, 487, 509, 564, 576, 577
 Моктяу 88
 Монгкай 468, 571, 673, 588, 591
 Мотхо 541
 Мочанг 540
 Мочать 81
 Муинь 565
 Мукма 165
 Мукнамкуан 133
 Мыонгтхань (Дьенбьен) 88
 Мэнчай 345
- Нальюнг 541
 Намдан 498
 Намдинь (Вихоанг) 80, 128, 131, 230, 235, 248—250, 263, 254, 256, 267, 275, 308, 320, 398, 405, 406, 413, 416, 421, 4122, 430, 478, 489, 492, 525, 527, 566, 593, 624
 Намдонг 144
 Намки (Кохинхина, Намбо, Южный Вьетнам) 30, 59, 70, 121, 122, 125, 148, 155, 156, 161, 165, 166, 170—174, 177, 179, 181, 226—227, 249—251, 253, 256, 276, 280, 310, 313, 325—327, 340, 361, 376, 378—382, 384, 386—392, 399, 403—406, 410, 411, 438, 440, 441, 443, 447, 4418, 452, 454, 455, 469, 462, 463, 465, 466, 469—472, 474, 475, 479, 4811, 487, 489, 491—493, 505, 507, 512, 5114, 539, 545, 548—551, 558, 563, 566, 573, 575—583, 597, 621, 624, 636, 661
 Намкуан (Чаннамкуан) 145, 146
 Намли 541
 Намти 504
 Намтъен 296
 Намфо 300
 Наннинь 165, 552
 Нанси 484
 Нгеан 34—36, 38, 42, 49, 53, 57, 75, 77, 80, 88, 92, 128, 130, 131, 107—140, 148, 155, И 58, 163, 167, а 68, 182—1184, 211, 212, 214, 216, 217, 224—226, 235, 246, 247, 261, 267, 269—271, 278, 280, 281, 288, 295, 315, 320, 327, 346, 350, 351, 353, 364, 396, 401, 407, 408, 430, 433—436, 443, 461, 464, 465, 481, 485, 489, 498, 499, 501, 505, 527, 533, 536—538, 545, 024
 Нгокбой 84
 Нгоккуан 374
 Нгоклау 91, 92
 Нгокхой 106, 140—144

- Нгуэтао 161
 Нгуеткует 140
 Ниньбьен 355
 Ниньбинь 239, 249, 263, 284, 311, 406, 408, 422, 433, 464, 478, 493, 494, 565, 573
 Нинься 83, 85
 Нобан 309
 Новая Каледония 491
 Нонгконг 433
 Нонгшон 297, 470
 Ноонгхет 86
 Нуитшон 586
 Нуйфао 586
 Нуонг Синг 555
 Нхонан 312
 Нхоннгай 3112
 Нянам 541, 544
 Нянмам 543
 Няншон 296
 Няттао 140
 Нячанг 319, 626
- Онлау 592
- Пандуранга 64
 Парасельский архипелаг (Хоангша) 329, 348
 Париж 171, 365, 384, 474, 610, 691
 Пеам 65, 66
 Пегу 30
 Пекин 161, 341, 342, 344, 411, 414, 556, 639
 Пномпень 109, 356
 Пондишери 359
 Португалия 123, 322, 323, 327, 358, 371
 Пулокондор о-в см. Конлон
- Ратьгам 126
 Ратьзя 66, 125, 388, 478, 487, 493, 565, 581
 Реюньон, о-в 575
 Россия 507, 512, 598, 647
 Рюкю 344, 630
- Саваннакет 452
 Сайгон 60, 63, 123, 124, 174, 175, 178, 192, 309, 310, 315, 318, 323, 329—331, 333, 372, 375, 378, 379, 381, 382, 384, 387—390, 392, 403, 404, 406, 407, 410, 412, 441, 443, 448, 464, 455, 457—459, 463, 465, 469, 471, 475, 479, 480, 481, 486, 487, 489, 492, 509, 548, 555, 565, 566, 577—579, 581, 582, 595, 624, 627, 647, 679
 Самнеа 500
 Северный Вьетнам см. Банки
 Севр 457
 Сиам (Таиланд) 62, 65, 66, 70, 102, 109, 124, 125, 156, 170, 173, 175, 178, 206, 273, 321—323, 327, 329, 335—337, 344, 348—357, 364, 368, 369, 371, 375, 401, 410, 434, 435, 537, 548, 555, 569, 560, 569, 573, 581.
 Сиамский зал. 103, 170, 171, 178

- Сиенкуанг (Чаннинь) 39, 42, 88, 92, 93, 99, 165, 184, 336, 351—356
Сингапур 328—327, 337, 336, 365, 374, 379, 547, 578
Соаймут 106
Спратли о-в (Чьонгша) 348
Средиземное море 562
Средняя Азия 652
СССР 606
Суандай 325
Суанкань 310
Суанлай 542
США см. Америка
Сянган 553, 583
- Тайвань 419
Таиланд см. Сиам
Тайлыонг 312
Танкуан 180
Талунг 560, 573
Тамдао 83, 88, 541—543, 585
Тамдьеп 135, 140
Тамки 533
Тамфонглонг 109
Танан 387, 388, 478, 579
Тандао 593
Танкуан 329
Таннхуань 468
Танхоа 387
Татке 552
Тафин 589
Тезинь 468
Текхе 541
Телон 308—310, 319, 331, 333, 381, 387, 388, 390, 469, 479, 487, 489, 492, 494, 509, 548, 566, 577, 579, 581, 582
Теобо 468
Тиенхай 249, 275
Тинтук 468, 595
Тиньюен 84
Тихий океан 369, 370
Тишон 296, 300
Токио 508—511, 514, 515
Толить, р. 144
Тонгкыу 381
Тонгтинь 296, 298, 304
Тонкин см. Банки
Тонкинский залив (Бакбо) 410, 429, 555
Тонле-Сап оз. 634
Тоху 544
Туенкуанг 84, 127, 134, 148, 152, 231, 295, 297, 298, 346, 396, 414, 418, 419, 468, 485, 571, 588
Тунгхинг 552
Тулон 403
Тулонг 127, 231, 304

- Туран см. Дананг
 Тхайбинь 87, 405, 430, 477, 478, 480, 481, 489, 493, 553, 565, 567
 Тхайнгуен 84, 132—134, 464, 221, 231, 262, 295—298, 298, 300, 417, 418, 436, 468, 491, 540, 572, 583—589
 Тханг 130
 Тхангбинь 533
 Тханлонг см. Ханой
 Тханкхе 87
 Тхань р. 131
 Тханькуан 644
 Тханьлам 541
 Тханьлан 87
 Тханьмой 468
 Тханьмой 591
 Тханха 319, 330
 Тханьхоа 34—38, 41, 42, 48, 49, 53, 57, 73, 75, 77, 80, 88, 90—92, 128, 138—140, 157, 163, 163, 211, 210, 214, 216, 217, 231, 235, 253, 261, 262, 267, 269, 270, 276, 280, 281, 288, 295, 297, 298, 316, 408, 430—434, 445, 465, 478, 489, 494, 530, 535, 624, 625, 668, 685, 686, 686, 693
 Тханьчи 565
 Тхао, р. 88, 89
 Тхатшон 579
 Тхатътан 160
 Тхиенчао 248, 311
 Тхикау, р. 135
 Тхинай см. Куиньон
 Тхинай зал. 178, 160, 183
 Тхокак 494
 Тхоха 493
 Тхуанан 416, 419, 422
 Тхуантхан 64
 Тхуанхоа 70, 142—144, 128, 140, 206, 226, 268, 270, 328
 Тхубон 300
 Тхузаумот 463, 464, 487, 577
 Тхуиса 335
 Тхункау 543
 Тхьатхиен 242, 250, 272, 293, 318, 319, 330, 398, 465, 533, 537, 565, 625
 Тхьонг р. 86
 Тхьонгфук 241
 Тыльем 240
 Тьендан 295, 485
 Тьенкиеу 295, 485
 Тьентя п-ов 377
 Тьеутан 345
 Тього 540, 542—544
 Тьозиен 468
 Тьофонг 540
 Тьямпа 65, 116, 641
 Тэйбак 87—89, 588
 Тэйвук 374
 Тэининь 249, 382, 388, 463, 467
 Тэйшон 116

Тюивиен 147, 148
 Тюкюйен 671
 Тяндинь 248
 Тяньцзинь 414
 Тяудок 477, 487, 564, 565, 579
 Удонг 67, 105
 Уминь 388

Файфо 166, 323
 Фанме 585
 Фанранг 60, 64, 463
 Фанри 565
 Фантхиет 463, 475, 464, 493, 527, 565
 Фаошон 83
 Фатзием 494
 Фаттить 668, 670
 Фачжоу 419
 Фиенан 216, 286
 Филиппины 322, 323, 327, 337, 377, 607, 514, 555, 561
 Фонгмиеу 296
 Фонгмиеутхыонг 297
 Фонгтху 345
 Фонсьонг 437, 538
 Фохиен 330
 Фочать 312

Франция (Французская Республика) 123, 125, 170—173, 221, 251, 321—324, 327, 335, 340, 358—363, 365, 367, 368, 370, 371, 373, 376—378, 380—387, 389, 391, 393—397, 400, 403, 404, 406, 407, 410—412, 414—416, 418—420, 422, 423, 430, 437—430, 443, 444, 446, 440, 450, 452—455, 458, 461, 462, 466, 468, 474, 480, 499, 501, 503, 508, 511, 514—519, 520, 523, 524, 536, 544, 548, 551, 554—558, 560—564, 567, 569—572, 574, 580, 580, 587, 5190, 604, 656

Фубинь 205
 Фуванг 300
 Фуиен 109—112, 119—121, 124, 179, 180, 271, 288, 318, 365, 373, 463
 Фукиен 128, 407, 477, 493, 533, 540—543, 571, 572, 585, 593
 Фуккуан 484
 Фукуок, о-в 65, 66, 124
 Фукфу 295
 Фулангтхыонг 458, 586, 590, 594
 Фули 117, 234, 405, 464
 Фуло 542
 Фульонг 296
 Фунгтхиен 270
 Фуной 295
 Фунхуан 463
 Фунян 535
 Фуонгса 308
 Фусуан см. Хюэ
 Фусуен 142
 Футхо 82, 464, 489, 572, 588
 Фуфонг 470
 Фуцзянь 66, 109, 133

- Фучжоу 377
 Фыокхаи 565
 Фыонглам 478
 Фыонгнян 141
 Фыонгчунг 308
- Хабак 694
 Хавок 590
 Хадонг 160, 301, 308, 309, 311, 314, 421, 464, 477, 482, 484, 493, 525, 552, 565, 566, 571, 572, 576
 Хазянг 573, 588
 Хайдык 405, 484
 Хайзыонг 49, 78, 80—83, 85, 86, 88, 132, 141, 146, 148, 231—234, 238, 247, 249, 250, 251, 263, 267, 270, 284, 300, 396, 405, 410, 420, 421, 430, 432, 473, 489, 492, 525, 586, 592—594, 602
 Хайнинь 588
 Хайфон 406, 407, 409, 412, 420, 421, 432, 443, 450, 455, 456, 459, 469, 473, 479, 486, 489, 492, 555, 565, 591, 593—595, 679
 Хайхынг 330
 Ханой 142, 143
 Халонг зал. 410, 415
 Хамлон 541
 Ханам 477, 624
 Ханой (Тханглонг) 30, 34, 35, 41, 53, 74, 82, 83, 86—88, 90, 95, 99, 104, 128, 129, 131—137, 139—143, 145, 146, 149, 151, 157, 158, 165, 183, 184, 192, 203, 218, 223, 229, 239, 242, 267, 270, 308—311, 314, 317—319, 322, 328—330, 343, 396, 398, 404, 406, 407, 409, 412—414, 416, 417, 420, 422, 431, 432, 436, 438, 443, 450, 455, 459, 465, 469, 473, 475, 477—479, 486, 489, 492, 493, 509, 524, 527, 531, 536—539, 541, 555, 557, 565, 566, 571, 572, 576, 582, 584, 590, 593—595, 627, 608, 668, 677, 678, 685, 693, 694, 695
 Ханькоу 404
 Хатиен 65, 66, 70, 102—104, 109, 111, 178, 249, 261, 267, 276, 354, 301
 Хатинь 161, 224—226, 401, 407, 408, 429, 430, 433, 434, 435, 461, 465, 469, 499, 501, 506, 527, 533, 535—538, 545
 Хату 594
 Хатэй 142
 Хатяу 540
 Хачи 308 Хетам 319
 Хиенлыонг 542
 Хоабинь 234, 464, 571, 572
 Хоайан 70, 262, 319
 Хоайдык 311, 416
 Хоангша см. Парасельский архипелаг
 Хоаса 335
 Хоашан 165
 Хойан см. Дананг
 Хойнгуен 295
 Хокмон 388
 Хокхау 311
 Хонг, р. см. Красная
 Хонгай 409, 415, 467, 486, 489
 Хонглюк 78
 Хохиен 319

Хунглинь 431, 432
 Хынгиен 234, 238, 405, 430, 432, 477, 507, 526
 Хынгиуен 327
 Хынгшон 431
 Хынгхоа 88, 91, 92, 98, 99, 152, 163, 183, 221, 231, 295, 297, 298, 345, 355, 367, 411, 414, 418, 421, 422, 427, 430, 484, 571, 572
 Хыонгшон 433, 586
 Хыунюе 436
 Хэцзянь 65
 Хюэ (Фусуан) 30, 63, 64, 69, 104, 110, 115, 119, 120, 127, 128, 129, 134, 137, 138, 149, 161, 186, 167, 174, 175, 178—180, 182—184, 200, 203, 210, 217, 229, 256, 275, 276, 284, 288, 293, 309, 310, 315, 318—320, 323, 328, 329, 330, 340, 343, 353, 355, 358, 359, 361, 367, 368, 378, 380—382, 384, 404, 405, 407, 416—419, 424—426, 461, 459, 470, 498, 535, 536, 565, 573, 574, 624, 625, 627, 661, 673, 674, 675, 676, 688

Центральный Вьетнам см. Чунгки

Чавинь 388, 563, 565
 Чалу 235
 Чакхук 180
 Чанбиен 66, 121, 122
 Чангза 468
 Чанминь 390
 Чаннамкуан см. Намкуан
 Чаяниий см. Сиенкуанг 42
 Чантхыонг 542
 Чатьлам 683, 684
 Чашон 322, 366, 367, 370, 374
 Чжэцзянь 109
 Чинькао 92, 165
 Чифу 377
 Чуккхе 180
 Чунг 436
 Чунгки (Центральный Вьетнам, Аннам) 24, 60, 67, 116, 117, 124, 126, 127, 130, 137, 164, 169, 177, 179—181, 184, 185, 201, 234—236, 239, 240, 243, 246, 247, 250, 261, 265, 268, 271, 274, 278, 279, 282, 288, 295, 310, 313, 330, 341, 379, 393, 394, 401, 406, 408, 409, 418, 427, 428, 429, 438, 441, 443, 445, 447—452, 455, 459—464, 466, 470, 471, 472, 474, 481, 489, 493, 494, 498, 503, 521, 530—539, 545, 546, 548, 551, 568, 575, 584, 597, 602, 624, 626, 661
 Чунглам 478
 Чунгшон 312
 Чыонгша о-в см. о-в Спратли
 Чэнтэй 357

Шадек 388, 487, 564, 576, 577, 579, 581
 Шанхай 559, 560, 571
 Шау 477
 Шонг 477
 Шонгван 410
 Шонгдау 543
 Шонкуа 541
 Шоннам 35, 41, 49, 74, 80, 82, 86—88, 93, 127, 128, 132, 167, 231, 232, 235, 262, 270
 Шоннамтхыонг 241

- Шоннамха 241
 Шонтэй 41, 49, 80, 82—84, 86, 91, 128, 132, 134, 141, 146, 164, 221, 231, 232, 234,
 238—240, 253, 2621, 270, 295, 297, 303, 398., 406, 407, 411, 416—418, 422, 427, 430, 432,
 434, 464, 489, 525, 571, 572, 671
 Шонха 536
 Шуйда 325
 Шуонгень 590
- Экс-ан-Прованс 592
- Южная Америка 491
 Южный Вьетнам см. Намки
 Юннань 87, 89, 133, 134, 345, 346, 404, 407, 411, 415, 493, 515, 560, 571, 572, 595
- Ява 43, 57, 323
 Янцзы 609
 Япония 28, 56, 63, 70, 166, 323, 326, 329, 338, 468, 474, 496, 500, 503, 506—515, 519,
 520, 525, 528—530, 535, 546, 548, 550, 651, 556, 560, 561, 579, 583, 584, 653, 654

НОВАЯ ИСТОРИЯ ВЬЕТНАМА

*Утверждено к печати
 Институтом востоковедения
 Академии наук СССР*

Редактор *В. Н. Цюзаджян*
 Младший редактор *С. П. Какачикашвили*
 Художник *Э. Л. Эрман*
 Художественный редактор *Б. Л. Резников*
 Технический редактор *М. В. Погоскина*
 Корректоры *Л. И. Письман* и *Д. В. Шандер*
 ИБ № 13921

Сдано в набор 14.09.79. Подписано к печати 24.03.80. А-01767. Формат 60X90 1/16.
 Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. л. 45. Уч.-изд. л.
 50,73. Тираж 3750 экз. Изд. № 4555. Тип. зак. 623. Цена 5 р. 30 к.

Главная редакция восточной литературы
 издательства «Наука»
 Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
 Москва Б-143, Открытое шоссе, 28